This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

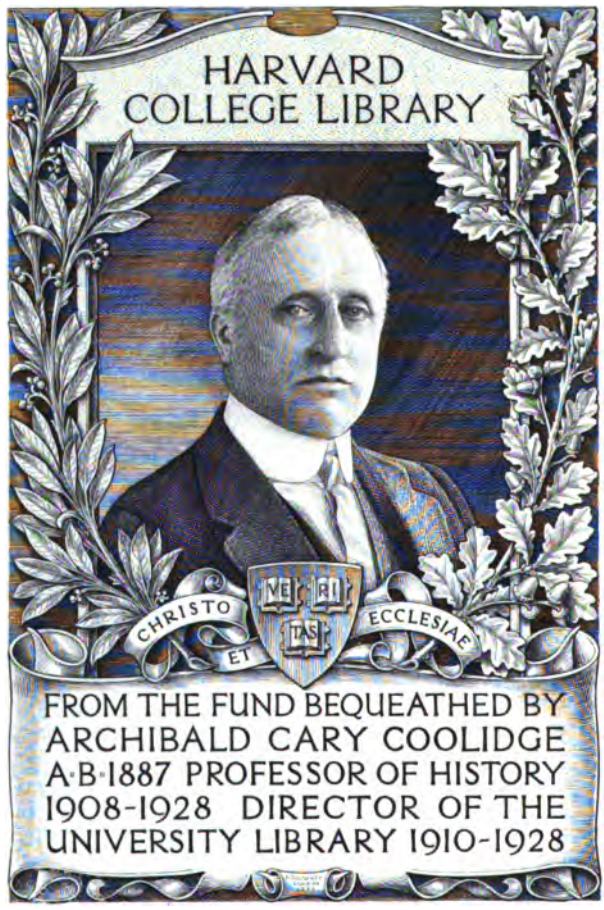
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 605.10


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

P Slav 605.10

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

МАЙ.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. домъ.
1894.

P Slav 605.10

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

МАЙ.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. домъ.
1894.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ. (Изъ путевыхъ записокъ). *Продолженіе.*—А. П. Чехова. . . . . .

II. ВЫДАЮЩАЯСЯ ЖЕНЩИНА. (Повѣсть). *Окончаніе.*— Е. Ардова. 3

III. МУЧЕНІЯ СОВѢСТИ. Разсказъ А. Стриндберга. Переводъ М. Н. Р. 6

IV. МЕЖДУ ДВУХЪ СМУТНЫХЪ ИДЕАЛОВЪ. (Повѣсть). *Продолженіе.*—А. Лугового. 8

V. НЕДОРАЗУМѢНІЕ. Романъ В. Д. Гоузльса. Переводъ съ англійскаго В. М. С. *Продолженіе.* 12

VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—К. Д. Бальмонта. 15

VII. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Продолженіе* 15

VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Д. С. Мережковскаго. 20

IX. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНІЕ ПОЛОЖЕНІЯ РАБОЧИХЪ НА ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.—В. И. Семевскаго. . . . .

X. А. П. ЧЕХОВЪ. (Опытъ литературной характеристики).—В. А. Гольцева. 3

XI. АНТУАНЪ-ЛОРАНЪ ЛАВУАЗЬЕ.—И. А. Каблукова. 1

XII. РЕФОРМА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ДРАМѢ XVIII ВѢКА. *Окончаніе.*—И. И. Иванова . . . . . (

XIII. ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII И XIX СТОЛѢТІЙ. *Продолженіе.*—П. Н. Милюкова . . . . . 1(

Въ редакцію „РУССКОЙ МЫСЛИ“ постоянно поступаютъ заявленія иногородныхъ подписчиковъ о высылкѣ имъ разныхъ книгъ и журналовъ. Всѣ эти порученія приходилось передавать въ книжные магазины, что нерѣдко возбуждало неправильность и замедленіе въ доставкѣ. Для устраненія этого неудобства редакція „РУССКОЙ МЫСЛИ“ рѣшила открыть при конторѣ изданія собственный книжный магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ, съ пріемомъ подписки на всѣ газеты и журналы.

О времени открытія магазина будетъ объявлено въ газетахъ, а пріемъ подписки на всѣ газеты и журналы по цѣнамъ редакцій открывается съ 20 марта сего года.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

Генрикъ Сенкевичъ:

„ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ“.

Переводъ **В. М. Лаврова.**

Письма изъ Африки.—Письмо изъ Рима.—Письмо изъ Венеціи.—Нерви.

Цѣна **1** р. **50** к., съ пересылкой **1** р. **80** к.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“

(*Русская Мысль*, кн.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ МЫСЛЬ»:

Григорій Мачтетъ:

Силуэты. (Новые повѣсти и разсказы). Томъ второй. (Въ тундрѣ и въ тайгѣ.—Заклятый козакъ.—Жидъ.—Бѣлая панна.—Хамелеонъ.—Пессимистка.—Холера.—Добрый волкъ). Цѣна 1 руб. 50 к., съ пересылкой 1 руб. 80 коп.

Профессоръ М. С. Корелинъ:

Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ 1: Египетскіе боги. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна 50 коп.

Складъ изданій въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

ГЕНРИКЪ СЕНКЕВИЧЪ:

„ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ“.

Та третья.—Янко музыкантъ.—Поѣздка въ Аѳины.—Старый слуга.—Ганя.—Фонарщикъ на маякѣ.—Бартекъ Побѣдитель.—Пойдемъ за нимъ!

Въ переводѣ **В. М. Лаврова**, съ предисловіемъ **В. А. Гольцева.**

Цѣна **1 р. 50 к.**, съ пересылкою **1 р. 80 к.**

Складъ изданія въ конторѣ журнала *Русская Мысль* (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„ВЪ ПОЛЬЗУ ВОСКРЕСНЫХЪ ШКОЛЪ".

«Знаніе и народное богатство» *А. И. Чупрова.*—«Два воспитанія *В. О. Ключевскаго.*—«Т. Н. Грановскій» *П. Г. Виноградова.*—«Са Giojosa» *М. С. Корелина.*—«Оригинальный поэтъ XVIII вѣка» *И. Иванова.*—«Золотые сны» *Д. Н. Мамина.*—«Васенька» *И. Н. Потапенка.* — Два стихотворенія *К. Д. Бальмонта.* — «Деревенскіе очерки *Х. Д. Альчевской.*—«Докторъ» *Н. Нижальскаго.*—«Присмотрѣлся» *А. Ажрова.*—«Попытка государственной реформы при воцареніи императр. Анны Іоанновны» *П. Н. Милюкова.*—Стихотвореніе *Н. М. Минскаго.*

Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль».

Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала «Русская Мысль» (Леонтьевскій пер., 21).

Отъ конторы журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ».

Вслѣдствіе соглашенія съ конторой *Энциклопедическаго Словаря* гг. Ефрона и Брокгауза, подписчики *Русской Мысли,* по писывающіеся въ главной конторѣ (Москва, Леонтьевскій, 21) *Словарь* (НА ВСЕ ИЗДАНІЕ ЕГО, НАЧИНАЯ СЪ 1-го ПОЛУТОМА пользуются уступкой въ размѣрѣ 10% съ номинальной подписн цѣны выпусковъ *Словаря*; почему подписчики *Русской Мысл* желающіе при подпискѣ на *Словарь* воспользоваться означенн уступкой, благоволятъ АДРЕСОВАТЬ СВОИ ПОДПИСНЫЯ ТРЕБ ВАНІЯ НА «СЛОВАРЬ» ВЪ КОНТОРУ «РУССКОЙ МЫСЛИ», пр чемъ порядокъ доставки и высылки книгъ *Словаря*, а равно обл чительныя условія разсрочки платежей остаются въ силѣ и д подписывающихся на *Словарь* чрезъ посредство конторы *Русск Мысли.*

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА V.

МОСКВА.

1894.

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ. (Изъ путевыхъ записокъ). *Продолженіе.*—А. П. Чехова. 1

II. ВЫДАЮЩАЯСЯ ЖЕНЩИНА. (Повѣсть). *Окончаніе.*——Е. Ардова. 31

III. МУЧЕНІЯ СОВѢСТИ. Разсказъ А. Стриндберга. Переводъ М. Н. Р. 65

IV. МЕЖДУ ДВУХЪ СМУТНЫХЪ ИДЕАЛОВЪ. (Повѣсть). *Продолженіе.*—А. Лугового. 81

V. НЕДОРАЗУМѢНІЕ. Романъ В. Д. Гоузльса. Переводъ съ англійскаго В. М. С. *Продолженіе.* 122

VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—К. Д. Бальмонта. 155

VII. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Продолженіе* 156

VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Д. С. Мережковскаго 204

IX. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНІЕ ПОЛОЖЕНІЯ РАБОЧИХЪ НА ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.—В. И. Семевскаго 1

X. А. П. ЧЕХОВЪ. (Опытъ литературной характеристики).—В. А. Гольцева 39

АНТУАНЪ-ЛОРАНЪ ЛАВУАЗЬЕ.—И. А. Каблукова. 53

I. РЕФОРМА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ДРАМѢ XVIII ВѢКА. *Окончаніе.*—И. И. Иванова 69

I. ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII—XIX СТОЛѢТІЙ. *Продолженіе.*—П. Н. Милюкова. 105

Стр

XIV. МОРАЛЬ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ. *Продолженіе.* — И. Н. К—ной 13

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Помолвка Наслѣдника Цесаревича.—Учрежденіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. — Новыя вѣдомства, входящія въ составъ министерства.—Его отличительныя особенности и условія для его вліянія на народное хозяйство.— Центральный кустарный комитетъ и его задачи.—Государственная 4%-ная рента.—Комиссія для пересмотра судебныхъ уставовъ. — Открытіе въ Гельсингфорсѣ памятника Императору Александру II 16

XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Ивановова . . 18

XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ 20

XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: *Первая муха*, ком. В. Л. Величко. — III выставка картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ. — II выставка картинъ московскихъ художниковъ.—XXII передвижная выставка картинъ.—Съѣздъ художниковъ и любителей художествъ.—Ан. 21

XIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Критика и публицистика.—Исторія литературы и біографіи.—Путешествія. — Искусство. — Политическая экономія и статистика.—Сельское хозяйство.— Медицина.— Учебники.— Книги для народнаго чтенія. II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *апрѣль*.— «Русское Богатство», *мартъ*.—«Землевѣдѣніе», *кн. I.* — «Книговѣдѣніе», *кн. I—IV.* III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1894 г. 2

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ *).

(Изъ путевыхъ записокъ).

XIV.

Тарайка.—Вольные поселенцы.—Ихъ неудачи.—Айно, границы ихъ распространенія, численный составъ, наружность, пища, одежда, жилища, ихъ нравы.—Японцы.—Кусунъ-Котанъ.—Японское консульство.

Въ мѣстности, которая называется Тарайкою, на одномъ изъ самыхъ южныхъ притоковъ Поронная, впадающаго въ заливъ Терпѣнія, находится селеніе *Сиска*. Вся Тарайка причисляется къ южному округу, разумѣется, съ большою натяжкой, такъ какъ отъ нея до Корсаковска будетъ верстъ 400 и климатъ здѣсь отвратительный, хуже, чѣмъ въ Дуэ. Тотъ проектированный округъ, о которомъ я говорилъ въ X главѣ, будетъ называться Тарайкинскимъ и въ него войдутъ всѣ селенія по Пороннаю, въ томъ числѣ и Сиска, пока же здѣсь селятъ южанъ. Въ казенной вѣдомости показано жителей только 7: 6 м. и 1 ж. Въ Сискѣ я не былъ; но вотъ выдержка изъ чужого дневника: «Какъ селеніе, такъ и мѣстность самая безотрадная; прежде всего, отсутствіе хорошей воды, дровъ; жители пользуются изъ колодцевъ, въ которыхъ во время дождей вода красная, тундровая. Берегъ, гдѣ расположено селеніе, песчаный, вокругъ вездѣ тундра... Въ общемъ вся мѣстность производитъ тяжелое, удручающее впечатлѣніе» **).

---

*) *Русская Мысль*, кн. III.

) Селеніе стоитъ на перепутьи; ѣдущіе зимою изъ Александровска въ Корсаковскъ или наоборотъ, непремѣнно останавливаются здѣсь. Въ 1869 г. около того времени, тогда японскаго селенія былъ построенъ станокъ. Жили здѣсь солдаты съ женами, а позднѣе и ссыльные. Въ теченіе зимы, весны и конца лѣта тутъ кипѣла бойкая ярмарочная жизнь. Зимою наѣзжали сюда тунгусы, якуты, амурскіе гиляки, которые вели торговлю съ южанами-инородцами, а весною и въ концѣ лѣта на шлюпкахъ приходили японцы для рыбныхъ промысловъ. Названіе станка—*Тихмэнскій посты*—сохранилось и до настоящаго времени.

Теперь, чтобы покончить съ Южнымъ Сахалиномъ, остается мнѣ сказать нѣсколько словъ еще о тѣхъ людяхъ, которые жили когда-либо здѣсь и теперь живутъ независимо отъ ссыльной колоніи. Начну съ попытокъ къ вольной колонизаціи. Въ 1868 г. одною изъ канцелярій Восточной Сибири было рѣшено поселить на югѣ Сахалина до 25 семействъ; при этомъ имѣлись въ виду крестьяне свободнаго состоянія, переселенцы, уже селившіеся по Амуру, но такъ неудачно, что устройство ихъ поселеній одинъ изъ авторовъ называетъ плачевнымъ, а ихъ самихъ горемыками. Это были хохлы, уроженцы Черниговской губ., которые раньше, до прихода на Амуръ, уже селились въ Тобольской губ., но тоже неудачно. Администрація, предлагавшая имъ переселиться на Сахалинъ, давала обѣщанія въ высшей степени заманчивыя. Обѣщали безвозмездно въ теченіе двухъ лѣтъ довольствовать ихъ мукой и крупой, снабдить каждую семью заимообразно земледѣльческими орудіями, скотомъ, сѣменами и деньгами, съ уплатою долга черезъ пять лѣтъ, и освободить ихъ на 20 лѣтъ отъ податей и рекрутской повинности. Переселиться изъявили желаніе 10 амурскихъ семействъ и, кромѣ того, 11 семействъ изъ Балаганскаго уѣзда, Иркутской губ., всего 101 душа. Въ 1869 г., въ августѣ, ихъ отправили на транспортѣ *Манджуръ* въ Муравьевскій постъ, чтобы отсюда перевезти вокругъ Анивскаго мыса Охотскимъ моремъ въ постъ Найбучи, отъ котораго до Такойской долины, гдѣ предполагалось положить начало вольной колоніи, было только 30 верстъ. Но наступила уже осень, свободнаго судна не было, и тотъ же *Манджуръ* доставилъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ скарбомъ въ Корсаковскій постъ, откуда они разсчитывали пробраться въ Такойскую долину сухимъ путемъ. Дороги тогда не было вовсе. Прапорщикъ Дьяконовъ, по выраженію Мицуля, «двинулся» съ 15 рядовыми дѣлать неширокую просѣку. Но двигался онъ, вѣроятно, очень медленно, потому что 16 семействъ не стали дожидаться окончанія просѣки и отправились въ Такойскую долину прямо черезъ тайгу на вьючныхъ волахъ и телѣгахъ; на пути выпалъ глубокій снѣгъ, и они должны были часть телѣгъ бросить, а часть положить на полозья. Прибывши въ долину 20 ноября, они немедленно стали строить себѣ бараки и землянки, чтобъ укрыться отъ холода. За недѣлю до Рождества пришли остальныя 6 семействъ, но помѣститься имъ было негдѣ, строиться поздно, и они отправились искать пристанища въ Найбучи, оттуда въ Кусуннайскій постъ, гдѣ и перезимовали въ солдатскихъ казармахъ; весною же вернулись въ Такойскую долину.

«Но тутъ-то и начала сказываться вся неряшливость и неумѣлость чиновничества», — пишетъ одинъ изъ авторовъ. Обѣщали разныхъ хозяйственныхъ предметовъ на 1,000 рублей и по 4 головы разнаго скота на каждую семью, но когда отправляли переселенцевъ на *Манджуръ* изъ Николаевска, то не было ни жернововъ, ни рабочихъ воловъ, лошадямъ не нашлось мѣста на суднѣ, и сохи оказались безъ сошниковъ. Зимою сошники были привезены на собакахъ, но только 9 штукъ, и когда впослѣдствіи переселенцы обратились къ начальству за сошниками, то просьба ихъ «не обратила на себя должнаго вниманія». Быковъ прислали осенью 1869 г. въ Кусуннай, но изнуренныхъ, полуживыхъ, и въ Кусуннаѣ вовсе не было заготовлено сѣна, и изъ 41 околѣло за зиму 25 быковъ. Лошади остались зимовать въ Николаевскѣ, но такъ какъ кормы были дороги, то ихъ продали съ аукціона, а на вырученныя деньги купили новыхъ въ Забайкальи, но эти лошади оказались хуже прежнихъ и крестьяне забраковали нѣсколькихъ. Сѣмена отличались дурною всхожестью, яровая рожь была перемѣшана въ мѣшкахъ съ озимою, такъ что хозяева потеряли скоро къ сѣменамъ всякое довѣріе и хотя и брали ихъ изъ казны, но скармливали скоту или съѣдали сами. Такъ какъ жернововъ не было, то зеренъ не мололи, а только запаривали ихъ и ѣли, какъ кашу.

Послѣ ряда неурожаевъ, въ 1875 г. случилось наводненіе, которое окончательно отняло у переселенцевъ охоту заниматься на Сахалинѣ сельскимъ хозяйствомъ. Стали опять переселяться. На берегу Аннвы, почти на полдорогѣ отъ Корсаковскаго поста къ Муравьевскому, въ такъ называемый Чибисани образовался выселокъ въ 20 дворовъ. Потомъ стали просить позволенія переселиться въ Южно-Уссурійскій край; ожидали они разрѣшенія, какъ особой милости, съ нетерпѣніемъ, десять лѣтъ, а пока кормились охотой на соболя и рыбною ловлей. Только лишь въ 1886 г. они отбыли въ Уссурійскій край. «Дома свои бросаютъ,—пишетъ корреспондентъ,—ѣдутъ съ весьма тощими карманами; берутъ кое-какой скарбъ, да по одной лошади» (*Владивостокъ* 1886 г., № 22). Въ настоящее время между селеніями Большое и Малое Такоэ, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, находится пожарище; тутъ стояло когда-то вольное селеніе Воскресенское; избы, оставленныя хозяевами, были сожжены бродягами. Въ Чибисани же, говорятъ, до сихъ поръ еще сохранились въ цѣлости избы, часовни и даже домъ, въ которомъ помѣщалась школа. Я тамъ не былъ.

Изъ вольныхъ поселенцевъ осталось на островѣ только трое: Хр[illegible]овъ, о которомъ я уже упоминалъ, и двѣ женщины, родившія-

ся въ Чибисани. Про Хомутова говорятъ, что онъ «шатается гдѣ-то и живетъ, кажется, въ Муравьевскомъ посту. Его рѣдко видать Онъ охотится на соболей и ловитъ въ бухтѣ Буссе осетровъ. Что касается женщинъ, то одна изъ нихъ, Софья, замужемъ за крестьяниномъ изъ ссыльныхъ Барановскимъ и живетъ въ Мицульк другая, Анисья, за поселенцемъ Леоновымъ, живетъ въ Третьей Пад Хомутовъ скоро умретъ, Софья и Анисья уѣдутъ съ мужьями на материкъ, и такимъ образомъ о вольныхъ поселенцахъ скоро оста нется одно только воспоминаніе.

И такъ, вольную колонизацію на югѣ Сахалина слѣдуетъ при знать неудавшеюся. Виноваты ли въ этомъ естественныя условія которыя на первыхъ же порахъ встрѣтили крестьянъ такъ суров и недружелюбно, или же все дѣло испортили нерѣшительность и нерѣш ливость чиновниковъ, рѣшить трудно, такъ какъ опытъ былъ не продолжителенъ, и, къ тому же, еще приходилось производить экспе риментъ надъ людьми, повидимому, неусидчивыми, пріобрѣвшими въ своихъ долгихъ скитаніяхъ по Сибири вкусъ къ кочевой жизни. Трудно сказать, къ чему бы привелъ опытъ, еслибъ онъ былъ повторенъ *). Собственно для ссыльной колоніи неудавшійся опытъ пока можетъ быть поучителенъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, воль ные поселенцы сельскимъ хозяйствомъ занимались не долго и въ послѣднія десять лѣтъ до переѣзда на материкъ промышляли только рыбною ловлей и охотой; и въ настоящее время Хомутовъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, находитъ для себя болѣе подходящимъ и выгоднымъ ловить осетровъ и стрѣлять соболей, чѣмъ сѣять пшеницу и сажать капусту; во-вторыхъ, удержать на югѣ Сахали на свободнаго человѣка, когда ему изо дня въ день толкуютъ, что только въ двухъ дняхъ пути отъ Корсаковска находится теплый богатый Южно-Уссурійскій край,—удержать свободнаго человѣка если, къ тому же, онъ здоровъ и полонъ жизни, невозможно.

---

*) Этотъ опытъ касается одного только Сахалина, между тѣмъ, Д. Г. Тальберг въ своемъ очеркѣ *Ссылка на Сахалинъ* (*Вѣстникъ Европы* 1879 г., V), придаетъ ем общее значеніе и, говоря по поводу его вообще о нашей неспособности къ колонизаці приходитъ даже къ такому выводу: „не пора ли намъ отказаться отъ всякихъ коло низаціонныхъ попытокъ на Востокѣ?“ Въ своемъ примѣчаніи къ статьѣ проф. Таль берга редакція *Вѣстника Европы* говоритъ, что „мы едва ли найдемъ другой пр мѣръ колонизаторскихъ способностей, какія представилъ русскій народъ въ свое прошедшемъ, когда онъ овладѣвалъ всѣмъ европейскимъ Востокомъ и Сибирью“ при этомъ почтенная редакція ссылается на трудъ покойнаго проф. Ешевскаго, ко торый представилъ „изумительную картину русской колонизаціи“.

Въ 1869 г. нѣкій промышленникъ привезъ на югъ Сахалина съ острова Кадьяк 20 алеутовъ обоего пола для охоты на звѣря. Ихъ поселили около Муравьевска поста и выдавали имъ провизію. Но они ровно ничего не дѣлали, а только ѣл

Коренное населеніе Южнаго Сахалина, здѣшніе инородцы, на вопросъ, кто они, не называютъ ни племени, ни націи, а отвѣчаютъ просто: *айно*. Это значитъ—человѣкъ. Въ этнографической картѣ Шренка площадь распространенія айно, или айну, обозначена желтою краской, и эта краска сплошь покрываетъ японскій островъ Матсмай и южную часть Сахалина до залива Терпѣнія. Живутъ они также еще на Курильскихъ островахъ и называются поэтому у русскихъ курилами. Численный составъ айно, живущихъ на Сахалинѣ, не опредѣленъ точно, но не подлежитъ сомнѣнію, все-таки, что племя это исчезаетъ, и, притомъ, съ необыкновенною быстротой. Врачъ Добротворскій, 25 лѣтъ назадъ служившій на Южн. Сахалинѣ *), говоритъ, что было время, когда около одной лишь бухты Буссе было 8 большихъ аинскихъ селеній и число жителей въ одномъ изъ нихъ доходило до 200; около Найбы онъ видѣлъ слѣды многихъ селеній. Для своего времени онъ гадательно приводитъ три цифры, взятыя изъ разныхъ источниковъ: 2,885, 2,418 и 2,050, и послѣднюю считаетъ наиболѣе достовѣрной; по свидѣтельству одного автора, его современника, отъ Корсаковскаго поста въ обѣ стороны по берегу шли аинскія селенія. Я же около поста не засталъ уже ни одного селенія и видѣлъ нѣсколько аинскихъ юртъ только около Большого Такоэ и Сіанцы. Въ *Вѣдомости о числѣ проживающихъ инородцевъ за 1889 г. по Корсаковскому округу* численный составъ айно опредѣляется такъ: 581 мужчинъ и 569 женщинъ.

Причинами исчезанія айно Добротворскій считаетъ опустошительныя войны, будто бы происходившія когда-то на Сахалинѣ, незначительную рождаемость вслѣдствіе неплодовитости аинокъ, а главное болѣзни. У нихъ всегда наблюдались сифилисъ, цынга, бывала, вѣроятно, и оспа **).

и ними, и черезъ годъ промышленникъ увезъ ихъ на одинъ изъ Курильскихъ острововъ. Приблизительно въ то же самое время въ Корсаковскомъ посту поселили двухъ китайцевъ, политическихъ изгнанниковъ. Такъ какъ они выразили желаніе заниматься сельскимъ хозяйствомъ, то генералъ-губернаторъ Восточной Сибири приказалъ выдать каждому изъ нихъ шесть быковъ, лошадь, корову, сѣмена для посѣва и продовольствіе на два года. Но ничего этого они не получили, по неимѣнію будто бы свободныхъ запасовъ, и, въ концѣ-концовъ, ихъ отправили на материкъ. Къ вольнымъ колонизаторамъ, тоже неудачнымъ, пожалуй, можно отнести также и николаевскаго мѣщанина Семенова, маленькаго, тощенькаго человѣка, лѣтъ 40, который живетъ въ настоящее время по всему югу и старается отыскать золото.

*) Послѣ него остались двѣ серьезныя работы: *Южная часть острова Сахалина* (изъ военно-медицинскаго отчета). Изд. сиб. отд. Имп. рус. геогр. общ. 1870 г., т. I, №№ 2 и 3, и *Аинско-русскій словарь*.

**) Трудно предположить, чтобы эта болѣзнь, производившая опустошенія на Сахалинѣ и Курильскихъ островахъ, щадила бы Южн. Сахалинъ. А. Полон-

Но всѣ эти причины, обусловливающія обыкновенно хроническое вымираніе инородцевъ, не даютъ объясненія, почему айно исчезаютъ такъ быстро, почти на нашихъ глазахъ; вѣдь, въ послѣднія 25—30 лѣтъ не было ни войнъ, ни значительныхъ эпидемій, а, между тѣмъ, въ этотъ промежутокъ времени племя уменьшилось больше, чѣмъ на половину. Мнѣ кажется, вѣрнѣе будетъ предположить, что это быстрое исчезаніе, похожее на таяніе, происходитъ не отъ одного вымиранія, но также и отъ переселенія айно на сосѣдніе острова.

До занятія Южнаго Сахалина русскими, айно находились у японцевъ почти въ крѣпостной зависимости, и поработить ихъ было тѣмъ легче, что они кротки, безотвѣтны, а, главное, были голодны и не могли обходиться безъ рису *).

Занявши Южный Сахалинъ, русскіе освободили ихъ и до послѣдняго времени охраняли ихъ свободу, защищая отъ обидъ и избѣгая вмѣшиваться въ ихъ внутреннюю жизнь. Бѣглые каторжники въ 1884 году перерѣзали нѣсколько аинскихъ семействъ; разсказываютъ также, будто былъ высѣченъ розгами какой-то аинецъ-каюръ, который отказывался везти почту, и бывали покушенія на цѣломудріе аинокъ, но о подобнаго рода притѣсненіяхъ и обидахъ говорятъ какъ объ отдѣльныхъ и въ высшей степени рѣдкихъ случаяхъ. Къ сожалѣнію, русскіе вмѣстѣ со свободой не принесли рису; съ уходомъ японцевъ никто уже не ловилъ рыбы, заработки прекратились и айно стали испытывать голодъ. Кормиться, подобно гилякамъ, одною рыбой и мясомъ они уже не могли,—нуженъ былъ рисъ, и вотъ, несмотря на свое нерасположеніе къ японцамъ, побуждаемые голодомъ, начали они, какъ говорятъ, выселяться на Матсмай. Въ одной корреспонденціи (*Голосъ* 1876 г., № 16) я прочелъ, будто бы депутація отъ айно приходила въ Корсаковскій постъ и просила дать работы, или, по крайней мѣрѣ, сѣмянъ для разводки картофеля и научить ихъ воздѣлывать подъ картофель землю; въ работѣ будто бы было отказано и сѣмена картофеля обѣщали прислать, но обѣщенія не исполнили, и айно, бѣдствуя, продолжали переселяться на Матсмай. Въ другой корреспонденціи, относящейся къ 1885 г. (*Владивостокъ*, № 28), гово-

---

скій пишетъ, что юрту, въ которой случился покойникъ, айно оставляютъ и, вмѣсто нея, строютъ другую на новомъ мѣстѣ. Такой обычай, очевидно, произошелъ въ тѣ времена, когда айно въ страхѣ передъ эпидеміями покидали свои зараженныя жилища и селились на новыхъ мѣстахъ.

*) Римскому-Корсакову айно говорили: „Сизамъ спитъ, а айно работаетъ для него: рубитъ лѣсъ, ловитъ рыбу; айно не хочетъ работать—сизамъ его колотитъ".

рится тоже, что айно дѣлали какія-то заявленія, которыя, повидимому, не были уважены, и что они сильно желаютъ выбраться съ Сахалина на Матсмай.

Айно смуглы, какъ цыгане; у нихъ большія окладистыя бороды, усы и черные волосы, густые и жесткіе; глаза у нихъ темные, выразительные, кроткіе. Роста они средняго и сложенія крѣпкаго, коренастаго, черты лица крупны, грубоваты, но въ нихъ, по выраженію моряка В. Римскаго-Корсакова, нѣтъ ни монгольской приплющины, ни китайскаго узкоглазія. Находятъ, что бородатые айно очень похожи на русскихъ мужиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда айно надѣваетъ свой халатъ, вродѣ нашей чуйки, и подпоясывается, то становится похожимъ на купеческаго кучера *).

Тѣло айно покрыто темными волосами, которые на груди иногда ростутъ густо, пучками, но до мохнатости еще далеко, между тѣмъ, борода и волосатость, составляющая такую рѣдкость у дикарей, поражали путешественниковъ, которые по возвращеніи домой описывали айно, какъ мохнатыхъ. И наши козаки, въ прошломъ столѣтіи бравшіе съ нихъ ясакъ на Курильскихъ островахъ, тоже называли ихъ мохнатыми.

Айно живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ народами, у которыхъ растительность на лицѣ отличается скудостью, и немудрено поэтому, что ихъ широкія бороды ставятъ этнографовъ въ не малое затрудненіе; наука до сихъ поръ еще не отыскала для айно настоящаго мѣста въ расовой системѣ. Айно относятъ то къ монгольскому, то къ кавказскому племени; одинъ англичанинъ нашелъ даже, что это потомки евреевъ, заброшенныхъ во времена оны на японскіе острова. Въ настоящее время наиболѣе вѣроятными представляются два мнѣнія: одно, что айно принадлежатъ къ особой расѣ, населявшей нѣкогда всѣ восточно-азіатскіе острова, другое же, принадлежащее нашему Шренку, что это народъ палеазіатскій, издавна вытѣсненный монгольскими племенами съ материка Азіи на его островную окраину, и что путь этого народа изъ Азіи на острова лежалъ черезъ Корею. Во всякомъ случаѣ, айно двигались съ юга на сѣверъ, изъ тепла въ холодъ, мѣняя постоянно лучшія условія на худшія. Они не воинственны, не терпятъ насилія; покорять, порабощать или вытѣснять ихъ было не трудно. Изъ Азіи ихъ вытѣснили монголы, изъ Ниппона и Матсмая—японцы, на Сахалинѣ ги[illegible]и не пустили ихъ выше Тарайки, на Курильскихъ остро-

*) Въ книгѣ Шренка, о которой я уже говорилъ, есть таблица съ изображеніемъ ай[illegible] См. также книгу *Фр. Гельвальда*: „Естественная исторія племенъ и народовъ“, г[illegible]ѣ айно изображенъ во весь ростъ, въ халатѣ.

вахъ они встрѣтились съ козаками и, такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, очутились въ положеніи безвыходномъ. Въ настоящее время айно, обыкновенно безъ шапки, босой и въ портахъ, подсученныхъ выше колѣнъ, встрѣчаясь съ вами по дорогѣ, дѣлаетъ вамъ реверансъ и при этомъ взглядываетъ ласково, но грустно и болѣзненно, какъ неудачникъ, и какъ будто хочетъ извиниться, что борода у него выросла большая, а онъ все еще не сдѣлалъ себѣ карьеры.

Подробности объ айно см. у Шренка, Добротворскаго и А. Полонскаго *). То, что было сказано о пищѣ и одеждѣ у гиляковъ, относится и къ айно, съ тою лишь прибавкой, что недостатокъ риса, любовь къ которому айно унаслѣдовали отъ прадѣдовъ, жившихъ когда-то на южныхъ островахъ, составляетъ для нихъ серьезное лишеніе; русскаго хлѣба они не любятъ. Пища у нихъ отличается бо́льшимъ разнообразіемъ, чѣмъ у гиляковъ; кромѣ мяса и рыбы, они ѣдятъ разныя растенія, молюсковъ и то, что итальянскіе нищіе называютъ вообще frutti di mare. Ѣдятъ они понемногу, но часто, почти каждый часъ; прожорливости, свойственной всѣмъ сѣвернымъ дикарямъ, у нихъ не замѣчается. Такъ какъ грудным дѣтямъ приходится съ молока переходить прямо на рыбу и китовый жиръ, то ихъ отнимаютъ отъ груди поздно. Римскій-Корсаковъ видѣлъ, какъ аинку сосалъ ребенокъ лѣтъ трехъ, который отлично уже двигался самъ и даже имѣлъ на ременномъ поясѣ ножикъ, какъ большой. На одеждѣ и жилищахъ чувствуется сильное вліяніе юга,—не сахалинскаго, а настоящаго юга. Лѣтомъ айно ходятъ въ рубахахъ, сотканныхъ изъ травы или луба, а раньше, когда были не такъ бѣдны, носили шелковые халаты. Шапокъ они не носятъ, лѣто и всю осень до снѣга ходятъ босикомъ. Въ юртахъ у нихъ дымно и смрадно, но, все-таки, гораздо свѣтлѣе, опрятнѣе и, такъ сказать, культурнѣе, чѣмъ у гиляковъ. Около юртъ обыкновенно стоятъ сушильни съ рыбой, распространяющей далеко вокругъ промозглый, удушливый запахъ; воютъ и грызутся собаки; тутъ же иногда можно увидѣть небольшой срубъ-клѣтку, въ которомъ сидитъ молодой медвѣдь: его убьютъ и съѣдятъ зимой на такъ называемомъ медвѣжьемъ праздникѣ; я видѣлъ однажды утромъ, какъ аинская дѣвочка-подростокъ кормила медвѣдя, просовывая ему на лопаточкѣ сушеную рыбу, смоченную въ водѣ. Сами юрты сложены изъ накатника и тесу; крыша, изъ тонкихъ жердей, покрыта сухою травой. Внутри у стѣнъ тянутся нары, выше ихъ по́лки съ

*) Изслѣдованіе А. Полонскаго *Курилы* напечатано въ *Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общества* 1871 г., томъ IV.

разной утварью; тутъ, кромѣ шкуръ, пузырей съ жиромъ, сѣтей, посуды и проч., вы найдете корзины, циновки и даже музыкальный инструментъ. На нарѣ обыкновенно сидитъ хозяинъ и, не переставая, курить трубочку, и если вы задаете ему вопросы, то отвѣчаетъ неохотно и коротко, хотя и вѣжливо. Посреди юрты стоитъ очагъ, на которомъ горятъ дрова; дымъ уходитъ черезъ отверстіе въ крышѣ. Надъ огнемъ виситъ на крюкѣ большой черный котелъ; въ немъ кипитъ уха, сѣрая, пѣнистая, которую, я думаю, европеецъ не сталъ бы ѣсть ни за какія деньги. Около котла сидятъ чудовища. Насколько солидны и благообразны айно-мужчины, настолько непривлекательны ихъ жены и матери. Наружность аинскихъ женщинъ авторы называютъ безобразной и даже отвратительной. Цвѣтъ смугло-желтый, пергаментный, глаза узкіе, черты крупныя, невьющіеся жесткіе волосы висятъ черезъ лицо пàтлами, точно солома на старомъ сараѣ, платье неопрятное, безобразное, и при всемъ томъ—необыкновенная худощавость и старческое выраженіе. Замужнія красятъ себѣ губы во что-то синее и отъ этого лица ихъ совершенно утрачиваютъ образъ и подобіе человѣческіе, и когда мнѣ приходилось видѣть ихъ и наблюдать ту серьезность, почти суровость, съ какою онѣ мѣшаютъ ложками въ котлахъ и снимаютъ грязную пѣну, то мнѣ казалось, что я вижу настоящихъ вѣдьмъ. Но дѣвочки и дѣвушки не производятъ такого отталкивающаго впечатлѣнія *).

Айно никогда не умываются, ложатся спать не раздѣваясь.

Почти всѣ, писавшіе объ айно, отзывались объ ихъ нравахъ съ самой хорошей стороны. Общій голосъ таковъ, что это народъ кроткій, скромный, добродушный, довѣрчивый, сообщительный,

---

*) Н. В. Буссе, рѣдко отзывавшійся о комъ-нибудь милостиво, между прочимъ, такъ аттестуетъ аинокъ: „Вечеромъ пришелъ ко мнѣ пьяный аинъ, извѣстный мнѣ, какъ большой пьяница. Онъ привелъ съ собою свою жену, и, сколько я могъ понять, съ цѣлью пожертвовать вѣрностью ея супружескому ложу и тѣмъ выманить у меня хорошіе подарки. Аинка, довольно красивая собою, казалось, готова была помочь своему мужу, но я подавалъ видъ, что не понимаю ихъ объясненій... Выйдя изъ дому моего, мужъ и жена безъ церемоніи передъ моимъ окошкомъ и въ виду часоваго отдали долгъ природѣ. Вообще аинка эта не показывала большого женскаго стыда. Груди ея почти не были закрыты ничѣмъ. Аинки носятъ такое же платье, какъ и мужчины, т.-е. нѣсколько распашныхъ короткихъ халатовъ, низко перепоясанныхъ кушакомъ. Рубашекъ и нижняго платья онѣ не имѣютъ и потому малѣйшій безпорядокъ въ ихъ платьѣ выказываетъ всѣ скрытыя прелести“. Но даже и этотъ суровый авторъ признается, что „между молодыми дѣвушками были нѣкоторыя довольно хорошенькія, съ пріятными и мягкими чертами лица и съ пылкими черными глазами“. Какъ бы то ни было, аинка сильно отстала въ физическомъ развитіи; она старится и блекнетъ раньше мужчины. Быть можетъ, это слѣдуетъ приписать тому, что во время вѣковыхъ скитаній народа львиная доля лишеній, тяжкаго труда и [illegible] выпала женщинѣ.

вѣжливый, уважающій собственность, на охотѣ смѣлый и, по выраженію д-ра Rollen'а, спутника Лаперуза, даже интеллигентный. Безкорыстіе, откровенность, вѣра въ дружбу и щедрость составляютъ ихъ обычныя качества. Они правдивы и не терпятъ обмановъ. Крузенштернъ пришелъ отъ нихъ въ совершенный восторгъ; перечисливъ ихъ прекрасныя душевныя качества, онъ заключаетъ: «Такія подлинно рѣдкія качества, коими обязаны они не возвышенному образованію, но одной только природѣ, возбудили во мнѣ то чувствованіе, что я народъ сей почитаю лучшимъ изъ всѣхъ прочихъ, которые донынѣ мнѣ извѣстны» *). А Рудановскій пишетъ: «Болѣе мирнаго и скромнаго населенія, какое мы встрѣтили въ южной части Сахалина, быть не можетъ». Всякое насиліе возбуждаетъ въ нихъ отвращеніе и ужасъ. А. Полонскій разсказываетъ слѣдующій печальный эпизодъ, почерпнутый имъ изъ архивовъ. Дѣло происходило давно, въ прошломъ столѣтіи. Козацкому сотнику Черному, приводившему курильскихъ айно въ русское подданство, вздумалось наказать нѣкоторыхъ розгами: «При одномъ видѣ приготовленій къ наказанію айно пришли въ ужасъ, а когда двумъ женщинамъ стали вязать руки назадъ, чтобы удобнѣе расправиться съ ними, нѣкоторые изъ айно убѣжали на неприступный утесъ, а одинъ айно съ 20 женщинами и дѣтьми ушелъ на байдарѣ въ море... Не успѣвшихъ убѣжать женщинъ высѣкли, а мужчинъ шесть человѣкъ взяли съ собою на байдары, а чтобы воспрепятствовать побѣгу, имъ связали руки назадъ, но такъ не милостиво, что одинъ изъ нихъ умеръ. Когда его распухшаго и какъ будто съ обваренными руками бросили съ камнемъ въ море, Черный въ назиданіе прочимъ его товарищамъ проговорилъ: «У насъ по-русски такъ водится».

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ японцахъ, играющихъ такую видную роль въ исторіи Южнаго Сахалина. Извѣстно, что южная треть Сахалина принадлежитъ безусловно Россіи лишь съ 1875 года, раньше же ее относили къ японскимъ владѣніямъ. Въ *Руководствѣ къ практической навигаціи и мореходной астрономіи* кн. Е. Голицына 1854 г.,—въ книгѣ, которою

*) Вотъ эти качества: „При посѣщеніи нашемъ одного аинскаго жилища на берегу зал. Румянцева, примѣтилъ я въ семействѣ онаго, состоявшемъ изъ 10 человѣкъ, счастливѣйшее согласіе, или, почти можно сказать, совершенное между сочленами его равенство. Находившись нѣсколько часовъ въ ономъ, не могли мы никакъ узнать главы семейства. Старѣйшіе не изъявляли противъ молодыхъ никакихъ знаковъ повелительства. При одѣленіи ихъ подарками не показалъ никто ни малѣйшаго вида неудовольствія, что ему досталось меньше, нежели другому. Наперерывъ оказывали намъ всякаго рода услуги".

моряки пользуются до сегодня,—къ Японіи отнесенъ даже Сѣверный Сахалинъ съ мысами Маріи и Елизаветы. Многіе, въ томъ числѣ Невельской, сомнѣвались, что Южный Сахалинъ принадлежалъ Японіи, да и сами японцы, повидимому, не были увѣрены въ этомъ до тѣхъ поръ, пока русскіе страннымъ поведеніемъ не внушили имъ, что Южный Сахалинъ въ самомъ дѣлѣ японская земля. Впервые японцы появились на югѣ Сахалина лишь въ началѣ этого столѣтія, но не раньше. Въ 1853 г. Н. В. Буссе записалъ свой разговоръ со стариками айно, которые помнили время независимости своей и говорили: «Сахалинъ—земля аиновъ, японской земли на Сахалинѣ нѣтъ». Въ 1806 г., въ годъ подвиговъ Хвостова, на берегу Анивы было только одно японское селеніе и постройки въ немъ всѣ были изъ новыхъ досокъ, такъ что было очевидно, что японцы поселились тутъ очень недавно. Крузенштернъ былъ въ Анивѣ въ апрѣлѣ, когда шла сельдь и отъ необычайнаго множества рыбы, китовъ и тюленей вода, казалось, кипѣла, между тѣмъ, сѣтей и неводовъ у японцевъ не было и они черпали рыбу ведрами, и, значитъ, о богатыхъ рыбныхъ ловляхъ, которыя были поставлены на такую широкую ногу впослѣдствіи, тогда и помину не было. По всей вѣроятности, эти первые японскіе колонисты были бѣглые преступники, или же побывавшіе на чужой землѣ и за это изгнанные изъ отечества.

Въ началѣ же этого столѣтія впервые обратила вниманіе на Сахалинъ и наша дипломатія. Посолъ Резановъ, уполномоченный заключить торговый союзъ съ Японіей, долженъ былъ также еще «пріобрѣсти островъ Сахалинъ, независимый ни отъ китайцевъ, ни отъ японцевъ». Велъ онъ себя крайне безтактно. «Въ разсужденіи нетерпимости японцами христіанской вѣры», онъ запретилъ экипажу креститься и приказалъ отобрать у всѣхъ безъ изъятія кресты, образа, молитвенники и «все, что только изображаетъ христіанство и имѣетъ на себѣ крестное знаменіе». Если вѣрить Крузенштерну, то Резанову на аудіенціи было отказано даже въ стулѣ, не позволили ему имѣть при себѣ шпагу и «въ разсужденіи нетерпимости» онъ былъ даже безъ обуви. И это — посолъ, русскій вельможа! Кажется, трудно меньше проявить достоинства. Потерпѣвши полное фіаско, Резановъ захотѣлъ мстить японцамъ. Онъ приказалъ морскому офицеру Хвостову попугать сахалинскихъ японцевъ, и приказъ этотъ былъ отданъ не совсѣмъ въ обычномъ порядкѣ, какъ-то криво: въ запечатанномъ конвертѣ, съ непремѣннымъ условіемъ вскрыть и прочитать лишь по прибытіи на мѣсто *).

* Хвостовъ разгромилъ на берегу Анивы японскіе дома и сараи и наградилъ одного японскаго старшину серебряною медалью на владимірской лентѣ. Этотъ раз-

И такъ, Резановъ и Хвостовъ первые признали, что Южный Сахалинъ принадлежитъ японцамъ. Но японцы не заняли своихъ новыхъ владѣній, а лишь послали землемѣра Маміа-Ринзо изслѣдовать, что это за островъ. Вообще, во всей этой сахалинской исторіи японцы, люди ловкіе, подчижные и хитрые, вели себя какъ-то нерѣшительно и вяло, что можно объяснить только тѣмъ, что у нихъ было такъ же мало увѣренности въ своемъ правѣ, какъ и у русскихъ.

Повидимому, у японцевъ послѣ того, какъ они познакомились съ островомъ, возникла мысль о колоніи, быть можетъ, даже сельско-хозяйственной, но попытки въ этомъ направленіи, если онѣ были, могли повести только къ разочарованію, такъ какъ работники изъ японцевъ, по словамъ инж. Лопатина, переносили съ трудомъ или вовсе не могли выносить зимы. На Сахалинъ пріѣзжали только японскіе промышленники, рѣдко съ женами, жили здѣсь, какъ на бивуакахъ, и зимовать оставалась только небольшая часть, нѣсколько десятковъ, остальные же возвращались на джонкахъ домой; они ничего не сѣяли, не держали огородовъ и рогатаго скота, а все необходимое для жизни привозили съ собой изъ Японіи. Единственное, что привлекало ихъ на Южн. Сахалинъ, была рыба; она приносила имъ большой доходъ, такъ какъ ловилась въ изобиліи, и айно, на которыхъ лежала вся тяжесть труда, обходились имъ почти даромъ. Доходъ съ промысловъ простирался сначала до 50, а потомъ до 300 тыс. рублей ежегодно, и немудрено поэтому, что хозяева-японцы носили по семи шелковыхъ халатовъ. Въ первое время японцы имѣли свои факторіи только на берегу Анивы и въ Маукѣ, и главный ихъ пунктъ находился въ пади Кусунъ-Котанъ, гдѣ теперь живетъ японскій консулъ *). Позднѣе они прорубили просѣку отъ Анивы до Такойской долины; тутъ около нынѣшняго Галкина-Враскаго находились у нихъ магазины; просѣка не заросла до настоящаго времени и называется японской. Доходили японцы и до Тарайки, гдѣ ловили періодическую рыбу въ Поронаѣ и осно-

---

бой сильно встревожилъ японское правительство и заставилъ его быть на-сторожѣ. Нѣсколько позднѣе на Курильскихъ островахъ былъ взятъ въ плѣнъ капитанъ Головинъ и его спутники, точно въ военное время. Когда потомъ матсмайскій губернаторъ отпускалъ плѣнныхъ, то торжественно объявилъ имъ: „Всѣ вы по причинѣ грабительства Хвостова были взяты, а теперь отъ охотскаго начальства присланъ объясненіе, что грабительства Хвостова были только разбойничьи поступки. Это ясно и потому о возвращеніи вашемъ объявляю".

*) Подробности у Венюкова: *Общій обзоръ постепеннаго расширенія русскихъ предѣловъ Азіи и способовъ обороны ихъ. Первый участокъ: островъ Сахалинъ. Военный Сборникъ* 1872 г., № 3.

вали селеніе Сиску. Суда ихъ доходили даже до Ныйскаго залива; то судно съ красивою оснасткой, которое Поляковъ засталъ въ 1881 году въ Тро, было японское.

Сахалинъ интересовалъ японцевъ исключительно только съ экономической стороны, какъ американцевъ Тюленій островъ. Послѣ же того, какъ въ 1853 году русскіе основали Муравьевскій постъ, японцы стали проявлять и политическую дѣятельность. Соображеніе, что они могутъ потерять хорошіе доходы и даровыхъ рабочихъ, заставило ихъ внимательно слѣдить за русскими, и они уже старались усилить свое вліяніе на островѣ въ противовѣсъ русскому вліянію. Но опять-таки, вѣроятно, за отсутствіемъ увѣренности въ своемъ правѣ, эта борьба съ русскими была нерѣшительна до смѣшного и японцы держали себя, какъ дѣти. Они ограничивались только тѣмъ, что распускали среди айно сплетни про русскихъ и хвастали, что они перерѣжутъ всѣхъ русскихъ, и стоило русскимъ въ какой-нибудь мѣстности основать постъ, какъ въ скорости въ той же мѣстности, но только на другомъ берегу рѣчки, появлялся японскій пикетъ, и, при всемъ своемъ желаніи казаться страшными, японцы, все-таки, оставались мирными и милыми людьми: посылали русскимъ солдатамъ осетровъ и когда тѣ обращались къ нимъ за неводомъ, то они охотно исполняли просьбу.

Въ 1867 г. заключенъ былъ договоръ, по которому Сахалинъ сталъ принадлежать обоимъ государствамъ на правѣ общаго владѣнія; русскіе и японцы признали другъ за другомъ одинаковое право распоряжаться на островѣ,— значитъ, ни тѣ, ни другіе не считали островъ своимъ *). По трактату же 1875 г. Сахалинъ окончательно вошелъ въ составъ Россійской имперіи, а Японія получила въ вознагражденіе всѣ наши Курильскіе острова **).

---

*) Вѣроятно, по желанію японцевъ, чтобы порабощеніе айно происходило на законномъ основаніи, въ договоръ былъ включенъ, между прочимъ, рискованный пунктъ, по которому инородцы, буде они войдутъ въ долги, могутъ производить уплату ихъ работою или какою другою услугой. А, между тѣмъ, на Сахалинѣ не было ни одного айно, котораго японцы не считали бы своимъ должникомъ.

**) Невельской настойчиво признавалъ Сахалинъ русскимъ владѣніемъ по праву занятія его нашими тунгусами въ XVII столѣтіи, первоначальнаго его описанія въ 1742 г. и занятія южной части его въ 1806 г. русскими. Русскими тунгусами считались онъ орочей, съ чѣмъ этнографы не согласны, первоначальное описаніе Сахалина сдѣлано не русскими, а голландцами, что же касается занятія его въ 1806 г., то первоначальность тутъ опровергается фактами. Несомнѣнно, что право перваго изслѣдованія принадлежитъ японцамъ, и японцы первые заняли Южный Сахалинъ. Но, все-таки, въ своей щедрости мы, кажется, хватили черезъ край; можно было бы „изъ уваженія", какъ говорятъ мужики, отдать японцамъ пять-шесть Курильскихъ острововъ, ближайшихъ къ Японіи, а мы отдали 22 острова, которые, если вѣрить [illegible], приносятъ имъ теперь милліонъ ежегоднаго дохода.

Рядомъ съ падью, въ которой находится Корсаковскій постъ, есть еще падь, сохранившая свое названіе съ того времени, когда здѣсь было японское селеніе, Кусунъ-Котанъ. Отъ японскихъ построекъ не уцѣлѣло здѣсь ни одной; есть, впрочемъ, лавочка, въ которой торгуетъ японская семья бакалейнымя и мелочными товарами,— я покупалъ тутъ жесткія японскія груши,— но эта лавочка уже позднѣйшаго происхожденія. Въ пади на самомъ видномъ мѣстѣ стоитъ бѣлый домъ, на которомъ иногда развѣвается флагъ— красный кругъ на бѣломъ фонѣ. Это японское консульство.

Какъ-то утромъ, когда дулъ нордъ-остъ, а въ квартирѣ моей было такъ холодно, что я кутался въ одѣяло, ко мнѣ пришли съ визитомъ японскій консулъ г. Кузе и его секретарь г. Сугіама. Первымъ долгомъ я сталъ извиняться, что у меня очень холодно.

— О, нѣтъ,— отвѣчали мои гости,— у васъ чрезвычайно тепло!

И они на лицахъ и въ тонѣ голоса старались показать, что у меня не только очень тепло, но даже жарко, и что моя квартира— во всѣхъ отношеніяхъ рай земной. Оба они кровные японцы съ монгольскимъ типомъ лица, средняго роста. Консулу около сорока лѣтъ, бороды у него нѣтъ, усы едва замѣтны, сложенія онъ плотнаго; секретарь же лѣтъ на десять моложе, носитъ синія очки, по всѣмъ видимостямъ, фтизикъ — жертва сахалинскаго климата. Есть еще другой секретарь, г. Сузуки; онъ ниже средняго роста, у него большіе усы, концы которыхъ опущены книзу, на китайскій манеръ, глаза узкіе, косые,— съ японской точки зрѣнія неотразимый красавецъ. Какъ-то, разсказывая про одного японскаго министра, г. Кузе выразился такъ: «Онъ красивый и мужественный, какъ Сузуки». Внѣ дома они ходятъ въ европейскомъ платьѣ, говорятъ по-русски очень хорошо; бывая въ консульствѣ, я нерѣдко заставалъ ихъ за русскими или французскими книжками; книгъ у нихъ полонъ шкафъ. Люди они европейски-образованные, изысканно-вѣжливые, деликатные и радушные. Для здѣшнихъ чиновниковъ японское консульство — хорошій, теплый уголъ, гдѣ можно забыться отъ тюрьмы, каторги и служебныхъ дрязгъ и, стало быть, отдохнуть.

Консулъ служитъ посредникомъ между японцами, пріѣзжающими на промыслы, и мѣстною администраціей. Въ высокоторжественные дни онъ и его секретари, въ полной парадной формѣ, изъ пади Кусунъ-Котанъ идутъ въ постъ къ начальнику округа и поздравляютъ его съ праздникомъ; г. Бѣлый платитъ имъ тѣмъ же: еже-

годно перваго декабря онъ со своими сослуживцами отправляется въ Кусунъ-Котанъ и поздравляетъ тамъ консула съ днемъ рожденія японскаго императора. При этомъ пьютъ шампанское. Когда консулъ бываетъ на военныхъ судахъ, то ему салютуютъ семь разъ. Случилось, что при мнѣ были получены ордена, Анна и Станиславъ третьей степени, пожалованные гг. Кузе и Сузуки. Г. Бѣлый, майоръ Ш. и секретарь полицейскаго управленія г. Ф., въ мундирахъ, торжественные, отправились въ Кусунъ-Котанъ вручать ордена; и я поѣхалъ съ ними. Японцы были очень тронуты и орденами, и торжественностью, до которой они такіе охотники; подали шампанское. Г. Сузуки не скрывалъ своего восторга и оглядывалъ орденъ со всѣхъ сторонъ блестящими глазами, какъ ребенокъ игрушку; на его «красивомъ и мужественномъ» лицѣ я читалъ борьбу: ему хотѣлось поскорѣе побѣжать къ себѣ и показать орденъ своей молоденькой женѣ (онъ недавно женился) и, въ то же время, вѣжливость требовала, чтобы онъ оставался съ гостями *).

Кончивши обзоръ населенныхъ мѣстъ Сахалина, перехожу теперь къ частностямъ, важнымъ и неважнымъ, изъ которыхъ въ настоящее время слагается жизнь колоніи.

XV.

Ходока-каторжные.—Перечисленіе въ поселенцы.—Выборъ мѣстъ подъ новыя селенія.—Домообзаводство.— Половинщики.— Перечисленіе въ крестьяне.— Переселеніе крестьянъ изъ ссыльныхъ на материкъ.—Жизнь въ селеніяхъ.— Близость тюрьмы.— Составъ населенія по мѣсту рожденія и по сословіямъ.—Сельскія власти.

Когда наказаніе помимо своихъ прямыхъ цѣлей — мщенія, устрашенія или исправленія задается еще другими, напримѣръ, колонизаціонными цѣлями, то оно по необходимости должно постоянно приспособляться къ потребностямъ колоніи и идти на уступки. Тюрьма—антагонистъ колоніи, и интересы обѣихъ находятся въ

*) Отношенія у мѣстной администраціи и японцевъ великолѣпныя, какія и быть должны. Помимо взаимнаго угощенія шампанскимъ въ торжественныхъ случаяхъ, обѣ стороны находятъ и другія средства для поддержанія этихъ отношеній. Привожу цѣликомъ одну изъ бумагъ, полученныхъ отъ консула: „Господину Начальнику Корсаковскаго округа. На отношеніе отъ 16 августа сего года за № 741 мною сдѣлано распоряженіе о раздачѣ присланныхъ вами для довольствія потерпѣвшихъ крушеніе на [illegible]кѣ и джонкѣ четырехъ бочекъ соленой рыбы и пять кульковъ соли. При томъ [illegible] именно этихъ бѣдныхъ, имѣю честь выразить вамъ, милостивый государь, весьма [illegible] живую признательность о вашихъ сочувствіи и пожертвованіи дружественной вам[illegible] и сосѣдней націи вещами, которыя здѣсь для нихъ столь важны, объ этомъ я [illegible] увѣренъ, что всегда остаются въ нихъ доброй памяти. Консулъ Японской [illegible] Кузе". Кстати, это письмо можетъ дать понятіе о тѣхъ успѣхахъ, какіе

обратномъ отношеніи. Жизнь въ общихъ камерахъ порабощаетъ съ теченіемъ времени перерождаетъ арестанта; инстинкты осѣдла человѣка, домовитаго хозяина, семьянина заглушаются въ нем привычками стадной жизни, онъ теряетъ здоровье, старится, сл бѣетъ морально, и чѣмъ позже онъ покидаетъ тюрьму, тѣмъ бол ше причинъ опасаться, что изъ него выйдетъ не дѣятельный, п лезный членъ колоніи, а лишь бремя для нея. И потому-то кол низаціонная практика потребовала, прежде всего, сокращенія ср ковъ тюремнаго заключенія и принудительныхъ работъ, и въ этом смыслѣ нашъ *Уставъ о ссыльныхъ* дѣлаетъ значительныя усту ки. Такъ, для каторжныхъ отряда исправляющихся десять мѣс цевъ считаются за годъ, и если каторжные второго и третья разряда, т.-е. осужденные на сроки отъ 4 до 12 лѣтъ, назначают на рудничныя работы, то каждый годъ, проведенный ими на этих работахъ, засчитывается за полтора года*). Каторжнымъ по перехо въ разрядъ исправляющихся законъ разрѣшаетъ жить внѣ тюрьм строить себѣ дома, вступать въ бракъ и имѣть деньги. Но дѣйств тельная жизнь въ этомъ направленіи пошла еще дальше *Уста* Чтобъ облегчить переходъ изъ каторжнаго состоянія въ болѣе с мостоятельное, приамурскій генералъ-губернаторъ въ 1888 г. ра рѣшилъ освобождать трудолюбивыхъ и добраго поведенія катор ныхъ до срока; объявляя объ этомъ въ своемъ приказѣ (№ 30 ген. Кононовичъ обѣщаетъ увольнять отъ работъ за два и даже три года до окончанія полнаго срока работъ. И безъ всякихъ ст тей и приказовъ, а по необходимости, потому что это полезно д колоніи, внѣ тюрьмы, въ собственныхъ домахъ и на вольны квартирахъ, живутъ всѣ безъ исключенія ссыльно-каторжныя ж

дѣлаютъ въ короткое время молодые японскіе секретари при изученіи русскаго язы Германскіе офицеры, изучающіе русскій языкъ, и иностранцы, занимающіеся п водомъ русскихъ литературныхъ произведеній, пишутъ несравненно хуже.

Японская вѣжливость не приторна и потому симпатична, и какъ бы много ни было перепущено, она не вредитъ, по пословицѣ—масло каши не портитъ. Од токарь японецъ въ Нагасаки, у котораго наши моряки офицеры покупали раз бездѣлушки, изъ вѣжливости всегда хвалилъ все русское. Увидитъ у офицера локъ или кошелекъ и ну восхищаться: „Какая замѣчательная вещь! какая изящ вещь!“ Одинъ изъ офицеровъ какъ-то привезъ изъ Сахалина деревянный портси грубой топорной работы. „Ну, теперь,—думаетъ,—подведу я токаря. Увидимъ, онъ теперь скажетъ“. Но когда японцу показали портсигаръ, то онъ не потеря Онъ потрясъ имъ въ воздухѣ и сказалъ съ восторгомъ: „Какая прочная вещь!“

*) На Сахалинѣ въ каждой канцеляріи имѣется *Таблица исчисленія сро* Изъ нея видно, что осужденный, положимъ, на $17^1/_2$ лѣтъ проводитъ на каторг дѣйствительности 15 лѣтъ и 3 мѣсяца, если же онъ попалъ подъ манифестъ, только 10 лѣтъ 4 мѣсяца; осужденный на 6 лѣтъ освобождается черезъ 5 лѣ 2 мѣс., а въ случаѣ манифеста, черезъ 3 года и 6 мѣс.

щины, многіе испытуемые и даже безсрочные, если у нихъ есть семьи, или если они хорошіе мастера, землемѣры, каюры и т. п. Многимъ позволяется жить внѣ тюрьмы просто «по-человѣчности» или изъ разсужденія, что если такой-то будетъ жить не въ тюрьмѣ, а въ избѣ, то отъ этого не произойдетъ ничего худого, или если безсрочному Z. разрѣшается жить на вольной квартирѣ только потому, что онъ пріѣхалъ съ женой и дѣтьми, то не разрѣшить этого краткосрочному N. было бы уже несправедливо.

Къ 1 января 1890 г. во всѣхъ трехъ сахалинскихъ округахъ состояло каторжныхъ обоего пола 5,905. Изъ нихъ осужденныхъ на сроки до 8 лѣтъ было 2,124 (36%), отъ 8 до 12 — 1,567 (26,5%), отъ 12 до 15 — 747 (12,7%), отъ 15 до 20 — 731 (12,3%), безсрочныхъ 386 (6,5%) и рецидивистовъ, осужденныхъ на сроки отъ 20 до 50 лѣтъ—175 (3%). Краткосрочные, осужденные на сроки до 12 лѣтъ, составляютъ 62,5%, т.-е. немного больше половины всего числа. Средній возрастъ только что осужденнаго каторжнаго мнѣ не извѣстенъ, но, судя по возрастному составу ссыльнаго населенія въ настоящее время, онъ долженъ быть не меньше 35 лѣтъ; если къ этому прибавить среднюю продолжительность каторги 8—10 лѣтъ и если принять еще во вниманіе, что на каторгѣ человѣкъ старится гораздо раньше, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ, то станетъ очевиднымъ, что при буквальномъ исполненіи судебнаго приговора и при соблюденіи *Устава*, со строгимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, съ работами подъ военнымъ конвоемъ и проч., не только долгосрочные, но и добрая половина краткосрочныхъ поступала бы въ колонію съ уже утраченными колонизаторскими способностями.

При мнѣ каторжныхъ-хозяевъ обоего пола, сидѣвшихъ на участкахъ, было 424; каторжныхъ обоего пола, проживавшихъ въ колоніи въ качествѣ женъ, сожителей, сожительницъ, работниковъ, жильцовъ и проч., записано мною 908. Всего жило внѣ тюрьмы въ собственныхъ избахъ и на вольныхъ квартирахъ 1,332, что составляло 23% всего числа каторжныхъ *). Какъ хозяева, каторжные въ колоніи почти ничѣмъ не отличаются отъ хозяевъ-поселенцевъ. Каторжные, состоящіе при хозяйствахъ въ качествѣ

---

*) Не считаю здѣсь каторжныхъ, живущихъ у чиновниковъ въ качествѣ прислуги. Въ общемъ, я думаю, живущіе внѣ тюрьмы составляютъ 25%, т.-е. изъ каждыхъ четырехъ каторжныхъ одного тюрьма уступаетъ колоніи. Процентъ этотъ сильно повысится, когда 305 статья *Устава*, разрѣшающая исправляющимся жить внѣ тюрьмы, распространится также и на Корсаковскій округъ, въ которомъ, напр., въ 1890 г. Бѣлаго, всѣ безъ исключенія каторжные живутъ въ тюрьмѣ.

работниковъ, дѣлаютъ то же, что наши деревенскіе работники. Отдача арестанта въ работники къ хорошему хозяину мужику, тоже ссыльному, составляетъ пока единственный видъ каторги, выработанный, русскою практикой и, несомнѣнно, болѣе симпатичный, чѣмъ австралійское батрачество. Жильцы-каторжные лишь ночуютъ на квартирахъ, но на раскомандировки и работы должны являться такъ же акуратно, какъ и ихъ товарищи, живущіе въ тюрьмѣ. Мастеровые, напримѣръ, сапожники и столяры, часто отбываютъ свой каторжный урокъ у себя на квартирѣ *).

Оттого, что четверть всего состава ссыльно-каторжныхъ живетъ внѣ тюрьмы, особенныхъ безпорядковъ не замѣчается, и я охотно призналъ бы, что упорядочить нашу каторгу не легко именно потому, что остальныя три четверти живутъ въ тюрьмахъ. Говорить о преимуществѣ избъ передъ общими камерами мы можемъ конечно, только съ вѣроятностью, такъ какъ точныхъ наблюденій по этой части у насъ пока нѣтъ вовсе. Никто еще не доказалъ, что среди каторжниковъ, живущихъ въ избахъ, случаи преступленій и побѣговъ наблюдаются рѣже, чѣмъ у живущихъ въ тюрьмѣ, и что трудъ первыхъ производительнѣе, чѣмъ вторыхъ, но весьма вѣроятно, что тюремная статистика, которая рано или поздно должна будетъ заняться этимъ вопросомъ, сдѣлаетъ свой окончательный выводъ въ пользу избъ. Пока несомнѣнно одно, что колонія была бы въ выигрышѣ, если бы каждый каторжный, безъ различія сроковъ, по прибытіи на Сахалинъ тотчасъ же приступалъ бы къ постройкѣ избы для себя и для своей семьи, и начиналъ бы свою колонизаторскую дѣятельность возможно раньше, пока онъ еще относительно молодъ и здоровъ; да и справедливость ничего бы не проиграла отъ этого, такъ какъ, поступая съ перваго же дня въ колонію, преступникъ самое тяжелое переживалъ бы до переходъ въ поселенческое состояніе, а не послѣ.

Когда кончается срокъ, каторжнаго освобождаютъ отъ работъ и переводятъ въ поселенцы. Задержекъ при этомъ не бываетъ. Новый поселенецъ, если у него есть деньги и протекція у начальства, остается въ Александровскѣ или въ томъ селеніи, которое ему нравится, и покупаетъ, или строитъ тутъ домъ, если еще не обзавелся имъ, когда былъ на каторгѣ; для такого сельское хозяйство и трудъ не обязательны. Если же онъ принадлежитъ къ сѣрой массѣ, составляющей большинство, то обыкновенно садится

*) Въ Александровскѣ почти всѣ хозяева держатъ жильцовъ и это придаетъ ему городскую физіономію. Въ одной избѣ я записалъ 17 человѣкъ. Но такія многолюдныя квартиры мало чѣмъ отличаются отъ общихъ камеръ.

участокъ въ томъ селеніи, гдѣ прикажетъ начальство, и если въ этомъ селеніи тѣсно и нѣтъ уже земли, годной подъ участки, то его сажаютъ уже на готовое хозяйство, въ совладѣльцы или половинщики, или же его посылаютъ селиться на новое мѣсто *). Выборъ мѣстъ подъ новыя селенія, требующій опыта и нѣкоторыхъ спеціальныхъ знаній, возложенъ на мѣстную администрацію, т.-е. на окружныхъ начальниковъ, смотрителей тюремъ и смотрителей поселеній. Какихъ-нибудь опредѣленныхъ законовъ и инструкцій на этотъ счетъ нѣтъ и все дѣло поставлено въ зависимость отъ такого случайнаго обстоятельства, какъ тотъ или другой составъ служащихъ: находятся ли они на службѣ уже давно и знакомы съ ссыльнымъ населеніемъ и съ мѣстностью, какъ, напримѣръ, г. Бутаковъ на сѣверѣ и гг. Бѣлый и Ярцевъ на югѣ, или же это недавно поступившіе, въ лучшемъ случаѣ филологи, юристы и пѣхотные поручики и въ худшемъ — совершенно необразованные люди, раньше нигдѣ не служившіе, въ большинствѣ молодые, не знающіе жизни горожане. Я уже писалъ о чиновникѣ, который не повѣрилъ инородцамъ и поселенцамъ, когда тѣ предупреждали его, что весною и во время сильныхъ дождей мѣсто, которое онъ выбралъ для селенія, заливается водой. При мнѣ одинъ чиновникъ со свитой поѣхалъ за 15—20 верстъ осматривать новое мѣсто и вернулся домой въ тотъ же день, успѣвши въ два-три часа подробно осмотрѣть мѣсто и одобрить его; онъ говорилъ, что прогулка вышла очень милая.

Старшіе и болѣе опытные чиновники уходятъ на поиски новыхъ мѣстъ рѣдко и не охотно, такъ какъ всегда бываютъ заняты другими дѣлами, а младшіе неопытны и равнодушны; администрація проявляетъ медленность, дѣло затягивается и въ результатѣ получается переполненіе уже существующихъ селеній. И поневолѣ, въ концѣ-концовъ, приходится обращаться за помощью къ каторжнымъ и солдатамъ-надзирателямъ, которые, по слухамъ, иногда удачно выбирали мѣста. Въ 1888 г. въ одномъ изъ своихъ приказовъ (№ 280) генералъ Кононовичъ, въ виду того, что ни въ Ты-

*) Сахалинъ относится къ отдаленнѣйшимъ мѣстамъ Сибири. Вѣроятно, въ виду [illegible] суроваго климата, въ началѣ водворяли здѣсь только тѣхъ поселенцевъ, которые отбывали каторгу на Сахалинѣ же и успѣвали, такимъ образомъ, предварительно если не привыкнуть, то хоть приглядѣться къ мѣсту. Теперь же, повидимому, хотятъ измѣнить этотъ порядокъ. При мнѣ, по приказанію барона А. Н. Кор[illegible]а, былъ присланъ на Сахалинъ и водворенъ въ Дербинскомъ нѣкій Іуда Гам[illegible], приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; въ Дубахъ проживаетъ [illegible]нецъ Симонъ Саулатъ, отбывавшій каторгу не на Сахалинѣ, а въ Сибири. [illegible] здѣсь и административные ссыльные.

мовскомъ, ни въ Александровскомъ округахъ нѣтъ уже мѣстъ для отвода участковъ, между тѣмъ какъ число нуждающихся въ нихъ быстро возростаетъ, предложилъ «немедленно организовать партіи изъ благонадежныхъ ссыльно-каторжныхъ подъ надзоромъ вполнѣ расторопныхъ, болѣе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ и грамотныхъ надзирателей, или даже чиновниковъ, и таковыя отправлять къ отысканію мѣстъ, годныхъ подъ поселенія». Эти партіи бродятъ по совершенно не изслѣдованной мѣстности, на которую никогда еще не ступала нога топографа; мѣста отыскиваютъ, но неизвѣстно, какъ высоко лежатъ они надъ уровнемъ моря, какая тутъ почва, какая вода и проч.; о пригодности ихъ къ заселенію и сельскохозяйственной культурѣ администрація можетъ судить только гадательно, и потому обыкновенно ставится окончательное рѣшеніе въ пользу того или другого мѣста прямо на удачу, на авось, и при этомъ не спрашиваютъ мнѣнія ни у врача, ни у топографа, котораго на Сахалинѣ нѣтъ, а землемѣръ является на новое мѣсто, когда уже земля раскорчована и на ней живутъ *).

Генералъ-губернаторъ послѣ объѣзда селеній, передавая мнѣ свои впечатлѣнія, выразился такъ: «Каторга начинается не на каторгѣ, а на поселеніи». Если тяжесть наказанія измѣрять количествомъ труда и физическихъ лишеній, то на Сахалинѣ часто поселенцы несутъ болѣе суровое наказаніе, чѣмъ каторжные. На новое мѣсто, обыкновенно болотистое и покрытое лѣсомъ, поселенецъ яв-

*) Современемъ выборъ новыхъ мѣстъ будетъ возложенъ въ каждомъ округѣ на коммиссію изъ чиновъ тюремнаго вѣдомства, топографа, агронома и врача, и тогда по протоколамъ этой коммиссіи можно будетъ судить, почему выбрана та или другая мѣстность. Въ настоящее время нѣкоторая правильность замѣчается только въ томъ, что людей охотнѣе всего селятъ по долинамъ рѣкъ и около дорогъ, существующихъ или проектированныхъ. Но и тутъ видна скорѣе рутина, чѣмъ какая-нибудь опредѣленная система. Если выбираютъ какую-нибудь прирѣчную долину, то не потому, что она лучше другихъ изслѣдована и наиболѣе пригодна для культуры, а потому только, что она находится не далеко отъ центра. Юго-западное побережье отличается сравнительно мягкимъ климатомъ, но оно отстоитъ отъ Дуэ или Александровска дальше, чѣмъ Арковская долина и долина рѣки Армудана, и потому послѣднія предпочитаются. Когда же селятъ на линіи проектированной дороги, то при этомъ имѣются въ виду не жители новаго селенія, а тѣ чиновники и каторжные, которые современемъ будутъ ѣздить по этой дорогѣ. Если бы не эта скромная перспектива — оживлять и охранять трактъ и давать пріютъ проѣзжающимъ, то было бы трудно понять, для чего нужны, напримѣръ, селенія, проектируемыя по тракту вдоль Тыми, отъ верховьевъ этой рѣки до Ныйскаго залива. За охраненіе и оживленіе тракта жители, вѣроятно, будутъ получать отъ казны денежное и пищевое довольствіе. Если же эти селенія будутъ продолженіемъ теперешней сельско-хозяйственной колоніи, и администрація разсчитываетъ на рожь и пшеницу, то Сахалинъ пріобрѣтетъ еще нѣсколько тысячъ голодныхъ, потерянныхъ бѣдняковъ, питающихся неизвѣстно чѣмъ.

ляется, имѣя съ собой только плотничій топоръ, пилу и лопату. Онъ рубитъ лѣсъ, корчуетъ, роетъ канавы, чтобы осушить мѣсто, и все время, пока идутъ эти подготовительныя работы, живетъ подъ открытымъ небомъ, на сырой землѣ. Прелести сахалинскаго климата съ его пасмурностью, почти ежедневными дождями и низкою температурой нигдѣ не чувствуются такъ рѣзко, какъ на этихъ работахъ, когда человѣкъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль ни на одну минуту не можетъ ордѣлаться отъ чувства пронизывающей сырости и озноба. Это настоящая febris sachaliensis, съ головною болью и ломотою во всемъ тѣлѣ, зависящая не отъ инфекціи, а отъ климатическихъ вліяній. Сначала строютъ селеніе и потомъ уже дорогу къ нему, а не наоборотъ, и, благодаря этому, совершенно непроизводительно расходуется масса силъ и здоровья на переноску тяжестей изъ поста, отъ котораго къ новому мѣсту не бываетъ даже тропинокъ; поселенецъ, навьюченный инструментомъ, продовольствіемъ и проч., идетъ дремучею тайгой, то по колѣна въ водѣ, то карабкаясь на горы валежника, то путаясь въ жесткихъ кустахъ богульника. 307 статья *Устава о ссыльныхъ* говоритъ, что поселяющимся внѣ острога отпускается лѣсъ для постройки домовъ; здѣсь эта статья понимается такъ, что поселенецъ самъ долженъ нарубить себѣ лѣсу и заготовить его. Въ прежнее время на помощь поселенцамъ отпускались каторжные и выдавались деньги на наемъ плотниковъ и покупку матеріаловъ, но этотъ порядокъ былъ оставленъ на томъ основаніи, что «въ результатѣ, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ чиновникъ, получались лодари; каторжные работаютъ, а поселенцы въ это время въ орлянку играютъ». Теперь поселенцы устраиваются общими силами, помогая другъ другу. Плотникъ ставитъ срубъ, печникъ мажетъ печь, пильщики готовятъ доски. У кого нѣтъ силъ и умѣнья работать, но есть деньжонки, тотъ нанимаетъ своихъ же товарищей. Крѣпкіе и выносливые люди, какъ Егоръ, о которомъ я говорилъ въ VI главѣ, несутъ самую тяжелую работу, слабосильные же или отвыкшіе въ тюрьмѣ отъ крестьянства, если не играютъ въ орлянку или въ карты, или если не прячутся отъ холода, то занимаются какою-нибудь сравнительно легкою работой. Многіе изнемогаютъ, падаютъ духомъ и покидаютъ свои недостроенные дома. Малы и кавказцы, не умѣющіе строить русскихъ избъ, обыкновенно бѣ[illegible]ъ въ первый же годъ. Почти половина хозяевъ на Сахалинѣ не [illegible]лѣетъ домовъ и это слѣдуетъ объяснить, какъ мнѣ кажется, пр[illegible]де всего, трудностями, съ которыми поселенецъ встрѣчается пр[illegible]ервоначальномъ обзаведеніи. Бездомовые хозяева, по даннымъ, ко[illegible]я я беру изъ отчета инспектора сельскаго хозяйства, въ

1889 г. въ Тымовскомъ округѣ составляли 50% всего числа, въ Корсаковскомъ — 42%, въ Александровскомъ же округѣ, гдѣ устройство хозяйствъ обставлено меньшими трудностями и поселенцы чаще покупаютъ дома, чѣмъ строютъ, только 20%. Когда конченъ срубъ, хозяину выдаются въ ссуду стекла и желѣзо. Объ этой ссудѣ начальникъ острова говоритъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ: «Къ величайшему сожалѣнію, эта ссуда, какъ и многое другое, долго заставляетъ себя ждать, парализуя охоту къ домообзаводству... Въ прошедшемъ году осенью, во время объѣзда поселеній Корсаковскаго округа, мнѣ приходилось видѣть дома, ожидающіе стеколъ, гвоздей и желѣза къ задвижкамъ въ печахъ, нынѣ я тоже засталъ эти дома въ подобномъ ожиданіи» (приказъ № 318, 1889 г.) *).

Не находятъ нужнымъ изслѣдовать новое мѣсто, даже когда уже заселяютъ его. Посылаютъ на новое мѣсто 50—100 хозяевъ, затѣмъ ежегодно прибавляютъ десятки новыхъ, а, между тѣмъ, ни-

---

*) Вотъ тутъ-то поселенцу какъ нельзя кстати могли бы пригодиться тѣ деньги, которыя онъ долженъ былъ бы получать въ теченіе каторжнаго срока въ вознагражденіе за трудъ. По закону, арестанту, осужденному къ ссылкѣ въ каторжныя работы, за всякій трудъ назначается изъ вырученнаго дохода одна десятая часть. Если, положимъ, на дорожныхъ работахъ поденщина оцѣнивается въ 50 к., то каторжный долженъ получать ежедневно по 5 к. Во время содержанія подъ стражей арестанту позволяется расходовать на свои надобности не болѣе половины заработанныхъ денегъ, а остающіяся затѣмъ суммы выдаются ему при освобожденіи. На заработанныя деньги не могутъ быть обращаемы никакія гражданскія взысканія или судебныя издержки, и, въ случаѣ смерти арестанта, онѣ выдаются его наслѣдникамъ. Въ *Данныхъ объ устройствѣ о. Сахалина* за 1878 г. кн. Шаховской, завѣдывавшій въ семидесятыхъ годахъ дуйскою каторгой, высказываетъ мнѣніе, которое слѣдовало бы теперешнимъ администраторамъ принять и къ свѣдѣнію, и къ руководству: „Вознагражденіе каторжныхъ за работы даетъ хотя какую-нибудь собственность арестанту, а всякая собственность прикрѣпляетъ его къ мѣсту; вознагражденіе позволяетъ арестантамъ по взаимному соглашенію улучшать свою пищу, держать въ большей чистотѣ одежду и помѣщеніе, а всякая привычка къ удобствамъ производитъ тѣмъ большее страданіе въ лишеніи ихъ, чѣмъ удобствъ этихъ болѣе; совершенное же отсутствіе послѣднихъ и всегда угрюмая, непривѣтливая обстановка вырабатываетъ въ арестантахъ такое равнодушіе къ жизни, а тѣмъ болѣе къ наказаніямъ, что часто, когда число наказываемыхъ доходило до 8% наличнаго состава, приходилось отчаяваться въ побѣдѣ розогъ надъ тѣми пустыми природными потребностями человѣка, ради выполненія которыхъ онъ ложится подъ розги; вознагражденіе каторжныхъ, образуя между ними нѣкоторую самостоятельность, устраняетъ растрату одежды, помогаетъ домообзаводству и значительно уменьшаетъ затраты казны въ отношеніи прикрѣпленія ихъ къ землѣ по выходѣ на поселеніе".

Инструментъ выдается въ ссуду на пять лѣтъ съ условіемъ, что поселенецъ ежегодно будетъ уплачивать пятую часть. Въ Корсаковскомъ округѣ плотничій топоръ стоитъ 4 руб., продольная пила 13 руб., лопата 1 р. 80 к., подпилокъ 44 коп., гвозди 10 коп. за фунтъ. Дроворубный топоръ даютъ за 3 р. 50 к. въ ссуду лишь въ томъ случаѣ, если поселенецъ не беретъ плотничьяго.

кому неизвѣстно, на какое количество людей хватитъ тамъ удобной земли, и вотъ причина, почему обыкновенно въ скорости послѣ заселенія начинаютъ уже обнаруживаться тѣснота, излишекъ людей. Этого не замѣчается только въ Корсаковскомъ округѣ, посты же и селенія обоихъ сѣверныхъ округовъ всѣ до одного переполнены людьми. Даже такой, несомнѣнно, заботливый человѣкъ, какъ А. М. Бутаковъ, начальникъ Тымовскаго округа, сажаетъ людей на участки какъ-нибудь, не соображаясь насчетъ будущаго, и ни въ одномъ округѣ нѣтъ такого множества совладѣльцевъ или сверхкомплектныхъ хозяевъ, какъ именно у него. Похоже, какъ будто сама администрація не вѣритъ въ сельско-хозяйственную колонію и мало-по-малу успокоилась на мысли, что земля нужна поселенцу не надолго, всего на шесть лѣтъ, такъ какъ, получивъ крестьянскія права, онъ непремѣнно покинетъ островъ, и что при такихъ условіяхъ вопросъ объ участкахъ можетъ имѣть одно лишь формальное значеніе.

Изъ записанныхъ мною 3,522 хозяевъ 638 или 18% составляютъ совладѣльцевъ, а если исключить Корсаковскій округъ, гдѣ на участки сажаютъ только по одному хозяину, то процентъ этотъ будетъ значительно выше. Въ Тымовскомъ округѣ чѣмъ моложе селеніе, тѣмъ выше въ немъ процентъ половинщиковъ; въ Воскресенскомъ, напримѣръ, хозяевъ 97, а половинщиковъ 77; это значитъ, что находить новыя мѣста и отводить участки поселенцамъ съ каждымъ годомъ становится все труднѣе *).

Устройство хозяйства и правильное веденіе его ставится поселенцу въ непремѣнную обязанность. За лѣность, нерадѣніе и нежеланіе устраиваться хозяйствомъ его обращаютъ въ общественныя, т.-е. каторжныя, работы на одинъ годъ и переводятъ изъ избы въ тюрьму. Статья 402 *Устава* разрѣшаетъ приамурскому генералъ-губернатору «содержать на казенномъ довольствіи тѣхъ изъ сахалинскихъ поселенцевъ, кои, по признанію мѣстныхъ властей, не имѣютъ къ тому собственныхъ средствъ». Въ настоящее время большинство сахалинскихъ поселенцевъ въ продолженіе первыхъ двухъ и рѣдко трехъ лѣтъ по освобожденіи изъ каторжныхъ работъ получаютъ отъ казны одежное и пищевое довольствіе въ размѣрѣ об[illegible]наго арестантскаго пайка. Оказывать такую помощь поселен[illegible] побуждаютъ администрацію соображенія гуманнаго и практи-

*) Хозяинъ и совладѣлецъ живутъ въ одной избѣ и спятъ на одной печи. Владѣніе совмѣстно участкомъ не мѣшаетъ различіе вѣроисповѣданій и даже половъ. Поме[illegible]я, въ Рыковскомъ у поселенца Голубева половинщикъ еврей Любарскій. Тамъ же [illegible]оселенца Ивана Хавріевича совладѣлица Марья Бродяга.

ческаго свойства. Въ самомъ дѣлѣ, трудно, вѣдь, допустить, чтобы поселенецъ могъ, въ одно и то же время, строить себѣ избу, готовить землю подъ пашню и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ежедневно добывать себѣ кусокъ хлѣба. Но не рѣдкость встрѣтить въ приказахъ, что такой-то поселенецъ смѣщается съ довольствія за нерадѣніе, за лѣность, за то, что «онъ не приступилъ къ постройкѣ дома», и т. п. *).

По истеченіи десяти лѣтъ пребыванія въ поселенческомъ состояніи поселенцамъ предоставляется перечисляться въ крестьяне. Это новое званіе сопряжено съ большими правами. Крестьянинъ изъ ссыльныхъ можетъ оставить Сахалинъ и водвориться, гдѣ пожелаетъ, по всей Сибири, кромѣ областей Семирѣчинской, Акмолинской и Семипалатинской, приписываться къ крестьянскимъ обществамъ, съ ихъ согласія, и жить въ городахъ для занятія ремеслами и промышленностью; онъ судится и подвергается наказаніямъ уже на основаніи законовъ общихъ, а не *Устава о ссыльныхъ;* онъ получаетъ и отправляетъ корреспонденцію тоже на общихъ основаніяхъ, безъ предварительной цензуры, установленной для каторжныхъ и поселенцевъ. Но въ этомъ его новомъ состояніи, все-таки, еще остается главный элементъ ссылки: онъ не имѣетъ права вернуться на родину **).

---

*) Въ какой бѣдности, несмотря на пособія и постоянныя ссуды изъ казны, здѣшніе сельскіе жители отбываютъ свои сроки, мнѣ уже приходилось говорить. Вотъ картинное изображеніе этой почти нищенской жизни, принадлежащее перу оффиціальнаго лица: „Въ деревнѣ Лютогѣ я вошелъ въ самую бѣдную лачугу, принадлежащую поселенцу Зерину, по ремеслу плохому портному, уже четыре года устраивающемуся. Бѣдность и недостатокъ во всемъ поразительные: кромѣ ветхаго стола и обрубка дерева, вмѣсто стула, никакихъ слѣдовъ мебели; кромѣ жестянаго чайника изъ керосиновой банки, никакихъ признаковъ посуды и домашней утвари; вмѣсто постели, кучка соломы, на которой лежитъ полушубокъ и вторая рубаха; по мастерству тоже ничего, кромѣ нѣсколькихъ иголъ, нѣсколькихъ сѣрыхъ нитокъ, нѣсколькихъ пуговицъ и мѣднаго наперстка, служащаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, и трубкой, такъ какъ портной, просверливъ въ немъ отверстіе, по мѣрѣ надобности, вставляетъ туда тоненькій мундштучокъ изъ мѣстнаго камыша; табаку оказалось не больше, какъ на полнаперстка“ (приказъ № 318, 1889 г.).

**) До 1888 г. лицамъ, получившимъ крестьянскія права, былъ запрещенъ выѣздъ изъ Сахалина. Это запрещеніе, отнимавшее у сахалинца всякую надежду на лучшую жизнь, внушало людямъ ненависть къ Сахалину и, какъ репрессивная мѣра, могла только увеличить число побѣговъ, преступленій и самоубійствъ; ея призрачной практичности приносилась въ жертву сама справедливость, такъ какъ сахалинскимъ ссыльнымъ было запрещаемо то, что позволялось сибирскимъ. Эта мѣра вызвана была соображеніемъ, что если крестьяне будутъ покидать островъ, то, въ концѣ-концовъ, Сахалинъ будетъ лишь мѣстомъ для срочной ссылки, а не колоніей. Но развѣ пожизненность сдѣлала бы изъ Сахалина вторую Австралію? Жизненность и процвѣтаніе колоніи зависятъ не отъ запрещеній или приказовъ, а отъ наличности условій, которыя гарантируютъ покойную и обезпеченную жизнь если не самимъ ссыльнымъ, то хотя ихъ дѣтямъ и внукамъ.

Полученіе крестьянскихъ правъ черезъ десять лѣтъ въ *Уставѣ* не обставлено никакими особенными условіями. Кромѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ примѣчаніи къ 375 ст., единственное условіе тутъ—десятилѣтній срокъ, независимо отъ того, былъ ли поселенецъ хозяиномъ-хлѣбопашцемъ, или подмастерьемъ. Инспекторъ тюремъ Приамурскаго края г. Каморскій, когда у насъ зашла рѣчь объ этомъ, подтвердилъ мнѣ, что держать ссыльнаго въ поселенческомъ состояніи дольше десяти лѣтъ или обставлять какими-либо условіями полученіе крестьянскихъ правъ по истеченіи этого срока администрація не имѣетъ права. Между тѣмъ, на Сахалинѣ мнѣ приходилось встрѣчать стариковъ, которые пробыли въ поселенцахъ дольше десяти лѣтъ, но крестьянскаго званія еще не получили. Показаній ихъ, впрочемъ, я не успѣлъ провѣрить по статейнымъ спискамъ и потому не могу судить, насколько они справедливы. Старики могутъ ошибаться въ счетѣ или просто лгать, хотя, при распущенности и безтолковости писарей и неумѣлости младшихъ чиновниковъ, отъ сахалинскихъ канцелярій можно ожидать всякихъ капризовъ. Для тѣхъ поселенцевъ, которые «вели себя совершенно одобрительно, занимались полезнымъ трудомъ и пріобрѣли осѣдлость», десятилѣтній срокъ можетъ быть сокращенъ до шести лѣтъ. 377 статьей, разрѣшающей эту льготу, начальникъ острова и окружные начальники пользуются въ широкихъ размѣрахъ; по крайней мѣрѣ, почти всѣ крестьяне, которыхъ я знаю, получили это званіе черезъ шесть лѣтъ. Но, къ сожалѣнію, «полезный трудъ» и «осѣдлость», которыми въ *Уставѣ* обусловлено полученіе льготы, во всѣхъ трехъ округахъ понимаются различно. Въ Тымовскомъ округѣ, напримѣръ, поселенца не произведутъ въ крестьяне, пока онъ долженъ въ казну и пока у него изба не покрыта тесомъ. Въ Александровскѣ поселенецъ сельскимъ хозяйствомъ не занимается, инструменты и сѣмена ему не нужны и поэтому долговъ онъ дѣлаетъ меньше; ему и права получить легче. Ставятъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы поселенецъ былъ хозяиномъ, между ссыльными же чаще, чѣмъ въ какой-либо другой средѣ, встрѣчаются люди, которые по натурѣ не способны быть хозяевами и чувствуютъ себя на своемъ мѣстѣ, когда служатъ въ работахъ. На вопросъ, можетъ ли воспользоваться льготой и получить крестьянскія права поселенецъ, который не имѣетъ своего хозяйства, потому что служитъ поваромъ у чиновника или подмастерьемъ у сапожника, въ Корсаковскомъ округѣ отвѣчали мнѣ утвердительно, а въ обоихъ сѣверныхъ — неопредѣленно.

При такихъ условіяхъ, конечно, о какихъ-либо нор-

махъ не можетъ быть и рѣчи, и если новый окружной начальникъ потребуетъ отъ поселенцевъ желѣзныхъ крышъ и умѣнья пѣть на клиросѣ, то доказать ему, что это произволъ, будетъ трудно.

Когда я былъ въ Сіянцахъ, смотритель поселеній приказалъ 25 поселенцамъ собраться около надзирательской и объявилъ имъ, что постановленіемъ начальника острова они перечислены въ крестьянское сословіе. Постановленіе было подписано генераломъ 27 января, а объявлено поселенцамъ 26 сентября. Радостное извѣстіе было принято всѣми 25 поселенцами молча; ни одинъ не перекрестился, не поблагодарилъ, а всѣ стояли съ серьезными лицами и молчали, какъ будто всѣмъ имъ взгрустнулось отъ мысли, что на этомъ свѣтѣ все, даже страданія, имѣетъ конецъ. Когда я и г. Ярцевъ заговорили съ ними о томъ, кто изъ нихъ останется на Сахалинѣ, а кто уѣдетъ, то ни одинъ изъ 25 не выразилъ желанія остаться. Всѣ говорили, что ихъ тянетъ на материкъ и уѣхали бы съ удовольствіемъ тотчасъ же, но средствъ нѣтъ, надо обдумать. И пошли разговоры о томъ, что мало однѣхъ денегъ на дорогу,—небось, материкъ тоже деньги любитъ: придется хлопотать о принятіи въ общество и угощать, покупать землишку и строиться, то да се — гляди, рублей полтораста понадобится. А гдѣ ихъ взять? Въ Рыковскомъ, несмотря на его сравнительно большіе размѣры, я застaлъ только 39 крестьянъ, и всѣ они были далеки отъ намѣренія пускать здѣсь корни; всѣ собирались на материкъ. Одинъ изъ нихъ по фамиліи Безпаловъ, строитъ на своемъ участкѣ большой двухъэтажный домъ съ балкономъ, похожій на дачу, и всѣ смотрятъ на постройку съ недоумѣніемъ и не понимаютъ, зачѣмъ это; то, что богатый человѣкъ, имѣющій взрослыхъ сыновей, быть можетъ, останется навсегда въ Рыковскомъ въ то время, какъ отлично могъ бы устроиться гдѣ-нибудь на Зеѣ, производитъ впечатлѣніе странаго каприза, чудачества. Въ Дубкахъ одинъ крестьянинъ-картежникъ на вопросъ, поѣдетъ ли онъ на материкъ, отвѣтилъ мнѣ, глядя надменно въ потолокъ: «Постараюсь уѣхать» *).

Гонятъ крестьянъ изъ Сахалина сознаніе необезпеченности, скука, постоянный страхъ за дѣтей... Главная же причина, это—страстное желаніе хотя передъ смертью подышать на свободѣ и п

*) Только одного я встрѣтилъ, который выразилъ желаніе остаться на Сахалинѣ навсегда: это — несчастный человѣкъ, черниговскій хуторянинъ, пришедшій изнасилованіе родной дочери; онъ не любитъ родины, потому что оставилъ тадурную память о себѣ, и не пишетъ писемъ своимъ, теперь уже взрослымъ, дѣтямчтобы не напоминать имъ о себѣ; не ѣдетъ же на материкъ потому, что лѣтапозволяютъ.

жить настоящею, не арестантскою жизнью. А Уссурійскій край и Амуръ, о которомъ говорятъ всѣ, какъ о землѣ обѣтованной, такъ близки: проплыть на пароходѣ три-четыре дня, а тамъ—свобода, тепло, урожаи... Тѣ, которые уже переселились на материкъ и устроились тамъ, пишутъ своимъ сахалинскимъ знакомымъ, что на материкѣ подаютъ имъ руку и водка за бутылку стоитъ только 50 коп. Какъ-то гуляя въ Александровскѣ на пристани, я зашелъ въ катерный сарай и увидѣлъ тамъ старика 60—70 лѣтъ и старуху съ узлами и съ мѣшками, очевидно, собравшихся въ дорогу. Разговорились. Старикъ недавно получилъ крестьянскія права и теперь уѣзжалъ съ женою на материкъ, сначала во Владивостокъ, а потомъ «куда Богъ дастъ». Денегъ, по ихъ словамъ, у нихъ не было. Пароходъ долженъ былъ отойти черезъ сутки, но они уже прибрели на пристань и теперь со своимъ скарбомъ прятались въ катерномъ сараѣ въ ожиданіи парохода, будто боялись, чтобъ ихъ не вернули назадъ. О материкѣ они говорили съ любовью, съ благоговѣніемъ и съ увѣренностью, что тамъ-то и есть настоящая счастливая жизнь. На Александровскомъ кладбищѣ я видѣлъ черный крестъ съ изображеніемъ Божіей Матери и съ такою надписью: «Здѣсь покоится прахъ Дѣвицы Афимьи Курниковой. скончалась въ 1888 Году: мая 21 дня. Лѣтъ ей Отроду 18-ть. Крестъ сей поставленъ въ Знакъ памяти и Отъѣзда родителей на материкъ 1889 года іюня дня».

Крестьянина не отпускаютъ на материкъ, если онъ неблагонадежнаго поведенія и долженъ въ казну. Если онъ состоитъ въ сожительствѣ съ ссыльною женщиной и имѣетъ отъ нея дѣтей, то билетъ на отлучку выдается ему только въ томъ случаѣ, если онъ обезпечитъ своимъ имуществомъ дальнѣйшее существованіе своей сожительницы и незаконно прижитыхъ съ нею дѣтей (приказъ № 92, 1889 г.). На материкѣ крестьянинъ приписывается къ облюбованной имъ волости; губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго находится волость, даетъ знать начальнику острова, и послѣдній въ приказѣ предлагаетъ полицейскому управленію исключить крестьянина такого-то и членовъ его семьи изъ списковъ—и формально однимъ «несчастнымъ» становится меньше. Баронъ А. Н. Корфъ го рилъ мнѣ, что если крестьянинъ дурно ведетъ себя на матери- к то онъ административнымъ порядкомъ высылается на Сахалинъ у навсегда.

По слухамъ, сахалинцы живутъ на материкѣ хорошо. Письма и я читалъ, но видѣть, какъ они живутъ на новыхъ мѣстахъ, м че приходилось. Впрочемъ, я видѣлъ одного, но не въ деревнѣ,

а въ городѣ. Какъ-то во Владивостокѣ я и іеромонахъ Ираклій, сахалинскій миссіонеръ и священникъ, выходили вмѣстѣ изъ магазина и какой-то человѣкъ въ бѣломъ фартукѣ и высокихъ блестящихъ сапогахъ, должно быть, дворникъ или артельщикъ, увидѣвъ о. Ираклія, очень обрадовался и подошелъ подъ благословеніе; оказалось, что это духовное чадо о. Ираклія, крестьянинъ изъ ссыльныхъ. О. Ираклій узналъ его, вспомнилъ имя его и фамилію. «Ну, какъ живешь тутъ?» — спросилъ онъ.—«Слава Богу, хорошо!»—отвѣтилъ тотъ съ оживленіемъ.

Крестьяне, пока еще не отбыли на материкъ, живутъ въ постахъ или селеніяхъ и ведутъ хозяйства при тѣхъ же неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ поселенцы и каторжные. Они все еще продолжаютъ зависѣть отъ тюремнаго начальства и снимать шапки за 50 шаговъ, если живутъ на югѣ; съ ними обходятся лучше и не сѣкутъ ихъ, но все же это не крестьяне въ настоящемъ смыслѣ, а арестанты. Они живутъ возлѣ тюрьмы и видятъ ее каждый день, а ссыльно-каторжная тюрьма и мирное земледѣльческое существованіе немыслимы рядомъ. Нѣкоторые авторы видѣли въ Рыковскомъ хороводы и слышали здѣсь гармонику и разудалыя пѣсни; я же ничего подобнаго не видѣлъ и не слышалъ и не могу себѣ представить дѣвушекъ, ведущихъ хороводы около тюрьмы. Даже если бы мнѣ случилось услышать, кромѣ звона цѣпей и крика надзирателей, еще разудалую пѣсню, то я почелъ бы это за дурной знакъ, такъ какъ добрый и милосердный человѣкъ около тюрьмы не запоетъ. Крестьянъ и поселенцевъ и ихъ свободныхъ женъ и дѣтей гнететъ тюремный режимъ; тюремное положеніе, подобно восточному, съ его исключительными строгостями и неизбѣжною начальственною опекой, держитъ ихъ въ постоянномъ напряженіи и страхѣ; тюремная администрація отбираетъ у нихъ для тюрьмы луга, лучшія мѣста для рыбныхъ ловель, лучшій лѣсъ; бѣглые тюремные ростовщики и воры обижаютъ ихъ; тюремный палачъ, гуляющій по улицѣ, пугаетъ ихъ; надзиратели развращаютъ ихъ женъ и дочерей, а, главное, тюрьма каждую минуту напоминаетъ имъ объ ихъ прошломъ и о томъ, кто они и гдѣ они.

Здѣшніе сельскіе жители еще не составляютъ обществъ. Взрослыхъ уроженцевъ Сахалина, для которыхъ островъ былъ бы родной, еще нѣтъ, старожиловъ очень мало, большинство составляютъ новички; населеніе мѣняется каждый годъ: одни прибываютъ, другіе выбываютъ; и во многихъ селеніяхъ, какъ я говорилъ уже, жители производятъ впечатлѣніе не сельскаго общества, а случайная сброда. Они называютъ себя братьями, потому что страдали вмѣ

стѣ, но общаго у нихъ, все-таки, мало и они чужды другъ другу. Они вѣруютъ не одинаково и говорятъ на разныхъ языкахъ. Старики презираютъ эту пестроту и со смѣхомъ говорятъ, что какое можетъ быть общество, если въ одномъ и томъ же селеніи живутъ русскіе, хохлы, татары, поляки, евреи, чухонцы, киргизы, грузины, цыгане?.. О томъ, какъ неравномѣрно распредѣленъ по селеніямъ нерусскій элементъ, мнѣ уже приходилось упоминать *).

Неблагопріятно отзывается на ростѣ каждаго селенія также еще пестрота иного рода: въ колонію поступаетъ много старыхъ, слабыхъ, больныхъ физически и психически, преступныхъ, не способныхъ къ труду, практически не подготовленныхъ, которые на родинѣ жили въ городѣ и не занимались сельскимъ хозяйствомъ. 1 января 1890 г., по даннымъ, взятымъ мною изъ казенныхъ вѣдомостей, на всемъ Сахалинѣ, въ тюрьмахъ и колоніи, дворянъ было 91 и городскихъ сословій, т.-е. почетныхъ гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и иностранныхъ подданныхъ, 924, что вмѣстѣ составляло 10% всего числа ссыльныхъ **).

---

*) На вопросъ: „какой губерніи?“—мнѣ отвѣтили 5,791 человѣкъ: Тамбовская дала 260, Самарская—230, Черниговская—201, Кіевская—201, Полтавская—199, Воронежская—198, Донская область—168, Саратовская—153, Курская—151, Пермская—148, Нижегородская—146, Пензенская—142, Московская—133, Тверская—133, Херсонская—131, Екатеринославская—125, Новгородская—122, Харьковская—117, Орловская—115; на каждую изъ остальныхъ губерній приходится меньше ста. Кавказскія губерніи всѣ вмѣстѣ дали 213 или 3,6%. Въ тюрьмахъ кавказцы даютъ большій процентъ, чѣмъ въ колоніи, а это значитъ, что они неблагополучно отбываютъ каторгу и далеко не всѣ выходятъ на поселеніе; причины тутъ—частые побѣги и, вѣроятно, высокая смертность. Губерніи Царства Польскаго всѣ вмѣстѣ дали 455 или 8%, Финляндія и остзейскія губерніи—167 или 2,8%. Эти цифры могутъ дать лишь приблизительное понятіе о составѣ населенія по мѣсту рожденія, но едва ли кто рѣшится выводить изъ нихъ заключеніе, что Тамбовская губернія самая преступная и малороссы, которыхъ, кстати сказать, очень много на Сахалинѣ, преступнѣе русскихъ.

**) Дворяне и вообще привилегированные не умѣютъ пахать и рубить избъ; надо работать, надо нести наказаніе, какое всѣ несутъ, но силъ нѣтъ. Поневолѣ они ищутъ легкаго труда и даже часто ничего не дѣлаютъ. Но за то они находятся въ постоянномъ страхѣ, что судьба измѣнится и ихъ пошлютъ въ рудникъ, тѣлесно накажутъ, закуютъ въ кандалы и проч. Въ большинствѣ это люди уже утомленные жизнью, скромные, грустные, и когда глядишь на нихъ, то никакъ не можешь представить себѣ ихъ въ роли уголовныхъ преступниковъ. Но попадаются также прой-до и нахалы, въ конецъ испорченные, одержимые moral insanity, производящіе впе атлѣніе какихъ-то острожныхъ выскочекъ; ихъ манера говорить, улыбки, походка какейская услужливость,—все это нехорошаго, пошловатаго тона. Какъ бы то ни было, страшно быть на ихъ мѣстѣ. Одинъ каторжный, бывшій офицеръ, когда его ве и въ арестантскомъ вагонѣ въ Одессу, видѣлъ въ окно „живописную и поэтическ о рыбную ловлю съ помощью зажженныхъ смоляныхъ вѣтокъ и факеловъ... поля М оссіи уже зеленѣли. Въ дубовыхъ и липовыхъ ея лѣсахъ близъ полотна дороги мо замѣтить фіалки и ландыши; такъ и слышится ароматъ цвѣтовъ и потерянной

Въ каждомъ селеніи есть староста, который избирается изъ домохозяевъ, непремѣнно изъ поселенцевъ и крестьянъ, и утверждается смотрителемъ поселеній. Въ старосты попадаютъ обыкновенно люди степенные, смышленые и грамотные; должность ихъ еще не опредѣлилась вполнѣ, но они стараются походить на русскихъ старостъ: рѣшаютъ разныя мелкія дѣла, назначаютъ подводы по наряду, вступаются за своихъ, когда нужно, и проч., а у рыковскаго старосты есть даже своя печать. Нѣкоторые получаютъ жалованье.

Въ каждомъ селеніи живетъ также надзиратель, чаще всего нижній чинъ мѣстной команды, безграмотный, который докладываетъ проѣзжимъ чиновникамъ, что все обстоитъ благополучно, и наблюдаетъ за поведеніемъ поселенцевъ и за тѣмъ, чтобъ они безъ спросу не отлучались и занимались сельскимъ хозяйствомъ. Онъ ближайшій начальникъ селенія, часто единственный судья, и его донесенія по начальству—это документы, имѣющіе немаловажное значеніе при оцѣнкѣ, насколько поселенецъ преуспѣлъ въ одобрительномъ поведеніи, домообзаводствѣ и осѣдлости. Вотъ образчикъ надзирательскаго донесенія:

СПИСОКЪ

жителей селенія Верхняго Армудана, кои дурнова поведенія:

	Фамиліи и имена.	Отмѣтка, почему именно.
1	Издугинъ Ананій.	Воръ.
2	Киселевъ Петръ Васильевъ.	Тоже.
3	Глибинъ Иванъ.	Тоже.
1	Галынскій Семенъ.	Домонерачитель и самовольный.
2	Казанкинъ Иванъ.	Тоже.

Антонъ Чеховъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

воли вмѣстѣ“ (*Владивостокъ* 1888 г., № 14). Бывшій дворянинъ, убійца, разсказывая мнѣ о томъ, какъ пріятели провожали его изъ Россіи, говорилъ: „У меня проснулось сознаніе, я хотѣлъ только одного—стушеваться, провалиться, но знакомые не понимали этого и наперерывъ старались утѣшать меня и оказывать мнѣ всякое вниманіе“. На привилегированныхъ арестантовъ, когда ихъ ведутъ по улицѣ или везутъ, ничто такъ непріятно не дѣйствуетъ, какъ любопытство свободныхъ, особенно знакомыхъ. Если въ толпѣ арестантовъ хотятъ узнать извѣстнаго преступника и спрашиваютъ про него громко, называя по фамиліи, то это причиняетъ ему сильную боль. Къ сожалѣнію, нерѣдко глумятся надъ уже осужденными привилегированными преступниками и въ тюрьмѣ, и на улицѣ, и даже въ печати. Въ одной ежедневной газетѣ я читалъ про бывшаго коммерціи-совѣтника, что будто бы гдѣ то въ Сибири, идучи этапомъ, онъ былъ приглашенъ завтракать, и когда послѣ завтрака его повели дальше, то хозяева не досчитались одной ложки: укралъ коммерціи-совѣтникъ! Про бывшаго камеръ-юнкера писали, будто въ ссылкѣ ему не скучно, такъ какъ шампанскаго-де у него разливанное море и цыганокъ сколько хочешь.

ВЫДАЮЩАЯСЯ ЖЕНЩИНА *).

(Повѣсть).

V.

Зоя Никитишна находилась въ большомъ раздумьи, что выражалось усиленною ходьбой взадъ и впередъ по ея маленькому, собственными трудами выращенному садику. Заложивъ руки за спину, она энергично, большими шагами двигалась по дорожкамъ межь благоухающихъ розъ, левкоевъ и нарцисовъ, противъ обыкновенія, не обращая на нихъ ровно никакого вниманія. Порой она на мгновеніе останавливалась, разжимала руки за спиной, проводила одною рукой по коротко остриженнымъ, назадъ зачесаннымъ волосамъ, глубокомысленно выпячивала верхнюю губу, украшенную крупною бородавкой, и останавливала серьезный, вдумчивый взглядъ на ползущей по травѣ божьей коровкѣ или на бабочкѣ, повиснувшей на лепесткѣ цвѣтка, очевидно, не замѣчая ни той, ни другой. Постоявъ съ минуту, она нетерпѣливо подергивала широкими плечами, которыя, вмѣстѣ съ круглою сутуловатою спиной, широкою таліей и короткою шеей, придавали ей довольно близкое сходство съ шаромъ, и снова принималась шагать. Проходя мимо стоявшей на дорожкѣ лейки съ водою, она подхватила ее толстенькими, маленькими и, тѣмъ не менѣе, сильными руками и начала усердно поливать цвѣты. Нѣкоторое время поливка цвѣтовъ, повидимому, поглотила все ея вниманіе, но когда въ лейкѣ не осталось ни капли воды, то, вмѣсто того, чтобы позвать Махмудку, исполнявшаго при е особѣ службу садовника, повара и грума, и приказать ему принести воды, Зоя Никитишна поставила пустую лейку на песокъ и возобновила свою тревожную ходьбу по садику.

Причиной раздумья Зои Никитишны было рѣшеніе нравственнаго вопроса.

---

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

Одна ли нравственность существуетъ для людей выдающихся, какъ и для обыденныхъ людей, лишенныхъ красокъ, блеска, дарованія и безслѣдно проживающихъ свой вѣкъ на землѣ, или существуютъ двѣ нравственности?

Зоя Никитишна считала себя философкой. Она читала Бентама, Гартмана, почитывала Шопенгауера, оставляя за собою право имѣть свое особое мнѣніе... Ходячую мораль находила вздоромъ, а свободный образъ мыслей—высшимъ признакомъ прогресса; но, признавая себя, не безъ гордости, женщиной безъ предразсудковъ, она, однако, приходила въ смущеніе передъ вопросомъ: «что̀ нравственно» и «что̀ безнравственно», и никогда этотъ вопросъ такъ сильно не смущалъ ее, какъ съ того дня, когда въ домъ ея въѣхала Клавдія Павловна. Поклоненіе ея передъ красотою послѣдней не только не ослаблялось, но, напротивъ, какъ бы достигло своего апогея. Когда, наглядѣвшись на «Клеопатру», какъ она упорно продолжала называть и вслухъ, и про себя свою жиличку, она входила въ свою комнату и останавливалась передъ туалетнымъ зеркаломъ, и зеркало отражало широкое смуглое лицо съ крупными мужественными чертами, которому, казалось, только недоставало растительности, сатирическая усмѣшка искривила ея губы и она думала:

«То, что для меня и мнѣ подобныхъ было бы чудовищно и верхомъ безобразія, для нея—въ порядкѣ вещей. Она не можетъ не обольщать, а мужчины—такіе пакостники, что ради этого обольщенія готовы все попрать... Она ни въ чемъ не виновата, какъ не виновата роза, что ароматомъ и красотой ея упиваются».

И Зоя Никитишна горой стояла за Клавдію Павловну и выходила изъ себя, когда въ ея присутствіи красавицу порицали. Она злилась даже на Раю, отдалявшуюся все больше и больше отъ матери, и, однако, именно Рая и заставляла ее въ настоящую минуту переворачивать въ своей головѣ надоѣвшій ей до тошноты, какъ она выражалась, вопросъ о томъ, что̀ нравственно и что̀ безнравственно.

Она хмурила брови, кусала губы и начинала уже выходить изъ себя при сознаніи, что она не только не приблизилась къ какому бы то ни было уясненію этого злосчастнаго вопроса, а, напротивъ, вопросъ этотъ еще болѣе затемнился и запутался, когда въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея послышался скрипъ шаговъ.

Зоя Никитишна остановилась и обернулась. Въ концѣ дорожки показался Шаховъ, какъ всегда, франтоватый, изящный, съ тросточкой въ рукѣ, облеченный въ безукоризненно сшитый лѣтній сюртукъ. Онъ приближался къ Зоѣ Никитишнѣ неторопливою, слегка

вздрагивающею походкой и еще издали приподнялъ въ знакъ привѣтствія шляпу. Зоя Никитишна, съ заложенными за спину руками, угрюмо, не двигаясь съ мѣста, ожидала его.

— Наконецъ-то встрѣчаю живую душу въ этомъ никѣмъ не обитаемомъ помѣщеніи,—сказалъ онъ, протягивая ей съ вялою, усталою улыбкой тонкую, выхоленную руку.

Зоя Никитишна, не спѣша, высвободила изъ-за спины одну руку и крѣпко, по-мужски, сжала его длинные пальцы.

— Давно пріѣхали?—отрывисто спросила она, круто поворачиваясь и направляясь къ ближайшему садовому диванчику.

— Часа два назадъ. Выкупался, пообѣдалъ и явился сюда.

Зоя Никитишна сѣла и жестомъ пригласила Шахова послѣдовать ея примѣру. Шаховъ предварительно осмотрѣлъ диванчикъ и, убѣдившись въ его достодолжной чистотѣ, опустился на указанное ему мѣсто, поставивъ трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости между ногъ.

— Гдѣ же Клавдія Павловна?—спросилъ онъ.

— Уѣхала съ утра въ Х—скій монастырь.

— Съ Раисой Васильевной, конечно?

— Нѣтъ, съ Мавраки,—сердито выпалила Зоя Никитишна.

Шаховъ быстро взглянулъ на нее, но тотчасъ же опустилъ глаза на трость.

— Надолго они уѣхали?—небрежно спросилъ онъ.

— Къ вечеру вернутся. Клавдія Павловна захватила съ собой краски. Хотѣла, кажется, развалины списать, — нехотя пояснила Зоя Никитишна.

Шаховъ не отвѣчалъ. Подавшись впередъ, онъ чертилъ тростью на пескѣ вензеля.

— Хорошія здѣсь есть мѣста,—послѣ довольно продолжительнаго молчанія заговорилъ онъ, не подымая головы и тщательно выдѣлывая фигурную завитушку вензеля.

— Вы далеко ѣздили?—спросила Зоя Никитишна, машинально слѣдя за движеніями трости по песку.

— Верстъ за сорокъ. Располагалъ ѣхать дальше, да застрялъ у Козьмы-Демьяна.

— Тамъ хорошо?

— Изумительно хорошо,—подтвердилъ Шаховъ.

Зоя Никитишна, склонивъ голову на бокъ, съ любопытствомъ смотрѣла на него.

— Горы, лѣсъ, тишина... Очень хорошо!—повторилъ Шаховъ.

Вы всѣ шесть дней тамъ жили?

— Всѣ шесть дней.

— И въ церковь ходили?

— Ходилъ. Ночную службу даже выстоялъ.

— Quand le diable se fait vieux...—иронически начала Зоя Ни китишна.

— Il se fait hermite,— закончилъ Шаховъ.—Нѣтъ, я и въ мо лодости любилъ монастырскую службу. Помню, мальчикомъ я част съ матерью ѣздилъ по монастырямъ.

— Этой черты я въ васъ не предполагала,—замѣтила Зоя Ни китишна.

— А вы хотите въ какія-нибудь двѣ недѣли все нутро чело вѣка познать?—спросилъ Шаховъ.

Онъ поднялъ голову и съ усмѣшкой взглянулъ на Зою Ники тишну.

— Можно составить себѣ приблизительное понятіе... Впрочем я неправа... Я должна была, напротивъ, предполагать... Вы чело вѣкъ чувства...

— Это комплиментъ или порицаніе?— насмѣшливо прерва онъ ее.

— Комплиментъ,—не смущаясь насмѣшкой, возразила Зоя Ни китишна.—И, какъ человѣкъ чувства, вы должны быть религіозны

— Ошибаетесь, я вовсе не религіозенъ.

— Что же васъ заставляетъ простаивать монастырскую слу бу, которой и конца нѣтъ?—рѣзко спросила она.

— Картинность обстановки,— возразилъ Шаховъ, снова пр нимаясь за вензеля.

— Эстетика?

— Именно. Вы понимаете эстетическія наслажденія, Зоя Н китишна?—спросилъ онъ мягко.

— Я понимаю красоту, но мистицизмъ...

— Да, я уже замѣтилъ,—прервалъ онъ ее также мягко,— большая поклонница красоты.

— Вѣрно. Я люблю красоту во всемъ, во всѣхъ ея проявл ніяхъ, даже когда эти проявленія ведутъ ко злу.

— Даже тогда? Это смѣло,—вполголоса произнесъ Шаховъ.

— Красота сама по себѣ есть оправданіе всего, какъ велика такъ и низменнаго.

— Не многія женщины такъ разсуждаютъ...

— Вы иронизируете?

— Нѣтъ, я слушаю и изумляюсь.

Зоя Никитишна неожиданно смутилась.

«Этотъ баринъ просто надо мной насмѣхается»,—подумала она.

— Чему вы изумляетесь?—отрывисто спросила она вслухъ.

— Такому исключительному поклоненію женской красотѣ со стороны женщины... Вѣдь, мы говоримъ преимущественно о женской красотѣ?

— Да, въ настоящую минуту я говорю, главнымъ образомъ, о женской красотѣ.

— Я такъ и понялъ.

— А я, все-таки, не понимаю, чему вы изумляетесь.

— Женщина, восхищаясь красотою другой женщины, — что, между нами, встрѣчается не часто,—требуетъ, однако, отъ красавицы, кромѣ красоты, еще и добродѣтели... А вы, если я васъ вѣрно понялъ, готовы ей простить даже зло?

— Готова. Мѣрка для нея должна быть другая... Нельзя мѣрить и обаятельную женщину, и непривлекательную однимъ аршиномъ.

— Вы думаете?—спросилъ Шаховъ и, надѣвъ pince-nez, посмотрѣлъ на Зою Никитишну.

Взглядъ маленькихъ зоркихъ глазъ еще болѣе смутилъ и, въ то же время, разсердилъ Зою Никитишну.

— Думаю,—почти грубо сказала она, возмущенная насмѣшливымъ тономъ его тихаго, мягкаго голоса.

— И красота все оправдываетъ?—допытывался онъ.

— Все.

— Vous êtes plus royaliste que le roi! Даже мы, мужчины, не смѣемъ этого утверждать.

— Однако, ради красивой женщины *вы*, мужчины, дѣлаете всякія подлости.

Шаховъ чуть-чуть поморщился. Грубое выраженіе, произнесенное грубымъ голосомъ, непріятно задѣло его слухъ.

— Дѣлаемъ,—согласился онъ.—Но подлость, какъ вы изволили выразиться, остается подлостью, и женщину, приведшую насъ къ ней, мы въ душѣ не одобряемъ.

Зоя Никитишна сомнительно посмотрѣла на него. Усталая, ироническая усмѣшка застыла на его нервныхъ губахъ; онъ отвелъ глаза отъ ея лица и опять занялся вензелями.

— Значитъ, по-вашему, нравственность одна для всѣхъ?—нерѣшительно промолвила она.

— Несомнѣнно. Что бы дѣлала несчастная мужская половина человѣческаго рода,—я изъ вѣжливости предполагаю, что мы, мужчины являемся носителями всѣхъ пороковъ,—что бы дѣлала муж-

ская половина, если бы было принято признавать нѣсколько видов нравственности?... И при сознаніи обязательности одной единой дл всѣхъ нравственности мы куда не крѣпко стоимъ на ногахъ, тогда... Боже мой, какое бы было шатанье изъ стороны въ сторо ну!... Обществу грозило бы полное одичаніе.

Зоя Никитишна не знала, смѣется онъ или говоритъ серьезно

— Я не дѣлаю разницы между мужчинами и женщинами,— быстро заговорила она.—Я неясно выразилась... Не одну красот подразумѣвала я, а вообще... людей выдающихся... Должны л они быть подведены подъ ту же мѣрку, какъ и обыкновенные лю ди? Вѣдь, они, въ силу своихъ дарованій, являются піонерами не топчутся по торной дорожкѣ.

— Почему же піонерство должно служить оправданіемъ бе нравственныхъ поступковъ?—совершенно просто спросилъ Ш ховъ, стирая однимъ движеніемъ трости всѣ вензеля и принимая чертить новые.

Зоя Никитишна не отвѣчала. Она задумалась, но не надъ ра рѣшеніемъ мучившаго ее вопроса. Вопросъ этотъ заслонился то невольною антипатіей, которую Зоя Никитишна съ самаго перва дня знакомства почувствовала къ Шахову.

— Умный, правда, и начитанный,—говорила она.—Но э барство!... Эта противная, вѣжливая мягкость и эта мефистофел ская улыбка!... Онъ точно надъ всѣмъ смѣется.

Впрочемъ, Зоя Никитишна готова была, пожалуй, прости эту улыбку. Порой она даже, помимо своей воли, восхищала ею, находила въ этой улыбкѣ тайный глубокій смыслъ, но барст Шахова, его благовоспитанность, выражавшаяся въ неизмѣнн вѣжливости и въ умѣньи держать на почтительномъ разстоян слишкомъ откровенныхъ людей, выводили ее изъ себя. Съ нескр ваемою враждебностью взглянула она на его маленькія ноги, об тыя въ черные шелковые носки и лакированныя ботинки, и на узкую, опиравшуюся на трость руку, выступавшую изъ-подъ (лоснѣжной манжеты, застегнутой огромною, плоскою, слоно кости запонкой съ золотою монограммой.

«Баричъ съ головы до ногъ! Самоувѣренный, какъ бари Брезгливый, какъ баричъ!... Умна я, нечего сказать, заводить добнаго рода разговоры съ этимъ жизнью пресытившимся госпо номъ, который, кромѣ эстетики, ничего, вѣроятно, не признаетъ!» съ озлобленіемъ думала Зоя Никитишна.

Шаховъ, между тѣмъ, поставилъ трость рядомъ съ собою, взг нулъ на часы и закурилъ папиросу. О продолженіи разговора

не заботился и, пользуясь молчаніемъ собесѣдницы, спокойно предался своимъ мыслямъ. А мысли эти были не веселыя. Лицо его приняло усталое, старческое выраженіе, глаза сквозь стекла pince-nez угрюмо смотрѣли въ пространство.

«Огорошу-ка я его однимъ вопросомъ», — внезапно рѣшила про себя Зоя Никитишна.

— Вы полагаете, значитъ, что нравственность для всѣхъ одна?—спросила она.

Шаховъ, неожиданно выведенный изъ задумчивости, не сразу понялъ, о чемъ его спрашиваютъ. Зоя Никитишна повторила вопросъ, но, не дожидаясь отвѣта, предложила другой:

— Напримѣръ, Клавдія Павловна? Развѣ она не должна быть изъята изъ общаго правила, и развѣ *вы* для нея не дѣлаете исключенія?

Шаховъ нетерпѣливо передернулъ плечами и сухо промолвилъ:

— Удивительная способность русскихъ людей сводить всякій споръ на личную почву. Ни о чемъ они не умѣютъ говорить объективно.

Зоя Никитишна разсердилась, больше, можетъ быть, потому, что сознавала свою безтактность.

— Всякая теорія подтверждается примѣрами, а гдѣ же ихъ брать, какъ не изъ личнаго опыта?—сказала она.

— Главнымъ образомъ, для того, чтобы залѣзть съ сапогами въ душу ближняго и произвести тамъ пыль и безпорядокъ,—съ досадой возразилъ Шаховъ, но тотчасъ же опомнился и съ обычною усмѣшкой обернулся къ ней.

— Вотъ видите, мы чуть было не поссорились!... Когда же русскіе за споромъ не ссорятся?

Онъ протянулъ ей руку въ знакъ примиренія. Зоя Никитишна неохотно подала свою. Никогда въ жизни она не испытывала такого замѣшательства. Смуглыя щеки ея, рѣдко краснѣющія, покрылись багровыми пятнами. Круглые глаза тревожно забѣгали.

«Подѣломъ мнѣ! Съ моею откровенностью пускаться въ пренія съ баричемъ!»—гнѣвно подумала она и хотѣла было встать, но рѣшила, что, пожалуй, и это покажется грубымъ или, еще хуже, господинъ Шаховъ вообразитъ, что она обидѣлась.

Наступило снова молчаніе. Шаховъ, заключивъ примиреніе, опять предался своимъ мыслямъ и снова угрюмо смотрѣлъ передъ собой, забывъ, повидимому, даже самое присутствіе Зои Никитишны. А Зоя Никитишна въ глубокомъ раскаяніи сидѣла на мѣстѣ,

готовая, какъ она мысленно говорила себѣ, отколотить себя за безтактность.

— Здравствуйте!—нерѣшительно произнесъ юный голосъ въ двухъ шагахъ отъ нихъ.

Рая, въ свѣтломъ кисейномъ платьѣ, безъ шляпы, тоненькая, поблѣднѣвшая и похудѣвшая, стояла передъ ними и съ недоумѣніемъ смотрѣла на сумрачныя лица Шахова и Зои Никитишны.

— Раичка!— вскрикнула Зоя Никитишна, обрадованная появленіемъ дѣвушки, естественно и просто выводившимъ ее изъ тягостнаго замѣшательства.—Какъ это мы васъ не слыхали?

Рая, не отвѣчая, протянула руку Шахову. Онъ всталъ, лишь только Зоя Никитишна окликнула дѣвушку. Вся его внѣшность точно преобразилась. Морщины исчезли, какъ исчезла старческая угрюмость въ глазахъ. Бережно пожавъ протянутую руку, онъ съ видомъ виноватости нѣжно смотрѣлъ на Раю.

— Садитесь здѣсь,—предложила Зоя Никитишна, торопливо подымаясь съ диванчика.—Махмудкѣ давно пора поливать, а онъ и не думаетъ.

— Я не надолго,—заговорила Рая, робѣя, по обыкновенію, въ присутствіи Шахова,—я думала, мама уже дома.

— Нѣтъ еще, нѣтъ... Посидите. Куда вамъ торопиться? Они навѣрное, скоро пріѣдутъ.

И, не дождавшись отвѣта, Зоя Никитишна удалилась.

Рая и Шаховъ остались одни. Нѣкоторое время молчаніе не прерывалось. Краска замѣшательства отхлынула отъ щекъ Раи. Сложивъ руки на колѣняхъ, она сидѣла прямо, не подымая глазъ и стараясь придать лицу выраженіе спокойнаго равнодушія, но юныя черты, отражавшія, какъ въ зеркалѣ, волновавшія ее чувства, волѣ не подавались. Губы ея вздрагивали отъ сдержанныхъ слезъ.

— Бѣдный ребенокъ!—сказалъ вдругъ Шаховъ.

Рая съ испугомъ, почти съ ужасомъ, взглянула на него и встрѣтила его соболѣзнующій, нѣжный взглядъ. Она поспѣшила отвести глаза въ сторону и, досадуя на себя, раздраженная его замѣчаніемъ прикусила губы.

— Да, бѣдный ребенокъ!—вкрадчиво продолжалъ Шаховъ понижая голосъ, точно онъ говорилъ въ присутствіи опасно-больной.—Не знаю, простятся ли намъ когда-либо наши грѣхи передъ вами.

Рая снова быстро взглянула на него и снова кровь прихлынула къ ея щекамъ.

— Я васъ не понимаю,—сказала она сдержанно.

— Какъ вамъ, невинной дѣвушкѣ, понять насъ?—промолвилъ Шаховъ.—Боль вы можете чувствовать, но понять... Довольно трудно вамъ постичь наши безобразія,—прибавилъ онъ съ горечью.

Рая тревожно зашевелилась; брови ея, въ болѣзненномъ недоумѣніи, приподнялись, но она не подняла глазъ и, стиснувъ руки на колѣняхъ, сидѣла прямо, неподвижно. Шаховъ на мгновеніе замолкъ.

— Того вамъ не понять, но... поймете ли вы,—сказалъ онъ, понижая голосъ почти до шепота,—что когда я васъ вижу...вижу, вотъ какъ теперь, страданіе на вашемъ лицѣ, я бы хотѣлъ встать на колѣни и молить о прощеніи?..

Рая, широко раскрывъ глаза, взглянула на него.

— Почему? Я васъ ни въ чемъ не виню,—сказала она, пораженная выраженіемъ скорби и глубокаго самоуниженія въ его глазахъ.

— И никогда не винили?—порывисто спросилъ онъ.

— Никогда.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ такимъ голосомъ, будто съ груди его сняли тяжесть.—Было бы ужасно сознавать ваше отвращеніе.

Сдвинувъ брови, какъ бы силясь понять смыслъ его словъ, Рая смотрѣла на него.

— Ребенкомъ я васъ очень любила,—неувѣренно промолвила она.

— Да, не правда ли? Вы это помните?—живо вскрикнулъ онъ и глаза его загорѣлись радостью.—А я какъ васъ любилъ!... Любилъ тѣмъ болѣе, что сознавалъ, глубоко сознавалъ свою вину передъ вами,—тихимъ голосомъ добавилъ онъ.

Рая вспыхнула.

— Вины не было,—сказала она застѣнчиво.

— И вы не отказываетесь считать меня человѣкомъ не совсѣмъ для васъ чужимъ?—спросилъ онъ, протягивая ей руку.

Рая подала ему свою.

— Нѣтъ. Уже по одному тому...—запинаясь, начала было она.

— Не почему другому,—поспѣшно перебилъ онъ,—какъ потом[illegible], что ребенкомъ вы не чуждались меня. Дѣти чутки... Вы поня[illegible] и не осудили... А понять—значитъ простить.

[illegible]нъ бережно пожалъ ея руку.

- Вы не можете себѣ представить, какъ я вамъ благодаренъ,—съ [illegible]вствомъ сказалъ онъ.

[illegible]я недоумѣвала. Но, не умѣя и не зная, что отвѣчать, она

молчала. Шаховъ не прерывалъ молчанія. Онъ сидѣлъ согнувшись, подпирая подбородокъ гладкимъ набалдашникомъ трости, которую обхватилъ обѣими руками, и смотрѣлъ прямо передъ собой. Мягкое, растроганное выраженіе не сходило съ его помолодѣвшаго лица. Тишина въ саду нарушалась только отрывистыми приказаніями Зои Никитишны, переходившей, въ сопровожденіи Махмудки, отъ одной клумбы цвѣтовъ къ другой.

— Фефела ты, Махмудка, право, фефела!—недовольнымъ голосомъ говорила она.—Спалъ ты, что ли?... Смотри, резеда почти засохла... Зачѣмъ не шелъ поливать?... Тише, тише! Зальешь, вѣдь...

Махмудъ, въ ярко-розовой рубахѣ и сѣрыхъ шароварахъ, перетянутыхъ кожанымъ поясомъ съ серебряными бляхами, въ отвѣтъ только тряхнулъ бритою головой, покрытой смушковою шапкой, и, сверкнувъ зубами, прищурилъ плутовскіе глаза.

— Чего скалишь зубы?—сердито замѣтила Зоя Никитишна, бережно расправляя листики резеды, пригнутые къ землѣ струей воды.—Солнце сѣло, а тебя съ собаками не сыщешь!

— Зачѣмъ не сыщешь?—весело проговорилъ Махмудъ.—Барышня знаетъ, что чужой барыня платье чистилъ.

— Чужой барыня, чужой барыня!—ворчала Зоя Никитишна.—Чужой барыня, вѣрно, и тебѣ, дураку, голову одурманила,—прибавила она какъ бы съ сердцемъ, но глаза ея добродушно-насмѣшливо скользнули по развеселому лицу Махмудки.—Что, правится тебѣ чужой барыня?

Плутовскіе глаза Махмудки блеснули, но онъ только дурачливо отвѣтилъ:

— Ццъ, яхши!

— То-то, яхши! У тебя губа не дура!... Принеси еще воды.

Махмудъ подхватилъ пустую лейку и, раскачивая на ходу гибкимъ стройнымъ станомъ, отправился за водою. Зоя Никитишна заботливымъ взоромъ оглядѣла свое маленькое цвѣточное царство причемъ взглядъ ея съ любопытствомъ остановился на Раѣ и Шаховѣ, молчаливо сидѣвшихъ бокъ-о-бокъ на диванчикѣ.

«О чемъ они думаютъ?... Бѣдная дѣвочка! Какъ она измѣнилась за нѣсколько дней, какъ похудѣла!... Эхъ, жизнь!»

Зоя Никитишна взъерошила рукой короткіе густые волосы и на лицѣ ея появилось то недоумѣвающее выраженіе, которое застыло на немъ, когда она рѣшала про себя вопросъ, что нравственно и что безнравственно.

Махмудъ не далъ ей предаться размышленіямъ. Онъ появился

съ лейкой, полною воды, съ сверкающими на желтомъ татарскомъ лицѣ зубами, съ плутовскими глазами и лѣнивыми самодовольными ухватками парня à bonne fortune, и Зоя Никитишна всецѣло отдалась дѣлу поливки цвѣтовъ.

Солнце сѣло. Послѣднее растеньице было полито и Махмудка удалился. Зоя Никитишна, нерѣшительно поглядывая на погруженную въ задумчивость пару, постояла на мѣстѣ, наконецъ, двинулась къ Раѣ и Шахову, но не остановилась передъ ними, а, проходя мимо, вскользь замѣтила:

— Все еще ихъ нѣтъ. Пойти, развѣ, похлопотать объ ужинѣ.

Большими размашистыми шагами она направилась къ дому. Рая тоже встала.

— Мнѣ пора. Дома, вѣрно, ждутъ,—сказала она звенящимъ отъ подавленной тревоги голосомъ.

— Постойте одну минутку... Зачѣмъ уходить? — съ мольбою сказалъ Шаховъ, протягивая руку, какъ бы для того, чтобы остановить ее.—Зачѣмъ убѣгать отъ того, что неизбѣжно?... Не лучше ли прямо взглянуть судьбѣ въ глаза?

На лицѣ Раи выразилось страданіе.

— Вы все говорите какъ-то загадочно,—со слабою улыбкой промолвила она.—Я плохо понимаю.

Она протянула ему руку на прощанье, но Шаховъ не взялъ протянутой руки и продолжалъ сидѣть на диванѣ.

— Трудно вамъ понять, повторяю я... а мнѣ какъ трудно говорить яснѣе!—заговорилъ онъ.—Помогите мнѣ.

Рая вопросительно глядѣла на него.

— Еслибъ я былъ вашимъ отцомъ, я бы съумѣлъ... Представьте себѣ на минуту, что я вашъ отецъ, любящій отецъ...

— У меня есть отецъ, очень любящій отецъ, — сухо прервала Рая и вдругъ густо покраснѣла.

Шаховъ смутился.

— Вы правы,—проговорилъ онъ, запинаясь.—Это было глупо съ моей стороны... Съ какой стати мнѣ заявлять относительно васъ родительскія чувства?

Рая еще больше смѣшалась.

— Я не хотѣла васъ оскорбить,—пробормотала она.

— Полноте, какое тутъ оскорбленіе!... Понимаете, Раиса Васильевна... Я не знаю почему, но я чувствую, что долженъ говорить во что бы то ни стало... Будь тутъ вашъ отецъ, тогда, конечно... Я его знаю... знаю, что это за человѣкъ... Но онъ... онъ играетъ теперь страдательную роль.

Боль, обида за отца ясно выразились на лицѣ Раи; слезы закипали у нея въ глазахъ. Она отвернулась и порывисто отошла отъ Шахова. Онъ такъ же порывисто вскочилъ и всталъ передъ нею.

— Ради Бога, не думайте,—сказалъ онъ, схвативъ ее за руку.—Вы не знаете, вы не можете понять... Вашъ отецъ!... Я всегда его высоко цѣнилъ, а теперь, можетъ, еще выше... Дитя мое, вѣрьте, я говорю, какъ человѣкъ, который васъ любитъ... Не избѣгайте вашей матери... Не уходите... Не уклоняйтесь отъ удара... Ждите его, напротивъ... И смотрите прямо... Не извращенное еще жизнью чувство васъ не обманетъ... Вы еще такъ молоды... Передъ вами еще все впереди... и любовь, и счастье... Да, да, все впереди, повѣрьте!

Онъ до боли жалъ ея руки и съ глубокою нѣжностью и жалостью смотрѣлъ ей прямо въ глаза.

— Только не уклоняйтесь... Что должно быть, то пусть будетъ... И лучше разомъ, понимаете, лучше разомъ... Все иллюзія, дитя, все иллюзія... Одна иллюзія длится дольше, другая—короче... Пройдетъ годъ, другой, и вы съ улыбкой вспомните, что всю молодую жизнь свою чуть не поставили на одну единую карту... А картъ еще много въ вашей колодѣ.

Рая, не отнимая рукъ, смотрѣла на него, и сердце ея сжималось, и голова кружилась отъ непонятнаго страха, но голоса, внезапно раздавшіеся на верандѣ, не дали ей опомниться.

— Пріѣхали,—быстрымъ шепотомъ проговорилъ Шаховъ.—Хотите туда или здѣсь останетесь?

— Здѣсь,—едва слышно возразила дѣвушка.

— Прекрасно, посидимъ. Насъ позовутъ, когда надо будетъ.

Онъ выпустилъ руки дѣвушки и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Отъ бѣлой акаціи просто пьянѣешь,—заговорилъ онъ такъ спокойно, какъ будто только и рѣчи было, что о постороннихъ предметахъ.—Особенно къ вечеру она начинаетъ насыщать воздухъ. Но я люблю ея запахъ, больше всѣхъ запаховъ люблю, да вотъ еще этотъ живительный запахъ влажной земли...

Онъ продолжалъ говорить спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, а Рая сидѣла молча и пыталась всѣми силами потрясенной души овладѣть своимъ волненіемъ.

VI.

Клавдія Павловна лежала на кушеткѣ. Спинка большого кресла заслоняла отъ нея свѣтъ лампы, стоявшей на чайномъ столѣ. Она

лежала блѣдная, съ закрытыми глазами, и не принимала участія въ бесѣдѣ Мавраки съ Зоей Никитишной. Она не подняла головы, не пошевельнулась и тогда, когда Рая и Шаховъ взошли на веранду, и на вопросъ Раи: что съ нею?—едва слышно проговорила:

— Мигрень. Съ утра началась. Не разговаривай съ мной, душечка... Каждое слово молотомъ отдается въ головѣ.

Рая отошла отъ матери и взялась за оставленную ею на верандѣ шляпу.

— Раичка, куда? а чай?—спросила Зоя Никитишна.

Рая отрицательно покачала головой.

— Домой пора,—отвѣтила она.

— Я васъ провожу,—сказалъ вдругъ Мавраки.

Шаховъ отвелъ глаза отъ развернутой передъ нимъ на столѣ газеты и серьезно посмотрѣлъ на него. Клавдія Павловна тоже пошевельнулась, приподняла голову и обдала его быстрымъ, жгучимъ, сумрачнымъ взглядомъ, но когда онъ съ фуражкой въ рукѣ приблизился къ ней, она снова лежала съ закрытыми глазами и слабо прошептала:

— Это хорошо! Проводите мою дѣвочку... Такъ скучно!... Цѣлый день ее не видала...

Рая, не дожидаясь жениха, ушла. Онъ нагналъ ее уже на улицѣ. Она шла быстро и не замедлила шаговъ, когда онъ съ нею поравнялся.

— Хотите руку?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Благодарю.

Ночь была темная, звѣздная, душная. Несмотря на духоту и учащенное біеніе сердца, Рая все ускоряла шаги, точно хотѣла уйти, подальше уйти отъ того, кто за нею слѣдовалъ.

— Зачѣмъ вы такъ бѣжите?— съ досадой проговорилъ, наконецъ, Мавраки.—Это вамъ вредно, а я все равно пойду съ вами.

Не столько его слова, сколько голосъ, твердый и властный, привелъ въ себя Раю, обезумѣвшую было отъ непонятнаго ей самой отчаянія. Она устыдилась своихъ порывистыхъ движеній и замедлила шаги.

Спокойно и неторопливо, молча, достигли они дома Маріи Андреевны и прошли на веранду. Здѣсь горѣла лампа на столѣ, но Марія Андреевна, хотя еще было не поздно, уже удалилась къ себѣ.

Рая въ нерѣшимости остановилась посреди веранды и вопросительно взглянула на жениха. Онъ, не глядя на нее, положилъ фуражку на перила и придвинулъ къ столу кресло и стулъ.

— Если хозяйка не приглашаетъ гостей садиться, то они сами должны о себѣ позаботиться. Садитесь и вы, гостья будете,—сказалъ онъ, указывая на кресло.

Онъ говорилъ шутливо, но не шуткой звучалъ его голосъ и черты молодаго поблѣднѣвшаго и осунувшагося лица выражали сдержанное раздраженіе и досаду.

Рая, взволнованная, стояла неподвижно, безпомощно опустивъ руки вдоль стана, какъ тогда, когда ей пришлось сообщать о письмѣ матери.

Но теперь не отецъ стоялъ передъ нею и не жалость закипала въ ея сердцѣ, а глубокая обида, и она строптиво отвѣтила:

— Садитесь, если хотите. Я не хочу.

Мавраки топнулъ ногою.

«Нашла время ломаться!»—гнѣвно подумалъ онъ.

— Раиса Васильевна, — произнесъ онъ сдержанно, — прошу васъ сѣсть.

Что-то въ его голосѣ заставило ее повиноваться, но когда, вызывающе откинувъ юную головку, она прошла мимо жениха и опустилась въ кресло, волненіе пересилило и волю, и самолюбіе и она неудержимо залилась слезами.

Мавраки на мгновеніе растерялся. Кусая губы и стискивая рукою спинку стула, на который собирался сѣсть, онъ стоялъ передъ рыдающею дѣвушкой, не зная, что дѣлать, что предпринять.

— Рая! голубушка! перестаньте! зачѣмъ это? — растерянно бормоталъ онъ.

Но Рая не слушала, да и не слыхала его. Накопившіяся за цѣлый долгій день рыданія потрясали теперь ея узенькія плечики. Закрывъ лицо руками, она горько плакала и слезы струились сквозь пальцы и капали на платье.

Мавраки вспомнилъ, что въ этихъ случаяхъ помогаетъ холодная вода. Онъ исчезъ и вернулся съ графиномъ воды и стакановъ.

— Выпейте,—сказалъ онъ, наливъ въ стаканъ воду.

Не безъ труда удалось ему разжать руки Раи. Но едва успѣлъ онъ взглянуть въ ея слезами обезображенное, съ опухшими вѣками и губами лицо, какъ она отвернулась отъ него и скрыла лицо въ мягкой спинкѣ кресла. Въ памяти Мавраки встало другое лицо, прекрасное и тоже въ слезахъ, но слезы, какъ жемчужины, катились по щекамъ, не вызывая ни судороги, ни безобразной красноты или опухоли въ чертахъ.

Слова проклятія чуть не сорвались съ устъ Мавраки. Стиснувъ

кулаки, онъ отошелъ отъ плачущей дѣвушки и почти сбѣжалъ въ палисадникъ.

Страсть и бѣшенство боролись въ немъ, и, какъ разъяренный звѣрь, зашагалъ онъ по палисаднику, до боли сжимая руки, когда отъ времени до времени до него доносился жалобный плачъ Раи.

— Будьте великодушны,—слышался ему низкій, все его существо переворачивающій голосъ. — Я не робкая, но... какъ мнѣ взглянуть потомъ на дочь?

И она цѣловала его руки, и глаза ея, полные крупныхъ слезъ, искали его взгляда.

Она не робкая, онъ это зналъ, и зналъ также, что не жалость, не уваженіе къ дочери заставили ее отвергнуть требованія, бѣшеныя, отчаянныя, съ насиліемъ почти граничащія... Она боялась Шахова, боялась разрыва... Ей тридцать семь лѣтъ. Не много годовъ осталось ей царить и не онъ, юноша на двѣнадцать лѣтъ моложе ея, упрочитъ за нею царство... Да, этотъ страхъ и заставилъ ее склоняться къ его ногамъ, на колѣняхъ молить его... Онъ это понялъ, когда они снова очутились на людяхъ, и тогда же рѣшеніе, быстрое, безповоротное, возникло въ немъ, и это рѣшеніе онъ долженъ, во что бы то ни стало, привести въ исполненіе.

Рыданія Раи стихли. Мавраки обошелъ разъ-другой палисадникъ и медленно вернулся на веранду. Изсиня-блѣдное лицо его явственно выдавало пережитую бурю. Черные глаза ввалились и неестественно горѣли; жесткое выраженіе засѣло въ углахъ губъ.

Дѣвушка сидѣла въ креслѣ, прислонивъ голову къ спинкѣ и закрывъ лицо платкомъ. Въ стаканѣ, налитомъ женихомъ, воды уже не было. Все это Мавраки охватилъ однимъ взглядомъ. Какъ бы давая ей время оправиться, онъ закурилъ папиросу и облокотился о перила веранды спиною къ Раѣ.

Рая отняла платокъ отъ заплаканныхъ глазъ, налила изъ графина воды въ стаканъ и, намочивъ въ немъ кончикъ платка, приложила его къ горячимъ, краснымъ вѣкамъ. Карманнымъ гребешкомъ пригладила она растрепанныя кудряшки, оправила платье и встала, чтобы выплеснуть изъ стакана остатокъ воды.

— Позвольте,—сказалъ Мавраки.

Онъ взялъ стаканъ изъ ея рукъ. Рая опустилась въ кресло.

— Желаете еще воды? — спросилъ онъ, возвращаясь съ пустымъ стаканомъ и, не дожидаясь отвѣта, наполнилъ его.

Принимая стаканъ, Рая впервые взглянула на жениха. Непоколебимо-рѣшительное выраженіе измѣнившагося и постарѣвшаго на нѣсколько лѣтъ лица помогло ей лучше холодной воды овладѣть

собою. Вздрагивавшія отъ пролитыхъ слезъ губы сжались и въ сдвинутыхъ бровяхъ проявилось упорство. Она отпила нѣсколько глотковъ воды, молча поставила стаканъ на столъ и заслонила одною рукой глаза отъ лампы. Мавраки, кусая губы, также молча наблюдалъ за нею. Когда онъ убѣдился, что она до нѣкоторой степени успокоилась и въ состояніи его слушать, онъ придвинулъ стулъ къ столу и сѣлъ напротивъ нея.

— Вы такъ упорно меня избѣгаете,—заговорилъ онъ сухимъ, жесткимъ голосомъ,— что я вынужденъ настоять на сегодняшнемъ разговорѣ. Надо же положить конецъ недоразумѣніямъ.

Рая быстро, съ испугомъ, взглянула на него. Блѣдное лицо ея еще болѣе поблѣднѣло.

— Да-съ; я бы покорнѣйше просилъ васъ назначить день свадьбы и по возможности скорѣй.

— Что? — пробормотала Рая, широко раскрывъ испуганные глаза.

— Я полагалъ сначала сыграть нашу свадьбу осенью, руководствуясь нѣкоторыми матеріальными соображеніями,—продолжалъ онъ такъ же жестко, сухо, не сводя сумрачныхъ, горящихъ глазъ съ юнаго, испуганнаго личика невѣсты, — но полагаю, что это лишнее... Вы и такъ, смѣю думать, ни въ чемъ не будете нуждаться... А длинныя помолвки, я убѣдился, ни къ чему не ведутъ... И такъ, прошу васъ назначить день свадьбы въ началѣ будущей недѣли... Моего отъѣзда требуютъ по службѣ... Пароходъ отходитъ во вторникъ... Вѣнчаться можно наканунѣ...

— Сегодня понедѣльникъ,— съ ужасомъ пролепетала Рая.

— Почти восемь дней... Слишкомъ даже длинный періодъ... Если бы можно было обвѣнчаться завтра, было бы еще лучше.

— Но папа... Какъ же безъ него?

— Я его увижу... Въ виду такого обстоятельства, Марѳа Андреевна скажетъ, гдѣ онъ.

Рая провела дрожащею рукой по лицу, какъ бы желая собраться съ мыслями.

— Все это такъ странно... неожиданно... Ничего не готово,— несвязно бормотала она.

— И ничего не надо,— рѣзко прервалъ онъ.— Передъ самымъ важнымъ дѣйствіемъ въ жизни женщины вѣчно думаютъ о тряпкахъ! — злобно прибавилъ онъ, сдерживая желаніе стукнуть кулакомъ по столу.

Рая, наконецъ, возмутилась.

— Есть еще и другія соображенія, Леонидъ Константиновичъ,— заговорила было она съ достоинствомъ.

— Извините, Раиса Васильевна,— прервалъ онъ ее вдругъ съ бѣшенствомъ,— иныхъ соображеній не можетъ быть. Вы связаны со мной словомъ, я — съ вами. Это одно единственное соображеніе, которое должно нами руководить. И я это твердо знаю и ничего другого знать не хочу. Обстоятельства принуждаютъ ускорить свадьбу. Я ускоряю и откладываю ее до будущаго понедѣльника только потому, что не увѣренъ, успѣемъ ли повѣнчаться раньше, но если успѣемъ, мы обвѣнчаемся до понедѣльника и съ первымъ же пароходомъ уѣдемъ, — властно, отстраняя всякія возраженія, добавилъ онъ.

Рая, широко раскрывъ глаза и полуоткрывъ ротъ, смотрѣла въ гнѣвное и, какъ ей казалось, ненавистью пылающее лицо жениха. Она молчала только потому, что мысли мѣшались у нея въ головѣ, и отъ страха и горя она была близка къ потерѣ сознанія. Мавраки, въ ожиданіи отвѣта, въ упоръ смотрѣлъ на нее, но вдругъ точно судорога пробѣжала по его блѣдному лицу. Онъ отвелъ отъ нея глаза и закрылъ ихъ рукою. Когда онъ отнялъ руку, взглядъ его смягчился.

— Простите,— сказалъ онъ тише.— Я не воленъ поступать иначе и вынужденъ настоять на своемъ.

Онъ нагнулся, взялъ ея холодную, какъ ледъ, руку и поднесъ къ губамъ.

— Надѣюсь,— прошепталъ онъ еще тише,— что современемъ загладу свою вину.

Онъ слегка прижался сухими, горячими губами къ ея рукѣ и, не проговоривъ болѣе ни слова, ушелъ.

VII.

Клавдія Павловна, ссылаясь на невыносимую головную боль, отказалась отъ чаю и удалилась въ свою комнату. Она, однако, не раздѣлась, не легла, не перемѣнила чернаго кружевного платья, въ которомъ ходила въ монастырь, на бѣлое, домашнее, а заходила безшумно, но быстро по комнатѣ. Какъ маковъ цвѣтъ, рдѣли воспаленныя, разжатыя ускореннымъ дыханіемъ губы; рѣзко выступали на блѣдномъ, почти до призрачности блѣдномъ лицѣ жгучіе глаза и тонкія ноздри трепетали. Волненіе сквозило въ каждой чертѣ страстью дышащаго лица, въ походкѣ, неровной, порывистой, въ нервномъ сжиманіи и разжиманіи бѣлизною на черномъ фонѣ кружева сверкающихъ рукъ.

Неслышно шагая взадъ и впередъ, Клавдія Павловна остановилась передъ туалетнымъ зеркаломъ. Лампа, стоявшая на столѣ за спиной, отчетливо освѣтила всю фигуру и зеркало отразило роскошный станъ и маленькую, совершенной формы, голову съ блѣднымъ лицомъ и большими, темными, полными огня глазами. Долго смотрѣла на себя Клавдія Павловна, смотрѣла критически, пристально всматриваясь въ нѣжную, атласистую кожу лица. Ни одной морщинки. Она была и молода, и неотразимо прекрасна.

Клавдія Павловна на шагъ отступила отъ зеркала. Черное кружево выгодно обрисовывало ея полный станъ, придавъ ему и бо́льшую стройность, и бо́льшую гибкость. Мысленно невольно поставила она рядомъ съ собою Раю. Горделивая улыбка выступила было на ея губахъ, но она подавила эту улыбку. Что-то вродѣ укола совѣсти заставило ее поспѣшно отогнать образъ тоненькой дѣвушки, но образъ этотъ не отходилъ. Она видѣла передъ собою печальный, недоумѣвающій взглядъ дочери, видѣла вздрагивающія отъ сдерживаемыхъ слезъ губы.

Взоръ Клавдіи Павловны омрачился. Она отвернулась отъ зеркала и снова безшумно зашагала по комнатѣ.

«Какъ все нелѣпо устраивается въ жизни! — думала она.— Бѣдняжка! Не на шутку влюблена... Будь это не Рая, а другая дѣвчонка...»

Клавдія Павловна съ досадой пожала плечами и на мгновеніе остановилась.

«Да, но это Рая,— продолжала она размышлять, снова принимаясь шагать,— и съ этимъ ничего не подѣлаешь. Дурочка... плачетъ, дуется... Точно *этимъ* можно вернуть къ себѣ...»

Она снова нетерпѣливо повела плечами и еще быстрѣе заходила по комнатѣ.

«Безъ сомнѣнія, они не пара... Рано или поздно она, все равно, была бы несчастна... Онъ бы ее бросилъ...»

Многое въ этомъ родѣ говорила себѣ Клавдія Павловна, но всѣ размышленія разбивались объ одно слово: «Дочь!» Никто иной-прочій, а дочь, дочь...

Досадливый голосъ совѣсти, непривычный голосъ, къ которому Клавдія Павловна никогда не прислушивалась. Она смѣялась надъ принципами, презирала принципы, называя ихъ измышленіями общественнаго ханжества, и смѣло утверждала, что «умная женщина никогда не завязнетъ въ тинѣ»... И вдругъ колебанія, сомнѣнія и... страхъ... И передъ кѣмъ? Передъ Шаховымъ!... Это ее злило, выводило изъ себя... Но разрыва она страшилась... Слабохарак-

терные люди, если задѣть ихъ самолюбіе, способны на непреоборимое упорство... А, между тѣмъ, никогда никто не внушалъ ей такого влеченія, такого восхищенія, какъ этотъ юноша. «Самоувѣренный до нахальства!» — сказала себѣ Клавдія Павловна. Тонная, нѣжная усмѣшка смягчила сумрачный блескъ ея глазъ. Она остановилась посреди комнаты и закрыла глаза.

Съ какимъ бѣшенствомъ схватилъ онъ ея руки! Какъ сжалъ ихъ, точно въ тискахъ!

Грудь Клавдіи Павловны высоко поднялась и опустилась. Улыбка нѣги разжала сочныя, пунцовыя губы. Клавдія Павловна отвернула кружево рукава и взглянула на бѣлую, безукоризненной формы кисть руки. Едва замѣтное темное пятнышко выступало на гладкой поверхности кожи. Клавдія Павловна поднесла руку къ лицу и съ нѣжною улыбкой прикоснулась губами къ этому темному, похожему на синякъ пятнышку.

«Глупый, необузданный мальчикъ! — прошептала она. — Такой еще глупый и такой прелестный! Еслибъ онъ зналъ...»

Да онъ и зналъ, и все понималъ. Голова его всегда трезва, страстные порывы, желанія не обезцвѣчены умозрѣніями. Впервые она встрѣчаетъ такую цѣльную натуру, и гдѣ же?... въ Россіи, въ странѣ умственнаго искалѣченія... И надо же, чтобъ этотъ единственный человѣкъ... Иронія, злая иронія!

Клавдія Павловна бросилась въ кресло, стоявшее у окна. Искрились звѣзды въ вышинѣ. Ночь, торжественно-тихая, благоуханная, разстилалась надъ спящимъ городомъ. Съ моря слабо донесся звонъ склянокъ.

«Который-то часъ?» — подумала Клавдія Павловна.

И, словно въ отвѣтъ ей, за стѣною, на половинѣ Зои Никитишны, раздался медленный бой старинныхъ часовъ.

«Двѣнадцать! — прошептала Клавдія Павловна. — Что-то дѣлаетъ теперь мой бѣшеный мальчикъ?»

Желаніе, страстное, безумное, непреодолимое, охватило все существо ея. Она заломила назадъ бѣлыя руки и стиснула себѣ пылающую голову.

«Борьба нелѣпа! къ чему? для чего? Кто отъ этого выиграетъ?»

Какъ пружина, поднялась она съ кресла и снова безшумно заметалась по комнатѣ. Немного погодя она остановилась передъ стуломъ, на которомъ висѣлъ длинный кружевной черный шарфъ. Она схватила его и накинула на голову.

«Что выше силъ! — безсвязно шептала она. — Все вздоръ... Предразсудки... Деньщикъ увидитъ... Ахъ, какая чепуха!... Ну, и пусть!»

И въ сознаніи своей правоты, гордо откинувъ красивую голову, окутанную чернымъ кружевомъ, она быстро направилась къ двери и вошла въ сосѣднюю комнату, ея пріемную. Свѣтъ горѣвшей на верандѣ лампы проникалъ сюда сквозь стеклянную дверь.

Клавдія Павловна невольно замедлила шаги.

«Забыли погасить»,— мелькнуло у нея въ головѣ.

Она рѣшительно двинулась впередъ и распахнула стеклянную дверь.

На верандѣ, у стола, на которомъ горѣла лампа, сидѣлъ или, скорѣе, лежалъ въ креслѣ-качалкѣ Шаховъ и, мирно расположившись въ покойной позѣ, читалъ французскій романъ. При появленіи Клавдіи Павловны онъ опустилъ книгу на колѣни, надѣлъ pince-nez и съ любопытствомъ оглядѣлъ ее съ ногъ до головы. Клавдія Павловна въ оцѣпенѣніи застыла на порогѣ.

— Вы здѣсь?—сдавленнымъ голосомъ промолвила она.

— Какъ видите,—спокойно возразилъ онъ.—Очень интересный романъ... А вы, должно быть, справились съ мигренью и потому собрались на прогулку?

Глаза Клавдіи Павловны загорѣлись.

— Вамъ какое дѣло?—грубо сказала она.

— До цѣли вашей прогулки? Ни малѣйшаго... По если позволите, я васъ провожу.

Рѣзкій, отрывистый смѣхъ вырвался у Клавдіи Павловны. Судорожно дернувъ конецъ шарфа, она въ клочья изорвала драгоцѣнное кружево.

— Въ приморскихъ городахъ, да еще въ такихъ, гдѣ улицы теряются въ развалинахъ, ходить одной на свиданіе не безопасно,—безстрастно продолжалъ Шаховъ.

Она кинула на него быстрый, молніеносный взглядъ, въ которомъ ярость боролась со страхомъ, и, отвернувъ отъ него искаженное разнородными чувствами лицо, стремительно прошла къ лѣстницѣ.

Шаховъ съ любопытствомъ слѣдилъ за нею. Ни одно движеніе не ускользнуло отъ его вниманія. Онъ видѣлъ, какъ она намѣревалась было сбѣжать со ступенекъ, но раздумала, выпрямилась и неподвижно остановилась, скрестивъ руки на груди и всматриваясь въ темную глубь сада.

Злорадная усмѣшка искривила тонкія, нервныя губы Шахова. Онъ уронилъ pince-nez и снова поднесъ книгу къ глазамъ.

Сколько времени длилось молчаніе, Клавдія Павловна не знала, но Шаховъ зналъ, что оно длилось долго. Интересный романъ уже

не поглощалъ его вниманія и, утомленный напрасною попыткой вникнуть въ читаемое, онъ положилъ на столъ книгу и закурилъ папиросу.

Брезгливое, угрюмое выраженіе разлилось по его лицу, изборождивъ щеки, углы носа и губъ безчисленными морщинками. Усталость и скуку выражали теперь потускнѣвшіе глаза.

Клавдія Павловна повернулась и, не глядя на него, прошла въ свою комнату.

Шаховъ поднялъ голову. Стеклянная дверь осталась открытой. Шелестъ платья, скрипъ закрываемаго шкафа, стукъ отодвинутаго стула явственно доносились до него. Надѣвъ pince-nez, онъ прислушивался къ этимъ звукамъ, не мѣняя небрежнаго положенія въ креслѣ и не отрывая глазъ отъ двери. Не перемѣнилъ онъ положенія и тогда, когда Клавдія Павловна, въ своей обычной широкой бѣлой одеждѣ, появилась въ дверяхъ и плавно приблизилась къ нему. Ничто не выдавало пережитой душевной бури. Только окруженные темною синевой глаза не утратили еще лихорадочнаго блеска и губы рдѣли ярче обыкновеннаго на блѣдно-матовомъ лицѣ. Но голосъ звучалъ кротко и взглядъ былъ мягокъ, когда она остановилась передъ Шаховымъ и, опираясь на столъ рукой, проговорила:

— Жоржъ, ты помѣшалъ мнѣ сдѣлать глупость.

— Непоправимую,—сухо замѣтилъ онъ.

— Непоправимую,—согласилась она.

Шаховъ угрюмо, не безъ любопытства смотрѣлъ на нее; она съ выраженіемъ покорнаго самоуничиженія во взорѣ выдержала его взглядъ.

— Благодарностью, однако, вы обязаны не мнѣ, а вашей дочери,—такъ же сухо продолжалъ Шаховъ.

Едва замѣтная тѣнь досады отуманила было мягкое, покорное выраженіе, сквозившее въ каждой чертѣ обаятельнаго въ своей кротости лица, но тѣнь эта исчезла и кротостью сіяли глаза, покорность выражали мягко сжатыя алыя губы. Склонивъ голову, отошла она отъ Шахова и опустилась на кушетку. Пережитая борьба какъ бы сломила въ ней сознаніе своего надъ всѣми превосходства.

— Вы не хотите знать, почему вы обязаны вашей дочери?— ж ско спросилъ Шаховъ.

— Ахъ, я такъ устала, Жоржъ! — томно возразила она.—Я да е не въ силахъ выразить тебѣ мою благодарность... Дай мнѣ пр дти въ себя.

Она въ изнеможеніи прислонилась головой къ спинкѣ кушетки и ыла глаза.

Шаховъ обернулся лицомъ къ ней.

— Какая изъ васъ совершенная вышла бы актриса!—сказалъ онъ.

Ни одна черта лица Клавдіи Павловны не дрогнула.

— Десять лѣтъ я знаю васъ, знаю, кажется, довольно основательно, и до сихъ поръ не огражденъ отъ сюрпризовъ!

Клавдія Павловна не шевельнулась.

«Подѣломъ мнѣ!—думала она, между тѣмъ.—Теперь я должна молчать, и буду молчать... до поры до времени. Увидимъ, кто изъ насъ выйдетъ побѣдителемъ!»

— Прошу меня выслушать,—рѣзко заговорилъ Шаховъ.

Онъ пересѣлъ съ качалки на стулъ, положилъ локоть на столъ, а свободною рукой подчеркивалъ соотвѣтствующими жестами свои слова.

— За недѣлю моего отсутствія,—началъ онъ,—вы довольно далеко зашли... Дальше, чѣмъ я даже могъ предположить... Для васъ это шаль, чадъ—не больше... Хотя, признаюсь, этого сюрприза я не ожидалъ... Вы, такая разсудительная, и чуть было не поставили всего на карту... Или годы начинаютъ сказываться?—растягивая слова, ехидно спросилъ онъ.

Клавдія Павловна съ трудомъ подавила невольное движеніе. Лицо—зеркало души—хранило кроткое, покорное выраженіе; длинныя шелковистыя рѣсницы не выдавали блеска полузакрытыхъ глазъ.

Не дождавшись отвѣта, Шаховъ продолжалъ въ томъ же тонѣ:

— Ожидавшій меня здѣсь сюрпризъ былъ бы для меня, безъ сомнѣнія, прекраснымъ поводомъ для разрыва, окончательнаго разрыва... Вы не заснули, Клавдія Павловна?

— Я васъ слушаю. Продолжайте казнить, если есть охота.

Красныя пятна выступили на лбу Шахова; губы и вѣки глазъ нервно задвигались. Онъ всталъ и, заложивъ руки за спину, слегка сгорбившись, молча и быстро прошелъ нѣсколько разъ по верандѣ. Холодно-презрительно слѣдила за нимъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ Клавдія Павловна.

— Я не буду пользоваться обстоятельствами,—заговорилъ онъ, останавливаясь передъ нею,—и скажу коротко и ясно... Ради вашей дочери я готовъ отказаться отъ единственнаго, можетъ, случая вернуть себѣ свободу...

«Что бы ты сталъ дѣлать съ этою свободой, глупецъ?»—подумала Клавдія Павловна, но ни единый мускулъ на ея покорное выражающемъ лицѣ не выдалъ этой мысли.

— Вы не находите, что мы съ вами причинили достаточно зла бѣдной дѣвочкѣ?

— Ты знаешь, Жоржъ, что я не раздѣляю твоихъ перемежающихся возвратовъ къ сантиментальности, — пѣвучимъ голосомъ, кротко возразила Клавдія Павловна.—Я была на краю совершенія великой глупости... Ты правъ... Должно быть, я старѣюсь... Ты правъ, кругомъ правъ... Но говори скорѣй свои условія, скорѣй!... Довольно предисловій!

Она выпрямилась. Отъ кротости, покорности, изнеможенія не осталось и слѣда. Глаза ея злобно глядѣли на Шахова.

— Условія,—нетерпѣливо повторила она,—и скорѣй!

Теперь она повелѣвала. Шаховъ потерялъ на время нить своихъ разсужденій. Онъ посмотрѣлъ на нее сквозь pince-nez, передернулъ плечами и, заложивъ опять руки за спину, молча зашагалъ по верандѣ. Клавдія Павловна не спускала съ него мрачнымъ огнемъ сверкающихъ глазъ.

«Этотъ и тотъ... Какая разница! О, какъ я ненавижу его, ненавижу!»

Шаховъ обернулся къ ней и жесткимъ, враждебнымъ взглядомъ отвѣтилъ на ея полный ярости взоръ.

— Такъ вы мнѣ больше нравитесь,—медленно проговорилъ онъ.—По крайней мѣрѣ, все ясно, все понятно.

Клавдія Павловна встала и, внѣ себя, сдѣлала шагъ впередъ, но тотчасъ же остановилась.

— Егоръ Иванычъ, вы знаете, я не очень терпѣлива по натурѣ!—хриплымъ голосомъ промолвила она.

— Мнѣ ли этого не знать? — насмѣшливо замѣтилъ онъ.—Я могъ бы, еслибъ хотѣлъ, составить музей изъ вещей, поломанныхъ и разбитыхъ въ подобныя этой минуты... Но до такого взрыва я васъ сегодня не доведу... Мы не у себя...

— Условія, условія!—прервала она, наступая на него.

Шаховъ отступилъ шагъ назадъ. Въ состояніи такой ярости что бы онъ ни говорилъ, онъ еще никогда не видалъ ее. Грація, [illegible]вность движеній исчезли. Неровными красными пятнами покры[illegible]ъ всегда блѣдно-матовое лицо; взглядъ большихъ черныхъ [illegible]зъ былъ поистинѣ ужасенъ. Еслибъ ей дано было испепелить [illegible]явшаго передъ нею ненавистнаго человѣка, то, конечно, отъ [illegible]о не осталось бы и слѣда.

[illegible] эту фурію онъ любилъ!... Ей отдалъ онъ лучшіе годы!... [illegible] нея измотался, истрепался въ конецъ!

Шаховъ схватилъ себя за голову, шатаясь отошелъ къ столу и повалился въ кресло.

Смутное чувство, что она слишкомъ натянула струну, проникло въ сознаніе Клавдіи Павловны, но она не въ силахъ была овладѣть охватившимъ ее бѣшенствомъ, не въ силахъ отогнать тотъ молодой, полный непосредственной пылкости образъ, отъ котораго она должна отказаться, *должна*, если не желаетъ порвать съ этимъ тряпичнымъ, изнервничавшимся метафизикомъ.

Путаясь въ длинномъ шлейфѣ платья, порывистою, неровною походкой пронеслась она мимо Шахова и сбѣжала со ступенекъ лѣстницы съ садъ.

Долго просидѣлъ Шаховъ въ креслѣ, разбитый, уничтоженный, ни о чемъ не думая и какъ бы ничего не чувствуя. Наконецъ, несмотря на усталость, на совершенную разбитость, онъ сталъ припоминать, что ему слѣдовало что-то предпринять, что-то рѣшить ради... бѣдной дѣвочки.

«Да, да, ради этой несчастной дѣвочки, — повторилъ онъ нѣсколько разъ и, не раздумывая дольше, вынулъ изъ бокового кармана записную книжку, вырвалъ изъ нея листокъ и карандашомъ начерталъ:

«Мое условіе: завтра къ десяти часамъ утра будетъ заказана коляска. Вы отправитесь съ пароходомъ въ Ялту и тамъ ожидайте дальнѣйшихъ распоряженій. Conditio sine qua non».

Положивъ листокъ на столъ у лампы на видномъ мѣстѣ и поставивъ на него, въ видѣ прессъ-папье, пепельницу, онъ взялъ шляпу, трость и тоже сошелъ въ садъ, чтобы оттуда черезъ калитку выйти на улицу.

На одной изъ тропинокъ, среди жасминовъ и розъ, бѣлѣлась высокая фигура Клавдіи Павловны. Шаховъ обогнулъ клумбу цвѣтовъ и пошелъ по другой тропинкѣ. Бѣлыя руки съ мольбой простерлись къ нему и нѣжный, какъ Эолова арфа, голосъ коснулся его слуха въ ночной тишинѣ: «Жоржъ!» — и потомъ еще тише, еще нѣжнѣе: «Жоржъ!» Но Шаховъ не замедлилъ шаговъ, не повернулъ головы и, дойдя до калитки, отдернулъ засовъ и вышелъ на улицу, захлопнувъ за собою калитку.

VIII.

Коляска, увозившая Клавдію Павловну на пароходъ, давно уже скрылась изъ вида, а Зоя Никитишна все еще не могла придти въ себя отъ изумленія. О внезапномъ отъѣздѣ «Клеопатры» она узна-

ла только тогда, когда заказанная коляска была у подъѣзда и Клавдія Павловна, въ изящномъ дорожномъ костюмѣ, съ небольшимъ сакомъ въ рукахъ, вышла изъ своихъ комнатъ. Махмудка слѣдовалъ за нею съ сундукомъ на спинѣ.

— Голубушка, Зоя Никитишна,— заговорила она своимъ низкимъ, пріятнымъ голосомъ,— вы не откажетесь уложить оставшіяся кое-какія вещи? Егоръ Иванычъ распорядится отправкою чемодановъ.

— Вы уѣзжаете? Куда? Зачѣмъ? На долго ли?—вскрикнула Зоя Никитишна, не вѣря ни ушамъ, ни глазамъ своимъ.

Клавдія Павловна загадочно усмѣхнулась.

— Куда?—въ Ялту. Зачѣмъ?—не знаю. На долго ли?—не вѣдаю. Спасибо вамъ, душечка, за радушіе. Вздумаете кругосвѣтное плаваніе совершить—ко мнѣ милости просимъ.

Она со смѣхомъ трижды облобызала въ столбъ удивленія превратившуюся старую дѣвицу и вышла на подъѣздъ, вся сіяя улыбкой, красотой и здоровьемъ. Привѣтливо кивнувъ головой въ нѣмомъ изумленіи слѣдовавшей за нею Зоѣ Никитишнѣ, она сѣла въ коляску, оправила платье, раскрыла зонтикъ, и все это такъ просто, непринужденно, будто ей предстояло катанье по городу.

Коляска быстро доставила ее на пристань, усѣянную, какъ всегда передъ отходомъ парохода, публикой.

Клавдія Павловна позвала носильщика и плавно, граціозно направилась было къ кассѣ, когда передъ нею точно изъ земли выросъ Шаховъ.

— Я уже взялъ билетъ,—сказалъ онъ.—Совѣтую вамъ пройти прямо въ дамскую каюту и до отхода парохода не выходить наверхъ.

Клавдія Павловна безпрекословно, съ полуласковою, полунасмѣшливою улыбкой оперлась на его руку. Они поднялись на палубу и спустились по лѣстницѣ въ каютъ-компанію.

— И это все?—мягко спросила Клавдія, когда, открывъ для нея дверь въ дамскую каюту, онъ хотѣлъ удалиться.

— Я сейчасъ пришлю съ носильщикомъ багажную квитанцію,— сухо сказалъ онъ и, не глядя на нее, отступилъ отъ двери.

Клавдія Павловна снисходительно усмѣхнулась и вошла въ ка гу.

о отхода парохода Шаховъ не спускалъ глазъ съ палубы 1-го кл са. Наконецъ, раздался третій звонокъ, за нимъ пронзительны свистокъ; зашумѣлъ внезапно пущенный паръ; грохнулись уб инныя сходни и пароходъ отошелъ отъ пристани. Клавдія Павло на палубѣ не показывалась. Шаховъ со вздохомъ облегченія

отвелъ глаза отъ быстро удалявшагося парохода, повернулся, собираясь уйти, и чуть не столкнулся лицомъ къ лицу съ Мавраки. Онъ машинально приподнялъ шляпу.

«Напрасно не отправилъ я ее сухимъ путемъ»,—мелькнуло у него въ головѣ.

Мавраки коснулся рукой козырька фуражки.

— Я думалъ, вы въ этотъ часъ обыкновенно на эллингѣ,—небрежно замѣтилъ Шаховъ.

— Я зашелъ сюда случайно,— холодно отвѣтилъ Мавраки.— Надолго уѣхала Клавдія Павловна?—отрывисто спросилъ онъ, не рѣшаясь спросить, куда она уѣхала.

— Надолго ли?— переспросилъ Шаховъ.—Вѣроятно, надолго. По всей вѣроятности, навсегда. Имѣю честь кланяться.

Онъ снова приподнялъ шляпу и началъ подыматься по лѣстницѣ. Мавраки недружелюбно посмотрѣлъ ему вслѣдъ, сдвинулъ свойственнымъ ему быстрымъ движеніемъ фуражку на затылокъ и, заложивъ руки въ карманы брюкъ, обернулся лицомъ къ морю. Корпусъ парохода уже заволакивался голубою дымкой знойнаго дня; вотъ ужь только струйка дыма стелется вдали, но и эта струйка скоро расползлась, растаяла, и небо и море слились на горизонтѣ въ одну непрерывную синеву.

Мавраки круто повернулся, прошелъ нѣсколько шаговъ и спустился въ ожидавшую его четырехвесельную гичку.

Онъ сѣлъ на руль, гребцы-матросы дружно взмахнули веслами и гичка, какъ птица, понеслась по синей поверхности моря.

«Остался бы онъ въ дуракахъ, еслибъ я только захотѣлъ!»— думалъ онъ, зорко глядя впередъ.

И команда его звучала рѣзко, жестко, и жестко смотрѣли ввалившіеся, подведенные глаза.

На эллингѣ онъ вернулся къ своему дѣлу съ энергіей и полнымъ самообладаніемъ. Ему предстояло, между прочимъ, въ этотъ день сдѣлать сложныя вычисленія. Онъ просидѣлъ надъ ними часа два и ни одной ошибки не вкралось въ вычисленія. Все не относящееся къ дѣлу, какъ всегда, было изгнано изъ головы. Энергія, распорядительность, быстрое схватываніе подробностей не покидали его. Не слышали только сослуживцы заразительнаго смѣха, не развлекалъ ихъ болтовней и анекдотами веселый товарищъ, а нерадивые рабочіе чувствовали себя болѣе чѣмъ когда-либо не по себѣ подъ надзоромъ всевидящаго и ни одного промаха не пропускающаго мичмана.

По окончаніи работъ Мавраки съѣхалъ на берегъ и тотчасъ же

не заходя домой, отправился къ священнику. Переговоры его съ батюшкой окончились благополучно. Вѣнчаться можно было и раньше, если нетерпѣливые нареченные того пожелаютъ.

— А послѣ вѣнчанія сейчасъ на пароходъ,—невольно вслухъ высказывалъ свою мысль Мавраки.

— Что же, можно и на пароходъ,—добродушно согласился батюшка.—Теперь все пошло на спѣшку... Все спѣшатъ, все спѣшатъ... А жизнь идетъ своимъ чередомъ, какъ прежде, такъ и теперь... Кому счастье, кому горе... Ну, дай вамъ Богъ счастья! — успокоительно прибавилъ онъ, провожая юнаго, пылкаго посѣтителя до двери.

Мавраки отправился домой. За весь длинный день онъ ничего не ѣлъ. Онъ послалъ деньщика въ гостиницу за обѣдомъ. Но когда деньщикъ подалъ подогрѣтый, перестоявшійся обѣдъ и поставилъ на столъ передъ бариномъ бутылку краснаго вина, то баринъ залпомъ выпилъ два стакана, а къ супу и жаркому едва прикоснулся. Необходимость свиданія съ невѣстой послѣ бесѣды со священникомъ казалась ему худшимъ испытаніемъ.

Онъ еще сидѣлъ передъ порожнею бутылкой и раздумывалъ, не лучше ли, вмѣсто словеснаго объясненія, ограничиться письменнымъ, когда въ сѣняхъ его маленькой офицерской квартиры раздались грузные шаги и знакомый голосъ Бунчука произнесъ: «Не ври, знаю, что дома!» Вслѣдъ за этимъ самъ Бунчукъ безцеремонно вошелъ въ комнату.

— Это вы что же, голубчикъ, запираетесь?—весело заговорилъ онъ еще въ дверяхъ.—Я утромъ пріѣхалъ и тотчасъ послалъ къ вамъ. Говорятъ, на работѣ. Доброе дѣло! На работѣ, такъ на работѣ. Подождемъ до вечера. Насталъ вечеръ, стемнѣло, васъ нѣтъ... Ну, думаю, самъ пойду... И тутъ преграда въ лицѣ вашего тѣлохранителя!... Для чего же такъ?... Ну, будьте здоровы!

Онъ дружески потрясъ руку Мавраки, бросилъ на столъ фуражку и опустился на ближайшій стулъ.

— А меня, по пріѣздѣ, огорошили всякими новостями,—благодушно продолжалъ онъ.—Во-первыхъ, утромъ мадамъ Шахова другъ нежданно-негаданно покинула нашъ градъ и даже не простилась съ дочкой, къ которой такъ нѣжно стремилась всего какихъ-нибудь двѣ недѣли назадъ... Я прямо касаюсь щекотливаго обстоятельства, такъ какъ чего же намъ комедію ломать?... Вы уже почти членъ семьи... Да-съ... А вторая новость, не менѣе ошеломительная, это ваше настоятельное желаніе скоропалительно [illegible]ся. Это меня, можно сказать, чуть съ ногъ не сшибло.

Мавраки, кусая губы, пытливо смотрѣлъ на Бунчука и мучительный вопросъ вертѣлся у него въ головѣ: «Знаетъ ли онъ что-нибудь? Что знаетъ? Какія сплетни дошли до него?»

— Вамъ Раиса Васильевна сообщила? — осторожно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не Раиса Васильевна... О Раисѣ Васильевнѣ рѣчь впереди. Краснушки своей я не узнаю... Похудѣла она до неузнаваемости... Вы еще передо мной отвѣтъ будете держать, милостивый государь,—шутливо произнесъ онъ.—Нѣтъ, не Раиса Васильевна,—повторилъ Бунчукъ,—а Марѳа Андреевна.

— И вы, Василій Андреичъ, вернулись вслѣдствіе письма?—допытывался Мавраки, какъ бы желая выгадать время.

— Не совсѣмъ. Дѣло въ томъ, что, между нами будь сказано, я просто бѣжалъ на хуторъ и жилъ себѣ тамъ, притаившись... На что мнѣ переговоры? Для чего переговоры? Какіе переговоры? Никакихъ переговоровъ знать не хочу и ни въ какую стачку не войду... Вины тоже на себя не возьму... Можетъ, я жениться хочу!

Василій Андреевичъ громко расхохотался. Мавраки все сомнительнѣе казалось возбужденіе Бунчука, его словоохотливость и оживленіе. Но Василій Андреевичъ не замѣчалъ, повидимому, испытующаго взгляда и отчаянной рѣшимости на изсиня-блѣдномъ лицѣ мичмана.

— Никакой бѣсъ,—продолжалъ онъ въ томъ же духѣ, — съ хутора меня бы не вытянулъ. Не даромъ я хохолъ! Семь чертей меня не переупрямятъ... Но Марѳа Андреевна начала меня осаждать записками, да все какими-то туманными... О краснушкѣ, значитъ, что и худѣетъ-то она, и тоскуетъ, и плачетъ... а женихъ и глазъ не кажетъ... И свадьбѣ-де этой не бывать... Да, пожалуй, и лучше... Сердце ея не лежитъ къ этой свадьбѣ, и такъ далѣе, и такъ далѣе... Что за чортъ, думаю! Ругнулъ-таки я васъ порядкомъ... Дѣвочка, что воскъ. Какъ не справиться?... А парень еще на диво смышленый... Неохота была мнѣ, однако, вмѣшиваться... Жду отъ краснушки словечка—молчитъ. Собрался и поѣхалъ... А утромъ, говорятъ, ко мнѣ человѣка съ письмомъ погнали... Да мы вѣрно, разъѣхались... Вотъ какимъ образомъ я тутъ, какъ тутъ точно по заказу прибылъ!—закончилъ Василій Андреевичъ.—Ну а теперь скажите, мое сердце, что васъ заставляетъ на парахъ вѣнчаться?

— Обстоятельства,—развязно заговорилъ Мавраки.—На-дняхъ мнѣ предстоитъ командировка въ Англію. Можетъ, мѣсяца два придется тамъ пробыть. А затѣмъ уйду въ дальнее плаваніе.

Когда же вѣнчаться? Три года слишкомъ помолвку тянуть? Мы не нѣмцы. Такъ, по крайней мѣрѣ, будетъ дѣло сдѣлано.

— А куда же вы жену послѣ вѣнчанія дѣнете?—допрашивалъ Бунчукъ.

— Какъ куда? На пароходъ и въ Одессу, а тамъ въ Англію. Пробудемъ вмѣстѣ мѣсяца два-три, а тамъ, тамъ... Вы сами знаете, какъ живутъ жены моряковъ... Большею частью въ разлукѣ съ мужьями,—совершенно спокойно и впадая въ обычный безпечный тонъ, проговорилъ мичманъ.

Блѣдная усмѣшка появилась на его губахъ, не смягчивъ, однако, жесткаго выраженія глазъ.

— Да, да, конечно,—какъ бы обрадовавшись этой улыбкѣ, подхватилъ Бунчукъ.—Самая невеселая жизнь женъ моряковъ... Я это и краснушкѣ говорилъ. Но что дѣлать? За то моряки—славный народъ!

Онъ пытливо посмотрѣлъ на Мавраки и озабоченно почесалъ себѣ затылокъ.

— А вотъ, скажите, почему она все плачетъ?—нерѣшительно спросилъ онъ.—Понимаете, она слова не можетъ выговорить безъ слезъ и ни одной минуты не хочетъ остаться со мной наединѣ.

— Предстоящая разлука съ вами,—неопредѣленно возразилъ Мавраки.

— И послѣднее время передъ долгою разлукой бѣгаетъ отъ меня!

Мавраки нагнулся и поднялъ съ полу какую-то бумажку.

— Я радъ, что вы зашли ко мнѣ, Василій Андреичъ,—заговорилъ онъ, тщательно расправляя и складывая бумажку.—Я только что вернулся отъ отца Іоанна... Онъ говоритъ, что можетъ повѣнчать насъ въ среду.

Бунчукъ подскочилъ на стулѣ.

— Какъ въ среду? На этой недѣлѣ?

— На этой недѣлѣ,—торопливо отвѣтилъ Мавраки.—Я васъ очень буду просить сообщить это Раисѣ Вас... Раѣ... Я только что собирался написать ей... Самъ не могу придти... Ужасно нездоровится... Голова трещитъ... Всего разломило.

Онъ уронилъ на полъ тщательно сложенную бумажку и всталъ.

— Вы меня извините, Василій Андреичъ... Должно быть, мнѣ надо лечь въ постель.

Самообладаніе начало покидать его. Онъ нервно теребилъ цѣпочку часовъ; глаза его тревожно забѣгали. Бунчукъ неохотно поднялся со стула.

— Я давно вижу, что вамъ не по себѣ,—добродушно промолвилъ онъ.—Жаль, очень жаль. Намъ бы надо еще потолковать... Ну, да что дѣлать?... Отложимъ разговоръ... Ложитесь да согрѣйтесь хорошенько. Переутомились, видно... И волненіе, къ тому же.

Онъ взялъ со стола фуражку и протянулъ руку. Участливо взглянулъ онъ на видимо-разстроенное, болѣзненное лицо молодого человѣка. Мавраки отвелъ горящій, тревожный взоръ отъ простодушно-вопросительнаго взгляда довѣрчиваго добряка, едва прикоснулся ледяною рукой къ его рукѣ и поспѣшилъ отворить дверь своему гостю.

«Выпроваживаетъ,—подумалъ Бунчукъ, выходя въ сѣни, а оттуда на улицу,—совсѣмъ на себя не похожъ парень».

Въ глубокомъ раздумьѣ шелъ онъ по улицѣ. На бульварѣ играла музыка. Бунчукъ направился на бульваръ. До возвращенія домой ему хотѣлось хоть кое-какъ собраться съ мыслями. Что-то случилось въ его отсутствіе, но что — онъ не могъ понять, какъ не могъ понять внезапнаго отъѣзда Клавдіи Павловны. Всѣ молчатъ, всѣ страдаютъ и что-то отъ него скрываютъ.

Онъ сѣлъ за одинъ изъ столиковъ, разставленныхъ близъ ротонды, и велѣлъ подать себѣ стаканъ чаю. Свѣтъ горѣвшихъ вокругъ ротонды фонарей мало достигалъ этого отдаленнаго столика. Бунчукъ долго просидѣлъ одинъ, весь погруженный въ невеселыя думы и не обращая вниманія ни на гуляющую публику, ни на грѣмѣвшій оркестръ. Оркестръ замолкъ, говоръ гуляющихъ сталъ доноситься до него явственнѣе. Бунчукъ машинально выпилъ остывшій чай и хотѣлъ было потребовать другой стаканъ, когда ему послышалось, будто кто-то произнесъ его фамилію. Онъ оглянулся. Въ недалекомъ отъ него разстояніи болтали вокругъ столика, съ бутылками вина, нѣсколько моряковъ.

— Красавица! знойная красавица! — съ восторгомъ говорилъ одинъ изъ нихъ.—Дочкѣ куда до нея!

— Куда!—согласился другой.

— Одни глаза чего стоютъ... Хотя я много слышалъ о мадамъ Бунчукъ...

— Мадамъ Шахова!—поправилъ другой.

— Бунчукъ-Шахова-Мавраки!—ввернулъ третій.

Всѣ громко расхохотались. Василій Андреевичъ замеръ на мѣстѣ; сердце его перестало биться. Онъ весь превратился въ слухъ.

— Кто бы это могъ ожидать отъ нашего хладнокровнаго, твердаго, разсудительнаго Мавраки?

— И, вѣдь, какъ влюбился-то... Словно тѣнь за ней хо[illegible]

— И это въ будущую-то тещу!

Всѣ снова дружно расхохотались.

— Ну, и дѣла же, господа! Чего только въ наше время не творится!

Оркестръ грянулъ увертюру Фрейшютца и заглушилъ говоръ и смѣхъ веселыхъ моряковъ, невинно коротающихъ время за виномъ и не подозрѣвающихъ, какой ударъ нанесла шутливая бесѣда сидѣвшему подъ сѣнью акаціи въ двухъ шагахъ отъ нихъ человѣку.

Ошеломленный, какъ старый дубъ, подъ корень подсѣченный, сидѣлъ Бунчукъ, поникнувъ головою, и безсмысленно смотрѣлъ себѣ подъ ноги. Наконецъ, онъ всталъ и поплелся по бульвару. Колѣни его дрожали; въ головѣ вихремъ проносились какія-то несвязныя мысли; кровь приливала къ лицу; въ вискахъ стучало. Онъ вышелъ на улицу. Рѣдкіе фонари слѣпили ему глаза. Онъ шелъ, спотыкаясь, шатаясь, какъ пьяный, все дальше отъ музыки, отъ говора толпы, все дальше отъ тѣхъ шутниковъ, которые такъ весело вышучивали то, что подкосило молодую жизнь его дѣвочки, его маленькой невинной дѣвочки.

«Такъ вотъ что! — повторилъ онъ мысленно, какъ автоматъ двигаясь впередъ.—Такъ вотъ что!»

Но тотчасъ же другая мысль вытѣснила первую:

«Можетъ быть, сплетня. Надо узнать... Убѣдиться».

И онъ шелъ, не останавливаясь, пока не дошелъ до домика Зои Никитишны. У подъѣзда этого домика онъ почти овладѣлъ собою. Болѣе твердою походкой поднялся онъ на крыльцо и потянулъ за ручку дверь. Не запертая на ключъ дверь открылась. Бунчукъ вошелъ въ сѣни, слабо освѣщенныя тусклою лампочкой. Онъ кашлянулъ. Никто не отозвался на кашель. Онъ заглянулъ въ рабочую комнату хозяйки—темно. Тогда черезъ сѣни онъ вышелъ въ садъ и, завидѣвъ свѣтъ лампы на верандѣ, пошелъ на этотъ свѣтъ.

— Кто-то идетъ, — проговорила Зоя Никитишна, когда шаги Бунчука послышались на ступенькахъ веранды.

«Она не одна; какъ не кстати!»—сказалъ себѣ Бунчукъ.

Но было уже поздно раздумывать. Онъ переступалъ послѣднюю ступеньку.

За чайнымъ столомъ Зоя Никитишна разливала чай, а напротивъ нее помѣщался Шаховъ. Ситечко выпало изъ рукъ Зои Никитишны; она едва не уронила чайника и, поспѣшно поставивъ его на подносъ, растерянно вскочила со стула. Шаховъ тоже всталъ; лицо его поблѣднѣло; рука, опиравшаяся на спинку стула, слегка дрожала. Круглыми, расширенными отъ испуга глазами смотрѣла

Зоя Никитишна на Василія Андреевича, какъ будто передъ нею стояло привидѣніе.

— Вотъ неожиданно!—невнятно заговорила она.—Совершенно неожиданно!... Садитесь, Василій Андреичъ... Какъ же это я ничего не знала о вашемъ пріѣздѣ?... А Егоръ Иванычъ зашелъ проститься... Завтра уѣзжаетъ.

Вся багровая, растерянная, взволнованная, Зоя Никитишна обернулась лицомъ къ самовару и, расплескивая чай, начала поспѣшно разливать его по стаканамъ.

Шаховъ молча смотрѣлъ на Бунчука, а Бунчукъ точно приросъ къ мѣсту. Пока Зоя Никитишна бормотала что-то для него несвязное, онъ тупо смотрѣлъ на нее. Когда она повернулась къ самовару, онъ медленно перевелъ глаза на Шахова. Взгляды ихъ встрѣтились. Десять лѣтъ они не видались; десять лѣтъ онъ не могъ безъ злобы и ненависти вспомнить имя того, кто разбилъ его семейное счастье, и вотъ судьба столкнула ихъ лицомъ къ лицу и въ какую минуту! Когда молодое счастье его дѣвочки тоже безжалостно разбито... и главный виновникъ этого непоправимаго несчастья—онъ самъ, его малодушіе, трусость, себялюбіе. Возможно ли тутъ думать о личной обидѣ?

Онъ глядѣлъ какъ сквозь туманъ на когда-то столь дорогое ему лицо и видѣлъ страданіе, стыдъ, самоуничиженіе на этомъ лицѣ, и вотъ что-то сильнѣе его воли широкою волной внезапно поднялось въ его душѣ и заглушило горечь прошлаго. Онъ стремительно подался впередъ и протянулъ руку. Шаховъ обѣими руками схватилъ протянутую руку.

Слезы облегченія вдругъ закапали изъ глазъ Зои Никитишны. Она швырнула ситечко на подносъ и, бормоча что-то о Махмудкѣ и хозяйствѣ, убѣжала въ домъ.

Ни Бунчукъ, ни Шаховъ не обратили на нее вниманія. Не разжимая рукъ, стояли они другъ передъ другомъ, и прошлое, съ его злобой и ненавистью, словно таяло, уходило, уступая мѣсто свѣтлымъ, ничѣмъ не омраченнымъ воспоминаніямъ далекой юности.

— Я остался,— началъ Шаховъ звенящимъ отъ волненія голосомъ,—чтобы еще разъ повидать Раю.

— Раю,—мягко повторилъ Бунчукъ.—Да, ты ее любилъ.

— Очень... Я не ожидалъ, что ты вернешься, и думалъ, что, можетъ быть, буду ей полезенъ... Но мнѣ не удалось ее видѣть...

Просвѣтленное душевнымъ подъемомъ лицо Бунчука омрачилось.

— Сейчасъ я слышалъ обрывки одного разговора,— съ усп-

ліемъ заговорилъ онъ, выпуская руку Шахова.—Я потому сюда и пришелъ... Тутъ безъ меня странныя вещи совершились... Правда, что Мавраки...

Онъ не договорилъ. Шаховъ медлилъ отвѣтомъ.

— Правда,—подтвердилъ онъ, наконецъ.

Бунчукъ не спускалъ съ него пристальнаго взгляда.

— И то, что ты, можетъ быть, слышалъ про... про другую сторону, тоже правда,—сказалъ Шаховъ.

Вѣки и рыжеватые усы Бунчука зашевелились.

— Хорошо, — промолвилъ онъ. — Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать.

Онъ помолчалъ.

— Прощай, Егоръ,—тихо произнесъ онъ.

Шаховъ стиснулъ ему руку и послѣдовалъ за нимъ до конца веранды.

— Слушай,—заговорилъ онъ, касаясь рукой плеча Бунчука, и голосъ его дрогнулъ.—Если ты когда-нибудь помышлялъ о мести, то знай, что ты давно отомщенъ, вполнѣ отомщенъ.

Бунчукъ посмотрѣлъ на него мягкимъ, добрымъ, глубокимъ взглядомъ, хотѣлъ что-то сказать, но только изо всей силы сжалъ руку Шахова и они разстались, молча, безъ словъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, и въ памяти ихъ минута этого разставанья осталась навсегда свѣтлою минутой жизни.

IX.

Нѣсколько дней спустя Зоя Никитишна провожала на пароходъ Василія Андреевича и Раю. Они уѣзжали въ Малороссію къ родственникамъ.

— А тамъ еще куда-нибудь махнемъ,—весело говорилъ Бунчукъ.—Мы съ дочуркой засидѣлись... Пора и провѣтриться... И нѣтъ намъ преграды... Мы съ ней вольныя птицы; куда хотимъ, туда и полетимъ.

Онъ любовно заглядывалъ дочкѣ въ глаза, а Рая безучастно слушала и блѣдною улыбкой отвѣчала на шутки отца, вспыхивая и прижимаясь къ нему, когда на нее обращались любопытные взгляды посторонних зрителей.

Варвара Андреевна заливалась слезами и не хотѣла слушать ни-какихъ утѣшеній.

Гадкая женщина!—почти вскрикнула она, когда пароходъ отошелъ, и публика стала расходиться.— Всюду, куда ни появля-

лась, всегда несла несчастье... Мужу жизнь отравила, теперь свадьбу дочери разстроила... А сама добилась-таки своего. Далъ, вѣдь, ей полную волю... На все, на все согласился... Да что ужь!... Безнравственная, гадкая женщина!

— Тише, Марѳа Андреевна, успокойтесь, мы не однѣ!—остановила было ее Зоя Никитишна.

— Съ крышъ готова кричать, что она гадкая, безнравственная! — съ сердцемъ возразила Марѳа Андреевна и, запахивая на ходу широчайшую тальму, которая какъ парусъ раздувалась вокругъ ея огромной фигуры, и мрачно озираясь на стоявшихъ на пристани мужчинъ, будто они всѣ были соучастниками той ненавистной ей женщины, она большими шагами направилась къ ожидавшему ее извощику. Зоя Никитишна въ раздумьѣ вернулась домой.

Здѣсь ожидало ее письмо.

«Передъ отъѣздомъ въ страну Солнца,—писала Клавдія Павловна,—гдѣ меня ждутъ иные нравы, иные обычаи, быть можетъ, менѣе рутинные, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ, а не могу удержаться отъ желанія написать вамъ, Зоя Никитишна. Вы одна понимали меня и, надѣюсь, сохранили обо мнѣ добрую память, несмотря на анаѳему, коей, несомнѣнно, всѣ меня предали. Я съумѣла оцѣнить ваше свободомысліе. Вы, какъ и я, отрицаете узкія правила, принципы мелкихъ людишекъ. Вы понимаете, что тотъ, у кого въ жилахъ течетъ не сыворотка, а живая, горячая кровь, не можетъ заключить свою страстную, воспріимчивую натуру въ тѣсныя рамки разсудочнаго анализа. Что если онъ грѣшитъ противъ установленныхъ правилъ такъ называемой общественной нравственности, если другіе страдаютъ отъ его уклоненій отъ проторенной дорожки, то винить и громить его за то, что онъ слышитъ могучій голосъ природы и внемлетъ ему, несмотря на клики и проклятія зоиловъ, по меньшей мѣрѣ странно...

Прощайте и не поминайте лихомъ

вашу Клеопатру».

Зоя Никитишна, покачавъ головой, опустила письмо на колѣни, задумчиво устремила взоръ въ пространство, и съ новою силой всталъ въ ея умѣ неразрѣшенный вопросъ:

«Что̀ нравственно и что̀ безнравственно?»

Е. Ардовъ.

МУЧЕНІЯ СОВѢСТИ.

Разсказъ А. Стриндберга.

Было это въ половинѣ сентября 1870 г. Въ одной изъ комнатъ клубной кофейни, лучшаго трактира въ Марлотѣ, г. фонъ-Блейхрёдеръ, состоящій при геологическомъ институтѣ Берлина, а теперь поручикъ резерва, сидѣлъ безъ сюртука у письменнаго стола. Его офицерскій мундиръ съ жесткимъ стоячимъ воротникомъ висѣлъ на спинкѣ стула, вытянутый и недвижимый, какъ трупъ; пустые рукава, казалось, цѣплялись за ножки стула, какъ бы для того, чтобы, въ случаѣ паденія, не растянуться по полу. Вокругъ таліи видѣнъ былъ на сукнѣ вытертый слѣдъ пояса, а ножны сабли обтрепали лѣвую полу сюртука, спина котораго была вся въ пыли. По обившемуся въ бахрому низу своихъ панталонъ поручикъ-геологъ могъ каждый вечеръ изучать третичный слой земной поверхности и по слѣдамъ солдата, входившаго въ комнату, съ точностью опредѣлять на іоценовой или пліоценовой формаціи шагали его сапоги. Офицеръ чувствовалъ себя больше геологомъ, чѣмъ военнымъ, въ настоящую же минуту онъ просто писалъ письмо.

Сдвинувши очки на лобъ и отложивши въ сторону перо, онъ смотрѣлъ въ окно. Тамъ зеленѣлъ фруктовый садъ во всей своей осенней красотѣ. Яблони и груши низко клонили вѣтви подъ тяжестью плодовъ; оранжевыя тыквы огнемъ горѣли между зубчатою сѣрою зеленью артишокъ; ярко-красные томаты вырѣзывались на блѣдной зелени цвѣтной капусты и вверхъ ползли по рѣшеткѣ; подсолнечники оборачивали свои золотые диски къ западу, куда спускалось заходящее солнце; клумбы георгинъ, бѣлыхъ, какъ только что вымытое бѣлье, пурпуровыхъ, какъ пятна свѣжей крови, грязновато-красныхъ, какъ разрѣзанное мясо, желтыхъ, пестрыхъ, полосатыхъ, сливались въ грандіозную симфонію красокъ и

тоновъ. А какъ разъ посерединѣ прямая дорожка, обсаженная по обѣ стороны пышно цвѣтущими левкоями, тянулась вдаль вплоть до темнолистаго виноградника съ небольшими краснѣющими кистями ягодъ. И еще дальше желтобурыя полосы несжатыхъ полей уныло опустили перезрѣвшіе колосья, осыпавшіе землю спѣлымъ зерномъ, при каждомъ дуновеніи вѣтерка, отдававшіе материкормилицѣ все, что она готовила на пропитаніе своихъ дѣтей. И въ самой глубинѣ, на заднемъ планѣ темнѣли старые дубы и гордые буки Фонтенебльскаго лѣса съ его тонкими и причудливыми очертаніями, нѣжными, какъ старинное кружево, залитыми яркимъ блескомъ вечерняго солнца, подернувшаго все блестящими нитями золотыхъ лучей. Нѣсколько запоздавшихъ пчелъ хлопотливо добирали капли меда съ осеннихъ цвѣтовъ; снигирь выводилъ свою пѣсенку въ густыхъ вѣтвяхъ яблони; отъ времени до времени доносился ароматъ левкоевъ, напоминая раздражающій запахъ, вырывающійся изъ внезапно отворенной двери парфюмернаго магазина.

Поручикъ сидѣлъ передъ начатымъ письмомъ, очарованный прелестью картины: «Какой дивный край!»—думалъ онъ, и въ памяти его вставала унылая, песчаная гладь родины, кое-гдѣ испещренная низкими, корявыми соснами, простирающими вверхъ свои кривыя вѣтви, какъ бы умоляя небо не дать имъ погибнуть на безплодныхъ пескахъ.

Но по восхитительной картинѣ, обрамленной оконными наличниками, сновала взадъ и впередъ съ правильностью маятника сталь ружья ходившаго подъ окномъ часового въ тѣни большой груши, осыпанной сочными плодами «бёре Наполеонъ». Блестящій штыкъ разрывалъ картину надвое.

Поручикъ хотѣлъ было попросить часового перейти на другое мѣсто, но не посмѣлъ. Чтобы не видать сверкающаго оружія, онъ перевелъ взглядъ на другую сторону дома. Тамъ желтѣла гладкая безъ оконъ стѣна кухни, на которой виднѣлась старая, жалкая виноградная лоза, засохшая, какъ растеніе гербарія. Лишенная листьевъ и гроздій, растянутая на покрытой плѣсенью шпалерѣ, она имѣла видъ пригвожденнаго къ стѣнѣ трупа, простирающаго свои длинныя, костлявыя руки съ тѣмъ, чтобы словить снующаго туда и сюда часового и задушить его въ своихъ мертвенныхъ объятіяхъ.

Поручикъ отвернулся, опустивъ глаза на письменный столъ, на свое неоконченное письмо къ молодой женѣ, съ которою онъ обвѣнчался четыре мѣсяца назадъ, за два мѣсяца до начала войны.

Тутъ же на столѣ, рядомъ съ биноклемъ и съ картой француз-

скаго генеральнаго штаба, лежали двѣ книги: *Философія безсознательнаго* Гартмана и *Парерга и Паралипомена* Шопенгауэра.

Офицеръ порывисто поднялся съ мѣста и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Эта зала служила издавна мѣстомъ собраній и столовою обществу заѣзжихъ художниковъ, украсившихъ стѣны ея живописью въ память счастливыхъ дней, проведенныхъ въ этомъ прекрасномъ, гостепріимномъ уголкѣ: тутъ бокъ-о-бокъ виднѣлись танцующія испанки и суровые римскіе монахи, пейзажи Нормандіи и Бретани, голландскія вѣтряныя мельницы, селенія норвежскихъ рыбаковъ, виды Швейцаріи. Въ углу валялся сломанный орѣховый мольбертъ подъ десяткомъ ружей съ примкнутыми штыками, висѣла палитра, испещренная полузасохшими красками, выдѣлявшаяся темнымъ пятномъ, точно вырѣзанное легкое въ дверяхъ мясной лавчонки. Красныя фуражки, истертыя и выцвѣтшія отъ солнца и дождей, группировались на вѣшалкѣ.

Поручику сдѣлалось вдругъ неловко, точно онъ силою ворвался въ чужое жилище и ждетъ, что вотъ-вотъ застанутъ его хозяева. Онъ опять сѣлъ къ столу и снова принялся за письмо. На первыхъ страницахъ онъ высказывалъ радость, тревоги и опасенія, которыя онъ испытывалъ съ тѣхъ поръ, какъ получилъ извѣстіе, укрѣпившее въ немъ сладкую надежду сдѣлаться отцомъ. Теперь онъ взялся за перо съ тѣмъ, чтобы побесѣдовать съ женою, а не потому, что имѣлъ что-либо особенное передать ей или у нея спросить, и онъ писалъ:

«Былъ со мною, напримѣръ, такой случай: пришлось мнѣ съ пятью стами человѣкъ, не ѣвши и не пивши, сдѣлать четырнадцатичасовой переходъ. На опушкѣ лѣса мы случайно наткнулись на брошенную провіантскую фуру. И представь себѣ, что вышло. Люди, изголодавшіеся до того, что глаза у нихъ изо лба лѣзли, смѣшались въ нестройную толпу и, какъ голодные волки, накинулись на провіантъ. А было его человѣкъ на тридцать всего; произошла свалка. Моей команды никто уже не слушалъ; фельдфебель пригрозилъ было саблей,—они сшибли его съ ногъ прикладами. Шестнадцать человѣкъ раненыхъ осталось на мѣстѣ едва живыми. А тѣ, что успѣли захватить провизію, наѣлись до такого безобразія, что тутъ же растянулись и уснули. И это дрались земляки съ земляками! Точно дикіе звѣри, грызущіеся изъ-за добычи!

«Или еще разъ: получили мы приказъ какъ можно скорѣе устроить палисады. Лѣсу по близости не было, оставалось только употребить въ дѣло виноградъ. Настоящій ужасъ! Въ какой-нибудь часъ времени истреблены богатые виноградники, лозы вырваны съ

листьями и кистями, перевязаны въ фашины, мокрыя отъ сока едва созрѣвавшихъ ягодъ. Въ полчаса мы уничтожаемъ результаты сорока лѣтъ тяжелаго труда! И это для того, чтобъ имѣть возможность изъ-за прикрытія удобнѣе стрѣлять въ тѣхъ, кто ростилъ намъ фашины.

«Или же еще: я вынужденъ былъ идти съ цѣпью развѣдчиковъ по несжатому хлѣбному полю; спѣлыя зерна градомъ сыпались подъ нашими ногами, поломанные стебли втаптывались въ землю, чтобы погибнуть при первомъ дождѣ. Подумай, милая, дорогая жена, возможно ли спать послѣ такихъ сценъ? А что же я дѣлалъ, въ сущности? Исполнялъ только мою обязанность. И смѣютъ еще увѣрять, что сознаніе исполненнаго долга даетъ самую лучшую подушку!

«Насъ ожидаетъ, впрочемъ, нѣчто еще болѣе важное. Тебѣ извѣстно, можетъ быть, что французы для усиленія своихъ армій организовали отряды волонтеровъ, которые, подъ названіемъ «вольныхъ стрѣлковъ», идутъ на защиту родины и своихъ очаговъ. Прусское правительство отказывается признавать ихъ солдатами, грозитъ всѣхъ, захваченныхъ гдѣ бы ни было, казнить смертью, какъ измѣнниковъ и шпіоновъ. Оно постоянно держится того принципа, что воюютъ между собою государства, а не личности... Да развѣ солдаты не личности? И развѣ вольные стрѣлки не тѣ же солдаты? Они одѣты въ сѣрые мундиры, сходные съ тѣми, которые имѣютъ стрѣлковые полки, а, вѣдь, мундиръ же и дѣлаетъ человѣка солдатомъ. Но они не состоятъ въ спискахъ арміи, — вотъ въ чемъ возраженіе! Совершенно вѣрно, они въ списки не занесены, такъ какъ правительство не только не успѣло сдѣлать это, но, въ виду затруднительности сообщеній, и физически не можетъ сдѣлать. Въ настоящую минуту трое такихъ несчастныхъ находятся въ биллiардной, расположенной рядомъ съ моею комнатой, и я жду изъ штаба распоряженія относительно ихъ дальнѣйшей участи».

Онъ пересталъ писать и позвонилъ вѣстового.

— Что, какъ тамъ плѣнные?—спросилъ фонъ-Блейхрёдеръ.

— Ничего, господинъ поручикъ, играютъ на биллiардѣ, повидимому, спокойны и веселы.

— Прикажите имъ дать нѣсколько бутылокъ бѣлаго вина, только самаго легкаго. Новаго ничего нѣтъ?

— Слушаю, господинъ поручикъ. Новаго ничего.

Фонъ-Блейхрёдеръ принялся опять за письмо.

«Очень странные люди эти французы! Вольные стрѣлки, о которыхъ я только что говорилъ тебѣ и которые, вѣроятно, будутъ

черезъ нѣсколько дней приговорены къ смерти, преспокойно играютъ на билліардѣ... Я пишу «вѣроятно», такъ какъ все еще не теряю за нихъ надежды. Сидя здѣсь, я слышу удары ихъ кіевъ объ шары. Удивительно весело-нравное презрѣніе къ жизни! Сказать по правдѣ, есть что-то возвышенное въ такомъ способѣ разставаться съ нею. Или же это можетъ служить признакомъ того, что жизнь сама по себѣ очень недорого стоитъ, разъ съ нею настолько легко разстаться? Я говорю, разумѣется, о тѣхъ, кто не привязанъ къ ней такими прекрасными узами, какъ мои. Ты, вѣдь, понимаешь меня, милая? И ты знаешь, что этого я не называю *узами*... О, я самъ не сознаю уже того, что пишу; я столько ночей не спалъ, и голова моя...»

Въ дверь постучали.

— Войдите!—отозвался поручикъ.

Въ комнату вошелъ сельскій священникъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ привлекательнымъ лицомъ, грустнымъ и энергичнымъ.

— Господинъ поручикъ, я пришелъ просить вашего разрѣшенія повидать плѣнныхъ.

Офицеръ всталъ, надѣлъ мундиръ и предложилъ священнику сѣсть на диванѣ.

И едва успѣлъ поручикъ застегнуть свой узкій мундиръ, сдавившій ему шею твердымъ стоячимъ воротникомъ, точно тисками, какъ въ немъ будто замерли всѣ гуманныя побужденія, будто превратился на своемъ таинственномъ пути приливъ крови къ сердцу. Положивши руку на книжку Шопенгауэра на столѣ, онъ сказалъ:

— Готовъ исполнить ваше желаніе, господинъ кюре, но думаю, что плѣнные отнесутся къ вамъ не съ очень большимъ вниманіемъ. Они играютъ на билліардѣ.

— Позвольте мнѣ думать, господинъ поручикъ, — возразилъ священникъ,—что я лучше васъ знаю моихъ соотечественниковъ. И одинъ вопросъ: будутъ ли эти молодые люди приговорены къ смерти?

— Несомнѣнно,—отвѣтилъ фонъ-Блейхрёдеръ, вполнѣ вошедшій въ свою роль.— Войну ведутъ между собою государства, а не личности.

— Слѣдовательно, господинъ поручикъ, вы и ваши солдаты— не личности?

— Въ данную минуту, господинъ Кюре, это такъ и есть— и онъ сунулъ письмо къ женѣ подъ бюваръ.—Въ настоящее время я только представитель союзныхъ государствъ Германіи.

— Ваша милостивѣйшая королева,—да вознаградитъ ее Господь за все сдѣланное ею добро!—не была развѣ также представительницей союзныхъ державъ Германіи, когда обратилась къ женщинамъ своего отечества съ призывомъ помочь раненымъ? И я знаю не мало личностей французской націи, которыя благословляютъ ее, несмотря на то, что Франція находится въ войнѣ съ Германіей. Господинъ поручикъ, именемъ Христа-Спасителя, — священникъ всталъ, крѣпко сжалъ руки офицера и съ рыданіемъ въ голосѣ договорилъ:—не можете ли вы обратиться къ ней?

Поручикъ, готовый утратить самообладаніе, сдѣлалъ надъ собою усиліе и отвѣтилъ:

— У насъ женщины не вмѣшиваются въ политику.

— Тѣмъ хуже, — проговорилъ священникъ, выпрямляясь во весь ростъ.

Фонъ-Блейхрёдеръ, отошедшій къ окну, не разслышалъ этихъ словъ. Онъ становился нервнымъ, на его лицѣ проступала смертельная блѣдность. Тѣсный воротникъ уже не въ состояніи былъ, кажется, сдерживать кровь въ его головѣ.

— Сядьте, прошу васъ, господинъ кюре,— проговорилъ онъ полубезсознательно.— Вы можете идти повидать плѣнныхъ, но я буду вамъ очень признателенъ, если вы останетесь еще немного со мною.

Офицеръ прислушивался, и уже ясно можно было различить мѣрный стукъ подковъ идущей шибкою рысью лошади.

— Не покидайте меня, господинъ кюре!—прибавилъ поручикъ, усиленно вдыхая свѣжій воздухъ.

Священникъ остался.

Офицеръ высунулся изъ окна насколько могъ. Стукъ копытъ приблизился; вдругъ рысь замедлилась, лошадь пошла шагомъ, потомъ остановилась... Звякнули шпоры, громыхнула сабля, послышались шаги... и Блейхрёдеръ держалъ въ рукахъ пакетъ, распечатывалъ его.

— Который часъ?—проговорилъ поручикъ, задавая самъ себѣ вопросъ. — Шесть! Черезъ два часа, господинъ кюре, плѣнные должны умереть безъ суда и какой бы ни было процедуры.

— Да, вѣдь, это же невозможно, господинъ поручикъ, такъ людей не отправляютъ на тотъ свѣтъ!

— На тотъ ли свѣтъ, нѣтъ ли, а въ приказѣ ясно прописано, что все должно быть покончено до вечерней молитвы, въ противномъ случаѣ я самъ буду преданъ суду, какъ сообщникъ вольныхъ стрѣлковъ. Мнѣ и такъ уже сдѣланъ строгій выговоръ за то, что я

не исполнилъ приказа отъ 31 августа. Господинъ кюре, пройдите къ нимъ, переговорите, избавьте меня отъ этого мученія.

— Вы называете мученіемъ объявленіе приговора, который признаете справедливымъ?

— Да, вѣдь, человѣкъ же я, кюре! Что же, вы думаете, я не человѣкъ?

Онъ разстегнулъ сюртукъ, чтобы вздохнуть свободнѣе, и заходилъ по комнатѣ.

— Неужели нѣтъ возможности всегда оставаться тѣмъ, что мы на самомъ дѣлѣ? За что обречены мы на постоянное раздвоеніе? Господинъ кюре, пойдите и скажите имъ... Женаты они? Есть у нихъ жены и дѣти, родители, быть можетъ?

— Ни одинъ изъ троихъ не женатъ,—отвѣтилъ священникъ.— Не можете ли вы, по крайней мѣрѣ, дать отсрочку хотя до утра?

— Невозможно! Въ приказѣ опредѣленно сказано — до вечерней молитвы ангелу *), а на разсвѣтѣ мы выступаемъ. Идите, господинъ кюре, идите!

— Иду, господинъ поручикъ. Но попомните и вы, изъ этой комнаты не выходите безъ сюртука... не то вы рискуете подвергнуться ихъ же участи, такъ какъ солдата мундиръ дѣлаетъ.

Священникъ вышелъ.

Фонъ-Блейхрёдеръ докончилъ письмо въ крайнемъ волненіи, потомъ запечаталъ его и позвалъ вѣстового.

— Снесите это письмо на почту и позовите ко мнѣ фельдфебеля.

Явился фельдфебель.

— Трижды три — девять и двадцать... нѣтъ, не то... трижды семь... нѣтъ... Отберите трижды... ну, отберите двадцать семь человѣкъ и черезъ часъ распорядитесь разстрѣлять плѣнныхъ. Вотъ приказъ!

— Разстрѣлять?—нерѣшительно спросилъ унтеръ-офицеръ.

— Да, разстрѣлять! Отберите худшихъ людей, такихъ, которымъ не въ первый разъ... вы меня понимаете? Ну, Безеля, напримѣръ, Гевера... и вотъ такихъ же. И распорядитесь приготовить патруль, шестнадцать человѣкъ изъ лучшихъ. Мы идемъ на рекогносцировку въ сторону Фонтенебло... И къ нашему возвращенію... чтобы покончено было.

— Шестнадцать человѣкъ господину поручику и двадцать семь для плѣнныхъ... Счастливо оставаться, господинъ поручикъ!

---

*) Angelus.

Фонъ-Блейхрёдеръ застегнулъ мундиръ, надѣлъ саблю и положилъ въ карманъ револьверъ, потомъ зажегъ сигару, но курить не могъ. Онъ тщательно обмелъ письменный столъ и носовымъ платкомъ обтеръ костяной ножъ для разрѣзыванія книгъ, сургучъ и спичечницу, симметрично разложилъ линейку, ручку съ перомъ подъ прямымъ угломъ къ бювару. Переставивши съ мѣста на мѣсто все до послѣдняго стула, онъ досталъ изъ кармана гребенку и маленькую щетку и пригладилъ волосы передъ зеркаломъ, снялъ съ крючка и долго разглядывалъ палитру, сосредоточивая особенное вниманія на разныхъ оттѣнкахъ красной краски, затѣмъ попытался поставить сломанный мольбертъ. Когда со двора донесся, наконецъ, стукъ ружей патруля, въ комнатѣ не осталось ни одного предмета, котораго онъ не потрогалъ бы руками. Офицеръ стремительно вышелъ къ своимъ солдатамъ, скомандовалъ:

— Полъоборотъ налѣво, маршъ! — и торопливо направился вонъ изъ села.

Онъ точно бѣжалъ отъ непріятеля, его люди едва поспѣвали слѣдовать за нимъ. При переходѣ черезъ луга, онъ приказывалъ солдатамъ идти гуськомъ другъ за другомъ, чтобы мять какъ можно меньше травы. Назадъ онъ не оглядывался. Солдатъ, шедшій за нимъ первымъ, видѣлъ, какъ онъ вздрагивалъ и судорожно передергивалъ плечами, точно отъ полученнаго удара. На опушкѣ лѣса онъ скомандовалъ: «Стой!» — и, приказавши солдатамъ соблюдать тишину и отдохнуть, вошелъ въ рощу.

Оставшись одинъ, увѣренный въ томъ, что никто не наблюдаетъ за нимъ, онъ глубоко вздохнулъ нѣсколько разъ и вошелъ въ темную чащу, по направленію къ «Волчьему ущелью». Мелочь и кустарники были уже охвачены сумракомъ, тогда какъ вершины дубовъ и буковъ сверкали въ золотистыхъ лучахъ заходящаго солнца. Впечатлѣніе получалось такое, будто онъ лежитъ на днѣ моря и сквозь зеленоватую воду видитъ блескъ дня, къ которому уже никогда не вернется. Великолѣпный лѣсъ, который столько разъ цѣлебно дѣйствовалъ на его страдавшую душу, представлялся ему въ этотъ вечеръ отчаянно унылымъ, холоднымъ и отвратительнымъ. Жизнь казалась ему убійственно-жестокою со всѣми ея противорѣчіями, съ ея вѣчною двойственностью, а сама природа—необыкновенно несчастною въ своей безсознательной и невольной дремотѣ. И здѣсь кипитъ та же борьба за существованіе, безъ убійствъ, но не менѣе лютая, чѣмъ въ сознательной жизни. Онъ видѣлъ молодую поросль дуба, силящуюся вѣтвиться въ кусты, чтобы задушить нѣжные отпрыски бука, не дать имъ подняться

надъ землею,— видѣлъ, какъ изъ тысячи такихъ отпрысковъ едва одному удавалось дотянуться къ свѣту, въ свою очередь стать великаномъ и отнимать свѣтъ и жизнь у другихъ. И дубъ, безстыдно простирающій свои крѣпкія, узловатыя вѣтви, одинъ хочетъ захватить себѣ лучи солнца, ведетъ подземную борьбу, развиваетъ свои корни все дальше и дальше, подкапываетъ землю и забираетъ всѣ питательные соки. Но поднимается мститель и уничтожаетъ все окружающее своимъ убійственнымъ дыханіемъ, это — букъ. Онъ несетъ отраву. Въ его тѣни не можетъ жить ни одинъ корень, земля кругомъ дѣлается черною, какъ могила, и вотъ почему будущее принадлежитъ ему.

Поручикъ шелъ впередъ и рубилъ саблей по кустарникамъ, забывая, сколько онъ въ свою очередь уничтожаетъ молодой поросли и сколько калѣчитъ. Онъ уже ни о чемъ не думалъ. Всѣ дѣятельныя силы его души были разбиты, точно въ ступѣ истолчены. Мысль дѣлала усилія сосредоточиться и расплывалась еще болѣе, путалась. Воспоминанія, надежды, сожалѣнія, печальныя и радостныя впечатлѣнія превращались въ его душѣ во что-то смутное; надъ всѣмъ господствовало только чувство ненависти къ фальши и искусственности, управляющимъ міромъ въ силу какого-то непостижимаго ихъ могущества.

Онъ внезапно вздрогнулъ и остановился. Со стороны Марлота доносились перекатывающіеся звуки, повторяемые скалами... Билъ барабанъ, сначала долгій трескъ дроби, потомъ отдѣльно ударъ, за нимъ другой, тяжелые, глухіе, точно молоткомъ заколачиваютъ крышку гроба и боятся нарушить тишину въ домѣ покойника... Фонъ-Блейхрёдеръ взглянулъ на часы: безъ четверти семь. Черезъ пятнадцать минутъ будетъ покончено. Ему вдругъ захотѣлось вернуться, своими глазами видѣть. Нѣтъ, изъ-за чего же было убѣгать? Ни за что въ мірѣ онъ не могъ бы взглянуть на *это*... И онъ влѣзъ на дерево.

Виднѣлось маленькое селеніе, такое бѣленькое и веселое, съ колокольней, возвышающейся надъ всѣми крышами, окруженное небольшими фруктовыми садами. Ничего больше онъ разсмотрѣть не могъ. Держа часы въ рукѣ, онъ слѣдилъ глазами за стрѣлкой, отбивавшей секунды, прислушивался къ ихъ постукиванію... Стрѣлка перескакивала быстро-быстро, тогда какъ минутная передвигалась едва замѣтными толчками, а часовая казалась какъ бы совсѣмъ неподвижною; но и она тоже не стояла на мѣстѣ.

До семи часовъ оставалось всего пять минутъ. Поручикъ крѣпко [illegible]пился въ черный гладкій стволъ бука, часы дрожали въ ру-

кѣ, кровь шумно била въ виски, и ему казалось, будто огнемъ горятъ всѣ корни волосъ на его головѣ.

Кракъ! Звукъ переломленной доски, и въ сторонѣ селенія, надъ черною шиферною крышей и надъ бѣлесово-зеленою яблоней поднялся голубой дымокъ, блѣдный, какъ весеннее облачко. Но надъ прозрачнымъ облачкомъ взвился маленькій черный кружокъ, за нимъ другой, третій, много маленькихъ кружковъ, какъ то бываетъ при стрѣльбѣ вверхъ на голубиной садкѣ, а не въ цѣль.

«Солдаты не такъ жестокосерды, однако, какъ я полагалъ!— думалъ поручикъ, слѣзая съ дерева, почти успокоенный сознаніемъ, что все покончено. Раздался перезвонъ маленькаго сельскаго колокола.—Миръ и покой умершимъ, исполнившимъ свой долгъ на землѣ! Почему же мертвымъ только, а не живымъ также, которые свой долгъ выполнили?»

Солнце сѣло, и луна, блѣдно-матовый серпъ которой плылъ по небу все послѣ-обѣда, становилась ярче и лучистѣе, когда поручикъ съ своею командой подходилъ къ Монтрекуру, все еще преслѣдуемый перезвономъ церковнаго колокола. Маленькій отрядъ вышелъ на широкую Немурскую дорогу, по обѣ стороны обсаженную тополями и показавшуюся Блейхрёдеру настолько предназначенною для ходьбы, что онъ продолжалъ путь, несмотря на то, что наступила ночь и луна сіяла полнымъ блескомъ. Солдаты заднихъ рядовъ начинали роптать и переговариваться, не можетъ ли капральный унтеръ-офицеръ обратить вниманіе поручика на то, что мѣстность не безопасна и что, кромѣ того, надо вернуться на квартиры, если выступленіе назначено на завтра съ разсвѣтомъ. Фонъ-Блейхрёдеръ скомандовалъ остановиться на пригоркѣ, съ котораго видно было селеніе Марлотъ. Поручикъ всматривался и прислушивался съ особеннымъ напряженіемъ. Опять пронесся въ воздухѣ бой барабана, и часы пробили девять въ Монтрекурѣ, въ Грецѣ, въ Бонру, въ Немурѣ, а за ними церковные колокола зазвонили къ «Angelus», на перебой одни передъ другими, и всѣхъ громче и пронзительнѣе въ Марлотѣ, какъ бы взывая: «Помогите, помогите, помогите!»... А помочь фонъ-Блейхрёдеръ не имѣлъ никакой возможности. Что-то грохнуло, точно подземный ударъ, и потрясло окрестность. То былъ заревой выстрѣлъ изъ пушки въ главной квартирѣ близъ Шалона. Набѣжавшій на луну легкій ночной туманъ, заволакивавшій ее прозрачнымъ флеромъ, спустился ниже, и подъ открывшимися блѣдными лучами загорѣлись, заискрились струи рѣки, какъ бы превратившіяся въ широкій потокъ раскаленной лавы, бѣгущей изъ Фонтенебльскаго лѣса, темнаго, мрачнаго,

напоминающаго вулканъ. Ночной воздухъ былъ удушливъ и тяжелъ; лица солдатъ настолько поблѣднѣли, что вокругъ нихъ вились летучія мыши, которыхъ привлекаетъ ночью все бѣлое. Люди знали, чѣмъ заняты думы поручика, и, тѣмъ не менѣе, онъ казался имъ необыкновенно страннымъ. Наконецъ, унтеръ-офицеръ осмѣлился и, въ формѣ рапорта, напомнилъ командиру, что заря пробита. Фонъ-Блейхрёдеръ выслушалъ его докладъ очень покорно, какъ приказаніе, и повелъ команду къ Марлоту.

Часъ спустя, на большой улицѣ селенія, унтеръ-офицеръ замѣтилъ, что лѣвая нога поручика не сгибается въ колѣнѣ. Дойдя до площади, фонъ-Блейхрёдеръ отпустилъ солдатъ, не распорядившись даже, чтобы прочтена была вечерняя молитва, и быстро скрылся.

Въ домъ онъ не пошелъ; какая-то невѣдомая сила тянула его куда-то. Съ широко раскрытыми глазами, съ судорожно вздрагивающимъ лицомъ, онъ почти бѣжалъ, останавливался у стѣнъ, оглядывалъ ихъ зоркимъ, привычнымъ взглядомъ и не находилъ ничего, никого не встрѣтилъ.

Утомленный, наконецъ, онъ направился къ дому, во дворѣ пріостановился на секунду, обошелъ кухню кругомъ и лицомъ къ лицу столкнулся съ фельдфебелемъ. Поручикъ такъ задрожалъ, что вынужденъ былъ прислониться къ стѣнѣ, чтобъ устоять на ногахъ. Фельдфебель былъ тоже крайне смущенъ, сдѣлалъ надъ собою усиліе и заговорилъ:

— Господинъ поручикъ, я вездѣ искалъ васъ, чтобы доложить...

— Хорошо, хорошо! Все въ порядкѣ... обстоитъ благополучно... Можете идти спать,—отвѣтилъ Блейхрёдеръ, боясь услышать подробности.

— Все обстоитъ благополучно, господинъ поручикъ, но...

— Хорошо, хорошо! Идите! — и офицеръ продолжалъ говорить такъ быстро и безъ перерыва, что фельдфебелю не оставалось возможности вставить ни одного слова. Всякій разъ, какъ онъ пытался открыть ротъ, на него обрушивался такой потокъ фразъ, что въ концѣ-концовъ, унтеръ-офицеръ отказался отъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ и удалился.

Поручикъ вздохнулъ свободно, какъ школьникъ, отдѣлавшійся отъ ожидаемыхъ наставленій учителя, и прошелъ въ садъ. Луна въ упоръ освѣщала желтую стѣну кухни и гибнущую виноградную лозу, растянутую на ней безжизненнымъ скелетомъ. Что же это, однако, такое? Два или три часа назадъ лоза казалась безлистою,

сѣрою и совершенно засохшею, теперь же на ней видны были кисти красныхъ ягодъ. Подойдя къ стѣнѣ, офицеръ ступилъ ногами во что-то сырое и вязкое, его обдалъ тяжелый, отвратительный запахъ бойни. И поручикъ увидалъ, что лоза осталась такою же погибшею, какою была, но стѣна испещрена пулями и забрызгана кровью. Такъ, стало быть, здѣсь, здѣсь!...

Онъ убѣжалъ. При входѣ въ комнату, что-то налипнувшее на подошву заставило его поскользнуться. Онъ снялъ сапоги и отшвырнулъ ихъ прочь. Потомъ онъ прошелъ въ свою комнату, гдѣ былъ уже накрытъ столъ и приготовленъ ужинъ. Несмотря на страшный голодъ, Блейхрёдеръ не могъ ѣсть и стоялъ, внимательно оглядывая столъ. Все прекрасно подано, кусокъ масла съ красною рѣдиской посверху казался такимъ свѣжимъ, вкуснымъ. Скатерть положена бѣлоснѣжная; на ней онъ замѣтилъ вышитые красные инициалы, но не его имени и не его жены. Сыръ красиво положенъ на виноградные листья. По всему можно было сказать, что не одинъ страхъ направлялъ руку хозяйки. Бѣлый хлѣбъ мягокъ, красное вино налито въ граненый графинъ, холодное мясо нарѣзано тонкими ломтиками,— все кажется приготовленнымъ дружескими руками. Ему стыдно стало прикоснуться къ этимъ кушаньямъ. Онъ судорожно схватилъ колокольчикъ и позвонилъ. Вошла жена трактирщика и, не говоря ни слова, остановилась въ дверяхъ, устремила пристальный взглядъ на ноги офицера, ждала его приказаній. Поручикъ, растерянно не зналъ, что сказать ей, онъ не могъ припомнить, зачѣмъ позвалъ ее. Но сказать что-нибудь было необходимо.

— Вы считаете меня виноватымъ? — проговорилъ онъ безсознательно.

— Нѣтъ, господинъ поручикъ, — почтительно отвѣтила хозяйка.— Вамъ что-нибудь угодно?

Она не сводила глазъ съ его ногъ.

Онъ нагнулся, желая узнать, что привлекаетъ ея вниманіе, и увидалъ, что стоитъ въ однихъ чулкахъ и что полъ испещренъ красными слѣдами... Сколько же часовъ долженъ былъ онъ пройти въ этотъ день!

— Дайте же мнѣ вашу руку, дорогая хозяйка! — сказалъ онъ, протягивая ей руку.

— Нѣтъ! — отвѣтила она, глядя ему прямо въ лицо, и вышла изъ комнаты.

Этотъ отказъ какъ бы сразу вернулъ ему хладнокровіе. Онъ взялъ стулъ и сѣлъ ужинать, но, едва взявшись за тарелку съ хо

лодною говядиной, почувствовалъ отвратительный запахъ, поразившій его въ саду. Блейхрёдеръ открылъ окно и выкинулъ мясо. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, видимо, разнемогался; впечатлительность зрѣнія настолько обострилась, что онъ уже не могъ выносить свѣта, яркіе цвѣта невыносимо раздражали его. Онъ выкинулъ за окно графинъ съ краснымъ виномъ, за нимъ рёдиску, лежавшую на маслѣ, потомъ красныя фуражки съ вѣшалки, палитру,— словомъ, все красное полетѣло вонъ тою же дорогой. И самъ онъ упалъ на кровать. При всемъ своемъ утомленіи, онъ не могъ закрыть глазъ и вдругъ разслышалъ голоса въ сосѣдней, общей залѣ. Вслушиваться онъ не хотѣлъ, но рѣчи явственно доходили до его ушей, и онъ разобралъ, что бесѣдуютъ два его фельдфебеля, попивая пиво.

— Двое, что поменьше, настоящіе были молодцы, ну, а большой-то совсѣмъ тряпка.

— Потому, развѣ, что какъ тряпка свалился у стѣны? Онъ же, вѣдь, просилъ насъ привязать его къ шпалерѣ, чтобы на ногахъ остаться, какъ онъ объяснялъ.

— Ну, да. А тѣ двое... чортъ возьми совсѣмъ... стали себѣ, сложили руки на груди, точно съ нихъ фотографію собрались снимать!

— Ге-ге! Однако, когда пришелъ къ нимъ въ билліардную ихъ попикъ и объявилъ, что имъ капутъ, всѣмъ троимъ нехорошо было,— такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ унтеръ-офицеръ. Но кричать ни одинъ не кричалъ, ни одинъ не заикнулся о пощадѣ. Вѣрно это?

— Вѣрно. Молодцы, какъ быть должно. За твое здоровье!

Фонъ-Блейхрёдеръ зарылся головой въ подушку и уши закрылъ одѣяломъ. Но онъ тотчасъ же поднялся. Неодолимое любопытство влекло его къ двери, за которою разговаривали двое унтеръ-офицеровъ. Ему хотѣлось узнать еще больше подробностей, а такъ какъ они заговорили тише, то онъ подошелъ тихонько, на пальчикахъ, приложилъ ухо къ замочной скважинѣ и сталъ слушать.

— А скажи вотъ что. Смотрѣлъ ты на нашихъ солдатъ? Лица у нихъ стали сѣрыя, вотъ какъ пепелъ у меня въ трубкѣ, и сколько изъ нихъ выпалили вверхъ на воздухъ! Ты смотри, не болтай объ этомъ, благо съ тѣми тремя молодцами все покончено. А ихъ, все-таки, съ утра-то порядочно подвело, осунулись. Пришлось стрѣлять какъ въ жерди.

— На ребятишекъ, на церковныхъ пѣвчихъ въ красныхъ одеждахъ ты обратилъ вниманіе? Какъ они сначала помахивали своими кофейными жаровнями и пѣли какія-то оперныя пѣсни! По-

томъ выстрѣлы, и тѣ молодцы покатились на грядки, горохъ перемяли... Пфу-ухъ! Что тутъ подѣлаешь? На то война! За твое здоровье!

Довольно наслушался Блейхрёдеръ. Кровь шумно приливала къ мозгу, о снѣ нечего было и думать. Онъ вошелъ въ общую залу и попросилъ солдатъ уйти.

Потомъ онъ раздѣлся, освѣжилъ голову, обливши ее водою, взялъ своего Шопенгауэра и принялся читать. Кровь молотками била въ виски, онъ читалъ.

Книга выпала изъ рукъ,—кто-то лежалъ на его кровати, метался и кричалъ. Кто это былъ? Блейхрёдеръ видѣлъ тѣло, видѣлъ его судорожныя движенія, высоко поднимающуюся грудь, слышалъ странный голосъ, сдавленный, кричащій подъ одѣяломъ. То было его собственное тѣло. Что это такое, раздвоился онъ, что ли, если видитъ себя самого и слышитъ свой голосъ со стороны, точно кричитъ кто-то другой? А крики продолжались. Отворилась дверь и вошла хозяйка,—вѣроятно, постучавшись предварительно.

— Что вамъ угодно, господинъ поручикъ? — спросила она, какъ-то странно улыбаясь.

— Мнѣ ничего,—отвѣтилъ больной.—А вотъ тотъ, другой, кажется очень болѣнъ и, разумѣется, ему нуженъ врачъ.

— У насъ въ селѣ нѣтъ врача, но священникъ приходитъ обыкновенно, когда кто-нибудь изъ насъ хворяетъ, — сказала трактирщица.

Она уже не улыбалась.

— Въ такомъ случаѣ, позовите вашего кюре, хотя тотъ, что тамъ корчится, былъ всегда очень невысокаго мнѣнія о чернохвостыхъ,—говорилъ поручикъ.

— Но когда онъ болѣнъ, то относится къ нимъ, можетъ быть, иначе,—отвѣтила хозяйка, выходя изъ комнаты.

Священникъ явился тотчасъ же, подошелъ къ постели, пощупалъ пульсъ больного.

— Что съ нимъ?—спросилъ больной.—Чѣмъ онъ болѣнъ?

— Угрызеніями совѣсти,—коротко отвѣтилъ патеръ.

Фонъ-Блейхрёдеръ такъ и привскочилъ.

— Угрызеніями совѣсти изъ-за того, что исполнилъ свой долгъ?

— Да, — продолжалъ кюре и обвернулъ голову больного мокрымъ полотенцемъ. — Слушайте, что я скажу вамъ, если вы еще въ состояніи понимать, что̀ вамъ говорятъ. Васъ ожидаетъ страшная участь, болѣе ужасная, чѣмъ та, что постигла

тѣхъ трехъ человѣкъ. Берегитесь! Эти симптомы мнѣ знакомы. Вамъ грозитъ сумасшествіе! Постарайтесь уразумѣть эту мысль во всемъ ея ужасѣ, постарайтесь вполнѣ ее понять, и умъ вашъ начнетъ работать попрежнему. Смотрите мнѣ прямо въ лицо. Вамъ представляется, будто вы стали двумя существами, и къ части себя самого вы относитесь какъ къ человѣку, вамъ постороннему. Какъ дошли вы до этого состоянія? Ложь, общественная ложь всѣхъ насъ раздваиваетъ внутренно. Однимъ вы были, когда писали письмо вашей женѣ, и были другимъ, когда говорили со мною. Какъ актеръ утрачиваетъ свою настоящую, подлинную личность и превращается въ смѣсь различныхъ игранныхъ имъ ролей, такъ человѣкъ, составляющій часть общества, раздваивается на двѣ личности, если только не распадается на большее ихъ число. И когда сильное волненіе, особенное нравственное потрясеніе разрываетъ его душу, его два «я», находясь рядомъ, лицомъ къ лицу, зорко слѣдятъ другъ за другомъ. Я вижу около васъ на полу книгу, мнѣ не безъизвѣстную. Авторъ ея былъ глубокій мыслитель, былъ однимъ изъ самыхъ глубокихъ, пожалуй. Онъ позналъ всю тщету и всю суетность земной жизни... Но и онъ, все-таки, не могъ избавиться отъ такой двойственности, вопреки своему ученію, ибо жизнь со дня рожденія, привычки, слабости человѣческія заставляли его забывать собственное ученіе. Какъ видите, мнѣ извѣстны нѣкоторыя книги, кромѣ моего молитвенника. И говорю я съ вами какъ врачъ, а не какъ священникъ. Мы понимаемъ другъ друга. Повѣрьте мнѣ, я тоже страдалъ отъ такого душевнаго раздвоенія. Въ дѣлахъ вѣры я не знаю ни сомнѣній, ни колебаній, но къ вамъ обращаюсь совсѣмъ не во имя религіи. Мы воспринимаемъ ложь въ утробѣ матери, всасываемъ въ себя ложь съ молокомъ матери, и тотъ, кто, при современныхъ условіяхъ жизни, сталъ бы говорить правду, всю правду... Вы въ состояніи еще понимать меня?

Больной жадно слушалъ, ни одного раза не сморгнувши во время длинной рѣчи патера.

— Теперь къ вамъ вернемся,—продолжалъ кюре.—Геній есть съ яркимъ факеломъ въ одной рукѣ, съ корзиной розъ въ другой; онъ осыпаетъ ими грязь жизни. Это геній лжи, и ему имя Красота! Язычники преклонялись передъ нимъ въ Греціи, и князи міра всѣхъ временъ нѣжно прижимали его къ своей груди, потому что онъ всѣ вещи измѣняетъ до полной неузнаваемости и люди не могутъ уже ихъ видѣть такими, каковы онѣ на самомъ

дѣлѣ. Онъ захватилъ всю нашу жизнь и своею фальшью во всемъ насъ обманываетъ, морочитъ, сбиваетъ. Ради чего вы, воины, дѣлаете свое дѣло подъ звуки музыки, съ развѣвающимися знаменами, какъ не ради того, чтобы скрыть весь ужасъ того, что вы дѣлаете?

Больной судорожно заметался, сложилъ руки умоляющимъ о пощадѣ движеніемъ и до крови закусилъ себѣ руку.

Но лицо патера приняло ужасное выраженіе. Жестокій, безжалостный, полный ненависти, онъ продолжалъ:

— Ты добръ отъ природы, и я не этого добраго человѣка хочу покарать въ тебѣ, а того представителя, какимъ ты самъ называлъ себя, говоря со мною. Пусть же эта кара заставитъ опомниться другихъ! Хочешь ты видѣть три трупа? Хочешь ихъ видѣть?

— Нѣтъ, именемъ Христа!—крикнулъ больной, хватаясь похолодѣвшею рукой за плечо патера.

— Твоя подлая трусость доказываетъ, что ты человѣкъ, а по существу ты человѣкъ подло-трусливый.

Точно отъ удара бичомъ, больной привскочилъ. Его лицо стало спокойнымъ, дыханіе сдѣлалось свободнымъ и онъ холоднымъ тономъ проговорилъ:

— Уйди вонъ, злой слуга сатаны, я оправлюсь безъ тебя!

— Я уйду, но не вернусь, если ты будешь звать меня,— возразилъ тотъ. — И если ты не въ состояніи будешь уснуть, то помни, что не отъ меня это, а, можетъ быть, отъ тѣхъ троихъ, что лежатъ тутъ рядомъ въ биллiардной, лежатъ на биллiардѣ. Вотъ, смотри!

Онъ настежь раскрылъ дверь сосѣдней залы. Рѣзкій запахъ карболовой кислоты хлынулъ въ комнату больного.

Фонъ-Блейхрёдеръ отчаянно вскрикнулъ, соскочилъ съ постели и, прежде чѣмъ патеръ успѣлъ удержать его, выпрыгнулъ изъ окна. Солдаты поймали его во дворѣ. Онъ сталъ кусаться... Крѣпко связаннымъ увезли его въ лазаретъ при главномъ штабѣ, а оттуда отправили въ домъ умалишенныхъ.

М.

МЕЖДУ ДВУХЪ СМУТНЫХЪ ИДЕАЛОВЪ *).

(Повѣсть).

IX.

Черезъ недѣлю Свіягинъ предложилъ Касаткину поѣхать съ нимъ въ его имѣніе Хрящево. Александръ Ѳедоровичъ былъ радъ «освѣжиться отъ меланхоліи», въ которую повергали его ежедневные встрѣчи и разговоры съ Анной Николаевной, и хотя Леонидъ Васильевичъ и предупреждалъ его, что въ Хрящевѣ онъ не найдетъ тѣхъ удобствъ, какъ въ Свіягинѣ, Александръ Ѳедоровичъ, не колеблясь, согласился на эту поѣздку.

Изъ разсказовъ онъ уже зналъ, что Хрящево служило Леониду Васильевичу убѣжищемъ, когда и ему не въ моготу становилось въ Свіягинѣ, зналъ и краткую исторію этого имѣнія.

Хрящево принадлежало когда-то богатому роду Щепанскихъ. Но послѣдній владѣлецъ Хрящева обнищалъ и жилъ въ своей усадьбѣ одиноко. Онъ мало-по-малу распродалъ все, когда-то дорогое, движимое имущество, ходилъ въ кучерской поддевкѣ и сапогахъ бутылками, занимался охотой, выѣздкой лошадей, — остатковъ прежняго конскаго завода,—а иногда по цѣлымъ недѣлямъ кутилъ въ обществѣ мѣстнаго волостного писаря. На одной изъ крестьянскихъ вечеринокъ его изъ-за ревности такъ поколотили парни, что онъ вскорѣ умеръ, а черезъ два мѣсяца послѣ его смерти Хрящево было куплено Анной Николаевной съ торговъ.

Когда утромъ въ назначенный для поѣздки день Касаткинъ, успѣвшій собраться раньше Леонида Васильевича, вошелъ къ нему въ кабинетъ, онъ увидѣлъ Свіягина одѣтымъ, противъ обыкновенія почти щегольски. На немъ была новенькая свѣтло-сѣрая пид-

*) Русская Мысль, кн. IV.

жачная пара, сшитая немножко неуклюже, должно быть, уѣзднымъ портнымъ, но изъ хорошаго, тонкаго трико; подъ воротникомъ цвѣтной рубашки былъ повязанъ шелковый трехцвѣтный шнурокъ; сапоги тщательно вычищены, волосы и борода причесаны; на столѣ, рядомъ съ открытою картонкой, лежала новая, широкополая, темно-коричневая соломенная шляпа.

— Что съ тобой? — невольно воскликнулъ Касаткинъ, пораженный непривычною франтоватостью пріятеля.

— А что, а? Недуренъ? — разсмѣялся Леонидъ Васильевичъ.

— Да что же у васъ тамъ, въ Хрящевѣ, другіе порядки, что ли? Или тамъ молодыя дамы есть? Такъ ты скажи, я тоже пріодѣнусь.

— Тебѣ не надо, ты и такъ хорошъ, — разсмѣялся Леонидъ Васильевичъ.—А я всегда, какъ ѣду туда, навожу на себя нѣкоторое благообразіе.

— Что же за причина?

— Причина особенная,—подмигнулъ Свіягинъ.

Однако, Александръ Ѳедоровичъ заставилъ-таки его объяснить, въ чемъ дѣло, и когда узналъ, что по дорогѣ они заѣдутъ на минутку на хуторъ къ знакомымъ, то онъ не захотѣлъ отстать отъ Леонида Васильевича, вернулся въ свою комнату и надѣлъ болѣе чистый китель и свѣжій чехолъ на фуражку.

А за чаемъ и Анна Николаевна спросила сына:

— Заѣхать хочешь по пути къ Мальковымъ?

— Да,—отвѣтилъ Леонидъ Васильевичъ.

— Ну, кланяйся. Скажи, что и я собираюсь къ Марьѣ Петровнѣ, да все не могу время выбрать. Соничкѣ кланяйся.

Касаткинъ догадался, что ему придется увидать «невѣсту» Леонида Васильевича.

Тройка хотя и не молодыхъ, но сытыхъ «сѣрыхъ въ яблокахъ» отмахивалась хвостами отъ назойливыхъ мухъ, когда Свіягинъ и Касаткинъ, напившись чаю, вышли на крыльцо. На этотъ разъ, вмѣсто обыденной «чортовой таратайки» или стараго кабріолета, въ которомъ Леонидъ Васильевичъ разъѣзжалъ по полямъ, былъ запряженъ хорошенькій небольшой тарантасъ, обитый внутри синимъ сукномъ, съ откинутымъ кожанымъ верхомъ, съ рессорами на задней оси.

— Ну, вотъ теперь ты заправскій помѣщикъ, — разсмѣялся Касаткинъ.

— Съ Богомъ,—сказала съ крыльца провожавшая ихъ Анна Николаевна, когда молодые люди, усѣвшись на своихъ мѣстахъ, кланялись ей на прощанье.

Лошади тронули.

Анна Николаевна трижды перекрестила вслѣдъ отъѣзжавшихъ и еще долго стояла на крыльцѣ, слѣдя за удалявшимся экипажемъ, пока онъ не повернулъ за уголъ и не скрылся за деревьями сада. Вѣдь, все ея счастье въ ея Ленѣ, всѣ мечты о немъ, всѣ заботы для него, вся жизнь ему. И въ умиленіи пошла Анна Николаевна въ свою комнату записать въ журналъ взволновавшія ее въ эту минуту мысли.

А тарантасъ быстро покатился по гладкой полевой дорогѣ. Легкій встрѣчный вѣтерокъ отдувалъ назадъ поднявшуюся изъ-подъ копытъ и колесъ пыль. Дышалось легко. День былъ ясный, бѣлыя перистыя облачка только еще ярче оттѣняли лазурь неба.

Проѣхали нѣсколько верстъ. Отъ дороги въ сторону сворачивала еще дорожка, поменьше. Тарантасъ миновалъ ее. Тогда Касаткинъ спросилъ:

— А когда же мы заѣдемъ-то?

— А это еще дальше будетъ,—отвѣтилъ Свіягинъ.—Верстъ десять не доѣзжая Хрящова. Я всегда на перепутьи заѣзжаю, лошадямъ вздохнуть дать.

— Кто это Мальковы?—спросилъ Касаткинъ, желая вызвать Свіягина на разговоръ.

Леонидъ Васильевичъ сообщилъ ему то же самое, что Касаткинъ уже слышалъ отъ Анны Николаевны, но о томъ, что барышня его невѣста, Свіягинъ и теперь умолчалъ.

Однако, вопросъ за вопросомъ, слово за словомъ, Свіягинъ разговорился. Разсказывая о хозяйственныхъ способностяхъ Сонички Мальковой,—онъ такъ и называлъ ее просто Соничкой,—Леонидъ Васильевичъ увлекся и не щадилъ красокъ, описывая, какъ она и за пашней, и за посѣвомъ, и за уборкой смотритъ, и какъ она во всемъ этомъ свѣдуща.

Но на Касаткина эти похвалы производили обратное дѣйствіе. Всѣ достоинства барышни, которыя такъ ярко подчеркивалъ Свіягинъ и которыя готовъ былъ и онъ признать несомнѣнными достоинствами, не привлекали Александра Ѳедоровича, вѣроятно, потому, что исходили отъ Свіягина. Хотя Леонидъ Васильевичъ разсказывал ему, въ то же время, что Соничка и на роялѣ играетъ, и французскія книжки читаетъ, но и это не могло изгнать изъ его головы образа «опростившейся» дѣвицы, почему-то въ самой грубой, уродливой формѣ промелькнувшей передъ нимъ въ воображеніи, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о «простотѣ» жизни самого Свіягина.

Даже хорошенько не слушая, что говорилъ ему Леонидъ Ва-

сильевичъ, онъ и теперь не могъ удержаться, чтобы про себя не выругаться.

«Развѣ это простота, чортъ ихъ побери?—думалъ онъ.—Я и самъ меньше всего могу похвастаться изысканностью въ своемъ образѣ жизни и привычкахъ, но съ такою простотой провались они совсѣмъ!»

Не нравилось ему, когда, по его любимому выраженію, «изъ выѣденнаго яйца дѣлали какое-то знамя».

— Ну, вотъ и мальковскій хуторъ,—сказалъ Леонидъ Васильевичъ, указывая Касаткину на виднѣвшійся вдали изъ-за зелени деревьевъ одноэтажный деревянный домикъ, хотя и старый, но еще сохранившій бодрый и здоровый видъ.—А вотъ, кажется, и сама Соничка!—воскликнулъ онъ, замѣтивъ подъѣзжавшихъ къ хутору же съ правой стороны трехъ всадниковъ.

Касаткинъ, по мѣрѣ приближенія, могъ разглядѣть, что двое изъ всадниковъ были простые мужики, а третій—молодая дѣвушка.

У самыхъ воротъ они съѣхались. Барышня узнала Свіягина и, улыбаясь, остановила свою лошадь; Леонидъ Васильевичъ въ свою очередь приказалъ кучеру пріостановиться и выскочилъ изъ тарантаса. Касаткинъ послѣдовалъ за нимъ.

— Храброй амазонкѣ рыцарскій поклонъ,—съ нѣкоторою аффектаціей произнесъ Свіягинъ, опуская до земли шляпу.

— Вотъ это мило съ вашей стороны, что вы насъ вспомнили,—съ привѣтливою улыбкой сказала молодая дѣвушка, съ лошади протягивая руку и бросивъ бѣглый взглядъ на Касаткина.—Вы больше мѣсяца у насъ не были.

— Позвольте представить виновника моего долгаго домосѣдства,—сказалъ Леонидъ Васильевичъ, рекомендуя ей Касаткина.

— Очень рада,—также любезно протягивая Касаткину руку, произнесла Соня.—Ну-съ, поѣдемте. Мама уже вспоминала, что васъ давно не видно,—обратилась она опять къ Свіягину и потянула поводья лошади.

Маленькая, смирная лошадка, все время добродушно косившаяся на стоявшаго сбоку Свіягина, теперь, послушная своей хозяйкѣ, тронулась тихимъ шагомъ впередъ. Леонидъ Васильевичъ и Касаткинъ пошли рядомъ.

На Касаткина Соня произвела очень пріятное впечатлѣніе. Предубѣжденіе, составившееся было у него, теперь разсѣялось при первомъ же взглядѣ на молодую дѣвушку. Все въ ней сразу показалось ему привлекательнымъ, начиная съ ея мягкихъ чертъ лица. Съ густыми бровями и довольно полными губами, Соня въ общемъ

немного напоминала благородный мавританскій типъ, но, въ то же время, въ ея темно-голубыхъ глазахъ отражалось такое ясное и безмятежное настроеніе души, какое встрѣчается чаще всего у чисторусской женщины. Ей было лѣтъ восемнадцать, но, смуглая, она казалась нѣсколько старше. Здоровый румянецъ, оттѣненный почти черными, волнистыми волосами, красиво разливался по ея загорѣлому лицу: она не боялась ласкъ солнца, она и теперь ѣхала съ непокрытою головой. Касаткинъ обратилъ вниманіе, что она очень ловко сидитъ на дамскомъ сѣдлѣ въ костюмѣ, не имѣющимъ ничего общаго съ амазонкой: видно было, что она, въ чемъ была дома, такъ и сѣла на лошадь. Ея сѣрая бежевая юбка была едва ли длиннѣе обыкновенной домашней; батистовая, бѣлая, съ косыми голубыми полосками блузочка, падая на талію свободными складками, почти закрывала серебряный кавказскій поясъ.

— Куда вы ѣздили?—спросилъ, между тѣмъ, Соню Свіягинъ, на ходу поглаживая рукой шею ея савраски.

— Сучья продавать,—отвѣтила она съ простодушною улыбкой и сейчасъ же, оживившись, сказала:—Знаете, что мы въ нашемъ лѣскѣ сдѣлали? Въ прошлый разъ я забыла разсказать вамъ.

— Ну?—приготовился слушать Свіягинъ.

— Чтобъ онъ не засаривался сухими сучьями, мы, вѣдь, позволяли ихъ мужикамъ брать даромъ,—стала она разсказывать.—Они брали, но очень мало, почти ничего, а потихоньку стали деревья рубить. Тогда мы совсѣмъ запретили сторожу пускать ихъ. Но сучьевъ, валежнику, было всегда такъ много, и мнѣ это не нравилось, хотѣлось убрать ихъ. А тутъ какъ разъ бабы въ свободное время все приходили работы просить, и мы съ мамой придумали дать имъ уборку сучьевъ въ сажени. Ну, мы поговорили съ ними и порядили ихъ по сорока копѣекъ съ кубической сажени съ тѣмъ, чтобъ крупные отъ мелкихъ отдѣльно складывались.

— Отлично!—одобрилъ Леонидъ Васильевичъ.

— И знаете,—продолжала, воодушевляясь, Соня,—нѣкоторыя цѣлыми семьями пришли, съ ребятами и стариками. Пятилѣтнія дѣвочки, и тѣ работали. Смотрѣть было любо. Я цѣлыми днями там[illegible] сама за ними наблюдала. И больше всего эта мелюзга работал[illegible]. Премилая картинка! Всѣ съ разныхъ сторонъ ползутъ съ суч[illegible]ми въ рукахъ. Какъ есть муравейникъ.

[illegible]есело глядя на Касаткина, она продолжала разсказывать, уже как[illegible]бы обращаясь къ нему:

— Теперь у меня лѣсъ такой хорошій. И знаете, я не разсчитыв[illegible]на выгоду,—серьезнымъ тономъ добавила она,—хотѣлось

просто соръ очистить да заработокъ имъ дать, а теперь я самые плохіе и мелкіе сучья продаю тѣмъ же деревенскимъ по полтинѣ за сажень, а которые получше—по полтора рубля. Вотъ сейчасъ остатки продала,—кивнула она головой по направленію къ сопровождавшимъ ее мужикамъ.

— Однако, вы и въ самомъ дѣлѣ хозяйка! Недаромъ Леонидъ Васильевичъ васъ расхваливалъ! — воскликнулъ Касаткинъ, все время, пока она разсказывала, наблюдавшій за ея красиво оживленнымъ лицомъ. Увлеченный простотой ея разсказа, ея милымъ голосомъ, онъ мирился и съ хозяйственною выгодой въ этомъ дѣлѣ, которую едва ли бы простилъ Аннѣ Николаевнѣ или Леониду Васильевичу.

— Я... я что-жь? Это мама... я подъ ея руководствомъ,—слегка краснѣя, просто сказала Соня.

— А мамой руководитъ дочка,—улыбаясь, подмигнулъ Касаткину Свіягинъ.—Мама и съ кресла не встаетъ.

— Такъ что-жь?—прервала его Соня.—Мы маму и въ креслѣ вездѣ катаемъ.

— Скажите: *я* катаю,—поправилъ ее Свіягинъ и, обратившись къ Касаткину, сказалъ: — Софья Сергѣевна, какъ нянька, сама возитъ Марью Петровну въ колясочкѣ.

— Это только во время прогулокъ, когда близко, когда мы хотимъ остаться вдвоемъ, — отозвалась на это съ милою улыбкой Соня, обращаясь тоже къ Касаткину.—Да и что-жь, мама такая легонькая.

Касаткинъ, несмотря на свое участіе въ ихъ разговорѣ, успѣлъ замѣтить и безукоризненную чистоту узкаго и длиннаго, какъ коридоръ, двора, гдѣ они шли, и большой, въ цѣлую десятину, огородъ за заборомъ, и привѣтливый видъ домика, къ которому они приближались: въ открытыхъ окнахъ, на фонѣ бѣлыхъ тюлевыхъ занавѣсей, виднѣлись пышно распустившіяся розы; простѣнки между окнами скрывались темною зеленью сиреневыхъ кустовъ.

Савраска остановился у высокой скамеечки съ приступкомъ, устроенной на столбикахъ у самаго входа въ палисадникъ. Соня безъ посторонней помощи садилась и слѣзала здѣсь съ сѣдла. Теперь, когда она встала на землю, Касаткинъ замѣтилъ, что она не высока ростомъ, но вся фигура ея была пропорціональна, граціозна.

Рабочій, минутой раньше вышедшій изъ своей избы на стукъ свіягинскаго тарантаса, подошелъ и взялъ за поводья савраску

— Ну, идите на заднее крыльцо, — сказала Соня подъѣхавъ

шимъ вмѣстѣ съ ними мужикамъ,—я сейчасъ выйду и сдѣлаю съ вами разсчетъ.

И, обратившись къ Свіягину и Касаткину, она любезно, жестомъ руки, пригласила ихъ войти въ домъ.

На встрѣчу имъ, едва не опрокинувъ стоявшія на крыльцѣ двѣ кадки съ цвѣтущими олеандрами, бросился громадный, лохматый песъ и, радостно взвизгивая и какъ бы для улыбки скаля бѣлые зубы, сталъ вертѣться около нихъ, порываясь прыгнуть то Сонѣ, то Свіягину на грудь и дружелюбно обнюхивая Касаткина.

— Поди на мѣсто, Гридень, — мимоходомъ сказала Соня, и песъ успокоился и, помахивая хвостомъ, пошелъ позади ея.

X.

Первое, что бросилось въ глаза Касаткину, когда они вошли черезъ переднюю въ довольно просторную гостиную, была масса цвѣтовъ и зелени, рѣзко выступавшихъ на яркой бѣлизнѣ штукатуренныхъ, не оклеенныхъ обоями стѣнъ. Въ углу—маленькій кабинетный рояль, рядомъ съ нимъ—двѣ этажерки съ нотами. Тутъ же хорошенькій шкафикъ съ книгами. У противуположной стѣны старинный краснаго дерева диванъ, передъ нимъ круглый, тоже краснаго дерева, столъ съ рѣзною ножкой и кресла. Книги и ноты на крышкѣ рояля и на столѣ; букетъ садовыхъ и букетъ полевыхъ цвѣтовъ, развернутая иллюстрація, брошенная на кресло, на ней начатое шитье, а на табуреткѣ корзиночка съ швейными принадлежностями: эта большая комната въ маленькомъ домикѣ была, очевидно, и парадной, и рабочей. Рядомъ, въ отворенныя двери, виднѣлась небольшая столовая и изъ нея выходъ на террасу, куда Соня прямо и провела гостей.

Длинная терраса захватывала не только всю сторону дома, обращенную въ садъ, но огибала и уголъ, и тамъ, за угломъ, спускалась, вмѣсто лѣстницы, отлогимъ скатомъ на дорожку. Въ небольшомъ садикѣ, прибранномъ и цвѣтущемъ, у столика, подъ тѣнью раскидистой липы, сидѣла, читая, старушка.

Замѣтивъ идущую къ ней дочь съ гостями, она спустила на колѣни книжку и легкимъ поклономъ встрѣчала подходившихъ.

— Вотъ позвольте, Марья Петровна, познакомить васъ съ моимъ другомъ,—сказалъ Свіягинъ, здороваясь со старушкой и представляя ей Касаткина.

— Очень рада,—любезно сказала Марья Петровна, протягивая Александру Ѳедоровичу руку.—Ужь прошу извинить, что при-

нимаю васъ въ такомъ видѣ, прикована вотъ къ этому креслу шестой годъ.

Послѣ обмѣна первыхъ привѣтствій и разспросовъ о здоровьи самого Леонида Васильевича и мамаши, Марья Петровна сейчасъ же предложила гостямъ пойти въ комнаты.

— Солнце повернуло въ эту сторону,—сказала она,—и теперь здѣсь жарко будетъ. Ну-ка, Соня!—обратилась она къ дочери.

Соня взялась за придѣланныя къ креслу ручки и покатила его къ въѣзду на террасу. Свіягинъ хотѣлъ было замѣстить ее, но Соня не уступила ему своего мѣста, и Леониду Васильевичу пришлось только помочь ей, сбоку подталкивая одною рукой легко катившееся на высокихъ тонкихъ колесикахъ небольшое кресло.

— Вы въ Хрящово или оттуда?—спросила Марья Петровна, когда они были уже въ гостиной.

— Туда,—отвѣтилъ Леонидъ Васильевичъ.

— Ну, такъ вы у насъ, конечно, пообѣдаете,—сказала Марья Петровна.

— Съ удовольствіемъ.

Соня подкатила Марью Петровну къ столу у дивана и повернула кресло такъ, чтобы мать была лицомъ къ свѣту.

— Извольте вотъ тутъ посидѣть съ мамой,—обратилась она къ Свіягину,—я пойду только получу съ моихъ мужичковъ деньги за хворостъ, отпущу ихъ и сейчасъ вернусь.

И, спросивъ мать, ловко ли ей, не нужно ли ей чего-нибудь, она еще разъ привѣтливо кивнула гостямъ и вышла.

Свіягинъ сейчасъ обратился къ Марьѣ Петровнѣ съ горячею похвалой той очисткѣ лѣса и продажи сучьевъ, про которую разсказала Соня.

— И, вѣдь, вотъ подите съ нашимъ мужикомъ,—авторитетно произнесъ въ заключеніе Леонидъ Васильевичъ,—предложите ему даромъ на себя поработать, онъ собственной выгоды не пойметъ, онъ какъ будто хочетъ, чтобъ ему же за это заплатили. А когда вы ему заплатите за работу, онъ вамъ за результатъ этой самой работы уже готовъ заплатить много дороже: тутъ онъ пойметъ!

— А, можетъ быть, они и правы,—благодушно сказала Марья Петровна,—вѣдь, все даровое плохо и не прочно, лучше какъ самъ-то заработаешь. Можетъ быть, мужикъ и не понимаетъ этого, а ужь такъ, по привычкѣ, не вѣритъ въ пользу барскихъ подарковъ,—и, немного помолчавъ, она добавила:—Я, впрочемъ, держусь правила: по возможности, не давать ничего даромъ, но за то не притѣснять на заработной платѣ, не дешевить...

— А какъ у васъ сѣнокосъ?—прервалъ ее Свіягинъ, заинтересованный вопросомъ о цѣнѣ на рабочія руки.

И разговоръ принялъ на нѣкоторое время чисто-дѣловой характеръ.

Касаткинъ молчалъ и слушалъ ихъ, присматриваясь къ Марьѣ Петровнѣ. Худая и блѣдная, съ гладко-причесанными сѣдыми волосами, прикрытыми черною кружевною наколкой, съ лицомъ, покрытымъ хотя и многочисленными, но не глубокими морщинами, Марья Петровна сохранила слѣды былой красоты. Ея черты были нѣжнѣе, правильнѣе, чѣмъ у Сони,—вѣроятно, дочь была въ отца. Въ особенности красивы были у старушки черные глаза, свѣтившіеся молодостью. Во всей ея маленькой фигуркѣ было что-то изящное. Голосъ Марьи Петровны звучалъ пріятно: было въ немъ что-то мягкое, спокойное, ободряющее и совсѣмъ не похожее на приторную слащавость, всегда раздражавшую Касаткина въ разговорахъ съ Анной Николаевной.

Какъ любезная хозяйка, Марья Петровна урывками, между разговоромъ съ Леонидомъ Васильевичемъ, успѣла уже перекинуться двумя-тремя фразами и съ Касаткинымъ о его пребываніи въ деревнѣ; но Свіягинъ, не считавшій нужнымъ занимать молчаливаго пріятеля, опять сворачивалъ разговоръ на разныя хозяйственныя темы, предоставляя Касаткина самому себѣ.

Соня, наконецъ, вернулась. Касаткинъ замѣтилъ, какъ съ ея появленіемъ, всѣ трое, онъ и Свіягинъ, и даже Марья Петровна, какъ будто ожили, какъ будто проснулись.

— Я велѣла вашихъ лошадей отложить, Леонидъ Васильевичъ,—сказала Соня.—Вы можете пробыть у насъ и до вечера. Намъ тутъ не часто приходится видѣть петербургскихъ гостей.

— Повинуюсь,—отвѣтилъ Свіягинъ, наклоняя голову.

До обѣда Соня предложила немного пройтись. Леонидъ Васильевичъ пожелалъ посмотрѣть на недавно очищенный лѣсокъ, и рѣшено было отправиться до его опушки, отстоявшей отъ хутора около полверсты.

Марья Петровна отъ участія въ прогулкѣ отказалась: ей не хотѣлось стѣснять гостей присутствіемъ рабочаго, который бы катилъ ея кресло-колясочку, не хотѣла она и имъ или дочери позволить [illegible]атить себя, и осталась дома.

[illegible] дорогѣ къ лѣсу разговоръ завязался не сразу. Свіягинъ любовался Соней и не считалъ нужнымъ заговаривать, а Касаткинъ всегда [illegible]чувствовалъ себя нѣсколько стѣсненнымъ при первомъ зна-

комствѣ. Соня рѣшилась, въ качествѣ хозяйки, первая прервать молчаніе.

— Вы любите деревню?—обратилась она къ Касаткину съ вопросомъ, чтобы только сказать что-нибудь.

— Люблю,—нехотя отвѣтилъ Касаткинъ: полчаса тому назадъ ему пришлось уже отвѣтить на этотъ же вопросъ и Марьѣ Петровнѣ.

— Отчего же вы живете въ Петербургѣ?—опять спросила Соня и вдругъ почувствовала, какъ краска разлилась по ея лицу. «Господи, какой глупый вопросъ!»—съ ужасомъ подумала она и, сейчасъ же поймавъ себя на мысли, что ей какъ будто хочется сказать что-нибудь особенно умное петербургскому гостю, покраснѣла еще больше отъ досады на себя.

Касаткинъ тоже былъ слегка озадаченъ ея вопросомъ.

— Оттого, что...—началъ было онъ и запнулся, но, замѣтивъ смущеніе Сони, онъ поспѣшно произнесъ:—Во-первыхъ, я связанъ службой,—это мои единственныя средства къ существованію; во-вторыхъ, я люблю Петербургъ еще больше деревни.

— Да?—машинально спросила Соня, стараясь оправиться.

— А вы любите офицеровъ?—школьничая, обратился къ Сонѣ Свіягинъ, какъ бы подсмѣиваясь надъ ея неловкостью.

— Нѣтъ, не люблю,—серьезно отвѣтила она, немножко недовольная его вопросомъ.

— За что такая немилость?—шутливо вступился Касаткинъ.—Значитъ, и мое присутствіе вамъ непріятно?

— Напротивъ.

— Но если вы не любите офицеровъ...

— А ужь будто бы вы офицеръ?—прервала его снова повеселѣвшая Соня.

— Вы развѣ подозрѣваете, что я переряженный самозванецъ?

— Форма не человѣкъ,—отвѣтила она на это.—Можно и въ мундирѣ не быть «офицеромъ».

— Какихъ же офицеровъ вы не любите?—спросилъ Касаткинъ.

— Тѣхъ, которыхъ обожаютъ институтки,—смѣясь, отвѣтила Соня.

— Ну, значитъ, офицерство тутъ не причемъ, вы хотите сказать, что просто не любите пустыхъ людей,—замѣтилъ Касаткинъ.

— Да, пожалуй... Но я вообще не люблю войну... Зачѣмъ война?—мило улыбаясь, сказала Соня.

— О, я думаю съ этимъ всѣ согласны!—съ улыбкой произнесъ Касаткинъ.—Зачѣмъ война? Немного найдется любителей

войны. Но безъ войны нельзя, а на войнѣ нельзя и безъ офицеровъ.

— Отчего нельзя безъ войны? Я думаю, что когда-нибудь перестануть же воевать,—убѣжденно сказала Соня.

— Во всякомъ случаѣ, не скоро,—покачалъ головой Касаткинъ.

— Я думаю, что воевать перестануть тогда, когда институтки перестануть обожать офицеровъ, — пошутилъ Свіягинъ.—Вѣдь, войну дѣлаютъ для офицеровъ, а офицеровъ для институтокъ.

— Милый другъ,—сказалъ на это Касаткинъ,—ты шутишь, а въ твоихъ словахъ большая доля правды, и даже всѣми признанной. Чтобы нравиться женщинамъ, нужно побѣждать другихъ.

— Да,—подхватила Соня, прежде чѣмъ успѣлъ сказать что-нибудь Леонидъ Васильевичъ,—пускай это будутъ герои и побѣдители,—увлекаясь, произнесла она,—но развѣ нѣтъ побѣдъ, кромѣ войны, развѣ нельзя безъ крови, безъ убійствъ?

— Конечно, есть разнаго рода борьба,—отвѣтилъ Касаткинъ,—но это, все-таки, будетъ война, хотя бы и на другомъ поприщѣ, хотя бы и безкровная. И еще вопросъ, какая изъ нихъ тяжелѣе и безпощаднѣе,—въ раздумьи произнесъ онъ.

— Неужели вы могли бы убить человѣка, хотя бы и на войнѣ?—спросила Соня, посмотрѣвъ на Касаткина испытующимъ взглядомъ.

— Не знаю, не приходилось,—улыбнулся Александръ Ѳедоровичъ.—Но, вѣдь, я плохой военный. Я не строевой.

— Онъ только сидитъ у себя въ лабораторіи, да думаетъ, какъ бы изобрѣсти такой снарядъ, чтобы не одного человѣка, а сразу цѣлый полкъ въ котлеты превратить,—опять пошутилъ Свіягинъ.

— Къ стыду моему, я и этого не придумываю, а просто небо коптчу,—сказалъ Касаткинъ.

— Цѣль военной службы, а, слѣдовательно, и твоей жизни—защита отечества,—прервалъ его нѣсколько поддразнивающимъ тономъ Леонидъ Васильевичъ.

Касаткинъ, слегка прищурившись, посмотрѣлъ на него и медленно, съ подчеркнутымъ спокойствіемъ, произнесъ:

А я желалъ бы, чтобъ мнѣ не зачѣмъ было и защищать его, чтобъ никто и ни откуда не грозилъ ему нападеніемъ.

- Ну, этого никогда не будетъ!—рѣшительно произнесъ Свіягинъ.—По крайней мѣрѣ, ни намъ, ни даже нашимъ внукамъ этого не дождаться.

Знаю,—опять такъ же спокойно сказалъ Касаткинъ.—Ну,

и что-жь? Надо будетъ, такъ и умереть съ честью съумѣемъ. Я вотъ за то отчасти и мирюсь съ своимъ военнымъ положеніемъ,— вдругъ оживившись, болѣе горячо заговорилъ онъ,—за то готовъ даже, пожалуй, полюбить военную службу, что она пріучаетъ человѣка всегда смѣло ожидать смерти. Она развиваетъ мужество, и мужество не только предъ смертью, но и предъ жизнью.

— Это вѣрно!—воскликнула Соня.

Касаткинъ взглянулъ на нее; ея глазки, устремленные на него, уже загорѣлись неподдѣльнымъ восторгомъ, во всемъ лицѣ ея какъ будто свѣтилось напряженное и радостное ожиданіе еще какихъ-то волнующихъ сердце словъ отъ петербургскаго гостя.

— А чѣмъ вы занимаетесь, кромѣ службы?—спросила Соня.

Касаткинъ помолчалъ и потомъ сообразилъ, что они съ Свіягинымъ слишкомъ увлеклись своимъ споромъ, разсмѣялся и сказалъ:

— Словоизверженіями. Тоже отечество спасаемъ.

— Какъ это? Отъ чего?—не поняла его Соня.

— Отъ всякихъ бѣдъ. Все разсуждаемъ, какъ чтобы къ лучшему.

— Съ кѣмъ разсуждаете?

— Съ кѣмъ случится.

— То-есть съ кѣмъ же, напримѣръ? — наивно продолжала допытываться Соня.

— Да вообще, съ знакомыми.

— Ахъ, да, съ знакомыми! Понимаю!

— То-есть, по-просту, они болтовней на возвышенныя темы занимаются,—пошутилъ Свіягинъ съ нескрываемою ироніей.

— Что же дѣлать, если у насъ нѣтъ плодоносныхъ занятій о насущномъ хлѣбѣ, какъ у васъ, землевладѣльцевъ? Дѣлаемъ, что можемъ,—въ томъ же тонѣ отвѣтилъ ему Касаткинъ.

— Что вы хотите этимъ сказать: отечество спасаемъ?—спросила Соня, серьезно доискивавшаяся смысла въ его словахъ.

— Это моя шутка,—улыбнулся Касаткинъ.—Я въ шутку называю такъ всякіе проекты и разсужденія о томъ, что̀ полезно и что̀ вредно для народа... и для всѣхъ насъ вообще... И Леонидъ Васильевичъ, въ сущности, правъ...

— Да почему же надъ этимъ смѣяться надо? — спросила нѣсколько недовольная ихъ тономъ Соня. — Развѣ худо, если вы хотите всѣмъ добра, если вы и говорите объ этомъ, и думаете, какъ бы это сдѣлать?

— Это-то совсѣмъ не худо,—отвѣтилъ Касаткинъ,— да не-

можно худо то, что всѣ объ этомъ говорятъ, а мало кто что-нибудь дѣлаетъ.

— Да научите, научите, что̀ можно дѣлать?— оживленно произнесла Соня.— Мы вотъ съ мамой тоже часто разговариваемъ между собой... Мы читаемъ, что̀ пишутъ, потомъ обсуждаемъ, даже споримъ... даже горячо споримъ... А иногда договоримся, додумаемся да чего-нибудь и сдѣлаемъ.

— Ну, и слава Богу,—одобрительно произнесъ Касаткинъ.

— Такъ почему же вотъ и вы сейчасъ съ насмѣшкой сказали о разговорахъ и проектахъ? Иногда и желала бы что-нибудь сдѣлать, да счастлива хоть тѣмъ, что помечтаешь. А можетъ быть, думаешь, когда-нибудь и удастся.

Соня говорила все это просто, но въ ея голосѣ звучали, казалось, мольба и надежда.

— Вы правы,— въ раздумьи сказалъ Касаткинъ,— я, строго говоря, и не думаю смѣяться надъ мечтами или утопіями. Я просто пошутилъ. Отчего же иногда и не поиронизировать надъ самимъ собою?

Соня взглянула на него кроткимъ, нѣсколько растереннымъ взглядомъ и потомъ, опустивъ свои длинныя черныя рѣсницы, задумчиво и какъ-то несмѣло произнесла:

— Я не люблю иронiи.

Касаткинъ въ свою очередь взглянулъ на нее.

«Это оттого, что вы молоды», — хотѣлъ было онъ сказать ей, но не сказалъ, боясь задѣть ея самолюбiе.

Наступила минута общаго молчанiя.

У Касаткина мысли опережали одна другую, и онъ уже думалъ не для того, чтобъ отвѣчать Сонѣ, а самъ для себя. Наивная вѣра въ добро и въ пользу разговоровъ и проектовъ, олицетворенная для него въ эту минуту въ красивомъ образѣ Сони, влекла его къ себѣ. И скептицизмъ, съ которымъ онъ самъ сію минуту отнесся къ собственнымъ «словоизверженiямъ», таялъ отъ теплоты, проникшей въ его душу въ словахъ Сони.

«Да, да... пусть въ самомъ дѣлѣ мы научимся хоть говорить и думать, пока не научимся дѣлать,—мысленно говорилъ онъ самъ себѣ.— Развѣ это худо? Развѣ это хуже, чѣмъ и не говорить, и не думать?»

О[illegible] дошли до конца ярового поля. На недавно прокошенной лужайк[illegible] по опушкѣ лѣса красиво раскинулись, какъ авангардъ, нѣсколько молодыхъ дубковъ и липъ, а въ нѣсколькихъ саженяхъ за

ними сплошная тѣнь подъ переплетавшимися вѣтвями смѣшаннаго чернолѣсья манила прохладой.

— Какой чудный лѣсокъ!—воскликнулъ Касаткинъ.—Хорошо у васъ тутъ!

— Я люблю это мѣсто,—съ благодарнымъ взглядомъ отвѣтила ему Соня.—Правда, здѣсь хорошо?

— Чудесно!

— А вотъ, посмотрите, тамъ, дальше, вонъ тамъ, какая красивая полянка!—съ дѣтскою радостью, уже забывъ всю серьезность, съ которой она сейчасъ говорила, показывала теперь Соня Касаткину рукой въ глубь лѣса. — А вотъ изъ-за тѣхъ деревьевъ, съ горки, село видно... прелесть! Вотъ пойдемте!

И, свернувъ съ дорожки, они пошли прямо по расчищенному мѣсту между деревьями.

Что-то нѣжащее было въ этомъ молодомъ, но уже пышномъ лѣсочкѣ. У Касаткина какъ-то само собой явилось сравненіе его съ его хозяйкой, съ самой Соней, такой же молодой и уже много обѣщающей. Она шла впередъ, то съ улыбкой оглядываясь на своихъ спутниковъ, едва успѣвавшихъ за ней по мелкимъ полянкамъ, на которыхъ еще пахло только что недавно убраннымъ свѣжимъ сѣномъ, то мелькая между кустарниками и низко свѣсившимися вѣтвями, и, казалось, манила за собой. И съ каждымъ шагомъ, который Касаткинъ дѣлалъ за этою красивою дѣвушкой, полною силъ и нетронутаго здоровья, онъ чувствовалъ себя все болѣе и болѣе влюбленнымъ.

Да, влюбленнымъ! Хотя эта мысль и вызвала у него глупо-блаженную улыбку, но какое другое слово могъ бы онъ придумать для своего настроенія въ эту минуту? Вѣдь, любовь—вѣковая беззаконница. Развѣ ей нужно много времени, чтобы вспыхнуть? Говорятъ, полюбить—это значитъ найти какое-то *дополненіе* къ своей натурѣ. Эта любовь приходитъ мгновенно.

Ему не хотѣлось теперь говорить ни о чемъ. Въ душѣ поднималось что-то свѣтлое, теплое, радостное, какъ будто счастье надвинулось на него откуда-то издалека, рисуясь въ туманѣ неясными очертаніями. Все, что въ жизни было дорого и мило, все, чего смутно жаждала душа въ дни молодости и пору надеждъ и ожиданій, все недостижимое, желанное всплыло наружу и охватило его.

Но это настроеніе длилось недолго... Она — невѣста Свіягина, невѣста его друга, и ему непростительно даже хоть на секунду растравлять свою больную душу нелѣпыми мечтами.

«Да стоитъ ли еще Свіягинъ такого счастья, такой дѣвушки?.. —

думалъ Александръ Ѳедоровичъ чрезъ минуту, и тотчасъ же этотъ вопросъ показался ему и праздным, и подсказаннымъ завистью. Да каковъ бы ни былъ Свіягинъ, самъ-то онъ тутъ при чемъ? Вѣдь, не онъ же въ самомъ дѣлѣ можетъ замѣнить Свіягина, вѣдь, не онъ же можетъ дать ей что-нибудь лучшее?

И Касаткинъ, уже печальный и поблѣднѣвшій, гналъ отъ себя прочь тѣ переливавшіяся тысячами радужныхъ огней грезы, которы сейчасъ было охватили его.

А видъ изъ лѣсу съ пригорка черезъ вершины деревьевъ и раскинувшіяся подъ горой поля на далекое село съ его бѣлою церковью былъ дѣйствительно красивъ.

— Каковъ видъ-то, а?—поддразнилъ Касаткина Леонидъ Васильевичъ, когда Соня привела ихъ на мѣсто.—Недуренъ?

«Ну, зачѣмъ онъ попалости говоритъ?—подумалъ Касаткинъ.—Странно, что онъ не чувствуетъ того настроенія, какъ я, въ эту минуту».

Между тѣмъ, время приближалось къ обѣду, и Соня предложила вернуться.

XI.

Столъ уже былъ накрытъ. Дѣвочка-подростокъ, въ чистомъ розовомъ платьицѣ, въ красивомъ, обшитомъ кружевами фартукѣ съ нагрудникомъ, ставила стулья къ столу, когда Свіягинъ и Касаткинъ вошли въ домъ.

— Вотъ-съ, Марья Петровна, нашъ сборъ,—сказалъ Леонидъ Васильевичъ, подавая Марьѣ Петровнѣ на листѣ лопушника нѣсколько десятковъ ягодъ набранной имъ по дорогѣ земляники.

— Немного,—улыбнулась она.

— Господа, прошу за столъ,—сказала, показываясь изъ дверей столовой, успѣвшая уже заглянуть въ кухню, Соня.—Ботвинью несутъ.

Почтеннаго вида старушка, въ темномъ ситцевомъ платьѣ и въ черномъ шелковомъ повойникѣ, внесла миску и поставила на столъ.

Обѣдъ былъ вкусно приготовленъ и красиво поданъ. Лимонный квасъ и клюквенный морсъ замѣняли вино. Касаткинъ ѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ и аппетитомъ. Онъ становился положительно веселъ и не заставлялъ хозяекъ упрашивать себя взять лишній кусокъ. «Душой отдыхаешь за этимъ обѣдомъ!»—шутливо говорилъ онъ самъ себѣ, вспоминая Анну Николаевну. Но минутами, [illegible]ъ на Соню, онъ готовъ былъ покраснѣть. Странное чув-

ство изъ смѣси легкой досады, насмѣшки надъ самимъ собой и юмористически-благодушной терпимости къ слабостямъ человѣка поднималось въ немъ. Какъ! Уже забыто сладкое волненіе, которое возбудила въ немъ прогулка въ лѣсу? Уже то возвышающее чувство любви, которое, казалось, готово было унести его въ царство нектара и амврозіи, уступило мѣсто малодушному чревоугодію? «И слюнки распустилъ! Экое животное!» — внутренно усмѣхаясь, журилъ онъ самъ себя. Ужь сколько разъ твердилъ онъ себѣ и прежде, что, вѣдь, ѣда — это, въ сущности, печальная необходимость тратить извѣстную часть нашей и безъ того короткой жизни на поддержаніе бреннаго тѣла. «И какъ не стыдно человѣку мыслящему приходить въ отрадное настроеніе изъ-за хорошаго обѣда?—думалъ Александръ Ѳедоровичъ, совсѣмъ съ хрящиками сокрушая вкусную грудинку молоденькаго цыпленка.—Но, вѣдь, нельзя же не согласиться и съ тѣмъ, что если чувство голода очень серьезное чувство, то, вѣдь, и чувство удовлетворенія его тоже, вѣроятно, чувство не пустяшное!»

За обѣдомъ говорили преимущественно о мелочахъ сельско-хозяйственной жизни, о сосѣдяхъ, о цѣнахъ на хлѣбъ, и Касаткину приходилось больше молчать. Марья Петровна нѣсколько разъ пробовала свести разговоръ на темы, гдѣ бы и Касаткинъ могъ сказать свое слово, но Свіягинъ неумышленно сворачивалъ опять на то, что близко интересовало только мѣстнаго жителя. Съ этимъ встали изъ-за стола.

Въ гостиной разговоръ мало-по-малу сдѣлался общимъ.

Касаткинъ, просматривая заглавія лежавшихъ въ гостиной книжекъ, русскихъ и иностранныхъ, и перелистывая разрѣзанныя и не разрѣзанныя страницы журналовъ, убѣждался, что Малькови читаютъ не одни романы, а и вещи болѣе серьезнаго характера.

Прицѣпившись къ одной изъ попавшихся ему въ книжкѣ журнала статей о благотворительности, Касаткинъ обратился къ Марьѣ Петровнѣ съ вопросомъ:

— Вотъ, вы давеча сказали, что стараетесь, по возможности, ничего не давать даромъ... Ну, а нищимъ?

— Нищаго я голоднымъ не отпущу,— отвѣтила Марья Петровна, дѣлаясь нѣсколько болѣе серьезной.— Да у насъ и нищихъ-то здѣсь на-перечетъ: старикъ, бобыль, нищій съ отмороженными пальцами, нищая дурочка — вотъ и всѣ. Ужь я-то, сама калѣка, конечно, имъ всегда подамъ. Я совсѣмъ не о нищихъ давеча сказала. У насъ тутъ много самой горькой бѣдноты между настоящими мужиками. Вотъ я про нихъ говорила. Помочь имъ только и можно

тѣмъ, что работу дать и платить, насколько возможно, дороже за эту работу.

На это Марьѣ Петровнѣ началъ горячо возражать Леонидъ Васильевичъ. Видя, что слова Марьи Петровны попадаютъ въ тонъ тому, что говорилъ ему раньше и Касаткинъ, онъ сталъ доказывать, что нельзя выдумывать искусственной работы, если она не вызывается насущными потребностями, что нельзя искусственно увеличивать цѣны на работы, потому что можно дойти Богъ знаетъ до чего, и что, напротивъ, всѣмъ нужно стремиться къ удешевленію всего и, наконецъ, къ упрощенію самой жизни.

— Я, по крайней мѣрѣ, стараюсь такъ дѣлать,— стояла на своемъ Марья Петровна,— и до сихъ поръ я находила это и возможнымъ, и выгоднымъ. По моему мнѣнію, стараться за все платить дешевле можно только при хищническомъ хозяйствѣ. Сорвалъ, да и ушелъ. А мы тутъ сидимъ, на этой землѣ, да и впередъ на ней сидѣть думаемъ. При большомъ хозяйствѣ, можетъ быть, это и заманчиво — выгодать на рабочей платѣ, а я считаю, что наше маленькое имѣніе только тѣмъ и кормитъ насъ, что мы другихъ не забываемъ. Вѣдь, мужику или бабѣ если что подаришь, такъ они васъ отдарить не позабудутъ. Такъ и въ работѣ: дороже платишь— больше даютъ, лучше дѣлаютъ.

— Позвольте, Марья Петровна,— поймалъ ее Леонидъ Васильевичъ,— не будемъ смѣшивать двухъ вещей: вы говорили о помощи бѣднымъ, а теперь говорите о вашихъ выгодахъ.

— А вы меня, голубчикъ, не сбивайте,— добродушно разсмѣявшись, отвѣтила Марья Петровна,— я и сама собьюсь. Говорю я вамъ то, что мнѣ, по моей старушечьей совѣсти да болтливости, хорошимъ кажется, а тамъ понимайте, какъ хотите. Какъ проживешь полвѣка, одною ногой въ могилѣ стоишь, такъ тоже, вѣдь, и намъ иногда хочется умными быть,— съ улыбкой обратилась она теперь къ Касаткину.

Касаткинъ наклонилъ голову въ знакъ согласія и потомъ посмотрѣлъ на Соню. Онъ уже замѣтилъ, что Соня вообще, когда говорила Марья Петровна, слушала ее съ любовью и вниманіемъ. Ея спокойно-ласковый взглядъ и теперь былъ устремленъ на мать.

— Вы-то, вѣдь, тоже своего имѣнія нищимъ не раздадите? — обрѣзала Свіягина Марья Петровна.— Такъ что же вы ко мнѣ придираться вздумали?

— Боже меня избави! — смѣясь, возразилъ Леонидъ Васильевичъ. — Я такъ только, больше насчетъ несовмѣстимости благотво-

ренія и выгоды. У меня это противорѣчіе всякую охоту и къ тому, и къ другому отбило.

— А я вотъ,— что станете дѣлать? — добродушно замѣтила на это Марья Петровна,— и чужую нужду къ сердцу принимаю, да и о себѣ помню. И грѣшу,—каюсь въ томъ, чистосердечно каюсь,— грѣшу: чѣмъ могу, отъ жизни пользуюсь. Всѣхъ, вѣдь, вареньемъ не накормишь, а мы съ Соней и чайку съ вареньицемъ выпить любимъ.

— Забота о собственномъ благополучіи развиваетъ въ людяхъ эгоизмъ,— не то шутя, не то серьезно сказалъ Леонидъ Васильевичъ тономъ заученной фразы.

— Вотъ ужь съ этимъ я совсѣмъ, совсѣмъ не согласна! — вспыхнувъ, воскликнула Соня.— Это, по-моему, такой предразсудокъ, такой предразсудокъ... Я не съумѣю сразу доказать вамъ это, но это невѣрно, невѣрно, что̀ вы говорите!

И сейчасъ же, какъ будто стыдясь своей вспышки, она, краснѣя и улыбаясь, замолчала и, все еще въ волненіи, посматривала то на мать, то на Свіягина и Касаткина.

— Да и гдѣ ужь тутъ, въ самомъ дѣлѣ, думать о чужомъ благополучіи, если самъ не будешь сытъ? — задумчиво произнесла Марья Петровна.

На минуту наступило общее молчаніе.

Касаткинъ замѣтилъ, что Сонѣ, повидимому, хотѣлось что-то сказать, но она какъ будто не могла найти подходящихъ выраженій.

— Позвольте мнѣ поддержать васъ насчетъ того, что личное счастье и эгоизмъ не одно и то же,— сказалъ онъ ей, встрѣчая ея нѣсколько удивленный взглядъ.— Я немножно уклонюсь въ сторону,— обратился онъ теперь къ Марьѣ Петровнѣ,— и поставлю вопросъ: что собственно должно составлять цѣль нашей жизни, наслажденіе или страданіе?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ продолжалъ:

— Конечно, наслажденіе. Всякое страданіе только мѣшаетъ наслажденію. Мы заботимся объ *устраненіи* страданій, а, напротивъ, наслажденія мы стремимся *создавать* себѣ. Ясно, что наша дѣятельность по отношенію къ страданію — разрушающая, а по отношенію къ наслажденію — творческая. Повидимому, стремленіе къ наслажденію, дѣйствительно, какъ будто развиваетъ эгоизмъ и заставляетъ насъ, въ поискахъ собственнаго счастья, забывать другихъ. Но это такъ кажется только съ перваго взгляда. Эгоизмъ, это—извѣстная реакція послѣ освобожденія отъ страданія. Причина эгоизма—страхъ предъ возможностью возобновленія страданій.

Если взять все человѣчество въ цѣломъ, то этотъ страхъ предъ страданіями можно считать еще наслѣдіемъ той варварской эпохи, когда дикій человѣкъ велъ первобытную борьбу съ природой и дикими звѣрями.

— Но развѣ будетъ когда-нибудь такая эпоха, когда не будетъ этой, какъ ты сейчасъ самъ же назвалъ, *причины* эгоизма, когда не будетъ страха предъ возможностью страданій? — прервалъ его Свіягинъ. — Нѣтъ, я скорѣе согласенъ съ пессимистами, что только уничтоженіемъ въ корнѣ жажды наслажденія и можно уничтожить причину страданій... а, слѣдовательно, и эгоизмъ.

— Никоимъ образомъ! — оживленно возразилъ Касаткинъ. — Пессимизмъ — малодушіе. Вмѣсто того, чтобъ уничтожать то, что мѣшаетъ жизни, ты хочешь уничтожить самую жизнь. Страхъ можно уничтожить только развитіемъ мужества. Страхъ — болѣзнь, страхъ — страданіе. Нормальное состояніе — мужество. Мужество — наслажденіе.

Касаткинъ взглянулъ на Соню. Она внимательно слушала его, немножко изподлобья глядя на него своими горѣвшими, какъ угольки, глазами.

— Культура должна развить въ человѣкѣ стремленіе къ истинному наслажденію и отсутствіе страха предъ страданіемъ и смертью. Вы, конечно, изволите знать философа Шопенгауэра, проповѣдника пессимизма? — съ усмѣшкой обратился Касаткинъ къ Марьѣ Петровнѣ.

— Сочиненій его не читала, а о немъ кое-что читала, — отвѣтила она.

— И не читайте. А если случится, что прочтете, такъ вы ему не вѣрьте, — еще болѣе оживляясь, говорилъ Касаткинъ. — Такъ вотъ Леонидъ Васильевичъ въ его дудку дудитъ. Шопенгауэръ, изволите ли видѣть, вообразилъ, что чѣмъ лучше люди будутъ жить, чѣмъ болѣе они умственно будутъ развиты, чѣмъ человѣчество будетъ интеллигентнѣе, тѣмъ больше будетъ эгоизма, зла, и міръ съ развитіемъ цивилизаціи превратится въ адъ. И все онъ вретъ! И понятно почему: потому что онъ ничего не видитъ въ жизни, кромѣ страданія. А я вамъ скажу, что, напротивъ, только наслажденіе и сча[illegible]ie могли родить такое понятіе, какъ альтруизмъ.

Ого! — воскликнулъ Свіягинъ.

Тебѣ кажется это страннымъ, — бросивъ на него вызывающій взглядъ, продолжалъ Касаткинъ, — а я повторяю, что альтруизм[illegible] любовь къ другому, жажда создать чужое счастье, можетъ квит[illegible]ся только у человѣка счастливаго и мужественнаго.

— Позвольте,— прервала его Марья Петровна.— А развѣ не бываетъ, что люди несчастные душу свою полагаютъ за счастье другихъ?

— Нѣтъ, не бываетъ,— съ снисходительною улыбкой отвѣтилъ Касаткинъ.— Тутъ одно изъ двухъ: или эти несчастные хлопочатъ о чужомъ счастіи, а, въ сущности, имѣютъ въ виду и свое участіе въ общей долѣ, или къ этому еще примѣшиваются зависть и месть счастливымъ. Или, наконецъ, если они совершенно не думаютъ о собственныхъ страданіяхъ, а дѣлаютъ цѣлью своей жизни заботу о счастіи другихъ, то они уже не несчастные, а счастливые. «Полагать душу свою за другихъ» для нихъ уже наслажденіе. Вѣдь, виды счастія и наслажденія безконечно разнообразны.

— Да что такое вообще счастіе?— задалъ вопросъ Свіягинъ.

— Счастіе... счастіе, собственно, заключается въ полномъ удовлетвореніи своихъ потребностей,— отвѣтилъ, немного подумавъ, Касаткинъ.

— Потребности могутъ быть всякія,— замѣтилъ на это Свіягинъ.

— А вотъ это-то и есть дѣло благодѣтельной культуры,— сказалъ Касаткинъ,— уничтожить потребности дикія, развить потребности разумныя и найти источники удовлетворенія ихъ—вотъ задача общаго счастія.

Онъ на минуту замолчалъ, обдумывая.

— Такъ вотъ-съ,— обратился онъ опять къ Марьѣ Петровнѣ,— я разумѣю такой альтруизмъ, такую любовь къ другимъ и жажду ихъ счастія, которые чисты, какъ «хорошая хрустальная душа». Я люблю такой альтруизмъ. Но, признаюсь, не люблю людей несчастныхъ. И ужь изъ-за одного этого моего нерасположенія къ нимъ желалъ бы сдѣлать ихъ счастливыми.

— А твои потребности удовлетворены? ты счастливъ?— не утерпѣлъ Леонидъ Васильевичъ, чтобы не поддразнить пріятеля.

— Нѣтъ,— съ подчеркнутымъ равнодушіемъ отвѣтилъ Касаткинъ.— Но ты думаешь, что я люблю себя? Ошибаешься. Иногда такъ просто терпѣть не могу,— разсмѣялся онъ.— Я и несчастныхъ-то не взлюбилъ потому, что, по наблюденіямъ надъ собственною своею особой, изучилъ, что̀ это за прелесть такая — несчастный! Теперь вотъ стремлюсь сдѣлаться счастливымъ. Для этого — личнаго богатства не ищу... хотя богатство вообще люблю; чиновъ и знатности тоже не ищу,— отъ этого я счастливымъ себя не почувствую. А мнѣ вотъ хотѣлось бы не видѣть около себя несчастныхъ всякаго рода, да знать, что ихъ и нигдѣ нѣтъ,— вотъ это

меня, пожалуй, осчастливило бы. И если я на безобразной кучѣ страданій вижу какой-нибудь хоть маленькій побѣгъ счастія, я всячески стараюсь помочь росту этого побѣга. Я готовъ за нимъ ухаживать до самозабвенія. Дайте-ка дереву счастія разрости, оно своими корнями превратитъ всю грязь страданій въ цвѣты и плоды и вы же будете этимъ наслаждаться.

Произнося эту тираду, Касаткинъ подъ конецъ такъ одушевился, что, самъ не отдавая себѣ отчета зачѣмъ, всталъ и посмотрѣлъ на присутствующихъ.

— А то что такое всѣ униженные и обиженные, какъ не постоянный источникъ эгоизма и зла? — опять заговорилъ онъ, сдѣлавъ два шага впередъ и назадъ къ своему мѣсту и также безотчетно опускаясь снова на стулъ. — Несчастные, — продолжалъ онъ съ оттѣнкомъ пренебреженія и досады въ голосѣ, — всегда больше плачутъ о своемъ несчастіи, чѣмъ радуются тому, что другимъ хорошо, что другіе наслаждаются. Несчастный не можетъ быть альтруистомъ, даже еслибъ и хотѣлъ. Самъ несчастный, чѣмъ можетъ онъ осчастливить другихъ? Счастливымъ онъ не нуженъ, несчастнымъ онъ можетъ принести только свое *состраданіе,* а не истинное наслажденіе. А сострадая другимъ, несчастный, въ сущности, только утѣшаетъ самого себя сознаніемъ, что онъ не одинокъ, въ другихъ страдающихъ онъ сожалѣетъ только самого себя. Тогда какъ если состраданіе является у человѣка счастливаго, оно вполнѣ безкорыстно. Это уже будетъ не состраданіе, а желаніе *со-наслажденія.*

Касаткинъ сильно закашлялся. Марья Петровна и Леонидъ Васильевичъ сидѣли молча, въ раздумьи опустивъ глаза. Соня, съ разгорѣвшимися щеками, продолжала смотрѣть прямо въ лицо Александру Ѳедоровичу.

— Вотъ тотъ же Шопенгауэръ, — болѣе тихимъ голосомъ обратился теперь Касаткинъ къ Сонѣ, — говоритъ, что видъ чужихъ страданій можетъ доставлять наслажденіе тѣмъ, что ярче выдвигаетъ наше собственное превосходство надъ несчастными. Не вѣрьте ему, — улыбнулся онъ, смотря на сдвинутыя отъ напряженнаго вниманія Сонины бровки.

Соня тоже улыбнулась въ отвѣтъ.

— Не вѣрьте! — весело продолжалъ Касаткинъ. — И какъ давеча вы воскликнули: «предразсудокъ!» — такъ теперь можете крикнуть на это: «клевета!»

Клевета! — съ счастливою улыбкой воскликнула Соня.

Марья Петровна и Свіягинъ переглянулись и въ свою очередь улыбнулись.

— Клевета, что счастливый человѣкъ можетъ наслаждаться несчастіемъ другого!—увлекаясь, опять возвышалъ голосъ Касаткинъ.—Это можетъ думать только злой человѣкъ. О такомъ надо говорить, какъ объ исключительномъ, временномъ явленіи, а не обобщать, не подводить подъ эту мѣрку все человѣчество, какъ это дѣлаетъ Шопенгауэръ...

— Постой,—прервалъ его Свіягинъ.—Кто тебя знаетъ, можетъ быть, еще и ты на Шопенгауэра-то клевещешь? Можетъ быть, онъ и не говорилъ этого вовсе? Я этого не знаю.

— Нѣтъ, говорилъ!—съ рѣзкою увѣренностью отвѣтилъ Касаткинъ.—Не этими словами, но, во всякомъ случаѣ, эта мысль у него высказана... хотя, конечно, онъ приводилъ ее въ доказательство людской злобы и своего пессимизма.

— Ну, ладно, вѣримъ тебѣ на слово. Продолжай, разноси,—разсмѣялся Леонидъ Васильевичъ.

— Да ну его къ чорту!—извините за выраженіе,—добродушно проговорилъ Касаткинъ.—Я вовсе не намѣренъ его разносить. А такъ онъ къ слову подвернулся...

Положивъ локти на широко разставленныя колѣни, Александръ Ѳедоровичъ сталъ вертѣть между пальцами взятую со стола книжку. Помолчавъ немного и безцѣльно продолжая разсматривать корешокъ переплета, онъ какъ бы снова воодушевился.

— Такіе злодѣи, которые наслаждаются чужими муками, только и могли воспитаться на варварской почвѣ, гдѣ жизнь была страданіемъ,—обратился онъ къ Свіягину.—Они тоже несчастные. А человѣкъ современный, такой, какой можетъ вырости только на культурной почвѣ, человѣкъ счастливый непремѣнно будетъ альтруистомъ. Культура немыслима безъ сонаслажденія. Альтруизмъ — лучшій, совершеннѣйшій цвѣтокъ культуры. Долой состраданіе, мѣсто сонаслажденію!—вотъ девизъ будущаго.

— То-есть какъ? Вы совсѣмъ не признаете состраданія?—спросила Марья Петровна.

— Я говорю о будущемъ,— отвѣтилъ Касаткинъ.— Надо не «сострадать», а создавать счастливыхъ, и тогда самое понятіе о состраданіи отойдетъ въ область исторіи. Слово состраданіе останется историческимъ словомъ, какъ, напримѣръ, пытка, инквизиція...

— Ну, это будетъ не скоро, — покачавъ головой, сказала Марья Петровна.

— Надо, впрочемъ, вамъ замѣтить, — продолжалъ Касаткинъ, — что въ самоновѣйшей философіи появился уже протестъ противъ безцѣльнаго, такъ сказать, голаго состраданія. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя же не согласиться, что *безсильное* состраданіе, не принося пользы несчастному, только безполезно увеличиваетъ общую сумму страданія на землѣ. Этимъ добавочнымъ, чужимъ вамъ страданіемъ вы только еще болѣе ослабляете свою душу, уменьшаете свои силы, умаляете число людей счастливыхъ.

— Да, но состраданіе такъ естественно, такъ благородно...— сказала Соня, опять вспыхнувшая и опять не находившая словъ, чтобы возразить болѣе опредѣленно.

— И прибавьте: пріятно, — улыбнувшись, сказалъ Касаткинъ. — Да и я, — продолжалъ онъ, — не соглашаюсь съ этою теоріей. Но, пожалуй, и дѣйствительно, состраданіе есть роскошь, позволительная только людямъ вполнѣ счастливымъ... хотя бы минутнымъ счастьемъ.

Александръ Ѳедоровичъ еще долго продолжалъ развивать свои мысли, подкрѣпляя ихъ всякими примѣрами и соображеніями. Марья Петровна слушала его съ нѣкоторымъ благодушнымъ недовѣріемъ и была убѣждена, что если трудно облегчать несчастныхъ, то сдѣлать ихъ счастливыми еще труднѣе.

Въ этихъ разговорахъ прошло незамѣтнымъ образомъ часа два. Леонидъ Васильевичъ, давно тяготившійся тѣмъ, что Соня слишкомъ внимательно слушаетъ Касаткина и что эти разговоры вызываютъ у нея не то настроеніе, въ какомъ ему хотѣлось бы ее видѣть, выбралъ удобный моментъ, когда всѣ опять на минуту замолчали, и попросилъ Соню сыграть что-нибудь на роялѣ. Касаткинъ тотчасъ же присоединился къ этой просьбѣ.

Соня, мысли которой, подъ вліяніемъ всего слышаннаго, витали далеко отъ музыки, сначала была немножко озадачена. Ей какъ будто казалось страннымъ, что всѣ эти вопросы и споры не оставили болѣе глубокаго слѣда у собесѣдниковъ и что Касаткинъ, сейчасъ такъ увлекательно говорившій, теперь такъ легко и охотно готовъ былъ перейти къ простому развлеченію. Ей вспомнились его же собственныя, сказанныя по дорогѣ въ лѣсъ слова: «словоизверженіемъ занимаемся, отечество спасаемъ». И она была не совсѣмъ довольна имъ; ей пріятнѣе было бы видѣть его болѣе серьезнымъ. Ей не хотѣлось играть теперь и «забавлять гостей».

Но просить себя дважды она не заставила и сѣла за рояль.

Музыка всегда была для Касаткина любимымъ наслажденіемъ и теперь съ первыхъ же аккордовъ, взятыхъ Соней, онъ насторо-

жился. Быть можетъ, въ игрѣ Сони были недостатки,—онъ ихъ не замѣчалъ,—но бѣглость и увѣренность пальцевъ указывали на постоянное упражненіе; то, что называется «душой» въ игрѣ, проявлялось въ такой граціозной, привлекательной формѣ, что Касаткинъ былъ въ восторгѣ. Соня играла пьесу за пьесой, и выборъ ихъ обличалъ и хорошій музыкальный вкусъ, и знакомство съ новинками въ области музыки.

Солнце, уже опускаясь къ западу, повернуло теперь изъ-за угла дома, и лучи его проникли сквозь вѣтви березы въ открытое окно и вдругъ какъ будто золото разсыпали вокругъ Сони. Она какъ разъ въ эту минуту брала послѣдніе заключительные аккорды, а Касаткинъ, до сихъ поръ сидѣвшій съ опущенною головой, только что поднялъ на нее глаза.

Свіягинъ зааплодировалъ. Касаткинъ сконфуженно всталъ и подошелъ къ Сонѣ.

— Вы меня просто растрогали вашею игрой, — смущенно заговорилъ онъ, смотря ей въ глаза.

— Очень рада,—просто и весело отвѣтила Соня.

— Я смотрю вотъ на васъ,— сказалъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ Касаткинъ,—и думаю: откуда у васъ все это въ такой глуши? И эти книжки, и эти ноты...

— Мы живемъ для себя... времени свободнаго у насъ много,— растерявшись отъ непривычныхъ похвалъ, не знала что отвѣтить ему Соня,—мы ищемъ удовольствія, въ чемъ намъ нравится... что можно достать.

— Но вотъ это-то мнѣ и удивительно, что у васъ тутъ талантъ не закопанъ въ землю, — продолжалъ Касаткинъ, — душа жива и отзывается на все, что волнуетъ и насъ въ Петербургѣ.

Соня, довольная и улыбающаяся, но покраснѣвшая и смущенная, обратила къ матери умоляющій взглядъ, и Марья Петровна выручила ее.

— У меня въ Петербургѣ есть племянница,—сказала она.— Такъ, спасибо ей, она насъ держитъ немножко au courant того, что вы называете прогрессомъ въ искусствѣ и наукахъ.

Нервное настроеніе, съ которымъ Свіягинъ еще выѣхалъ изъ дому, теперь у него постепенно возростало. Восторгъ, сейчасъ проявленный Касаткинымъ по отношенію къ Сонѣ, вызывалъ у Леонида Васильевича опять чувство ревности и, ни къ кому собственно не обращаясь, онъ сказалъ:

— Однако, намъ пора бы и собираться. Засвѣтло бы доѣхать.

— Успѣете,— начала уговаривать его Марья Петровна.— Далеко ли тутъ?

— А вотъ сейчасъ будемъ чай пить,—сказала Соня и вышла, чтобы распорядиться.

Скоро подали самоваръ. Марью Петровну подкатили въ ея креслѣ къ столу. Разливаніе чая было ея дѣломъ, ея долей участія въ хозяйственныхъ работахъ.

Касаткинъ, разговаривая съ Марьей Петровной, сидѣлъ за столомъ. Соня, немножко разгоряченная игрой на роялѣ, нашла, что въ комнатѣ, за самоваромъ, несмотря на открытыя окна и двери, стало душно, и вышла съ чашкой чаю на террасу. Леонидъ Васильевичъ тоже взялъ свой стаканъ и вышелъ за ней.

Тамъ, гдѣ терраса огибала уголъ дома, стояли три стула. Соня хотѣла было переставить ихъ ближе къ двери въ столовую, чтобъ имѣть возможность разговаривать и съ матерью, и съ Касаткинымъ.

— Зачѣмъ?—остановилъ ее Леонидъ Васильевичъ.—Тутъ на углу больше воздуха.

Они сѣли. Свіягинъ нѣсколько разъ нервно погладилъ свою бородку и принялся вдругъ восторженно хвалить послѣднюю, сейчасъ сыгранную пьесу. Соня немного смутилась и опустила глаза. Не надолго хватило восторженныхъ словъ и у Леонида Васильевича. Онъ сначала раза два повторилъ одно и то же, потомъ запнулся, замолчалъ и опять нервно погладилъ бородку.

— Надолго вы въ Хрящево? — спросила его, чтобы прервать молчаніе, Соня, смотря въ чашку и прихлебывая ложечкой горячій чай.

— На недѣлю,—отвѣтилъ онъ и вдругъ густо покраснѣлъ. На вискѣ у него вздулась жила. Онъ раза два взглянулъ на Соню, отхлебнулъ раза два чаю и поставилъ стаканъ на свободный стулъ.

— Вы на обратномъ пути, пожалуйста, опять заѣзжайте,— снова прервала томительное молчаніе Соня.

Она произнесла эти слова совершенно машинально, просто, не найдя ничего другого. Помѣшивая ложечкой чай, она, казалось, не рѣшалась оторвать глазъ отъ чашки. Это подбодрило Леонида Васильевича.

Софья Сергѣевна,—обратился онъ къ ней и опять запнулся. Онъ чувствовалъ, какъ голосъ у него дрогнулъ. Но вдругъ точно что-то толкнуло его, и онъ съ нѣсколько странною поспѣшностью, будто торопясь, чтобъ его не застали врасплохъ, почти шепотомъ произнесъ:—Софья Сергѣевна, я хотѣлъ... я хотѣлъ предложить... я хочу просить вашей руки. Вы согласны?

Онъ уже не смотрѣлъ ей въ лицо, а смотрѣлъ на ея руку, державшую чашку, и онъ видѣлъ, какъ чашка задрожала.

А Соня, широко раскрывъ глаза, посмотрѣла на него испуганнымъ взглядомъ. Она замѣтила у Леонида Васильевича и вздувшуюся на вискѣ жилу, и взглядъ, уставленный на ея руку, и странное, непріятно-смѣшное выраженіе его красиваго лица, и сейчасъ же отвела глаза: ей было неловко и больно смотрѣть на него въ эту минуту.

Но черезъ нѣсколько секундъ молчанія Леонидъ Васильевичъ опять поднялъ на нее глаза и повторилъ вопросъ:

— Софья Сергѣевна... скажите...

Теперь Соня сразу поблѣднѣла и почему-то такъ же торопливо, какъ говорилъ сейчасъ Леонидъ Васильевичъ, произнесла:

— Потомъ... послѣ... я вамъ послѣ скажу.

— Когда же? Гдѣ же? Вѣдь, я сейчасъ уѣду, — сказалъ уже смѣлѣе Леонидъ Васильевичъ.

— Потомъ... когда вернетесь,— отвѣтила Соня, быстрыми глотками допивая свою чашку.

— Значитъ, ждать?—блѣднѣя, спросилъ пріунывшій Леонидъ Васильевичъ.

— Дайте подумать,—сказала болѣе спокойнымъ тономъ Соня, вставая съ пустою чашкой въ рукахъ.

И вдругъ, какъ бы почувствовавъ себя въ чемъ-то виновной, она, съ улыбкой протянувъ ему руку, повторила:

— Дайте подумать,—и ушла въ столовую.

Леонидъ Васильевичъ, оставшись одинъ, сжалъ обѣими руками голову и долго смотрѣлъ на дверь, въ которую вышла Соня. Его лицо быстро измѣнилось, будто стало старше, выраженіе жестче, подъ лѣвымъ, нѣсколько ввалившимся глазомъ рѣзче обозначилась легкая синева. Леонидъ Васильевичъ чувствовалъ, какъ что-то стукнуло у него въ сердцѣ.

«Подумать... подумать... Но не отказъ... Нѣтъ еще, нѣтъ!... Неужели я ошибался?»

Тяжело ему было и онъ все крѣпче и крѣпче сдавливалъ руками голову, какъ бы стараясь выжать оттуда что-нибудь разъясняющее ему его положеніе.

— Чаю еще хотите, Леонидъ Васильевичъ?—съ этимъ вопросомъ появилась опять въ дверяхъ на террасу Соня.

Изумленная тою позой, въ которой она застала Леонида Васильевича, она немного шатнулась назадъ, но онъ уже отнялъ отъ висковъ руки и поспѣшно всталъ ей на встрѣчу.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ,—сказалъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ и веселымъ.—Я вотъ только выпью этотъ, и потомъ ѣхать бы надо. Прикажите сказать моему кучеру, чтобъ запрягалъ.

— Хорошо,—какъ-то робко произнесла Соня.

Прежде чѣмъ уйти, она посмотрѣла въ глаза Леониду Васильевичу такимъ ласковымъ взглядомъ, какъ будто говорила: «Да неужели же я вамъ сдѣлала больно? Ну, зачѣмъ на меня сердиться?»

Леонидъ Васильевичъ, взявъ свой стаканъ и наскоро допивъ его, тоже пошелъ въ столовую. Касаткинъ, продолжая начатый разговоръ съ Марьей Петровной, не обратилъ вниманія на странный видъ Свіягина. Марья Петровна на минуту остановила на немъ свой взглядъ, «что-то такое» замѣтила въ его лицѣ, но сейчасъ же опять продолжала свою бесѣду съ Касаткинымъ.

Леонидъ Васильевичъ молча подсѣлъ къ столу.

Соня не возвращалась въ столовую до тѣхъ поръ, пока не пришла сказать, что лошади готовы.

Стали прощаться. Марья Петровна просила непремѣнно заѣхать къ нимъ на обратномъ пути.

— Я такъ рада была познакомиться съ Александромъ Ѳедоровичемъ,—говорила она Свіягину,—мнѣ было такъ пріятно вспомнить съ нимъ о Петербургѣ, обо всемъ, что когда-то и меня тамъ трогало за живое, что, надѣюсь,—обратилась она теперь къ Касаткину,—вы доставите мнѣ удовольствіе, побесѣдуете еще разъ со старухой, прежде чѣмъ уѣдете назадъ въ Питеръ.

— Черезъ недѣлю,—отвѣтилъ за него Леонидъ Васильевичъ.

Произнося эти слова и прощаясь въ эту минуту съ Соней, онъ крѣпко пожалъ ей руку и посмотрѣлъ ей въ глаза долгимъ, вопрошающимъ взглядомъ.

— Пожалуйста,—отвѣчая на его рукопожатіе и на понятый ею нѣмой вопросъ, смущенно произнесла Соня.

XII.

На западѣ багряныя облака уже давно закрыли солнце. Въ воздухѣ стало свѣжѣе. Отдохнувшая тройка бѣжала бойкою рысью. Кучеръ Николай, хорошо накормленный на мальковскомъ хуторѣ, какъ никогда не кормили его дома, весело покрикивалъ на лошадей.

Свіягинъ и Касаткинъ, развалясь каждый въ своемъ углу тарантаса, оба усердно молчали. Оба думали о Сонѣ, каждый по-своему.

У Свіягина все сосредоточилось въ одномъ ожиданіи отвѣта Сони,— отвѣта, который она дастъ ему черезъ недѣлю. Онъ чувствовалъ, что сердце у него немножко щемило при мысли о ея неопредѣленномъ: «дайте подумать»; но онъ сейчасъ же успокоивалъ себя тѣмъ, что она просто не рѣшилась сказать: «да», не переговоривъ съ матерью. Въ ея словахъ, въ ея выраженіи лица при прощаніи, въ ея взглядѣ онъ искалъ подтвержденія этой мысли и заставлялъ себя находить его. Онъ не хотѣлъ допускать даже сомнѣнія въ томъ, что она согласится; онъ чувствовалъ, какъ за призракомъ этого сомнѣнія подползало что-то ужасное. И, отгоняя отъ себя даже невольно возникавшія воспоминанія обо всемъ, что было сегодня, онъ перескакивалъ мыслью черезъ всю предстоящую недѣлю ожиданій. Ему казалось, что онъ уже получилъ согласіе Сони, и, не рисуя себѣ въ опредѣленныхъ формахъ свою дальнѣйшую жизнь, онъ только нервно твердилъ про себя: «Какъ это будетъ хорошо, какъ хорошо это будетъ!»

А предъ Касаткинымъ проносился въ воображеніи цѣлый рядъ пестрыхъ картинъ, гдѣ впечатлѣнія сегодняшняго дня безпорядочно перемѣшивались съ впечатлѣніями пребыванія въ Свіягинѣ и съ воспоминаніями о собственной жизни въ Петербургѣ; цѣлый хороводъ мыслей, соображеній, порывовъ и сомнѣній кружился въ его головѣ.

Соня... Соня стояла въ срединѣ этого хоровода! Странное дѣло, онъ чувствовалъ себя несомнѣнно влюбленнымъ и, въ то же время, сознавалъ, что это какая-то благоговѣйная безнадежная любовь, которая еще болѣе мила ему именно своею безнадежностью. Развѣ можетъ выйти что-нибудь для него изъ этой любви? А любить ее хочется, и хочется, чтобъ она была любима и счастлива...

Въ Сонѣ онъ видѣлъ одну изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ всегда чтилъ въ своемъ воображеніи. Онъ узнавалъ ихъ при первой встрѣчѣ, съ первыхъ словъ. Развѣ Соня уже не сказала ему, что она не любитъ иронiи? Да, въ ней нѣтъ иронiи. Здоровая, молодая душа. Просто и открыто идутъ эти женщины на встрѣчу жизни, просто и почти наивно встрѣчаютъ онѣ въ жизни и горе, и радости, и трудъ, и наслажденіе.

И все, что около Мальковыхъ, представляется теперь Александру Ѳедоровичу привлекательнымъ, манящимъ. Мила деревня, милы деревенскія заботы, милъ нѣсколько дикій, но родной сердцу пейзажъ. А его жизнь въ Петербургѣ уже кажется далекой и туманной, она уже окутана легкою пеленой минутнаго разочарованія.

Мило Александру Ѳедоровичу даже и то, что Марья Петровна—больная, разбитая, «калѣка», какъ она сама себя называетъ. Невольно сравниваетъ онъ ее съ бодрою и крѣпкою Анной Николаевной. Пусть та хвастается тѣмъ, что никогда не была больна, да какая въ этомъ заслуга?

Въ своемъ воображеніи онъ создаетъ и внутренній душевный обликъ Марьи Петровны, самъ того не замѣчая, что приписываетъ ей качества, которыхъ у нея, быть можетъ, нѣтъ и мысль о которыхъ навѣяна ему условіями его собственнаго существованія. Ему кажется, что болѣзнь Марьи Петровны, подрѣзавъ ея физическія силы, подѣйствовала благотворно на ея отношенія ко всему окружающему, заставила ее уйти въ созерцательную жизнь, въ самоуглубленіе.

«Да, не всегда вѣрно, что здоровая душа живетъ только въ здоровомъ тѣлѣ»,—думалъ онъ теперь.—И что значитъ: здоровая душа? Дорога душа просвѣтленная! Если у молодой, здоровой Сони уже горитъ въ душѣ искра просвѣтленія, такъ, вѣдь, она заронена туда много разъ переболѣвшею за нее матерью. Какъ и самъ человѣкъ, мысль и просвѣтленіе тоже не родятся на свѣтъ безъ болѣзней. Быть можетъ, будущія поколѣнія получатъ отъ насъ въ наслѣдство готовое счастіе и ясное міросозерцаніе именно за то, что мы теперь больны».

Съ мыслью о Сонѣ Касаткинъ опять покосился на Леонида Васильевича, попрежнему, молча сидѣвшаго въ другомъ углу тарантаса, и на минуту ему показалось страннымъ соединеніе Сони съ Свіягинымъ и всѣмъ свіягинскимъ обиходомъ. Но воображеніе влекло его впередъ, и, представляя себѣ Соню женой Леонида Васильевича, онъ уже не только мирился съ этимъ, но видѣлъ Соню торжествующей надъ Анной Николаевной и всѣми ея порядками. «Внуки» должны были достаться не Аннѣ Николаевнѣ, а Марьѣ Петровнѣ.

И Александръ Ѳедоровичъ какъ-то неожиданно для самого себя взялъ вдругъ руку Свіягина, крѣпко пожалъ ее и сказалъ тихимъ, нѣсколько торжественнымъ голосомъ:

— Женись, Леонидъ Васильевичъ, на ней, женись!

Леонидъ Васильевичъ очнулся отъ своей задумчивости. Соня была въ его мысляхъ, и слова Касаткина даже не показались ему странными. Онъ посмотрѣлъ на него и такъ же тихо-торжественно отвѣтилъ односложнымъ:

— Да.

Кучеръ Николай, должно быть, что-то смѣтилъ, взмахнулъ въ воздухѣ кнутомъ и крикнулъ:

— Эй, вы, сѣренькія!

Пристяжныя подхватили вскачь. Вдали чернѣлъ хрящовскій лѣсъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда тарантасъ остановился у подъѣзда.

Огромный деревянный домъ, двухъ-этажный, съ колоннами и еще съ какимъ-то бельведеромъ надъ крышей, выдѣлялся на темномъ фонѣ ночного неба мрачнымъ пятномъ. Огонь свѣтился только въ одномъ окнѣ.

Сторожъ, подбѣжавшій къ крыльцу вслѣдъ за экипажемъ, постучалъ въ это окно, у рамы показалась чья-то тѣнь, потомъ огонь исчезъ, и когда Свіягинъ и Касаткинъ поднялись на черное крыльцо, на встрѣчу имъ отперла двери простоволосая сѣдая старуха.

— Ну, Мирониха, самоваръ!—сказалъ ей Свіягинъ, входя въ кухню.—Живо, старая!

Старуха, ничего не отвѣтивъ, какъ нѣмая, какъ тѣнь, пошла впередъ и продолжала свѣтить, пока Свіягинъ и Касаткинъ пробирались черезъ кухню въ сѣни, черезъ сѣни въ комнаты. На кухнѣ пахло лукомъ, въ комнатахъ чѣмъ-то затхлымъ, какъ въ нежиломъ домѣ.

Одна изъ комнатъ, куда пришла впередъ старуха, была нѣсколько прибрана. У окна стоялъ письменный столъ, по стѣнамъ нѣсколько стульевъ, коммодъ и кровать.

Старуха зажгла стоявшую на коммодѣ лампу и, попрежнему, не произнося ни слова, ушла.

Леонидъ Васильевичъ зажегъ еще одну изъ двухъ свѣчей на письменномъ столѣ.

— Ну, вотъ, мы и въ моемъ «Монрепо», если позволено такъ выразиться,—сказалъ Свіягинъ.

— Плохо же твое «Монрепо», — поморщился Касаткинъ.

— Чѣмъ плохо? Вкусу ты, братецъ, не знаешь, — пробовалъ шутить Леонидъ Васильевичъ.—Здѣсь, братъ, никакихъ стѣсненій, никакихъ условностей. Въ этомъ-то весь смакъ и есть. Вотъ завтра ты увидишь, какъ тутъ распрекрасно. Ну, а теперь пойдемъ-ка, выберемъ, гдѣ тебѣ помѣститься,—сказалъ онъ, беря свѣчу и направляясь въ сосѣднюю темную комнату.—Хочешь вотъ въ этой комнатѣ, рядомъ со мной,—если не боишься, что я тебя своимъ раннимъ вставаньемъ безпокоить буду,—хочешь—во второмъ этажѣ, въ любой изъ комнатъ одалисокъ.

— Какихъ одалисокъ?—спросилъ нѣсколько изумленный Касаткинъ.

— Это, братецъ, я тебѣ разскажу потомъ. Такія исторіи, что «на совѣсть»,—прищелкнувъ языкомъ, отвѣтилъ Леонидъ Васильевичъ.—Тутъ у прежняго владѣльца цѣлый гаремъ былъ. У каждой своя пріемная была. А теперь у меня тамъ въ одной изъ комнатъ двѣ ветхости живутъ: слѣпая экономка наша прежняя да «седьмая вода на киселѣ», какая-то наша родственница.

— Это ужь, значитъ, твой гаремъ?—пошутилъ Касаткинъ.

— Нѣтъ, это мамашина богадѣльня. Мы ихъ держимъ здѣсь, чтобъ онѣ въ Свіягинѣ воздухъ своимъ присутствіемъ не портили,—смѣялся Леонидъ Васильевичъ.

Онъ повелъ Касаткина въ верхній этажъ по массивной дубовой лѣстницѣ съ точеною балюстрадой, съ рѣзными столбиками и поручнями, говорившими о былой роскоши.

Поднявшись, они вступили въ длинный узкій корридоръ. При полусвѣтѣ, разливавшемся отъ колеблющагося пламени свѣчи въ рукахъ Леонида Васильевича, Касаткинъ замѣтилъ въ стѣнахъ направо и налѣво чернѣвшія отверстія нѣсколькихъ открытыхъ дверей.

— Тутъ вотъ были «домашніе безстюмные» балы, а здѣсь «монастырскія» кельи, — сказалъ Свіягинъ, указывая Касаткину сначала на большой залъ, а потомъ на отдѣльныя комнатки.—Вотъ, выбирай себѣ любую.

И онъ повелъ его изъ комнаты въ комнату. Всѣ онѣ были почти одного размѣра и вида, и всѣ были совершенно пусты. Въ нѣкоторыхъ сохранились старые, загрязненные обои, въ одной стѣны были обтянуты ситцемъ, мѣстами прорваннымъ и частію заштопаннымъ, частію висѣвшимъ клочьями. Двѣ комнаты были почище, съ простыми, выбѣленными известью, штукатуренными стѣнами.

— Это вотъ я приспособилъ для гостей, — сказалъ Леонидъ Васильевичъ, указывая на стоявшую въ каждой изъ этихъ двухъ комнатъ мебель: кушетку, коммодъ и стулъ.

Касаткинъ выбралъ ту, гдѣ воздухъ показался ему менѣе спертымъ.

— Ну, вотъ мы и велимъ тебѣ здѣсь все приготовить, — сказалъ Свіягинъ,— а теперь пойдемъ внизъ, закусимъ, да и на боковую.

Впечатлѣніе, произведенное на Касаткина всею неприглядностью свіягинскаго «Монрепо», было таково, что, ходя за Леонидомъ Васильевичемъ, онъ даже не хотѣлъ браниться, а просто молча хмурился

Свіягинъ, между тѣмъ, распоряжался приведеніемъ въ порядокъ постелей. Появилась откуда-то горбатая, некрасивая дѣвка съ ухарскимъ выраженіемъ лица, босоногая, простоволосая, одѣтая въ бѣлую холщовую рубаху и синій посконный сарафанъ. Доставая изъ коммода простыни, наволочки и одѣяла и стеля постель въ комнатѣ Свіягина, она на ходу поминутно бросала то на Свіягина, то на Касаткина странные взгляды, приправленные глупо-соблазняющею улыбкой.

«Неужели это одна изъ его одалисокъ?» — брезгливо подумалъ Касаткинъ.

Но Свіягинъ какъ-то сухо и равнодушно относился и къ взглядамъ дѣвки, и къ фамильярному тону, которымъ она сдѣлала ему нѣсколько вопросовъ.

Ужинать подали въ сѣняхъ. Тамъ, «поближе къ кухнѣ», чтобъ не таскаться далеко съ посудой и кушаньями, въ углу, у окна, стояла простая деревянная лавка и простой столъ. Это была столовая Леонида Васильевича.

Плохо пропеченый, мокрый пирогъ съ яземъ, молоко въ кринкѣ и черный хлѣбъ стояли около кипѣвшаго самовара. Тутъ же были положены полотняные дорожные мѣшечки съ чаемъ и сахаромъ, привезенные изъ Свіягина.

Леонидъ Васильевичъ самъ заварилъ чай въ старомъ чайникѣ съ подбитымъ носомъ, самъ перемылъ стаканы и вытеръ ихъ сомнительной чистоты полотенцемъ.

У Касаткина отъ ѣзды и чистаго воздуха аппетитъ разыгрался еще въ дорогѣ. Но онъ не рѣшился попробовать непривлекательнаго пирога, не любилъ пить на ночь чаю и ограничился молокомъ съ чернымъ хлѣбомъ.

Разговоръ не клеился. Свіягинъ, въ первый моментъ пріѣзда оживившійся было и балагурившій, теперь опять впалъ въ задумчивость. Стаканъ чаю стоялъ передъ нимъ не тронутый.

Касаткинъ смутно чувствовалъ, что и у Леонида Васильевича мысли вернулись опять туда, гдѣ имъ обоимъ было сейчасъ такъ пріятно, такъ уютно,— на мальковскій хуторъ.

— Но пойдетъ ли она за тебя? — задумчиво, медленно произнесъ онъ, не то обращаясь къ Леониду Васильевичу, не то размышляя вслухъ. Эти слова вырвались у него какъ-то невольно какъ продолженіе мелькнувшаго у него въ памяти начатаго былъ разговора въ тарантасѣ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—встрепенулся Леонидъ Ва

сильевичъ и лицо его приняло желчное выраженіе. — Развѣ ты знаешь?

Касаткинъ посмотрѣлъ на него.

— Нѣтъ, я ничего не знаю. Я только думаю, что тебѣ хорошо бы жениться... вообще... а на Софьѣ Сергѣевнѣ въ особенности... Но только какъ она? Каковы ея отношенія къ тебѣ?

— Ты видѣлъ.

— Ну, по тому, что̀ я видѣлъ, судить мудрено. Тебѣ лучше знать.

— У насъ всегда такъ, какъ ты видѣлъ. Я бываю у нихъ разъ, два раза въ мѣсяцъ. Мы хороши.

Касаткинъ не сказалъ ничего и опять задумался.

Свіягинъ тоже молчалъ. Раза два онъ взглядывалъ на Касаткина и опять уставлялся на стаканъ. Наконецъ, онъ нерѣшительно произнесъ:

— Я сдѣлалъ ей сегодня предложеніе.

Теперь Александръ Ѳедоровичъ поднялъ на него немного изумленный, вопрошающій взглядъ.

— Когда?

— Когда вы съ Марьей Петровной сидѣли за чаемъ.

Касаткинъ почувствовалъ, какъ нервы у него напряглись.

— И?...—спросилъ онъ.

— Отвѣтъ черезъ недѣлю. Поѣдемъ обратно, заѣдемъ, узнаю.

У Касаткина будто что отлегло отъ сердца.

— А ты этого не замѣтилъ?—спросилъ Свіягинъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Александръ Ѳедоровичъ.

Наступило опять молчаніе.

«Какая гадость—человѣкъ! — думалъ теперь Касаткинъ.— Отчего это я сейчасъ какъ будто испугался, что онъ сдѣлалъ предложеніе, отчего мнѣ какъ будто стало пріятно, что она еще не дала ему окончательнаго отвѣта? Что это? Зависть, что ли? Вѣдь, самъ говорю ему: женись на ней. Вѣдь, не себѣ я ее прочу. Вѣдь, не буду же я ей предложеніе дѣлать, не собираюсь. Что же это за глупое чувство?»

«Или это, быть можетъ, чувство страха за нее? — думалъ онъ спустя нѣсколько минутъ. — Боязнь за то, будетъ ли ей хорошо съ нимъ?... И странно, что я какъ будто уже давно, давно люблю ее».

Часъ спустя, наверху, въ своей комнатѣ, лежа уже въ постели, онъ думалъ:

«Конечно, только близкое знакомство, частыя встрѣчи, при-

вычки могутъ дать серьезную любовь... скрѣпляютъ ее... Безъ духовной связи нѣтъ настоящей любви, и я-то ужь всего меньше могу полюбить за одну красоту... Но зачѣмъ мнѣ долго изучать эту душу знакомствомъ, разговорами, вопросами и отвѣтами, когда я всю ее въ одно мгновеніе уже прочиталъ въ одномъ взглядѣ, когда по одной улыбкѣ я почувствовалъ, что она мнѣ близкая, родная?»

XIII.

Жизнь въ Хрящовѣ оказалась, какъ и предупреждалъ Леонидъ Васильевичъ Касаткина, еще менѣе привлекательной, чѣмъ въ Свіягинѣ.

Анна Николаевна, конечно, меньше всего была расположена загладить въ старомъ хрящовскомъ домѣ слѣды опустошенія, оставленные прежнимъ владѣльцемъ. Мебели въ большинствѣ комнатъ почти совсѣмъ не было; если гдѣ и сохранилась, то лишь кое-какая дрянь. Парадныя комнаты, постоянно закрытыя, пустыя, почти никогда не мелись и не убирались. Окна въ нихъ были не выставлены изъ опасенія, чтобъ ночью не забрались воры. Одну изъ большихъ гостиныхъ превратили въ домашнюю кладовую. Парадное крыльцо было наглухо заколочено.

Та самая горбатая Аниська, которую Касаткинъ принялъ за «одалиску», служила за «старшую горничную», завѣдующую всѣми порядками въ домѣ. Все время она оставалась неизмѣнно грязной и босоногой, и если иногда наскоро повязывала голову желтымъ бумажнымъ платкомъ, то онъ сейчасъ же оказывался сбитымъ на бокъ или свалившимся на затылокъ.

Уже на другой же день по пріѣздѣ Касаткинъ узналъ, что Аниська была не одалиской, а дѣятельнымъ факторомъ Свіягина, и теперь Александру Ѳедоровичу стало понятнымъ, почему Анна Николаевна не любила, когда сынъ слишкомъ долго оставался въ Хрящовѣ, почему съ ея точки зрѣнія были не желательны никакія улучшенія въ хрящовскомъ домѣ.

Въ этотъ пріѣздъ, однако, Аниська была, очевидно, недовольна Леонидомъ Васильевичемъ. Задумчивый, сосредоточенный, онъ мало обращалъ вниманія на ея забѣганія или прямо посылалъ ее къ чорту. Пробовала было она подмигнуть Касаткину, но онъ только брови хмурилъ при видѣ ея.

Костюмъ, въ который Леонидъ Васильевичъ облекся при отъѣздѣ изъ Свіягина въ виду посѣщенія Мальковыхъ, былъ по пріѣздѣ въ Хрящово тотчасъ же замѣненъ хранившимися здѣсь въ коммодѣ

парусинною блузой и такими же панталонами, старыми, смывшимися и, вслѣдствіе этого, узкими, короткими и перекошенными. Несходившійся воротъ блузы оставался всегда разстегнутымъ. Соломенную шляпу смѣнила засаленная дорожная фуражка изъ сѣраго бумажнаго репсу. Вмѣсто кожаныхъ лаптей, въ которыхъ Леонидъ Васильевичъ ходилъ въ Свіягинѣ, онъ надѣлъ здѣсь старые, порыжѣвшія и заплатанныя ботинки, бережно поставивъ подъ кровать бывшія на немъ въ дорогѣ новыя.

Занятія Свіягина со старостой казались Касаткину какими-то странными, отрывочными. Леонидъ Васильевичъ провѣрялъ выданные мужикамъ задатки въ счетъ работъ, записывалъ число рабочихъ дней, отдавалъ распоряженія о сѣнокосѣ, но частенько какое-нибудь замѣчаніе его парализовалось словами старосты: «Анна Николаевна не такъ наказывала». И Леонидъ Васильевичъ оставлялъ свое распоряженіе безъ дальнѣйшаго развитія.

Гулять въ Хрящовѣ было совсѣмъ негдѣ: погода испортилась, на нѣсколько дней зарядилъ дождь, глинистая дорога въ поляхъ сдѣлалась непроходимо грязной, въ саду густая крапива не позволяла гулять даже и въ сухую погоду, а теперь тамъ стояла отчаянная сырость; ямы отъ старыхъ парниковъ были полны воды.

Черезъ три дня Касаткина стало тянуть хоть назадъ въ Свіягино, только бы вырваться изъ этого мрачнаго «убѣжища». Самъ Леонидъ Васильевичъ никогда не скучалъ въ Хрящовѣ, но теперь желаніе скорѣе увидать опять Соню дѣлало и ему пребываніе здѣсь тягостнымъ. Однако, раньше назначеннаго времени ѣхать къ Мальковымъ казалось неудобнымъ.

Недѣля въ Хрящовѣ тянулась, такимъ образомъ, для обоихъ пріятелей невыносимо долго.

Свіягинъ и Касаткинъ обыкновенно проводили бо́льшую часть дня молча. Пока Леонидъ Васильевичъ все что-то считалъ и составлялъ какіе-то счета и вѣдомости, имѣвшіе видъ черновыхъ замѣтокъ, которымъ никогда не суждено быть оконченными, Касаткинъ перечитывалъ старые экземпляры сельско-хозяйственнаго журнала. Новыхъ Леонидъ Васильевичъ не выписывалъ уже года два.

— Когда тутъ читать, некогда,— сказалъ онъ какъ-то Касаткину.—Да и все равно въ этихъ журналахъ ничего нѣтъ.

«Мамашинъ староста все лучше знаетъ»,—мысленно добавилъ за него Александръ Ѳедоровичъ, но произнести этихъ словъ почему-то не рѣшился.

Соскучившись за этимъ чтеніемъ, Александръ Ѳедоровичъ началъ безцѣльно бродить по пустымъ комнатамъ, останавливаясь

передъ окнами и смотря сквозь потускнѣвшія отъ копоти и времени стекла въ садъ или во дворъ и проклиная не перестававшій дождь. А когда и Леонидъ Васильевичъ бросалъ свои счета и вѣдомости и присоединялся къ Александру Ѳедоровичу, они оба ходили цѣлыми часами изъ угла въ уголъ по залѣ, изъ залы въ гостиную, изъ гостиной опять въ залу, пока, наконецъ, не садились рядомъ на деревянный садовый диванъ, сколоченный когда-то, должно быть, очень давно, еще, вѣроятно, крѣпостнымъ плотникомъ, изъ неотесанныхъ отъ бересты полѣньевъ и палокъ, какимъ-то образомъ уцѣлѣвшій и попавшій изъ сада въ гостиную.

Касаткинъ иногда угрюмо и упорно молчалъ, внимая разсказамъ Свіягина о его хозяйственныхъ дѣлахъ или о любви его къ Сонѣ, иногда же вдругъ выходилъ изъ себя и напускался на пріятеля.

— Это чортъ знаетъ, что такое!—возмущался онъ въ одно скверное послѣ обѣда, совершая вмѣстѣ съ Свіягинымъ обычное утаптываніе грязнаго пола въ парадныхъ комнатахъ.—Какъ тебѣ не стыдно такъ по-свински жить?

— Что-жь тебѣ еще нужно? — полушутя, полусерьезно возражалъ Свіягинъ.—Крыша не течетъ, въ стѣны вѣтеръ не дуетъ, сидимъ не на полу. Ѣда есть. Къ чему же еще излишняя роскошь? Вѣдь, ты и самъ не разъ мнѣ высказывалъ, что надо и о мужикѣ подумать, что мужикъ фундаментъ, на которомъ весь домъ стоитъ. А, вѣдь, у мужика и этого нѣтъ. У мужика, вѣдь, вездѣ во всемъ все одинъ и тотъ же «сѣвооборотъ».

И Леонидъ Васильевичъ, школьнически подергивая плечами, скороговоркой запѣлъ:

Рѣдька съ квасомъ,
Рѣдька съ масломъ,
Рѣдька просто,
Рѣдька такъ...

— А мы-то еще на его счетъ живемъ! — кончивъ пѣть, разсмѣялся Свіягинъ, словно радовался, что можетъ безцѣльно подразнить пріятеля.

Касаткинъ посмотрѣлъ на него съ серьезнымъ и спокойнымъ выраженіемъ лица. Съ минуту Александръ Ѳедоровичъ, казалось, самъ еще обдумывалъ, что онъ скажетъ. Потомъ безъ малѣйшаго задора на этотъ разъ, а съ увѣренностью убѣжденнаго человѣка произнесъ:

— Знаешь, въ отношеніи того, насколько мы обязаны мужику, насколько онъ намъ, всѣ счеты, и его, и наши, давно спутаны,—

и, помолчавъ немного, онъ продолжалъ:— Много тутъ накопилось разныхъ предразсудковъ. Ихъ пора бы разсѣять, а не затемнять еще больше пустопорожними фразами вродѣ вотъ этой, что ты сейчасъ выпустилъ. Такія фразы, можетъ быть, къ лицу тѣмъ, кто ровно ничего не дѣлаетъ, а потомъ, стыдясь своего бездѣльничества, цинически щеголяетъ покаяніемъ въ своей слабости. Но если ты работаешь, то, что бы ты ни дѣлалъ, ты живешь на свой собственный счетъ, — неторопливо, спокойнымъ тономъ продолжалъ онъ развивать свою мысль.—Это мы привыкли только думать, что одинъ мужикъ вырабатываетъ всѣ средства для нашей жизни, что мужикъ насъ кормитъ. Возьми-ка тѣ государства, гдѣ, при скученности населенія, земля не можетъ дать достаточнаго количества хлѣба для людей и корма для скота. Тамъ всѣ, въ концѣ-концовъ, должны бы перемереть съ голоду. Кто же спасаетъ? Конечно, интеллигентныя силы тѣхъ людей, которые умѣютъ создать производство такихъ предметовъ, за которые мы расплачиваемся нашимъ хлѣбомъ. Спрашивается, кто же кого тамъ кормитъ?

Леонидъ Васильевичъ подумалъ и серьезно отвѣтилъ:

— Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что и тамъ рабочій кормитъ интеллигента, потому что безъ рабочаго ничего бы не было сдѣлано.

— Вздоръ! — возразилъ, также послѣ минутнаго размышленія, Касаткинъ.—Представь себѣ только, что весь контингентъ интеллигенціи, вся жизненная энергія страны, уйдетъ, напримѣръ, изъ Бельгіи, оставивъ одинъ рабочій классъ. Интеллигенція эта найдетъ себѣ работу и средства въ любой странѣ, хотя бы, напримѣръ, у насъ, въ Россіи. А рабочимъ тамъ безъ интеллигенціи нельзя будетъ существовать. Число-то этихъ ушедшихъ будетъ вовсе не велико, ихъ куски, раздѣленные на всѣхъ оставшихся, не спасутъ никого отъ голода, а сила вмѣстѣ съ ними уйдетъ громадная. Рабочихъ можно замѣнить машинами, интеллигенцію же не замѣнишь ничѣмъ.

Онъ взглянулъ на Свіягина, какъ бы ожидая подтвержденія своей мысли. Но Леонидъ Васильевичъ сосредоточенно молчалъ.

— Въ сущности, конечно, всего правильнѣе будетъ сказать, что т[illegible]ь никто никому ничѣмъ не обязанъ, — продолжалъ, не дождавш[illegible]ь отвѣта, Касаткинъ.—Тамъ благосостояніе однихъ тѣсно свя[illegible]о съ благосостояніемъ другихъ. А у насъ—ты, вотъ, напри[illegible]ъ, пожалуй, дѣйствительно, растеніе чужеядное,— разсмѣялся [illegible], смягчая дружескою улыбкой рѣзкость выраженія.

— За то я и не позволяю себѣ брать ничего лишняго, сокра-

шаю свои потребности до послѣдняго предѣла,—съ сознаніемъ своей правоты возразилъ Свіягинъ.

— И глупо,—спокойно отвѣтилъ ему Касаткинъ.—По твоимъ дѣламъ, ты и этого предѣла не стоишь.

— Что же по-твоему,—опять-таки спрошу тебя,—лучше жить такъ, какъ жили тѣ, кто проѣли вотъ эти имѣнія?

— Охъ, лучше! — покачавъ головой, со вздохомъ, но утвердительно отвѣтилъ Касаткинъ.—Только ты не смѣшивай вотъ чего. Ты все ссылаешься, что «они» *проѣли*. Милый другъ, не то бѣда, что они хорошо ѣли и хорошо жили, а то бѣда, что они *только это* и дѣлали и ничего другого не дѣлали. Скверно то, что ты гадко ѣшь и гадко живешь, а еще хуже, что ты только это и дѣлаешь и ничего другого не дѣлаешь. Ты только напрасно бременишь землю.

— Мегсі,—защищался смѣшками Леонидъ Васильевичъ.

— А ты не мерсикай, а вникай,—всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ вникай въ то, что я говорю,—въ увлеченіи началъ размахивать руками Касаткинъ.—Не береги ты, ради Бога, ни своихъ средствъ, ни своихъ силъ. Не жалѣй ничего, ни здоровья, ни труда, ни денегъ. Живи! Умрешь, что-то, все-таки, останется отъ тебя. Останется твое, собственное... живое... а не этотъ не принадлежащій тебѣ скарбъ, который ты называешь своимъ и которому ты, въ сущности, только мѣшаешь двигаться... мѣшаешь другимъ пользоваться имъ.

— Значитъ, по-твоему, что же: расточай? Такъ?—спросилъ Свіягинъ.

— Ну, да, ра-сто-чай!—подчеркнулъ Касаткинъ.

— А помнишь, какъ-то тоже въ спорѣ, въ Свіягинѣ, ты допускалъ, что можно и *копить?*—послѣ небольшой паузы сказалъ Леонидъ Васильевичъ.

— Да, помню, — слегка морща брови, припомнилъ Касаткинъ.—Ну, и что-жь? Во-первыхъ, я и тогда говорилъ тебѣ: копи, да знай же мѣру! А, во-вторыхъ, съ тѣхъ поръ я могъ и уйти впередъ. Я, вѣдь, не чью-нибудь законченную теорію тебѣ докладывалъ, я живой человѣкъ, и на лбу у меня не написано: «я достигъ». Напротивъ, *я иду!* И вотъ тамъ, гдѣ я остановился теперь, мнѣ кажется, что было бы гораздо лучше, еслибъ накопленіе совершалось само собой, естественнымъ путемъ, отъ плодовъ труда, расточаемаго каждымъ для всѣхъ, а не искусственнымъ стягиваніемъ въ однѣхъ рукахъ плодовъ чужого труда. Словомъ, еслибъ оно шло отъ центра къ периферіи, а не отъ периферіи къ центру, еслибъ

оно было результатомъ центробѣжной, а не центростремительной силы. Представь себѣ шаръ какой-нибудь хрупкой массы и при этомъ малую сердцевину этого шара гораздо болѣе плотной, чѣмъ его большую наружную поверхность. Такой шаръ очень непроченъ, а именно таково экономическое положеніе большинства современныхъ обществъ.

— Но, вѣдь, если всѣ будутъ расточать, никто ничего не накопитъ. Мнѣ кажется, прежде чѣмъ расточать, нужно накопить,— сказалъ Свіягинъ.

— Ты иногда бываешь удивительно непонятливъ,—съ досадой возразилъ Касаткинъ.—Чтобъ расточать, нужно не накопить, а что бы то ни было создавать. Накопить—значитъ отнять или, по крайней мѣрѣ, не дать. А создавать и расточать, это значитъ—увеличить общее богатство, а въ томъ числѣ и свое собственное. Взамѣнъ того, что ты дашь своего, къ тебѣ придетъ данное другими. И чѣмъ скорѣе ты и каждый другой будете расточать создаваемое вашимъ трудомъ, тѣмъ лучше, тѣмъ правильнѣе будетъ ростъ культуры, тѣмъ быстрѣе пойдетъ накопленіе богатствъ на землѣ. Пойдетъ, такъ сказать, непрерывное начисленіе процентовъ на проценты.

Они подошли въ это время къ березовому дивану и Леонидъ Васильевичъ, уставшій ходить, сѣлъ. Сѣлъ рядомъ съ нимъ и Касаткинъ.

— А то представь себѣ,—послѣ минутнаго молчанія заговорилъ опять Александръ Ѳедоровичъ, положивъ руку на колѣно Свіягина,— съ одной стороны будутъ накоплены милліарды, съ другой—будутъ милліоны нищихъ. Милліардьеры будутъ ежедневно дрожать за то, чтобъ нищіе ихъ не ограбили, а нищіе будутъ бездѣльничать и облизываться, глядя на чужіе милліарды. Развѣ тутъ и тѣ, и другіе счастливы? Въ концѣ-концовъ, надо непремѣнно ожидать нарушенія этого неустойчиваго равновѣсія.

Немного подумавъ, Касаткинъ продолжалъ:

— Теперь представь еще слѣдующее. Сами ли милліардьеры раздадутъ свои милліарды, нищіе ли отнимутъ ихъ у ихъ владѣльцевъ—все равно, это будетъ культурная катастрофа. Нищіе ничего лучшаго не съумѣютъ сдѣлать съ культурными богатствами, какъ прожить ихъ или изломать, какъ ломаютъ дѣти игрушку. Путемъ такой катастрофы могутъ уничтожиться накопленныя богатства и культура, но не уничтожатся нищіе и нищета. А я уже высказывался при тебѣ, что нельзя быть счастливымъ, когда около тебя мучатся несчастные. Нищета можетъ уничтожиться только

постепеннымъ наслоеніемъ общаго благосостоянія, ростъ культуры можетъ быть только органическимъ ростомъ. А для этого единственный вѣрный путь, какой я знаю, это—работай, создавай и расточай.

Александру Ѳедоровичу надоѣло сидѣть на жесткихъ палкахъ дивани, онъ поднялся и опять заходилъ по комнатѣ.

— Скажи мнѣ, что осталось міру отъ скупыхъ людей?—произнесъ онъ, черезъ нѣсколько минутъ останавливаясь передъ сидѣвшимъ на своемъ мѣстѣ Свіягинымъ.—Щедрые и расточители дѣлали исторію, скупцы ее только тормазили. Возьми всю красоту, завѣщанную намъ вѣками: развѣ скупцамъ обязаны мы ею?—продолжалъ онъ, повышая голосъ и подступая еще больше къ Леониду Васильевичу.—Припомни жизнь цѣлыхъ государствъ... Тѣ минуты, когда человѣчество возвышалось до божества,—скупцы ихъ создавали?

Пройдясь опять по комнатѣ и снова остановившись передъ молчавшимъ Свіягинымъ, онъ не безъ ѣдкости произнесъ:

— Помнишь, ты какъ-то говорилъ, что ты русскій... какой-то *особенный русскій*... а я выходилъ, по-твоему, чуть не ренегатъ? Ну, а позволь тебя спросить, какой девизъ напишешь ты—вотъ этакій-то русскій!—на своемъ знамени, какіе идеалы пойдешь ты благовѣствовать, какую культуру понесешь ты куда бы то ни было?

И, прежде чѣмъ Леонидъ Васильевичъ успѣлъ что-либо сказать ему на это, Александръ Ѳедоровичъ бросилъ ему новый, болѣе жестокій, болѣе бьющій по сердцу упрекъ:

— Вотъ ты думаешь жениться на Софьѣ Сергѣевнѣ,—отчеканивалъ онъ слово за словомъ,—что-жь, ты и ее сюда введешь жить, въ эти хоромы? Мы видѣли, какъ онѣ живутъ въ своемъ хуторѣ, тебѣ же и самому у нихъ нравится, ты, отправляясь къ нимъ, прихорашиваешься. Что же, все это должно будетъ уступить вотъ этому режиму?

И Александръ Ѳедоровичъ обвелъ вокругъ рукой по пустой и пыльной залѣ.

Свіягинъ нахмурился и не отвѣчалъ.

— Позволь тебя спросить: ты, болѣе богатый человѣкъ, низведешь болѣе бѣднаго изъ хорошей культурной обстановки въ худшую за что собственно? За то, что ли, что она отдастъ тебѣ свою жизнь, а ты лишишь ее ея маленькихъ удобствъ и радостей? Такъ ли?

— Зачѣмъ же? У насъ въ Свіягинѣ...—началъ было Леонидъ Васильевичъ.

— У васъ въ Свіягинѣ режимъ все тотъ же, что и здѣсь,— рѣзко прервалъ его закусившій удила Касаткинъ.—Неужели ты думаешь, что твоей женѣ,—будетъ ли это Софья Сергѣевна, или другая,—легко будетъ жить тамъ?

— Женюсь, такъ можно будетъ и здѣсь устроить все, что нужно... Если неудобно будетъ въ Свіягинѣ, если... она тамъ не пожелаетъ,—словно оправдывался Свіягинъ.

— Отчего же можно будетъ *тогда*, отчего нельзя *теперь*?

— Да зачѣмъ?—по привычкѣ отнѣкивался Леонидъ Васильевичъ.

— Да для тебя самого, братецъ ты мой, для тебя самого!—съ досадой воскликнулъ Касаткинъ.—Ну, а скажи, пожалуйста: женившись, ты все такимъ же вотъ шутомъ гороховымъ будешь ходить? Неужели ты думаешь, что ты женѣ въ этомъ видѣ будешь нравиться?

И Касаткинъ съ азартомъ тыкалъ въ воздухѣ пальцемъ по направленію сидѣвшаго передъ нимъ въ своемъ неприглядномъ костюмѣ Свіягина.

— Отчего же бы и нѣтъ, если она меня либить будетъ?—сказалъ Леонидъ Васильевичъ, снова, несмотря на страстность, съ которой говорилъ Касаткинъ, обратившій его слова въ шутку. И, окинувъ взглядомъ свою узкую блузу и короткія брюки, онъ съ улыбкой произнесъ:—Выросъ немножко. Это, вѣдь, еще студенческія.

— То-то, выросъ!—бросилъ на него сердитый взглядъ Касаткинъ и опять заходилъ по комнатѣ. Потомъ, подойдя къ Свіягину и ударивъ его по плечу, онъ дружескимъ тономъ произнесъ:

— Встрепенись. Живи. Не опускайся.

Леонидъ Васильевичъ, грустно улыбнувшись, молчалъ.

А. А. Луговой.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

НЕДОРАЗУМѢНІЕ *).

Романъ В. Д. Гоуэльса.

IX.

Флорида стала готовить матери постель.

— Для чего ты это дѣлаешь, душа моя?—спросила миссисъ Вервэнъ.—Я не могу сейчасъ же ложиться.

— Но, мама...

— Нѣтъ, Флорида! И я опять повторяю: ты черезъ-чуръ строптива. Мнѣ кажется, ты сама должна бы видѣть, какъ тебѣ, въ концѣ-концовъ, приходится страдать всякій разъ, какъ ты даешь волю своему бурному нраву. Ты весь этотъ день намъ испортила.

— Я очень виновата,—смиренно пролепетала гордая дѣвушка.

— И потомъ это извиненіе! Очень надо было тебѣ такъ унижать себя!

— Я не чувствовала никакого униженія; мнѣ это было все равно.

— Да я, право, думаю, что, въ своемъ высокомѣріи, ты не допускаешь даже возможности унизить себя чѣмъ-нибудь. А донъ-Ипполито былъ все время такъ милъ съ нами! Я начинаю думать, что мистеръ Феррисъ уловилъ твой истинный характеръ въ этомъ эскизѣ. Но, рано или поздно, твоя гордость будетъ сломлена, Флорида.

— Дай я помогу тебѣ раздѣться, мама. Ты можешь говорить со мной и раздѣваясь. Тебѣ надо постараться заснуть.

— Да, я чувствую себя совсѣмъ разбитой. Отчего ты не позволила ему войти и поболтать немного? Это всего бы лучше успокоило меня. Но нѣтъ, ты всегда поставишь на своемъ. Не тереби

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

меня, душа моя, я предпочитаю раздѣться сама. Но, вѣдь, ты очень заботлива ко мнѣ. Желала бы я только знать, любишь ли ты меня на самомъ дѣлѣ?

— О мама, ты одна у меня въ цѣломъ мірѣ!

Миссисъ Вервэнъ начала всхлипывать.

— Ты говоришь такъ, точно я счастливѣе тебя въ этомъ отношеніи. Вѣдь, у меня только ты и осталась. А скольких я потеряла!

— Не вспоминай теперь объ этомъ, мама.

Миссисъ Вервэнъ поцѣловала молодую дѣвушку.

— Къ своей матери ты дѣйствительно добра. Донъ-Ипполито былъ правъ, никто не видалъ, чтобъ ты была ко мнѣ непочтительна или неласкова. Ну, полно, полно! Не плачь, моя голубка! Я думаю, мнѣ въ самомъ дѣлѣ лучше будетъ лечь, а ты поможешь мнѣ раздѣться.

Дочь уложила ее въ постель и стала тихонько ходить по комнатѣ, привела ее въ порядокъ и сдвинула плотнѣе занавѣси, чтобы не пропустить въ окно свѣтъ уже близкой зари. Мать поговорила немного, и вскорѣ безсвязныя ея рѣчи смѣнились молчаніемъ, а затѣмъ сномъ.

Флорида съ безпокойствомъ поглядѣла на нее, потомъ поставила свѣчку на полъ и устало опустилась въ кресло возлѣ постели. Ея руки упали на колѣни; голова какъ-то печально поникла на грудь; то причудливо удлиненная, то укороченная, на потолкѣ замелькала отраженная свѣтомъ тѣнь ея лица.

Вскорѣ какая-то пташка засвистала въ саду; издалека донеслось щебетаніе ласточки; вешній день начиналъ стряхивать съ себя легкую, короткую дремоту вешней ночи. Багровый вѣнчикъ образовался на свѣтильнѣ свѣчки, опрокинувшейся въ трубкѣ подсвѣчника и оплывавшей съ рѣзкимъ шипѣніемъ.

Флорида вздрогнула и вскочила со стула. Полоска солнечнаго свѣта пробивалась сквозь ставни и шторы. Миссисъ Вервэнъ привстала на постели, опираясь однимъ локтемъ о подушки, и смотрѣла на дочь, какъ будто только что окликнула ее.

— Мама, ты звала меня?—спросила дѣвушка.

Миссисъ Вервэнъ повернулась къ стѣнѣ; она глубоко вздохнула, протянула свои исхудалыя руки вдоль подушки и стала точно углубляться,— медленно углубляться въ постель. Она перестала дышать и лежала въ обморокѣ.

Флорида скорѣе почувствовала это, чѣмъ увидала. Она не вскрикнула и не позвала на помощь. Она принесла воды и одеколону и спрыснула матери лицо, а затѣмъ начала растирать ей ру-

ки. Миссисъ Вервэнъ стала медленно возвращаться къ жизни; она открыла глаза, потомъ закрыла ихъ; она не говорила, но вскорѣ стала дышать ровно и протяжно, какъ дышутъ во снѣ.

Флорида безшумно отворила дверь и столкнулась со служанкой, несшей кофе на подносѣ. Она приложила палецъ къ губамъ, сдѣлала ей знакъ не входить и шепотомъ спросила:

— Сколько теперь времени, Нина? Я забыла завести часы.

— Девять часовъ, синьорина. Я думала, что вы устали со вчерашняго дня и пожелаете кушать кофе въ постели. О, misericordia!—произнесла дѣвушка, все еще шепотомъ, бросивъ взглядъ въ полуотворенную дверь,—вы такъ совсѣмъ и не ложились!

— Мамѣ что-то нехорошо. Я сидѣла возлѣ нея и сама не знаю, какъ уснула въ креслѣ.

— Ахъ, вы бѣдняжка! Такъ напейтесь сейчасъ же кофе. Это подкрѣпитъ васъ.

— Да, да,—сказала Флорида, затворяя дверь и указывая на столъ въ сосѣдней комнатѣ,—поставьте его сюда. Я сама налью его, Нина. А вы, пожалуйста, пойдите и кликнете гондолу. Я сейчасъ поѣду и вы должны ѣхать со мной. Скажите Чекѣ, чтобъ она пришла сюда и оставалась возлѣ мамы, пока я не возвращусь.

Она дрожащею рукой налила себѣ чашку кофе и выпила ее, потомъ, промывъ глаза, подошла къ зеркалу, слегка оправила на себѣ свой вчерашній туалетъ, остановилась на минуту, какъ бы изучая производимый имъ эффектъ, и отошла; затѣмъ еще разъ подбѣжала и черезъ минуту уже шла къ воротамъ, выходившимъ на каналъ, гдѣ Нина дожидалась ея въ гондолѣ.

Вскорѣ онѣ очутились у подъѣзда Ферриса.

— Позвоните,—сказала она гондольеру,—и скажите, что одна изъ американскихъ дамъ желаетъ видѣть консула.

Феррисъ стоялъ какъ разъ надъ ней, на балконѣ, и съ нѣмымъ удивленіемъ слѣдилъ за приближеніемъ ея гондолы.

— Что это значитъ, миссъ Вервэнъ?—крикнулъ онъ сверху.—Скажите, ради Бога, что такое случилось?

— Не знаю. Мнѣ надо поговорить съ вами,—сказала Флорида, поднявъ къ нему задумчивое личико.

— Я сойду внизъ.

— Да, пожалуйста. Или нѣтъ, лучше я сама взойду наверхъ. Да, я взойду наверхъ съ Ниной.

Феррисъ встрѣтилъ ихъ у нижней двери и проводилъ въ свою квартиру. Нина сѣла въ первой комнатѣ, а Флорида послѣдовала за живописцемъ въ его мастерскую. Несмотря на блѣдность ея ли-

па, ему казалось, что никогда онъ не видалъ его такимъ прелестнымъ, и онъ испытывалъ странную гордость, принимая ее у себя, хотя безпорядокъ, въ которомъ находилась комната, долженъ былъ бы пристыдить его. Она оглядѣла все съ какимъ-то дѣтскимъ, робкимъ любопытствомъ и съ нѣкоторою долей того гордаго состраданія, съ какимъ молодыя дѣвицы смотрятъ на обиталища мужчинъ, когда случайно попадаютъ въ нихъ, и величественный, медленный поворотъ ея головы при этомъ осмотрѣ очаровалъ Ферриса.

— Я надѣюсь,—сказалъ онъ,—что этотъ запахъ не безпокоитъ васъ?—То былъ смѣшанный запахъ масляныхъ красокъ и табаку.—Моя служанка убираетъ пріемную, и тамъ пыль стоитъ столбомъ. Вотъ почему мнѣ пришлось просить васъ сюда.

Флорида сѣла на стулъ передъ мольбертомъ, и на нее взглянули печальные глаза донъ-Ипполито. Феррисъ рѣзкимъ движеніемъ повернулъ полотно другою стороной.

— Я вовсе не хотѣлъ, чтобы вы это видѣли; въ картинѣ осталось еще столько работы, что я не могу ее показывать, — сказалъ онъ и остановился передъ дѣвушкой въ выжидательной позѣ. Онъ хотѣлъ, чтобъ она заговорила первая, такъ какъ никогда не зналъ, какъ ему обращаться съ миссъ Вервэнъ; онъ не прочь былъ отнестись свысока къ ея важнымъ минамъ, но въ настоящую минуту она, очевидно, была слишкомъ несчастна, чтобы быть для него предметомъ насмѣшекъ; между тѣмъ, ему никакъ не хотѣлось заслужить щелчокъ преждевременнымъ выраженіемъ сочувствія. Онъ пробѣжалъ въ умѣ событія вчерашняго дня и подумалъ, что, вѣроятно, этотъ визитъ имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ донъ-Ипполито. Но его посѣтительница хранила молчаніе и, наконецъ, онъ сказалъ ей:

— Надѣюсь, что у васъ дома все благополучно, миссъ Вервэнъ. Вчерашній день и ночь, и нынѣшнее утро,—все это какъ-то странно смѣшалось въ моей головѣ. Надѣюсь, что миссисъ Вервэнъ предала все случившееся полному забвенію.

— Вотъ о ней-то... о ней-то я и пріѣхала поговорить съ вами,—чуть слышно сказала Флорида.—То-есть, мнѣ надо спросить у васъ, кто здѣсь лучшій докторъ?—поторопилась она объяснить.

Значитъ, дѣло шло не о донъ-Ипполито.

— Ваша матушка больна? — поспѣшно спросилъ Феррисъ. — Она, должно быть, страшно утомилась послѣ нашей неудачной экскурс[illegible]. Надѣюсь, что нѣтъ ничего серьезнаго?

— Нѣтъ, нѣтъ! Но она чувствуетъ себя нехорошо. Она очень слаб[illegible], вы сами это знаете. Вы должны были замѣтить, какъ она слаб[illegible]-трепещущимъ голосомъ сказала Флорида.

Феррисъ замѣтилъ, что его соотечественницы, по минованіи дѣвическаго возраста, казались больными, Богъ знаетъ почему и отчего; онъ полагалъ, что это въ порядкѣ вещей, это было такое обычное явленіе. Что касается миссисъ Вервэнъ, то въ ней, хотя она очень много распространялась о своемъ плохомъ здоровьѣ, онъ замѣчалъ это менѣе, чѣмъ въ другихъ: она такъ бодра была духомъ. Теперь онъ вспомнилъ, что, дѣйствительно, по временамъ она казалась ему похожей на призракъ, и что иногда его забавляла мысль, какимъ образомъ такой хрупкій организмъ выдерживаетъ борьбу съ жизнью не только вполнѣ успѣшно, но даже побѣдоносно.

— Да,—сказалъ онъ,—я знаю, что миссисъ Вервэнъ далеко не сильна.

— Мнѣ надо только получить совѣтъ для нея,—продолжала Флорида,—но, мнѣ кажется, намъ, все-таки, лучше повидаться съ врачомъ или знать, къ кому обратиться въ случаѣ нужды. Мы такъ далеки отъ всякихъ знакомствъ и отъ всякой помощи.—Она какъ будто пыталась отдать отчетъ скорѣе самой себѣ, чѣмъ Феррису, въ томъ, что она дѣлаетъ.—Мы ничего не должны пропустить безъ вниманія.

Она взглянула на него съ мольбою, но тѣнь какъ бы мучительнаго воспоминанія пробѣжала по ея лицу, и она ничего больше не сказала.

— Я поѣду съ вами къ доктору,—мягко сказалъ Феррисъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, зачѣмъ вамъ безпокоиться?

— Да это вовсе не безпокойство.

— Нѣтъ, пожалуйста, мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы ѣхали со мною; я предпочитаю отправиться одна.

Феррисъ смущенно взглянулъ на нее, когда она поднялась.

— Только дайте мнѣ адресъ, и я все отлично устрою сама, я къ этому привыкла.

— Какъ вамъ будетъ угодно. Подождите минутку. — Феррисъ написалъ адресъ.—Вотъ,—сказалъ онъ, подавая его,—но развѣ же я ничего не могу сдѣлать для васъ?

— Да, можете, — съ неловкою нерѣшительностью отвѣтила Флорида, устремивъ на него полувызывающій, полуумоляющій взоръ.—Къ вамъ, какъ къ консулу, обращаются, конечно, всякіе люди, и вы помогаете имъ въ ихъ дѣлахъ и потомъ... стараетесь ихъ забыть?

— Ну?—сказалъ Феррисъ.

— Я желала бы, чтобы вы не вспоминали о томъ, что я просила у васъ этой услуги, чтобы вы посмотрѣли на это, какъ на...

— Какъ на консульскую обязанность? Отъ всего сердца обѣщаю вамъ это, — отвѣтилъ Феррисъ, и въ пятый или шестой разъ онъ подумалъ, до какой степени юна миссъ Вервэнъ.

— Вы очень добры, добрѣе, чѣмъ я имѣла право ожидать отъ васъ, — сказала Флорида съ жалобною улыбкой. — Я, собственно, хотѣла только просить васъ не говорить объ этомъ съ моею матерью. Не то чтобъ я желала скрыть отъ нея какой-нибудь изъ своихъ поступковъ, — прибавила она, — но она стала бы мучиться, еслибъ знала, что я тревожусь за нее. Ахъ, если бы только я могла не тревожиться!

Она стала торопливо доставать носовой платокъ; Феррисъ увидѣлъ, какъ задрожали ея губы, и душа его затрепетала вмѣстѣ съ ними.

Прошелъ еще одинъ мигъ.

— Прощайте, — быстро сказала она съ какимъ-то воздушнымъ рыданіемъ. — Пожалуйста, не провожайте меня.

Она выбѣжала изъ комнаты и спустилась съ лѣстницы; служанка послѣдовала за ней.

Феррисъ набилъ трубку, вышелъ снова на балконъ и сталъ задумчиво курить, слѣдя за тѣмъ, какъ направлялась гондола по данному имъ адресу. Вѣдь, это та самая дѣвушка, которая вчера дала такую жестокую пощечину бѣдному донъ-Ипполито. Но это казалось ему не менѣе логичнымъ, чѣмъ ея внезапное, благородное и преувеличенное раскаяніе; все это совершенно соотвѣтствовало тому, какъ сейчасъ она явилась къ нему за помощью, держа его на разстояніи, взывая къ его сочувствію, и какъ затѣмъ, сдѣлавъ попытку оборвать его, изнемогла въ своихъ усиліяхъ. Все это составляло нѣчто цѣльное и все вмѣстѣ оно было несимпатично; да, у миссъ Вервэнъ дурной характеръ, но у нея есть и великодушныя черты. Стоя на балконѣ, гдѣ его обливали струи утренняго воздуха и солнечнаго свѣта, въ бодромъ и здоровомъ невѣдѣніи всей тайны женскихъ нервовъ, онъ улыбался этимъ противорѣчіямъ, которыя скорѣе чувствовалъ, чѣмъ формулировалъ. Эти капризы даже плѣнили его. Онъ вспоминалъ, что, несмотря на дѣтское своенравіе Флориды, онъ продолжалъ оказывать дамамъ Вервэнъ одну услугу за другою, и рѣшилъ не останавливаться и теперь; ея причуды ничего не будутъ значить для него, какъ ничего не значили до сей поры. Мужчинѣ всегда лестно быть необходимымъ для женщины, пока ничто его къ этому не обязываетъ; зависимое отношеніе къ нему миссъ Вервэнъ во время ея визита придало ей въ глазахъ Феррисса прелесть, какой ей раньше недоставало.

Между тѣмъ, онъ увидалъ, что ея гондола остановилась, повернула и снова вошла въ каналъ, окаймлявшій садъ миссисъ Вервэнъ.

«Опять передумала,—съ ласковою снисходительностью сказалъ про себя Феррисъ, и, въ гордомъ сознаніи своего превосходства надъ всѣмъ непостояннымъ поломъ, онъ постарался отдѣлаться отъ тревоги насчетъ здоровья миссисъ Вервэнъ. Но вечеромъ онъ, все-таки, пошелъ ее провѣдать. Сначала онъ послалъ Флоридѣ свою карточку, написавъ на ней: «Надѣюсь, что миссисъ Вервэнъ чувствуетъ себя лучше. Не принимайте меня, если это обезпокоитъ ее». Онъ перечелъ то, что написалъ, смутно ощущая, что тонъ у него вышелъ покровительственный, и, войдя въ гостиную, понялъ, что миссъ Вервэнъ приняла оборонительную позицію и по какому-то капризу хочетъ дать ему почувствовать, что онъ поступилъ самонадѣянно, позволивъ себѣ придти; на этотъ разъ его не утѣшила мысль, что Флорида такъ еще юна.

— Мама сейчасъ придетъ,— сказала дѣвушка тономъ, возводившимъ ихъ утреннее свиданіе къ миѳологическимъ временамъ.

Миссисъ Вервэнъ вошла, улыбающаяся и радушная, повидимому, чувствуя себя лучше, а не хуже послѣ вчерашнихъ злоключеній.

— О, я живо встряхиваюсь,— объяснила она,— вы знаете, я старый служака. Пожалуй, даже *слишкомъ* старый въ настоящее время. Годы, все-таки, много значатъ; вы убѣдитесь въ этомъ, мистеръ Феррисъ, когда поживете побольше на свѣтѣ.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь,— сказалъ Феррисъ, не особенно довольный тѣмъ, что миссисъ Вервэнъ обращается съ нимъ совсѣмъ какъ съ мальчикомъ.— Даже и въ двадцать шесть лѣтъ мнѣ было очень пріятно немножко вздремнуть среди дня. А какъ отражается усталость въ семнадцать лѣтъ, миссъ Вервэнъ?— спросилъ онъ.

— Мнѣ вовсе не хотѣлось спать,— равнодушно отвѣтила Флорида, и онъ почувствовалъ себя передъ ней старикомъ.

Ему казалось, что онъ сдѣлалъ пустой, совсѣмъ ненужный визитъ. Миссисъ Вервэнъ спросила его, видѣлъ ли онъ донъ-Ипполито, и выразила удивленіе, что священникъ не показывался въ теченіе всего дня. Она разсказала какую-то длинную исторію и подъ конецъ ударила себя по губамъ вѣеромъ въ наказаніе за то, что зѣвнула.

Феррисъ всталъ, чтобъ откланяться. Миссисъ Вервэнъ снова и въ тѣхъ же выраженіяхъ стала удивляться, почему донъ-Ипполито цѣлый день не былъ у нихъ.

— Потому что онъ умный человѣкъ,— съ горечью сказалъ Феррисъ,— и умѣетъ выбирать время для своихъ посѣщеній.

Миссисъ Вервэнъ не замѣтила горечи, звучавшей въ его словахъ, но что-то побудило Флориду проводить его до наружной двери.

— Ахъ, лунная ночь! — воскликнула она, взглянувъ на Феррисa, какъ будто въ душѣ у нея было желаніе что-то искупить передъ нимъ.

Но онъ не хотѣлъ ея искупленія.

— Да, правда, луна свѣтитъ,— угрюмо промолвилъ онъ.— Покойной ночи!

— Покойной ночи! — отвѣчала Флорида и порывисто протянула ему руку. Ему показалось, что она дрожитъ въ его рукѣ, но, вѣроятно, то было волненіе его собственныхъ нервовъ.

Боль, затихшая было въ его сердцѣ, возвратилась къ нему съ прежнею силой; онъ шелъ домой разочарованный и разстроенный, самъ едва ли сознавая, въ чемъ и почему. Онъ не смѣялся теперь, вспоминая, какъ миссъ Вервэнъ просила его утромъ забыть, что она обращалась къ нему за услугой, онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ при мысли, что ему отплатили такимъ образомъ, и отпоръ, встрѣченный его симпатіей, былъ вульгаренъ; кромѣ вульгарности, для этого не было иного названія. Однако, онъ не могъ привести въ связь это свойство съ лицомъ молодой дѣвушки, которое постоянно видѣлъ передъ собой на обратномъ пути. Оно не выражало презрѣнія и не отталкивало его, оно смотрѣло на него задумчивымъ взглядомъ, какъ въ это утро изъ гондолы. Тѣмъ не менѣе, онъ закалилъ свое сердце. Онъ рѣшилъ отправиться къ дамъ Вервэнъ не раньше того, какъ онѣ сами пошлютъ за нимъ. Въ концѣ-концовъ, нельзя считать себя особенно старымъ въ двадцать шесть лѣтъ.

X.

— Донъ-Ипполито пришелъ, синьорина,— сказала Нина на слѣдующее утро, приблизясь къ Флоридѣ, сидѣвшей въ саду въ позѣ лѣниваго ожиданія.

— Донъ-Ипполито! — усталымъ тономъ повторила дѣвушка. О встала и вошла въ домъ, и они встрѣтились съ принужденностью, совершенно естественною послѣ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ихъ послѣднее разставаніе. Трудно сказать, кому приходилось болѣе преодолѣвать въ такомъ случаѣ — лицу простившемуся или прощенному. Прощеніе отравляетъ даже великодушное

сердце, а воспоминаніе о дарованномъ прощеніи приводитъ въ замѣшательство чувствительную душу передъ объектомъ ея милосердія, принижая и пристыжая ее. Хорошо было бы, думается мнѣ, если бы не было надобности ни въ чемъ подобномъ между человѣческими существами, неспособными выдерживать такихъ отношеній безъ обоюднаго недовѣрія. Когда они врозь, имъ еще не такъ плохо, но при встрѣчѣ они неминуемо должны быть первое время холодны и подозрительны.

— Вижу, о чемъ вы оба думаете,— сказала миссисъ Вервэнъ, и слабый румянецъ окрасилъ щеки священника, когда она, такимъ образомъ, соединила его въ этихъ словахъ со своею дочерью.— Вы думаете о томъ, что произошло на-дняхъ; забудьте-ка это лучше, совсѣмъ не къ чему ломать себѣ голову надъ этими вещами. Господи Боже! еслибъ *я* стала раздумывать о всякомъ непріятномъ эпизодѣ, какой только случался со мной, такъ я совсѣмъ бы пропала. Да, кстати, гдѣ пропадали *вы* весь вчерашній день, донъ-Ипполито?

— Я не хотѣлъ безпокоить васъ, такъ какъ полагалъ, что вы должны быть очень утомлены. Притомъ же, у меня было много хлопотъ.

— Ахъ, да, все ваши изобрѣтенія! Какой вы талантливый человѣкъ! Но вы не должны заниматься слишкомъ усердно. Вотъ, напримѣръ, вчера, послѣ всей усталости, знаете, это былъ уже совсѣмъ невыносимый трудъ для мозга,— и она стукнула себя въ лобъ вѣеромъ.

— Я былъ занятъ не машинами своими, *madama*,— отвѣтилъ донъ-Ипполито, сидѣвшій въ женской позѣ, которую священники усвоиваютъ себѣ отъ широкой одежды, и перебиравшій пальцами шнурокъ вокругъ своей треугольной шляпы.— Я едва притрогивался къ нимъ послѣднее время. Но нашъ приходъ принимаетъ участіе въ процессіи Тѣла Господня на Піаццѣ, и мнѣ тоже выпала доля въ приготовленіяхъ.

— Ахъ, какъ это я забыла! Когда это будетъ? Мы всѣ должны отправиться. Наша Нина разсказывала Флоридѣ объ этомъ великолѣпномъ зрѣлищѣ и о маленькихъ дѣтяхъ, одѣтыхъ Іоанномъ Крестителемъ, которыя ведутъ за собою ягнятъ. Это, конечно, большое событіе для васъ?

Священникъ развелъ руками, такъ что шляпа его соскользнула на полъ и, перевернувшись, откатилась на довольно далекое разстояніе. Онъ поднялъ ее и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Это церковный обрядъ,— холодно сказалъ онъ.

— А вы будете въ процессіи?

— Я буду тамъ вмѣстѣ съ другими священниками моего прихода.

— Восхитительно! — воскликнула миссисъ Вервэнъ. — Мы будемъ искать васъ глазами. Мнѣ будетъ очень лестно подумать, что я дѣйствительно знаю одного изъ участниковъ процессіи. Я вамъ кивну головой. Вы не сочтете это черезъ-чуръ неприличнымъ?

Она вывела его изъ затрудненія, которое ему, можетъ быть, доставила бы необходимость ей отвѣтить, внезапно потерявъ всякій видимый интересъ къ этой темѣ. Она обратилась къ дочери и сказала плаксивымъ тономъ:

— Пожалуйста, Флорида, накинь мнѣ на ноги плэдъ и устрой меня поудобнѣе, прежде чѣмъ начать читать съ донъ-Ипполито.

При этомъ она, какъ бы совсѣмъ ослабѣвъ, расположилась на подушкахъ дивана, на которыя опиралась передъ тѣмъ, и стала ждать, чтобы дочь укрыла ей ноги.

— Я только немножко закрою глаза, — сказала она потомъ дочери, — но буду слышать каждое слово. У тебя вырабатывается прекрасное произношеніе, душа моя, я знаю, что прекрасное. Я думаю, что у Гольдони долженъ быть очень легкій, пріятный стиль, не правда ли, если читать его по-итальянски?

Они начали читать комедію Гольдони; черезъ пятнадцать или двадцать минутъ миссисъ Вервэнъ открыла глаза и сказала:

— Но прежде чѣмъ ты примешься за чтеніе, Флорида, сыграй мнѣ, пожалуйста, что-нибудь, чтобы меня успокоить. Я чувствую, что нервы у меня сильно раздражены. Это, вѣроятно, дѣйствіе сирокко. И я думаю, что мнѣ лучше будетъ лечь въ той комнатѣ.

Флорида пошла за нею, чтобы, повторивши ту же процедуру, уложить мать поудобнѣе. Потомъ она возвратилась и, сѣвъ за фортепіано, съ какою-то нѣжною твердостью извлекла изъ него нѣсколько низкихъ ласкающихъ звуковъ, изъ которыхъ выросла убаюкивающая мелодія. Оставивъ пальцы на клавишахъ, она повернула свою царственную головку и взглянула въ отворенную дверь на мать.

Донъ-Ипполито, — тихо сказала она, — можетъ быть, что-нибудь въ воздухѣ Венеціи наводитъ на людей такую спячку?

— Я никогда не слыхалъ объ этомъ, *madamigella*.

— Удивляюсь, — разсѣянно продолжала дѣвушка, — почему моя мать такъ часто клонитъ ко сну.

— Можетъ быть, она еще не оправилась отъ безпокойствъ той ночи, подсказалъ священникъ.

— Можетъ быть,—промолвила Флорида, бросивъ печальный взглядъ на дверь въ комнату матери.

Она опять обернулась къ инструменту и, поникнувъ головкой, стала перебирать пальцами клавиши. Вдругъ она подняла лицо и откинула съ висковъ нѣсколько непокорныхъ прядей волосъ. Не глядя на священника, она спросила его съ дѣтскою прямотой, составлявшею ея характеристическую черту:

— Почему вамъ непріятно участвовать въ процессіи Тѣла Господня?

Лицо донъ-Ипполито вспыхнуло и опять поблѣднѣло, и онъ уклончиво отвѣтилъ:

— Я не говорилъ, что мнѣ это непріятно.

— Да, это правда,—сказала Флорида, снова опустивъ пальцы на клавиши.

Донъ-Ипполито всталъ съ дивана, на которомъ сидѣлъ возлѣ нея, пока они читали, и прошелся по комнатѣ. Потомъ онъ приблизился къ Флоридѣ и мягко сказалъ ей:

— *Madamigella*, я не хотѣлъ отталкивать участіе, которое вы принимаете во мнѣ. Но странно было предлагать такой вопросъ священнику, а я вспомнилъ, что я священникъ, когда вы мнѣ предложили его.

— Развѣ вы не всегда это помните?—спросила дѣвушка, не повертывая головы.

— Нѣтъ, иногда мнѣ дозволяется забывать это, — сказалъ онъ пытливымъ тономъ.

Она ничего не отвѣтила, и онъ тяжело перевелъ духъ и молча отошелъ отъ нея. Она уронила руки на колѣни и сидѣла въ позѣ ожиданія. Подойдя къ ней, онъ вторично остановился.

— Въ *этомъ* домѣ забываю я, что я священникъ, — началъ донъ-Ипполито, — и одна изъ первыхъ вашихъ милостей заключается въ томъ, что вы и ваша добрая матушка позволяете мнѣ забывать объ этомъ. Чѣмъ могу я отблагодарить васъ? У меня сердце разрывалось на части, когда вы сочли себя вынужденной просить у меня прощенія, хотя вашъ упрекъ очень больно кольнулъ меня. О, развѣ вы не имѣли права дѣлать мнѣ упреки, разъ я злоупотребилъ деликатною простотой, съ какою вы всегда относились ко мнѣ? Но вѣрьте мнѣ, я не хотѣлъ обидѣть васъ тогда.

Его голосъ задрожалъ и Флорида прервала его:

— Вы ничего дурного не сдѣлали. Это я была жестока безъ всякаго повода.

— Нѣтъ, нѣтъ. Не говорите этого,—возразилъ священникъ. —

И зачѣмъ мнѣ было обращать вниманіе на нѣсколько словъ, когда всѣ ваши дѣйствія выражали довѣріе ко мнѣ, которое точно небо для моей души?

Она теперь обернулась и посмотрѣла на него, и онъ продолжалъ:

— Ахъ, я вижу, вы не понимаете меня! Какъ могли вы знать, что̀ такое быть священникомъ въ этомъ злосчастномъ городѣ? Чувствовать, что тебя преслѣдуетъ шпіонство всего твоего класса, что тебя, какъ шпіона, избѣгаютъ всѣ тѣ, кто не принадлежитъ къ нему! Но ваша матушка и вы не воздвигнули между собой и мною той преграды, которая всюду исключаетъ меня отъ общенія съ моими ближними. Вы соблаговолили видѣть во мнѣ человѣка и дали мнѣ забыть священника.

— Я не знаю, что̀ сказать вамъ на это, донъ-Ипполито. Я, вѣдь, только иностранка и молодая дѣвушка, и я очень несвѣдуща во всѣхъ этихъ вещахъ,—сказала Флорида съ легкою тревогой.— Я боюсь, что вы можете сказать что-нибудь, о чемъ послѣ пожалѣете.

— О, никогда! Не бойтесь меня, если я буду откровенъ съ вами. Это—мое убѣжище отъ отчаянія.

Страстная вибрація его голоса все возростала; казалось, слезы душили его. Дѣвушка обратила взоръ на сосѣднюю комнату и слегка шевельнулась.

— Ахъ, не бойтесь выслушать меня!—съ горечью воскликнулъ священникъ.

— Я не стану будить ея,—спокойно сказала черезъ минуту Флорида.

— Видите, какъ вы говорите то, что̀ у васъ на умѣ, и всегда такъ, всегда, всегда! Вы не могли бы отрицать, что вы хотѣли сначала разбудить ее, потому что истина—привычка всей вашей жизни. Знаете ли вы, что̀ такое имѣть привычкой всей своей жизни ложь? Это—быть священникомъ. Знаете ли вы, что̀ такое казаться не тѣмъ, что вы есть, говорить то, чего вы не думаете, дѣлать то, чего вы не хотите? То, во что вы вѣрите, оставлять невысказаннымъ, то, чего вы хотите—невыполненнымъ, то, что вы ест никому невѣдомымъ? Это—быть священникомъ!

онъ-Ипполито говорилъ по-итальянски, и онъ произнесъ эти сл , осторожно понизивъ голосъ, чтобы никто не могъ ихъ слыша , кромѣ дѣвушки, сидѣвшей передъ нимъ.

- Знаете ли вы, что̀ такое, когда наступаетъ моментъ, подобны настоящему, и у васъ является потребность ниспровергнуть

все зданіе неправды, облекавшей вашу жизнь? Знаете ли вы, что̀ такое удерживать ее въ себѣ настолько, насколько это нужно для того, чтобы безмолвно и сокровенно сбросить съ себя маску? Это—быть священникомъ!

Его голосъ утратилъ свою горячность и вся его осанка сдѣлалась странно-сдержанной и холодной. Тихая апатія, разлившаяся по его физіономіи, вмѣстѣ съ какимъ-то печальнымъ, безличнымъ удивленіемъ при видѣ разницы между его собственною долей и другою, болѣе счастливою, которой онъ противупоставлялъ свою, были трогательнѣе всякой трагической демонстраціи.

Словно чувствуя обаяніе пафоса, котораго она не могла анализировать вполнѣ, дѣвушка сидѣла въ молчаніи. Черезъ нѣсколько времени, въ теченіе котораго она, повидимому, старалась все это продумать, она спросила тихимъ, глубокимъ шепотомъ:

— Почему же, въ такомъ случаѣ, вы сдѣлались священникомъ?

— Это длинная исторія,—сказалъ донъ-Ипполито.—Я не стану докучать вамъ ею теперь. Когда-нибудь въ другой разъ.

— Нѣтъ, разскажите ее теперь же,—отвѣтила по-англійски Флорида.—Если вы такъ ненавидите призваніе священника, то я не понимаю, почему вы допустили себя сдѣлаться священникомъ. Мы были бы очень несчастны, если бы не могли уважать васъ,—не могли вамъ вѣрить, какъ уважали васъ и вѣрили вамъ до этого дня; а какъ же было бы это возможно, еслибъ мы знали, что вы не вѣрите самому себѣ въ вашемъ служеніи?

— *Madamigella*,—сказалъ священникъ,—я никогда не дерзалъ и помыслить, что я хоть сколько-нибудь необходимъ для вашего счастія. Такъ неужели это правда, что для васъ не безразлично, каковъ я на самомъ дѣлѣ, что васъ можетъ хоть сколько-нибудь огорчить что-либо дурное во мнѣ?

— Я едва понимаю, что̀ вы хотите сказать. Какъ можемъ мы не огорчаться тѣмъ, что̀ вы мнѣ сказали?

— Благодарю васъ; но почему же вамъ, протестанткѣ, не все равно, любитъ ли священникъ моей вѣры свое призваніе, или нѣтъ? Не потому ли, что вы жалѣете меня, какъ несчастнаго человѣка, не такъ ли?

— Да, но не только поэтому. Я не католичка, но христіанка какъ и вы...

Донъ-Ипполито незамѣтно повелъ плечами.

— И я не могу вынести мысли, что вы исполняете обязанности священника и, въ то же время, ненавидите свое служеніе... Это ужасно!

— Развѣ всѣ священники вашего исповѣданія истинно набожны?

— Конечно, не всѣ. Но развѣ у васъ такихъ вовсе нѣтъ?

— О, Боже сохрани меня сказать что-нибудь подобное! Я знаю между ними настоящихъ подвижниковъ. Мой другъ въ Падуѣ, о которомъ я вамъ какъ-то разсказывалъ, былъ однимъ изъ такихъ святыхъ и умеръ, какъ ангелъ, готовый войти во врата рая. И я думаю, что мой бѣдный дядя тоже святой въ своемъ родѣ.

— Вашъ дядя? Священникъ? Вы никогда не упоминали о немъ.

— Да, не упоминалъ,— сказалъ донъ-Ипполито. Послѣ небольшой паузы онъ вдругъ заговорилъ:—И въ каждомъ поколѣніи мы старались облагородить нашу кровь, посвятивъ церкви одного изъ членовъ нашего рода. Когда я былъ ребенкомъ, я обыкновенно забавлялся вырѣзываніемъ маленькихъ фигурокъ изъ дерева и изъ картона и снятіемъ грубыхъ копій съ картинъ, которыя видѣлъ въ церкви. Мы жили въ томъ же домѣ, гдѣ я живу теперь и гдѣ я родился, и моя мать позволяла мнѣ играть въ маленькой комнатѣ, гдѣ теперь помѣщается моя кузница; встарину это была оратоpія знатной семьи, занимавшей весь дворецъ. Я устроилъ на одномъ концѣ ея алтарь, повѣсилъ на стѣны свои картины, разставилъ своихъ маріонетокъ на полу рядами, на подобіе молящихся, и съ утра до вечера служилъ обѣдню и проповѣдовалъ имъ. Моя мать была вдова. Она со слезами на глазахъ смотрѣла на мои игры. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день она привела моего дядю, чтобъ онъ взглянулъ на меня; я помню все это гораздо отчетливѣе, чѣмъ то, что было вчера. «Развѣ это не Господня воля?»—спросила она. Дядя позвалъ меня къ себѣ и спросилъ меня, хочу ли я быть настоящимъ священникомъ, когда выросту. «А можно мнѣ будетъ тогда дѣлать столько куколокъ, сколько мнѣ захочется, писать картины, вырѣзать изъ дерева такой же алтарь, какой я видѣлъ въ вашей церкви?»—спросилъ я. Дядя отвѣтилъ, что тогда нередо мной будутъ живые мужчины и женщины, которымъ я буду говорить проповѣди, какъ онъ теперь ихъ произноситъ; вѣдь, это же будетъ гораздо лучше? Въ глубинѣ сердца я думалъ иначе, потому что эта сторона священническаго служенія не интересовала меня; я любилъ говорить проповѣди моимъ маріонет[ам]ъ только потому, что эти слушатели были произведеніемъ мои[х] рукъ. Но я сказалъ: «Ахъ, конечно!»—какъ всегда говорят[ь] дѣти. Я продолжалъ дѣлать самъ игрушки, которыми игралъ, и п[ри]выкъ мало-по-малу къ толкамъ моихъ товарищей и нашихъ сос[ѣ]дей о томъ, что я буду священникомъ; я не могу припомнить

никакого другого разговора съ моею матерью, и не знаю, какъ и когда рѣшился этотъ вопросъ. Всякій разъ, какъ я думалъ объ этомъ, я говорилъ себѣ: «Что-жь, это будетъ прекрасно! Священники трудятся очень мало, а своими обѣднями зарабатываютъ кучу денегъ, и мнѣ можно будетъ заниматься, чѣмъ мнѣ угодно». Въ то время я смотрѣлъ на званіе священника единственно какъ на средство удовлетворить страсть къ изобрѣтеніямъ и ко всякимъ остроумнымъ и замысловатымъ машинамъ, страсть, съ самыхъ малыхъ лѣтъ наполнявшую мою душу. Мои склонности были чистомірскія, но я такъ же неизбѣжно становился священникомъ, какъ еслибъ родился съ тѣмъ, чтобъ имъ быть.

— Но, вѣдь, васъ не принуждали? На васъ не оказывали гнета?

— Нѣтъ, но, поскольку это касалось моихъ близкихъ, у нихъ просто было отсутствіе всякаго иного представленія. Я думаю, что они относились ко мнѣ справедливо и ужь безъ всякаго сомнѣнія были добры ко мнѣ. Я подросталъ, и наступало время, когда я долженъ былъ начать учиться. Благодаря вліянію моего дяди, меня приняли въ семинарію *della Salute*, и тамъ я постарался вознаградить его заботы обо мнѣ крайнимъ прилежаніемъ. Но я любилъ не богословскія занятія, а математику и ея практическія примѣненія, а изъ классиковъ я предпочиталъ поэтовъ и историковъ. Да, я вижу теперь, что мой умъ былъ всегда направленъ на мірское, и нѣкоторыя изъ тѣхъ лицъ, на попеченіи которыхъ я находился, сразу угадали это. Насъ водили иногда гулять,—вамъ, вѣроятно, случалось видѣть маленькихъ человѣчковъ въ рясахъ, которыя они надѣваютъ при поступленіи въ школу, и во главѣ ихъ шеренги нѣсколько молодыхъ священниковъ,—и однажды, чтобы сдѣлать намъ особенное удовольствіе, насъ повели въ арсеналъ и показали намъ верфи и музей. Вы знаете, сколько тамъ интересныхъ предметовъ: знамена и ружья, захваченныя въ плѣнъ у турокъ; странное оружіе всякихъ образцовъ, знаменитые доспѣхи. Я возвратился оттуда, точно обезумѣвшій. Я плакалъ, покидая это мѣсто. Но я приложилъ всѣ свои старанія, къ тому, чтобы вырѣзать изъ дерева снарядъ, мысль о которомъ навѣяла на меня модель одной изъ древнихъ галеръ. На слѣдъ моего изобрѣтенія напали,—въ подобной школѣ нельзя ничего утаить, что не замкнуто въ вашей груди,—и вмѣстѣ съ моимъ снарядомъ меня повели къ нашему начальнику. Онъ участливо, но серьезно взглянулъ на меня. «Сынъ мой,— сказалъ онъ,— желаешь ты быть священникомъ?»—«Конечно, желаю, ваше преподобіе,—отвѣтилъ я въ тревогѣ,—почему же нѣтъ?»—«Потому, что эти вещи не

для священниковъ. Поразмысли самъ объ этомъ, сынъ мой, пока еще есть время»,—сказалъ онъ и обратился ко мнѣ съ длинною и строгою рѣчью о жизни, въ которую мнѣ предстояло вступить. Онъ былъ человѣкъ справедливый, добросовѣстный и сердитый, но каждое его слово жгло, какъ огонь, мое сердце. Когда онъ кончилъ, то взялъ мою бѣдную игрушку и бросилъ ее въ горящіе уголья своего *scaldino* *). *Scaldino* отъ этого задымилось и онъ велѣлъ мнѣ вынести его и опять углубился въ свою книгу.

Моей матери въ это время уже не было на свѣтѣ, но еслибъ она и была жива, я едва ли могъ бы пойти къ ней. «Эти вещи не для священниковъ»,—раздавалось днемъ и ночью въ моемъ мозгу. Я былъ въ отчаяніи, неистовое желаніе повидаться съ дядей охватило меня. Я излилъ передъ нимъ свое сердце и попытался сдѣлать понятными ему иллюзіи и тщетныя надежды, составлявшія атмосферу моей жизни. Онъ холодно отнесся къ моей скорби и къ упрекамъ, которыхъ я для него не щадилъ; онъ совѣтовалъ мнѣ смотрѣть на мои склонности какъ на искушенія, которыя я долженъ преодолѣть для блага моей души и во славу имени Божія. Онъ предостерегалъ меня отъ соблазна—сойти теперь съ намѣченной для меня стези. Я сказалъ ему, что никогда не буду священникомъ. «Куда же ты дѣнешься?»—спросилъ онъ. Увы! Куда мнѣ было дѣваться? Я возвратился въ свою темницу и въ надлежащій срокъ сдѣлался священникомъ.

Не было недостатка въ предостереженіяхъ, прежде чѣмъ я былъ посвященъ въ одинъ духовный чинъ за другимъ, но слова дяди: «Куда же ты дѣнешься?»—дѣлали меня глухимъ къ этимъ увѣщаніямъ. Все это теперь миновало. Я не чувствую больше ни злобы, ни ненависти; я какъ будто утратилъ способность ощущать ихъ; но то были дни, когда душа моя была преисполнена горечи. Нѣкоторые признаки чувствъ, таившихся во мнѣ, должны были быть замѣчены лицами, подъ вѣдѣніемъ которыхъ я находился. Я слышалъ, что одно время они питали серьезныя сомнѣнія насчетъ того, слѣдуетъ ли допустить меня къ посвященію въ духовный санъ. Меня подвергнули очень строгому экзамену, среди котораго мнѣ представили съ величайшею наглядностью всѣ трудности священнической жизни; я самъ не знаю, какъ выдержалъ его; вѣроятно, мнѣ оказали снисхожденіе изъ вниманія къ моему дядѣ. Слѣдующіе десять дней я провелъ въ монастырѣ, предаваясь размышленіямъ о шагѣ, который долженъ былъ пред-

*) Scaldino—грѣлка.

принять. Бѣдный, безпомощный, сиротливый несчастливецъ! *Madamigella*, даже теперь я не думаю, чтобъ былъ достоинъ порицанія за то, что выступилъ передъ алтаремъ и принялъ сначала первый, а современемъ второй и третій духовный чинъ. Я сдѣлался священникомъ, но въ глубинѣ сердца былъ имъ столько же, сколько венеціанскіе рекруты, которыхъ, помните, увезли на прошлой недѣлѣ, считаютъ себя въ душѣ австрійскими солдатами. Я былъ связанъ, какъ и они, неумолимымъ и неизбѣжнымъ закономъ. Вы спрашивали меня, почему я сдѣлался священникомъ. Быть можетъ, я не сказалъ вамъ *почему*, но сказалъ вамъ *какъ*,—я очертилъ передъ вами незначительныя внѣшнія событія, а не процессы моего ума—и это все, что я могу сдѣлать. Если вина была моя, то я и пострадалъ за нее. Если-жь она была не моя, то я, все-таки, пострадалъ за нее. Точно какое-то проклятіе тяготѣло надъ всѣмъ, за что я ни принимался. Моя работа,—о, я отлично это знаю!—она заклеймена ничтожностью, мои труды—все это жалкія неудачи или презрѣнные успѣхи. Я лелѣялъ безкорыстныя мечты осчастливить человѣчество какимъ-нибудь великимъ открытіемъ или изобрѣтеніемъ, но моя жизнь была безплодна, безплодна, безплодна, и еслибъ не доброе участіе, которое я встрѣтилъ въ этомъ домѣ и которое не допускаетъ меня до отчаянія, она была бы теперь лишена всякой надежды.

Онъ умолкъ, и дѣвушка, внимавшая ему съ видомъ скорбнаго состраданія, преобразившимъ ея горделивый взоръ, испустила протяжный вздохъ, когда прервалась его рѣчь.

— О, мнѣ жаль васъ, — сказала она,— такъ жаль, что я не умѣю даже выразить. Но вы не должны терять мужества, не должны отрекаться отъ своихъ стремленій.

Донъ-Ипполито продолжалъ съ меланхолическою улыбкой:

— Безъ сомнѣнія, существуетъ достаточно соблазновъ, могущихъ сдѣлать человѣка лживымъ даже въ самыхъ лучшихъ условіяхъ въ этомъ мірѣ. Но что-то,—я самъ не знаю, что или кто,—быть можетъ, мой дядя и моя мать, столь же неповинны въ этомъ, какъ я, такъ какъ они были лишь таковы, какими ихъ создало прошлое,—что-то заставило меня начать жизнь съ неправды; развѣ вы этого не видите?

— Да, да,—какъ бы противъ воли отвѣтила дѣвушка.

— Быть можетъ... кто знаетъ?... быть можетъ, поэтому ничего хорошаго и не вышло изъ меня и никогда не выйдетъ. Набожность и извѣстность моего дяди всегда оказывали мнѣ суще-

ственную помощь. Онъ главный священникъ той церкви, при которой я состою, и безконечно терпѣливъ со мною. Мое честолюбіе и неудачныя мои попытки въ смыслѣ изобрѣтеній приводятъ его въ негодованіе, ибо онъ изъ числа священниковъ, подобныхъ святому отцу, которые вѣрятъ, что все несчастіе современнаго міра произошло отъ затѣй науки; мое равнодушіе ко всему, что касается религіи, ужасаетъ и огорчаетъ его, и онъ старается его побѣдить молитвами и эпитиміями. Онъ умерщвляетъ свою плоть голодомъ и холодомъ, доводитъ себя до полнаго изнеможенія ради того, чтобы Богъ смиловался надо мною и обратилъ мое сердце къ тому, на что устремлено его. Онъ любитъ мою душу, а не меня, и мы едва ли можемъ назваться друзьями.

Флорида не спускала съ него сострадательнаго взора.

— Это такъ странно,—пролепетала она,—это такъ похоже на сонъ, что вы *мнѣ* это говорите, донъ-Ипполито, и я не знаю, зачѣмъ только я вздумала спрашивать васъ.

Жалость, наполнявшая это дѣвственное сердце, была, очевидно, очень сладка человѣку, на котораго она изливалась. Его глаза выражали поклоненіе Флоридѣ, когда онъ благоговѣйно отвѣтилъ ей:

— Предъ лицомъ истины, обитающей въ васъ, я обязанъ былъ явиться въ вашихъ глазахъ тѣмъ, что я есть на самомъ дѣлѣ.

— Ахъ, мнѣ, право, совѣстно слушать васъ!—воскликнула она, съ румянцемъ на щекахъ. — Я поступила эгоистично, заставивъ васъ говорить. А теперь, послѣ того, что̀ вы мнѣ сказали, я не знаю, какъ утѣшить, какъ ободрить васъ, потому что такъ безпомощна и окутана такимъ мракомъ невѣдѣнія. Но, навѣрное, вы можете такъ или иначе помочь себѣ. Неужели мужчины, на видъ такіе сильные и умные, оказываются, въ концѣ-концовъ, точь-въ-точь такими же безсильными, какъ женщины, разъ дѣло доходитъ до истиннаго горя? Неужели мужчина...

— Я не могу на это отвѣтить. Я только священникъ,—холодно сказалъ донъ-Ипполито, опуская глаза на рясу, складки которой лежали на немъ, точно полы женскаго платья.

— Да, но священникъ долженъ бы быть мужчиною,—онъ болѣе, [illegible]мъ кто другой: священникъ...

Д[illegible]ъ-Ипполито пожалъ плечами.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула дѣвушка.—Всѣ ваши собствен[illegible] [illegible]ны потерпѣли крушеніе, говорите вы; такъ почему же вы не [illegible]олумаете сдѣлаться священникомъ въ истинномъ смыслѣ

слова и воспользоваться всѣмъ, что есть цѣннаго для человѣка въ подобномъ призваніи? Странно, конечно, что *я* рѣшаюсь сказать вамъ такую вещь,—я, протестантка,—и не только странно, но, вѣроятно, самонадѣянно и смѣшно, но наши пути такъ различны...

Она остановилась, сильно покраснѣла, затѣмъ овладѣла собой и прибавила съ серьезнымъ спокойствіемъ:

— Еслибъ вы помолились...

— Чему, *madamigella*?— печально спросилъ священникъ.

— Чему?— отозвалась Флорида, устремивъ на него широко-раскрытые глаза.— Конечно, Богу!

Донъ-Ипполито не далъ ей отвѣта. Онъ такъ низко склонилъ голову на грудь, что дѣвушка могла видѣть его священническую тонзуру.

— Извините меня,—сказала она и опять покраснѣла.— Я не хотѣла оскорбить ваши чувства католика. Я была очень смѣла и назойлива. Я должна была бы вспомнить, что члены вашей церкви имѣютъ иныя вѣрованія... что святые...

Донъ-Ипполито взглянулъ на нее съ задумчивою ироніей.

— О, бѣдные святые!

— Я не понимаю васъ,—сказала Флорида чрезвычайно серьезнымъ тономъ.

— Я хочу сказать, что столько же вѣрю въ святыхъ, какъ и вы.

— Но вы вѣрите въ свою церковь?

— У меня нѣтъ церкви.

Наступило молчаніе, во время котораго донъ-Ипполито снова опустилъ голову на грудь. Флорида въ своемъ воодушевленіи наклонилась впередъ и пролепетала:

— Вы вѣрите въ Бога?

Священникъ поднялъ глаза и съ мольбою взглянулъ на нее.

— Не знаю,—прошепталъ онъ.

Она встрѣтила его взглядъ выраженіемъ нѣмого испуга. Наконецъ, она заговорила:

— Вѣдь, вамъ случается совершать крещеніе надъ младенцами и принимать ихъ въ лоно церкви во имя Господа Бога?

— Да.

— Жалкія созданія являются къ вамъ исповѣдать свои грѣхи, и вы имъ ихъ отпускаете или назначаете имъ эпитимію?

— Да.

— А когда люди находятся на краю гроба, вамъ приходится

стоять у ихъ смертнаго одра и расточать имъ послѣднія утѣшенія религіи?

— Это правда.

— О!— простонала дѣвушка, устремивъ на донъ-Ипполито долгій взглядъ недоумѣнія и укоризны, на который его глаза отвѣтили безмолвною тоской.

— Это ужасно, *madamigella!* — сказалъ онъ, вставая.— Я это знаю. Я радъ былъ бы жить чистосердечно, мнѣ думается, что я и въ самомъ дѣлѣ былъ созданъ для того, но теперь вы видите, какую черную, какую смертоносную ложь представляетъ моя жизнь. Вѣдь, она хуже, чѣмъ вы могли себѣ представить, не такъ ли? Хуже, чѣмъ жизнь самаго закоренѣлаго ханжи, потому что онъ вѣритъ въ самого себя, по крайней мѣрѣ.

— Хуже, гораздо хуже!

— Но, по крайней мѣрѣ, дорогая *madamigella*,—продолжалъ онъ жалобнымъ тономъ,—повѣрьте, что во мнѣ осталось еще настолько благородства, что я чувствую къ себѣ омерзѣніе. Это немного, это очень, очень мало, на это, все-таки, что-нибудь значитъ. Не осуждайте меня безповоротно.

— Осуждать васъ? О, я всѣмъ своимъ сердцемъ жалѣю васъ! Но, только, зачѣмъ вы считаете нужнымъ говорить мнѣ все это? Нѣтъ, нѣтъ, это не ваша вина. Я заставила васъ говорить, я причина тому, что вы не пощадили себя предо мною.

— Ахъ нѣтъ, дорогая *madamigella!* Еслибъ я и могъ, я ничего не взялъ бы назадъ изъ своихъ признаній, развѣ для того только, чтобы снять съ вашего сердца огорченіе, которое я вамъ доставилъ. Мнѣ было скорѣе отрадно, чѣмъ стыдно, раскрыть вамъ все это, и еслибъ даже вы стали меня презирать...

— Я не презираю васъ; какъ смѣла бы я васъ презирать? Но, Боже мой, какъ я желала бы помочь вамъ!

Донъ-Ипполито покачалъ головой.

— Вы не можете помочь мнѣ, но я благодарю васъ за ваше состраданіе; я никогда не забуду его!—и онъ нерѣшительно остановился со шляпою въ рукѣ. — Желаете вы продолжать чтеніе, *madamigella?*

— Нѣтъ, мы больше не будемъ читать сегодня,—отвѣтила она.

— Такъ я не стану долѣе безпокоить васъ, *madamigella*,— сказалъ онъ и, послѣ минутнаго колебанія, печально поклонился и ушелъ.

Она машинально послѣдовала за нимъ до двери, съ легкими же-

стами и движеніями, выражавшими желаніе его удержать, однако, дала ему уйти и, вернувшись къ фортепіано, безшумно опустила руки на клавиши.

XI.

На другое утро донъ-Ипполито не явился, но послѣ полудня почтальонъ принесъ его письмо на имя миссисъ Вервэнъ, написанное англійскимъ языкомъ и просившее освободить его отъ уроковъ до дня, слѣдующаго за праздникомъ Тѣла Господня, такъ какъ до этого времени онъ будетъ слишкомъ занятъ, чтобъ имѣть возможность продолжать свои обычныя занятія съ миссъ Вервэнъ.

Это письмо напомнило миссисъ Вервэнъ, что онѣ уже три дня не видали мистера Ферриса, и она послала просить его къ обѣду. Но онъ отвѣтилъ на это извиненіемъ и, несмотря на просьбы миссисъ Вервэнъ, не пришелъ и завтракать на слѣдующее утро. Онъ находился въ открытомъ возстаніи. Миссисъ Вервэнъ сѣла въ гондолу, велѣла подвезти себя къ консульскому подъѣзду и послала наверхъ гондольера со вторичнымъ приглашеніемъ къ обѣду.

Художникъ появился на балконѣ въ полотняной блузѣ, которую носилъ за работой, и съ минуту хмуро и не говоря ни слова поглядѣлъ на улыбающееся лицо миссисъ Вервэнъ.

— Я приду,—угрюмо сказалъ онъ потомъ.

— Такъ поѣдемте со мной,—отвѣтила миссисъ Вервэнъ.

— Мнѣ придется заставить васъ ждать.

— Мнѣ это все равно. Вы будете готовы въ какихъ-нибудь пять минутъ.

Флорида встрѣтила живописца такъ привѣтливо, что онъ вдругъ почувствовалъ, какимъ глупымъ, не имѣвшимъ ровно никакого основанія капризомъ было его неудовольствіе противъ нея. Онъ постарался снова вызвать въ себѣ поблѣднѣвшее чувство обиды, но, кромѣ раскаянія, ничего не могъ найти въ своей душѣ. Смущенное смиреніе, съ которымъ держала себя дѣвушка, придало ей новое обаяніе въ его глазахъ.

Обѣдъ былъ превосходный, какъ всѣ обѣды миссисъ Вервэнъ, и въ честь художника было подано одно изъ его любимыхъ блюдъ.

— Что это значитъ, миссисъ Вервэнъ? — спросилъ онъ при видѣ его.—Вамъ нечего притворяться, будто вы даромъ такъ угощаете меня. Вамъ что-нибудь нужно?

— Намъ нужно только одно, чтобъ вы не забывали вашихъ друзей. Мы были совершенно одиноки въ продолженіе трехъ или

четырехъ дней. Донъ-Ипполито тоже не былъ у насъ, но у *него* есть на это оправданіе: онъ долженъ готовиться къ празднику Тѣла Господня. Онъ будетъ участвовать въ процессіи.

— Съ чѣмъ же онъ выступитъ въ ней, съ своею метательною машиной или складнымъ обѣденнымъ столомъ, или автоматическою камерой?

— Какъ вамъ не стыдно!—вскричала миссисъ Вервэнъ съ тысячью упрековъ въ своемъ взглядѣ. Лицо Флориды омрачилось, и Феррисъ поспѣшилъ сказать, что онъ не зналъ, что эти изобрѣтенія священны, и вовсе не хотѣлъ богохульствовать по ихъ поводу.

— Вы отлично знаете, что̀ у меня было на умѣ,— отвѣтила миссисъ Вервэнъ,— Ну, а теперь мы хотимъ васъ просить достать намъ окно, откуда мы могли бы видѣть процессію.

— О, такъ вы *этого* хотите, да? Я думалъ, вы хотите только, чтобъ я не забывалъ своихъ друзей.

— А развѣ-жь вы называете это забывать ихъ?

— Миссисъ Вервэнъ, миссисъ Вервэнъ, какой вы тонкій политикъ! Вы, можетъ быть, еще чего-нибудь желаете? Чтобъ я отправился съ вами смотрѣть процессію, напримѣръ?

— Мы не настаиваемъ. Вы можете проводить насъ до окна и тамъ насъ оставить, если вамъ угодно.

— Такого милосердія я ужь никакъ не ожидалъ,— отвѣчалъ Феррисъ.—Я, право, недостоинъ его.

Онъ продолжалъ говорить въ шутливомъ тонѣ, вошедшемъ въ привычку между нимъ и миссисъ Вервэнъ, какъ вдругъ Флорида заявила протестъ:

— Мама, мнѣ кажется, мы злоупотребляемъ добротою мистера Феррисa.

— Я знаю это, душа моя, я знаю это,—весело согласилась съ ней миссисъ Вервэнъ.—Это прямо-таки возмутительно. Но что же намъ дѣлать? Мы должны злоупотреблять чьею-нибудь добротой.

— Останемся лучше дома. Мнѣ бы не хотѣлось идти,—съ трепетомъ въ голосѣ сказала дѣвушка.

— Что это, что это, миссъ Вервэнъ?— серьезно вмѣшался Феррисъ.—Мнѣ очень жаль, если вы не поняли моей шутки. Я никогда еще не видалъ этой процессіи во всѣхъ ея деталяхъ, и мнѣ было бы очень пріятно посмотрѣть ее вмѣстѣ съ вами.

О[illegible]ъ не могъ сказать, благодарна ли она ему за его слова, или раздосадована ими. Она какъ бы намѣренно ничего больше не сказала, но ея мать принялась разговаривать на эту тему и долго об[illegible]ее, развивая всѣ подробности того, какъ они сойдутся и

отправятся вмѣстѣ. Феррисъ былъ слегка обиженъ и началъ удивляться, почему миссъ Вервэнъ не остается дома, если не желаетъ идти. Правда, она всюду сопровождала мать, но при свойственной ей пылкой покорности странно было, что она рѣшилась сказать что-нибудь наперекоръ желанію или плану своей матери.

Послѣ обѣда миссисъ Вервэнъ, не стѣсняясь присутствіемъ Ферриса, удалилась, чтобъ немножко вздремнуть, а Флорида какъ будто поспѣшила взять въ руки работу и сѣла съ видомъ женщины, желающей удержать своего гостя. Не такой былъ стоикъ Феррисъ, чтобъ не почувствовать себя смутно польщеннымъ, но онъ въ слишкомъ сильной степени былъ мужчина, чтобы понять вполнѣ, какимъ большимъ шагомъ на встрѣчу ему это должно было казаться.

— Я думаю, мы увидимъ большинство венеціанскихъ священниковъ въ завтрашней процессіи,— сказала она.— Помните, какъ вы недавно разговаривали со мной о католическихъ патерахъ, мистеръ Феррисъ?

— Да, отлично помню. Мнѣ кажется, я хватилъ черезъ край, и послѣ того я не могъ найти иного мотива къ моему поведенію, кромѣ желанія досадить донъ-Ипполито.

— Я никогда не думала этого,— серьезно отвѣчала Флорида.— То, что вы сказали, было, вѣдь, только правда, да?

— Да, это была и правда, и неправда, какъ почти все, что говорится людьми. Правда, что среди итальянцевъ господствуетъ великое недовѣріе къ патерамъ. Молодежь ихъ ненавидитъ или думаетъ, что ихъ ненавидитъ, или, наконецъ, говоритъ, что ихъ ненавидитъ. Бо̀льшая часть образованныхъ людей средняго возраста — матеріалисты, и, разумѣется, они непріязненно настроены противъ священниковъ. Есть даже женщины, относящіяся скептически къ религіи. Но я подозрѣваю, что большинство тѣхъ, кто всего громче говоритъ противъ священниковъ, на самомъ дѣлѣ подчинено имъ. Примите въ разсчетъ, какъ тѣсно связаны они со всякою семьей въ самыхъ торжественныхъ житейскихъ отношеніяхъ.

— Вы думаете, священники вообще дурные люди? — робко спросила молодая дѣвушка.

— Нѣтъ, право, я не думаю этого. Я не понимаю, какъ могли бы идти міръ своимъ порядкомъ, еслибъ это такъ было. Въ нихъ долженъ быть большой запасъ искренности и доброты, если уже говорить всю правду. Мнѣ кажется, что въ худшемъ случаѣ они— люди профессіи, бѣдняки, посвятившіе себя служенію церкви ради насущнаго хлѣба. Вы знаете, что сыновья благородныхъ семей и

слишкомъ часто принимаютъ посвященіе въ духовный санъ, священники по большей части бываютъ скромнаго происхожденія; это не значитъ, что вслѣдствіе того они непремѣнно должны быть хуже другихъ; патриціи бывали обыкновенно такіе же дурные люди, какъ они, въ другомъ только смыслѣ.

— Хотѣлось бы мнѣ знать,— сказала Флорида, склонивъ голову на бокъ и разсматривая шовъ,— почему для насъ въ представленіи о католическомъ священникѣ всегда кроется нѣчто ужасное?

— Они, дѣйствительно, кажутся намъ, протестантамъ, какими-то чуждыми созданіями. Не знаю, такое же ли впечатлѣніе, или нѣтъ производятъ они на католиковъ. Но мы чувствуемъ отвращеніе ко всѣмъ обреченнымъ людямъ, не правда ли? А католическій священникъ — это, вѣдь, человѣкъ, которому вынесенъ смертный приговоръ относительно естественныхъ узъ между нимъ и человѣческимъ родомъ. Онъ умеръ для насъ. Это и дѣлаетъ его ужаснымъ. Призракъ нашего самаго дорогого друга, нашего отца или матери, былъ бы страшенъ для насъ. А, между тѣмъ,— задумчиво прибавилъ Феррисъ,— въ монахинѣ нѣтъ ничего страшнаго.

— Вы правы,— отвѣтила дѣвушка,— но это потому, что жизнь женщины даже въ мірѣ является постояннымъ отреченіемъ. Да, въ монахинѣ нѣтъ ничего неестественнаго, а въ католическомъ священникѣ есть.

Нѣкоторое время она оставалась безмолвной, и иголка быстро сверкала въ ея пальцахъ. Потомъ она внезапно уронила работу на колѣни и, сжавъ ее обѣими руками, спросила Ферриса:

— Какъ вы думаете, случается иногда священникамъ питать сомнѣнія въ вопросахъ религіи?

— Я полагаю, что случается. Вы знаете, что въ лучшіе дни церкви скептицизмъ былъ даже въ модѣ. У меня часто являлось желаніе позондировать на этотъ счетъ нашего друга, донъ-Ипполито, но я не зналъ, какъ къ этому приступить.—Феррисъ не замѣтилъ быстрой перемѣны, мелькнувшей въ лицѣ Флориды, и продолжалъ:—Наше знакомство не сдѣлалось такъ интимно, какъ я на то надѣялся вначалѣ. Но съ итальянцами можно дойти только до извѣстнаго пункта. Они любятъ встрѣчать васъ на улицѣ; можетъ быть, они не знаютъ бесѣды у комелька.

— Да, это должно случаться порой, какъ вы говорите, — съ нервнымъ вздохомъ сказала Флорида, возвращаясь къ первой половинѣ отвѣта Ферриса.—Но развѣ лживый патеръ хуже лицемѣрнаго протестантскаго пастора?

— И тотъ, и другой, конечно, достоинъ осужденія. Но патеръ, все-таки, въ большей мѣрѣ заслуживаетъ его. Вы понимаете, миссъ Вервэнъ, что пасторъ протестантской церкви не присвоиваетъ себѣ такихъ правъ. Онъ не беретъ на себя власть отпускать намъ наши грѣхи и не требуетъ, чтобъ мы ихъ исповѣдали ему; онъ не присягаетъ на вѣрность видимому и осязаемому намѣстнику Христа на землѣ. Протестантскій пасторъ-лицемѣръ можетъ быть нелѣпымъ, но патеръ-скептикъ трагиченъ.

— Да, да, я понимаю,—прошептала дѣвушка съ огорченнымъ лицомъ.—Но всегда ли заслуживаютъ они за это порицанія? Вѣдь, иногда ихъ убѣждаютъ посвятить себя служенію церкви, прежде чѣмъ они успѣли серьезно обдумать этотъ шагъ, а потомъ они не знаютъ, какъ сойти имъ со стези, съ дѣтства намѣченной для нихъ. Неужели вы думаете, что такой священникъ заслуживаетъ порицанія за то, что онъ скептикъ? — спросила она необыкновенно серьезно.

— Нѣтъ, — сказалъ Феррисъ, улыбаясь ея серьезности, — я подумалъ бы скорѣе, что такой скептикъ заслуживаетъ порицанія за то, что онъ священникъ.

— Развѣ вамъ не было бы очень жаль его?—продолжала Флорида еще болѣе торжественнымъ тономъ.

— Было бы жаль, еслибъ онъ былъ мнѣ симпатиченъ. Въ противномъ случаѣ боюсь, что мнѣ не было бы жаль его, — сказалъ Феррисъ, но тотчасъ же увидѣлъ, что его легкомысленный отвѣтъ покоробилъ Флориду.—Послушайте, миссъ Вервэнъ, вѣдь, не станете же вы смотрѣть на жирныхъ монаховъ и сытыхъ патеровъ въ завтрашней процессіи, какъ на рядъ олицетворенныхъ трагедій. Вы испортите мнѣ тогда все удовольствіе. Я заранѣе увѣренъ, что, сколько ихъ ни есть, всѣ они—набожные вѣрующіе, признающіе все рѣшительно.

— Еслибъ *вы* были такого рода священникомъ, — настаивала дѣвушка, не обращая вниманія на его шутки,—что сдѣлали бы вы тогда?

— Честное слово, самъ не знаю. Я не могу себѣ этого даже представить. Подумайте только,—продолжалъ онъ,—какимъ безпомощнымъ созданіемъ является католическій священникъ во всемъ, лежащемъ внѣ его священнической сферы, болѣе безпомощнымъ, чѣмъ даже женщина! Единственное, что онъ могъ бы сдѣлать, это отрѣшиться отъ церкви, а какъ могъ бы онъ это сдѣлать? Онъ *въ* мірѣ, но не *отъ* міра, и я не въ силахъ понять, какъ могъ бы онъ поладить съ міромъ или міръ съ нимъ. Еслибъ итальянскій

священникъ счелъ своимъ долгомъ оставить церковь, даже люди, теперь питающіе къ нему недовѣріе, стали бы еще сильнѣе его презирать. Знаете ли, что у нихъ существуетъ милая мода называть обратившихся въ протестантство вѣроотступниками? Первымъ результатомъ отрѣшенія священника отъ церкви было бы изгнаніе. Но во *мнѣ* никакъ нельзя предположить такого священника, какого вы подразумѣваете, и я не думаю, чтобы какъ разъ такой священникъ былъ возможенъ въ дѣйствительности. Мнѣ кажется, еслибъ католическій священникъ увидѣлъ себя быстро идущимъ по пути къ сомнѣнію, онъ постарался бы обходить эту непріятную тему, а еслибъ ему это не удалось, то ухитрился бы какъ-нибудь побѣдить ее философскими умствованіями и не далъ бы своему скептицизму мучить его.

— Вы думаете, слѣдовательно, что у нихъ нѣтъ совѣсти, какъ у насъ?

— Нѣтъ, совѣсть у нихъ есть, но только не такая, какъ у насъ. Въ итальянцахъ больше доброты, чѣмъ въ американцахъ, но они не такъ справедливы, и я сказалъ бы, что они не считаютъ истину высшимъ благомъ жизни. Они думаютъ, что есть болѣе пріятныя и болѣе цѣнныя вещи. Быть можетъ, они правы.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы этому не вѣрите, вы сами знаете, что не вѣрите,—тревожно произнесла Флорида.—И, потомъ, вы не отвѣтили на мой вопросъ.

— Какъ не отвѣтилъ? Я сказалъ вамъ, что это случай, котораго нельзя вообразить.

— Но предположите, что онъ возможенъ въ дѣйствительности.

Феррисъ усмѣхнулся.

— Ну-съ, разъ вы заставляете меня непремѣнно отвѣтить вамъ, то, при моемъ несчастномъ воспитаніи, я не могъ бы сказать на это ничего другаго, какъ то, что подобный человѣкъ долженъ былъ бы, несмотря ни на что, совлечь съ себя священническій санъ. Онъ долженъ былъ бы перестать быть священникомъ, рискуя потерять вслѣдствіе этого родныхъ, друзей, доброе имя, родину, все на свѣтѣ. Я не могу постигнуть, какъ можно жить въ такой лжи, хотя и знаю, что есть люди, живущіе въ ней. Даже здравый разсудокъ говоритъ, что это должно разъѣдать душу человѣка и мало-по-малу сдѣлать его совершенно неспособнымъ къ добру. Но, повидимому, есть нѣчто, я не знаю собственно что, стоящее выше нашего разсудка, нѣчто спасающее каждаго изъ насъ для блага, вопреки злу, обрѣтающееся въ насъ. Для человѣка, желающаго быть скромнымъ, хоро-

шая практика—поселиться въ латинской странѣ. Онъ пріучается смотрѣть недовѣрчиво на свои высокія добродѣтели и быть снисходительнымъ къ новымъ комбинаціямъ добра и зла, которыя видитъ кругомъ. Но что касается нашего не существующаго въ дѣйствительности патера,—да, я сказалъ бы рѣшительно, что онъ во что бы то ни стало долженъ былъ бы покинуть церковь.

Флорида откинулась на спинку кресла съ видомъ такого облегченія, какое мы чувствуемъ, когда намъ подтвердили какой-нибудь важный для насъ пунктъ. Она провела рукою по работѣ, лежавшей у нея на колѣняхъ, но ничего не сказала.

Феррисъ сталъ говорить дальше, бросивъ предварительно на нее нерѣшительный взглядъ, такъ какъ съ того дня на Брентѣ онъ остерегался произносить имя донъ-Ипполито и не зналъ, какое дѣйствіе на миссъ Вервэнъ окажетъ упоминаніе о немъ въ этой бесѣдѣ.

— Я часто задумывался надъ тѣмъ, не шатокъ ли немножко въ своей вѣрѣ нашъ пріятель, донъ-Ипполито? Я не думаю, чтобы природа предназначила ему быть священникомъ. Онъ всегда производитъ на меня впечатлѣніе чрезвычайно мірской натуры. Я сомнѣваюсь, чтобъ онъ когда-либо честно и прямо поставилъ себѣ вопросъ, дѣйствительно ли онъ то, за что онъ выдаетъ себя,—онъ такой наивный фантазеръ!

Флорида слегка измѣнила позу и опустила глаза на шитье.

— Но развѣ вы не возненавидѣли бы его, еслибъ онъ былъ священникомъ-скептикомъ?—спросила она.

Феррисъ пожалъ плечами.

— О, я нахожу, что ненавидѣть людей вовсе не такая легкая штука! А, вѣдь, интересно было бы посмотрѣть,—задумчиво продолжалъ онъ,—какъ подобный мечтатель, проснувшись въ одинъ прекрасный день, очутился бы внезапно лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что было для него воплощенною правдивостью, и невольно сопоставилъ бы себя со своимъ идеаломъ. Но это было бы немножко жестоко.

— Вы предпочли бы оставить его такимъ, какъ онъ есть?—спросила Флорида, поднявъ на него глаза.

— Какъ моралистъ, нѣтъ; но какъ гуманистъ, да, миссъ Вервэнъ. Онъ былъ бы гораздо счастливѣе, еслибъ остался такимъ, какъ онъ есть.

— Въ которомъ часу придете вы завтра за нами?—спросила дѣвушка тономъ принятаго рѣшенія.

— Намъ надо быть на Піаццѣ къ девяти часамъ, — отвѣтилъ Феррисъ, безъ затрудненія переходя къ новой темѣ, и затѣмъ раз-

сказалъ о своемъ планѣ смотрѣть процессію изъ окна Старой Прокураціи.

Когда онъ собрался уходить, то сказалъ вскользь Флоридѣ:

— Какъ знать, можетъ быть, въ концѣ-концовъ, мы и увидимъ типъ трагическаго священника, о которомъ говорили съ вами. Я только въ одномъ увѣренъ, что носъ у него будетъ красный.

— Можетъ быть,—серьезно отвѣтила Флорида, оставляя безъ вниманія его шутливый тонъ.

XII.

Былъ одинъ изъ тѣхъ дней, какими природа даритъ Венецію только въ началѣ іюня. Въ небесахъ не было видно ни облачка, но голубая дымка скрывала подъ своимъ таинственнымъ покровомъ горизонтъ, гдѣ незримо встрѣчались небо и лагуна. Дыханіе моря обвѣвало своею свѣжестью городъ, у ногъ котораго ярко искрились, погруженныя въ дрему, волны.

Большая площадь св. Марка изъ рынка, изъ салона превратилась въ храмъ. Магазины подъ колоннадами, замыкающими ее съ трехъ сторонъ, были закрыты, кафе, передъ которыми обыкновенно снуютъ праздные потребители кофе и шербета, разсыпаясь потомъ по всей Піаццѣ, были отодвинуты до предѣловъ своихъ дверей; стойки продавщицъ воды, корзины разнощиковъ, торгующихъ палермскими апельсинами и черными падуанскими вишнями, исчезли съ фундамента церкви св. Марка, и эта церковь, въ матовомъ блескѣ своихъ мозаикъ и великолѣпіи рѣзныхъ колоннъ, сводовъ и куполовъ, высилась, неизъяснимо богатая и прекрасная, какъ и главный алтарь болѣе обширнаго храма, ограду котораго она довершала. Передъ нею стояли три высокихъ красныхъ флагштока, точно крашеныя свѣчи предъ алтаремъ, а съ нихъ свѣшивались австрійскіе флаги—красные съ бѣлымъ и желтые съ чернымъ.

Посреди площади неподвижно стоялъ австрійскій военный оркестръ, окружая своего дирижера съ поднятою вверхъ палкой, позолоченною на концѣ. Въ теченіе ночи вокругъ внутренней части Піа[illegible] была возведена легкая деревянная колоннада, съ навѣсомъ изъ [illegible]яго сукна, и подъ нею остановилась въ данную минуту дли[illegible]я и пышная церковная процессія: священники всѣхъ венеціа[illegible]хъ церквей въ самыхъ богатымъ своихъ облаченіяхъ, за ни[illegible] порядку *facchini**), въ бѣлыхъ сандаліяхъ и яркихъ одеж-

*) [illegible]—носильщики, участвующіе въ процессіи, какъ отдѣльная корпорація.

дахъ, въ шапочкахъ алаго, бѣлаго, зеленаго и синяго цвѣта, съ громадными расписными восковыми свѣчами въ рукахъ и шелковыми хоругвями, носившими на себѣ эмблему или изображеніе патроновъ различныхъ церквей, поддерживали балдахины, подъ которыми находились Святые Дары изъ каждой церкви. Передъ духовенствомъ шла рота австрійскихъ солдатъ, за *facchini* — длинная вереница религіозныхъ обществъ, мальчики изъ пріютскихъ школъ въ своихъ мундирахъ, старые богадѣленные пенсіонеры въ праздничномъ платьѣ, крошечные мальчики, совсѣмъ нагіе, съ пастушескими посохами въ рукѣ и полосками овечьей шерсти вокругъ чреслъ, подобно Іоанну Крестителю въ пустынѣ, дѣвочки съ ангельскими крылышками и вѣнчиками, монахи разнообразныхъ орденовъ и кающіеся міряне во всевозможныхъ плащахъ или фракахъ, въ капюшонахъ или съ непокрытою головой, и каждый съ зажженною свѣчей въ рукѣ. Корридоры подъ дворцомъ и Новою и Старою Прокураціей были загромождены зрителями, изъ всѣхъ оконъ, и верхнихъ, и нижнихъ, вдоль по фасадамъ дворцовъ были выброшены яркія матеріи; спугнутые голуби св. Марка садились на карнизы или же безпокойно порхали взадъ и впередъ надъ толпой.

Дирижерская палочка опустилась и раздался громъ военной музыки; священники запѣли молитвы, пріютскіе мальчики стали имъ вторить писклявыми голосами, всюду поднялся шорохъ ногъ, смѣшанный съ напоминающимъ шумъ листвы шелестомъ фольги, привязанной къ хоругвямъ и свѣчамъ; вся эта странная, пышная картина исполнилась жизни.

Послѣ всѣхъ своихъ плановъ и приготовленій миссисъ Вервэнъ въ это утро почувствовала себя недостаточно хорошо, чтобъ отправиться взглянуть на зрѣлище, которое она такъ разсчитывала видѣть, но поэтому она еще настойчивѣе стала посылать туда свою дочь, и Феррисъ стоялъ теперь вдвоемъ съ Флоридой у одного изъ оконъ Старой Прокураціи.

— Ну, что вы думаете объ этомъ, миссъ Вервэнъ?—спросилъ онъ, когда ихъ внѣшнія чувства нѣсколько освоились съ шумомъ процессіи. — Будете вы и теперь говорить, что Венеція слишкомъ мрачный городъ, чтобы можно было когда-либо представить его себѣ полнымъ веселья?

— Я *никогда* не говорила этого,—отвѣтила Флорида, смотря на него удивленными глазами.

— Я тоже не говорилъ, — возразилъ Феррисъ, — но я часто это думалъ, и теперь я почти увѣренъ въ томъ, что былъ правъ. Все это проникнуто, по-моему, какою-то глубокою меланхоліей.

Одного блеска обстановки и этой музыки уже достаточно для того, чтобы исторгнуть слезы изъ глазъ. Я не знаю ничего болѣе умилительнаго, кромѣ процессіи освѣщенныхъ фонарями гондолъ и катеровъ на Большомъ Каналѣ. Это что-то фантастическое. Это—призрачное воскресеніе старинныхъ вымершихъ формъ въ современной эпохѣ. Это даже не призракъ, а трупъ былыхъ вѣковъ, витающій надъ Венеціей. Напрасно Наполеонъ не уничтожилъ самаго города, когда уничтожилъ республику и выкинулъ за бортъ Крылатаго Льва *), Буцентавра **) и все остальное. Ни одна страна не сравнится съ Америкой въ умѣньѣ неподдѣльно радоваться и веселиться. Вспомните о нашемъ 4 іюля ***) и о нашихъ государственныхъ ярмаркахъ.

Феррисъ съ шутливымъ блескомъ въ глазахъ заглянулъ въ серьезное лицо дѣвушки. Онъ любилъ ставить ее въ тупикъ своими юмористическими рѣчами и съ наслажденіемъ наблюдалъ ея старанія найти въ нихъ серьезный смыслъ и ея явное смущеніе, когда она не находила его.

— Любопытно было бы мнѣ посмотрѣть, какой видъ будетъ у нашего пріятеля,—снова началъ онъ, поправляя подушку на подоконникѣ, для того, чтобы Флорида могла удобнѣе слѣдить за церемоніей.—Но не такъ-то легко будетъ разглядѣть его въ этомъ маскарадѣ. Идти въ процессіи съ зажженною свѣчей, равно какъ исполнять всякіе другіе акты набожности не особенно вяжется, думается мнѣ, съ личностью донъ-Ипполито, и я не могу представить себѣ, чтобъ онъ вкладывалъ въ это много воодушевленія. Какъ бы то ни было, лишь очень немногіе священники, повидимому, способны на это. Взгляните на этихъ праведниковъ, съ глазами, обращенными вверхъ! Они задаютъ себѣ вопросъ, кто *la bella bionda* въ этомъ окнѣ?

Флорида съ выраженіемъ грустнаго замѣшательства слушала его шутки. Она напряженно слѣдила за процессіей по мѣрѣ того, какъ та приближалась съ другой стороны Піаццы, и наобумъ отвѣчала на замѣчанія Ферриса о различныхъ корпораціяхъ, входившихъ въ ея составъ.

— Очень трудно рѣшить, кто мои любимцы,—продолжалъ онъ, смотря въ бинокль на длинную колонну.—Вслѣдствіе погрѣшностей

---

*) *Крылатый Левъ*—гербъ Венеціи.

**) *Буцентаверъ*—великолѣпный корабль, на которомъ во времена Венеціанской республики дожъ обручался съ Адріатическимъ моремъ, причемъ бросалъ въ волны золотое кольцо.

***) День провозглашенія американской независимости.

моего религіознаго воспитанія я больше люблю маленькихъ пріютскихъ мальчиковъ съ тоненькими, какъ булавки и иголки, голосенками и съ волосами, торчащими бобрикомъ. Еслибъ это было совмѣстимо съ консульскимъ достоинствомъ, я охотно сошелъ бы внизъ и погладилъ бы ихъ головки. Да и *старые* пріютскіе призрѣваемые тоже, признаться, мнѣ по-сердцу. Эти убогіе нищіе заставляютъ влюбиться въ обездоленный и зависимый возрастъ однимъ своимъ видомъ безотвѣтнаго наслажденія. Посмотрите, какъ проворно каждый изъ нихъ ковыляетъ на той ногѣ, которая не сошла еще у него въ могилу. А какъ привлекательны, въ свою очередь, чиновники-святоши въ своихъ нетлѣнныхъ фракахъ! Обратите вниманіе на ихъ высокіе воротники эры Священнаго Союза: ихъ отцы и дѣды носили эти фраки; спустя сто лѣтъ, ихъ потомки въ нихъ же будутъ являться на религіозныя церемоніи. Желалъ бы я знать, силой какого элексира получаютъ безсмертіе фраки гражданскихъ чиновниковъ. Эти кающіеся въ плащахъ и капюшонахъ тоже недурны; не правда ли, миссъ Вервэнъ? Согласитесь, что они придаютъ зрѣлищу очень милый оттѣнокъ таинственности. Они представляютъ собою тотъ сюжетъ, воспроизведенія котораго ожидаютъ отъ живописцевъ, живущихъ въ Венеціи, — сюжетъ, по которомъ люди вздыхаютъ, считая его столь характерно-венеціанскимъ. Если въ васъ есть хоть какое-нибудь чувство, миссъ Вервэнъ, теперь самое время обнаружить его.

— Но у меня его нѣтъ. Я боюсь, что у меня вовсе нѣтъ чувства,— сокрушенно отвѣтила дѣвушка.— Одно только я знаю, что эта картина навѣваетъ на меня ужасную грусть.

— Вѣдь, и я только сейчасъ сказалъ это. Извините меня, миссъ Вервэнъ, но вашей грусти недостаетъ новизны; это нѣчто вродѣ плагіата.

— Перестаньте, прошу васъ,— еще серьезнѣе взмолилась она.— Я только что думала... не знаю, какъ такая страшная мысль могла придти мнѣ въ голову... что, въ концѣ-концовъ, все это, пожалуй, одно заблужденіе.

— Я не удивляюсь тому, что это зрѣлище побуждаетъ васъ сомнѣваться. Боже великій! Какъ это далеко отъ Христа! Взгляните на эти войска, предшествующія послѣдователямъ Агнца; ихъ ремесло — убійство. Если бы дюжина зрителей вздумала воскликнуть: «Да здравствуетъ король Италіи!»—то долгомъ этихъ солдатъ было бы стрѣлять сію же минуту въ безпомощную толпу. Взгляните на шелковую и золоченую роскошь служителей сына плотника! Взгляните на этихъ жалкихъ монаховъ, добровольныхъ

плѣнниковъ, нищихъ, отчужденныхъ отъ своихъ ближнихъ! Взгляните на этихъ кающихся, которые думаютъ, что могутъ получить отпущеніе грѣховъ, если обойдутъ площадь со свѣчею въ рукѣ! А, между тѣмъ, прошло почти два тысячелѣтія съ тѣхъ поръ, какъ міръ обратился въ христіанство! Процессъ идетъ довольно-таки медленно. Но я полагаю, что Богъ заставляетъ людей познавать Его ихъ собственнымъ грѣховнымъ опытомъ, и мнѣ думается, что Богъ привлекаетъ къ Себѣ людей лишь чрезъ посредство ихъ полной свободы.

— Да, да, это должно быть такъ,— отвѣчала Флорида, устремивъ внизъ, на толпу, ничего не видѣвшій взоръ,— но я не могу остановить на этомъ своихъ мыслей. Я все время думаю о томъ, о чемъ мы говорили вчера. Никогда не могла бы я себѣ представить невѣрующаго священника, теперь же я не могу думать ни о чемъ другомъ. Мнѣ кажется, что ни одинъ изъ этихъ священниковъ или монаховъ не способенъ во что-либо вѣрить. У всѣхъ у нихъ лживыя, коварныя и гадкія лица, у всѣхъ, у всѣхъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, миссъ Вервэнъ,— сказалъ Феррисъ, улыбаясь ея отчаянію,— вы немножко преувеличиваете, по праву женщины, конечно. Я никакъ не думаю, чтобъ у всѣхъ у нихъ были гадкія лица. Нѣкоторыя тупы и скучны, иныя легкомысленны, точь-въ-точь какъ лица людей другихъ классовъ общества. Но я примѣтилъ множество славныхъ, добрыхъ, ласковыхъ лицъ, и они составляютъ большинство, равно какъ и у другого сорта людей, потому что совершенно не принимать въ разсчетъ можно, по моему мнѣнію, лишь очень немногихъ человѣческихъ существъ. Я даже уловилъ взглядомъ нѣсколько лицъ, въ которыхъ можно прочесть истинный религіозный экстазъ, а по временамъ мнѣ попадались и очень невинныя физіономіи. Вотъ, напримѣръ, человѣкъ, за котораго я побился бы о закладъ, еслибъ только онъ взглянулъ вверхъ.

Священникъ, на котораго указывалъ Феррисъ, медленно приближался къ пространству, находившемуся непосредственно подъ ихъ окномъ. Онъ былъ въ парадномъ облаченіи и держалъ въ рукѣ зажженную свѣчу. Онъ двигался тихою поступью, и его согнутая, тонкая фигура какъ будто свидѣтельствовала о безнадежномъ унынін. Тогда какъ большинство его товарищей съ беззаботностью и любопытствомъ озиралось вокругъ, онъ шелъ съ поникшимъ лицомъ, потупивъ взоры въ землю.

Внезапно процессія остановилась и глубокая тишина охватила громадное собраніе. Затѣмъ безмолвіе было нарушено шелестомъ и шумомъ всей этой многотысячной толпы, преклонившей колѣна въ

тотъ моментъ, какъ кардиналъ-патріархъ воздѣлъ руки къ небу, благословляя ее.

Священникъ, на котораго было обращено вниманіе Ферриса и Флориды, поколебался съ минуту и, прежде чѣмъ онъ опустился на колѣни, его ближайшій сосѣдъ долженъ былъ дернуть его за край облаченія. Тогда онъ тоже поспѣшно преклонилъ колѣна, машинально поднявъ голову и скользнувъ взоромъ по фасаду Старой Прокураціи. Лицо его носило печать уныніе, на которое намекала его фигура и его движенія, и оно было очень блѣдно, но еще болѣе своеобразно, вслѣдствіе смущенной невинности, которую выражали его черты.

— Посмотрите,— шепнулъ Феррисъ,— вотъ, что я называю удивительно-славнымъ лицомъ.

Флорида подняла руку, чтобы прервать его рѣчь, и мрачный взглядъ священника сначала холодно остановился на нихъ. Потомъ въ глазахъ его засвѣтился лучъ: онъ, видимо, узналъ ихъ, и румянецъ залилъ его блѣдное лицо, сдѣлавшееся какъ будто еще угрюмѣе и безнадежнѣе. Его голова снова поникла и онъ выронилъ изъ рукъ свѣчу. Одинъ изъ нищихъ, которые сопровождаютъ процессію, подбирая капли воска, поднялъ ее и возвратилъ ему.

— Да, вѣдь это донъ-Ипполито! — громко произнесъ Феррисъ. — Вы сразу узнали его?

В. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*
*

Я не слыхалъ пастушеской свирѣли,
Я не мечталъ на утрѣ юныхъ дней;
Мнѣ снился стонъ бунтующей метели
И пламя мстительныхъ огней.

Ни ландышей, ни пестрыхъ маргаритокъ
Я не сбиралъ, привѣтствуя разсвѣтъ;
Отъ дѣтскихъ дней читалъ я жизни свитокъ,
Я былъ рожденъ для думъ и бѣдъ.

Во всѣхъ путяхъ, какъ прежде, такъ и нынѣ,
Меня, какъ тѣнь, преслѣдуетъ печаль;
Я ключъ живой хочу найти въ пустынѣ,
И не себя,—другихъ мнѣ жаль.

Роняя свѣтъ въ холодный мракъ ненастья,
Я сиротамъ несу любовь отца;
И знаю я, что нѣтъ завиднѣй счастья,
Какъ быть несчастнымъ безъ конца.

К. Бальмонтъ.

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ *).

Романъ Генрика Сенкевича.

X.

«Катастрофа», какъ говорилъ Букацкій, наконецъ, наступила. Поланецкій убѣдился, что если въ жизни много дней, когда человѣкъ не можетъ уловить нити собственныхъ мыслей, то къ числу такихъ дней, прежде всего, принадлежитъ день свадьбы. У него въ мозгу по временамъ зарождалось по нѣскольку заразъ какихъ-то, не ясно составляемыхъ, мыслей не мыслей, скорѣе—впечатлѣній. Онъ чувствовалъ, что въ его жизни начинается новая эпоха, что онъ принимаетъ на себя великія обязанности, которыя нужно исполнять добросовѣстно и серьезно, и, въ одно и то же время,—совсѣмъ въ одно и то же время,—удивлялся, что карета до сихъ поръ не пріѣзжаетъ, и удивленіе это выражалось въ формѣ угрозы: «Пусть только опоздаютъ, шельмы,—головы имъ сверну!» По временамъ имъ овладѣвало торжественное настроеніе, словно боязнь передъ будущимъ, за которое онъ бралъ на себя отвѣтственность; онъ чувствовалъ себя приподнятымъ, и съ этимъ чувствомъ приподнятости начиналъ намыливать бороду и думать, что въ этотъ день, въ видѣ исключенія, не мѣшало бы пригласить парикмахера для приведенія въ порядокъ его упрямыхъ волосъ. Мариня постоянно примѣшивалась ко всѣмъ его думамъ. Онъ видѣлъ ее, какъ будто она была передъ нимъ. Онъ думалъ, что въ эту минуту она тоже одѣвается, что стоитъ въ своей комнатѣ передъ зеркаломъ, что разговариваетъ съ горничной, а душа ея летитъ къ нему и сердце бьется неспокойно. Тогда онъ растрогивался и произносилъ цѣлые монологи: «Ты не бойся, добрая душа, клянусь, я тебѣ не сдѣлаю зла!» Онъ видѣлъ себя въ будущемъ такимъ добрымъ, такимъ сни-

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

ходительнымъ, что не безъ нѣкотораго волненія началъ поглядывать на лакированныя ботинки, стоящія возлѣ кресла, на которомъ лежала его свадебная одежда. Также отъ времени до времени онъ повторялъ себѣ: «Коли жениться, такъ жениться!» Онъ говорилъ себѣ, что былъ дуракъ, когда колебался, потому что другой такой Марини нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, чувствовалъ, что любитъ ее, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, думалъ, что погода не дурна, но, можетъ быть, и дождь пойдетъ, что въ костелѣ, можетъ быть, холодно, что черезъ часъ онъ будетъ стоять на колѣняхъ около Марини, что безопаснѣе самому повязать бѣлый галстукъ, чѣмъ надѣть съ готовымъ бантомъ, что свадьба, какъ бы то ни было, самый важный обрядъ въ жизни, что въ немъ кроется что-то святое, и не нужно, чортъ возьми, ломать голову надъ разными подробностями, потому что черезъ часъ все это кончится, завтра они уѣдутъ, а потомъ начнется нормальная и спокойная жизнь мужа и жены.

Но эти мысли, однако, разлетались иногда, какъ стая воробьевъ, когда въ нихъ выстрѣлишь изъ-за угла, и въ головѣ Поланецкаго образовалась пустота. Тогда на его уста механически навертывались фразы, вродѣ слѣдующихъ: «Восьмое апрѣля; завтра среда, завтра среда; карманные часы»... Потомъ онъ пробуждался, повторялъ себѣ: «Нужно быть идіотомъ!»—и разлетѣвшіяся птицы вновь цѣлою стаей возвращались въ его голову и начинали бунтовать въ ней.

Въ это время пріѣхалъ Абдульскій, коммиссіонеръ торговаго дома Бигель, Поланецкій и К°, который, вмѣстѣ съ Букацкимъ, долженъ былъ играть роль шафера. По происхожденію онъ былъ татаринъ, лицо у него было смуглое, но во фракѣ и бѣломъ галстукѣ онъ казался такимъ красивымъ, что Поланецкій выразилъ надежду, что и онъ скоро женится. Абдульскій отвѣтилъ: «Радъ бы въ рай» и показалъ знаками, какъ считаютъ деньги, а потомъ заговорилъ о Бигеляхъ.

Дѣти всѣ хотѣли быть на свадьбѣ, но Бигели рѣшили взять только двоихъ старшихъ, вслѣдствіе чего возникли непріятности и различіе во мнѣніяхъ, которыя пани Бигель должна была примирять при помощи шлепковъ. Поланецкій очень любилъ дѣтей, и теперь ужасно возмутился.

- Я устрою штуку съ Бигелями, — сказалъ онъ. — Уѣхали они изъ дому?

- Должны были сейчасъ выѣхать.

Хорошо. Я заверну къ нимъ по дорогѣ, заберу всѣхъ дѣтей и высыплю ихъ передъ пани Бигель у моей невѣсты.

Абдульскій высказалъ убѣжденіе, что Поланецкій этого не сдѣлаетъ, но тотъ еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніи и, дѣйствительно, прямо отправился въ домъ Бигеля. Гувернантка знала отношенія Полонецкаго ко всей семьѣ и потому не смѣла противиться ему, такъ что черезъ полчаса Поланецкій, къ великому ужасу пани Бигель, вошелъ во главѣ цѣлаго стада Бигелятъ, одѣтыхъ въ будничныя платья, съ растрепанными волосами, съ минами на половину счастливыми, на половину испуганными.

Онъ подбѣжалъ къ Марини, поцѣловалъ ея руку, уже затянутую въ бѣлую перчатку, и сказалъ:

— Хотѣли дѣтишекъ обидѣть. Вы должны сказать, что я сдѣлалъ хорошо.

Онъ угодилъ Маринѣ. Ей было пріятно видѣть это доказательство доброты его сердца, и она, дѣйствительно, обрадовалась дѣтямъ, обрадовалась даже тому, что собравшіеся гости сочли ея будущаго мужа оригинальнымъ, а пани Бигель, поправляя съѣхавшіе на сторону воротнички своихъ птенцовъ, повторяла сконфуженно:

— Что съ такимъ сумасшедшимъ дѣлать!

Отчасти того же мнѣнія былъ и панъ Плавицкій, но Поланецкій и Мариня такъ занялись другъ другомъ, что все остальное совершенно исчезло изъ ихъ глазъ. У обоихъ сердца бились неспокойно. Онъ смотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Вся въ бѣломъ, начиная отъ башмаковъ до перчатокъ, съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ и съ длиннымъ вуалемъ, она казалась ему совсѣмъ не такою, какъ обыкновенно. Въ ней было что-то необыкновенно торжественное, какъ въ покойной Литкѣ. Поланецкій, правда, не сдѣлалъ этого сравненія, но чувствовалъ, что въ настоящую минуту эта бѣлая Мариня если не представляется ему болѣе далекой, то, по крайней мѣрѣ, вселяетъ въ него большую робость, чѣмъ та, вчерашняя, въ своей обычной одеждѣ. Притомъ, она казалась ему некрасивой, потому что брачный вѣнокъ рѣдкой женщинѣ идетъ къ лицу; кромѣ того, безпокойство и волненіе окрасили густымъ румянцемъ ея лицо, которое при бѣломъ цвѣтѣ платья казалось еще болѣе краснымъ, чѣмъ было въ дѣйствительности. Но, странное дѣло, эта подробность собственно и взволновала Поланецкаго. Въ его, по натурѣ добромъ, сердцѣ заговорило какое-то чувство, похожее на сожалѣніе. Онъ понялъ, что у Марини сердце бьется, какъ у пойманной птицы, и онъ началъ успокоивать ее такими добрыми и хорошими словами, что даже самъ удивлялся, откуда онъ беретъ ихъ и какимъ образомъ они такъ легко приходятъ ему въ голову. Но эти слова являлись собственно по милости Марини. По всей ея фи-

гурѣ было видно, что она отдается ему съ волненіемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ довѣріемъ, отдаетъ ему сердце, душу, все существо свое, всю жизнь, и не какъ-нибудь, а на всякую минуту, до конца жизни. Съ этой точки зрѣнія въ умѣ Поланецкаго не могло зародиться ни малѣйшаго сомнѣнія, и эта увѣренность дѣлала его въ настоящую минуту лучшимъ, болѣе нѣжнымъ и краснорѣчивымъ, чѣмъ онъ бывалъ обыкновенно. Еще нѣсколько часовъ — и передъ ними откроется новая жизнь. Но теперь мысли ихъ начинали проясняться и то внутреннее безпокойство, отъ котораго они не были свободны, отходило въ сторону и смѣнялось, по мѣрѣ приближенія къ религіозному обряду, торжественнымъ сосредоточеніемъ. Мысли Поланецкаго уже не разлетались, какъ воробьи, у него осталось только одно удивленіе, что онъ, при всемъ своемъ скептицизмѣ, такъ чувствуетъ высокое значеніе предстоящаго акта. Собственно говоря, скептикомъ онъ не былъ. Въ душѣ у него даже гнѣздилась тоска по религіознымъ чувствамъ, и если онъ не обращался къ нимъ, то единственно потому, что отвыкъ отъ нихъ, единственно по милости своей духовной неподвижности. Скептицизмъ, самое большее, всколебалъ поверхность его ума, какъ вѣтеръ морщитъ поверхность воды, глубина которой остается спокойною. Онъ также отвыкъ и отъ формъ, но то было дѣломъ будущаго и Марини, а тѣмъ временемъ, однако, уже одинъ обрядъ, которому онъ долженъ былъ подчиниться, казался ему такимъ возвышеннымъ, такъ полнымъ важности и святости, что онъ готовъ былъ приступить къ нему съ поникшею головой.

А передъ тѣмъ нужно было подчиниться другому обряду, который, несмотря на свою одинаковую торжественность, былъ очень противенъ Поланецкому: именно, нужно было преклонять колѣни передъ паномъ Плавицкимъ, котораго Поланецкій считалъ за дурака, принять его благословеніе и выслушать рѣчь, отъ которой, какъ было извѣстно, панъ Плавицкій ни за что не откажется. Поланецкій, впрочемъ, раньше уже сказалъ себѣ: «Коли я хочу жениться, то долженъ пройти черезъ все, что предшествуетъ женитьбѣ, и не подавать никакого вида, а ужь какую мину скорчитъ въ ту минуту эта обезьяна Букацкій, меня мало интересуетъ». Вслѣдствіе этого, онъ со всею готовностью опустился, вмѣстѣ съ Мариней, на колѣни передъ паномъ Плавицкимъ и выслушалъ его рѣчь, которая, однако, длилась не особенно долго. Панъ Плавицкій самъ былъ неподдѣльно взволнованъ, голосъ его дрожалъ, руки дрожали и онъ едва былъ въ состояніи выразить что-то вродѣ просьбы, чтобы Поланец-

кій не препятствовалъ Маринѣ ходить и молиться на его могилѣ, пока она совсѣмъ не заростетъ травою.

Торжественность этой минуты испортилъ Юзя Бигель. Съ одной стороны, онъ видѣлъ слезы пана Плавицкаго, съ другой—Мариню и Поланецкаго на колѣняхъ, что въ домѣ Бигелей бывало не только карой, но часто и вступленіемъ въ область болѣе гибкихъ педагогическихъ средствъ. Сочувствіе и опасеніе Юзи выразилось закрытыми глазами, открытымъ ртомъ и плачемъ, настолько громкимъ, насколько хватало его силъ. Когда, притомъ, и остальные братья по большей части послѣдовали его примѣру, поросшая травою могила пана Плавицкаго уже не могла произвести надлежащаго элегическаго впечатлѣнія.

Сидя въ каретѣ между Абдульскимъ и Букацкимъ, Поланецкій едва-едва, полусловами, отвѣчалъ на ихъ вопросы, не вмѣшивался въ ихъ разговоръ, но за то бесѣдовалъ съ собою. Онъ думалъ, что черезъ нѣсколько минутъ свершится то, о чемъ онъ размышлялъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чего, вплоть до смерти Литки, жаждалъ такъ горячо, какъ ничего въ своей жизни. Здѣсь его въ послѣдній разъ взволновало сознаніе разницы между этимъ недавно прошедшимъ временемъ и теперешнею минутой. Замѣчалась большая разница. Прежде онъ стремился и жаждалъ, теперь только хотѣлъ и соглашался. Мысль эта охватила его холодомъ, у него въ головѣ промелькнуло, что, можетъ быть, въ немъ не хватаетъ основъ, на которыхъ можно строить зданіе. Но Поланецкій былъ человѣкъ, который умѣлъ держать въ уздѣ свои тревоги, а при случаѣ разгонять ихъ на всѣ четыре стороны. И онъ сказалъ себѣ: «Впередъ,—теперь не время думать; а, во-вторыхъ, что дѣйствительность не всегда соотвѣтствуетъ мечтаніямъ — это вещь очень простая». Потомъ ему вспомнилось то, что говорилъ Букацкій: «Мало взять, нужно и дать что-нибудь», но онъ подумалъ, что это то же самое, что прясть какую-то тонкую, почти совсѣмъ невидимую нитку, что жизнь нужно брать проще,—она вовсе не обязана согласоваться съ заранѣе взятыми теоріями. Тогда онъ повторилъ, что часто повторялъ себѣ: «Женюсь, и конецъ!» И его охватила дѣйствительность настоящей минуты, и въ головѣ у него ничего не оставалось, кромѣ Марини, церкви и брака.

А Мариня по дорогѣ безмолвно молила Бога, чтобъ Онъ помогъ и дозволилъ ей осчастливить мужа, а для себя просила немного счастья, потому что была увѣрена, что покойная мать вымолитъ ей его.

Поланецкій и Мариня подъ руку прошли вдоль шпалеры сво-

ихъ гостей и любопытной толпы. Передъ ними, какъ во мглѣ, виднѣлись свѣчи, мигающія у алтаря, знакомыя и незнакомыя лица. А вотъ и лицо пани Эмиліи, выглядывающее изъ-за вуаля сестры милосердія, ея глаза, улыбающіеся, но полные слезъ. Имъ припомнилась Литка, припомнилось, что это она, собственно, ведетъ ихъ къ алтарю. Черезъ минуту они стояли на колѣняхъ передъ ксендзомъ, а надъ ними горѣли огоньки свѣчей, блистали позолотой лики иконы. Церемонія началась. Они повторили за ксендзомъ обычныя слова брачнаго обѣта, и Поланецкаго вдругъ охватило такое волненіе, какого онъ не ожидалъ и какое не испытывалъ съ того времени, когда мать подводила его къ первому причастію. Онъ почувствовалъ, что это не только обычный, требуемый закономъ, обрядъ, въ силу котораго мужчина получаетъ право на женщину, но въ этомъ связываніи рукъ, въ этомъ обѣтѣ, кроется какая-то таинственная, неземная мощь, присутствіе Бога, передъ которымъ преклоняется душа и дрожитъ сердце. Среди тишины раздались торжественныя слова: «Quod Deus junxit, homo non disjungat»,—и Поланецкій чувствовалъ, что та Мариня, которую онъ бралъ, становится его тѣломъ и кровью, частью его души, и что для нея онъ долженъ быть тѣмъ же самымъ. Тѣмъ временемъ на хорахъ грянуло «Veni Creator», и черезъ нѣсколько минутъ Поланецкіе вышли изъ костела. По дорогѣ Мариню обняла пани Эмилія и шепнула ей: «Да благословитъ васъ Богъ». Они поѣхали домой на брачный пиръ, а пани Эмилія пошла на кладбище сообщить Литкѣ извѣстіе, что «панъ Стахъ» сегодня женился на Маринѣ.

XI.

Двѣ недѣли спустя въ Венеціи швейцаръ отеля Бауэръ подалъ Поланецкому письмо съ варшавскимъ штемпелемъ. Въ эту минуту они вмѣстѣ съ женой садились въ гондолу, чтобы ѣхать въ Santa Maria della Salute, и тамъ отслужить обѣдню въ годовщину дня смерти матери Марини. Поланецкій, который не ожидалъ изъ Варшавы ничего важнаго, спряталъ письмо въ карманъ и спросилъ жену:

— А что, теперь не рано ѣхать къ обѣднѣ?

— Рано; остается еще полчаса.

— Тогда, можетъ быть, хочешь поѣхать въ сторону Ріальто?

Мариня всегда была готова на это. Раньше она никогда не бывала за границей и теперь положительно жила въ непрестанномъ упоеніи. Ей казалось, что все, что ее окружаетъ,—сонъ. Не разъ, отъ избытка восторга, она бросалась мужу на шею, точно будто

онъ построилъ Венецію и какъ будто его исключительно слѣдуетъ благодарить за ея красоту. Не разъ она повторяла:

— Я смотрю, вижу и не вѣрю, что это правда.

Они поѣхали къ Ріальто. Благодаря раннему часу, движеніе было небольшое, вода точно заснула, день стоялъ тихій, прозрачный, но не совсѣмъ солнечный, одинъ изъ такихъ, когда Canale Grande, несмотря на свою красоту, напоминаетъ кладбище, когда палаццо кажутся пустыми и заброшенными, а въ неподвижныхъ ихъ отраженіяхъ въ зеркалѣ водъ чувствуется глубокая грусть чего-то умершаго. Въ эти минуты смотришь на нихъ въ молчаніи, какъ бы съ опасеніемъ, чтобы своими словами не нарушить царящую повсюду тишину.

Такъ и Мариня смотрѣла вокругъ. Но Поланецкій, человѣкъ менѣе впечатлительный, вспомнилъ, что у него въ карманѣ письмо, досталъ его и началъ читать. Спустя минуту онъ сказалъ:

— А! И Машко также женился. Ихъ свадьба была черезъ три дня послѣ нашей.

Мариня точно пробудилась отъ сна, моргнула нѣсколько разъ и спросила:

— Что ты сказалъ?

— Я сказалъ, мечтательная головка, что Машко женился.

Она прильнула головой къ его плечу и, глядя ему въ глаза, отвѣтила:

— Что мнѣ за дѣло до Машко? У меня свой Стахъ.

Поланецкій улыбнулся, какъ человѣкъ, который снисходительно позволяетъ любить себя, но не удивляется этому, потомъ разсѣянно поцѣловалъ жену въ лобъ. Письмо, видимо, было интересно. Наконецъ, онъ бросилъ его и крикнулъ:

— О, это настоящая катастрофа!

— Что случилось?

— У панны Краславской десять тысячъ рублей въ годъ пожизненно, которые завѣщалъ ей дядя. Больше приданаго ни гроша.

— Но, вѣдь, и это много.

— Много? Послушай, что пишетъ Машко: «Въ такомъ случаѣ, банкротство мое несомнѣнно, а объявленіе несостоятельности—вопросъ времени». Они ошиблись оба, понимаешь? Онъ разсчитывалъ на ея состояніе, а она на его.

— По крайней мѣрѣ, имъ есть чѣмъ жить.

— Жить есть чѣмъ, но Машко нечѣмъ уплатить долговъ, а это немного и насъ касается,—меня, тебя и твоего отца... Все можетъ пропасть.

Теперь Мариня обезпокоилась не на шутку.

— Милый Стахъ, можетъ быть, твое присутствіе тамъ необходимо, тогда возвратимся... Какой это ударъ для папа!

— Я сейчасъ же напишу Бигелю, чтобъ онъ замѣнилъ меня и спасъ, что можно... Не принимай этого близко къ сердцу. У меня хватитъ на кусокъ хлѣба для обоихъ насъ и для твоего отца.

Мариня охватила руками его шею.

— Добрый ты мой!... Съ такимъ человѣкомъ, какъ ты, можно быть спокойной.

— Притомъ, что-нибудь можно будетъ спасти... Если Машко найдетъ кредитъ, то заплатитъ намъ. Можетъ быть, онъ отыщетъ покупателя на Кшемень. Да, вотъ онъ пишетъ мнѣ, чтобъ я спросилъ Букацкаго, не купитъ ли онъ Кшемень, и чтобъ я подбилъ его на покупку. Я спрошу. У Букацкаго большое состояніе, и, кромѣ того, ему было бы что дѣлать. Интересно знать, какъ потомъ сложится жизнь Машко. Онъ пишетъ мнѣ въ концѣ письма: «Женѣ я открылъ истинное состояніе своихъ дѣлъ, она приняла это равнодушно, за то ея мать не можетъ сдержать себя отъ негодованія». Потомъ онъ добавляетъ, что въ послѣднее время окончательно влюбился въ жену, и еслибъ они разстались, то это было бы величайшимъ для него несчастіемъ. Эта лирика мало меня интересуетъ, но любопытно знать, чѣмъ все это кончится.

— Она его не покинетъ,—сказала Мариня.

— Не знаю. Одно время я и самъ думалъ, что нѣтъ, но теперь мнѣ хочется поспорить. Хочешь держать пари?

— Нѣтъ, потому что не хочу выиграть. Ты гадкій человѣкъ, ты не знаешь женщинъ.

— Напротивъ, знаю, и поэтому убѣжденъ, что не всѣ похожи на такую крошку, которая теперь плыветъ со мной въ гондолѣ.

А Мариня отвѣтила:

— Въ Венеціи, въ гондолѣ и рядомъ со своимъ Стахомъ!

Возвратившись отъ обѣдни, они застали у себя въ отелѣ Букацкаго, одѣтаго въ дорожное клѣтчатое платье, которое казалось черезъ-чуръ широкимъ для его худенькой фигурки, съ фантастическимъ галстукомъ, завязаннымъ небрежно.

— Сегодня я ѣду,—сказалъ онъ, поздоровавшись съ Мариней.

—Прикажете приготовить вамъ помѣщеніе во Флоренціи? Я могу нять вамъ какое-нибудь палаццо.

Вы остановитесь тамъ по дорогѣ въ Римъ?

Да. Прежде всего, чтобы сообщить въ галлереѣ, что вы пріѣд чтобы поэтому постлали на лѣстницѣ новый коверъ; во-вто-

рыхъ, ради чернаго кофе. Вообще онъ въ Италіи плохъ, но во Флоренціи, у Джокоза, превосходный... via Tornabuoni... Это единственная вещь, которая чего-нибудь стоитъ во Флоренціи.

— У васъ удивительная охота говорить всегда не то, что вы думаете.

— Напротивъ, я думаю о томъ, чтобы нанять вамъ хорошенькое помѣщеніе на Lung-Arno.

— Мы остановимся въ Веронѣ.

— Ради Ромео и Джуліи? Конечно, конечно! Пока вы еще не пожимаете плечами, когда думаете о нихъ,—поѣзжайте. Черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, можетъ быть, было бы поздно.

Мариня расфыркалась на него, какъ кошка, потомъ обратилась къ мужу и сказала:

— Стахъ, прикажи этому господину не надоѣдать мнѣ.

— Хотите, — отвѣтилъ Поланецкій, — я ему отрублю голову, но только послѣ завтрака?

А Букацкій началъ декламировать:

«... нѣтъ, это не разсвѣтъ,—
Не жаворонокъ,—соловей проснулся».

И потомъ, обратившись къ Маринѣ, спросилъ:

— Написалъ вамъ Поланецкій какой-нибудь сонетъ?

— Нѣтъ.

— О, это плохой знакъ!... Вотъ у васъ балконъ выходитъ на улицу. Не пришло ему въ голову ни разу стать у вашего балкона съ мандолиной?

— Нѣтъ.

— О, это очень нехорошо!

— Да, вѣдь, тутъ негдѣ стоять,—тутъ вода.

— Онъ могъ бы подъѣхать на гондолѣ. Видите ли, у насъ дѣло совсѣмъ другого рода, но здѣсь, въ Италіи, такой ужъ воздухъ, что если кто-нибудь дѣйствительно любитъ кого-нибудь, то пишетъ сонетъ или стоитъ съ мандолиной подъ балкономъ. Совершенно вѣрно, это результатъ географическаго положенія, морскихъ теченій, химическаго состава воздуха и воды, и если кто-нибудь не пишетъ сонетовъ или не стоитъ съ мандолиной подъ окномъ, тотъ положительно не пылаетъ любовью. Я могу привести въ доказательство весьма авторитетныя сочиненія, которыя трактуютъ отъ этомъ предметѣ.

— Кажется, я буду принужденъ отрубить тебѣ голову передъ завтракомъ,—сказалъ Поланецкій.

До экзекуціи, однако, дѣло не дошло, потому что пора было садиться завтракать. Они сѣли за отдѣльнымъ столикомъ, но въ той самой залѣ, гдѣ былъ и общій столъ, что для Марини (ее рѣшительно все занимало) представлялось также источникомъ наслажденія, потому что она видѣла *настоящихъ* англичанъ. Это на нее производило впечатлѣніе, будто она заѣхала въ такое тридесятое царство, что со времени существованія Кшеменя ни одинъ изъ его жителей не отваживался на такое путешествіе. Букацкому, какъ и Поланецкому этотъ восторгъ давалъ поводъ для постоянныхъ шутокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ доставлялъ имъ много удовольствія. Букацкій говорилъ, что Марини напоминаетъ ему его молодость, Поланецкій называлъ жену полевою маргариткой и утверждалъ, что такой стоитъ показывать свѣтъ.

Самъ Букацкій, однако, замѣтилъ, что у «полевой маргаритки» было много художественнаго чутья и много искренности. Ей многое было извѣстно по книжкамъ или по рисункамъ; чего она не умѣла понять, въ томъ сознавалась искренно, но въ ея впечатлѣніяхъ не было ничего искусственнаго или воспринятаго съ чужихъ словъ. Когда ей что-нибудь приходилось по-сердцу, восторгу ея не было границъ, такъ что даже на ея глазахъ навертывались слезы. Букацкій по временамъ подтрунивалъ надъ нею безъ милосердія, по временамъ внушалъ ей, что у всѣхъ такъ называемыхъ знатоковъ какой-нибудь гвоздь въ головѣ и что она, какъ натура впечатлительная и до сихъ поръ не сбитая съ толку, является для него величайшимъ авторитетомъ въ дѣлахъ искусства и была бы еще большимъ, еслибъ ей было лѣтъ десять.

За завтракомъ, однако, разговора объ искусствѣ не было, потому что Поланецкій вспомнилъ о полученномъ имъ письмѣ и сказалъ:

— Я получилъ письмо отъ Машко.

— И я,—отвѣтилъ Букацкій.

— И ты? Значитъ, дѣло-то спѣшное. Должно быть, Машко прижали не на шутку. Значитъ, тебѣ извѣстно, въ чемъ дѣло?

— Онъ уговариваетъ, вѣрнѣе, умоляетъ меня купить... ты знаешь что?

Букацкій нарочно не назвалъ Кшеменя. Онъ помнилъ, какую печальную роль игралъ Кшемень въ отношеніяхъ Поланецкаго къ Маринѣ.

Поланецкій понялъ его деликатность и отозвался:

— Ахъ, Боже мой! Когда-то мы избѣгали этого слова, какъ

прикосновенія къ больному мѣсту, но теперь дѣло совсѣмъ другое... Трудно сдерживаться всю жизнь.

Букацкій многозначительно посмотрѣлъ на него. Мариня слегка покраснѣла и сказала:

— Стась совершенно правъ. Кромѣ того, я знаю, что дѣло идетъ о Кшеменѣ.

— Да, дѣло идетъ о Кшеменѣ.

— Ну, и что-жь?—спросилъ Поланецкій.

— Я не купилъ бы его хотя бы потому, чтобъ пани Поланецкая не испытала впечатлѣнія, что имъ играютъ какъ какимъ-нибудь мичикомъ.

Мариня покраснѣла еще болѣе и сказала:

— Но я ужь совсѣмъ не думаю о Кшеменѣ.

И она посмотрѣла на мужа. Тотъ кивнулъ головой въ знакъ удовольствія и похвалы.

— Это доказываетъ, что ты умница,—отвѣтилъ онъ.

— Притомъ,—продолжала Мариня,—если панъ Машко не выдержитъ, то Кшемень или распадется, или попадетъ въ ростовщичьи руки, а это было бы для меня прискорбно.

— Ага!—сказалъ Букацкій,—прискорбно, коль скоро вы *совсѣмъ* не думаете о Кшеменѣ?

Мариня снова посмотрѣла на мужа, теперь уже съ опасеніемъ. Поланецкій разсмѣялся.

— Попалась, Мариня! — сказалъ онъ и обратился къ Букацкому:—Очевидно, Машко хватается за тебя, какъ утопающій за соломенку.

— Ну, кто захочетъ хвататься за такую соломенку (посмотри на меня, каковъ я), тотъ непремѣнно погибнетъ, утонетъ... Кромѣ того, Машко не разъ говорилъ мнѣ: «у тебя притупленные нервы». Можетъ быть, и такъ. Но поэтому-то я и нуждаюсь въ сильныхъ впечатлѣніяхъ. Еслибъ я помогъ Машко, онъ выкарабкался бы, сталъ бы на ноги, опять корчилъ бы лорда, а жена его большую барыню, они были бы невыносимо комильфотны... и у меня была бы скучная комедія, которую я видѣлъ уже и на представленіи которой чуть не разодралъ себѣ рта. Наоборотъ, если я не помогу ему, то онъ разорится, погибнетъ,—произойдутъ какія-нибудь занимательныя и неожиданныя случайности, можетъ быть, что-нибудь трагическое, что меня больше займетъ. Теперь вы сами сообразите: за плохую комедію я долженъ заплатить,—къ тому же, еще и дорого,—а трагедію могу имѣть даромъ. Какъ тутъ колебаться?

— Фу, какъ вы можете говорить такія вещи? — вскрикнула Мариня.

— Не только могу говорить, но и напишу ихъ Машко. Притомъ, онъ меня обманулъ самымъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ.

— Въ чемъ?

— Въ чемъ? Въ томъ, что я думалъ: вотъ истинный снобсъ! вотъ матеріалъ для чернаго характера! вотъ человѣкъ, поистинѣ, безъ зазрѣнія совѣсти и сердца! А тѣмъ временемъ оказывается, что на днѣ души у него какая-то порядочность, что онъ хочетъ расплатиться съ кредиторами, что ему жаль эту куклу съ красными глазами, что разлука съ ней была бы для него страшнымъ ударомъ... Онъ наибезстыднѣйшимъ образомъ самъ пишетъ мнѣ объ этомъ... Честное слово, въ этомъ обществѣ ни на что разсчитывать невозможно!... Я и за границей живу потому, что не могу сносить этого.

На этотъ разъ пани Поланецкая разсердилась уже серьезно:

— Если вы будете говорить такія вещи, то я попрошу Стася, чтобъ онъ порвалъ съ вами всякія отношенія.

Поланецкій пожалъ плечами и сказалъ:

— А, вѣдь, дѣйствительно, ради остроты ты можешь до полусмерти заговорить и себя, и другихъ, а никогда не думаешь разсудительно и по-людски. Ты понимаешь, что я не подбиваю тебя покупать Кшемень, хотя это было бы выгодно для меня. Все-таки, у тебя было бы какое-нибудь занятіе.

Букацкій расхохотался и спустя немного отвѣтилъ:

— Я тебѣ уже сказалъ когда-то, что, прежде всего, люблю дѣлать то, что мнѣ нравится, а такъ какъ мнѣ больше всего нравится ничего не дѣлать, то, ничего не дѣлая, я дѣлаю то, что мнѣ больше всего нравится. Если ты уменъ, то докажи мнѣ, что я сказалъ глупость. Во-вторыхъ, я пахарь... Да, вѣдь, это превосходитъ человѣческое воображеніе! Я, для котораго дождь интересенъ постольку, поскольку нужно взять съ собою трость или зонтикъ, долженъ, подъ старость, простаивать, какъ журавль, цѣлые часы на одной ногѣ и смотрѣть, угодно ли будетъ солнцу свѣтить или тучамъ сѣять дождикомъ? Мнѣ разсчитывать, не проростетъ ли у меня пшеница, не нападетъ ли болѣзнь на кортофель, управлюсь ли съ горохомъ, успѣю ли доставить Ицкѣ изъ Песьей Воли столько четвертей, сколько обязался по договору, не захвораютъ ли у меня лошади сапомъ, не начнутъ ли овцы чихать? Мнѣ подъ старость дойти до того, чтобы, благодаря умственному отупленію, черезъ каждыя три слова говорить: «почтеннѣйшій» или «что, бишь

я хотѣлъ сказать?» Voyons, pas si bête! Мнѣ, человѣку свободному, сдѣлаться «почтеннѣйшимъ», «сосѣдушкой», братомъ Лота, панамъ Мацѣемъ, Лехитой!...

И, возбужденный виномъ, онъ началъ въ полголоса цитировать слова Слязя изъ Лилли Венеды:

— «Развѣ я Лехитъ? Что это такое? Развѣ изъ моихъ глазъ смотритъ грубость, пьянство, обжорство, семь смертныхъ грѣховъ, пристрастіе къ шуму, къ квашенымъ огурцамъ, къ гербамъ?»

— Толкуй тутъ съ нимъ,—сказалъ Поланецкій,—тѣмъ болѣе, что, въ сущности, онъ до нѣкоторой степени правъ.

Но Мариня, которая съ минуты, когда Букацкій началъ говорить о деревенскихъ затрудненіяхъ, задумалась было, теперь стряхнула съ себя задумчивость и сказала:

— Когда папа бывалъ нездоровъ (а въ Кшеменѣ онъ никогда не бывалъ такъ здоровъ, какъ въ послѣднее время), я всегда немного замѣняла его въ хозяйствѣ, а потомъ это вошло у меня въ привычку. Хотя видитъ Богъ, въ непріятностяхъ у меня недостатка не было, работа приносила мнѣ такое удовольствіе, что я не съумѣю и объяснить этого. Я не понимала, почему это такъ, и поняла только тогда, когда мнѣ объяснилъ это панъ Ямишъ. Онъ говорилъ мнѣ, что это единственный истинный трудъ, на которомъ стоитъ весь свѣтъ, а всякій другой—или результатъ этого труда, или что-то искусственное. Позже я поняла даже такія вещи, о которыхъ онъ не упоминалъ. Иногда, весною, выйдешь въ поле, увидишь, что все ростетъ, и чувствуешь, что и у тебя сердце ростетъ тоже. Теперь я знаю, почему это: потому что во всякихъ другихъ отношеніяхъ человѣческихъ можетъ быть ложь, а земля—это правда... Земли нельзя обмануть, но и она,— дастъ, или не дастъ, — не обманетъ... Поэтому землю любятъ, какъ правду,—я ее люблю, и она меня учитъ любить... И роса падаетъ не только на нивы, не только на луга, но и на душу человѣческую, и человѣкъ становится лучшимъ, когда ему приходится вести дѣло съ правдой и любить, то-есть быть ближе къ Богу... Поэтому я такъ и любила мой Кшемень.

Тутъ Мариня испугалась и своего краснорѣчія, и того, что подумаетъ «Стась». Вмѣстѣ съ тѣмъ, ее взволновали и воспоминанія прошлаго и все это, какъ утренняя заря, отразилось въ ея глазахъ, на ея молодомъ лицѣ, да и сама она напоминала утреннюю зарю.

Букацкій смотрѣлъ на нее, какъ на неизвѣстное, только что открытое произведеніе венеціанской школы, потомъ закрылъ глаза

за, погрузилъ до половины свое маленькое личико въ огромный, фантастическій галстукъ и прошепталъ:

— Delicieuse!

Потомъ онъ высвободилъ подбородокъ изъ галстука и произнесъ вслухъ:

— Вы совершенно правы...

Но логическая Мариня не преминула отвѣтить:

— Если я права, то вы неправы.

— Это дѣло другое. Вы правы потому, что это вамъ къ лицу, а женщина въ это время всегда права.

— Стась!—сказала Мариня и обратилась къ мужу.

Въ эту минуту въ ней было столько прелести, что и онъ смотрѣлъ на нее также съ восторгомъ. Глаза у него смѣялись, ноздри широко раздувались; онъ прикрылъ своею ладонью ея руку и сказалъ:

— Охъ ты, дитя, дитя!

А потомъ, наклонившись къ ней, шепнулъ:

— Еслибъ мы были не въ общей залѣ, то я разцѣловалъ бы тебя въ твои милые глазки и губки.

Поланецкій допустилъ большую ошибку. Въ эту минуту не достаточно было почувствовать только физическую прелесть Марини, возгорѣться страстью при видѣ краски на ея лицѣ, ея глазъ или губъ,—нужно было понять и признать въ ней душу. А какъ далеко онъ не понималъ это, доказывали его снисходительныя слова. Въ эту минуту она была для него прелестнымъ ребенкомъ-женщиной,—больше онъ ни о чемъ и не думалъ.

Подали кофе. Въ концѣ разговора Поланецкій сказалъ:

— Такъ Машко сдѣлался лирикомъ,— это послѣ свадьбы-то!

Букацкій проглотилъ чашку кипятку и отвѣтилъ:

— Глупость въ томъ, что это Машко, а не то, что послѣ свадьбы... Не много лиризма, въ особенности послѣ свадьбы... Но позвольте! Я чуть-чуть не сказалъ что-то умное... Искренно прошу у васъ извиненія и обѣщаю, что впередъ не буду. Очевидно, я обжогъ себѣ языкъ горячимъ кофе, но я пью его такимъ горячимъ потому, что мнѣ сказали, что это помогаетъ противъ головной боли, а у меня она такъ болитъ, такъ болитъ...

Букацкій приложилъ руку къ затылку, закрылъ глаза и нѣсколько секундъ оставался безъ движенія. Потомъ онъ сказалъ:

— Болтаешь, болтаешь, а голова болитъ. Я отправился бы домой, но сюда долженъ придти ко мнѣ художникъ Свирскій. Мы съ нимъ вмѣстѣ ѣдемъ во Флоренцію... Знаменитый акварелистъ,

дѣйствительно знаменитый... Никто не извлекалъ изъ акварели большей силы. Да вотъ и онъ.

Дѣйствительно, Свирскій, точно вызванный заклинаніемъ, появился въ эту минуту въ залѣ ресторана и началъ оглядываться по сторонамъ, разыскивая Букацкаго, наконецъ, онъ нашелъ его и приблизился къ столу.

Это былъ крѣпкій, приземистый человѣкъ, съ толстымъ затылкомъ, могучею шеей, необыкновенно смуглымъ цвѣтомъ лица и волосами настолько черными, какъ будто былъ итальянцемъ. Лицо у него было самое обыкновенное, но глаза умные, глубокіе, и, притомъ, ласковые. Идя, онъ немного раскачивался изъ стороны въ сторону.

Букацкій слѣдующимъ образомъ представилъ его пани Поланецкой:

— Рекомендую вамъ пана Свирскаго, художника, изъ породы геніевъ, который обладаетъ не только талантомъ, но и несчастною идеей не закапывать его въ землю, что̀ онъ могъ бы сдѣлать такъ же хорошо и съ такою же пользою для людей, какъ и всякій другой... Но онъ предпочитаетъ наводнять свѣтъ акварелями и своею славой.

Свирскій, улыбаясь, показалъ два ряда мелкихъ, но здоровыхъ и бѣлыхъ, какъ слоновая кость, зубовъ и сказалъ:

— Хотѣлъ бы я, чтобъ это была правда.

— И я вамъ скажу, почему онъ не закопалъ своего таланта,— продолжалъ Букацкій,—по соображеніямъ такимъ узкимъ, что порядочному артисту стыдно было бы признаться въ чемъ-нибудь подобномъ: онъ любитъ Погненбинъ, гдѣ-то около Познани, — кажется такъ?—а любитъ потому, что родился тамъ. Еслибъ онъ родился въ Гваделупѣ, то любилъ бы Гваделупу и любовь къ Гваделупѣ такъ же спасала бы его въ жизни. Этотъ человѣкъ возмущаетъ меня, и вы должны сказать, не правъ ли я?

Мариня подняла на Свирскаго свои голубые глаза и отвѣтила:

— Панъ Букацкій вовсе не такой дурной человѣкъ, какимъ представляется, потому что сказалъ о васъ самое лучшее, что можно только сказать.

— Я умру забытый всѣми,—шепнулъ Букацкій.

Свирскій смотрѣлъ на Мариню такъ, какъ можетъ дозволять себѣ смотрѣть на женщину только одинъ живописецъ, безъ риска оскорбить ее. Видимо, онъ былъ заинтересованъ, и въ концѣ пробормоталъ:

— Только въ Венеціи можно неожиданно увидать такую голову,—это нѣчто баснословное!

— Что такое?—спросилъ Букацкій.

— Я говорю, что у пани Поланецкой удивительно оригинальный типъ,—вотъ здѣсь, напримѣръ (онъ провелъ себя указательнымъ пальцемъ по носу, губамъ и головѣ). И, притомъ, какая чистота линій!

— А что, не правда? — съ восторгомъ подхватилъ Поланецкій.—Я всегда думалъ то же самое!

— Готовъ побожиться, что ты никогда этого не думалъ,— отвѣтилъ Букацкій.

Но Поланецкій гордился и былъ необыкновенно доволенъ тѣмъ интересомъ, который возбуждала Мариня въ знаменитомъ художникѣ, и сказалъ:

— Если вамъ доставитъ какое-нибудь удовольствіе написать съ нея портретъ, то мнѣ доставило бы еще большее удовольствіе обладаніе этимъ портретомъ.

— Радъ всею душой,—просто отвѣтилъ Свирскій, — но я сегодня ѣду въ Римъ. Тамъ у меня начатъ портретъ пани Основской.

— И мы тоже, не дальше какъ черезъ десять дней, будемъ въ Римѣ.

— Тогда я согласенъ.

Мариня выразила свою благодарность и покраснѣла до ушей. Букацкій началъ прощаться и утащилъ съ собою Свирскаго. Выйдя изъ гостиницы, онъ сказалъ:

— У насъ еще есть время. Зайдемъ къ Флоріани и выпьемъ по рюмкѣ коньяку.

Букацкій не умѣлъ и не любилъ пить, но съ той поры, какъ началъ прибѣгать къ морфію, пилъ больше, чѣмъ дозволяли ему его силы, потому что кто-то сказалъ ему, что одно нейтрализируется другимъ.

— Что за милая пара эти Поланецкіе!—сказалъ Свирскій.

— Они недавно обвѣнчались.

— Видно, что онъ ее сильно любитъ. Когда я похвалилъ ее, у него даже глаза вспыхнули, онъ весь такъ и поднялся, словно тѣло на дрожжахъ.

— Она его любитъ во сто разъ больше.

— Отбуда ты знаешь толкъ въ такихъ вещахъ?

Букацкій не отвѣтилъ прямо, а только поднялъ кверху свой ос[illegible]носикъ и заговорилъ, какъ бы съ самимъ собою:

— Мнѣ были противны супружество и любовь потому, что

всегда, съ одной стороны, эта эксплуатація, съ другой—жертва. Напримѣръ, Поланецкій,—онъ добрый человѣкъ,—и что жь? у нея столько же ума, столько же характера, но потому, что она больше любитъ, жизнь ихъ сложится такъ: онъ будетъ солнцемъ, будетъ снисходительно свѣтить, снисходительно согрѣвать, считать ее своею собственностью, своею маленькою планеткой, которая обязана обращаться вокругъ него. Все это обозначается уже теперь... Она уже вошла въ его сферу. Въ немъ какая-то самоувѣренность, которая злитъ меня. Онъ будетъ обладать ею—и рентой, она только имъ, безъ ренты. Онъ будетъ позволять любить себя, считая любовь съ своей стороны своею добродѣтелью, снисходительностью и милостью, она будетъ любить и считать свою любовь счастьемъ и обязанностью... Посмотрите на него, божка лучезарнаго!... Меня разбираетъ охота возвратиться и сказать имъ это,—авось они будутъ менѣе счастливы.

Но они уже были у Флоріани и черезъ минуту имъ подали коньякъ.

Свирскій все думалъ о Поланецкихъ и потому спросилъ:

— Ну, а если ей, все-таки, будетъ хорошо?

— Я знаю, что она близорука, можетъ быть, ей было бы такъ же хорошо носить очки.

— Поди ты къ чорту! Съ такимъ лицомъ—очки...

— Тебя это возмущаетъ, а меня-то...

— Потому что у тебя въ головѣ какая-то кофейная мельница, которая все мелетъ и мелетъ, пока не превратитъ въ мельчайшую пыль. Чего ты вообще хочешь отъ любви?

— Я? отъ любви? Ничего я не хочу отъ любви! Пускай дьяволъ возьметъ того, кто чего-нибудь хочетъ отъ любви! У меня отъ нея стрѣляетъ въ лопаткахъ. Но еслибъ я былъ не тѣмъ, чѣмъ есть, если бы мнѣ нужно было опредѣлить, чѣмъ должна быть любовь, еслибъ я отъ нея требовалъ чего-нибудь, то хотѣлъ бы...

— Чего?... Гопъ, перепрыгивай!

— Чтобъ она складывалась въ равной части изъ страсти и уваженія.

Онъ выпилъ рюмку коньяку и черезъ минуту добавилъ:

— Кажется, я сказалъ что-то, что можетъ быть умнымъ, если оно не глупо... Но мнѣ это все равно.

— Нѣтъ, это не глупо.

— Ей-Богу, все равно.

XII.

Послѣ недѣльнаго пребыванія во Флоренціи Поланецкій получилъ отъ Бигеля первое дѣловое письмо съ извѣстіями настолько благопріятными, что они почти превосходили всякія ожиданія. Законъ, воспрещающій вывозъ хлѣба за границу, былъ обнародованъ. Но у торговаго дома Бигель, Поланецкій и К° огромные запасы хлѣба были закуплены и вывезены предварительно, а такъ какъ цѣны, въ особенности въ первое время, необычайно поднялись за границей, то торговый домъ получалъ огромную выгоду. Спекуляція, удачная и веденная на большую ногу, оказалась настолько выгодной, что изъ людей зажиточныхъ, какими они были до сихъ поръ, они обращались чуть не въ богатыхъ. Хотя Поланецкій давно былъ увѣренъ въ себѣ и не питалъ никакихъ опасеній, но это извѣстіе обрадовало его какъ съ финансовой стороны, такъ и съ точки зрѣнія самолюбія. Успѣхъ упояетъ человѣка и усиливаетъ его вѣру въ самого себя. Въ разговорѣ съ женой Поланецкій не совсѣмъ съумѣлъ воздержаться отъ того, чтобы не дать ей понять, какая у него необыкновенная голова,—не то, что у окружающихъ его,—что онъ человѣкъ, который всегда приходитъ туда, куда намѣтилъ,—однимъ словомъ, что-то вродѣ феникса среди общества, изобилующаго людьми, которые не могутъ устроиться на свѣтѣ, какъ слѣдуетъ. И на всемъ свѣтѣ онъ не могъ найти слушателя лучшаго, болѣе готоваго принять всѣ его слова съ величайшею вѣрой.

— Ты женщина,—говорилъ онъ ей не безъ нѣкотораго оттѣнка покровительности,—чтобы мнѣ разсказывать тебѣ все дѣло съ самаго начала и вдаваться въ подробности. Какъ женщинѣ, я лучше всего выясню тебѣ, если скажу такъ: тотъ медальонъ съ черною жемчужиной, который я тебѣ показывалъ у Годони, вчера я не былъ въ состояніи купить, а сегодня могу—и куплю.

Мариня начала благодарить его и просить не дѣлать этого, но онъ обнялъ ее и заявилъ, что его ничто не удержитъ, что это дѣло рѣшенное и что «Марись» должна считать себя обладательницей черной жемчужины, которая будетъ такъ красива на ея бѣлой шейкѣ. И онъ сталъ цѣловать ее въ шейку, а когда насытился, то, чувствуя потребность въ какомъ-нибудь слушателѣ, началъ расхаживать по комнатѣ, улыбаться женѣ, самому себѣ и говорить:

— Я не говорю уже о такихъ, которые ничего не дѣлаютъ: Бонацкій, напримѣръ, ни къ чему не пригоденъ... не говорю о разныхъ ослахъ, вродѣ Коповскаго. Возьмемъ людей, которые что-то

дѣлаютъ, у которыхъ какъ будто и умъ есть: ну, Бигель,—вѣдь, онъ никогда бы такого случая па-лету не поймалъ, началъ бы раздумывать, оттягивать, сегодня бы разсчитывалъ, завтра бы опасался, а время-то и прошло бы. Въ чемъ же дѣло-то? Прежде всего, въ томъ, чтобъ имѣть голову, а, во-вторыхъ, чтобы сѣсть и сообразить. А коли дѣлать, такъ ужь дѣлать!... Кромѣ того, нужно обладать трезвымъ умомъ и не позировать. Машко, какъ будто, не дуракъ, а смотри, что натворилъ!... Ужь я-то не ходилъ и не пойду по его слѣду.

Онъ шагалъ изъ угла въ уголъ и потряхивалъ своими черными волосами, а Мариня, которая и такъ бы съ довѣріемъ слушала его слова, теперь принимала ихъ за неоспоримыя аксіомы, тѣмъ болѣе, что они были основаны на неопровержимыхъ фактахъ.

Поланецкій остановился передъ нею.

— Знаешь, что я думаю? Что трезвость мыслей — это умъ. Можно обладать интеллигентною головой, то-есть такою, которая впитываетъ знаніе, какъ губка, и впечатлительною, но при этомъ не имѣть собственнаго трезваго ума. Доказательство—Букацкій. Не считай меня чрезмѣрно самонадѣяннымъ, но еслибъ я обладалъ, напримѣръ, такими знаніями въ искусствѣ, то, конечно, судилъ бы о немъ лучше. Онъ столько начитался, столько нахваталъ разныхъ мнѣній, что себѣ не составилъ никакого. Право, изъ того матеріала, который онъ нагромоздилъ у себя, что-нибудь я съумѣлъ бы выжать и своего собственнаго.

— Еще бы!—отвѣтила Мариня.—Непремѣнно съумѣлъ бы!

Поланецкій до нѣкоторой степени былъ справедливъ. Онъ вовсе не былъ глупымъ человѣкомъ, а, можетъ быть, его умъ былъ болѣе сплоченнымъ и солиднымъ, чѣмъ умъ Букацкаго, но за то и менѣе гибкимъ и менѣе обширнымъ,—вотъ это-то и не пришло ему въ голову. Онъ также не подумалъ и о томъ, что въ эту минуту, подъ вліяніемъ хвастливости, онъ говоритъ Маринѣ то, отъ чего въ присутствіи другихъ, болѣе скептическихъ людей его удержало бы опасеніе показаться смѣшнымъ и подвергнуться критикѣ. Но онъ съ Мариней уже не стѣснялся. Онъ думалъ, что если и можно позволить себѣ немного похвастаться, то, конечно, въ присутствіи жены. Вѣдь,—какъ онъ самъ выражался: «взялъ ее и дѣло кончено»,—вѣдь, Мариня принадлежала ему.

Вообще, онъ никогда не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ и такимъ довольнымъ жизнью, какъ теперь. Матеріальный успѣхъ былъ на его сторонѣ и будущность свою онъ считалъ обезпеченной. Онъ взялъ женщину молодую, красивую и умную, для кото-

рой онъ сталъ догматомъ, да иначе и быть не могло, коль скоро ея уста по цѣлымъ днямъ не обсыхали отъ его поцѣлуевъ, а здоровое и чистое сердце было преисполнено признательности за любовь. Чего ему недоставало теперь, чего еще могъ пожелать онъ? Кромѣ того, онъ былъ доволенъ и собою, потому что приписывалъ въ значительной части своему уму и своей тактикѣ то, что съумѣлъ устроить свою жизнь такъ, что она гантировала ему и дальнѣйшій успѣхъ, и спокойствіе въ будущемъ. Онъ видѣлъ, что другимъ плохо, а ему хорошо, и объяснялъ эту разницу въ свою пользу. Когда-то онъ думалъ, что человѣкъ, желающій быть спокойнымъ, долженъ урегулировать свои отношенія къ самому себѣ, къ людямъ и къ Богу. Первое и второе онъ считалъ урегулированнымъ. У него была жена, работа и будущее; онъ далъ себѣ и укрѣпилъ за собою то, что могъ дать и укрѣпить. Что касается людей, общества, то хотя онъ позволялъ себѣ критиковать его, иногда осмѣивать, но чувствовалъ, что въ глубинѣ души любитъ его, что даже еслибъ и захотѣлъ не любить, то не можетъ, что если бы ради него нужно было пойти въ огонь или въ воду, то онъ пошелъ бы,—значитъ, и съ этой стороны все было уяснено. Оставалось отношеніе къ Богу. Поланецкій чувствовалъ, что еслибъ и это отношеніе было яснымъ и опредѣленнымъ, то тогда всѣ задачи жизни были бы разрѣшены, тогда можно было бы сказать себѣ: я знаю, для чего жилъ, чего хотѣлъ и для чего долженъ умереть. Ученымъ онъ не былъ, но настолько сталкивался съ наукой, что зналъ, что объясненій и отвѣта искать нужно не въ такъ называемой философіи, а скорѣе въ собственномъ пониманіи вещей и, прежде всего, въ чувствѣ,—это проще и прямѣе, а иначе дойдешь до странностей. Такъ какъ онъ не былъ совершенно лишенъ воображенія, то видѣлъ передъ собою образъ хорошаго и уравновѣшеннаго человѣка, добраго мужа, добраго отца, который работаетъ и молится, въ праздники водитъ дѣтей въ церковь и живетъ жизнью необыкновенно здоровою съ моральной точки зрѣнія. Картина эта такъ улыбалась ему, а въ жизни столько дѣлается для картинъ! Онъ также думалъ, что общество, которое насчитывало бы побольше такихъ членовъ, было бы болѣе сплоченнымъ и здоровымъ, чѣмъ то, которое складывается изъ тех лыхъ головъ внизу, изъ софистовъ, диллетантовъ, декадентовъ и такихъ тому подобныхъ непозволительныхъ фигуръ со свихнувшимся мозгомъ наверху. Когда-то, вскорѣ послѣ знакомства съ Ларинеей, онъ обѣщался себѣ и Бигелю, что, когда покончитъ со своею особой и съ людьми, то приступитъ къ уясненію и этого третьяго отношенія. Теперь время подошло,—по крайней мѣ-

рѣ, подходило. Поланецкій понималъ, что для этого требуется большее спокойствіе, чѣмъ то, какое даетъ свадебная поѣздка, впечатлѣніе новой страны и то шатаніе изъ отеля въ галлерею, а изъ галлереи въ отель, которое отнимало у него все время. Но, несмотря на эти условія, въ тѣ рѣдкія минуты, когда онъ оставался съ своими мыслями, онъ тотчасъ же обращался къ этой, въ настоящее время самой важной для него, задачѣ. Кромѣ того, онъ подчинялся различнымъ вліяніямъ, которыя, несмотря на свою незначительность, все-таки, дѣйствовали на него, хотя бы потому, что онъ самъ нарочно не сопротивлялся имъ. Таково было вліяніе Марини. Поланецкій не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета и не призналъ бы его существованія, но постоянное общеніе съ этою ясною, чистосердечно и безхитростно вѣрующею душой, твердо сознающею свои обязанности къ Богу, невольно показывали ему, какое спокойствіе и умиротвореніе можно найти въ вѣрѣ. И сколько разъ онъ ни провожалъ жену въ церковь, столько же разъ вспоминалъ то, что она сказала въ Варшавѣ: «А какъ же? Служба Божія!» И онъ втянулся, сначала ходилъ въ церковь для того, чтобы не отпускать жену одну, а потомъ это стало доставлять ему нѣкоторое внутреннее удовлетвореніе, какое, напримѣръ, ученому доставляетъ наблюденіе явленій, которыя особенно интересуютъ его. Такимъ образомъ, несмотря на несоотвѣтственныя условія, несмотря на путешествіе и обиліе впечатлѣній, развлекающихъ его умъ, Поланецкій неуклонно шелъ по новой дорогѣ. Въ этомъ направленіи его мысли иногда получали оттѣнокъ особой энергіи и рѣшительности. «Въ концѣ-концовъ,—думалъ онъ,—я чувствую Бога! Я чувствовалъ Его у могилы Литки, чувствовалъ, хотя и не сознавалъ, въ словахъ Васковскаго о смерти, чувствовалъ во время вѣнчанія, чувствую Его и у насъ на равнинахъ, и здѣсь въ горахъ надъ снѣгами, и только спрашиваю еще: какъ я долженъ славить Его, чтить и любить? Такъ ли, какъ понравится мнѣ лично, или такъ, какъ это дѣлаетъ моя жена и какъ меня учила моя мать?»

Однако, въ Римѣ онъ сначала пересталъ думать объ этихъ вещахъ. Столько внѣшнихъ впечатлѣній громоздилось теперь въ его умѣ, что ни для какой рефлексіи не было мѣста. Кромѣ того, они съ Мариней возвращались вечеромъ такими измученными, что почти со страхомъ припоминали слова Букацкаго, который служилъ имъ добровольнымъ чичероне и постоянно повторялъ: «Вы не видали тысячной части того, что стоитъ видѣть, но это все равно,—вообще сюда не стоитъ пріѣзжать, точно также какъ не стоитъ сидѣть дома».

Букацкій теперь былъ въ такомъ настроеніи духа, что каждымъ своимъ новымъ словомъ противорѣчилъ тому, что высказалъ за минуту раньше.

Васковскій тоже пріѣхалъ повидаться съ ними изъ Перуджи. Маріню это такъ обрадовало, что она приняла его какъ близкаго родственника, и только успокоившись, замѣтила въ глазахъ профессора какъ будто оттѣнокъ грусти.

— Что съ вами?—спросила она,—вамъ не хорошо живется въ Италіи?

— Дитя мое,—отвѣтилъ профессоръ,—и въ Перуджѣ хорошо, и въ Римѣ хорошо... Ахъ, какъ хорошо! Знайте, что здѣсь, хотя по улицамъ, вы попираете пыль міра... Это, какъ я всегда повторяю, преддверіе новой жизни, только...

— Только что?

— Только люди... видите, это не отъ злого сердца, потому что и здѣсь, какъ вездѣ, больше добрыхъ, чѣмъ злыхъ; но по временамъ мнѣ становится грустно, что и здѣсь, какъ и у насъ, меня считаютъ немного за сумасшедшаго.

Букацкій, который слышалъ этотъ разговоръ, сказалъ:

— Тогда вамъ нѣтъ повода здѣсь печалиться больше, чѣмъ у насъ.

— Да,—отвѣчалъ Васковскій,—только тамъ у меня близкіе, какъ вы, которые любятъ меня, а здѣсь нѣтъ ихъ... И я тоскую.

Потомъ онъ обратился къ Поланецкому:

— Здѣшнія газеты помѣщаютъ замѣтки по моему дѣлу. Нѣкоторыя совсѣмъ издѣваются,—Богъ съ ними! Нѣкоторыя соглашаются, что новая эпоха должна, дѣйствительно, начаться введеніемъ Христа и Его духа въ исторію. Одна газета согласилась, что отдѣльные люди живутъ между собою по-христіански, но народы—еще по-языčески,—назвала даже это замѣчаніе великимъ, но и она, и всѣ другія газеты, когда я перехожу къ тому, что эту миссію Богъ предназначилъ намъ и другимъ юнѣйшимъ арійцамъ, покатываются отъ смѣха... А мнѣ это больно... Онѣ даютъ понять, что у меня здѣсь немного не въ порядкѣ...

И бѣдный Васковскій постукалъ себя пальцемъ по лбу.

Но черезъ минуту онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Человѣкъ бросаетъ зерно со скорбью и иногда съ сомнѣніемъ, но зерно падаетъ на ниву и, дастъ Богъ, взойдетъ.

Потомъ онъ сталъ разспрашивать о пани Эмиліи, а потомъ посмотрѣлъ на новобрачныхъ своими, точно только что проснувшимися глазами и задалъ наивный вопросъ:

— А вамъ хорошо другъ съ другомъ?

Марина, вмѣсто отвѣта, подбѣжала къ мужу, прижалась къ его плечу и сказала:

— Вотъ видите, профессоръ!... Вотъ какъ намъ съ нимъ, вотъ какъ!...

Поланецкій началъ гладить ея темноволосую головку.

XIII.

Черезъ недѣлю Поланецкій повезъ жену на Via Margutti къ Свирскому, съ которымъ видался чуть не каждый день, съ которымъ сжился, подружился и который долженъ былъ начать портретъ Марини. Поланецкіе застали тамъ пана и пани Основскихъ и познакомились съ ними, тѣмъ легче, что барыни нѣсколько лѣтъ тому назадъ были вмѣстѣ на какомъ-то вечерѣ, а Поланецкій даже былъ когда-то представленъ пани Основской въ Остенде. Правда, Поланецкій не помнилъ,—въ эпоху, когда, при видѣ каждой молодой и красивой женщины, онъ спрашивалъ себя: «не эта ли?» — задавалъ ли онъ себѣ такой вопросъ и по отношенію къ теперешней пани Основской? Во всякомъ случаѣ, это могло быть, потому что она повсюду пользовалась репутаціей красивой, хотя нѣсколько изломавшейся, дѣвушки. Теперь это была женщина двадцати шести или двадцати восьми лѣтъ, очень высокая, со свѣжимъ, хотя смуглымъ цвѣтомъ лица, съ вишневыми губами, съ причудливыми завитками волосъ на лбу и немного раскосыми, фіалковыми глазами, которые дѣлали ее похожею на китаянку, а вмѣстѣ придавали ея лицу выраженіе остроумія и злости. У нея была странная привычка закидывать руки назадъ и выставлять впередъ грудь, вслѣдствіе чего Букацкій говорилъ, что она носитъ бюстъ «en offrande». Почти въ одну минуту она сообщила Маринѣ, что такъ какъ они позируютъ въ одной мастерской, то должны считать себя за товарокъ; Поланецкому — что помнитъ его въ Остенде какъ хорошаго танцора и хорошаго «causeur'а» и что не преминетъ и теперь воспользоваться этимъ; обоимъ Поланецкимъ — что ей очень пріятно, что она упивается Римомъ, читаетъ *Космополисъ*, что влюблена въ виллу Доріа, въ видъ съ Пинчіо, что надѣется увидать катакомбы и что знаетъ сочиненія Росси въ переводѣ Аларда. Потомъ она пожала руку Свирскому, кокетливо улыбнулась Поланецкому и вышла съ заявленіемъ, что уступаетъ мѣсто болѣе достойной, оставивъ впечатлѣніе безпорядка, китаянки и цвѣтовъ. Панъ Основскій, человѣкъ очень молодой, свѣтлый блондинъ, съ безцвѣтными, хотя и добрымъ лицомъ, вышелъ за женою, почти не вымолвивъ ни слова.

Свирскій глубоко вздохнулъ.

— Вотъ такъ буря!—сказалъ онъ.—Мнѣ необыкновенно трудно удержать ее хоть двѣ минуты въ покоѣ.

— А какое интересное лицо!— сказала Мариня.— Можно мнѣ посмотрѣть ея портретъ?

— Онъ почти готовъ, можно,— отвѣтилъ Свирскій.

Мариня съ Поланецкимъ приблизились къ бумагѣ и могли, безъ всякаго принужденія, выразить свое удивленіе Свирскому. Эта голова, рисованная акварелью, обладала силою и тепломъ масляныхъ красокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней отражалось все духовное существо пани Основской. Свирскій спокойно выслушивалъ похвалы и было видно, что онъ и самъ доволенъ своею работой. Онъ закрылъ портретъ, отнесъ его въ темный уголъ мастерской, затѣмъ усадилъ Мариню и началъ всматриваться въ нее.

Мариню до нѣкоторой степени смущалъ этотъ упорный взглядъ и щеки ея начали покрываться румянцемъ, но Свирскій довольно улыбнулся и пробормоталъ:

— Да, это другой типъ... земля и небо!

По временамъ онъ прищуривалъ одинъ глазъ, что смущало Мариню еще больше, по временамъ то приближался къ бумагѣ, то снова отступалъ отъ нея и снова говорилъ, какъ бы самъ съ собою:

— Тамъ нужно было уловить чорта, а здѣсь женственность.

На это Поланецкій отвѣтилъ:

— Если вы сразу замѣтили это, то я увѣренъ, что портретъ будетъ chef-d'œvre искусства.

Свирскій вдругъ пересталъ смотрѣть на бумагу и на Мариню, обернулся къ Поланецкому и весело улыбнулся, показывая свои здоровые зубы.

— Именно, женственность, и типичную женственность, — это главный характеръ лица вашей жены.

— Вы и его уловите, какъ въ томъ портретѣ уловили чорта.

— Стась! — сказала Мариня.

— Это не я выдумалъ,— это панъ Свирскій.

— Если вы предпочитаете, то скажемъ чертенокъ, не чортъ... И хорошенькій чертенокъ, но опасный. Я, когда рисую, то наблюдаю разныя вещи. Любопытный это типъ — пани Основская.

- Почему именно?

- Вы замѣтили ея мужа?

- Я была такъ занята ею, что у меня не было времени.

- Вотъ, видите ли, она его такъ заслоняетъ, что его почти не ви а хуже всего то, что и она его не видитъ, тогда какъ онъ

чудеснѣйшій малый, превосходно воспитанный, поразительно деликатный, очень богатый и вовсе не глупый, а въ добавокъ любитъ ее до безумія.

Свирскій началъ рисовать и разсѣянно повторилъ:

— Лю-битъ ее безум-но... Пожалуйста, поправьте волосы около уха... Если вашъ мужъ любитъ говорить, то онъ будетъ въ отчаяніи,— Букацкій утверждаетъ, что какъ я возьмусь за работу, то у меня ротъ не закрывается и я никому не дамъ сказать слова... Она, видите ли, можетъ быть, до сихъ поръ чиста, какъ слеза, но она кокетка... Холодное сердце и горячая голова... Опасный видъ! О, опасный! Цѣлыми дюжинами пожираетъ книжки,— конечно, французскія... Учится по нимъ психологіи, черпаетъ свѣдѣнія о женскихъ темпераментахъ, о женской загадочности, ищетъ сама въ себѣ загадокъ, которыхъ въ ней нѣтъ, находитъ стремленія, о которыхъ еще вчера ничего не знала, умственно развращается и эту развращенность считаетъ за умъ, а мужа — за ничто.

— Какой вы страшный человѣкъ,— замѣтила Мариня.

— Панъ Свирскій, панъ Свирскій,— сказалъ Поланецкій,— завтра моя жена спрячется со страха, когда подойдетъ время сеанса.

— Пусть не прячется. Это иной типъ. Основскій вовсе не глупъ, но люди, а въ особенности,— прошу извиненія,— женщины, такъ не умны, что если чей-нибудь умъ не бьетъ никого по головѣ, если онъ страдаетъ неувѣренностью въ себѣ, если не царапается, какъ кошка, и не рѣжетъ, какъ ножъ, его обыкновенно не цѣнятъ. Ей-Богу, я это сто разъ въ жизни видѣлъ!...

Онъ снова прищурилъ одинъ глазъ, посмотрѣлъ на Мариню и продолжалъ:

— Вообще, какъ глупо человѣческое общество! Не разъ задавалъ я себѣ вопросъ, почему прямота характера, сердце и такая вещь, какъ доброта, оцѣниваются меньше, чѣмъ такъ называемый умъ? Почему въ общественной жизни существуютъ только двѣ этикетки: умный или глупый, а нѣтъ обычая говорить, напримѣръ: добродѣтельный и недобродѣтельный?—до такой степени нѣтъ обычая, что самыя эти выраженія показались бы смѣшными.

— Потому что,— замѣтилъ Поланецкій,— умъ, это фонаръ, которымъ и добродѣтель, и доброта, и сердце должны освѣщать себѣ дорогу,— иначе они могутъ расквасить себѣ носы и, что еще хуже, расквасить носы другимъ.

Мариня не сказала ни слова, но на лицѣ ея можно было прочитать:

«Какой Стахъ умный, просто страхъ!»

А «умный Стахъ» добавилъ:

— Впрочемъ, я не говорю объ Основскомъ,— я его не знаю.

— Основскій,—отвѣтилъ Свирскій,—любитъ жену, какъ свою жену, какъ своего ребенка и какъ свое счастье, а у нея голова загромождена Богъ вѣсть чѣмъ и она не отвѣчаетъ ему взаимностью. Меня, какъ человѣка неженатаго, необыкновенно интересуютъ женщины, и вотъ мы говоримъ по цѣлымъ днямъ о нихъ,— или, вѣрнѣе, говорили,— съ Букацкимъ, пока и его онѣ интересовали больше, чѣмъ теперь. Букацкій дѣлитъ женщинъ на духовныхъ плебеекъ, подъ которыми подразумѣваетъ ничтожныя и плоскія души, и на духовныхъ патриціанокъ, то-есть натуры облагороженныя, полныя высшихъ стремленій и основывающіяся на извѣстныхъ принципахъ, а не на фразахъ. Въ этомъ есть доля справедливости, но я предпочитаю мою классификацію, она проще: благодарныя сердца и неблагодарныя.

Онъ на минуту отошелъ отъ своего эскиза, взялъ маленькое зеркальце, навелъ его на эскизъ и сталъ смотрѣть на отраженіе.

— Вы спрашиваете меня, что я подразумѣваю подъ благодарнымъ и неблагодарнымъ сердцемъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Маринѣ, хотя та ни о чемъ его не спрашивала.—Видите ли, благодарное сердце—это такое, которое чувствуетъ, когда его любятъ, растрогивается этою любовью и за любовь любитъ все больше, все больше отдается ей, и цѣнитъ ее, и чтитъ. Неблагодарное—только эксплуатируетъ любовь, и чѣмъ оно больше увѣрено, тѣмъ меньше обращаетъ на нее вниманія, начинаетъ относиться къ ней болѣе легкомысленно, топтать ее... Женщину съ неблагодарнымъ сердцемъ достаточно полюбить, чтобъ она перестала любить. Рыбакъ не заботится о рыбѣ въ неводѣ, вотъ и пани Основская не заботится о панѣ Основскомъ. Въ сущности, это самая грубѣйшая форма эгоизма, какая только существуетъ. Поэтому да сохранитъ Богъ пана Основскаго, а ей чтобъ провалиться съ ея китайскими глазами цвѣта фіалки и съ подвитою чолкой! Рисовать такую хорошо, но жениться на ней—покорнѣйше благодарю! Повѣрите ли вы мнѣ, я такъ боюсь неблагодарнаго сердца, что поэтому до сихъ поръ не женился, хотя мнѣ уже стукнуло сорокъ.

— Но, вѣдь, это такъ легко узнать,—сказала Мариня.

— Поди-ка, узнай тамъ, въ особенности, когда потеряешь [illegible]ъ и разумъ!—сказалъ Свирскій.

И, перегнувъ свой атлетическій корпусъ, онъ еще разъ посмотрѣлся [illegible]на эскизъ.

— Ну, на сегодня довольно! Я наболталъ столько, что, должно

быть, всѣ мухи попадали со стѣнъ. Завтра, если вамъ это надоѣстъ, хлопните только въ ладоши... Вотъ съ пани Основской я столько не болтаю, потому что и она любитъ болтать... А сколько названій книжекъ я узналъ! Ну, да не стоитъ... Что-то я хотѣлъ сказать и забылъ... Ахъ, да,—что у васъ благодарное сердце.

Поланецкій разсмѣялся и пригласилъ Свирскаго обѣдать въ компаніи съ Букацкимъ и Васковскимъ.

— Съ великою радостью,— отвѣтилъ Свирскій,—я одинокъ, какъ кабанъ. А такъ какъ погода хорошая и полнолуніе, то послѣ обѣда мы пойдемъ осматривать Колизей при лунѣ.

Обѣдъ прошелъ безъ софизмовъ Букацкаго,—онъ былъ нездоровъ и написалъ, что не придетъ. За то Свирскій и Васковскій пришлись другъ другу по душѣ и подружились сразу. Свирскій только во время своей работы никому не давалъ сказать слова, а вообще любилъ и умѣлъ слушать, и хотя профессоръ со своими воззрѣніями казался ему иногда комичнымъ, но отъ старичка вѣяло такою искренностью и добротой, что трудно было не поддаться ему. Художника поразили и его мистическое лицо, и выраженіе глазъ. Мысленно онъ составлялъ его эскизъ и, слушая объ арійцахъ, думалъ, какъ бы смотрѣла эта голова, еслибъ хорошенько схватить все, что въ ней заключалось.

Въ концѣ обѣда профессоръ сталъ разспрашивать Мариню, не хочетъ ли она видѣть папу, и сообщилъ, что черезъ три дня прибудутъ бельгійскіе пилигримы, къ которымъ можно присоединиться. Свирскій, который зналъ весь Римъ и всѣхъ монсиньоровъ, ручался, что устроитъ это безъ труда. Профессоръ услыхалъ это, посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Такъ вы почти римлянинъ?

— Да, вотъ уже шестнадцать лѣтъ.

— Скажите, пожалуйста!...

Васковскій смѣшался немного, не будетъ ли это нескромностью, но ему хотѣлось знать, что думать о такомъ симпатичномъ человѣкѣ; онъ превозмогъ робость и спросилъ:

— А... изъ Квиринала или изъ Ватикана?

— Изъ Погненбина,—отвѣтилъ Свирскій и слегка наморщилъ брови.

Обѣдъ кончился, а вмѣстѣ съ нимъ кончились всѣ объясненія и разговоры. Мариня еле сидѣла на мѣстѣ отъ мысли, что увидитъ при лунномъ освѣщеніи Капитолій, Форумъ и Колизей. Спустя часъ все общество поѣхало по освѣщенному электричествомъ Корсо къ развалинамъ.

Ночь была тихая и теплая; около Форума и Колизея царила пустота, какая, впрочемъ, бываетъ и днемъ. Вблизи церкви Санта Марія Либератриче кто-то игралъ на флейтѣ, черезъ открытое окно можно было слышать каждую ноту. На переднюю часть Форума падала глубокая тѣнь отъ холма и зданій Капитолія, но дальнѣйшіе планы были залиты яркимъ зеленоватымъ свѣтомъ, точно такъ же, какъ и Капитолій, который издали казался точно серебрянымъ. Когда экипажъ остановился у аркады гигантскаго цирка, Поланецкіе, Свирскій и Васковскій вошли внутрь и направились къ средней аренѣ, минуя нагроможденные всюду обломки колоннъ, фризовъ, кучи кирпича, каменьевъ и стоящіе тамъ и здѣсь низкіе цоколи. Подъ впечатлѣніемъ молчанія и пустоты слова не шли имъ на языкъ. Черезъ своды аркадъ внутрь врывались снопы луннаго свѣта и, казалось, тихо засыпали на поверхности арены, на противуположныхъ стѣнахъ, въ щеляхъ и трещинахъ, въ нишахъ, на посеребренномъ мху и плющѣ, тамъ и здѣсь покрывающихъ развалины. Иныя части зданія, погруженныя въ непроницаемый мракъ, производили впечатлѣніе какихъ-то черныхъ и таинственныхъ пастей. Изъ низко лежащихъ куникулъ доходило влажное дыханіе запустѣнія. Дѣйствительность таяла среди этого лабиринта и этой путаницы стѣнъ, аркадъ, свѣтлыхъ пятенъ, свѣтлыхъ полосъ и глубокихъ тѣней. Гигантская руина, казалось, утрачивала свою реальность и становилась сонным видѣніемъ или, вѣрнѣе, какимъ-то страннымъ впечатлѣніемъ, складывающимся изъ тишины ночи, луннаго свѣта, изъ грусти и воспоминаній великаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полнаго страданій и крови прошедшаго.

Свирскій первый заговорилъ пониженнымъ голосомъ:

— Сколько здѣсь скорби, сколько слезъ, какая неизмѣримая трагедія!... Пусть говорятъ себѣ, что угодно, въ христіанствѣ таилось что-то сверхчеловѣческое,—этого нельзя оспаривать.

Онъ обратился къ Маринѣ и продолжалъ шептать:

— Представьте себѣ то могущество: весь міръ, милліоны людей, желѣзный законъ, силу, равной которой ни до того, ни послѣ того никто не видалъ, организацію, какой не было нигдѣ, величіе, славу, сотни легіоновъ, гигантскій городъ, владѣющій всѣмъ свѣтомъ, а вонъ тамъ Палатинъ, владѣющій городомъ. Казалось бы, никакая человѣческая мощь не разрушитъ этого, а приходятъ два еврея, Петръ и Павелъ,—не съ оружіемъ, а со словомъ,—и смотрите здѣсь руина, на Палатинѣ руина, на Форумѣ руина, а надъ городомъ кресты, кресты, кресты и кресты...

Снова настала тишина, только со стороны Санта Марія Либератриче доносился звукъ флейты.

Черезъ минуту Васковскій указалъ на арену и сказалъ:

— И здѣсь былъ крестъ, да они его сняли...

Поланецкій раздумывалъ о словахъ Свирскаго. Они имѣли для него болѣе жизненное значеніе, чѣмъ могли бы имѣть для человѣка, который уже покончилъ съ собою духовную борьбу. Слѣдуя за теченіемъ своихъ мыслей, онъ сказалъ:

— Да, въ этомъ кроется что-то сверхчеловѣческое. Какая-то правда свѣтитъ здѣсь прямо въ глаза, какъ вонъ тотъ мѣсяцъ.

Они медленно направлялись уже къ выходу, когда на улицѣ загремѣли колеса экипажа, потомъ въ темной нишѣ, ведущей къ центру цирка, послышались чьи-то шаги и какія-то двѣ высокія фигуры появились изъ тѣни на свѣтъ.

Одна изъ нихъ, въ сѣромъ платьѣ, которое при лунномъ свѣтѣ отливало сталью, подошла къ Поланецкимъ и вдругъ проговорила:

— Добрый вечеръ! Ночь такая чудесная, что и мы собрались въ Колизей. Какая ночь!

Поланецкій узналъ голосъ пани Основской.

Она, подавая ему руку, заговорила такимъ мягкимъ голосомъ, какъ голосъ флейты, который все еще доходилъ сюда:

— Я начинаю вѣрить въ предчувствія. Мнѣ что-то говорило, что я найду здѣсь знакомыхъ. Какая чудесная ночь!...

XIV.

Возвратившись въ отель, Поланецкіе съ нѣкоторымъ удивленіемъ нашли визитныя карточки Основскихъ, тогда какъ молодымъ супругамъ первымъ надлежало сдѣлать визитъ. На любезность, да еще такую исключительную, нужно было отвѣтить равною любезностью, и Поланецкіе поспѣшили отдать визитъ на слѣдующій день. Букацкій, хотя страшно больной, еле волочащій ноги, все-таки, съострилъ и сказалъ Поланецкому, когда они остались наединѣ:

— Она будетъ кокетничать съ тобой, но если ты предполагаешь, что она влюбится въ тебя, то ошибаешься. До нѣкоторой степени въ ней есть сходство съ бритвой,—ей нуженъ ремень для наточиванія, и въ самомъ лучшемъ случаѣ ты будешь для нея такимъ ремешкомъ.

— Во-первыхъ, я не хочу быть ея ремешкомъ,—отвѣтилъ Поланецкій,—во-вторыхъ, это еще черезъ-чуръ рано.

— Рано? Это значитъ, что ты обезпечиваешь себѣ будущее?

— Нѣтъ, это значитъ, что я думаю совсѣмъ о другомъ, а, во-вторыхъ, все больше и больше люблю свою Мариню, такъ что когда кончится «рано», будетъ «поздно», и что пани Основская могла бы скорѣе защербиться на мнѣ, чѣмъ наостриться.

И Поланецкій, говоря это, былъ искрененъ: его мысли дѣйствительно были заняты другимъ, онъ былъ черезъ-чуръ честенъ, чтобы когда-нибудь измѣнить женѣ, и, во всякомъ случаѣ, для этого еще было рано. Онъ былъ такъ увѣренъ въ себѣ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалъ нѣкоторое желаніе подвергнуться испытанію. Иначе говоря, онъ былъ бы доволенъ, если бы пани Основская защербилась на немъ.

Послѣ завтрака онъ отправился съ Мариней къ Свирскому на сеансъ, который, однако, длился не долго, потому что артистъ былъ судьею въ какомъ-то артистическомъ конкурсѣ и спѣшилъ на засѣданіе.

Они возвратились домой, а черезъ четверть часа къ нимъ пришелъ панъ Основскій.

Поланецкій, послѣ разговора со Свирскимъ, питалъ къ пану Основскому нѣкоторое сожалѣніе, не лишенное, впрочемъ, оттѣнка пренебреженія, за то Мариня чувствовала къ нему живѣйшую симпатію. Ее тронуло то, что она слышала о его добротѣ, деликатности и привязанности къ женѣ. Теперь ей казалось, что всѣ эти особенности точно выписаны на его лицѣ, вовсе не некрасивомъ, хотя и усѣянномъ прыщами.

Послѣ первыхъ привѣтствій панъ Основскій заговорилъ со свободой человѣка, привыкшаго къ хорошему обществу:

— Я прихожу сюда по порученію жены съ однимъ предложеніемъ. Слава Богу, что визитныя церемоніи между нами окончены, хотя за границей съ ними можно и не такъ строго считаться. Дѣло вотъ какое: мы хотимъ сегодня ѣхать къ св. Павлу, а потомъ на Tre Fontane. Это уже за городомъ; очень интересный монастырь, чудесный видъ. Намъ было бы очень пріятно, еслибъ вы согласились совершить вмѣстѣ съ нами эту прогулку.

Мариня всегда была готова на всѣ прогулки, въ особенности въ пріятномъ обществѣ, и теперь смотрѣла на мужа, ожидая, что онъ скажетъ. Поланецкій замѣтилъ, что Маринѣ хочется ѣхать, да, кромѣ того, онъ подумалъ: «Хочешь немного пощербиться, ну, что-жь, пощербись!»

Онъ отвѣтилъ:

— Я согласился бы съ большимъ удовольствіемъ, но это зависит[illegible] моей высшей власти.

Высшая власть еще не была увѣрена, говоритъ ли покорный подданный искренно, или нѣтъ, но, видя улыбку на его губахъ, наконецъ, изрекла приговоръ:

— Я очень благодарна, только боюсь, не надѣлаемъ ли мы вамъ хлопотъ.

— Ничего, кромѣ удовольствія, — отвѣтилъ Основскій. — Въ такомъ случаѣ, отлично. Черезъ четверть часа мы будемъ здѣсь.

И дѣйствительно, черезъ четверть часа они поѣхали. Китайскіе глазки пани Основской были ясны и выражали удовольствіе. Въ фуляровомъ платьѣ цвѣта ириса и въ шляпкѣ, которая могла бы считаться восьмымъ чудомъ свѣта, она казалась настоящею русалкой. И, прежде чѣмъ доѣхали до св. Павла, Поланецкій самъ не зналъ, какимъ способомъ пани Основская, которая ничего не говорила объ этомъ предметѣ, съумѣла ему какъ-то сказать или, по крайней мѣрѣ, дать понять болѣе или менѣе вотъ что:

«Твоя жена такъ себѣ, милая деревенская бабенка, а о моемъ мужѣ нечего и говорить. Понимать и дѣлиться впечатлѣніями можемъ только мы двое».

Онъ рѣшилъ подразнить ее.

Когда доѣхали до св. Павла, котораго, между прочимъ, пани Основская называла не иначе, какъ «San Paolo fuori le mura», ея мужъ хотѣлъ остановить экипажъ, но она сказала:

— Мы остановимся здѣсь на обратномъ пути,— тогда мы будемъ видѣть, сколько времени намъ останется,—а теперь поѣдемъ прямо къ тремъ фонтанамъ.

И она обратилась къ Поланецкому:

— Здѣсь, на этомъ славномъ дворѣ, много вещей, о которыхъ я хотѣла бы разспросить васъ.

— Вы сдѣлали плохой выборъ,— сказалъ Поланецкій,—потому что въ этихъ вещахъ я рѣшительно ничего не понимаю.

Оказалось вскорѣ, при проѣздѣ мимо разныхъ достопамятныхъ мѣстъ, что изо всего общества панъ Основскій обладаетъ большими знаніями въ археологіи. Бѣдняга съ утра до вечера изучалъ различные путеводители для того, чтобы самому быть проводникомъ жены и, кромѣ того, привлечь ее къ себѣ своими знаніями. Но она пренебрежительно относилась къ объясненіямъ, какія онъ давалъ, собственно потому, что они исходили отъ него. Ей больше понравилась та дерзкая самоувѣренность, съ какой Поланецкій признался, что не имѣетъ никакого понятія объ археологіи.

За св. Павломъ открылся видъ на Кампанью, съ ея акведуками, которые, казалось торопливо стремятся въ городъ и на Альб-

скія горы, закутанныя синеватою мглой дали, спокойныя и свѣтлыя. Пани Основская смотрѣла на нихъ мечтательнымъ взоромъ.

— Вы были въ Альбано и въ Неми? — наконецъ, спросила она.

— Нѣтъ,— отвѣтилъ Поланецкій,— сеансы у Свирскаго перерѣзываютъ нашъ день такъ, что мы не можемъ дѣлать большихъ прогулокъ раньше окончанія портрета.

— Мы были уже, но когда вы соберетесь туда, возьмите меня еще разъ съ собою, — возьмите меня съ собою... Хорошо? Вы позволите?—она обратилась къ Маринѣ.—Я буду тихонько сидѣть въ уголку экипажа, ни слова не скажу, ни гу-гу. Хорошо?

— Ахъ, ты, дитя, дитя!—сказалъ панъ Основскій.

А она продолжала:

— Мужъ мой не хочетъ вѣрить, что я влюбилась въ Неми. А я влюбилась. Когда я была тамъ, мнѣ все казалось, что христіанство еще не дошло туда, что по ночамъ выходятъ какіе-то жрецы и совершаютъ надъ озеромъ языческіе обряды. Я скажу кратко: тишина и таинственность—вотъ что Неми. Повѣрите ли вы, что когда я была тамъ, то у меня явилось желаніе сдѣлаться отшельницей,—это желаніе и теперь не прошло. Построила бы я себѣ келью надъ берегомъ озера и ходила бы въ длинномъ сѣромъ платьѣ, похожемъ на одежду св. Франциска Ассизскаго, и босикомъ. Чего бы я ни дала, чтобы сдѣлаться отшельницей... Я вижу себя надъ озеромъ...

— Анета, а со мной что бы стало? — полушутя, полусерьезно спросилъ панъ Основскій.

— Ты бы утѣшился,—коротко отвѣтила она.

А Поланецкій подумалъ:

«Ты стала бы пустынницей подъ условіемъ, чтобы на другомъ берегу озера стояли двѣ дюжины франтовъ и смотрѣли бы въ бинокль, что дѣлаетъ отшельница и какова она изъ себя».

Онъ былъ настолько благовоспитанъ, чтобы не сказать ей прямо то, что думалъ, но сказалъ что-то подобное. Пани Основская засмѣялась и отвѣтила:

— Конечно. Я жила бы милостыней, значитъ, должна была бы иногда видѣть людей. Еслибъ вы когда-нибудь пріѣхали въ Не и, я также пришла бы къ вамъ и повторяла потихоньку: «U soldo! un soldo!»

Ia протянула къ нему свои маленькія руки и умоляющимъ го мъ заговорила:

Un soldo per la povera! un soldo!...

Панъ Осповскій тѣмъ временемъ объяснялъ Маринѣ:

— Это называется Tre Fontane, потому что тамъ три источника. Тамъ былъ обезглавленъ св. Павелъ и существуетъ преданіе, что голова его три раза подпрыгнула, и на этихъ мѣстахъ появились источники. Теперь это принадлежитъ траппстамъ. Прежде тамъ нельзя было ночевать,—свирѣпствовали лихорадки,—но теперь лихорадки уменьшились, потому что на холмахъ разведенъ цѣлый лѣсъ эукалиптовъ. О, отсюда уже видно!

Пани Осповская немного откинулась назадъ, закрыла глаза и говорила Поланецкому:

— Меня упояетъ римскій воздухъ. Я сама не своя. Дома я не требую отъ жизни больше того, что она мнѣ даетъ, а здѣсь я деморализируюсь,—чувствую, что мнѣ чего-то недостаетъ. Почемъ я знаю, чего? Здѣсь что-то предчувствуется, что-то отгадывается, о чемъ-то грустится... Можетъ быть, это дурно, можетъ быть, объ этомъ нельзя говорить, но я всегда говорю то, что мнѣ придетъ въ голову. Въ нашей семьѣ, когда я была маленькой, меня называли прямодушной. Я попрошу мужа, чтобъ онъ увезъ меня отсюда. Можетъ быть, лучше жить въ своей тѣсной скорлупѣ, какъ черепаха или улитка.

Поланецкій важно отвѣтилъ на это:

— Въ скорлупѣ хорошо можетъ быть только улиткамъ или черепахамъ, но не птицамъ, да еще райскимъ, о которыхъ существуетъ преданіе, что у нихъ нѣтъ ногъ, и потому онѣ никогда не могутъ отдохнуть и должны все летать и летать.

— Какое прелестное преданіе!—отвѣтила пани Осповская.

Она подняла руки, взмахнула ими, какъ птица крыльями, и повторила:

— Все летать въ воздухѣ, въ воздухѣ!

Сравненіе это льстило ей, и, кромѣ того, ее удивило то, что хотя Поланецкій говорилъ серьезно, выраженіе его лица было небрежное и какъ будто ироническое. Она началъ ее интересовать; онъ показался ей болѣе умнымъ и не такъ легко побѣдимымъ, чѣмъ она предполагала.

Тѣмъ временемъ они доѣхали до Трехъ Фонтановъ, осмотрѣли садъ, церковь и часовню, въ которой были три источника. П. ъ Осповскій своимъ добрымъ, однообразнымъ голосомъ разска: ывалъ то, что вычиталъ для этого случая. Мариня внимател но слушала его, а Поланецкій подумалъ:

«Однако, жить съ нимъ триста шестьдесятъ пять дней въ г у должно быть немного тяжело!

Это до нѣкоторой степени оправдывало въ его глазахъ пани Основскую, которая, принявши на себя новую роль райской птицы, ни на минуту не хотѣла отдохнуть не только на землѣ, но и ни на какомъ предметѣ. Прежде всего, она выпила эукалиптиваго ликеру, который монастырь вырабатываетъ, какъ средство противъ лихорадки, потомъ рѣшительно заявила, что еслибъ была мужчиной, то сдѣлалась бы траппистомъ, потомъ вспомнила, что и жизнь моряка ей кажется привлекательной: «все время между небомъ и моремъ—безконечность при жизни»; наконецъ надо всѣми другими ея желаніями взяло верхъ желаніе быть великимъ, очень великимъ писателемъ, который изображаетъ наималѣйшія движенія души, полусознательныя чувства, необъяснимыя стремленія, всѣ формы, всѣ цвѣта, всѣ тѣни.

Поланецкіе въ первый разъ узнали (подъ секретомъ), что она пишетъ дневникъ, который «этотъ добрый Юзя» считаетъ за chef d'oevre, но она знаетъ, что это пустяки, не питаетъ ни малѣйшихъ претензій и смѣется надъ Юзей и надъ дневникомъ.

«Юзя» смотрѣлъ на нее влюбленными глазами и протестовалъ:

— А что касается дневника, то извините, извините пожалуйста!

Назадъ они поѣхали уже вечеромъ. Отъ деревьевъ ложились длинныя тѣни, солнце обратилось въ огромный красный дискъ. Далекіе акведуки и албанскія горы отсвѣчивали розовымъ свѣтомъ. Вдругъ съ колокольни св. Павла зазвонили къ Angelus; вслѣдъ за этимъ колоколомъ отозвался другой, третій, десятый. Одна церковь подавала голосъ другой; образовался хоръ такой огромный, воздухъ такъ наполнялся звуками, что какъ будто бы къ Angelus звонилъ не только городъ, но и вся окрестность, равнины и горы.

Поланецкій посмотрѣлъ на освѣщенное золотымъ блескомъ лицо Марини. Оно было необыкновенно спокойно и сосредоточенно. Было отлично видно, что она теперь читала Angelus, какъ читала его въ Кшеменѣ, когда туда доносился благовѣстъ съ Ворторской колокольни. Всегда и всюду одинаково. Поланецкому снова припомнилось: «служба Божія»... Это ему показалось такъ просто и умиротворяюще, какъ никогда, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, теперь, приближаясь къ городу, онъ понялъ твердость, жизненность и громадность этихъ вѣ[illegible]ваній. «Все это,—подумалъ онъ,—существуетъ тысячи лѣтъ, и са[illegible]е безспорное значеніе этого города кроется ни въ чемъ иномъ, ка[illegible] только въ этихъ колокольняхъ, колоколахъ, въ этой устойчивости креста, который существуетъ и существуетъ». Тутъ снова ем[illegible] припомнились слова Свирскаго: «Здѣсь руина, на Палатинѣ ру[illegible]на Форумѣ руина, а надъ городомъ кресты, кресты и крес-

ты!»—и ему показалось несомнѣннымъ, что въ этой непоколебимости кроется что-то сверхчеловѣческое... Колокола звонили, а небо надъ городомъ обливалось свѣтомъ зари. Подъ впечатлѣніемъ молящейся Марини, колоколовъ и этого молитвеннаго настроенія, которое, казалось, носилось надъ городомъ и надъ всею землей, въ Поланецкомъ, у котораго было много духовной простоты, начала зарождаться такая мысль: «Какою гордыней нужно обладать, какимъ глупцомъ долженъ быть я, чтобы, при видѣ этой жажды вѣры и этого пониманія Бога, искать какихъ-то своихъ формъ поклоненія и любви, вмѣсто того, чтобъ принять тѣ, которыя Мариня называетъ «службой Божіей» и которыя должны быть наилучшими, коль скоро міръ живетъ съ ними почти двѣ тысячи лѣтъ!» Потомъ, какъ человѣка практическаго, его поразила разсудочная сторона этой мысли и онъ продолжалъ говорить себѣ почти весело: «Съ одной стороны традиція тысячелѣтій, жизнь Богъ вѣсть сколькихъ поколѣній, Богъ вѣсть сколькихъ народностей, которымъ и въ этихъ формахъ хорошо жилось и живется, авторитетъ Богъ вѣсть сколькихъ головъ, которые эти формы считаютъ единственно возможными, съ другой стороны, кто?—я, членъ коммиссіонерскаго дома подъ фирмой Бигель и Поланецкій!—и мнѣ имѣть претензію, что я выдумаю что-нибудь лучшее, во что Господь Богъ лучше помѣстится? Для этого нужно быть дуракомъ! Я искренъ самъ съ собою и не вынесъ бы, еслибъ мнѣ отъ времени до времени приходило въ голову, что я дуракъ. Къ тому же, такъ вѣрила моя мать, такъ вѣритъ моя жена, а я ни въ комъ не видалъ такого спокойствія, какъ въ нихъ».

Онъ посмотрѣлъ разъ и другой на Мариню. Она, очевидно, окончила свой Angelus, потому что улыбнулась ему и сказала:

— Отчего ты такой молчаливый?

— Мы всѣ молчимъ,—отвѣтилъ онъ.

Такъ оно и было, но по разнымъ причинамъ. Въ то время, когда Поланецкій былъ занятъ своими мыслями, пани Основская нѣсколько разъ допрашивала его и словами, и взглядами. Поланецкій на слова отвѣчалъ что-то черезъ пятое на десятое, а взглядовъ совсѣмъ не замѣчалъ и ужасно обидѣлъ пани Основскую. Она могла простить ему, даже болѣе—ей понравилось, когда на заявленіе, что она желала бы быть отшельницей онъ отвѣчалъ любезно замаскированною дерзостью, но ее смертельно уязвило, когда онъ просто-на-просто пересталъ обращать на нее вниманіе. Въ наказаніе ему, и она перестала обращать на него вниманіе.

За то, какъ женщина хорошо воспитанная, она тѣмъ болѣе сдѣ-

лалась любезнѣй съ Мариней, начала разспрашивать о ея завтрашнихъ планахъ и, узнавъ, что они собираются въ Ватиканъ, сообщила, что и у нея съ мужемъ есть входные билеты и они также воспользуются представляющеюся возможностью.

— Вы знаете, какъ нужно быть одѣтой? — спросила пани Основская.—Черное платье и на головѣ черное кружево. Это старитъ немного, но иначе нельзя.

— Я знаю, мнѣ говорилъ панъ Свирскій.

— Панъ Свирскій во время сеанса мнѣ все о васъ говоритъ. Онъ къ вамъ питаетъ большую симпатію.

— И я къ нему,—отвѣтила Мариня.

Экипажъ остановился у подъѣзда отеля. Поланецкій отъ прекрасной дамы получилъ такое легкое и холодное рукопожатіе, что, несмотря на свои думы, замѣтилъ это.

«Что это, новый пріемъ, — подумалъ онъ, — или я сказалъ что-нибудь, что ей не понравилось?»

И вечеромъ онъ спросилъ у Марини:

— Что ты думаешь о пани Основской?

— Думаю,—отвѣтила она,—что панъ Свирскій, можетъ быть, немного правъ.

А Поланецкій сказалъ:

— Она въ эту минуту пишетъ дневникъ, который «Юзя» считаетъ за chef d'oevre.

XV.

На слѣдующій день, когда Мариня одѣлась и вышла къ мужу, онъ едва узналъ ее. Въ черномъ платьѣ и съ чернымъ кружевомъ на головѣ, она казалась болѣе высокою, худою, смуглою и болѣе старою. Но ему понравилась въ ней какая-то серьезность, которая напоминала ему минуту ихъ свадьбы. Спустя полчаса они поѣхали. По дорогѣ Мариня призналась мужу, что она боится, что у нея бьется сердце; онъ, шутя, успокоивалъ ее, хотя и самъ былъ взволнованъ до нѣкоторой степени, а когда они въѣхали въ огромную колоннаду передъ храмомъ св. Петра, Поланецкій чувствовалъ, что и у него пульсъ бьется не такъ, какъ всегда, и, кромѣ того, испытывалъ странное впечатлѣніе, что онъ какъ-то умалился. У лѣстницы, близъ которой они нашли нѣсколько швейцарцевъ, одѣтыхъ въ великолѣпные костюмы, сочиненные еще Микель-Анджело, они нашли Свирскаго, который провелъ ихъ наверхъ вмѣстѣ съ толпою народа, преимущественно бельгійцевъ. Мариня, слегка

оглушенная, сама не помнила, какъ очутилась въ огромной залѣ, въ которой толпа была еще больше и занимала всю комнату, за исключеніемъ середины, гдѣ швейцарцы, установившись шпалерою, охраняли свободнымъ широкій проходъ. Толпа, шепотомъ переговаривавшаяся по-французски и по-фламандски, поворачивала голову и глаза къ этому проходу, въ которомъ изъ сосѣдней залы отъ времени до времени появлялись фигуры въ странныхъ костюмахъ, которые напоминали Поланецкому антверпенскіе или брюссельскіе музеи. Ему казалось, что воскресли средніе вѣка: по временамъ появлялся точно средневѣковой рыцарь, правда, въ иномъ шлемѣ, чѣмъ на старинныхъ картинахъ, но со стальнымъ панцыремъ на груди, или герольдъ въ короткой красной далматинкѣ, съ краснымъ беретомъ на головѣ. Сквозь полуоткрытыя двери мелькали пурпуровыя одежды кардиналовъ или фіолетовыя рясы епископовъ, страусовыя перья, кружева на черномъ бархатѣ, дряхлыя головы съ побѣлѣвшими волосами, лица, точно вотъ-вотъ вышедшія изъ саркофаговъ. Но видно было, что взгляды толпы падаютъ на эти странныя одежды, на эти краски и на эти лица какъ бы мимоходомъ, что глаза ожидаютъ чего-то другого, высшаго, что вниманіе скопляется въ умахъ, а чувство въ душахъ въ ожиданіи минуты, которая случается разъ въ жизни, а остается въ памяти навѣкъ. Поланецкій,—онъ держалъ Мариню за руку, чтобы не потерять ее въ толпѣ,—чувствовалъ, какъ эта рука дрожитъ отъ волненія, а самъ онъ, посреди этой тихой толпы, посреди этихъ бьющихся сердецъ, посреди этого историческаго величія и словно воскресающей древней эпохи, посреди этой сосредоточенности и ожиданія, снова испытывалъ странное ощущеніе, что становится все меньше и меньше, такимъ малымъ, какимъ не бывалъ никогда въ жизни. Какой-то тихій, задыхающійся голосъ шепнулъ ему:

— Я высматривалъ васъ и едва нашелъ. Кажется, сейчасъ...

Но оказалось, что выходъ будетъ не сейчасъ. Свирскаго увидалъ знакомый кардиналъ и, обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими словами, ввелъ его и Поланецкихъ въ сосѣднюю залу, обитую красною камкой. Поланецкій съ удивленіемъ замѣтилъ, что и здѣсь было полно, за исключеніемъ одного конца залы, гдѣ находилась почетная стража, а на возвышеніи стояло кресло, окруженное дружески бесѣдующими прелатами и епископами. Здѣсь ожиданіе и сосредоточенность еще болѣе бросались въ глаза. Было видно, что люди удерживаютъ дыханіе, на лицахъ у всѣхъ — торжественное и таинственное выраженіе. Синеватый блескъ дня, смѣшивающійся съ пурпуровыми отраженіями обоевъ, наполнялъ эту залу какимъ-то

необыкновеннымъ свѣтомъ. Солнечные лучи, врывающіеся въ окна, казались тоже красноватыми.

Въ первой залѣ послышался шумъ, потомъ шопотъ, потомъ крикъ, наконецъ, въ открытыхъ боковыхъ дверяхъ появилась бѣлая фигура, которую несли гвардейцы. Рука Марини нервно стиснула руку Поланецкаго, онъ отдалъ ей это пожатіе, и впечатлѣнія, быстрыя, сливающіяся въ одно общее сознаніе какой-то исключительной и необычайно-торжественной минуты, начали тѣсниться въ его голову, какъ въ минуту свадьбы.

Одинъ изъ кардиналовъ началъ говорить, но Поланецкій не слыхалъ и не понималъ его рѣчи. Его глаза, мысль и вся душа были около одѣтой въ бѣломъ фигуры, и ни малѣйшая подробность не исчезала отъ его вниманія. Его поразила необыкновенная худоба этой фигуры, ея лицо, блѣдное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прозрачное, какъ бываетъ лицо умершихъ. Въ ней было что-то безсильное,— по крайней мѣрѣ, она только на половину казалась тѣломъ, а на половину видѣніемъ, свѣтомъ, просвѣчивающимъ сквозь алебастровую лампу, духомъ, вселеннымъ въ какую-то прозрачную матерію, посредствующимъ звеномъ между двумя мірами,— звеномъ, въ которомъ человѣческій элементъ смѣшивался со сверхчеловѣческимъ, земное съ неземнымъ. И, благодаря странной антитезѣ, матерія въ этой фигурѣ казалась чѣмъ-то призрачнымъ, духъ чѣмъ-то реальнымъ.

Когда люди начали приближаться къ ней за благословеніемъ, когда Поланецкій увидалъ у ея ногъ свою Мариню, когда почувствовалъ, что къ этимъ колѣнамъ можно склониться, какъ къ отповскимъ,— имъ овладѣло невыразимое волненіе, глаза его заволокла какая-то мгла. Никогда въ жизни онъ не чувствовалъ себя такою малою песчинкой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почувствовалъ, что въ этой песчинкѣ бьется благодарное сердце ребенка.

Молча вышли они изъ красной комнаты. У Марини глаза были такіе, что она какъ будто только что пробудилась отъ сна, руки профессора Васковскаго дрожали. Къ завтраку притащился Букацкій, но, чувствуя себя нездоровымъ, не съумѣлъ развеселить общества, даже Свирскій говорилъ мало, и, только возвращаясь къ одному и тому же предмету, повторялъ отъ времени до времени:

— Да, да. Кто не видалъ этого, тотъ не можетъ имѣть о немъ ни[illegible]ого понятія. Это остается.

[illegible]ечеромъ Поланецкій съ Мариней пошли смотрѣть на закатъ сол[illegible]да изъ Trinitá dei Monti. Вечеръ былъ ясный. Весь городъ былъ пог[illegible]женъ въ золотистый блескъ; внизу, на Piazza d'Espagna, на-

чинали уже спускаться сумерки, но сумерки ясныя, въ мягкихъ тонахъ которыхъ видны были сирени, ирисы и бѣлыя лиліи въ цвѣточныхъ магазинахъ по обѣ стороны улицы Condotti. Вся картина была проникнута великимъ и ненарушимымъ спокойствіемъ, обѣщающимъ мирную ночь и крѣпкій сонъ. Потомъ Испанская площадь начала все болѣе и болѣе погружаться во мракъ, только Trinitá еще горѣла пурпуромъ. И Поланецкій, и Мариня чувствовали это спокойствіе въ себѣ. Они спускались съ гигантской лѣстницы съ какимъ-то страннымъ чувствомъ умиротворенія въ душѣ. Всѣ впечатлѣнія дня укладывались въ нихъ въ тихія, спокойныя линіи, какъ полосы зари, которая еще свѣтилась надъ ними. Наконецъ, Поланецкій сказалъ:

— Знаешь, я помню еще съ дѣтскихъ лѣтъ, что у насъ въ домѣ вечернюю молитву всегда читали вмѣстѣ, — и онъ вопросительно посмотрѣлъ на Мариню.

— О, Стахъ! — отвѣтила она голосомъ, который дрогнулъ отъ волненія, — я только не смѣла тебѣ сказать объ этомъ, дорогой мой.

— А «служба Божія», — помнишь?

Но Мариня сказала это когда-то въ простотѣ сердечной, какъ вещь, которая сама собою разумѣется, и, конечно, теперь не помнила ничего.

XVI.

Поланецкій все былъ въ немилости у пани Основской. Встрѣчаясь съ нимъ у Свирскаго въ промежуткахъ между двумя сеансами, она разговаривала съ нимъ лишь настолько, насколько это требовали благовоспитанность и вѣжливость. Поланецкій видѣлъ это отлично, по временамъ спрашивалъ себя: «Чего эта баба отъ меня хочетъ?» — и не обращалъ на это особаго вниманія. Онъ еще меньше обращалъ бы вниманія, еслибъ этой «бабѣ», вмѣсто двадцати восьми лѣтъ, было пятьдесятъ восемь, еслибъ у нея не было такихъ фіалковыхъ глазъ и такихъ вишневыхъ губъ. Такова ужь человѣческая натура, — онъ отъ нея ничего не требовалъ и не имѣлъ на нее никакихъ видовъ, но не могъ воздержаться отъ мысли, что могло бы быть, еслибъ онъ дѣйствительно добивался отъ нея расположенія и до какой степени она была бы способна довести свою уступчивость?

Они вчетверомъ совершили еще одну прогулку, — въ катакомбы св. Каликста. Поланецкій хотѣлъ заплатить любезностью за любезность, то-есть экипажемъ за экипажъ. Но прогулка эта не под-

ворила между ними согласія. Разговаривали они настолько, чтобы лишь не обратить на себя вниманія, и это, наконецъ, разсердило его. Дѣйствительно, поведеніе пани Основской придавало какой-то особый оттѣнокъ ихъ отношеніямъ, какое-то недоброжелательство, какую-то таинственность, въ которую никого другого не допускали. Поланецкій думалъ, что все это прекратится съ тою минутой, когда ея портретъ будетъ оконченъ, но оказалось, что хотя лицо пани Основской совсѣмъ было готово, оставалось еще множество деталей, которыя требовали присутствія прелестной модели.

Дѣло складывалось такъ по той простой причинѣ, что Свирскій не хотѣлъ терять времени, и въ то время, когда Поланецкіе приходили, Основскіе еще были въ студіи. Иногда они оставались для того, чтобы поболтать о вчерашнихъ впечатлѣніяхъ, иногда пани Основская посылала мужа за какимъ-нибудь порученіемъ, тогда онъ уходилъ пѣшкомъ и оставлялъ экипажъ у подъѣзда Свирскаго.

Одинъ разъ случилось такъ, что Мариня сѣла уже позировать, а пани Основская, узнавъ, что Поланецкіе были вчера въ театрѣ, разспрашивала о пѣвцахъ и объ оперѣ, застегивая перчатки и надѣвая передъ зеркаломъ шляпку. Наконецъ, она обратилась къ Поланецкому:

— Пожалуйста, проводите меня до экипажа.

Она накинула пальто и начала искать завязки, пришитыя къ подкладкѣ, но вдругъ остановилась въ прихожей.

— Въ перчаткахъ я не могу найти завязокъ,—сказала она.— Сжальтесь надо мной!

Поланецкій сталъ искать завязки и долженъ былъ чуть не обнять пани Основскую. На минуту его охватило страстное влеченіе къ ней, тѣмъ болѣе, что она наклонилась къ нему такъ, что до него доходила теплота ея тѣла.

А она спросила въ полголоса:

— За что вы сердитесь на меня? Это нехорошо. Я такъ нуждаюсь въ сочувственной душѣ. Что я сдѣлала вамъ?

Поланецкій нашелъ завязки, отступилъ назадъ, остылъ немного, и, съ видомъ грубаго человѣка, который хочетъ воспользоваться своимъ тріумфомъ и отмѣтить, что онъ ничуть не пострадалъ, отвѣтилъ дерзостью:

— Вы мнѣ ничего не сдѣлали и ничего не можете сдѣлать.

Но она отразила его дерзость, какъ шаръ въ лаунъ-теннисѣ:

— Я иногда такъ мало обращаю вниманія на людей, что почти ненавижу ихъ.

Они молча дошли до экипажа.

«Такъ вотъ оно какъ! — думалъ Поланецкій, возвращаясь въ студію.— Здѣсь можно дойти до чего хочешь!»

И снова дрожь пробѣжала по немъ съ головы до ногъ.

«Дойти до чего хочешь!» — повторилъ онъ.

Онъ не отдавалъ себѣ отчета, что допускаетъ ошибку, какъ это дѣлаютъ каждый день дюжины мужчинъ, любителей охотиться на чужой землѣ. Пани Основская была кокетка съ сухимъ сердцемъ и развращеннымъ уже умомъ, но ее еще сотни верстъ отдѣляли отъ полнаго физическаго паденія.

Поланецкій возвратился въ студію съ чувствомъ, что онъ принесъ Маринѣ какую-то огромную жертву, и съ нѣкоторою жалостью къ самому себѣ. Во-первыхъ, Мариня никогда не узнаетъ объ этомъ, а, во-вторыхъ, еслибъ и узнала, то будетъ считать его геройскій поступокъ совершенно естественнымъ. Эта мысль сердила Поланецкаго, и когда онъ посмотрѣлъ на Мариню, на ея чистые глаза, на ея спокойное лицо, въ его умѣ невольно навернулось сравненіе этихъ двухъ женщинъ, и онъ сказалъ себѣ:

«О, Мариня!... она скорѣе сквозь землю провалилась бы! Ей можно вѣрить!»

Странное дѣло! Въ этомъ было и признаніе достоинства Марини, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оттѣнокъ пренебрежительнаго состраданія и нѣкотораго недовольства. Душа Марини до такой степени принадлежала ему, что онъ не считалъ себя обязаннымъ сознавать ея достоинства.

Въ теченіе остальныхъ сеансовъ онъ все время обращался мыслью къ пани Основской. Раньше онъ думалъ, что она просто перестанетъ подавать ему руку,—оказалось, что онъ ошибся. Наоборотъ, желая показать ему, что она не придаетъ никакого значенія ни ему, ни его словамъ, она относилась къ нему любезнѣе, чѣмъ прежде. Только мина пана Основскаго становилась все болѣе и болѣе оскорбленною,— панъ Основскій становился все болѣе и болѣе холоднымъ къ Поланецкому, вѣроятно, вслѣдствіе разговоровъ съ «Анетою».

Но прошло нѣсколько дней и впечатлѣнія другого рода совершенно изгладили эти обстоятельства изъ памяти Поланецкаго. Р[illegible]кацкій давно уже чувствовалъ себя нехорошо, жаловался на бо[illegible]ь въ затылкѣ, члены тѣла какъ-то странно отказывались ему слу[illegible]жить. Юморъ его еще проявлялся отъ времени до времени, но я[illegible]горался и гасъ сразу, какъ фейерверкъ. Все рѣже и рѣже онъ по[illegible]ходилъ на общій обѣдъ въ отель. Наконецъ, какъ-то утромъ По[illegible]-

нецкій получилъ отъ него записку, написанную ужасно невѣрнымъ почеркомъ:

«Дорогой мой, кажется, со вчерашней ночи я сталъ собираться въ дальній путь. Если хочешь видѣть отъѣздъ, приходи ко мнѣ, въ особенности, если у тебя нѣтъ лучшаго занятія».

Поланецкій скрылъ записку отъ Марини и отправился немедленно. Букацкаго онъ засталъ въ постелѣ, въ присутствіи доктора, котораго, впрочемъ, Букацкій сейчасъ же отпустилъ.

— Ты меня ужасно напугалъ,— сказалъ Поланецкій, — что съ тобой?

— Ничего страшнаго: маленькій параличъ лѣвой части тѣла.

— Побойся ты Бога!

— Умно сказано! Если когда-нибудь и пора подумать объ этомъ, то именно теперь. Я не владѣю ни лѣвою рукой, ни лѣвою ногой и не могу встать. Въ такомъ положеніи я проснулся сегодня утромъ. Думалъ я, что утратилъ способность говорить, и началъ декламировать: «Per me si va...» *). Оно, какъ видишь, ничего. Языкъ остался, а теперь я усиливаюсь возвратить себѣ ясность мысли.

— Ты увѣренъ, что это параличъ? Можетъ быть, это — временное онѣмѣніе.

— «Что есть жизнь?—мгновенье только!»—началъ декламировать Букацкій.—Я не могу двигаться—и дѣлу конецъ или, если ты предпочитаешь, начало.

— Это было бы ужасно, но я не вѣрю. Съ каждымъ человѣкомъ можетъ случиться временное онѣмѣніе.

— Бываютъ въ жизни до нѣкоторой степени непріятныя минуты, сказалъ карась, съ котораго кухарка сдирала ножомъ чешую. Признаюсь тебѣ, въ первую минуту меня взялъ страхъ. Испытывалъ ты когда-нибудь, что у тебя волосы поднимаются на головѣ? Это чувство нельзя причислить къ категоріи пріятныхъ. Но теперь я уже пришелъ въ равновѣсіе и вотъ уже три часа мнѣ кажется, что я съ моимъ параличомъ жилъ десять лѣтъ. Я много болтаю потому, что у меня мало времени. Милый, ты знаешь, что я черезъ два дня умру?

— Вотъ именно, что болтаешь. Парализованные люди живутъ по пятидцати лѣтъ.

Букацкій отвѣтилъ:

— Даже по сорока. Параличъ, это—роскошь, которую могутъ

*) Начало дантовской надписи надъ дверями ада. *Прим. перев.*

позволить себѣ иные, но не такіе, какъ я. Для крѣпкаго человѣка, у котораго здоровая спина, здоровыя плечи и здоровыя ноги, это, можетъ быть, даже родъ отдыха послѣ веселой молодости,— возможность предаться созерцанію,— но для меня... Помнишь, какъ ты смѣялся надъ моими ногами? Такъ вотъ я говорю тебѣ, что тогда у меня былъ элефантіазисъ въ сравненіи съ тѣмъ, что теперь. Не правда, что человѣкъ, это — тѣло; я — линія и, кромѣ того, линія, идущая, безъ всякихъ шутокъ, *въ безконечность*.

Поланецкій началъ спорить, ссылаться на знакомые ему примѣры, но Букацкій отвѣтилъ:

— Оставь. Я чувствую и знаю, что черезъ два дня наступитъ параличъ мозга. Я не говорилъ никому, что въ теченіе года ожидалъ этого и въ теченіе года читалъ медицинскія книжки... Придетъ другой припадокъ и — конецъ.

Онъ замолчалъ, но черезъ минуту заговорилъ опять:

— И ты думаешь, я не хочу этого? Подумай, я одинокъ, какъ палецъ, отрѣзанный отъ руки. Нѣтъ у меня никого... Здѣсь, даже и въ Варшавѣ, за мной могли бы ухаживать только наемные люди. Ужасно подлая жизнь: безъ движенія и безъ живого духа человѣческаго! Когда у меня отнимется языкъ, какъ отнялись рука и нога, первая сидѣлка или первый фельдшеръ будутъ имѣть возможность бить меня по лицу, сколько имъ заблагоразсудится. А надо тебѣ знать одну вещь. Я въ первую минуту испугался паралича, но въ моемъ утломъ тѣлѣ сидитъ гордая душа; припомни, я говорилъ тебѣ, что не боюсь смерти,— и не боюсь.

Въ глазахъ Букацкаго мелькнулъ слабый огонекъ отваги и энергіи, укрытый гдѣ-то въ глубинѣ его свихнувшейся, размякшей души.

Сердце у Поланецкаго было доброе. Онъ положилъ руку на парализованную ладонь Букацкаго и мягко заговорилъ:

— Адзя! не предполагай только, что ты такъ одинокъ, какъ думаешь, и не говори, что у тебя нѣтъ никого. А я, а, кромѣ того, моя жена, а Свирскій, Васковскій, Бигели? Ты для насъ не чужой. Я перевезу тебя въ Варшаву, помѣщу въ лечебницу и мы будемъ ухаживать за тобой, и не одинъ фельдшеръ пальцемъ тебя не тронетъ, во-первыхъ, потому, что я каждому всѣ кости переломаю, во-вторыхъ, у насъ есть сестры милосердія, а въ числѣ ихъ пани Эмилія.

Букацкій слегка поблѣднѣлъ. Онъ былъ больше взволнованъ, чѣмъ хотѣлъ показать это. Глаза его затуманились на минуту. Послѣ долгаго молчанія онъ сказалъ:

— Ты добрый малый. Ты и самъ не знаешь, что совершилъ чудо: ты доказалъ мнѣ, что я еще хочу чего-то... Да, мнѣ ужасно хочется въ Варшаву, поближе ко всѣмъ къ вамъ. Ужасно меня привлекаетъ мысль о Варшавѣ.

— Нужно, чтобы ты и здѣсь переселился въ какую-нибудь лечебницу, подъ правильный надзоръ. Свирскій долженъ знать, гдѣ лучше. А теперь отдайся мнѣ въ лапы. Хорошо? Позволь мнѣ распоряжаться за тебя.

— Дѣлай, что хочешь,— отвѣтилъ Букацкій, въ котораго при видѣ новыхъ плановъ и энергіи Поланецкаго вновь начала вступать надежда.

Поланецкій написалъ къ Свирскому и Васковскому и тотчасъ же отправилъ посыльныхъ. Черезъ полчаса они явились,— Свирскій съ знаменитымъ мѣстнымъ докторомъ,—и въ полдень Букацкій уже былъ въ лечебницѣ, въ свѣтлой и веселой комнатѣ.

— Какой мягкій и теплый тонъ! — сказалъ онъ, смотря на золотистую окраску стѣнъ и потолка.— Это хорошо.

Потомъ онъ обратился къ Поланецкому:

— Приходи ко мнѣ вечеромъ, а теперь ступай къ женѣ.

Поланецкій простился съ нимъ и ушелъ. Маринѣ онъ разсказалъ все случившееся со всѣми предосторожностями. Мариня начала просить его взять ее къ Букацкому, если не вечеромъ, то завтра утромъ, и Поланецкій обѣщалъ исполнить это. На другой день они отправились тотчасъ послѣ завтрака.

Профессоръ Васковскій не отступалъ отъ Букацкаго ни на минуту. Когда больной устроился на новой постелѣ, въ лечебницѣ, старичокъ началъ разсказывать, какъ онъ самъ одинъ разъ думалъ, что умираетъ, но послѣ исповѣди и причастія ему сразу сдѣлалось лучше.

— Извѣстная метода, дорогой профессоръ, — усмѣхнулся Букацкій,—я знаю, что вамъ нужно.

Профессоръ смутился, какъ пойманный на дурномъ дѣлѣ, и сложилъ руки.

— Я готовъ пари держать, что это помогло бы вамъ,—сказ[ал] онъ.

[Б]укацкій отвѣтилъ съ оттѣнкомъ своего прежняго юмора:

— Хорошо. Черезъ два дня я удостовѣрюсь, насколько это мнѣ по[мо]жетъ, по ту сторону рѣки.

[Яв]леніе Марини утѣшило его тѣмъ болѣе, что онъ не ожида[л] [ее]. Онъ обрадовался и заговорилъ, что по эту сторону рѣки он[и] не ожидалъ видѣть женщину, да вдобавокъ еще соотече-

ственницу. При этомъ онъ немного ворчалъ, но съ видимымъ волненіемъ.

— Какіе вы всѣ романтики! Вѣдь, это просто недостатокъ ума заниматься такимъ калѣкою, какъ я. Вы никогда не съумѣете быть разсудительными. Зачѣмъ это, на что? Вотъ и еще разъ, передъ смертью, я долженъ высказывать свою благодарность. А я очень вамъ благодаренъ, искренно благодаренъ.

Но Мариня не дала ему говорить о смерти, за то съ полнымъ спокойствіемъ заговорила сама о необходимости переѣхать въ Варшаву, къ своимъ, заговорила какъ о такой вещи, въ возможности которой нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и съумѣла мало-по-малу убѣдить въ этой возможности и самого Букацкаго. Она давала ему совѣты, какъ это устроить, а онъ кончилъ тѣмъ, что съ жадностью сталъ прислушиваться къ ея словамъ. Онъ чувствовалъ себя ребенкомъ, бѣднымъ, больнымъ ребенкомъ.

Въ этотъ же день его навѣстилъ панъ Основскій и выказалъ столько доброты и расположенія, сколько могъ выказать только родной братъ. Букацкій совершенно не ожидалъ этого и ни на что подобное не разсчитывалъ. И когда, позднимъ вечеромъ, къ нему пришелъ Поланецкій и они остались съ глазу на глазъ, Букацкій сказалъ:

— Теперь я тебѣ скажу откровенно: я никогда яснѣе не сознавалъ, что обратилъ жизнь въ глупый фарсъ и растратилъ все, что у меня было.

Черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Еслибъ я, по крайней мѣрѣ, находилъ дѣйствительно удовольствіе въ своемъ образѣ жизни, а то и этого нѣтъ. Какая глупая наша эпоха! Человѣкъ раздваивается: все, что въ немъ есть лучшаго, онъ засовываетъ въ какіе-то потайные углы, а самъ становится не то обезьяной, не то паяцемъ, да еще и паяцемъ-то сквернымъ, и, кромѣ того, часто неискреннимъ. Больше вбивать въ себя убѣжденіе въ тщетѣ жизни, чѣмъ самому чувствовать это, по меньшей мѣрѣ странно. Меня утѣшаетъ одно, что въ жизни есть одна несомнѣнная вещь, это—смерть, хотя, съ другой стороны, вовсе не резонъ, чтобы до того времени, когда она придетъ, говорить, какъ дуракъ, про вино, что это не вино, а уксусъ.

— Милый мой, — отвѣтилъ Поланецкій, — ты всю жизнь терзался вѣчнымъ навиваніемъ мысли на любую катушку. Хоть теперь-то не дѣлай этого.

— Ты правъ. Но я не могу не думать о томъ, что пока я [illegible]о-

дилъ и былъ здоровъ, то насмѣхался надъ жизнью, а теперь,—я скажу тебѣ это по секрету,—теперь мнѣ хочется жить.

— И ты будешь жить.

— Эхъ, брось ты это! Твоя жена втолковала мнѣ это, но теперь я опять не вѣрю. И тяжело мнѣ. Растратилъ я самого себя. Слушай, почему я хочу говорить съ тобой объ этомъ. Не знаю, ждутъ ли меня какіе-нибудь счеты, или нѣтъ. Чистосердечно говорю тебѣ: не знаю, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, испытываю какое-то странное безпокойство, какъ будто я боялся бы чего-нибудь... И я скажу тебѣ, чего: того, что я тамъ, для своихъ, ничего не сдѣлалъ... а могъ бы, могъ! Передъ этою-то мыслью меня и беретъ страхъ, даю тебѣ слово. Не хорошее это дѣло. Ничего я не сдѣлалъ: ѣлъ задаромъ хлѣбъ, а теперь... смерть. Если есть какое-нибудь наказаніе и оно ожидаетъ меня, то только за это. Охъ, Стась, тяжко мнѣ!

Несмотря на то, что онъ говорилъ своимъ обычнымъ небрежнымъ тономъ, на лицѣ его выражалась неподдѣльная тревога, губы побѣднѣли, на лбу выступили крупныя капли пота.

— Оставь,—сказалъ Поланецкій, — что тебѣ въ голову приходитъ? Ты вредишь себѣ.

Но Букацкій продолжалъ:

— Подожди... слушай. У меня хорошее состояніе, пусть хоть оно что-нибудь сдѣлаетъ за меня. Я тебѣ оставлю часть, но остальное ты употреби на что-нибудь полезное. Ты человѣкъ практичный, и Бигель тоже. Подумайте; я не знаю, будетъ ли у меня время. Ты сдѣлаешь это?

— И это, и все, что ты хочешь.

— Благодарю тебя. Какого страннаго рода это безпокойство и эти упреки! Но я не могу отдѣлаться отъ сознанія вины. Такія условія, что не примиришься съ самимъ собою. Нужно сдѣлать что-нибудь приличное хоть передъ смертью. Вѣдь, это не шутка—смерть. Еслибъ это было что-нибудь видное, а то, вѣдь, мракъ... И нужно разлагаться и гнить въ *потемкахъ*... Ты вѣрующій?

— Да.

— А я ни да, ни нѣтъ. Я забавлялся нирваной, какъ и другими вещами. Знаешь, еслибъ не сознаніе этой вины, я былъ бы спокойнѣй. У меня и понятія даже не было, чтобъ это могло такъ мучать. Я испытываю впечатлѣніе, что я—пчела, которая ограбила свой улей, и что это вещь подлая. Но, по крайней мѣрѣ, послѣ меня останется состояніе. Правда? Немного я истратилъ, очень немного, да и то на картины... а онѣ тоже останутся, — правда?

Ахъ, какъ хотѣлось бы мнѣ прожить, хотя бы еще годъ, хотя бы для того, чтобъ не умереть здѣсь.

На минуту онъ задумался и потомъ сказалъ:

— Я теперь понимаю одно: человѣческая жизнь можетъ быть плохою, потому что человѣкъ можетъ ее скверно устроить, но существованіе, это — вещь хорошая.

Состояніе больного колебалось въ ту или другую сторону въ теченіе недѣли. Доктора не могли сказать ничего рѣшительнаго, но думали, что путешествіе, во всякомъ случаѣ, не можетъ грозить ему опасностью. Свирскій и Васковскій брались отвезти больного, который тосковалъ все больше и больше и чуть не каждый день вспоминалъ пани Эмилію, — сестру милосердія. Наканунѣ выѣзда у него вдругъ отнялся языкъ. У Поланецкаго сердце надрывалось, когда онъ смотрѣлъ на его глаза, въ которыхъ отражалась то страшная тревога, то, какъ будто, какая-то великая, нѣмая просьба. Онъ пробовалъ писать, но не могъ. Вечеромъ появились признаки пораженія мозга—и Букацкій умеръ.

Похоронили его на Campo Santo,— временно. Поланецкій догадывался, что его умоляющій взоръ выражалъ просьбу перевезти его въ Польшу, а Свирскій подтвердилъ эту догадку.

Такъ исчезъ этотъ мыльный пузырь, иногда отливавшій всѣми цвѣтами радуги, но пустой и бренный, какъ настоящій мыльный пузырь.

Поланецкій искренно былъ огорченъ его смертью и потомъ по цѣлымъ часамъ размышлялъ о его странной жизни. Мыслями этими онъ не дѣлился съ Мариней,— до сихъ поръ у него какъ-то не вошло въ обычай дѣлиться съ ней тѣмъ, что творилось въ немъ. Наконецъ, какъ это часто случается съ людьми, думающими объ умершихъ, онъ выводилъ изъ своихъ размышленій заключенія, клонящіяся къ его пользѣ.

«Букацкій, — говорилъ онъ себѣ, — никогда не могъ придти къ согласію съ своимъ умомъ; ему не хватало житейскаго смысла, онъ не умѣлъ оріентироваться въ этомъ лѣсу и шелъ всегда по волѣ минутной фантазіи. И еслибъ ему было хорошо при этомъ, еслибъ онъ выжалъ что-нибудь изъ жизни, я призналъ бы за ни[illegible]ъ умъ. Но ему было плохо. Поистинѣ глупая вещь внушать само[illegible]у себѣ, до тѣхъ поръ, пока не придетъ смерть, что вино—не ви[illegible], а уксусъ. А вотъ я менѣе смотрю на вещи и, кромѣ того, былъ [illegible]раздо искреннѣе съ самимъ собою. Будь, что будетъ, но я уже [illegible]очти привелъ въ порядокъ свои отношенія къ Богу и къ жизни.

Въ этомъ была и правда, и заблужденіе. Поланецкій не привелъ въ порядокъ свои отношенія къ женѣ.

Онъ думалъ, что попеченія, насущный хлѣбъ, хорошее обращеніе и поцѣлуи — это все, чѣмъ ограничиваются обязательства, принятыя имъ на себя по отношенію къ ней. А, между тѣмъ, отношенія ихъ все яснѣе и яснѣе складывались такъ, что онъ только благоволилъ любить и благоволилъ принимать любовь. Въ житейской практикѣ его не разъ поражало странное явленіе, что если человѣкъ, извѣстный своею честностью, совершилъ какой-нибудь благородный поступокъ, то другіе люди небрежно махали и говорили небрежно: «Охъ, это тотъ... панъ А! Это весьма естественно!» Но когда удавалось негодяю случайно сдѣлать что-нибудь порядочное, тѣ же самые люди говорили съ полнѣйшимъ почтеніемъ: «Однако, въ этомъ что-то кроется!» Сто разъ Поланецкій видѣлъ, что грошъ, данный скупцомъ, производитъ больше впечатлѣнія, чѣмъ червонецъ, данный щедрымъ человѣкомъ. Однако, онъ не отдавалъ себѣ отчета, что по отношенію къ Маринѣ онъ держится такой же мѣры. Она отдавала ему все свое существо, всю душу. «Ахъ, Марыня! Это естественно!» И онъ небрежно махалъ рукой. Если бы ея любовь не была такъ горяча, еслибъ она доставалась ему съ бо́льшимъ трудомъ, если бы, признавая себя сокровищемъ, она отдавалась бы ему, какъ сокровище, если бы, признавая себя божествомъ, она требовала бы, чтобы передъ ней склоняли голову и чтили ее, Поланецкій принялъ бы ее со склоненною головой и чтилъ бы ее. Таково вообще человѣческое сердце и только избранныя натуры, сотканныя изъ божественнаго огня, умѣютъ возноситься надъ общимъ уровнемъ. Мариня отдавала Поланецкому свою любовь, какъ его право, онъ и принималъ его, какъ свое право. Она его любовь считала счастьемъ, онъ и давалъ свою любовь, какъ счастье, а самъ считалъ себя божкомъ въ алтарѣ. Одинъ лучъ его свѣта падалъ на сердце женщины и согрѣвалъ его, остальные лучи божокъ приберегалъ для себя. Онъ бралъ все и отдавалъ только часть. Въ его любви не было той боязни, которая вытекаетъ изъ почитанія, не было того, что̀ каждою лаской говоритъ любимой женщинѣ: «Къ твоимъ ногамъ!»

Ни Поланецкій, ни Мариня еще не понимали этого.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Лѣсня во врѳмя грозы.

Птичка съ крыльевъ отряхаетъ
Капли теплаго дождя...
Слышишь?—туча громыхаетъ,
Къ чуждымъ нивамъ уходя.
Вѣтеръ съ листьевъ отряхаетъ
Капли свѣтлаго дождя...

Сердцу нашему веселье—
Только въ голосѣ громовъ,—
Олимпійское похмѣлье
Вѣчно радостныхъ боговъ—
И свобода, и веселье—
Только въ голосѣ громовъ!...

Жизни! Жизни!... Я тоскую...
Нѣтъ ни счастья, ни скорбей...
О, пошли грозу святую,
Боже, родинѣ моей!...
Бури! Бури! Я тоскую...
Дайте слезъ душѣ моей!...

Д. Мережковскій.

Законодательное регулированіе положенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ.

Начало золотопромышленности въ Сибири относится къ концу двадцатыхъ и началу тридцатыхъ годовъ, а первый опытъ законодательнаго регулированія быта рабочихъ на тамошнихъ золотыхъ промыслахъ былъ сдѣланъ въ 1838 году. Каковы бы ни были недостатки этого закона, мы встрѣчаемъ въ немъ нѣкоторое стремленіе оградить интересы рабочихъ: такъ, воспрещены были обязательныя работы по воскресеньямъ и въ большіе праздники, въ виду суровости сибирскаго климата опредѣленъ срокъ осенней промывки золота (10 сентября) и дальнѣйшую промывку дозволялось производить только въ теплыхъ промывальняхъ, установленъ maximum количества рабочихъ часовъ для урочныхъ работъ (къ сожалѣнію, слишкомъ большой—15 часовъ, со включеніемъ времени на обѣденный отдыхъ), сдѣлана была попытка (хотя и не достигшая цѣли) регулировать размѣръ задатковъ съ цѣлью помѣшать закабаленію рабочихъ, а также охранить хотя часть заработка ссыльно-поселенцевъ отъ растраты при возвращеніи съ пріисковъ, и, наконецъ, хотя и не былъ узаконенъ административный надзоръ за установленіемъ цѣнъ вещей и припасовъ, отпускаемыхъ рабочимъ въ пріисковыхъ лавокъ, но одинъ параграфъ этого закона скоро вызвалъ утвержденіе пріисковыхъ таксъ администраціею, по крайней мѣрѣ, въ Западной Сибири (въ Восточной—гораздо позднѣе) *).

Нынѣ дѣйствующій уставъ о частной золотопромышленности изданъ въ 1870 году. Въ томъ отдѣлѣ вырабатывавшей его коммиссіи, которому поручено было составленіе правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, видную роль играли нѣкоторые золотопромышленники или лица, состоявшія на службѣ у золотопромышленныхъ компаній (С. Соловьевъ, В. Скарятинъ, Г. ъ), и экономистъ Вернадскій, извѣстный защитникъ системы невмѣш льства государства во взаимныя отношенія труда и капитала. Это не- ыло отразилось на содержаніи правилъ, регулирующихъ быть пріиско-

*) См. нашу статью: *Очерки изъ исторіи быта рабочихъ на сибирскихъ золо ыслахъ* въ *Русскомъ Богатствѣ* 1893 г., № 1, стр. 174—188.

выхъ рабочихъ въ Сибири, и въ нихъ мы не находимъ *ни одного* изъ указанныхъ постановленій закона 1838 года, имѣющихъ въ виду защиту интересовъ рабочихъ. Правила эти очень скоро послѣ своего обнародованія подверглись строгому, но совершенно справедливому осужденію даже въ оффиціальномъ органѣ горнаго департамента *).

Прошло двѣнадцать лѣтъ со времени изданія устава о золотопромышленности 1870 г., прежде чѣмъ возбужденъ былъ вопросъ о пересмотрѣ до сихъ поръ дѣйствующихъ правилъ этого устава о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы Сибири. Поводъ къ этому пересмотру былъ поданъ запискою начальника главнаго тюремнаго управленія (1882 г.) по обозрѣнію тюремной части въ Сибири. Въ ней онъ обратилъ вниманіе на то, что причины побѣговъ съ промысловъ кроются въ условіяхъ найма, разсчета съ рабочими и жизни на пріискахъ; большая часть заработка забирается ими товаромъ на промыслѣ по дорогой цѣнѣ; людей семейныхъ обыкновенно стараются не нанимать; богадѣленъ для рабочихъ почти не существуетъ. Въ числѣ настоятельныхъ мѣръ для улучшенія быта рабочихъ ссыльно-поселенцевъ (судьба которыхъ естественно озабочивала начальника главнаго тюремнаго управленія) онъ предлагалъ слѣдующее: золотопромышленники должны во время найма довольствовать рабочаго изъ ссыльныхъ и его семью помѣщеніемъ, леченіемъ и, въ случаѣ увѣчья, содержаніемъ въ богадѣльнѣ и допускать разсчетъ товаромъ только въ извѣстной долѣ заработка. Авторъ записки обращалъ также вниманіе на необходимость соблюденія на промыслахъ праздничныхъ дней, а также и на то, что мѣстная (горная) полиція, «*получая частное пособіе отъ золотопромышленниковъ, часто пренебрегаетъ своими обязанностями*», а потому «было бы правильнѣе обратить это пособіе въ особый сборъ съ золотопромышленниковъ за каждаго рабочаго и изъ суммы этого сбора дѣлать выдачи на усиленіе окладовъ чиновъ полиціи».

Замѣчанія начальника главнаго тюремнаго управленія министерство государственныхъ имуществъ препроводило въ 1883 г. генералъ-губернатору Восточной Сибири и предложило ему обратить «особенное вниманіе» на указываемую авторомъ записки недостаточность правилъ, опредѣляющихъ обязанности владѣльцевъ пріисковъ. Вслѣдствіе этого, по распоряженію главнаго управленія Восточной Сибири, бывшее горное его отдѣленіе выработало проектъ новыхъ правилъ для регулированія положенія пріисковыхъ рабочихъ. Они были напечатаны въ Иркутскѣ въ 1887 г. и разосланы золотопромышленникамъ съ предложеніемъ сообщить свои замѣчанія, а также подверглись обсужденію и въ печати **). Въ январѣ 1888 г. были, кромѣ того, собраны въ Иркутскѣ для обсужденія проекта правилъ золотопромышленники и представители золотопромышленныхъ компаній Восточной Сибири. Проектъ былъ переработанъ на основаніи всѣхъ полученныхъ

---

*) См. статью г. Лоранскаго въ *Горномъ Журналѣ* 1872 г., №№ 7—8.

**) См. статью *П. Соловаго*: „Государственная защита пріисковыхъ раб ихъ Сибири". *Юридическій Вѣстникъ* 1887 г., № 11, стр. 432—459.

замѣчаній и въ концѣ 1888 года представленъ въ министерство государственныхъ имуществъ, которое уже въ это время было озабочено пересмотромъ правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы въ виду неудовлетворительности въ этомъ отношеніи дѣйствующаго закона. Такъ какъ закономъ 17 марта 1887 г. было разрѣшено примѣнять изданныя для Сибири правила о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы и къ мѣстностямъ Европейской Россіи, то горный департаментъ пожелалъ дать проектируемымъ правиламъ значеніе повсемѣстное и въ этомъ смыслѣ переработалъ проектъ *). Подвергнутый новымъ измѣненіямъ на основаніи многихъ полученныхъ замѣчаній, проектъ горнаго департамента, какъ видно изъ сообщенія *Правительственнаго Вѣстника*, внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Такимъ образомъ, приближается къ окончанію подготовка третьяго опыта законодательнаго регулированія пріисковаго труда. Такъ какъ въ послѣдніе годы мнѣ пришлось спеціально заниматься изученіемъ исторіи и современнаго быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ и съ этою цѣлью я совершилъ въ 1891 г. поѣздку по Сибири до Якутской области включительно, то я считаю своевременнымъ остановиться на нѣкоторыхъ сторонахъ жизни пріисковыхъ рабочихъ, требующихъ законодательнаго регулированія. Въ виду того, что изъ числа лицъ, участвовавшихъ своими мнѣніями въ подготовкѣ новаго законопроекта, ни золотопромышленники, ни мѣстная горная администрація не могутъ считаться людьми совершенно безпристрастными (окружные инженеры, какъ извѣстно, находятся въ матеріальной зависимости отъ золотопромышленниковъ), желательно слышать возможно болѣе мнѣній такихъ лицъ, которыя могутъ отнестись къ этому дѣлу съ полною самостоятельностью. Нельзя не пожелать также, чтобы эти мнѣнія были приняты во вниманіе при окончательномъ разсмотрѣніи проекта и чтобы не повторился печальный опытъ правилъ о наймѣ рабочихъ устава о золотопромышленности 1870 г., которыя оффиціальному органу горнаго департамента пришлось признать неудовлетворительными уже черезъ два года послѣ ихъ обнародованія.

По свѣдѣніямъ горнаго департамента, на всѣхъ золотыхъ промыслахъ Урала и Сибири въ 1892 г. находилось около 100,000 рабочихъ, въ дѣйствительности же рабочихъ должно быть гораздо болѣе, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ Олекминскомъ (Ленскомъ) горномъ округѣ, по однимъ свѣдѣніямъ горнаго вѣдомства, количество рабочихъ колебалось во второй половинѣ 80-хъ гг. между 5 и 6 тысячами, между тѣмъ какъ по другимъ свѣдѣніямъ того же вѣдомства въ 80-хъ годахъ рабочихъ обоего пола на промыслахъ этого округа было $10^1/_2$—12 тысячъ человѣкъ. Оче-

*) По поводу его вновь явились нѣкоторыя замѣчанія въ печати, напримѣръ, *А. Рахалева*: „По поводу проекта правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промысла“ (*Вѣстникъ Золотопромышл.* 1892 г., № 12) и горн. инж. *Г. Яцевича*: „Къ вопросу о переработкѣ правилъ для найма рабочихъ людей на золотые пріиски“ (*Вѣстникъ Золотопромышл.* 1892 г., №№ 13 и 14).

видно, въ первомъ случаѣ счетъ идетъ на *годовыхъ* рабочихъ, а во второмъ указано дѣйствительное число рабочихъ, находившихся на промыслахъ, хотя бы и со включеніемъ ихъ женъ, которыя, впрочемъ, на пріискахъ этого округа допускаются въ количествѣ весьма ограниченномъ. Между тѣмъ, въ томъ оффиціальномъ источникѣ, изъ котораго мы заимствуемъ указанную выше цифру (100,000) уральскихъ и сибирскихъ рабочихъ, на промыслахъ Ленскаго (Олекминскаго) горнаго округа считается 7,600 чел., т.-е., очевидно, по разсчету на весь годъ. Такимъ образомъ, едва ли будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что новый законъ, проектъ котораго внесенъ въ государственный совѣтъ, рѣшаетъ участь до 150,000 человѣкъ, и эта почтенная цифра заставляетъ отнестись къ дѣлу съ особеннымъ вниманіемъ и осторожностью.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы предполагаемъ разсмотрѣть слѣдующіе вопросы: 1) Необходимость уменьшенія чрезмѣрнаго количества труда пріисковыхъ рабочихъ (ограниченія количества рабочихъ часовъ и увеличенія числа праздниковъ), а также воспрещенія найма малолѣтнихъ рабочихъ. 2) Улучшеніе пищи и жилищъ рабочихъ, леченіе ихъ и защита отъ эксплуатаціи на промыслахъ. 3) Защита личности рабочаго отъ произвола золотопромышленниковъ и мѣстной администраціи. 4) Регулированіе положенія такъ называемыхъ старателей-золотничниковъ и 5) организація помощи рабочимъ, получившимъ увѣчья отъ несчастныхъ случаевъ на золотыхъ промыслахъ и потерявшимъ здоровье на пріисковыхъ работахъ, а также семействамъ тѣхъ и другихъ.

I.

Главное зло современной пріисковой жизни состоитъ въ чрезмѣрномъ количествѣ труда рабочихъ, что отражается самыми вредными послѣдствіями на ихъ здоровьи. Горныя работы производятся или на открытомъ воздухѣ, въ такъ называемыхъ «разрѣзахъ», причемъ рабочіе подвергаются всевозможнымъ перемѣнамъ погоды и часто страдаютъ отъ холода и сырости, или въ подземныхъ шахтахъ въ спертомъ воздухѣ и также обыкновенно крайне сырыхъ. По отчету окружнаго инженера южно-енисейской системы (1889 г.), лѣтній рабочій день равняется 11 — 14 часамъ *). По наблюденіямъ горнаго инженера Ячевскаго въ сѣверной части Енисейскаго округа, лѣтній рабочій день не менѣе 14—15 часовъ **). Всего тяжелѣе работа въ забоѣ, гдѣ рабочій (забойщикъ) отбиваетъ кайлою землю (зо-

*) По отчету томскаго горнаго управленія за 1890 г., maximum числа рабочихъ часовъ въ южно-енисейской системѣ доходитъ даже до $15^1/_2$, но за то minimum показанъ въ 9 час. *Горный Журналъ* 1891 г., № 12, пр. 521.

**) *Очеркъ современнаго состоянія и причинъ упадка енисейской золотопромышленности.* Оттискъ изъ *Горнаго Журнала* 1891 г., №№ 8—9, стр. 27. По отчету томскаго горн. управл. за 1890 г., рабочій день въ сѣв. ч. Енисейск. округа равняется 9—15 часамъ, въ Ачинско-Миусинскомъ округѣ—9—13 час., въ Томскомъ—10 час. *Горн. Журн.* 1891 г., № 12, стр. 521.

лотоносный пластъ или прикрывающій его турфъ, т.-е. незолотоносную породу). Какъ вредно отражается такая работа на здоровьи рабочихъ, видно изъ изслѣдованія красноярскаго врача В. М. Крутовскаго, въ которомъ онъ изображаетъ общій типъ пріисковаго рабочаго въ слѣдующихъ словахъ: «Къ 45 годамъ жизни послѣ 10—16 лѣтъ пріисковой работы рабочій представляетъ изъ себя преждевременно-состарившагося субъекта съ расширенными венами, перерожденными артеріями, съ гипертрофированнымъ сердцемъ, которое уже отказывается работать, появляются отеки, застой крови, эмфизема легкихъ, гипертрофія и перерожденіе печени, параличи и масса различныхъ другихъ заболѣваній, начиная нефритами и оканчивая общимъ маразмомъ» *).

Въ нашей статьѣ въ *Русскомъ Богатствѣ* (1892 г., № 12, стр. 48) мы указали на то, что по одному проекту (нынѣ, къ счастью, отвергнутому), продолжительность рабочаго дня на золотыхъ промыслахъ предполагалось установить въ 16 часовъ, хотя и со включеніемъ времени на чай, обѣдъ и ужинъ, но безъ опредѣленія продолжительности этого отдыха. Въ то время, когда въ Западной Европѣ поставленъ на очередь вопросъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, когда въ Англіи билль о такой продолжительности рабочаго дня уже принятъ (13 апрѣля 1894 г. палатою общинъ; см. *Новое Время* 1894 г., № 6511 и 6513), у насъ предлагали установить 16-ти часовой рабочій день **). Это тѣмъ болѣе странно, что въ положеніи о частной золотопромышленности 1838 г. установленъ былъ 15-ти часовой рабочій день, также со включеніемъ времени на обѣденный отдыхъ. Въ первоначальной редакціи составленнаго въ Иркутскѣ проекта правилъ о наймѣ рабочихъ (1887 г.) сказано, что въ условіяхъ найма должно быть, между прочимъ, обозначено: «число рабочихъ часовъ въ сутки, но *не болѣе* какъ съ 5 часовъ утра до 7 часовъ пополудни, съ промежутками на обѣденный отдыхъ *не менѣе* 2 час. Слѣдовательно, *maximum* дѣйствительнаго рабочаго дня здѣсь опредѣленъ въ 12 часовъ, причемъ точно указано: не ранѣе какого часа можно начинать работу, что очень важно (я самъ былъ свидѣтелемъ того, что въ одной благоустроенной золотопромышленной компаніи южно-алтайской системы на одномъ изъ пріисковъ работы, якобы по желанію рабочихъ, начинались въ 3 часа утра). Во второй (непечатной) редакціи проекта, составленной въ Иркутскѣ въ 1888 году при участіи золотопромышленниковъ, хотя и опущено указаніе на время начала и конца работъ, но за то выраженіе «обѣденный отдыхъ» замѣнено болѣе точнымъ опредѣленіемъ времени, необходимаго для чая, обѣда и ужина («число собственно рабочихъ часовъ

---

*) *Предварительныя данныя по вопросу о вліяніи жизни и работы на золотыхъ пр... махъ на физическое состояніе рабочихъ. Приложеніе къ протоколамъ общества вра... Енисейской губ. за 1891—92 г.*, стр. 31.

**) Недавно въ палатѣ общинъ военный министръ сообщилъ, что во всѣхъ мастерскихъ военнаго вѣдомства число рабочихъ часовъ сокращено до 48 часовъ въ недѣлю, повсюду, безъ пониженія рабочей платы (*Новое Время* 1894 г., 1 янв.).

въ сутки,—сказано въ этой редакціи проекта,—*не должно быть болѣе 12*, не включая въ это число времени на чай, обѣдъ и ужинъ»).

Чрезвычайная важность вопроса о законодательномъ регулированіи продолжительности рабочаго дня заставляетъ насъ остановиться на немъ съ особеннымъ вниманіемъ.

Прежде всего замѣтимъ, что регулированіе продолжительности рабочаго времени на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ особенно важно въ такой странѣ, какъ Россія, законодательство которой не даетъ возможности рабочимъ самимъ защищаться отъ эксплуатаціи. Въ Западной Европѣ рабочіе имѣютъ право организовать союзы для своей защиты, могутъ устраивать стачки, у насъ же это закономъ не дозволяется и устройство стачки разсматривается какъ уголовное преступленіе. При той силѣ, какую имѣютъ рабочіе союзы, напримѣръ, въ Англіи, законодательство можетъ даже отставать отъ явленій дѣйствительной жизни: такъ, лишь въ нынѣшнемъ году принятъ, какъ мы упоминали, палатою общинъ билль о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ а, между тѣмъ, уже ранѣе въ нѣкоторыхъ угольныхъ копяхъ забойщики работали лишь по 6—7½ часовъ. У насъ совершенно иныя условія: если законодательство препятствуетъ развитію самодѣятельности рабочихъ, то, значитъ, оно должно взять на себя защиту ихъ интересовъ. Очевидно, подъ вліяніемъ сознанія этой необходимости и начинаютъ издавать у насъ цѣлый рядъ законовъ *).

На Западѣ законы объ охраненіи женщинъ и дѣтей, занятыхъ промышленнымъ трудомъ, предшествовали законодательной охранѣ взрослыхъ рабочихъ мужчинъ: предполагалось, подъ вліяніемъ экономистовъ школы Адама Смита, что взрослые рабочіе съумѣютъ сами охранять себя, пока, наконецъ, и тамъ не была признана ошибочность этой мысли. Русскому законодательству, напротивъ, издавна не былъ чуждъ принципъ охраны и взрослыхъ рабочихъ. По адмиралтейскому регламенту 1722 г. (5 апрѣля), продолжительность рабочаго дня съ 10 марта по 16 сентября была опредѣлена въ 12½—13 часовъ, а въ остальное время года начало работы было назначено за часъ до восхода солнца и окончаніе ея—часъ послѣ захода съ 2 часами отдыха **). Грамотою городамъ 1785 г. былъ установленъ для ремесленниковъ даже 10-ти часовой рабочій день: съ 6 ч. утра до 6 час. веч., исключая полчаса на завтракъ и полтора часа на обѣдъ

*) А именно: законъ 1 іюня 1882 г. о малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ и объ учрежденіи фабричной инспекціи для надзора за работой малолѣтнихъ; законъ 12 іюня 1884 г. о школьномъ обученіи малолѣтнихъ, о продолжительности ихъ работы и о фабричной инспекціи; законъ 3 іюня 1886 г. о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы. Въ духѣ этой системы охраны рабочихъ былъ состав. въ 15 марта 1893 года департаментомъ мануфактуръ и торговли и проектъ закона объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій за увѣчья и смерть рабочихъ.

**) Въ царствованіе императора Александра I въ 1803—1804 гг. относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фабрикъ (казенныхъ и поссессіонныхъ) правительство устанавливало 12-ти часовой рабочій день.

и отдыхъ (*П. С. З.* т. XXII, № 16188, п. 105). По положенію о частной золотопромышленности 1838 г. опредѣленъ былъ maximum рабочаго дня въ 15 часовъ, со включеніемъ обѣденнаго отдыха. Норма эта была непомѣрно велика, особенно при отсутствіи опредѣленія продолжительности отдыха, но, все-таки, нельзя не пожалѣть, что составители закона о частной золотопромышленности 1870 г., вмѣсто того, чтобы значительно уменьшить максимальную продолжительность рабочаго дня на пріискахъ предпочли вовсе отказаться отъ нормированія рабочаго дня. Какъ уже было указано, лица, составлявшія въ Иркутскѣ первыя двѣ редакціи проекта правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, возвратились къ опредѣленію продолжительности рабочаго дня взрослыхъ, хотя и приняли слишкомъ повышенную норму. При дальнѣйшемъ обсужденіи проекта этого закона, представители сибирской горной администраціи высказались неодинаково: одни за 12-ти часовой, другіе—за 10-ти часовой рабочій день *).

Одинъ изъ высшихъ представителей администраціи Восточной Сибири находитъ «совершенно необходимымъ число рабочихъ часовъ въ сутки въ *юрныхъ* пріисковыхъ работахъ ограничить 12-ю, *считая въ томъ числѣ* 3 часа на завтракъ, обѣдъ съ отдыхомъ и послѣобѣденный чай», т.-е. полагаетъ «совершенно необходимымъ» установить для горныхъ работъ 9-ти часовой рабочій день. Другой администраторъ (Западной Сибири) также высказывается за опредѣленіе числа часовъ работы пріисковыхъ рабочихъ въ размѣрѣ 12, «*включая* въ это число время на чай и обѣдъ», т.-е. также высказывается въ пользу установленія 9 или 10-ти часоваго рабочаго дня. Къ этимъ заявленіямъ оффиціальныхъ лицъ слѣдуетъ присоединить еще выводъ красноярскаго врача Крутовскаго изъ упомянутаго уже нами доклада его обществу енисейскихъ врачей о вліяніи условій жизни и работы на золотыхъ промыслахъ на физическое здоровье рабочихъ: «Продолжительность рабочаго дня очень велика и произвольна. *Необходимо ограничить рабочій день тахітит 8 часами*» **).

Такимъ образомъ, уже многіе компетентныя лица изъ горной и общей администраціи сознаютъ необходимость сокращенія рабочаго дня до 9—10 часовъ, а врачи стоятъ за 8-ми часовой рабочій день. Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что, быть можетъ, возможно выдѣлить изъ пріисковыхъ работъ собственно горныя (какъ подъ землею, такъ и въ открытыхъ разрѣзахъ).

*) За 10-ти часовой рабочій день высказался въ печати томскій окружный инженеръ Реутовскій въ редактируемомъ имъ *Вѣстникѣ Золотопромышленности* (1893 года, № 1). Горный инженеръ Яцевичъ также высказывается за то, что „никакой урок не можетъ быть разсчитываемъ больше, чѣмъ на 10 часовъ непрерывной работы по даннымъ справочныхъ книжекъ и рабочихъ положеній" (*Вѣстн. Золотопр.* 1892 г., № 13, стр. 175).

Для сравненія упомянемъ, что извѣстный врачъ и бывшій фабричный инспектор Святловскій въ своей книгѣ *Фабричный рабочій* говоритъ, что на ткацкихъ фабрикахъ необходимо сократить рабочій день, по крайней мѣрѣ, до 8 час. въ сутки (стр. 214), а на сахарныхъ заводахъ предлагаетъ (стр. 198) установить даже 7—6 часовъ работы.

Для такихъ работъ, какъ дѣйствительно крайне истощающихъ силы рабочихъ, слѣдовало бы назначить рабочій день въ 8 часовъ работы, за исключеніемъ времени отдыха (съ тѣмъ, чтобы работа продолжалась непрерывно не болѣе 4—4½ час. и отдыхъ былъ бы не менѣе 2 час.), а для остальныхъ работъ (различныхъ мастеровыхъ и проч.) можно было бы назначить 9-ти или максимально 10-ти часовой рабочій день.

Въ Западной Европѣ, какъ мы замѣтили, законодательство нерѣдко значительно отстаетъ отъ дѣйствительной жизни. Такъ, напримѣръ, по австрійскому закону 21 іюня 1884 года, въ копяхъ рабочее время не должно превышать 10-ти часовъ, а, между тѣмъ, въ большинствѣ венгерскихъ рудниковъ и на казенныхъ рудникахъ въ Богеміи существуетъ 8-ми часовой рабочій день. Въ Германіи хотя закономъ 11-ти часовой рабочій день установленъ только для женщинъ, въ дѣйствительности германскіе рудокопы работаютъ по большей части 8—10 часовъ *). Во Франціи хотя нѣтъ другого закона, регулирующаго работу взрослыхъ рабочихъ муж. п., кромѣ устарѣлаго фабричнаго закона 1848 г. о 12-ти часовомъ рабочемъ днѣ, въ копяхъ мы находимъ въ большинствѣ случаевъ 8-ми часовой трудъ. Въ Италіи, въ странѣ весьма отсталой въ дѣлѣ фабричнаго законодательства, продолжительность дѣйствительнаго труда въ горныхъ работахъ равняется 7—10 часамъ. Въ Англіи, какъ мы уже говорили, лишь въ нынѣшнемъ году былъ принятъ палатою общинъ законъ о 8-ми часовомъ трудѣ, тогда какъ въ копяхъ многіе рудокопы уже ранѣе работали 8 часовъ, а нѣкоторые 6—7½ часовъ, и, притомъ, въ Нортумберландѣ и Дургамѣ 8-ми часовой день не былъ выработанъ рабочими союзами, а «добровольно установленъ хозяевами», для забойщиковъ же, составляющихъ тамъ около 70% всѣхъ лицъ, работающихъ подъ землею, полный рабочій день равняется приблизительно 7 часамъ со времени оставленія «берега» (шахтовъ отверстія) и до возвращенія, а у «фаса» они работаютъ не болѣе 6 часовъ **). Въ Америкѣ во многихъ штатахъ установленъ 8-ми часовой рабочій день для взрослыхъ мужчинъ, а во всѣхъ правительственныхъ мастерскихъ, по закону 1 августа 1892 г., введенъ 8-ми часовой рабочій день. Наконецъ, въ Австраліи установленіе законодательнымъ путемъ 8-ми часоваго рабочаго дня оказалось ненужнымъ, такъ какъ онъ уже вездѣ существуетъ въ дѣйствительности (въ Викторіи уже съ 1856 г.); впрочемъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Австраліи 8-ми часовой рабочій день установленъ и закономъ.

Законодательному сокращенію рабочаго дня во многихъ странахъ противились капиталисты изъ опасенія сокращенія производства. Но опытъ показалъ, что эти опасенія не всегда основательны. Англійскій военный министръ рѣшился сократить рабочій день въ мастерскихъ военнаго вѣдомства не столько вслѣдствіе настоянія делегатовъ рабочихъ, сколько потому,

---

*) *Веббъ* и *Кокъ*: „Восьмичасовой рабочій день", стр. 259, 77 и 74.

**) *Conrad* und *Lexis*: „Handwörterbuch der Staatswissenschaften", 1890, I, 771 778, 496.

что произведенные опыты привели его къ убѣжденію, что сокращеніе рабочаго дня до 8 часовъ повліяло на количество работы очень мало, за то оказало замѣтное вліяніе на ея качество (*Новое Время* 1894 г., 1 января). Недавно также одинъ швейцарскій фабричный инспекторъ, на основаніи фабричныхъ книгъ, вычислилъ, что при 12-ти часовомъ рабочемъ днѣ вырабатывалось въ сутки на каждыя 1,000 веретенъ 372 килограмма пряжи, а при 11-ти часовомъ днѣ, при тѣхъ же машинахъ на той же фабрикѣ стало вырабатываться 388 килограммовъ, слѣдовательно, въ болѣе короткій день вырабатывалось бо́льшее количество пряжи. На другой фабрикѣ при 12-ти часовомъ днѣ рабочій зарабатывалъ, получая задѣльную плату 203 франка, а при 11-ти часовомъ на тѣхъ же условіяхъ сталъ зарабатывать 233 фр. Это для многихъ становится настолько очевиднымъ, что нѣкоторые фабриканты начинаютъ сами сокращать количество рабочихъ часовъ, и, притомъ, не только въ Западной Европѣ, но и въ Россіи *).

Въ собраніи 9 февраля общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ былъ прочитанъ выработанный лодзинскимъ отдѣленіемъ, по порученію общества, проектъ законодательной нормировки рабочаго времени на фабрикахъ Россіи. Убѣдившись на основаніи собранныхъ фактовъ, что производительность труда усиливается вслѣдствіе сокращенія рабочаго дня, лодзинское отдѣленіе проситъ ходатайствовать о слѣдующемъ законодательномъ ограниченіи рабочаго времени въ Россіи: 1) ночная работа съ 10 ч. веч. до 4 ч. утра запрещается на заводахъ, фабрикахъ и т. п., за исключеніемъ тѣхъ, которые, по характеру своего производства, должны необходимо вести работу безъ всякихъ перерывовъ (какъ, наприм., доменныя печи, сахарные, винокуренные, пивоваренные, стеклоплавильные, газовые и т. п. заводы); 2) максимальная продолжительность дневной работы ограничивается для одной смѣны рабочихъ: а) въ копяхъ металловъ, каменнаго угля и вообще въ подземныхъ пространствахъ 10-ю часами въ сутки; б) въ фабрикахъ желѣзныхъ, стальныхъ и вообще металлическихъ издѣлій 11-ю часами въ сутки и в) во всѣхъ прочихъ промышленныхъ заведеніяхъ 12-ю часами въ сутки, съ обязательнымъ перерывомъ, по крайней мѣрѣ, на 1 часъ для обѣда. Въ тѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, владѣльцы которыхъ, не смотря на отсутствіе необходимости непрерывнаго хода производства, желали бы вести его долѣе 12 часовъ въ день въ 2 смѣны рабочихъ, работа каждой смѣны не можетъ превышать 9 часовъ въ сутки въ предѣлахъ времени отъ 4 часовъ утра до 10 часовъ вечера. Еслибъ

---

*) Еще въ 1885 г., по отчету главнаго фабричнаго инспектора (стр. 52), изъ общ[ ] числа нашихъ промышленныхъ заведеній въ 80% такихъ заведеній количе[ство] рабочихъ часовъ было 12 и менѣе, а именно: съ 12 рабочими часами 36,8%, съ [ ]ю 20,8%, съ 10-ю 18,1%, съ 9-ю 2,1%, съ 8-ю 1,6%, съ 7-ю 0,4% и съ 6-ю 0,2%. Но [ ] фабрикахъ Серпуховского, Коломенскаго и Бронницкаго уѣздовъ, Московской губ[ерніи], въ то же время *средняя* продолжительность рабочаго дня равнялась 12 ч. 39 [ ]. *Сементьевъ*: „Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ". [ ]т., стр. 91.

опытъ подтвердилъ полезность этой мѣры, то черезъ 5 лѣтъ желательно дальнѣйшее сокращеніе рабочаго дня каждой изъ 3-хъ категорій промышленныхъ заведеній еще на 1 часъ. Общество для содѣйствія промышленности и торговлѣ весьма сочувственно отнеслось къ этой запискѣ и передало ее пока на разсмотрѣніе московскаго и варшавскаго отдѣленій общества и конторы желѣзнозаводчиковъ (*Новое Время* 1894 г., № 6450). Въ виду только что приведеннаго свидѣтельства главнаго фабричнаго инспектора, что уже теперь въ 80% нашихъ промышленныхъ заведеній количество рабочихъ часовъ было 12 и менѣе, нельзя не признать нормъ продолжительности рабочаго дня, предложенныхъ лодзинскимъ отдѣленіемъ общества для содѣйствія промышленности и торговли, слишкомъ высокими. Это отдѣленіе тѣмъ болѣе могло бы предложить низшія нормы, что средняя продолжительность рабочаго дня въ Царствѣ Польскомъ равняется 11 часамъ, на заводахъ металлическихъ издѣлій $10^1/_2$ ч. (дневной работы), а на стеклянныхъ заводахъ даже $9^1/_4$ час. *).

Въ трудѣ Брентано (*Ueber das Verhältniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung*, 1 изд. 1877 г., 2 изд. 1893 г.) множествомъ цифровыхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ практическихъ наблюденій, доказывается возростаніе производительности труда отъ сокращенія продолжительности рабочаго дня. Въ еще большемъ размѣрѣ это сдѣлано въ трудѣ о работѣ и заработной платѣ знаменитыхъ инженеровъ-строителей Брассей, имѣвшихъ случай дѣлать наблюденія весьма крупныхъ размѣровъ въ различныхъ странахъ (*Brassey*: «Work and Wages», 1-е изд. 1872 г.). Въ Австріи законодательное сокращеніе фабричнаго труда взрослыхъ рабочихъ не только не вызвало сокращенія количества продуктовъ, но даже нѣсколько увеличило его. По заявленію президента корпораціи рудокоповъ въ Германіи, рабочіе въ копяхъ добывали наибольшее количество продукта при 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ. Увеличеніе продолжительности рабочаго дня можетъ усилить производительность въ теченіе 3-хъ или 4-хъ недѣль, послѣ которыхъ производство возвращается къ нормальному уровню и для 10-ти часовой работы остается такимъ же, какъ и для 8-ми часовой (см. *Веббъ* и *Коксъ*, стр. 116—119, 122—123, 169) **). Такимъ образомъ, сокращеніе рабочаго дня можетъ вовсе не сопровождаться даже сокращеніемъ добываемаго продукта, а, между тѣмъ, какъ важно это сокращеніе для здоровья рабочихъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго факта. Англійскій союзъ машиностроителей ведетъ аккуратную статистику смертности своихъ членовъ,

---

*) *Отчетъ И. И. Янжула по изслѣдованію фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ*, Спб. 1888 г., стр. 41, прилож., стр. 94.

**) По отчетамъ швейцарскихъ фабричныхъ инспекторовъ за 1890 и 189_ г., фабриканты въ очень многихъ производствахъ, уступая требованіямъ рабочихъ, сократили рабочій день до 10 часовъ (вмѣсто установленныхъ закономъ 11 час.) и при этомъ многіе изъ нихъ заявляютъ, что не только не видно разницы между прежнимъ 11-ти часовымъ и теперешнимъ 10-ти часовымъ рабочимъ днемъ, но что болѣе короткій день, пожалуй, даже выгоднѣе (*Русскія Вѣдомости* 1893 г., № 238).

которая показываетъ, что средняя продолжительность жизни членовъ союза прежде была 38½ лѣтъ для мужчины и 37½ лѣтъ для женщины. Въ 1872 г. машиностроители добились сокращенія своего рабочаго дня до 9 часовъ, и съ тѣхъ поръ средняя продолжительность жизни находится въ постоянномъ возростаніи и въ 1889 г. дошла до 48½ лѣтъ *). Какъ вредно вліяетъ на рабочихъ тяжелый пріисковый трудъ, всего лучше видно изъ вышеупомянутаго доклада доктора Крутовскаго. Наконецъ, замѣтимъ, что физически измученный рабочій болѣе склоненъ къ пьянству **).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что законодательное регулированіе рабочаго дня самымъ настоятельнымъ образомъ вызывается необходимостью охраненія жизни и здоровья рабочаго класса и что оно можетъ вовсе не сопровождаться уменьшеніемъ добываемаго продукта; но если бы для добычи того же количества золота и потребовалось нѣкоторое увеличеніе числа рабочихъ, то золотопромышленникамъ есть изъ чего произвести такое увеличеніе. По *собственнымъ показаніямъ* пріисковыхъ управленій въ 1890 г. при посѣщеніи иркутскимъ генералъ-губернаторомъ пріисковъ Олекминскаго округа, по среднему выводу за три года (1887—89 гг.) К° Промышленности и Прибрежно-витимская имѣла дохода 23%, К° Базилевскаго—32% ***), Ленское товарищество—13% и К° Демидовой—17%. При такихъ доходахъ и оборотахъ въ сотни тысячъ, а нѣкоторыя изъ этихъ компаній и въ милліоны рублей, золотопромышленники могли бы произвести и лишнія затраты, если бы потребовалось нѣкоторое увеличеніе контингента рабочихъ. Но сокращеніе рабочаго дня можетъ вызвать, вмѣсто увеличенія числа рабочихъ, лишь улучшеніе техники, а это могло бы содѣйствовать значительному увеличенію количества добываемаго золота. Если возразятъ, что не все посильное для крупныхъ компаній возможно для болѣе мелкихъ, то мы отвѣтимъ, что не будемъ очень скорбѣть, если мелкіе хозяева-золотопромышленники, особенно эксплуатирующіе рабочихъ, и совсѣмъ исчезнутъ и будутъ замѣнены артелями самихъ рабочихъ. Нужно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ округахъ болѣе трети пріисковъ разрабатывается артелями золотничниковъ ****), и недалеко время, когда, подобно тому, какъ уже теперь министерство государственныхъ имуществъ оказываетъ поддержку кустарной промышленности, будетъ признано необходимымъ оказать содѣйствіе и производительнымъ артелямъ промысловыхъ рабочихъ: когда они явятся хозяевами своего дѣла, имъ не будетъ причины утаивать золото, и хищничество въ золотопромышленности значительно уменьшится.

---

*) *Гольденвейзеръ*: „Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи", 189[illegible], стр. 162.

Срав. *Веббъ и Коксъ*, стр. 174, и статью *Манассеиной* „Объ усталости" въ *Сѣверн[illegible] Вѣстникѣ* 1893 г., № 5, стр. 141—142.

*) Такой же доходъ получался въ среднемъ за 1877 — 87 гг. и на пріискахъ Б. [illegible] Базилевскаго Енисейскаго округа.

**) Въ 1883 г. во всемъ Енисейскомъ округѣ почти 30%, въ 1884 г.—болѣе 33% [illegible] въ 1885 г. въ южно-енисейской системѣ даже 42%.

Нѣкоторые возражаютъ, что трудно было бы услѣдить за соблюденіемъ установленной закономъ продолжительности рабочаго дня, но при тѣхъ отношеніяхъ, какія существуютъ между золотопромышленниками и рабочими, первые могутъ всегда опасаться заявленія со стороны вторыхъ мѣстной горной администраціи и полиціи о нарушеніи закона. Такъ какъ напряженность труда при уменьшеніи количества рабочихъ часовъ возростаетъ, то общая производительность его можетъ не уменьшиться, или уменьшиться незначительно, и, слѣдовательно, нѣтъ основанія опасаться (хотя бы и временнаго) значительнаго уменьшенія рабочей платы, а если бы эта плата нѣсколько и уменьшилась, то это выкупается сбереженіемъ силъ и здоровья рабочихъ. Нѣтъ основанія думать, что рабочіе могутъ быть противъ закона, ограничивающаго количество рабочихъ часовъ, какъ думаютъ нѣкоторые: потребность въ отдыхѣ при теперешнемъ непосильномъ трудѣ слишкомъ сильно сказывается въ рабочихъ и вызываетъ уклоненіе отъ работы сверхъ немногихъ льготныхъ дней, что ведетъ къ столкновеніямъ съ пріисковою администраціей. Чрезмѣрное переутомленіе вызываетъ и болѣе сильную потребность въ винѣ, тайно добываемомъ за огромныя деньги отъ спиртоносовъ или нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ, а это уменьшаетъ количество заработковъ, выносимыхъ съ промысловъ. Чрезмѣрное переутомленіе ведетъ, наконецъ, и къ тому разгулу по окончаніи операціи, во время котораго иной разъ растрачивается значительная часть полученныхъ денегъ. Съ уменьшеніемъ количества рабочихъ часовъ, а, слѣдовательно, и чрезмѣрнаго переутомленія уменьшится и пьянство и такимъ образомъ скорѣе сбережется заработокъ рабочихъ. Лица, возражающія противъ законодательнаго регулированія рабочаго дня на золотыхъ промыслахъ, указываютъ также на то, что у насъ не имѣется еще закона, ограничивающаго продолжительность работъ для *взрослыхъ* рабочихъ въ какой бы то ни было отрасли промышленности. Но мы уже указывали выше, что этотъ принципъ не былъ чуждъ нашему законодательству еще въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, и что теперь пора намъ послѣдовать примѣру въ этомъ отношеніи Западной Европы. Разумѣется, было бы желательно, чтобы и въ другихъ отрасляхъ промышленности была регулирована продолжительность ежедневнаго труда взрослыхъ рабочихъ, но такъ какъ теперь на очереди законодательное регулированіе положенія пріисковыхъ рабочихъ, то нѣтъ причинъ не начать въ этой области примѣненія мѣры, вызываемой насущными потребностями рабочихъ.

Нужно замѣтить, что въ настоящее время на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ повсемѣстно распространена урочная система. Въ контрактахъ золотопромышленниковъ съ рабочими, обыкновенно, назначаются уроки, которые рабочіе обязываются вырабатывать ежедневно. На это обстоятельство слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе, такъ какъ если вовсе не регулировать размѣра уроковъ, то урочная система можетъ оказаться въ противорѣчіи съ необходимымъ нормированіемъ рабочихъ часовъ. Нѣко-

рые предлагаютъ выработать и установить въ законодательномъ порядкѣ нормальное урочное положеніе относительно горныхъ работъ для каждой системы золотыхъ промысловъ; но въ такомъ случаѣ непремѣнно должно быть соблюдено условіе, чтобы уроки возможно было выполнить въ то количество часовъ, какое будетъ установлено новымъ закономъ. Трудность выработки такого положенія зависитъ отъ разнообразія мѣстныхъ условій. Для этого необходимо было бы спеціальное изслѣдованіе всѣхъ системъ золотыхъ промысловъ, причемъ относительно каждаго пріиска слѣдовало бы выяснить свойство почвы и возможный размѣръ урока. Правда, этотъ трудъ могъ бы быть выполненъ мѣстными окружными инженерами, но насъ смущаютъ субсидіи, получаемыя ими отъ золотопромышленниковъ и доходящія въ нѣкоторыхъ округахъ до 10,000 руб. въ годъ; это обстоятельство не позволяетъ ожидать отъ окружныхъ инженеровъ необходимаго въ этомъ дѣлѣ безпристрастія. Контроль горнаго управленія или присутствія по горно-заводскимъ дѣламъ едва ли внесетъ при этомъ значительную поправку, такъ какъ имъ придется руководствоваться свѣдѣніями, полученными отъ тѣхъ же горныхъ инженеровъ. Размѣръ ежедневной выработки при открытыхъ работахъ колеблется и въ зависимости отъ погоды. Въ виду этой трудности установить законодательнымъ путемъ размѣръ уроковъ, необходимо, по нашему мнѣнію, урочную систему поставить въ полную зависимость отъ нормы, которую и легко установить, и за исполненіемъ которой не трудно наблюсти, т.-е. отъ опредѣленія извѣстной продолжительности рабочаго дня, и потому слѣдуетъ установить, что золотопромышленникъ не имѣетъ права ни заставить рабочаго окончить урокъ, если тотъ не успѣлъ выполнить его въ установленное закономъ время, ни штрафовать его за это. Разъ законъ опредѣляетъ продолжительность рабочаго дня (а это совершенно необходимо), назначеніе урока могло бы имѣть только одну цѣль: дать усернымъ и сильнымъ рабочимъ возможность особенно напряженною работой сократить продолжительность своего труда сравнительно съ установленною закономъ нормой. Если же при предлагаемомъ нами введеніи размѣровъ уроковъ въ границы опредѣленной закономъ продолжительности рабочаго дня (а только при этомъ условіи не будетъ нарушаться правило закона о количествѣ рабочихъ часовъ) золотопромышленники отказались бы вовсе отъ системы уроковъ, то это было бы самое лучшее. Опасаться, что при отсутствіи уроковъ рабочіе станутъ трудиться слишкомъ небрежно, нѣтъ основанія, такъ какъ работы въ разрѣзахъ они производятъ подъ постояннымъ наблюденіемъ особыхъ надсмотрщиковъ и за лѣность промышленникъ можетъ отказать рабочимъ. Другимъ побужденіемъ къ усердному труду можетъ быть задѣльная плата.

Въ настоящее время лѣтомъ на сибирскихъ промыслахъ рабочіе имѣютъ не болѣе двухъ льготныхъ дней въ мѣсяцъ, на многихъ всего по одному, а [illegible] и такіе золотопромышленники, которые лѣтомъ вовсе не даютъ льготныхъ дней. Само собою разумѣется, что такое положеніе вещей край-

не ненормально и вредно отражается на здоровьи рабочихъ. По свидѣтельству проф. Янжула, бывшаго фабричнаго инспектора, въ Московскомъ округѣ празднуется среднимъ числомъ 79 дней *), по свидѣтельству бывшаго фабричнаго инспектора доктора Святловскаго въ Варшавскомъ округѣ среднимъ числомъ на фабрику приходится 71 праздникъ, а въ Англіи рабочіе имѣютъ даже 86 дней отдыха **). Такъ какъ пріисковая работа нисколько не легче, а, напротивъ, тяжелѣе фабричной, то совершенно ясна необходимость установить обязательное празднованіе воскресеній, какъ это предлагалъ въ 1882 году и начальникъ главнаго тюремнаго управленія. Красноярскій врачъ Крутовскій также считаетъ совершенно необходимымъ установленіе праздничнаго отдыха «каждое воскресенье для всей команды». Одинъ окружный инженеръ высказалъ мысль, что «для наибольшей производительности въ работѣ... въ лѣтнее время съ 1 апрѣля по 1 октября, также какъ и въ зимнее время, должно требовать: 1) или соблюденіе празднованія воскресенья, или 2) количество дней для отдыха съ 2 (въ мѣсяцъ) увеличить до 4. Замѣтимъ съ своей стороны, что необходимость празднованія воскреснаго дня уже сознана на Западѣ: оно сдѣлано обязательнымъ въ фабричныхъ и горныхъ работахъ Германіи по закону 1 іюня 1891 г. и въ Австро-Венгріи; въ Англіи также не бываетъ работы по воскресеньямъ ***).

На золотыхъ промыслахъ работаютъ не только мужчины, но и женщины; правда, вы не встрѣтите женщинъ, работающихъ въ забоѣ, но на одномъ пріискѣ на Алтаѣ мы сами видѣли, что женщина протирала золото въ золотопромышленной машинѣ; работаютъ женщины и въ качествѣ стряпухи, прислуги и т. п. Во всякомъ случаѣ, и къ нимъ необходимо примѣнить законъ 9 марта 1892 г., по которому женщины не допускаются къ работамъ въ рудникахъ, а равно и къ ночнымъ работамъ.

Кромѣ взрослыхъ работниковъ и работницъ, на пріиски нанимаютъ и нѣкоторое количество малолѣтнихъ. По общему закону (*Уставъ о промышленности*, изд. 1893 г., ст. 108), дѣти, не достигшія 12 лѣтъ отъ роду, къ работамъ не допускаются, но устанавливать столь низкую норму для золотыхъ пріисковъ нѣтъ основанія уже потому, что, судя по отчету окружнаго инженера сѣверно-енисейской системы (1888 г.), тамъ всѣ нанятые малолѣтніе (84 чел.) имѣли возрастъ отъ 14 до 17 лѣтъ, слѣдовательно, ранѣе 14 лѣтъ малолѣтніе не нанимались вовсе. Затѣмъ укажемъ еще на

*) На фабрикахъ Серпуховского, Коломенскаго и Бронницкаго уѣздовъ, Московской губ., число праздничныхъ дней колеблется между 78 и 116, причемъ на большинствѣ изъ нихъ (82% всего количества) празднуется отъ 85 до 99 дней. *Дементьевъ:* „Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ". М., 1893 г., стр. 62.

**) *Святловскій:* „Фабричный рабочій", стр. 45. Между тѣмъ, по одному проекту регулированія быта пріисковыхъ рабочихъ предполагается установить всего 56 праздниковъ (считая и всѣ воскресенья зимнихъ мѣсяцевъ).

***) *Kulemann:* „Der Arbeiterschutz", 1893, S. 46, 104, 108. *Conrad* u. *Lewis:* „Handwörterbuch der Staatswissenschaften", I, 447.

слѣдующія ограниченія работы малолѣтнихъ по нашему законодательству. По закону 9 марта 1892 года о наймѣ рабочихъ на горные промыслы и заводы, «малолѣтніе рабочіе, не достигшіе 15 лѣтъ, и женщины не допускаются къ *ночнымъ* работамъ, а равно къ работамъ внутри рудниковъ. Малолѣтніе рабочіе сверхъ того не должны быть занимаемы работою болѣе 8 часовъ въ сутки (*Уставъ горный*, изд. 1893 г., ст. 655). Въ *Уставѣ о промышленности*, изд. 1893 г. (ст. 110), малолѣтнихъ воспрещено также посылать на работу въ воскресные и высокоторжественные дни. Но въ дѣйствующемъ законодательствѣ можно указать постановленія, еще болѣе повышающія норму того возраста, въ которомъ дозволяются ночныя работы для подростковъ. По *Уставу о промышленности* (изд. 1893 г., ст. 122), воспрещено употреблять въ ночныя работы всѣхъ вообще женщинъ и подростковъ отъ 15 до 17 лѣтъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, учрежденныхъ для производствъ хлопчато-бумажнаго, полотнянаго, шерстянаго, льнопрядильнаго, льнотрепальнаго и смѣшанныхъ тканей, причемъ, по соглашенію министра финансовъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, это ограниченіе можетъ быть распространяемо и на другія промышленныя заведенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ночная работа въ пріисковой шахтѣ нисколько не легче работы на названныхъ фабрикахъ. Нельзя не замѣтить также, что среда пріисковыхъ рабочихъ не можетъ быть признана полезною для подростковъ. Въ виду послѣдняго мотива, желательно было бы вовсе воспретить наемъ на пріиски мальчиковъ и дѣвочекъ моложе 17 лѣтъ, если же это запрещеніе принято не будетъ, то, по крайней мѣрѣ, согласно указанному правилу *Устава о промышленности*, воспретять ночныя и подземныя работы не только для женщинъ вообще, но и для подростковъ мужского пола до 17 лѣтъ; примѣнительно же къ статьѣ 110 *Устава о промышленности*, изд. 1893 г., слѣдовало бы освободить ихъ и отъ работъ во всѣ воскресные дни, а также установить, чтобы число рабочихъ часовъ (и въ томъ случаѣ, еслибъ оно не было ограничено для взрослыхъ) не превышало восьми.

Напомнимъ о постановленіяхъ по этому вопросу въ иностранныхъ законодательствахъ. На швейцарскихъ фабрикахъ, по закону 1877 г., запрещена подросткамъ ниже 17 лѣтъ и всѣмъ женщинамъ воскресная и ночная работа. Во Франціи, по закону 1892 г., мальчики до 18 лѣтъ и всѣ женщины вовсе не должны употребляться на ночныя работы, а также для нихъ обязательно назначается одинъ свободный день въ недѣлю, хотя имъ можетъ быть и не воскресенье. Наконецъ, дѣвушки и женщины (даже и въ законодательствахъ многихъ другихъ государствъ) не допускаются для работъ подъ землею (въ рудникахъ), а допущеніе туда юношей отъ 13 до 18 лѣтъ возможно лишь съ разрѣшенія властей. Въ Германіи, по закону 1891 г., подросткамъ ниже 16 лѣтъ совершенно воспрещена ночная и воскресная работа, а для извѣстныхъ производствъ, связанныхъ съ опасностью для здоровья и нравственности, союзному совѣту предоставлено право и вовсе запретить работу подростковъ отъ 14 до 16 лѣтъ,

а также и женщинъ. По дѣйствующимъ австрійскимъ законамъ, подростки до 16 лѣтъ не могутъ работать на фабрикахъ болѣе 8 часовъ, а ночная работа отъ 8 часовъ вечера до 5 часовъ утра имъ вовсе воспрещена.

Въ Россіи, по закону 11 мая 1847 г., на уральскихъ казенныхъ горныхъ заводахъ мальчики до 15 лѣтъ могли только въ случаѣ нужды употребляться въ легкія горныя работы не болѣе 8 часовъ въ день, а по закону 8 марта 1861 г., на казенныхъ горныхъ заводахъ позволено употреблять малолѣтковъ до 15 лѣтъ лишь въ надземныя работы. Въ настоящее время на большинствѣ фабрикъ, по отчету главнаго фабричнаго инспектора за 1885 г., установлена, согласно требованію закона 1 іюня 1882 г., восьмичасовая работа малолѣтнихъ рабочихъ въ 60,3% такихъ промышленныхъ заведеній, по $6\frac{1}{2}$—$7\frac{1}{2}$ част. въ 9,1% промышленныхъ заведеній, по 6 часовъ—въ 20,4% и отъ 3—$5\frac{1}{2}$ час. въ 10,2% такихъ заведеній. Изъ этого видно, что, въ случаѣ дозволенія найма подростковъ на золотые промыслы, сокращеніе ихъ труда до 8 часовъ является скорѣе малымъ, чѣмъ слишкомъ большимъ ограниченіемъ. Дозволеніе нанимать на золотые пріиски 12-ти-лѣтнихъ дѣтей, которое мы находимъ въ проектѣ горнаго департамента, только ухудшило бы положеніе малолѣтнихъ. Какъ мы уже замѣтили, по отчету окружнаго инженера сѣверо-енисейской системы (1888 г.), тамъ наняты были малолѣтніе лишь отъ 14 до 17 лѣтъ.

II.

Огромное большинство рабочихъ (такъ называемые общеконтрактные, отрядные и проч.) нанимаются на сибирскіе золотые промыслы на хозяйскихъ харчахъ и только старатели-золотничники, получающіе вознагражденіе съ золотника добытаго ими золота, почти всегда состоятъ на своемъ содержаніи, которое они берутъ въ счетъ заработка изъ пріисковыхъ складовъ. По отчетамъ окружнаго инженера сѣверо-енисейской системы за 1888—1890 гг., каждый изъ рабочихъ получалъ въ мѣсяцъ мяса свѣжаго или соленаго отъ $37\frac{1}{2}$ фун. до 1 п. 5 ф., крупы 7—9 ф., соли 3 ф., сала или масла $1\frac{1}{2}$ ф. Кромѣ того, разъ или два въ недѣлю рабочіе получали кашу, лѣтомъ на всѣхъ пріискахъ имъ давали также и квасъ (кирпичный чай, сахаръ, табакъ и проч. отпускалось въ счетъ платы). По отчетамъ окружнаго инженера южно-енисейской системы за тѣ же годы, мяса выдавалось въ мѣсяцъ отъ 37 ф. до 1 п. 10 ф., сала или масла $\frac{1}{2}$—1 ф., крупы до 8 ф., хлѣба и соли сколько потребуется. Мясо рабочіе получаютъ почти всегда соленое, свѣжее только въ концѣ лѣта и осенью. Большой недостатокъ пищи рабочихъ составляетъ ея крайнее однообразіе: они постоянно ѣдятъ мясной супъ съ крупою; ни картофеля, ни капусты на пріискахъ почти никогда не бываетъ. Г. Клеменцъ, хорошо знакомый съ жизнью пріисковыхъ рабочихъ Енисейской губ., въ обстоятельномъ разборѣ доклада г. Крутовскаго обращаетъ вниманіе на то, что

«пріисковая солонина уже претерпѣла нѣкоторую степень разложенія» и что въ опредѣленной рабочему порціи мяса есть и извѣстная доля костей. «Лучшее мясо вообще, конечно, идетъ на долю служащихъ, козаковъ, конюховъ и т. д., а рабочимъ—что останется... Недостатокъ жировъ въ пищѣ рабочаго бросается въ глаза». На основаніи изученія разсчетныхъ листовъ г. Клеменцъ свидѣтельствуетъ, что количество масла, выписываемаго рабочими (т.-е. забираемаго въ счетъ заработка изъ пріисковыхъ лавокъ въ виду недостаточности его въ хозяйской пищѣ), «прогрессивно увеличивается отъ юга къ сѣверу... Недостатокъ овощей въ пищѣ рабочихъ долженъ дѣйствовать очень удручительно». Изъ всѣхъ извѣстныхъ г. Клеменцу пріисковъ (а онъ посѣтилъ ихъ не мало въ Енисейской губ.) онъ знаетъ «только одинъ, гдѣ, кромѣ крупы, выдается иногда еще и капуста. Капуста появляется за столомъ рабочаго преимущественно въ началѣ мая мѣсяца, но она куплена на свои денежки и внесена въ разсчетный листикъ».

Въ имѣющихся у насъ матеріалахъ нигдѣ не упоминается о выдачѣ простымъ рабочимъ чая отъ пріисковаго управленія; это составляетъ привилегію лишь нѣкоторыхъ «разночинцевъ» (коноваловъ, конюховъ и т. п.). Между тѣмъ, по совершенно справедливому мнѣнію г. Клеменца, «какъ приправа къ пріисковой пищѣ, чай рѣшительно необходимъ... Въ Сибири всѣ привыкли къ чаю, и мы не знаемъ,—говоритъ онъ,—почему хозяинъ, считая себя обязаннымъ давать рабочимъ мясо и хлѣбъ, заставляетъ его покупать чай на свой счетъ по амбарной таксѣ. Чай необходимъ еще и по слѣдующимъ соображеніямъ: несмотря на пресловутые $1^1/_2$ ф. мяса въ день (на пріискахъ Енисейскаго округа простые горные рабочіе получаютъ чаще $1^1/_4$ ф.), «главная пища рабочаго, все-таки, хлѣбъ, котораго отпускается или по 4 ф. или «по потребности». Горячая пища разъ въ день, а заразъ 4 ф. не съѣшь. Чай даетъ возможность утромъ и вечеромъ ѣсть не сухой хлѣбъ... Кромѣ того, усиленная работа вызываетъ обильную испарину, за работой хочется пить и у рабочихъ есть обыкновеніе пить прямо изъ чайника холодный чай. Никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что гораздо лучше пить чай, чѣмъ сырую воду. Въ таежныхъ рѣчкахъ вода холодна и чиста, но въ разрѣзѣ ее не всегда можно достать. Вечеромъ послѣ работы, когда въ тайгѣ полдневный зной смѣняется ощутительною свѣжестью, является потребность согрѣться, а чѣмъ согрѣться, какъ не чаемъ?» *).

Что касается Олекминскаго округа, то при посѣщеніи пріисковъ этой мѣстности иркутскимъ генералъ-губернаторомъ въ 1890 г. пища въ общихъ котлахъ была найдена «на вкусъ достаточно хорошей, но она оказалась жидкой и, слѣдовательно, мало питательной»; «главнѣйшій недостатокъ ея заключается въ маломъ количествѣ жировыхъ веществъ». Будучи самъ на пріискахъ Олекминскаго округа въ 1891 г., я нашелъ, что хлѣбъ

*) *Восточное Обозрѣніе* 1892 г., № 11, стр. 13.

обыкновенно хорошаго качества, по крайней мѣрѣ, на тѣхъ пріискахъ крупныхъ компаній, гдѣ мнѣ удалось быть, и выдается въ достаточномъ количествѣ, но похлебка бываетъ недостаточно наварною *); относительно мяса нужно не забывать, что 1½ ф. выдается вмѣстѣ со всѣми костями и что, по свидѣтельству одного оффиціальнаго лица, мяса, дѣйствительно годнаго къ употребленію, рабочіе получаютъ лишь 55 золотниковъ. Указаніе иркутскаго генералъ-губернатора на недостаточность жировыхъ веществъ въ пищѣ пріискового рабочаго въ высшей степени справедливо и подтверждается свидѣтельствомъ г. Маліева, бывшаго врачомъ въ Олекминскомъ округѣ (нынѣ профессоръ Томскаго университета). «Что пища недостаточна относительно количества жира,—говоритъ онъ,—это косвенно доказывается тѣмъ, что рабочіе берутъ изъ магазиновъ коровье масло на свой счетъ и помногу. Напримѣръ, въ операцію 1878—79 г. въ Малопатомскомъ товариществѣ 450 рабочихъ въ теченіе года взяли 990 пуд., да кромѣ того хозяйскаго масла израсходовано на нихъ 200 пуд. (больше, чѣмъ полагается),—на каждаго рабочаго приходится, такимъ образомъ, 1½ фунта хозяйскаго и 7½ ф. на книжку въ мѣсяцъ (1 ф. масла стоитъ имъ 40 коп.); за тотъ же годъ въ Ленскомъ товариществѣ на 643 человѣка вышло 109 пуд. хозяйскаго и 1,239 пуд. на книжку или по 0,56 ф. хозяйскаго и по 6½ ф. купленнаго самими рабочими» **).

Нѣкоторымъ читателямъ, незнакомымъ съ условіями пріискового труда и жизни рабочихъ на золотыхъ промыслахъ, ихъ питаніе можетъ, пожалуй, показаться слишкомъ роскошнымъ сравнительно съ тѣмъ, что ѣдятъ крестьяне Европейской Россіи. Но нужно помнить, что, во-первыхъ, уровень потребностей сибирскаго населенія, вслѣдствіе его большей зажиточности, гораздо выше, чѣмъ, напримѣръ, крестьянъ Великороссіи; во-вторыхъ, страшная напряженность пріискового труда и сѣверный климатъ вызываютъ потребность въ извѣстномъ пищевомъ режимѣ, который и выработался примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, и, въ-третьихъ, что паекъ пріисковыхъ рабочихъ обыкновенно вовсе не содержитъ въ себѣ овощей. Регулируя размѣръ этого пайка, необходимо не только не уменьшать его сравнительно съ постепенно установившеюся нормой, но и ввести въ него въ бо́льшемъ количествѣ жировыя вещества, въ которыхъ вообще чувствуютъ особенную потребность всѣ рабочіе, занятые тяжелымъ физическимъ трудомъ на открытомъ воздухѣ ***).

По печатной редакціи иркутскаго проекта правилъ о наймѣ рабочихъ

---

*) Отчасти это происходитъ отъ того, что многіе рабочіе (особенно семейные) берутъ мясо на руки; но такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ потомъ, все-таки, желаютъ получить и сваренную похлебку (вслѣдствіе того, что горячее кушанье возятъ на иныхъ пріискахъ къ шахтѣ, далеко отстоящей отъ казармъ), то похлебку варятъ на большее количество людей, чѣмъ осталось не взятыхъ порцій мяса.

**) *Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ* 1881 г., т. III, стр. 105—106.

***) А. Н. Энгельгардтъ указалъ на это относительно землекоповъ. Въ Тифлисѣ настоящій дровосѣкъ ежедневно долженъ поглощать до 7 фунтовъ жира.

на золотые промыслы, составленнаго въ 1887 г., «ежедневная выдача пищевого довольствія рабочему не должна быть менѣе слѣдующаго количества: 4 ф. печенаго хлѣба, $1^1/_2$ ф. свѣжаго мяса, $^1/_2$ ф. крупы, $^1/_{16}$ коровьяго масла, $^1/_8$ ф. соли, $3^1/_2$ золотника кирпичнаго чаю» и нѣкотораго количества водки, о чемъ мы скажемъ ниже. Г. Соловой въ разборѣ этого проекта правилъ *) замѣтилъ, что «размѣры пищевого довольствія, опредѣляемые проектомъ, довольно близко подходятъ къ установившимся на практикѣ. Въ данномъ случаѣ главное зло заключается не въ количествѣ запасовъ,—золотопромышленники въ этомъ отношеніи не особенно скупы,—а въ ихъ качествѣ, которое зачастую заставляетъ желать весьма многаго. Недоброкачественность припасовъ, отпускаемыхъ рабочимъ на пріискахъ, явленіе весьма распространенное». Во второй редакціи иркутскаго проекта относительно мяса сдѣлана была оговорка, что «въ исключительныхъ случаяхъ», вмѣсто свѣжаго мяса, можетъ выдаваться и соленое, «причемъ невозможность имѣть свѣжее мясо должна быть удостовѣрена горнымъ исправникомъ». По проекту 1892 года горнаго департамента, рабочіе, продовольствуемые отъ хозяевъ, должны получать въ мѣсяцъ не менѣе 85-ти фунтовъ ржаной муки или 125 фунт. печенаго хлѣба, 45 фунт. свѣжаго мяса, а при невозможности имѣть таковое соленаго, 10 фунт. крупы, $2^1/_2$ фунта коровьяго масла или 5 фунт. топленаго сала, половину доски ($1^1/_4$ фунта) кирпичнаго чая или $^1/_2$ фунта обыкновеннаго чая, $1^1/_2$ фунта сахару и 2 фунта соли **). Въ лѣтнее время рабочимъ, по этому проекту, предписывалось выдавать квасъ. Рабочимъ, находящимся въ поисковой партіи, предполагалось дозволить выдавать, вмѣсто хлѣба, сухарей по 3 ф. въ день и вмѣсто свѣжаго мяса соленое по 1 ф. на день. При слѣдованіи на пріиски и возвращеніи съ нихъ до жилого мѣста промышленникъ обязывался выдавать рабочимъ безплатно на каждые 20 верстъ пути (а при слѣдованіи водою—на каждыя сутки) по 3 ф. ржаныхъ сухарей и по $^1/_8$ ф. соли и на каждыя 100 верстъ пути (а при слѣдованіи водою—на каждыя 5 сутокъ) по 15 ф. ржаныхъ сухарей, по 30 золотник. соли, $^1/_8$ кирпичнаго чая или по 3 зол. обыкновеннаго чая и по $4^1/_2$ золотн. сахару. Все это довольствіе должно быть хорошаго качества». Главное замѣчаніе, какое можно сдѣлать по поводу этихъ нормъ пайка рабочаго, состоитъ въ томъ, что хотя количество жировыхъ веществъ и увеличено сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ, но, все-таки, не можетъ считаться вполнѣ достаточнымъ, по крайней мѣрѣ, золотопромышленникъ Кузнецовъ (правда, урѣзывая другія пищевыя вещества) въ своемъ докладѣ обществу врачей Енисейской губ. 1892 г. признаетъ, что пріисковый ра-

*) *Юридич. Вѣст.* 1887 г., № 11, стр. 439—440.

**) Такой же паекъ съ небольшими измѣненіями считаетъ необходимымъ и горный инженеръ Яцевичъ (помощникъ начальника томскаго горнаго управленія) въ статьѣ: *Къ вопросу о выработкѣ правилъ для найма рабочихъ людей на золотые прі ки* (*Вѣст. Золотопром.* 1892 г., № 14). Онъ, впрочемъ, находитъ, что выдачу мяс можно повысить до 3 ф., а количество сахару до 2 ф.

бочій нуждается въ ежедневномъ употребленіи масла въ размѣрѣ 21 золот., т.-е. около $6^1/_2$ ф. въ мѣсяцъ, а это совпадаетъ съ приведеннымъ выше показаніемъ доктора Маліева. Желательно было бы также дополнить опредѣленіе пайка рабочаго примѣчаніемъ, что промышленники сверхъ приведенныхъ нормъ продовольствія обязаны по мѣрѣ возможности отпускать для улучшенія очень однообразной пищи рабочихъ овощи (капусту, картофель, свеклу, лукъ, чеснокъ и др.) сообразно мѣстнымъ условіямъ, при отсутствіи же овощей увеличить дачу крупы до 15 ф., какъ это устанавливалось первою редакціей иркутскаго проекта.

Приведенныя нормы не вполнѣ соотвѣтствуютъ только привычкамъ киргизовъ, работающихъ на промыслахъ Семипалатинскаго или Семирѣченскаго округа, которые, впрочемъ, весною съ 1 апрѣля по 1 мая на большинствѣ пріисковъ получаютъ мясо, крупу, соль и ржаной печеный хлѣбъ отъ пріисковаго управленія безвозмездно, а съ 1 мая по 1 октября только одинъ ржаной печеный хлѣбъ, вмѣсто муки; но и то на нѣкоторыхъ промыслахъ мясо, крупа, соль, печеный ржаной хлѣбъ и часть кирпичнаго чаю отпускаются во всю операцію *). Такимъ образомъ, изъ того, что киргизы отличаются на нѣкоторыхъ промыслахъ по своему пищевому довольствію отъ другихъ рабочихъ, не слѣдуетъ еще дѣлать выводъ, что нельзя установить общихъ нормъ пищевого пайка для пріисковыхъ рабочихъ всей Сибири (относительно киргизовъ можно было бы сдѣлать соотвѣтственную оговорку); напротивъ, питаніе общеконтрактныхъ, отряцныхъ и т. п. рабочихъ, состоящихъ на хозяйскомъ содержаніи, вездѣ болѣе или менѣе одинаково.

Закономъ 9 марта 1892 г. о надзорѣ за горными заводами на горнозаводскія присутствія, между прочимъ, возлагается «изданіе обязательныхъ постановленій о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ заводскихъ и промысловыхъ зданіяхъ, а также въ отношеніи къ врачебной помощи рабочимъ» (*Уставъ горный*, изд. 1893 г., ст. 166). На основаніи этого закона нѣкоторые полагаютъ, что съ учрежденіемъ горнозаводскихъ присутствій въ Сибири, которыя предполагается открыть въ нынѣшнемъ году въ Томскѣ и Иркутскѣ, слѣдуетъ возложить на нихъ изданіе обязательныхъ постановленій относительно пищевого довольствія рабочихъ, состоящихъ на хозяйскомъ содержаніи, причемъ они исходятъ изъ ошибочной мысли, что это пищевое довольствіе разнообра-

*) *Изъ отчета томскаго горнаго управленія за 1890 годъ* горнаго инженера Н. А. Денисова (*Горный Журналъ* 1891 г., № 12, стр. 522). Желательно было бы, чтобы отчеты горныхъ управленій составлялись съ большою подробностью и заключали въ себѣ болѣе свѣдѣній о положеніи рабочихъ, размѣрѣ уроковъ, работной платы и проч. Отчеты томскаго горнаго управленія составляются довольно обстоятельно, но многое ли можно извлечь изъ одной странички свѣдѣній о рабочихъ иркутскаго горнаго управленія за 1890 г.? (*Горный Журналъ* 1891 г., № 11, стр. 34[illegible]—347). Когда на очередь ставятся серьезные вопросы регулированія пріисковаго труда, центральныя учрежденія не имѣютъ у себя подъ руками достаточнаго количества статистическихъ свѣдѣній.

зится мѣстными условіями, чего вовсе нѣтъ, за исключеніемъ пріисковъ, гдѣ работаютъ киргизы (а такихъ очень мало), да и то не всѣхъ. Горнозаводскія присутствія состоятъ, по закону, изъ слѣдующихъ лицъ: подъ предсѣдательствомъ начальника горнаго управленія, изъ помощника начальника, представителя министерства внутреннихъ дѣлъ по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, лица прокурорскаго надзора по назначенію министра юстиціи и двухъ представителей частной золотопромышленности. Въ представителяхъ золотопромышленности, которые будутъ выбираться на съѣздахъ золотопромышленниковъ, срокомъ на 3 года, естественно предположить нѣкоторую слабость къ интересамъ своихъ товарищей,—слѣдовательно, весь вопросъ въ томъ, насколько окажутся на высотѣ своей задачи остальные четыре члена горнозаводскихъ присутствій. Окружные инженеры, находящіеся на самыхъ промыслахъ, какъ извѣстно, не высоко держатъ свое знамя: ни для кого въ Сибири не секретъ, что сверхъ казеннаго содержанія они получаютъ опредѣленныя субсидіи отъ золотопромышленниковъ, доходящія въ нѣкоторыхъ округахъ до 10,000 руб.

«Горные исправники и весь причтъ горнаго міра, — читаемъ мы въ одной сибирской газетѣ, — смотрятъ на свое закономъ положенное и изъ казначейства государственнаго получаемое жалованье только какъ на ничтожную «добавку» къ тому *жалованью*, которое уплачивается имъ золотопромышленниками. Послѣднее жалованье распадается на двѣ составныя части: а) собственно жалованье, фигурирующее обыкновенно подъ рубриками: «на содержаніе арестантовъ, козаковъ» и т. п., и б) «содержаніе». Первое какъ золотопромышленниками, такъ и горными чиновниками признается вполнѣ *законнымъ*: оно назначается ежегодно въ общемъ собраніи золотопромышленниковъ въ точно формулированномъ постановленіи», хранимомъ при дѣлахъ у «распорядителя дороги». «Содержаніе» собирается съ тѣхъ же золотопромышленниковъ, но уже безъ всякихъ «постановленій», хотя и въ точно опредѣленной ими формѣ. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, въ собраніи, наприм., золотопромышленниковъ сѣверной системы Енисейскаго округа, состоявшемся 29 декабря 1882 г., «постановлено» уплатить въ операцію нынѣшняго года: горному исправнику—по 1 р. 20 к. съ каждаго пріисковаго рабочаго, помощнику горнаго исправника—по 30 к., кромѣ того, въ томъ же собраніи опредѣлено выдавать на содержаніе «горному исправнику—по 1 руб., помощнику исправника—по 50 коп., *горному ревизору* (теперь они называются окружными инспекторами) — по 1 руб., помощнику ревизора—по 50 коп. съ каждаго рабочаго...

«Какъ видитъ читатель, «хищеніе» въ данномъ случаѣ выступаетъ открыто и смѣло, въ полномъ дезабилье... Въ Сибири, благодаря ея исключительному положенію, вслѣдствіе значительно меньшаго развитія общественнаго простора для проявленія общественной иниціативы и гласности, эти «хищенія» считаются чѣмъ-то вполнѣ нормальнымъ и естественнымъ; правительственные агенты, на которыхъ возложена спеціальная обязанность, покровительство между двумя сторонами, капиталистами-золотопромышлен-

никами и рабочими, состоятъ въ полномъ подчиненіи у *одной* стороны—капиталистовъ, доставляющихъ имъ въ 10 разъ больше доходовъ, чѣмъ правительство... Не ясно ли, что при подобныхъ условіяхъ правительственные агенты, вмѣсто роли посредниковъ, должны очутиться въ роли покровителей и ревностныхъ слугъ капитала? Призванные ограждать интересы рабочихъ въ такой же мѣрѣ, какъ и интересы капиталистовъ, правительственные чиновники только усиливаютъ эксплуатаціонное могущество послѣднихъ, ослабляя, стало быть, податную силу главнаго плательщика... налоговъ».

Поборы эти до такой степени вошли въ обычай въ горномъ мірѣ, до такой степени казались вполнѣ законными, что когда между горнымъ исправникомъ сѣверной системы Енисейскаго округа и его помощникомъ произошло столкновеніе изъ-за дѣлежа «жалованья», получаемаго отъ золотопромышленниковъ, то помощникъ исправника подалъ въ енисейское окружное полицейское управленіе *оффиціальную жалобу* на исправника, и послѣднее приняло ее и вошло въ ея разслѣдованіе, а исправникъ обратился по этому дѣлу съ конфиденціальнымъ письмомъ къ енисейскому губернатору *).

Не рѣшаемся предполагать, чтобы нѣчто подобное оказалось возможнымъ и относительно членовъ горнозаводскихъ присутствій, но, все-таки, насъ смущаетъ соединеніе въ нихъ представителей администраціи съ представителями золотопромышленности. Конечно, слова поэта: «все куплю, сказало злато», вовсе не всегда справедливы, но такъ какъ представителей рабочихъ нѣтъ въ томъ учрежденіи, которое будетъ регулировать ихъ жизнь во многихъ отношеніяхъ, то все дѣло въ томъ, въ какой степени 4 правительственныхъ члена будутъ стоять на высотѣ своей задачи... Не лучше ли поэтому не слишкомъ расширять компетенцію горнозаводскихъ присутствій и опредѣлить все, что возможно, въ жизни пріисковыхъ рабочихъ путемъ законодательнымъ, тѣмъ болѣе, что приведенное выше постановленіе закона 1892 г. и не упоминаетъ прямо о предоставленіи горнозаводскимъ присутствіямъ нормированія продовольствія рабочихъ, состоящихъ на казенномъ

*) *Восточное Обозрѣніе* 1883 г., № 22, стр. 79. Въ *Сибирской Газетѣ* былъ напечатанъ въ 1884 г. разсчетъ того, какое жалованье и содержаніе отъ казны и золотопромышленниковъ получали представители правительственной администраціи на пріискахъ сѣверно-енисейской системы. „Горный исправникъ получаетъ до 12,000 руб., изъ которыхъ проживаетъ около 8,000 руб. Въ прошлую операцію было всѣхъ рабочихъ 4,062 чел., гг. золотопромышленники платятъ за каждаго рабочаго 2 р. 20 к., на содержаніе канцеляріи и 3 козаковъ—8,936+1,000 рублей, казеннаго жалованья—9,936 руб. да за выписку паспортовъ съ 1,200 штукъ въ операцію, по 2 руб. съ каждаго, 2,400 руб., а всего 12,336 руб. Помощнику исправника на содержаніе канцеляріи, одного козака, отопленіе и освѣщеніе по 50 к. (за каждаго рабочаго), итого казенныхъ 500+2,031 руб. Окружному ревизору (понынѣшнему, окружному инженеру) „по одному рублю съ человѣка—4,062 руб., его помощнику по 50 к.—2,031 руб.“ (теперь помощника ревизора на пріискахъ Енисейскаго округа нѣтъ, но зато въ каждой системѣ есть отдѣльный окружной инженеръ). Въ то время и жандармскому офицеру назначалось по одному рублю съ человѣка. *Сибирская Газета* 1884 г., № 29, стр. 728.

содержаніи, а говоритъ только о мѣрахъ «для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ *во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ заводскихъ и промысловыхъ зданіяхъ*». Если же эта статья закона будетъ истолкована въ смыслѣ предоставленія горнозаводскимъ присутствіямъ и нормированія пищевого пайка рабочихъ, состоящихъ на хозяйскихъ харчахъ, то желательно было бы, чтобы при этомъ они руководились указанными выше нормами проекта найма рабочихъ 1892 г., принявъ во вниманіе и сдѣланныя выше замѣчанія относительно нѣкоторыхъ пищевыхъ веществъ.

Въ виду тяжелыхъ условій пріисковыхъ работъ, употребленіе вина является для рабочихъ непреодолимою потребностью, на что и обратила вниманіе сибирская администрація еще при генералъ-губернаторѣ Синельниковѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Настоятельность этой потребности признана и въ проектѣ правилъ, составленномъ въ Иркутскѣ въ 1887 г. при участіи золотопромышленниковъ, въ которомъ было сказано: «Выдача винной порціи обязательна ежедневно. Въ исключительныхъ случаяхъ, по усмотрѣнію пріисковаго управленія, можетъ быть даваема вторая порція, но болѣе этого не допускается». Такимъ образомъ, необходимость обязательной выдачи одной винной порціи ежедневно признается самими золотопромышленниками. Нѣкоторые врачи возражаютъ противъ выдачи вина рабочимъ, но на этотъ вопросъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ смотрѣть не съ теоретической только, а и съ практической точки зрѣнія. Такъ, наприм., многіе признаютъ куреніе вреднымъ,—отсюда не слѣдуетъ, однако, что рабочимъ слѣдуетъ запретить курить. Русскій рабочій настолько привыкъ къ вину, что если ему не будутъ давать его, онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы добыть его тайно и, притомъ, за очень большія деньги или въ обмѣнъ на похищенное золото. Прежде этой потребности рабочихъ удовлетворяли преимущественно спиртоносы, теперь въ конкурренцію съ ними вступили и многіе золотопромышленники; нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣтаютъ такимъ образомъ не мало золота, похищеннаго рабочими сосѣднихъ пріисковъ: это на пріискахъ называется «мыть золото на деревянной бочкѣ». Если русскій народъ вообще привыкъ къ вину, то при тяжелыхъ, утомительныхъ работахъ употребленіе его, какъ доказываютъ наблюденія современныхъ ученыхъ, является непреодолимою потребностью. Мы полагаемъ поэтому, что обязательная выдача вина необходима, тѣмъ болѣе, что и теперь пріисковымъ управленіямъ приходится считаться съ этою потребностью рабочихъ. Такъ, бывшій начальникъ иркутскаго горнаго правленія г. Карпинскій въ отчетѣ за 1889 г. говоритъ: «Водка дается рабочимъ на нѣкоторыхъ пріискахъ ежедневно, а на др[illegible]ихъ по три раза въ недѣлю по чаркѣ, заключающей $^1/_{100}$ часть ведра». Пр[illegible]ѣдательствовавшій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири ге[illegible]аль-лейтенантъ Педашенко, въ запискѣ о положеніи рабочихъ на част[illegible]ы[illegible] золотыхъ промыслахъ, представленной въ 1885 г. мѣстному генералъ-гу[illegible]натору, писалъ слѣдующее: «При тяжеломъ физическомъ трудѣ, къ к[illegible]му относится большая часть пріисковыхъ работъ, совершенно не-

обходимо для здоровья рабочихъ производить имъ ежедневныя выдачи порціи водки». «Мнѣ извѣстно, — продолжаетъ г.-л. Педашено, — еще за время управленія Амурскою областью, что на пріискахъ Верхне-Амурской золотопромышленной компаніи рабочимъ ежедневно выдавалась отъ пріисковаго управленія порція водки, а въ ненастное время даже 2 раза въ день, не пьющимъ же выдавались деньги, и эта выдача отражалась благопріятно на здоровьи рабочихъ и нисколько не развивала между ними пьянства, а, напротивъ, получая достаточное для поддержанія силъ количество водки, рабочіе не искали ея на сторонѣ, такъ что о спиртоносничествѣ тамъ въ то время не было и рѣчи. Поэтому я полагаю съ своей стороны, что обязательная ежедневная выдача рабочему небольшаго количества водки, по $^1/_{100}$ ведра, послужитъ одною изъ мѣръ къ улучшенію ихъ пищи, а также къ противодѣйствію развитія спиртоносничества» (*Арх. Ирк. Гор. Упр.*).

Въ виду этихъ соображеній, намъ кажется, слѣдуетъ установить обязательную выдачу вина на счетъ золотопромышленниковъ по 1 порціи (по $^1/_{100}$ ведра) всѣмъ рабочимъ, а горнорабочимъ и работающимъ въ водѣ, быть можетъ, возможно опредѣлить и по 2 порціи (не въ одно время), но только не по усмотрѣнію пріисковаго управленія, а обязательно, такъ какъ иначе выдача вина послужитъ въ рукахъ управленія стимуломъ къ непосильному увеличенію напряженности пріисковаго труда; при этомъ непьющимъ должна записываться въ разсчетный листъ соотвѣтственная стоимость винной порціи. Слѣдуетъ также установить, чтобы плата за «подъемное золото» *) выдавалась на руки и не иначе, какъ деньгами, а не водкою, какъ это сплошь и рядомъ дѣлается теперь.

По тѣмъ же соображеніямъ, какія высказаны выше относительно нормированія пищи, полагаемъ, что и выдачу вина слѣдуетъ установить закономъ о наймѣ рабочихъ, а не предоставлять рѣшеніе этого вопроса усмотрѣнію горнозаводскихъ присутствій.

Что касается леченія и содержанія больныхъ рабочихъ, то въ общемъ законѣ необходимо только установить принципъ, что леченіе и содержаніе больныхъ производится на счетъ золотопромышленника, подробности же въ этомъ дѣлѣ, въ виду вполнѣ категорическаго постановленія закона 9 марта 1892 г. (*Уставъ горный*, изд. 1893 г., ст. 166), слѣдуетъ предоставить горнозаводскимъ присутствіямъ, причемъ необходимо только имѣть въ виду, чтобъ и старатели-золотничники могли пользоваться безплатнымъ леченіемъ въ пріисковыхъ больницахъ, а не то въ настоящее время общеконтрактные лечатся безвозмездно, золотничники же нерѣдко обязываются въ контрактахъ вносить за это плату. Въ проектѣ правилъ, составленномъ въ Иркутскѣ въ 1888 г., было установлено, чтобы на пріискахъ, гдѣ болѣе 50 рабочихъ, золотопромышленникъ обязанъ былъ устроить больницу, а не пріемный покой, пріемный же покой допускается лишь на мес-

*) Болѣе крупныя золотины, поднимаемыя рабочими во время добычи золотоносныхъ песковъ.

шихъ промыслахъ и то лишь въ томъ случаѣ, если онъ не далѣе 50 верстъ отъ пріиска, гдѣ есть фельдшеръ. Врачъ долженъ быть (на счетъ золотопромышленниковъ) на каждой системѣ, имѣющей болѣе 500 чел. рабочихъ *).

Было бы, впрочемъ, гораздо лучше преобразовать медицинскую часть такимъ образомъ, чтобы врачи получали жалованье отъ правительства, а владѣльцы пріисковъ были бы обложены необходимымъ для этого расхода сборомъ; это сдѣлало бы врачей независимыми отъ золотопромышленниковъ и дало бы имъ возможность давать болѣе безпристрастныя заключенія по дѣламъ о несчастныхъ случаяхъ съ рабочими. Или можно было бы сверхъ нынѣ существующихъ промысловыхъ докторовъ назначить отъ правительства врачей для санитарнаго надзора и составленія заключеній относительно несчастныхъ случаевъ. Желательно было бы также запретить пріисковымъ врачамъ занятіе золотопромышленностью, а то мы знаемъ случаи, когда, увлекаясь добычею золота, они пренебрегали леченіемъ рабочихъ.

Относительно помѣщенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ обязательныя постановленія, вѣроятно, придется также издать горнозаводскимъ присутствіямъ. О томъ, въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи находятся жилища рабочихъ, видно изъ донесеній оффиціальныхъ лицъ. Такъ, окружный инженеръ Оранскій говоритъ: «Всѣ такъ называемыя казармы рабочихъ ниже всякой критики въ гигіеническомъ отношеніи; какъ въ бѣдныхъ, такъ и въ богатыхъ золотомъ системахъ онѣ ничѣмъ почти не отличаются другъ отъ друга: вѣчная сырость, удушливый воздухъ, грязь и милліоны насѣкомыхъ — необходимыя принадлежности каждой рабочей казармы. Едва ли можно требовать отъ рабочаго, простоявшаго у забоя, въ грязи и подъ дождемъ, чтобъ онъ, вернувшись съ работы, особенно заботился о чистотѣ своей казармы. Наблюденіе за чистотой должно лежать на обязанности особо назначенныхъ для этого лицъ. На нѣкоторыхъ пріискахъ эта обязанность лежитъ на женахъ рабочихъ, которыя получаютъ вознагражденіе отъ пріисковаго управленія или же отъ холостыхъ рабочихъ. При этомъ казарма, конечно, опрятнѣе, но такіе случаи рѣдки, обыкновенно же въ казармѣ никто не убираетъ, а постоянную грязь и тяжелый воздухъ золотопромышленники объясняютъ всегда тѣмъ, что нашъ рабочій привыкъ къ тяжелой атмосферѣ и неопрятности и безъ нихъ существовать не можетъ». Въ виду этого г. Оранскій считаетъ необходимымъ «обязать золотопромышленниковъ нанимать на свой счетъ лицъ, которыя убирали бы въ казармахъ ежедневно утромъ по уходѣ рабочихъ на работу», а также онъ желаетъ, чтобы были устроены отдѣльныя помѣщенія для семейныхъ рабочихъ. Бывшій окружный инженеръ Олекминскаго горнаго округа Штрухъ считаетъ необходимымъ, чтобы вмѣстимость казармъ была не

*) Въ настоящее время „въ каждой группѣ ближайшихъ пріисковъ находится врач... (*Отчетъ иркутскаго горнаго управленія за 1890 г.* въ *Горномъ Журналѣ* 1891 ноябрь, стр. 347).

менѣе 1½ куб. саженъ на человѣка; высота зимнихъ помѣщеній должна быть не менѣе 9 футовъ; для каждаго рабочаго, вмѣсто общихъ наръ, слѣдуетъ устраивать койку и запирающійся замкомъ шкафчикъ или сундукъ. Окружный инженеръ Енисейскаго округа Внуковскій въ своихъ замѣчаніяхъ на иркутскую редакцію проекта (1887 г.) считаетъ необходимымъ: «а) точнѣе въ цифрахъ опредѣлить minimum объема воздуха, необходимаго для каждаго рабочаго въ казармѣ; б) обязать золотопромышленниковъ имѣть отдѣльныя помѣщенія для семейныхъ рабочихъ; в) равнымъ образомъ вмѣнить въ обязанность устраивать въ казармахъ отдѣленія для сушки одежды и обуви» и г) настоятельно рекомендуетъ «введеніе отопленія въ помѣщеніяхъ для рабочихъ кирпичными печами, вмѣсто существующихъ желѣзныхъ, что особенно важно для рабочихъ, остающихся на пріискахъ круглый годъ» (*Арх. Иркутск. Горн. Упр.*). Наконецъ, окружный горный инженеръ Тобольско-Акмолинскаго горнаго округа считаетъ необходимымъ, чтобы при каждой казармѣ или баракѣ была отдѣльная комната, гдѣ рабочіе могли бы сушить свою мокрую обувь и одежду.

Что вмѣстимость жилищъ, требуемая окружнымъ инженеромъ Штраухомъ (1½ куб. саж. на человѣка), не представляетъ чего-либо чрезмѣрнаго, видно изъ слѣдующихъ словъ бывшаго фабричнаго инспектора Варшавскаго округа, доктора Святловскаго: «Современная гигіена жилищъ требуетъ отъ здороваго помѣщенія для рабочаго... для взрослыхъ — 25 куб. метровъ воздуха (800 куб. футовъ)», т.-е. болѣе 2,3 куб. сажени на человѣка, «и половина этого количества для ребятъ до 10 лѣтъ» (*Фабричный рабочій*, стр. 72). Слѣдовательно, 1½ куб. сажени на человѣка составляютъ требованія весьма умѣренныя. Д-ръ Крутовскій въ своемъ, уже цитированномъ нами, докладѣ говоритъ: «Необходимо обратить серьезное вниманіе на помѣщенія рабочихъ на пріискахъ и сдѣлать ихъ болѣе здоровыми, сухими, свѣтлыми, съ лучшимъ отопленіемъ... Помѣщенія должны быть съ двойными полами, наружная дверь двойная, съ сѣнями и для каждаго рабочаго койка, а не общія для всѣхъ нары». Тотъ же авторъ говоритъ: «Для рабочихъ обязательно должны быть бани... не менѣе 2 разъ въ недѣлю для каждаго рабочаго». Теперь рабочіе на пріискахъ могутъ пользоваться банею каждую субботу, но, дѣйствительно, для горнорабочихъ, часто находящихся въ грязи и мокротѣ, желательно было бы дать возможность мыться въ банѣ не одинъ, а два раза въ недѣлю. Въ правилахъ слѣдовало бы упомянуть, что пользованіе банею должно быть безплатно; такая плата на пріискахъ и не въ обычаѣ, но такъ какъ нѣкоторые фабриканты Европейской Россіи берутъ съ рабочихъ плату за баню, то слѣдуетъ предупредить возможность подобнаго нововведенія и на золотыхъ промыслахъ.

Рабочіе получаютъ разсчетъ при окончаніи лѣтней операціи и тутъ имъ выдается деньгами то, что осталось у нихъ отъ ихъ заработка за вычетомъ задатка, забора въ пріисковыхъ лавкахъ вещами и припасами, а также и предварительныхъ денежныхъ выдачъ. Въ 80-хъ годахъ такія выдачи (кромѣ задатка) составляли на промыслахъ Енисейскаго округа:

для отсылки семействамъ и вообще на поддержаніе хозяйства отъ 2,1 до 4,2% всей выдачи деньгами и натурою; на уплату податей и на исходатайствованіе видовъ на проживаніе 2,5—5,8%, выдано на пріискахъ на личныя надобности и на уплату за рабочихъ долговъ разнымъ лицамъ 1,7—5,7%, а при окончательномъ разсчетѣ выдано такъ называемой «додачи» наличными деньгами отъ 21,5 до 32% всей суммы выдачи. Такимъ образомъ, и теперь отъ 6,3 до 15,7% всей суммы выдается деньгами на пріискахъ ранѣе окончательнаго разсчета. Но, все-таки, желательно, чтобы такія выдачи зависѣли не отъ произвола пріисковыхъ управленій, а производились всегда по желанію рабочихъ, если они не состоятъ въ долгу. По *Уставу о промышленности* (*Св. Зак.*, т. XI, ч. II, изд. 1893 г., ст. 97), выдача рабочей платы должна производиться не менѣе 1 раза въ мѣсяцъ, если наемъ заключенъ на срокъ болѣе мѣсяца, и не рѣже 2 разъ въ мѣсяцъ при наймѣ на срокъ неопредѣленный. Поэтому и относительно пріисковыхъ рабочихъ должны быть установлены сроки, въ которые могутъ требовать выдачи денегъ тѣ, чей заработокъ превысилъ сдѣланный ими заборъ; не желающіе брать сами этихъ денегъ могутъ потребовать, чтобы золотопромышленникъ отправилъ эту сумму, куда они укажутъ.

Желательно также, сохранивъ обязательство хозяевъ сибирскихъ пріисковъ имѣть склады необходимыхъ для рабочихъ вещей, допустить пріѣздъ въ тайгу вольныхъ продавцовъ для продажи подобныхъ вещей и припасовъ. На возраженіе, что такимъ образомъ усилится тайная торговля спиртомъ, можно отвѣтить, что торговля эта, все равно, производится, и, притомъ, самими золотопромышленниками едва ли не въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ тайными спиртоносами, къ тому же, странствующіе торговцы уже допускаются въ нѣкоторыхъ золотопромышленныхъ системахъ (наприм., въ сѣверной части Енисейскаго округа). Что касается возможности для такихъ продавцовъ тайной скупки золота, то она только побудитъ золотопромышленниковъ повысить плату за золото старателямъ.

Слѣдуетъ также опредѣлить, чтобы выдача вещей и припасовъ изъ пріисковыхъ складовъ тѣмъ рабочимъ, которые имѣютъ на нее право по своему заработку, производилась не разъ въ мѣсяцъ, какъ это обыкновенно дѣлается теперь, а хотя бы разъ въ недѣлю; теперь же на нѣкоторыхъ пріискахъ, наприм., сносившему обувь рабочему приходится долго щеголять босикомъ до выдачи новыхъ вещей. По договору 1888 г. съ золотопромышленниками Иваницкимъ и Жилемъ, рабочимъ, нанявшимся на ихъ промыслы въ южной части Енисейскаго округа, разрѣшалось брать изъ хозяйскихъ складовъ одежныя вещи въ счетъ заработка не чаще *одного раза* [illegible] *мьсяца.*

[illegible]рнозаводскимъ присутствіямъ необходимо также установить правило о [illegible]возѣ на счетъ золотопромышленниковъ по окончаніи операціи рабочихъ от[illegible]ленныхъ золотопромышленныхъ системъ. Такъ, золотопромышленники Ир[illegible]ской области, по распоряженію высшей мѣстной администраціи, до[illegible]ставляютъ своихъ рабочихъ на пароходахъ до г. Киренска (Иркутской губ.),

а при высокой водѣ и выше по р. Ленѣ; золотопромышленники Амурской области также вывозятъ ихъ съ пріисковъ на пароходѣ. Сохраненіе этихъ правилъ необходимо, такъ какъ, наприм., промыслы Олекминскаго округа находятся въ разстояніи безъ малаго 2,000 верстъ отъ Иркутска, а, между тѣмъ, многіе рабочіе, нанимающіеся на эти промыслы, приходятъ не только изъ Западной Сибири, но даже изъ Европейской Россіи.

III.

Кромѣ огражденія матеріальныхъ интересовъ пріисковаго рабочаго, необходимо позаботиться и объ огражденіи его личности отъ произвола какъ золотопромышленниковъ, такъ и мѣстной администраціи.

Въ настоящее время золотопромышленники обыкновенно въ контрактахъ выговариваютъ себѣ право передавать по своему усмотрѣнію рабочихъ на пріиски другихъ владѣльцевъ; такая передача, хотя бы и въ предѣлахъ одной системы, безъ согласія самихъ рабочихъ должна быть безусловно воспрещена, иначе они могутъ попадать на пріиски такихъ хозяевъ, къ которымъ сами никогда не согласились бы наняться.

Въ огражденіе интересовъ рабочихъ желательно также, чтобы какъ промышленникъ, такъ и рабочій за неисполненіе договора одинаково подвергались лишь гражданской отвѣтственности. Для этого необходимо отмѣнить ст. 51[4] уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями: «За самовольный отказъ отъ работы до истеченія найма виновный въ томъ фабричный или заводскій рабочій подвергается аресту не свыше одного мѣсяца». Постановленіе это стоитъ ниже уровня с врменнаго европейскаго законодательства, которое допускаетъ только гражданскую, а не уголовную отвѣтственность рабочаго за нарушеніе контракта. Укажемъ въ видѣ примѣра на законодательство Германіи, гдѣ уничтожены прежнія наказанія рабочаго за оставленіе работы до срока найма и дѣло ограничивается лишь гражданскою отвѣтственностью *). Въ уголовныхъ мѣрахъ за нарушеніе контракта съ золотопромышленниками нѣтъ въ настоящее время и необходимости, такъ какъ предложеніе рукъ превышаетъ спросъ и задатки весьма ничтожны. Что рабочіе вообще довольно аккуратно исполняютъ свои обязанности, видно изъ того, что въ Олекминскомъ округѣ долги, оставшіеся за нѣкоторыми рабочими, при раздѣленіи на всѣхъ рабочихъ, составляли (въ 1887—89 гг.) лишь 2—5 руб. на человѣка, т.-е. ничтожную сумму въ общемъ пріисковомъ бюджетѣ.

Необходимо обратить вниманіе еще на слѣдующій, вредный для рабочихъ, обычай. На промыслахъ многихъ округовъ горные исправники по своему произволу, на основаніи непровѣренныхъ свѣдѣній пріисковыхъ управленій, составляютъ списки рабочихъ, *не подлежащихъ впредь наем*ъ (за лѣность, дурное поведеніе и проч.). Нѣтъ никакого основанія предост*в-

*) *Conrad und Lexis:* „Handwörterbuch der Staatswissenschaften". I, 757

лять такое право исправникамъ, находящимся въ полной экономической зависимости отъ золотопромышленниковъ, и присвоеніе его ими было вполнѣ противозаконно. Въ виду этого, было бы не безполезно упомянуть о недопущеніи такихъ списковъ въ новыхъ правилахъ или же подвергнуть пересмотру инструкцію исправникамъ (1874 г.), согласовать ее съ новыми правилами и воспретить составленіе вышеупомянутыхъ списковъ. Германское законодательство положительно воспрещаетъ нанимателямъ выражать какимъ-нибудь образомъ аттестацію рабочимъ *).

Необходимо ограничить также слишкомъ широко практикуемую нынѣшними горными исправниками высылку рабочихъ съ пріисковъ. Такъ какъ пріисковый районъ считается ненаселенною территоріей, то теперь разсчитанный пріисковымъ управленіемъ рабочій отправляется къ горному исправнику и тотъ высылаетъ его въ первое жилое мѣсто (наприм., въ Олекминскомъ округѣ за нѣсколько сотъ верстъ). Рабочій обыкновенно опять тайно проникаетъ на пріиски, вновь высылается и проч., такъ что, какъ мы слышали отъ нѣкоторыхъ горныхъ исправниковъ, они сами считаютъ эту высылку нецѣлесообразной. Вслѣдствіе этого, слѣдовало бы дать разсчитанному рабочему извѣстный, хотя бы 10-ти дневный, срокъ для пріисканія себѣ другого мѣста.

Для успѣшности всѣхъ проектируемыхъ мѣръ необходимо прекращеніе указанной выше матеріальной зависимости горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ отъ золотопромышленниковъ. Еще въ 1879 г. министръ внутреннихъ дѣлъ обратилъ вниманіе генералъ-губернатора Восточной Сибири на то, что «матеріальная зависимость, въ которой находятся горные исправники и чины спеціальнаго горнаго управленія относительно владѣльцевъ золотыхъ промысловъ, должна, несомнѣнно, парализовать всѣ принимаемыя мѣры къ благоустройству частнаго золотого промысла». Начальникъ главнаго тюремнаго управленія въ запискѣ 1882 г., послужившей поводомъ къ составленію проекта новыхъ правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, также сообщаетъ о «незаконномъ вознагражденіи», получаемомъ чинами пріисковой полиціи отъ золотопромышленниковъ едва ли не всегда съ вѣдома начальства, и утверждаетъ, что какъ бы ни были сами по себѣ удовлетворительны практикуемыя правила о рабочихъ, практическое значеніе ихъ будетъ ничтожно до тѣхъ поръ, пока чины полиціи будутъ находиться въ зависимости отъ золотопромышленниковъ, получая отъ нихъ вознагражденіе. Какъ велико это вознагражденіе, видно изъ того, что въ 1890 г. горный исправникъ одной золотопромышленной системы Восточной Сибири получалъ содержанія отъ пріисковыхъ управленій 18,000 руб. въ годъ, а другой, сосѣдней системы,—12,000 руб., горный же инженеръ этого округа—10,000 руб. сверхъ казеннаго жалованья. Понятно, что, при такихъ, чуть ли не оффиціальныхъ, приношеніяхъ со стороны золотопро-

*) *Гольденвейзеръ*: „Соціальное законодат. Герман. имперіи", стр. 173. *Kulemann*: „Die Arbeiterschutz", S. 69.

мышленниковъ, чины полиціи и горнаго вѣдомства чувствуютъ нерѣдко нѣкоторую слабость къ золотопромышленникамъ. Такъ, наприм., ревизія, произведенная въ 1890 г., во время посѣщенія пріисковъ Олекминскаго округа иркутскимъ генералъ-губернаторомъ, выяснила рядъ незаконныхъ дѣйствій исправниковъ, медленность дѣлопроизводства, бездѣйствіе, превышеніе власти, оставленіе многихъ просьбъ безъ разбирательства и потворство различнымъ неправильнымъ поступкамъ пріисковыхъ дѣятелей. Оказалось, что горный исправникъ витимской системы, совершенно не исполняя правилъ инструкціи, утвержденной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1874 г., допускаетъ тѣлесное наказаніе рабочихъ безъ разбирательства вины и безъ различія сословій *), индифферентно относится къ утвержденію таксъ на припасы и товары и вполнѣ безучастно къ случаямъ увѣчья рабочихъ. И, тѣмъ не менѣе, этотъ горный исправникъ остается и до сихъ поръ на своемъ мѣстѣ. Въ виду подобныхъ фактовъ, нельзя не признать справедливою мысль начальника главнаго тюремнаго управленія въ его запискѣ 1882 г., что если считать чиновъ полиціи и ихъ канцеляріи (а также, прибавимъ отъ себя, и окружныхъ инженеровъ) заслуживающими повышеннаго вознагражденія, котораго можетъ дѣйствительно требовать дороговизна жизни на пріискахъ, въ такомъ случаѣ «было бы правильнѣе обложить золотопромышленниковъ особымъ сборомъ и употреблять его на усиленіе содержанія чиновъ полиціи, а также и горнаго вѣдомства». Замѣтимъ, что послѣ того всякіе лишніе поборы должны были бы преслѣдоваться, какъ лихоимство.

Въ высшей степени важный вопросъ въ жизни пріисковаго рабочаго (буде онъ женатъ) состоитъ въ томъ, можетъ ли онъ явиться на пріиски съ женой, если она не нанята, въ то же время, на работу?

Въ настоящее время женщинъ на промыслахъ бываетъ весьма немного: въ Томской губ., въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, отъ 8 до 10%, въ Енисейской—5—10% **), въ 1887—1889 гг. въ олекминской системѣ—9—11%, въ витимской—9—13% всего количества рабочихъ (и только на болѣе крупныхъ промыслахъ послѣднихъ двухъ системъ—12—19%). Многіе золотопромышленники стремятся уменьшить количество женщинъ, считая пребываніе ихъ на промыслахъ для себя обременительнымъ, и довести ихъ до 5%, а, между тѣмъ, и въ настоящее время малочисленность женщинъ на пріискахъ вредно отзывается на здоровьи и нравственности рабочихъ. Это обстоятельство является причиной разврата, противуесте-

---

*) Между тѣмъ какъ, по данной имъ инструкціи, исправники не имѣютъ права даже зачинщиковъ бунта или возмущенія, если они не изъ поселенцевъ, подвергать тѣлесному наказанію (*Розановъ*: „Сводъ дѣйств. узакон. о частн. золотопр.“, изд. 2-е, стр. 130).

**) Впрочемъ, въ 1890 г. женщины составляли на промыслахъ Томскаго горнаго округа почти 29% всѣхъ *взрослыхъ* рабочихъ, находившихся на промыслахъ, и 18% на промыслахъ обѣихъ системъ Енисейскаго округа (*Горн. Журн.* 1891 г., № 12, стр. 520).

ственныхъ пороковъ и даже ужаснаго обычая «помочей» (изнасилованіе женщины цѣлою массой рабочихъ въ видѣ мести за измѣну), а также безшабашныхъ кутежей при выходѣ съ нихъ рабочихъ (женатые рабочіе обыкновенно гораздо болѣе бережливы и сохраннѣе выносятъ свой заработокъ). Нельзя отрицать, что нынѣшняя пріисковая обстановка неблагопріятно вліяетъ на нравственность женщинъ и можетъ вызвать нѣкоторое сомнѣніе, желательно ли увеличеніе ихъ числа на пріискахъ. Но дѣло въ томъ, что съ увеличеніемъ на золотыхъ промыслахъ числа женатыхъ рабочихъ вредныя стороны пріисковой жизни несомнѣнно ослабѣютъ, съ устройствомъ отдѣльныхъ помѣщеній для женатыхъ (а это совершенно необходимо) будетъ возможна болѣе нормальная семейная жизнь, и, во всякомъ случаѣ, лучше предоставить усмотрѣнію самихъ рабочихъ, брать или не брать женъ на пріиски, чѣмъ насильственно вгонять ихъ въ нынѣшія пріисковыя условія.

При этомъ горнозаводскія присутствія должны установить размѣръ вычета за содержаніе такихъ женъ рабочихъ, которыя не принимаютъ на себя работъ на пріискѣ, и количество получаемой пищи. Разъ будетъ установленъ такой вычетъ за содержаніе женщинъ на пріискѣ, намъ кажется, можно дозволить рабочимъ приводить съ собою женъ безъ предварительнаго разрѣшенія пріисковаго управленія или, другими словами, запретить высылку этихъ женщинъ безъ уважительныхъ причинъ и безъ разрѣшенія мѣстной администраціи.

Закономъ 9 мая 1892 г. о надзорѣ за горными заводами на горныхъ инженеровъ возложено попеченіе объ учрежденіи школъ для малолѣтнихъ рабочихъ. Поэтому, если будетъ допущено употребленіе на пріискахъ такихъ рабочихъ (что, впрочемъ, вовсе не желательно), необходимо было бы обязать хозяевъ всѣхъ тѣхъ пріисковъ, на которыхъ работаютъ болѣе 10 человѣкъ малолѣтнихъ рабочихъ и вблизи которыхъ нѣтъ школъ, устроить свою школу (срав. ст. 112—119 *Уст. о промыш.*). Но желательно было бы, чтобы этимъ дѣло не ограничилось и чтобы школы устраивались и тамъ, гдѣ есть дѣти рабочихъ, хотя бы и не употребляемыя въ работу, но нуждающіяся въ обученіи.

IV.

Желательно было бы, чтобы новый законъ о пріисковыхъ рабочихъ распространенъ былъ и на такъ называемыхъ старателей-золотничниковъ. Насколько велико ихъ число, видно изъ того, что въ 1889 г. на пріискахъ Мариинскаго округа находилось 1,350 общеконтрактныхъ рабочихъ и 823 старателя-золотничника, слѣдовательно, послѣдніе составляли 38%; весьма значительный процентъ составляютъ они также (какъ было указано выше) на пріискахъ Енисейскаго округа. На уральскихъ золотыхъ промыслахъ большую часть рабочей силы также составляютъ старатели, переходящіе съ [illegible] на пріискъ. Положеніе ихъ сплошь и рядомъ весьма печально.

Старатели на Уралѣ, по словамъ г. Боголюбскаго, «всегда стремятся устроиться на пріискѣ отдѣльнымъ хозяйствомъ: сперва, въ началѣ лѣта, въ шалашѣ, покрытомъ сѣномъ, или въ балаганѣ, покрытомъ дерномъ, наконецъ, въ палаткѣ, а когда старателю приходится зимовать на пріискѣ, и если не удастся занять покинутаго другими зимняго жилища, тогда онъ устраиваетъ въ лѣсныхъ мѣстахъ Верхотурскаго и Екатеринбургскаго уѣздовъ избушку изъ валежника и ставитъ въ ней желѣзную печь, а въ мѣстахъ безлѣсныхъ избушки дѣлаются изъ дерна. На старыхъ пріискахъ, гдѣ накопились большіе отвалы, старатели вырываютъ себѣ въ нихъ землянки, одну надъ другой, такъ что эти отвалы становятся похожи на огромные муравейники». Медицинская помощь на пріискахъ, разрабатываемыхъ старателями, обыкновенно «совершенно отсутствуетъ» и имъ «только въ случаѣ увѣчья подаютъ золотопромышленники помощь, доставляя изувѣченныхъ въ ближайшіе заводскіе и другіе госпитали для леченія на счетъ золотопромышленниковъ» *). Въ Олекминскомъ округѣ, по свидѣтельству геолога Обручева, золотничники также живутъ въ шалашахъ и землянкахъ **). Однимъ изъ наиболѣе обычныхъ злоупотребленій относительно золотничниковъ оказывается слѣдующее: золотничники, послѣ многихъ трудовъ, находятъ мѣсто, обильное золотомъ; замѣтивъ это, пріисковое управленіе сгоняетъ ихъ и ставитъ на это мѣсто общеконтрактныхъ рабочихъ. Въ законѣ о пріисковыхъ рабочихъ слѣдовало бы это запретить (въ нѣкоторыхъ контрактахъ съ золотничниками мы встрѣчаемъ такое запрещеніе). Еще въ пятидесятыхъ годахъ была попытка регулированія ихъ положенія въ олекминской и витимской системахъ; оно заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, не меньшаго вниманія и въ настоящее время. Въ виду многочисленности золотничниковъ и необходимости ихъ для многихъ системъ, слѣдуетъ вообще распространить на нихъ дѣйствіе проектируемаго закона, причемъ придется указать, какіе изъ пунктовъ этого закона не могутъ къ нимъ прилагаться.

При этомъ можетъ возникнуть вопросъ, слѣдуетъ ли требовать отъ золотопромышленниковъ, чтобы и съ этими старателями-золотничниками заключались въ Сибири засвидѣтельствованные контракты, какъ и съ остальными пріисковыми рабочими. Относительно Сибири, въ виду отдаленности пріисковыхъ районовъ отъ населенныхъ мѣстностей, по нашему мнѣнію, въ интересахъ рабочихъ приходится дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ окружнымъ инженеромъ Ачинско-Минусинскаго округа, старатели-золотничники работаютъ обыкновенно въ этомъ округѣ безъ предварительнаго заключенія явочнаго договора. На этомъ фактѣ, составляющемъ нарушеніе нынѣ дѣйствующаго закона, ничего основывать нельзя. Въ южной системѣ Енисейскаго округа я самъ

---

*) *Горн. инж. Н. Боголюбскій*: „Краткій обзоръ состоянія золотопромышленности на Уралѣ въ 1891 году". Томскъ, 1893 г. (оттискъ изъ журнала *Вѣстникъ Золотопром.* за 1892—1893 г.), стр. 9, 11, 12.

**) *В. Обручевъ*: „Геологическое изслѣдованіе Олекминско-Витимской горной страны и ея золотоносныхъ розсыпей въ 1890 г.". Иркутскъ, 1891 г.

былъ свидѣтелемъ того, какъ горный исправникъ поставилъ на видъ одному золотопромышленнику, что онъ, вопреки явному постановленію закона, нанимаетъ рабочихъ совсѣмъ безъ контрактовъ, но дѣлать отсюда выводъ, что можно допустить въ Сибири наемъ такъ называемыхъ общеконтрактныхъ рабочихъ безъ засвидѣтельствованія договоровъ, совершенно невозможно. Относительно Енисейскаго округа мы нашли не мало договоровъ съ золотопромышленниками и самостоятельныхъ артелей золотничниковъ, и подрядчиковъ, держащихъ артель отъ себя, и нѣкоторые изъ этихъ договоровъ, какъ мы уже замѣтили, ограждаютъ рабочихъ отъ одного изъ главныхъ злоупотребленій со стороны хозяевъ пріисковъ. Въ данное время золотничники плохо защищены отъ разныхъ злоупотребленій, и мы опасаемся, что съ уничтоженіемъ обязательства заключать засвидѣтельствованные договоры эти злоупотребленія могутъ еще увеличиться, хотя до извѣстной степени этому и можетъ воспрепятствовать новый законъ, если онъ уравняетъ во многихъ отношеніяхъ права золотничниковъ съ общеконтрактными рабочими *).

V.

Пріисковыя работы, какъ мы уже говорили, принадлежатъ къ числу наиболѣе трудныхъ и справляться съ ними могутъ только молодые и вполнѣ здоровые люди. Крайне утомительно, во-первыхъ, путешествіе на золотые промыслы и обратно на родину. Какія огромныя пространства приходится проѣзжать и проходить рабочему, видно изъ того, что олекминскіе промыслы (Якутской области) почти на 2,000 верстъ отстоятъ отъ Иркутска, а нѣкоторые рабочіе приходятъ на нихъ, какъ мы уже замѣтили, не только изъ Западной Сибири, но и изъ Европейской Россіи. Во время путешествія въ Сибирь въ 1891 г. мнѣ самому пришлось ѣхать на пароходѣ отъ Тюмени до Томска съ партіей рабочихъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, ѣхавшихъ на амурскіе пріиски изъ одной приволжской губерніи. Обратный путь съ пріисковъ приходится совершать осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ, что при суровомъ сибирскомъ климатѣ оказывается дѣломъ не легкимъ. Работа на пріискахъ производится или на открытомъ воздухѣ, такъ что рабочій подвергается всѣмъ вліяніямъ перемѣнчиваго таежнаго климата, или (хотя и рѣже) въ шахтахъ подъ землею. Крайне неудовлетворительныя помѣщенія, питаніе большую часть года солониной,— все это подтачиваетъ здоровье рабочаго, вызываетъ развитіе цынги въ большихъ размѣрахъ и, въ концѣ-концовъ, приводитъ къ преждевременной старости.

Пріисковый рабочій,— говоритъ одинъ мѣстный наблюдатель,— изна-

*) Г. Яцевичъ, допускающій вообще возможность найма пріисковыхъ рабочихъ безъ контракта, полагаетъ, однако, что „договоры о наймѣ артели, конечно, должны всегда заключаемы явочнымъ порядкомъ“ (*Вѣстникъ Золотопром.* 1892 г., № 1, стр. 74).

шивается очень скоро. Лѣтъ 10 онъ работаетъ какъ забойщикъ на высшемъ окладѣ, затѣмъ онъ уже радъ, если попадетъ въ возчики, а потомъ счастливцы изъ нихъ добиваются должности караульщика, рабочаго при резиденціи или на зимовьѣ, большинство же пропадаетъ Богъ знаетъ гдѣ и неизвѣстно чѣмъ кормить свое старое, изможденное тѣло... Тайга быстро выбрасываетъ всѣхъ тѣхъ, въ комъ замѣтны признаки физической слабости... На резиденціяхъ нѣкоторыхъ, очень немногихъ, компаній такимъ выслужившимся рабочимъ владѣльцы выдаютъ содержаніе и небольшую пенсію на старости лѣтъ. Трудно повѣрить, глядя на этихъ дряхлыхъ, еле волочащихъ ноги стариковъ, тому, что они разсказываютъ про себя и что другіе разсказываютъ про нихъ. Оказывается, что лѣтъ пятнадцать назадъ это были геркулесы, дивившіе тайгу своею богатырскою силой и выносливостью... Но немногіе и у немногихъ лучшихъ хозяевъ находятъ пріютъ и кусокъ хлѣба на старости» *).

Когда «дряхлость, продолжительная болѣзнь или увѣчье,—говоритъ г. Пантелѣевъ въ запискѣ, препровожденной имъ въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ,—преграждаютъ дорогу на пріиски, для бывшаго пріисковаго рабочаго открывается вполнѣ безотрадное будущее. Своего дома и хозяйства, по большей части, нѣтъ, а сбереженій отъ прежнихъ заработковъ никакихъ. Сначала онъ ищетъ въ городахъ легкой работы, но постепенно и тутъ для него становится труднѣе находить средства къ существованію; тогда онъ переселяется въ деревню, гдѣ повременамъ нанимается въ пастухи, въ сторожа поскотины, но преимущественно живетъ мірскимъ подаяніемъ. Кто часто ѣздилъ по большому Сибирскому тракту, тотъ на каждомъ шагу встрѣчалъ безпріютныхъ стариковъ и калѣкъ и, вступивши съ ними въ разговоръ, нерѣдко узнавалъ, что они когда-то ходили на пріиски» **).

Такимъ образомъ, въ помощи нуждаются рабочіе, получившіе увѣчье отъ несчастныхъ случаевъ на промыслахъ или потерявшіе здоровье и силы на пріисковыхъ работахъ и вслѣдствіе этого неспособные къ пропитанію собственнымъ трудомъ, семейства тѣхъ и другихъ рабочихъ, а также лишившихся жизни на промыслахъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ. Между тѣмъ, въ настоящее время золотопромышленники крайне рѣдко выдаютъ пенсіи рабочимъ и ихъ семействамъ, а обыкновенно только единовременныя пособія, высшій размѣръ которыхъ не превышаетъ, насколько намъ извѣстно, тысячи рублей (въ Олекминскомъ округѣ). На эти деньги увѣчному семейству убитаго прожить невозможно.

Въ настоящее время, какъ сообщаютъ газеты, обсуждается въ правительственныхъ сферахъ проектъ закона объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій за увѣчье и смерть рабочихъ ***). Проектъ...

*) *Восточное Обозрѣніе* 1891 г., № 50, стр. 2—3.

**) *Вост. Обозр.* 1885 г., № 25, стр. 2.

***) Первоначальный проектъ былъ составленъ министерствомъ финансовъ еще въ 1883 г.

ставленный 15 марта 1893 г. въ департаментѣ мануфактуръ и торговли министерства финансовъ, состоитъ, въ главныхъ чертахъ, въ слѣдующемъ. Владѣльцы фабрикъ, заводовъ, мануфактуръ, желѣзно-дорожныхъ и иныхъ механическихъ мастерскихъ, *горныхъ разработокъ всякаго рода*, а равно предпринимателей строительныхъ работъ (казна, городскія и земскія учрежденія, общества и частныя лица), въ случаѣ смерти, увѣчья и другихъ поврежденій въ здоровьи (профессіональныхъ болѣзней), причиненныхъ рабочему или служащему работою въ означенныхъ предпріятіяхъ, обязаны вознаградить его или его семейство за вредъ или убытокъ, отъ того проистекающіе. Отъ отвѣтственности этой владѣльцевъ вышеупомянутыхъ предпріятій предполагается освобождать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда *они докажутъ*, что единственною причиной являются: или 1) непреодолимая (внѣшняя или стихійная) сила, или 2) преступленіе или проступокъ, могущіе быть вмѣненными въ вину третьимъ лицамъ, къ промышленному предпріятію непричастнымъ, или 3) исключительно собственная вина или умыселъ пострадавшаго лица. Въ случаѣ обнаруженія совершенной неспособности къ труду, пенсію пострадавшему предполагалось назначить въ размѣрѣ полнаго послѣдняго его годового оклада содержанія, а при неполной способности къ труду—сообразно ослабленію трудоспособности. Въ случаѣ смерти пострадавшаго, послѣдовавшей прямо отъ несчастнаго случая или послѣ предварительной потери или уменьшенія трудоспособности, причиненной такимъ несчастіемъ, вознагражденіе сверхъ расходовъ на леченіе и погребеніе назначается въ слѣдующемъ размѣрѣ: а) вдовѣ или вдовцу, если онъ по состоянію своего здоровья неспособенъ самъ зарабатывать себѣ пропитаніе, пожизненная пенсія до 30% содержанія умершаго или умершей; производство пенсій прекращается со вступленіемъ въ новый бракъ; б) малолѣтнимъ дѣтямъ обоего пола пенсія до 15% каждому при жизни одного изъ родителей, остающимся же круглыми сиротами до 20%; производство этихъ пенсій прекращается по достиженіи этими дѣтьми 15-ти лѣтняго возраста, и в) родителямъ потерпѣвшаго до 15% каждому. Всѣ эти пенсіи въ совокупности не могутъ превышать 60% послѣдняго полнаго годового оклада содержанія погибшаго лица *). Хотя этотъ проектъ основанъ на принципѣ личной отвѣтственности предпринимателей, а не государственнаго страхованія рабочихъ, тѣмъ не менѣе, весьма желательно, чтобы до введенія этого послѣдняго онъ получилъ силу закона, такъ какъ это было бы большимъ шагомъ впередъ сравнительно съ дѣйствующимъ законодательствомъ **).

Противъ проекта министерства финансовъ ополчилась группа фабрикан-

---

*) *Новое Время* 1893 г., № 6130.

**) къ сожалѣнію, первоначальный проектъ, если справедливы новѣйшія газетныя [illegible] подвергнется нѣкоторымъ ограниченіямъ. Самое существенное измѣненіе состоитъ въ томъ, что, въ случаѣ такого увѣчья или поврежденія здоровья пострадавшаго, которое влечетъ за собою постоянную неспособность къ труду, владѣлецъ предпріятія обязанъ будетъ выдавать пострадавшему пенсію въ размѣрѣ не полнаго его годового [illegible] какъ предполагалось прежде, а лишь $^2/_3$ этого оклада.

товъ и заводчиковъ. Въ поданной ими въ это министерство запискѣ они въ замѣнъ изложеннаго проекта предлагаютъ: 1) «ввести общее государственное вспомоществованіе рабочимъ, получившимъ при работахъ на промышленныхъ заведеніяхъ увѣчье или иное поврежденіе въ здоровьѣ», а въ случаѣ ихъ смерти, семействамъ этихъ рабочихъ; 2) съ этою цѣлью установить сборъ со всѣхъ промышленныхъ заведеній по числу рабочихъ или суммѣ производимой заработной платы, причемъ уплату сбора возложить на обязанность владѣльцевъ предпріятій безъ всякаго участія въ томъ рабочихъ; 3) установить максимальный размѣръ постоянныхъ вспомоществованій, *несравненно ниже предлагаемаго министерствомъ финансовъ*. Мотивомъ этого предложенія выставляется «большее удобство назначенія пособій, помимо суда, при несчастіяхъ, происшедшихъ по неосторожности ли владѣльца предпріятія, или винѣ самого рабочаго» *).

По поводу этой записки *Русскія Вѣдомости* справедливо говорятъ:

„Забота группы фабрикантовъ и заводчиковъ объ участіи рабочихъ, пострадавшихъ по собственной винѣ, въ запискѣ тѣсно сплетается съ другою, мало похвальною заботой о новой отсрочкѣ на неопредѣленное время какого бы то ни было обезпеченія инвалидовъ труда даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно предоставляется по проекту министерства финансовъ. Фабриканты и заводчики даже въ той части своей записки, въ которой рисуются блестящія перспективы вѣрнаго обезпеченія рабочаго „на всякій случай“, заняты не столько вопросомъ о дѣйствительной помощи рабочимъ, сколько о томъ, чтобы и государственное вспомоществованіе, предложенное ими, не „обременяло“ владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій: вотъ почему они не считаютъ возможнымъ „задаваться мыслью, чтобы вознагражденіе равнялось послѣднему получавшемуся содержанію“...

„Понятно, что, вооружаясь противъ правительственнаго законопроекта объ отвѣтственности, группа фабрикантовъ, подавшихъ ходатайство, считаетъ особенно вредной ту статью проектированныхъ правилъ, по которой обязанность доказывать, что пострадавшій рабочій или его семья не имѣютъ права на вознагражденіе, возлагается на отвѣтчиковъ. Это требованіе закона нельзя не признать самымъ существеннымъ. Съ отмѣной его проектируемыя министерствомъ правила потеряли бы всякую цѣну, такъ какъ опытъ странъ, ранѣе насъ вступившихъ на путь огражденія интересовъ увѣчныхъ рабочихъ, показываетъ, что гражданская отвѣтственность предпринимателей становится мнимой въ громадномъ большинствѣ случаевъ, когда такъ называемое onus probandi (бремя доказательствъ) оставляется на потерпѣвшемъ рабочемъ. Такъ, въ Германіи, при дѣйствіи закона 7 іюня 1871 г., три четверти всѣхъ увѣчій оставались безъ вознагражденія, и оффиціально было признано, что именно правило, возложившее бремя доказательствъ на пострадавшаго, „сдѣлало для рабочихъ благодѣянія закона въ большинствѣ случаевъ мнимыми“. Во Франціи, вслѣдствіе того, что въ законодательствѣ до настоящаго времени удерживается это несправедливое правило, только въ 12 случаяхъ изъ 100 участь рабочаго можетъ быть обезпечена истребованіемъ вознагражденія отъ работодателя. Поэтому въ новѣйшихъ законахъ (напримѣръ, швейцарскомъ) и законопроектахъ объ отвѣтственности предпринимателей (напримѣръ, французскомъ, итальянскомъ) бремя доказательства возлагается на владѣльцевъ предпріятій...

„Авторы записки правы только до тѣхъ поръ, пока утверждаютъ, что обезпеченіе на страховомъ началѣ вѣрнѣе, нежели вознагражденіе по закону о гражданской отъ-

*) *Русскія Вѣдомости* 1894 г., № 28.

вѣтственности предпринимателей... Было бы, однако, крупною ошибкой изъ-за перспективы страхованій въ неопредѣленномъ будущемъ... отсрочить осуществленіе уже выработаннаго правительствомъ законопроекта. Группа фабрикантовъ и заводчиковъ... повидимому, не прочь продолжить разработку вопроса объ обезпеченіи рабочихъ въ разныхъ инстанціяхъ еще десятокъ-другой лѣтъ. Но желанія небольшого числа авторовъ ходатайства и ихъ единомышленниковъ въ промышленной средѣ идутъ въ разрѣзъ съ насущными интересами многихъ тысячъ людей".

Между тѣмъ какъ министерство финансовъ руководствуется въ своемъ проектѣ принципомъ личной отвѣтственности предпринимателей, есть оффиціальныя извѣстія, что министерство государственныхъ имуществъ склоняется къ мысли о непосредственномъ введеніи государственнаго страхованія по примѣру Германіи, Австріи и Швейцаріи; это видно изъ слѣдующей замѣтки *Правительственнаго Вѣстника*: «Въ № 64 *Правительственнаго Вѣстника* за 1891 г. сообщено, что министерство государственныхъ имуществъ, озабочиваясь матеріальнымъ обезпеченіемъ участи жертвъ несчастныхъ случаевъ въ горнозаводскихъ работахъ, приступило къ собранію подробныхъ свѣдѣній какъ о несчастіяхъ за продолжительный періодъ времени по отдѣльнымъ русскимъ заводамъ, рудникамъ, копямъ и промысламъ, такъ и объ устройствѣ и дѣятельности существующихъ въ Западной Европѣ учрежденій по страхованію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и изданныхъ по этому предмету законоположеніяхъ. Въ настоящее время въ министерствѣ государственныхъ имуществъ имѣется уже обширный, относящійся къ этому вопросу матеріалъ, на основаніи котораго предположено выработать проектъ государственной кассы для страхованія горныхъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ».

Въ виду этого извѣстія, получаетъ особенный интересъ недавно напечатанная брошюра горнаго инженера А. Кеппена, члена горнаго совѣта: *Вѣроятныя финансовыя послѣдствія законопроекта объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій за увѣчье и смерть рабочихъ для русской промышленности вообще и горной въ особенности* *). (Нужно замѣтить, что авторъ исключилъ изъ своего изслѣдованія золотопромышленность и нефтепромышленность «за неимѣніемъ для нихъ сравнительныхъ данныхъ о числѣ несчастныхъ случаевъ»). Брошюра эта вызвана вышеизложеннымъ законопроектомъ министерства финансовъ, который оно предполагало распространить и на горнопромышленность. Г. Кеппенъ, къ сожалѣнію, высказывается противъ этого послѣдняго предположенія. Общій выводъ его таковъ: «Если для другихъ отраслей промышленности, уплаты, которыя окажутся послѣдствіемъ введенія новаго закона, не настолько велики, чтобы можно было думать объ обращеніи ихъ на страхованіе рабочихъ, то горные промыслы, могущіе легко перейти на болѣе полное обезпеченіе занятыхъ за ними рабочихъ, слѣдовало бы совершенно выдѣлить» (стр. 34). Вза-

*) Мы получили эту брошюру при циркулярѣ высочайше утвержденной постоянной [illegible]вѣщательной конторы желѣзозаводчиковъ (подписанномъ Е. Рагозинымъ), изъ котор[illegible]о видно, что брошюра г. Кеппена напечатана этою конторой желѣзозаводчиков[illegible]остановившею „сообщить ее всѣмъ желѣзозаводчикамъ на ихъ заключеніе".

мѣнъ предположеній министерства финансовъ г. Кеппенъ рекомендуетъ для горной промышленности страхованіе рабочихъ «отъ болѣзни *), отъ увѣчій и отъ старости, т.-е. страхованіе всѣхъ трехъ видовъ, которые существуютъ въ Германіи и совокупность которыхъ, безъ сомнѣнія, составляетъ идеалъ обезпеченія рабочихъ и ихъ семействъ» (стр. 33—34) **). Такимъ образомъ, г. Кеппенъ предлагаетъ намъ воспользоваться примѣромъ германскаго государственнаго страхованія, но тутъ же онъ почему-то въ самомъ существенномъ вопросѣ отступаетъ отъ этого образца: «При учрежденіи кассъ для обезпеченія рабочихъ на случай неспособности къ труду, отъ чего бы таковая неспособность ни происходила: отъ болѣзни, отъ увѣчья или отъ истощенія силъ,—утверждаетъ онъ,—обыкновенно принято раздѣлять взносы поровну между хозяевами промышленныхъ предпріятій и рабочими» (?), почему и предлагаетъ обложить хозяевъ предпріятій сборомъ въ размѣрѣ 6% заработка рабочихъ и такой же % заработка взыскивать и съ этихъ послѣднихъ. А, между тѣмъ, въ другомъ трудѣ г. Кеппенъ совершенно справедливо говоритъ, что при государственномъ страхованіи рабочихъ *отъ несчастныхъ случаевъ*, которое именно и требуетъ наибольшихъ затратъ, *одни хозяева* вносятъ необходимыя для дѣйствія страхованія средства ***). Было бы очень желательно, чтобы при перенесеніи германскаго законодательства о страхованіи рабочихъ на русскую почву оно не подвергалось столь невыгоднымъ для нихъ измѣненіямъ ****).

В. Семевскій.

---

*) Для пріисковыхъ рабочихъ страхованіе отъ болѣзней не нужно, такъ какъ по условіямъ пріисковой жизни леченіе должно быть возлагаемо на золотопромышленниковъ.

**) Между тѣмъ, на III съѣздѣ горнопромышленниковъ Царства Польскаго (1893 г.) г. Кеппенъ высказалъ, что порученная ему министерствомъ государственныхъ имуществъ разработка проекта страхованія рабочихъ отъ несчастныха случаевъ убѣдила его, что вопросъ этотъ—вопросъ относительно отдаленнаго будущаго, такъ какъ предварительно необходимо собрать и обработать точныя статистическія данныя относительно несчастныхъ случаевъ и вообще изслѣдовать положеніе горнорабочихъ.

***) *А. Кеппенъ*: „О страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ“. Спб., 1892 г., стр. 9.

****) Въ томъ случаѣ, если законопроектъ министерства финансовъ въ своей послѣдней редакціи не будетъ распространенъ на горныя работы или будетъ отложенъ, нужно желать, чтобы (до введенія государственнаго страхованія) въ новомъ законѣ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы рабочимъ было назначено бо́льшее вознагражденіе, чѣмъ въ нынѣ дѣйствующемъ законѣ (*Уставъ горный*, изд. 1893 г., ст. 6[illegible]6), по которому, въ случаѣ смерти или тяжкаго увѣчья рабочаго, золотопромышленникъ обязанъ вознаградить его самого или его семейство выдачею тройной за весь назначенный срокъ платы: нужно помнить, что вознагражденіе на пріискахъ рабочій получаетъ не только въ видѣ денежной платы, но и въ видѣ пищевого довольствія.

А. П. Чеховъ.

(Опытъ литературной характеристики *).

Среди современныхъ беллетристовъ, которые привлекаютъ особенно сочувственное вниманіе читателей и съ именами которыхъ связаны большія надежды нашей литературы, одно изъ наиболѣе выдающихся мѣстъ занимаетъ Антонъ Павловичъ Чеховъ. Его повѣсти и разсказы пользуются большою популярностью, расходятся во многихъ изданіяхъ. Начавши съ маленькихъ разсказовъ,—иногда просто живыхъ и съ юморомъ написанныхъ анекдотовъ,—Чеховъ въ сравнительно короткое время перешелъ къ такимъ темамъ,—очень разнообразнымъ,—которыя представляютъ значительный психологическій и общественный интересъ. Разцвѣтъ его литературной дѣятельности лежитъ еще въ будущемъ, но и того, что имъ уже написано, достаточно для признанія за Чеховымъ своеобразнаго и сильнаго дарованія. Наша критика занималась его произведеніями и указанія на отзывы наиболѣе выдающихся писателей послужатъ естественнымъ введеніемъ къ попыткѣ дать литературную характеристику автора *Степи* и *Скучной исторіи*.

«Газеты,—пишетъ А. М. Скабичевскій,—выработали особеннаго рода литературный жанръ мелкихъ разсказовъ, эскизовъ, очерковъ, приноровленныхъ, по своей миніатюрности, къ размѣрамъ газетныхъ столбцовъ». Самымъ главнымъ мастеромъ и, можно сказать, создателемъ этого жанра является А. П. Чеховъ. «Произведенія Чехова,—продолжаетъ критикъ,—при всей ихъ фельетонной скороспѣлости, обнаруживаютъ сильный талантъ, блестятъ художественностью и юморомъ. Но въ нихъ одинъ существенный недостатокъ—отсутствіе объединяющаго идейнаго начала. Авторъ весь отдается мимолетнымъ впечатлѣніямъ, спѣша поскорѣе выразить ихъ въ нѣсколькихъ стахъ газетныхъ строчекъ. Вслѣдствіе этого, рядомъ съ потрясающею драмой вы встрѣчаете у него рядъ анекдотовъ водевильнаго характера, написанныхъ для того лишь, чтобы посмѣшить читателей газеты. Большія его произведенія: *Степь* и *Они* отличаются тою же калей-

* Публичная лекція въ пользу московскаго комитета грамотности.

доскопичностью и отсутствіемъ идейнаго содержанія; это не цѣльныя произведенія, а рядъ безсвязныхъ очерковъ, нанизанныхъ на живую нитку фабулы разсказа».

Такой же, по общему смыслу, отзывъ о произведеніяхъ Чехова даетъ Н. К. Михайловскій. Говоря о сборникѣ разсказовъ *Хмурые люди*, онъ приводитъ изъ нихъ красивыя описанія, признаетъ присутствіе поэзіи въ этихъ разсказахъ, но замѣчаетъ, что отъ книжки Чехова жизнью, все-таки, не вѣетъ. Дѣло, по мнѣнію Н. К. Михайловскаго, можетъ быть, въ томъ, что «г. Чехову все едино, что человѣкъ, что его тѣнь, что колокольчикъ, что самоубійца». Г. Чеховъ,—продолжаетъ критикъ,—«съ холодною кровью пописываетъ, а читатель съ холодною кровью почитываетъ».

Въ другой статьѣ Н. К. Михайловскій писалъ: «За многое можно ухватиться въ разсказѣ г. Чехова (*Палата № 6*), именно поэтому ни за что нельзя ухватиться съ увѣренностью». Критикъ опять указываетъ на безразличіе и безучастіе, съ какими Чеховъ «направляетъ свой превосходный художественный аппаратъ на ласточку и самоубійцу, на муху и слона, на слезы и воду».

Разбирая *Скучную исторію*, Н. К. Михайловскій признаетъ ее лучшимъ и значительнѣйшимъ изъ всего написаннаго Чеховымъ. Это—трагедія, и хорошо поставленная трагедія. Въ повѣсти критикъ отмѣчаетъ хорошія, жизненныя, глубокозадуманныя сцены. «Оттого-то такъ хорошъ и жизненъ этотъ разсказъ, что въ него вложена авторская боль»: «талантъ долженъ время отъ времени съ ужасомъ ощущать тоску и тусклость *дѣйствительности*, долженъ ущемляться тоской по тому, *что называется общею идеей или богомъ живого человѣка*. Порожденіе такой тоски и есть *Скучная исторія*».

Я остановлю ваше вниманіе на отзывахъ объ А. П. Чеховѣ другихъ писателей: К. К. Арсеньева, Л. Е. Оболенскаго, М. А. Протопопова и И. И. Иванова:

«Съ областью *происшествія* и анекдота,—пишетъ первый изъ этихъ критиковъ,—жанръ, избранный г. Чеховымъ, граничитъ только одною своею стороной, другою онъ примыкаетъ къ сферѣ повѣсти и романа» *). Чехову «удаются и декораціи, увеличивающія эффектъ дѣйствія, и портреты, нарисованные немногими рѣзкими штрихами; ему удается, въ особенности, воспроизведеніе мгновенныхъ душевныхъ настроеній, понятныхъ безъ углубленія въ прошедшее дѣйствующихъ лицъ, безъ всесторонняго знакомства съ ними». Въ разсказахъ Чехова находитъ для себя достаточно простора «психологія простыхъ людей, простыхъ не по сословію или званію, а по малочисленности и несложности управляющихъ ими побужденій». Наконецъ, одною изъ сильныхъ сторонъ Чехова критикъ признаетъ описанія природы. Чеховъ «обладаетъ искусствомъ олицетворять ее, заставлять ее жить точно человѣческою жизнью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ свободенъ отъ подра-

*) Напомнимъ, что *Критическіе этюды* К. К. Арсеньева вышли въ 1888 году.

жанія образцамъ, представляемымъ, въ этомъ отношеніи, нашею и западно-европейскою литературами».

Въ свою очередь Л. Е. Оболенскій, одинъ изъ первыхъ указавшій на выдающійся талантъ Чехова, упрекаетъ его, при разборѣ драмы *Иванов*ъ, въ отсутствіи соціологической точки зрѣнія на жизнь и искусство. Вслѣдствіе этого именно недостатка, полагаетъ критикъ, въ произведеніяхъ Чехова нѣтъ гармоніи, того единства въ разнообразіи, которое составляетъ основное требованіе искусства.

Въ другой статьѣ, напечатанной значительно ранѣе (въ декабрѣ 1886 г.), Л. Е. Оболенскій говоритъ о Чеховѣ по поводу перваго сборника его мелкихъ разсказовъ, сравнивая его произведенія съ повѣстями и разсказами В. Г. Короленка. «Сколько въ разсказахъ Чехова,—пишетъ Л. Е. Оболенскій,—жизни, сколько наблюдательности, *сколько и юмора, и слезъ, и любви къ человѣку*!» М. А. Протопоповъ говоритъ о Чеховѣ въ одномъ изъ своихъ *Писемъ о литературѣ* (*Русская Мысль*, 1892 г., кн. II): «Повѣсть г. Чехова (*Жена*),—пишетъ критикъ,—тѣмъ для нашихъ цѣлей и удобна, что тенденція ея широка и, въ то же время, фальшива. Это не личная ошибка писателя, не обмолвка,—это нѣкоторымъ образомъ знаменіе времени: равнодушіе, вмѣняемое въ достоинство, отсутствіе опредѣленныхъ воззрѣній, поставляемое мудростью, безпринципность, возводимая въ принципъ,—это ли не характерныя черты переживаемаго нами момента?»

Въ январской книжкѣ *Артиста* за нынѣшній годъ И. И. Ивановъ (*Замѣтки читателя*) указываетъ на то, что Чеховъ хочетъ дать характеристику нынѣ дѣйствующаго поколѣнія. «Другой вопросъ—справедлива ли эта характеристика и точны ли авторскія наблюденія. Одно несомнѣнно, вопросъ поставленъ на опредѣленную и въ высшей степени любопытную почву, притомъ, въ современной литературѣ, совершенно оригинальную. Наблюденія, кромѣ того, слагаются въ образы,—живые, типичные, свидѣтельствующіе о несомнѣнной психологической и художественной талантливости автора». Въ послѣднихъ произведеніяхъ Чехова, по мнѣнію И. И. Иванова, «подняты серьезнѣйшіе вопросы общественнаго содержанія, именно здѣсь съ полною ясностью сказалось стремленіе литературы отдать отчетъ въ знаменіяхъ времени». Герои этихъ произведеній, представители современнаго поколѣнія,—неврастеники и нытики, неспособные ни на одушевленный идеею трудъ, ни на глубокое одухотворенное чувство. Они-то и составляютъ, думаетъ И. И. Ивановъ, печальное *знаменіе времени*.

Вы видите, что въ приведенныхъ отзывахъ много общаго, но есть и ва[illegible]ыя различія, даже прямыя противуположности. Одинъ упрекъ Чехову вы[illegible]упаетъ съ особенною ясностью: ему ставятъ на видъ отсутствіе ст[illegible]наго міропониманія, слѣдствіемъ чего являются его безразличное от-но[illegible]ніе къ людямъ и событіямъ, о которыхъ онъ разсказываетъ, и слу-ча[illegible]ость въ выборѣ темъ, которыя составляютъ содержаніе его произве-де[illegible] Если этотъ упрекъ справедливъ, если художественный аппаратъ

Чехова на самомъ дѣлѣ безразлично направленъ и на слезы, и на воду, то это, конечно, большой недостатокъ, который не можетъ не понижать внутренней цѣнности многихъ и многихъ изъ повѣстей, разсказовъ и очерковъ Чехова, и вотъ почему. Та школа шестидесятыхъ годовъ, которая предпочитала *идейное* искусство, вовсе не требовала,—и не могла, разумѣется, требовать,—идейности, направленія, отъ каждаго художника. Задаваясь вопросомъ, составляетъ ли высшій идеалъ художественной дѣятельности безпристрастное, объективное торчество, Добролюбовъ въ статьѣ объ *Обломовщинѣ* писалъ слѣдующее: «Категорическій отвѣтъ затруднителенъ и, во всякомъ случаѣ, былъ бы несправедливъ безъ ограниченій и поясненій. Многимъ не нравится покойное отношеніе поэта къ дѣйствительности, и они готовы тотчасъ же произнести рѣзкій приговоръ о несимпатичности такого таланта. Мы понимаемъ естественность подобнаго приговора и, можетъ быть, сами не чужды желанія, чтобы авторъ побольше раздражалъ наши чувства, посильнѣе увлекалъ насъ. Но мы сознаемъ, что желаніе это нѣсколько обломовское, происходящее отъ наклонности имѣть постоянно руководителей даже въ чувствахъ».

Лѣтъ шесть или семь назадъ, приведя въ одной изъ своихъ статей эти слова Добролюбова, я прибавилъ, что наклонность, о которой говорилъ знаменитый критикъ, и естественна, и законна: «Никто изъ насъ недостаточно авторитетенъ, чтобы руководить безукоризненно своими чувствами, потому что наши личныя чувства воспитываются въ общественной средѣ, преобразуются подъ многочисленными личными и общественными вліяніями. Намъ необходимо искать руководителей въ томъ или другомъ отношеніи. Непосредственно воспитательное значеніе искусства очень велико, и мы вправѣ *желать*, чтобы художникъ разумно и честно воспользовался своимъ дарованіемъ, чтобъ онъ не зарылъ его въ землю и не послужилъ, прямо или косвенно, цѣлямъ общественной неправды». Вотъ здѣсь-то и лежитъ опасность для объективнаго, безстрастнаго художника: онъ не только можетъ тратить свое дарованіе на пустяки, на художественное изображеніе ничтожныхъ предметовъ и дѣйствій, но и дать красивое изображеніе того, что можетъ вызывать соблазнъ, заслуживать нравственное осужденіе. Напередъ замѣчу, что не могу не согласиться съ критиками Чехова, которые находятъ нѣкоторую случайность въ выборѣ имъ темъ и безполезную иногда трату большого дарованія на воспроизведеніе ничтожныхъ явленій. На это были свои условія, и надо надѣяться, что художественное творчество Чехова вышло теперь на настоящую дорогу. Но отъ второго, гораздо болѣе важнаго, упрека Чеховъ вполнѣ свободенъ: его разсказы иной разъ только смѣшили, не возбуждая серьезной мысли, но никогда и нигдѣ, ни прямо, ни косвенно, не послужилъ онъ *общественной неправдѣ*. Спасало его то достоинство, котораго требовалъ отъ художника Чернышевскій. «Кто имѣетъ право,—писалъ Чернышевскій,—требовать отъ поэта, чтобъ онъ насиловалъ свой талантъ? *Можно требовать только того, чтобъ онъ старался развить себя, какъ человѣка*».

Въ произведеніяхъ Чехова чувствуется именно *человѣкъ*, и въ доказательство этого я сдѣлаю сейчасъ краткій обзоръ содержанія его повѣстей и разсказовъ.

Разсказываетъ Чеховъ о томъ, какъ двое сотскихъ, глухою осенью, по грязной дорогѣ, ведутъ пойманнаго бродяжку (*Мечты*). Устали всѣ трое, присѣли отдохнуть. Бродяга размечтался, какъ хорошо ему будетъ жить на поселеніи. «Поставлю срубъ, братцы,—говоритъ онъ,—образовъ накуплю... Богъ дастъ, оженюсь, дѣточки у меня будутъ».

«Какъ ни наивны мечтанія бродяги,—замѣчаетъ авторъ,—но они высказываются такимъ искреннимъ, задушевнымъ тономъ, что трудно не вѣрить имъ. Маленькій ротикъ бродяги перекосило улыбкой, а все лицо и глаза, и носикъ застыли и отупѣли отъ блаженнаго предвкушенія далекаго счастья. Сотскіе слушаютъ и глядятъ на него серьезно, не безъ участія. Они тоже вѣрятъ».

Ѣздитъ по городу извощикъ Іона Потаповъ (*Тоска*). Умеръ у него сынъ въ больницѣ, взрослый, единственный. И хочется старику разсказать кому-либо,—сѣдоку ли, дворнику ли,—о своемъ горѣ. Но никому оно не интересно, никто не хочетъ о немъ слушать. И томится Іона невысказанною мукой. Ночь настала. Легъ спать старикъ, но не спится ему. Онъ одѣвается и идетъ посмотрѣть лошадь.

«— Жуешь?—спрашиваетъ Іона у лошадки.—Ну, жуй, жуй... Коли на овесъ не выѣздили, сѣно ѣсть будемъ... Да... Старъ ужь я сталъ ѣздить. Сыну бы ѣздить, а не мнѣ... То настоящій извощикъ былъ... Жить бы только...

«Іона молчитъ нѣкоторое время и продолжаетъ:

«— Такъ-то, братъ, кобылочка... Нѣту Кузьмы Іоныча... Приказалъ долго жить... Взялъ и померъ зря... Таперя, скажемъ, у тебя жеребеночекъ и ты этому жеребеночку родная мать... И вдругъ, скажемъ, этотъ самый жеребеночекъ приказалъ долго жить... Вѣдь, жалко?

«Лошаденка жуетъ, слушаетъ и дышетъ на руки своего хозяина.

«Іона увлекается и разсказываетъ ей все...»

Въ разсказѣ *Горе*, старый и пьяный токарь везетъ къ доктору больную жену. Дорогой она умираетъ, и въ душѣ токаря встаетъ тяжелое раскаяніе, глубокая жалость къ заколоченной и замученной имъ женщинѣ. Это душевное состояніе передано Чеховымъ со свойственною ему силой, сжатостью и безъискусственностью.

«А, вѣдь, она по міру ходила!—вспоминаетъ токарь.— Самъ я посылалъ ее хлѣба у людей просить. Коммиссія! Ей бы, дурѣ, еще лѣтъ десять прожить, а то, небось, думаетъ, что я и взаправду такой».

Токарь мечтаетъ, какъ бы хорошо жить съизнова.

Помните разсказъ о томъ, какъ бѣднаго, умиравшаго съ голоду ребенка два сострадательныхъ господина въ цилиндрахъ, потѣхи ради, обкормили устрицами... А сколько теплаго, горячаго сочувствія людямъ въ

разсказѣ *Письмо*, гдѣ пьяненькій, попавшій подъ судъ, священникъ уговариваетъ дьякона не посылать къ сыну строго-укорительнаго письма. «Прямо такъ возьми и напиши ему: прощаю тебя, Петръ! Онъ пойме-отъ! Почувствуетъ! Я, братъ... я, дьяконъ, по себѣ это понимаю. Когда жилъ, какъ люди, и горя мнѣ было мало, а теперь, когда образъ и подобіе потерялъ, только одного и хочу, чтобъ меня добрые люди простили. Да и то разсуди, не праведниковъ прощать надо, а грѣшниковъ. Для чего тебѣ старушку свою прощать, ежели она не грѣшная? Нѣтъ, ты такого прости, на котораго глядѣть жалко... Да!»

Читаете вы этотъ маленькій разсказъ, и душа ваша наполняется умиленіемъ. Этотъ безпутный попикъ гуманнѣе, справедливѣе, поступаетъ въ данномъ случаѣ болѣе по-христіански, чѣмъ безукоризненный отецъ благочинный, который продиктовалъ дьякону грозное письмо къ сыну. Та же глубоко-гуманная нота ярко звучитъ въ разсказѣ *Припадокъ*.

Всегда и вездѣ симпатіи Чехова на сторонѣ униженныхъ и оскорбленныхъ, на сторонѣ искренности и правды, противъ условнаго лицемѣрія и фарисейскаго благочестія. Прочтите разсказъ *Бабы*. Въ немъ набожный Матвѣй Саввичъ, мѣщанинъ и съемщикъ садовъ, разсказываетъ, какъ онъ, «живя согласно съ строгою моралью», гнуснымъ образомъ погубилъ полюбившую его жену сосѣда. Симпатій своихъ Чеховъ не подчеркиваетъ, отъ себя не говоритъ ни слова и осуждаютъ безнравственнаго святошу только *бабы*, выведенныя въ разсказѣ; но ошибиться въ томъ, куда именно направлено сочувствіе автора и на что онъ негодуетъ, по-моему, невозможно. Объективная форма разсказа въ данномъ случаѣ, пожалуй, усиливаетъ впечатлѣніе, возбуждаетъ въ читателѣ страстное отвращеніе къ пользующемуся почетомъ Матвѣю Саввичу.

Посмотрите, какъ нѣжно, съ какою любовью описываетъ Чеховъ дѣтей,—новое доказательство той глубокой гуманности, которою проникнуты его произведенія. Вотъ тринадцатилѣтняя *нянька* Варька, забитая, запуганная въ семьѣ сапожника. Днемъ ей нѣтъ минуты, чтобы присѣсть и отдохнуть, ночью она должна укачивать ребенка. Бѣдная дѣвочка доводится до сумасшествія. Ей мучительно, до безумія, *спать хочется*, и въ этомъ состояніи Варька душитъ плачущаго ребенка. «Задушивъ его, она быстро ложится на полъ, *смѣется отъ радости, что ей можно спать*, и черезъ минуту спитъ ужь крѣпко, какъ мертвая».

Разсказъ *Дѣтвора*, гдѣ тонко подмѣчены черты дѣтскихъ характеровъ, вызвалъ нѣсколько весьма сочувственныхъ отзывовъ и, вѣроятно, извѣстенъ моимъ слушателямъ, и на немъ поэтому останавливаться я не буду. Столь же художественно и правдиво написанъ разсказъ *Событіе*, которое заключается въ томъ, что родятся котята, и это приводитъ дѣтей въ чрезвычайный восторгъ. Отмѣчу въ этомъ маленькомъ разсказѣ слѣдующее замѣчаніе Чехова, характерное для его отношенія къ людямъ и къ природѣ: «Въ воспитаніи и въ жизни дѣтей домашнія животныя играютъ едва замѣтную, но несомнѣнно благотворную роль,—говоритъ Чеховъ.—Кто изъ

насъ не помнитъ сильныхъ, но великодушныхъ псовъ, дармоѣдокъ - болонокъ, птицъ, умиравшихъ въ неволѣ, тупоумныхъ, но надменныхъ индюковъ, кроткихъ старухъ-кошекъ, прощавшихъ намъ, когда мы ради забавы наступали имъ на хвосты и причиняли имъ мучительную боль? Мнѣ даже иногда кажется,—продолжаетъ Чеховъ,—что терпѣніе, вѣрность, всепрощеніе и искренность, какія присущи нашимъ домашнимъ тварямъ, дѣйствуютъ на умъ ребенка гораздо сильнѣе и положительнѣе, чѣмъ длинныя нотаціи сухого и блѣднаго Карла Карловича или же туманныя разглагольствованія гувернантки, старающейся доказать ребятамъ, что вода состоитъ изъ кислорода и водорода».

Чеховъ вообще мастеръ описывать и животныхъ, и природу. Укажу для примѣра на разсказъ *Нахлѣбника*, гдѣ выведены забитая старая лошадь и полудохлая собака Лыска. Умѣнье слиться съ природой, олицетворить ее, въ общей картинѣ неразрывно соединить съ жизнью этой природы жизнь людей особенно удачно, по моему мнѣнію, обнаружилъ Чеховъ въ большой и превосходной «исторіи одной поѣздки» (*Степь*). Въ глазахъ читателя ярко встаетъ эта степь и утромъ, и днемъ, и ночью, и въ ясную погоду, и въ грозу, и ненастье. Вы чувствуете, какъ особенности степи вырабатываютъ и особенности въ отношеніяхъ людей, такъ или иначе связанныхъ со степью. Вы видите этихъ людей, понимаете, что въ степи должны быть они именно такими, что власть природы накладываетъ свою руку и на характеръ человѣка, и на характеръ его хозяйственной дѣятельности. Никакія географическія, этнографическія и экономическія описанія не даютъ такой цѣлостной и ясной картины степи и ея жителей, какъ эта «исторія одной поѣздки». И какія красивыя, одухотворенныя описанія природы читаемъ мы въ этой повѣсти! Приведу одинъ примѣръ.

Ѣдетъ бричка. «Точно она ѣхала назадъ, а не дальше: путники видѣли то же самое, что и до полудня. Холмы все еще тонули въ лиловой дали и не было видно ихъ конца; мелькалъ бурьянъ, булыжникъ, проносились сжатыя полосы, и все тѣ же грачи, да коршунъ, солидно взмахивающій крыльями, леталъ надъ степью. Воздухъ все больше застывалъ отъ зноя и тишины, покорная природа цѣпенѣла въ молчаніи... Ни вѣтра, ни бодраго, свѣжаго звука, ни облачка.

«Но вотъ, наконецъ, когда солнце стало спускаться къ западу, степь, холмы и воздухъ не выдержали гнета и, истощивши терпѣніе, измучившись, попытались сбросить съ себя иго. Изъ-за холмовъ неожиданно показалось пепельно-сѣдое кудрявое облако. Оно переглянулось со степью,—я, молъ, готово,— и нахмурилось. Вдругъ въ стоячемъ воздухѣ что-то порвалось, сильно рванулъ вѣтеръ и съ шумомъ, со свистомъ закрутился по степи. Тотчасъ же трава и прошлогодній бурьянъ подняли ропотъ, на дорогѣ спирально закружилась пыль, побѣжала по степи и, увлекая за собой солому, сѣнъ, козъ и перья, чернымъ, вертящимся столбомъ поднялась къ небу и закрутила солнце. По степи, вдоль и поперекъ, спотыкаясь и прыгая, побѣжали перекати-поле, а одно изъ нихъ попало въ вихрь, завертѣлось, какъ

птица, полетѣло къ небу и, обратившись тамъ въ черную точку, исчезло изъ вида. За нимъ понеслось другое, потомъ третье, и Егорушка видѣлъ, какъ два перекати-поле столкнулись въ голубой вышинѣ и вцѣпились другъ въ друга, какъ на поединкѣ».

Позвольте мнѣ сопоставить съ этимъ описаніемъ картину той же степи, нарисованную другимъ художникомъ, Левитовымъ.

«Чувствую я,— пишетъ Левитовъ,— что голову мою начинаетъ жечь палящій жаръ степной. Удрученная своею скорбною думой, съ каждымъ шагомъ развивавшеюся все печальнѣе и печальнѣе, она невыразимо страдала: какія-то проклятія слагались въ ней, какая-то мука тяготѣла надъ ней и не давала возможности сообразить, лучъ ли солнечный билъ въ нее этою мукой, или какое-то смертное томленіе, обыкновенно примѣчаемое въ пустынѣ, когда солнце зальетъ ее потоками своего палящаго свѣта, заставляетъ ее страдать?

«И дѣйствительно, самое равнодушное сердце не могло не биться усиленно при видѣ этой картины одного общаго, всецѣлаго, такъ сказать, страданія. И, казалось вамъ, тѣмъ тяжелѣе страдала природа, что не было слышно ни одного звука, обыкновеннаго въ этихъ случаяхъ; только одни глаза видѣли во всемъ какую-то удушающую, гнетущую полноту...

«Придорожныя ветлы, какъ человѣкъ въ нежданномъ несчастьи, распустили свои запыленныя вѣтви и молчаливо стояли, будто окаменѣлыя. Десятки птицъ унизали ихъ кривые сучья. Идете вы и видите, какъ какой-нибудь воронъ, въ другое время чуткій и пугливый, теперь и не думаетъ примѣчать васъ. Вцѣпился онъ острыми когтями въ древесную кору, раздвинулъ сѣрыя крылья и озадаченно смотритъ на васъ, удивляясь, повидимому, вашей охотѣ топтаться въ такую мучительную пору. На встрѣчу вамъ, время отъ времени, пробѣжитъ тощая, искалѣченная, съ перебитою ногой, собака, съ хвостомъ, волочащимся по землѣ. И въ глазахъ животнаго видна та же мука. Такъ жалобно посмотрѣла на васъ собака, такъ выразительно замахала хвостомъ, что будто просила васъ помочь какъ-нибудь ея перебитой ногѣ.

«А по обѣимъ сторонамъ степной дороги, изъ золотыхъ волнъ ржи, мелькаютъ бѣлыя рубахи на трудящихся спинахъ людей. Вамъ не видно красныхъ, изможденныхъ лицъ этихъ людей, покрытыхъ кровавымъ потомъ,— и лучше!

«И все это какъ-то непріязненно молчитъ молчаніемъ мертвеца, словно по чьему-нибудь строгому запрещенію...

«Но прихотливы бываютъ дорожныя думы... Идете вы и думаете: что было бы, ежели бы все это, не вынесши своей тяжкой боли, вскрикнуло вдругъ?»

Картина степного зноя у Чехова сжатѣе, образнѣе, красивѣе; но я хочу обратить ваше вниманіе на другую особенность Чехова въ изображеніи природы. Описаніе Левитова субъективно, онъ самъ и люди вообще играютъ преобладающую роль; Чеховъ является пантеистомъ, въ его

ли человѣкъ — одно изъ множества явленій, равноправныхъ съ другими. Мнѣ кажется, что такое міропониманіе разлито и въ другихъ произведеніяхъ этого даровитаго писателя. Въ разсказѣ *Перекати-поле,* который ведется отъ перваго лица, есть такое разсужденіе: «Не далѣе какъ на аршинъ отъ меня лежалъ скиталецъ; за стѣнами въ номерахъ и на дворѣ, около телѣгъ, среди богомольцевъ не одна сотня такихъ же скитальцевъ ожидала утра, а еще дальше, если съумѣть представить себѣ всю Русскую землю, какое множество такихъ же перекати-поле, ища гдѣ лучше, шагало теперь по большимъ и проселочнымъ дорогамъ или, въ ожиданіи разсвѣта, дремало въ постоялыхъ дворахъ, корчмахъ, гостиницахъ, на травѣ подъ небомъ... Засыпая, я воображалъ себѣ, какѣ бы удивились и, быть можетъ, даже обрадовались всѣ эти люди, если бы нашлись разумъ и языкъ, которые съумѣли бы доказать имъ, что *ихъ жизнь такъ же мало нуждается въ оправданіи, какъ и всякая другая*».

Это міровоззрѣніе принимаетъ иногда у Чехова печальный оттѣнокъ. Въ разсказѣ *Счастье* есть такое, напримѣръ, мѣсто: «Проснувшіеся грачи, молча и въ одиночку, летали надъ землей. Ни въ лѣнивомъ полетѣ этихъ долговѣчныхъ птицъ, ни въ утрѣ, которое повторяется аккуратно каждые сутки, ни въ безграничности степи,— ни въ чемъ не видно было смысла». Есть другое мѣсто, въ другомъ произведеніи, о которомъ я уже говорилъ, въ *Степи,* гораздо болѣе сильное: «Когда долго, не отрывая глазъ, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысли и душа сливаются въ сознаніе одиночества. Начинаешь чувствовать себя непоправимо одинокимъ и все то, что считалъ раньше близкимъ и роднымъ, становится безконечно-далекимъ и не имѣющимъ цѣны. Звѣзды, глядящія съ неба уже тысячи лѣтъ, само непонятное небо и мгла, равнодушная къ короткой жизни человѣка, когда остаешься съ ними съ глазу на глазъ и стараешься постигнуть ихъ смыслъ, гнетутъ душу своимъ молчаніемъ; приходитъ на мысль то одиночество, которое ждетъ каждаго изъ насъ въ могилѣ, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной...»

Не правда ли, глубокою скорбью, трогательною печалью вѣетъ отъ этихъ строкъ?

Пойдемъ далѣе. Въ той же *Степи* говорится объ одинокой могилѣ, въ которой зарытъ убитый и ограбленный купецъ. «Въ одинокой могилѣ есть что-то грустное, мечтательное и въ высокой степени поэтическое... Слышно, какъ она молчитъ, и въ этомъ молчаніи чувствуется присутствіе души неизвѣстнаго человѣка, лежащаго подъ крестомъ. Хорошо ли этой душѣ въ степи? Не тоскуетъ ли она въ лунную ночь? А степь возлѣ могилы кажется грустной, унылой и задумчивой, трава печальнѣй и кажется, что кузнечики кричатъ сдержаннѣй...»

Эти же ноты слышатся въ размышленіяхъ Рябовича (въ разсказѣ *По...*). Тотъ контрастъ, который такъ удивительно изображенъ Пушкинымъ въ элегіи *Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,* часто останавливаетъ на себѣ вниманіе Чехова. Вотъ умершаго матроса *(Гусева)* завернули въ

саванъ-мѣшокъ и торжественно спускаютъ въ море. Не дошелъ до дна бѣдный матросикъ: перехватила его акула... «А наверху въ это время, въ той сторонѣ, гдѣ заходитъ солнце, скучиваются облака; одно облако похоже на тріумфальную арку, другое на льва, третье на ножницы... Изъ-за облаковъ выходитъ широкій зеленый лучъ и протягивается до самой средины неба; немного погодя, рядомъ съ этимъ ложится фіолетовый, рядомъ съ нимъ золотой, потомъ розовый... Небо становится нѣжно-сиреневымъ... Глядя на это великолѣпное, очаровательное небо, океанъ сначала хмурится, но скоро самъ пріобрѣтаетъ цвѣта ласковые, радостные, страстные, какіе на человѣческомъ языкѣ и назвать трудно».

Для пониманія произведеній Чехова я считаю очень важнымъ эту точку зрѣнія, и поэтому еще немного задержу ваше вниманіе на вопросѣ объ его міровоззрѣніи. Въ разсказѣ *Впрочка* Огневъ идетъ ночью, горячо простившись со старикомъ Кузнецовымъ, и думаетъ «о томъ, какъ часто приходится въ жизни встрѣчаться съ хорошими людьми и какъ жаль, что отъ этихъ встрѣчъ не остается ничего больше, кромѣ воспоминаній. Бываетъ такъ, что на горизонтѣ мелькнутъ журавли, слабый вѣтеръ донесетъ ихъ жалобно-восторженный крикъ, а черезъ минуту съ какою жадностью ни вглядывайся въ синюю даль, не увидишь ни точки, не услышишь ни звука; такъ точно люди съ ихъ лицами и рѣчами мелькаютъ въ жизни и утопаютъ въ нашемъ прошломъ, не оставляя ничего больше, кромѣ ничтожныхъ слѣдовъ памяти».

Теперь вспомните, что Чеховъ—медикъ по профессіи, и вамъ станетъ многое понятно въ его художественномъ творчествѣ, многіе изъ упрековъ критики, на первый взглядъ основательные, должны быть смягчены, а другіе нельзя не признать и совсѣмъ неосновательными. Талантливый беллетристъ поступаетъ иногда какъ талантливый и добросовѣстный земскій врачъ: быстро поставивъ діагнозъ трудно-больному, онъ переходитъ къ другому, который воображаетъ, что онъ болѣнъ, и возбуждаетъ либо смѣхъ, либо досаду, и т. д. Въ пріемахъ Чехова, въ простотѣ, ясности и точности изображенія, мы также узнаемъ естествоиспытателя. Въ его повѣстяхъ и разсказахъ часто встрѣчаются больные люди со сложными движеніями ненормальной души. Какъ врачъ, онъ спокойнѣе относится къ людскимъ страданіямъ, но не можетъ не останавливаться на такихъ явленіяхъ, когда болѣзнь нежданно и негаданно уноситъ цвѣтущую, полную надеждъ молодую жизнь (разсказъ *Тифъ*).

Не только отдѣльно взятые люди и не одна природа привлекаютъ вниманіе Чехова. Рѣже, гораздо рѣже, но, все-таки, встрѣчаются у него картины общественной жизни, полныя глубокаго смысла, вызывающія у автора скорбныя мысли. Прокуроръ, напримѣръ, въ разсказѣ *Дома*, вспоминаетъ объ исключенныхъ изъ гимназіи и не можетъ не признать, что наказаніе очень часто приноситъ гораздо больше зла, чѣмъ само преступленіе. «Животный организмъ, полагаетъ прокуроръ, обладаетъ способностью

быстро приспособляться, привыкать и принюхиваться къ какой угодно атмосферѣ, иначе человѣкъ долженъ былъ бы каждую минуту чувствовать, какую неразумную подкладку нерѣдко имѣетъ его разумная дѣятельность и *какъ еще мало осмысленной правды и увѣренности даже въ такихъ отвѣтственныхъ, страшныхъ по результатамъ дѣятельностяхъ, какъ медицинская, юридическая, литературная*»...

Отмѣтимъ это «*еще мало осмысленной правды и увѣренности*», какъ лучъ тепла и надежды въ печальномъ міропониманіи, которое мы имѣли основаніе предположить въ авторѣ *Скучной исторіи*. Какъ художникъ, Чеховъ можетъ опоэтизировать горе, самую смерть. Описывая, напримѣръ, смерть ребенка въ семьѣ доктора, Чеховъ говоритъ: «Тотъ отталкивающій ужасъ, о которомъ думаютъ, когда говорятъ о смерти, отсутствовалъ въ спальной. Во всеобщемъ столбнякѣ, въ позѣ матери, въ равнодушіи докторскаго лица лежало что-то притягивающее, трогающее сердце, именно та тонкая, едва уловимая красота человѣческаго горя, которую не скоро еще научатся понимать и описывать и которую умѣетъ передавать одна только музыка» (*Враги*).

Эта поэтизація горя можетъ, конечно, вести къ крайне вреднымъ результатамъ, стать весьма прискорбною односторонностью; но Чеховъ свободенъ отъ такой односторонности. Въ томъ же разсказѣ онъ говоритъ: «Несчастные эгоистичны, злы, несправедливы, жестоки и менѣе, чѣмъ глупцы, способны понимать другъ друга. Не соединяетъ, а разъединяетъ людей несчастье и даже тамъ, гдѣ, казалось бы, люди должны быть связаны однородностью горя, продѣлывается гораздо больше несправедливостей и жестокостей, чѣмъ въ средѣ сравнительно довольной».

Несправедливость и жестокость развиваются, конечно, въ благопріятной для нихъ ненормальной общественной средѣ. Чеховъ мастерски описываетъ нашу городскую (уѣздную) жизнь, въ которой нѣтъ никакихъ духовныхъ интересовъ, гдѣ дремлетъ мысль, гдѣ замираютъ добрые порывы людей, пришедшихъ туда и съ образованіемъ, и съ желаніемъ трудиться. Такую картину видимъ мы и въ *Палатѣ № 6*, и въ другихъ разсказахъ, напримѣръ, въ *Мыслителѣ*. Въ разсказѣ *Злоумышленникъ* съ потрясающею силой и съ удивительною простотой передана судебная трагедія: мужикъ отвинчивалъ гайки у рельсовъ желѣзной дороги; гайки нужны ему для рыбной ловли, и онъ никакъ не можетъ понять, что это тяжкое преступленіе, что за это ему грозитъ острогъ.

Есть у Чехова маленькій разсказикъ, всего въ три странички,—*Отцовой рабъ*, гдѣ съ необыкновенною яркостью изображено то нравствен- искалѣченіе, которому подвергались люди при крѣпостномъ правѣ. Я ану приводить его содержанія и упоминаю о немъ лишь за тѣмъ, чтобы ести новое доказательство того, что Чеховъ хорошо понимаетъ зло заведливыхъ и несвободныхъ общественныхъ условій, хоть и рѣдко гиваетъ такія темы. Такое же впечатлѣніе производитъ и разсказъ, ---ческій мундиръ, въ которомъ портной Меркуловъ съ умиленіемъ

сообщаетъ, что капитанъ, не заплатившій ему за мундиръ, билъ его точно такъ же, какъ въ счастливыя для рабьей души времена бивалъ Меркулова баронъ Шпуцель...

Затронутъ у Чехова и другой важный вопросъ. Въ разсказѣ *Непріятность* мировой судья говоритъ, что «въ настоящее время честныхъ и трезвыхъ работниковъ, на которыхъ вы можете положиться, можно найти только среди интеллигенціи и мужиковъ, то-есть среди этихъ двухъ крайностей и только». Весьма трудно найти честнаго и трезваго фельдшера, писаря, прикащика... Земскій докторъ замѣчаетъ на это, что иначе и быть не можетъ, что у такого *средняго человѣка* нѣтъ ни образованія, ни собственности; «читать и ходить въ церковь ему некогда, насъ онъ не слышитъ, потому что мы не подпускаемъ его къ себѣ близко. Такъ онъ и живетъ изо дня въ день до самой смерти безъ надеждъ на лучшее, обѣдая впроголодь, боясь, что вотъ-вотъ его прогонятъ изъ казенной квартиры, не зная, куда приткнуть своихъ дѣтей. Ну, какъ тутъ, скажите, не пьянствовать, не красть? Гдѣ тутъ взяться принципамъ?»

Я далеко не исчерпалъ, конечно, содержанія произведеній Чехова, да это и невозможно въ предѣлахъ публичной лекціи. Дарованіе этого писателя находится въ разцвѣтѣ и полная оцѣнка его художественной дѣятельности еще впереди. Мы замѣчаемъ въ послѣднее время расширеніе круга его наблюденій и углубленіе содержанія его повѣстей и разсказовъ. *Разсказъ неизвѣстнаго человѣка* даетъ намъ замѣчательно удачную картину извѣстной части петербургскаго бюрократическаго міра. Хорошо задуманъ, но не вполнѣ безукоризненно нарисованъ герой разсказа—бывшій революціонеръ. А. М. Скабичевскій, довольно сурово относившійся къ Чехову, считаетъ выведенный имъ въ *Бабьемъ царствѣ* типъ Анны Акимовны самымъ замѣчательнымъ типомъ купеческой среды послѣ комедій Островскаго.

Нѣтъ основаній опасаться, что въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Чеховъ будетъ случайно выбирать темы, расточая свои силы на изображеніе ничтожныхъ явленій, хотя,—спѣшу прибавить,—возбудить остроумною шуткою, въ художественной формѣ, здоровый смѣхъ есть немаловажная заслуга. Юморъ Чехова отличается нерѣдко заразительною веселостью и возбуждаетъ въ читателѣ хорошее, свѣтлое настроеніе. Эта драгоцѣнная особенность его таланта спасаетъ его отъ избытка пессимизма, отъ налета горькой скорби въ виду массы случайнаго и жестокаго...

Я передамъ, въ немногихъ словахъ, одинъ изъ юмористическихъ разсказовъ Чехова въ виду того, что въ этотъ съ перваго взгляда анекдотъ заключена, мнѣ кажется, серьезная мысль. Къ сожалѣнію, разсказъ въ передачѣ будетъ, конечно, испорченъ.

Въ кабинетъ доктора Кошелькова (*Произведеніе искусства*) входитъ молодой человѣкъ Смирновъ. Докторъ вылечилъ юношу, и вотъ его мать, покойный мужъ которой торговалъ старинною бронзою, посылаетъ доктору

въ благодарность канделябръ дѣйствительно художественной работы, но съ непристойными женскими фигурами. Докторъ посмотрѣлъ на подарокъ.

«— Да, вещь, дѣйствительно, прекрасная,—пробормоталъ онъ, — но... какъ бы выразиться, не тово... не литературна слишкомъ... Это ужь не декольтэ, а чортъ знаетъ что...»

Молодой человѣкъ пристаетъ къ доктору, убѣждая его быть выше толпы. У самого Смирнова отъ созерцанія этого канделябра «душу наполняетъ благоговѣйное чувство и къ горлу подступаютъ слезы». *Avis* нашимъ декадентамъ.

Смирновъ жалѣетъ только о томъ, что у нихъ нѣтъ пары для этого канделябра, и навязываетъ-таки его доктору.

Кошельковъ въ недоумѣніи: оставить у себя на квартирѣ такое *произведеніе искусства*, конечно, дѣло невозможное.

Везетъ онъ канделябръ къ адвокату Ухову. Тотъ приходитъ въ неописанный восторгъ, но принимать подарка не соглашается:

«У меня бываютъ тутъ мать, кліенты... да и отъ прислуги совѣстно»...

Докторъ однако насильно оставляетъ свой канделябръ, а адвокатъ придумываетъ подарить его бенефиціанту, комику Шашкину. Шашкинъ также въ восторгѣ и также не желаетъ оставлять у себя этого *художественнаго произведенія*. Онъ продаетъ его старухѣ, торгующей бронзой.

Черезъ два дня въ квартиру доктора Кошелькова является улыбающійся, счастливый Саша Смирновъ.

«Докторъ!—началъ онъ, задыхаясь.—Представьте мою радость! На ваше счастье, намъ удалось пріобрѣсти пару для вашаго канделябра! Мамаша такъ счастлива... Я единственный сынъ у матери... вы спасли мнѣ жизнь...»

Того, кто написалъ эту милую шутку, этотъ полный смысла анекдотъ, не увлечетъ одна форма, тотъ потребуетъ отъ дѣйствительно художественнаго произведенія чистоты и правды.

Этими качествами отличаются разсказы и повѣсти Чехова. Отъ нихъ вѣетъ правдивостью, онъ не описываетъ того, чего не видалъ, не зналъ, не перечувствовалъ. Его пессимистическое міровоззрѣніе не принимаетъ гнетущаго характера, нигдѣ у него не звучитъ отчаяніе. Живая любовь къ живому человѣку и тонкое художественное чутье, съ какимъ Чеховъ любитъ и человѣка, и природу, придаютъ его думамъ о случайности и быстротечности жизни печальный, но мягкій оттѣнокъ, подобный тому міропониманію, которое разлито въ произведеніяхъ Тургенева. Симпатія къ слабому, негодованіе къ сильному злому—вотъ что часто выносишь изъ разсказовъ Чехова; ни на одну дурную мысль они не натолкнутъ, никакого сквернаго побужденія не вызовутъ. Чувствуется въ нихъ недостатокъ мужественныхъ, призывныхъ нотъ,—и понятно почему: отдѣльно взятый человѣкъ—ничтожный атомъ въ вѣчномъ міровомъ круговоротѣ. Въ виду бездоннаго неба онъ, одинокій, дѣйствительно долженъ испытывать либо ужасъ, либо глубокую печаль. Но въ томъ-то и дѣло, что человѣкъ не одинокъ. Любовью, другими идеями связаны между собою люди, и, опираясь другъ на друга,

они имѣютъ полное основаніе смотрѣть въ историческую даль съ доброю надеждою, съ сознательнымъ упованіемъ. Итти рядами и шеренгами, при свѣтѣ науки, подъ знаменемъ общественнаго и личнаго идеала, значитъ удесятерять свои силы, значитъ безконечно ускорять побѣду на землѣ добра, справедливости и самой красоты. Изображать въ художественныхъ произведеніяхъ движенія человѣческой души въ общественныхъ условіяхъ, изображать общественное движеніе, въ которомъ выступаетъ и личность, и масса,—составляетъ высокую задачу искусства. Будетъ ли при этомъ писатель объективнымъ художникомъ, или пророкомъ освобожденія,—этотъ вопросъ рѣшается не требованіями со стороны, но самою природою художника. Критика должна требовать одного, того, о чемъ говорилъ Чернышевскій: художникъ *долженъ* развивать въ себѣ *человѣка*. Это требованіе Чеховымъ исполнено. Но если нельзя предъявлять другихъ *требованій*, то можно высказывать горячія желанія. Пожелаемъ же, чтобы художникъ-человѣкъ былъ и художникомъ-гражданиномъ.

Художественное произведеніе, написанное человѣкомъ, который любитъ простоту и правду, который любитъ людей, доставитъ, конечно, и эстетическое наслажденіе, и нравственное удовлетвореніе. Оно поддержитъ иной разъ слабѣющую энергію или потухающій гнѣвъ. Но если принять во вниманіе, какъ мало, сравнительно говоря, число людей, живущихъ отвлеченными идеями, способныхъ увлекаться принципами, то станетъ понятнымъ желаніе искать помощи у искусства для болѣе опредѣленнаго воздѣйствія на общество, для воспитанія въ немъ не только добрыхъ чувствъ, но и гражданскихъ стремленій. Служеніе красотѣ и правдѣ вызываетъ глубокое уваженіе. Это уваженіе только усилится, если художникъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужитъ и дѣлу общественной справедливости, если онъ дастъ намъ, въ прекрасныхъ формахъ, не только изображеніе дѣйствительности, ея мутныхъ волнъ или ея гніющаго болота, но подмѣтитъ и освѣтитъ новыя, свѣжія теченія,—а, вѣдь, они несомнѣнно существуютъ,—если онъ укажетъ намъ широкіе пути къ разумному, человѣчному счастью, котораго нѣтъ и быть не можетъ безъ энергичнаго труда ради общественной правды, безъ честной борьбы ради народнаго счастья.

В. Гольцевъ.

Антуанъ Лоранъ Лавуазье.

(26 августа 1743 г.—8 мая 1794 г., нов. ст.) *).

Бываютъ эпохи въ исторіи каждой страны, когда на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, какъ общественной, такъ и научной, является масса талантливыхъ и геніальныхъ людей. Такою эпохой для Франціи была вторая половина прошлаго вѣка, когда одновременно съ французскою революціей подготовился и совершился великій переворотъ во всемъ естествознаніи. Творцомъ этого переворота былъ Антуанъ Лоранъ Лавуазье, голова котораго пала подъ топоромъ гильотины 8 мая (нов. ст.) 1794 года.

Въ настоящей статьѣ мы не будемъ останавливаться на описаніи жизни и общественной дѣятельности Лавуазье, а также не считаемъ нужнымъ входить въ разсмотрѣніе вопроса, насколько правы были тѣ, которые возвели на эшафотъ славу и гордость Франціи: не далѣе, какъ черезъ два года послѣ смерти Лавуазье, въ апрѣлѣ 1796 года, все имущество, конфискованное конвентомъ, было возвращено его женѣ, и въ оффиціальныхъ документахъ значилось: *veuve de Lavoisier, injustement condamné*. Мы постараемся сдѣлать только краткій очеркъ той научной реформы, которая произведена была Лавуазье. Оговоримся въ началѣ, что въ краткой журнальной статьѣ возможно указать только на самые главные его труды и приходится пройти молчаніемъ большую часть его работъ,—настолько велики и разнообразны были его занятія, касавшіяся самыхъ разнообразныхъ областей знанія; минералогія, физика, метеорологія, химія, физіологія, технологія, политическая экономія—вотъ науки, которыми занимался Лавуазье.

Изъ всѣхъ открытій, произведенныхъ Лавуазье, мы остановимся болѣе подробно на двухъ, а именно на открытіи состава воздуха и состава воды, какъ на такихъ, благодаря которымъ онъ создалъ новую теорію горѣнія, окисленія тѣлъ и дыханія.

*) При составленіи этой статьи мы пользовались, кромѣ трудовъ самого Лавуазье, слѣдующими его біографіями: 1) *Grimaux:* „Lavoisier d'après sa correspondence, ses manuscripts“ etc. Paris, 1888. 2) *Berthelot:* „La révolution chimique. Lavoisier. Paris 1890. 3) *Dumas:* „Lécons sur la philosophie chimique“.

Но для того, чтобы вполнѣ оцѣнить тотъ переворотъ въ воззрѣніяхъ на матерію, который былъ совершенъ Лавуазье, необходимо хотя вкратцѣ разсмотрѣть, каково было міросозерцаніе естествовѣдовъ первой половины XVIII вѣка.

Раскроемъ какую-либо естественно-историческую книгу того времени, и мы будемъ поражены тѣми понятіями о веществѣ, какія были въ научномъ обиходѣ полтораста лѣтъ тому назадъ. Мы увидимъ, что такія тѣла, которыя мы считаемъ за простые, неразложимые элементы, помѣщены въ число сложныхъ тѣлъ, но за то вода, воздухъ и т. под. для химика XVII и начала XVIII вѣка являлись простыми неразложимыми элементами. Съ перваго взгляда кажется удивительнымъ, какъ такія тѣла, какъ металлы, могли считаться за сложныя тѣла, но это удивленіе пропадетъ, если мы загляднемъ нѣсколько дальше въ исторію науки.

Припомнимъ воззрѣнія на вещество, существовавшія въ древности. Аристотель, имѣвшій такое громадное вліяніе на умы людей въ продолженіе средневѣковаго періода, разсматривалъ всѣ тѣла состоящими изъ четырехъ стихій или началъ: земли, воды, воздуха и огня. Эти четыре стихіи содержатся во всѣхъ тѣлахъ и могутъ быть выдѣлены изъ всѣхъ тѣлъ, сами же онѣ не способны разлагаться на другія вещества. Оговоримся здѣсь, что эти стихіи не слѣдуетъ смѣшивать съ реальными тѣлами того же наименованія: вода (рѣчная, дождевая и т. п.) въ дѣйствительности содержитъ въ себѣ всѣ четыре стихіи, но только въ ней преобладаетъ одна изъ стихій—«вода». Стихіи Аристотеля суть только носители извѣстныхъ физическихъ свойствъ тѣла; такъ, вода есть носитель влажности и холода, земля—сухости и холода, воздухъ—влажности и тепла, огонь—сухости и тепла.

Отсюда ясно, что всѣ различія въ свойствахъ тѣлъ зависятъ отъ того, въ какомъ отношеніи будутъ находиться въ нихъ эти стихіи. Подъ вліяніемъ такого рода взглядовъ легко могло составиться убѣжденіе, что можно измѣнить настолько свойства даннаго тѣла, что оно приметъ совершенно другое состояніе матеріи, превратится въ другое тѣло. Ежедневный опытъ, повидимому, подтверждалъ такого рода взгляды: такъ на основаніи того, что тѣла отъ холода дѣлаются болѣе твердыми, можно было думать, что такія тѣла, какъ горный хрусталь, получаются изъ воды, превращеніе воздуха въ воду и обратно представляется для Плинія дѣломъ обыкновеннымъ, а этимъ онъ объясняетъ образованіе облаковъ.

Такимъ образомъ переходъ или превращеніе одного тѣла въ другое, по мнѣнію послѣдователей ученія Аристотеля,—дѣло возможное, и поэтому-то въ продолженіе всего того времени, когда царилъ въ наукѣ о природѣ Аристотель, было потрачено столько трудовъ на превращеніе одного металла въ другой.

Первые алхимики, принимая ученіе Аристотеля о четырехъ стихіяхъ, смотрѣли на металлы какъ на тѣла сложныя; всѣ металлы по Геберу, арабскому алхимику, жившему около 800 года, состоятъ изъ сѣры и ртути

ти болѣе или менѣе чистыхъ, и всѣ свойства ихъ зависятъ отъ различныхъ количественныхъ отношеній, въ которыхъ входятъ въ составъ металловъ эти два элемента: такъ, золото представляетъ собой ртуть, которая соединена съ небольшимъ количествомъ сѣры, въ мѣди ртуть и сѣра находятся въ равныхъ пропорціяхъ, въ оловѣ ртути очень мало, сѣры же много. Нужно помнить только, что «ртуть» не тождественна съ обыкновенною ртутью, въ составъ которой входитъ какъ ртуть, такъ и сѣра. Подъ элементомъ «ртутью» алхимики подразумѣвали начало металличности, отъ нея зависитъ блескъ, тягучесть и т. п. свойства металловъ, сѣра же представляетъ начало измѣняемости металловъ, ихъ способности горѣть, улетучиваться и т. п. Такой взглядъ на составъ металловъ господствовалъ во всѣ средніе вѣка, впослѣдствіи онъ нѣсколько видоизмѣнился: начали принимать, что въ металлы входитъ, кромѣ сѣры и ртути, еще третье начало—соль. Легко видѣть, что на основаніи подобной теоріи можно было надѣяться изъ одного металла получить другой, и такъ какъ цѣлью стремленій большинства человѣчества всѣхъ вѣковъ является добываніе золота въ томъ или другомъ видѣ, то нельзя строго относиться къ алхимикамъ, потратившимъ много энергіи на превращеніе металловъ въ золото.

Труды алхимиковъ не пропали даромъ: стремясь получить золото, они много трудились въ своихъ лабораторіяхъ и, благодаря этимъ трудамъ, открыли многія свойства металловъ, и къ началу XVIII вѣка было собрано много полезнаго фактическаго матеріала: такъ, отношенія между металлами и ихъ окисями, способы полученія металловъ изъ ихъ окисей, — всѣ эти факты были уже хорошо извѣстны. По мѣрѣ накопленія фактовъ измѣнялись теоретическія воззрѣнія, и на смѣну теоріи алхимиковъ въ началѣ XVIII вѣка была создана теорія флогистона.

По Сталю, который считается творцомъ этой теоріи, всѣ горючія тѣла, какъ-то: сѣра, масло, уголь, металлы, содержатъ въ себѣ особое горючее начало—флогистонъ (φλογιστόν), отдѣляющееся отъ тѣла, когда послѣднее подвергается высокой температурѣ. Всѣ металлы являются тѣлами сложными, состоящими изъ земли (окиси), соединенной въ большей или меньшей степени съ флогистономъ. При накаливаніи ихъ выдѣляется флогистонъ и остается земля, то, что̀ мы нынѣ называемъ окисломъ металла. Обратно, стоитъ только къ окислу присоединить флогистонъ и получится чистый металлъ, поэтому при нагрѣваніи окисла въ присутствіи тѣлъ, богатыхъ флогистономъ (напримѣръ, угля), способныхъ отдать свой флогистонъ окислу, получается металлъ.

Такимъ образомъ, по теоріи флогистона, господствовавшей въ XVIII вѣкѣ и разрушенной трудами Лавуазье, тѣ тѣла, которыя мы, согласно его ученію, считаемъ простыми, неразложимыми элементами, были тѣлами слож[illegible]ными, тѣла же сложныя (наприм., окиси металловъ) принимались за прос[illegible]ыя, неразложимыя.

[illegible]ившійся черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Сталя Лавуазье своими тру[illegible]ми разрушилъ теорію флогистона, причемъ онъ сдѣлалъ это не сразу:

вначалѣ онъ самъ принималъ ее, но затѣмъ постепенно онъ пробиваетъ своими опытами все новыя и новыя бреши въ этой теоріи и подъ конецъ своей жизни оставляетъ отъ нея только разрушенный остовъ.

Для разрушенія этой теоріи онъ пользуется опытными данными, добытыми не только имъ самимъ, но и другими. Въ это время, т.-е. въ половинѣ XVIII в., въ химіи замѣчается большое оживленіе: Пристлей, Блакъ, Кавендишъ и другіе открыли много новыхъ фактовъ: такъ, Пристлей въ 1774 году получаетъ кислородъ при накаливаніи красной окиси ртути, Руттерфордъ въ 1772 году выдѣляетъ изъ воздуха азотъ, Кавендишъ въ 1766 году изслѣдуетъ водородъ, полученный при дѣйствіи сѣрной кислоты на металлъ. Такимъ образомъ, химія газовъ была обогащена многими новыми тѣлами.

Но Пристлей и Кавендишъ назвали новые газы въ духѣ теоріи флогистона: такъ, кислородъ, по Пристлею, былъ дефлогистированнымъ (очищеннымъ отъ флогистона) воздухомъ (deflogisticated air); азотъ же онъ называлъ воздухомъ, насыщеннымъ флогистономъ (flogisticated air). Водородъ же, по Кавендишу, есть «воспламеняемый, горючій воздухъ» (inflammable air).

Пристлей, умершій десятью годами позже Лавуазье, до конца своей жизни оставался приверженцемъ теоріи флогистона.

Все значеніе фактовъ, открытыхъ Пристлеемъ, Кавендишемъ и друг., выяснилось вполнѣ лишь въ трудахъ Лавуазье. «Заслуга Лавуазье, — говоритъ Либихъ,— не въ одномъ какомъ-либо открытіи, но въ сопоставленіи безчисленнаго множества фактовъ въ одну теорію». Современники Лавуазье, а также нѣкоторые позднѣйшіе историки химіи, обвиняли его часто въ томъ, что онъ пользуется чужими открытіями и выдаетъ ихъ за свои. Эти обвиненія несправедливы, такъ какъ его слава, какъ творца современной химіи, основана на томъ, что онъ построилъ новую теорію, а не на томъ, что онъ открылъ тѣ или другіе факты.

Заслуга его состоитъ еще въ томъ, что онъ ввелъ въ химію тотъ методъ изслѣдованія, благодаря которому только и возможны стали дальнѣйшіе быстрые успѣхи этой науки. Это — методъ количественнаго опредѣленія веществъ, участвующихъ въ химическихъ превращеніяхъ. Было бы несправедливо считать Лавуазье творцомъ этого метода, такъ какъ и до него алхимики пользовались вѣсами при своихъ изслѣдованіяхъ, но только Лавуазье первому удалось показать, что при всѣхъ химическихъ явленіяхъ сумма вѣсовыхъ количествъ происшедшихъ тѣлъ равна суммѣ вѣсовъ взятыхъ, и, такимъ образомъ, подтвердить съ вѣсами въ рукахъ законъ, формулированный еще въ древности:

ex nihilo nihil, in nihilum nil posse reverti.

Но хотя этотъ законъ былъ высказанъ еще въ древности, химики не могли его считать достовѣрнымъ, такъ какъ многочисленные опыты противорѣчили ему: то замѣчалось увеличеніе вѣса въ металлѣ при его накаливаніи,

то, напротивъ, горящее вещество исчезало почти безслѣдно, оставляя только небольшое количество золы. Отсюда не трудно было вывести заключеніе, что горючія тѣла могутъ превращаться въ невѣсомый огонь и, обратно, могутъ получаться изъ огня.

Послѣ того, какъ Лавуазье удалось выяснить роль кислорода при процессахъ горѣнія и окисленія металловъ, онъ могъ доказать, что при всѣхъ этихъ процессахъ нѣтъ ни исчезновенія, ни созиданія вещества вновь, и, такимъ образомъ, подтвердить законъ постоянства матеріи.

Лавуазье было двадцать девять лѣтъ, когда онъ приступилъ къ своимъ знаменитымъ опытамъ, переформировавшимъ химію. Не слѣдуетъ думать, что открытія, сдѣланныя имъ, вызывались для него счастливою случайностью, а не являлись результатомъ выполненія заранѣе обдуманнаго плана. Подобный взглядъ опровергается слѣдующими строками, находящимися въ записной тетради Лавуазье, подъ датой 20 февраля 1772 г.: «Прежде чѣмъ начать длинный рядъ опытовъ, которые я предполагаю сдѣлать съ упругою жидкостью, которая выдѣляется изъ тѣлъ или при ихъ броженіи, или при перегонкѣ, или при соединеніяхъ всякаго рода, равно какъ и надъ воздухомъ, который поглощается при горѣніи большого числа тѣлъ, я считаю нужнымъ записать нѣкоторыя мысли, чтобы составить себѣ самому планъ, которому нужно слѣдовать». Затѣмъ, изложивъ взгляды различныхъ ученыхъ на природу воздуха и другихъ газовъ, Лавуазье записываетъ слѣдующія знаменательныя слова: «Важность предмета заставила меня произвести вновь всю эту работу, которая, мнѣ казалось, должна была произвести революцію въ химіи и физикѣ».

«Я считалъ нужнымъ разсматривать все до меня сдѣланное только указаніями: я задался цѣлью повторить опыты, съ новыми предосторожностями, чтобы поставить въ связь то, что мы знаемъ относительно воздуха, который поглощается или выдѣляется тѣлами, съ другими пріобрѣтенными знаніями, и создать теорію».

Приведя эти строки въ своей книгѣ, Бертло указываетъ, что стиль Лавуазье, въ нѣкоторомъ отношеніи, напоминаетъ собой стиль Декарта въ его *Discours de la methode,* произведшемъ реформу въ философіи. Лавуазье предчувствовалъ реформу химіи и въ самомъ началѣ своихъ работъ какъ бы предугадывалъ все ихъ значеніе.

Въ 1770 году Лавуазье представляетъ въ академію первый мемуаръ, озаглавленный такъ: *Premier mémoire sur la nature de l'eau et sur les expériences par les quelles on a prétendu prouver la possibilité de son changement en terre.*

При этомъ изслѣдованіи Лавуазье пользуется тѣмъ методомъ, который, по его почину, является съ тѣхъ поръ основнымъ методомъ въ химіи. Лавуазье кипятилъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, день и ночь, воду въ собомъ сосудѣ, названномъ пеликаномъ (pélican) и устроенномъ такъ, что пары воды, сгущаясь, опять стекали въ сосудъ. Передъ опытомъ онъ взвѣшивалъ какъ пустой сосудъ, такъ и воду, затѣмъ по прошествіи трехъ

мѣсяцевъ онъ опять взвѣсилъ сосудъ съ водой, оказалось, что общій ихъ вѣсъ не измѣнился, хотя вѣсъ пустого пеликана уменьшился. При выпариваніи воды получился землистый осадокъ, вѣсъ котораго какъ разъ равнялся разности между вѣсомъ пеликана до и послѣ опыта. Такимъ образомъ несомнѣнно было показано, что при этомъ опытѣ не происходило превращенія воды въ землю: вода просто растворила часть стекла.

Въ слѣдующемъ году онъ производитъ опытъ сгоранія алмаза, и на основаніи этого опыта вполнѣ справедливо утверждаетъ, что при высокой температурѣ алмазъ сгораетъ а не улетучивается.

Въ 1772—1774 гг. онъ открываетъ массу новыхъ фактовъ, послужившихъ ему для созданія его теоріи горѣнія и дыханія. Такъ, сжигая въ закрытомъ сосудѣ при помощи зажигательнаго стекла олово и свинецъ, онъ замѣчаетъ увеличеніе вѣса послѣднихъ. Онъ нашелъ также, что фосфоръ, сгорая, увеличивается въ вѣсѣ, причемъ изъ воздуха теряется около $^1/_5$ части и остается газъ, отличный отъ воздуха.

Фактъ увеличенія вѣса свинца при накаливаніи его на воздухѣ былъ извѣстенъ еще Бойлю, который полагалъ, что увеличеніе вѣса происходитъ отъ присоединенія огненной матеріи. Подобнаго рода мнѣніе Лавуазье опровергъ слѣдующимъ опытомъ: онъ накалилъ свинецъ въ закрытомъ сосудѣ и показалъ, что вѣсъ сосуда и его содержимаго при этомъ не измѣняется.

Оставалось теперь опредѣлить, какая составная часть воздуха присоединяется къ тѣламъ при ихъ горѣніи. Въ это время (1774 г.), какъ мы выше сказали, Пристлей получилъ при накаливаніи красной окиси ртути газъ, впослѣдствіи названный кислородомъ, и открылъ многія его свойства: онъ показалъ, что кислородъ энергично поддерживаетъ горѣніе и дыханіе. Но Пристлей, будучи отличнымъ экспериментаторомъ, не могъ замѣтить все значеніе своего открытія и, будучи до конца жизни послѣдователемъ теоріи флогистона, смотрѣлъ на ту роль, которую играетъ кислородъ при процессахъ горѣнія и дыханія, съ точки зрѣнія теоріи флогистона. Въ самомъ дѣлѣ онъ принималъ кислородъ за воздухъ, отъ котораго окись ртути отняла флогистонъ, причемъ сама превратилась въ металлъ. Но при этомъ процессѣ не весь воздухъ лишается флогистона, часть его остается соединенной съ послѣднимъ, и этотъ-то флогистированный воздухъ (по-нашему азотъ), былъ также извѣстенъ Пристлею.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Пристлей разсматривалъ воздухъ не какъ смѣсь двухъ газовъ, а какъ одинъ однородный газъ, способный при извѣстныхъ условіяхъ измѣняться такъ, что одна часть его теряла флогистонъ и превращалась въ «дефлогистированный воздухъ» (кислородъ), другая же при этомъ пріобрѣтала флогистонъ и получался «флогистированный воздухъ» (азотъ). Эти взгляды такъ далеки отъ нашихъ, что необходимо ихъ припомнить, чтобы по достоинству оцѣнить тотъ переворотъ, который произвелъ Лавуазье. Лавуазье воспользовался фактами, открытыми Пристлеемъ, чтобы вывести то заключеніе, которое являлось по сво-

новизнѣ крайне дерзкимъ и должно было возбудить противъ него не только крики негодованія, но и мѣры болѣе рѣшительныя: разсказываютъ, будто въ Берлинѣ послѣдователи теоріи флогистона осудили... на сожженіе не самого Лавуазье (вѣроятно, за невозможностью привести въ исполненіе подобнаго рода приговоръ), а его портретъ.

Что же навлекало на него такую кару? То, что для насъ является азбучной истиной: Лавуазье осмѣлился сказать, что воздухъ представляетъ собой смѣсь двухъ различныхъ газовъ: жизненнаго воздуха (впослѣдствіи онъ назвалъ его кислородомъ) и азота, флогистонъ не принимаетъ никакого участія въ составѣ воздуха.

Опыты Лавуазье были такъ убѣдительны, что нельзя было, въ концѣ-концовъ, не согласиться съ тѣмъ, что воздухъ представляетъ смѣсь двухъ газовъ.

Для подкрѣпленія своихъ взглядовъ Лавуазье производитъ все новые и новые опыты: такъ, онъ произвелъ свой классическій опытъ синтеза воздуха. Онъ показалъ, что при продолжительномъ нагрѣваніи ртути часть воздуха (около $^1/_5$) соединяется со ртутью, образуя при этомъ окись ртути. Собравъ затѣмъ полученную окись ртути и накаливая ее, онъ обратно выдѣлилъ изъ нея кислородъ; присоединивъ послѣдній къ той части воздуха, которая не соединилась со ртутью при ея накаливаніи, онъ получилъ вновь тоже количество воздуха, какое было при началѣ опыта.

Получивъ далѣе угольную кислоту (которую тогда называли «закрѣпленнымъ воздухомъ», air fixé), при нагрѣваніи окиси ртути съ углемъ, онъ совершенно правильно заключаетъ, что угольная кислота есть соединеніе угля съ кислородомъ, и говоритъ далѣе: «то вещество, которое присоединяется къ металламъ, при ихъ накаливаніи, есть ничто иное какъ самая чистая, самая здоровая часть воздуха» (т.-е. кислородъ).

Позднѣе Лавуазье привелъ еще болѣе убѣдительныя доказательства своего мнѣнія: онъ произвелъ цѣлый рядъ опытовъ надъ полученіемъ угольной кислоты при сгораніи угля и алмаза *) и сдѣлалъ точное количественное опредѣленіе составныхъ частей угольной кислоты.

Убѣдившись въ томъ, что въ составъ угольной кислоты входитъ кислородъ, Лавуазье доказываетъ, что фосфорная кислота и сѣрная **) происходятъ отъ соединенія фосфора и сѣры съ кислородомъ. Флогистонъ, котораго, по мнѣнію химиковъ, находилось такъ много въ этихъ тѣлахъ, не принимаетъ, по Лавуазье, никакого участія при образованіи ихъ: мнѣніе это было совершенно противуположно тогдашнему воззрѣнію на эти тѣла, по которому сѣра представляла собой соединеніе сѣрной кислоты и флогистона, а фосфоръ являлся соединеніемъ фосфорной кислоты съ флогистономъ. Открытія эти бросили неожиданный свѣтъ вообще на составъ кислотъ: жизненный воздухъ (кислородъ) оказался необходимой составною

*) Этотъ опытъ показалъ, что алмазъ есть ничто иное, какъ чистый уголь.

**) Подъ фосфорною кислотой и сѣрною Лавуазье разумѣлъ то, что мы нынѣ называемъ фосфорнымъ и сѣрнымъ ангидридомъ.

частью всякой кислоты. Поэтому-то Лавуазье и предложилъ дать ему названіе «кислорода» (oxygenium, oxygène).

Опредѣливъ составъ воздуха, Лавуазье легко могъ объяснить процессы горѣнія и окисленія металловъ, а также составъ кислотъ, но всѣ эти объясненія только тогда были приняты его современниками, когда ему удалось доказать сложность состава воды. Пока не былъ извѣстенъ химикамъ водородъ, не могло быть и вопроса о сложности состава воды, но и послѣ открытія въ 1767 году Кавендишемъ водорода вода считалась простымъ, неразложимымъ тѣломъ, элементомъ. Еще въ 1778 году Макеръ говорилъ: «Вода является веществомъ неизмѣняемымъ и неразрушимымъ, нѣтъ ни одного опыта, изъ котораго бы можно было заключить, что вода можетъ быть разложена».

Кавендишъ получилъ водородъ такъ, какъ мы его получаемъ: при дѣйствіи кислотъ на металлы. Водородъ получается также, когда на желѣзо дѣйствуютъ водяные пары при высокой температурѣ. Такъ какъ вода считалась элементомъ, простымъ неразложимымъ тѣломъ, то полученіе при такихъ условіяхъ водорода (горючаго воздуха, inflammable air, какъ его называлъ Кавендишъ) могло служить доказательствомъ сложности состава металловъ; изъ этихъ опытовъ можно было заключить, что водородъ входитъ въ составъ металловъ, отъ него зависитъ ихъ горючесть (способность къ окисленію). «Это воздухъ, въ которомъ очень много сѣры,—сказали бы алхимики, еслибъ имъ былъ извѣстенъ водородъ. — Это воздухъ, въ которомъ очень много флогистона»,—говорили химики прошлаго вѣка, а Кавендишъ въ концѣ своей жизни считалъ водородъ за самый флогистонъ.

Лавуазье предстояло, такимъ образомъ, опредѣлить, что получается при горѣніи водорода. 8 апрѣля 1775 года онъ дѣлаетъ опытъ горѣнія водорода, но, руководствуясь предвзятою теоріей, по которой продуктомъ всякаго горѣнія должна быть кислота, онъ въ особенности старался найти между продуктами горѣнія угольную кислоту (fixed air Блакка), полученную имъ при горѣніи нѣкоторыхъ другихъ горючихъ газовъ. Эти опыты Лавуазье повторялъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, тщетно ища между продуктами горѣнія углекислоты и сѣрнистой кислоты. Нельзя, конечно, было не замѣтить образованія воды при этихъ опытахъ, но этотъ фактъ объясняли тѣмъ, что водяные пары заключались въ воздухѣ, служившемъ имъ какъ бы поддержкой: исчезалъ воздухъ, и пары должны были сгущаться. Кавендишъ, повторившій свои опыты надъ горѣніемъ водорода въ 1783 году, замѣтилъ образованіе такого количества воды, которое нельзя было допустить въ воздухѣ, но онъ не только не заключилъ изъ этихъ опытовъ, что вода есть сложное тѣло, но и не публиковалъ ихъ ранѣе 19 января 1784 года.

Хотя Кавендишъ не публиковалъ своихъ опытовъ, но они сдѣлались извѣстны ученому міру еще въ 1783 году, ибо въ то время интересъ къ этимъ вопросамъ былъ очень великъ; ученые вели дѣятельную переписку между собой, и много ученыхъ сообщеній было обсуждено въ частныхъ

письмахъ прежде, чѣмъ попасть на страницы того или другого изданія, такъ что Лавуазье, быть можетъ, зналъ объ открытіи Кавендиша, когда опять приступилъ къ опытамъ горѣнія водорода. 24 іюня 1783 года онъ повторилъ опытъ горѣнія водорода въ кислородѣ: онъ получилъ большое количество воды и заключилъ изъ условій опыта, что вѣсъ полученной воды не можетъ не быть равнымъ вѣсу газовъ, входящихъ въ ея составъ. Опытъ былъ произведенъ въ присутствіи многихъ ученыхъ, между которыми былъ Благденъ, членъ лондонскаго королевскаго общества, который напомнилъ при этомъ объ опытахъ Кавендиша. 25 іюня того же года объ этомъ опытѣ было сообщено въ засѣданіи Парижской академіи наукъ. На основаніи своихъ опытовъ Лавуазье пришелъ къ такому заключенію, на которое въ то время не отваживался никто: вода не представляетъ собой элемента, простого тѣла, она состоитъ изъ кислорода и *горючаго воздуха* (inflammable air), которому Лавуазье предложилъ дать названіе водорода (hydrogène, hydrogenium отъ ὕδωρ, вода, и γεννάω, рождаю).

Такимъ образомъ, Лавуазье увидѣлъ и показалъ другимъ то, чего не видали другіе, производившіе тѣ же опыты. И нельзя упрекнуть другихъ въ томъ, что они работали менѣе точно,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ опыты превосходили по своей точности опыты Лавуазье: такъ, Монжу принадлежитъ честь прямого доказательства, что вѣсъ воды равенъ вѣсу водорода и кислорода, послужившихъ для ея образованія; но несмотря, на это, Монжъ смотрѣлъ на воду какъ на элементъ, водородъ же и кислородъ, по его мнѣнію, представляли собой соединенія воды съ особыми летучими, невѣсомыми жидкостями, которыя въ моментъ образованія воды выдѣляются въ видѣ тепла и свѣта.

Такимъ образомъ, въ началѣ только одинъ Лавуазье видѣлъ ясно весь смыслъ опыта горѣнія водорода въ воздухѣ, между тѣмъ какъ другіе ученые, слишкомъ привыкшіе къ старымъ теоріямъ, не могли такъ скоро признать воду за сложное тѣло.

12 ноября 1783 года въ публичномъ засѣданіи академіи онъ прочелъ свой докладъ *О природѣ воды и объ опытахъ, доказывающихъ, что она способна къ разложенію*. Этотъ докладъ появился напечатаннымъ (въ извлеченіи) въ декабрьской книжкѣ *Journal de Physique*. Такимъ образомъ, въ концѣ 1783 года Лавуазье печатно высказалъ свое мнѣніе о сложности состава воды. Онъ не ограничился произведенными опытами, но продолжалъ видоизмѣнять ихъ, чтобы сдѣлать это совершенно очевиднымъ для своихъ современниковъ.

Такъ онъ показываетъ, что вода образуется при накаливаніи окисей ме[таллов] въ струѣ водорода. Далѣе, въ концѣ того же 1783 года, онъ в[ыдѣляетъ] водородъ при дѣйствіи паровъ воды на желѣзо, причемъ получ[ается] окись желѣза. Прибавимъ къ этому, что опытъ этотъ былъ предп[ринятъ] не только съ научною цѣлью, но и практической. Лавуазье хотѣлъ от[крыть] способъ наиболѣе дешеваго полученія водорода для аэростатовъ.

Убѣдившись такимъ образомъ въ присутствіи водорода въ водѣ, Ла-

вуазье приступаетъ къ анализу органическихъ соединеній, составъ которыхъ до того времени не могъ считаться опредѣленнымъ. Давно было извѣстно, что при горѣніи органическихъ соединеній получается вода: такъ, напримѣръ, въ началѣ XVIII вѣка продуктомъ горѣнія спирта считалась одна только вода, ибо не умѣли еще открывать угольную кислоту, получающуюся при этомъ. Но такъ какъ вода являлась элементомъ, то, очевидно, она не могла образоваться при процессѣ горѣнія, а должна была находиться въ спиртѣ. Такъ думали до открытія состава воды. Лавуазье повторилъ опытъ горѣнія спирта, тщательно собирая получающуюся при этомъ воду, и показалъ, что количество воды превышаетъ на одну шестую часть количество взятаго спирта.

Слѣдовательно, вода не находится въ спиртѣ, а образуется при его горѣніи на счетъ водорода, находящагося въ спиртѣ, и на счетъ кислорода, который берется при этомъ изъ воздуха.

Далѣе, Лавуазье опредѣлилъ количество угольной кислоты, образующейся при горѣніи спирта.

На основаніи всего этого Лавуазье не только показалъ, что въ составъ спирта входитъ углеродъ, водородъ и кислородъ, но и опредѣлилъ тѣ количественныя отношенія, въ которыхъ входятъ эти элементы.

Это былъ первый анализъ органическаго соединенія: подобнаго рода анализъ былъ невозможенъ, пока думали, что горючія тѣла содержатъ флогистонъ. Впослѣдствіи Лавуазье анализировалъ подобнымъ же образомъ воскъ и масло. Нельзя, конечно, требовать, чтобъ эти первые анализы были совершенно точны. Лавуазье первый на основаніи этихъ анализовъ показалъ, что въ составъ многихъ органическихъ тѣлъ входятъ три элемента: углеродъ, водородъ и кислородъ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе работъ Лавуазье надъ составомъ органическихъ тѣлъ, и мы переходимъ теперь къ его работамъ надъ дыханіемъ.

Дыханіе человѣка и животныхъ должно было давно привлекать на себя вниманіе ученыхъ. Необходимость воздуха для горѣнія и дыханія была замѣчена еще въ древности: Aër salutarem spiritum praebet animantibus,—говоритъ Цицеронъ.

Но связь между актомъ дыханія и животною теплотой, выдѣляемой при этомъ, была не ясна: такъ, согласно Аристотелю, полагали, что источникомъ животной теплоты является внутренній огонь, воздухъ же, входящій въ легкія, можетъ только охлаждать кровь.

Послѣдователи теоріи флогистона не могли, конечно, удовлетвориться подобными объясненіями и объясняли выдѣленіе теплоты при дыханіи тѣмъ, что воздухъ, проходя черезъ легкія, отнимаетъ отъ тѣла избытокъ находящагося въ немъ флогистона. Болѣе вѣрныя представленія могли явиться только послѣ того, какъ Блаккъ замѣтилъ образованіе угольной кислоты при дыханіи, а Пристлей показалъ, что кислородъ болѣе, чѣмъ воздухъ, способенъ поддерживать какъ горѣніе, такъ и дыханіе. Но Пристлей

лей объяснялъ явленія горѣнія и дыханія, слѣпо слѣдуя теоріи флогистона: по его мнѣнію, артеріальная кровь отличается отъ венозной тѣмъ, что въ послѣдней находится флогистонъ.

Таково было положеніе вещей, когда Лавуазье принялся за разрѣшеніе этой задачи.

Основываясь на своихъ опытахъ горѣнія и окисленія металловъ, онъ при обсужденіи явленія дыханія изгоняетъ самую мысль о флогистонѣ, онъ показываетъ, что все легко объясняется поглощеніемъ кислорода и одновременнымъ выдѣленіемъ углекислоты. При поглощеніи кислорода, венозная кровь превращается въ артеріальную. Выдѣленіе же теплоты происходитъ отъ образованія углекислоты, являющейся продуктомъ какъ бы сгоранія тѣла.

Подобное представленіе намъ кажется очевиднымъ, ибо мы, можно сказать, выросли съ нимъ, но не такъ было въ эпоху Лавуазье, и ему пришлось много бороться, чтобы такой взглядъ былъ принятъ ученымъ міромъ.

Не останавливаясь на этихъ опытахъ, Лавуазье пошелъ далѣе и попытался опытнымъ путемъ измѣрить количество поглощаемаго животнымъ кислорода, выдыхаемой при этомъ углекислоты и выдѣляемой животной теплоты.

Эти опыты, предпринятые Лавуазье совмѣстно съ Лапласомъ, составляютъ эпоху въ другой наукѣ—физіологіи.

Пользуясь, изобрѣтеннымъ ими калориметромъ *), они показали, что дыханіе есть медленное горѣніе, являющееся единственною причиной развитія животной теплоты.

Измѣряя количество выдыхаемой углекислоты и сравнивая его съ количествомъ выдѣленной за то же время животной теплоты, Лавуазье нашелъ, что послѣдней выдѣляется болѣе, чѣмъ нужно ожидать по количеству угольной кислоты. Отсюда онъ заключаетъ, что при дыханіи сгораетъ не только углеродъ, и опытнымъ путемъ доказываетъ, что при этомъ сгораетъ часть водорода, заключающагося въ крови и образующаго при сгораніи воду. Съ помощью Сегэна онъ изучаетъ далѣе явленія испаренія и показываетъ, что выдѣленіе испарины служитъ животнымъ для регулированія температуры тѣла.

Не ограничиваясь изученіемъ дыханія животныхъ во время покоя, онъ измѣряетъ количество теплоты, выдѣляемой во время работы, и открываетъ, что мускульная дѣятельность увеличиваетъ сгораніе тѣла, причемъ растетъ также количество выдѣленной теплоты.

Благодаря всѣмъ этимъ опытамъ, онъ устанавливаетъ соотношенія, которыя существуютъ между работой, животною теплотой, дыханіемъ, выдѣленіемъ испарины, и актомъ питанія, при которомъ,—говоритъ онъ,—возвращается машинѣ то, что она теряетъ при дыханіи и испареніи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, благодаря Лавуазье, явленія сгора-

*) Описаніе этого калориметра можно найти въ учебникахъ физики.

нія тѣлъ, дыханія животныхъ, выдѣленія послѣдними теплоты и т. п. получаютъ простое и ясное объясненіе, рѣзко отличающееся отъ темныхъ и туманныхъ теорій, существовавшихъ дотолѣ. Мы не станемъ болѣе подробно излагать взглядъ Лавуазье по этому вопросу, ибо они всѣмъ намъ хорошо извѣстны, такъ какъ они безъ всякаго измѣненія вошли въ наши учебники и нѣкоторыя страницы изъ «Traité élémentaire de chimie», изданной Лавуазье въ 1789 году, могутъ цѣликомъ быть перенесены въ наши учебники.

Но мы не можемъ не указать на то, что, благодаря Лавуазье, жизненныя явленія въ первый разъ были сведены къ физико-химическимъ актамъ, и превращеніе работы въ теплоту было установлено опытами надъ актомъ дыханія: «Этотъ способъ наблюденія,— говорилъ Лавуазье,— позволяетъ установить соотношенія между силами, не имѣющими, повидимому, между собой ничего общаго. Можно узнать, напримѣръ, какому количеству работы соотвѣтствуютъ усилія оратора, произносящаго рѣчь, музыканта, играющаго на какомъ-либо инструментѣ. Можно было бы даже вычислить то, что приходится на долю механики въ трудѣ философа, когда онъ размышляетъ, писателя, когда онъ пишетъ, музыканта, когда онъ композируетъ. Эти акты, разсматриваемые чисто-духовными, имѣютъ нѣчто, что принадлежитъ къ области физики и матеріальнаго».

Эти строки находятся въ мемуарѣ, представленномъ въ академію наукъ въ 1789 году, но и въ 1894 году ихъ можно повторить безъ всякаго измѣненія.

Для того, чтобы показать, насколько вѣрны были взгляды Лавуазье, и показать, какъ смотрѣлъ онъ на превращенія матеріи во вселенной, мы приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ его *Traité élémentaire de chimie* и нѣкоторыхъ мемуаровъ. Излагая въ *Traité* свои опыты надъ явленіемъ броженія винограднаго сахара, онъ говоритъ слѣдующее: «Ни при какихъ явленіяхъ ничего не созидается вновь и можно установить принципъ, по которому количество вещества при всякомъ химическомъ явленіи остается неизмѣннымъ, качество и количество элементовъ (простыхъ тѣлъ) при этомъ не измѣняется, происходитъ только перемѣщеніе ихъ. При производствѣ химическихъ опытовъ нужно руководствоваться этимъ принципомъ. При всѣхъ опытахъ должно предполагать равенство или уравненіе между составными частями анализируемаго тѣла, и тѣми, которыя извлекаются анализомъ. Поэтому, такъ какъ виноградный сахаръ (при броженіи) образуетъ спиртъ и углекислоту, то я могу сказать, что *виноградный сахаръ = угольная кислота + спиртъ*». Здѣсь мы видимъ примѣръ того обозначенія, который былъ введенъ въ науку Лавуазье и оказалъ не малую услугу.

Приведемъ еще слѣдующую выписку:

«Растенія,— говоритъ Лавуазье,— берутъ изъ атмосферы, ихъ окружающей, изъ воды и, главнымъ образомъ, изъ минеральнаго царства все необходимое для ихъ организма.

«Животныя питаются или растеніями, или другими животными, питающимися только растеніями, такъ что питательныя вещества, входящія въ тѣло животныхъ, имѣютъ своимъ источникомъ воздухъ и царство минеральное.

«Наконецъ, при броженіи, гніеніи и горѣніи атмосферному воздуху и минеральному царству возвращается то, что взято было у нихъ растеніями и животными.

«При помощи какихъ процессовъ совершаетъ природа такой дивный круговоротъ между тремя царствами, какъ созидаетъ она тѣла, способныя горѣть, бродить и гнить, изъ такихъ тѣлъ, которыя не обладаютъ ни однимъ изъ этихъ качествъ,— это тайна, которую до сихъ поръ не удалось постигнуть. Однако, изъ того, что горѣніе и гніеніе служатъ средствами, при помощи которыхъ природа возвращаетъ царству минеральному вещества, взятыя ею для созиданія животныхъ и растеній, можно заключить, что процессы произрастанія животныхъ и растеній будутъ противуположны процессу горѣнія и гніенія».

Изъ этихъ словъ видно, какое вѣрное и ясное представленіе имѣлъ Лавуазье о соотношеніи, существующемъ между тремя царствами природы.

Съ открытіемъ состава воды, органическихъ тѣлъ, окисей металловъ и т. п. можно было считать зданіе новой химіи законченнымъ: всѣ эти факты были настолько убѣдительны, настолько не согласовались съ теоріею флогистона, что нужно было намѣренно закрывать глаза, чтобъ оставаться ей вѣрнымъ, и химики начали мало-по-малу склоняться на сторону новой теоріи.

Мы не станемъ слѣдить за послѣдовательностью, въ какой Лавуазье велъ борьбу съ представителями теоріи флогистона, укажемъ только, что борьбу эту онъ велъ очень искусно, подготовляя постепенно себѣ побѣду. Сперва онъ старается объяснить открытые имъ факты, не прибѣгая къ флогистону, затѣмъ, когда это ему удается, онъ говоритъ, что существованіе флогистона не доказано.

Наконецъ, послѣ открытія въ 1783 году состава воды, онъ уже нападаетъ болѣе рѣшительно и доказываетъ, что флогистона не существуетъ. Въ своемъ мемуарѣ онъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ теорію Сталя: «Изъ того факта,— говоритъ онъ,— что тѣла сгораютъ и воспламеняются, Сталь заключилъ, что они содержатъ горючее начало. Еслибъ онъ ограничился только этимъ простымъ наблюденіемъ, его система не доставила бы ему славы патріарха химіи и онъ не произвелъ бы революціи въ этой наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, ничего нѣтъ естественнѣе, какъ сказать, что тѣла сгораютъ, ибо въ нихъ содержится горючее начало; но мы обязаны Сталю [illegible] важными открытіями, которыя независимы отъ какой-либо гипотезы и остаются непреложными истинами.

«Первое открытіе заключается въ томъ, что металлы представляютъ собою тѣла горючія. Второе открытіе—это то, что способность сгорать, быть воспламеняемымъ, можетъ передаваться отъ одного тѣла другому. Если, напримѣръ, смѣшать горючій уголь съ сѣрною кислотой, не способ-

ною горѣть, то сѣрная кислота превращается въ сѣру, она пріобрѣтаетъ способность горѣть, въ то время какъ уголь ея лишается. То же самое происходитъ съ тѣлами металлическими. Они теряютъ при прокаливаніи свою способность горѣть; но если ихъ привести въ тѣсное соприкосновеніе съ углемъ и вообще съ тѣлами, способными горѣть, то они снова оживаютъ (возстановляются, elles se revivifient), т.-е. получаютъ опять отъ этихъ тѣлъ способность сгорать».

Изложивъ далѣе теорію флогистона Сталя, онъ показываетъ, какъ измѣнялась эта теорія его послѣдователями, Макеромъ, Боме и многими другими, которые старались пріурочить ее къ объясненію новыхъ фактовъ. Лавуазье пришлось имѣть дѣло не съ тѣмъ флогистономъ, какой допускалъ Сталь, а съ неопредѣленнымъ веществомъ, носившимъ у всѣхъ химиковъ одно имя, но обладавшимъ свойствомъ измѣнять свои качества, смотря по требованію того или другого ученаго. Вотъ какъ говоритъ о немъ Лавуазье: «Химики сдѣлали изъ флогистона начало неясное, которое не можетъ быть строго-опредѣленнымъ и которое, поэтому, смотря по желанію, примѣняется ко всякимъ объясненіямъ: то онъ тѣло вѣсомое, то невѣсомое; то онъ свободный огонь, то огонь, соединенный съ землистымъ началомъ; то онъ проникаетъ черезъ поры стѣнокъ сосуда, то онѣ непроницаемы для него; отъ него зависитъ щелочность и нещелочность, прозрачность и непрозрачность, цвѣтъ тѣлъ и отсутствіе этого цвѣта: это настоящій Протей, который ежеминутно измѣняется».

Далѣе Лавуазье излагаетъ свое объясненіе явленій горѣнія и окисленія металловъ.

Каковы были къ нему отношенія химиковъ, можно, конечно, предугадать: вначалѣ на него, какъ на всякаго новатора, посыпались яростныя нападки, и нападки были тѣмъ яростнѣе, чѣмъ слабѣе чувствовали себя противники; затѣмъ, послѣ того, какъ онъ съ непобѣдимою логикой выставлялъ все новые и новые факты въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, отношенія начали мѣняться. Въ 1783 году всѣ выдающіеся химики того времени: Кавендишъ, Бертолле и др. были противъ него. Въ 1785 году знаменитый Бертолле переходитъ на его сторону. Затѣмъ въ слѣдующемъ году къ нему присоединились Фуркруа и Гитонъ де-Морво. Въ 1788 году Лавуазье, совмѣстно съ Гитонъ де-Морво, Лапласомъ, Монжемъ, Бертолле и Фуркруа, рѣшилъ издать книгу англійскаго химика Кирвана *Опытъ о флогистонѣ (Essai sur le phlogiston)*, во французскомъ переводѣ, сдѣланномъ женой Лавуазье.

Переводъ, изданный съ примѣчаніями французскихъ химиковъ, много способствовалъ распространенію новаго взгляда, и самъ Кирванъ въ 1792 году писалъ Бертолле: «Я слагаю оружіе и отказываюсь отъ флогистона».

Измѣнились взгляды, измѣнились и отношенія къ новой теоріи: всякому теперь лестно стало пристегнуть свое имя къ новой теоріи, которую начали именовать *теоріей французскихъ химиковъ*. По поводу этого Лавуазье съ полнымъ сознаніемъ своихъ заслугъ пишетъ: «Эта теорія не при-

надлежитъ французскимъ химикамъ, какъ утверждаютъ: она моя. Это право на нее я провозглашаю передъ моими современниками и потомками. Другіе, безъ сомнѣнія, прибавили къ ней нѣкоторую степень совершенства, но, я надѣюсь, они не отнимутъ у меня всю теорію горѣнія и окисленія, анализъ и разложеніе воздуха металлами и горючими тѣлами, теорію образованія кислотъ, болѣе точныя свѣдѣнія о большомъ числѣ кислотъ, въ особенности органическихъ, первыя идеи относительно состава растительныхъ и животныхъ существъ, теорію дыханія и пр.».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ приводить другія работы Лавуазье, и мы въ заключеніе приведемъ только нѣсколько выдержекъ изъ его *Traité élémentaire de chimie* для того, чтобы показать, насколько вѣрны и ясны были взгляды Лавуазье, какъ онъ умѣлъ предугадывать истину. Такъ, онъ предчувствовалъ возможность сгущенія такихъ газовъ, какъ воздухъ. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ:

«Разсмотримъ,—говоритъ онъ,—что произойдетъ съ различными тѣлами, составляющими землю, если температура послѣдней внезапно измѣнится. Предположимъ, что земля будетъ перенесена въ область болѣе теплую, наприм., въ область Меркурія, гдѣ обычная температура будетъ, вѣроятно, выше температуры кипѣнія воды: вскорѣ вода, всѣ другія жидкости, испаряющіяся при температурѣ, близкой къ кипѣнію воды, и даже сама ртуть, стали бы расширяться, переходить въ воздухообразныя жидкости и дѣлаться частью атмосферы. Эти новыя воздухообразныя жидкости смѣшались бы съ тѣми, какія были прежде, и отъ этого произошли бы взаимныя разложенія, новыя соединенія». Далѣе онъ говоритъ, что образованіе новыхъ видовъ воздуха не продолжалось бы безпредѣльно, а остановилось бы, когда упругость паровъ, достигла бы нѣкотораго предѣла. «Можно бы было,— продолжаетъ Лавуазье,— вести разсужденія далѣе и разсмотрѣть, что произошло бы съ камнями, съ солями и съ большею частью плавкихъ тѣлъ, входящихъ въ составъ земного шара: понятно, что они должны бы были размягчиться, расплавиться и превратиться въ жидкости...

«Напротивъ, если земля будетъ перенесена въ области болѣе холодныя, вода, текущая въ нашихъ рѣкахъ и моряхъ, и, вѣроятно, большая часть жидкостей, извѣстныхъ намъ, превратится въ твердыя горы и скалы; сперва онѣ будутъ прозрачны, однородны и бѣлы, какъ горный хрусталь, впослѣдствіи же, смѣшавшись съ различными тѣлами, онѣ сдѣлаются непрозрачными камнями различныхъ цвѣтовъ.

«По этому предположенію, воздухъ, или, по крайней мѣрѣ, часть воздухообразныхъ тѣлъ, входящихъ въ его составъ, перестанетъ, безъ сомнѣнія, существовать въ видѣ упругихъ паровъ, за недостаткомъ надлежащей степени тепла; онъ превратится, поэтому, въ жидкое состояніе и получатся новыя неизвѣстныя намъ жидкости».

Эти строки появились въ 1789 году, а только въ концѣ 1877 года Жуанльете и Раулю Пикте почти одновременно удалось доказать справедливость словъ Лавуазье.

Бросимъ теперь взглядъ назадъ и посмотримъ, какой переворотъ во взглядахъ на вещество совершился благодаря трудамъ Лавуазье.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка въ химіи, какъ мы видѣли, игралъ большую роль флогистонъ, входившій въ составъ всѣхъ горючихъ тѣлъ, такія тѣла, какъ вода, кислоты, окиси металловъ, воздухъ, считались за простыя неразложимыя тѣла, металлы же, сѣра, фосфоръ и т. под. тѣла были для химиковъ тѣлами сложными. Явленіе горѣнія и окисленія металловъ разсматривалось, какъ отдѣленіе флогистона. Въ концѣ второй половины XVIII вѣка все измѣнилось: флогистонъ, какъ тѣло, изчезаетъ изъ представленія химиковъ, воздухъ оказывается смѣсью двухъ газовъ, кислорода и азота; кислоты и окиси металловъ являются сложными тѣлами, сама вода разлагается на элементы, сѣра же, фосфоръ и металлы не поддаются разложенію.

Органическія тѣла, о составѣ которыхъ имѣлись самыя смутныя представленія, оказываются состоящими изъ углерода, водорода, кислорода (и азота).

Въ химіи начинается новый періодъ,—періодъ количественнаго анализа. Съ этихъ поръ химики постоянно при своихъ работахъ будутъ пользоваться методомъ Лавуазье, который формулировалъ его въ слѣдующихъ словахъ: «Я могу,—говоритъ онъ,—разсматривать взятыя вещества и получающіяся, какъ члены алгебраическаго уравненія, и, предполагая послѣдовательно каждый членъ за неизвѣстный, я могу получить изъ уравненія его значеніе и, такимъ образомъ, провѣрить вычисленіе опытомъ и обратно». Лавуазье часто пользовался этимъ методомъ при своихъ работахъ, а за нимъ пользуются имъ всѣ послѣдующія поколѣнія химиковъ.

Переворотъ, произведенный Лавуазье, такъ великъ, что невольно останавливаешься съ почтительнымъ удивленіемъ передъ духовною мощью такого человѣка.

Въ нашемъ слабомъ очеркѣ мы не могли коснуться и сотой доли всѣхъ работъ, сдѣланныхъ Лавуазье,—настолько онѣ многочисленны и разнообразны; мы старались показать только, на чемъ основана слава Лавуазье, какъ «творца современной химіи».

Прошло сто лѣтъ, какъ погибъ Лавуазье, и его слава возросла, а не умалилась, и подобно тому, какъ мы восхищаемся свѣтомъ, посланнымъ звѣздами еще до начала нашей эры, такъ и свѣтъ истины, указанный Лавуазье, пройдетъ въ даль вѣковъ и никогда не угаснетъ.

„Развѣ заронился
Втунѣ хоть единый
Солнца лучъ на землю?“

говоритъ поэтъ. Развѣ свѣтъ истины, разъ открытый и указанный людямъ, можетъ погаснуть?

Ив. Каблуковъ.

Реформа общественныхъ отношеній во французской драмѣ XVIII вѣка *).

Всѣ свидѣтельства драматической литературы о настроеніи низшихъ сословій, приведенныя нами въ предъидущей статьѣ, подтверждаются достовѣрнѣйшимъ документомъ относительно того же вопроса—cahiers депутатовъ въ генеральные штаты. Крестьяне и буржуа повторяютъ въ своихъ наказахъ тѣ же идеи, какія драматурги вкладывали въ уста своихъ героевъ, и даже выраженія оффиціальныхъ источниковъ часто сходны съ монологами драмъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь ту же рѣзкую критику аристократическихъ привилегій.

Тѣ же наказы даютъ намъ точный отвѣтъ, съ какими чувствами сама знать переживала послѣднія десятилѣтія стараго порядка. Мы знаемъ о широкомъ распространеніи философскихъ идей среди высшихъ сословій, о многочисленныхъ благородныхъ поклонникахъ Вольтера, энциклопедистовъ и даже Руссо. Но въ этомъ поклоненіи было слишкомъ много легкомыслія, поверхностнаго пониманія, стремленія къ эффекту, чтобы можно было каждое либеральное заявленіе съ этой стороны считать серьезнымъ убѣжденіемъ и искренне усвоеннымъ принципомъ. Иначе слѣдуетъ относиться къ наказамъ дворянства. Несомнѣнно, и здѣсь было не мало реторики, заученныхъ модныхъ фразъ, но рядомъ съ этимъ оставалось вполнѣ реальное зерно. Подавляющее большинство дворянскихъ наказовъ не имѣютъ этого зерна, и тѣмъ дѣйствительнѣе его значеніе тамъ, гдѣ оно существуетъ. Преобладающая тема аристократическихъ инструкцій—защита сословныхъ привилегій. Но здѣсь встрѣчаются требованія, далеко превосходящія либерализмомъ наказы перваго сословія, т.-е. духовенства. Дворянство желаетъ «[ли]ной свободы гражданъ», «свободы печати», «національнаго образова[нія]», отказывается отъ своихъ привилегій относительно денежныхъ взносовъ в[ъ] пользу государства и удерживаетъ за собой только «почетныя права» (d[roits] honorifiques). Но этого мало. Одинъ изъ членовъ дворянства изъ ок[ругностей] Парижа предложилъ умолять короля—уничтожить «всецѣло

*) Русская Мысль, кн. IV.

и окончательно» (entièrement et completement) имущественную и личную зависимость на всемъ пространствѣ королевства. Этотъ процессъ противъ «la servitude elle et personnelle» былъ протестомъ противъ феодализма и авторъ предложенія указывалъ на эгоизмъ сеньоровъ и ждалъ реформы только отъ отеческаго милосердія короля. Нѣкоторыя частныя собранія знати шли еще дальше. Одно, напримѣръ, «согласіе и единеніе трехъ сословій» объявляетъ основами общественнаго блага и желаетъ, чтобы представители всѣхъ сословій вмѣстѣ составили одно cahier и представили королю одну челобитную (un seul voeu et un seul cahier).

Въ общемъ наказѣ дворянства парижскихъ окрестностей требуется уничтоженія дикихъ животныхъ и изданіе закона, по которому владѣльцы охотъ должны будутъ награждать крестьянъ за потраву полей *).

Одни дворянскія рѣчи, слѣдовательно, соотвѣтствуютъ надменнымъ декламаціямъ маркизовъ и шевалье, которыхъ мы видѣли на драматической сценѣ. Но есть наказы, вѣющіе совершенно другимъ духомъ. Ихъ идеи часто совпадаютъ съ волей крестьянъ и третьяго сословія. Мы открываемъ, правда, незначительное, но въ высшей степени характерное меньшинство среди знати. Ко времени переворота она успѣла войти въ господствующее теченіе общественной и политической мысли и до такой степени усвоить гуманныя и освободительныя стремленія низшихъ сословій, что наступившая потомъ знаменитая ночь 4 августа кажется естественнымъ и давно подготовленнымъ фактомъ.

Драматическая литература, вѣрная своему назначенію, и здѣсь яркими образами подтверждаетъ свидѣтельства политической литературы. Популярнѣйшею темой у драматурговъ XVIII вѣка, рядомъ съ изображеніемъ буржуазной жизни, слѣдуетъ признать исторію *О добромъ сеньорѣ*, его отношеніяхъ къ вассаламъ, феодальнымъ правамъ и дворянскимъ привилегіямъ. Такіе сеньоры,— мы знаемъ по наказамъ, — существовали въ дѣйствительности, и драма съ полнымъ безпристрастіемъ воплощала новый типъ.

Придворная жизнь не всѣхъ сводитъ съ ума и не для всѣхъ дворянъ провинція и деревня кажутся ссылкой. Въ достоинствахъ придворнаго существованія сомнѣваются представители знатнѣйшихъ фамилій. Родовыя земли они считаютъ прекраснѣйшею резиденціей, дѣятельность помѣщика, покровителя и патріархальнаго судьи своихъ вассаловъ, стоитъ въ ихъ глазахъ выше всѣхъ придворныхъ удовольствій и почестей. Искреннѣйшіе демократическіе писатели любятъ изображать такихъ феодаловъ и заставляютъ ихъ обсуждать современные вопросы съ самой либеральной точки зрѣнія.

Въ драмѣ Мерсье *Le campagnard* герой—богатый помѣщикъ, жившій раньше при дворѣ, превосходно образованный, свѣтски изящный и умственно развитой. Онъ живетъ въ деревнѣ и всѣ заботы посвящаетъ сво-

*) *Chassin*: „Les elections et les cahiers de Paris". II, pp. 257—290; VI, p. 4[illegible].

имъ крестьянамъ. Онъ даже не охотится, не чувствуя желанія убивать, и если бы былъ государемъ, открылъ бы охоту на грабителей государства, ставъ во главѣ честныхъ гражданъ. Утромъ послѣ прогулки онъ принимаетъ всѣхъ, кто нуждается въ его помощи и совѣтахъ, разбираетъ крестьянскія дѣла и ссоры, за что на него недовольны бальи, внимательно выслушиваетъ все, что крестьяне считаютъ нужнымъ сообщить ему, и узнаетъ, по его словамъ, любопытныя, новыя, оригинальныя вещи и знакомится съ трогательными, вполнѣ реальными характерами. Бѣдняки осыпаютъ его благословеніями, и онъ чувствуетъ себя особенно счастливымъ, когда ему удается облегчить чье-нибудь горе, спасти кого-нибудь отъ голодной смерти. Все это сеньоръ разсказываетъ столичнымъ гостямъ. Тѣ не вѣрятъ въ голодную смерть среди крестьянъ и обвиняютъ разскащика въ реторикѣ. Онъ повторяетъ, что это, къ несчастью, слишкомъ горькая правда, и разсказываетъ, какъ землевладѣльцы эксплуатируютъ рабочихъ, уменьшая заработную плату до такого предѣла, что бѣдняки принуждены работать полуголодными.

Этотъ помѣщикъ пристально слѣдитъ не за одною жизнью деревни, онъ посвященъ во всѣ современныя теоріи и, въ качествѣ землевладѣльца, особенно интересуется экономистами. Столичные гости даже считаютъ его однимъ изъ членовъ этой секты. Онъ дѣйствительно признаетъ экономистовъ превосходными гражданами, но это не мѣшаетъ ему видѣть заблужденія этихъ философовъ. Они воображаютъ, что на всякой почвѣ можно насаждать благородныя деревья, и что политическія условія страны — вопросъ второстепенный. Просвѣщенному и опытному помѣщику это кажется непростительною ошибкой. Нива непремѣнно должна быть подготовлена для извѣстныхъ растеній. «Первая основа заключается въ политическомъ управленіи страны, о чемъ экономисты забыли или не сочли нужнымъ даже вспомнить. Какую пользу можетъ принести прекраснѣйшее зданіе, если его основа ненадежна и всегда можетъ повлечь внезапное разрушеніе?» Сѣверо-Американскіе Штаты преуспѣваютъ потому, что ихъ земля свободна, и всякое доброе сѣмя можетъ дать здѣсь счастливый плодъ. На почвѣ рабства все гніетъ и благороднѣйшія начинанія остаются безъ результата. Первою реформой, поэтому, нашъ философъ считаетъ реформу политическихъ законовъ. Если государственное устройство испорчено до самыхъ основъ, что̀ бы ни предпринимали благородные дѣятели, ихъ добро на слѣдующій день превратится въ величайшее зло. Слова *добродѣтель, справедливость, разумъ* не управляютъ государствами. Безусловно необходимы физическіе противовѣсы, чтобы возстановить равновѣсіе въ обществѣ. Если одна часть государства неустанно давитъ другую, вновь открытые источники *плодородія, богатства, доходовъ* послужатъ на пользу только угнетателямъ, а для всѣхъ другихъ гнетъ станетъ еще сильнѣе. Рядомъ съ общими соображеніями излагаются частные вопросы государственнаго управленія. Откупа и регаліи признаются язвой страны, требуется одинаковый налогъ на землю и на промышленность.

Развѣ это не настоящій политико-экономическій трактатъ? Въ устахъ феодала XVIII вѣка онъ не представляетъ ничего особенно удивительнаго и не является плодомъ поэтическаго воображенія. Наказы знати безпрестанно повторяютъ, что представители не должны вступать съ правительствомъ ни въ какое соглашеніе раньше чѣмъ не будутъ признаны и установлены основы политической свободы: личная свобода, имущественная безопасность, свобода печати, неприкосновенность писемъ, періодичность и финансовыя права генеральныхъ штатовъ, отвѣтственность министровъ (ср., наприм., «Cahier de la Noblesse de la prévoté et vicomté de Paris hors les murs»).

Въ другихъ пьесахъ нѣтъ такихъ обстоятельныхъ разсужденій, но міросозерцаніе ихъ героевъ-феодаловъ не менѣе гуманно и свободно, и, по обычаю времени, драма и комическая опера идутъ рядомъ въ изображеніи «добрыхъ сеньоровъ». Въ комедіи *L'officieux* графъ превозноситъ сельскую дѣятельность знатнаго барина надъ бездѣльнымъ прозябаніемъ при дворѣ. Его идеалъ — хорошій дворянинъ, тратящій деньги на улучшеніе своихъ земель, спасающій отъ нужды заработною платой своихъ крестьянъ, просвѣщающій вассаловъ совѣтами. Онъ самъ поступаетъ по этой программѣ и его крестьяне ничего не предпринимаютъ, не ведутъ никакого процесса, не посовѣтовавшись съ нимъ. Насколько эта дѣятельность полезнѣе для государства, чѣмъ мотовство и развратъ придворныхъ! Герой комической оперы *Moissonneurs*, особенно возмутившей столичную знать, обращаетъ такую рѣчь къ свѣтскому франту, своему племяннику: «Мы своимъ существованіемъ обязаны труду крестьянъ. Этотъ народъ, который ты презираешь, является жертвою людей, ни на что негодныхъ. Когда вы проигрываете все свое состояніе, вы начинаете нажимать ихъ, чтобъ они заплатили за ваши глупости. Крайности, какимъ вы предаетесь, ожесточаетъ ваши сердца и дѣлаетъ ихъ недоступными для чувства. Бездѣльники счастливы, а работающіе стонутъ. Они придаютъ цѣнность вашимъ имѣніямъ, а вы ихъ тѣсните и разоряете, когда сами разоряетесь. Они воздѣлываютъ землю, а вы ее бремените».

Можно представить, какое впечатлѣніе эти рѣчи производили на парижскій партеръ. Аристократы жаловались даже Вольтеру, а архіепископъ придрался къ упоминанію имени Руфи и запретилъ пьесу.

Еще больше шуму надѣлала комическая опера *Silvain* и по той же причинѣ. Здѣсь описывался сеньоръ, поступавшій съ своими крестьянами, какъ съ дѣтьми, признававшій за ними и за собой одинаковыя права и единственную зависимость — отъ государя и отъ законовъ. Юный герой пьесы, во имя «естественнаго права» (droit de la nature), отрицалъ право феодальной охоты, а его отецъ заканчивалъ пьесу заявленіемъ, что добродѣтель выше происхожденія. Всѣ эти истины высказывались знатными господами. При дворѣ и въ свѣтѣ, разсказываетъ современникъ, страшно возмутились моралью пьесы и герцогъ Ноаль излагалъ ее «въ двухъ словахъ»: слѣдуетъ жениться на своей служанкѣ и позволить крестьянамъ

заниматься браконьерствомъ. Виноватыми оказались энциклопедисты: они, по словамъ придворныхъ, устроили общее собраніе и рѣшили путемъ комической оперы ниспровергнуть всѣ основы общественнаго порядка.

Любопытнѣе всего, что Вольтеръ былъ призванъ въ третейскіе судьи по поводу новыхъ проповѣдей. Между тѣмъ, вождь философовъ могъ только горячо сочувствовать рѣчамъ «добрыхъ сеньоровъ». Они исповѣдовали главнѣйшій членъ въ его философскомъ символѣ—гуманность и глубокую любовь къ несчастнымъ. Герой оперы *Moissonneurs* заявляетъ: «Несчастіе для меня священно», «самые несчастные—всегда самые близкіе». Онъ возмущается гордымъ богачомъ, не признающимъ въ бѣднякѣ своего родственника. Другой сеньоръ «уроки несчастія» признаетъ лучшимъ воспитательнымъ средствомъ и заставляетъ своего внука расти въ деревнѣ и знакомиться съ крестьянскою нуждой. Эти люди признаютъ высшимъ удовольствіемъ—дѣлать другихъ счастливыми; по ихъ мнѣнію, кому это удастся, тотъ самъ не можетъ быть несчастнымъ. Очевидно, чувство состраданія, любви къ ближнему является ихъ первымъ руководителемъ, и оно внушаетъ имъ идеи общественной свободы и равенства.

Вольтеръ еще по другой причинѣ не могъ сочувствовать врагамъ такихъ пьесъ, какъ *Moissonneurs*, *Silvain*, *Lucile:* онъ самъ создалъ двухъ героевъ, тождественныхъ съ «проповѣдниками» комическихъ оперъ. Одинъ изъ нихъ подходитъ къ типу безкорыстныхъ защитниковъ гуманности и равенства. У другого та же защита вызвана сильнымъ личнымъ чувствомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ предъ нами типичныя фигуры новыхъ сеньоровъ. Первая является въ комедіи *Le droit du seigneur*.

Маркизъ пріѣзжаетъ въ свою деревню и выражаетъ желаніе навсегда забыть дворъ, «всѣ важные пустяки и пышныя химеры». Онѣ оставляютъ только пустоту въ сердцѣ, свѣтъ порабощаетъ человѣка, онъ свободенъ и счастливъ только у себя. Онъ считаетъ долгомъ служить примѣромъ для своихъ крестьянъ. Въ отвѣтъ на критическое замѣчаніе, что онъ, вѣроятно, философъ, маркизъ защищаетъ философію и клеймитъ ея враговъ—легкомысленныхъ фатовъ, трусливыхъ глупцовъ и негодяевъ: по его мнѣнію, только эти люди могутъ возставать противъ философіи—истинной «любви къ добродѣтели». Маркизъ намѣренъ жениться отнюдь не на богачкѣ и стать сельскимъ хозяиномъ.

Другой герой Вольтера еще популярнѣе въ драмѣ XVIII вѣка. Это—аристократъ, влюбленный въ простую дѣвушку. Чувство любви на каждомъ шагу являлось поводомъ возмущаться предразсудками и общественнымъ нер[а]венствомъ. Въ драмѣ Лашоссе влюбленный герой, отрицая значеніе рангов[ъ] и богатства, оправдывалъ свою любовь къ бѣдной дѣвушкѣ. Эта бор[ь]ба чувства съ предразсудками стала любимымъ мотивомъ драматическ[ихъ] авторовъ. Ею воспользовался и Дидро для второй своей драмы. Его геро[й] объявляетъ: «Любовь не знаетъ предразсудка», и этотъ принципъ до сам[ой] революціи остается однимъ изъ важнѣйшихъ поводовъ къ либераль-

нымъ рѣчамъ драматическихъ героевъ. Пьеса Вольтера *Nanine* въ этомъ случаѣ можетъ служить образцомъ.

Графъ влюбленъ въ служанку Нанину. Героиня, какъ это постоянно дѣлается въ новыхъ драмахъ, изображена обладательницей всѣхъ идеальныхъ свойствъ. Даже баронесса—фанатическая аристократка—признаетъ эти свойства, видитъ въ Нанинѣ красоту и выдающійся умъ. Но графъ находитъ еще *vertu*—это волшебное качество, неразрывное съ новымъ героемъ и героиней низкаго происхожденія. Онъ преклоняется предъ сердцемъ и чувствами Нанины. Самъ онъ, въ глазахъ баронессы, «чувствительный философъ». Онъ беретъ на себя обязанность развивать богатыя способности Нанины, даетъ читать ей книги новаго философскаго направленія. Нанина, напримѣръ, прочла англійское сочиненіе о братствѣ людей, объ ихъ естественномъ равенствѣ. Графъ возстаетъ на предразсудки и считаетъ свои нападки защитой гуманности и добродѣтели. Величіе не въ гербахъ, а въ сердцѣ. Общественное мнѣніе не имѣетъ никакого смысла рядомъ съ голосомъ чувствительнаго сердца. Только обезьяна создана подражать, человѣкъ же долженъ дѣйствовать, какъ свободная личность; предразсудки онъ считаетъ врагами человѣка, ихъ слѣдуетъ побѣдить. Добродѣтельнаго солдата, проливающаго кровь за государя и отечество, графъ цѣнитъ выше, чѣмъ благороднаго проходимца, сосущаго спокойно кровь своей родины. На любовь онъ смотритъ какъ на высоко-нравственную силу жизни. «У меня есть недостатки,—говоритъ онъ,—но небо создало женщину, чтобъ исправлять наше сердце, умягчать наши огорченія, наши нравы, чтобы укрощать насъ и дѣлать лучшими. Таково ихъ назначеніе, и что касается меня, я предпочитаю безобразіе съ благороднымъ сердцемъ — суровой и гордой красотѣ. Предъ Наниной ему не приходится прибѣгать къ такому самоотверженію. «Я вамъ оказываю,—говоритъ онъ,—только то, чего вы заслуживаете, чего заслуживаютъ ваша красота и ваша добродѣтель». Но графъ не ослѣпленъ любовью. Сама любовь возникла подъ вліяніемъ исключительныхъ нравственныхъ достоинствъ людей низкаго происхожденія. Графъ одинаково восторженно относится къ Нанинѣ и къ ея безкорыстному, благородному отцу. Баронесса упрекаетъ его въ безумномъ увлеченіи. Онъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, страстная любовь не стѣсняетъ моей мысли. Столько добродѣтелей заслуживаютъ награды; онѣ только могутъ трогать меня, а не унижать. У этого старика то, что называютъ низкимъ происхожденіемъ, составляетъ заслугу, его благородство, а мое заключается въ томъ, чтобы отдать добродѣтели должную честь. Предъ этими сердцами, благородными, независимо отъ происхожденія одушевленными нравственнымъ величіемъ, все кажется слишкомъ обыкновеннымъ. «Связь людей, одаренныхъ такими добродѣтелями, съ моимъ домомъ является для него лишнимъ признакомъ благородства». Мать графа, не раздѣляя демократическихъ воззрѣній сына, согласна, что дѣйствительно добродѣтели Нанины и ея отца достойны награды. Графъ становится мужемъ Нанины.

Наше вниманіе невольно останавливается на непрестанно повторяющемъ

ся восторгѣ предъ *vertu,* нравственными совершенствами простыхъ людей. Эти совершенства считаются, повидимому, такою же привилегіей низшаго сословія, какія существуютъ наверху относительно рожденія, общественнаго ранга. И эта только что признанная привилегія вступаетъ въ борьбу со всѣми старыми отличіями и побѣждаетъ ихъ, потому что, по мнѣнію самихъ привилегированныхъ аристократовъ, она выше всѣхъ предразсудковъ. Это—новый принципъ, вытѣсняющій старые,—принципъ личный, существующій независимо отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ условій. Онъ характеризуетъ *человѣка* и *природу,* а не *сословіе* и *общество.* Старый принципъ—*честь*—принадлежалъ цѣлой группѣ лицъ и былъ немыслимъ внѣ формальныхъ связей. Добродѣтель обусловливается сердцемъ и умомъ, не связана, слѣдовательно, ни съ какими традиціями. Теперь, когда традиціонныя основы поколебались и утратили уваженіе, когда «быть сыномъ своего отца» стало сомнительною честью, когда истинно-благородными стали признавать благородныхъ лично, по выраженію Вольтера, *annoblis par eux mêmes,*— личныя качества выступили на первый планъ и поэтому о нихъ такъ часто говорятъ представители новой мысли. Драматическіе поэты единодушно выбираютъ знатныхъ героевъ для защиты демократическаго принципа. Графъ Вольтера говоритъ, что онъ считаетъ своею *честью* вознаградить *добродѣтель:* это значитъ—старый сословный принципъ замѣнить новымъ. Такимъ путемъ идутъ герои всѣхъ другихъ драмъ и приходятъ къ тому же результату.

Сынъ знатнаго сеньора полюбилъ крестьянскую дѣвушку и женился на ней. Отецъ его прогналъ, но онъ встрѣтилъ столько добродѣтелей въ новой средѣ, что не только не раскаялся въ своемъ поступкѣ, но и свою дочь выдаетъ замужъ за простого мужика. Онъ разсказываетъ, чѣмъ онъ обязанъ этимъ людямъ: «Когда мои руки еще не были достаточно тверды для работы, ихъ благородныя руки обрабатывали наши поля. Только эти люди облегчали наши страданія. Мы погибли бы раньше, чѣмъ выучились работать. Ихъ заботы, ихъ усердная помощь не оставляли насъ въ нашемъ уединеніи. Я нашелъ у нихъ состраданіе, и состраданіе такое естественное, такое благородное, такое нѣжное, столь похожее на дружбу, что мое сердце не могло ошибиться». И эти отношенія рѣшили вопросъ и для сына, и для отца. Люди съ такими добродѣтелями не подлежатъ власти предразсудковъ.

Другой знатный герой считаетъ простого крестьянина благороднымъ, потому что онъ честенъ: «La probité l'annobilt». Крестьяне «настолько же почтенный классъ, насколько и полезный». Породниться съ ними, т.-е. «принять въ свою среду честь и мудрость», не значитъ унизить себя *).

Такъ безъ конца. До самой революціи, несмотря на гоненія двора, духовенства и цензуры, со сцены изъ устъ привилегированныхъ продолжаютъ раздаваться похвалы людямъ безъ предковъ и оффиціальныхъ

---

*) ...main, par Marmontel. *Lucile.*

отличій, — похвалы во имя личныхъ достоинствъ сердца и ума. Среди парижскихъ аристократовъ эти похвалы только изрѣдка могли встрѣтить сочувствіе, но и здѣсь нашлись бы желающіе подписаться подъ слѣдующимъ разсужденіемъ иностраннаго барона. На сценѣ шла трагедія Сорена *Спартакъ*. Авторъ героя превратилъ въ сына вождя, т.-е., вмѣсто раба, вывелъ знатное лицо, затѣмъ, чтобы придать больше значенія виновнику востанія, «какъ будто,—пишетъ современникъ,—простой военный политикъ, попавшій въ рабство, разбившій оковы личными благородными усиліями и мстящій тиранамъ великими подвигами, недостаточно интересенъ самъ по себѣ, чтобы еще стоило прибѣгать къ вульгарнымъ отличіямъ крови и рожденія» *).

Авторъ этихъ словъ отнюдь не былъ радикаломъ и демократомъ. Онъ далеко не всегда соглашался съ рѣчами «добрыхъ сеньоровъ»—героевъ драмъ и комическихъ оперъ. Онъ, напримѣръ, по поводу *Silvain*'а негодуетъ на «отвратительную доктрину о свободѣ охоты» и въ сильнѣйшей степени не благоволитъ къ Бомарше. Но, очевидно, признавать отличія крови «вульгарными» не считалось особенно смѣлою идеей въ половинѣ XVIII вѣка. Общее настроеніе парижской публики сказалось уже по поводу комедіи Вольтера *Nanine*. Авторъ очень опасался за ея судьбу и обставилъ первый спекталь всевозможными предосторожностями, превратилъ его почти въ спектакль для друзей. Но опасенія оказались излишними: комедія имѣла успѣхъ, вызвала эпиграммы, породіи и, наконецъ, побудила Детуша сочинить пьесу, разбивающую идеи Вольтера. Современникъ разсказываетъ, что благородные отцы и матери боялись за своихъ дѣтей, какъ бы *Нанина* не убѣдила ихъ на самомъ дѣлѣ въ равенствѣ сословія и преимуществѣ личной добродѣтели передъ знатностью. Пьеса Детуша *La force du Naturel* стремилась доказать, что чувства и идеи не зависятъ отъ воспитанія, а исключительно отъ происхожденія. Пьеса не понравилась публикѣ, даже аристократы нашли ее неудовлетворительной. Авторъ, очевидно, переусердствовалъ. Пьеса Детуша немедленно была забыта, *Нанина* же Вольтера оставалась въ репертуарѣ до революціи и до такой степени была популярна, что ее давали въ тѣхъ случаяхъ, когда полиція внезапно запрещала какую-либо пьесу передъ самымъ спектаклемъ.

Еще болѣе шумный успѣхъ имѣла драма Седэна *Philosophe sans le savoir*. Дидро, прослушавъ пьесу въ чтеніи, бросился обнимать Седэна и воскликнулъ: «Другъ мой, если бы ты не былъ такъ старъ, я выдалъ бы за тебя свою дочь!» «Вотъ дѣйствія и идеи почтенныхъ людей (des honnêtes gens)!»—восклицалъ онъ послѣ спектакля. Такое же впечатлѣніе пьеса произвела и на публику. Даже цензура и полицейскія власти были тронуты. Пьеса продолжала выходить отдѣльными изданіями даже въ провинціи долго спустя послѣ революціи.

Идеи пьесы были тѣ же самыя, какія въ комедіяхъ Вольтера и въ

*) *Grimm*: „Corresp. Litt.", IV, 189.

новыхъ драмахъ, только на этотъ разъ дѣло шло не о крестьянахъ, а о буржуазіи. Герой по имени Вандеркъ—благороднаго происхожденія, бѣжалъ изъ Франціи вслѣдствіе дуэли, попалъ на голландское судно и сталъ купцомъ. Центральная сцена драмы—бесѣда Вандерка съ сыномъ относительно занятія торговлей. Со временъ Монтескьё вопросъ этотъ ежегодно вызывалъ множество брошюръ и статей. Монтескьё категорически запретилъ знати заниматься торговлей. Но такое рѣшеніе вопроса далеко не всѣхъ удовлетворяло, и пьеса Седэна была однимъ изъ отвѣтовъ, противорѣчащихъ Монтескьё. Сынъ ссылается на предразсудокъ, освященный авторомъ *Духа законовъ*. Вольтеръ отвѣчаетъ: «Такой предразсудокъ въ глазахъ разума—ничто. Какъ высоко званіе человѣка, который однимъ почеркомъ пера передаетъ свою волю съ одного конца вселенной на другой! Его имя, его подпись не нуждаются, подобно монетѣ монарха, чтобы цѣнность металла служила залогомъ при займѣ,—его личность дѣлаетъ все. Онъ подписалъ и этого достаточно. Онъ не служитъ одному храму, одной націи,—служитъ всѣмъ націямъ... Онъ міровой человѣкъ». Сынъ соглашается, но не знаетъ, что въ купцѣ почтеннаго? Отецъ возражаетъ: «То же самое, что въ дворянинѣ узаконяетъ права рожденія, что служитъ основаніемъ его титуловъ: честь, правдивость, честность... Нѣсколько дерзкихъ гражданъ возбуждаютъ государей къ войнѣ. Война возгорается, все въ огнѣ, Европа распадается на два враждебныхъ лагеря. Но негоціантъ, англійскій, голландскій, русскій или китайскій, тѣмъ не менѣе, остается моимъ искреннимъ другомъ. Мы на земной поверхности своего рода шелковыя нити, связывающія народы и побуждающія ихъ жить въ мирѣ, такъ какъ торговля неизбѣжна. Вотъ что такое почтенный негоціантъ. А дворянинъ, военный?— спрашиваетъ сынъ. — *Вандеркъ:* «Я знаю только два званія, стоящія выше коммерсанта: магистратъ, осуществляющій волю законовъ, и воинъ, защищающій отечество».

Это говоритъ шевалье, имѣющій полное право гордиться своимъ происхожденіемъ и знатностью родственниковъ. Но *чувство, природа, гуманность* — единственныя понятія, какія онъ признаетъ для себя обязательными, и не на основаніи какихъ-либо теорій, а въ силу здраваго смысла и совѣсти. Онъ—философъ, не сознавая этого. Авторъ хотѣлъ показать, какъ просто и жизненно-правдивы общественные идеалы новой мысли. Достаточно быть честнымъ, умнымъ человѣкомъ, чтобы исповѣдывать взгляды новой философіи. То же самое говоритъ Вольтеръ въ комедіи *Droit du seigneur* устами благороднаго маркиза, нисколько не претендующаго считаться философомъ.

То же самое, несомнѣнно, разумѣли дворяне, требовавшіе въ своихъ наказахъ разрѣшенія торговать знати, безъ ущерба сословному благородству *).

Драматическая литература XVIII вѣка не могла ограничиться разборомъ

---

*) *Chassin*, II, стр. 259.

сословныхъ отношеній, хотя они занимали первенствующее мѣсто въ общественной жизни стараго порядка. Идеи просвѣтителей переходили за предѣлы вопроса о привилегіяхъ и стремились освѣтить свѣтомъ разума и безграничнаго человѣколюбія всѣ темные углы, гдѣ страдали слабые и несчастные. Во французской литературѣ второй половины XVIII вѣка сказываются художественные и общественные мотивы, позже воскресшіе въ романтической школѣ. Все, что было у романтиковъ гуманнаго и прогрессивнаго,—все это мы находимъ въ нашей драмѣ. Чувство природы, глубокая симпатія къ народной жизни, стремленіе изучить ея реальныя условія и проникнуть въ психологію народа, изобличеніе источниковъ гнета и несправедливостей, терпимость и уваженіе къ личности несчастнаго, нищаго, негра раба, даже преступника,—все это проходитъ передъ нами, проникнутое обычнымъ страстнымъ, искреннимъ воодушевленіемъ авторовъ просвѣтительной эпохи. И здѣсь нѣтъ ни одного прихотливаго, безцѣльнаго увлеченія, ни одной случайной, мимолетной черты: назначеніе писателя здѣсь понимаютъ слишкомъ высоко, чтобы даромъ тратить слова. Пусть передъ нами нескромный романъ,—откровенность въ духѣ времени,—летучее стихотвореніе, интимное письмо,—все это имѣетъ жизненный смыслъ, все блещетъ идеей. Чистыхъ художниковъ и досужихъ краснобаевъ здѣсь нѣтъ: они отживаютъ свой вѣкъ вмѣстѣ съ античными героями сцены и тунеядными комедіянтами салона.

Въ классическую эпоху иногда заговаривали о деревнѣ, сочиняли идилліи и пасторали, но все это такъ же походило на дѣйствительную природу, какъ г-жа Помпадуръ на невинную пастушку. Новый авторъ далекъ отъ идиллической точки зрѣнія на деревню. Для него это міръ неустаннаго труда и глухихъ подавленныхъ страданій. Онъ посылаетъ сюда писателя не за тѣмъ, чтобы показывать потомъ публикѣ взрослыхъ младенцевъ золотого вѣка въ цвѣтахъ и лентахъ. «Въ деревнѣ по необходимости приходится думать о многочисленнѣйшей части человѣческаго рода, ее здѣсь видятъ во-очію, видятъ, какъ она сгибается подъ тяжестью труда, добывая предметы первой необходимости». А въ городахъ, между тѣмъ, утонченнѣйшія искусства существуютъ только затѣмъ, чтобы тѣшить взглядъ богача. Въ деревнѣ земледѣлецъ въ ежедневной работѣ одерживаетъ полезнѣйшую и благороднѣйшую побѣду надъ природой; онъ больше всѣхъ другихъ гражданъ содѣйствуетъ блеску, преуспѣянію и силѣ государства, и, между тѣмъ, его унижаютъ бездѣльники и эксплуататоры. Безъ мозолистыхъ, затвердѣлыхъ рукъ земледѣльца бѣдность и горе проникли бы даже и въ мраморные дворцы, въ царство роскоши и легкомыслія, но такова несправедливость человѣческая,—достаточно быть полезнымъ человѣку, чтобы возбудить его презрѣніе и, въ то же время, онъ будетъ чувствовать безсмысленное удивленіе къ людямъ, которые давятъ его и топчутъ ногами *).

Такъ заканчиваетъ авторъ свою рѣчь, начавъ съ прославленія приро[ды],

*) *Le compagnard.*

сельскаго уединенія, столь краснорѣчиваго для ума и сердца. Эти люди говорятъ о красотѣ и счастьи, чтобы ярче оттѣнить все безобразіе и все горе современной общественной жизни.

Эта эпоха знаетъ писателя-крестьянина, оригинальнаго самоучку, страстно любящаго деревню, ея жизнь и ея жителей, и весь свой крупный литературный талантъ посвящающаго имъ: это—Ретифъ де ла-Бретоннъ. Онъ, кромѣ того, распространяетъ идеи Руссо среди малограмотной публики и дѣлаетъ это съ большимъ успѣхомъ романами и драмами. О достоинствѣ романовъ можно судить по впечатлѣнію одного изъ лучшихъ современныхъ цѣнителей художественной литературы: Гриммъ приписываетъ ихъ Дидро или Бомарше. Ретифъ не ставилъ своего имени на нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и давалъ поводъ приписывать ихъ лучшимъ авторамъ эпохи. Изъ другого источника мы узнаемъ, что романъ Ретифа *Le paysan perverti* сталъ модною книгой (le livre du jour) и подвергся запрещенію. Романъ и теперь читается съ интересомъ. Во французской литературѣ трудно встрѣтить болѣе задушевное изображеніе испытаній крестьянина, легкомысленно покинувшаго родную деревню ради городскаго шума. Яркія картины столичнаго разврата чередуются съ жестокою психологическою драмой. Въ драмѣ *La prevention nationale* авторъ возвращается къ той же темѣ. Въ каждой строкѣ звучитъ страстная любовь къ сельской жизни со всѣми ея невзгодами и нуждой. Здѣсь мы слышимъ отъ самого автора тѣ рѣчи, какія въ драмахъ крестьяне говорятъ сеньорамъ. Передъ нами почвенный французскій крестьянинъ съ вѣковою привязанностью къ землѣ, съ непоколебимою нравственною силой, когда вопросъ идетъ объ его жилищѣ и семьѣ.

Мы можемъ быть увѣрены, что эти писатели не ограничатся общимъ негодованіемъ на судьбу трудового класса. Они съ точностью экономическихъ изслѣдователей сообщатъ намъ, отъ какихъ причинъ страдаетъ деревня. Передъ нами пройдутъ бальи въ роли маленькихъ мѣстныхъ тирановъ, своевольно устраивающихъ браки и сдающихъ въ солдаты непріятныхъ для нихъ парней, сборщики податей, всегда готовые за недоимку распродать все домашнее хозяйство мужика, сеньоры—деспоты, эксплуататоры рабочихъ и подчасъ ростовщики, полицейскіе сержанты и разные комми, покорные слуги откупщиковъ и помѣщиковъ.

Все это публика увидитъ на сценѣ. Авторъ позаботился, независимо отъ разсказовъ дѣйствующихъ лицъ, воспроизвести на сценѣ внѣшнюю обстановку существованія бѣдняка. Къ первому акту драмы *L'Indigent* читаемъ такое описаніе: «Театръ представляетъ жалкую низкую комнату безъ камина. Табуретъ безъ сидѣнья, остальная мебель старая, сильно подержанная. Кусокъ ткани закрываетъ диванъ. Съ одной стороны столярный в[ерс]такъ, у стѣны старая оконная рама, на половину заклеенная бумагой». З[дѣ]сь живутъ братъ и сестра, работая день и ночь. Дальше оказывается, ч[то] въ этой «комнатѣ» до такой степени холодно и темно, что нельзя п[ом]ѣстить въ ней двухъ собаченокъ, принадлежащихъ богатому молодому ч[ело]вѣку, сосѣду бѣдняковъ. Хозяинъ подвала соглашается поправить по-

мѣщеніе, но только ради собакъ: бѣдныхъ постояльцевъ при какихъ угодно условіяхъ будетъ достаточно.

Такъ живутъ въ городахъ рабочіе, изнывающіе, притомъ, ежедневно въ поискахъ, кому сбыть свою работу.

Эти картины являются исключительною принадлежностью крайнихъ демократическихъ произведеній. Они вообще во вкусѣ эпохи. Вольтеръ и здѣсь подаетъ примѣръ. Въ его драмѣ *L'enfant prodigue* есть слуга, замѣчательно живо напоминающій Фигаро, хотя между произведеніями Вольтера и Бомарше лежитъ почти сорокъ лѣтъ. Жасмэнъ, слуга «расточительнаго сына», остается единственнымъ утѣшителемъ своего господина въ несчастіи. Его участь также весьма бѣдственна, но онъ о себѣ не жалѣетъ: «Рожденный для страданій,—говоритъ онъ,—я умѣю страдать съ веселымъ духомъ—je sais souffrir gaiment. Во всемъ нуждаться — вотъ моя стихія. Твоя старая шляпа, твои грубыя лохмотья,—все, отъ чего ты краснѣешь, было моимъ нарядомъ. Ты поистинѣ долженъ весьма сожалѣть, что не былъ всегда Жасмэномъ». Этому Жасмэну нужно было дождаться полнаго паденія своего господина и раздѣлить съ нимъ одиночество, чтобы тотъ призналъ его человѣкомъ. «Отъ рожденія равный со мной, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, и онъ человѣкъ,— говоритъ господинъ,— онъ поддерживаетъ меня среди удручающаго горя и весело дѣлитъ со мной мою злосчастную участь въ то время, когда друзья покинули меня». Когда господинъ приходитъ въ отчаяніе, Жасмэнъ указываетъ ему на рабочихъ, достающихъ хлѣбъ тяжелымъ трудомъ своихъ рукъ, и совѣтуетъ по примѣру ихъ самому работать на себя. Расточитель завидуетъ ихъ судьбѣ: они, по крайней мѣрѣ, владѣютъ спокойною совѣстью, душевнымъ миромъ и физическимъ здоровьемъ. Въ драмѣ *Сократъ* великій мудрецъ изображенъ другомъ бѣдныхъ и высказано убѣжденіе: благородная и трудолюбивая бѣдность — естественное состояніе человѣка.

И писатель XVIII вѣка, идеализируя природу и простоту, идеализируетъ бѣдняка. Въ его уста онъ влагаетъ высоко-гуманныя рѣчи; онѣ должны казаться современникамъ тѣмъ трогательнѣе, что произносятся на грубомъ крестьянскомъ жаргонѣ. «Мы бѣдные люди,— говоритъ одинъ изъ такихъ ораторовъ, — но у насъ есть честь и чувствительное сердце. Мы никогда не могли равнодушно видѣть чужія страданія. Пусть несчастный придетъ къ намъ,—всѣ деньги, какія у кого есть, мы отдадимъ ему. Если онъ богаче насъ и скажетъ, что у него на сердцѣ горе, мы поможемъ ему совѣтами, и, правду сказать, совѣты наши хороши, потому что ихъ даетъ намъ природа» *).

Эти разсужденія не совсѣмъ подходятъ къ деревенскому жаргону, но герои XVIII вѣка, эти философы безъ собственнаго вѣдома, иначе не могли говорить.

Писатели, идеализировавшіе дикаго человѣка, не могли пройти молча-

*) *L'epreuve d'un moment*, com. de Monvel.

піемъ дикарей, дѣйствительно обездоленныхъ цивилизаціей. Преслѣдуя рабство во всѣхъ формахъ, драматурги неоднократно напоминали французской публикѣ о рабствѣ негровъ въ драмѣ, въ комедіи, въ комической оперѣ. *L'esclavage des nègres*, чувствительная драма, удостоилась впервые появиться на сценѣ въ декабрѣ 1789 г., хотя напечатана была гораздо раньше. Комическая опера *Radé et Barré* разсказывала исторію кораблекрушенія; негритянка спасаетъ француза, выучивается французскому языку, обнаруживаетъ высокія нравственныя достоинства и съ разрѣшенія партера выходитъ замужъ за спасеннаго ею француза. Въ комедіи Шомфора *Le marchand de Smyrne* рабство негровъ упоминается мимоходомъ, но очень эффектно. Каледъ, работорговецъ, выводитъ на продажу, между прочимъ, француза. Французъ упрекаетъ его въ позорномъ промыслѣ. Каледъ нисколько не смущается: «Что онъ хочетъ сказать?—крикнулъ онъ на француза. — Развѣ вы не торгуете неграми? Ну, а я вами торгую. Развѣ это не одно и то же? Вся разница только въ бѣломъ и черномъ цвѣтѣ».

Ко времени наказовъ эта идея пріобрѣтаетъ полную популярность. Третье сословіе будетъ требовать уничтоженія рабства черныхъ и даже политическихъ правъ для нихъ наравнѣ съ французами. Въ парижскомъ cahier мотивъ реформъ чисто-философскаго характера въ духѣ XVIII вѣка: *L'esclavage des noirs est contre le droit naturel.*

Въ той же самой пьесѣ *Le marchand de Smyrne* покупщикъ рабовъ ведетъ остроумную бесѣду съ законникомъ (l'homme de loi). На вопросъ, въ чемъ заключается это ремесло, законникъ отвѣчаетъ: «Я вмѣшиваюсь за деньги въ чужія дѣла, часто выигрываю самыя отчаянныя тяжбы или, по крайней мѣрѣ, заставляю ихъ тянуться 10, 15, 20 лѣтъ». Купецъ спрашиваетъ, оказываетъ ли онъ свои услуги безразлично, правымъ и виновнымъ? По словамъ законника, въ этомъ нечего и сомнѣваться: правосудіе существуетъ для всѣхъ. Собесѣдникъ не можетъ понять, какъ такого человѣка могутъ терпѣть въ странѣ.

Драма не ограничивалась такими общими чертами. Она съ большою охотой излагала подробности судебнаго ремесла и описывала старый процессъ. Въ одной изъ интереснѣйшихъ пьесъ XVIII вѣка, въ комедіи *Arlequin sauvage*,—съ ней придется намъ встрѣтиться ниже,—главный герой Арлеканъ встрѣчаетъ въ культурной странѣ, между прочимъ, человѣка, только что проигравшаго процессъ. Между ними происходитъ такой разговоръ. *Прохожій.* Десять лѣтъ тому назадъ я началъ процессъ съ своимъ должникомъ изъ-за 500 франковъ. Я только что проигралъ его, перебывавъ въ тридцати разныхъ судахъ. *Арлекинъ.* Зачѣмъ же назначать тридцать суд[illegible] для одного только дѣла?

[illegible] По причинѣ инцидентовъ, которые накапливаетъ судебная кляуза.

[illegible] Кляуза? Что это такое?

[illegible] Это искусство, которое изобрѣли для того, чтобы запутывать са[illegible]стыя дѣла и они становятся непонятными послѣ того, какъ адво[illegible]катъ [illegible] прокуроръ поработаютъ надъ ними мѣсяцевъ шесть.

«— Что же это за люди—прокуроръ и адвокатъ?

«— Это—господа, изучившіе законы и формальности.

«— Формальности? Я не знаю, что это такое.

«— Это форма и порядокъ, которые слѣдуетъ соблюдать въ процессахъ, чтобъ избѣжать внезапныхъ затрудненій.

«— Прекрасно! Значитъ, съ этою формой нечего опасаться внезапностей?

«— Напротивъ. Именно самая эта форма создаетъ ихъ.

«— Почему же?

«— Потому что кляуза въ формальностяхъ черпаетъ всевозможные поводы запутывать дѣла.

«— Но такъ какъ судьи назначены затѣмъ, чтобъ оказывать правосудіе, почему же они не препятствуетъ кляузѣ?

«— Они не въ силахъ этого дѣлать, потому что кляуза—пріемъ, основанный на законѣ, и установленная форма процесса допускаетъ ее.

«— Слѣдовательно, этотъ законъ и эта форма такъ же запутаны, какъ вашъ разсудокъ? Но скажи мнѣ, пожалуйста, судьи у васъ не могутъ уничтожить зла, и вы знаете, что адвокаты и прокуроры запутываютъ ваши дѣла, почему же вы настолько глупы, что позволяете имъ совать свои носы въ ваши дѣла? Клянусь небомъ, еслибъ у меня былъ процессъ и еслибъ эти канальи захотѣли прикоснуться къ нему кончикомъ мизинца, я ихъ уничтожилъ бы.

«— Безъ нихъ невозможно обойтись. Они установлены законами. При посредствѣ этихъ людей дѣла должны представляться въ судъ, потому что самому истцу не дозволяется вести собственное дѣло.

«— Почему же не дозволяется?

«— Потому что истецъ не изучилъ законовъ и не знаетъ формъ процесса.

«— Какъ? Потому, что я не владѣю искусствомъ запутывать свое дѣло, я не могу его вести?

«— Нѣтъ.

«— Послушай, я могъ бы тебѣ расшибить голову за твое безстыдство.—Арлекинъ, внѣ себя, воображаетъ, что съ нимъ шутятъ. Прохожій отвѣчаетъ:

«— Я вовсе не шучу, я говорю вамъ только правду. Законы мудры, судьи—люди просвѣщенные и честные, но человѣческая злоба, всѣмъ злоупотребляющая, пользуется правосудіемъ, чтобы поддерживать неправду. Такъ какъ постоянно нужны деньги, бѣдные не могутъ поддерживать своихъ правъ, разоряются и другіе.

«— Какъ, вы платите деньги?

«— Безъ сомнѣнія. Ихъ всегда нужно имѣть подъ руками, иначе Ѳемида останется глуха и ничего не выйдетъ.

«— Жители этой страны будто одержимы бѣсомъ, все превращаютъ имъ въ деньги. Они торгуютъ даже правосудіемъ.

«— Правосудіе касается только сущности. Но форма стоитъ очень до-

рого и форма всегда преобладаетъ у насъ надъ сущностью дѣла. Я разорился на своемъ процессѣ. И я проигрываю теперь, потому что не соблюлъ формы.

«— И ты этимъ недоволенъ?

«— Еще бы!

«— По-настоящему, ты—большой глупецъ. Ты долженъ бы былъ радоваться.

«— Почему?

«— Ты отдѣлался отъ такого сквернаго дѣла, что съ радостью могъ бы проиграть его десять лѣтъ тому назадъ. Еслибъ у меня была такая обуза, я ее скоро забросилъ бы».

Это — наиболѣе обстоятельная характеристика стараго суда, изложенная со сцены итальянскаго театра въ 1721 году. До самой революціи жалобы на правосудіе повторяются безпрестанно. Юристъ откровенно заявляетъ, что бѣдняки не въ силахъ вести процесса, и ихъ можно мучить тяжбой всю ихъ жизнь, заставить умереть съ голоду раньше, чѣмъ дѣло подвинется на одинъ шагъ. «Мнѣ эти извороты отлично извѣстны»,—прибавляетъ юристъ, чтобъ уничтожить послѣднія сомнѣнія у своего кліента. Въ такомъ же смыслѣ хвастается богачъ, начинающій процессъ съ бѣднякомъ.

Судъ своею дѣятельностью вполнѣ оправдывалъ надежды кляузниковъ и насильниковъ. Въ преступники попадали люди, виноватые только бѣдностью и беззащитностью. Это были несчастныя жертвы современнаго правосудія и драмы не могли миновать ихъ. Мерсье совѣтовалъ писателямъ пользоваться судебною хроникой; еще раньше совѣта на сценѣ появлялись отголоски нѣкоторыхъ вопіющихъ несправедливостей суда. Одна изъ драмъ носила противорѣчивое, повидимому, но весьма характерное и совершенно ясное для современниковъ заглавіе: *L'honnête criminel* (*Честный преступникъ*). Въ этомъ сопоставленіи выразился общій взглядъ драмы на одинъ изъ жгучихъ вопросовъ современнаго общества. Идеи Беккаріи, быстро вошедшія въ программу французскихъ произведеній второй половины вѣка, немедленно отразились на драматической литературѣ. Драма *L'honnête criminel,* разсказывавшая дѣйствительную исторію невиннаго каторжника, появилась три года спустя по выходѣ книги миланскаго профессора. Здѣсь зрители слышали такую идею: «Это несчастный. Развѣ слѣдуетъ быть безчеловѣчными, потому что онъ преступникъ? Его слѣдуетъ только жалѣть и я хочу ему помочь». Начальникъ галеръ свободенъ отъ жестокихъ предубѣжденій, столь обычныхъ, когда дѣло идетъ объ осужденномъ. Онъ наблюдаетъ за преступниками внимательнымъ, человѣколюбивымъ взоромъ, привѣтствуетъ каждый проблескъ чувства, готовъ признать глубокій смыслъ за душевною жизнью этихъ отверженцевъ. «Этотъ человѣкъ невиненъ,—говоритъ онъ,— здѣсь не можетъ быть ошибки. У него возвышенная душа и благое сердце. Его совѣсть чиста, я въ этомъ не сомнѣваюсь: онъ только несчастный».

Другой авторъ «благородствомъ, гуманностью считаетъ чувство состраданія къ людямъ слабымъ, виновнымъ и вообще къ человѣческому роду». У новыхъ писателей своя система отношеній къ человѣку, совершившему дурное дѣло. Юноша увлекся дурною страстью, растратилъ чужія деньги, и его дядя, потерпѣвшій, высказываетъ такой взглядъ на преступника: «Потерять 2,000 экю — ничего не значитъ, но потерять чувствительное, отъ природы благородное сердце — вотъ эту великую утрату слѣдуетъ предупредить. Наблюдайте за нимъ, но давайте понять, что вы полагаетесь на его поведеніе, на него самого, выказывайте къ нему уваженіе, — это хорошее средство спасти благородныя сердца отъ ожесточенія. Если онъ раскается, онъ сохранитъ прежнія права на мою любовь... Каждую вину слѣдуетъ цѣнить сообразно съ возрастомъ, характеромъ. Лучше просвѣтить виновнаго, чѣмъ наказать. Не строгость достигаетъ цѣли, а снисходительность». На этихъ идеяхъ воспитываются новые судьи. Одному изъ нихъ приходится рѣшить вопросъ о молодомъ преступникѣ, обвиняющемъ себя въ убійствѣ. Онъ пораженъ фактомъ, но не поддается первому впечатлѣнію. «Не достойнѣе ли,— говоритъ онъ,— спасти виновнаго, чѣмъ осудить невиннаго? На преступленіе часто толкаетъ нужда» *).

Эти люди заранѣе убѣждены въ нравственныхъ основахъ человѣческой природы. *Добро* — естественно, а *зло* — только случайное уклоненіе отъ общаго закона. Непоколебимая, восторженная вѣра въ человѣческую природу руководитъ новыми философами. Вождь энциклопедистовъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ высказалъ глубокое убѣжденіе всѣхъ просвѣтителей **): «Когда я вижу преступника, совершающаго героическій подвигъ, я остаюсь при убѣжденіи, что люди добра болѣе реальные добрые люди, чѣмъ злые на самомъ дѣлѣ злы. Добро неразрывнѣе связано съ нашею природой, чѣмъ зло, и вообще въ душѣ злого остается больше доброты, чѣмъ зла въ душѣ добрыхъ». Одинъ этотъ принципъ былъ достаточно могущественъ и объемлющъ, чтобы зажечь энергическую борьбу новой мысли со старою жизнью.

Философія XVIII вѣка касалась самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, но философская борьба въ собственномъ смыслѣ слова происходила на почвѣ религіи и церкви. Этою борьбой открылось движеніе новой мысли, ей по преимуществу посвящена дѣятельность вождя просвѣтителей, она колебала священнѣйшія основы стараго порядка и создала философамъ самыхъ безпощадныхъ гонителей. Здѣсь вопросъ о побѣдѣ былъ вопросомъ о судьбѣ всей просвѣтительской дѣятельности и философы на этомъ поприщѣ болѣе всего рисковали потерпѣть неудачу, если бы положеніе ихъ враговъ въ обществѣ и въ народѣ отличалось достоинствомъ и устойчивостью. Но съ самаго начала борьбы оказалось, что въ старомъ обществѣ ни для какихъ идей не существовало болѣе благопріятной почвы, чѣмъ для критики со-

*) *Jean Hennyer*, drame de Mercier; *Jenneval ou le Barnevelt français*; *Joachim ou le triomphe de la piété filiale*, drame de Blin de Sainmore.

**) *Diderot*: „Oeuvres Complètes". Paris, 1821, p. 174.

временной церкви и ея служителей. Здѣсь сочувствующими учениками являлись даже принципіальные враги всѣхъ другихъ новыхъ ученій. Высшее свѣтское общество могло искренно возмущаться проповѣдями о равенствѣ людей, о несправедливости и безсмыслицѣ привилегій, могло издѣваться надъ мѣщанскими понятіями о нравственности, но духовное лицо, представленное въ отталкивающемъ или шутовскомъ видѣ, приходилось по вкусу и парижскому буржуа, и придворому маркизу, и даже мужику. Для единодушнаго сочувствія публики требовалось только представить служителя церкви повыше рангомъ. Тогда одни рукоплескали совершенно сознательно, слѣдуя свободному направленію современной мысли, другіе подъ вліяніемъ легкомыслія и скептицизма, питаемаго гораздо болѣе развращеннымъ нравственнымъ чувствомъ, чѣмъ развитымъ умомъ, третьи—и такихъ было особенно много среди простой публики—помня все старое зло, связанное съ Римомъ и его лучами: здѣсь звучатъ отголоски и протестантскихъ гоненій, и жестокихъ догматическихъ споровъ, и всевозможныхъ феодальныхъ злоупотребленій. Чувства эти прорываются наружу весьма рано, немедленно послѣ Людовика XIV. Эпоха регентства, разоблачившая столько давно назрѣвшихъ, но замаскированныхъ язвъ, и въ этомъ случаѣ выпустила на свободу мятежныя страсти изъ долголѣтняго невольнаго заключенія. Наслѣдники Esprits forts классической эпохи, вродѣ Вандома, Конти, Лафонтэна, Фонтенелля, не имѣли больше нужды скрываться и въ обществѣ воцарилась настоящая противуцерковная и даже противурелигіозная оргія. Она разгорѣлась тѣмъ свободнѣе, что въ великосвѣтской средѣ не предстояло, въ сущности, никакой борьбы какихъ бы то ни было принциповъ. Религія и церковь быстро превратились въ источники салонной потѣхи. Какъ это происходило, разсказано въ одномъ изъ *Персидскихъ писемъ* Монтескьё (LXI).

Здѣсь священникъ жалуется на трудность и двусмысленность своего профессіональнаго положенія среди современнаго скептически-настроеннаго общества. Удивительный народъ эти міряне!— восклицаетъ онъ,— они не выносятъ нашего одобренія, ни нашего осужденія; если намъ вздумается ихъ исправлять, они находятъ, что это очень смѣшно съ нашей стороны; если мы ихъ одобряемъ, они считаютъ, что мы унижаемъ свое званіе. А нѣтъ ничего унизительнѣе, какъ сознать, что скандализируешь самихъ невѣрующихъ. Такъ что намъ приходится вести себя двусмысленно и держать въ повиновеніи вольнодумцевъ неопредѣленнымъ образомъ дѣйствій, а именно тѣмъ недоумѣніемъ, въ которое мы ихъ повергаемъ своею манерой относиться къ ихъ рѣчамъ. Для этого нужно очень много ума; это не[ра]льное положеніе очень трудно: свѣтскимъ людямъ все нипочемъ; они по[зво]ляютъ себѣ всевозможныя выходки и, смотря по результату, отрека[ют]ся отъ своихъ же словъ или на нихъ настаиваютъ, и потому имъ гора[здо] легче.

[Авто]ръ *Писемъ* сравниваетъ далѣе различныя вѣроисповѣданія, под[вер]гаетъ критикѣ преданія католичества и его догматическіе споры. Въ

письмѣ излагаются, кромѣ того, доводы ходячаго современнаго скептицизма. Жиды,—говоритъ священникъ,—считаютъ себя источникомъ всевозможной святости и началомъ всѣхъ религій, а насъ считаютъ еретиками, перемѣнившими законъ, или, скорѣе, бунтующими жидами.

Они думаютъ, что и ихъ легко было бы соблазнить, если бы эта перемѣна произошла незамѣтно; но такъ какъ она произошла внезапно и насильственнымъ образомъ, и они могутъ въ точности опредѣлить день и часъ, когда народилась та и другая религія, то они и возмущаются тѣмъ, что наша измѣряется вѣками, и твердо держатся за свою, которая началась чуть не съ начала міра. Никогда еще они не наслаждались въ Европѣ такимъ спокойствіемъ, какъ теперь. Христіане начинаютъ освобождаться отъ присущей имъ нетерпимости: въ Испаніи убѣдились, что напрасно ихъ выгнали, а во Франціи—что напрасно притѣсняли христіанъ, которые вѣрили немного иначе, чѣмъ ихъ государь. Они, наконецъ, поняли, что усердное распространеніе религіи еще совсѣмъ не доказываетъ въ ней приверженности, и для того, чтобы ее почитать и соблюдать, совсѣмъ не нужно ненавидѣть и преслѣдовать тѣхъ, кто этого не дѣлаетъ.

Было бы очень желательно, чтобы наши мусульмане такъ же здраво разсуждали объ этомъ вопросѣ, какъ и христіане, и чтобы разъ навсегда перестали вздорить изъ-за Али и Абукира и предоставили Господу Богу судить о заслугахъ этихъ святыхъ пророковъ. Пускай бы имъ угождали, истинно ихъ почитая и имъ поклоняясь, а не глупымъ предпочтеніемъ, и старались бы заслужить ихъ благоволеніе, не взирая на то, гдѣ они сидятъ—одесную ли Господа, или у подножія Его престола.

И это еще не все: въ свѣтѣ,—продолжаетъ священникъ,—мы ничуть не сохраняемъ этого хваленаго, счастливаго и спокойнаго состоянія. Какъ только мы туда попадаемъ, насъ сейчасъ же заставляютъ спорить: заставятъ, напримѣръ, доказывать пользу молитвы человѣку, который и въ Бога-то не вѣритъ, или необходимость поста тому, кто всю свою жизнь отрицалъ безсмертіе души: дѣло ужь и безъ того очень трудное, а надъ нимъ же еще и смѣются. Этого мало: насъ безпрестанно мучитъ желаніе привлечь и другихъ къ нашему взгляду на вещи; это желаніе, такъ сказать, неразрывно съ нашею профессіей. Это такъ же смѣшно, какъ если бы европейцы вздумали, на благо человѣчества, трудиться надъ тѣмъ, чтобы выбѣлить кожу африканцамъ.

Разсказъ подтверждается множествомъ современныхъ свидѣтельствъ. Насмѣшки надъ религіей превратились въ своего рода патентъ на философскій образъ мыслей. И не было, конечно, ничего легче, какъ получить такой патентъ. Литература ежедневно поставляетъ множество брошюръ скептическаго содержанія: изъ одного Амстердама, разсказываетъ современникъ, этихъ сочиненій летятъ во Францію цѣлыя тучи съ невѣроятною быстротой. Вольтеръ не успѣвалъ жаловаться на присвоеніе его таланту той или другой брошюры. И эти произведенія читаются вездѣ съ одинаковымъ удовольствіемъ,—при дворѣ и на улицѣ. Дѣятельнѣйшій со-

временный прелатъ архіепископъ Бомонъ безпрестанно подвергается оскорбленіямъ. Проходитъ рѣдкій мѣсяцъ безъ новыхъ куплетовъ по его адресу. Та же участь постигаетъ и другихъ церковныхъ администраторовъ. Архіепископъ ліонскій издаетъ весьма умѣренное и гуманное пастырское посланіе о современномъ невѣріи, но посланіе, все-таки, встрѣчаютъ необыкновенно дерзкою пѣсней на частную жизнь прелата. Даже духовный костюмъ сталъ казаться всюду подозрительнымъ или смѣшнымъ: по крайней мѣрѣ, бульварные театры пользуются имъ для потѣхи зрителей, и архіепископъ парижскій принужденъ вмѣшаться въ костюмерную часть этихъ сценъ. Подобныхъ фактовъ безчисленное множество. Достаточно привести впечатлѣніе современника: «Это отвращеніе къ христіанству (cette lassitude du christianisme),—авторъ разумѣетъ, конечно, римское католичество,—которое обнаруживается со всѣхъ сторонъ и въ особенности въ католическихъ государствахъ, это возмущеніе, глухо волнующее умы и побуждающее ихъ нападать на религіозныя и политическія злоупотребленія—одно изъ характерныхъ явленій нашего вѣка,—все равно какъ реформація характеризовала XVI вѣкъ. Оно предвѣщаетъ грозную и неизбѣжную революцію». По поводу этого же противукатолическаго движенія слово революція произносится другимъ очевидцемъ, наблюдавшимъ средній и низшій слой общества *).

Революція настала для всего стараго порядка, но ненависть къ духовенству дѣйствительно сказалась едва ли не энергичнѣе, чѣмъ къ другому привилегированному сословію. По крайней мѣрѣ, бунтующая толпа хватаетъ и подвергаетъ истязаніямъ вообще духовныхъ лицъ, независимо отъ ихъ ранга: аббатовъ топчатъ, бьютъ кнутами, и здѣсь же осыпаютъ камнями кареты епископовъ и архіепископовъ. Эта злоба росла въ теченіе всего XVIII вѣка и съ особеннымъ усердіемъ поддерживалась театромъ.

Въ классическую эпоху весьма часто обсуждались со сцены вопросы религіи и церкви, и, конечно, въ одномъ и томъ же направленіи: авторы трагедій прославляли мучениковъ. Вольтеръ пересчитываетъ этихъ авторовъ, называя ихъ—на своемъ обычномъ ироническомъ языкѣ—своими предшественниками. Вольтеръ дѣйствительно былъ непосредственнымъ наслѣдникомъ Ротру, Корнеля, Расина, но считать ихъ предшественниками поэта-философа можно совершенно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ іезуитовъ его учителями. Вольтеръ, по выраженію современника, открылъ «эпоху нечестія» на французской сценѣ. По его слѣдамъ пошли другіе и въ нѣсколько лѣтъ театры превратились въ настоящія позорища католической церкви, ея исторіи и ея служителей. «Во всѣхъ новыхъ пьесахъ,— пишетъ современникъ,— на сценѣ духовные играютъ роль мошенниковъ», и перепуганное духовенство начинаетъ запрещать пьесы за одно слово *prêtre*». Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ это слово уже нельзя произносить со сцены. Дѣлается это, очевидно, больше всего въ виду публики, считающей оскорбительныя исторіи о духовенствѣ интереснѣйшимъ зрѣлищемъ.

*) *Grimm*, VIII, 13. *D'Argenson*, IX, 217, ср. *Aubertin*: „Esprit public au XVIII siècle" 281—3.

Трагедія Вольтера *Эдипъ* одновременно ввела новую философію на сцену и открыла противуцерковное направленіе театра. На сценѣ были греки, миѳическій періодъ Эллады, но это не помѣшало нѣсколькимъ стихамъ о древнихъ жрецахъ произвести на французскую публику вполнѣ современное и въ высшей степени краснорѣчивое впечатлѣніе. Эти стихи и создали эпоху.

Дальше слѣдовали *Магометъ* и *Гебры*. Смыслъ первой трагедіи, посвященной послѣ Бенедикту XIV, объясненъ самимъ авторомъ: «это ничто иное, какъ Тартюфъ съ оружіемъ въ рукахъ». Вольтеръ въ уста мусульманскаго пророка вкладываетъ цѣлый кодексъ традиціоннаго религіознаго фанатизма и церковнаго лицемѣрія (особенно III, 6; IV, 2; V, 4). *Гебры* во многихъ отношеніяхъ замѣчательная пьеса. Она отступаетъ отъ обычнаго типа трагедіи, и это отступленіе—оригинальная черта произведеній, направленныхъ противъ католичества и духовенства. Цѣль пьесы, по объясненію автора, «вдохнуть уваженіе къ законамъ, всеобщее милосердіе, гуманность, снисходительность, терпимость». Во всѣхъ этихъ добродѣтеляхъ заинтересованы особенно люди слабые, беззащитные, и авторъ беретъ своихъ героевъ «въ будничной сферѣ». Онъ не боится вывести на сцену садовницу, молодую дѣвушку, работницу у своего отца-поселянина, и даже простого солдата. Эти личности, по мнѣнію Вольтера, ближе къ природѣ и своею простотой, и естественностью, скорѣе могутъ достигнуть цѣли, чѣмъ влюбленные принцы и страстныя принцессы. Въ пьесѣ дѣйствуетъ императоръ, но не затѣмъ, чтобы поражать величіемъ и въ напыщенныхъ стихахъ расписывать свое могущество. Онъ появляется въ концѣ трагедіи, чтобы высказать идею терпимости.

Очевидно, передъ нами—драма, а не трагедія, и, притомъ, драма въ новомъ смыслѣ—чувствительная, мѣщанская. Гуманность чаще всего осуществляется не путемъ отвлеченныхъ разсужденій, а въ благородномъ порывѣ сердца: гуманный человѣкъ чувствителенъ; эти—двѣ добродѣтели XVIII вѣка совпадаютъ. Мы увидимъ ниже, что авторы безъ всякихъ предисловій должны были защитѣ терпимости придать форму новой драмы. Вольтеръ—добросовѣстный почитатель художественныхъ традицій—счелъ нужнымъ предупредить публику, но высказалъ принципъ, плодотворный одинаково въ художественномъ и идейномъ смыслѣ.

Герои фанатизма на этотъ разъ жрецы римскаго божества Плутона, ихъ жертва—молодая дѣвушка огнепоклонница. Дѣйствіе происходитъ въ пограничномъ замкѣ, начальникъ гарнизона—трибунъ Ираданъ, при немъ братъ Сезенъ. Жрецы убѣдили императора, что всякія другая религія, кромѣ римской, вредна для государства, и онъ слушаетъ ихъ. Сезенъ возмущается такимъ смѣшеніемъ властей: «Честный подданный во всѣ времена различаетъ государство и вѣру, тронъ и алтарь не зависятъ другъ отъ друга, мое сердце принадлежитъ моимъ богамъ, моя рука—императору». Но жрецы хотятъ дѣйствовать съ одинаковою свободой именемъ боговъ и именемъ цезаря. Они откровенно отрицаютъ возможность служить небу и, въ то

же время, быть сострадательнымъ. Ихъ власть Ирданъ объясняетъ обманомъ, переходившимъ въ народѣ изъ рода въ родъ: «чѣмъ древнѣе злоупотребленіе, тѣмъ оно священнѣе», и «преслѣдователи, тираны мысли» пріобрѣтаютъ громадную власть надъ толпой, пользуются ея почетомъ, хотя ложь ясна: боги не могутъ имѣть палачей своими служителями. Трибунъ хочетъ спасти юную огнепоклонницу. Это—истинный герой чувствительной драмы. Онъ въ восторгѣ отъ добродѣтели бѣдной крестьянки и увѣренъ, что эта добродѣтель «облагороживаетъ ее». Величіе, блескъ двора исполнены низости, обмановъ: естественная простота поселянина можетъ утѣшить взоры самого цезаря. Гибель жреца-фанатика еще ярче оттѣняетъ благородство и сердечную красоту огнепоклонницы: жрецъ умираетъ съ проклятіями богамъ, не защитившимъ его. Цезарь окончательно осуждаетъ религіозный фанатизмъ: «Я думаю, какъ гражданинъ,—говоритъ онъ,—дѣйствую, какъ императоръ. Я ненавижу фанатика и гонителя». Въ этихъ словахъ, по указанію самого автора, заключается идея пьесы.

Вольтеръ, управляя философскою борьбой противъ фанатизма, возобновилъ также старое дѣло Мольера—написалъ комедію противъ религіознаго лицемѣра. Сначала комедія называлась *Le depôt ou Ninon*, потомъ вошла въ сочиненія Вольтера подъ именемъ *Le dépositaire*. Въ основѣ лежала дѣйствительная исторія, разсказанная Вольтеру знаменитою куртизанкой. Нинонъ отдала своему духовнику на храненіе деньги и тотъ не возвратилъ ихъ. Лицо это, между тѣмъ, слыло примѣрно-добродѣтельнымъ, исполняло обязанности «духовнаго руководителя душъ» у многихъ ханжей. Въ Парижѣ всѣ его знали. Вольтеръ, чтобы не смущать цензуру, превратилъ героя въ marguiller. О немъ говорятъ: «Это человѣкъ крайне могущественный, у него много денегъ. На его широкомъ лицѣ видны всѣ его достоинства. Онъ умѣнъ и часто наслѣдуетъ послѣ лицъ, съ которыми онъ не состоялъ ни въ какомъ родствѣ. Онъ всегда жилъ своими талантами. Онъ состоитъ духовнымъ руководителемъ больше чѣмъ у двадцати фамилій: онъ легко можетъ сдѣлать много добра дѣвушкамъ...»

Въ комедіи онъ играетъ отвратительную роль. Съ его языка не сходятъ нравственныя проповѣди, сожалѣнія о бѣдныхъ, негодованіе на пороки и даже на обыкновенное легкомысліе молодежи. Ему завѣщаны на храненіе деньги двухъ молодыхъ людей, и лишь только заходитъ рѣчь объ этихъ деньгахъ, лицемѣръ исчезаетъ по дѣламъ бѣдныхъ. Онъ хочетъ жениться на Нинонъ, и соединить капиталъ молодыхъ людей съ ея приданымъ и путемъ подкуповъ талантовъ опытной жены добиться хорошаго мѣстечка. Всѣ эти планы рушатся и Тартюфъ получаетъ должное возмездіе. Нинонъ предупреждаетъ одну изъ жертвъ лицемѣра—избѣгать мошенниковъ, залѣзающихъ въ чужой карманъ съ именемъ Бога на языкѣ.

Несмотря на всѣ предосторожности Вольтера, комедія не была разрѣшена къ представленію въ Comédie Fançaise. Это не мѣшало ей появляться въ частныхъ сценахъ.

Противуцерковная дѣятельность Вольтера въ глазахъ современниковъ

имѣла исключительное значеніе. Смерть философа была отпразднована пьесой: *Voltaire triomphant on les prêtres déçus.* Но величайшій тріумфъ Вольтера выразился въ длинномъ рядѣ драматурговъ, неутомимо до самой революціи поддерживавшихъ войну съ католическимъ ученіемъ и духовенствомъ.

Не всегда можно было открыто нападать на могущественнаго врага, и Вольтеръ понялъ, изъ-за какой засады слѣдуетъ вести борьбу. На помощь призваны были всевозможныя религіи, римское и греческое язычество, огнепоклонничество, друидизмъ, браминство. Вопросъ былъ не въ религіи и въ народѣ, а въ жрецахъ. Свойства же жрецовъ предполагались вездѣ тождественными. Съ нравственной и политической точки зрѣнія не было никакой разницы между друидомъ, магомъ, римскимъ папой, браминомъ и іезуитовъ. Преданія классической трагедіи въ этомъ отношеніи принесли свою пользу. Французская публика давно привыкла не придавать никакого мѣстнаго и историческаго смысла трагическимъ героямъ съ именами разныхъ странъ и эпохъ. Она искала здѣсь вообще типовъ, олицетвореній тѣхъ или другихъ нравственныхъ свойствъ. Такой вкусъ, несостоятельный съ художественной и психологической точки зрѣнія, въ высшей степени удобенъ для идейной пропаганды. Вольтеръ въ предисловіи къ трагедіи *Guèbres* говоритъ, будто онъ не сдѣлалъ ее христіанскою пьесой только изъ почтенія къ христіанству, и, въ то же время, по его мнѣнію, напрасно въ *Гебрахъ* отыскиваютъ намеки на іезуитовъ и инквизицію. Очевидно, заявленія противорѣчатъ одно другому и возмущеніе Вольтера противъ толкователей трагедіи настолько же серьезно, насколько и его уваженіе къ католичеству. Слова Вольтера показываютъ, съ какою свободой можно было пользоваться религіозными темами и какъ легко достигались цѣли авторовъ въ современной публикѣ. Для самого Вольтера ничего не могло быть желательнѣе именно такихъ впечатлѣній публики, какія будто бы его возмущали. Его ученики шли тѣмъ же путемъ въ твердомъ убѣжденіи, что зрители и читатели съумѣютъ въ должномъ смыслѣ понять ихъ маговъ и друидовъ.

Подъ покровомъ иноземныхъ культовъ на сценѣ подвергаются критикѣ важнѣйшія преданія и историческія событія римской церкви,—притязанія папы на политическую власть, вліяніе духовенства на государей и подданныхъ, кровавыя подвиги инквизиціи, жертвы іезуитскаго ордена, злоупотребленія монаховъ и зло монастырей. И замѣчательно наибольшій успѣхъ имѣли на сценѣ трагедіи, нападавшія на церковь окольными путями: какъ будто публика испытывала двойное удовольствіе—разгадать намѣренія и намеки автора и выразить ему полное сочувствіе. Мы остановимся на п[ь]сахъ, имѣвшихъ шумный и продолжительный успѣхъ со дня появленія [о] самой революціи.

Трагедія Леблана *Manco-Capac* была посвящена вопросу о происх[о]деніи государства и политической власти. Но, въ силу исторіи и уче[ія] католической церкви, государственный вопросъ естественно связывался [съ]

церковнымъ. Въ трагедіи Леблана великій жрецъ солнца—Тамзи, по своему политическому вліянію и честолюбивымъ стремленіямъ необыкновенно близко напоминающій римскаго первосвященника.

Тамзи возбуждаетъ Манко къ жестокости и деспотизму: «прощаетъ слабость, а не могущество», говоритъ жрецъ. Подданные должны трепетать, являться игрушкой въ глазахъ надменнаго владыки. Тамзи требуетъ казней. Его власть основывается на ослѣпленіи толпы. Одинъ изъ приближенныхъ Манко говоритъ Тамзи: «Чтобы легче подчинить слабаго игу вашихъ законовъ, вы небо сдѣлали представителемъ своего права. Вы отношенія между человѣкомъ и небомъ превратили въ священный культъ, невѣдомый нашимъ предкамъ, разукрасили его помпой, блескомъ празднествъ и таинствъ и повсюду возбудили благоговѣніе толпы, захотѣли царствовать надъ трономъ и алтаремъ, ни съ кѣмъ не дѣлить верховной власти, держать въ своихъ рукахъ скипетръ и кадильницу». Манко изумляется, какъ безстыдный обольститель толпы для собственнаго возвышенія злоупотребляетъ именемъ неба. Въ концѣ трагедіи Тамзи провозглашаетъ себя королемъ, поднимаетъ бунтъ противъ Манко, покушается убить его храбрѣйшаго вождя, но самъ гибнетъ отъ руки дикаря, побѣжденнаго Манко, но несравненно болѣе честнаго, чѣмъ жрецъ. Указывая на умирающаго Тамзи, дикарь произноситъ стихъ, вызывавшій у публики бурю восторговъ: «Voilà l'homme civil, reconnois le sauvage». Послѣ нѣсколькихъ представленій пьесу запрещено было печатать и давать на сценѣ. Ее возобновили спустя почти двадцать лѣтъ и тогда же напечатали.

Но успѣхъ этой пьесы блѣднѣетъ предъ шумомъ, поднятымъ другою трагедіей Леблана—*Druides*. Первое представленіе пьесы было неудачно, но въ дѣло вмѣшались энциклопедисты Тома и Кондорсе, въ теченіе одной ночи сократили и исправили трагедію, и успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Партеръ на этотъ разъ сошелся въ своихъ восторгахъ съ герцогомъ Орлеанскимъ и велъ себя такъ, что очевидецъ второе представленіе трагедіи называетъ «истиннымъ скандаломъ въ виноградникѣ Господнемъ». «Съ такимъ настроеніемъ всей публики,—прибавляетъ онъ,— невозможно, чтобы власть духовенства уцѣлѣла». Въ Парижѣ немедленно возникло множество догадокъ: друидовъ называли именами современныхъ архіепископовъ и фактичнѣйшій изъ жрецовъ отождествлялся съ архіепископомъ парижскимъ. Было дано подрядъ двѣнадцать представленій съ полными сборами и партеръ требовалъ еще новыхъ спектаклей. Пьесу дали въ Версалѣ, при дворѣ, что привело Парижъ въ неслыханный восторгъ. Парижскій архіепископъ, наконецъ, рѣшилъ прекратить смущеніе правовѣрныхъ и настоялъ на запрещеніи *Druides*. Приказъ былъ полученъ передъ самымъ представленіемъ, но спектакль отмѣнить не позволили: актеры сыграли комедію *Vanine*, не менѣе ненавистную для охранителей стараго порядка, чѣмъ *Друиды*. Одновременно появилась трагедія Вольтера *Lois de Minos* на тему [illegible] не консервативнаго характера. Такимъ образомъ, цензурѣ и духо[illegible] почти не представлялось выхода. Едва спасали архіепископовъ,

опасности подвергались графы и маркизы; удавалось удалить со сцены жреца-философа, на ней грозилъ появиться царь-философъ. Зданіе, очевидно, горѣло со всѣхъ сторонъ.

Въ трагедіи Леблана происходитъ борьба между самими жрецами, великимъ друидомъ Галліи и главой друидовъ племени Кернутовъ. Вождь этого племени обѣщалъ за спасеніе Галлія посвятить богамъ свою дочь, т.-е. принести ее въ жертву. Глава друидовъ господствуетъ надъ волей вождя и надъ всѣмъ племенемъ. Великій друидъ возмущается честолюбіемъ, притязаніями духовенства и суевѣріемъ толпы. Вождь готовъ сложить корону къ его ногамъ, онъ отвергаетъ всѣ почести. «Да погибнетъ первосвященникъ, опьяненный своимъ величіемъ, питающій безтыдно-тщеславные замыслы... Вы, жрецы, будьте покорны вашимъ королямъ, строго различайте права земли и неба и бойтесь заблужденій слѣпого усердія». Указывая на легковѣріе и слѣпоту толпы, великій друидъ считаетъ долгомъ жрецовъ просвѣщать народъ, а не питать въ немъ вѣру, будто небо возвѣщаетъ свою волю устами священниковъ и открываетъ имъ тайны, недоступныя простымъ смертнымъ. Жрецы должны заслужить уваженіе простыхъ людей, а не красть его путемъ обмана и умственной тьмы. Великій друидъ просвѣщаетъ и вождя на счетъ его обязанности: «Короли не должны покровительствовать заблужденіямъ... Голосъ неба сказывается въ сердцѣ человѣка. Онъ требуетъ милосердія и справедливости... Разумъ въ свою очередь убѣждаетъ: чѣмъ могущественнѣе Богъ, тѣмъ онъ милостивѣе. Онъ самъ далъ намъ свѣтъ, чтобъ отличать правду отъ обмана: будемъ прислушиваться къ голосу природы и мы постигнемъ истинную волю божества».

Этотъ стихъ: *Ah! ce n'est point aux rois proteger l'erreur* — превратился въ пословицу. Такія же рѣчи произноситъ и жертва друидовъ, юная дочь вождя. Великій жрецъ возмущается обычаемъ жрецовъ — принимать вынужденные обѣты отъ суевѣрныхъ поклонниковъ, онъ не допускаетъ мысли, чтобы небо требовало человѣческихъ слезъ и какихъ бы то ни было жертвъ. Принцесса, поддерживаемая друидомъ, обращаетъ къ жрецамъ пламенные упреки: называетъ ихъ вѣчными виновниками раздора и ненависти, дикими обманщиками, разрушителями гуманности и величайшими оскорбителями имени Бога. Даже вождь, покорный исполнитель воли духовенства, подъ конецъ драмы возмущенъ представленіемъ друидовъ о Божествѣ: «Какъ! этотъ Богъ, чьи перуны устрашаютъ преступниковъ, на всѣхъ людей смотритъ, какъ на свои жертвы? Вы его изображаете ревнивымъ деспотомъ, вѣчно опьяненнымъ яростью и пламеннымъ гнѣвомъ. Его нужно укрощать кровью и слезами. Что же мы послѣ этого? Со всѣхъ сторонъ окруженные бѣдствіями, мы — жалкія игрушки силы, поражающей насъ по своему усмотрѣнію, и мы можемъ только со страхомъ взирать на небо?»

Великій друидъ одерживаетъ верхъ, его противникъ подвергается смертельной опасности, но философская гуманность безпредѣльна: сѣтуя на его заблужденія,— говоритъ друидъ-философъ,—«щадите его кровь; онъ — человѣкъ, этого достаточно. Не подавайте примѣра злодѣяніямъ, которыми

онъ загрязнилъ храмъ. Онъ довольно наказанъ, если его совѣсть проснулась. Пусть онъ живетъ для раскаянія... Различайте же впередъ,— заканчиваетъ друидъ,— голосъ неба отъ голоса фанатизма — органа злодѣйства». Среди галловъ воцаряется религія сердца, связывающая людей чувствами любви и терпимости, а не внушающая имъ ужасъ.

Такова проповѣдь, раздававшаяся,—пишетъ современникъ,—въ теченіе цѣлаго великаго поста противъ церкви и духовенства. На этотъ разъ авторъ простеръ свободу своихъ убѣжденій гораздо дальше, чѣмъ въ первой трагедіи. Указать на сердце и разумъ, какъ на единственные источники религіи,— значитъ подорвать авторитетъ вообще церковныхъ установленій. Объявить, устами великаго друида, священниковъ такими же людьми, какъ и всѣ остальные,—значитъ отвергнуть католическую іерархію и католическія таинства. Не признать за священниками исключительнаго права сообщать вѣрующимъ божественную волю — значитъ отвергнуть преданія Рима и священническій санъ понимать съ точки зрѣнія крайнихъ протестантскихъ сектъ. При такихъ взглядахъ, высказанныхъ публично, съ театральной сцены, опасность грозила римской церкви и ея религіозному культу. Католическая церковь, какъ нѣчто отличное отъ свѣтскаго общества, теряла право на существованіе и не могла искать защиты у политической власти. Сердце и разумъ — единственные догматы, признанные великимъ друидомъ. Послѣ этого понятно безпокойство даже свободномыслящихъ современниковъ при видѣ всей столицы, привѣтствовавшей эти догматы и настоятельно желавшей, чтобы духовенство познакомилось съ ними непремѣнно въ театрѣ.

Тлетворное вліяніе католическаго духовенства на государей—общепризнанная истина у драматурговъ XVIII вѣка. Во всѣхъ пьесахъ, упомянутыхъ до сихъ поръ, жрецы являются первыми руководителями деспотизма, проповѣдниками народнаго рабства, достигаемаго какою бы то ни было цѣной. Это повторяется безпрестанно. Цѣлый рядъ трагедій возникъ исключительно для доказательства этой истины. Въ трагедіи *Olinde et Sophronie* магъ Исменъ обращается съ такою рѣчью къ султану: «Ты царствуешь по волѣ Предвѣчнаго. Это Богъ возвелъ тебя на тронъ, Онъ возложилъ корону на твою голову, вложилъ скипетръ въ твои руки. Вмѣстѣ съ властью онъ даровалъ тебѣ знаніе и духъ мудрости. Отгони же отъ себя пустыя тревоги...» Исменъ требуетъ истребленія всѣхъ христіанъ: это кажется ему законнымъ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи. «Народъ,— говоритъ онъ,— созданъ затѣмъ, чтобы чувствовать страхъ, жить въ рабствѣ и преклоняться предъ господиномъ». Въ такихъ принципахъ наставляетъ Исменъ султана съ цѣлью самому пользоваться властью. Его бесѣды съ султаномъ напоминаютъ шиллеровскую сцену Филиппа II съ великимъ инквизиторомъ, и признанія самого Исмена живо рисуютъ политическіе взгляды римской церкви.

Эти же мотивы перенесены и въ античную исторію. Въ трагедіи *Idomenée* происходитъ такая же борьба между чувствомъ и жреческимъ фанатизмомъ, какая въ *Друидахъ*. Царь обязанный пожертвовать сыномъ,

жалуется, что онъ не въ силахъ примирить въ своемъ сердцѣ голосъ природы и волю боговъ, а мать обращаетъ къ жрецу вопросъ, неразрѣшимый для разума и чувства: «Какой же богъ можетъ управлять убійствами и повелѣвать несправедливость?»

Въ трагедіи *Hypermnestre* жрецы являются усерднѣйшими помощниками узурпатора и деспота. Данай замышляетъ погубить семью своего царственнаго брата, онъ намѣренъ обмануть народъ съ помощью жреца: «Плутъ служитъ моимъ желаніямъ. Онъ продалъ мнѣ свой голосъ, свою честь и своихъ боговъ». Жрецъ пользуется вѣрой народа въ чудеса, въ предсказанія, распространяетъ ужасъ, оправдываетъ свои дѣйствія ссылкой на оракула, на знаменія. Гипермнестра — свободный мыслитель, она подвергаетъ жестокой критикѣ всѣ суевѣрія. Нападеніе на чудеса внушено истинно-вольтеровскимъ духомъ: «Случай въ моихъ глазахъ не можетъ быть чудомъ. Я не могу оказывать такую честь нашему ревнивому самолюбію, чтобъ осмѣлиться вѣрить, будто міровой порядокъ нарушается ради насъ, не дерзаю наносить и богамъ обиду, воображая, что они связываютъ скрытое отъ насъ будущее съ какими-то предзнаменованіями».

Авторъ *Идоменея* и *Гипермнестры*, Лемьерръ, былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ послѣдователей Вольтера. Его третья драма противъ церкви — *La veuve de Malabar* — одна изъ популярнѣйшихъ пьесъ всего репертуара XVIII вѣка. Современникъ, мало расположенный признавать талантъ Лемьерра, называетъ трагедію «прекраснѣйшею проповѣдью, какая только въ теченіе года была произнесена противъ епископской власти, противъ католическихъ предразсудковъ». Публика вполнѣ раздѣляла это мнѣніе. Дора, авторъ противофилософской сатиры *Les prôneurs*, до такой степени былъ восхищенъ этимъ безусловно-философскимъ произведеніемъ, что въ день перваго представленія, смертельно-больной, говорилъ окружающимъ: «Возможно скорѣе извѣстите меня объ успѣхѣ *Малабарской вдовы:* это поможетъ мнѣ спокойно провести ночь». Спустя десять лѣтъ, въ 1780 году, Лемьерръ передѣлалъ свою пьесу и она снова имѣла блестящій успѣхъ, выдержала двадцать спектаклей, чего современники не помнили въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ.

Интересъ трагедія заключается, конечно, не въ сюжетѣ: вопросъ идетъ объ извѣстномъ индусскомъ обычаѣ — сожженіи женъ по смерти мужей. Важны идеи великаго брамина и его юнаго товарища относительно преданій и духовенства. Великій браминъ объясняетъ чувствительному юношѣ, что людьми правятъ обычаи, привычки и преданія. Только крѣпостью традицій и держится власть браминовъ и ихъ учениковъ: «Уничтожьте одинъ обычай, упадетъ другой,— говоритъ браминъ,— и наши священнѣйшія, драгоцѣннѣйшія права, наши почести рушатся, храмы опустѣютъ. Передъ этими законами смерти и ужаса пораженные народы всегда склонялись во прахъ».

Старикъ борется противъ всего новаго и свободнаго. Его опора — невѣжество и слѣпая покорность толпы. Онъ не перестаетъ повторять, что

онъ «органъ небесъ». Юноша отъ природы мягкосердеченъ, чувствителенъ. Онъ не можетъ помириться съ религіознымъ ученіемъ, требующимъ жестокости и рабскаго повиновенія. Его поддерживаетъ начальникъ французскаго войска. Сцена генерала съ браминомъ вызвала шумныя одобренія публики. Генералъ обращается къ брамину во имя гуманности: «Я говорю, какъ человѣкъ». Браминъ отвѣчаетъ: «А я, какъ органъ небесъ, какъ жрецъ, какъ смертный, вдохновленный богами». Французъ возмущенъ до глубины души: «Ты—жрецъ! ты — браминъ! Но ты даже не человѣкъ! Кроткая гуманность—скорѣе инстинктъ, чѣмъ добродѣтель, это первоначальное чувство, никогда не замолкавшее, родившееся съ нами, душа нашего существа, она дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, и ты можешь отвергать ее! Какимъ же дыханіемъ былъ ты призванъ къ жизни въ минуту рожденія? Какое чудовище, какая скала создала тебя въ своихъ нѣдрахъ? Ты, несчастный, никогда не проливалъ слезъ! Ты никогда не испытывалъ прелести нѣжнаго чувства! Мнѣ надо было придти къ этимъ мятежнымъ берегамъ, чтобы научить тебя, что существуютъ сострадательныя сердца». Браминъ оправдываетъ индусскій обычай тѣмъ, что жены отравляютъ мужей. Генералъ, какъ истинный ученикъ просвѣтительной философіи, отвѣчаетъ: «Преступленіе на землѣ—всегда явленіе исключительное. Оно мимолетно, какъ всѣ бѣдствія... Если ты лишенъ чувствительности, не будь безчеловѣчнымъ, это не такъ трудно. Оставь свой обычай,—вопросъ въ томъ, чтобы быть человѣкомъ».

Успѣхъ трагедіи, помимо идей, несомнѣнно объясняется ея общимъ характеромъ. Это—чувствительная драма съ безпрестанными напоминаніями о сердцѣ, о чувствѣ, о состраданіи. Противникъ брамина борется съ его консерватизмомъ не доводами разума, а чувствительными изліяніями. Онъ глубоко убѣжденъ, что человѣкъ по природѣ добръ, и буквально повторяетъ идею Руссо: у человѣка врожденное отвращеніе къ страданіямъ ближнихъ, милосердіе—единственная и всеобщая добродѣтель. *Etre sensible* — любимое нравственное понятіе женевскаго философа—выставляется идеаломъ человѣчества. Французская публика семидесятыхъ годовъ была достаточно знакома съ произведеніями Руссо, чтобъ оцѣнить монологи юнаго брамина и французскаго генерала, а слезы, прославляемыя въ пьесѣ, для XVIII в. были рѣшающимъ моментомъ успѣха драматическаго произведенія. Эти слезы создали популярность драмѣ Савиньи *La mort de Socrate*.

Смерть Сократа въ XVIII вѣкѣ вообще считалась очень благодарною темой для чувствительной философской драмы. Дидро умеръ бы съ радостью, если бы написалъ такую драму. Вольтеръ ради той же цѣли на[illegible]лъ, противъ своего убѣжденія, пьесу въ прозѣ и согласился, что «сліяніе патетическаго съ будничнымъ имѣетъ свои достоинства». Савиньи вы[illegible]лилъ свою задачу въ современномъ духѣ. Сократъ — простой, добрый, [illegible]лненный гуманныхъ чувствъ другъ народа. Его философія сильно от[illegible]ается мечтаніями Руссо. «Я не занимаюсь,—говоритъ онъ,— безполез[illegible]искусствами, этими вѣтреными данниками городской роскоши. Чтобъ

освободиться изъ тенетъ заблужденія, я хотѣлъ изучить самого себя и углубиться въ свое сердце». Это—основной источникъ его жизни и философіи. Онъ—*человѣкъ*, противъ него—*жрецъ*. Одинъ изъ друзей, перечисляя его доблести, говоритъ: «Онъ, можетъ быть, на свое несчастіе, отличалъ законъ отъ злоупотребленія, человѣка отъ жреца». На сторонѣ враговъ Сократа ярость, жестокосердіе, ученики философа признаютъ единственное средство искоренять заблужденія — кротость. Обвинитель Сократа говоритъ: «Онъ образовывалъ умы, воспитывалъ сердца». Передъ нами, слѣдовательно, опять борьба чувствительности, гуманности съ честолюбіемъ и фанатизмомъ. Сократъ и его ученики религію фанатиковъ изображаютъ какъ «политическое орудіе», средство, наводящее ужасъ на темный народъ. Ихъ боги—несправедливые, ревнивые тираны. «Неужели каждый обманщикъ,—восклицаетъ Критонъ,—подъ твоимъ именемъ, всемогущій Богъ, будетъ имѣть страшное право губить невиннаго?... Если когда-нибудь несчастный оскорбитъ Тебя, если онъ заглушитъ въ Твоей груди голосъ милосердія, неужели Твоего грома, гремящаго надъ смертными, не достаточно будетъ отомстить за твои алтари?»

Трагедія Савиньи явилась во время гоненій на *Эмиля* и нападокъ Палиссо на философовъ. Цензура въ лицѣ Сократа усмотрѣла сначала намеки на Руссо, потомъ авторъ *Философовъ* присвоилъ себѣ роль Аристофана и въ результатѣ трагедія была запрещена, но въ чтеніи продолжала вызывать обильныя слезы у современниковъ.

Средневѣковая и новая исторія Европы представляли слишкомъ много примѣровъ политической дѣятельности духовенства, чтобы драма не воспользовалась нѣкоторыми изъ нихъ. Въ 1767 году въ Женевѣ была напечатана трагедія Гюдона де-Брюнелля *Lotharie et Valrade ou le royaume mis en interdit*. Въ Римѣ ее сожгли по распоряженію инквизиціи. Черезъ десять лѣтъ вышло второе изданіе въ Женевѣ, но было похищено и автору осталось неизвѣстно, какъ оно разошлось. Въ третій разъ трагедія была напечатана въ Парижѣ въ 1801 году. Второе изданіе посвящено Вольтеру съ эпиграфомъ: «C'est la cause des rois, que j'ai voulu defendre». Трагедія направлена противъ свѣтской власти папства. Король Лотарь оставилъ жену Эмпрену и женился на Валрадѣ. Папа прислалъ легата расторгнуть этотъ бракъ и казнить Валраду. Лотарь разсказываетъ легату, сколько бѣдствій причиняетъ государствамъ вмѣшательство папы въ ихъ дѣла: «Путь пословъ римскаго первосвященника свидѣтельствуютъ поля, покрытыя мертвецами, развѣянный по вѣтру пепелъ, кровавыя развалины городовъ...» Легатъ отвѣчаетъ: «Въ крови отлученныхъ омываются судьи».—«На васъ, слѣдовательно, не простирается власть гуманности?» — «Нѣтъ, я слушаю только Бога, я повинуюсь только Его голосу». Лотарь отказывается исполнить волю легата, тогда онъ прибѣгаетъ къ интердикту: «Не пощадимъ ничего, покажемъ всѣмъ королямъ, насколько тщетны ихъ стремленія избѣжать нашихъ законовъ»,—и легатъ возбуждаетъ подданныхъ Лотаря къ возстанію: ссылается на безчисленные примѣры, обѣщаетъ отпущеніе всѣхъ злодѣ-

ній, даже убійствъ, тому, кто убьетъ отлученнаго короля. Въ послѣднемъ актѣ въ сильныхъ краскахъ изображена стихійная покорность толпы представителю церкви. Лотарь—популярный государь, его любятъ всѣ подданные; легатъ внушаетъ отвращеніе, но повинуются ему, а не королю. Одна изъ придворныхъ дамъ разсказываетъ Валрадѣ о вліяніи легата на толпу: «Этого священника проклинаютъ, но идутъ за нимъ. Высшая непреодолимая власть сообщаетъ всѣмъ его рѣчамъ непобѣдимую силу. Онъ говоритъ и всѣхъ охватываетъ дрожь. Каждый, исполненный ужаса, повинуется его приказанію и служитъ ему противъ своей воли. И даже я, вся подъ вліяніемъ окружающаго ужаса, я не въ силахъ повѣрить, чтобы Богъ повелѣвалъ намъ измѣнять клятвамъ, ниспровергать законы, изгонять, низлагать, проклинать нашихъ королей,—и я не дерзаю, однако, остаться вамъ вѣрной. Я боюсь оскорбить *его*, питая къ вамъ любовь. Я вижу, что онъ готовъ наказать, и я прихожу, охваченная дрожью, и, предлагаю совершить по его приказу возмутительное преступленіе. И короли, когда на нихъ падаетъ его ярость, вмѣстѣ съ нами обрекаются на адскія муки. Спасите же вашу пораженную проклятіемъ жизнь, ваши слишкомъ преступные дни отъ неотразимаго возмездія, отъ вѣчнаго огня».

Дѣятельность легата влечетъ цѣлый рядъ страшныхъ катастрофъ. Онъ самъ дрожитъ при видѣ своихъ преступленій, онъ сознаетъ ихъ, но здѣсь же обращается къ толпѣ съ такими словами: «Вы, народы, свидѣтели преступленія и кары, преклонитесь предъ Вѣчнымъ и страшитесь Его правосудія».

Сожженіе перваго изданія трагедіи, очевидно, было исполнено не совсѣмъ удачно. Спустя двѣ недѣли послѣ сожженія мы встрѣчаемъ такое извѣстіе: «Священники смотрятъ на это произведеніе какъ на одно изъ самыхъ скандальныхъ, какія только появлялись съ давнихъ поръ». Это значитъ, прибавляетъ современникъ, «оно дѣлаетъ особенную честь человѣческому разуму». Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ этого замѣчанія здѣсь же выражаетъ глубокое сожалѣніе о побѣдѣ новой философіи надъ религіей, ея нравственнымъ ученіемъ, догматами, культомъ, служителями. Очевидно, католическихъ священниковъ XVIII вѣка естественно было отдѣлять не только отъ религіи и нравственности, но даже отъ настоящихъ служителей церкви.

Въ новой исторіи образцомъ фанатизма и всѣхъ его губительныхъ послѣдствій является Филиппъ II. Драма Шиллера пріобрѣла всемірную извѣстность, но во французской литературѣ раньше этой драмы появилась пьеса Мерсье *Portrait de Philippe II, roi d'Espagne*. И это была не первая трагедія о Филиппѣ II. Президентъ Эно, поклонникъ и подражатель Шекспира, раньше Мерсье воспользовался этою фигурой. Мерсье говоритъ, что онъ самъ пришелъ въ ужасъ, создавъ своего героя. Филиппъ — принципіальный деспотъ и основываетъ свои принципы на первородномъ грѣхѣ человѣчества. «Слѣдуетъ, — говоритъ онъ, — безпрестанно свирѣпствовать (sévir), чтобы помѣшать человѣческому роду поддаться влеченію къ есте-

ственной развращенности». Его религіозныя убѣжденія не менѣе рѣшительны: «Спасеніе зависитъ отъ слѣпой вѣры». Но религія въ его глазахъ имѣетъ назначеніе преимущественно политическаго орудія. «Лучшее средство,—говоритъ онъ,—довести до полнаго отупѣнія умъ юноши—погрузить его въ крайнюю набожность. Ничто лучше не обезпечиваетъ покорности подданнаго, чѣмъ слѣпая преданность католическимъ догматамъ. Брутъ, связанный исповѣдью, никогда бы не поразилъ Цезаря. Съ религіей и ея священниками я хочу создать болѣе неограниченную и болѣе могущественную имперію, чѣмъ мой отецъ съ своими многочисленными арміями».

Съ этою цѣлью его миссіонеры распространяютъ католическое ученіе съ такими жестокостями, что даже находится монахъ, отказывающійся отправиться въ Америку миссіонеромъ. По иниціативѣ Филиппа, во Франціи открывается гоненіе на гугенотовъ, Карлъ IX вступаетъ съ нимъ въ заговоръ противъ своихъ подданныхъ.

Всѣ эти нападки, направленныя противъ католическаго духовенства, были собраны въ цѣльную и крайне смѣлую картину другомъ Дидро, Фенульо де-Фальбэромъ въ трагедіи *Les Jammabos ou les moines japonais*. По словамъ Дидро, этотъ поэтъ всѣ свои цѣли сосредоточилъ на изображеніи духовенства. Пьеса *Les Jammabos* бичуетъ іезуитовъ: такъ заявляетъ самъ авторъ въ предисловіи. Трагедія, кромѣ того, изобилуетъ несомнѣнными указаніями на предметъ драмы, и тотъ же самый предметъ подробно излагается въ примѣчаніяхъ. Политика католической церкви выражена въ слѣдующихъ словахъ принца Тампы, обращенныхъ къ его старшему брату, приверженцу Жаммабо: «Священники тебѣ будутъ говорить, что власть на землѣ, установленная небомъ, не можетъ быть ограничена. Они, сдѣлавшись высшими представителями правительства, превратятъ тебя въ деспота, чтобы самимъ быть деспотами. Но если современемъ вздумаешь сбросить иго,—будь увѣренъ,—они внезапно заговорятъ другимъ языкомъ и измѣнятъ взгляды: станутъ оправдывать преступленія противъ верховной власти, взвѣшивать на алтаряхъ твои титулы и твои права, разсуждать, когда можно убивать королей, начнутъ проповѣдывать твоимъ подданнымъ свободу и возбуждать среди нихъ духъ мятежа. Такими всегда были эти опасные люди, такими они останутся до конца вѣковъ».

Авторъ заставляетъ самого главу Жаммабо открыть принципы ордена: «Пусть каждый изъ насъ пользуется оружіемъ, какое ему больше подходитъ. Будемъ проповѣдывать при всякомъ случаѣ сообразно съ нашими интересами: деспотизмъ государямъ, бунтъ — подданнымъ, однихъ будемъ превращать въ тирановъ, другихъ въ цареубійцъ и будемъ одновременно ихъ оракулами и ихъ вождями». Въ особенности слѣдуетъ овладѣвать лю[дь]ми предъ ихъ кончиной: «когда человѣкъ ослабѣваетъ, мы становимся [е]го господами».

Первый министръ императора такъ выражается о священникахъ: «[Бо]рецъ, создавая всѣ существа изъ глины, обмакнулъ ее въ желчь, с[оз]давая священниковъ». Глава Жаммабо, будто подтверждая эту мысль, [го]ва-

етъ чудовищное признаніе своему наперснику: «слушай, другъ, мы теперь безъ свидѣтелей: если есть боги,—повѣрь мнѣ, я въ нихъ не нуждаюсь. Я не хочу и не жду поддержки неба: оно даетъ мнѣ свое имя, а моя рука дѣлаетъ остальное».

Но, по мнѣнію императора, т.-е. самого автора, теперь эти люди не страшны: «времена перемѣнились». Жаммабо все еще честолюбивы, искусно прикрываютъ свою слабость маской силы,—но писатели уже давно подкопали основы надменнаго Палиссо. «Писатели безраздѣльно управляютъ общественнымъ мнѣніемъ, величайшей пружиной въ государственномъ порядкѣ». Если Жаммабо будутъ уничтожены,—это будетъ подвигомъ литературы.

Орденъ іезуитовъ уже оффиціально не существовалъ во Франціи, когда Фенульо издалъ трагедію. Шуазелю писатели неоднократно посвящали свои произведенія, Фенульо свою пьесу посвятилъ памяти Генриха IV, можетъ быть потому, что зналъ участіе министра въ дѣятельности Палиссо противъ философовъ или потому, что хотѣлъ придать своей трагедіи болѣе широкій смыслъ, чѣмъ обличеніе іезуитовъ: въ посвященіи онъ защищаетъ гугенотовъ, ихъ гражданскія добродѣтели и восхваляетъ протестантское вѣроисповѣданіе. По его словамъ, разумъ успѣлъ уничтожить фанатизмъ, но раны, нанесенныя лучшимъ гражданамъ Франціи, еще не закрылись. Очевидно, авторъ не совсѣмъ вѣритъ и въ побѣду разума надъ фанатизмомъ, именемъ Генриха IV Франція умоляетъ потомковъ великаго короля не преслѣдовать религіи, давшей Генриха IV и двухъ Сюлли.

Эти слова написаны ровно за десять лѣтъ до революціи. Во время революціи на сценѣ появились событія и характеры изъ исторіи гугенотовъ. Но это были старыя пьесы, нѣкоторыя написаны больше чѣмъ за двадцать лѣтъ до появленія на сценѣ. При старомъ порядкѣ, несмотря на побѣды разума, о страданіяхъ и мужествѣ гугенотовъ можно было только читать въ книгахъ,—духовенство, считавшее изгнаніе гугенотовъ однимъ изъ величайшихъ подвиговъ католической церкви, не могло допустить обсужденія этой темы со сцены. Маріи Антуанеттѣ удалось выхлопотать постановку въ версальскомъ придворномъ театрѣ первой драмы о гугенотахъ,—этимъ все и ограничилось. Провинція, какъ намъ извѣстно, была несравненно либеральнѣе, но въ Парижѣ первое представленіе протестантской драмы состоялось только 4 января 1790 года.

Драма Фенульо *L'honnête criminel* основана на дѣйствительномъ фактѣ, какъ его разсказалъ Мармонтель: одинъ лондонскій прелатъ замѣнилъ своего отца, отправленнаго на галеры за религіозныя убѣжденія. Авторъ сдѣлалъ изъ этого эпизода чувствительную мѣщанскую драму. Въ современномъ театральномъ журналѣ писали: «Вотъ одно изъ произведеній, разсчитанныхъ на сердце и душу, драма чувства, которую съ полнымъ основаніемъ можно рекомендовать молодымъ и зрѣлымъ читателямъ всякаго сословія и состоянія».

драмѣ вопросъ о религіи и терпимости остается на второмъ планѣ. Со[illegible]икъ даже недоволенъ авторомъ: главный герой ведетъ себя слиш-

комъ скромно, не говоритъ о вѣрѣ, за которую страдаетъ, не обнаруживаетъ восторга среди страданій. Этотъ упрекъ — для автора похвала. Его драма не страдаетъ излишнею риторикой, не переполнена отвлеченнымъ резонерствомъ и дѣйствуетъ на зрителей мотивами чувства. Гугеноты защищаютъ себя и оправдываютъ свою религію не доводами разсудка, не словами, а личною жизнью, исполненной самоотверженія и гуманности. Тамъ, гдѣ сынъ идетъ на каторгу вмѣсто отца за общія убѣжденія, гдѣ незаслуженныя страданія не только не ожесточаютъ страдальца, но въ теченіе долгихъ лѣтъ уживаются рядомъ съ чувствительнымъ сердцемъ, чистой отзывчивой душой, отъ такихъ людей, очевидно, естественнѣе всего ожидать гражданскихъ доблестей и образцовой службы отечеству. Именно такимъ выводомъ и оканчивается драма. Старый протестантъ говоритъ католикамъ: «Если мы въ чемъ-нибудь и заблуждаемся и не сходимся съ вами, святыя чувства преданности отечеству и нашему государю соединяютъ насъ съ остальными гражданами».

Кровавыя сцены изъ эпохи протестантскихъ гоненій напомнила другая драма, изданная съ именемъ Вольтера, но на самомъ дѣлѣ принадлежавшая Мерсье—*Jean Hennyer, evêque de Lisieux*. Первое изданіе драмы вышло въ 1772 году, въ эпоху всеобщаго интереса политическими вопросами и крайняго развитія оппозиціоннаго духа. Воспоминанія о Генрихѣ IV преслѣдовались повсюду—въ литературѣ и на сценѣ. Крайне ярко отразились эти преслѣдованія на политическомъ самосознаніи Французской публики. Драма Мерсье появилась въ годовщину Варѳоломеевской ночи и естественно имя Генриха IV должно было занимать въ ней центральное мѣсто. При извѣстномъ настроеніи общества въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV, воспоминанія о популярномъ королѣ легко переходили въ укоризны по адресу современнаго правительства,—и бо́льшая часть драмы посвящена политическому вопросу. Дворъ подвергается жестокому униженію и епископъ подробно рѣшаетъ вопросъ о пассивномъ повиновеніи верховной власти. Варѳоломеевской ночи посвященъ въ высшей степени эффектный разсказъ гугенота, избѣжавшаго смерти при всеобщемъ истребленіи протестантовъ. Дѣти католическаго епископа, исполненнаго гуманныхъ чувствъ, проникнуты сердечностью. Все это на современниковъ производило чарующее впечатлѣніе: автору были благодарны за восторги передъ личностью Генриха IV и за чувствительныя сцены мира и терпимости между гугенотами и католическимъ престоломъ. «Я не сомнѣваюсь,—говоритъ современникъ,—что эта драма скоро появится на сценахъ во всѣхъ странахъ, гдѣ фанатизмъ не достаточно вліятеленъ, чтобы мѣшать прогрессу разума и терпимости. Такіе спектакли гораздо полезнѣе для народа, чѣмъ испанскія фанфоронады римлянъ Корнеля и вся благозвучная французская болтовня грековъ Расина».

Но во Франціи драма не только не могла появиться на сценѣ,—даже не могла быть напечатана. Оба изданія ея вышли за границей: первое—въ Женевѣ, второе—въ Лондонѣ.

Мы видимъ, какую обильную жатву нашла новая драма въ исторіи и въ идеяхъ католической церкви,—и какъ легко было писателямъ воспользоваться современнымъ художественнымъ вкусомъ съ цѣлью возбудить отвращеніе къ фанатизму и восторженное сочувствіе къ терпимости. Стоило только представить въ должномъ свѣтѣ жертвы господствующей церкви,—и само впечатлѣніе подсказывало зрителямъ требуемую идею. Нигдѣ такъ естественно чувство не сливалось съ свободной мыслью и нигдѣ съ такой послѣдовательностью театръ не служилъ философіи. Этимъ объясняется, почему въ эпоху революціи драмы, направленныя противъ римской церкви и фанатизма, появлялись на сценѣ одна за другой рядомъ съ зажигательными пьесами политическаго содержанія. Эти драмы служили неисчерпаемымъ источникомъ гнѣва новыхъ людей на отжившее государство и церковь. Онѣ могли, кромѣ того, оправдывать всевозможныя мѣры противъ католичества. Въ виду этого, когда въ національное собраніе вносится предложеніе аббата Монтескью противъ монашескихъ обѣтовъ, орденовъ и конгрегацій, связанныхъ съ обѣтами,—на сценѣ появляется драма *Victimes Cloîtrées*, переполненная ужасами. Этому вновь написанному произведенію предшествуютъ драмы, возникшія на ту же тему еще при старомъ порядкѣ, но встрѣтившія непреодолимую цензуру *Ericie ou la Vestale*, драма Фонтанеля и *Melanie ou la réligieuse*—Лагарпа.

По поводу первой пьесы парижскій архіепископъ устроилъ собраніе священниковъ и докторовъ Сорбонны. Собраніе запретило пьесу представлять и даже печатать. Это не помѣшало драмѣ идти на сценѣ въ Ліонѣ. Но и здѣсь ее вскорѣ запретили, а въ Парижѣ сожгли руками палача. Пьеса, все-таки, появилась въ печати,—разнощиковъ принялись ставить къ позорному столбу. Вышло дѣйствительно, по выраженію современника, настоящее государственное дѣло. *Mélanie* Лагарпа появилась въ февралѣ 1770 года въ самый разгаръ финансовыхъ операцій правительства и завладѣла вниманіемъ публики наравнѣ съ этими операціями. Въ три дня разошлось 2,000 экземпляровъ, хотя цензура выбросила цѣлую сцену. Это побудило архіепископа запретить трагедію даже на частныхъ сценахъ,—запрещеніе, какъ намъ извѣстно, не достигшее цѣли. Во время революціи драма имѣла блестящій успѣхъ и служила смягчающимъ обстоятельствомъ для автора, измѣнившаго своимъ убѣжденіямъ.

Обѣ драмы написаны на одну и ту же тему, уже встрѣченную нами раньше,—на тему о насильственныхъ обѣтахъ. Мы слышали въ *Друидахъ*, въ *Идоменеѣ* возмущеніе противъ принудительныхъ жертвъ богамъ. Драмы Фонтанеля и Лагарпа посвящены исключительно этому вопросу. Въ одной героиня—римская весталка, въ другой—будущая католическая монахиня,—но ихность была тождественна. Въ уста старой весталки вложена слѣдующая характеристика католическаго монастыря: «Отчаяніе, смущеніе, ужасъ царствуютъ со всею яростью въ той оградѣ. Здѣсь, подъ гнетомъ обязанности душа непрестанно стонетъ. Вѣчный коршунъ терзаетъ ее, рыданія не смѣютъ вырываться изъ груди. Здѣсь страшатся слезъ и подавляютъ ихъ.

Даже добродѣтель, столь кроткая и мирная въ другомъ мѣстѣ, здѣсь является для насъ жесточайшимъ наказаніемъ».

Это описаніе сопровождается обычнымъ негодованіемъ на представленіе о богахъ, какъ о тиранахъ и кровожадныхъ мучителяхъ. Но усилія автора направлены на изображеніе беззащитной участи дѣвушекъ, часто насильно попадающихъ въ заключеніе. Та же весталка характеризуетъ судьбу женщины на свободѣ, какъ то же рабство. «Развѣ когда-нибудь нашему полу предоставляется свобода? Жертва моды, рабыня обычая, она должна взять себѣ супруга по обязанности, а не по выбору, пресмыкаться предъ его властью, повиноваться его волѣ, выносить его недостатки, уважать капризы, ласкать его, оказывать почетъ даже его обидамъ. Развѣ можно желать столь ненавистнаго положенія?»

Весталка не забываетъ и отношеній родителей къ дочерямъ,—ужаснаго обычая при старомъ порядкѣ, — хоронить заживо дочерей въ интересахъ сыновей. Все это дѣйствительно въ высшей степени драматическіе мотивы и показываютъ искусство автора окружить главную идею крайне популярною чувствительною оправой.

О драмѣ Лагарпа говорили, что въ ней больше «жара и чувствительности», чѣмъ въ какой-либо другой его пьесѣ. Въ первой же сценѣ драмы намъ заявляютъ: «Наше сердце должно имѣть величайшія права надъ нами», потомъ: «Слезы несчастья священны для насъ». «Гуманность — вотъ что должно защищать насъ». Эти мотивы проникаютъ каждую сцену. Мрачныя описанія монастырской жизни, негодующее изображеніе монаховъ. Мать героини характеризуетъ католическій женскій монастырь при старовъ порядкѣ: «Тамъ стонутъ, тамъ горькими слезами омываютъ по ночамъ одинокія ложа, тамъ просятъ у неба милости,—силы жить или рѣшимости умереть. Можетъ быть, съ теченіемъ времени горе смягчается, въ потухшихъ глазахъ высыхаютъ, наконецъ, слезы, мрачная подавленность, поражая на смерть, смѣняетъ отчаянье, его бурные взрывы. Но это вѣроломное спокойствіе всегда можетъ перейти въ грозу... Этотъ обманчивый ядъ обѣщаетъ сонъ, но пробужденіе сопровождается часто страшными потрясеніями».

Юный герой драмы спрашиваетъ, почему же монахи и монахини разныхъ орденовъ ежедневно убѣждаютъ другихъ произнести обѣтъ. Ему отвѣчаютъ: «Подъ вліяніемъ подлаго, жестокаго, отвратительнаго чувства, слишкомъ недостойнаго человѣка и, все-таки, несомнѣнно, существующаго. Оно— мучительное. Рабъ, лишенный нравственнаго достоинства, проклинаетъ въ другомъ, что онъ самъ потерялъ. Онъ втайнѣ льститъ себя надеждой, что удручающая цѣпь станетъ легче, если ее наложить на другихъ. Люди [illegible]го ожесточаются среди страданій. Даже въ тюрьмѣ жаждутъ вліянія на [illegible]угихъ. Вотъ что создаетъ этихъ пламенныхъ проповѣдниковъ, чье фальши[illegible]ое усердіе населяетъ монастыри. Они хотятъ властвовать надъ другими [illegible]е-счастными, заставить ихъ носить иго, наложенное на нихъ, отомстить за свои страданія. Духъ тиранніи легко проникаетъ въ охладѣлую душу. [illegible]а-

во угнетать порабощенныхъ плѣнниковъ является удовольствіемъ для того, кто не знаетъ другихъ радостей».

Въ драмѣ появляется священникъ, врагъ религіознаго рабства и принудительныхъ обѣтовъ. Онъ думаетъ, что человѣку-христіанину, всего просящему у неба, не слѣдовало бы ничего обѣщать. Онъ высказываетъ презрѣніе къ людямъ «безъ принциповъ, безъ мужества, глухихъ къ истинѣ, подчиненныхъ обычаю, считающихъ предразсудки въ числѣ обязанностей».

Въ разобранныхъ драмахъ нельзя не отмѣтить одного въ высшей степени любопытнаго явленія. Очень часто свободомысліе и гуманность воплощаются въ лицѣ священника, епископа, жреца, даже монаха-брамина. Очевидно, нападенія большинства писателей на духовенство чужды слѣпой нетерпимости. Они готовы признать исключенія въ ненавистной фанатической средѣ, пользуются этими исключеніями съ безпристрастіемъ философовъ и оптимистическою вѣрой просвѣтителей. Одинъ изъ самыхъ энергическихъ защитниковъ новой мысли—Мерсье героемъ своей драмы избираетъ католическаго епископа, дѣйствительно существовавшаго, но, несомнѣнно, забытаго громаднымъ большинствомъ публики при крайне ограниченныхъ историческихъ познаніяхъ людей XVIII вѣка. Епископъ является выразителемъ благороднѣйшихъ и гуманнѣйшихъ идей, доказываетъ, что философы въ самомъ пылу борьбы несравненно терпимѣе и справедливѣе своихъ враговъ, не допускавшихъ ни единаго свѣтлаго проблеска въ новомъ движеніи. У вѣрнаго ученика экономической секты, великій друидъ мыслитъ какъ философъ, какъ почитатель Вольтера рядомъ съ толпой своихъ товарищей-фанатиковъ. Въ драмѣ, популярной даже среди революціонной публики, священникъ ведетъ борьбу за гуманность и прогрессъ. Только у Вольтера сплошная мрачная окраска лежитъ на всемъ, что причастно церкви и іерархіи. Въ результатѣ мы можемъ сдѣлать заключеніе, намѣченное уже выше: противуцерковная борьба въ XVIII вѣкѣ въ общемъ не была противурелигіозною борьбой, и навѣты современниковъ, будто философы разрушаютъ религію, оказываются обвиненіемъ, преувеличеннымъ въ жару полемики. Лагарпъ въ своей *Корреспонденціи* писалъ: «Дидро обезчестилъ свою философію, проповѣдуя атеизмъ». Основатель энциклопедіи многими идеями могъ подать поводъ къ такому обвиненію, но въ драмѣ онъ обнаруживаетъ глубокое сочувствіе вѣрѣ. У него одно изъ дѣйствующихъ лицъ упрекаетъ автора драмы въ томъ, что онъ не упомянулъ о Богѣ въ извѣстной сценѣ: «развѣ запрещено произносить со сцены святое имя Бога?» Правда, это лицо принадлежитъ къ народу, но Дидро одарилъ его всѣми совершенствами чувствительнаго, т.-е. идеальнаго, человѣка. Онъ даже приходитъ въ восторгъ отъ «христіанской морали». Но тотъ же Дидро въ драмѣ *le père de famille* раньше всѣхъ другихъ авторовъ изобразилъ бѣдствія и общественный вредъ монастырской жизни, какъ она практиковалась при старой французской монархіи. Христіанская мораль признается идеалъ и другими авторами. Монсо-Капакъ говоритъ: «Богъ гражданина, существѣ, долженъ быть богомъ мира, любви, гуманности». Если

служитель религіи удовлетворяетъ этимъ принципамъ, онъ признается служителемъ истиннаго Бога. Намъ говорятъ, что источникъ религіи—сердце, этимъ отрицается, слѣдовательно, историческая церковь и ея іерархія, но не отрицаются вообще духовные руководители вѣрующихъ. Авторы драмы этого не дѣлаютъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они даютъ полную свободу своимъ идеямъ, не разсчитывая на допущеніе пьесы ни на сцену, ни въ печать. Великій друидъ указываетъ на разумъ и сердце, въ противовѣсъ традиціямъ и суевѣріямъ, и, въ то же время, у него есть готовая программа дѣятельности духовенства: оно должно просвѣщать толпу и бороться съ суевѣріями и предразсудками,—въ нравственномъ отношеніи священникъ долженъ стать человѣкомъ. Свобода мысли и гуманность—основы просвѣтительной философіи—должны входить въ вѣроученіе идеальной религіи и священники такимъ путемъ сливаются съ философами и просвѣтителями. Философы готовы были привѣтствовать мысль и сердце во всякомъ одѣяніи и въ этомъ отношеніи были терпимѣе аристократовъ, издѣвавшихся надъ духовенствомъ при всякихъ условіяхъ, терпимѣе толпы, ненавидѣвшей духовныхъ по принципу. Философы находили поддержку своей терпимости въ самой жизни. Среди фанатиковъ, вродѣ архіепископа Бомона, и безчисленныхъ аббатовъ,—шутовъ и соревнователей развратной знати,—встрѣчались люди свободной мысли и рѣдкаго мужества. Двадцатилѣтній монахъ издаетъ трагедію *Marcellus ou les persécutions*, превосходную защиту терпимости, причемъ юный авторъ не можетъ скрыть, какой опасности онъ подвергается. Аббатъ съ церковной каѳедры защищаетъ новую философію и особенно идеи экономистовъ и реформы Тюрго, за что и платится своимъ мѣстомъ. Нѣкоторые аббаты принимаютъ дѣятельное участіе въ *Энциклопедіи*. Если низшіе и слабые проявляли столько смѣлости на пути къ просвѣщенію, нисколько не удивительно участіе вліятельныхъ духовныхъ особъ въ собраніи философовъ, рѣшившихъ почтить Вольтера статуей. Эти факты превосходно оттѣняютъ усиленные навѣты духовенства и ханжей на Тюрго, обвиневія его въ безбожіи, протестъ архіепископа противъ рѣшенія академіи — допустить похвальное слово Вольтеру. Такой разладъ въ средѣ духовенства лучше всего доказываетъ шаткость и этой основы стараго порядка. Что же касается нападокъ на церковь и іерархію съ театральной сцены, — нападокъ особенно чувствительныхъ,—здѣсь безпомощность фанатиковъ и ханжей сказалась съ особенною яркостью. Мы знаемъ, что іезуитское духовенство не побрезгало такимъ оружіемъ, какъ пьеса Палиссо, признанная безнравственной даже актерами. И лучшаго выбора не было. Единственною защитой римской религіи со сцены за весь XVIII вѣкъ оказалась опера Помпиньяна *Прометей*, разсчитанная противъ Вольтера. Трудно сказать, могло ли духовенство найти соратника позорнѣе Палиссо или комичнѣе Помпиньяна.

Ив. Ивано

Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій *).

III.

Въ исторіографіи XVIII вѣка мы встрѣтили два различные взгляда на задачи историческаго изученія. Русскіе изслѣдователи ставили главною цѣлью исторіи—принесеніе пользы, нѣмецкіе изслѣдователи—достиженіе истины. Къ концу столѣтія тотъ и другой взглядъ сблизились и существовали совмѣстно у такихъ изслѣдователей, какъ Щербатовъ и Болтинъ, Миллеръ и Шлецеръ. Карамзину, конечно, обѣ точки зрѣнія хорошо извѣстны, и онъ постоянно твердитъ о необходимости, чтобы исторія была истинна и достовѣрна. «Если мы захотимъ соображать исторію съ пользою народнаго тщеславія,—выражается онъ,—то она утратитъ главное свое достоинство—истину, и будетъ скучнымъ романомъ». Мы и увидимъ, что Карамзинъ со всѣмъ усердіемъ добивался истины—въ своихъ примѣчаніяхъ. Но это была невольная дань тому состоянію, въ какое привели нѣмцы русскую историческую науку,—«тягостная жертва, приносимая достовѣрности», какъ выразился Карамзинъ въ предисловіи къ И. Г. Р. и какъ онъ всегда выражался о своихъ «примѣчаніяхъ». Главный нервъ его работы лежалъ не здѣсь; чтобы понять историческій идеалъ Карамзина, необходимо обратиться къ тексту И. Г. Р. *Зачѣмъ* и *какъ* онъ будетъ писать исторію,—это Карамзинъ зналъ еще задолго до того, когда рѣшился сдѣлаться русскимъ историкомъ; и написавши свою исторію, онъ остался при прежнемъ взглядѣ. «Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ,—вотъ образцы», пишетъ Карамзинъ еще въ 1790 году, въ Парижѣ. «Говорятъ, что наша исторія сама [illegible]ебѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, т[illegible]нтъ. *Можно выбрать, одушевить, раскрасить*; и читатель удивится, [illegible] изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, [illegible]ое, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужестранцевъ. Ро[illegible]ныя князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги половцевъ — не очень

*) [illegible]усская Мысль, кн. I.

любопытны, соглашаюсь; но зачѣмъ наполнять ими цѣлые тома? Что не важно, то сократить, но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа русскаго, *характеръ нашихъ древнихъ героевъ*, отмѣнныхъ людей, *происшествія дѣйствительно любопытныя описать живо, разительно.* У насъ былъ свой Карлъ Великій—Владиміръ, свой Людовикъ XI—царь Іоаннъ, свой Кромвель—Годуновъ, и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ—Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи, и даже въ исторіи человѣчества: его-то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анджело».

И такъ, не историческое изученіе, не разработка сырого матеріала исторіи, а художественный пересказъ данныхъ уже извѣстныхъ,— вотъ та заманчивая задача, которая рисуется въ воображеніи будущаго историка. Изъ наличнаго историческаго матеріала—иное сократить, иное раскрасить; выкинуть неблагодарную путаницу событій и остановиться на благодарныхъ эпизодахъ и характерахъ,— все это одушевить чувствомъ; исторія русская можетъ быть незанимательной, но что художественное произведеніе на мотивы русской исторіи, составленное по этому рецепту, непремѣнно будетъ занимательно,—за это ручаются умъ, вкусъ и талантъ художника. «Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы искусство уже не могло въ немъ ознаменовать *себя* пріятнымъ для ума образомъ», повторяетъ Карамзинъ ту же мысль въ своемъ предисловіи. Подъ «бѣднымъ предметомъ» надо разумѣть здѣсь русскую исторію, а пріятно ознаменуетъ себя въ этомъ предметѣ — *Исторія государства Россійскаго.*

Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что и сдѣлавшись самъ историкомъ, Карамзинъ не измѣнилъ своихъ взглядовъ на задачи историческаго произведенія. Едва начавши свои подготовительныя занятія, онъ спѣшитъ уже набросать мысли для будущаго предисловія. Значеніе исторіи резюмировано здѣсь подъ тремя рубриками: 1) «любопытство знать, отъ чего мы, какъ,— судьбу предковъ» etc. 2) «Учитъ благоразумію». 3) «Даетъ бодрость сравненіемъ» *). За этими идеями, напоминающими намъ Татищева, слѣдуютъ наброски звучныхъ фразъ, по-французски: «Le charme, attaché à l'histoire ancienne, semblable à celui, qui nous fait regarder avec intérêt ces anciens monuments... c'est le domaine de la Poésie...» Видно, что не мысль важна для Карамзина въ этихъ отрывкахъ, слишкомъ неконченныхъ, чтобы выражать какую-либо мысль, а образное сравненіе, красиво выраженное. И вотъ, всѣ двѣнадцать лѣтъ, пока историографъ пишетъ свои первые восемь томовъ, эти картинныя фразы не выходятъ изъ его головы, пока не укладываются, наконецъ, блистательными рядами въ его знаменитомъ пре

*) Эта фраза, написанная въ первые годы XIX столѣтія, доказываетъ, ме прочимъ, шаткость психологической манеры С. М. Соловьева. Встрѣчая эту мы въ предисловіи къ И. Г. Р., Соловьевъ приписываетъ ее впечатлѣнію, произве ному на Карамзина наполеоновскими переворотами, и видитъ въ ней какую-то с бенность XIX вѣка.

словіи. «Я ободрялъ себя мыслію, что въ повѣствованіи о временахъ отдаленныхъ есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображенія: тамъ источники поэзіи! Взоръ нашъ, въ созерцаніи великаго пространства, не стремится ли обыкновенно мимо всего близкаго, яснаго—къ концу горизонта, гдѣ густѣютъ, меркнутъ тѣни и начинается непроницаемость». Такъ даже изъ скудости матеріала историкъ предлагалъ читателю извлекать эстетическое наслажденіе.

Есть, впрочемъ, еще два аргумента, которыми Карамзинъ, опять еще за 12 лѣтъ, готовится рекомендовать вниманію читателя русскую древность. «Vous voulez lire l'histoire? Eh bien,—c'est faire un long voyage,—et voir aussi des plaines arides» *). Но если ни обращеніе къ фантазіи, ни обращеніе къ серьезности не подѣйствуетъ на читателя,—у Карамзина есть въ запасѣ патріотическое оправданіе не интереснаго въ исторіи. «Хвастливость авторскаго краснорѣчія и нѣга читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей *древней* исторіи; но добрые россіяне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному». И эта тирада предисловія находитъ свою параллель въ наброскахъ, сдѣланныхъ за 12 лѣтъ раньше. «Народъ, презиравшій свою исторію, презрителенъ, ибо легкомысленъ: предки были не хуже его» **).

При всемъ разнообразіи этихъ аргументовъ, цѣль ихъ, какъ видимъ, одна и та же. Исторія должна быть занимательна: по соображеніямъ утилитарнымъ, по соображеніямъ эстетическимъ, по соображеніямъ патріотическимъ,—какъ бы то ни было, но исторія должна быть занимательна. Вотъ основная идея, неотвязно преслѣдующая историографа. Разумѣется, самъ онъ сдѣлаетъ все возможное и употребитъ всѣ средства для осуществленія этой задачи: сократитъ, раскраситъ, оживитъ патріотизмомъ. Не совершивъ еще никакихъ грѣховъ противъ исторической достовѣрности, онъ въ тѣхъ же наброскахъ уже примѣриваетъ позу кающагося грѣшника. «Знаю, намъ нужно безпристрастіе историка: простите, я не всегда могъ скрыть любовь къ отечеству». И эта мысль, правда, въ болѣе сдержанной формѣ, оживаетъ, какъ извѣстно, въ предисловіи. «Чувство: *мы*, *наше*—оживляетъ повѣствованіе... любовь къ отечеству даетъ... кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души».

Такой взглядъ на задачи исторіи самъ по себѣ обѣщаетъ намъ Ломоносовское или Эминское употребленіе историческаго матеріала. Убережется ли историкъ отъ подобныхъ послѣдствій?

Прежде всего нельзя не замѣтить, что только съ XVI вѣка матеріалъ предстоитъ ется въ достаточномъ изобиліи, чтобы позволить историку сколько-

---

*) Ср. въ *Предисловіи*: „Исторія не романъ, и міръ—не садъ, гдѣ все должно быть пріятно... сколько песковъ безплодныхъ... Однако-жь, путешествіе вообще любопытно и т. д.

**) *Сочиненія*, т. II, стр. 32—33.

нибудь художественное изображеніе. Оставимъ пока эту часть исторіи въ сторонѣ и посмотримъ, какъ поступалъ Карамзинъ при изображеніи предыдущаго періода. «До сихъ поръ (т.-е. до XVI в.),—признается онъ самъ,—я только хитрилъ и мудрилъ, выпутываясь изъ трудностей. Вижу за собой песчаную степь африканскую» *).

Какъ Карамзинъ «выпутывался» до XVI столѣтія,—видно изъ самой *Исторіи государства Россійскаго*. Главную помощь оказывалъ языкъ. Можно бы составить интересный каталогъ эпитетовъ, которыми Карамзинъ старается обрисовать толпу князей, какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга, и путаницу ихъ дѣйствій, утомительно-однообразныхъ. «Добрый, благодѣтельный, жестокій, нѣжный, безчеловѣчный, знаменитый, несчастный, счастливый, печальный, юный, храбрый, хитрый, благоразумный, осторожный» и т. д.,—всѣ эти прилагательныя такъ и мелькаютъ въ разсказѣ, облегчая чтеніе, но не оставляя, все-таки, никакого прочнаго впечатлѣнія и даже обезличивая черты, дѣйствительно характерныя. «Отмстилъ, утѣшился, негодовалъ, ревновалъ, спѣшилъ, страшился»—налагаютъ такую же печать однообразія и на дѣйствія. Въ построеніи фразъ встрѣчаемъ ту же, болѣе или менѣе невинную, манеру украшать фактическія данныя лѣтописей. «Усердные москвитяне были обрадованы счастливымъ возвращеніемъ своего князя»; «никто не могъ безъ умиленія видѣть, сколь Димитрій предпочиталъ безопасность народную своей собственной,—и любовь общая къ нему удвоилась въ сердцахъ благодарныхъ»; «сей государь великодушный могъ ли быть счастливъ и веселъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи»; «изумленные рѣшительною волей — господствовать единодержавно, они жаловались, но повиновались». Всѣ эти украшенія рѣчи, свидѣтельствующія о литературныхъ вкусахъ эпохи, становятся, однако, уже совсѣмъ не невинными, когда воздѣйствуютъ на самое содержаніе разсказа. Возьмемъ одинъ примѣръ. Въ 1364 году былъ въ Москвѣ пожаръ. Въ 1367 году построенъ каменный Кремль. Въ 1365 году мурза Тагай выжегъ Рязань. Въ 1367 году князь нижегородскій Дмитрій Константиновичъ разбилъ Булатъ-Темира. Въ 1364 году новогородская вольница грабила по Волгѣ, и Дмитрій Донской объявилъ свой гнѣвъ новогородцамъ. Какъ передать занимательнымъ для читателя образомъ весь этотъ рядъ одиночныхъ, разновременныхъ и другъ отъ друга независимыхъ фактовъ? Карамзинъ достигаетъ этого, находя между ними связь и составляя изъ нихъ нѣчто цѣлое. Пожаръ показалъ ненадежность деревянныхъ укрѣпленій; поэтому рѣшили построить каменныя. Это было нужно и для *будущаго* освобожденія отъ татарскаго ига (о которомъ еще никто тогда не думалъ). Но могли ли *татары* «простить» Москвѣ эту «великодушную смѣлость»? Нѣтъ, мурза (правда, совсѣмъ независимый отъ Золотой Орды) сжегъ Рязань (правда, совершенно независимую отъ Москвы), но потомъ былъ разбитъ. *Тоже* былъ разбитъ другой хищникъ монгольскій. Эти

*) *Погодинъ*, т. II, стр. 87.

бѣды предвозвѣщали важнѣйшія (освобожденіе); но *предварительно нужно было* великому князю усмирить *внутреннихъ* враговъ—новогородцевъ. Такимъ образомъ, за неимѣніемъ причинной связи между событіями Карамзинъ придумываетъ свою связь, *стилистическую*; читателю, положившемуся на Карамзина, эта связь могла бы показаться причинной, если бы весь разсказъ не былъ разсчитанъ на быстрое, легкое чтеніе, послѣ котораго никакого воспоминанія обо всей этой искусственно-нанизанной нити событій, все равно, не останется.

Помимо стилистической связи событій, у Карамзина есть и другой литературный пріемъ, не менѣе вредящій научному достоинству изложенія. Это—его психологическая мотивировка дѣйствій. Щербатовъ, мы видѣли, тоже любитъ психологическую мотивировку, хотя и отдѣляетъ ее отъ строго-фактическаго изложенія; но любимые мотивы обоихъ историковъ такъ же различны, какъ раціонализмъ Щербатова и сантиментализмъ Карамзина. Герои Щербатовской исторіи дѣйствуютъ преимущественно изъ политическихъ видовъ. Герои *Исторіи государства Россійскаго* руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ «нѣжною чувствительностью». Вотъ, для примѣра, разсказъ обоихъ историковъ о томъ, почему Борисъ не хотѣлъ дѣйствовать противъ Святополка Окаяннаго.

Щербатовъ:

„Борисъ, *страшась неустройствъ, которыя могутъ отъ междоусобныя войны произойтить*, и почитая старѣйшаго себѣ брата, имъ на сіе отвѣтствовалъ, что онъ никогда не вооружится на своего брата, котораго вмѣсто отца намѣренъ почитать. Таковымъ отвѣтомъ доброжелательныя его войска, бывъ приведены въ уныніе и *опасаясь, чтобы долженствующее пребываніе* съ нимъ—отъ Святополка *имъ не вмѣнилось въ преступленіе*, его оставя разошлись...; однако Святополкъ, *зная всенародную любовь къ Борису*, послалъ къ нему нарочно объявить, что онъ желаетъ съ нимъ быть въ братской дружбѣ" и т. д.

Карамзинъ:

Борисъ отвѣтствовалъ: могу ли поднять руку на брата старѣйшаго; онъ долженъ быть мнѣ вторымъ отцомъ. Сія *нѣжная чувствительность* казалась воинамъ малодушіемъ: оставивъ князя мягкосердечнаго, они пошли къ тому, кто *властолюбіемъ своимъ заслуживалъ въ ихъ глазахъ право властвовать*. Но Святополкъ *имѣлъ только дерзость злодѣя*. Онъ послалъ увѣрить Бориса въ любви своей" и т. д.

Какъ видимъ, дѣйствія Бориса, войска и Святополка у Щербатова представляются дѣломъ простого разсчета: Борисъ боится междоусобной войны, войско боится гнѣва Святополка, Святополкъ боится народной любви къ Борису. У Карамзина тѣ же дѣйствія являются слѣдствіемъ душевныхъ движеній: братней нѣжности, уваженія къ силѣ, трусливости Святополка. Въ источникѣ обоихъ—въ лѣтописи—нѣтъ ни той, ни другой мотивировки. Но даже тамъ, гдѣ источникъ даетъ мотивировку, Карамзинъ пред-

---

Лавр. лѣт. подъ 1015 г.: „онъ же (Борисъ) рече: не буди ми възняти руки на [illegible] своего старѣйшаго; аще и отець ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто. И с[illegible]вше вои, разъидошася отъ него... Святополкъ же, исполнився безаконья,

почитаетъ иногда замѣнить ее своею, болѣе соотвѣтствующей его литературной манерѣ. По лѣтописи, князь Дмитрій Константиновичъ Суздальскій старается отнять у младшаго брата Нижегородское княженіе; во время борьбы онъ получаетъ изъ Орды ярлыкъ на великое княженіе Владимирское, но поступается имъ Дмитрію Донскому съ тѣмъ, чтобы получить отъ послѣдняго помощь противъ Нижняго Новгорода *). Такъ и изложено было у Щербатова. По Карамзину Дмитрій Константиновичъ отказывается отъ Владимірскаго стола, «видя слабость свою» и «предпочитая дружбу Дмитрія (Донского) милости» хана,—безъ всякихъ опредѣленныхъ разсчетовъ; а затѣмъ освобождается Нижегородскій столъ и изъ «благодарности» Дмитрій помогаетъ Суздальскому князю занять его. Такимъ образомъ, отказъ Дмитрія Суздальскаго и помощь ему Дмитрія Московскаго, два факта, связанные въ источникѣ причинною связью, у Карамзина связываются только стилистическимъ оборотомъ съ сантиментально-психологическою мотивировкой: «умѣренность, вынужденная обстоятельствами (т.-е. отказъ отъ великаго княженія) не есть добродѣтель; однакожь, Димитрій Іоанновичъ изъявилъ ему за то благодарность». Даже прямо формальныя, юридическія выраженія княжескихъ договоровъ, въ которыхъ слабѣйшій обѣщается обыкновенно «держать великое княженье честно и грозно», а сильнѣйшій обязуется держать слабѣйшаго «въ братствѣ, безъ обиды»,—у Карамзина превращаются въ обязательства младшаго «уважать», а старшаго—«любить» своего контрагента.

Стилистическою связью событій и сантиментально-психологическою мотивировкой не исчерпываются, однако же, литературно-художественные пріемы Карамзинскаго изложенія. Предметомъ исторической живописи, вопреки скудости источниковъ, служатъ у Карамзина и въ первой части его исторіи—и положенія, и характеры. Мы не встрѣчаемъ здѣсь, конечно, вымышленныхъ рѣчей à la Θукидидъ или Ливій, какія встрѣчали у Эмина. Карамзинъ хорошо знаетъ, что историку «нельзя прибавить ни одной черты къ извѣстному, нельзя вопрошать мертвыхъ; говоримъ, что предали намъ современники; молчимъ, если они умолчали,—или справедливая критика заградитъ уста легкомысленному историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось отъ вѣковъ въ лѣтописяхъ, въ архивахъ». «Мы не можемъ нынѣ,—прямо заявляетъ Карамзинъ въ своемъ предисловіи,— витійствовать въ исторіи... Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ исторію, посвященную не славѣ писателя, не удовольствію читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истинѣ, которая уже сама дѣлается источникомъ удовольствія и пользы».

каиновъ смыслъ пріимъ, посылая къ Борису, глаголаше: „яко съ тобою хочу любовь имѣти"..., а льстя под нимь, како бы и погубити".

*) „Онъ же (Дм. К.) не восхотѣ (воспользоваться ярлыкомъ), и поступися [illegible] никаго княженія володимерскаго великому князю Дмитрею Ивановичю Московскому, а испросилъ у него силу къ Новгороду къ Нижнему на своего меньшаго брата", который раньше „не поступися ему княженія новгородскаго". Соловьевъ въ *Современ.* 1855 г., № 4, отд. II, стр. 115.

Уже то, что мы знаемъ, показываетъ, что эта profession de foi не всегда выдерживалась исторіографомъ. Но мы знаемъ еще не все. Сравните, наприм., съ только что цитированными заявленіями Карамзина нарисованную имъ картину смерти Александра Невскаго: «Истощивъ силы душевныя и тѣлесныя въ ревностномъ служеніи отечеству,—передъ концомъ своимъ онъ думалъ уже единственно о Богѣ: постригся, принялъ схиму и, слыша горестный плачъ вокругъ себя, тихимъ голосомъ, но еще съ изъявленіемъ нѣжной чувствительности, сказалъ добрымъ слугамъ: удалитесь и не сокрушайте души моей жалостію! Они всѣ готовы были лечь съ нимъ во гробъ, любивъ его всегда,—по собственному выраженію одного изъ нихъ,—гораздо болѣе, нежели отца роднаго». Откуда взяты краски для этой картины и эти «собственныя выраженія»? Формально Карамзинъ правъ все это есть въ источникѣ, но въ такомъ источникѣ, изъ котораго никакой историкъ и даже самъ Карамзинъ не рѣшился бы взять этихъ данныхъ, еслибы они не понадобились для его художественныхъ цѣлей. Въ древнемъ житіи Александра Невскаго, написанномъ «самовидцемъ возраста его», человѣкомъ близко къ нему стоявшимъ, мы встрѣчаемъ только короткое лирическое отступленіе автора передъ описаніемъ кончины князя; картину же самой кончины Карамзинъ заимствовалъ изъ позднѣйшей передѣлки житія (въ XVI вѣкѣ), помѣщенной въ *Степенной Книгѣ* *). Точно также находимъ у Карамзина цѣлую страницу самаго раздирающаго описанія положенія Россіи послѣ Батыева нашествія,—собственными словами «нашихъ лѣтописцевъ»; а эти лѣтописи оказываются опять—*Степенной Книгой*, той самой, которая даже святую Ольгу заставляетъ длинной и трогательнной рѣчью защищать свою дѣвическую честь отъ покушеній Игоря. Щербатовъ въ обоихъ упомянутыхъ случаяхъ оказался осторожнѣе Карамзина: ни тотъ, ни другой разсказъ не помѣщены у него въ текстѣ, хотя ссылки на *Степенную Книгу* и сдѣланы въ примѣчаніяхъ.

Попытки изображать историческіе характеры ведутъ Карамзина къ такому же неосторожному пользованію источниками. Такъ, напримѣръ, онъ самъ отвергаетъ позднѣйшее украшенное сказаніе о куликовской битвѣ и

---

*) „О горе тебѣ, бѣдный человѣче,—восклицаетъ авторъ XIII столѣтія (П. С. Р. Л. V, 5),—како можеши написати кончину господина своего! Како не упадета ти зѣници вкупѣ со слезами? Како же не урвется сердце твое отъ коренія? Отца бо оставити человѣкъ можетъ, а добра господина не мощно оставити; аще бы лзѣ,—и въ гробъ бы лѣзлъ съ нимъ!“ Эти безъискусственныя выраженія чувства, вырвавшіяся у автора XIII в. вопреки агіографическому стилю позднѣйшихъ житій, авторъ XVI вѣка замѣняетъ слѣдующею реторикой: „Ужасно бѣ видѣти, яко въ толицѣ множе[illegible]вѣ народа не обрѣсти человѣка, не испустивша слезъ, но вси со восклицаніемъ ры[illegible]юще глаголаху: увы намъ, драгій господине нашъ! Уже къ тому не имамы видѣ[illegible] красоты лица твоего, ни сладкихъ твоихъ словесъ насладитися. Кому прибѣгне[illegible] и кто ны ущедритъ? Не имутъ бо чада отъ родителя таковà блага пріяти, яко же [illegible] отъ тебе воспріимахомъ, сладчайшій наю господине! Онъ же зѣло стужився, по[illegible]ѣ всѣмъ скоро отъити, да не молву, рече, дѣюще, сокрушаютъ ми душу“. (С[illegible] — *Кн.*, I, стр. 372—373). О редакціяхъ житія Александра Невскаго см. *Ключевска*[illegible] „[illegible]евнерусскія житія святыхъ“, стр. 66—71, 238—240.

принимаетъ сказаніе современное событію; и, однако же, характеръ Олега Рязанскаго, обрисованный у историографа самыми черными красками,— изображается въ духѣ отвергнутаго источника. Въ цѣлый рядъ противорѣчій себѣ и источникамъ вводитъ Карамзина изображеніе характера Василія Темнаго *). Но едва ли не самую злую шутку съиграла надъ Карамзинымъ его литературная манера при изображеніи характера Ивана Грознаго. Историческій матеріалъ становился здѣсь богаче, и Карамзинъ заранѣе предвкушалъ обильную жатву. «Какой славный характеръ для исторической живописи,—пишетъ онъ, оканчивая княженіе Василія III, «жаль, если выдамъ исторію безъ сего любопытнаго царствованія; тогда она будетъ, какъ павлинъ безъ хвоста».

Опасенія Карамзина не сбылись, и первые 8 томовъ *Исторіи* выпущены были съ «павлиньимъ хвостомъ» или, точнѣе, съ половиной его, такъ какъ восьмой томъ прерывался на серединѣ правленія Грознаго. «Это сравненіе (съ павлиньимъ хвостомъ),— замѣчаетъ С. М. Соловьевъ,— разоблачаетъ передъ нами образъ воззрѣнія писателя на предметъ...; такое сравненіе не могло появиться даромъ, безъ причины. Сравниваемые предметы одинаково поразили сравнивающаго удивительнымъ сочетаніемъ блестящихъ цвѣтовъ; пораженный этимъ блескомъ, писатель истощилъ свое искусство, чтобы передать его во всей полнотѣ читателю, удержать эту яркость, ослѣпляющую зрѣніе, желая соблюсти всю силу внѣшняго впечатлѣнія. Понятно, почему Карамзинъ, принимая авторитетъ Курбскаго, однако отступаетъ отъ извѣстій послѣдняго при описаніи блестящихъ событій первой половины царствованія Іоаннова, старается смягчить, переиначить эти показанія. Юный монархъ совершаетъ великіе подвиги: мудрецъ въ собраніи архіереевъ и бояръ, указующій на злоупотребленія и на средства исправить ихъ; герой на полѣ ратномъ, ведущій войско подъ стѣны враждебнаго города и сокрушающій ихъ разумными распоряженіями и личною храбростью — вотъ Іоаннъ! Для красоты описанія это лице необходимо, и необходимо именно въ такомъ положеніи, въ какомъ выставляютъ его лѣтописи, а не въ такомъ, въ какомъ видимъ его у Курбскаго. Если бы Карамзинъ принялъ представленіе Курбскаго, что всѣ эти подвиги совершены не Іоанномъ, а руководителями его..., то что было бы съ картиною?» **).

Дѣйствительно, припомнимъ изображеніе Курбскаго. Порожденіе беззаконнаго брака, съ дѣтства развращенный и испорченный воспитаніемъ, потомъ на короткое время какъ будто загипнотизированный сильною волей Сильвестра, насильно обращенный на путь добродѣтели; наконецъ, снова свихнувшійся на прежнюю, привычную колею и окончательно предавшійся оргіямъ гнѣва и разврата,— такимъ рисуетъ Грознаго царя посвященный въ его интимную жизнь «синклитъ». Сопоставимъ это съ изображеніемъ Карамзина: «Сей монархъ, озаренный славою, до восторга любимый [illegible]е-

*) Противорѣчія эти указаны *С. М. Соловьевымъ*. *От. Зап.* 1855 г., № 4, стр. 127—131,

**) *Соловьевъ*. *Отеч. Зап.* 1856 г., № 4, стр. 430.

чествомъ, завоеватель враждебнаго царства, умиритель своего, великодушный во всѣхъ чувствахъ, во всѣхъ намѣреніяхъ, мудрый правитель, законодатель, имѣлъ только двадцать два года отъ рожденія: явленіе рѣдкое въ исторіи государствъ! Казалось, что Богъ хотѣлъ въ Іоаннѣ удивить Россію и человѣчество примѣромъ какого-то совершенства, великости и счастія на тронѣ».

Кто же будетъ судьей между показаніемъ современника и исторической оцѣнкой Карамзина? Уже Погодинъ обратилъ вниманіе на то, что судьей въ данномъ случаѣ является самъ Грозный и что онъ безповоротно рѣшаетъ дѣло въ пользу показаній Курбскаго *). Про изліишества царя въ дѣтствѣ и послѣ ссоры съ Сильвестромъ мы знаемъ достаточно изъ другихъ источниковъ; про добродѣтели, внушенныя царю совѣтниками въ промежуточномъ періодѣ, говоритъ намъ самъ Грозный въ своихъ письмахъ къ Курбскому: «Подъ предлогомъ душевной пользы вы овладѣли моей волей, вы пугали меня дѣтскими страшилами, вы обращались со мною какъ съ младенцемъ, вы лишили меня воли даже въ подробностяхъ моей домашней жизни, въ одеждѣ и снѣ, въ отправленіи моихъ религіозныхъ обязанностей, вы хотѣли сами править царствомъ, а мнѣ оставили только титулъ; *словомъ* я былъ государь, а *дѣломъ* ничѣмъ не владѣлъ и былъ нисколько не лучше раба». Эти и десятки подобныхъ выраженій на каждой страницѣ пестрятъ въ посланіяхъ царя. Грозный не останавливается даже передъ развѣнчиваніемъ самого себя въ дѣлахъ, принесшихъ наиболѣе славы его царствованію. Всѣ помнятъ блестящую картину взятія Казани, нарисованную Карамзинымъ. Самъ царь, величественный, спокойный, составляетъ у историка центральную фигуру картины. «Вы меня какъ плѣнника везли сквозь землю невѣрныхъ,— жалуется въ дѣйствительности самъ царь,— какъ только меня сохранилъ Всевышній». Курбскій и *Царственная книга* въ одинъ голосъ подтверждаютъ это настроеніе Грознаго подъ Казанью. Іоаннъ прячется, по этимъ показаніямъ, въ церкви; напрасно убѣждаютъ его совѣтники показаться войску: «се, государь, время тебѣ ѣхати...; великое время царю ѣхати». У царя же «не токмо лицо измѣняшеся, но и сердце сокрушися». Наконецъ, приближенные его, «хотяща, не хотяща, за бразды коня взявъ», выводятъ къ войску и ставятъ у царской хоругви.

Мы не будемъ останавливаться на томъ, какъ во всѣхъ частностяхъ Карамзинъ примиряетъ показанія источниковъ съ своимъ представленіемъ о характерѣ Іоанна. По мѣрѣ удаленія отъ первыхъ годовъ царствованія Грознаго, примиреніе это становится все болѣе и болѣе труднымъ; и если оно не сдѣлалось окончательно невозможнымъ, то только потому, что Карамзинъ во-время остановилъ свой разсказъ въ VIII томѣ Исторіи. Еще Погодинъ замѣтилъ, что историографъ «отложилъ все дурное объ Іоаннѣ до [illegible]ти Анастасіи, до IX тома, между тѣмъ, какъ очень многое уже слу-

*) Погодинъ: „Историко-критическіе отрывки". Статья „О характерѣ Іоанна Гро[illegible]" (написаны еще въ 1825 году)

чилось, представляющее Іоанна совсѣмъ съ другой стороны». Несомнѣнно, Карамзинъ зналъ, что его ожидаетъ въ IX томѣ; еще не докончивъ VIII тома, онъ пишетъ въ одномъ письмѣ, что въ слѣдующемъ томѣ ему придется изображать «злодѣйства Іоанновы». Но эти злодѣйства представлялись ему только новымъ благодарнымъ сюжетомъ для исторической живописи; и принявшись за этотъ сюжетъ, исторіографъ съ такимъ же усердіемъ нарисовалъ намъ Іоанна—тирана, съ какимъ изобразилъ раньше Іоанна—героя добродѣтели. «До появленія въ свѣтъ IX тома Исторіи Государства Россійскаго, у насъ признавали Іоанна государемъ великимъ,— говоритъ Устряловъ,— видѣли въ немъ завоевателя трехъ царствъ и еще болѣе— мудраго попечительнаго законодателя... Это мнѣніе поколебалъ Карамзинъ, который объявилъ торжественно, что Іоаннъ въ послѣдніе годы своего правленія не уступалъ ни Людовику XI, ни Калигулѣ» *). Въ этихъ словахъ впечатлѣніе, произведенное IX томомъ, изображено очень вѣрно; но историку слѣдовало добавить, что мнѣніе, поколебленное Карамзинымъ,—было его собственное мнѣніе. Отказаться отъ ранѣе созданной картины Карамзинъ, конечно, не хотѣлъ; согласить съ нею новое изображеніе характера Іоанна — уже не могъ **). «Свидѣтельства добра и зла», по его словамъ, были «равно убѣдительны и неопровержимы»; и ему оставалось признать фактъ коренной перемѣны въ характерѣ Іоанна и предоставить объясненіе этого факта читателямъ. «Несмотря на всѣ умозрительныя изъясненія, характеръ Іоанна, героя добродѣтели въ юности, неистоваго кровопійцы въ лѣтахъ мужества и старости — есть для ума загадка».

Намъ остается прибавить, что загадка эта, причинившая столько хлопотъ послѣдующимъ изслѣдователямъ,— должна найти свое объясненіе исключительно въ пріемахъ «исторической живописи» исторіографа. Подобно большинству представителей одинаковаго съ нимъ литературнаго направленія, авторъ *Натальи боярской дочери* только и умѣлъ писать «неистовыхъ кровопійцъ» или «героевъ добродѣтели». Для людей живыхъ, обыкновенныхъ, не было красокъ на этой палитрѣ, не было подходящихъ эпитетовъ въ этомъ литературномъ арсеналѣ. Пока историкъ изображалъ намъ Олега Рязанскаго какимъ-то исчадіемъ ада,—вина еще могла быть сложена на недостатокъ источниковъ. Когда, уже при большемъ запасѣ данныхъ, Карамзинъ задумалъ представить Василія Темнаго классическимъ трусомъ и видѣлъ у него трусость на всякомъ шагу, тутъ еще можно было объяснить неудачу увлеченіемъ художника. Но когда та же неудача повторилась при полномъ свѣтѣ исторіи, когда живая фигура Іоанна, какой она является у Курбскаго и въ его собственныхъ письмахъ, превратилась подъ перомъ Карамзина въ героя мелодрамы или въ театральнаго злодѣя, дальнѣйшихъ сомнѣній быть уже не можетъ. Не только художественныя задачи, пре[illegible]лѣ-

*) Сочиненія Курбскаго, изд. 3-е, XXXV.

**) Или, по мнѣнію Соловьева, тоже не хотѣлъ, чтобы не лишить себя во[illegible]ожности живописать ужасы казней и не пропустить этого новаго случая, удобнаго для „исторической живописи“ (*От. Зап.* 1856 г., № 4, 433—4).

довавшіяся исторіографомъ, портили исторію; недостатокъ художественнаго чутья и особенности художественной манеры портили также и достиженіе художественныхъ задачъ автора.

Познакомившись съ тѣмъ, что унаслѣдовалъ Карамзинъ отъ русскаго панегирическаго и моралистическо-живописательнаго направленія, обратимся теперь къ тому, чѣмъ онъ обязанъ нѣмецкому направленію, усвоенному и русскими историками конца прошлаго столѣтія: отъ «Исторіи» обратимся къ «примѣчаніямъ». Въ текстѣ исторіи, какъ мы видѣли, достовѣрность и точность въ передачѣ источниковъ слишкомъ часто приносятся въ жертву картинности изображенія и изяществу слога. Но по тексту, въ виду литературно-художественной задачи, поставленной авторомъ, нельзя еще составить вполнѣ опредѣленнаго понятія о томъ, какъ относится историкъ къ своимъ источникамъ. Всю подготовительную работу Карамзинъ отнесъ въ свои «Примѣчанія», и къ нимъ мы должны обратиться, чтобы оцѣнить его, какъ критика и ученаго.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Карамзинъ приступилъ къ своему историческому труду безъ предварительной спеціально-исторической подготовки. Тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ, какъ критикъ и ученый, онъ сдѣлался уже во время самой работы; и конечно, первенствующая роль въ этой выучкѣ принадлежала нѣмецкой школѣ. На первыхъ же порахъ, какъ мы видѣли, Карамзинъ столкнулся съ авторитетомъ Шлецера, ученые пріемы котораго должны были оказать на него самое рѣшительное вліяніе. Можно прослѣдить, какъ совершенствуются техническіе пріемы Карамзина подъ вліяніемъ нѣмецкаго образца, шагъ за шагомъ контролирующаго его собственную работу. Въ самомъ началѣ занятій Карамзинъ, наприм., записываетъ для памяти, какъ могъ бы записать Татищевъ: «въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ есть украшенія и догадки; однакожь онъ достоинъ вниманія и показываетъ умъ и знанія историческія. Какъ хорошо объ Олегѣ!» Въ исторіи мы, дѣйствительно, находимъ это мѣсто объ Олегѣ, понравившееся Карамзину въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ. Но оно находится здѣсь не въ текстѣ, а въ «Примѣчаніяхъ», и выставляется образчикомъ позднѣйшаго искаженія лѣтописей *). Если, такимъ образомъ, Карамзинъ рѣшился обойтись безъ этой картины въ своей исторической живописи, то причину этого надо искать во вліяніи Шлецера: въ своемъ Несторѣ Шлецеръ заявилъ, что эти подробности архангелогородскаго лѣтописца составляютъ простую прикрасу разсказчика **).

Окончивъ I-й томъ исторіи, Карамзинъ писалъ Муравьеву, что «не

---

*) *Ист. Г. Р.*, пр. 292: *Арх. Лѣт.* придумалъ разныя обстоятельства. „Князь рус[illegible] стоялъ на берегу Днѣпра въ шатрахъ разноцвѣтныхъ. Старѣйшины кривичей, видя ихъ, съ удивленіемъ спросили: кто является намъ въ такой славѣ? Князь или царь? Тогда Олегъ вышелъ изъ шатра, держа на рукахъ Игоря, и сказалъ имъ: се [illegible]торъ, князь русскій; и кривичи варекли его своимъ государемъ". Такъ въ новѣйшія [illegible]емена украшали простыя Несторовы сказанія.

**) *Историогр.*, II, глава III.

боится болѣе ферулы Шлецера». Еще черезъ четыре года (1810) онъ отзывался о «Несторѣ» уже слѣдующимъ образомъ: «Изъясненія и переводъ текста весьма плохи и часто смѣшны. Старикъ не зналъ хорошо ни языка лѣтописей, ни ихъ содержанія далѣе Нестора; а выписки изъ иностранныхъ лѣтописцевъ не новость для ученыхъ». Очевидно, такая смѣна отзывовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что критическое воспитаніе Карамзина завершилось,—что онъ сталъ на собственныя ноги и эмансипировался отъ Шлецера. Исторіографъ забылъ только, что первые нетвердые шаги на поприщѣ критики онъ сдѣлалъ подъ «ферулой» того же Шлецера *) и что «старикъ» въ совершенствѣ обладалъ качествами, которыхъ недоставало исторіографу: онъ прошелъ настоящую ученую школу и твердо зналъ, зачѣмъ онъ занимается исторіей и чего въ ней ищетъ. Взгляды самого Карамзина на задачи исторіи намъ достаточно извѣстны, также какъ и столкновеніе этихъ взглядовъ съ задачами исторической критики. Мы знаемъ также, что въ позднѣйшихъ временахъ, гдѣ Шлецеръ переставалъ налагать свое *veto* на фантазію разскащика,—Карамзинъ не стѣснялся пользоваться картинами *Степенной Книги*, столь же фантастическими, какъ отвергнутый имъ разсказъ Архангелогородской лѣтописи. Выучка, слѣдовательно, была неполная.

Отношеніе Карамзина къ другимъ предшественникамъ, конечно, было еще болѣе свободное. Мы говорили о томъ, какъ онъ враждебно относится къ Татищеву и Болтину и какъ тщательно отмѣчаетъ ихъ ошибки; къ отдѣлу ошибокъ или, вѣрнѣе, просто выдумокъ Татищева онъ прямо относитъ всѣ извѣстія татищевскаго свода, источникъ которыхъ ему неизвѣстенъ. Къ Щербатову по мѣрѣ развитія своего разсказа онъ тоже начинаетъ относиться критически. Впрочемъ, онъ рѣдко снисходитъ до полемики и почти всегда ограничивается однимъ пренебрежительнымъ упоминаніемъ о толкованіяхъ Щербатова, съ которыми несогласенъ. Даже на Миллера онъ начинаетъ рѣзко нападать, найдя неизвѣстные ему источники сибирской исторіи. Надо прибавить, что въ большинствѣ случаевъ Карамзинъ бываетъ вполнѣ правъ; но, независимо отъ степени основательности его критическихъ нападокъ, нельзя не отмѣтить ихъ тона, который дѣлаетъ музыку.

Во всякомъ случаѣ, не критика составляетъ самую сильную сторону *Примѣчаній* къ *И. Г. Р.* Если эти *Примѣчанія* оставляютъ вообще несравненно болѣе выгодное впечатлѣніе, чѣмъ самый текстъ *Исторіи*, то это объясняется не столько критическимъ талантомъ автора, сколько его ученостью. Въ этомъ отношеніи надо отдать справедливость исторіографу: онъ усердно хлопоталъ о подборѣ новыхъ историческихъ матеріаловъ, въ значительной степени обновилъ фактическое обоснованіе разсказа и

*) Еще митр. *Евгеній* замѣтилъ по поводу отношенія Карамзина къ Шлец[ер]у: „пусть сороки на него (Шлецера) щекочатъ, какъ на медвѣдя въ лѣсу; онъ важ[ен] и въ своей берлогѣ. Щиплетъ его иногда и Карамзинъ, но какъ блоха; а с[ы]ть *сплошь его замѣчаніями дышетъ въ своей исторіи, не сказывая, откуда напился кров*[и]". *Русскій Архивъ*, 1889 г., стр. 165; письмо къ Анастасевичу отъ 13 янв. 1819 г.

надолго сдѣлалъ свою *Исторію* необходимою для всякаго изслѣдователя хрестоматіей источниковъ русской исторіи. Особенно чувствуются эти преимущества *Примѣчаній* при сравненіи ихъ съ тѣмъ самымъ сочиненіемъ, которому Карамзинъ такъ много обязанъ былъ при составленіи текста, съ исторіей Щербатова. Не говоримъ уже о томъ, что вся иностранная литература, относящаяся къ началу русской исторіи, является у Карамзина совершенно обновленной: мы замѣтили раньше, что эта литература, сколько-нибудь компетентная, только и появляется со второй половины XVIII вѣка; и мы знаемъ также, какъ облегчено было Карамзину знакомство и съ литературой, и съ источниками русскихъ origines *). Но далѣе, первые шаги въ области фактическаго разсказа должны были быть сдѣланы на основаніи русскихъ лѣтописныхъ источниковъ. Щербатовъ основалъ свое изложеніе болѣе чѣмъ на тридцати спискахъ лѣтописей, добрая половина которыхъ была имъ заимствована изъ патріаршей (синодальной) и типографской библіотекъ въ Москвѣ, а около четверти нашлось въ его собственной библіотекѣ. Изъ всего этого множества списковъ наиболѣе надежными были, однако же, только два: одинъ уже напечатанный въ *Библіотекѣ Россійской* (такъ назыв. кенигсбергскій списокъ Суздальскаго лѣтописнаго свода), другой, найденный Щербатовымъ въ патріаршей библіотекѣ,—Новгородскій сводъ въ древнѣйшемъ, такъ называемомъ синодальномъ спискѣ **). Ко времени Карамзина и эта лѣтопись была напечатана ***). Но, кромѣ этихъ двухъ списковъ, Карамзину удалось найти два лучшихъ списка Суздальскаго свода (упомянутые выше Пушкинскій—онъ же Лаврентьевскій—и Троицкій, въ 1812 г. сгорѣвшій), и два списка южной лѣтописи, ранѣе извѣстной только по началу: Ипатьевскій и Хлѣбниковскій ****).

Большая часть лѣтописей Щербатова послѣ находокъ Карамзина окончательно теряла значеніе для древнѣйшаго періода: ссылки на синодальные и типографскіе списки съ полнымъ основаніемъ могли быть замѣнены обширными выписками изъ вновь открытыхъ текстовъ, представлявшихъ крупную ученую новинку. Но для позднѣйшаго времени и второстепенные списки были важны. Рукописи, употребленныя въ дѣло Щербатовымъ, ко

---

*) Главнѣйшіе труды въ литературѣ: Гебгарди, Антонъ, Тунманъ, сочиненія Шлецера и нѣмцевъ—современниковъ Карамзина, работавшихъ въ Россіи: Круга, Лерберга, Френа.

**) Самъ Щербатовъ вполнѣ сознавалъ преимущества этихъ списковъ (*Исторія Россіи*, т. II, стр. 223, 292, 303, 461).

[illegible]) Въ *Продолженіи древней россійской Вивліоѳики*, т. I, и въ Москвѣ, въ 1781, [illegible] инод. типогр. Впослѣдствіи, этотъ списокъ изданъ археографичесской коммис[illegible] въ III т. *Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.* и въ новомъ изданіи отдѣльно, а начало [illegible] также и фотолитографически.

[illegible] Первую половину Хлѣбниковскаго списка (до 1200 г.) Карамзинъ назвалъ „[illegible]кой" лѣтописью, вторую—„волынской". Кар. III, прим. 113 и П. С. Р. Л. II, [illegible] VII и 155. Лаврентьевскій и Ипатьевскій изданы въ П. С. Р. Л. I—II; во 2-мъ [illegible] отдѣльно и, наконецъ, начало ихъ—посредствомъ свѣтопечати.

времени Карамзина были сосредоточены въ Синодальной библіотекѣ *). Туда и обратился Карамзинъ со своими поисками: не знаемъ, все ли онъ нашелъ, чѣмъ воспользовался Щербатовъ **), но, несомнѣнно, онъ впервые наткнулся въ синодальномъ книгохранилищѣ на множество первостепенныхъ по важности матеріаловъ, о существованіи которыхъ Щербатовъ не имѣлъ никакого понятія. Такъ, Карамзинъ первый воспользовался синодальною рукописью Кормчей книги (XIII столѣтія), изъ которой извлекъ такіе важные памятники, какъ церковный уставъ Владиміра Святого («подложный», по мнѣнію Карамзина), уставъ новгородскаго князя Святослава 1137 г., древнѣйшій списокъ Русской Правды, вопросы Кирика Нифонту, правила митроп. Іоанна и Кирилла ***). Не меньшую услугу, чѣмъ Синодальная библіотека, оказало Карамзину собраніе рукописей Мусина-Пушкина. Кромѣ уже изданныхъ Мусинымъ — *Слова о полку Игоревѣ* и *Поученія Мономаха*, кромѣ упоминавшагося не разъ Пушкинскаго (=Лаврентьевскаго) списка лѣтописи, Карамзинъ досталъ у Мусина нѣсколько житій (св. Владиміра, Константина Муромскаго), лѣтописей (особенно лѣт. Засѣцкаго, въ которой нашелся такъ наз. Карамзинскій списокъ Русской правды), наконецъ, списокъ договора Смоленска съ Готландомъ 1230 г.

Послѣ татарскаго нашествія характеръ источниковъ русской исторіи нѣсколько мѣняется. Лѣтописи, конечно, продолжаютъ оставаться основнымъ источникомъ вплоть до княженія Ивана III; и составъ лѣтописнаго матеріала какъ у Щербатова, такъ и у Карамзина остается прежній ****). Но рядомъ съ лѣтописями появляются грамоты. Щербатовъ воспользовал-

---

*) Послѣ довольно неудачной попытки издать синодальныя и типографскія лѣтописи (1778 г.), типографскія рукописи были переданы въ Синодальную библіотеку (1786 г.). Исторія изданія разсказана *Д. Полѣновымъ* по подлиннымъ документамъ (*Зап. акад. наукъ*, IV, 2, о лѣтописяхъ изданныхъ отъ синода). Очевидно, самая мысль объ изданіи синодальныхъ и типографскихъ лѣтописей вызвана была появленіемъ въ свѣтъ первыхъ томовъ Щербатовской исторіи (1770, 1771, 1774 гг.).

**) По реестру, составленному въ 1778 году, изъ 11 списковъ, эксплуатированныхъ Щербатовымъ, было на-лицо въ Типографской библіотекѣ только 8 (№№ 2, 5, 6, 7, 9, 12, 13, 14; см. стр. 175—6 статьи *Полѣнова;* Щербатовъ цитируетъ ихъ подъ №№ 46, 50, 52, 54 fol.; 55, 59, 60 и 46 in 4°. Изъ нихъ только № 55 былъ напечатанъ въ 1784 году подъ названіемъ „Лѣтописца, который служитъ продолженіемъ Несторов. лѣтоп." Изъ синодальныхъ, извѣстныхъ Щербатову, изданъ былъ древнѣйшій Новгородскій списокъ № 509, напечатанный также по другому списку въ *Продолженіи Древн. Виблиовики*). Начиная съ V тома исторіи Карамзинъ цитируетъ довольно много синодальныхъ лѣтописей, именно №№ 46, 87, 90, 270, 318, 348, 351, 356, 364 и 365, изъ котораго дѣлаетъ значительныя выписки. Опредѣлить отношеніе этихъ рукописей какъ къ извѣстнымъ Щербатову, такъ и къ хранящимся теперь въ Синод. библ. невозможно безъ спеціальнаго изученія.

***) Всѣ эти документы, за исключеніемъ вопросовъ Кирика, напечатаны бы[ло], впрочемъ, по той же рукописи еще до выхода въ свѣтъ *Исторіи госуд. Росс.*, въ 1-мъ томѣ *Русскихъ достопамятностей*, изд. Общ. ист. и др. р. М., 1815 г.

****) *Щербатовъ*: т. III и IV, ч. 1 и 3 (изданы въ 1774—84 году). *Карамзинъ*: т. [III] и V. Вновь присоединяется у Карамзина—Псковская лѣтопись, извѣстная ему въ [трехъ] трехъ спискахъ (*И. Г. Р.*, изд. Эйнерлинга, I, XVI, прим. 1).

ся, какъ мы знаемъ, тѣми важнѣйшими изъ грамотъ, которыя хранились въ московскомъ архивѣ министерства иностр. дѣлъ *); къ нимъ онъ присоединилъ нѣсколько ханскихъ ярлыковъ, найденныхъ имъ въ одной рукописи Синодальной библіотеки. Карамзинъ засталъ всѣ эти документы уже напечатанными **); тѣмъ не менѣе, изъ нихъ, какъ и изъ печатныхъ лѣтописей, онъ дѣлаетъ выписки, а иногда и сообщаетъ полный текстъ, особенно если ему удалось найти новый списокъ документа ***). Но и здѣсь къ наличному матеріалу Карамзинъ дѣлаетъ весьма существенныя добавленія. Нѣсколько важныхъ грамотъ даютъ ему рукописи Синодальной библіотеки ****). Отъ Мусина-Пушкина онъ получаетъ драгоцѣнное собраніе Двинскихъ грамотъ, въ составѣ которыхъ оказываются Двинская уставная грамота 1397 г., Новгородская судная, извѣстная грамота о черномъ борѣ 1437 г., договоръ кн. Ивана Можайскаго съ кн. Ив. Ярославичевымъ 1462 г., договоръ Дмитрія Донскаго съ новгородцами. Но, кромѣ этихъ прежнихъ источниковъ своихъ находокъ, Карамзинъ отыскиваетъ и новые. Цѣлый рядъ важнѣйшихъ документовъ онъ получаетъ изъ кенигсбергскаго архива: грамоты галицкихъ князей, договоръ Свидригайло съ орденомъ 1402 г. и др. Публичная библіотека, Іосифовъ Волоколамскій монастырь и нѣкоторыя другія учрежденія и лица также доставляютъ не мало интересныхъ документовъ.

Иностранная литература и источники являются въ этихъ томахъ *И. Г. Р.* тоже въ значительно обновленномъ и дополненномъ составѣ. Только, кажется, источники для исторіи скандинавовъ и тюрковъ остаются тѣ же, какъ у Щербатова: тотъ же Далинъ и Маллетъ, тотъ же Дегинь и Абульгази. За то вмѣсто Флери для исторіи церкви является Райнальдъ; вмѣсто Соліньяка и Дефонтена — Нарушевичъ для исторіи Польши; кромѣ компилятора Стрыйковскаго, единственно извѣстнаго Щербатову, появляется у Карамзина и Кадлубекъ, и Богуфалъ, и Длугошъ — древнѣйшіе хронисты. Точно также, сверхъ лифляндской хроники Арндта, исторіографъ пользуется Дуисбургомъ, Кранцемъ и Кельхомъ. Наконецъ, начинаютъ появляться и сказанія иностранцевъ о Россіи. Щербатовъ знаетъ только Плано-Карпини; Рубруквисъ ему извѣстенъ только по сочиненію Рычкова. Карамзинъ пользуется обоими въ подлинникахъ и знаетъ, кромѣ нихъ, еще Барбаро и Шильтбергера.

---

*) Грамоты новгородскія №№ 1—12; Грамоты великихъ князей №№ 1—7, 9, 11—15, 17—22, 25, 27, 29—58, 61—67, 70—76. Въ приложеніяхъ (IV, ч. 3) *пересказывается* содержаніе грамотъ; печатать ихъ *текста* Щербатовъ, какъ мы видѣли, [illegible]гъ, предоставляя право изданія подлинниковъ Миллеру.

Въ *Росс. Вивліов.*, I и VI томы, въ *Собр. грамотъ и догов.*, т. I.

) Наприм., Ярлыкъ Узбека изъ Воскресенской лѣтописи („Ростовской архив[illegible]—коллегіи иностр. дѣлъ,—по терминологіи Карамзина), копія съ договора Ми[illegible] Тверского съ Василіемъ I (V, прим. 183).

) Церковный уставъ 1390 г. изъ харатейной рук. № 216; грамота митрополита А[illegible]лія на Червленый Яръ изъ сборника № 473; весьма важный сборникъ № 164: [illegible] *россійскихъ митрополитовъ*.

Въ третій разъ измѣняется составъ историческихъ источниковъ со времени Ивана III *). Къ лѣтописямъ и грамотамъ великихъ князей **) Щербатовъ присоединяетъ памятники дипломатическихъ сношеній, хранящіеся въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ ***). Цѣлый рядъ грамотъ, извлеченныхъ изъ «Статейныхъ списковъ», напечатанъ Щербатовымъ, на этотъ разъ уже въ подлинникѣ, въ приложеніяхъ. Карамзинъ далъ новыя выдержки и тексты изъ того же источника ****). Двинскія грамоты и документы кенигсбергскаго архива даютъ Карамзину, по-прежнему, возможность обогатить актовый матеріалъ весьма важными новинками; наприм., изъ Двинскихъ грамотъ онъ печатаетъ договоры новгородцевъ съ Казиміромъ и съ Иваномъ III (1471 г.). Очень важныя данныя для церковной исторіи даютъ ему рукописи Синодальной библіотеки, Іосифова монастыря и Троицкой лавры *****). Для исторіи законодательства, кромѣ *Судебника* Ивана IV, извѣстнаго и Щербатову, ему удается воспользоваться для второго изданія только что найденнымъ въ 1817 году *Судебникомъ* Ивана III. Разрядныя и родословныя книги, хорошо изученныя Щербатовымъ, извѣстны Карамзину въ другихъ, иногда очень любопытныхъ спискахъ. Оба они пользуются и послужнымъ спискомъ бояръ, изданнымъ въ *Опытѣ трудовъ вол. р. собр.* Но что особенно увеличиваетъ ученые рессурсы Карамзина въ этой части исторіи, это—сказанія иностранцевъ. Щербатову «Гербенштейнъ» извѣстенъ только по дѣлу о его посольствѣ въ архивѣ иностр. коллегіи; Контарини онъ знаетъ только по статьѣ о Венеціи въ *Атласѣ историческомъ*, а «Павла Жова»—по цитатѣ изъ словаря Морери. Карамзинъ знакомъ съ франкфуртскимъ сборникомъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи ******). Герберштейнъ, Павелъ Іовій, Гваньини, Одерборнъ извѣстны ему по этому изданію, Контарини — по изданію Бержерона.

---

*) *Щербатовъ*, т. IV, ч. 2 и 3 (изданы въ 1783 и 1784 гг.). *Карамзинъ*, т. VI и VII.

**) Щербатовъ цитируетъ и пересказываетъ въ приложеніяхъ №№ 78—88, 91—95, 99—118, 120—132, 137—138, 143—144, 148, 150, 155, 157—158, 161—162, 169. Въ пересказъ онъ все болѣе вставляетъ подлинныхъ выраженій, а къ концу начинаетъ печатать сплошь подлинный текстъ грамотъ (№№ 157, 162, 169).

***) Цитируются дѣла Татарскія (№№ 1—8), Крымскія (№ 1), Цесарскія (№№ 1—2), Польскія (№ 1), прусскаго магистра и переписка съ греческимъ духовенствомъ.

****) Тѣ и другія выдержки должны, конечно, потерять значеніе послѣ напечатанія *всего* матеріала дипломатическихъ сношеній XVI в. Но изданіе этихъ памятниковъ, начатое *Г. Ѳ. Карповымъ*, еще и въ наше время не закончено. Изданы до сихъ поръ сношенія съ Польско-Литовскимъ государствомъ за 1487—1571 гг. (*Памятники дипл. снош. древней Россіи* въ *Сб. И. Общ.*, т. XXXV, LIX и LXI), съ Прусскимъ орденомъ за 1516—1520 гг. (т. LIII), съ Крымской и Ногайской ордами и съ Турціей за 1474—1505 гг. (т. XLI). О другихъ изданіяхъ см. у *Иконникова*, 399—400 и XLIII—VIII.

*****) Кромѣ древнѣйшихъ служебныхъ книгъ, упоминаемыхъ въ предъидущихъ ...махъ, сюда относятся сочиненія Максима Грека въ рук. Тр. лавры, свѣдѣнія о ...борѣ 1503 года въ Синод. рук. № 79, о Виленскомъ соборѣ въ Синод. рук. № 87; ...кописи Синод. библ. № 347 и Іосифова монастыря № 666, дѣло Максима Грека ... рук. Арх. ин. колл., церковный кругъ Геннадія и друг.

******) *Rerum Moscoviticarum auctores varii*. Francof., 1600.

За время царствованія Ивана Грознаго *) основнымъ источникомъ продолжаютъ оставаться грамоты и статейные списки архива иностранной коллегіи **). Карамзинъ присоединяетъ къ нимъ, по-прежнему, документы, полученные изъ кенигсбергскаго архива; кромѣ того, онъ пользуется выписками изъ ватиканскаго архива, сдѣланными Альбертранди ***); канцлеръ Румянцевъ снабжаетъ его также нѣкоторыми актами мекленбургскаго архива и Британскаго музея. Къ извѣстной уже Щербатову перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ историографъ присоединяетъ знаменитые «синодики» Грознаго и его письмо въ Бѣлозерскій монастырь. Въ дополненіе къ изданной Щербатовымъ *Царственной книгѣ* Карамзинъ пользуется Синодальною рукописью № 270, которую онъ называетъ ея «продолженіемъ» ****), весьма важной лѣтописью Александро-Невской лавры *****), а также другими лѣтописями и хронографами частныхъ лицъ и Синодальной библіотеки. Исторія завоеванія Сибири, изложенная у Щербатова по Миллеру и Фишеру, получаетъ у Карамзина новое освѣщеніе съ помощью неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ лѣтописей—Саввы Есипова, Ремезова и Тобольской. По обыкновенію, вновь появляются въ *Исторіи государства Россійскаго* памятники важные для церковной исторіи: *Стоглавъ*, свѣдѣнія о соборѣ 1554 г. противъ московскихъ еретиковъ, объ обиходѣ Іосифова монастыря и др. Наконецъ, и въ этомъ отдѣлѣ впервые входятъ въ ученый оборотъ сказанія иностранцевъ. Щербатовъ въ своемъ пятомъ томѣ знаетъ только сборникъ «Гаклюйта» во французскомъ переводѣ и сообщаетъ оттуда одну грамоту царя Ивана Васильевича къ Эдварду VI. Карамзинъ пользуется оригинальнымъ изданіемъ Гаклюйта и извлекаетъ оттуда свѣдѣнія о Ченслерѣ, Баусѣ, Ленѣ, Дженкинсонѣ. Помимо Гаклюйтовскаго собранія Щербатову извѣстны одни *Комментаріи* Поссевина; Карамзинъ присоединяетъ, кромѣ раньше названныхъ, Бреденбаха *(Historia belli Livonici)*, Таубе и Крузе, тогда еще не изданныхъ и полученныхъ имъ въ 1811 г. въ рукописи изъ кенигсбергскаго архива, Гейденштейна, Перлштейна (Кобенцеля), Ульфельда, Горсея, Маржерета и Петрея.

Обращаемся къ исторіи Россіи со времени Ѳедора Ивановича до между-

---

*) *Щербатовъ*, т. V, ч. 1—4 (изданы въ 1786—89 гг.). *Карамзинъ*, VIII и IX томы.

**) Щербатовъ цитируетъ и печатаетъ извлеченія изъ грамотъ №№ 188—194, 198, 201—204, 208—211; изъ статейныхъ списковъ, хранящихся въ дѣлахъ *Польскихъ* №№ 6, 7, 9—15; *Крымскихъ*—№№ 11—15; *Шведскихъ*—№№ 2 и 3; *Татарскихъ*—№ 14; *Датскихъ*—№ 2; *Турецкихъ*—№ 2; *Цесарскихъ*—№№ 3 и 5; *Англійскихъ*—№ 1; *Но[illegible]ихъ*—№ 2. Для Карамзина ср. указатель Строева подъ этими словами (и кромѣ [illegible]тѣла *Папскія*).

*** Изданы вмѣстѣ съ другими выписками изъ иностр. архивовъ въ 1841—42 гг. А. [illegible] *Тургеневымъ*, который и познакомилъ съ ними Карамзина (*Historica Russiae [illegible]nenia* или *Акты историч. относящ. къ Россіи* и т. д. Два тома).

**** Щербатовъ употребляетъ въ дѣло, кромѣ прежнихъ, также лѣтопись Синодальной [illegible]бліотеки № 80. Было бы любопытно выяснить, была ли она извѣстна Карамзину.

***** [illegible]даны въ *Русской исторической библіотекѣ*, т. III.

царствія, на которомъ остановились оба историка *). Матеріалъ, заимствованный изъ дипломатическихъ документовъ, опять одинаковъ у того и другого **). Главныя лѣтописи смутнаго времени — *Новый лѣтописецъ, Лѣтопись о мятежахъ, Палицынъ,* нѣкоторые хронографы—уже извѣстны Щербатову. Карамзинъ дополняетъ ихъ нѣсколькими повѣстями, нѣсколькими любопытными списками хронографа, такъ называемою рукописью Филарета. Важнымъ пособіемъ для исторіи этого періода былъ для Щербатова *Опытъ новѣйшей исторіи* Миллера, начало котораго было напечатано въ *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* (1761 г.), а продолженіе хранилось въ архивѣ въ рукописи иностр. коллегіи. Руководимый Миллеромъ, Щербатовъ начинаетъ шире пользоваться иностранцами, чѣмъ мы это видѣли ранѣе. Перенося въ свою *Исторію* иногда цѣлыя страницы Миллеровскаго труда, онъ передаетъ и его цитаты ***); нѣкоторыми изъ нихъ онъ заинтересовывается и достаетъ самыя цитированныя сочиненія. Такимъ образомъ, Щербатовъ пользуется въ VII томѣ Маржеретомъ, Страленбергомъ, де-Ту, книжкой подъ заглавіемъ *Relation curieuse de l'état présent de la Russie* ****). Однако Карамзинъ и здѣсь далеко превосходитъ его знакомствомъ съ иностранцами. Кромѣ названныхъ выше, онъ знаетъ еще Бера, полученнаго имъ отъ Румянцева, Горсея *(Coronation),* Шиля, Мильтона, Паерле, Маскѣвича и другихъ; значительный польскій матеріалъ даютъ ему изданія Нарушевича и Нѣмцевича, а также выписки Альбергранди (дневники Олесницкаго и Гонсѣвскаго, описаніе событій 1604—9 неизвѣстнаго автора).

Разумѣется, во всемъ этомъ сравнительномъ перечнѣ источниковъ Щер-

---

*) Щербатовъ—т. VI, ч. 1 и 2 (изд. 1790 г.) и т. VII, ч. 1—3 (изд. 1790—1791 гг.)—остановился на низложеніи Шуйскаго; Карамзинъ (т. X—XII), какъ извѣстно, довелъ разсказъ до смерти Ляпунова.

**) Щербатовъ цитируетъ и печатаетъ въ извлеченіяхъ въ этихъ томахъ: дѣла *Польскія,* стат. списки №№ 15, 17—21, 24—27; 1605 г., пріѣздъ гонца Бычинскаго, 1608 г., вязка 1; списокъ съ перемирія съ Олесницкимъ, № 4; 1609 г. 28 февраля, списокъ съ записи Юрія Боя; 1610 г. марта 5, № 1, присяга ржев. и зубцов. воеводъ Сигизмунду. Дѣла *Цесарскія,* стат. сп. №№ 5 и 6; 1599 г., посольство Ав. Власьева; 1601 г., отправленіе Власьева и пріѣздъ Шеля; 1602 г., № 1. Дѣла *Англійскія,* стат. сп. № 1; 1598 г., связки; 1599 г., связки—пріѣздъ д-ра Тим. Вилліса; 1600 г., столбцы, связка № 4; 1603 г., связка № 3 (пріѣздъ Ѳомы Шмита). Дѣла *Турецкія,* стат. сп. №№ 2 и 3. Дѣла *Шведскія,* стат. сп. №№ 4—6; 1598 г., переписка о размѣнѣ плѣнныхъ; 1609 г., пріѣздъ и отпускъ посланныхъ отъ Делагарди. Дѣла *Крымскія,* стат. сп. № 16. Дѣла *Татарскія,* стат. сп. № 16. Дѣла *Персидскія,* стат. сп. № 1; связка № 1. Дѣла *Грузинскія,* стат. сп. № 1; 1601 г., столбецъ посольства Ив. Нащокина. Дѣла *Датскія,* 1601 г., связка № 3; 1602 г., связки №№ 1—2; пріѣздъ датск. королевича. Дѣла съ *Ганзой,* 1603 г., связка № 1, пріѣздъ пословъ вольныхъ городовъ. Дѣла съ греч. духов., № 3. Грамоты *Разстриги,* № 1—5, 9, 14—15, 17—20, 22—23, 27, 31, 33, 34, 37. Одинъ документъ (инструкція папы Комулею) списанъ въ Римѣ и доставленъ Щербатову по повелѣнію Екатерины II.

***) Характеръ пользованія текстомъ и цитатами видѣнъ изъ VII, I, 267, 56, 277; II, 3, 14, 37.

****) Петрея и два другія сочиненія: *La légende de la vie et de la mort de Demetrius* и *The Russian impostor,*— онъ, кажется, знаетъ только по цитатамъ Миллера.

батова и Карамзина мы старались обратить вниманіе только на самое главное. Чтобы показать, въ какой степени «Примѣчанія» Карамзина обновили запасъ научнаго матеріала по русской исторіи, и сдѣланныхъ указаній совершенно достаточно. Если текстъ «Исторіи государства Россійскаго», приноровленный къ литературнымъ вкусамъ большой публики, пріобрѣлъ автору непрочную славу среди почитателей его повѣстей, то «Примѣчанія», по понятной теперь для насъ причинѣ, сохранили надолго огромное значеніе для спеціалистовъ *). Пожаръ двѣнадцатаго года увѣковѣчилъ это значеніе «Примѣчаній» для тѣхъ памятниковъ, оригиналы которыхъ погибли въ этомъ пожарѣ, между тѣмъ какъ текстъ «Исторіи» давно уже потерялъ всякій интересъ, кромѣ историческаго.

Намъ остается разсмотрѣть взгляды Карамзина на общій ходъ русской исторіи. Найдя, что даже наиболѣе дисциплинированные и наиболѣе положительные изслѣдователи прошлаго вѣка были безсильны противъ ходячаго взгляда, мы уже не будемъ ожидать отъ Карамзина чего-либо новаго въ этомъ отношеніи. Его взглядъ вполнѣ воспроизводитъ извѣстные намъ взгляды предшественниковъ. Карамзинъ, какъ мы видѣли, вообще находится подъ вліяніемъ Шлецера, нѣсколько измѣнившаго традиціонную схему русской исторіи. Но въ этомъ случаѣ Карамзинъ, насколько только возможно, возвращается къ схематизму Ломоносова. Несомнѣнно для него только одно: именно, что призванные князья были норманны. Затѣмъ, слѣдуя Шлецеру, а не вопреки ему, какъ утверждали патріотическіе поклонники Карамзина, историографъ принимаетъ мнѣніе, что Русское государство возникло свободно,—призваніемъ, а не завоеваніемъ. Связь со Шлецеромъ видна будетъ изъ слѣдующаго сопоставленія:

Шлецеръ. Несторъ. II, стр. 159—160.

Большая часть великихъ державъ въ свѣтѣ составилась завоеваніемъ или неволею... Но русская держава возникла совсѣмъ иначе. Пять народовъ..., каждый *добровольно* **)... вступаютъ между собою въ союзъ и, по взаимному согласію, избираютъ себѣ начальниковъ изъ 6-го народа.

Карамзинъ. I, IV глава.

Начало россійской исторіи представляетъ намъ удивительный и едва ли не безпримѣрный въ лѣтописяхъ случай: славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе и требуютъ государей отъ варяговъ, которые были ихъ непріятелями. Вездѣ мечъ сильныхъ или хитрость честолюбивыхъ вводили самовластіе (ибо народы хотѣли законовъ,

*) Постепенное изданіе памятниковъ, отчасти обогнавшее даже выходъ въ свѣтъ „Исторіи Г. Р.“, должно было лишить и „Примѣчанія“ большей части ихъ научнаго значенія, такъ какъ главное ихъ содержаніе состоитъ въ выдержкахъ изъ первоисточниковъ, а критическій элементъ почти отсутствуетъ. Если, тѣмъ не менѣе, „Примѣчанія“ сохранили свое значеніе до нашего времени, то это свидѣтельствуетъ только о слабости издательской дѣятельности по русской исторіи. До какой степени историческая наука медленно овладѣваетъ историческимъ матеріаломъ, употребленнымъ въ дѣло Карамзинымъ, видно уже изъ того, что мы до сихъ поръ не собрались пріурочить цитаты Карамзина къ нынѣ существующему изданному и неизданному матеріалу.

**) Курсивъ въ подлинникѣ.

но боялись неволи): въ Россіи оно утвердилось съ общаго согласія гражданъ.

По мнѣнію Шлецера, только послѣ возстанія Вадима Рюрикъ явился въ Новгородѣ уже не въ качествѣ добровольно-призваннаго князя, а въ качествѣ завоевателя, и въ это время онъ основалъ феодальную систему. И въ этомъ видѣли разницу во взглядахъ между Шлецеромъ и Карамзинымъ, который, будто бы, не признавалъ въ русской исторіи ни завоеванія, ни феодализма. Однако же, то и другое,—и завоеваніе и феодальная система,—есть и у Карамзина, только они запрятаны у него въ одной неясной фразѣ: «Рюрикъ, принявъ единовластіе, отдалъ въ управленіе знаменитымъ единоземцамъ своимъ, кромѣ Бѣлоозера, Полоцкъ, Ростовъ и Муромъ, имъ или братьями его *завоеванные,* какъ надо думать. Такимъ образомъ... утвердилась... система феодальная» и т. д.

Принимая Шлецеровскую мысль о феодальномъ устройствѣ древнѣйшей Руси, Карамзинъ принимаетъ также и Болтинскую идею о томъ, что первые государи не были самодержавны. Этимъ, однако, и ограничиваются уступки его воззрѣніямъ, поколебавшимъ Ломоносовско-Татищевскую схему русской исторіи. На общій выводъ эти уступки не оказываютъ, никакого вліянія. Вслѣдъ за Татищевымъ и Ломоносовымъ Карамзинъ повторяетъ: «отечество наше обязано величіемъ своимъ счастливому введенію монархической власти». Такимъ образомъ, дальнѣйшую мысль Болтина и нѣмецкихъ изслѣдователей, что варяги явились не какъ государи, а какъ защитники страны отъ сосѣдей, Карамзинъ рѣшительно отвергаетъ *). Точно также не соглашается онъ и назвать Россію въ первомъ періодѣ—рождающеюся, какъ предлагалъ Шлецеръ. «Вѣкъ Владиміра былъ уже вѣкомъ могущества и славы,—а не рожденія». Какъ неохотно отказывается Карамзинъ отъ старой схемы, видно изъ слѣдующихъ частныхъ случаевъ. Въ началѣ нашей исторіи существовало два одинаково сомнительныхъ преданія: о Гостомыслѣ, который призвалъ князей, и о Вадимѣ, который взбунтовалъ Новгородъ противъ княжеской власти. Шлецеръ безусловно отвергалъ существованіе Гостомысла; а преданіе о Вадимѣ считалъ вѣроятнымъ и выпущеннымъ изъ лѣтописей московской политикой **). Карамзинъ, не высвободившійся еще изъ-подъ «ферулы» учителя, до извѣстной степени готовъ признать и извѣстіе о Гостомыслѣ «сомнительнымъ» и возстаніе Вадима «вѣроятнымъ». Но въ выраженіяхъ его въ томъ и другомъ случаѣ ясно видно желаніе, чтобы читатель думалъ какъ разъ наоборотъ. «Древняя лѣтопись не упоминаетъ о семъ благоразумномъ совѣтникѣ,—говоритъ онъ по

*) I, прим. 276.

**) „Очень легко станется, что это выпущено съ умысломъ трусливыми ... писчиками. Часто случается, что политика сильныхъ или робкихъ вторгается ... область критики, вырываетъ цѣлые листы изъ лѣтописей и приказываетъ встав... другія слова". Предположеніе Шлецера поддержалъ впослѣдствіи *Яниш* въ ... статьѣ о *Новгор. лѣтописи и ея московской передѣлкѣ* (*Чтенія Общ. Ист. и Др.* 1874, II), но встрѣтилъ возраженія со стороны г. *Сенигова*.

поводу Гостомысла,—но ежели преданіе истинно, то Гостомыслъ достоинъ славы и безсмертія въ нашей исторіи». А про Вадима говорится вотъ въ какихъ выраженіяхъ: «сіе извѣстіе, не будучи основано на древнихъ сказаніяхъ Нестора, кажется одною догадкою и вымысломъ». Такъ колеблются критическіе вѣсы историографа, смотря по тому, въ какую сторону долженъ склониться приговоръ: *за* или *противъ* традиціи.

Даже традиціоннаго года основанія государства Карамзинъ не хочетъ уступить. Принявши мнѣніе Шлецера, что хронологія Нестора вымышлена, и согласившись съ нимъ, что даты 859—862 невѣроятны, Карамзинъ приходитъ, однако, къ неожиданному результату. «Какъ *доказать*, что древній лѣтописецъ ошибся, и что Рюрикъ пришелъ ранѣе 862 года», спрашиваетъ онъ, и рѣшаетъ начинать исторію государства Россійскаго съ 862 года *).

Такимъ образомъ, несмотря на то, что Карамзинъ, повидимому, принимаетъ Шлецеровскія мнѣнія о происхожденіи Русскаго государства,—отъ этихъ мнѣній послѣ всѣхъ оговорокъ и добавленій остается весьма немного, и изъ-за Шлецеровскихъ тезисовъ ясно проглядываютъ всѣ основныя черты отвергнутой Шлецеромъ Ломоносовской схемы: величіе перваго періода русской исторіи, основанное на монархической власти первыхъ князей, даже и съ правильнымъ престолонаслѣдіемъ, потому что Олегъ признается Карамзинымъ за правителя, «опекуна» Игоря.

Въ дальнѣйшихъ частяхъ тожество схемы Карамзина съ традиціонной схемой XVIII столѣтія выступаетъ уже безъ всякой маскировки. Ходъ послѣдующей исторіи объясняется, какъ и у предшественниковъ, обычаемъ княжескихъ раздѣловъ.

Шлецеръ, III, гл. VII. „Святославъ начинаетъ пагубный раздѣлъ Россіи". „Онъ первый подалъ пагубный примѣръ раздѣловъ, кои цѣлыя 500 лѣтъ держали Россію въ изнеможеніи, бѣдствіи и нуждѣ".

Шлецеръ. Probe russ. Annalen (ср. *Ломоносова*). (При семи первыхъ властителяхъ Русское государство) достигло могущества и величія, какъ Римъ при своихъ семи царяхъ. Но едва оно достигло этой степени, какъ раздѣлы Владиміровы и Ярославовы низвергли его въ прежнюю слабость, такъ что въ концѣ-концовъ оно сказалось добычей татарскихъ ордъ и т. д. (болѣе, чѣмъ на 200 лѣтъ).

Карамзинъ: „И такъ Святославъ первый ввелъ обыкновеніе давать сыновьямъ особенные удѣлы: примѣръ несчастный, бывшій виною всѣхъ бѣдствій Россіи".

„Древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоденствіе. Основанная, возвеличенная единовластіемъ, она утратила силу, блескъ и гражданское счастіе, будучи снова раздробленною на малыя части. Владиміръ исправилъ ошибку Святослава, Ярославъ — Владимірову; наслѣдники ихъ... не умѣли соединить частей въ одно цѣлое, и государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія,— слабѣло и разрушалось болѣе 300 лѣтъ".

...одная вообще со взглядами историковъ XVIII вѣка, философія исторіи ...арамзина однако и въ этомъ періодѣ представляетъ особенности, спе...ально сближающія ее съ Ломоносовской. Припомнимъ справедливый уд... Шлецера Ломоносову, что въ его изображеніи Русь въ теченіе

...прим. 120.

всей исторіи сохраняетъ характеръ единаго государства. Въ изложеніи Карамзина событія удѣльнаго періода точно также изображаются, какъ будто бы на Руси было только одно великое княженіе; поэтому московскій князь оказывается иногда отвѣтственнымъ за событія, происходящія въ совершенно независимой отъ Москвы области.

Эта точка зрѣнія служила весьма удобнымъ средствомъ, чтобы расположить русскую исторію въ видѣ одной линіи, на которой Москва являлась естественнымъ продолженіемъ Кіева. Возвышеніе Москвы представляется, такимъ образомъ, Карамзину какъ нѣчто необходимое въ общемъ ходѣ русской исторіи,— такъ сказать, провиденціальное. Не выдвинь татары Москвы,—по его мнѣнію, Россія была бы раздѣлена татарами: «тогда мы утратили бы и государственное бытіе и вѣру, которая спаслась Москвою». Сохраненіе государственности и вѣры есть, стало быть, спеціальная заслуга Москвы; а возвышеніе Москвы—личная заслуга московскихъ государей. Вначалѣ московскіе государи стремятся къ этой цѣли даже безсознательно; и пока они служатъ только орудіями въ рукахъ Божіихъ,—историкъ-моралистъ не хочетъ оправдывать ихъ безнравственной политики. «Судъ исторіи не извинитъ и самаго счастливаго злодѣйства,—говорится про Ивана Калиту,—ибо отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствіе—отъ Бога». Но вотъ является уже сознательный исполнитель божественныхъ предначертаній, великій Иванъ III—и нравственный «судъ исторіи»—умолкаетъ. Иванъ III «принадлежитъ къ числу весьма немногихъ государей, избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшать надолго судьбу народовъ, онъ есть герой не только россійской, но и всемірной исторіи». Вотъ, наконецъ, передъ нами философія исторіи болѣе глубокая, чѣмъ все, что мы до сихъ поръ видѣли. И такъ, не можемъ ли мы причислить Карамзина къ историкамъ-провиденціалистамъ, вродѣ Боссюэта или Лорана? Отнюдь нѣтъ. Наведенный самымъ теченіемъ историческихъ событій на иную философію исторіи, чѣмъ его морально-реторическая,—Карамзинъ спѣшитъ остановиться на порогѣ, не рѣшаясь проникнуть въ святилище. «Не теряясь въ сомнительныхъ умствованіяхъ метафизики, не дерзая опредѣлять внѣшнихъ намѣреній божества, внимательный наблюдатель видитъ счастливыя и бѣдственныя эпохи въ лѣтописяхъ гражданскаго общества, *какое-то согласное теченіе мірскихъ случаевъ къ единой цѣли или связь между онѣми для произведенія какого-нибудь главнаго дѣйствія, измѣняющаго состояніе рода человѣческаго*». Подчеркнутыя слова, кажется, самыя философскія во всей Исторіи государства россійскаго, но они и единственныя. Сопоставивъ вѣкъ Ивана III съ вѣкомъ возстановленія монархіи и просвѣщенія на Западѣ, Карамзинъ на этомъ сопоставленіи и останавливается. Философія Провидѣнія нужна ему не для начертанія какой-нибудь общей схемы всемірно-историческаго развитія, не для пріуроченія къ этой схемѣ русскаго историческаго процесса. Секреты Провидѣнія такъ и останутся для него секретами; но нравственное чувство моралиста будетъ удовлетворено мыслью о предопредѣленности совершившагося, а эстетическое чувство художника

найдетъ себѣ пищу въ созерцаніи перспективъ неясныхъ, но «заманчивыхъ для воображенія».

IV.

Мы только что видѣли, что историческая схема Карамзина есть, въ сущности, та же схема, которая намъ извѣстна изъ исторіографіи XVIII в. Въ основѣ этой схемы лежало объясненіе хода исторіи изъ личныхъ пріемовъ княжеской политики. Воля князей повергла Россію въ пучину гибели, и та же воля вознесла ее на верхъ величія. Изъ этого основнаго принципа съ логической послѣдовательностью развивалась цѣлая система русской исторіи. Періодъ первоначальнаго единства и могущества въ Кіевѣ; затѣмъ ошибочныя распоряженія князей о раздѣлѣ; ослабленіе и раздробленіе Руси; какъ послѣдствіе раздѣловъ; татарское иго, независимость Литвы и сѣверныхъ республикъ, какъ послѣдствія ослабленія и раздробленія; наконецъ, отмѣна раздѣловъ и, какъ слѣдствіе отмѣны, объединеніе и усиленіе Россіи, сверженіе ига, уничтоженіе республикъ и подчиненіе литовской Руси:—таковы послѣдовательныя звенья этой цѣпи, необыкновенно плотно сомкнутыя между собою. Когда же и гдѣ сложилось такое пониманіе смысла русской исторіи, являющееся готовымъ въ XVIII вѣкѣ и съ такимъ постоянствомъ раздѣляемое всѣми историками до Карамзина включительно?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ надо оставить на время исторіографію XVIII в. и обратиться къ XV и XVI столѣтіямъ. Здѣсь мы найдемъ и реальную надобность въ разбираемой философіи исторіи и реальную обстановку, объясняющую ея происхожденіе. Теоретическое достоинство нашей схемы, конечно, не выиграетъ отъ такого объясненія; но мы по крайней мѣрѣ увидимъ, что было время, когда эта схема имѣла большое практическое значеніе и вытекала, казалось, изъ опыта самой жизни.

Княженіе Ивана III даетъ намъ ту обстановку, въ которой самъ собой долженъ былъ сложиться разсматриваемый взглядъ на русское прошлое. Всѣ первыя тридцать лѣтъ этого княженія заняты были борьбой съ удѣльнымъ порядкомъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что побѣда надъ братьями и другими княжескими линіями вполнѣ сознательно представлялась Ивану III ступенью къ освобожденію отъ татарскаго ига. Раздробленіе Руси и татарщина—таковы были тѣ главные враги, съ которыми ему приходилось бороться, и не нужно было быть философомъ, чтобы понять, что оба врага находятся въ тѣсномъ союзѣ и другъ друга усиливаютъ. Въ 1491 году Иванъ схватилъ въ Москвѣ брата Андрея и присоединилъ его дѣлъ. Митрополитъ просилъ великаго князя освободить брата и, по ра[з]казамъ, получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Жаль мнѣ очень брата, и я не хо[чу] погубить его... но освободить его не могу... (иначе) когда я умру, то он[и] будетъ искать великаго княженія надъ внукомъ моимъ, и если самъ не [бу]детъ, то смутитъ дѣтей моихъ, и станутъ они воевать другъ съ дру[гомъ] а татары будутъ русскую землю губить, жечь и плѣнить, и дань

опять наложатъ, и кровь христіанская опять будетъ литься, какъ прежде, и всѣ мои труды останутся напрасны и вы будете снова рабами татаръ» *). Можетъ быть, именно такихъ словъ и не говорилъ Иванъ III, но вотъ слова, которыя онъ дѣйствительно велѣлъ говорить своей дочери, женѣ литовскаго князя Александра: эти слова записаны въ современномъ дипломатическомъ документѣ **): «Отецъ твой, госпоже, велѣлъ тебѣ говорити: сказывалъ ми Борисъ Кутузовъ..., что еси говорила съ ними, что князь велики да и панове думаютъ, а хотятъ Жыдимонту (брату Александра) дать въ литовскомъ въ великомъ княжествѣ Кіевъ да и иные городы. Ино, дочи, слыхалъ язъ, каково было нестроенье въ Литовской землѣ, коли было государей много. А и въ нашей землѣ, слыхала еси, каково было нестроенье при моемъ отцѣ; а опослѣ отца моего, каковы были дѣла и мнѣ съ братьею, надѣюся, слыхала еси, а иное и сама помнишь. И только Жыдимонтъ будетъ въ литовской землѣ, — ино вашему которому добру быти? И язъ приказываю то къ тебѣ—того для, что еси дѣтя наше, и что ся не по тому ваше дѣло начнетъ дѣлатись, и мнѣ того жаль». Такъ, личный опытъ подкрѣплялся для Ивана III опытомъ прошлаго. То и другое приводило къ извѣстному намъ объясненію татарщины изъ «великой государственной ошибки»—княжескихъ раздѣловъ. Для человѣка, посвятившаго всю жизнь на уничтоженіе послѣдствій этой ошибки, эта связь раздробленія и татарскаго ига должна была сдѣлаться аксіомой. Такимъ образомъ, изъ результатовъ текущей политики создавалось само собой историческое объясненіе.

Но это еще далеко не все. Опытъ прошедшаго привелъ къ одной исторической теоріи: изъ политики князей было объяснено раздробленіе Руси и татарщина. Задачи будущаго, политическіе идеалы московскихъ дипломатовъ XV вѣка создали другую теорію. Покончивъ съ удѣлами и ордой въ первое тридцатилѣтіе, правительство Ивана III поставило на очередь новую задачу: присоединеніе единоплеменной и единовѣрной южной Руси, находившейся въ литовскихъ рукахъ. Здѣсь уже не политика объясняла исторію, а, напротивъ, исторія употреблялась какъ одно изъ орудій политики. Мимо періода раздробленія Руси наши дипломаты обращались къ тому времени, когда спорная южная Русь была достояніемъ Рюрикова дома. Московскій великій князь представлялся прямымъ наслѣдникомъ кіевскаго и предъявлялъ на кіевскую Русь свои историческія права.

Притязанія Москвы на «всю Русь» заявлялись, правда, русскими дипломатами осторожно и не сразу, но съ такою настойчивостью и послѣдовательностью, которыя были бы невозможны безъ заранѣе обдуманной системы. Когда (въ 1492 г.) начались первые отъѣзды служилыхъ пограничныхъ князей отъ Литвы къ Москвѣ, — въ отъѣздахъ этихъ не б[illegible]о ничего незаконнаго: еще въ 1449 году заключенъ былъ Василіемъ Т[illegible]нымъ договоръ съ Казимиромъ, по которому отъѣзды не воспрещались. И

*) *Соловьевъ*, V, стр. 67.

**) *Сборникъ Русск. Истор. Общества*, т. XXXV, изд. 2-е, стр. .

однако же москвичи, оправдывая княжескіе отъѣзды, не думаютъ ссылаться на договоръ Василія Темнаго, а указываютъ на историческія права московскаго князя: «напередъ сего нашему отцу и нашимъ предним великимъ князьямъ тѣ князи служили съ своими вотчинами» *). Уже въ слѣдующемъ 1493 году Иванъ III открыто принимаетъ титулъ, соотвѣтствующій его притязаніямъ: «государь *всея* Руси»; и государь литовской Руси тщетно протестуетъ противъ этого нововведенія. «Государь нашъ,—отвѣчаютъ ему москвичи,—ничего высокаго не писалъ, ни новины никоторыя не вставилъ. Чѣмъ его Богъ подаровалъ отъ дѣдъ и прадѣдъ, — отъ начала правой есть уроженецъ государь всея Руси» **). Прошло десять лѣтъ. Новая война успѣла начаться и кончиться; черниговская и сѣверская области были заняты русскими войсками. Иванъ Васильевичъ продолжалъ утверждать, что отнятыя у Литвы земли — «наша вотчина». Московскіе дипломаты прибавляли къ этому: «ино и не то одно—наша вотчина, кои волости и городы нынѣ за нами; и вся русская земля, Божьею волею, изъ старины отъ нашихъ прародителей—наша вотчина». А за этимъ послѣдовало еще болѣе откровенное разъясненіе (1504 г.): «Вся русская земля — Кіевъ и Смоленскъ и иные городы—отъ нашихъ прародителей наша вотчина, и онъ бы (король) намъ русскіе земли всеѣ — Кіева, Смоленска *и иныхъ* городовъ... поступился» ***). Какіе это «иные города»,—объ этомъ заявлено было Литвѣ уже послѣ Ивана: «Кіевъ, Полтескъ, Витебскъ» — и опять-таки «иные городы» (1517). Такимъ образомъ, расширяя свою программу дальше всякихъ предѣловъ непосредственно осуществимаго и предоставляя себѣ возможность при первомъ удобномъ случаѣ расширить ее еще больше, московскіе дипломаты поставили русской политикѣ цѣли, которыя удалось осуществить только черезъ два съ половиной столѣтія. Для насъ важно отмѣтить, что этимъ путемъ вводилась въ общее сознаніе другая историческая аксіома, на которой основывались московскія претензіи: идея тожества и наслѣдственной связи московской и кіевской государственной власти. Въ силу ранѣе разобранной аксіомы, промежуточный періодъ русской исторіи представлялся, какъ мы видѣли, сплошной государственной ошибкой. Новая аксіома выбрасывала вовсе этотъ промежуточный періодъ изъ связи русскаго историческаго процесса. Оставалось сдѣлать послѣдній шагъ: оставалось придать кіевскому періоду характеръ московскаго, и наша докарамзинская схема была готова.

Прежде, чѣмъ перейдемъ къ разбору этого послѣдняго момента, остановимся еще на двухъ частностяхъ разбираемой схемы. Припомнимъ, что ки ские раздѣлы объясняли въ докарамзинской схемѣ раздробленіе Ру- . раздробленіе Руси, въ свою очередь, употреблялось для объясненія то[illegible]акъ произошла независимость отъ Москвы литовской Руси и сѣвер-

*) *Р. И. Общ.* XXXV, № 1, ср. №№ 8, 12.
**) Ibid., № 22.
***) , №№ 75, 78.

ныхъ вѣчевыхъ республикъ. И эту подробность,—объясненіе независимости Литвы и Новгорода,—мы найдемъ готовою въ московской исторической литературѣ XVI вѣка. Несомнѣнно, въ первой половинѣ XVI вѣка уже существовало сказаніе, по которому власть литовскихъ князей надъ Литвой представлялась незаконнымъ захватомъ *). По этому сказанію, Юрій Даниловичъ московскій, придя изъ Орды на великое княженіе, нашелъ русскіе города запустѣвшими и безлюдными. Чтобы собрать людей, уцѣлѣвшихъ отъ плѣна, Юрій разослалъ войска по всѣмъ городамъ. Въ кіевскую и волынскую земли посланъ былъ также «гегиманикъ» (слово, понимаемое здѣсь составителемъ сказанія, повидимому, въ нарицательномъ смыслѣ «гегемона»— предводителя), чтобы и на той сторонѣ Днѣпра собрать разбредшихся людей и наполнить грады и веси. Этотъ-то «гегиманикъ, мужъ зѣло храбръ и велія разума», «началъ собирать дани и сокровища изыскивать по тѣмъ странамъ, и зѣло обогатѣлъ и собралъ себѣ множество людей, которыхъ одарялъ не скудной рукой; и началъ онъ владѣть многими землями и назвался княземъ великимъ Гедиманомъ литовскимъ,—вслѣдствіе несогласія и междоусобной брани прежнихъ русскихъ государей великихъ князей».

И такъ, Гединиъ—узурпаторъ, превратившійся въ князя изъ простаго военачальника Юрія Даниловича. По существу, этотъ взглядъ ничѣмъ не отличается отъ взгляда Татищева, по которому литовскіе князья нѣкогда повиновались русскимъ, и независимость Литвы явилась слѣдствіемъ отпаденія ея отъ власти Россіи во время княжескихъ междоусобій. Точно также сходится историкъ XVIII вѣка съ повѣствователемъ XVI вѣка и въ объясненіи независимости «республиканскихъ правительствъ» сѣвера. И Новгородъ съ Псковомъ обязаны своей самостоятельностью тѣмъ же княжескимъ раздорамъ. Вотъ какъ развивается это объясненіе въ исторической повѣсти о взятіи Казани, составленной современникомъ **): «Изначала,—говоритъ онъ,—было одно государство, одна держава и область русская:

*) Древнѣйшая, мнѣ извѣстная рукопись, содержащая это сказаніе, хранится въ библіотекѣ московской духовной академіи подъ № 627; сюда она попала изъ Волоколамскаго монастыря (см. *Опись рукописей, перенесенныхъ изъ библ. Іосифова мон.* и т. д., іером. Іосифа, подъ № 212, стр. 273—4). На оборотѣ послѣдняго листа рукописи читаемъ: „Книга князь Дмитреева Ивановича Немого... Телепнева внука". Кн. Д. И. Нѣмой-Оболенскій умеръ въ 1565 году (*Библіовика*, XX, стр. 46), и такимъ образомъ содержаніе рукописи слѣдуетъ относить къ первой половинѣ XVI вѣка. Къ первой же половинѣ XVI в. слѣдуетъ относить сказаніе о литовскихъ князьяхъ и по тому соображенію, что въ 1556 г. это сказаніе уже вошло, повидимому, въ оффиціальный текстъ государева Родословца (*Временникъ Общ. Ист. и Др. Р.*, X, стр. 75—76: напечатанный здѣсь первый текстъ, по нашему предположенію, представляетъ изъ себя довольно чистый текстъ государева Родословца 1556 года). По рукописи второй половины XVI в. *Родословіе Литовскаго княжества* издано въ *Чтеніи Общ. Ист. и Др. Р.* 1889 г., кн. III, библіографич. матеріалы А. Н. Попова, стр. 76 и слѣд.

**) О Казанской исторіи см. у *Шпилевскаго:* „Древніе города" и т. д. Казань, 1887 г., стр. 552—567.

поляне, древляне, новгородцы и полочане, волыняне и подоляне,—то все едина Русь и единому великому князю служили и повиновались и дань давали: кіевскому и владимирскому. Но въ горькія Батыевы времена, видя державныхъ русскихъ нестроеніе и мятежъ, они отступили и отдѣлились отъ русскаго царства владимирскаго (рѣчь идетъ о новогородцахъ). Такимъ образомъ, они остались отъ Батыя невоеваны и неплѣнены... потому и возгордились и своихъ князей владимирскихъ ни во что вмѣнили, живя въ своей волѣ и сами собой властвуя и никому не покоряясь... (Но впослѣдствіи) Божіимъ промысломъ погибло царство и власть Орды Златыя, и тогда великая наша русская земля освободилась отъ ярма и покоренія бесерменскаго и начала обновляться, какъ бы отъ зимы прелагаться на тихую весну, и взошла паки на древнее свое величество... какъ встарину при великомъ князѣ Владимирѣ преславномъ; и возсіялъ нынѣ стольный градъ Москва, второй—Кіевъ, не поколеблюсь сказать и третій новый Римъ!»

Слова русскаго книжника XVI в. возвращаютъ насъ къ исторіи созиданія первой русской исторической схемы. Мы видѣли раньше, что московскій «господарь всея Руси» готовъ былъ считать себя наслѣдникомъ Владимира кіевскаго; теперь мы видимъ, что то, что было достаточно въ концѣ XV вѣка,—въ срединѣ XVI вѣка уже не удовлетворяетъ. Москвѣ мало быть вторымъ Кіевомъ, ей хочется сдѣлаться третьимъ Римомъ. Другими словами, наша историческая схема осложняется новымъ элементомъ, съ которымъ намъ и остается познакомиться.

Идея присвоить себѣ наслѣдіе второго Рима впервые складывается въ Москвѣ, какъ извѣстно, въ сферѣ религіозныхъ отношеній. Завоеваніе Константинополя турками (1453) понято было у насъ какъ Божіе наказаніе, понесенное греками за отступленіе отъ православія въ латинство (флорентійская унія 1439). Послѣ паденія Византіи всемірноисторическое представительство православія само собой переходило къ единственному уцѣлѣвшему на свѣтѣ православному государю—московскому. Къ идеѣ религіознаго представительства не замедлила присоединиться и другая идея—представительства политическаго. Бракъ Ивана III съ Софьей Палеологъ докончилъ въ этомъ отношеніи то, что начала флорентійская унія. Не даромъ сенатъ венеціанской республики на слѣдующій годъ послѣ брака писалъ московскому князю, что «власть надъ восточной имперіей, захваченной турками, въ случаѣ прекращенія мужского потомства Палеологовъ, принадлежитъ теперь ему, по брачному праву». Правда, практическій Иванъ III, по[illegible]мому, не высоко цѣнилъ свои наслѣдственныя права на Византію; по [illegible]айней мѣрѣ, онъ не воспользовался возможностью купить первородст[illegible]у брата своей супруги, и Андрей Палеологъ продалъ свои права за сто[illegible]ую цѣну христіаннѣйшему королю, мечтавшему объ изгнаніи турокъ из[illegible]Европы, Карлу VIII. Но проектъ изгнанія турокъ кончился неудачнымъ по[illegible]ъ въ Неаполь; затѣмъ Андрей умеръ бездѣтнымъ, еще разъ завѣща[illegible]и наслѣдственныя права Фердинанду и Изабеллѣ испанскимъ; дру-

гой братъ, Мануилъ, перешелъ въ исламъ, и потомство его скоро пресѣклось *). При этихъ условіяхъ Софья могла, если хотѣла, считать себя законной наслѣдницей византійской короны.

Любопытно, что и въ этомъ случаѣ очевиднымъ для всѣхъ правакъ московское правительство предпочло права историческія, освященныя древностью. Съ началомъ XVI вѣка въ московскомъ историческомъ обиходѣ появилась легенда, по которой византійское наслѣдіе еще Владимиру Мономаху было непосредственно передано византійскимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ. Повѣсть, въ которой передается эта легенда, въ отдѣльномъ видѣ носитъ обыкновенно заглавіе: *Поставленіе великихъ князей русскихъ на великое княженіе, откуду и како начаша ставитися на великое княжество святыми бармами и царскимъ вѣнцомъ*. Разсказъ начинается съ того, что Владиміръ Мономахъ слогомъ московскихъ князей проситъ у своихъ бояръ совѣта, идти ли ему, по примѣру «прародителей», на Константинополь. Затѣмъ онъ вооружаетъ войско противъ Царяграда, гдѣ царствуетъ Константинъ Мономахъ (умершій, когда Владиміру было всего два года). Константинъ, воюющій въ это время (въ XI вѣкѣ) «съ персы и съ латынею», откупается дарами: онъ снимаетъ съ шеи животворящій крестъ, царскій вѣнецъ съ головы и посылаетъ ихъ Владиміру вмѣстѣ съ «крабицей сердоликовой, изъ нея же Августъ кесарь римскій веселяшеся», и съ ожерельемъ, «сирѣчь бармами», съ своихъ плечъ—при слѣдующихъ словахъ: «Прими отъ насъ, боголюбивый и благовѣрный княже, сіи честные дары, ... жребій твоего поколѣнія отъ начала лѣтъ на славу и честь и на вѣнчаніе твоего вольнаго и самодержавнаго царствія...; просимъ черезъ пословъ мира и любви, чтобы церкви Божіи были безъ мятежа и все православіе пребывало въ покоѣ подъ властью нашего царства и твоего вольнаго самодержавства великой Руси, да нарицаешься отселѣ боговѣнчанный царь, вѣнчанъ симъ царскимъ вѣнцомъ». И съ того времени, заключаетъ повѣсть, князь великій Владиміръ Всеволодичъ нарекеся Мономахъ царь великія Руси...; оттолѣ и доселѣ тѣмъ царскимъ вѣнцомъ вѣнчаются великіе князи владимирскіе, когда ставятся на великое княженіе русское.

Когда и какъ сложилась эта легенда, остается до сихъ поръ не вполнѣ яснымъ, несмотря даже на блестящій анализъ, которому подвергнулъ недавно нашу повѣсть проф. Ждановъ **). Г. Жданову удалось доказать, что повѣсть эта входила первоначально въ составъ цѣлаго *Сказанія о князьяхъ Владимирскихъ*; онъ же нашелъ и другой, весьма ранній, текстъ ея въ посланіи нѣкоего Спиридона Саввы. Можно согласиться съ соображеніями автора, по которымъ посланіе написано въ 1513—1523 гг. ***) Но

*) *П. Пирлингъ*: „Россія и Востокъ", 1892 г., стр. 166—173, 227—228.

**) Повѣсти о Вавилонѣ и „Сказаніе о князѣхъ Владимирскихъ" въ *Журн. Мин. Нар. Прос.* 1891 г., №№ 8—10.

***) № 9, стр. 55, прим. 1. Первое указаніе на эту рукопись сдѣлано *М.* ... *коновымъ* въ его книгѣ: „Власть московскихъ государей", стр. 79. Слѣдуетъ ...ать

къ догадкѣ проф. Жданова, что составителемъ *Сказанія* могъ быть извѣстный агіографъ, сербъ Пахомій, и что составлено оно въ послѣднія десятилѣтія XV вѣка, мы пока не рѣшаемся присоединиться. Въ XV вѣкѣ не встрѣчается ни малѣйшаго намека на существованіе разбираемой легенды. Для вѣнчанія внука Ивана III, Дмитрія, ею не воспользовались (1497 г.). Первая русская редакція хронографа, составленная въ 1512 г., также еще не знаетъ ея; но въ нѣкоторыхъ спискахъ этой редакціи наша повѣсть довольно неловко вставлена *). Герберштейнъ, имѣвшій важныя причины интересоваться титуломъ московскихъ государей и собравшій объ этомъ (въ 1517, 1526 гг.) хорошія оффиціальныя данныя, сообщаетъ, что «Владиміръ Мономахъ оставилъ нѣкоторыя регаліи, которыми нынѣ пользуются при вѣнчаніи», и помѣщаетъ въ своихъ *Комментаріяхъ* самый чинъ вѣнчанія внука Ивана III; но о происхожденіи бармъ и шапки Мономаха онъ передаетъ не нашу легенду, а другую, по которой эти регаліи отняты Мономахомъ «у нѣкоего генуезскаго правителя Кафы». Наконецъ, и въ княжескихъ завѣщаніяхъ, въ которыхъ нѣкоторыя изъ регалій начинаютъ упоминаться съ XIV вѣка, онѣ передаются отъ отца къ сыну безъ всякихъ историческихъ поясненій объ ихъ происхожденіи и безъ всякихъ указаній на ихъ важное значеніе вплоть до Ивана IV **). При этихъ обстоятельствахъ намъ остается повѣрить впечатлѣнію, производимому посланіемъ Спиридона, что въ 1513—1523 гг. *Сказаніе о владимирскихъ князьяхъ* было литературною новинкой, извѣстною немногимъ и возбуждавшею живѣйшее любопытство среди публики, знакомой съ нею только по слухамъ ***).

Практическое употребленіе было сдѣлано изъ легенды о регаліяхъ только въ 1547 году. Именно, въ концѣ предъидущаго года шестнадцатилѣтній Иванъ IV заявилъ митрополиту, что хочетъ «поискать прародительскихъ чиновъ» и вѣнчаться на *царство*, какъ сродники его и великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ садились на царство. Въ январѣ 1547 г. было совершено вѣнчаніе, чинъ котораго отличался отъ чина,

---

доказаннымъ и то, что *Посланіе* Спиридона сообщаетъ повѣсть въ менѣе первоначальной формѣ, чѣмъ *Сказаніе о князьяхъ владимирскихъ*. Проф. Жданову остался, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ текстъ *Сказанія* въ бѣлорусскомъ сборникѣ Чудова монастыря, изданный по бумагамъ А. Попова въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.* 1889 г., т. III, стр. 69 — 74. Нѣкоторыя мѣста этого текста стоятъ еще ближе къ первоначальному, чѣмъ всѣ извѣстные г. Жданову. Такъ, здѣсь встрѣчаемъ отсутствующее въ другихъ спискахъ имя „Киринѣи", и, притомъ, не въ качествѣ личнаго, а въ качествѣ географическаго имени, какъ и должно было быть въ первоначальномъ текстѣ [illegible]. *Жданов*, 1891 г., № 9, стр. 78.

[illegible] *А. Поповъ:* „Обзоръ русскихъ хронографовъ", т. II, стр. 60, и *Изборникъ*, стр. [illegible]—22.

Судьба регалій по завѣщаніямъ прослѣжена въ статьѣ *Д. И. Прозоровскаго*: „О[illegible]утваряхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху", въ *Запискахъ отд. русск. и с[illegible]. археологіи*. Спб., 1882 г., т. III, стр. 1—64.

* [illegible]вѣтомъ на запросъ одного изъ такихъ любителей чтенія служитъ и самое [illegible] Спиридона.

употребленнаго Иваномъ III при вѣнчаніи внука, именно тѣмъ, что регаліи оффиціально были признаны полученными «отъ царя греческаго Мономаха» *). Не довольствуясь торжественнымъ актомъ вѣнчанія на царство, Иванъ IV велѣлъ сдѣлать (1552 г.) въ Успенскомъ соборѣ царское мѣсто, напоминающее и теперь этотъ моментъ принятія царскаго титула. На двѣнадцати барельефахъ здѣсь изображена вся исторія присылки царскихъ регалій изъ Византіи, а на затворахъ вычеканена извѣстная намъ повѣсть о *Поставленіи великихъ князей*. Затѣмъ новый титулъ введенъ былъ въ употребленіе при дипломатическихъ сношеніяхъ и московское правительство принялось настойчиво хлопотать о признаніи этого титула со стороны сосѣдей. Признаніе константинопольскаго патріарха, естественно, было при этомъ всего важнѣе, и Иванъ началъ переговоры съ патріархомъ Іоасафомъ о присылкѣ благословенной грамоты на вѣнчаніе отъ него и отъ всего собора. Съ помощью русскихъ денегъ переговоры кончились къ обоюдному удовольствію; патріархъ прислалъ въ 1561 году соборную грамоту, и только въ наше время стало извѣстно, что собора для этой цѣли онъ не думалъ созывать, а соборныя подписи просто поддѣлалъ **). Но и помимо этого, грамота вызвала въ Москвѣ разочарованіе. Отъ патріарха ожидали подтвержденія тому, что регаліи присланы Константиномъ Мономахомъ Владиміру Всеволодовичу, а онъ удостовѣрялъ въ своей грамотѣ, на основаніи преданій и лѣтописей, только то, что «нынѣшній царь... ведетъ свое происхожденіе отъ крови истинно царской, отъ царицы Анны», супруги Владиміра Святого; къ этому Владиміру грамота относила, повидимому, и посольство митрополита ефесскаго, вѣнчавшаго Владиміра на царство. По винѣ ли русскихъ пословъ, не съумѣвшихъ растолковать патріарху, что нужно русскому правительству, или по винѣ самихъ грековъ, не желавшихъ повторять грубаго анахронизма москвичей, или имѣвшихъ, дѣйствительно, преданіе, что Владиміръ Святой принялъ вѣнчаніе вмѣстѣ съ религіей ***),— какъ бы то ни было, полученная въ Москвѣ грамота противорѣчила уже принятой оффиціально легендѣ. Согласить грамоту съ легендой оказалось, впрочемъ, нетрудно. Одни слова греческаго текста были вырваны, другіе затерты; на мѣстѣ уничтоженнаго вписано, безъ всякой грамматической связи, нѣсколько новыхъ словъ, по смыслу которыхъ митрополитъ ефесскій посланъ былъ, согласно легендѣ, *Константиномъ Мономахомъ* ****).

Какъ видимъ, Иванъ IV потратилъ много усилій, чтобы закрѣпить

---

*) Срав. ст. V и VII (стр. 33, 35, 49—50) въ изд. Е. В. Барсова: *Древнерусскіе памятники священнаго вѣнчанія царей* etc. М., 1883 г. (*Чт. О. И.*, I).

**) *Regel:* „Analecta Byzantino-russica". Petropoli, 1891, стр. LIII—LVII и фототипическій снимокъ, приложенный къ книгѣ.

***) Такъ думали *Вельтманъ* (*Чт. О. И. и Др.* 1860 г., I), *Прозоровскій*, *Кеппенъ* и *Терновскій*. Ср. *Regel*, стр. LIX—LX.

****) См. снимокъ у Регеля. Остатки затертыхъ буквъ вышли на снимкѣ гораздо менѣе отчетливо, чѣмъ въ оригиналѣ грамоты. Считаемъ нужнымъ отмѣтить это,

въ общемъ сознаніи идею византійскаго происхожденія русской государственной власти. Въ русской исторической схемѣ, происхожденіе которой мы теперь разбираемъ, эта идея была послѣднимъ штрихомъ, давшимъ схемѣ полное внутреннее единство. Нѣкоторое единство въ схемѣ было уже достигнуто тѣмъ, что князья московскіе представлялись въ ней преемниками политики кіевскихъ князей. Этой связи было достаточно, пока московская политика искала въ прошломъ однихъ только традицій панруссизма. Но теперь, когда «господарь всея Руси» принялъ царскій титулъ, и къ національно-исторической миссіи — собиранія Руси — присоединилась миссія всемірно-историческая, теперь надо было и кіевскаго великаго князя сдѣлать носителемъ этой миссіи. Наша легенда получаетъ новую прибавку, въ которой титулу царя придается провиденціальное значеніе. Владимиръ Мономахъ, умирая, созываетъ духовенство, бояръ и купцовъ и «заповѣдуетъ» имъ послѣ своей смерти — не вѣнчать никого на царство, такъ какъ Русь раздѣлится на много удѣльныхъ княженій, и если кого поставить царемъ, удѣльные князья начнутъ съ нимъ борьбу: «завистью убьютъ царя и межъ собой побіются». Затѣмъ Владимиръ передаетъ регаліи Юрію Долгорукому и велитъ хранить ихъ, какъ зѣницу ока, «дондеже отъ рода ихъ кого воздвигнетъ Богъ въ велицѣй Россіи царя и самодержца» *).

Такимъ образомъ, легенда о византійскомъ преемствѣ власти легла послѣднимъ слоемъ на извѣстную намъ историческую схему. Начало и конецъ этой схемы уже раньше приведены были въ связь на основаніи предполагаемаго единства политической системы Москвы и Кіева. Теперь, подъ вліяніемъ идеи о провиденціальномъ назначеніи Руси, то же начало и конецъ окончательно слились въ одно высшее цѣлое. Царь московскій имѣлъ своего предшественника въ царѣ кіевскомъ.

Въ серединѣ XVI в. наша схема была, какъ видимъ, окончательно готова. Уже съ этого времени она входитъ въ общій литературный оборотъ, а изъ литературы мало-по-малу переходитъ въ народное обращеніе. Въ древней русской письменности существовало византійское сказаніе о томъ, какъ императоръ Левъ доставалъ въ Вавилонѣ царскія утвари Навуходоносора. Въ народной передачѣ сказаніе это получило самостоятельную обработку и приведено было въ связь съ русской легендой о царскихъ регаліяхъ. Народный разсказъ начинается также посылкой въ Вавилонъ изъ Царяграда. Посланецъ, Ѳедоръ Бармà, добываетъ въ Вавилонѣ регаліи, пріѣзжаетъ назадъ въ Царьградъ; но «тутъ было въ Царьградѣ великое кроволитье; рушилась вѣра правовѣрная, не стало царя православнаго. И пошелъ Ѳедоръ Барма изъ Царяграда въ нашу Русію подселенную и пришелъ онъ въ Казань городъ и вошелъ онъ въ палаты княженецкія, въ княженецкія палаты богатырскія... И улегла тутъ порфира и корона съ

та[illegible] какъ реставрація текста, предложенная г. Регелемъ, кажется намъ произвольной (L[illegible]П). Между πορφυρογενήτον и ἔπιτα можно, наприм., довольно отчетливо разобрать бу[illegible] μάχου.

[illegible]ановъ, № 10, стр. 334—335. *Дьяконовъ*, стр. 76.

града Вавилона на голову грознаго царя правовѣрнаго, Ивана царя Васильевича, который рушилъ царство Проходима, поганаго князя казанскаго» *). Такъ событія цѣлаго вѣка, отъ флорентійской уніи до взятія Казани, соединились въ одинъ фокусъ въ народномъ сознаніи: перепутавъ хронологію, народъ твердо запомнилъ смыслъ событій, поведшихъ къ нашему національному возвеличенію.

Не такими лапидарными чертами, но не менѣе прочно, отразилось то же историческое пониманіе нашего прошлаго въ московскихъ историческихъ источникахъ. До начала научной разработки русской исторіи это пониманіе оставалось единственнымъ. Когда въ прошломъ столѣтіи русская исторіографія начала постепенно осиливать свои источники,—источники эти встрѣтили изслѣдователя съ своимъ, готовымъ взглядомъ, сложившимся вѣками. Не мудрено, что эта готовая нить, предлагавшаяся самими источниками, вела изслѣдователя по проторенным путямъ и складывала для него историческіе факты въ тѣ же ряды, въ какіе эти факты уложились въ свое время въ умахъ современниковъ. Такимъ образомъ, изслѣдователь воображалъ дѣлать открытія, осмысливать исторію; а въ сущности онъ шелъ на помочахъ нашихъ философовъ XV и XVI столѣтія.

Всѣ эти соображенія и сопоставленія могутъ, какъ намъ кажется, объяснить то удивительное на первый взглядъ однообразіе, съ которымъ мы встрѣчались до сихъ поръ и у Карамзина, и у его предшественниковъ, какъ только дѣло касалось ихъ взгляда на общій ходъ русской исторіи. Карамзинъ, конечно, во многое уже не вѣритъ изъ того, во что вѣритъ Татищевъ. Его уже не могутъ ввести въ заблужденіе московскія историческія легенды. Но, критикуя и устраняя детали, онъ сохраняетъ общее построеніе. Вотъ почему онъ и въ своей исторической конструкціи «*Исторіи Государства Россійскаго*» не столько начинаетъ собой новую эпоху въ русской исторіографіи, сколько заканчиваетъ старую.

Какими крѣпкими нитями соединенъ трудъ Карамзина съ предъидущею исторіографіей, мы теперь знаемъ. Скоро мы узнаемъ и то, какой рѣзкій перерывъ отдѣляетъ исторію Карамзина отъ произведеній послѣдующей исторіографіи. Въ качествѣ перехода отъ предъидущаго къ послѣдующему, намъ остается познакомиться съ отношеніемъ Карамзина къ его современникамъ.

П. Милюковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) *Барсовъ*, XXV, ср. *Жданова*, № 8.

Мораль у разныхъ народовъ *).

Нападеніе.

Анализъ разныхъ видовъ нравственныхъ и безнравственныхъ дѣйствій Спенсеръ начинаетъ дѣйствіями, причиняющими физическій вредъ (*agression*, лишеніе жизни, увѣчье и т. п.). Нѣкоторыя изъ нихъ,говоритъ онъ, не входятъ въ общепринятое понятіе нападенія (*agression*), такъ какъ они не сопровождаются ни антагонизмомъ, ни борьбой. Къ числу этихъ дѣйствій принадлежатъ дѣтоубійство, каннибализмъ, зарываніе въ землю вмѣстѣ съ трупомъ мужа или господина жены или рабовъ, принесеніе въ жертву богамъ и т. д. Эти виды убійствъ широко практиковались въ глубокой древности да и теперь еще практикуются въ различныхъ частяхъ свѣта. Они опирались на предъ-моральныя (pro-moral) чувства и санкціонировались религіей или обычаемъ. На ряду съ этой категоріей убійствъ существуетъ еще другая, порождаемая жаждой крови. У фиджійцевъ убійство считается заслугой. Это казалось бы невѣроятнымъ, если бы не подтверждалось аналогичными фактами изъ жизни другихъ народовъ. Вотъ что разсказываетъ Ливингстонъ: «Одинъ бушменъ описывалъ, сидя у огня, свои первыя похожденія, въ числѣ ихъ фигурировало убійство пяти другихъ бушменовъ... Тамъ было двѣ женщины, одинъ мужчина и двое дѣтей, говорилъ онъ, перечисляя по пальцамъ...—Какой ты негодяй!—воскликнулъ Ливингстонъ.—Какъ ты смѣешь хвастаться убійствомъ женщинъ и дѣтей своей же собственной націи? Что скажетъ твой богъ, когда ты предстанешь передъ нимъ?...—Онъ скажетъ,—возразилъ тотъ,—что я былъ храбрымъ человѣкомъ.»

Изъ многочисленныхъ примѣровъ можно видѣть, что у народовъ, ведущихъ военную жизнь, кровавая рѣзня считается добродѣтелью, а миръ—позо..мъ. У Kukis это воззрѣніе выражено очень ярко: ихъ рай станов... удѣломъ того, кто истребилъ наибольшее количество враговъ. Но ..мѣ этихъ частныхъ убійствъ есть еще публичныя, совершаемыя ea gra.. между племенами и націями. Лѣтописи древнихъ народовъ испещрены раз...ами о нихъ. Ригъ-Ведда восхваляетъ Индру, воина-опустошителя.

---

*) ...ская Мысль, кн. IV.

Въ Магабгаратѣ рекомендуются чисто-звѣрскіе поступки: «Нужно сперва внушить довѣріе своему врагу и разить его въ тотъ моментъ, когда скользнетъ его нога... Человѣкъ не можетъ быть счастливъ до тѣхъ поръ, пока онъ не пронзитъ своего врага, не сдѣлаетъ ему чего-нибудь ужаснаго, не задушитъ его какъ рыбу...» Ассирійскіе цари воспѣваютъ свои кровавые подвиги. Сарданапалъ хвастается тѣмъ, что онъ вырвалъ языки у побѣжденныхъ, перебилъ имъ члены и бросилъ на съѣденіе псамъ и птицамъ. Салманасаръ говоритъ о своихъ врагахъ: «Я окрасилъ горы ихъ кровью, какъ красятъ шерсть».

Оставляя въ сторонѣ примѣры изъ исторіи египтянъ, грековъ и римлянъ, мы встрѣчаемъ отголосокъ тѣхъ же чувствъ и понятій у европейскихъ народовъ. Древніе галлы, торжествуя, возвращались домой съ головами убитыхъ враговъ. Древніе германцы гордились опустошеніями сосѣднихъ земель. Излишне напоминать, что въ средніе вѣка удачное нападеніе считалось подвигомъ. Исторія — это книга уголовныхъ процессовъ, повѣствующая о причинахъ и слѣдствіяхъ политическаго разбоя. На каждой страницѣ «герои и штыки» являются неистощимою темой разсказа. Девизы, вырѣзанные на фамильныхъ гербахъ древней аристократіи, показываютъ намъ, какія чувства руководили людьми въ сравнительно новѣйшую эпоху. «Побѣда—жизнь», гласитъ девизъ англійскихъ графовъ Септонъ. «Я побѣждаю при помощи Бога и своей шпаги», начертано на гербѣ маркизовъ Девонширскихъ и т. д. Эти девизы выражаютъ господствующія понятія и чувства той эпохи. Кровавая вражда пользовалась тогда санкціей общественнаго мнѣнія. Даже война, начатая безъ вызова, опиралась на мнимо-моральныя чувства. Въ сущности все это сохранилось и до сихъ поръ. Прежній духъ сквозитъ подъ маской уваженія къ проповѣдуемой нынѣ религіи. Мы негодуемъ, когда индусская эпопея рисуетъ намъ бога Индру, побѣждающаго женщину. Намъ непонятно торжество великана Рамзеса, убивающаго однимъ взмахомъ руки полдюжины карликовъ: это—торжество сильнаго надъ слабымъ; а между тѣмъ, когда мы, вооруженные съ ногъ до головы, побиваемъ почти безоружную націю, наши газеты рукоплещутъ, героевъ вѣнчаютъ титулами и орденами, воспѣваютъ кровавые подвиги солдатъ. И до сихъ поръ чувство вражды господствуетъ въ международныхъ отношеніяхъ, и до сихъ поръ на сторонѣ кровавыхъ подвиговъ санкція общественнаго мнѣнія.

Но, разумѣется, мораль вражды приняла теперь нѣсколько иныя формы, чѣмъ въ первобытную эпоху. Она смягчалась постепенно съ развитіемъ цивилизаціи подъ благотворнымъ вліяніемъ морали любви. Путемъ долгаго опыта соціальная жизнь привела съ сознанію, что благоденствіе народовъ зависитъ не только отъ развитія ихъ боевыхъ силъ, но также и отъ внутренней гармоніи, отъ мира среди своихъ. Въ литературѣ древнихъ народовъ мы встрѣчаемъ въ сравнительно отдаленную эпоху проповѣдь морали любви. Разумѣется, она не была выраженіемъ господствующихъ чувствъ, являясь поученіемъ въ устахъ мудрецовъ и поэтовъ. Но знаменательно [illegible],

что проповѣдь любви слѣдовала всегда за долгими періодами сравнительно мирной жизни. Тогда какъ въ первыхъ частяхъ Магабгараты преобладаетъ жажда крови, въ послѣдующихъ раздается протестъ противъ войны. Борьба считается худшимъ изъ средствъ одержать побѣду. Всякое насиліе вызываетъ чувство негодованія. «Относись къ другимъ такъ, какъ ты хотѣлъ бы, чтобы къ тебѣ относились»—вотъ что рекомендуетъ Магабгарата. Въ сочиненіяхъ перса Сади мы находимъ слѣдующее предписаніе: «Любите даже враговъ вашихъ». Китайскій писатель Лаотзе пишетъ: «Миръ—высшая цѣль.—Тотъ, кто радуется разрушенію человѣческой жизни, недостоинъ обладать властью міра сего;—тотъ, кто служитъ орудіемъ убійства, долженъ оплакивать погибшихъ».

У народовъ, ведущихъ мирный образъ жизни, духъ насилія совершенно отсутствуетъ какъ въ сферѣ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ отношеній. Примѣромъ могутъ намъ служить туземцы Суматры, отодвинутые Малайцами въ глубь страны. Это, по свидѣтельству Марсдена, «кроткій, мирный и терпѣливый» народъ. Морганъ, описывая лигу ирокезцевъ, которые объединились для сохраненія мира среди своихъ членовъ, указываетъ намъ на благодѣтельные результаты подобнаго союза: «Преступленія встрѣчаются такъ рѣдко при такомъ соціальномъ режимѣ, что едва ли можетъ быть рѣчь объ уголовномъ кодексѣ у ирокезцевъ».

Несомнѣнно то, замѣчаетъ Спенсеръ, что въ эпоху кровавой вражды, когда нападеніе представляетъ обычное явленіе, оно пользуется общественной, а иногда даже божественною санкціей и опирается на предъ-моральное чувство. Въ мирное же время духъ насилія вызываетъ осужденіе, такъ какъ этотъ духъ сильно противорѣчитъ истинно-нравственному чувству.

Примѣръ еврейскаго народа является новымъ подтвержденіемъ вышеизложеннаго взгляда. Когда періодъ хроническаго антагонизма смѣнился эпохой сравнительнаго мира, тогда началъ разцвѣтъ альтруистическихъ чувствъ. Въ книгѣ Левитъ мы встрѣчаемъ чисто-христіанскую заповѣдь: «Люби ближняго своего, какъ самого себя». Въ проповѣди Христа мораль любви достигла своего апогея: Онъ училъ любить даже своихъ враговъ и подставлять лѣвую щеку, когда насъ бьютъ по правой. Длинный рядъ примѣровъ показалъ намъ, что до тѣхъ поръ, пока между націями и племенами господствуетъ антагонизмъ, всѣ идеи и чувства народа опираются на мораль вражды; они убиваютъ любовь и порождаютъ войну всѣхъ противъ всѣхъ. Различнаго вида убійства, дѣтоубійства, каннибализмъ, погребеніе заживо, принесеніе въ жертву богамъ,—все это обычныя явленія у родовъ и племенъ, у которыхъ война является средствомъ къ жизни.

Но вмѣстѣ съ развитіемъ общества ослабѣваетъ мало-по-малу и духъ н ленія какъ внутри страны, такъ и извнѣ. Меровингскій періодъ, ознам ованный грозными войнами, изобилуетъ не менѣе кровавыми насиліями в сферѣ внутреннихъ отношеній. Короли убивали королей, цари дѣтей, п цы братьевъ. Побѣды Карла Великаго сопровождались страшными ж стями. Эпоха феодализма была кровавою драмой взаимной вражды.

На послѣдовавшее затѣмъ объединеніе государствъ положило предѣлъ безконечной войнѣ; промышленность и мирный трудъ явились ей на смѣну. Всѣ грубые виды нападенія были отвергнуты, на сцену выступило уваженіе къ человѣческой личности. Хотя въ новѣйшее время и предпринимались большія войны, но, тѣмъ не менѣе, военная дѣятельность утратила свой первенствующій характеръ, уступивъ мѣсто мирному труду. Однако слѣдуетъ замѣтить, что съ увеличеніемъ войнъ возростала грубость нравовъ и ослабѣвала только съ уменьшеніемъ ихъ, производя соотвѣтствующія измѣненія въ нравственныхъ понятіяхъ.

Кража.

Между вышеупомянутымъ физическимъ вредомъ и лишеніемъ права свободно располагать своею личностью или продуктами своего труда существуетъ естественная связь. Понятіе нападенія обнимаетъ собою всѣ виды захвата. Но мы предпочли, для удобства, говоритъ авторъ книги, сдѣлать чисто-внѣшнее различіе и отдѣлить нападенія, сопровождаемое пролитіемъ крови, отъ нападенія, которое не имѣетъ такихъ послѣдствій.

Второй его видъ (грабежъ и кража) будетъ нами разсмотрѣнъ въ настоящей главѣ. Высшею степенью кражи Спенсеръ считаетъ взятіе въ плѣнъ и обращеніе въ рабство. Хотя мы въ данномъ случаѣ нѣсколько и злоупотребляемъ обычною терминологіей, замѣчаетъ онъ, но, тѣмъ не менѣе, мы должны признать, что лишеніе человѣка свободы и эксплуатація его труда въ свою пользу представляетъ самый типическій примѣръ кражи. Но, какъ бы тамъ ни было, кража это или нѣтъ, несомнѣнно одно, что вышеупомянутое дѣйствіе принадлежитъ къ категоріи нападеній и мало чѣмъ уступаетъ убійству или увѣчью. Излишне доказывать, что этотъ видъ кражи неразрывно связанъ съ военнымъ режимомъ. Вездѣ, гдѣ существовали хроническія войны между племенами, господствовалъ обычай съѣдать плѣнниковъ или обращать ихъ въ рабство. Второй видъ кражи, болѣе древній, чѣмъ первый,— похищеніе женщинъ. У первобытныхъ народовъ побѣда влекла за собою присвоеніе всѣхъ вещей побѣжденнаго и въ числѣ ихъ очень часто фигурировали представительницы прекраснаго пола. Изъ книги Макъ-Ленана о первобытномъ бракѣ мы видимъ, что похищеніе женщинъ являлось необходимымъ условіемъ для размноженія племени. Дикари убивали дѣтей женскаго пола, не желая тратиться на ихъ воспитаніе и предпочитая добывать себѣ женъ путемъ войны или увоза. Этотъ обычай пріобрѣлъ традиціонный характеръ и получилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильную нравственную санкцію. У народовъ стоявшихъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи моральное чувство не протестовало противъ кражъ подобнаго ро[да], а скорѣе поощряло ихъ. Ни греческая, ни еврейская литература не о[суж]дала рабства. Похищеніе женщинъ заслуживало скорѣй одобренія, чѣ[мъ] порицанія. У древнихъ арійцевъ оно было санкціонировано не тол[ько] общественнымъ мнѣніемъ, но и богами, какъ намъ повѣствуетъ Мага[бгарата].

рата. Остается добавить, что соціальный прогрессъ и благотворное вліяніе морали любви содѣйствовали уничтоженію самыхъ грубыхъ формъ кражи.

Но кромѣ нихъ существовала еще одна форма—захватъ имущества у побѣжденнаго, бывшій обычнымъ слѣдствіемъ войны. Отсюда явилось различіе между кражей у враговъ или, вообще, чужихъ и у своихъ. Первая считалась, да и теперь еще считается у нѣкоторыхъ народовъ хорошимъ поступкомъ, вторая—дурнымъ. У команчей юноша достоинъ названія воина лишь послѣ участія въ нѣсколькихъ грабежахъ; самые ужасные грабители являются у нихъ наиболѣе уважаемыми членами общества.

Киргизы жестоко караютъ преступниковъ за кражу у своихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ *баранту* самою почетною экспедиціей. Въ перечисленныхъ нами случаяхъ различаютъ кражу у чужихъ и своихъ; одну изъ нихъ одобряютъ, другую осуждаютъ. Но есть народы, у которыхъ оба эти вида кражи одинаково достойны похвалы. Kukis, по описанію Дальтона, считаютъ «ловкость въ воровствѣ лучшимъ качествомъ». «Въ Монголіи,—говоритъ Гильмуръ,—съ признанными ворами обращаются какъ съ самыми уважаемыми членами общества». У фиджейцевъ воровство обращается въ добродѣтель, если оно удачно. И такъ, въ данныхъ случаяхъ, хитрость и смѣлость санкціонируютъ всякое нарушеніе права собственности.

Прошлое историческихъ расъ краснорѣчиво говоритъ намъ, что по мѣрѣ того, какъ смягчалась внѣшняя вражда и возникала дружба внутри страны, производилось соотвѣтствующее измѣненіе въ нравственныхъ идеяхъ и чувствахъ народа. Ригъ-Ведда описываетъ воровскія поползновенія боговъ. Вишну «крадутъ блюда», приготовленное для возліяній Индрѣ; Индра вырываетъ чашу съ напиткомъ сомо и т. д. Нравственные принципы боговъ выливались въ предписаніяхъ людямъ: «Если даже кто и пожелаетъ имущества ближняго своего, тотъ долженъ завладѣть имъ при помощи оружія, какъ истый кшатрій, а не унижаться до молитвы». Индусская литература позднѣйшей эпохи представляетъ результаты болѣе мирныхъ временъ и проповѣдь совершенно обратныхъ принциповъ.

Новѣйшая исторія даетъ намъ такіе же примѣры. У древнихъ германцевъ грабежъ практиковался открыто и считался почетнымъ занятіемъ. Во время столѣтней войны онъ пріобрѣлъ универсальный характеръ; жажда добычи толкала въ битву. Всюду господствовалъ страшный разбой, на большихъ дорогахъ и моряхъ, въ городахъ и деревняхъ. Во время тридцатилѣтней войны было то же. Мародерство было возведено въ систему; солдаты не только грабили народъ, но и вымогали у него скрытое имущество. Офицеры грабили солдатъ, а князья—націю, занимаясь поддѣлываніемъ монетъ.

[illegible] съ развитіемъ обществъ войны стали рѣже и взгляды измѣнились. [illegible]зовалось болѣе высокое понятіе о честности: воровство у чужихъ стало [illegible]мъ же постыднымъ дѣйствіемъ, какъ и у своихъ. Правда, и до сихъ [illegible] въ нашемъ цивилизованномъ обществѣ процвѣтаютъ еще кражи и [illegible]ничества, но число ихъ не такъ уже велико и характеръ ихъ не

такъ уже грубъ, какъ въ прежнія эпохи. Мы сдѣлали извѣстный прогрессъ въ уваженіи *твоего* и *моего*, и этимъ мы обязаны ослабленію взаимной вражды. Связь между нравственными понятіями и образомъ жизни выступитъ еще ярче, если мы взглянемъ на примѣръ не цивилизованныхъ, но миролюбивыхъ народовъ. Веддахи не понимаютъ какъ можно взять то, что тебѣ не принадлежитъ. Эскимосы необыкновенно честный народъ. Ирокезцы не знаютъ, что такое воровство. Эти примѣры являются только подтвержденіемъ вышесказаннаго.

Месть.

Борьба за существованіе порождаетъ нападенія. Голодъ развиваетъ антагонизмъ между животными и создаетъ конкурренцію, которая въ особенности сильна между представителями одного вида. Если два конкуррента могутъ повредить другъ другу, они не щадятъ средствъ. Но всякое нападеніе порождаетъ нападеніе съ другой стороны. И знаменателенъ тотъ фактъ, что тѣ изъ животныхъ одного вида, которыя не испытывали жгучаго оскорбленія отъ понесеннаго нападенія, клонились къ упадку, уступая мѣсто другимъ, наиболѣе оскорбленнымъ, которыя отражали ударъ во имя самозащиты. Такимъ образомъ борьба была неизбѣжна не только съ преслѣдуемой добычей, но и другъ съ другомъ. Животныя платили за ударъ ударомъ, за укусъ укусомъ. Они обмѣнивались ими тутъ же на мѣстѣ или же откладывали расплату до болѣе удобныхъ временъ. Послѣдній видъ возмездія и носитъ названіе мести. Она налагаетъ извѣстную узду на нападеніе, такъ какъ импульсъ, побуждающій къ удару, нѣсколько сдерживается сознаніемъ, что рано или поздно послѣдуетъ расплата.

У первобытныхъ народовъ месть считалась, да и теперь еще считается, неизмѣннымъ долгомъ. Жоржъ Грей, описывая нравы австралійцевъ, говоритъ слѣдующее: «Воздаяніе за смерть близкаго родственника, самая священная обязанность туземца... До тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ ее, онъ подвергается насмѣшкамъ старыхъ женщинъ; жены собираются его бросить; молодыя дѣвушки не снисходятъ до разговора съ нимъ. Мать плачетъ, что дала жизнь такому недостойному сыну; отецъ относится къ нему съ презрѣніемъ и со всѣхъ сторонъ сыплются на него упреки». Вильямсъ даетъ намъ аналогичный примѣръ изъ жизни фиджійцевъ. «Даже на смертномъ одрѣ фиджіецъ не прощаетъ своему врагу. Умирающій завѣщаетъ дѣтямъ свою ненависть и требуетъ, чтобы они убили врага при первомъ же удобномъ случаѣ». Петрикъ сообщаетъ, что «пролить кровь араба значитъ совершить такой проступокъ, который не можетъ загладить ни время, ни раскаяніе. Жажда мести передается отъ отца сыну и изъ поколѣнія въ поколѣніе». У жителей восточной Африки месть—господствующая страсть, по замѣчанію Буртона, на низшихъ ступеняхъ своего развитія. Нѣкоторые изъ современныхъ народовъ являютъ намъ примѣры подобнаго же рода. Ригъ-Ведда описываетъ мстительность боговъ: Агни истребля[ет]

своихъ враговъ, сдираетъ съ нихъ кожу, отрубаетъ члены и бросаетъ на съѣденіе дикихъ звѣрей. Вѣрующіе не уступаютъ богамъ: «Индра и Сома!— восклицаютъ они, — погубите рикховъ, изведите этотъ народъ, блуждающій во тьмѣ. Изрубите ихъ, задушите ихъ, прогоните ихъ и убейте этихъ ненасытныхъ каннибаловъ... Пусть на ихъ головы обрушится вашъ вѣчный гнѣвъ...» Повѣсть этой «жестокой и кровавой битвы» переполнена завѣтами самой дикой мести. У евреевъ она носила такой же священный характеръ, какъ и у индусовъ. Въ средніе вѣка не отмщенная обида считалась позоромъ, и если чувство мести ослабѣвало у мужчинъ, оно хранилось въ груди женщинъ. Фредегонда и Брунегильда могутъ служить намъ примѣромъ. Съ вѣками духъ мести утратилъ свой грубый характеръ, принялъ болѣе мягкіе контуры, но, тѣмъ не менѣе, онъ существуетъ и до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, по стольку, по скольку его диктуетъ мораль вражды. Въ сферѣ частныхъ отношеній месть проявляется въ формѣ дуэли, въ сферѣ же государственныхъ въ формѣ реванша. Франція и до сихъ поръ мечтаетъ отомстить Германіи за нанесенное ей оскорбленіе.

Но эти примѣры встрѣчаются теперь гораздо рѣже, чѣмъ въ былыя времена. По мѣрѣ развитія общества выступаютъ на сцену болѣе возвышенныя идеи и чувства. И такъ какъ проявленіе ихъ совпадаетъ съ высшимъ типомъ соціальной организаціи, мы можемъ заключить, — говоритъ Спенсеръ,—что они являются слѣдствіемъ болѣе мирнаго режима. Индусская литература подтверждаетъ этотъ взглядъ. Законы Ману предписываютъ слѣдующее: «Не дѣлай никому зла, если даже тебя вызываютъ на это. Не оскорбляй никого ни мыслью, ни дѣломъ. Не говори ничего такого, что могло бы причинить боль твоему ближнему». Въ персидской литературѣ VII вѣка встрѣчаются слѣдующія строки: «Не думайте, что заслуга человѣка состоитъ исключительно въ мужествѣ и силѣ. Ваша добродѣтель получитъ неизмѣримую цѣну, если вы съумѣете стать выше злобы и даруете прощеніе». Сочиненія китайскихъ мудрецовъ свидѣтельствуютъ о присутствіи такихъ же чувствъ въ Китаѣ: «за зло плати добромъ»,—говоритъ Лаотзе. Конфуцій, слѣдуя морали золотой середины, выражается нѣсколько сдержаннѣе: «Воздайте должное за обиду и платите за добро добромъ». У евреевъ на высшихъ стадіяхъ развитія проглядываютъ аналогичныя чувства.

Хотя трудно доказать съ достаточною ясностью,—замѣчаетъ Спенсеръ,— что ослабленіе чувства мести и развитіе духа прощенія были слѣдствіемъ смягченія военнаго режима и прогресса мирной дѣятельности, но едва ли можно въ этомъ сомнѣваться. Факты изъ жизни современныхъ народовъ даютъ намъ новое подтвержденіе этого взгляда. *Vendetta* (родовая месть) почти исчезла въ цивилизованномъ мірѣ, какъ только прекратилась вѣчная вражда между націями, какъ только войны стали рѣже и восторжествовалъ мирный трудъ. Контрастъ между древними и новыми вѣками обнаружился прежде всего въ Англіи, такъ какъ она первая вступила на путь промышленной дѣятельности. И, благодаря тому, что тамъ милитаризмъ былъ менѣе раз-

витъ, чѣмъ на континентѣ, въ англійскомъ обществѣ почти исчезла жажда мести, тогда какъ она еще сильна въ Европѣ. Въ Англіи общественное мнѣніе скорѣе караетъ, чѣмъ оправдываетъ человѣка, отвѣчающаго вызовомъ на оскорбленіе.

Все это говоритъ намъ въ пользу того, что духъ мести находится въ зависимости отъ условій общественной жизни и что на одномъ изъ ея полюсовъ санкціонируется месть, а на другомъ прощеніе.

Справедливость.

Месть никогда не ограничивается нанесеніемъ равносильнаго вреда; она всегда идетъ дальше. Въ результатѣ являются безконечныя войны между племенами и вѣчный антагонизмъ между семьями и индивидуумами. Но порою мы видѣли тенденцію установить общій миръ путемъ умѣреннаго возмездія: это и есть справедливость. У австралійцевъ идея справедливости выражена въ самой грубой формѣ. Племя вознаграждаетъ убійство своего члена лишеніемъ жизни одного изъ членовъ враждебной стороны. И такъ какъ дикари думаютъ, что даже естественная смерть является результатомъ козней враговъ, то и за нее слѣдуетъ расплата. Болѣе развитыя племена подводятъ свои счеты вполнѣ открыто и оффиціально. Народы Суматры вознаграждаютъ деньгами нанесенные другъ другу убытки. Эта справедливость между племенами основывается на идеѣ равномѣрнаго возмездія за вредъ, причиненный общинѣ. И характерная черта,—личность наказуемаго для нихъ совершенно безразлична,—искупленіе несетъ очень часто ничѣмъ неповинный человѣкъ. Такое же понятіе справедливости руководило семьями въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Интересный фактъ сообщаетъ намъ профессоръ Блюментриттъ. «Кровавое возмездіе—священный долгъ у квинганцевъ. Если плебей убьетъ плебея, дѣло обстоитъ очень просто: убійцу или кого-нибудь изъ его родственниковъ, принадлежащихъ къ тому же классу, лишаютъ жизни. Если же плебей убилъ человѣка богатой или знатной фамиліи, смерть убійцы—слишкомъ ничтожная расплата: искупительная жертва должна принадлежать къ одинаковому рангу съ убитымъ. Только кровь дворянина можетъ искупить эту смерть. Семья покойнаго стремится разыскать въ числѣ родныхъ убійцы какого-нибудь знатнаго родственника, чтобъ отомстить ему, убійцу же совсѣмъ игнорируютъ. Но если у него нѣтъ знатныхъ въ родѣ, семья убитаго терпѣливо ждетъ годы, пока кто-нибудь изъ нихъ не будетъ произведенъ въ высшій рангъ, и тогда вымещаетъ на немъ свою злобу. Когда долгъ крови заплаченъ, враждебныя стороны примиряются». Идея долга сводится здѣсь къ вознагражденію убытковъ въ той же мѣрѣ, въ какой они были понесены. Семитическіе народы придерживаются также этого взгляда. «У арабовъ, — говоритъ Бюркаро, — возведенъ въ законъ, что всякій, кто прольетъ человѣческую кровь, обязанъ заплатить кровью семьѣ покойнаго. Дѣти наслѣдуютъ отъ родителей право отомстить за убійство». По поводу этой системы варварской справедливости, кото-

состоитъ въ вознагражденіи однихъ убійствъ другими, вышеупомянутый авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «я склоненъ думать, что это благодѣтельное учрежденіе помѣшало, главнымъ образомъ, аравійскимъ воинствующимъ племенамъ уничтожить другъ друга... Страшная «кровавая месть» способствовала тому, что самыя жгучія распри между ними почти утратили свой смертоносный характеръ».

И въ самомъ дѣлѣ страхъ передъ возмездіемъ удерживаетъ членовъ семьи или племени на пути къ убійству. Есть основаніе предполагать, что чувства и дѣйствія древнихъ семитовъ носили такой же характеръ. Излишне доказывать, что у древнихъ европейскихъ народовъ понятія такого же рода служили основой такихъ же обычаевъ. Существованіе того взгляда, что каждая обида задѣваетъ всю коллективную группу и требуетъ соотвѣтствующаго удовлетворенія, подтверждается слѣдующимъ фактомъ: когда древній законъ равнаго возмездія уступилъ мѣсто денежной пенѣ, вознагражденіе было тѣмъ выше, чѣмъ дороже цѣнилась жизнь погибшаго члена.

Но, на ряду съ идеей общей утраты и общей виновности семьи или племени, существовала идея личной утраты и личной вины. Ослабленіе семейной отвѣтственности и развитіе личной совпало съ переходомъ общественной организаціи изъ низшаго типа въ высшій. Въ первомъ семья представляла основную соціальную единицу, во второмъ — индивидуумъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ только распалась семейная организація, исчезли болѣе или менѣе обособленныя и сплоченныя группы индивидуумовъ, которыя могли бы нести отвѣтственность за вредныя дѣйствія своихъ членовъ,— отвѣтственность пала на самихъ членовъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что вмѣстѣ съ соціальнымъ прогрессомъ эта несправедливая форма возмездій дала начало другой, болѣе справедливой формѣ, которая обусловливается тѣмъ, что каждый индивидуумъ несетъ самъ всѣ послѣдствія за совершенные имъ поступки.

У европейскихъ народовъ это понятіе справедливости развилось вмѣстѣ съ паденіемъ групповой организаціи и возникновеніемъ индивидуальнаго права гражданства. Тогда какъ на высшихъ ступеняхъ соціальной жизни признаютъ, что справедливость требуетъ извѣстнаго соотношенія между поступкомъ и его послѣдствіями, на низшихъ стадіяхъ развитія руководятся исключительно принципомъ равенства: причиняютъ равносильный вредъ за понесенный ущербъ. Да и не могло быть иначе, замѣчаетъ Спенсеръ. Въ эпоху безконечныхъ войнъ, убійствъ и увѣчій это былъ единственный видъ равенства, какой могъ установиться среди того общества. И несомнѣнно, что обычай вознаграждать свои убытки и потери далъ начало одному изъ элементовъ понятія высшей справедливости (équité).

Полный разцвѣтъ идеи равенства и справедливости несовмѣстимъ съ военною жизнью и организаціей. Уже не говоря о томъ, что всякая война, даже во имя возмездія, была практикой несправедливости, осуждая на смерть часто неповинныхъ индивидуумовъ, кромѣ того она порождала такой типъ соціальной организаціи, который мало отвѣчалъ требованіямъ справедли-

вости. Принудительныя мѣры въ средѣ общества, деспотизмъ надъ рабами и крѣпостными, порабощеніе женщинъ — вотъ ея плоды. Слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что только по мѣрѣ ослабленія военнаго режима отношенія гражданъ приняли болѣе справедливый характеръ и только тогда обрисовалось яснѣе чувство справедливости. Спенсеръ подтверждаетъ этотъ взглядъ доказательствомъ a contrario. Онъ приводитъ въ примѣръ обычаи и чувства миролюбивыхъ народовъ, которые были уже упомянуты выше. Послѣдніе не имѣютъ склонности къ нападеніямъ ни въ сферѣ внѣшнихъ, ни въ сферѣ внутреннихъ отношеній. Несомнѣнно, что въ основѣ этой черты лежитъ уваженіе къ правамъ другихъ лицъ,— уваженіе, которое предписываетъ справедливость. Высокая честность этихъ народовъ свидѣтельствуетъ въ достаточной мѣрѣ о присущемъ имъ чувствѣ справедливости. Къ этимъ косвеннымъ доказательствамъ Спенсеръ присоединяетъ болѣе прямое доказательство, приводя въ примѣръ обращеніе этихъ народовъ со своими женами и дѣтьми. Въ основаніяхъ соціологіи (§§ 324 и 328), говоритъ онъ, я показалъ, какой контрастъ существуетъ между положеніемъ женщины у дикихъ и полуцивилизованныхъ народовъ, которые ведутъ военный образъ жизни, и положеніемъ ея у другихъ некультурныхъ, но миролюбивыхъ народовъ. Todas, въ общемъ совсѣмъ неразвитой народъ, освобождаютъ своихъ женщинъ отъ непосильнаго труда. У Hos «женщинамъ оказываютъ глубокое почтеніе, какъ это подобаетъ ихъ полу». У пуэблосовъ, «мирной, честной и трудолюбивой націи», молодую дѣвушку не принуждаютъ насильно выходить замужъ. Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о признаніи равноправія, которое является однимъ изъ основныхъ элементовъ принципа справедливости. Въ отношеніяхъ къ дѣтямъ существуетъ такая же разница между воинствующими и миролюбивыми народами. Спенсеръ ссылается опять на *Основанія соціологіи* (§§ 330—2), гдѣ было имъ доказано, что первые обращаются грубо съ дѣтьми и отдаютъ предпочтеніе мальчикамъ, тогда какъ вторые относятся къ нимъ необыкновенно мягко и не дѣлаютъ различія между дѣтьми обоего пола.

И такъ, мы видимъ, что развитіе чувства справедливости встрѣчается, главнымъ образомъ, у народовъ, ведущихъ мирный образъ жизни. Конечно, форма его проявленія нѣсколько примитивна, такъ какъ справедливость—сложная идея и чувство, но, тѣмъ не менѣе, мы должны признать, замѣчаетъ авторъ книги, что у веддаховъ, которые не могутъ понять, какъ рѣшается человѣкъ взять то, что ему не принадлежитъ, она выражена достаточно ясно. Разумѣется, у народовъ, создавшихъ литературу, сложилось болѣе опредѣленное понятіе о справедливости; но знаменателенъ тотъ фактъ, что всѣ эти древнія общества со своей военною властью, со своимъ [illegible]помъ соціальнаго строя и системой принудительной кооперація не раз[illegible]чали справедливости отъ альтруизма. Китайская, персидская, древне-инд[illegible]ская, египетская и еврейская литературы смѣшивали чаще всего справед[illegible]ивость съ великодушіемъ и гуманностью. «Поступай съ другими такъ, к[illegible]къ ты хотѣлъ бы, чтобы съ тобой поступали» — вотъ ихъ основное пра[illegible]ло

справедливости. Здѣсь, какъ видно, смѣшивается великодушіе со справедливостью. Это правило не различаетъ обязанностей, имѣющихъ своимъ источникомъ справедливость, отъ обязанностей, проистекающихъ изъ чувства доброты, и, сверхъ того, оно не указываетъ на требованіе для себя того, что мы называемъ «правами». Понятіе справедливости въ тѣсномъ смыслѣ слова содержитъ въ себѣ заразъ и эгоистическій, и альтруистическій элементъ: чувство сознанія своихъ правъ и чувство уваженія къ правамъ другихъ лицъ. Общество, организованное для войны по типу принудительной кооперації, не можетъ понять и допустить это требованіе индивидуальныхъ правъ. Оно погибло бы, если бы каждому человѣку была предоставлена свобода дѣйствій въ границахъ, намѣченныхъ равноправіемъ. Великодушіе можетъ развернуться при деспотическомъ режимѣ, но справедливость—никогда. Идеи и чувства, связанныя съ нею, могутъ процвѣтать только при ослабленіи военнаго режима и развитіи мирной дѣятельности внутри страны.

Великодушіе.

Трудно классифицировать въ опредѣленномъ порядкѣ,—замѣчаетъ Спенсеръ,—всѣ тѣ дѣйствія, которыя обыкновенно подводятъ подъ рубрику великодушныхъ дѣйствій. Во-первыхъ, потому, что многія изъ нихъ не имѣютъ въ основѣ чувства великодушія, и, во-вторыхъ, потому, что самое это чувство состоитъ изъ различныхъ и непостоянныхъ элементовъ. У него двѣ основы: инстинктъ родовой, побуждающій животныхъ жертвовать собой для поддержанія вида, и симпатія, проявляющаяся у высшихъ соціальныхъ животныхъ, каковы, напримѣръ, собаки. Первый изъ этихъ двухъ элементовъ великодушія носитъ узкій и личный характеръ, тогда какъ второй, наоборотъ, широкій и совсѣмъ не личный. У людей великодушіе представляетъ смѣсь этихъ двухъ элементовъ.

Смѣшанный характеръ вышеупомянутаго чувства дѣлаетъ его проявленіе у различныхъ народовъ нѣсколько неяснымъ и сбивчивымъ, вслѣдствіе чего трудно установить болѣе или менѣе точныя обобщенія. Но какъ ни сложна природа этого чувства, тѣмъ не менѣе, оно по сложности уступаетъ чувству справедливости и благодаря тому возникаетъ раньше послѣдняго. Великодушіе имѣетъ источникомъ мысленное представленіе чужихъ удовлетвореній и страданій. Это представленіе порождаетъ чувства, которыя служатъ мотивомъ для великодушныхъ дѣйствій. Справедливость же имѣетъ въ основѣ не только мысленное представленіе чужихъ удовольствій и страданій, но также и тѣхъ *условій*, которыя необходимы для избѣ..нія однихъ и полученія другихъ. Какъ видно, послѣдняя является суммой представленій, съ одной стороны входящихъ въ составъ великодушія, а с другой—свойственныхъ только ей. Отсюда вполнѣ понятенъ порядокъ ихъ ..явленія въ ходѣ цивилизаціи. Спенсеръ подраздѣляетъ великодушіе на истинно-великодушіе и лже-великодушіе, въ основѣ котораго лежатъ чув..ва, не имѣющіе ничего общаго съ чувствомъ доброжелательности. Же-

ланіе видѣть другихъ счастливыми,—говоритъ онъ,—рѣдко встрѣчается въ чистомъ видѣ безъ примѣси постороннихъ элементовъ, жажды похвалы или другихъ какихъ-нибудь разсчетовъ. Это и есть мнимое великодушіе. Гостепріимство у дикихъ народовъ даетъ намъ блестящій примѣръ такого великодушія. Бедуины, по описанію Пельгрева, необыкновенно гостепріимный народъ. Они любезно угощаютъ гостя за своимъ столомъ, разсчитывая въ то же время ограбить его на большой дорогѣ и вознаградить себя сторицей. У другихъ народовъ гостепріимство опирается на обычай, происхожденіе котораго неизвѣстно. «Самая симпатичная черта индѣйцевъ,—говоритъ Морганъ,—это его необыкновенное великодушіе. Ни у одного народа не развито такъ сильно это качество, какъ у ирокезцевъ».

Анга хвалитъ за ту же черту жителей Новой Зеландіи; а, между тѣмъ, послѣдніе отдаютъ большую дань жаждѣ похвалы въ своемъ мнимомъ великодушіи. Туземцы Новой Зеландіи,—разсказываетъ Томсонъ,—ставятъ расточительность на первый планъ и стараются превзойти другъ друга на своихъ празднествахъ. У нихъ «считается позоромъ копить имущества, не растрачивая ихъ». Понятія и чувства такого же рода руководятъ, очевидно, жителями острова св. Августина. Они буквально разоряются во время своихъ пиршествъ, желая блеснуть передъ обществомъ и заслужить его одобреніе. Чувство, которое играетъ здѣсь роль, носитъ несомнѣнно характеръ предъ-нравственнаго чувства. Между тѣмъ, есть народы, даже изъ наименѣе цивилизованныхъ, у которыхъ встрѣчаются черты истиннаго великодушія. «Бушмены,—по свидѣтельству Буршеля,—проявляютъ во взаимныхъ отношеніяхъ много гостепріимства и великодушія». У болѣе передовыхъ расъ мы находимъ такія же черты. Туземцы Австраліи великодушно дѣлятся другъ съ другомъ добычей, когда имъ посчастливилось на охотѣ. Гвіанскія племена, по описанію Бретта, «гостепріимны со всѣми и въ высшей степени великодушны». Многія изъ нецивилизованныхъ расъ проявляютъ свое великодушіе въ нѣсколькихъ иныхъ формахъ. Примѣромъ могутъ намъ служить австралійцы. Они охотно указывали Ейру мѣста, гдѣ можно было найти воду, хотя сами крайне въ ней нуждались. Стортъ разсказываетъ, что одинъ изъ туземцевъ подвергался страшной опасности, защищая европейскихъ путешественниковъ отъ нападенія враждебнаго племени. У тоганцевъ великодушіе выражается въ слѣдующей формѣ: «Они никогда не хвастаются своими подвигами и, наоборотъ, пользуются всякими случаями, чтобы похвалить своихъ враговъ». Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что даже на самыхъ низшихъ стадіяхъ культуры обнаруживаются великодушныя чувства и дѣйствія. Ничего нѣтъ удивительнаго, если мы встрѣчаемъ ихъ у древнихъ цивилизованныхъ расъ. Индусская литература изобилуетъ предписаніями великодушныхъ дѣйствій. Въ Ригъ-Веддѣ главнымъ элементомъ великодушія является эгоизмъ, а не симпатія. «Тотъ, кто щедръ—высоко обитаетъ на небѣ». Законъ Ману предписываютъ соблюдать долгъ гостепріимства. «Почтеніе къ гостю даетъ счастье, славу, жизнь и небо» (III, 106, IV, 29). Персидская литература предлагаетъ образчики такихъ же

воззрѣній. У Конфуція мы находимъ предписаніе великодушныхъ дѣйствій, безъ личныхъ мотивовъ. «Истинно-добродѣтельный человѣкъ,—говоритъ онъ,—долженъ способствовать чужому успѣху, какъ и своему собственному; онъ долженъ стремиться увеличить чужое счастье, какъ и свое собственное».

Въ еврейскихъ книгахъ встрѣчается много такихъ же наставленій съ обѣщаніями или безъ обѣщаній будущихъ благъ. По этимъ цитатамъ, разумѣется, нельзя сравнивать характеръ вышеупомянутыхъ народовъ съ характеромъ дикихъ племенъ: являясь извлеченіями изъ книгъ лучшихъ людей эпохи, поэтовъ и мудрецовъ, они не выражаютъ общаго настроенія народа. Но энергичный тонъ ихъ предписаній былъ имъ, вѣроятно, внушенъ реакціей противъ крайняго эгоизма.

Трудно начертить болѣе или менѣе вѣрную картину эволюціи великодушныхъ чертъ у европейскихъ націй. Въ древнія времена у нихъ существовала масса обычаевъ и чувствъ, сходныхъ съ обычаями и чувствами дикихъ народовъ. Тацитъ говоритъ слѣдующее о древнихъ германцахъ: «ни одна нація не обнаруживаетъ столько привѣтливости и гостепріимства. Ничего не можетъ быть хуже въ ихъ глазахъ, какъ отказаться принять гостя подъ своей кровлей».

Подобные взгляды уживались, какъ намъ извѣстно, съ полнымъ отсутствіемъ симпатіи. Это было великодушіе, предписанное традиціоннымъ обычаемъ. Въ средніе вѣка и въ сравнительно-новѣйшую эпоху главнымъ мотивомъ великодушныхъ дѣйствій являлось желаніе снискать милость Божію. Этотъ мотивъ былъ выраженъ въ формулѣ: «Кто помогаетъ бѣднымъ, тотъ одолжаетъ Богу». Даже въ своемъ первоначальномъ видѣ христіанство смотрѣло на подаяніе, какъ на средство спасенія, и этотъ взглядъ продолжался въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ христіанской церкви. Вѣрующіе строили храмы и освобождали рабовъ во имя искупленія грѣховъ. Страхъ передъ адомъ и стремленіе попасть въ рай были единственными мотивами добрыхъ дѣлъ. «Я подаю милостыню,—говорилъ Томасъ Броунъ,—не для того, чтобъ утолить голодъ брата своего, я лишь исполняю волю и заповѣдь моего Бога». Таково было господствующее воззрѣніе. На ряду съ нимъ стали развиваться съ теченіемъ времени черты великодушія, продиктованныя исключительно нравственнымъ чувствомъ. Черты этого истиннаго великодушія проявляются не только въ частной, но и въ общественной жизни. Англія, пожертвовавшая двадцать милліоновъ фунтовъ стерлинговъ для освобожденія рабовъ въ колоніяхъ, можетъ служить намъ примѣромъ послѣдняго рода. Излишне говорить, что развитіе этого безкорыстнаго великодушія было слѣдствіемъ возростающей симпатіи, а самое чувство симпатіи могло возникнуть и распространиться среди людей лишь тогда, когда человѣчество вступило въ фазисъ мирной жизни. Трудно дать болѣе или менѣе точную формулу этихъ до безконечности разнообразныхъ проявленій великодушія и псевдо-великодушія. Только путемъ сопоставленія крайностей мы можемъ прійти къ болѣе или менѣе правильнымъ обобщеніямъ. Аббатъ Фаврь, въ

своемъ сочиненіи *О дикихъ племенахъ Малайскаго полуострова*, описываетъ расу побѣдителей малайцевъ, какъ народъ, склонный къ грабежу, лжи и мошенничеству. Нельзя довѣриться имъ ни въ чемъ; они грабятъ путешественниковъ и встрѣчаютъ ихъ далеко не гостепріимно. Мѣстное же населеніе, отодвинутое побѣдителями въ глубь страны, хотя и продолжаетъ жить въ дикомъ состояніи, тѣмъ не менѣе, отличается необыкновенно симпатичными чертами. «Они разрѣшаютъ свои споры безъ борьбы и злобы»; они вообще «добры, привѣтливы, щедры и великодушны». При сопоставленіи этихъ двухъ расъ аббатъ Фавръ замѣчаетъ: «поступки малайцевъ проистекаютъ всегда изъ низкихъ и дурныхъ побужденій, тогда какъ у якунцевъ возвышенная и благородная натура». «Какая же причина такого поразительнаго контраста?»—спрашиваетъ онъ себя и находитъ отвѣтъ въ образѣ жизни этихъ двухъ расъ, изъ которыхъ одна предается убійствамъ и грабежамъ, а другая—мирной дѣятельности.

Гуманность.

Граница, проведенная между великодушіемъ и гуманностью,—говоритъ авторъ книги,—носитъ чисто-внѣшній характеръ и объясняется однимъ лишь удобствомъ. Чувства доброты, жалости и милосердія, сгруппированныя здѣсь подъ общимъ названіемъ гуманности, тѣсно связаны съ великодушіемъ. Все это альтруистическія чувства, въ основѣ которыхъ лежитъ симпатія.

Гуманность, пробуждаемая главнымъ образомъ, какъ и великодушіе, мысленной картиной удовольствій и страданій другихъ лицъ, содержитъ въ себѣ, какъ и она, элементъ эгоистическаго чувства. Такая сложность элементовъ и разнообразіе ихъ проявленій препятствуетъ здѣсь такъ же, какъ и тамъ, болѣе или менѣе точнымъ обобщеніямъ человѣческихъ понятій и чувствъ въ связи съ основными типами обществъ. Есть народы, у которыхъ симпатія совсѣмъ отсутствуетъ, принимая форму безразличія къ чужимъ страданіямъ (отрицательная форма), или же наслажденія этими страданіями (положительная форма). Мазонъ даетъ намъ примѣръ перваго рода, заимствуя его изъ жизни Kafens. «Находясь возлѣ одной больной женщины, которая умирала подъ жалкимъ навѣсомъ, я тщетно молилъ,—говоритъ онъ,—ея внуковъ и дѣтей придти ей на помощь».

Примѣръ второго рода приводитъ намъ лордъ Вольсей. Неграмъ Западной Африки,—сообщаетъ онъ,—видъ крови и физическихъ страданій составляетъ величайшее наслажденіе. Хищническія племена Сѣверной Америки подвергаютъ жестокимъ пыткамъ своихъ плѣнниковъ. Такъ называемыя цивилизованныя расы не уступаютъ въ безчеловѣчности дикимъ племенамъ, а иногда даже и превосходятъ ихъ. Оставляя въ сторонѣ жестокости восточныхъ народовъ и кровавые подвиги миѳическихъ героевъ, которыми такъ восторгались греки временъ Гомера, обратимся къ римлянамъ. Опустошительныя войны, свирѣпствовавшія въ теченіе двадцати поколѣній, развили у нихъ такую кровожадность, которая едва ли сравнится съ жестокостью дикихъ народовъ. Хотя сѣверо-американскія племена

и пытали своихъ плѣнниковъ, но они не пытали рабовъ, не выгоняли ихъ на поле, какъ вьючный скотъ, не отдавали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ для потѣхи народа. Римляне больше заслуживаютъ названіе дикихъ, чѣмъ темнокожія расы.

Христіанская Европа даетъ намъ не менѣе яркій примѣръ безчеловѣчности прежнихъ временъ. Кровавыя войны и вѣчныя распри внутри самихъ обществъ способствовали ея крайнему развитію. Хотя европейцы и не вырывали трепещущихъ сердецъ изъ груди своихъ враговъ, какъ мексиканцы, но за то они превосходили дикихъ, въ изобрѣтательности пытокъ для еретиковъ, колдуновъ и преступниковъ. Даже и теперь, послѣ многихъ лѣтъ мирной жизни, замѣтны еще слѣды варварства. Обращеніе европейцевъ съ австралійцами по-истинѣ возмутительно.

На-ряду съ народами, лишенными всякаго чувства гуманности, среди некультурныхъ племенъ встрѣчаются такія, у которыхъ сильно развиты гуманныя чувства. Веддари «необыкновенно мягкій, добрый и сердечный народъ. Мальгаши «относятся другъ къ другу съ бо̀льшей гуманностью, чѣмъ мы», замѣчаетъ одинъ изъ путешественниковъ. Ирокезцы, по свидѣтельству Моргана, предписываютъ своимъ членамъ «милосердіе, гостепріимство и взаимную дружбу». Кольфъ, описывая жителей Луана, говоритъ слѣдующее: «нигдѣ я не встрѣчалъ такого согласія, такой терпимости и готовности помочь другъ другу, такого полнаго мира и счастья въ семьѣ, такой человѣчности и гостепріимства». Литература восточныхъ народовъ изобилуетъ выраженіемъ гуманныхъ чувствъ и предписаніями гуманныхъ дѣйствій. Хотя это наставленія мудрецовъ и поэтовъ, но тѣмъ не менѣе они являются симптомомъ нравственнаго прогресса обществъ, совершившагося подъ вліяніемъ мирныхъ условій жизни.

Въ Магабгаратѣ мы находимъ слѣдующую сентенцію: «Неизмѣнный долгъ человѣка не вредить никому ни словомъ, ни дѣломъ, ни помысломъ; дѣлиться съ другими своимъ добромъ и относиться гуманно ко всѣмъ».

Въ *Гулистанѣ* Сади преподаетъ подобныя же правила: «Будьте милосерды къ крестьянину... Преступно обращать оружіе власти противъ беззащитныхъ подданныхъ... Тотъ, кто относится равнодушно къ чужимъ страданіямъ, недостоинъ названія человѣка». Лаотзе осуждаетъ смертную казнь и оплакиваетъ обычай войны. У евреевъ встрѣчаются предписанія относиться гуманно не только къ людямъ, но и къ животнымъ,—предписанія, которыя признала цивилизованная Европа въ проповѣди Христа, а между тѣмъ въ теченіе долгихъ вѣковъ не подчинялась ему.

Благодаря такой массѣ разнообразныхъ чувствъ, мы можемъ сдѣлать бо[illegible] или менѣе вѣрное обобщеніе,—замѣчаетъ Спенсеръ, лишь при сопо[illegible]авленіи крайнихъ примѣровъ. Всѣ вышеупомянутыя племена, которыя от[illegible]чаются своей крайней жестокостью, сѣверо-американскіе дикари, ко[illegible]ды ведутъ военный образъ жизни, тогда какъ у мирныхъ народовъ ва[illegible]аровъ, мальгашей и др. процвѣтаютъ чувства солидарности, доброже[illegible]ства и гуманности.

Правдивость.

Всѣ путешественники единодушно утверждаютъ, что эта добродѣтель отсутствуетъ у хищныхъ или воинствующихъ племенъ. То же мы наблюдаемъ и у покоренныхъ народовъ, находящихся подъ гнетомъ деспотической власти. «Индѣйцы, какъ и другіе дикари,—замѣчаетъ Буртонъ,—никогда не говорятъ правды». Во всей Центральной Азіи «правда,—на службѣ у сильныхъ». У фиджійцевъ, по свидѣтельству Томсона, страсть ко лжи такъ велика, что они ее даже не скрываютъ. Они привыкаютъ ловко врать на службѣ у своихъ вождей, такъ какъ послѣдніе требуютъ этого и смотрятъ на ловкихъ лгуновъ, какъ на драгоцѣнный кладъ. «Правда фиджійца—синонимъ лжи». У индѣйцевъ Центральной Америки ложь не считается порокомъ, а скорѣй позволительною хитростью.

Древняя литература индусовъ и евреевъ даетъ намъ примѣры подобнаго же отношенія ко лжи. Въ Индіи, какъ мы видѣли раньше, обманъ и жестокость считались средствами для успѣха. У грековъ правдивость была не въ большомъ почетѣ. Боги, изображенные въ Иліадѣ, обманываютъ не только людей, но и другъ друга. Аѳина-Паллада любитъ Улисса за то, что онъ ловкій обманщикъ. Міръ Гомера, по выраженію Магаффи, «полонъ коварства и лжи». Позднѣе, въ эпоху аѳинской гегемоніи, греки отличались не лучшими качествами. Дарій смотрѣлъ на грека, съумѣвшаго сдержать слово, какъ на рѣдкое исключеніе. Различныя фазы европейской исторіи показываютъ намъ, какое существуетъ соотношеніе между періодами хроническихъ войнъ и лживостью. Въ эпоху меровинговъ (кровавая эра) клятвы полководцевъ передъ алтарями нарушались на каждомъ шагу. Послѣ длиннаго ряда войнъ, ознаменовавшаго собой періодъ карловинговъ, наступила эпоха феодализма, о которой Мартенъ выражается такъ: «Десятый вѣкъ можетъ считаться классической эрой обмановъ и мошенничествъ. Ни въ одну эпоху нашей (французской) исторіи нравственное чувство не было такъ парализовано въ человѣческой груди, какъ въ этотъ первый періодъ феодализма». Ложь царила и послѣ основанія французской монархіи, сопровождавшагося потоками крови. Сеньоры во взаимныхъ отношеніяхъ были вѣроломны, корыстолюбивы и безчестны. Лекки, говоря о лживости среднихъ вѣковъ, хотя и не приписываетъ ее военному режиму, но, однако, высказываетъ соображеніе, которое косвенно подтверждаетъ нашъ взглядъ. Лекки полагаетъ, что вездѣ, гдѣ мирный трудъ въ загонѣ, народъ не придаетъ такого значенія правдивости, какое ей придаютъ въ промышленныхъ странахъ. Это же соотношеніе бросается въ глаза при сравненіи Западной Европы съ восточной. Само собой, меж[ду] кровожадностью и лживостью нѣтъ непосредственной связи. Изъ того, [что] у человѣка нѣжное сердце, вовсе не слѣдуетъ, что онъ долженъ бы[ть] правдивъ. Но между мирной жизнью и правдивостью—съ одной стороны, военной и лживостью—съ другой, несомнѣнно, существуетъ косвенное со[от]ношеніе. Мы поймемъ это лучше,—говоритъ авторъ книги,—если брос[им]

взглядъ на нравы тѣхъ народовъ, которые ведутъ обособленную жизнь вдали отъ всеобщей вражды. Вотъ что сообщаетъ намъ Моррисъ по поводу Kois: «Они уважаемы за свой культъ правды и могутъ въ этомъ отношеніи служить примѣромъ жителямъ долины, хотя послѣдніе болѣе культурны и развиты». Горныя индусскія племена, Bodos, Dhimals, Todas, Hos и друг., описанныя Спенсеромъ въ его *Основаніяхъ соціологіи*, отличаются рѣдкою правдивостью. Лѣсные веддари пользуются репутаціей «необыкновенно честныхъ и правдивыхъ людей». Но, на-ряду съ этими фактами, мы видимъ еще другіе, которые невольно наводятъ насъ на сомнѣніе, замѣчаетъ авторъ. У полувоинствующихъ или даже у воинствующихъ народовъ встрѣчаются тоже порой черты глубокой правдивости. Готтентоты часто воюютъ другъ съ другомъ, а между тѣмъ «слово готтентота свято». Морганъ, описывая нравы ирокезцевъ, говоритъ, что «правдивость—отличительная черта индѣйскаго характера». Хотя лига ирокезцовъ и образовалась во имя сохраненія общаго мира между своими членами, тѣмъ не менѣе ей приходится часто воевать съ сосѣдними племенами, которыя не входятъ въ ея составъ и относятся къ ней враждебно. У патагонцевъ ложь возбуждаетъ отвращеніе, хотя они не рѣдко воюютъ другъ съ другомъ и отражаютъ нападенія испанцевъ. Khonds считаютъ уваженіе къ истинѣ самымъ священнымъ долгомъ, а, между тѣмъ, у нихъ часто бываютъ «кровавыя распри другъ съ другомъ изъ-за земель». Мы встрѣчаемъ, стало быть, эти черты не только у мирныхъ народовъ, но также и у нѣкоторыхъ болѣе или менѣе воинствующихъ племенъ. Чѣмъ же объясняется этотъ фактъ? У всѣхъ этихъ народовъ,—отвѣчаетъ Спенсеръ, замѣчается одно и тоже явленіе: какъ тѣ, такъ и другіе подчинены демократическому режиму. Соціальный строй первыхъ Спенсеръ описалъ въ своихъ *Основаніяхъ соціологіи*, относительно же вторыхъ онъ сообщаетъ слѣдующее: готтентоты подчинены собранію, которое большинствомъ голосовъ рѣшаетъ дѣла; ирокезцы управляются совѣтомъ пятидесяти. У патагонцевъ правительственная власть никогда не была сильна; они оставляли своихъ вождей, когда тѣ имъ не нравились. «Весь соціальный строй кандовъ проникнутъ духомъ равенства».

Наблюденія различныхъ путешественниковъ показываютъ намъ, что ложь находится въ тѣсной связи съ правительственной системой: при деспотизмѣ преобладаетъ ложь; при свободномъ режимѣ — правда. Система запугиванія, практиковавшаяся по отношенію къ индѣйцамъ, была причиной ихъ общей склонности ко лжи. Многолѣтній опытъ привелъ Ливингстона къ заключенію, что между ложью и страхомъ существуетъ тѣсная связь. Говоря о крайней лживости населенія восточной Африки, онъ находитъ, что рабы лгутъ еще больше, чѣмъ господа. «Ложь — убѣжище слабыхъ и угнетенныхъ», замѣчаетъ онъ. Примѣры изъ жизни древнихъ цивилизованныхъ обществъ только подтверждаютъ этотъ взглядъ. У египтянъ, находившихся долго подъ властью деспотическихъ чиновниковъ, народъ [illegible]талъ своимъ умѣньемъ лгать. Индусы, изнывавшіе сперва подъ

гнетомъ тиранническаго правительства, а затѣмъ подъ мусульманскимъ и англійскимъ игомъ, необыкновенно лживый народъ. Франція въ эпоху феодализма была до того заражена духомъ лжи и мошенничествъ, что даже правители поддавались примѣру своихъ подданныхъ,— короли занимались издѣліемъ фальшивыхъ монетъ. Хотя и теперь допускаютъ во Франціи ложь въ политикѣ, но она уже не носитъ такого возмутительнаго характера, какъ прежде. То же было и въ Англіи. Если сравнить безчестные и коварные пріемы государственныхъ людей временъ Елизаветы, когда монархическая власть была еще слабо ограничена, съ безусловной честностью нынѣшнихъ англійскихъ дѣятелей, то станетъ видно, какое соотношеніе существуетъ между ложью и деспотизмомъ, правдой и свободой.

Отсюда вполнѣ понятно, что между ложью и постоянною войной, правдивостью и внутреннимъ миромъ нѣтъ прямой связи, а только косвенная. При хронически повторяющихся войнахъ организація общества носитъ принудительный характеръ, тогда какъ этотъ режимъ не имѣетъ мѣста при мирныхъ отношеніяхъ. А въ связи съ этимъ ложь вызываетъ въ одномъ случаѣ весьма слабое нравственное осужденіе; въ другомъ же, наоборотъ, сильное и истинно-нравственное.

Повиновеніе.

Подъ повиновеніемъ обыкновенно понимаютъ два вида подчиненія: подчиненіе дѣтей родителямъ и гражданъ государству. Первое коренится въ неизмѣнномъ порядкѣ природы, тогда какъ второе обусловливается временнымъ порядкомъ вещей и не всегда достойно поддержки.

Мэнъ приписываетъ обоимъ видамъ подчиненія общій корень. Это вѣрно относительно тѣхъ обществъ, замѣчаетъ Спенсеръ, которыя развивались по типу, описанному Мэномъ, но придавать этому типу универсальный характеръ нельзя. При переходѣ отъ семейнаго къ патріархальному быту, подчиненіе дѣтей родителямъ, дѣйствительно, превратилось сперва въ подчиненіе сына отцу, а затѣмъ въ подчиненіе отцу отца — патріарху. Вѣрно также и то, что сліяніе родовъ породило организацію, въ которой главный патріархъ обратился въ вождя. Но эти отношенія безслѣдно исчезли въ позднѣйшую эпоху и два вида подчиненія рѣзко обособились другъ отъ друга. Однако, тѣмъ не менѣе, продиктованныя въ большей мѣрѣ однимъ и тѣмъ же чувствомъ, оба эти вида подчиненія подвергались въ своей эволюціи одинаковымъ измѣненіямъ. На первыхъ ступеняхъ культуры не только не существовало политическаго подчиненія, но даже и подчиненіе дѣтей родителямъ было мало развито и человѣческая семья мало чѣмъ отличалась отъ животной. Обязанности отца по отношенію къ дѣтямъ и дѣтей къ отцу носили лишь временный характеръ.

Арауканцы никогда не наказываютъ мальчиковъ, находя, что всякое наказаніе дѣлаетъ ихъ неспособными къ войнѣ. У араваковъ и дакотовъ встрѣчается то же. По поводу жителей восточной Африки Буртонъ го-

рить слѣдующее: «Когда періодъ дѣтства прошелъ, отецъ и сынъ становятся врагами». Къ матерямъ дѣти относятся еще хуже. Дакоты заставляютъ матерей работать за себя. У фиджійцевъ дѣтей учатъ бить родную мать.

Судя по этимъ примѣрамъ, можно подумать, что неповиновеніе дѣтей родителямъ соотвѣтствуетъ низшему типу соціальной жизни, но на самомъ дѣлѣ это явленіе не носитъ общаго характера. У эскимосовъ «любовь родителей къ дѣтямъ очень велика, а неповиновеніе съ ихъ стороны очень рѣдко». Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что даже на самыхъ низшихъ стадіяхъ развитія мы встрѣчаемъ, на-ряду съ неповиновеніемъ, и повиновеніе. Но если то или другое изъ дикихъ племенъ не воспитываетъ своихъ дѣтей въ подчиненіи родителямъ, то несомнѣнно, что у этого племени нѣтъ прочной соціальной организаціи. Спенсеръ приводитъ доказательства a contrario. Сравнивая кочующія семитическія племена съ осѣдлыми, у которыхъ имѣлась прочная политическая организація, мы замѣчаемъ, говоритъ онъ, что у первыхъ подчиненіе дѣтей родителямъ существовало въ очень слабой степени, тогда какъ у вторыхъ оно было сильно развито. У древнихъ евреевъ глава семьи имѣлъ право жизни и смерти надъ своими дѣтьми. У ассиріянъ, у которыхъ соціальная организація носила принудительный характеръ, отецъ былъ полновластнымъ господиномъ въ своемъ домѣ; онъ могъ продать непокорныхъ дѣтей въ рабство. Въ Китаѣ, на ряду съ культомъ предковъ, существовало всегда безусловное подчиненіе дѣтей родителямъ. «Сыновнее почтеніе и братская любовь,— говоритъ Конфуцій,— начало всякой добродѣтели». Въ Египтѣ было то же: «начало нравственной доблести есть подчиненіе, а повиновеніе родителямъ—его корень». Въ первую эпоху римской исторіи и даже много позднѣе отцовское jus vitae ac necis влекло за собою безусловное подчиненіе дѣтей. Хотя по мѣрѣ соціальнаго развитія patria potestas (отцовская власть) и ослабѣвала въ Европѣ, тѣмъ не менѣе, она была еще очень сильна въ сравнительно недавнее время.

Такимъ образомъ мы видимъ, что у самыхъ различныхъ народовъ подчиненіе родителямъ находилось въ связи съ объединеніемъ и болѣе или менѣе прочной организаціей общества. Такое соотношеніе замѣчается если не во всемъ ходѣ историческаго прогресса, то, по крайней мѣрѣ, на первыхъ его ступеняхъ.

Степень политическаго подчиненія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ чисто-физическихъ условій. Тамъ, гдѣ мѣстожительство препятствуетъ большому скопленію людей, какъ, наприм., въ безплодныхъ степяхъ или гори[illegible]къ мѣстностяхъ, подчиненіе дѣтей родителямъ не выходитъ за предѣлы [illegible]а. При благопріятныхъ физическихъ условіяхъ подчиненіе родителямъ мо[illegible]ъ съ теченіемъ времена развиться въ политическое подчиненіе. Особенно [illegible] это замѣчается у воинствующихъ народовъ. У калмыковъ, на ряду [illegible]чтеніемъ къ родителямъ, мы видимъ глубокую преданность своимъ [illegible]имъ.

[illegible] особенности эти два вида подчиненія были сильно развиты у

древнихъ цивилизованныхъ народовъ. Въ Китаѣ, Индіи, Египтѣ и Іудеѣ, гдѣ покорность родительской волѣ доходила до своего апогея, существовало также рабское подчиненіе царю. Европа дала намъ примѣръ такого же явленія. На-ряду съ теоріей и практикой безусловнаго повиновенія отцу развивалась теорія и практика безусловнаго подчиненія главѣ общины, сперва мѣстному вождю, а затѣмъ представителю центральной власти. Въ феодальную эпоху возникла вѣрность сюзерену, а затѣмъ, послѣ политическаго объединенія, вѣрность королю.

Въ древней Франціи самымъ ужаснымъ преступленіемъ считалась измѣна вассала, а высшею доблестью — вѣрность. Въ Англіи было то же. Англійская аристократія выражала свои вѣрноподданическія чувства на своихъ гербахъ. Такъ, наприм.: «Любите вѣрность», «Вѣрность на всю жизнь», «За Бога и короля» и т. д. На ряду съ этими девизами, предписывающими вѣрность, существовали, какъ намъ извѣстно, еще другіе, въ которыхъ преобладалъ духъ нападенія.

Связь между вѣрностью и жаждой нападенія вполнѣ естественна. Оба эти чувства неразрывно связаны съ постоянной военной организаціей. Сперва вождь, затѣмъ король и, наконецъ, императоръ были всегда главнокомандующими арміи и ихъ власть во время мира была продолженіемъ власти на войнѣ. Отсюда понятно, что политическое подчиненіе отожествлялось вначалѣ съ военнымъ, да и теперь вездѣ, гдѣ существуетъ военный режимъ, оба эти вида подчиненія должны слиться во-едино. У воинствующихъ народовъ политическое подчиненіе доведено до maximum'а. Древніе мексиканцы, свирѣпые воины-каннибалы, исчезнувшіе теперь съ лица земли, доводили свое почтеніе къ царю до какого-то дикаго обожанія. Дагомейцы со своей арміей амазонокъ «были всѣ поголовно рабами передъ своимъ королемъ». Германцы временъ Фридриха II боготворили этого великаго побѣдителя, тогда какъ теперь они относятся гораздо сдержаннѣе къ своему императору. Въ Англіи было то же: въ періоды непрерывныхъ войнъ существовала глубокая преданность королю, а теперь, въ эпоху болѣе или менѣе продолжительнаго мира, политическое подчиненіе носитъ довольно призрачный характеръ.

Остается добавить еще нѣсколько словъ, а именно, что съ ослабленіемъ политическаго подчиненія ослабѣвало параллельно и подчиненіе родителямъ. Грозная власть отца, практиковавшаяся въ прошлые вѣка, приняла въ наше время болѣе мягкія формы. Но хотя оба эти вида подчиненія и основывались на одномъ чувствѣ и подвергались одинаковымъ измѣненіямъ, тѣмъ не менѣе, они сопровождались всегда различными санкціями. Первая связана съ законами природы, вторая—съ временными условіями соціальной жизни. Подчиненіе ребенка отцу оправдывается его физическою безпомощностью и обязанностью вознаградить хоть отчасти прежнія заботы о немъ. Эти причины будутъ существовать вѣчно, а также на ряду съ ними сохранится и почтеніе къ родителямъ, которое приметъ характеръ истинно-нравственнаго чувства.

Политическое же подчиненіе, отсутствующее у первобытныхъ народовъ, возникло лишь по мѣрѣ того, какъ совершилась политическая интеграція обществъ и они разрослись вслѣдствіе завоеваній. Развитіе такого подчиненія въ средѣ этихъ обществъ было необходимымъ условіемъ для ихъ успѣха на войнѣ. Но вмѣстѣ съ прекращеніемъ войны должно ослабѣть и безусловное подчиненіе верховному владыкѣ. По мѣрѣ того, какъ постепенно падаетъ система государственная система, характеризующая типъ военной организаціи, и развивается система договорная, соотвѣтствующая типу промышленной страны, необходимость подчиненія ощущается все меньше и меньше. Въ чувствахъ происходитъ та же эволюція: рабское подчиненіе обращается въ порокъ, а на сцену выступаетъ новая добродѣтель—независимость.

Трудъ.

Нравственныя воззрѣнія на трудъ и чувства, сопровождающія эти воззрѣнія, находятся, по мнѣнію Спенсера, въ зависимости отъ преобладающаго типа занятій въ томъ или другомъ обществѣ. Промышленность въ нашемъ смыслѣ не существовала еще у первобытныхъ народовъ, да она и не могла существовать въ допастушескій и доземледѣльческій періодъ. Значеніе той или другой дѣятельности въ общей экономіи племени опредѣляло его взгляды на нее. Благополучіе первобытныхъ обществъ зависѣло, главнымъ образомъ, отъ ихъ успѣха на войнѣ или охотѣ, и потому-то эти два рода занятій считались необыкновенно почетными. Домашній же трудъ, не требовавшій ни особенной силы, ни мужества, ни ловкости, игралъ въ глазахъ дикарей самую ничтожную роль, и, благодаря тому, что имъ занимались женщины и рабы,—низшая половина человѣческаго рода,—онъ пользовался крайнимъ презрѣніемъ. Предъ-моральное чувство осуждало правильный и упорный трудъ или, вѣрнѣе, ту серію дѣйствій, изъ которыхъ слагался этотъ трудъ. Характерно то, что изъ общей массы занятій, къ которымъ первобытный человѣкъ относился съ презрѣніемъ, выдѣлялось только изготовленіе оружія и постройка *wigwams* или шалашей. Это объясняется, опять-таки, тѣмъ, что первое было связано съ войной и требовало извѣстнаго искусства, а второе—ловкости и силы. Эти исключенія только подтверждаютъ намъ, замѣчаетъ авторъ, что самыми низкими занятіями считались тѣ, которыя не нуждались въ особенной физической или интеллектуальной силѣ и съ которыми могли справляться низшія существа. Этотъ первоначальный контрастъ въ чувствахъ и взглядахъ на трудъ пр[illegible]ржался во всемъ ходѣ соціальной эволюціи, ослабѣвая очень медленно, во[illegible]прерывно. Да и не могло быть иначе: причины, породившія его, про[illegible]ли существовать. До тѣхъ поръ, пока благоденствіе народа обусловли[illegible]сь развитіемъ его боевыхъ силъ, военная дѣятельность была въ по[illegible]ѣ, а всякій другой трудъ въ загонѣ. Только въ сравнительно новѣйш[illegible]эпоху, когда возникло сознаніе, что благоденствіе націй зависитъ отъ

производительныхъ силъ страны, что промышленный трудъ требуетъ не меньшаго, но большаго развитія умственныхъ способностей, только тогда стали относиться къ нему съ бо́льшимъ уваженіемъ.

Презрѣніе къ труду въ первобытномъ обществѣ, обусловленное тѣмъ, что онъ былъ удѣломъ женщинъ, которыя считались неспособными ни къ войнѣ, ни къ охотѣ, увеличивалось еще благодаря тому, что ими занимались рабы, люди низшей породы. Въ очень отдаленную эпоху существовалъ обычай употреблять рабовъ на-ряду съ женщинами для трудной домашней работы. Damaras, сообщаетъ Андерсонъ, необыкновенно лѣнивы. Все, чего не хотятъ дѣлать ихъ женщины, они возлагаютъ на рабовъ. У жителей Конго обработка земли предоставлена всецѣло женщинамъ и рабамъ. Въ Дагомеѣ земледѣліе пользуется сильнымъ презрѣніемъ, потому что имъ занимаются рабы. Благодаря этому условію, у первобытныхъ народовъ развилось сильное предубѣжденіе противъ труда. Различные примѣры показываютъ намъ, какъ это до-нравственное чувство, сопутствуемое санкціей традиціонныхъ обычаевъ, принимало тотъ или другой характеръ въ связи съ условіями окружающей среды. Такъ, напримѣръ, русмены—заклятые враги пастушеской жизни; нѣкоторыя изъ ихъ нравственныхъ правилъ предписываютъ имъ жить охотой или войной. Чистокровные арабы относятся съ презрѣніемъ къ обработкѣ земли, считая это занятіе низкимъ.

Многіе изъ вышеприведенныхъ примѣровъ подтверждаютъ намъ тотъ фактъ,—замѣчаетъ Спенсеръ,—что извѣстный образъ жизни, практикуемый долго въ одномъ направленіи, порождаетъ серію понятій и чувствъ, которыя гармонируютъ съ ними. Различныя анормальныя явленія указываютъ намъ на то, какъ велика сила предразсудковъ, порожденныхъ обычаемъ. Въ восточной Африкѣ, разсказываетъ Ливингстонъ, у нѣкоторыхъ племенъ «женщины обрабатываютъ землю, сѣютъ хлѣбъ и строятъ шалаши... Мужчины остаются дома, шьютъ, ткутъ, прядутъ, болтаютъ и доятъ козъ». Въ Абиссиніи считается позоромъ для мужчины пойти на рынокъ за провизіей. Онъ не можетъ ни носить воды, ни печь хлѣба; но онъ обязанъ стирать бѣлье всей семьи, и женщины не имѣютъ права помогать ему въ этомъ почетномъ занятіи.

Эти аномаліи родились, вѣроятно, въ ту эпоху, предполагаетъ Спенсеръ, когда хищническіе набѣги ослабѣли и дали возможность мужчинамъ предаваться бездѣлью или легкимъ занятіямъ, такъ какъ трудъ женщинъ вполнѣ удовлетворялъ всѣмъ нуждамъ населенія. Несомнѣнно, что у первобытныхъ народовъ мужчины взялись за тяжелый и упорный трудъ лишь тогда, когда къ этому принудили обстоятельства, когда ослабленіе военной дѣятельности повлекло за собой размноженіе населенія, тогда мужч[ины] должны были взяться за промыслы для удовлетворенія своихъ нужд[ъ].

Эта перемѣна соціальной жизни сопровождалась эволюціей предъ-н[равст]-ственныхъ чувствъ по отношенію къ труду. Конди «считаютъ всякій то[ргъ] или обмѣнъ ниже своего достоинства и смотрятъ на всѣхъ, кто не при[над]-лежитъ къ классу воиновъ или земледѣльцевъ, какъ на подонки общес[тва].

Древнія германскія племена занимались на ряду съ охотой и грабежомъ, обработкой земли, такъ какъ, очевидно, никакое другое занятіе не давало имъ необходимыхъ средствъ къ жизни. Презрѣніе къ торговлѣ обусловливалось, вѣроятно, тѣмъ, полагаетъ Спенсеръ, что послѣдняя находилась въ рукахъ бродячихъ людей, которые не были приписаны къ какой-нибудь общинѣ. Но развитіе торговли измѣнило мало-по-малу этотъ взглядъ. Какъ охотничьи народы презирали земледѣліе, до тѣхъ поръ, пока особенно не нуждались въ немъ, такъ же они презирали и торговлю. Это занятіе не имѣло въ ихъ глазахъ никакой цѣны, такъ какъ всѣ необходимые продукты изготовлялись у себя дома. Когда же ея значеніе увеличилось съ теченіемъ времени, она перестала внушать чувства, которыя выливались въ презрѣніи. Но хотя и развивались многолюдныя общества, хотя и ощущалась все большая и большая потребность въ земледѣліи, тѣмъ не менѣе, трудъ еще долго не носилъ почетнаго характера, благодаря вышеупомянутымъ причинамъ. Онъ возлагался, въ отдаленную эпоху, на рабовъ, затѣмъ на крѣпостныхъ и, наконецъ, въ новѣйшее время, на людей низшихъ въ умственномъ или физическомъ отношеніи. Между трудомъ и его представителями существовала слишкомъ тѣсная ассоціація идей; то отвращеніе, которое онъ внушалъ, оправдывалось тѣмъ взглядомъ, что отдаться ему—значитъ обнаружить свое низкое происхожденіе.

Хотя въ литературахъ древнихъ цивилизованныхъ народовъ трудъ и считался долгомъ, тѣмъ не менѣе, онъ былъ предписанъ, главнымъ образомъ, подневольнымъ людямъ. «Исполняй ежедневно и неизмѣнно ту работу, которая тебѣ задана»,— гласятъ законы Ману. То же мы видимъ и у другихъ. Только одна персидская литература имѣла болѣе ясное представленіе о почетности труда, независимо отъ условій, при которыхъ онъ исполнялся. Религія Зороастра предписываетъ своимъ адептамъ, «добывать хлѣбъ въ потѣ лица своего». Европа съ древнихъ вѣковъ и до нашихъ дней даетъ намъ блестящій примѣръ соотношенія между типомъ общественной дѣятельности и господствующими воззрѣніями на трудъ. Платонъ въ своей *Республикѣ* довольно ясно выражаетъ свое презрѣніе къ производителямъ и посредникамъ, когда сравниваетъ ихъ съ низшими функціями человѣческаго организма. Аристотель придерживается тѣхъ же взглядовъ, увѣряя, «что рабочій или слуга на жалованьи не могутъ вести добродѣтельной жизни». То же было и на Западѣ. Въ римскомъ мірѣ, гдѣ военная организація была во всемъ своемъ блескѣ и силѣ, классъ рабовъ и вольноотпущенныхъ находился въ полномъ загонѣ. Въ «смутный» періодъ, слѣдовавшій за крушеніемъ западной Римской имперіи и въ эпоху безконе[illegible]хъ войнъ, которыя способствовали образованію прочныхъ государствъ, это [illegible]резрѣніе къ труду было по-прежнему общимъ явленіемъ. Презирали не [illegible]лько чернорабочихъ и ремесленниковъ, но также и умственный трудъ уч[illegible]ныхъ.

[illegible]ько по мѣрѣ того, какъ война перестала быть единственнымъ за[illegible] высшихъ классовъ, по мѣрѣ того, какъ низшіе классы пріобрѣли

большее вліяніе на формированіе общественнаго мнѣнія, трудъ получилъ привлекательность и пріобрѣлъ почетъ. Похвалы, расточаемыя ему правительствующими классами, были продиктованы сознаніемъ, что онъ необходимъ для ихъ же блага. Въ наше время въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ промышленная дѣятельность почти оттѣснила на задній планъ военную и нравственныя воззрѣнія на трудъ пріобрѣли совершенно иной характеръ. Правда, мы относимся еще нѣсколько презрительно къ чисто-мускульной работѣ и ставимъ выше занятія ремесленника, но за то интеллектуальный трудъ пользуется у насъ безусловнымъ почетомъ. Слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что прогрессъ индустріализма и его тенденція завоевать первенство развили воззрѣніе, что полезный трудъ является неизмѣннымъ долгомъ человѣка.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что различные виды общественной дѣятельности породили соотвѣтствующія нравственныя. Тѣ занятія, которыя неоспоримо ведутъ къ общественному благосостоянію, возбуждаютъ въ насъ чувство одобренія: съ ними связываютъ идею добра и считаютъ вредною аномаліей ихъ отсутствіе.

Таково начало контраста, замѣчаемаго нами съ самыхъ древнихъ временъ и до нашихъ дней, между презрѣніемъ къ труду у воинствующихъ народовъ и уваженіемъ къ нему у промышленныхъ націй. Остается еще упомянуть, что до-нравственныя чувства, санкціонирующія трудъ, даютъ начало истинно-нравственному чувству. Послѣднее предписываетъ трудъ не во имя самого труда, но во имя долга самому добывать свой хлѣбъ, а не брать его у другихъ.

Воздержаніе и цѣломудріе.

Мы не будемъ останавливаться на послѣднихъ двухъ главахъ, посвященныхъ воздержанію и цѣломудрію, такъ какъ онѣ, въ сущности, не прибавляютъ ничего къ основнымъ положеніямъ Спенсера. У однихъ народовъ невоздержность и развратъ санкціонированы обычаемъ и общественнымъ мнѣніемъ, у другихъ, наоборотъ, они подвергаются осужденію. Но мы не можемъ установить постоянной зависимости между идеями и чувствами, связанными съ ними, и типомъ общественной дѣятельности. Мы не можемъ сказать, что военная жизнь порождаетъ распущенность и пьянство, а мирная — трезвость и цѣломудріе. У самыхъ миролюбивыхъ народовъ, каковы, наприм., тоды и эскимосы, господствуетъ развратъ, тогда какъ у фиджійцевъ, этихъ отвратительныхъ дикарей — каннибаловъ, лгуновъ и убійцъ,—женщины необыкновенно цѣломудренны: «ихъ добродѣтель приближается къ самому высшему нравственному типу». Относительно пьянства можно сказать то же. Эти примѣры свидѣтельствуютъ объ отсутствіи бо[лѣе] или менѣе опредѣленной связи между идеями и чувствами, сопровождающими воздержаніе и цѣломудріе, и условіями соціальной организаціи. Достовѣрно только одно, что по мѣрѣ своего развитія общество начинаетъ сознавать все больше и больше вредныя послѣдствія какъ пьянства, такъ и разврата.

Обобщенія.

Трудно сдѣлать болѣе или менѣе точныя обобщенія на основаніи такого огромнаго количества неопредѣленныхъ данныхъ,—говоритъ Спенсеръ. Явленія соціальной жизни сложны уже сами по себѣ, но эта сложность увеличивается еще вслѣдствіе многообразія и измѣнчивости окружающихъ условій. Къ этому присоединятся, помимо всего, недостаточная достовѣрность и противорѣчивость многихъ сообщаемыхъ фактовъ. Во-первыхъ, не всѣ путешественники и историки заслуживаютъ одинаковаго довѣрія; во-вторыхъ, народы, объединенные подъ однимъ общимъ названіемъ, какъ, наприм., австралійцы, представляютъ крайнее разнообразіе чертъ; въ-третьихъ, нравы дикихъ племенъ подвергаются сильнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ европейцевъ, въ особенности миссіонеровъ и купцовъ, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, предметъ затрудняется еще массой переживаній. Благодаря этимъ условіямъ, намъ придется довольствоваться выводами,—замѣчаетъ авторъ,—которые вѣрны только въ среднемъ. Для того, чтобы дать себѣ вѣрный отчетъ въ значеніи нашихъ обобщеній,—продолжаетъ онъ,—мы должны вспомнить сущность соціальной кооперації. Нами было сказано, что нравственность есть ничто иное, какъ сводъ опредѣленныхъ правилъ поведенія, приноровленныхъ къ типу данной ассоціаціи. Мы утверждали дальше, что въ первобытномъ обществѣ ассоціація не можетъ возникнуть внѣ принудительной кооперації, организованной для защиты отъ внѣшнихъ враговъ или же для взаимной поддержки въ борьбѣ за существованіе.

Благополучіе обществъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, насколько они удовлетворяютъ условіямъ соціальной кооперації. Переживаніе наиболѣе приспособленныхъ обезпечиваетъ въ обществѣ преобладаніе принциповъ, предписывающихъ уваженіе къ его требованіямъ, и чувствъ, гармонирующихъ съ ними. Если же принципы и чувства касаются, главнымъ образомъ, частной жизни и не нарушаютъ непосредственно основныхъ требованій этой кооперації, они получаютъ болѣе слабую санкцію, чѣмъ предъидущіе. Вотъ почему половой развратъ и невоздержность не встрѣчаютъ въ первобытномъ обществѣ такого громкаго осужденія, какъ проступки противъ соціальной дисциплины. И въ самомъ дѣлѣ, если нѣсколько чѣловѣкъ предаются обжорству или пьянству, общество теряетъ не много: ни военная сила, ни внутренній порядокъ не страдаютъ отъ этого. Обжорство или пьянство ослабляютъ непосредственно только того или другого индивидуума, личность, и вредятъ обществу лишь косвенно. Точно также проступки противъ цѣломудрія имѣютъ весьма отдаленное вліяніе на численность населенія и военный подборъ. Понятно, что неразвитое общественное сознаніе не можетъ еще уловить этихъ результатовъ и потому слабо реагируетъ противъ проступковъ этой категоріи. Совершенно иначе относится общество къ нарушенію внѣшнихъ и внутреннихъ условій соціальной кооперації. Хорошее и дисциплинированное войско на низшихъ стадіяхъ культуры—важнѣйшій залогъ общественнаго благополучія: отсюда рѣдкое единодушіе въ

отношеніи къ проступкамъ противъ военной субординаціи и трусости. Точно также безпощадная репрессія за убійство соплеменника или кражу у него обусловливается взглядомъ на эти дѣянія какъ на преступленія противъ основъ общежитія. Правда, не у всѣхъ народовъ одинаковыя мнѣнія и чувства по поводу послѣдней категоріи дѣйствій, но это лишь свидѣтельствуетъ о томъ, что они находятся въ зависимости отъ различныхъ типовъ соціальной кооперації. Если послѣдняя уходитъ вся на безпрерывныя войны съ сосѣдями, въ обществѣ развивается чванство ловкимъ нападеніемъ, грабежъ становится почетнымъ занятіемъ, месть — священнымъ долгомъ, удачная ложь—заслугой, а подчиненіе деспотическимъ вождямъ—величайшею добродѣтелью. Къ труду относятся съ презрѣніемъ и довольствуются во внутреннихъ отношеніяхъ самымъ minimum'омъ справедливости. Когда же соціальная кооперація направлена, главнымъ образомъ, на взаимную поддержку членовъ общества, всякое нападеніе теряетъ свое обаяніе, кража даже у враговъ перестаетъ быть подвигомъ, месть необходимостью, ложь вызываетъ осужденія. Чувство справедливости начинаетъ проникать взаимныя отношенія гражданъ, трудъ становится обязанностью, а политическое подчиненіе доходитъ до такого minimum'а, что покорность деспоту вызываетъ только презрѣніе. Нѣсомнѣнно, что національныя черты, унаслѣдованныя народами отъ прошлаго, вѣковые обычаи, религіозныя мнѣнія и конкретныя условія жизни нѣсколько затемняютъ это соотношеніе, но въ общемъ оно, все-таки, выступаетъ до нельзя рельефно. Вотъ ключъ къ объясненію того факта, что у различныхъ народовъ, а иногда даже у одного и того же народа (перемѣна условій жизни), господствуютъ различныя, часто діаметрально противуположныя нравственныя понятія и чувства. Я привелъ массу доказательствъ въ подтвержденіе этого взгляда,—говоритъ Спенсеръ, — но ихъ не безполезно подкрѣпить серіей противупоставленій. Убійство и воровство считаются у насъ страшнымъ преступленіемъ. Они запрещены религіей, караются закономъ и общественнымъ мнѣніемъ. А, между тѣмъ, въ Белуджистанѣ преобладаютъ совсѣмъ другія понятія и чувства. Народная поговорка гласитъ тамъ, что «воръ и убійца открываютъ двери рая семи поколѣніямъ своего потомства». Теперь въ Англіи рабство считается позоромъ, во времена же Елизаветы, когда былъ начатъ торгъ неграми, общество и правительство наградило его дружнымъ взрывомъ одобренія. Въ настоящее время цивилизованныя націи признаютъ до извѣстной степени права женщинъ и не считаютъ ихъ вещью мужчины. Сами женщины стремятся расширить свою свободу какъ въ сферѣ семейной, такъ и политической жизни. У фиджійцевъ же, наоборотъ, жены вождей вмѣняютъ себѣ въ обязанность умереть на трупѣ мужа и т. д.

И такъ, мы видимъ, что, во всѣхъ сферахъ человѣческаго пове... ія, мнѣнія и чувства различныхъ народовъ далеко не одинаковы и часто ...же діаметрально противуположны. Факты, приведенные нами,—замѣчаетъ ... нсеръ,—краснорѣчиво опровергаютъ доктрину о врожденномъ нравстве... мъ чувствѣ. Такъ какъ одни народы вѣрятъ въ то, что нераскаянный ... ръ

понесетъ небесную кару, а другіе, наоборотъ, утверждаютъ, что «Богъ отвергнетъ того, кто не грабитъ и не крадетъ», я не могу признать,—говоритъ онъ,—врожденность нравственныхъ чувствъ. Несмотря, однако, на всѣ свои недочеты, доктрина интуитивной школы даетъ намъ намекъ на одну чрезвычайно важную истину. Факты единогласно подтверждаютъ, что идеи и чувства каждаго народа приспособляются къ преобладающему роду общественной дѣятельности. Жизнь, полная вражды, порождаетъ нравственный кодексъ, который одобряетъ всякаго рода насилія и осуждаетъ мирныя занятія. Напротивъ, жизнь, проникнутая внутреннею солидарностью членовъ общества, предписываетъ всѣ добродѣтели, какія только свойственны мирной коопераціи. Если внѣшній и внутренній миръ будетъ длиться изъ поколѣнія въ поколѣніе, онъ породитъ не только соотвѣтствующій кодексъ, онъ создастъ и нравственное чувство, приспособитъ самую природу человѣка къ требованіямъ нравственности. Тогда люди будутъ обладать этимъ желаннымъ руководителемъ — врожденною совѣстью, которую моралисты интуитивной школы ошибочно предполагаютъ теперь во всемъ человѣчествѣ.

И. К—на.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Помолвка Наслѣдника Цесаревича.—Учрежденіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.—Новыя вѣдомства, входящія въ составъ министерства.—Его отличительныя особенности и условія для его вліянія на народное хозяйство.—Центральный кустарный комитетъ и его задачи.—Государственная 4%-ная рента.—Коммиссія для пересмотра судебныхъ уставовъ.—Открытіе въ Гельсингфорсѣ памятника Императору Александру II.

Его Императорское Высочество Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ помолвленъ съ ея великогерцогскимъ высочествомъ принцессой Алисой Гессенской, сестрою супруги Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, Великой Княгини Елисаветы Ѳедоровны. Это событіе привѣтствуется русскою, германскою, англійскою и итальянскою печатью, какъ новый и радостный залогъ европейскаго мира. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ и во многихъ другихъ городахъ помолвка Наслѣдника престола была отпраздновапа съ большою торжественностью. На поздравленіе отъ имени Москвы, принесенное въ отсутствіе Великаго Князя, московскаго генералъ-губернатора, исправляющимъ эти обязанности московскимъ губернаторомъ, Государь Императоръ отвѣтилъ слѣдующею телеграммой: «Императрица и Я искренно благодаримъ Москву за ея привѣтъ и поздравленіе съ великимъ семейнымъ событіемъ, помолвкою Наслѣдника Цесаревича. Не сомнѣваюсь въ искренности и сердечности чувствъ Первопрестольной». Московская городская дума поручила управѣ ко времени предстоящаго бракосочетанія Наслѣдника престола представить соображенія о томъ, какъ Москвѣ достойно ознаменовать это событіе. Однимъ изъ лучшихъ способовъ было бы, по нашему мнѣнію, учрежденіе начальныхъ школъ имени Его Императорскаго Высочества и Его Августѣйшей Невѣсты. Въ школахъ этихъ чувствуется сильный недостатокъ и Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ во время своего пребыванія въ Москвѣ выразилъ къ начальной городской школѣ заботливое участіе.

---

21 марта высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о преобразованіи министерства государственныхъ имуществъ въ министерство

земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Съ финансовой стороны преобразованіе является для казны не только не обременительнымъ, но почти незамѣтнымъ: законъ постановляетъ въ дополненіе къ суммамъ на содержаніе центральнаго управленія министерства государственныхъ имуществъ, отпущеннымъ въ 1894 году, отпустить 180,000 рублей. Въ составъ министерства входятъ слѣдующія учрежденія: сельско-хозяйственный совѣтъ, горный совѣтъ, ученый комитетъ, департаментъ земледѣлія, отдѣлъ сельско-хозяйственной экономіи и сельско-хозяйственной статистики съ кустарнымъ комитетомъ, отдѣлъ земельныхъ улучшеній, лѣсной департаментъ, лѣсной спеціальный комитетъ, горный департаментъ, департаментъ государственныхъ земельныхъ имуществъ и канцелярія министра. Мы находимъ, такимъ образомъ, въ новомъ и старыя вѣдомства, входившія въ составъ министерства государственныхъ имуществъ, и новые органы, стоящіе въ тѣснѣйшей связи съ сельскимъ хозяйствомъ.

Среди отдѣловъ министерства земледѣлія законъ поставилъ на первое мѣсто сельско-хозяйственный совѣтъ, дабы тѣмъ отмѣтить главныя задачи, возложенныя на министерство. По ст. 25, «сельско-хозяйственный совѣтъ учреждается для обсужденія мѣръ, имѣющихъ цѣлью развитіе и усовершенствованіе сельскаго хозяйства вообще и отдѣльныхъ его отраслей въ частности». Въ составъ совѣта, кромѣ разныхъ должностныхъ лицъ министерства, входятъ по одному члену отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія и Императорскаго двора и удѣловъ, а также 15 членовъ изъ числа сельскихъ хозяевъ и, вообще, лицъ, близко знакомыхъ съ нуждами и интересами сельскаго хозяйства. Послѣдніе 15 членовъ приглашаются министромъ на 1 годъ и утверждаются въ званіи высочайшею властью. Совѣтъ собирается ежегодно, преимущественно въ зимніе мѣсяцы, на одну сессію, продолжительностью не свыше 6 недѣль. Кромѣ членовъ, въ совѣтъ, по усмотрѣнію министра или предсѣдателя, который заступаетъ его мѣсто, могутъ быть приглашаемы съ правомъ совѣщательнаго голоса лица, обладающія спеціальными знаніями по вопросамъ, разсматриваемымъ въ совѣтѣ. На разсмотрѣніе совѣта вносятся: 1) предположенія объ изданіи новыхъ законовъ, относящихся до сельскаго хозяйства, а также о дополненіи, измѣненіи и отмѣнѣ дѣйствующихъ по этой части узаконеній; 2) заявленія и ходатайства сельско-хозяйственныхъ обществъ и съѣздовъ, земскихъ и иныхъ учрежденій, а также частныхъ лицъ, касающіяся общихъ правительственныхъ мѣръ въ отношеніи сельскаго хозяйства, и 3) всѣ вообще вопросы и дѣла, по которымъ министръ признаетъ необходимымъ выслушать мнѣніе совѣта. Положеніе о горномъ совѣтѣ гораздо болѣе кратко; однако, ст. [illegible] опредѣляетъ, что въ его составъ, кромѣ членовъ разныхъ вѣдомствъ, вхо[illegible]ъ и особые члены, назначаемые высочайшею властью. Статьи 50—69 опр[illegible]ляютъ составъ и функціи ученаго комитета министерства земледѣлія. Онъ [illegible]мѣетъ предсѣдателя, членовъ, завѣдующихъ особымъ бюро—по почвовѣ[illegible] ботаникѣ, сельско-хозяйственной механикѣ, бактеріологіи и проч.,

членовъ-корреспондентовъ, почетныхъ членовъ; въ его засѣданія могутъ быть приглашаемы также сторонніе лица, способные принести дѣлу пользу своими спеціальными знаніями. Ст. 61 весьма подробно перечисляетъ обязанности ученаго комитета. 1) Обсужденіе основаній производства научныхъ изысканій и опытовъ въ области сельскаго хозяйства, устройства сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станцій, лабораторій, опытныхъ полей и т. п. заведеній; 2) составленіе программъ работъ и инструкцій для сихъ заведеній, а также исчисленіе потребныхъ на ихъ устройство расходовъ; 3) изысканіе мѣръ противъ фальсификаціи питательныхъ и кормовыхъ продуктовъ, сѣмянъ и удобрительныхъ веществъ; 4) разработка положеній, уставовъ, учебныхъ плановъ и программъ для учебно-хозяйственныхъ заведеній и для курсовъ по отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства; 5) разсмотрѣніе отчетовъ о дѣятельности опытныхъ и метеорологическихъ станцій и т. п. установленій; 6) составленіе и обнародованіе задачъ для публичныхъ конкурсовъ, разсмотрѣніе отвѣтовъ и присужденіе установленныхъ за рѣшеніе сихъ задачъ наградъ; 7) разсмотрѣніе сочиненій по части сельскаго хозяйства и учебниковъ по спеціальнымъ предметамъ вѣдѣнія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, представляемыхъ въ оное для полученія одобренія или рекомендаціи къ употребленію въ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ; 8) разсмотрѣніе вопросовъ о выдачѣ привилегій на изобрѣтенія въ области сельскаго хозяйства; 9) обсужденіе и разрѣшеніе заявленій частныхъ лицъ по вопросамъ, до сельскаго хозяйства относящимся; 10) обсужденіе заслугъ по сельскому хозяйству и опредѣленіе наградъ за оныя; 11) присужденіе наградъ за усовершенствованія и изобрѣтенія въ области сельскаго хозяйства; 12) разсмотрѣніе годового отчета комитета, а равно отчетовъ членовъ комитета по ревизіи и осмотру ими спеціальныхъ учрежденій, а также представленіе заключеній по этимъ отчетамъ, и 13) разсмотрѣніе всѣхъ вообще вопросовъ, которые министръ признаетъ нужнымъ внести на обсужденіе комитета. Новымъ органомъ является также отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики съ кустарнымъ комитетомъ. Отдѣлъ разрабатываетъ торгово-промышленные и экономическіе вопросы, относящіеся до сельскаго хозяйства, собираетъ и издаетъ статистическія свѣдѣнія и проч. Во главѣ кустарнаго комитета стоитъ особое лицо, назначаемое министромъ; въ члены зачисляется нѣсколько чиновъ министерства земледѣлія, а также особыя, назначаемыя министромъ, лица. При обсужденіи спеціальныхъ вопросовъ въ засѣданія комитета могутъ быть приглашаемы, съ правомъ совѣщательнаго голоса, и свѣдущія постороннія лица. Отмѣтимъ отдѣлъ земельныхъ улучшеній: онъ вѣдаетъ дѣла по орош[illegible]ю и обводненію земель, по осушенію болотъ и торфодобыванію, по за[illegible]-дательнымъ вопросамъ, которые относятся къ этимъ предметамъ, и по [illegible]-дезической и чертежной частямъ. Забота о лѣсномъ хозяйствѣ сосред[illegible]-чивается въ лѣсномъ департаментѣ и во вновь созданномъ лѣсномъ [illegible]-ціальномъ комитетѣ. Въ составъ его, кромѣ чиновъ министерства, мо[illegible]т

быть приглашаемы также и сторонніе лица. Разсмотрѣнію комитета подлежатъ: проекты уставовъ лѣсныхъ обществъ, съѣздовъ и лѣсопромышленныхъ товариществъ, предположенія о способахъ собиранія матеріаловъ по лѣсной промышленности, общія мѣры по лѣсоустройству и лѣсоразведенію и проч. Законъ весьма подробно опредѣляетъ также предѣлы вѣдомства горнаго департамента и горнаго ученаго комитета. Наконецъ, государственныя земельныя имущества состоятъ въ вѣдѣніи особаго департамента, на который возложено, кромѣ управленія казенными землями и разнаго рода оброчными статьями, также поземельное устройство государственныхъ крестьянъ въ Сибири и на Кавказѣ и дѣла о крестьянскихъ переселеніяхъ.

Ознакомленіе съ уставомъ министерства земледѣлія заставляетъ дать этому новому органу центральнаго управленія такую общую характеристику: 1) Въ министерствѣ представлены самыя разнообразныя отрасли земледѣлія и другихъ видовъ добывающей промышленности. Было бы трудно указать такой чисто-спеціальный интересъ сельскаго хозяйства, лѣсоводства, горнаго дѣла, вѣдѣніе котораго не относилось бы къ одному изъ департаментовъ или отдѣловъ преобразованнаго министерства. 2) Въ составъ министерства входятъ какъ органы, предназначенные для управленія отдѣльными отраслями сельскаго хозяйства и другихъ добывающихъ промысловъ, такъ и органы, предназначенные для изученія всей этой обширной области, для собранія о ней первоначальныхъ статистическихъ свѣдѣній и для научной ихъ обработки. Органы изучающіе, собирающіе свѣдѣнія и перерабатывающіе ихъ довольно многочисленны: таковъ, прежде всего, отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики; таковы затѣмъ ученый комитетъ, лѣсной спеціальный комитетъ, геодезическій комитетъ и горный ученый комитетъ. Наличность большого числа органовъ, завѣдывающихъ учеными работами, служитъ ручательствомъ за то, что каждый практическій вопросъ можетъ быть рѣшаемъ не только эмпирически, но при помощи всего матеріала, который находится въ распоряженіи науки. Отмѣтимъ, наконецъ, и 3) довольно широкіе предѣлы, которые отведены для представительства лицъ и учрежденій, заинтересованныхъ въ какой-либо сторонѣ дѣятельности министерства. Мы находимъ въ составѣ многихъ органовъ министерства довольно большое число частныхъ лицъ: въ нѣкоторыхъ они имѣютъ только совѣщательный голосъ, въ другихъ же—сельско-хозяйственный совѣтъ и кустарный комитетъ—имъ принадлежитъ и рѣшающій голосъ. Всѣ эти условія въ значительной мѣрѣ обезпечиваютъ успѣшную дѣятельность министерства земледѣлія.

Слѣдуетъ, однако, припомнить еще болѣе важныя условія, необходимыя для того, чтобы новое министерство исполнило хотя часть того, чего отъ него ожидаютъ. Во *Внутреннемъ обозрѣніи* за январь нынѣшняго года мы перечислили рядъ условій, наличность которыхъ имѣетъ первостепенное значеніе. Не повторяя того, что уже было сказано, отмѣтимъ здѣсь еще одинъ способъ привлеченія частныхъ лицъ въ составъ разныхъ вѣдомствъ министерства. Возьмемъ, напримѣръ, сельско-хозяйственный совѣтъ. Въ его

составъ входятъ 15 членовъ изъ числа сельскихъ хозяевъ или лицъ, близко знакомыхъ съ нуждами сельскаго хозяйства. Ст. 29 предоставляетъ министру приглашать этихъ лицъ. Для того, чтобы можно было извлечь наибольшую пользу изъ русскихъ людей, близко знакомыхъ съ нуждами сельскаго хозяйства, нужно руководствоваться такими соображеніями: 1) Обновлять составъ этихъ 15 членовъ такъ, чтобы въ нихъ находили себѣ представительство всѣ полосы Имперіи и даже всѣ губерніи. Будетъ нецѣлесообразно, если къ участію въ совѣтѣ будутъ призываться все одни и тѣ же лица. Знакомыя съ нѣкоторыми губерніями, они не будутъ въ состояніи служить вѣрными выразителями потребностей и нуждъ большинства мѣстностей нашего обширнаго отечества; 2) было бы также цѣлесообразно, чтобы министръ, приглашая этихъ членовъ, руководствовался не положеніемъ, которое они занимаютъ, не размѣрами ихъ землевладѣнія, а ихъ преданностью сельскому хозяйству и степенью знакомства съ важнѣйшими его отраслями. Губернскіе и уѣздные предводители дворянства, предсѣдатели земскихъ управъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ, очень крупные землевладѣльцы и немногіе, прославившіеся своею дѣятельностью, сельскіе хозяева, какъ ни разсѣяны они по Русской землѣ, извѣстны и въ Петербургѣ, и министру не трудно будетъ именно ихъ приглашать къ участію въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ. Многіе изъ нихъ могутъ быть очень полезны. Но повсюду, среди болѣе скромныхъ сельскихъ хозяевъ, есть лица, отлично знакомыя съ дѣломъ. Они работаютъ тихо, безшумно, не имѣютъ громкой извѣстности, но являются отличными практиками, нерѣдко съ хорошею теоретическою подготовкой и съ вѣрнымъ взглядомъ на потребности русскаго сельскаго хозяйства. Непосредственно изъ Петербурга трудно, а иногда и невозможно отыскать этихъ людей; но въ своей губерніи, тѣмъ болѣе въ уѣздѣ, они хорошо знакомы. Было бы, поэтому, полезно для дѣла, чтобы министръ земледѣлія отыскивалъ такихъ хозяевъ чрезъ посредство земствъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ. Мы считаемъ вполнѣ цѣлесообразнымъ такой порядокъ, чтобы министръ земледѣлія предлагалъ земскимъ управамъ и сельско-хозяйственнымъ обществамъ указывать тѣхъ хозяевъ губерніи, которые могли бы быть пригодными членами сельско-хозяйственнаго совѣта. Такія предложенія не должны быть голословными: при нихъ слѣдовало бы сообщать свѣдѣнія о дѣятельности даннаго лица, насколько въ ней обнаружилось знакомство съ сельско-хозяйственнымъ дѣломъ и преданность этому занятію. Только при такомъ порядкѣ министръ земледѣлія будетъ располагать очень обильнымъ матеріаломъ, который позволитъ наиболѣе цѣлесообразно обновлять составъ сельско-хозяйственнаго совѣта.

Отмѣтимъ, наконецъ, третій и самый важный пунктъ—*всесторонность*, съ которой будутъ представлены интересы русскаго сельскаго хозяйства. У насъ есть крупное и мелкое землевладѣніе, крупное и среднее частновладѣльческое хозяйство и мелкое крестьянское. Интересы того и другого совпадаютъ далеко не всегда и не во всемъ. Если всѣ 15 членовъ, и

глашаемые въ сельско-хозяйственный совѣтъ, будутъ принадлежать къ крупнымъ и среднимъ землевладѣльцамъ, то даже при ихъ близкомъ знакомствѣ съ дѣломъ интересы мелкаго владѣнія и хозяйства не будутъ представлены. Мы допускаемъ, что, при такомъ составѣ, дѣятельность сельско-хозяйственнаго совѣта можетъ прямо не приносить вреда крестьянскому хозяйству. Но такъ какъ эта дѣятельность будетъ направлена на содѣйствіе преимущественно крупному и среднему землевладѣнію, она будетъ относительно увеличивать его преимущества, и крестьянское хозяйство, весьма слабое и нынѣ, будетъ становиться еще болѣе слабымъ. Можно предупредить этотъ недостатокъ такою организаціей совѣта, чтобы въ немъ нашли себѣ полное представительство нужды крестьянскаго хозяйства. Для этого въ составѣ совѣта должно быть нѣсколько лицъ, близко знакомыхъ именно съ крестьянскимъ хозяйствомъ. Такому требованію наиболѣе удовлетворяютъ тѣ земскіе люди въ разныхъ губерніяхъ, которые поработали надъ мѣропріятіями для развитія крестьянскаго хозяйства. За послѣдніе годы земства нѣкоторыхъ губерній (назовемъ въ особенности Московскую, Пермскую, Петербургскую, Полтавскую, Смоленскую, Тверскую) обнаружили большое вниманіе къ нуждамъ крестьянскаго хозяйства и приняли различныя мѣры, способныя поддержать его. Работая въ этомъ направленіи, земскіе люди названныхъ, а частью и другихъ губерній, близко изучили нужды мелкаго землевладѣнія; именно они и могутъ быть въ составѣ сельско-хозяйственнаго совѣта наиболѣе свѣдущими судьями о томъ, что полезно предпринять въ интересахъ мелкихъ хозяевъ. Кромѣ этихъ лицъ, мѣстами найдутся самые мелкіе хозяева,—изъ крестьянъ и другихъ сословій,—знакомые съ потребностями этой среды, поработавшіе на ея пользу и достойные быть ея представителями въ правительственномъ учрежденіи. Если будетъ установлено, какъ принципъ, привлеченіе въ составъ сельско-хозяйственнаго совѣта представителей не только крупнаго и средняго хозяйства, но и мелкаго, то мы получимъ организацію, которая будетъ способна оказать многосторонне доброе вліяніе на нашъ земледѣльческій бытъ.

Въ министерствѣ земледѣлія отведенъ небольшой уголокъ и для заботъ о кустарной промышленности. Найдется не много вопросовъ русскаго народнаго хозяйства, о которыхъ было бы такъ много написано, какъ о кустарныхъ промыслахъ. Сдѣлано же очень мало. Незначительность практическихъ мѣръ на пользу кустарей объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что крупная промышленность вторгается во многія области, гдѣ еще недавно господствовалъ кустарный трудъ, и дѣлаетъ необходимыми для поддержанія подѣдняго очень сложныя мѣры, требующія и хорошо подготовленныхъ лицъ, ихъ силъ, и значительныхъ имущественныхъ средствъ. Кустарный комитетъ, входящій въ составъ министерства земледѣлія, является центральнымъ учрежденіемъ, къ которому должны сводиться всѣ нити по завѣдыванію кустарнымъ производствомъ. Согласно съ общимъ планомъ, который положенъ въ основаніе организаціи министерства, и управленіе кустарною

промышленностью должно сосредоточиваться не только въ центрѣ, но и на мѣстахъ — въ губерніяхъ, уѣздахъ и селеніяхъ. Подробности организаціи кустарнаго комитета и мѣстныхъ органовъ по кустарной промышленности представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Кромѣ комитета, министерство организуетъ при кустарномъ музеѣ министерства постоянное справочное бюро для облегченія сношеній съ учрежденіями и лицами по разнымъ, чисто-практическимъ, вопросамъ, касающимся кустарной промышленности (именно по вопросамъ техническаго, торгово-промышленнаго, адреснаго и т. п. характера), небольшую лабораторію и техника, который могъ бы производить, въ случаѣ надобности, анализы гончарныхъ глинъ, красильныхъ веществъ и т. п. Исполнительнымъ органомъ центральнаго комитета служитъ особое дѣлопроизводство по кустарнымъ и крестьянскимъ дѣламъ, входящее въ составъ отдѣла сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики. Дѣятельность центральнаго кустарнаго комитета можетъ достигать цѣли лишь въ томъ случаѣ, если въ помощь ему будутъ учреждены на мѣстахъ спеціальные органы, заботящіеся о развитіи и улучшеніи мѣстной кустарной промышленности. Для этого признано цѣлесообразнымъ организовать въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ наиболѣе распространены кустарные промыслы, губернскіе кустарные комитеты, существующіе и нынѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (напримѣръ, въ Вологодской, Вятской, Рязанской и др.), во главѣ которыхъ могли бы быть поставлены наиболѣе авторитетные мѣстные дѣятели, а губернаторамъ, по предположенію министерства, должно быть предоставлено почетное предсѣдательство. Въ составъ губернскихъ кустарныхъ комитетовъ должны бы входить представители мѣстной администраціи, земства и другія лица обоего пола, изъявившія желаніе принять участіе въ дѣлахъ комитета, по приглашенію его предсѣдателя. Губернскіе кустарные комитеты, имѣющіе сноситься непосредственно съ министерствомъ земледѣлія (по отдѣлу сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики), должны бы имѣть уѣздныя, а мѣстами и сельскія учрежденія, преслѣдующія тѣ же цѣли, какъ и упомянутые комитеты. Уѣздныя кустарныя учрежденія, подобно губернскимъ, могли бы быть организованы въ видѣ комитетовъ, а сельскія — въ видѣ попечительствъ. Въ сельскихъ кустарныхъ попечительствахъ могли бы, какъ предполагаетъ министерство, принимать участіе мѣстные землевладѣльцы, управляющіе имѣніями, священники, земскіе начальники, податные инспекторы и нѣкоторыя другія лица. Попечительства эти могли бы учреждаться уѣздными кустарными комитетами. Подобнаго рода кустарныя попечительства уже существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напримѣръ, въ Новгородскомъ уѣздѣ). Сельскія попечительства должны бы имѣть исполнителей или агентовъ въ лицѣ отдѣльныхъ попечителей, попечительницъ, сотрудниковъ и сотрудницъ, приглашеніе которыхъ предоставлено министру государственныхъ имуществъ высочайше утвержденнымъ 21 марта 1888 года мнѣніемъ государственнаго совѣта (п. III). Попечительства, непосредственно или черезъ упомянутыхъ выше агентовъ, должны бы, подъ руководствомъ

мѣстныхъ кустарныхъ комитетовъ, оказывать возможную помощь кустарямъ по улучшенію технической постановки разныхъ отраслей кустарнаго производства, снабжая кустарей моделями, образцами, рисунками, сырыми матеріалами и т. п. предметами, получаемыми отъ губернскихъ или уѣздныхъ кустарныхъ комитетовъ. Равнымъ образомъ, попечительства могли бы устраивать учрежденія для сбыта кустарныхъ издѣлій, постоянныя выставки, склады, кустарныя конторы, крестьянскія общественныя лавки и т. п.

Упомянутыя уѣздныя и сельскія учрежденія должны быть организованы, по возможности, только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе или менѣе значительно распространены кустарные промыслы.

Можно согласиться съ тѣмъ, что желательна наличность возможно большаго числа людей, которые толково заботятся о нуждахъ кустарныхъ промысловъ. Однако, предположенная организація слишкомъ сложна; она вызываетъ опасенія, что о кустаряхъ будетъ много переписки, но мало настоящаго дѣла, которое могло бы принести имъ пользу. Въ планѣ, который начертало министерство земледѣлія, ничего не говорится о порядкѣ сношеній между органами, созидаемыми для заботъ о кустаряхъ. Но самое пріуроченіе этихъ органовъ къ губерніи, уѣзду, волости или селенію заставляетъ думать, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ кустарный промыселъ можетъ получить содѣйствіе отъ центральнаго комитета только послѣ того, какъ его ходатайство постепенно пройдетъ всѣ инстанціи, начиная отъ агентовъ, состоящихъ при сельскихъ попечительствахъ. Такой порядокъ безъ надобности усложнитъ дѣло. Намѣченные органы могутъ быть полезны; есть основаніе высказаться за то, чтобъ они были пріурочены именно къ административнымъ единицамъ — губерніямъ и уѣздамъ, ибо предѣлы уѣзда и губерніи служатъ также для многихъ людей предѣлами, въ которые включено ихъ знакомство съ народнымъ бытомъ: земскій дѣятель, помѣщикъ, учитель, священникъ, чиновникъ обыкновенно лучше знаютъ условія быта своего уѣзда и своей губерніи, нежели сосѣднихъ губерній, а потому и цѣлесообразно учрежденіе уѣздныхъ и губернскихъ органовъ для завѣдыванія кустарными промыслами. Но мы не можемъ вполнѣ присоединиться къ плану министерства относительно устройства мѣстныхъ кустарныхъ комитетовъ. Они предполагаются административными учрежденіями, находящимися подъ почетнымъ предсѣдательствомъ губернатора. Губернаторъ, какъ начальникъ губерніи, является ео ipso начальникомъ правительственныхъ и земскихъ учрежденій, которыя дѣйствуютъ въ губерніи, а потому нѣтъ надобности особо упоминать о его предсѣдательствѣ. Спеціальное указаніе на его предсѣдательство связано и съ тѣмъ неудобствомъ, что губернаторъ имѣетъ очень много обязанностей, и возможно, что кустарный комитетъ, находясь подъ его руководствомъ, не будетъ дѣйствовать съ тою энергіей, какая была бы желательна. Гораздо болѣе правильно [illegible]ржаться уже сложившейся организаціи. А она представляетъ типъ земскихъ губернскихъ и уѣздныхъ кустарныхъ комитетовъ. Московская и Пе[illegible]ая губерніи имѣютъ наиболѣе законченную организацію этого рода;

однако, начало положено также въ Вятской и Рязанской губерніяхъ. Такъ какъ уже есть прецеденты, такъ какъ попеченіе о кустарныхъ промыслахъ составляетъ одну изъ задачъ земской дѣятельности, то естественно сохранить эту организацію, развивъ и дополнивъ ее сообразно съ мѣстными условіями въ отдѣльныхъ районахъ. Министерство не сдѣлаетъ ошибки, если будетъ держаться сложившихся типовъ. Въ Московской и Пермской губерніяхъ земства уже не мало потрудились на пользу кустарной промышленности, и если и въ другихъ губерніяхъ возникнутъ кустарные комитеты, то къ нимъ охотно примкнутъ всѣ мѣстные дѣятели,—какъ чиновники, такъ и частныя лица,—которые имѣютъ охоту потрудиться на этомъ поприщѣ. Губернаторъ, не будучи предсѣдателемъ кустарнаго комитета, всегда можетъ занять относительно его такое мѣсто, какое соотвѣтствуетъ его служебному положенію. Если у него явится охота посѣщать иногда засѣданія губернскаго кустарнаго комитета, то, конечно, ему предложатъ почетное мѣсто; если онъ обратитъ вниманіе комитета на какой-либо промыселъ, то комететъ старательно обсудитъ его предложеніе. Такъ какъ только въ распоряженіи земствъ губернскихъ и уѣздныхъ находятся нѣкоторыя средства на содѣйствіе кустарямъ, то земствамъ и естественно организовать это дѣло въ предѣлахъ уѣздовъ и губерній. Сельскія попечительства представляются намъ органомъ, который всего труднѣе пріурочить къ какой-нибудь административной единицѣ. Таковою не можетъ служить волость, ибо самая просвѣщенная часть населенія — землевладѣльцы и священники—не входитъ въ составъ волости. По той же причинѣ единицей не можетъ служить часто и сельское общество. Наконецъ, неудобно пріурочить попечительства и къ приходамъ, такъ какъ кустарный промыселъ, сколько-нибудь распространенный, часто не совпадаетъ съ предѣлами прихода. Всего болѣе правильно пріурочивать сельскія попечительства къ отдѣльнымъ кустарнымъ промысламъ. Гдѣ промыселъ ограничивается однимъ селеніемъ, тамъ границы попечительства будутъ совпадать съ границами деревни; гдѣ промыселъ занимаетъ нѣсколько селеній, тамъ предѣлы попечительствъ будутъ шире границъ одной деревни. Членами сельскихъ попечительствъ будутъ преимущественно тѣ лица, которыя, имѣя прочную и постоянную осѣдлость, мало выходятъ за ея предѣлы, связаны съ нею всѣми своими интересами, а потому и желательно, чтобы они съуживали свои задачи, изучали во всѣхъ подробностяхъ отдѣльный промыселъ и старались принести ему посильную помощь.

Центральный кустарный комитетъ станетъ на невѣрный путь, если будетъ держаться строго-іерархическаго начала въ сношеніяхъ съ мѣстными органами по кустарному дѣлу. Нужно упростить этотъ порядокъ. Нужно, чтобы къ нему могли непосредственно обращаться какъ губернскіе кустарные комитеты, такъ уѣздные, такъ, наконецъ, и сельскія попечительства. Кто бы ни обращался къ нему изъ названныхъ органовъ, разъ будетъ возможно удовлетворить ту или другую нужду кустарей, то и слѣдуетъ удовлетворить ее.

Укажемъ на другой, еще болѣе важный пунктъ въ дѣлѣ поддержанія кустарныхъ промысловъ,—на систему, по которой должна быть построена дѣятельность центральнаго комитета. Ходатайства, поступившія въ центральный комитетъ, представляютъ обрывки, лишенные между собою какой-либо опредѣленной связи. Изъ одной губерніи просятъ о содѣйствіи гончарной мастерской, изъ другой—о пособіи для приглашенія учительницы, которая могла бы обучать ткачеству, и т. д. Министерство земледѣлія имѣетъ очень скромныя, даже скудныя средства для поддержанія кустарныхъ промысловъ: они не превышаютъ 60,000 рублей въ годъ; изъ нихъ значительная доля пойдетъ на содержаніе личнаго состава, командировки чиновъ министерства въ районы распространенія кустарныхъ промысловъ. Если удовлетворить, насколько позволяютъ средства, нѣкоторыя ходатайства, то получится дѣятельность безъ всякаго опредѣленнаго плана, безъ ясно сознанной системы,—получится дѣятельность, которую можно уподобить раздачѣ денежной суммы по столько-то копѣекъ на кустаря. Эти затраты не только пройдутъ совершенно безслѣдно для нашей сельской промышленности въ ея цѣломъ, но, быть можетъ, принесутъ очень мало пользы даже для небольшихъ клочковъ отдѣльныхъ кустарно-промышленныхъ районовъ. Но и съ небольшими денежными средствами можно сдѣлать что-нибудь полезное, разъ дѣятельность будетъ построена по строго-опредѣленному плану.

Съ понятіемъ о систематическомъ содѣйствіи кустарнымъ промысламъ связано, прежде всего, привлеченіе къ дѣлу возможно большаго числа людей, что можетъ быть достигнуто цѣлесообразнымъ устройствомъ мѣстныхъ органовъ, какъ мы уже указали выше. Затѣмъ необходимо начало послѣдовательности, которое должно обнаружиться въ планомѣрномъ переходѣ отъ одного промысла къ другому. Дѣятельность министерства должна ограничиться тѣми промыслами, которые имѣютъ наибольшую жизненность и могутъ быть не только поддержаны, но и далѣе развиты. Припомнимъ, что среди множества разнообразныхъ кустарныхъ промысловъ наиболѣе выдающіяся мѣста принадлежатъ обработкѣ дерева, металловъ, глины, кожи и волокнистыхъ веществъ. Первый промыселъ отличается наибольшею жизненностью и занимаетъ самое видное мѣсто среди сельскихъ производствъ. Мы можемъ отмѣтить двѣ главныя причины этого явленія. Техника по обработкѣ металловъ, глины, волокнистыхъ веществъ сдѣлала гораздо большіе успѣхи, чѣмъ по обработкѣ дерева; въ первыхъ отрасляхъ переходъ мелкаго производства въ крупное гораздо болѣе замѣтенъ, нежели въ древодѣлочномъ промыслѣ. Такой переходъ совершается и въ нашемъ отечествѣ, и въ Западной Европѣ. Среди кустарныхъ промысловъ, которые сохранились почти въ исконной неприкосновенности въ Швейцаріи, Тюрингіи, Баварскихъ Альпахъ, Тиролѣ, приготовленіе разныхъ издѣлій изъ дерева занимаетъ первое мѣсто. Многіе же другіе промыслы утратили форму кустарныхъ. Можно сказать то же и о нашемъ отечествѣ: свѣтелки ярославскихъ кустарей, приготовлявшихъ полотна, закрываются подъ вліяні-

емъ соперничества ткацкихъ фабрикъ и мануфактуръ; тверскіе гвоздари еще съ 70-хъ годовъ стонутъ подъ непосильною конкурренціей съ машинно-гвоздарнымъ производствомъ; многіе кустари тульскаго и павловскаго районовъ уже сдѣлались фабричными работниками. Въ промыслѣ же древодѣловъ техника еще сохранила характеръ ремесленнаго производства, даже при изготовленіи болѣе цѣнныхъ издѣлій. Но бо́льшая жизнеспособность этихъ промысловъ можетъ быть приведена въ связь и съ родомъ матеріаловъ: кустарь можетъ тѣмъ дольше удержать свое положеніе, чѣмъ дешевле матеріалъ, чѣмъ онъ доступнѣе, чѣмъ меньшій нуженъ оборотный капиталъ для его пріобрѣтенія. Именно промыслы по обработкѣ дерева представляютъ всѣ эти условія: если откинуть кустарей, производящихъ орѣховую и, частью, дубовую мебель, то останется огромное большинство, которое приготовляетъ издѣлія изъ очень дешеваго, мѣстнаго матеріала. Чѣмъ болѣе жизнеспособенъ промыселъ, тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно разсчитывать на успѣшность разнообразныхъ мѣропріятій. Поэтому, дѣлая для всѣхъ кустарныхъ промысловъ Россіи то, что можно, нужно намѣтить производства по обработкѣ дерева, какъ поле, гдѣ могутъ прилагаться различныя мѣропріятія съ наибольшею надеждой на успѣхъ.

Необходима также послѣдовательность въ переходѣ отъ одной мѣры къ другой; нужно начинать съ простѣйшихъ и уже отъ нихъ переходить къ болѣе сложнымъ; нужно стараться, прежде всего, усилить въ обстановкѣ даннаго промысла дѣйствіе тѣхъ условій, которыя могутъ благопріятствовать его дальнѣйшему развитію. Нужды каждаго промысла многочисленны. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть устранены и помимо измѣненій въ техническихъ особенностяхъ производства или въ организаціи труда. Многіе промыслы находятся въ удрученномъ состояніи потому, что имѣютъ недостаточный, случайный, необезпеченный сбытъ издѣлій или же имѣютъ довольно большой сбытъ, но товаръ, передвигаясь отъ кустаря къ потребителямъ, проходитъ чрезъ руки посредниковъ, къ которымъ и прилипаетъ всегда значительная, а иногда и чрезмѣрная часть цѣны, выручаемой за издѣліе. Въ подобныхъ случаяхъ техника промысла не совершенна, его товары уступаютъ заграничнымъ или даже туземнымъ издѣліямъ городскихъ ремесленниковъ, но все же удовлетворяютъ извѣстную потребность. Расширить сбытъ, поставить кустаря въ прямую связь съ потребителями—вотъ одна изъ главныхъ задачъ, рѣшеніе которой можетъ не только въ сравнительно короткое время улучшить быть данныхъ кустарей, но и обезпечить успѣхъ всѣмъ другимъ мѣропріятіямъ. Начало этому положено и заказами, которые даны тульскимъ и павловскимъ кустарямъ артиллерійскимъ вѣдомствомъ и морскимъ министерствомъ, и попытками пермскаго, нижегородскаго, вятскаго, особенно московскаго земства продавать издѣлія кустарей изъ складовъ. Главнымъ предметомъ заботъ въ этомъ направленіи должно служить обезпеченіе кустарей заказами отъ правительственныхъ вѣдомствъ, земствъ, городовъ. Уже эти заказы могли бы дать нашимъ кустарямъ многомилліонный сбытъ (принадлежности конской сбруи и артиллерійскіе

снаряды, обувь и одежда для войска, посуда и разныя принадлежности для казармъ, мебель для училищъ, пріютовъ, помѣщеній присутственныхъ мѣстъ, вокзаловъ, одежда и обувь для пріютовъ, богадѣленъ и проч.). Организуя сбытъ, слѣдовало бы обставить его такимъ образомъ, чтобы отдѣльныя лица, коллекторы, скупщики не получали крупныхъ заказовъ, но чтобы каждый мелкій производитель принималъ на себя и исполнялъ извѣстную долю заказа. Такой порядокъ могъ бы быть облегченъ опредѣленіемъ производительныхъ силъ даннаго кустарно-промышленнаго округа и разверстаніемъ всего заказа между кустарями въ такой пропорціи, чтобы каждый дворъ, какъ самостоятельная единица, могъ выполнить заказъ къ назначенному сроку. Правильно организованный сбытъ уже помогаетъ рѣшенію вопроса о доставленіи кустарямъ кредита; отъ учрежденій, дѣлающихъ заказы, кустарямъ можетъ быть выдаваема часть цѣны, которая и будетъ служить оборотнымъ капиталомъ. Но, помимо этого, должны быть приняты мѣры для организованія по городамъ ссудныхъ кассъ, откуда кустари могли бы пользоваться кредитомъ. Банкъ, учрежденный пермскимъ земствомъ въ память императора Александра II, можетъ служить образцомъ и для другихъ учрежденій этого рода. Министерство земледѣлія не располагаетъ въ настоящее время средствами для основанія кредитныхъ учрежденій. Но, указывая на поучительный примѣръ пермскаго и нѣкоторыхъ другихъ земствъ, оно вызоветъ въ разныхъ губерніяхъ желаніе слѣдовать тому же пути, который всего ранѣе сталъ извѣстенъ на отдаленномъ сѣверо-востокѣ.

Техника кустарныхъ промысловъ можетъ быть усовершенствована посредствомъ различныхъ мѣропріятій. Они были неоднократно перечислены въ нашей литературѣ, а потому и нѣтъ надобности подробно говорить о нихъ. Отмѣтимъ только необходимость пользоваться различными техническо-воспитательными мѣрами такимъ образомъ, чтобъ онѣ были вполнѣ доступны кустарямъ. Обширные музеи орудій и образцовъ издѣлій, находясь въ большихъ городахъ, могутъ быть гораздо менѣе полезны, нежели самые мелкіе музеи, находящіеся въ кустарно-промышленныхъ районахъ, разсѣянные по селеніямъ, гдѣ развитъ тотъ или другой промыселъ. Многіе изслѣдователи нашей кустарной промышленности охотно ссылаются на грандіозные музеи въ Штутгартѣ, Карлсруэ, Нюрнбергѣ, которые правительство пополняетъ щедрою рукой, какъ на учрежденія, способныя принести большую пользу и русскимъ кустарямъ. Не отрицая важности этихъ заведеній, мы находимъ, однако, невѣрными заключенія, которыя дѣлаютъ для русскаго экономическаго быта на основаніи наблюденій западно-европейской жизни. Во-первыхъ, названные западно-европейскіе центральные промышленные музеи служатъ не столько сельской, сколько городской промышленности, мелкой и, въ значительной степени, средней. Во-вторыхъ, они могутъ гораздо больше послужить и сельскимъ промышленникамъ, чѣмъ однородныя заведенія въ нашемъ отечествѣ. Разстоянія въ Западной Европѣ не велики, населеніе густо, пути сообщенія удобны и кустарю изъ

Шварцвальда, Тюрингіи или Таунуса не трудно добраться до Карлсруэ или Нюрнберга. У насъ всѣ эти условія гораздо менѣе благопріятны, и группы населенія, занятыя кустарными промыслами, въ отличіе отъ крестьянъ, которые занимаются отхожими, мало подвижны: кустарь передвигается со своими издѣліями до ближайшаго торговаго села или городка и часто всю жизнь ни разу не попадаетъ въ большой городъ. Скупщикъ кустарныхъ издѣлій, посѣщая большіе города, не нуждается въ кустарныхъ музеяхъ, такъ какъ, будучи заинтересованъ въ перемѣнѣ образцовъ издѣлій, имѣетъ всѣ средства, чтобы добыть новые образцы и раздать ихъ сельскимъ производителямъ, которые работаютъ на нихъ. Самые же мелкіе промышленники, работающіе семьями и въ одиночку и сохранившіе хотя тѣнь самостоятельности, вовсе не могутъ извлекать полезное для себя поученіе изъ богатаго запаса орудій, образцовъ и рисунковъ, которые собраны, напримѣръ, въ петербургскомъ кустарномъ музеѣ. Мы считаемъ гораздо болѣе важными для насъ мелкіе музеи того типа, который выработался въ разныхъ мѣстахъ Германіи. Трибергъ и Фуртвангенъ съ музеями для часовщиковъ, Зоннебергъ—для игрушечниковъ, Обераммергау—для токарей и рѣзчиковъ—вотъ мелкіе мѣстные музеи, находящіеся въ центрахъ кустарной промышленности и вполнѣ доступные для всего населенія. Коллекціи образцовъ новыхъ орудій и издѣлій должны быть помѣщаемы при училищѣ или волостныхъ правленіяхъ въ центрѣ кустарно-промышленныхъ округовъ. Не бѣда, если въ подобныя коллекціи войдутъ орудія и образцы издѣлій, повидимому, пока еще непримѣнимые въ данномъ промыслѣ: непримѣнимое и на нашъ взглядъ технически-безполезное можетъ послужить кустарямъ для того, чтобы сдѣлать какую-нибудь комбинацію, могущую уже и теперь имѣть практическое значеніе для даннаго промысла.

Артель является наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ мѣропріятій, способныхъ поддержать мелкую промышленность. Образованіе артелей внесено также въ программу дѣятельности центральнаго кустарнаго комитета. Такъ какъ эта мѣра связана съ наибольшими трудностями, то министерству, дабы не дѣлать крупныхъ ошибокъ, слѣдуетъ имѣть въ виду такіе пункты: 1) Выбирать предпочтительно тѣ промыслы, гдѣ артель не встрѣтила бы опасныхъ соперниковъ со стороны крупныхъ предпріятій; для этого особенно пригодны промыслы по обработкѣ дерева; въ нихъ и небольшія артели изъ 10—15 участниковъ были бы крупными промышленными единицами. Министерство могло бы оказать существенную поддержку этимъ артелямъ, облегчивъ имъ пріобрѣтеніе матеріаловъ изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ. Эти промыслы представляютъ и въ томъ отношеніи очень благодар[ное] поле, что занимаютъ въ одномъ околоткѣ многіе десятки деревень, об[легчаютъ] отысканіе лицъ, которыя могли бы служить отличнымъ ядромъ [артели], и, находясь на виду у многихъ сотенъ однородныхъ кустарей, [способны] служить поучительнымъ примѣромъ для довольно большой мас[сы]. Не касаясь частностей въ организаціи артелей, что достаточно подро[бно]

разработано въ нашей литературѣ, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить пользу, которую можетъ принести артелямъ наличность нормальнаго устава и облегченіе формальностей, съ которыми связано утвержденіе уставовъ. Теперь дѣло представляется въ такомъ видѣ. Группа кустарей, желая образовать артель, подъискиваетъ лицо образованное и хотя немного знакомое съ законами, чтобы выработать уставъ. Дабы облегчить трудъ, берутъ готовые образцы—уставы воткинской, людиновской, тульской артели и начертываютъ примѣнительно къ нимъ новый уставъ. Такъ какъ эти уставы во многомъ не сходны между собой, то въ Петербургѣ, разсматривая уставъ, находятъ въ немъ тѣ или другія новинки и очень медлятъ съ его разрѣшеніемъ. Будь образцовый уставъ, содержащій то общее, что должно быть принадлежностью каждой артели, то кустари были бы облегчены при первыхъ шагахъ на пути къ образованію артели: имъ нужно было бы внести въ уставъ лишь то, что вызывается мѣстными условіями. Вѣдомство, утверждающее уставы артелей, также имѣло бы передъ собой знакомый образецъ и ускорило бы дѣлопроизводство. Выработка нормальнаго устава промышленныхъ артелей имѣетъ очень серьезное значеніе, и немудрено, что этотъ вопросъ поставленъ какъ центральнымъ кустарнымъ комитетомъ, такъ и отдѣленіемъ по кустарной промышленности.

Укажемъ, наконецъ, послѣдній пунктъ, на который должно быть обращено вниманіе кустарнаго комитета: не раздроблять силы, а принимать различныя мѣры для поддержанія немногихъ кустарно-промышленныхъ округовъ. Чѣмъ болѣе замѣтно обнаружились бы результаты такой дѣятельности, тѣмъ болѣе прочное фактическое основаніе было бы положено для заключенія, насколько нужны именно эти мѣры, тѣмъ болѣе увѣренно можно было бы расширять дѣятельность именно въ этомъ направленіи. Предположимъ, что министерство устроило школу въ данномъ кустарно-промышленномъ округѣ или содѣйствовало ея основанію; позднѣе былъ учрежденъ тамъ же музей орудій и образцовъ. Эти мѣры оказались полезными и измѣнили къ лучшему положеніе промысла. Допустимъ, что нужна опредѣленная сумма для одной или нѣсколькихъ артелей въ данномъ округѣ. Слѣдуетъ ли сдѣлать такую затрату или лучше воздержаться отъ нея, ибо большинство кустарно-промышленныхъ округовъ еще не имѣютъ ни школъ, ни музеевъ? Быть можетъ, было бы предпочтительно затратить эту сумму на нужды другихъ округовъ? Мы полагаемъ, что слѣдуетъ предпочесть первый округъ остальнымъ, слѣдуетъ поддержать возникающія тамъ артели и дать картину цѣлой системы опытовъ на пользу кустарной промышленности. Система опытовъ наиболѣе цѣлесообразна тамъ, гдѣ есть люди, всецѣло посвящающіе себя этому благому дѣлу. Именно въ такомъ положеніи находится павловскій кустарный районъ Нижегородской губерніи. Продолжительное пребываніе тамъ такого выдающагося дѣятеля, какъ А. Г. Штанге, облегчило возникновеніе и развитіе артели кустарей. Артельное общеніе подготовлялось много лѣтъ; но не было силы, которая объединила бы три-четыре десятка участниковъ. Руководство г. Штанге дало всему дѣлу сильный

толчокъ, и юная артель, въ теченіе своего двухлѣтняго существованія, заявила о себѣ, какъ крупная промышленная единица, способная занять видное мѣсто въ павловскомъ кустарномъ районѣ. Уже одинъ этотъ фактъ, доказывая подготовленность павловскихъ кустарей къ высокой формѣ сотрудничества, служитъ залогомъ успѣшности и всѣхъ другихъ мѣропріятій, которыя были бы примѣнены тамъ центральнымъ и мѣстными учрежденіями, заботящимися о нуждахъ кустарной промышленности.

Высочайшимъ указомъ 8 апрѣля повелѣно совершить конверсію банковыхъ билетовъ и билетовъ восточныхъ займовъ, замѣнивъ ихъ государственной 4%-ной рентой. Въ новомъ займѣ, который долженъ составить сумму отъ 500 до 750 милліоновъ рублей, прежде всего нужно отмѣтить попытку министерства финансовъ измѣнить самый характеръ государственныхъ долговъ: вмѣсто срочныхъ займовъ вводится новый типъ долговъ — рента, которая выпускается отдѣльными серіями, по 10 милліоновъ рублей каждая. Въ отличіе отъ существующихъ нынѣ займовъ, сумма ренты не подлежитъ постепенному уменьшенію ни посредствомъ тиражей, ни посредствомъ покупки на биржѣ долями, которыя могутъ быть покрыты погасительнымъ фондомъ. Рента остается въ хозяйственномъ оборотѣ до тѣхъ поръ, пока не наступаетъ возможность выкупить сразу одну или нѣсколько серій посредствомъ уплаты наличными изъ суммъ государственнаго казначейства или же посредствомъ конверсіи въ другой заемъ. Правительство не отказывается отъ погашенія ренты, а удерживаетъ за собою право извлекать выпущенныя свидѣтельства изъ оборота путемъ выкупа или тиража, производимаго полными серіями, которыя по жребію опредѣляются за три мѣсяца до срока погашенія. Особенности новаго займа доставляютъ кредиторамъ государства нѣкоторыя удобства. Отсутствіе періодическихъ тиражей дѣлаетъ излишнимъ для лицъ, которыя покупаютъ государственныя бумаги только въ видахъ полученія дохода, слѣдить за тиражными таблицами. Извѣстно, что многіе владѣльцы государственныхъ процентныхъ бумагъ (а также процентныхъ бумагъ частныхъ обществъ) отрѣзываютъ купоны въ то время, когда теченіе процентовъ уже прекратилось и когда для оплаты купона служитъ уже не доходъ, а капиталъ. Убытки, которые чрезъ это несетъ владѣлецъ, устраняются при рентномъ займѣ. Дальнѣйшими техническими удобствами новаго займа служитъ уплата процентовъ не 2, а 4 раза въ годъ, а также большое разнообразіе рентныхъ свидѣтельствъ, нарицательная цѣна которыхъ опредѣлена въ 100, 200, 500, 1,000, 5,000 и 25,000 рублей. Выпускная цѣна, по 92½ за 100, также должна быть признана не безвыгодной для капиталистовъ: за послѣднее время биржевая цѣна 4%-ныхъ внутреннихъ займовъ была нѣсколько выше выпускной цѣны ренты.

Какъ же отнестись къ новому государственному займу съ точки зрѣнія народнаго хозяйства и государственной казны?

Новый заемъ приближается къ тому типу государственныхъ долговъ,

которые получили наиболѣе полное выраженіе въ англійскихъ консоляхъ и французской рентѣ. Во Франціи, гдѣ капиталъ очень охотно помѣщается въ ренту, эта форма займовъ заставила постепенно отступить на задній планъ всѣ виды государственныхъ долговъ. Французскій капиталистъ совершенно забываетъ о нарицательной суммѣ долга, а имѣетъ въ виду ежегодно поступающій доходъ. Государственная рента получила во Франціи такую популярность, что вклады сберегательныхъ кассъ обыкновенно принимаютъ эту форму. При этомъ размѣщеніе въ публикѣ новаго займа совершается безъ посредства банковъ и безъ расходовъ, съ которыми обыкновенно связано это посредничество. Вклады сберегательныхъ кассъ возростаютъ во Франціи безостановочно; каждый годъ получается приростъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ франковъ, а потому правительство имѣетъ уже обезпеченное помѣщеніе для значительной части каждаго новаго займа. Оно становится должникомъ сберегательныхъ кассъ и употребляетъ ихъ капиталъ для своихъ цѣлей.

Многихъ соблазняетъ такая же перспектива и для русскихъ сберегательныхъ кассъ. Въ настоящее время сумма ихъ сбереженій превышаетъ 400 милліоновъ рублей. Что можетъ быть болѣе правильнымъ, какъ слѣдованіе примѣру французскаго правительства и обращеніе капиталовъ сберегательныхъ кассъ въ государственную ренту? И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего проще, какъ выпускать государственную ренту серіями по 10 милліоновъ и передавать эти суммы непосредственно сберегательнымъ кассамъ. Очень вѣроятно, что такъ оно и случится. Однако, мы считаемъ это вовсе нежелательнымъ.

Такая богатая страна, какъ Франція, только въ самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ можетъ испытывать затрудненія, вызывающія усиленное требованіе вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ. Несчастная внѣшняя война или междоусобія, охватившія все государство — вотъ условія, при которыхъ правительство можетъ быть осуждаемо вкладчиками сберегательныхъ кассъ и при которыхъ государственная казна можетъ испытывать большія затрудненія. Бѣдность Россіи можетъ гораздо чаще ставить въ такое положеніе наше государственное казначейство. Одинъ голодный годъ, какъ показало недавнее прошлое, можетъ вызвать такой натискъ вкладчиковъ на сберегательныя кассы, что правительство, будучи единственнымъ или хотя бы главнымъ должникомъ этихъ кассъ, можетъ быть затруднено въ удовлетвореніи кредиторовъ. Есть и другое соображеніе въ пользу того, что не слѣдуетъ обращать капиталы сберегательныхъ кассъ исключительно или преимущественно въ государственныя процентныя бумаги. Страны Западной Европы имѣютъ сплошную сѣть кредитныхъ учрежденій, доступныхъ и небогатыхъ классовъ, и народное хозяйство не испытываетъ большой невыгоды отъ того, что капиталы сберегательныхъ кассъ служатъ фи совымъ цѣлямъ. Въ нашемъ отечествѣ, при недостаточномъ развитіи кр ныхъ учрежденій для небогатаго люда, желательно, чтобы капиталы

сберегательныхъ кассъ получали такое назначеніе, чтобы большая ихъ часть была направлена на удовлетвореніе потребности народа въ краткосрочномъ кредитѣ. Разъ эти капиталы сберегательныхъ кассъ будутъ обращены въ государственныя процентныя бумаги, то они послужатъ средствомъ для цѣлей финансоваго хозяйства и не получатъ, по крайней мѣрѣ, въ значительной своей части, того употребленія, которое мы находимъ наиболѣе цѣлесообразнымъ: эти капиталы составляются изъ копѣечныхъ сбереженій небогатыхъ людей, а потому и естественно, чтобы они затрачивались въ области мелкаго народнаго кредита, облегчали веденіе хозяйства слабѣйшимъ членамъ общества.

Остается послѣдній вопросъ — о выгодности обращенія срочнаго долга въ безсрочный. Въ пользу этого приводятъ два избитыхъ аргумента: во-первыхъ, доказываютъ выгодность этого ссылкою на то, что государство развязываетъ себѣ руки; не обѣщая погашать долгъ въ опредѣленные сроки, оно производитъ выкупъ свидѣтельствъ въ то время, когда положеніе казны особенно благопріятно. Во-вторыхъ, говорятъ намъ, бремя платежей, уменьшаясь въ настоящемъ, переносится на будущія поколѣнія, которыя, въ силу безостановочнаго роста производительности труда, будутъ обладать большими платежными силами. Послѣдній пунктъ особенно соблазнителенъ: позволяя уменьшить для ближайшаго будущаго расходы по системѣ государственнаго долга на нѣсколько милліоновъ въ годъ, онъ даетъ многимъ публицистамъ, особенно ревностно играющимъ въ патріотизмъ, удобный случай прославлять разумность финансовыхъ мѣропріятій, ихъ соотвѣтствіе народному благу.

Эти доводы имѣютъ цѣну лишь при томъ условіи, что государство заключаетъ займы осторожно, преимущественно для цѣлей производительныхъ, что уменьшеніе платежей въ настоящемъ не увлекаетъ финансоваго управленія на путь легкомысленнаго пользованія кредитомъ. Словомъ, эти доводы убѣдительны, при медленномъ возрастаніи суммы государственнаго долга. Однако, Европа, въ особенности благодаря чрезмѣрнымъ расходамъ на войско и флотъ, даетъ намъ совсѣмъ иную картину: долги увеличиваются, народъ обременемъ платежами. При подобныхъ условіяхъ, для Россіи, рентные займы могутъ быть связаны съ серьезною опасностью: внушая сознаніе, что платежи по долгамъ не велики въ настоящее время, эта форма займовъ можетъ увлекать финансовое управленіе на пути недостаточно осторожнаго пользованія кредитомъ. Займы, связанные съ опредѣленными сроками погашенія долга, имѣютъ ту хорошую сторону, что чаще напоминаютъ финансовому управленію о платежной тягости, налагаемой долгом[illegible]

Въ силу высказанныхъ соображеній мы вовсе не склонны усматри[illegible]ть въ новомъ рентномъ займѣ что-то необычайно полезное, способное нач[illegible]ть новую эру въ исторіи русскихъ финансовъ. А въ частности мы счита[illegible]ъ выпускную цѣну нѣсколько низкой: по условіямъ денежнаго рынка, [illegible]а могла бы быть поднята до 94 за 100.

7 минувшаго апрѣля состоялось высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ судебныхъ уставовъ. Мотивами этого повелѣнія служитъ соображеніе о томъ, что «въ теченіе почти 30-ти лѣтняго дѣйствія высочайше утвержденныхъ, 20 ноября 1864 года, судебныхъ уставовъ не однократно, по указаніямъ практическаго опыта, возникала надобность въ различныхъ измѣненіяхъ узаконеннаго этими уставами судоустройства и судопроизводства. Для удовлетворенія таковыхъ потребностей, вытекавшихъ изъ тѣхъ или другихъ условій государственнаго и народнаго быта, послѣдовательно были издаваемы многія, отдѣльныя законоположенія. Означенныя исправленія и дополненія существенно видоизмѣнили судебный строй, первоначально введенный уставами, и при этомъ, не будучи между собою согласованы, образовали какъ бы наслоеніе неоднородныхъ судебныхъ порядковъ, что, въ свою очередь, привело ихъ къ излишней пестротѣ и сложности, въ особенности по отношенію къ подсудности, обжалованію приговоровъ и рѣшеній и проч. Наряду съ симъ примѣненіе новаго судебнаго законодательства, при всей настоятельности и высокомъ достоинствѣ произведеннаго имъ преобразованія, постепенно обнаружило въ этомъ послѣднемъ рядѣ частныхъ несовершенствъ и пробѣловъ не всегда соотвѣтствующихъ стремленію законодателя укрѣпить повсюду въ судебныхъ дѣлахъ строгое соблюденіе законности и справедливости и повсемѣстно утвердить въ Имперіи правильное и скорое отправленіе правосудія». Для того, чтобъ объединить многія частичныя измѣненія, уже совершенныя въ судебной области, и разработать предположенія о томъ, что еще нужно сдѣлать для улучшенія нашей юстиціи, необходимо подвергнуть систематическому пересмотру всѣ дѣйствующія правила о судебной части. Для выполненія этой работы и учреждена коммиссія въ составѣ довольно большого числа лицъ изъ разныхъ вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи. Кромѣ многихъ чиновъ министерства юстиціи и сенаторовъ, въ коммиссію входятъ по 2 представителя изъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и государственной канцеляріи. Кромѣ того, предсѣдателю коммиссіи предоставлено приглашать въ составъ коммиссіи всѣхъ лицъ, участіе которыхъ можетъ быть полезно.

Какъ только было опубликовано высочайшее повелѣніе, такъ многія газеты высказали предположеніе, что главною цѣлью коммиссіи будетъ съуженіе компетенціи суда присяжныхъ. Поводомъ къ такому предположенію служатъ разнообразныя ограниченія этой компетенціи, которыя тянутся въ теченіе слишкомъ 20 лѣтъ одною непрерывною нитью. Однако, въ повелѣніи нѣтъ рѣшительно ни одной строки, которая давала бы повод къ такому предположенію. Мы находимъ въ текстѣ высочайшаго повеленія 7 апрѣля указаніе на «настоятельность и высокое достоинство пр разованія», которое совершено судебными уставами; мы встрѣчаемъ ук аніе на то, что многочисленныя отдѣльныя законоположенія, которыя бы изданы въ дополненіе къ судебнымъ уставамъ, «привели къ излишней пестротѣ и сложности». Мы находимъ пожеланіе, чтобы работы ком-

миссіи улучшили нашу юстицію, привели ее «въ болѣе стройное и единообразное положеніе». Личный составъ коммиссіи, куда входятъ нѣкоторые выдающіеся юристы-теоретики и практики, также не даетъ основаній для подобнаго предположенія. И самъ предсѣдатель коммиссіи Н. В. Муравьевъ, въ своихъ ученыхъ трудахъ, не разъ заявлялъ о себѣ, какъ горячемъ сторонникѣ суда присяжныхъ.

Отношеніе *Русской Мысли* къ судебнымъ уставамъ 1864 года, равно какъ и къ другимъ преобразованіямъ 60-хъ годовъ, слишкомъ извѣстно, чтобы намъ была надобность дѣлать оцѣнку суда присяжныхъ. Мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что частичныя узаконенія внесли въ наше судоустройство и судопроизводство много элементовъ, которые нарушили его стройность и единообразіе, во многихъ случаяхъ затруднили судью и создали новыя и и лишнія формальности для тѣхъ, кто хочетъ охранить свое право. Вотъ почему и желателенъ пересмотръ всѣхъ результатовъ этой, по частямъ производившейся законодательной работы. Но пусть члены коммиссіи, призванные къ этому важному государственному труду, разъ будутъ слышаться нападки на судъ присяжныхъ и на другія основныя начала судебныхъ уставовъ 1864 года, подумаютъ, что эти уставы никогда не примѣнялись во всей своей чистотѣ, что первые же годы по ихъ введеніи были временемъ ихъ перестроекъ и передѣлокъ. Можно было бы судить о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ лишь въ томъ случаѣ, еслибъ они дѣйствовали довольно долгій періодъ времени, наприм., 15—20 лѣтъ, и если бы за этотъ періодъ ихъ вліяніе стояло внѣ всякой зависимости отъ какихъ-либо измѣненій. Противники суда присяжныхъ охотно ставятъ ему въ упрекъ снисходительность многихъ приговоровъ и, какъ слѣдствіе этого, будто бы усилившуюся мѣстами преступность. Пусть члены коммиссіи припомнятъ, что главнымъ средствомъ борьбы съ преступленіями является не строй и дѣятельность судебныхъ учрежденій, а мѣры, направленныя къ поднятію матеріальнаго благосостоянія народа и росту просвѣщенія. Пусть, наконецъ, они подумаютъ, что съуженіе сферы суда присяжныхъ является противорѣчіемъ тому теченію, которое обнаруживается въ нашей государственной жизни: привлекать, въ качествѣ сотрудниковъ чинамъ администраціи, разныхъ частныхъ лицъ и изъ разныхъ общественныхъ слоевъ. Выше мы указали, какъ широко примѣняется это начало въ министерствѣ земледѣлія. Такое противорѣчіе было бы тѣмъ болѣе прискорбно, что за 30 лѣтъ привычки русскихъ людей къ общественной дѣятельности сдѣлали значительные успѣхи и съ каждымъ годомъ становится все лучше подготовка для успѣшнаго исполненія высокихъ обязанностей присяжнаго засѣдателя.

---

19 апрѣля въ Гельсингфорсѣ совершилось торжественное открытіе [па]мятника императору Александру II. Въ рѣчахъ, которыя были произнес[ены] на этомъ торжествѣ, слышалось чувство глубокой признательности фине[кого] народа почившему монарху. Изъ многихъ рѣчей особенно выдѣлялась [рѣчь]

крестьянина Вярри, представителя крестьянскаго сословія на сеймѣ. «Что послужило,—спрашивалъ ораторъ,—волшебнымъ жезломъ, которымъ императоръ великій князь Александръ II превратилъ зиму въ весну, оживилъ умы, возбудилъ на всѣхъ поприщахъ восторженную дѣятельность? Это было ни что иное, какъ его великодушное довѣріе къ народу и вытекающее изъ сего довѣріе народа къ нему. Силы народныя могли свободно развиваться подъ сѣнью законовъ и учрежденій... Онъ утвердилъ у насъ періодически собирающееся народное представительство, открывъ въ 1863 году первый сеймъ словами, по великодушію превосходящими все, что когда-либо было выражено государемъ народу». Эти прочувствованныя слова, выражая настроеніе всего финскаго народа, еще разъ напоминаютъ намъ, какъ много совершилъ Александръ II для всесторонняго развитія нашей общественной жизни.

Очерки провинціальной жизни.

Недавно полтавскимъ губернскимъ земствомъ издано изслѣдованіе по начальному народному образованію въ губерніи. Этотъ интересный трудъ, представляющій современное состояніе народнаго образованія и историческій ходъ его развитія съ 1865 года, т.-е. со времени введенія земскихъ учрежденій, еще лишній разъ доказываетъ, что правильно организованная сельская начальная школа создана всецѣло земствомъ. До него сельской школы почти не существовало. Сельскихъ правительственныхъ школъ на всю Имперію было лишь нѣсколько десятковъ, а церковно-приходскія школы, не организованныя, то возникавшія, то исчезавшія, давали крайне ничтожные результаты. Естественно поэтому, что самимъ правительствомъ признавалась необходимость иной постановки дѣла. Въ *Обзорѣ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія 1862—1864 гг.* говорится: «мѣры, принимаемыя въ теченіе полутора столѣтія правительствомъ къ развитію начальнаго образованія, не приносили желаемыхъ результатовъ». И только съ учрежденіемъ мѣстнаго самоуправленія, въ лицѣ земства, дѣло народнаго просвѣщенія дѣйствительно двинулось впередъ. Къ сожалѣнію, при настоящемъ состояніи земскихъ бюджетовъ, передъ $^5/_6$ населенія въ школьномъ возрастѣ двери школы закрыты. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и отчетъ полтавскаго земства. Изъ различныхъ уѣздовъ въ послѣднее время,—говорится въ немъ,— идутъ указанія на переполненіе школъ, на необходимость отказывать многимъ желающимъ учиться. Нельзя не отмѣтить также другое важное свидѣтельство разсматриваемаго отчета, а именно, что населеніе, стремясь дать дѣтямъ грамоту, умѣетъ отличать школы, дающія лучшіе результаты, и предпочитаетъ школу земскую. Нерѣдко бываетъ, что, при существованіи въ селѣ церковно-приходской школы, населеніе хлопочетъ объ открытіи земской и дѣлаетъ съ своей стороны необходимыя [illegible] это затраты.

Нѣтъ того провинціальнаго органа, который въ продолженіе года [illegible] сообщилъ бы по нѣскольку фактовъ, свидѣтельствующихъ о жаждѣ [illegible] свѣщенія среди народа и о почтенныхъ усиліяхъ мѣстной интеллиген[illegible] возможно удовлетворять эту жажду. Пріятно читать эти сообщенія [illegible]

только благодаря ихъ содержанію, но и по ихъ формѣ. Форма сообщеній, большею частью, возбуждающая, ликующая. За послѣднее время,—пишутъ изъ Орла,— дѣятельность нашего комитета народныхъ чтеній значительно расширилась. Въ настоящее время онъ имѣетъ уже три аудиторіи и собственный хоръ; имъ открытъ книжный складъ, испрошено разрѣшеніе и собраны средства на открытіе тургеневской безплатной читальни, которая и начнетъ дѣйствовать въ самомъ непродолжительномъ времени; кромѣ обычныхъ народныхъ чтеній, комитетомъ въ текущемъ году было устроено нѣсколько сдѣлавшихся очень популярными среди мѣстныхъ обывателей общедоступныхъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ и утръ, были устроены два дѣтскихъ праздника (одинъ на Рождествѣ, съ елкой, и другой на масляницѣ), начатъ рядъ популярныхъ систематическихъ лекцій по гигіенѣ, задумано устройство членской библіотеки изъ отчетовъ различныхъ учрежденій по народному образованію и т. п. Засѣданія комитета, происходящія ежемѣсячно, бываютъ многолюдны и оживленны: думская зала, гдѣ собирается комитетъ, всегда бываетъ переполнена членами и публикой. Обиліе вопросовъ и предложеній, вносимыхъ членами на обсужденіе общаго собранія, оживленная бесѣда, затягивающаяся иной разъ до полуночи, страстное желаніе сдѣлать что-либо на пользу народа, вѣра въ себя и надежда на лучшее будущее, проглядывающія въ преніяхъ,—все это производитъ самое отрадное впечатлѣніе на посѣтителя засѣданій комитета и заставляетъ вѣрить, что не такъ уже провинція бѣдна силами, и что, будь условія для интеллигентной дѣятельности болѣе благопріятны, невѣжество въ скоромъ времени исчезло бы съ лица русской земли.

Благодаря энергіи и безкорыстной преданности дѣлу, добровольно на себя взятому, нѣсколькихъ лицъ, большею частью учителей и врачей,—пишутъ изъ Курска,—у насъ открылись, развились и теперь крѣпко стали на ноги народныя чтенія. Устраиваются они регулярно не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, состоятъ всегда изъ двухъ отдѣленій—литературнаго или историческаго и естественно-историческаго, а иллюстрируются волшебнымъ фонаремъ. До настоящаго года они устраивались въ помѣщеніи реальнаго училища, но слушатели здѣсь состояли большею частью изъ учащихся, сѣрая же публика стѣснялась посѣщать чтенія. Съ переходомъ чтеній въ другое помѣщеніе съ менѣе внушительной обстановкой — въ зданіе городскихъ училищъ, сѣрые элементы сразу на первомъ же чтеніи совершенно поглотили чистую публику, и аудиторія, несмотря на ея обширность, не всегда можетъ вмѣщать всѣхъ желающихъ слушать. Своихъ картинъ для иллюстраціи чтеній у коммиссіи, завѣдующей дѣломъ чтеній, очень мало, и о беретъ ихъ у кіевскаго общества народныхъ чтеній; неудобства такого способа пользованія картинами понятны, и теперь руководители чтеній откр ли рядъ публичныхъ лекцій, сборъ съ которыхъ пойдетъ на пріобрѣтені картинъ для волшебнаго фонаря. Судя по программѣ, лекціи обѣщаютъ чть очень интересными.

Самары сообщаютъ, что тамъ образовался изъ нѣсколькихъ интел-

лигентныхъ лицъ (врачи В. О. Португаловъ, П. П. Крыловъ и В. В. Родзевичъ и нѣкот. др.) кружокъ, поставившій себѣ цѣлью устройство для населенія города народныхъ чтеній. Самарская городская дума любезно предложила кружку свой залъ и, кромѣ того, ассигновала на необходимые расходы по постановкѣ чтеній 300 р. Первое чтеніе происходило 14 марта. Думскій залъ не могъ вмѣщать въ себѣ всѣхъ желавшихъ быть на чтеніи. Въ виду этого, кружокъ, съ разрѣшенія думы и съ согласія антрепренера городского театра, сталъ устраивать чтенія въ театрѣ, по утрамъ, между часомъ и тремя пополудни. Всѣхъ чтеній въ 1893 году было устроено 19, привлекшихъ около 13,500 человѣкъ. Въ средѣ посѣтителей преобладали рабочіе и учащаяся молодежь. Число посѣтителей въ залѣ думы не могло превышать 250 человѣкъ, въ театрѣ же доходило до 1,000. По настоянію думы, ложи театра на чтенія сдавались за деньги (не дороже 1 рубля), прочія же мѣста, за исключеніемъ немногихъ (первыхъ, наприм., рядовъ креселъ и нѣкоторыхъ другихъ)—безплатно. Въ пользу чтеній былъ одинъ разъ устроенъ спектакль, давшій до 200 р.; пожертвованія дали кружку до 500 р., а плата за входъ на чтенія—около 700 р. Постановка чтеній стоила болѣе 600 руб. Въ началѣ февраля кружокъ составилъ отчетъ о чтеніяхъ, показавшій, что разныя принадлежности для чтеній (фонари, картины, книги и т. д.), занесенныя въ инвентарь, стоили болѣе 700 руб., и что въ кассѣ еще осталось на новые текущіе расходы около 100 руб. Сочувствіе общества къ дѣлу устройства чтеній, видимо, обезпечено. По иниціативѣ кружка предполагалось устроить особое общество для веденія народныхъ чтеній въ Самарской губерніи. Выработанный собраніемъ, состоявшимъ почти изъ 30 лицъ, проектъ устава этого общества, къ сожалѣнію, не получилъ дальнѣйшаго хода, такъ какъ г. попечитель казанскаго учебнаго округа не изъявилъ согласія на распространеніе народныхъ чтеній въ губерніи.

Коммиссія народныхъ чтеній,—сообщаютъ изъ Воронежа,—возобновила свои дѣйствія. 13 марта было первое народное чтеніе, прошедшее съ небывалымъ успѣхомъ. Кромѣ 450 даровыхъ билетовъ (для солдатъ, рабочихъ и учащихся городскихъ школъ), болѣе 1,000 пятикопѣечныхъ билетовъ было продано при входѣ въ залъ Столя, такъ что тѣснота была чрезвычайная. Читалось о Петрѣ Великомъ и было показано, съ помощью новаго, выписаннаго изъ Лондона, волшебнаго фонаря, кромѣ иллюстрирующихъ чтеніе 25 картинъ, еще много разнообразныхъ видовъ природы. Передъ чтеніемъ и въ антрактахъ игралъ военный оркестръ, съ которымъ явились солдаты въ благодарность за 150 безплатныхъ билетовъ. Громадный залъ Столя былъ также предоставленъ коммиссіи безплатно, такъ что устройство этого чтенія стоило всего только 25 рублей, и въ результатѣ получился даже чистый доходъ (въ 25 р. съ копѣйками). Предположено устроить при коммиссіи продажу народныхъ книгъ, какъ читаемыхъ въ залѣ Столя, такъ и вообще одобренныхъ ученымъ комитетомъ.

Уѣздное елисаветградское земство ходатайствовало передъ мир[illegible]р-

ствомъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи при елисаветградскомъ земскомъ реальномъ училищѣ народныхъ чтеній свѣтскаго содержанія. Министръ народнаго просвѣщенія передалъ это ходатайство г. оберъ-прокурору св. синода, который разрѣшилъ устройство чтеній свѣтскаго содержанія, подчинивъ вѣдѣнію и наблюденію мѣстнаго отдѣленія херсонскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. По полученіи разрѣшенія, немедленно были открыты при училищѣ свѣтскія народныя чтенія, привлекающія огромное число слушателей. Чтенія эти, чередуясь съ чтеніями духовно-нравственнаго содержанія, происходили въ прошломъ году по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ до 20 апрѣля включительно; возобновились потомъ 1 октября и продолжались до конца года безъ перерыва. Всѣхъ чтеній въ прошломъ году было 27, причемъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ было прочтено по два небольшихъ произведенія; въ общей же сложности произнесено произведеній: духовно-нравственнаго содержанія 9, литературнаго 8, историческаго 8, географическаго 4 и медицинскаго 1. Большинство чтеній сопровождалось туманными картинами. Г-жа Рожнятовская пожертвовала 300 рублей на устройство при народныхъ чтеніяхъ книжной торговли. Продажа книгъ производится, главнымъ образомъ, въ разносъ передъ началомъ чтенія, въ антрактѣ, или въ концѣ чтенія, а отчасти въ особомъ складѣ, существующемъ при аудиторіи. Всего на 9 чтеніяхъ продано 385 экземпляровъ книгъ на сумму 21 р. 75 к., причемъ особенно охотно и въ большомъ количествѣ покупаются листки и книги въ 1, $1^1/_2$, 2 и 3 копѣйки цѣною. Всего перебывало на 27 чтеніяхъ 7,866 человѣкъ, и, такимъ образомъ, на каждое чтеніе приходилось среднимъ числомъ по 291 посѣтителю, т.-е. приблизительно такое число, на которое была разсчитана аудиторія; но въ великій постъ являлось посѣтителей вдвое больше нормальнаго числа, и многимъ, за недостаткомъ сидѣній, приходилось стоять. Главный контингентъ слушателей давало городское простонародье; кромѣ того, по предложенію комиссіи, командиръ бѣлорусскаго полка прислалъ на чтенія солдатъ ввѣреннаго ему полка; въ великій постъ чтенія привлекали также крестьянъ подгородныхъ деревень.

Въ газетахъ сообщается объ учрежденіи новаго общества для развитія народнаго образованія. Академикъ Императорской академіи художествъ М. О. Микѣшинъ на дняхъ представилъ г. министру внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе свой проектъ устава спб. общества имени поэта Шевченка, съ отдѣленіями въ Кіевѣ и Харьковѣ. Средя членовъ-учредителей новаго общества называютъ Д. Л. Мордовцева, И. Е. Рѣпина, А. Н. Пыпина, В. Д. Спировскаго, педагога Г. Г. Цвѣтковскаго, Н. И. Стояновскаго, М. Л. Кропивницкаго, М. П. Старицкаго, В. И. Ламанскаго, В. И. Ковалевскаго, А. Ф. Кони, Д. Эварницкаго, проф. Д. И. Менделѣева и др. Главная цѣль этого общества — споспѣшествовать развитію народнаго образованія устройствомъ начальныхъ училищъ и популярныхъ чтеній съ туманными картинами и т. п. въ женіе памяти Т. Г. Шевченка.

Этого усилій тратитъ земство на дѣло народнаго образованія, много

работаютъ для него и лучшіе люди страны, но всѣ эти усилія далеко не соотвѣтствуютъ той потребности въ грамотѣ, какая за послѣднее время широко распространилась въ народѣ. И вотъ, несмотря на крайнюю матеріальную стѣсненность сельскаго населенія, нерѣдки факты устройства крестьянами школы по собственной иниціативѣ и на собственныя скудныя средства. Правда, вознагражденіе, которое, въ такихъ случаяхъ, крестьяне могутъ предложить учителю, весьма незначительное, а потому большею частью имъ приходится терпѣть и недостаточно подготовленнаго къ дѣлу учителя. Съ какимъ необычайнымъ рвеніемъ бросаются крестьяне на духовную пищу, характерный фактъ объ этомъ разсказываетъ корреспондентъ *Тамбовскихъ Вѣдомостей* изъ с. Бурнакъ, Борисоглѣбскаго уѣзда. Мѣстный священникъ задался цѣлью помочь своей паствѣ въ дѣлѣ удовлетворенія жажды духовной и предложилъ прихожанамъ-крестьянамъ брать книжки изъ своей библіотеки. Едва священникъ успѣлъ воротиться изъ церкви въ свою квартиру, какъ эта послѣдняя быстро стала наполняться народомъ, какъ взрослыми, такъ и мальчиками. Человѣкъ семьдесятъ собралось, съ просьбою дать имъ «почитать что-либо». Сначала священникъ давалъ по двѣ, по три книжки, потомъ по одной, а потомъ и совсѣмъ стало нечего давать, несмотря на то, что, помимо книжекъ, брошюръ, Кіевскихъ и Троицкихъ листовъ, были пущены въ ходъ нумера журналовъ *Кормчій* и *Воскресный день*. Многіе изъ крестьянъ, прочитавши пять-шесть книгъ, вносили 5—10 коп. на «библіотеку»... А вотъ еще интересное сообщеніе изъ Свіяжскаго уѣзда въ *Казанскій Телеграфъ*. Въ мартѣ мѣсяцѣ минувшаго года кн. Ухтомскій въ своемъ имѣніи при с. Макуловѣ открылъ народную читальню. Учрежденіе это сразу заслужило себѣ симпатіи мѣстнаго крестьянскаго населенія. Читальню посѣщаютъ и убѣленные сѣдинами старики, и малые ребята. Вечерами за длиннымъ столомъ, при свѣтѣ двухъ висячихъ лампъ, устраиваются иногда общія чтенія, и какое удовольствіе разливается кругомъ!...

Что усиленіе движенія въ обществѣ въ пользу распространенія грамотности въ народѣ представляетъ едва ли не самое отрадное явленіе современной общественной жизни въ нашемъ отечествѣ, объ этомъ мы не разъ уже говорили въ нашихъ очеркамъ. Но когда говорятъ, что *теперь грамотность въ массу льется широкимъ, могучимъ потокомъ,* то такое утвержденіе мы считаемъ большимъ и весьма вреднымъ преувеличеніемъ. Именно такое утвержденіе мы нашли въ передовой статьѣ *Сибирскаго Вѣстника* отъ 4 февраля. Статья эта имѣетъ значеніе еще и въ другомъ отношеніи. Въ ней выражена не мало распространенная теперь сравнительная оцѣнка 60-хъ годовъ и настоящаго времени, причемъ настоящее представляется въ слишкомъ оптимистическомъ свѣтѣ.

О томъ и другомъ стоитъ поговорить, а потому мы остановимся на [з]анной статьѣ *Сибирскаго Вѣстника,* сдѣлавъ изъ нея необходимыя [и]влеченія.

«Движеніе съ цѣлью распространенія грамотности въ народныхъ мас[сахъ]

въ наше время,—такъ начинается статья,—принимаетъ весьма широкіе размѣры. Школы, библіотеки, чтенія организуются въ небываломъ количествѣ... Въ сознаніе интеллигенціи глубже и глубже входитъ лежащій на ней долгъ народу. Развивается и крѣпнетъ истинно-народническое движеніе. Теперь едва ли справедливо въ отношеніи настоящаго почерпать ему упреки въ прошломъ. Принято ссылаться на 60 гг. съ ихъ оживленною работою въ сферѣ воздѣйствій на народъ, но и теперь эти воздѣйствія продолжаютъ расти качественно и количественно. Отдавать должное своему времени не значитъ умалять значеніе пережитаго, и мы позволимъ себѣ нѣсколько распространиться по поводу сравненія настоящаго съ прошлымъ... Шестидесятые годы для многихъ кумиръ, предъ которымъ можно только благоговѣть, которому должно поклоняться. Не на счетъ ихъ мы реабилитируемъ настоящее; напротивъ, лишь въ прошломъ заложены ростки и зачатки того, чѣмъ можетъ гордиться настоящее; первое сдѣлало возможнымъ послѣднее. Шестидесятые годы были блестящею эпохой въ жизни русскаго общества, когда новыя слова, впервые тогда произнесенныя, оживили, пробудили и освѣжили все мертвое, спавшее, затхлое. Эпоха дала начало, толчокъ тому движенію, которое констатируется теперь. Послѣ вѣковыхъ сна и застоя пробужденіе получило праздничный характеръ и все, что теперь буднично, обыденно, вставлялось тогда въ разцвѣченныя красками рамки, возводилось на степень необычайнаго, значительнаго. Движеніе въ области народнаго просвѣщенія, только что начавшееся тогда, сопровождалось особеннымъ блескомъ, шумомъ. Всѣмъ видѣлась заря наступающаго свѣтлаго дня, возрожденіе въ новую жизнь. Теперь краски поблекли, очки потускнѣли, трудъ изъ подвига превратился въ обыденную полезную работу, которая и дѣлается безшумно, незамѣтно. Огонь утратилъ первоначальную яркость, но тепла стало болѣе. Развѣ можно сравнивать то, что дѣлалось въ области народнаго образованія въ 60-хъ годахъ, съ тѣмъ, что дѣлается теперь. Тогда были лишь первые робкіе шаги, лишь просачивались источники живой воды,— теперь грамотность въ массу льется широкимъ, могучимъ потокомъ. Текущая печать полна сообщеній о томъ, что дѣлается теперь въ области просвѣщенія. Нѣтъ нужды подтверждать сказанное фактическими данными, они извѣстны всякому читающему газеты и журналы».

Вдумываясь въ статью, изъ которой приведены извлеченія, мы, прежде всего, должны сказать, что не вполнѣ понимаемъ, какой масштабъ имѣетъ въ виду авторъ при сравненіи 60-хъ годовъ съ настоящимъ временемъ. Совершенно вѣрно, что число интеллигентныхъ силъ, работающихъ для народа, возросло сравнительно съ 60-ми годами; но одинъ такой ростъ еще не значитъ, что и положеніе народа улучшилось. Могли происходить, и дѣйствительно за послѣднія тридцать лѣтъ происходили, жизненныя явленія, неблагопріятныя для интересовъ народа. Откуда же теперь *тепла стало болѣе*, какъ это полагаетъ *Сибирскій Вѣстникъ*. Совершенно иную картину общественной жизни представляютъ конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ. Это было время «великихъ реформъ»,—реформъ, направленныхъ на

улучшеніе судьбы народа и дѣйствительно улучшавшихъ его судьбу. Это было время, когда въ полномъ смыслѣ слова открывались перспективы новой и чудной зари русской жизни. Не мудрено, поэтому, что все доброе, просвѣщенное, честное, по-истинѣ ликовало. Надо читать газеты и журналы того времени, чтобы понять, какое оживленное общественное движеніе было вызвано рескриптами объ освобожденіи крестьянъ. Среди энтузіазма, въ виду совершающагося и свѣтлаго взгляда въ будущее, въ обществѣ проявилась страстная жажда къ водворенію справедливыхъ общественныхъ учрежденій, а также стремленіе къ нравственному очищенію и самоусовершенствованію. То былъ торжественный, восторженный національный порывъ. Вотъ почему это время называютъ «свѣтлыми днями русской жизни». Лучшіе люди того времени имѣли основанія вѣрить, что мы минуемъ «капиталистическую организацію хозяйства», чрезъ которую съ такими неисчислимыми страданіями проходила и проходитъ западная Европа; они могли думать, что Россія вступаетъ на путь созиданія хозяйственно-самостоятельной, образованной и самоуправляющейся сельской общины. «Обезпеченіе сельскаго населенія землею и общинное землевладѣніе, освобожденіе крестьянина отъ опеки помѣщика и чиновника, сельское самоуправленіе» — вотъ тѣ три начала, которыя громко заявлены были въ высочайшемъ манифестѣ 19 февраля. Эти начала открывали народному хозяйству перспективы самостоятельнаго, гармоническаго развитія. Избавленіе Россіи отъ пролетаріата и плутократіи открыто было поставлено во главу крестьянской реформы. Отсюда понятно, почему это время представляетъ такое лихорадочное общественное возбужденіе, какого никогда еще не переживала Россія. Это была эпоха напряженной умственной работы, исканія общественныхъ и нравственныхъ идеаловъ, вѣры въ обновленіе русской жизни. Въ провинціи жизнь разцвѣла не менѣе, чѣмъ въ столицахъ и большихъ городахъ. По отзывамъ современниковъ, «люди долго жившіе въ уѣздахъ и оставившіе ихъ года три-четыре до этого времени, глазамъ и ушамъ своимъ не вѣрили, глядя на обновленную, переродившуюся свою родину». Въ салонахъ, дворянскихъ собраніяхъ, губернскихъ комитетахъ, литературѣ, оффиціальномъ мірѣ началась оживленная борьба мнѣній и стремленій. Все молодое, благородное ликовало въ ожиданіи реформъ и съ полною вѣрой въ ихъ осуществленіе...

Какъ извѣстно, общественныя дѣла пошли вскорѣ инымъ путемъ и главный базисъ соціальной жизни—экономическое положеніе народа—въ настоящее время таково, что вызываетъ на серьезное размышленіе и требуетъ, по общему признанію, самаго сосредоточеннаго вниманія. Причина этого лежитъ, прежде всего, въ самомъ характерѣ выполненія крестьянской реформы. Дѣло въ томъ, что «редакціонная коммиссія» вынуждена была сдѣлать уступки дворянскимъ интересамъ въ дѣлѣ надѣленія крестьянъ землею и въ размѣрахъ уплачиваемыхъ ими повинностей. Надѣлы, отведенные крестьянамъ, далеко не обезпечивали ихъ бытъ, какъ это предположено было сдѣлать въ началѣ реформы. Правда, редакціонная коммиссія

разсчитывала, что, путемъ организаціи переселеній, дефекты *Положенія* 19 февраля будутъ ослаблены. Но вотъ прошло уже тридцать лѣтъ, а эмиграціонное дѣло начинаетъ организоваться лишь теперь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не упроченіе и расширеніе принциповъ крестьянской реформы, не созданіе хозяйственно-самостоятельной, просвѣщенной и самоуправляющейся сельской общины стало задачей послѣдующей дѣятельности, а развитіе въ странѣ крупной промышленности и торговли. Такимъ образомъ, дальнѣйшій ходъ нашей экономической жизни парализовалъ силу и значеніе принциповъ крестьянской реформы, такъ какъ все способствовало развитію капитализма въ ущербъ самостоятельному «народному» хозяйству. И вотъ, въ результатѣ, получилось такое положеніе дѣлъ, въ виду котораго приходится нерѣдко слышать вопросъ: «улучшилось или ухудшилось экономическое состояніе сельской массы послѣ отмѣны крѣпостного права?» Многознаменательна уже самая возможность подобнаго вопроса. По общему признанію, голодъ, разразившійся недавно надъ Россіей, не есть случайность, а результатъ истощившихся у крестьянъ средствъ; засухи, понижающія на хорошо воздѣланной почвѣ лишь размѣры урожая, на почвѣ истощенной производятъ полное ея безплодіе. Разстройство крестьянскаго хозяйства стало очевиднымъ; пространственные и количественные размѣры этого разстройства такъ велики, что оно не можетъ не производить удручающаго впечатлѣнія на всѣхъ чутко относящихся къ положенію народа.

Переходимъ теперь къ другому утвержденію упомянутой газеты, а именно, что *грамотность въ массу льется широкимъ, могучимъ потокомъ.*

Выше мы уже сказали, что за послѣднее время движеніе въ обществѣ въ пользу распространенія грамоты въ народѣ усилилось замѣтно. Но будетъ большимъ преувеличеніемъ назвать это движеніе «широкимъ, могучимъ потокомъ». Можно ли назвать могучимъ потокомъ такое движеніе въ дѣлѣ народнаго образованія, при которомъ Россія сдѣлается грамотною лишь черезъ 300 лѣтъ? По вычисленію извѣстнаго педагога, г. Странно-любскаго, если каждый годъ мы будемъ учреждать по 3,250 школъ, то лишь черезъ 260 лѣтъ населеніе Россіи получитъ возможность сдѣлаться грамотнымъ. Между тѣмъ, число ежегодно учреждаемыхъ у насъ школъ рѣдко приближается даже къ указанной цифрѣ. Что земство и значительное число городскихъ самоуправленій дѣйствуютъ усердно и добросовѣстно въ великомъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, это—истина. Но также вѣрно и то, что скудные бюджеты учрежденій мѣстнаго самоуправленія не позволяютъ имъ поставить свою просвѣтительную дѣятельность въ соотвѣтствіе съ [illegible]дою народа въ образованіи. При настоящемъ состояніи разстроен-на[illegible] народнаго хозяйства, главное средство ускорить въ надлежащей мѣ[illegible] ходъ народнаго просвѣщенія состояло бы въ увеличеніи суммы го-су[illegible]рственнаго бюджета на народныя школы. Между тѣмъ, несмотря на нео[illegible]бывный ростъ бюджета, достигшаго уже милліарда, несмотря на уве[illegible]ливающіеся расходы по всѣмъ вѣдомствамъ, смѣта министерства на[illegible]ного просвѣщенія остается мало подвижной и изъ милліарднаго бюд-

жета на содержаніе народныхъ школъ отпускается лишь нѣсколько сотъ тысячъ. Въ то время, какъ, напримѣръ, въ Германіи и Франціи расходуется на образованіе въ среднемъ до трехъ рублей на человѣка, — у насъ не болѣе двадцати копѣекъ. Въ результатѣ народъ за границею давно уже грамотенъ; о народной *грамотности*, о *всеобщемъ обученіи*, по справедливому замѣчанію *Недѣли*, тамъ уже не говорятъ, потому что это представляется уже анахронизмомъ, это уже стадія давно пройденная; тамъ говорятъ уже о *высшемъ* народномъ образованіи, о томъ, чтобы сдѣлать для народа университеты столь же доступными, сколько доступны для него низшія школы. Народные университеты уже дѣйствуютъ въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Норвегіи, Швеціи, Бельгіи.

По общему признанію, по признанію даже органовъ печати, враждебныхъ земству, послѣднее проявляетъ столько усердія и умѣлости въ дѣлѣ народнаго образованія, что въ пользѣ его ближайшаго и возможно широкаго участія въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть сомнѣнія. Между тѣмъ недавно вышелъ законъ, существенно измѣняющій положеніе выборныхъ членовъ отъ земства и городовъ въ училищныхъ совѣтахъ. Мотивы, вызвавшіе этотъ законъ, неизвѣстны; а между тѣмъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи новаго законоположенія по существу, оказывается, что оно значительно сокращаетъ участіе земства въ дѣлѣ завѣдыванія училищами.

Какъ извѣстно, это право было уже сильно сокращено съ изданіемъ Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 25-го мая 1874 г. Названнымъ Положеніемъ земству предоставлено было избирать только двухъ членовъ училищнаго совѣта, вѣдающаго школьное дѣло. Но избраніе лицъ было здѣсь предоставлено вполнѣ на рѣшеніе земскаго собранія. Такой порядокъ оставался неизмѣннымъ въ теченіе почти двадцати лѣтъ; не былъ онъ измѣненъ и съ введеніемъ новаго Положенія о земскихъ учрежденіяхъ: право независимаго избранія членовъ училищнаго совѣта было тогда оставлено за земствомъ. Положеніе 12-го іюня 1890 г. было результатомъ полнаго пересмотра всѣхъ условій дѣятельности земства и ввело большія измѣненія въ его правахъ, значительно сокративъ независимость земскихъ выборовъ, и однако же, при такомъ коренномъ пересмотрѣ всей дѣятельности земства, не оказалось никакихъ поводовъ къ ограниченію и безъ того весьма нешироkаго права земства по участію въ завѣдываніи школами. Теперь въ эту область вводятся новыя ограниченія.

Новый законъ существенно измѣняетъ положеніе выборнаго члена училищнаго совѣта. И безъ того весьма уже ограниченное число должностей, избраніе въ которыя не требуетъ утвержденія со стороны администраціи, этимъ закономъ еще болѣе сокращается. Лица, избранныя земскими собраніями или городскими думами въ члены училищныхъ совѣтовъ, будутъ впредь утверждаться губернаторами или градоначальниками. Если выборы не состоятся или лица, избранныя при первомъ или при вторичномъ избраніи, не будутъ утверждены, то должности членовъ училищнаго совѣта могутъ быть замѣщаемы по назначенію министра лицами, занесенными въ

избирательные списки. Далѣе новый законъ—относительно отвѣтственности за преступленія по должности—подчиняетъ выборныхъ членовъ училищнаго совѣта тѣмъ правиламъ, которыя установлены для состава управъ. Такимъ образомъ, эти статьи новаго закона существенно измѣняютъ то независимое положеніе, которое принадлежало членамъ отъ земства и городовъ въ училищныхъ совѣтахъ. Но измѣненіе въ постановкѣ дѣла этимъ еще не ограничивается, и статья третья новаго закона ставитъ членовъ училищнаго совѣта въ положеніе болѣе зависимое, чѣмъ то, въ какое поставлены члены управы. Статьею этой дается право губернатору, въ случаѣ, если онъ убѣдится въ неблагонадежности выборнаго члена училищнаго совѣта или во вредномъ вліяніи, какое онъ оказываетъ на ходъ обученія, представлять въ министерство объ увольненіи такого неблагонадежнаго или вреднаго члена. Эта статья закона ставитъ членовъ училищнаго совѣта въ совершенно исключительныя условія. Если припомнить, говорятъ по этому поводу *Русскія Вѣдомости*, что и безъ такого спеціальнаго указанія закона, при опредѣленіи неблагонадежности на общемъ основаніи, на практикѣ могутъ встрѣчаться значительныя недоразумѣнія, а съ другой, что агентомъ губернаторской власти въ уѣздѣ является исправникъ, самъ состоящій членомъ училищнаго совѣта, то нельзя не признать, что приведенная статья закона создаетъ для выборныхъ членовъ училищнаго совѣта положеніе во многихъ отношеніяхъ неудобное. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что законъ ничѣмъ не опредѣляетъ условій, требуемыхъ для утвержденія или неутвержденія ихъ выбора; указывая далѣе на обстоятельства, могущія вызвать увольненіе члена совѣта, законъ выражается недостаточно ясно и оставляетъ безъ ближайшаго разъясненія, что именно можетъ быть признано за вредное вліяніе на ходъ обученія, помимо неблагонадежности. При ограниченіяхъ, вводимыхъ новымъ закономъ, земство и думы будутъ вдвойнѣ стѣснены въ избраніи членовъ училищнаго совѣта: во-первыхъ, избранныя лица легко могутъ подвергнуться неутвержденію и, во-вторыхъ, многіе просто будутъ отказываться отъ баллотировки, въ виду установленной подчиненности и возможныхъ недоразумѣній. Въ результатѣ — право участія земства въ завѣдываніи школами значительно сокращается.

Въ то же время, у насъ, къ сожалѣнію, нерѣдкое явленіе, что попытки изъ среды общества къ устройству школы, библіотеки, публичныхъ чтеній встрѣчаютъ со стороны мѣстной администраціи трудно объяснимые или слишкомъ формалистическіе отказы. Такъ, напримѣръ, въ *Русскую Жизнь* изъ Орла сообщаютъ, что еще въ началѣ истекшей зимы служащіе на орловско-грязской желѣзной дорогѣ, послѣ передачи ея юго-восточному обществу, предложили орловскому комитету народныхъ чтеній свою богатую библіотеку съ тѣмъ, чтобы онъ положилъ основаніе публичной библіотекѣ, потребность въ которой сильно ощущается въ городѣ со стотысячнымъ населеніемъ. Чтобы пріобрѣсти право на открытіе такой библіо[тек]и, комитетъ тогда же возбудилъ давно задуманное ходатайство о пре[образ]ованіи его въ комитетъ грамотности. Къ сожалѣнію, до сихъ

поръ нѣтъ отвѣта на ходатайство. Между тѣмъ, жертвователи послѣднимъ срокомъ для передачи библіотеки назначили май мѣсяцъ (время окончательной ликвидаціи дѣлъ общества) и обусловили, что если комитетъ къ тому времени не получитъ разрѣшенія, то они передадутъ библіотеку въ другое мѣсто.

А вотъ еще весьма характерный обращикъ, сообщенный въ *Недѣлю* изъ Ижевска. «Русскаго человѣка,—пишетъ ижевскій корреспондентъ,—все укоряютъ въ апатіи къ дѣлу общественнаго блага, въ отсутствіи съ его стороны всякой иниціативы; между тѣмъ, если всмотрѣться глубже, то вина далеко не всегда въ его неподвижности. Въ № 46 *Недѣли* за прошлый годъ указывалось печальное положеніе Ижевска въ дѣлѣ удовлетворенія духовныхъ потребностей народа. Въ первыхъ числахъ ноября 1893 года мѣстнымъ обывателемъ М. Е. Д. была послана куда слѣдуетъ просьба о разрѣшеніи открыть публичную библіотеку; въ началѣ февраля былъ полученъ формальный отказъ, мотивируемый тѣмъ, что Ижевскъ не городъ, а село, и потому подобныхъ учрежденій въ немъ открывать не полагается. Однако, въ сущности, какое же это село: 40 тысячъ жителей, которыхъ вполнѣ хватило бы на любой губернскій городъ средней руки со всѣми его слободами. Нѣсколько церквей, кирка, мечеть, клубъ, военное собраніе, почтовая контора, банкъ, временный театръ и даже выставка картинъ дополняютъ понятіе о громадности ижевскаго завода, не говоря уже о массѣ магазиновъ, лавокъ и огромныхъ базаровъ, на которые съѣзжаются десятки тысячъ. Если всѣ перечисленныя учрежденія находятъ свой raison d'être, то, казалось бы, для удовлетворенія духовныхъ нуждъ подобнаго скопленія народа, тѣмъ болѣе не лишнею была бы и библіотека. При подобныхъ условіяхъ желательно было бы сдѣлать отступленіе отъ формальныхъ опредѣленій и поставить наше село въ соотствующее ему положеніе. Нашлись люди и средства, только за разрѣшеніемъ и стало дѣло. Въ нашемъ многолюдномъ селѣ, испорченномъ фабричностью, рѣшительно нѣтъ отбою отъ кабаковъ и связанныхъ съ ними грабежей, разбоевъ и убійствъ, а потому развитіе просвѣтительныхъ учрежденій у насъ имѣетъ значеніе можетъ быть большее, чѣмъ гдѣ-либо».

Въ послѣднее время печать наша много занимается вопросомъ о полезности надѣленія школъ земельными участками, на которыхъ сельскіе учителя могли бы практически обучать дѣтей сельско-хозяйственному дѣлу. Весьма интересныя справки къ этому вопросу представляетъ статья г. Куницкаго *Задачи народной школы*, напечатанная въ послѣдней книжкѣ журнала *Образованіе*. Авторъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ качествѣ земскаго дѣятеля по народному образованію, имѣлъ возможность непосредственно наблюдать народныя школы. Эти наблюденія, а также и отзывы народныхъ учителей и учительницъ привели его къ выводу, что народная школа не можетъ взять на себя задачу распространять въ народѣ какія-либо прикладныя знанія, напримѣръ, по сельскому хозяйству, садоводству и т. п. Г. Куницкій полагаетъ, что при той п ра-

зительной и удручающей душу массовой безграмотности, которая царитъ въ деревняхъ, прямое и самое первое и святое назначеніе школы — хоть сколько-нибудь уменьшить повальную безграмотность, ежегодно выпуская въ жизнь извѣстное количество грамотныхъ юношей. Къ достиженію этой цѣли она и должна стремиться прежде всего и больше всего, а всякія постороннія цѣли могутъ только помѣшать главной задачѣ школы, въ виду крайне непродолжительнаго учебнаго періода въ народной школѣ.

Любопытно отмѣтить отношеніе къ идеѣ надѣленія школъ землею со стороны учителей и учительницъ, съ которыми по этому вопросу приходилось бесѣдовать г. Куницкому. Многіе изъ нихъ на вопросъ, желали бы они или нѣтъ, чтобы ихъ школа была надѣлена землею, сразу, не сообразивъ дѣла, отвѣчали, что очень желали бы; но когда затѣмъ рѣчь заходила о необходимости для нихъ въ такомъ случаѣ вести полевое хозяйство, то большинство совершенно отказывалось отъ своего первоначальнаго мнѣнія и прямо заявляло, что лучше отказаться и отъ удовольствія имѣть при школѣ садъ и огородъ, и отъ выгодъ, которыя имъ представитъ возможностъ имѣть свою корову, свою муку и проч., чѣмъ становиться въ ложныя отношенія къ своимъ сосѣдямъ-крестьянамъ, безъ помощи и содѣйствія которыхъ имъ не обойтись и съ которыми имъ неизбѣжно придется въ такомъ случаѣ столкнуться въ такихъ вопросахъ, отъ которыхъ теперь, при современномъ положеніи дѣла, они совершенно стоятъ особнякомъ и вдали. Все это, по замѣчанію г. Куницкаго, давно извѣдано на практикѣ нашимъ сельскимъ духовенствомъ и ведетъ ко многимъ недоразумѣніямъ, лишая его возможности быть въ глазахъ своихъ прихожанъ только пастырями церкви и наставниками, а не нанимателями, контрагентами, истцами, отвѣтчиками на судѣ.

Рука объ руку съ невѣжествомъ крестьянства идетъ и его бѣдность. До какихъ невообразимыхъ цифръ достигаетъ задолженность сельскаго населенія, объ этомъ даютъ понятіе только земско-статистическія изслѣдованія. Такъ, напримѣръ, самарская земская коммиссія, изслѣдуя экономическое положеніе губерніи, высчитала, что, не касаясь недоимокъ выкупныхъ платежей, которыхъ числится 16.000,000 руб., задолженность населенія Самарской губерніи достигла въ истекшемъ 1893 году 34.602,005 рублей. Долгъ населенія продовольственному капиталу простирается до 7.000,000 рублей. Слѣдовательно, всѣхъ долговъ состоитъ за самарскими крестьянами 57.602,005 руб. Что, спрашивается, можетъ тутъ подѣлать земство, само имѣющее гроши въ кассѣ и ждущее этихъ грошей отъ того же крестьянина?

Неудивительно, поэтому, что переселенческое движеніе изъ Европейской Россіи за Уралъ сильно возросло въ теченіе послѣдняго десятка лѣтъ. Изъ официальныхъ вѣдомостей чиновника особыхъ порученій земскаго отдѣла, завѣдующаго переселенческимъ дѣломъ по Томской губерніи, видно, что въ этой губерніи, въ періодъ отъ 1884 по 1888 годъ, водворялось [illegible] годъ среднимъ числомъ 18,000 душъ: въ послѣдніе же три года

ежегодное водвореніе достигало 32,000 человѣкъ. На основаніи тѣхъ же вѣдомостей слѣдуетъ ожидать еще большаго усиленія переселеній въ ближайшіе годы, такъ какъ число ходоковъ за послѣднее четырехлѣтіе неизмѣнно возростаетъ: въ 1890 г. чрезъ Томскъ прошло 341, въ 1891 г.—769, въ 1892 г.—779, а въ минувшемъ—1,012 ходаковъ. Не свидѣтельствуютъ ли эти данныя съ полною очевидностью о несостоятельности запретительныхъ мѣръ по отношенію къ крестьянскому движенію на новыя мѣста? Эти запретительныя мѣры, не будучи въ силахъ остановить переселенческое движеніе, содѣйствуютъ только росту переселеній внѣ опредѣленныхъ закономъ условій. За послѣдніе четыре года переселилось съ надлежащаго разрѣшенія только немного болѣе пятой части (23½%), причемъ количество самовольныхъ переселенцевъ возростало съ каждымъ годомъ и въ прошломъ году достигло 87%. Очевидно, было бы гораздо цѣлесообразнѣе, если бы, взамѣнъ безрезультатныхъ попытокъ помѣшать переселенческому движенію, заселяемыя окраины были заблаговременно приготовлены къ принятію поселенцевъ и если бы послѣднимъ вообще была оказана поддержка со стороны государства въ дѣлѣ упроченія ихъ хозяйственнаго быта на новыхъ мѣстахъ.

Въ настоящее же время существующія запретительныя мѣры по отношенію къ желающимъ выселиться порождаютъ нерѣдко весьма прискорбныя явленія, обращикомъ которыхъ можетъ служить слѣдующая печальная исторія, разсказанная въ *Кіевскомъ Словѣ*. Значительное число крестьянъ Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи, задумало выселиться въ Акмолинскую область. Они послали выборныхъ въ Петербургъ и съ нетерпѣніемъ ждали лишь возвращенія своихъ ходоковъ, которые должны были, по ихъ мнѣнію, непремѣнно привезти желанное разрѣшеніе на переселеніе, а съ нимъ, съ этимъ разрѣшеніемъ, и право на льготный, а, можетъ быть, и совсѣмъ безплатный проѣздъ по желѣзной дорогѣ. Въ то же время, многіе изъ крестьянъ уже стали пріискивать покупателей на свое имущество, дѣлать условія о продажѣ земли (у кого она есть). Прошло два мѣсяца съ отъѣзда ходоковъ въ Петербургъ,—наконецъ, они явились. Но, сверхъ всякаго ожиданія, вѣсти, привезенныя ими, были самаго безотраднаго свойства. Ихъ постигла полная неудача: куда они ни обращались въ Петербургѣ, всюду встрѣчали отказъ. Фигурировали здѣсь и какіе-то «адвокаты», съ которыми ходоки встрѣчались на постоялыхъ дворахъ и которые писали прошенія имъ, и жулики, обобравшіе ихъ карманы. Въ концѣ-концовъ, «депутаціи» едва-едва удалось, съ горемъ пополамъ, добраться домой. Дома надъ ними тоже разразилась бѣда. Началось съ того, что всѣхъ ходоковъ посадили подъ арестъ, какъ коноводовъ, извлекающихъ будто бы личныя выгоды изъ переселенческаго движенія, «дѣйствующихъ съ корыстными цѣлями». Къ нимъ прекратили доступъ всѣмъ постороннимъ. Начались дознанія, слѣдствіе, собираніе справокъ и т. д. Появилось цѣлое дѣло у судебнаго слѣдователя (вскорѣ, впрочемъ, прекращенное, за отсутствіемъ состава преступленія). Тѣмъ не менѣе, наѣхало изъ Остра начальство.

Опять пошли дознанія, розыски виновныхъ, «подстрекателей», явились подставные свидѣтели—всякій сбродъ, которые стали городить всякую небывальщину. Приняты были энергичныя мѣры къ устраненію возможности переселиться; прекращена была даже выдача паспортовъ, куда бы проситель ни шелъ, хотя бы просто на заработки. Но всѣ эти мѣры оказались не достигающими цѣли; онѣ только тревожатъ крестьянъ, не оставившихъ завѣтной мечты, съ которой они успѣли уже сродниться. Безъ паспортовъ, тайно, часто даже ночью, выходятъ переселенцы цѣлыми партіями, садятся въ Бобрикѣ на желѣзную дорогу и уѣзжаютъ. Уѣхали нѣкоторые и изъ ходоковъ (изъ селъ Русанова и Плоскаго). Въ заключеніе сообщенія, газета высказывается за необходимость организаціи переселеній изъ Остерскаго уѣзда. «При настоящемъ положеніи дѣла,—читаемъ въ газетѣ,—единственною разумною мѣрой къ благопріятному разрѣшенію всей этой путаницы можетъ быть, по нашему мнѣнію, возможно быстрая организація дѣла по переселенію крестьянъ въ Алтайскую область (смежную съ Акмолинской), куда открытъ теперь свободный доступъ переселенцамъ, о чемъ, на-дняхъ, и получено увѣдомленіе отъ начальника губерніи, разославшаго всѣмъ земскимъ начальникамъ циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ для свѣдѣнія».

Неблагопріятныя экономическія условія сельскаго населенія заставляютъ его бросать родину и брести за нѣсколько тысячъ верстъ на новыя мѣста въ надеждѣ найти тамъ достаточный земельный надѣлъ; они же, эти условія, порождаютъ вымираніе населенія. Въ предшествующей хроникѣ мы уже констатировали вымираніе населенія въ 128 уѣздахъ. Теперь *С.-Петербургскія Вѣдомости* останавливаются на отчетѣ симбирскаго врачебнаго инспектора и извлекаютъ изъ этого оффиціальнаго сообщенія поучительныя данныя. Оказывается,—говоритъ газета, — что въ этомъ плодороднѣйшемъ районѣ населеніе проявляетъ тенденцію къ вымиранію. Въ 1892 г. въ Симбирской губерніи родившихся было 65,000, а умершихъ 79,000 душъ, т.-е. естественная убыль составила 14,000 душъ. Хотя въ этомъ году посѣтила губернію холера, но размѣры ея распространенія были весьма незначительны. Всего отъ эпидеміи умерло 8,000 человѣкъ. За вычетомъ этой цифры, смертность, все-таки, превысила рождаемость. Въ общемъ же за 1892 г. естественная убыль населенія въ Симбирской губерніи дала почти 1 проц. Газета сравниваетъ затѣмъ смертность различныхъ мѣстностей названной губерніи со смертностью Петербурга. Въ Петербургѣ максимальный коэффиціентъ смертности составляетъ 30 смертныхъ случаевъ на тысячу жителей; въ послѣднее же время этотъ средній коэффиціентъ понизился до 26. Не то мы видимъ въ Симбирской губерніи. Здѣсь на тысячу душъ населенія смертныхъ случаевъ приходится отъ 10[illegible] (гор. Сенгилей) до 36 (гор. Алатырь). Въ самыхъ же деревняхъ этотъ коэффиціентъ показываетъ отъ 67 до 43. Такимъ образомъ, смертность въ средѣ сельскаго населенія, по крайней мѣрѣ, въ три раза превышаетъ смертность города съ милліоннымъ населеніемъ и расположеннаго въ не-

благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ. Обращаясь къ объясненію этого факта, газета говоритъ: «Несомнѣнно, что проявленіе упадка экономическаго благосостоянія сельскихъ классовъ принимаетъ весьма острыя и угрожающія формы. Что въ основѣ такого высокаго процента смертности, какой зарегистрированъ въ Симбирской губерніи, лежатъ причины главнымъ образомъ экономическаго характера, это доказывается и преобладавшимъ видомъ заболѣваній. Наиболѣе значительное число ихъ относится къ болѣзнямъ пищеварительныхъ органовъ, обусловливающимся плохимъ питаніемъ».

Мы не пропускаемъ случая отмѣчать сколько-нибудь выдающійся откликъ общества или частнаго лица на нужды трудящагося населенія. Въ настоящей хроникѣ мы можемъ отмѣтить пожертвованіе г. Сибирякова и дѣятельность г. Штанге и д-ра Ткачева.

На-дняхъ, И. М. Сибиряковъ пожертвовалъ капиталъ въ 420,000 руб. на вспомоществованіе рабочимъ и ихъ семействамъ на золотыхъ промыслахъ Якутской области. Помощь будетъ оказываться рабочимъ, получившимъ увѣчье отъ несчастныхъ случаевъ на промыслахъ или потерявшимъ здоровье и силы на пріисковыхъ работахъ и вслѣдствіе этого сдѣлавшимся неспособными къ пропитанію собственнымъ трудомъ; семействамъ тѣхъ и другихъ рабочихъ, а также семействамъ рабочихъ, лишившихся жизни на промыслахъ какъ отъ болѣзни, такъ и вслѣдствіе особыхъ несчастныхъ случаевъ. Пособія будутъ единовременныя, продолжительныя и постоянныя (пенсіи).

Продолжительныя и постоянныя пособія (пенсіи) увѣчнымъ будутъ назначаться въ размѣрѣ не болѣе 10 р. въ мѣсяцъ (120 руб. въ годъ); для мѣстностей же Сибири, отличающихся особою дешевизной жизни, а также и лицамъ, не обремененнымъ семействомъ, пособія могутъ быть назначаемы и въ меньшемъ размѣрѣ.

Крупное пожертвованіе,— говоритъ г. Семевскій, сообщившій въ *Русскія Вѣдомости* подробныя свѣдѣнія о пожертвованіи И. М. Сибирякова,— не можетъ не вызвать живѣйшаго сочувствія всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы рабочихъ. Исторія Сибири представляетъ примѣры и другихъ крупныхъ пожертвованій на просвѣщеніе, благотворительность и тому подобное, но до сихъ поръ не было сдѣлано никѣмъ такой крупной жертвы въ пользу рабочихъ. Это дѣло само по себѣ прекрасное, но оно прекрасно и какъ примѣръ, какъ громкое признаніе общественной обязанности, лежащей на всѣхъ владѣльцахъ торговыхъ, промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ предпріятій. Къ сожалѣнію, объ этой обязанности думаютъ весьма немногіе.

Другую попытку придти на помощь труженикамъ золотопромышленности представляетъ проектированное въ Томскѣ «общество вспомоществованія рабочимъ горныхъ и золотыхъ промысловъ Томскаго горнаго округа», уставъ котораго уже отправленъ въ Петербургъ. Въ случаѣ его утвержденія,—говоритъ *Вѣстникъ Золотопромышленности*, — это будетъ первое

общество въ Сибири, труды котораго будутъ спеціально посвящены интересамъ рабочаго класса. По проекту устава, цѣль общества состоитъ въ слѣдующемъ: 1) доставлять средства къ жизни (оплатою квартиръ и пищевого довольствія) тѣмъ рабочимъ, которые при работахъ на горныхъ и золотыхъ пріискахъ лишились возможности трудиться, вслѣдствіе увѣчья или утраты здоровья и силъ; 2) устраивать особые пріюты для такихъ рабочихъ, съ тѣмъ, по возможности, чтобы большая часть стоимости содержанія призрѣваемыхъ окупалась ихъ трудомъ; 3) содѣйствовать матеріальными средствами къ скорѣйшему и съ лучшимъ исходомъ излеченію увѣчныхъ и давать пособія ихъ семействамъ; 4) облегчать рабочимъ сохраненіе ихъ заработка путемъ помѣщенія ихъ сбереженій въ государственныя сберегательныя кассы и 5) оказывать содѣйствіе къ страхованію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ въ страховыхъ обществахъ.

Въ іюньской книжкѣ прошлаго года мы указывали на дѣятельность г. Штанге, какъ на одинъ изъ обращиковъ благотворной дѣятельности въ пользу народа. Г. Штанге, проживая нѣсколько лѣтъ въ селѣ Павловѣ и изучивъ бытъ тамошнихъ кустарей, увидѣлъ, что тысячи кустарей дѣйствуютъ въ разбродъ, конкуррируютъ между собою изъ-за насущнаго хлѣба, а десятокъ сплоченныхъ скупщиковъ опутали сѣтями всю павловскую бѣдноту, которая на нихъ работаетъ, какъ крѣпостное село. Чтобы освободить мухъ отъ пауковъ, надо было организовать артель изъ рабочихъ и найти выходъ въ продажѣ товара помимо скупщиковъ. Затѣмъ надо было пріобрѣтать матеріалъ и инструменты изъ первыхъ рукъ и устроить артельную мастерскую. Г. Штанге энергично работалъ для выполненія этого плана и многое успѣлъ сдѣлать. Два годы борьбы съ интригой, сплетнями, подозрѣніями, угрозами не утомили г. Штанге. Своею настойчивостью онъ обратилъ на себя вниманіе нижегородскаго губернатора, который нашелъ время лично познакомиться съ дѣломъ, понялъ его, нашелъ полезнымъ для массы бѣдняковъ и велѣлъ идеалиста оставить въ покоѣ. Дѣятельность г. Штанге увѣнчалась успѣхомъ. Недавно (5 марта) въ кустарномъ отдѣленіи общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ сдѣланъ имъ докладъ о кустарной павловской артели. По словамъ докладчика, иниціатива артели принадлежитъ двумъ рабочимъ: Кроткову и Титову, которые и просили докладчика взять на себя руководительство дѣлами артели. Докладчикъ согласился и, заручившись въ Москвѣ нѣсколькими заказами, принялся за осуществленіе идеи основанія артели. Такъ какъ денегъ ни у кого не было, то пришлось обратиться за ссудой, ка[illegible]вая и была дана г. Лепешкинымъ въ размѣрѣ 400 рублей. Всего съ [illegible]атеріальными ссудами у иниціаторовъ оказалось 500 руб. По выполне[illegible] данныхъ артели заказовъ, артель успѣла пріобрѣсти между заказчика[illegible] хорошую репутацію. Здѣсь пришелъ на помощь артели Сергѣй Т. Моро[illegible]въ, ссудившій артели всего 4,800 руб. Вскорѣ къ артели примкнули еще два интеллигентныхъ лица: инженеръ г. Ефремовъ, который явился дѣ[illegible]льнымъ сотрудникомъ г. Штанге, въ Павловѣ, и М. В. Григоровъ,

который открылъ въ Петербургѣ первый складъ издѣлій артели и въ прошломъ году продалъ ихъ на 7,000 руб. Словомъ, дѣла артели были очень недурны; но когда фабриканты и крупные скупщики увидали въ лицѣ артели серьезнаго конкуррента, то на нее тотчасъ же посыпались всевозможные доносы, клеветы; но въ результатѣ получилось то, что всѣ навѣты клеветниковъ были опровергнуты и артель получила законное право на существованіе, хотя враги ея пользовались каждымъ случаемъ, чтобы нанести ей массу мелкихъ непріятностей, тяжело отзывавшихся на артели. Въ настоящее время дѣла артели находятся въ слѣдующемъ положеніи: артель имѣетъ свой утвержденный уставъ, владѣетъ участкомъ земли въ ½ десятины, на которомъ выстроена двухъэтажная деревянная фабричка-кузница. Всѣхъ членовъ артели въ настоящее время числится 38 челов., но работаетъ въ ней всегда болѣе 70 чел. Всѣ лица, не состоящія членами артели, проработавъ въ ней извѣстное время, могутъ быть избираемы въ члены артели, если они не моложе 17 лѣтъ. Харчатся артельщики сообща. Заработокъ каждаго артельщика составляетъ отъ 150 до 300 руб. въ годъ. Этотъ заработокъ не меньше заработка рабочихъ на лучшихъ, въ смыслѣ заработной платы, фабрикахъ. Такъ какъ въ артели пьющихъ водку мало, то многіе изъ артельщиковъ уже успѣли поправить свои деревенскія дѣла. Артель имѣетъ «вспомогательный капиталъ», изъ котораго выдаются ссуды. Изъ этого капитала предполагается образовать особую вспомогательную кассу, откуда можно было бы выдавать и безвозвратныя пособія членамъ артели, когда это является необходимымъ. До сихъ поръ артель производитъ только высшіе сорта ножей и вилокъ, которые исполняются въ ней настолько хорошо, что на всѣхъ сельско-хозяйственныхъ выставкахъ артель получала за свои экспонаты серебряныя медали. Кромѣ собственныхъ издѣлій, артель принимаетъ на коммиссію издѣлія другихъ кустарей. Взимая за эту операцію лишь 5%, артель не дѣлаетъ изъ нея источника дохода для себя. Сбытъ собственныхъ издѣлій артели прогрессируетъ очень быстро; не превысивъ въ 1890—1891 г. 2,757 р., въ нынѣшнемъ 1893—1894 г. сбытъ достигъ 20,746 рублей.

17 января Ростовъ-на-Дону праздновалъ 50-ти лѣтній юбилей дѣятельности доктора Г. И. Ткачева. Дѣятельность г. Ткачева была разнообразна. Онъ и любимый народомъ докторъ, и распространитель сельско-хозяйственныхъ знаній въ массу, и выдающійся земскій дѣятель, и борецъ за общественные интересы въ мѣстной думѣ. Вотъ какъ мѣстная газета описываетъ входъ въ жилище этого человѣка: «Ни обычной дощечки на дверяхъ, ни параднаго подъѣзда и галантерейнаго швейцара. Передняя— маленькая, тѣсная; въ ней двѣ-три скамьи съ клеенчатою старою обивкой. «Старый докторъ», какъ его прозвали бѣдняки, принималъ раньше прямо съ улицы: когда онъ кончалъ осмотръ одного паціента, то стучалъ въ окно и звалъ другого, соблюдая строгую очередь: для богатыхъ и знатныхъ преимуществъ не допускалось». Неусыпнымъ трудолюбіемъ, искусствомъ и крайнею воздержностью д-ръ Ткачевъ скопилъ значительное состояніе,

которое пожертвовалъ на народное просвѣщеніе: 75,000 рублей на стипендіи въ Харьковскомъ университетѣ и нѣсколько десятковъ тысячъ рублей на народное образованіе въ Ростовѣ. Г. И. Ткачевъ былъ слишкомъ живой и отзывчивый на общественныя нужды человѣкъ, чтобъ ограничиться одною медицинскою помощью народу. Убѣжденный въ необходимости распространять въ народѣ сельско-хозяйственныя знанія, докторъ рѣшилъ самъ сдѣлаться примѣромъ подражанія для крестьянъ. Онъ взялъ въ аренду у правительства участокъ земли въ 1,500 десятинъ въ уѣздѣ, съ обязательствомъ ввести въ немъ лучшія, современныя орудія, образцовое скотоводство, птицеводство, овцеводство и прочія отрасли сельскаго хозяйства. Взялся—и выполнилъ, потративъ на это массу энергіи. *Докторъ медицины* первый ввелъ въ этомъ богатомъ краѣ сѣялки, косилки, жатвенныя машины—лучшія, какія появлялись на Западѣ. Бывали случаи, когда онъ по недѣлямъ не слѣзалъ, что называется, съ лошади, объѣзжая поля. Кажется, рѣдкій, дорогой человѣкъ для края, но у насъ часто бываютъ недовольны такого рода типами: на Ткачева былъ посланъ доносъ въ Петербургъ. Пріѣхала комиссія, произвела слѣдствіе, въ результатѣ котораго, по повелѣнію Государя, арендованный Ткачевымъ отъ правительства участокъ былъ отданъ ему въ полную собственность, какъ заслуженному просвѣтителю и благодѣтелю края. Въ то же время, Г. И. Ткачевъ былъ энергичнымъ дѣятелемъ въ земствѣ и думѣ. Въ думѣ ему пришлось раскрыть цѣлый рядъ городскихъ злоупотребленій; какъ живая совѣсть, онъ не умолкалъ, не пропуская ни единаго засѣданія, кромѣ развѣ случаевъ тяжкой болѣзни. Далеко не легко доставалась ему побѣда; бывали горькіе дни; во всѣ правительственныя учрежденія летѣли на него жалобы и доносы; онъ объяснялся съ генералъ-губернаторомъ, и, случалось, ничего не помогало. Однажды, въ подобномъ случаѣ, онъ поѣхалъ въ Петербургъ и прожилъ здѣсь 7 мѣсяцевъ, пока не добился, что по высочайшему повелѣнію ростовскій городской голова, извѣстный Байковъ, былъ смѣщенъ съ должности, а въ Ростовъ, также по высочайшему повелѣнію, была назначена слѣдственная комиссія, нашедшая цѣлый рядъ неправильностей въ дѣйствіяхъ головы.

Благодаря другому доктору, П. Г. Сущинскому, мы узнаемъ, что дѣлается въ тюменской тюрьмѣ. 5 марта въ засѣданіи общества охраненія народнаго здравія д-ръ Сущинскій сдѣлалъ сообщеніе о тюремномъ замкѣ въ г. Тюмени за періодъ 1888—1892 годовъ. Тюменская тюрьма, главная функція которой заключается въ пересылкѣ арестантовъ въ ближайшія и от[ъ]ленныя мѣста Сибири, занимаетъ второе по значенію мѣсто въ Россіи; въ [т]ой ежегодно бываетъ до 20,000 арестантовъ. Изъ свѣдѣній о состояніи [э]той тюрьмы къ августу 1892 года видно, что главное зданіе ея, по [ги]ническому содержанію воздуха приспособленное на 290 чел., вмѣщало въ [се]бѣ 3 августа 969 чел., а 27 мая 1892 г.—2,430. Вслѣдствіе этого, [на]полненность арестантовъ настолько велика, что превышаетъ болѣе чѣмъ [въ] 8 разъ нормальное число арестантовъ, могущихъ помѣститься въ тюрь-

мѣ. Больница, по кубическому содержанію воздуха, также не удовлетворяетъ своему назначенію, такъ какъ больныхъ въ ней бываетъ въ нѣсколько разъ болѣе вмѣщающихся въ ней. Скученность арестантовъ происходитъ и отъ многихъ другихъ причинъ, вродѣ, напримѣръ, той, что зимою прошлаго года арестанты не могли быть своевременно высылаемы изъ тюрьмы за неимѣніемъ въ тюрьмѣ теплой одежды и потому содержались въ числѣ 400 чел. всю зиму въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ вновь прибывавшими. Эти крайне антисанитарныя условія тюрьмы и отсутствіе какого-либо благоустройства тюремной больницы служатъ причинами сильной заразы, заболѣваемости и смертности между арестантами. Тюменская тюрьма, пропускающая въ годъ до 20,000 арестантовъ, находится, въ полномъ смыслѣ слова, въ заброшенномъ состояніи; въ теченіе цѣлаго десятилѣтія на нее не затрачено и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей. Все главное зданіе тюрьмы занято больницей и вся тысячная армія арестантовъ гнѣздится въ боковыхъ камерахъ, въ каждую изъ которыхъ, вмѣсто 10, помѣщается 100 арестантовъ. Тѣснота въ этихъ камерахъ такова, что часто ночью люди не могутъ лечь на полъ и должны или вплотную стоять другъ къ другу, или присѣсть на корточки. Воздухъ въ камерахъ до того бываетъ спертъ, что всѣ арестанты задыхаются, обливаясь потомъ, и ждутъ съ нетерпѣніемъ утра, когда можно будетъ передохнуть на свѣжемъ воздухѣ (арестантовъ выпускаютъ днемъ на воздухъ, несмотря на запрещеніе этого закономъ, ибо иначе они задохлись бы въ камерахъ). Кромѣ этихъ камеръ, существуетъ еще карцеръ, въ который сажаются провинившіеся арестанты; онъ представляетъ изъ себя почти герметически замкнутый каменный ящикъ. Условія водоснабженія арестантовъ таковы, что зачастую арестантамъ приходится сидѣть цѣлые дни безъ воды, на сухояденіи.

Въ заключеніе нашей хроники приведемъ фактъ, сообщенный *Енисейскимъ Листкомъ* и свидѣтельствующій о неполнотѣ нашихъ законовъ объ уголовной давности.

Въ настоящее время въ томскомъ губернскомъ замкѣ содержится замѣчательный субъектъ—Рыковъ, онъ же Рыкановъ, происхожденіемъ изъ крестьянъ или мѣщанъ. Ровно 33 года тому назадъ этотъ Рыкановъ, въ годы своей молодости,—ему теперь 58 лѣтъ,—былъ приговоренъ къ малосрочной каторжной работѣ за кражу изъ церкви, со взломомъ, свѣчей или чего-то въ этомъ родѣ на ничтожную, впрочемъ, сумму. Отправленный въ Сибирь для отбытія наказанія, Рыкановъ бѣжалъ съ дороги и, не разысканный, поселился въ Томскѣ, гдѣ преспокойно и прожилъ 32 года, занимаясь ремесломъ и ведя во все это время честную трудовую жизнь. Жилъ онъ подъ чужимъ именемъ и съ чужимъ паспортомъ лица, кажется, уже умершаго. И вотъ черезъ 32 года какъ-то обнаружилось, что онъ вовсе не тотъ, за кого выдаетъ себя. Рыкановъ или Рыковъ былъ арестованъ, чистосердечно признался во всемъ и объяснилъ, кто онъ. Первоначально, по предложенію прокурорскаго надзора, онъ былъ вскорѣ же освобожденъ полиціей и оставленъ въ Томскѣ подъ полицейскимъ надзоромъ, но затѣмъ, когда и-

говоръ полиціи о немъ поступилъ на утвержденіе начальника губерніи, послѣдовало разъясненіе, что давность къ Рыканову не можетъ быть примѣнена, и вотъ онъ теперь, черезъ 32 года безупречной жизни, приговоренъ къ наказанію плетьми и къ возвращенію въ каторжныя работы, съ увеличеніемъ ихъ срока, и заключенъ подъ стражу.

Къ сожалѣнію, разсказанный случай не представляетъ исключенія, и о подобныхъ случаяхъ сообщалось уже и раньше. Приведя его, газета справедливо замѣчаетъ, что, карая человѣка за содѣянное имъ, законъ, при назначеніи наказанія, долженъ, прежде всего, имѣть въ виду нравственныя цѣли, т.-е. стремиться къ исправленію осужденнаго, и разъ явилась возможность убѣдиться, что онъ дѣйствительно исправился и не повторитъ прежней вины, дальнѣйшее наказаніе уже будетъ безполезною и негуманною мѣрой.

И. Иванюковъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ послѣднее время положеніе вещей въ Австро-Венгріи до такой степени ухудшилось, что возбуждаетъ живую тревогу въ правящихъ сферахъ Цислейтаніи и Транслейтаніи. Суровыя репрессивныя мѣры не въ состояніи были сломить упрямую оппозицію младо-чеховъ. Странная коалиція нѣмецкой либеральной партіи съ польскимъ клубомъ и съ консервативнымъ клубомъ Гоэнварта уже пережила нѣсколько кризисовъ и, повидимому, имѣетъ мало шансовъ на долговременное существованіе. Министерство Векерле въ вопросѣ о введеніи гражданскаго брака встрѣтило рѣшительное сопротивленіе со стороны католическаго духовенства и палаты магнатовъ. Существуютъ для венгерскаго правительства и другіе источники весьма серьезныхъ затрудненій и опасностей. Въ Клаузенбургѣ *) въ то время, какъ пишутся эти строки, разбирается процессъ двадцати пяти румынъ, обвиняемыхъ венгерскимъ правительствомъ въ государственной измѣнѣ. Обстоятельства дѣла таковы:

Въ началѣ 1892 года въ Германштадтѣ происходилъ съѣздъ делегатовъ венгерскихъ румынъ. На съѣздѣ этомъ горячо говорилось о притѣсненіяхъ со стороны мадьяръ. Рѣшено было, въ виду крайне ненормальныхъ условій, въ которыя поставлено представительство румынскаго населенія въ Венгріи, отказаться отъ участія въ парламентской жизни и обратиться къ императору съ меморандумомъ, въ которомъ должны быть изложены жалобы и желанія венгерскихъ румынъ. Депутацію было рѣшено отправить не въ Буда-Пештъ къ королю, а въ Вѣну къ императору. Въ маѣ того же года меморандумъ былъ составленъ, и многочисленная депутація (237 человѣкъ) съ адвокатомъ Раціу во главѣ отправилась въ Вѣну. Императоръ отказался ихъ принять, ссылаясь на то, что, какъ конституціонный монархъ, не можетъ этого сдѣлать безъ вѣдома и согласія венгерскаго правительства. Тогда комитетъ трансильванскихъ румынъ рѣшилъ напечатать свой меморандумъ, что и вызвало судебное преслѣдованіе. Румынъ обвиняютъ въ томъ, что они признаютъ соединеніе Трансильваніи съ Венгріей нас[illegible]ь-

*) По-славянски Ключъ, въ Седмиградіи.

ственнымъ актомъ (венгерское правительство называетъ такое заявленіе воззваніемъ къ мятежу). Стѣсненія румынскаго языка и румынъ вообще усилились послѣ неудачи упомянутой депутаціи. Ея членамъ, въ случаѣ обвиненія, грозятъ очень суровыя наказанія, и клаузенбургскій процессъ глубоко волнуетъ румынъ и въ Венгріи, и въ румынскомъ королевствѣ. Когда подсудимые прибыли въ городъ, масса народа устроила имъ торжественную встрѣчу, дамы поднесли Раціу букетъ, который полиція, послѣ серьезной схватки, отбила и уничтожила. Въ числѣ обвиняемыхъ находятся нѣсколько профессоровъ и священниковъ, православныхъ и католическихъ. Въ Румыніи устраиваются многолюдные митинги, на которыхъ протестуютъ противъ мадьярской нетерпимости, и это, по сообщенію газетъ, даетъ поводъ къ дипломатическимъ запросамъ изъ Вѣны въ Бухарестъ. Раздраженіе румынскаго народа ростетъ, и въ этомъ лежитъ не малая опасность для венгерской гегемоніи въ Транслейтаніи,—гегемоніи, которая, въ сущности, является систематическимъ подавленіемъ другихъ національностей.

Вмѣстѣ съ этимъ въ Венгріи происходятъ движенія, даже бунты, носящіе соціалистическій характеръ, что также не можетъ не тревожить венгерскаго правительства. Соціалистическая агитація захватила въ Венгріи значительную часть земледѣльческаго населенія, положеніе котораго въ высшей степени неудовлетворительно. *National-Zeitung* сравниваетъ это положеніе съ печальнымъ состояніемъ крестьянъ въ Сициліи, гдѣ также происходило недавно серьезное возстаніе. *Politik* называетъ возмущеніе въ Годмецо-Вазархели предостереженіемъ мадьярскому шовинизму. Всѣ венгерскія правительства, съ графа Андраши до Векерле, угождая тщеславію мадьяръ, подавляли другія народности и мало заботились о печальномъ экономическомъ положеніи страны, гдѣ господствуетъ крупное землевладѣніе, ничего не дѣлающее для земледѣльцевъ. Населеніе тѣхъ несчастныхъ комитатовъ, гдѣ возмущеніе было прекращено военною силой, уже болѣе двухъ лѣтъ назадъ обращалось къ правительству съ воззваніемъ о помощи въ виду его истинно бѣдственнаго положенія, до котораго оно доведено пониженіемъ заработной платы, не покрывающей самыхъ насущныхъ и неотложныхъ потребностей рабочаго.

Бухарестскій корреспондентъ *Journal de Débats* справедливо указываетъ на то, что румынъ въ королевствѣ и въ Венгріи, кромѣ языка, религіи и общей исторіи, связываютъ и географическія условія: почти всѣ рѣки, орошающія Румынію, берутъ начало въ Трансильваніи. Сообщенія между этими областями легки и часты. Въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка в Трансильваніи началось румынское литературное движеніе, которое за т спустилось въ долины Молдавіи и Валахіи. Многочисленные эмигран т изъ Трансильваніи еще болѣе укрѣпляли эту живую связь. Румыны н висимаго королевства не желаютъ допустить, чтобы были мадьяризи р ны три милліона венгерскихъ румынъ (всего въ этомъ племени на с ывается до десяти милліоновъ).

тѣсненія, которымъ подвергаются трансильванскіе румыны, вызвали

со стороны либеральной оппозиціи, съ Стурдзой во главѣ, запросъ консервативному кабинету Катаржи. Практическаго значенія запросъ этотъ, конечно, имѣть не можетъ, но въ нравственномъ значеніи его нельзя сомнѣваться. Венгерскимъ румынамъ не станетъ, однако, отъ этого лучше, можетъ быть, даже положеніе ихъ ухудшится (клаузенбургскій процессъ начатъ послѣ преній въ румынскомъ парламентѣ). Венгерское правительство не только не обратитъ вниманія на заявленія румынской либеральной партіи и на манифестаціи, враждебныя мадьярамъ, но скорѣе усилитъ мѣры, направленныя противъ національныхъ стремленій трансильванскихъ румынъ. Съ другой стороны, Румынія вовлечена въ орбиту тройственнаго союза. Тотъ самый Стурдза, который гремитъ теперь противъ Венгріи, отстаивалъ присоединеніе къ могущественной лигѣ изъ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи, какъ необходимое въ румынскихъ интересахъ. Въ то же время, онъ осуждалъ Россію за присоединеніе румынской Бессарабіи. При такихъ условіяхъ, въ союзѣ съ кѣмъ же малочисленный румынскій народъ можетъ добиться присоединенія къ Румыніи Трансильваніи или, по крайней мѣрѣ, широкой національной автономіи этой послѣдней?

Если движенію среди венгерскихъ румынъ и соотвѣтствующему этому движенію возбужденію общественнаго мнѣнія въ румынскомъ королевствѣ нельзя предсказать благопріятнаго исхода, то недобрымъ предзнаменованіемъ и большимъ затрудненіемъ является оно для венгерскаго правительства. Съ тремя милліонами своихъ румынъ оно бы справилось, по всей вѣроятности, тѣми беззастѣнчивыми мѣрами, которыя теперь пускаются въ ходъ; но при существованіи независимаго румынскаго государства, при той нравственной и матеріальной поддержкѣ, которую могутъ получать оттуда трансильванскіе румыны, задавить среди нихъ національныя стремленія становится дѣломъ очень труднымъ.

Венгерское правительство стянуло въ Клаузенбургъ войска и приняло мѣры, чтобъ о происходящемъ тамъ судѣ въ печать не проникало никакихъ извѣстій, не прошедшихъ черезъ цензуру. Естественно, что всѣ эти мѣры возбуждаютъ недовѣріе къ правосудію, сильно раздражаютъ румынъ и приводятъ въ негодованіе каждаго безпристрастнаго наблюдателя современной политической жизни Европы. Стѣснить свободу печати задумало было и нынѣшнее цислейтанское правительство, но встрѣтило сильный отпоръ со стороны парламента. Вмѣсто расширенія правъ администраціи конфисковать отдѣльные номера повременныхъ изданій, получилось незначительное, правда, но, все-таки, стѣсненіе цензурнаго произвола: власти теперь будутъ обязаны указывать редакторамъ, что именно вызвало конфискацію того или другого номера. Правительство вынуждено было сдѣлать другія уступки въ этомъ первостепенной важности вопросѣ: во-первыхъ будетъ упрощено разрѣшеніе на торговлю газетами; во-вторыхъ, отмѣнит необходимость представлять залогъ при основаніи новыхъ газетъ и жур ловъ. Этимъ, замѣтилъ въ парламентской коммиссіи министръ внутренн дѣлъ, достигается возможность для каждой партіи издавать собствен

политическіе органы. Нечего и говорить, что установленіе нормальныхъ условій для свободнаго слова является основною потребностью образованнаго общества.

Чтобы кончить на этотъ разъ наши замѣчанія о политической жизни Австро-Венгріи за послѣдній мѣсяцъ, упомянемъ о томъ, что дѣятельность депутатовъ польскаго клуба рейхсрата продолжаетъ возбуждать справедливыя нападенія со стороны либеральной польской печати. *Дневникъ Польскій* осуждаетъ клубъ за его образъ дѣйствія въ вопросѣ объ избирательной реформѣ, которая тормазится коалиціонными партіями. *Нова Реформа* возмущена тѣмъ, что разсмотрѣніе въ парламентѣ законопроекта, измѣняющаго дѣйствующую избирательную систему, отложено по иниціативѣ именно польскаго клуба. Не мало горькихъ порицаній вызвало также поведеніе польской аристократіи и духовенства, которыя уклонились отъ участія въ недавнихъ народныхъ торжествахъ въ честь Костюшки, что̀ дало поводъ къ уличнымъ схваткамъ во Львовѣ и въ Краковѣ. Слѣдуетъ упомянуть и о продолжающемся неудовольствіи чеховъ противъ поляковъ. Возмутила чеховъ въ послѣднее время рѣчь представителя поляковъ въ коалиціонномъ министерствѣ Виндишгреца-Пленера, министра народнаго просвѣщенія Мадейскаго, который равнодушно, съ точки зрѣнія централиста, отнесся къ національнымъ стремленіямъ чеховъ въ области народнаго образованія. Польская аристократія никакъ не можетъ освободиться отъ своего историческаго грѣха, выступая противъ разумныхъ требованій собственнаго народа, противъ демократическихъ стремленій чеховъ и галиційскихъ русскихъ.

Далеко не все благополучно въ послѣднее время на Балканскомъ полуостровѣ. Особенною странностью отличается положеніе Сербіи съ тѣхъ поръ, какъ туда вернулся продавшій свое королевское достоинство и права сербскаго гражданина пресловутый Миланъ. Пользуясь своимъ вліяніемъ на юнаго сына, Миланъ началъ смуту въ несчастливомъ государствѣ. Вопреки конституціи, безъ согласія скупщины, король Александръ возвратилъ своему отцу проданное имъ сербское гражданство. Печать нападаетъ на экс-короля, администрація возбуждаетъ противъ газетъ преслѣдованія, но суды, къ ихъ чести, отказываются давать ходъ этимъ преслѣдованіямъ, потому что законъ въ данномъ случаѣ нарушается не газетами, а королемъ. Для характеристики современнаго положенія вещей въ Сербіи интересна приведенная въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* статья газеты *Дневни Листъ*, озаглавленная *Искреннее слово бывшему королю Милану* и подписанная: *Старый другъ дома Обреновичей*.

ъ раннихъ лѣтъ,—пишетъ этотъ другъ Милану,—лишенный родите-
ле вы были отданы въ жертву чужеземцамъ. Незрѣлый духомъ и не утве ленный въ добрѣ, вы были окружены интриганами и подлыми себя-
лю цами, которые внушили вамъ мысль, что Сербія—ваше имѣніе, а сер-
бы ваши рабы. Когда къ вамъ приходилъ человѣкъ честный, имѣвшій

смѣлость напоминать вамъ ваши обязанности къ странѣ и народу, вы не понимали его и думали, что онъ говорилъ такимъ образомъ изъ вражды къ вамъ. И такъ, не имѣя около себя ни отца, ни матери, ни настоящихъ друзей, которые васъ любили бы и учили бы любить другихъ, вы сдѣлались тѣмъ, чѣмъ вы теперь: человѣкомъ безъ разсудительности и сердца, человѣкомъ, не имѣющимъ возможности отличить добро отъ зла. Всѣ рѣчи, вся дѣйствительность для васъ—ничто. Низкопоклонники и шулера—ваши друзья, удовольствіе для васъ все, отечество—ничто. Ничтожные льстецы, которыми вы съ молодости окружали себя, внушили вамъ большое самомнѣніе, такъ что вы почитаете себя не только за самаго хитраго, но даже за непогрѣшимаго, и предполагаете, что вамъ дозволено все, даже и то, чего каждый человѣкъ до глубины души стыдится». Послѣ возвращенія на родину Миланъ вступилъ въ борьбу съ народнымъ представительствомъ. «Еслибъ вы сознавали то, что дѣлаете, — продолжаетъ *старый другъ*, — вы поняли бы, какую злую услугу оказываете своему сыну. Вы говорите, что король пригласилъ васъ въ отечество, чтобы вы были его совѣтникомъ. Это неправда, такъ какъ король дозволилъ вамъ возвратиться въ отечество лишь послѣ вашихъ многократныхъ просьбъ, а вы такъ отблагодарили его за его любовь и благородство! Вы называете себя воиномъ и предлагаете королю быть его стражемъ. Вы воинъ, вы, который всегда опасался быть тамъ, гдѣ лилась кровь за нашу честь и отечество? Въ трехъ войнахъ, хотя вы при каждомъ случаѣ выказываете войску свою любовь, вы ни одной ночи не провели съ сербскимъ войскомъ подъ открытымъ небомъ. Будучи всегда удалены на десять часовъ пути отъ мѣста боя въ то время, когда войско гибло отъ голода и зимой мерзло, вы со своими любимцами лакомились произведеніями придворной кухни. Вы, который въ сербскомъ солдатѣ всегда видѣли купленнаго за жалованье полицейскаго, вы—воинъ и стражъ сербскаго короля!»

Кончается *искреннее слово* такимъ образомъ: «Сербскій геній устоитъ и въ этой новѣйшей опасности, но вы и ваше имя погибнете, а будущія поколѣнія будутъ ставить его рядомъ съ именемъ Вука Бранковича, измѣнника коссовскаго. Народъ васъ не желаетъ и не вѣритъ вамъ, и иначе не будетъ, пока вы будете оставаться въ Сербіи. Поэтому уѣзжайте себѣ съ Богомъ и оставьте сына своего, чтобъ онъ спокойно, свободно, хладнокровно исполнялъ свой высокій долгъ. Чего вы желаете отъ своего сына? Борьбы съ народомъ, чтобъ онъ проливалъ его кровь? Не дай Богъ, чтобы дѣло дошло до кровопролитія. Кровь народа всегда падала на того, кто ее проливалъ. Теперь самое благопріятное время говорить правду. Я сказалъ правду и исполнилъ свою обязанность передъ Сербіей и передъ сербскимъ королемъ. Васъ же, мой бывшій король, прошу извинить меня, если своею откровенностью я причинилъ вамъ непріятность. Вы хорошо знаете, что въ свое время я отказывался отъ всякой вашей милости, что я никогда ни о чемъ другомъ не просилъ васъ, какъ лишь о томъ, чтобы вы смотрѣли на меня какъ на честнаго человѣка, вѣрно преданнаго Сербіи и

трону. Если я васъ и оскорбилъ, то сдѣлалъ это не изъ-за чего-либо иного, какъ изъ-за того, чтобъ указать отцу сербскаго короля путь болѣе достойный, чѣмъ тотъ, по которому онъ идетъ. Вѣрьте мнѣ, мой бывшій король, что я всегда былъ искренно преданъ вамъ, но не потому, что любилъ васъ, а потому, что вы были королемъ сербскимъ».

Нельзя назвать утѣшительнымъ въ настоящее время и положеніе Италіи. Криспи удалось въ блестящей рѣчи, разсчитанный на національное тщеславіе, увлечь за собою большинство парламента. Онъ напоминалъ о пораженіяхъ при Кустоццѣ и Лиссѣ, о томъ, что Франція за содѣйствіе освобожденію Италіи отъ австрійскаго ига взяла себѣ западные Альпы, что восточные Альпы остались за Италіей. Большинство, взволнованное этими патріотическими воспоминаніями, рукоплескало министру-президенту и признало необходимость сохраненія тяжелыхъ военныхъ расходовъ, отъ которыхъ разоряется страна. Теперь тому же большинству придется, само собой разумѣется, дать согласіе и на тѣ налоги, которыми правительство хочетъ покрыть дефициты.

Отдѣльные голоса выдающихся политическихъ дѣятелей противъ милитаризма и великодержавной политики короля Гумберта и Криспи не перестаютъ раздаваться въ Италіи, но до побѣды здраваго смысла и справедливости далеко еще въ королевствѣ. Бывшій министръ финансовъ въ кабинетѣ Рудини, Коломбо, доказываетъ, напримѣръ, въ одной изъ миланскихъ газетъ, что для Италіи вполнѣ возможно значительное сокращеніе военныхъ расходовъ. Если эти деньги употребить на производительныя издержки, то благосостояніе народа сдѣлаетъ большіе шаги впередъ. Нечего говорить, что радикальное и республиканское меньшинство народныхъ представителей энергически возстаетъ противъ раззоренія, вносимаго въ Италію ростомъ милитаризма и протекціонизма; но его усилія не приводятъ покуда къ желанной цѣли.

Естественно, что рѣчь Криспи вызываетъ сочувственные отзывы въ нѣмецкой и австрійской печати (хотя для послѣдней упоминаніе о *неискупленной Италіи*, подъ именемъ восточныхъ Альпъ, и не можетъ быть пріятнымъ). Понятно также ироническое отношеніе французскихъ газетъ къ миролюбивымъ фразамъ итальянскаго министра-президента и къ его дружелюбнымъ заявленіямъ по отношенію къ Франціи. Впрочемъ, французская печать говоритъ на этотъ разъ сдержанно, почувствовавъ вѣроятно, что Франція не имѣетъ въ дѣйствительности такихъ тѣсныхъ союзниковъ, на которыхъ она разсчитывала, тѣмъ болѣе, что внутреннее положеніе страны, несмотря на парламентскія побѣды кабинета Казиміра Перье, не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Въ послѣднее время не замѣчается никакихъ успѣховъ во французскомъ законодательствѣ. Черезчуръ уступчивая по отношенію къ папскому престолу политика повела къ тому, что французское католическое духовенство вновь стало открыто сопротивляться республиканскимъ законамъ, а папскій нунцій началъ вмѣшиваться въ отношенія между государствомъ и церковью во Франціи.

На запросъ по этому послѣднему поводу въ парламентѣ Казиміръ Перье энергически отвѣчалъ, что правительство твердо намѣрено отстаивать права государства; но не подлежитъ сомнѣнію, что опасность отъ клерикализма для Франціи возросла. Увеличивается для нея важность и соціальнаго вопроса, такъ какъ нынѣшняя палата, какъ и предшествовавшая, почти ничего не дѣлаетъ въ интересахъ рабочаго класса. Многія французскія газеты, въ томъ числѣ и такія умѣренно-республиканскія, какъ *Journal des Dèbats*, съ живымъ вниманіемъ останавливаются на тѣхъ важныхъ реформахъ и опытахъ, которые происходятъ въ этой области въ другихъ государствахъ. Большой интересъ въ послѣднее время возбудилъ примѣръ члена англійскаго парламента, Матера, который ввелъ на своемъ заводѣ восьмичасовой рабочій день. При такой же заработной платѣ за сорокъ восемь часовъ въ недѣлю, какъ прежде за пятьдесятъ три, производительность труда (у Матера 1,200 рабочихъ) нисколько не уменьшилась. Слѣдуетъ къ этому прибавить, что опытъ производился при неблагопріятныхъ условіяхъ, во время значительной заминки въ производствѣ. Англійскій военный министръ вводитъ восьмичасовой день на казенныхъ заводахъ.

Поучительно сравнить съ этими заботами англійскаго правительства и общества отношеніе къ рабочему вопросу австрійскаго правительства и господствующихъ классовъ общества. Читатели знаютъ изъ газетъ о тягостныхъ событіяхъ въ каменноугольныхъ копяхъ Фалькенау и Польскаго Острова (австрійская Силезія). Депутатъ Пернерсторферъ обратился по этому поводу съ запросомъ къ правительству и съ предложеніемъ образовать особую парламентскую коммиссію для разслѣдованія дѣла, такъ какъ поведеніе мѣстной администраціи и военныхъ властей было въ высшей степени предосудительно. Министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ серьезность запроса, но высказался противъ учрежденія особой коммиссіи. Коалиціонное большинство, поддерживающее нынѣшній кабинетъ, постановило, чтобы донесенія властей были провѣрены постоянною коммиссіей по дѣламъ промышленности и объ этомъ былъ бы представленъ отчетъ палатѣ депутатовъ. Такое рѣшеніе не удовлетворило, конечно, Пернерсторфера и поддерживавшихъ его депутатовъ (въ числѣ ихъ главное мѣсто занимали младо-чехи). Возбужденіе среди рабочихъ каменно-угольнаго бассейна усиливается.

Когда это обозрѣніе было кончено, телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что король Александръ, по внушенію, конечно, Милана, отмѣнилъ дѣйствующую въ Сербіи конституцію. Несчастливая страна переживаетъ теперь очень опасный кризисъ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театръ: *Первая муха*, ком. В. Л. Величко.—III выставка картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ.—II выставка картинъ московскихъ художниковъ.—XXII передвижная выставка картинъ.—Съѣздъ художниковъ и любителей художествъ.

24 апрѣля на сценѣ Малаго театра шла трехъактная комедія В. Л. Величко, *Первая муха*, успѣвшая съ осени заявить публикѣ о своемъ существованіи газетнымъ шумомъ, поднятымъ пререканіями двухъ писателей изъ-за вопроса о сотрудничествѣ при окончательной отдѣлкѣ этой пьесы. Объ этомъ писалось много, и возвращаться къ этому спору мы не намѣрены: передъ нами комедія г. Величко — solo, о ней мы и будемъ говорить. *Первая муха* есть и первое драматическое произведеніе автора, такъ какъ трагедія *Тамара* переведена имъ съ грузинскаго языка. Сущность пьесы состоитъ въ томъ, что пріѣхавшій по дѣламъ службы въ большой губернскій городъ блестящій молодой полковникъ, богачъ князь Чембарскій (г. Южинъ), попадаетъ въ комическое положеніе по милости провинціальной барышни, Анны Аѳанасьевны Охрименко (г-жа Лешковская). Барышнѣ 24 года, ей давно пора замужъ, объ этомъ усердно хлопочетъ ея мамаша, Пелагея Дмитріевна (г-жа Иванова), такъ усердно старается, что женихи бѣгутъ прочь, и хорошенькая, умная дѣвушка рискуетъ всю жизнь слушать упреки маменьки и претерпѣвать гоненіе отъ нея за неумѣнье «сцапать» жениха. Наиболѣе выгоднымъ женихомъ представляется зажиточный помѣщикъ Полозьевъ (г. Рыжовъ). Онъ очень нравится Аннѣ и самъ влюбленъ въ нее, но почему-то все не рѣшается сказать послѣднее слово, сдѣлать предложеніе. Домашнія сцены изъ-за ловли жениховъ, перекоры изъ-за выѣздовъ и нарядовъ, необходимыхъ при такого рода «охотѣ», колебанія Полозьева такъ прискучили Аннѣ Аѳанасьевнѣ, что она пускается въ рискованную игру съ петербургскимъ княземъ. Въ живой, отлично проведенной исполнителями сценѣ барышня проситъ князя поухаживать за нею. Молодой человѣкъ приходитъ въ очень понятное недоумѣніе и въ нѣкоторую робость, какъ бы,—чего добраго,—не попасться на такой крючокъ, съ котораго и не сорвешься. Бойкая дѣвица успокоиваетъ князя тѣмъ, что все это будетъ «нарочно», что она не влюбится, а если съ нимъ случится что-либо подобное, то она съумѣетъ его вылечить, за-

мужъ за него ни при какихъ обстоятельствахъ не пойдетъ, нуженъ онъ ей только въ качествѣ «первой мухи», прилетающей къ завалявшейся крошкѣ хлѣба,—за первою мухой прилетитъ другая, потомъ третья, наберется десятокъ, тогда лови любую. Барышня очень мила, князю очень скучно съ провинціальными туземцами, игра въ «муху» не лишена занимательности, молодой человѣкъ соглашается поиграть и, не откладывая вдаль, вступаетъ въ отправленіе обязанностей ухаживателя. Все идетъ отлично, только князя начинаютъ приводить въ смущеніе и порядочно удручать «туземцы»: братецъ Анны, надоѣдливый губернскій франтъ прескверная тона (г. Грессеръ), претендентъ на любовь и руку мадемуазель Охрименко—Полозьевъ, провинціальная дама-благотворительница (г-жа Яблочкина), Семенъ—старый слуга князя (г. Тарасенковъ) и за ними цѣлая стая губернскихъ дамъ, дѣвицъ, кавалеровъ, на-перебой кинувшихся за «первою мухой» въ погоню за барышней, необычайно поднявшею себѣ цѣну въ глазахъ мѣстнаго общества ухаживаніемъ сіятельнаго петербуржца. Къ довершенію постигшихъ его бѣдъ и самъ онъ переигралъ и увлекся интересною барышней до того, что дѣлаетъ ей предложеніе. Анна Аѳанасьевна исполняетъ, однако, обѣщаніе и охлаждаетъ порывы молодого человѣка, разъясняя ему всю нелѣпость такого брака. Дѣло кончается къ общему удовольствію помолвкой Анны Охрименко съ Полозьевымъ. Первый шагъ г. Величко на драматическомъ поприщѣ можно считать удачнымъ: въ длинномъ ряду претенціозныхъ пьесъ, унынію наводящихъ комедій, томительно-плохихъ драмъ скромная *Первая муха* идетъ живо, отъ времени до времени вызываетъ дружный смѣхъ публики, почти совсѣмъ разучившейся смѣяться весело надъ тѣмъ, что просто забавно и остроумно безъ натяжекъ. Сценическая неопытность автора не подлежитъ сомнѣнію и могла бы въ конецъ испортить дѣло, если бы г. Величко сочинилъ «серьезную» комедію. Онъ написалъ «пустячекъ»,—не въ обиду будь сказано,—далъ намъ возможность не скучно провести часа полтора, и на томъ спасибо ему. Въ комедіи всего двѣ роли, превосходно исполненныя г-жею Лешковскою и г. Южинымъ. Всѣ остальныя лица, а ихъ тьма-тьмущая для маленькой комедіи, довольно безцвѣтны, и исполнители ихъ толкутся и суетятся, по большей части, безъ всякаго дѣла и надобности. Двѣ маленькихъ вводныхъ роли—горничной Кати (г-жа Щепкина 2) и лакея Семена—написаны хорошо и сыграны очень живо. Фигура петербургской дамы (г-жа Ермолова-Кречетова) совсѣмъ неудачна, а франтъ Жоржъ Охрименко немного карикатуренъ. Но самое большое достоинство комедіи г. Величко,—при всѣхъ недочетахъ въ ней,—мы видимъ въ томъ, что она ни въ общемъ, ни въ частностяхъ ни откуда не заимствована, не нахватана изъ чужихъ издѣлій, не похожа на французскую фабрикацію, а все это слишкомъ часто и безцеремонно появляется на всѣхъ нашихъ сценахъ и, если формально не можетъ быть названо плагіатомъ, все же производитъ непріятное впечатлѣніе и далеко не служитъ къ чести поставщиковъ пьесъ для русскаго театра.

По числу картинъ третья выставка с.-петербургскаго общества художниковъ въ московскомъ Историческомъ музеѣ принадлежитъ къ самымъ богатымъ, въ художественномъ отношеніи она можетъ служить образцомъ самаго печальнаго оскудѣнія. Пятидесятью девятью членами общества выставлено 204 картины и картинки масляными красками, 48 акварелей, 7 скульптуръ, 1 серебряный жетонъ и 1 камей на ониксѣ. Наиболѣе усердный изъ экспонентовъ В. П. Шрейберъ выставилъ 16 картинъ (изъ нихъ 10 акварелей), А. Д. Кившенко—14 (акварелей 6), В. Г. Казанцевъ—11, А. С. Егоровъ—10, А. И. Алексѣевъ—10 (акварель 1), И. С. Галкинъ—7 (акварель 1) и т. д. Количество картинъ и ихъ достоинства наводятъ на такую мысль, что это не собраніе лучшихъ произведеній соединившихся въ общество художниковъ, а коллективное предъявленіе публикѣ всего, что нашлось къ данному сроку въ мастерской каждаго изъ нихъ оконченнаго и изготовленнаго на продажу. Если такъ это,—а весьма похоже, что такъ,—то выраженіе «выставка картинъ» мѣняетъ нѣсколько прежнее значеніе, издавна установившееся въ обществѣ, и получаетъ иное, весьма сходное съ тѣмъ, какое принято давать «выставкамъ пасхальныхъ яицъ» къ Святой, «выставкамъ игрушекъ» или «подарковъ» къ праздникамъ. Тогда это будетъ не «художественная» выставка, а торговая, живописно-промышленная; тогда надлежитъ въ этомъ прямо сознаться и, для пользы дѣла, измѣнить программу такихъ выставокъ, расширить ее, допустить на выставки разрисованные вѣера, фарфоръ, столики, ширмы и т. п. Одни ширмы, впрочемъ, имѣются на выставкѣ картинъ с.-петербургскаго общества, подъ названіемъ: *Декоративное пано*, В. К. Штембера. Откровенное превращеніе подобныхъ выставокъ въ періодическіе артистическіе базары ни для кого не можетъ быть обиднымъ и принесетъ существенныхъ выгодъ, быть можетъ, больше и, навѣрное, большему числу лицъ, хотя бы уже тѣмъ, что устранитъ для журнальной и газетной критики обязанность отмѣчать плохія произведенія, что, разумѣется, мѣшаетъ ихъ сбыту. Для болѣе или менѣе выдающихся картинъ всегда найдется мѣсто и на «передвижныхъ» выставкахъ, и на «періодическихъ» общества любителей художествъ. Что касается сборовъ за входъ, то взимать ихъ нѣтъ никакихъ препятствій: въ Мюнхенѣ существуетъ магазинъ картинъ (торговая выставка) съ постоянною платой за входъ; въ Дрезденѣ періодически устраиваются такія же, съ платою за входъ, торгово-промышленныя выставки фарфора, гдѣ можно купить и съ собою унести или на квартирѣ получить прекраснѣйшія, артистическія произведенія, стоящія въ художественномъ отношеніи выше многихъ экспонатовъ с.-петербургскаго общества художниковъ. Именно такое значеніе мы и придали бы выставкѣ картинъ въ Историческомъ музеѣ, если бы на ней не было двухъ батальныхъ картинъ А. Д. Кившенка, изъ которыхъ одна: *Третій день боя на Шипкинскомъ перевалѣ 11 августа 1877 г.*, есть собственность Государя Императора, а другая: *Нижегородскіе драгуны, преслѣдующіе турокъ по дорогѣ къ Карсу въ дѣлѣ 3 ноября 1877 г.*, принадлежащая гр. А. Д. Шереметеву. Такимъ кар-

тинамъ, разумѣется, не мѣсто на торговой выставкѣ, и ихъ двухъ достаточно для того, чтобы самая выставка получила въ глазахъ публики тотъ характеръ, какой до сихъ поръ носили художественныя выставки. Не входя въ оцѣнку вышеназванныхъ произведеній г. Кившенка, мы остановимся на его третьей картинѣ: *У киргизовъ*, изображающей киргизское становище, къ которому пріѣхали русскіе офицеры для покупки лошадей. Картина довольно большая, фигуры на ней маленькія, написанныя живо и вѣрно, но... очевидно, художникъ увлекся «нѣмецкою» манерой письма, погнался за точностью изображеній почти миніатюрныхъ, за передачей выраженія лицъ, ихъ портретнаго сходства, всѣхъ мелочей костюма до возможности распознавать мундиры, чуть ли даже не чины. Все это, можетъ быть, имѣетъ значеніе тамъ, гдѣ передаются историческія событія и выдающіяся личности, принимавшія въ нихъ участіе, какъ мы это видѣли въ батальныхъ картинахъ, преимущественно нѣмецкихъ. Но при изображеніи пробы лошадей передъ ремонтерами это едва ли умѣстно, ибо, разсматривая офицеровъ и киргизъ вблизи, мы не можемъ видѣть картины, а на должномъ разстояніи, съ котораго мы видимъ картину, для насъ исчезаютъ фигуры, превращаются въ пестрыя пятнышки, не дающія никакого впечатлѣнія. Кромѣ того, мы думаемъ, что моментальная фотографія, необходимая для извѣстныхъ цѣлей, приноситъ существенный вредъ художникамъ, обращающимся къ ея содѣйствію. Человѣческій глазъ—не «моментальный» аппаратъ, онъ видитъ, сливаетъ и обобщаетъ извѣстную совокупность движеній и не въ состояніи уловить того, какъ выражаются они въ долякъ секунды. Мы полагаемъ, что и художникъ въ картинѣ долженъ передать только общее впечатлѣніе, получаемое отъ бѣга или скачки лошадей и наѣздниковъ, въ противномъ случаѣ получится на картинѣ то, чего мы въ дѣйствительности не видали и никогда видѣть не можемъ, то, чего не видалъ и самъ художникъ въ натурѣ и заимствовалъ съ фотографіи. Доводить «реализмъ» до такихъ границъ не слѣдуетъ, если только это можетъ быть названо «реализмомъ». Отъ такихъ изображеній чаще всего получается такое впечатлѣніе, будто лошади падаютъ, ноги у нихъ заплетаются и тому подобное. Это, можетъ быть, необыкновенно вѣрно, но до крайности некрасиво, ничуть не художественно. Вообще, миніатюры могутъ быть хороши, когда онѣ въ соотвѣтствіи съ размѣрами полотна, какъ, напримѣръ, очень недурные *Боярин* и *Боярыня* И. А. Пелевина, *Ровестницы*, Н. К. Грандковскаго; къ этому же роду подходитъ *Еврейка* В. И. Якобія. По сюжету сходна съ картинами г. Кившенка картина В. В. Мазуровскаго *Джигитовка* и въ другомъ залѣ—*Въ поход*, въ созданіи которыхъ фотографія, повидимому, не участвовала, къ ихъ авантажу. П. И. Геллеръ въ довольно живыхъ и, во всякомъ случаѣ, въ видѣнныхъ и прочувствованныхъ образахъ передаетъ впечатлѣніе, производимое выпчманіемъ жеребьевъ новобранцами,—картина носитъ заглавіе *Наборъ*. А затѣмъ въ отдѣлѣ жанра и быта нѣтъ ничего, что можно [illegible] бы назвать посредственнымъ,—настолько все плохо въ томъ или [illegible]мъ

отношенія. М. Л. Маймонъ попытался изобразить *Жертвоприношеніе жемудку*,—вышло преплохое изображеніе кухни,—и *Разбитое сердце*—картину, которую было бы правильнѣе назвать «растрепанные волосы». *Ольга Ларина* (изъ *Евгенія Онѣгина*) В. В. Евреинова и *Клеопатра* баронессы фонъ-деръ-Паленъ, были бы только забавною мазней, если бы не стояли на «выставкѣ» и въ ряду многихъ равныхъ имъ по достоинству картинъ, вызывающихъ своею совокупностью не смѣхъ, а глубокую скорбь о крайнемъ упадкѣ искусства, о жалости достойномъ его положеніи, при которомъ оказывается возможнымъ появленіе такихъ картинъ, какъ *Блуждающій огонекъ* В. В. Евреинова, *На дачѣ* Н. Н. Грандковскаго, *Кающаяся* К. А. Кошелева и въ довершеніе всего—*Завидное мѣсто* Р. Ф. Френца. Недурной портретистъ В. К. Штемберъ (авторъ ширмъ съ тремя плохими фигурами голыхъ женщинъ) возъимѣлъ несчастную претензію изобразить *Искушеніе Антонія*, какъ значится въ каталогѣ выставки. Вышло нѣчто совсѣмъ диковинное: вмѣсто святого пустынножителя и аскета, передъ нами какой-то мрачный бандитъ, лежащій на животѣ и ухватившійся за полуразрушенный черепъ, а надъ нимъ голая женщина, неправильно написанная и претенціозно размалеванная въ несуществующіе цвѣта. Посмотрите на эту картину, не справляясь съ каталогомъ, и, ручаться можно, вы не догадаетесь, въ чемъ тутъ дѣло, но скажете, навѣрное, что такихъ волосъ въ природѣ не существуетъ, что такихъ очертаній тѣла не бываетъ, что такія фигуры писать... не слѣдуетъ. Изъ пейзажей есть три-четыре, которые можно назвать хорошими, таковы: *Кабельбатъ* (Норвегія) Л. Ф. Лагоріо, *Весна* А. А. Писемскаго, его же *На Валаамѣ*, *Туманное утро* В. Г. Казанцева... Огромное же большинство ниже посредственности, часто съ явными признаками неразумныхъ претензій и вздутаго самомнѣнія художниковъ...

Великимъ постомъ на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Джамгаровыхъ, была открыта II выставка картинъ московскихъ художниковъ, устроенная, какъ намъ передавали, частнымъ кружкомъ товарищей. Нѣкоторые изъ живущихъ въ Москвѣ художниковъ и даже коренныхъ москвичей примкнули къ с.-петербургскому обществу и экспонировали свои произведенія на выставкѣ означеннаго общества, о которой мы говорили выше. Кромѣ того, есть художники-москвичи, которые ничего не дали ни на ту, ни на другую выставку, предпочитая, быть можетъ, оставаться вѣрными «передвижникамъ», что мы находимъ весьма резоннымъ. Наше отечество далеко не изобилуетъ талантами въ области живописи и ваянія, да не только талантами, но не изобилуетъ даже просто хорошими живописцами, какъ это одновременно и блистательно доказали двѣ выставки, о которыхъ мы ведемъ. Художникомъ вправѣ себя почитать и именовать всякій, умѣющій кистью, перомъ или карандашомъ нарисовать картинку, но для того чтобы нарисованное было признано «художественнымъ» произведе-

ніемъ, далеко не достаточно ни оффиціально предоставленнаго званія «художника», ни даже званія «академика». Для этого, помимо даже таланта, необходимо, и безусловно необходимо еще кое-что такое, чего совсѣмъ не имѣется въ наличности у многихъ нашихъ господъ экспонентовъ. Чего же не имѣется у нихъ? У большинства не хватаетъ вотъ чего, въ разнообразныхъ сочетаніяхъ, конечно: творческой фантазіи или просто «выдумки», любви къ своему дѣлу и уваженія къ искусству, а затѣмъ—сколько-нибудь опредѣленнаго пониманія задачъ искусства, знакомства съ лучшими образцами старыхъ и иноземныхъ мастеровъ, вдумчивости и вкуса, слишкомъ часто—умѣнья рисовать и писать, еще чаще—терпѣнія. И, что всего обиднѣе, перечисленныя нами отрицательныя показанія встрѣчаются у людей, очевидно, не лишенныхъ природнаго дарованія, подававшихъ надежды, обнаружившихъ нѣкоторый талантъ и какимъ-то злосчастнымъ чудомъ утратившихъ его. До сихъ поръ нѣкоторою сдержкой для художниковъ были выставки, на которыя произведенія искусства принимались по выбору компетентныхъ судей, жюри или комитета. Къ такимъ выставкамъ художники готовили картины, серьезно работали надъ ними, зная, что неудовлетворительное будетъ забраковано, останется въ мастерской, свѣта Божія не увидитъ и черезъ то потерпитъ большой изъянъ въ цѣнѣ, если еще найдетъ покупателя. Такихъ выставокъ оказалось недостаточно для нашихъ производителей картинъ, и устройствомъ частныхъ обществъ и кружковъ они попытались снять съ себя неудобныя имъ сдержки и превращаютъ теперь выставки въ простыя лавочки картинъ, по товарищескому выбору. Насколько выборъ снисходителенъ,—если только можетъ быть названъ «выборомъ»,—убѣдились всѣ, побывавшіе на этихъ двухъ выставкахъ. Не называя именъ художниковъ и не указывая на то или другое произведеніе, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя, по нашему мнѣнію, существенныя общія замѣчанія. Мы находимъ, напримѣръ, что нельзя изображать видовъ такихъ городовъ и мѣстностей, которыхъ художникъ не видалъ въ натурѣ, хотя бы изображенія этого рода не составляли главнаго сюжета картины, а были введены въ нее въ видѣ, такъ сказать, декораціи. Нельзя изображать сценъ изъ чужой, не русской жизни, которыхъ художникъ не видалъ своими глазами въ дѣйствительности. Не слѣдуетъ и съ натуры списывать первую попавшуюся сцену и воображать, будто выйдетъ «жанръ»,—ровно ничего не выйдетъ,—въ лучшемъ случаѣ—пустяковина. Не слѣдуетъ низъ полотна замазывать желтою краской, верхъ—голубою и подписывать: «рожь поспѣла» или нѣчто подобное. Не слѣдуетъ писать большихъ картинъ на крошечные сюжеты... За симъ изъ «жанровъ» мы считаемъ своимъ долгомъ отмѣтить хорошо исполненные и резонно задуманные: П. И. Коровина *За урокомъ*, Я. І. Турлыгина *За клубникой*, В. Комарова *Благодѣтель*. Г. Турлыгинъ, несомнѣнно, талантливый человѣкъ и, судя по нѣкоторымъ прежнимъ его картинамъ, человѣкъ чуткій и отзывчивый, а потому не можемъ не

жалѣть о затратѣ дарованія и времени на большое размѣрами и неудачное произведеніе, какимъ мы считаемъ его картину *У Гевсиманскаго сада,* изображающую очень пеструю толпу воиновъ и обывателей, явившихся съ факелами захватить Христа по указанію Іуды. Тутъ все съ начала до конца невѣрно исторически и неудовлетворительно въ художественномъ отношеніи. В. А. Симовъ назвалъ самую большую изъ выставленныхъ имъ картинъ *Предложеніе;* если бы онъ озаглавилъ ее: «прощаніе», «разставаніе», «послѣ долгой разлуки», «огорченіе», «примиреніе» или какъ-нибудь еще, зритель все такъ же, какъ и теперь, сказалъ бы: «Ну, что-жь, бываетъ и такъ... до меня это не касается». Чтобы картина произвела хоть какое-нибудь нибудь впечатлѣніе, содержаніе ея должно быть опредѣленно и ясно. Кромѣ того, несмотря на большое полотно, художникъ не съумѣлъ распорядиться тремя расположенными на немъ фигурами, сбилъ ихъ въ кучу и притиснулъ къ стѣнѣ; получилось нѣчто вродѣ китайской живописи въ одной плоскости, безъ перспективы. Слѣдуетъ отмѣтить недурную картину Е. Д. Полѣнова *Миніатюристъ* и затѣмъ подивиться на *Парижскій бульваръ* К. А. Коровина. Въ каталогѣ подъ фамиліей художника напечатано: «Экспонентъ». То же самое значится относительно 34 картинъ. Мы понимаемъ нѣсколько излишнюю снисходительность при допущеніи на выставку плохонькихъ картинокъ ея устроителей,—дѣло товарищеское,—но остаемся въ полномъ недоумѣніи передъ такими произведеніями экспонентовъ, которыя не то что на выставку, а и въ картинную лавку не всякій хозяинъ приметъ... Такія выставки приносятъ большой вредъ; если онѣ помогаютъ художникамъ сбыть десятокъ-другой плохонькихъ картинъ, за то подрываютъ искусство и, по всей вѣроятности, понизятъ цѣны на посредственныя картины.

На Пасхѣ открылась въ обычномъ помѣщеніи на Мясницкой XXII передвижная выставка картинъ. Выставлено около 180 произведеній. Въ ихъ числѣ нѣтъ ничего выдающагося, особенно привлекающаго вниманіе публики, и въ ряду «передвижныхъ» выставокъ нынѣшняя занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ; по сравненію же съ тѣми двумя, о которыхъ мы только что говорили, эта выставка можетъ показаться чуть не собраніемъ перловъ искусства, такъ какъ тутъ имѣются три превосходныхъ пейзажа Е. Е. Волкова, *Синопъ* А. П. Боголюбова, *Днѣпръ* К. К. Бодаревскаго, *Аулъ Казбекъ* и *По Окѣ* А. А. Киселева, *На озерѣ* И. И. Левитана, *Земля* Н. Н. Дубовскаго и др. Есть тутъ довольно большая картина В. [illegible] Полѣнова *Мечты*, обычно превосходно написанная и вызывающая въ [illegible]которой части публики такіе, по нашему мнѣнію, ни на чемъ не осно[illegible]ные толки, какіе возбудила когда-то его же картина *На Генисаретско[illegible] озерѣ.* Многимъ кажется почему-то, что на той и на другой картинѣ ху[illegible]никъ изобразилъ Христа, хотя на такой замыселъ не было и нѣтъ ни [illegible]шаго намека. На скалѣ надъ обрывомъ изображена прекрасная,

очень эффектная фигура, повидимому, горца, замечтавшагося передъ громадною далью, подернутою легкимъ туманомъ. Это красиво, мастерски сдѣлано, художественно—и только, больше ничего не требуется и доискиваться тутъ нечего. С. Д. Милорадовичъ выставилъ большую картину, изображающую внутренность Св.-Троицкой Сергіевой лавры во время приступа поляковъ въ 1609 г., единственную историческую картину нынѣшняго сезона. Съ каждымъ годомъ все рѣже и рѣже появляются передъ публикой произведенія художниковъ на историческіе сюжеты. Мы не считаемъ, конечно, батальныхъ картинъ, изображающихъ эпизоды послѣдней войны въ Турціи. Чѣмъ объяснить такое равнодушіе нашихъ художниковъ къ отечественной исторіи? Въ ней найдется много драматическихъ моментовъ, очень эффектныхъ для живописи и помимо «смутнаго времени», къ которому особенно усердно обращались художники и писатели и, все-таки, даже его не исчерпали. Картина г. Милорадовича, при довольно крупномъ размѣрѣ полотна, не особенно содержательна. Въ ней есть эффектныя фигуры монаховъ-воиновъ, но она не даетъ общаго впечатлѣнія отчаянной борьбы горсти защитниковъ родной святыни отъ полчища грабителей. Нашъ почтенный мастеръ исторической живописи Н. В. Невревъ, написавши проводы дочери вел. кн. Ярославомъ, повидимому, совсѣмъ охладѣлъ къ этого рода работамъ и вторично выставляетъ сцену изъ современнаго быта — *Увѣщаніе:* священникъ убѣждаетъ молодую женщину примириться съ мужемъ, видимо, готовымъ согласиться на всѣ условія, обѣщать что угодно, но едва ли способнымъ сдержать обѣщанія. Жена знаетъ это, убѣждена въ непрочности такого мира и сосредоточенно борется съ собственнымъ желаніемъ покончить раздоръ. Эти двѣ фигуры достаточно выразительны, фигуру же увѣщателя мы находимъ неудачною. Хороша и законченна картина К. А. Савицкаго *Въ ожиданіи приговора суда*, эффектна и вѣрна сцена изъ жизни кавказскихъ горцевъ *Пѣсни о быломъ* Н. А. Ярошенко, а также его *Хоръ* деревенскихъ мальчиковъ, которыхъ съ большимъ увлеченіемъ налаживаетъ въ пѣвчіе толстый дьяконъ или псаломщикъ безъ расы, по-домашнему и по-лѣтнему. Чтобы покончить съ картинами членовъ товарищества, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить наиболѣе слабыя произведенія, по нашему мнѣнію, и сдѣлаемъ это въ порядкѣ нисходящемъ, начиная съ картины *Неизбѣжный путь* Н. А. Касаткина, изображающей мальчика съ иконой и взрослаго человѣка съ гробовою крышкой на головѣ. Кого хоронятъ? Для чего это писано? Кому нужно? Что хотѣлъ выразить авторъ? Не картина это, а пустое мѣсто. Неизмѣримо того хуже Н. Д. Кузнецова *Въ мастерской скульптора (снятіе формы)*. На тотъ же сюжетъ мы видѣли изящную, вполнѣ художественную картину на французской выставкѣ, и тѣмъ непріятнѣе поразило насъ безобразіе сцены, изображенной г. Кузнецовымъ, быть можетъ, очень реально, но совсѣмъ не художественно, попросту говоря, противно. И, наконецъ, самое послѣднее мѣсто мы отводимъ картинѣ М. П. Клодта *Заблаговѣстили къ заутрен[illegible]*

которой сначала ничего нельзя разобрать,—такъ она темна,—а потомъ можно доискаться, что художникъ изобразилъ сидящаго въ гробу схимника... Публика отвертывается и идетъ къ свѣту.

Въ каталогѣ выставки выдѣлены особо произведенія «экспонентовъ», лицъ, не состоящихъ членами «товарищества передвижныхъ выставокъ». Всѣхъ экспонентовъ 23, и выставлено ими 24 картины, изъ которыхъ большую часть слѣдуетъ признать очень хорошими, добавивши, что плохихъ между ними вовсе нѣтъ, а превосходныя есть, какъ, напримѣръ: *Чтеніе рукописи* (эскизъ) Л. О. Пастернака и *На службу* (пастель) С. Я. Кишинскаго. Очень хороши *Послѣдняя воля* Н. П. Богданова-Бѣльскаго и *Приходъ со службы* Н. В. Орлова. Мотивъ первой картины не новъ: смерть старика крестьянина, но трактованъ онъ съ большимъ чувствомъ, съ отличнымъ пониманіемъ серьезности этого момента въ крестьянскомъ быту, съ полнымъ знаніемъ того, какъ сами крестьяне относятся къ такому событію, какъ смерть главы дома, повидимому, дѣда, поручающаго близкимъ людямъ, а черезъ нихъ міру, заботу о малолѣткахъ-сиротахъ. Все это передано художникомъ тепло, въ мѣру, художественно и просто, а потому и глубоко трогательно. Въ особенности хороши фигуры умирающаго и крестьянина, сидящаго на его кровати, сосредоточенно выслушивающаго «послѣднюю волю» старика. Лица и позы настолько выразительны, что вся картина представляется писанною прямо съ натуры. Нужнымъ считаемъ отмѣтить, что художникъ съ большимъ тактомъ взялъ обстановку зажиточнаго и чистаго крестьянскаго дома. Вредитъ картинѣ нѣкоторая сухость письма. Совершенною новизной сюжета отличается картина Н. В. Орлова: пришелъ со службы въ родительскій домъ молодчина-солдатъ, принарядился на послѣднемъ переходѣ, чтобы во всемъ блескѣ явиться передъ своими стариками и передъ молодою женой. Недоброе ждало его дома: жена измѣнила, скрыть этого нельзя,—у нея ребенокъ. Винится она, опустилась на колѣни, придерживая уже начинающее ходить дитя. Старуха-свекровь накидывается съ жестокими укорами на «молодуху», не щадитъ рѣзкими словами ни ея, ни неповинное ни въ чемъ дитя; старикъ-свекоръ унимаетъ жену, вступается за ребенка, хочетъ водворить въ домѣ нарушенный миръ. Глубоко скорбно лицо браваго солдата, хорошъ и выразителенъ жестъ, которымъ онъ прощаетъ жену, но далеко не мирится съ своимъ положеніемъ. Картина производитъ сильное впечатлѣніе, нарушаемое, впрочемъ, неумѣстно хихикающими фигурами парня и дѣвушки на заднемъ планѣ. Это ошибка, такъ не бываетъ, въ такія минуты никому изъ свидѣтелей не до смѣха. Хороша картина М. М. Ярового *Два поколѣнія*: старый сельскій священникъ и двое молодыхъ людей, сыновей его, пріѣхавшихъ на каникулы и высказывающихъ отцу такіе взгляды на жизнь, отъ которыхъ хмурится лицо «батюшки», отворачивается въ сторону его задумчивый и грустный взоръ. Въ замыслѣ и исполненіи художника преимущественно особенности ясно выраженная мысль о томъ, что оба поколѣ-

нія правы, каждое по-своему; но чувствуетъ это только умудренный опытомъ старикъ, а пылкая молодежь увлечена своими идеями, горячо ихъ отстаиваетъ. Лучшимъ на выставкѣ мы считаемъ портретъ Н. К. Михайловскаго работы Н. А. Ярошенка.

Съ 23 по 30 апрѣля включительно въ Москвѣ происходили засѣданія перваго съѣзда художниковъ и любителей художествъ. Оказались, конечно, разные недочеты, но первый блинъ комомъ не вышелъ: въ общемъ, съѣздъ слѣдуетъ признать удавшимся. Мы надѣемся напечатать въ *Русской Мысли* нѣкоторыя изъ сообщеній, прочтенныхъ на засѣданіяхъ съѣзда и имѣющихъ общій интересъ.

Ан.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

М а й. **1894 года.**

Содержаніе. I. **Книги**: Беллетристика.—Критика и публицистика.—Исторія литературы и біографіи.—Путешествія.—Искусство.—Политическая экономія и статистика.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники.—Книги для народнаго чтенія. II. **Періодическія изданія**: «Вѣстникъ Европы», *апрѣль*.—«Русское Богатство», *мартъ*.—«Землевѣдѣніе», *кн. I*.—«Книговѣдѣніе», *кн. I — IV*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 апрѣля по 1 мая 1894 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Доброе дѣло“, *изд. „Посредника“*.—„Силуэты“. *Р. М. Хинъ*.—„Художники“. *В. М. Михеева*.—„Стихотворенія“ *А. М. Ѳедорова*.

Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ. Изданіе „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1894 г. Цѣна 90 коп. За послѣдніе годы въ столицахъ и провинціи было издано много разныхъ „сборниковъ“, выручка отъ продажи которыхъ (полностью или за вычетомъ расходовъ на печатаніе) поступала на какое-нибудь „доброе дѣло“: на помощь голодающимъ, на пріюты для бѣдныхъ, на школы, на пособіе переселенцамъ и т. п. Изданный фирмою „Посредникъ“ сборникъ *Доброе дѣло* не имѣетъ никакого отношенія къ подобнымъ „добрымъ дѣламъ“, названіе свое получилъ отъ перваго помѣщеннаго въ немъ очерка А. П. Барыковой, озаглавленнаго *Доброе дѣло*. Это нисколько не умаляетъ, впрочемъ, достоинствъ книги, и изданіе такихъ сборниковъ, распространеніе въ обществѣ идей, которыми проникнуты почти всѣ напечатанные въ немъ разсказы, есть уже само по себѣ дѣло доброе. Въ названномъ очеркѣ г-жа Барыкова очень живо изображаетъ безотрадное душевное настроеніе богатаго, стараго эгоиста, который не можетъ припомнить во всю жизнь ни одного своего добраго дѣла. Въ „отрывкѣ“ *На Волѣ* Вл. Г. Короленко въ мастерски набросанныхъ образахъ касается вопроса о религіозной нетерпимости, поддерживающей озлобленіе между различными христіанскими исповѣданіями и сектами, въ то время, какъ тѣ же враждующіе люди относятся вполнѣ человѣчно къ обрядамъ магометанства. Въ разсказѣ А. В. Стернъ *Свиданіе* повѣствуется о двухъ сестрахъ, изъ которыхъ одна живетъ бѣдно и тяжело, но въ своей семьѣ, своимъ домкомъ, а другая, одинокая,—въ большомъ довольствѣ, въ богатомъ домѣ, но въ чужомъ. Разсказъ написанъ тепло, жизненно и производитъ надлежащее впечатлѣніе. *Передъ потухшимъ комелькомъ*, г. Сосимскаго, старый черствый карьеристъ задумывается о прожитой жизни, не можетъ отогнать отъ себя гнетущихъ воспоминаній и на-

прягаетъ всѣ силы на то, чтобы разными чиновничьими вывертами оправдать свои дрянные поступки, и, тѣмъ не менѣе, мечется и изнываетъ отъ нравственной кары, давящей его сердце. Иного сорта, но въ своемъ родѣ типическихъ себялюбцевъ изображаютъ г. Потапенко въ очеркѣ *Прямой разсчетъ* и г. Маминъ-Сибирякъ въ разсказѣ *Ученое горе*, вызывающемъ невольныя улыбки надъ забавнымъ героемъ, который, однако же, своимъ потѣшнымъ самодурствомъ доводитъ несчастную жену до самоубійства. *Подъ Рождество обидѣли*, „житейскій случай", Н. С. Лѣскова, ставитъ очень спорный вопросъ: слѣдуетъ ли потерпѣвшему отъ воровства разыскивать похитителя и преслѣдовать его указаннымъ въ законѣ порядкомъ, или слѣдуетъ „простить обидчику"? Съ обычнымъ талантомъ авторъ, на основаніи христіанскаго ученія, приводитъ къ такому рѣшенію, что должно „прощать", не быть „съ законниками разноглагольнаго закона", а оставаться съ Тѣмъ, который далъ намъ „глаголы вѣчной жизни"... Въ разсказѣ *Два колеса*, „крещенская фантазія" И. Л. Рубакина, авторъ возстаетъ противъ „усовершенствованныхъ" тюремъ, устраиваемыхъ по филадельфійской системѣ одиночнаго заключенія съ занятіемъ заключенныхъ различными работами. Въ „фантастической" формѣ, но вполнѣ убѣдительными доводами, г. Рубакинъ раскрываетъ ужасную безчеловѣчность тюремъ, якобы „научно усовершенствованныхъ", причемъ во вниманіе приняты всѣ послѣднія указанія гигіены, физіологіи, статистики и проч., и забыто только одно—живая душа несчастнаго человѣка, впавшаго въ преступленіе. Того же автора разсказъ *Бомба профессора Штурмвельта* столь же талантливо возбуждаетъ отвращеніе къ тому направленію, которое даютъ наукѣ нѣкоторые современные ученые, низводя великую силу знанія на степень слуги самыхъ низменныхъ, звѣрскихъ инстинктовъ человѣка. Разсказъ вполнѣ современенъ: нѣмецкій профессоръ не удовлетворенъ всѣми новѣйшими орудіями и способами истребленія людей на войнѣ, изобрѣтаетъ бомбу, начиненную тончайшею пылью заразныхъ микроорганизмовъ, способныхъ въ нѣсколько часовъ произвести страшную эпидемію въ цѣлой арміи, въ нѣсколько дней распространить ее на обширный районъ непріятельской страны, причемъ солдаты и обыватели государства, владѣющаго изобрѣтеніемъ, предохраняются прививками, предупреждающими зараженіе. Министръ, которому ученый мужъ предлагаетъ свое изобрѣтеніе, позвалъ уже лакея, готовъ крикнуть: „Прогоните этого негодяя!..."— но... одумался и вѣжливо проговорилъ: „Хорошо! Я доложу о вашемъ изобрѣтеніи!" Кромѣ поименованныхъ нами разсказовъ, въ сборникѣ напечатаны: *Танцы* г. Баранцевича, *Ученица* г. Филиппова, *Ицка и Давыдка* г. Гарина и *Совѣсть* г. Минскаго. Какъ видитъ читатель, сборникъ составленъ разнообразно, интересно и принесетъ несомнѣнную пользу, распространяя, поддерживая и укрѣпляя въ обществѣ идеи добра и гуманности.

Силуэты. Р. М. Хинъ. Москва, 1894 г. Цѣна 2 рубля. Подъ такимъ общимъ заглавіемъ въ изящно изданной большой книгѣ (184 страницы) помѣщены четыре повѣсти и одинъ небольшой эскизъ. Первая повѣсть, озаглавленная *Силуэты*, была напечатана нѣсколько лѣтъ назадъ въ нашемъ журналѣ, и намъ, конечно, извѣстно, что авторъ книги — женщина; теперь, прочитавши рядъ ея произведеній, мы считаемъ себя вправѣ сказать, что она—талантливая писательница, одаренная чуткою и отзывчивою душой, любящая правду настолько, что имѣетъ смѣлость высказывать ее, не раздумывая надъ тѣмъ, какъ

отнесется кто къ убѣжденіямъ автора. Эту искренность мы особенно высоко цѣнимъ потому, что г-жа Хинъ пылко вступается за наиболѣе обездоленныхъ и презираемыхъ въ лучшей изъ своихъ повѣстей, носящей заглавіе *Не ко двору*. Дѣло идетъ о дѣвушкѣ-еврейкѣ, получившей прекрасное образованіе и оставшейся сиротой безъ всякихъ средствъ. Авторъ вводитъ насъ въ кругъ богатой буржуазіи, среди которой семья Сары ничѣмъ не отличается отъ коммерсантовъ Москвы, Харькова, Одессы, кромѣ религіи, то-есть различія такого рода, до котораго обществу не должно быть дѣла. Тѣмъ не менѣе, это религіозное различіе, это „жидовство“ рано начинаетъ тяжело отзываться на чистѣйшей идеалисткѣ Сарѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать ей гнетъ отверженія, лежащій на ея единовѣрцахъ. Почти нечувствительный для богатыхъ, онъ безпощадно давитъ бѣдноту, и нужны особенно счастливыя обстоятельства для того, чтобы сколько-нибудь сносно было жить человѣку, которому не удалось пріобрѣсти крупнаго состоянія. Въ домѣ богатой тетки и Сарѣ жилось бы недурно, если бы сама тетка не изводила ее своенравіемъ богатой старухи, а Сара была бы въ состояніи примириться со всѣмъ, обычнымъ въ провинціально-буржуазной обстановкѣ. Сара не смирилась, вопреки желанію тетки вышла замужъ за человѣка по душѣ и уѣхала въ Петербургъ, гдѣ бодро переносила лишенія трудовой жизни. Но и это малое исчезло, когда мужъ ея былъ за что-то арестованъ и куда-то исчезъ. Съ крошкою дочерью на рукахъ Сара пустилась на поиски заработка; вездѣ ей поперекъ дороги становилось ея „еврейство“, даже въ домахъ милліонеровъ евреевъ, лѣзущихъ въ финансовые тузы. Оставалось на выборъ: ѣхать съ повинною къ теткѣ или послѣдовать совѣту француженки, рекомендующей гувернантокъ... Сара предпочла нищету и къ теткѣ обратилась только въ послѣдней крайности, когда опасно заболѣла ея дѣвочка. Тетка пріѣхала въ Петербургъ, по телеграммѣ Сары, ребенка въ живыхъ не застала и увезла къ себѣ убитую горемъ племянницу. Нѣсколько оправившись, молодая женщина вторично убѣдилась, что жить у тетки нѣтъ возможности, что „не ко двору“ она и тутъ. Благодаря помощи своего бывшаго учителя, Сара получила мѣсто гувернантки въ богатомъ барскомъ домѣ на Волгѣ, гдѣ хозяйка стала выдавать ее за француженку. При всѣхъ своихъ недостаткахъ и слабостяхъ, хозяйка-генеральша и двѣ ея дочери оказались особами недурными, вѣрнѣе же — сносными, и Сара ужилась бы у нихъ, если бы на какомъ-то пиру одинъ сосѣдъ не вздумалъ разсказывать о томъ, какъ „жидовъ погромили“, при чемъ позволилъ себѣ, къ сожалѣнію, довольно обычныя у насъ, непристойныя выходки противъ пострадавшихъ отъ дикой расправы. Сочувствіе гостей разскащику, глумленіе надъ несчастными и позорная ругань вывели изъ терпѣнія Сару, она вступилась за своихъ единовѣрцевъ и объявила, что она „жидовка“. Это не помѣшало, однако, по-своему добрымъ хозяйкамъ уговорить Сару остаться въ домѣ до свадьбы меньшой дочери генеральши. Частымъ гостемъ у нихъ бывалъ очень богатый и блестящій сосѣдъ Коломинъ. Онъ полюбилъ Сару, она его полюбила, препятствіемъ ихъ браку и счастью представлялось одно обстоятельство — невозможность для русскаго жениться на еврейкѣ. „Перемѣните вѣру,—умоляетъ онъ Сару,—вѣдь, это простая формальность, обрядъ. Для такой женщины, какъ вы, существуетъ лишь одна религія—добра и справедливости, которая совсѣмъ не обусловливается тою или другою церковью...“—„Конечно,—отвѣтила Сара,—нѣсколько

лѣтъ назадъ я разсуждала бы такъ же, какъ вы. Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Мои мечты о братствѣ людей, о родинѣ оказались жалкою ребяческою иллюзіей. Слушайте, я считала себя съ дѣтства русскою, думала и говорила по-русски, мое ухо съ колыбели привыкло къ звукамъ русской пѣсни... Все это осмѣяли, забрызгали грязью. Я испытала на себѣ весь ужасъ положенія несчастнаго незаконнорожденнаго ребенка, приставшаго къ чужой семьѣ. Я стучалась у всѣхъ дверей, протягивая за работой исхудалыя отъ голода руки, и всюду встрѣчала отказъ... Жидовка!—это слово горѣло на моемъ лбу, какъ жгучее, позорное клеймо проклятія. Мнѣ даже великодушно предложили продать себя, потому что жидовскою красотой и деньгами христіане вѣдь не брезгаютъ"... Мы сокращаемъ: „Все это прошло, какъ плеть, по моему тѣлу, оставивъ на немъ вѣчные, кровавые рубцы... и я отвернулась отъ васъ, не хотѣвшихъ признать за мною того, въ чемъ вы даже собакамъ своимъ не отказываете,—вѣдь, собаки ваши свободно бѣгаютъ и живутъ, гдѣ хотятъ,—и всею измученною душою своей я прилѣпилась къ этимъ гонимымъ, невѣжественнымъ, забитымъ евреямъ... И вдругъ, теперь... громогласно отречься отъ нихъ... перейти въ лагерь самодовольныхъ и ликующихъ... Милый мой, я люблю тебя, какъ душу, но никогда за тебя не пойду!" Сара уѣхала и не перенесла утраты послѣдней надежды на возможность счастья... И во всѣхъ своихъ повѣстяхъ г-жа Хинъ вступается такъ же пламенно за слабыхъ, угнетенныхъ и несчастныхъ, вездѣ и неизмѣнно остается она вѣрною одной религіи—добра и справедливости, и, что всего выше, эта глубоко-симпатичная писательница съ непоколебимою мягкостью, истинно гуманно, относится къ порочнымъ, испорченнымъ и озлобленнымъ. Въ самой, казалось бы, загрубѣлой душѣ, одичавшей отъ самодурства, озвѣрѣлой отъ пьянства (повѣсть *На старую тему*), она своимъ чуткимъ ухомъ умѣетъ различить самые нѣжные звуки и ясно передать ихъ, вызывая жалость къ павшимъ, сочувствіе къ страдающимъ, хотя бы и по своей винѣ. При этомъ у г-жи Хинъ нигдѣ нѣтъ нытья и слащавости, вездѣ бьютъ ключомъ бодрыя силы и живая энергія. Герои и героини повѣстей теряются иногда подъ ударами судьбы, но всегда находятся добрые люди, поддерживаютъ изнемогающихъ, и тѣ опять поднимаютъ головы, продолжаютъ биться до конца. И въ большинствѣ случаевъ однихъ спасаетъ истинный талантъ (*Силуэты*), другихъ живое дѣло (*На старую тему*), третьихъ дѣятельная любовь къ ближнимъ (*Наташа Криницкая*). Въ произведеніяхъ г-жи Хинъ нѣтъ крупныхъ оригинальныхъ типовъ, это — „знакомыя все лица", но авторъ ставитъ ихъ, по большей части, въ такія положенія, въ которыхъ мы ихъ не видали, и въ уста ихъ вкладываетъ иногда такія рѣчи, какихъ мы не слыхали. Все это придаетъ несомнѣнный интересъ повѣстямъ г-жи Хинъ, написаннымъ хорошимъ литературнымъ языкомъ, рукою нервной до страстности женщины. У писательницы есть въ достаточной мѣрѣ то, что Тургеневъ называлъ „выдумкой", въ повѣствованіяхъ же ея нѣтъ ничего „придуманнаго", т.-е. дѣланнаго и насильно притянутаго ради эффекта. Хорошіе люди и дурные, добрые и злые, честные и порочные живутъ, любятъ, угнетаютъ ближнихъ или помогаютъ имъ, страдаютъ, выходятъ изъ борьбы побѣдителями или погибаютъ одинаково просто, какъ это бываетъ въ дѣйствительной жизни. И если есть дурные, злые и порочные, то вы чувствуете, что не злодѣи они по натурѣ, а стали такими въ силу разныхъ обстоятельствъ, плохого воспитанія, неразвитости, неудачно сложившейся жизни, всего

же чаще — вслѣдствіе властвующихъ надъ обществомъ закоренѣлыхъ предразсудковъ и фальши, доходящей до поголовнаго обмана всѣхъ всѣми и до самообмана, что, взятое вмѣстѣ, ведетъ къ совершенному извращенію нравственныхъ понятій, къ искалѣченію хорошихъ отъ природы, но слабыхъ натуръ. Правдиво и жизненно и то, что такіе изломанные и слабые люди способны отравить жизнь самыхъ сильныхъ, довести до отчаянія самыхъ энергичныхъ, какъ то дѣлаетъ врачъ-мужъ съ своею женой художницей въ *Сумятахъ*, Андрей Обуховъ съ своими сестрами, его отецъ и мать со всею семьей, Мартыновъ съ женой—въ повѣсти *На старую тему*, легкомысленная красавица Криницкая съ съ своею дочерью Наташей — въ повѣсти *Наташа Криницкая*, тетка и толпа провинціальныхъ барынь и господъ съ Сарой—въ повѣсти *Не ко двору*. Не злодѣи всѣ они въ душѣ, многіе изъ нихъ даже добродушны, только они—эгоисты, и этого „только“ вполнѣ достаточно для того, чтобы извести въ концѣ близкихъ имъ и по-своему любимыхъ ими людей, отъ чего нерѣдко страдаютъ сами же эгоисты, когда разбѣгаются отъ нихъ или гибнутъ доведенныя до крайности жертвы ихъ себялюбія. Общая мысль автора, проходящая черезъ всѣ его произведенія, опредѣленна и ясна: это—призывъ къ взаимной дѣятельной любви и къ доброжелательству, къ созданію такихъ семейныхъ и общественныхъ отношеній, при которыхъ въ семьѣ и обществѣ можно было бы жить „по-человѣчески“...

Художники. Очерки и разсказы В. М. Михеева. Изд. Ѳ. А. Куманина. М., 1894 г. Цѣна 1 р. Заглавіе довольно заманчиво, и читатель вправѣ ждать разнообразныхъ типовъ художниковъ, или, по меньшей мѣрѣ, живыхъ лицъ въ обстановкѣ, нѣсколько отличающейся отъ той, въ которой живутъ люди другихъ профессій, предполагая, что подъ наименованіемъ „художники“ надо разумѣть живописцевъ, а не вообще людей, одаренныхъ художественнымъ творчествомъ. Разочарованіе читателя начинается съ перваго разсказа, озаглавленнаго *Художникъ въ тайгѣ*. Художникъ Бушаниновъ плыветъ въ лодкѣ по рѣкѣ Ленѣ въ компаніи съ повѣреннымъ золотопромышленника. Бушаниновъ смотритъ, авторъ описываетъ, что̀ Бушаниновъ видитъ, — выходитъ старо, знакомо и скучновато. Доплыли до какого-то села, на берегу хороводъ, художникъ рисуетъ оборванныхъ мужиковъ и дѣвокъ въ альбомъ, авторъ разсказываетъ, въ чемъ они одѣты, какіе у нихъ „зобы“ и какъ мужики презрительно относятся къ женской части населенія. Пришелъ пароходъ, мужики и женщины бросились грузить дрова, спѣшатъ заработать гривенники... „Бушаниновъ все смотрѣлъ. Мрачная картина окончательно созрѣвала въ его воображеніи, въ его душѣ, и уже настойчиво просилась на полотно“. Сказать по правдѣ, ради этого не стоило забираться въ тайгу и на Лену, всего этого у насъ дома довольно, не хватаетъ развѣ только „зобовъ“. Вычиталъ авторъ въ какой-то „газетной корреспонденціи“, что одинъ провинціальный „любитель драматическаго искусства“ духовнымъ завѣщаніемъ „оказалъ свой черепъ мѣстному театру съ тѣмъ, чтобы черепъ этотъ по *видомъ черепа* (sic) Іорика употреблялся при представленіяхъ Гамлета“. Газетный курьезъ понравился автору, вдохновилъ его, и г. Михеевъ написалъ разсказъ *Черепъ Іорика*. „Бѣдный Іорикъ!“... Авторъ знаетъ, однако, что въ Россіи не такъ-то легко исполнить подобное завѣщаніе, а потому своего „любителя“ отправляетъ умирать во Флоренцію, откуда подруга жизни „любителя“ привозитъ эту диковинную „бутафорскую принадлежность“ и передаетъ по назначенію провинціаль-

ному актеру, который съ этимъ черепомъ въ рукахъ блистательно разыгрываетъ Гамлета. Въ очеркѣ *Жертва искусства* разсказано о томъ, какъ пьяные буяны убили въ кабакѣ юношу, рисовавшаго въ альбомъ типы пропойцъ. Въ разсказѣ *Миних*, землемѣръ и его кухарка характернѣе „художника“ и заслоняютъ собою его некрупную фигурку. Изъ всѣхъ „художниковъ“ мы считаемъ наиболѣе удавшимся автору „знаменитаго портретиста“ Батурина, настоящаго художника, измотавшаго свой талантъ въ погонѣ за славой и деньгами заказнымъ писаньемъ дорого оплачиваемыхъ портретовъ. Разсказъ, въ которомъ онъ изображенъ, озаглавленъ *Красота*, написанъ живо и производитъ настоящее, доброе впечатлѣніе; по нашему мнѣнію, онъ лучшій въ книжкѣ. Всѣхъ разсказовъ восемь. Изданіе чистенькое, одно въ немъ намъ не нравится—стремленіе издателя къ оригинальничанью выставленіемъ цифровой помѣтки страницъ не вверху, а внизу страницъ. Мы къ этому не привыкли, цифры непріятно мелькаютъ, лѣзутъ въ глаза, и ни на что это не нужно.

Стихотворенія А. М. Ѳедорова. Изд. И. Г. Совѣтова. М., 1894 г. Цѣна 1 р. Въ книжкѣ напечатано 104 стихотворенія, весьма различнаго достоинства по существу, но обличающихъ несомнѣнное и симпатичное поэтическое дарованіе автора. Стихъ вездѣ гладкій, мѣстами звучный и образный, иногда сильный, и лишь рѣдко срывающійся на искусственныхъ удареніяхъ, да еще на словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ и неподходящихъ къ тону даннаго произведенія. Поэтическіе образы по большей части красивы и удачно схвачены чуткостью писателя, отзывчиваго ко всему прекрасному, свободно поддающагося настроенію, вызываемому картинами природы: блескомъ звѣзднаго неба, плескомъ моря, шумомъ лѣса... Въ авторѣ намъ особенно привлекательна его жизнерадостность и бодрость душевная, жажда свѣта. Нравится намъ въ молодомъ поэтѣ его искренность, отсутствіе притворства и дѣланныхъ скорбей, до чего такъ падки юные стихотворцы, натуживающіеся напускнымъ разочарованіемъ и жалкими словами ввести въ заблужденіе читателя. Г. Ѳедорову не чужды элегическіе и грустные мотивы, но тѣмъ больше они производятъ впечатлѣніе, что они являются правдивымъ выраженіемъ дѣйствительной грусти, набѣгающей на душу поэта. Первымъ въ книжкѣ г. Ѳедорова помѣщено стихотвореніе *На мотивъ изъ Горація*; изъ него мы приводимъ лишь вторую половину первой строфы и конецъ:

„Нѣтъ, друзья! Душа моя полна
Живой поэзіи, святой и благородной,
Какъ пѣсня соловья,—восторженной, свободной,
Кипучей, какъ струя янтарнаго вина“.

„Блаженъ удѣлъ пѣвца,
Извѣдавшаго всѣ восторги вдохновенья;
Блаженъ удѣлъ того, кто пѣснями въ сердца
Вливаетъ счастіе и свѣтлое забвенье!“

Такъ и поступаетъ молодой поэтъ, но далеко не отдѣлывается одною сладкогласною лирикой: добрая, живая мысль дѣлаетъ свое дѣло и въ изящныхъ и нѣжныхъ образахъ, какъ въ стихотвореніи *Принцесса Ильза*, *Королева цвѣтовъ*, *Два ангела* и др. Въ сборникѣ г. Ѳедорова есть, разумѣется, и слабыя произведенія, таковыхъ даже и не мало, но авторъ обладаетъ однимъ крупнымъ достоинствомъ: онъ ни кому не подражаетъ, ни подъ кого не поддѣлывается, ни чьимъ вліяніямъ не поддается, а живетъ и поетъ самъ по себѣ. Не крупна пока

его муза, но она, непререкаемо, его; она имѣетъ всѣ данныя на то, чтобы рости и вырости, а мы можемъ только отъ души пожелать, чтобы развилась она свободно, шла впередъ тѣмъ же прямымъ путемъ и крѣпла собственною силой.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„Критическій разборъ романа *Отцы и дѣти* И. С. Тургенева". *В. Зелинскаго.* — „Критическіе разборы романа *Братья Карамазовы* Ѳ. М. Достоевскаго". *Его же.*— „Основы церковно-приходской жизни". *Свящ. І. Фуделя.*—„Къ реформѣ приходскихъ попечительствъ". *Его же.*

В. Зелинскій: 1) Критическій разборъ романа „Отцы и Дѣти". И. С. Тургенева и 2) Критическіе разборы романа Ѳ. М. Достоевскаго „Братья Карамазовы". Москва, 1894. Цѣна 35 коп.+50 коп. Выступая 10 лѣтъ тому назадъ съ изданіемъ въ свѣтъ *Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева*, г. Зелинскій закончилъ свое предисловіе къ этой книгѣ словами, что „отъ большей или меньшей полезности ея будетъ зависѣть печатаніе имъ цѣлаго ряда подобныхъ сборниковъ критическихъ статей о произведеніяхъ новѣйшихъ русскихъ популярныхъ писателей". Всего черезъ годъ, въ предисловіи, предпосланномъ *Историко-критическому комментарію къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго*, тотъ же г. Зелинскій заявляетъ: „Сравнительный успѣхъ двухъ выпусковъ упомянутой (первой) книги оправдалъ мои надежды и тѣмъ самымъ заставилъ меня приняться съ большею энергіей и смѣлостью за дальнѣйшую работу въ этомъ направленіи". Вслѣдъ за тѣмъ одинъ за другимъ въ свѣтъ появляются сборники критическихъ статей о произведеніяхъ Н. А. Некрасова, А. С. Пушкина, гр. Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, а когда изданіе сборниковъ критикъ произведеній Тургенева и Достоевскаго оказывается распроданнымъ, нашъ составитель приступаетъ ко вторымъ изданіямъ. Повсюду у него одна и та же цѣль: онъ желаетъ разъяснить главный смыслъ произведеній того или иного писателя, „путемъ объективнаго сопоставленія различныхъ критическихъ о нихъ отзывовъ"; онъ не вноситъ ни въ одну изъ своихъ книгъ „ничего личнаго, субъективнаго, а подобравъ только разнообразныя критическія выдержки, большею частью за и противъ, имѣетъ въ виду дать читателямъ продотворную умственную работу, состоящую въ сравненіи и комбинированіи тѣхъ и другихъ отзывовъ объ одномъ и томъ же произведеніи по отношенію ихъ къ своему собственному непосредственному мнѣнію о томъ же произведеніи" (предисл. къ *Сбор. критическихъ матеріаловъ для изученія произвед. И С Тургенева*, стр. 3). Подобной цѣли, по нашему мнѣнію, нельзя не сочувствовать: тутъ дѣло касается самостоятельной умственной работы, и въ сборникахъ, очевидно, существуетъ нужда, если въ сравнительно короткое время они раскупаются и требуютъ новыхъ изданій.

С часъ передъ нами *Критическій разборъ романа „Отцы и Дѣти"* И. С. Тургенева" и *Критическіе разборы романа Ѳ. М. Достоевскаго „Братья Карамазовы"*. Первые составляютъ перепечатку безъ измѣненій изъ *Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева*, вторые же являются полезнымъ дополненіемъ ко второму изданію *Критическаго комментарія къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго*, гдѣ находимъ отзывы и разборы Л. Оболенскаго, Е. Мар-

кова, М. Антоновича, Н. Звѣрева, Н. Михайловскаго и друг. Не совсѣмъ понятно одно: чѣмъ руководился г. Зелинскій, когда счелъ нужнымъ издать разборъ *Отцовъ и дѣтей* отдѣльнымъ выпускомъ и ранѣе другихъ произведеній того же Тургенева?

Основы церковно-приходской жизни. Свящ. І. Фуделя. Москва, 1894 г. Цѣна 30 коп.—Къ реформѣ приходскихъ попечительствъ. Его же. Москва, 1894 г. Въ этихъ двухъ брошюрахъ авторъ развиваетъ одну мысль о неудовлетворительности нынѣшнихъ приходскихъ попечительствъ. Онъ говоритъ: „Начала, положенныя въ основу организаціи попечительствъ, тѣ же, что были положены въ основу всѣхъ почти учрежденій 60 годовъ: *выборы* и *раздѣленіе власти*". Этихъ началъ авторъ не одобряетъ; по его мнѣнію, „приходскій священникъ, какъ пастырь прихода, какъ лицо, принявшее на себя отвѣтственность за каждую ввѣренную ему душу, является *естественнымъ главой* всякаго учрежденія, связаннаго съ церковью и приходомъ". А разъ священникъ есть „глава" всѣхъ учрежденій прихода, то никакихъ выборовъ существовать не должно и „глава" набираетъ себѣ помощниковъ по своему усмотрѣнію. Ни о какихъ ограниченіяхъ такой „пастырской" власти въ сочиненіяхъ священника І. Фуделя не упоминается. Изъ этого мы вправѣ заключить, что авторъ считаетъ нужнымъ отмѣнить всякіе выборы и предоставить приходскому священнику власть назначать, прежде всего, ближайшаго себѣ помощника—церковнаго старосту, затѣмъ — попечителей школъ, богадѣленъ, пріютовъ, ихъ смотрителей, учителей и т. д. Съ правомъ назначать неразрывно связано и право увольнять, смѣнять лицъ, которыхъ „глава" найдетъ непригодными. Такимъ образомъ, всякое *раздѣленіе власти* исчезнетъ, а будутъ лишь „пастырь и пасомые". Авторъ благосклонно относится къ „обществамъ трезвости", но и ими не удовлетворяется потому, что эти общества преслѣдуютъ задачи только религіозно-нравственныя, а этого, по мнѣнію автора, слишкомъ мало даже въ томъ случаѣ, когда общество трезвости существуетъ рядомъ, параллельно въ одномъ приходѣ съ попечительствомъ, учрежденіемъ только „благотворительнымъ". Это раздѣленіе задачъ и обязанностей не нравится священнику І. Фуделю такъ же, какъ и раздѣленіе власти. Попечительствамъ и обществамъ трезвости авторъ предпочитаетъ „церковно-приходскія братства" и вотъ что говоритъ о нихъ: „Въ каждомъ приходѣ всегда найдется нѣсколько прихожанъ (мужчинъ и женщинъ), которые выдѣляются изъ общей толпы и своею любовью къ храму, и своею высокою религіозно-нравственною жизнью, и своимъ послушаніемъ уставу церкви и голосу пастыря. Такихъ лицъ, хотя бы ихъ было, на первыхъ порахъ, не болѣе трехъ-четырехъ, пастырь выдѣлитъ и объединитъ"... „Въ основѣ этого братства будутъ положены: естественное *главенство* пастыря, *единство* съ избранными имъ самимъ помощниками себѣ и *солидарность* ихъ всѣхъ въ намѣченной цѣли". Далѣе авторъ говоритъ о разнообразіи цѣлей, намѣчаемыхъ пастыремъ, и восклицаетъ: „Какъ все это просто и какъ красиво! Какое *разнообразіе* осуществляемыхъ задачъ, какой просторъ для жизни и какое, въ то же время, дивное *единство формы*!" (Курсивы всѣ авторскіе). На самомъ дѣлѣ, „просто" это очень, а насколько „красиво" — это вопросъ, по которому мнѣнія могутъ быть разныя. Въ началѣ второй первой брошюры авторъ говоритъ: „Всякая проповѣдь есть обоюдоострое оружіе; основанная на примѣрѣ лично-христіанской жизни самого проповѣдника, она глубоко врѣзывается въ сердца слушателей;

не подтверждаемая этимъ примѣромъ, не основанная на немъ, она, не достигая своей цѣли, часто наноситъ порѣзы самому неосторожному проповѣднику". На слѣдующей страницѣ мы читаемъ укоры автора мірянамъ за „чрезвычайно строгое отношеніе къ порокамъ духовенства" и за „болѣе легкій взглядъ народа на свои собственныя слабости и пороки". „Если священникъ,—продолжаетъ авторъ,— являетъ примѣръ христіанской жизни, то это такъ и нужно, потому что онъ „батюшка", „а ужь намъ, простымъ людямъ, гдѣ же такъ жить"... Авторъ полагаетъ, что не должно существовать „двухъ критеріевъ нравственной высоты: одного для служителей алтаря, для пастыря, другого—для пасомыхъ"... Мы же думаемъ, что такъ и быть должно и быть иначе не можетъ, и что авторъ по неосторожности себѣ самому „наноситъ порѣзы". Изъ приведенныхъ словъ автора явствуетъ,—какъ то есть и въ дѣйствительности,—что „батюшки" бываютъ разные, хорошіе и подверженные слабостямъ и порокамъ, а потому мы вправѣ думать, что при „главенствѣ" пастыря, не являющаго примѣра христіанской жизни, многое очень „простое" можетъ оказаться на дѣлѣ совсѣмъ не „красивымъ" и *единство формы*, которою такъ умиляется авторъ, перестанетъ быть „дивнымъ", превратится, пожалуй, въ нѣчто совершенно диковинное и нежелательное. При идеальныхъ пастыряхъ, одушевленныхъ истинно-христіанскою любовью къ своей паствѣ, чуждыхъ гордыни, властолюбія и честолюбія, православный священникъ, безъ всякаго формальнаго *главенства*, будетъ „добрымъ пастыремъ" и съумѣетъ вести паству свою не силой и принужденіемъ, а своимъ нравственнымъ вліяніемъ, не нуждающимся въ „Положеніяхъ", не прибѣгающимъ къ „пастырской политикѣ", о которой говоритъ священникъ І. Фудель (стр. 7 первой брошюры). Простота и красота—въ христіанской любви, высшемъ проявленіи гуманности и справедливости, а не въ „главенствѣ" однихъ и обязательномъ подчиненіи другихъ.

ІСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И БІОГРАФІИ.

„Исторія скандинавской литературы съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней". *Ф. В. Горна.*—„Жизнь замѣчательныхъ людей". *Изд. Ф. Павленкова.*

Исторія скандинавской литературы съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Фредерика Винкеля Горна. Съ приложеніемъ этюда Ф. Швейцера: „Скандинавское творчество новѣйшаго времени". Перев. К. Бальмонта. Изд. Солдатенкова. Москва, 1894 г. Цѣна 2 р. 50 к. Интересъ, какой возбудила къ себѣ за послѣднее время скандинавская литература въ Европѣ, въ особенности у насъ, дѣлаетъ весьма умѣстнымъ появленіе этой книги. Имена Ибсена, Бьёрнсона и др. скандинавскихъ писателей въ настоящее время очень популярны среди широкаго круга читателей. „И надо думать,—справедливо ѣчаетъ переводчикъ,—что хотя въ этомъ увлеченіи скандинавскою ературой участвуютъ въ значительной степени элементы чисто-внѣш- (какъ, наприм., мода), тѣмъ не менѣе, основная причина такого еченія имѣетъ характеръ болѣе глубокій и коренится въ душевномъ адѣ русскаго читателя. Есть нѣчто тѣсно сближающее насъ съ ими сѣверными собратьями. И русскимъ, и скандинавамъ въ одиовой степени свойственны тѣ черты, которыя дѣлаютъ нашу литеюпулярной въ Скандинавіи и скандинавскую—въ Россіи. Эти

черты: широкій размахъ мысли и чувства, неутолимая жажда геро
идеалистическая мечтательность, глубокая грусть и горькій юмор
выросли подъ однимъ и тѣмъ же туманнымъ небомъ; съ самаго дѣ
намъ пѣла пѣсни одна и та же сѣверная метель". И, однако, н
крайности мало знакомы съ исторіей литературы нашихъ сѣве
сосѣдей, кромѣ историческаго очерка Диллена, помѣщеннаго въ
ціальномъ изданіи (*Всеоб. исторія литерат.*, изд. подъ ред. А.
пичникова), на русскомъ языкѣ по этому предмету ничего еще н
являлось. Переводъ книги Горна своевременно и съ успѣхомъ зап
етъ этотъ пробѣлъ. Это весьма добросовѣстный и основательный т
обнаруживающій въ авторѣ обширную эрудицію. Кромѣ цѣннаго
ріала, предлагаемаго въ изложеніи, книга изобилуетъ массой б
графическихъ указаній по литературѣ предмета, что дѣлаетъ е
лезнымъ пособіемъ для желающихъ изучить предметъ спеціально. И
изъ взгляда, что скандинавскія народности въ духовномъ отно
представляютъ изъ себя однородное національное цѣлое, авторъ
рается разсматривать литературу ихъ въ тѣсной взаимной связи
литъ свой трудъ на три части: древне-скандинавско-исландская ли
тура, куда входитъ и ново-исландская литература, стоящая въ
средственной связи съ древней; датско-норвежская литература, на
отъ среднихъ вѣковъ и до нынѣшняго столѣтія, положившаго н
обособленію этихъ литературъ, развитіе которыхъ въ XIX вѣкѣ
сматривается въ отдѣльности; наконецъ, шведская литература, о
леніе которой также начинается въ средніе вѣка. Каждая часть
дѣлена на эпохи, отмѣченныя наиболѣе характерными признака
ходѣ литературы.

Къ замѣтнымъ недостаткамъ книги нужно отнести сжатость
хость изложенія. Хотя авторъ въ предисловіи заявляетъ, что онъ
рался возбудить общій интересъ, нарисовать картину литерату
событій, въ ихъ тѣсной и непрерывной связи съ культурно-исто
скими отношеніями, но это ему не совсѣмъ удается. При сравни
небольшомъ объемѣ труда (310 стр.), въ немъ собрано столько ф
ческихъ свѣдѣній, справочнаго матеріала, что часто обще-истори
интересъ ускользаетъ отъ читателя. Авторъ съ излишнею доброс
ностью перечисляетъ часто незначительныхъ писателей, аккурат
общая даты ихъ рожденія и смерти и названія ихъ сочиненій,
что рѣдкая страница не испещрена десятками именъ, названій и ц
еплошь и рядомъ встрѣчаются имена писателей, которымъ отво
не болѣе пяти строкъ. Благодаря этому, характеристики болѣе
ныхъ литературныхъ дѣятелей вышли довольно сжатыми, а литер
XIX вѣка представлена въ очень краткомъ видѣ.

Полнѣе другихъ изложена древне-скандинавская литература
смотря на указанные недостатки, трудъ Горна, какъ основатель
научная работа, представитъ несомнѣнный интересъ для многихъ
особенности будетъ полезенъ для тѣхъ, кто желаетъ подробно по
миться съ скандинавскою литературой. Недостаточный обзоръ н
шей литературы очень удачно пополненъ содержательнымъ эт
Швейцера, гдѣ дается подробное знакомство съ такими писат
какъ Ибсенъ, Бьёрнсонъ, Драхманъ, Шандорфъ и др. Въ концѣ
приложенъ алфавитный указатель именъ. Языкъ перевода вполнѣ у
творителенъ.

**Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библі
Ф. Павленкова: Иванъ IV Грозный, Е. А. Соловьева. — Бо**

Хмельницкій, Яковенко. — М. С. Щепкинъ, А. А. Ярцева. То, что мы говорили въ прошлый разъ о пріемахъ г. Соловьева, вполнѣ примѣнимо и къ его новому очерку. Авторъ пишетъ умѣло и интересно, даетъ тонкій и остроумный психологическій анализъ, но въ своемъ стремленіи дать болѣе опредѣленное и яркое освѣщеніе личности доходитъ до односторонности. Въ характеристикѣ Ивана IV г. Соловьевъ примѣнилъ исключительно психологическій, лучше сказать—психіатрическій, методъ и, нужно отдать ему справедливость, примѣнилъ его очень удачно. „Наслѣдственное предрасположеніе и мерзость воспитанія“ способствовали развитію у Грознаго особой формы душевнаго разстройства (moral insanity), наиболѣе существенными симптомами которой были жестокость и эротическое изступленіе; болѣзненно развитое воображеніе, слабоволіе, трусость и подозрительность были признаками той же болѣзни. Таковъ взглядъ автора на личность Ивана IV, и эта точка зрѣнія проведена послѣдовательно и остроумно отъ начала до конца. Характеристика получается сильная и рѣзкая, но нѣсколько односторонняя. Задавшись цѣлью изобразить грознаго царя, какъ явленіе патологическое, авторъ занялся, главнымъ образомъ, психологическимъ анализомъ личности, мало касаясь государственной дѣятельности Ивана IV или касаясь ея постольку, поскольку это подтверждало его точку зрѣнія. Отказывая Грозному во всякой оригинальности, г. Соловьевъ лучшія стороны его государственной дѣятельности приписываетъ вліянію окружавшихъ его лицъ и потому считаетъ ее не имѣющей существеннаго значенія для выясненія личности. Какъ бы тамъ ни было, но такіе крупные факты, какъ судебникъ Ивана IV, его земскія реформы, земскій и стоглавый соборы, должны были найти мѣсто въ этомъ очеркѣ и сообщили бы ему болѣе историческаго интереса. Не обходится также и безъ противорѣчій. Коротко характеризуя государственную дѣятельность Грознаго, авторъ признаетъ, что его внѣшней политикѣ нельзя отказать въ широтѣ и блескѣ замысловъ, а въ другомъ мѣстѣ (стр. 29) говоритъ, что Ливонскую войну царь затѣялъ просто по духу противорѣчія. Тѣмъ не менѣе, очеркъ г. Соловьева читается съ живымъ интересомъ. Въ заключеніе авторъ даетъ слѣдующую краткую, но сильную оцѣнку царствованія Грознаго: „Что бы ни говорили намъ о блескѣ его правленія, мы никогда не должны забывать о главномъ результатѣ его, этотъ результатъ—развращеніе народа... Ужасы монгольскаго ига, выработавшіе въ русскомъ характерѣ такую приниженность, забитость, привычку отражать пассивно всѣ бѣды, были доведены Грознымъ до крайности... Какъ государь, Грозный совершилъ величайшее преступленіе, уничтожая въ народѣ все выдающееся, героическое, славное“.

Г. Яковенко далъ обстоятельную біографію Богдана Хмельницкаго. Очеркъ не отличается живостью изложенія, но содержателенъ. Авторъ предварительно знакомитъ съ главными моментами исторіи Малороссіи, происхожденіемъ козачества, положеніемъ населенія и т. п. Такимъ образомъ, Богданъ Хмельницкій является въ очеркѣ какъ главное лицо исторической драмы, его жизнь и дѣятельность разсматриваются въ тѣсной связи съ ходомъ развитія этой драмы. Характеристика знаменитаго гетмана безпристрастна и разностороння; указывая на значеніе и крупныя заслуги Хмельницкаго, авторъ не скрываетъ ни[illegible] и его слабыхъ сторонъ.

[illegible]нтересно и живо написана г. Ярцевымъ біографія Щепкина. Кромѣ [illegible]робнаго изложенія жизни и дѣятельности великаго артиста, ав-

торъ попутно знакомитъ съ условіями театральнаго дѣла въ о
мую эпоху, рисуетъ общественное положеніе актеровъ того
какъ свободныхъ, такъ и крѣпостныхъ. Очень удачна и характе
Щепкина, ярко обрисовывающая глубоко-симпатичный образ
„артиста-человѣка“. Въ концѣ очерка приложены краткія біо
характеристики артистовъ: Мочалова, Каратыгина, Мартынова
довскаго.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Доброволецъ *Петербургъ*“. *С. Н. Южакова.*

**Доброволецъ „Петербургъ“. Дважды вокругъ Азіи. І
впечатлѣнія. С. Н. Южакова. Изд. ред. журн. „Русское Бога
Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.** Книга эта составлена изъ ряда
помѣщенныхъ ранѣе въ повременныхъ изданіяхъ и теперь собр
дополненныхъ и объединенныхъ. Г. Южакову пришлось прове
тора года во Владивостокѣ, и это пребываніе, равно какъ
впечатлѣнія во время поѣздки, доставили ему богатый и раз
ный матеріалъ для настоящихъ очерковъ. Книга состоитъ из
частей: первая содержитъ въ себѣ очерки природы и жизни на
лекой Уссурійской колоніи и носитъ названіе *Въ странѣ хун
тумановъ*, въ другой *(На теплыхъ водахъ)* собраны наблюденія
чатлѣнія автора во время плаванія по океану и короткихъ ост
въ разныхъ мѣстахъ. Для насъ, конечно, особенный интерес
ставляетъ первая часть, рисующая бытъ окраины, гдѣ созда
перь новая жизнь. Г. Южаковъ — не художникъ, но наблюдате
живой умъ автора, его чуткое отношеніе къ вопросамъ обще
жизни сообщаютъ его очеркамъ большой интересъ. Тяжелы и
впечатлѣнія автора отъ пребыванія во Владивостокѣ; съ горь
ніей относится онъ къ громкимъ фразамъ объ этой будто бы „в
Америкѣ“, заслуживающей скорѣе всего названія „бѣлой Ху
(хун-хузы — китайскіе разбойники, отъ которыхъ страдаютъ на
родцы въ этомъ краѣ).

Постройка желѣзно-дорожной линіи, поднявшая пульсъ мѣст
ни, въ особенности даетъ поводъ ярко обнаруживаться типи
общественнымъ чертамъ. „Мысль, что государство производитъ
ды не для того только, чтобы набить карманы бѣлокожимъ ху
Владивостока (такъ называетъ авторъ владивостокскихъ „гра
повидимому, совершенно непонятна этимъ невиннымъ голова
совершенно искренно возмущаются разсчетливымъ хозяйствомъ
строителя дороги“. Этимъ, главнымъ образомъ, объясняется
доброжелательство, съ которымъ отнеслось мѣстное обществ
оруженію желѣзной дороги, обманувшему ихъ аппетиты.

Безъ сомнѣнія, лучшая будущность ожидаетъ этотъ край; з
страны, проложеніе путей сообщенія, энергическая борьба съ п
развитіе культуры создадутъ новый складъ и физіономію жизн
дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, а теперь „эта п
Хунхузіи и восточной Америки для живого и впечатлительнаго
просто ужасна. Злосчастная природа, манзовское благоуханіе
хузская нравственность, отсутствіе народа и общества, райско
комство съ фиговыми листьями и царящій надъ всѣмъ духъ
ства и наживы, безъ понятія о правѣ и Богѣ, способны ин

вселить отчаяніе". Любопытныя свѣдѣнія также даетъ авторъ о попыткѣ примѣненія труда ссыльно-каторжныхъ при постройкѣ линіи желѣзной дороги,— попыткѣ, давшей вначалѣ блестящіе результаты и окончившейся неудачей, благодаря „бюрократической рутинѣ и канцелярской немощи", неспособнымъ отвѣчать на живыя явленія. Быть нашихъ поселенцевъ автору пришлось наблюдать, повидимому, мало, но и то, что даетъ онъ въ своихъ очеркахъ по этому предмету, не лишено интереса. Можно только пожалѣть, что г. Южаковъ отвелъ въ своей книгѣ меньшую часть владивостокскимъ наблюденіямъ, которыхъ въ полтора года у автора, вѣроятно, накопилось много, судя по тому обилію и разнообразію матеріала, какой мы находимъ во 2-й части, гдѣ автору приходится схватывать наблюденія мимоходомъ, на-лету. Въ этой части, какъ мы сказали, изложены наблюденія автора во время плаванія и короткихъ стоянокъ. Наблюденія эти въ занимательной формѣ знакомятъ читателя съ нѣкоторыми чертами японской жизни, съ природой и культурой Цейлона и т. п. Умѣнье подмѣтить характеристическія черты чужеземной природы и культуры, широкое пониманіе явленій общественной жизни, проникнутое чувствомъ гуманности,— таковы основныя черты этихъ очерковъ, не претендующихъ, по заявленію автора, исчерпать затронутые сюжеты.

ИСКУССТВО.

„Музыкальная хрестоматія". *Карасева.* — „Іоганнъ Себастіанъ Бахъ и его значеніе въ музыкѣ". *С. Л. Хамютина.*

Музыкальная хрестоматія, 2 части, составилъ г. Карасевъ. Двѣ части *Музыкальной хрестоматіи*, составленной г. Карасевымъ, представляютъ изъ себя послѣдовательное изложеніе при обученіи хоровому пѣнію въ школахъ. Первая часть знакомитъ начинающихъ пѣть съ музыкальною грамотой вообще и съ первыми пріемами пѣнія въ частности. Такой пріемъ обученія пѣнія не новъ, и если будетъ вестись опытнымъ учителемъ, то результаты получатся благіе. Въ необходимомъ добавленіи къ 1-й части „сказано", что при повтореніи упражненія отдѣльными учениками должно пѣть ихъ не подрядъ, а съ остановками, причемъ въ промежуткахъ вводить голосомъ или посредствомъ инструмента звуки другихъ тональностей. Пѣть съ остановками, съ учениками, это пожалуй еще такъ, но смущать ихъ слухъ другими тональностями совершенно излишнее занятіе. На 32 стр., въ пѣснѣ „По полю, полю чистому", муз. Воротникова, есть опечатка, а можетъ быть и ошибка составителя. Въ седьмомъ тактѣ пѣсни, послѣ хода трехъ секстъ въ терцію, долженъ быть переходъ въ тонъ сольмажоръ, съ *фа-діэзомъ* въ верхнемъ голосѣ. Вторая часть составляетъ, такъ сказать, репертуаръ выучившихся по первой части.

Выборъ пьесъ, видимо, разсчитанъ на эффектъ разнообразія и знаство составителя съ хоровой литературой. Тутъ есть произведенія евъ: Бетховена, Глинки, Шумана, Даргомыжскаго и др., и на ряду этимъ диллетантскія произведенія: Зильхера, Брянскаго, Главача и ложенія Богуслава. Нѣтъ нужды въ такомъ разнообразіи. Напроъ, оно показываетъ дурной вкусъ составителя. Если хрестоматія назначается для школъ, то выборъ долженъ быть строгъ и основъ на классическихъ образцахъ, въ русской же школѣ премущественно на образцовыхъ произведеніяхъ русскихъ композиторовъ. При

этомъ пресловутое переложеніе должно быть замѣнено простой
зиціей въ другую тональность для удобства голосовъ. Точ
нѣтъ нужды особенно заботиться объ аккомпанементѣ. Въ
ученики должны пѣть только à capella. Если же вторая часть
лена и для любителей пѣнія, то тогда можно будетъ и еще п
какія-нибудь сочиненія.

Вообще говоря, *Музыкальная хрестоматія* г. Карасева е
представляетъ чего-нибудь выдающагося, то, все-таки, имѣетъ
ществовать на ряду съ другими же подобными сочиненіями. Тѣм
и цѣна не дорогая, всего 1 руб. за двѣ части, а выписывак
составителя и за пересылку ничего не платятъ. Во второй ча
также опечатки, но скромныя. На 17 стр., въ хорѣ изъ *Р
Людмилы*, въ 10-мъ тактѣ должна быть нота *ми* на 4-ю вос

Іоганнъ Себастіанъ Бахъ и его значеніе въ музыкѣ
вилъ С. Л. Халютинъ. Значеніе Баха въ музыкѣ среди музы
давно установлено. Въ публикѣ баховскія сочиненія никогда н
популярными, такъ какъ они требуютъ серьезной музыкальнс
товки. Появившаяся новая біографія Баха ничего новаго не
и въ публикѣ сочувствія къ контрапунктическимъ сочиненіям
будитъ. Если книга попадетъ въ руки любителей музыки, то
чтутъ ее съ интересомъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТ

„Etudes sur la question ouvrière en Suisse", *par Raoul Jay.* — „Грамотн
дѣтей школьнаго возраста въ Московскомъ и Можайскомъ уѣздахъ, Моск
берніи". *И. П. Богомѣтова.* — „Начальное образованіе въ Полтавской гу
Яневичъ. — „Кустари-кожевники Полтавской губ.". *Д-ра В. В. Святловскаг*
жіе промыслы". *Д. Н. Жбанкова.*

Etudes sur la question ouvrière en Suisse, par Raoul Ja
1893. Такъ называемое „рабочее законодательство" составляет
стоящее время на Западѣ предметъ очень оживленныхъ деба
литературѣ и болѣе или менѣе серьезной заботы со стороны
тельственной власти. Рабочее законодательство, обнимающее
емъ, такъ сказать, идеальномъ цѣломъ и общее законодатель
ниченіе рабочаго дня для всѣхъ трудящихся, и совершенное за
извѣстнаго рода труда для женщинъ и дѣтей, и страхованіе
промышленнаго производства на случай увѣчій и старости, и
ную регламентацію нѣкоторыхъ видовъ промышленности въ ви
гіены, и еще многія другія мѣры для огражденія рабочихъ отъ
таціи предпринимателей,— рабочее законодательство и въ ц
въ отдѣльныхъ своихъ вѣтвяхъ встрѣчаетъ въ литературѣ и
ни, съ одной стороны, ожесточенныхъ противниковъ, съ другой
ярыхъ защитниковъ. Такъ какъ этотъ вопросъ отнюдь не мож
названъ „академическимъ", а, наоборотъ, отличается такимъ
нымъ, практическимъ, жгучимъ характеромъ, что то или иное
рѣшеніе самымъ непосредственнымъ образомъ затрогиваетъ
ческое и юридическое положеніе работающихъ классовъ,— пон
въ это разрѣшеніе должно быть внесено особенно много осмо
ности, и что практическія реформы въ данной сферѣ должны
ся на возможно болѣе широкій фундаментъ систематическихъ
деній и всесторонніхъ изслѣдованій. Поэтому все, что, мин
взятые взгляды и установленные шаблоны, даетъ намъ строг

ренный и безпристрастный матеріалъ для сужденія о вліяніи, о результатахъ тѣхъ или иныхъ рабочихъ законовъ въ какой бы то ни было странѣ,—все это должно быть встрѣчено критикой не иначе, какъ съ полнымъ вниманіемъ и оспариваемо только фактическими же данными. Вотъ именно такимъ, съ одной стороны, свободнымъ отъ всякой предвзятости, съ другой — строго фактическимъ характеромъ и отличается только что появившаяся работа проф. Жея о швейцарскомъ рабочемъ законодательствѣ. Основанная на донесеніяхъ фабричныхъ инспекторовъ и другихъ оффиціальныхъ источникахъ, она даетъ обширный статистическій матеріалъ, пригодный для разныхъ обобщеній и краснорѣчивый въ своемъ безпристрастіи. Не имѣя возможности въ краткой библіографической замѣткѣ не только исчерпать, но даже затронуть фактическую, документальную сторону вниги, мы воспользуемся здѣсь только нѣкоторыми любопытными выводами, къ которымъ привело автора его изслѣдованіе, и будемъ надѣяться, что это скорѣе всего побудитъ читателя обратиться за доказательствами и разъясненіями къ самому первоисточнику, вполнѣ выкупающему богатствомъ своихъ данныхъ значительную сухость изложенія.

Основнымъ положеніемъ нынѣ дѣйствующаго рабочаго законодательства въ Швейцаріи является законъ 23 марта 1877 г., регулирующій продолжительность трудового дня для взрослыхъ фабричныхъ рабочихъ. Законъ этотъ, установляющій 11-ти часовой maximum, былъ встрѣченъ при своемъ изданіи довольно несочувственно и прессою, и фабрикантами, и даже самими рабочими: онъ былъ вотированъ только самымъ ничтожнымъ большинствомъ 181,200 голосовъ противъ 170,857, причемъ въ такихъ промышленныхъ кантонахъ, какъ Цюрихъ и Сенъ-Галль, большинство было даже отрицательное. Проведенный съ трудомъ, послѣ продолжительной, энергической агитаціи, законъ 1877 года, такой, какимъ онъ былъ изданъ сначала, отличался многими несовершенствами. За нихъ-то, за эти несовершенства, и ухватились всѣ недовольные закономъ, чтобы всячески расширить и обойти установленный имъ 11-ти часовой maximum. Этого достигали фабриканты двоякимъ образомъ: или путемъ испрашиванія у мѣстной власти разрѣшенія на *дополнительные* часы, допущенные закономъ на случай „крайней необходимости", или путемъ такого черезъ-чуръ широкаго толкованія понятія „фабрики", которое позволяло многимъ промышленнымъ предпріятіямъ совершенно ускользать отъ дѣйствія закона. Всѣ средства были пущены въ ходъ фабрикантами, чтобы какъ-нибудь удлинить рабочій день сверхъ установленныхъ 11 часовъ; многимъ, напримѣръ, удавалось сначала удерживать рабочихъ на лишнихъ полчаса для *чистки машинъ*,—занятіе, согласно толкованію хозяевъ, „непроизводительное", которое поэтому и не должно быть принимаемо въ разсчетъ. Потребовался спеціальный разъяснительный законъ, чтобы прекратить это злоупотребленіе. Въ дѣлѣ раскрытія подобныхъ обходовъ закона необыкновенную энергію проявили фабричные инспектора, въ самый короткій срокъ с[illegible]скавшіе себѣ чрезвычайную популярность среди швейцарскаго ра[illegible]аго населенія. Несмотря на свою малочисленность, фабричные ин[illegible]ктора въ Швейцаріи вынесли на своихъ плечахъ все дѣло рабочаго [illegible]онодательства: благодаря ихъ тщательнымъ отчетамъ возможны бы[illegible] дальнѣйшія многочисленныя исправленія закона 1877 года, который [illegible]истекшія теперь уже 16 лѣтъ успѣлъ завоевать себѣ всеобщія сим[illegible]іи.

[illegible]лѣднее объясняется, разумѣется, тѣми безспорно вполнѣ благо-

творными результатами, которые имѣло въ Швейцаріи законод
регулированіе продолжительности рабочаго дня. „Противник
утверждали, что сокращеніе рабочаго дня не будетъ имѣть благо
дѣйствія на нравственность рабочихъ, что оно доставитъ ему воз
быть лѣнивѣе и ходить чаще въ трактиръ. Теперь всѣми призна
воритъ фабричный инспекторъ 3-го округа,— что эти опасенія
всякаго основанія. Отцы семейства и молодые люди находятъ
няться на полѣ или дома другими работами, причемъ у нихъ упра
другіе мускулы, вмѣсто тѣхъ, которые утомились на фабри
мѣна дѣлаетъ человѣка болѣе бодрымъ и вліяетъ благотворн
бочаго и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи".
какъ на этотъ счетъ говорятъ теперь сами фабриканты: „Бо
замѣчаетъ одинъ изъ нихъ,— что бо̀льшій досугъ у рабочимъ у
пьянство и развратъ. Однако, гораздо больше разврата я
прежде, когда работали и день, и ночь" (стр. 92—94). Но ка
зился законъ 1877 года на заработной платѣ? Въ первое
извѣстныхъ отрасляхъ промышлевности замѣчено было нѣкот
деніе цѣнъ на рабочія руки, но затѣмъ, менѣе чѣмъ черезъ го
изданія закона, заработная плата начала быстро возростать
далеко обогнала всѣ прежнія нормы. Лучшимъ доказательств
что рабочіе не проиграли, а выиграли, можетъ служить ихъ
нее полное сочувствіе къ закону, ихъ желаніе видѣть начатую
продолженной и дополненной другими подобными же закон
1880 г.,— говоритъ Р. Жей (стр. 122),— значительное число
ленниковъ добивалось уничтоженія законодательной регламент
настоящее время ни одна партія не могла бы серьезно взять
подобную инициативу, напротивъ, теперь со всѣхъ сторонъ о
стойчиво требуютъ сокращенія рабочаго дня до 10-ти часовъ
пространенія этого правила на всѣ промышленныя предпр
этомъ я вижу знаменательный результатъ 14-ти лѣтняго опыт

Во многихъ отдѣльныхъ промышленностяхъ 10-ти часовой
день принятъ по иниціативѣ самихъ хозяевъ. Въ Цюрихскомъ
только 20% всѣхъ промышленныхъ предпріятій, обрабатываю
рево, и только 7% металлическихъ фабрикъ и заводовъ сохр
сей поры 11-ти часовой день; громадное большинство фабрикантов
выгоднымъ его сократить, многіе — до 10, нѣкоторые — до 9 ч
въ самомъ городѣ Цюрихѣ, сдѣлавшемся въ послѣднее время
промышленнымъ и многолюднымъ, 10-ти часовой рабочій ден
санъ постановленіемъ муниципалитета (Gemeindeordnung). Это
то же самое постановленіе опредѣляетъ и minimum заработн
рабочаго: 4 франка для обыкновенныхъ ремесленниковъ (m
4 фр. 50 с.— для болѣе искусныхъ.

Подобнаго же характера результаты достигнуты были
1875 г. объ отвѣтственности предпринимателей за несчастны
Неудовольствіе, съ которымъ былъ встрѣченъ законъ сначала
ло вскорѣ мѣсто такому же всеобщему сочувствію, какое завое
постепенно законодательное ограниченіе рабочаго дня, а въ н
время на очереди стоитъ уже вопросъ о дополненіи его зако
обязательномъ страхованіи. Послѣдняя мѣра встрѣтила на сво
особенное препятствіе въ конституціи, не допускавшей, чтоб
рода законъ исходилъ отъ федеральнаго совѣта. Въ настоя
препятствіе это устранено измѣненіемъ нѣкоторыхъ относящи
параграфовъ конституціи, и надо думать, что законопроектъ

зательномъ страхованіи рабочихъ сдѣлается въ самомъ ближайшемъ будущемъ закономъ.

Грамотность среди дѣтей школьнаго возраста въ Московскомъ и Можайскомъ уѣздахъ, Московской губерніи. По порученію московской губернской земской управы составлено И. П. Боголѣповымъ, статистикомъ московскаго губернскаго земства. М., 1894 г. Ц. 75 коп. Московское губернское земство принадлежитъ къ числу тѣхъ земствъ, которыя съ честью выполняютъ лежащую на нихъ святую обязанность заботиться о неуклонномъ развитіи начальнаго образованія среди сельскаго населенія столичной губерніи. Въ дѣло это здѣсь введена извѣстная стройность, что видно хотя бы изъ того, что уже съ 1881 года во всѣхъ уѣздахъ губерніи стала примѣняться вполнѣ однообразная система, дѣйствующая и понынѣ. Въ 1882 году произведено первое изслѣдованіе положенія народнаго образованія въ губерніи чрезъ статистическое отдѣленіе и затѣмъ заведена текущая школьная статистика, точно отмѣчавшая всѣ свѣдѣнія, касающіяся школьнаго дѣла и дававшая возможность земскимъ собраніямъ относиться вполнѣ сознательно къ потребностямъ населенія въ образованіи. Точныя данныя текущей статистики указываютъ, что за послѣднія 10 лѣтъ (съ 1882—83 по 1891—92 г.) число организованныхъ школъ въ губерніи увеличилось на 220, а количество учащихся въ нихъ возросло на 15½ тысячъ, причемъ особенно возросло число церковно-приходскихъ школъ (на 151 школу) и земскихъ (на 82 школы). Желая, однако, выяснить вопросъ о томъ, какой политики держаться въ будущей своей дѣятельности по народному образованію, губернское земское собраніе 9 декабря 1892 г. единогласно „поручило управѣ чрезъ статистическое отдѣленіе произвести *на мѣстахъ* изслѣдованіе для точнаго опредѣленія числа дѣтей школьнаго возраста, лишенныхъ по той или другой причинѣ возможности получать образованіе въ сельскихъ школахъ". Результатомъ этого постановленія и является лежащій теперь передъ нами новый трудъ московской земской статистики, прекрасно выполненный И. П. Боголѣповымъ.

Въ настоящее время едва ли нужно тратить время на доказательство благотворнаго значенія земской статистики. Непосредственное, личное ознакомленіе изслѣдователя съ изучаемымъ явленіемъ дѣйствительной жизни *на мѣстѣ* можетъ ли идти въ сравненіе съ оффиціальнымъ документомъ, составленнымъ хотя бы самымъ добросовѣстнымъ чиновникомъ, по предписанію начальства? Явленія жизни слишкомъ разнообразны и неуловимы, чтобы ихъ можно было напередъ предусмотрѣть въ печатныхъ программахъ, разсылаемыхъ по волостямъ черезъ полицію, и потому послѣдній способъ изученія жизни всегда будетъ страдать существенными недостатками. Благожелательные, несомнѣнно, но мало знакомые съ дѣйствительною жизнью нашего народа, теоретики давно уже ломаютъ головы, напримѣръ, надъ разрѣшеніемъ вопроса объ обязательномъ обученіи. Что оно желательно, ни то не будетъ спорить; но что оно, въ то же время, неприложимо при современныхъ условіяхъ русской дѣйствительности, это можетъ сказать намъ лишь добросовѣстный изслѣдователь народной жизни *на мѣстѣ*. Такъ, оказывается, что для того, чтобы „снарядить" въ школу мальчика, крестьянская семья должна понести, по самому точному расчету, расходъ въ 10 руб. 65 коп., а дѣвочку—въ 10 руб. 90 к., не считая того, что дѣвочка школьнаго возраста уже зарабатываетъ своимъ трудомъ въ семьѣ около 4—5 р. въ годъ, т.-е. себѣ на хлѣбъ.

Посѣщая школу, она, конечно, лишается этого заработка. Ви
кона объ обязательномъ обученіи,—говоритъ г. Боголѣповъ,
стояніи будетъ принести больше зла, чѣмъ пользы для народа
легко себѣ представить, что въ самомъ дѣлѣ должно прои
изданія такого закона въ тѣхъ очень бѣдныхъ семьяхъ, кот
условно нуждаются въ трудѣ малолѣтнихъ помощниковъ и по
которыя не могутъ посылать дѣтей въ школу по неимѣнію
обуви, одежды и т. д. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ считаютъ да
не подъ силу" обучать одновременно двухъ дѣтей. Такова
сельскаго населенія Московской губерніи и такова неприлож
нему закона объ обязательномъ обученіи. Беремъ на выдерж
примѣръ. Чтобы ослабить вредное вліяніе отдаленности школ
вильность посѣщенія ихъ дѣтьми, обыкновенно, настоятельно
дуется устройство при школахъ „ночлежныхъ пріютовъ". О
слѣдованія показываютъ, что „по условію хозяйственныхъ бы
пріюты „стѣсняютъ очень многихъ родителей", которые, поэт
сится къ нимъ отрицательно („это видимость одна: развѣ вт
гутъ всѣ жить? Такъ, кому придется"). Дѣтямъ приходится
получше харчи: „заглазно ребята тратятъ много хлѣба зря
рѣзъ дать имъ не угадаешь". Все это даетъ поводъ автору
заключеніе, что „ночлежные пріюты могутъ оправдывать с
ченіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они будутъ существ
школахъ высшаго ранга, не предназначающихся для обуче
дѣтей каждой мѣстности. Въ противномъ случаѣ ими обыкно
кируется настоятельность нужды въ новыхъ школахъ". Уже
веденныхъ примѣровъ можно видѣть, насколько существенно
имѣютъ справки съ дѣйствительною жизнью и какія важныя
могутъ они вносить въ неопровержимыя, повидимому, теорет
ложенія. Тѣ же примѣры могутъ служить и характеристико
боты, прозведенной со всестороннею тщательностью и въ
результатѣ сводящейся къ выясненію необходимости новой
сѣти училищъ въ двухъ изслѣдованныхъ детально уѣздахъ
служащихъ какъ бы прототипами для всѣхъ остальныхъ уѣзд
зя не пожелать практическаго осуществленія заключеній г. Б
и нельзя не рекомендовать подобныхъ же изслѣдованій и
другихъ уѣздовъ какъ Московской, такъ и другихъ губер
отечества. Въ виду повсемѣстнаго оживленія интереса къ
народнаго образованія, настоящее изданіе московскаго земст
ся какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ заключаетъ въ с
крайне интересныхъ данныхъ, позволяющихъ сдѣлать рядъ
имѣющихъ не только мѣстное, но и общее практическое зн

**Начальное народное образованіе въ Полтавской гу
вила Ю. В. Яцевичъ. Изданіе полтавской губернской
управы. Полтава, 1894 г.** Насколько велика необходимость
водящихъ земскихъ сферъ въ ознакомленіи съ истиннымъ по
дѣла народнаго образованія въ губерніи, видно изъ того, ч
ское земство, почему-то не признающее до сего времени плод
земскихъ статистическихъ изслѣдованій вопроса экспедиціо
темъ, въ концѣ-концовъ, оказалось вынужденнымъ прибѣ
этомъ важномъ дѣлѣ къ изданію труда частнаго лица, „задум
полнить этотъ существенный пробѣлъ въ мѣстной земской ли
именно работы г-жи Яцевичъ. Добросовѣстная и преданная с
изслѣдовательница дѣйствительно сослужила немалую службу

земству, тѣмъ болѣе, что для осуществленія его должна была одолѣть огромную массу сырого матеріала, разбросаннаго по „отчетамъ“ пятнадцати уѣздныхъ земскихъ управъ, по „сводамъ журналовъ земскихъ собраній“, причемъ всѣ эти „отчеты“ и „своды“ блистали отсутствіемъ общей однообразной формы, часто страдали неполнотой и лаконическою краткостью свѣдѣній. Въ виду этого трудолюбивой изслѣдовательницѣ пришлось прибѣгать для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ къ оффиціальнымъ отчетамъ по кіевскому учебному округу и даже къ адресъ-календарямъ. При такихъ условіяхъ г-жа Яцевичъ могла только собрать цифровой матеріалъ, относящійся къ 1887 году, такъ какъ въ 1891—92 году, когда составлялся ея очеркъ, болѣе позднихъ свѣдѣній по всѣмъ уѣздамъ Полтавской губерніи она получить не могла, а непосредственныя ея обращенія къ уѣзднымъ управамъ о высылкѣ на время ихъ изданій оставались большею частью безъ отвѣта. Все это вмѣстѣ взятое, конечно, должно было отразиться не совсѣмъ благопріятно на точности данныхъ по тому или другому вопросу настоящаго изданія, особенно проигрывающаго въ отношеніи внушительности производимаго имъ впечатлѣнія при сопоставленіи съ указаннымъ нами выше изданіемъ московскаго земства. Но, какъ видно, укора за это заслуживаетъ отнюдь не г-жа Яцевичъ.

Интересующійся дѣломъ народнаго образованія читатель найдетъ, однако же, въ книгѣ г-жи Яцевичъ массу фактическихъ и цифровыхъ свѣдѣній, относящихся къ разнообразнымъ сторонамъ этого вопроса, насколько онъ выяснился вышеуказанными источниками, причемъ авторъ отмѣтилъ, для сравненія, и рядъ фактовъ, характеризующихъ отношеніе мѣстныхъ земствъ къ высшему, среднему и профессіональному образованію. Полнота картины значительно выигрываетъ, благодаря помѣщенному въ концѣ книги весьма интересному историческому очерку, рисующему положеніе народнаго образованія въ Полтавской губерніи въ дореформенную эпоху, какимъ застало его земство, а также и послѣдовательный рядъ мѣръ, какія были предприняты мѣстными земствами со времени ихъ учрежденія по 1887 годъ. Изъ этого очерка мы узнаемъ, между прочимъ, что до введенія земства забота о низшемъ народномъ образованіи предоставлена была, главнымъ образомъ, частнымъ лицамъ и *особенно духовенству*, что учительскій персоналъ въ громадномъ большинствѣ состоялъ изъ духовенства; наставниками были священники, помощниками—причетники. Въ виду того, что наши современные лжерадѣтели о народномъ благѣ усиленно (и не безъ успѣха) пропагандируютъ передачу дѣла народнаго образованія именно въ руки духовенства путемъ повсемѣстнаго устройства церковно-приходскихъ школъ, т.-е., иными словами, стремятся привести все это дѣло въ дореформенное положеніе, мы думаемъ, не безъинтересно будетъ привести здѣсь нѣсколько документальныхъ свѣдѣній, характеризующихъ результаты дѣятельности церковно-приходскихъ школъ шестидесятыхъ годовъ, когда ихъ было особенно много (въ Россіи въ 1865 г. изъ 35,555 школъ, принадлежащихъ различнымъ вѣдомствамъ, громадное большинство, т.-е. 2[illegible]420, составляли церковно-приходскія школы). Въ изданной въ 1865 году оффиціальной брошюрѣ подъ заглавіемъ: *Начальныя народныя училища и участіе въ нихъ православнаго русскаго духовенства. Извлеченіе изъ свѣдѣній, доставленныхъ въ высочайше утвержденное присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства*, изъ которой и заимствованы приведенныя здѣсь цифры о числѣ церковно-приходскихъ школъ, имѣются отвѣты мѣстныхъ епархіальныхъ начальствъ, послѣдовавшіе на

запросы о ходѣ дѣла со стороны „присутствія“. Мы узнаем
ритъ г-жа Яцевичъ,—что обученіе въ этихъ школахъ, находя
ключительно на попеченіи духовенства, велось плохо,—не т
умѣло, но и крайне небрежно. Священники, занятые требо
ніемъ и хозяйствомъ, слишкомъ мало времени удѣляли шк
занятія въ приходскихъ школахъ употребляли незначитель
труда и только урывками“,—говорится въ отзывѣ орловскаго
наго комитета. „Духовенство, по мнѣнію харьковскаго преосв
занятое обязанностями службы и исправленіемъ требъ въ пр
сто не имѣетъ возможности удѣлять достаточно времени дл
съ учениками, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходъ сос
нѣсколькихъ населенныхъ мѣстностей, и особенно во врем
Собраніе рижскихъ благочинныхъ „указываетъ на малоспособн
четниковъ, на которыхъ премущественно падаетъ обязанность
Они по большей части лица, исключенныя изъ училищъ и
лѣзнью, или за лѣность, или за малоспособность, или за дур
деніе, а потому одни не могутъ учить по слабости здоровья,
лѣности, третьи по неспособности, а послѣднимъ и опасно
дѣло образованія“. Курскій преосвященный отзывается такъ:
шей части тѣхъ училищъ, гдѣ руководствуютъ причетники и
ницы, ходъ обученія ограничивается только внѣшнею дѣяте
учащіе понуждаютъ учениковъ къ прилежанію и постоянном
дѣломъ, а учащіеся пишутъ безъ увѣренности, хорошо ли,
не хорошо, и громко читаютъ, заглушая другъ друга и н
себя“. „Такіе причетники и учительницы... постороннихъ со
принимаютъ или слѣдовать имъ не умѣютъ, даже не любя
посѣтители, любопытные и просвѣщенные, проникаютъ въ ихт
съ намѣреніемъ узнать, что и какъ въ нихъ преподается“.
преподаваемыхъ предметовъ не простирается далѣе часослов
тиря, съ присовокупленіемъ письма“. Источникъ, изъ котора
дены эти отзывы, по справедливому мнѣнію г-жи Яцевичъ
образомъ, не можетъ быть заподозрѣнъ въ тенденціозномъ
женіи къ этимъ школамъ и въ изображеніи ихъ болѣе тем
сками, чѣмъ онѣ заслуживали“.

Можно только спросить современныхъ фарисеевъ, гдѣ ж
того, что все описанное столь краснорѣчиво въ отзывахъ
начальства шестидесятыхъ годовъ не повторится и въ реком
ими теперешнихъ церковно-приходскихъ училищахъ?... Каса
поздней эпохи, наступившей черезъ двадцать лѣтъ послѣ при
епархіальныхъ отзывовъ, г-жа Яцевичъ замѣчаетъ: „Приходи
встрѣчаться съ мнѣніемъ, что населеніе болѣе сочувствуе
церковно-приходской, чѣмъ земской. Факты же говорятъ со
тивное: если въ селѣ рядомъ существуютъ школа церковн
ская и земская, то всегда отдается предпочтеніе второй; ту
преимущественно стремятся отдавать дѣтей“ (стр. 114).

Кустари-кожевники Полтавской губерніи. Составлѣ
ченію полтавской губернской земской управы д-ръ В.
ловскій. Названная книжка, составленная по даннымъ эконо
изслѣдованія полтавскаго земскаго статистическаго бюро и
ніямъ санитарнаго характера, полученнымъ отъ мѣстныхъ вр
лась какъ бы отвѣтомъ на запросъ министра госуд. имущест
„не будутъ ли нарушены интересы большинства населенія о
женія сравнительно небольшой группы кустарей-кожевнико

щихъ антисанитарнымъ состояніемъ ихъ заведеній здоровью сосѣднихъ жителей и скота и могутъ ли существовать кожевенныя кустарныя заведенія, если къ владѣльцамъ ихъ будутъ предъявлены требованія о приведеніи ихъ заведеній въ состояніе, вполнѣ удовлетворяющее санитарнымъ требованіямъ?" Книжка даетъ общее понятіе о значеніи кожевеннаго промысла для населенія, объ его экономической обстановкѣ и больныхъ мѣстахъ; особенно подробно останавливается она на техникѣ производства съ экономической и санитарной стороны. Общій выводъ автора такой, что кожевенный промыселъ не представляется безусловно вреднымъ для лицъ, участвующихъ въ немъ, и для окрестныхъ жителей, что примѣненіе мѣръ репрессивнаго характера, насколько таковыя необходимы, должно начинаться съ крупныхъ заводовъ, какъ образующихъ болѣе крупные центры вредоносныхъ вліяній. Въ заключеніе предлагается программа мѣропріятій, направленныхъ къ развитію мѣстнаго кожевеннаго промысла и ослабленію его вреднаго санитарнаго вліянія.

Отхожіе промыслы въ Смоленской губерніи. Д. Н. Жбанкова. Названная брошюра, оттискъ изъ *Смоленскаго Вѣстника*, заключаетъ сводъ данныхъ относительно отхода крестьянъ Смоленской губерніи, полученныхъ губернской земской управой отъ волостныхъ правленій. Данныя эти касаются: а) количества выданныхъ паспортовъ въ 1875, 1885 и 1892 гг., съ распредѣленіемъ свѣдѣній за послѣдній годъ по полу лицъ, берущихъ паспорты, и по времени (мѣсяцу) выдачи послѣднихъ; б) мѣста отхода населенія и занятія промышленниковъ. Послѣдняго рода свѣдѣнія даются безъ точнаго цифроваго учета, почему они могутъ служить лишь для общей характеристики отхода изъ каждой волости. Свѣдѣнія о количествѣ паспортовъ, выдаваемыхъ волостными же правленіями, могутъ быть совершенно точны; характеръ промысловыхъ занятій населенія волости, безъ сомнѣнія, извѣстенъ волостному правленію, почему и соотвѣтствующія свѣдѣнія должны быть признаны достаточно вѣрными. Вѣроятно, не столь достовѣрны данныя относительно мѣстностей, куда направляются промышленники, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ дальняго ухода на черную или земледѣльческую работу; но и здѣсь общее направленіе ухода, вѣроятно, указывается правильно. Данныя сведены по уѣздамъ и въ заключеніе дается краткій обзоръ свѣдѣній для всей губерніи.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Новые сохи, плуги и бороны". *Н. Катаева.* — „Молочное хозяйство". *Д-ра фонъ-Кленце.* — „Тонкорунное овцеводство, его настоящее положеніе въ Россіи, причины упадка и мѣры къ его поддержанію". — „Физіологія растеній для садовниковъ". *Р. Зорауера.* — „Опытъ культуры сельско-хозяйственныхъ растеній на поляхъ орошенія г. Одессы". — „Лѣсоводственные орудія и инструменты". *М. Турскаго.*

Новые сохи, плуги и бороны. Составилъ Н. Катаевъ, агрономъ 1-го разряда. Изд. Тихомирова. М., 1894 г. Цѣна 20 коп. Особый интересъ популярной брошюрѣ г. Катаева придаетъ описаніе малоизвѣстныхъ орудій восточной Россіи: сохи-курашимки, пермскаго сабана, кукарской косули и чегандинскаго сабана. Поясненіемъ къ довольно обстоятельному описанію служитъ особо приложенная таблица рисунковъ. Объ отдѣльныхъ плугахъ сказано довольно мало, несмотря на быстрое распространеніе настоящихъ плуговъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ центральной Россіи. Сообщены полезныя указанія относительно

домашняго устройства валькуровскихъ боронъ. Въ заключеніе помѣщены нѣсколько страницъ о травосѣяніи. Кромѣ отдѣльной таблицы, и текстъ содержитъ около 20 недурныхъ рисунковъ.

Благопріятное впечатлѣніе, оставляемое въ читателѣ новою брошюрой г. Катаева, нѣсколько ослабляется вычурнымъ языкомъ вступленія. Это, впрочемъ, дѣло легко поправимое, и, вѣроятно, авторъ при слѣдующемъ изданіи брошюры самъ предпочтетъ обратиться къ болѣе простой рѣчи, которая болѣе приличествуетъ дѣльному руководству.

Молочное хозяйство. Д-ра фонъ-Кленце. Перев. подъ ред. П. Н. Кулешова. 2-е исправленное и дополн. изданіе Девріена. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к. Въ свое время (въ 1887 г.) мы говорили на столбцахъ *Русской Мысли* о первомъ изданіи небезполезнаго руководства Кленце, излагающаго общія правила по уходу за молочнымъ скотомъ, по обработкѣ молока, по приготовленію масла и сыра. Второе изданіе является значительно дополненнымъ (19 печатныхъ листовъ, вмѣсто 14), соотвѣтственно чему увеличено и число рисунковъ (148 вмѣсто 115); двѣ главы (объ измѣненіи молока при стояніи на воздухѣ и объ отдѣленіи сливокъ центродирами) написаны для русскаго изданія Н. В. Петровымъ, ассистентомъ бывшей Петровской академіи. Книга Кленце не можетъ замѣнить собою недавно переведеннаго разносторонняго руководства Кирхнера, но и у Кленце техническая сторона молочнаго хозяйства описана довольно обстоятельно.

Тонкорунное овцеводство, его настоящее положеніе въ Россіи, причины упадка и мѣры къ его поддержанію. Подъ редакціею П. Н. Кулешова и Н. А. Грушка. М., 1894 г. Цѣна 1 руб. Эта книжка издана московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства, гдѣ недавно дебатировался вопросъ о пошлинѣ на шерсть и въ общемъ собраніи, и въ особой коммиссіи. П. Н. Кулешовъ составилъ нѣсколько записокъ, рекомендующихъ повышеніе пошлинъ, и сводъ отвѣтовъ, присланныхъ фабрикантами и овцеводами въ московское общество; нѣкоторые отвѣты помѣщены въ подлинномъ видѣ. Защитники повышенія пошлины руководились, повидимому, разнообразными мотивами: почтенный президентъ московскаго общества выразилъ (стр. 153) симпатію домоткацкимъ крестьянскимъ издѣліямъ; вполнѣ раздѣляя такую симпатію, мы полагаемъ, что въ распоряженіи государства имѣется много средствъ къ поддержанію крестьянскаго натуральнаго хозяйства, помимо установленія запретительныхъ пошлинъ на иностранные товары. Желанія повысить пошлину на шерсть потерпѣли, какъ извѣстно, фіаско при заключеніи послѣдняго германскаго трактата; но, конечно, наши протекціонисты и въ шерстяной области еще не скоро успокоятся, и для исторіи вопроса новое изданіе московскаго общества сохранитъ свое значеніе. Нельзя не посочувствовать мысли о возстановленіи комитета овцеводства въ Москвѣ; само собою разумѣется, въ теперешнее некрѣпостное время для этого комитета на первомъ планѣ должны стоять интересы грубошерстнаго овцеводства.

Физіологія растеній для садовниковъ Р. Зорауера. Перев. подъ ред. А. Ф. Рудзкаго. Изд. Девріена. Спб., 1893 г. Цѣна 2 р. Въ настоящее время нельзя пожаловаться на скудость оригинальной и переводной русской литературы по садоводству; напротивъ, сравнительно съ литературою по полеводству садоводственная наша литература можетъ считаться богатой (вспомнимъ книги Гоше, Шредера, Лиевскаго, Клаусена и другихъ); но при всемъ томъ и у насъ ощущаются недостатокъ въ сочиненіяхъ, знакомящихъ съ научными основаніями

садовой культуры. Книга Зорауера отличается строго научнымъ изложеніемъ и, въ то же время, не ограничивается общими вопросами физіологіи растеній, а разсматриваетъ жизнь корня, стебля, листа, цвѣтка и плода въ тѣсной связи съ практическими мѣропріятіями садовника. Между прочимъ, отмѣтимъ небольшую 10 главу, посвященную теоріи поливки; здѣсь даны важныя предостереженія противъ избыточной поливки, которою нерѣдко грѣшатъ любители-садовники. Изъ 32 рисунковъ почти всѣ относятся къ гистологіи садовыхъ растеній. Помимо своего значенія для образованныхъ садоводовъ-практиковъ книга Зорауера найдетъ себѣ примѣненіе и въ школахъ, гдѣ каждому преподавателю естествовѣдѣнія приходится пользоваться примѣрами, взятыми изъ садовой культуры, для уясненія основъ растительной жизни.

Опыты культуры сельско-хозяйственныхъ растеній на поляхъ орошенія г. Одессы. Одесса, 1893 г. Это отчетъ о работахъ, исполненныхъ агрономическою лабораторіей Новороссійскаго университета. Въ Одессѣ существуетъ канализаціонная система удаленія городскихъ нечистотъ; сточными водами орошается песчаная мѣстность на такъ называемой Пересыпи. Въ 1891 г. подъ руководствомъ проф. Баракова тамъ былъ сдѣланъ удачный опытъ воздѣлыванія табака, клещевины, рапса, конопли, льна, джута, кукурузы и могара. Въ 1892 г. опыты были повторены, и результатомъ является настоящій отчетъ, составленный П. Ѳ. Бараковымъ и А. А. Бычихинымъ. Отчетъ долженъ обратить на себя вниманіе представителей самоуправленія въ нашихъ большихъ городахъ, гдѣ вообще такъ мало еще дѣлается для удачнаго разрѣшенія весьма важныхъ вопросовъ о сельско-хозяйственной утилизаціи городскихъ нечистотъ. Обезвреживаніе клоачныхъ водъ нуждается въ тщательномъ изученіи мѣстныхъ условій, а такое изученіе не мыслимо безъ пособія лицъ, обладающихъ агрономическою подготовкой. Отчетъ оканчивается программою для изслѣдованія клоачнаго орошенія и большимъ планомъ одесской Пересыпи.

Лѣсоводственные орудія и инструменты. Составилъ М. Турскій. М., 1893 г. Цѣна 60 коп. Съ закрытіемъ Петровской академіи должна была пріостановиться на время непосредственная педагогическая дѣятельность профессора М. К. Турскаго, который, однако, не предался бездѣйствію и съ неослабѣвающею энергіей занялся составленіемъ полезныхъ руководствъ и учебныхъ пособій. Къ числу такихъ пособій должна быть отнесена и настоящая брошюра, въ которой описывается инвентарь, примѣняемый при лѣсоразведеніи и при первоначальномъ уходѣ за культурами. Брошюра эта явится цѣннымъ справочнымъ пособіемъ для лицъ, занимающихся разведеніемъ лѣса въ Россіи. Описаніе орудій сопровождается многочисленными рисунками.

МЕДИЦИНА.

„Врачебная тайна". *Д-ра Ю. Г. Малисъ.*—„О вліяніи нѣкоторыхъ ядовъ на сознаніе человѣка". *Д-ра С. И. Данилло.*

рачебная тайна. Этюдъ по врачебной деонтологіи д-ра Ю. Г. лисъ. Спб., 1893 г. Цѣна 30 коп. Вопросъ о врачебной тай- совсѣмъ не новъ, но онъ также далекъ отъ своего разрѣше- какъ и въ давнія времена своего возникновенія. Врачебная тай- подобно всякой другой профессіональной тайнѣ, по опредѣленію ра, заключаетъ въ себѣ „все то, что въ интересахъ извѣстнаго

лица не должно быть разглашаемо и (что) стало достояніемъ другого лица, благодаря профессіи послѣдняго". Опредѣленіе это страдаетъ большими неточностями: во-первыхъ, что такое нужно понимать подъ „интересами извѣстнаго лица", почему, во-вторыхъ, лицо той или другой профессіи должно обязательно знать эти интересы, и почему, наконецъ, интересамъ этого „извѣстнаго лица" должны быть принесены въ жертву интересы другихъ лицъ? Предположимъ, что у меня въ семьѣ дифтеритъ, мои интересы сосредоточены при этомъ случаѣ, главнымъ образомъ, на стремленіи сберечь отъ дезинфекціи и сжиганія бѣлье, мебель, одежду и проч., до общественныхъ интересовъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла; спрашивается теперь: неужели лечащій у меня врачъ долженъ потворствовать моимъ интересамъ и хранить „врачебную тайну"? Во всякомъ случаѣ, нѣтъ. Можно бы привести еще множество другихъ примѣровъ, гдѣ интересы „извѣстнаго лица" сталкиваются и противорѣчатъ интересамъ не общественнымъ, но частнымъ, гдѣ культу „врачебной тайны" должны быть принесены въ жертву интересы лицъ ни въ чемъ неповинныхъ, интересы потомства и т. п. Изъ уложеній о наказаніяхъ прусскаго, баварскаго, германскаго и французскаго законодательствъ наиболѣе разработанъ вопросъ о „врачебной тайнѣ" во французскомъ; въ послѣднемъ до 1885 г. условіемъ вмѣненія нарушенія „тайны" считалась доказанность злого умысла, послѣ же этого года „наказуемость является съ момента наступленія факта, съ момента разглашенія, безъ всякаго отношенія къ мотивамъ проступка". Въ русскомъ законодательствѣ статьи, соотвѣтствующей понятію о профессіональной тайнѣ и ея нарушеніямъ, совсѣмъ не имѣется. Ст. 137 *Устава о наказаніяхъ*, налагаемыхъ мировыми судьями, наиболѣе подходитъ къ статьямъ иностранныхъ кодексовъ; о профессіональной тайнѣ она, однако, не говоритъ ни буквально, ни по смыслу; эта статья „замѣнила собой ст. 2097 уложенія 1857 года", въ которой болѣе обстоятельно указывалось на профессію и связанныя съ нею тайны; объ статьи требуютъ наличности злого умысла; мало того, по отношенію къ врачамъ ст. 704 уголовнаго судопроизводства даже исключаетъ ихъ изъ категоріи лицъ, освобождаемыхъ отъ дачи свидѣтельскихъ показаній. Такимъ образомъ, врачъ единственно связанъ такъ называемымъ факультетскимъ клятвеннымъ обѣщаніемъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, вопросъ о „врачебной тайнѣ" много разъ затрогивался и въ печати, и на съѣздахъ врачей и требуетъ, конечно, настоятельно дальнѣйшихъ обсужденій и самой детальной разработки. Въ концѣ своей брошюры авторъ ставитъ, между прочимъ, слѣдующія положенія: „сохраненіе профессіональной тайны обязательно для врача", „регламентація сохраненія врачебной тайны у насъ въ Россіи крайне желательна въ интересахъ и общества, и врачей, и регламентація эта можетъ быть сдѣлана въ смыслѣ „германскаго или австрійскаго законодательства"; по поводу послѣдняго положенія, однако, слѣдуетъ замѣтить, что понятіе „тайна", нарушеніе которой инкриминируется, должно быть точно формулировано.

О вліяніи нѣкоторыхъ ядовъ (спиртъ, опій, гашишъ) на сознаніе у человѣка. Д-ра С. И. Данилло. Публичная лекція. Изд. Риккера. Спб., 1894 г. Цѣна 50 коп. Установивъ въ началѣ лекціи опредѣленіе понятія „ядъ", надо замѣтить, очень неудовлетворительно и шатко, лекторъ переходитъ затѣмъ къ объясненію, почему „человѣкъ нуждается въ различныхъ возбуждающихъ и одуряющихъ веществахъ"; объясненіе оказывается также весьма поверхностнымъ и

неудовлетворительнымъ: „человѣку, очевидно, нужно по временамъ прибѣгать къ нимъ“, почему „очевидно“, почему „нужно“ и почему „по временамъ“, а не постоянно, оставляется авторомъ безъ отвѣта. Также, кромѣ повторенія давно всѣмъ извѣстныхъ описаній отравленія опіемъ, гашишемъ, спиртомъ, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго и дальнѣйшее изложеніе, гдѣ, впрочемъ, лекторъ обязательно передаетъ, какъ онъ совмѣстно съ Ришэ „изслѣдовалъ на себѣ вліяніе“ гашиша, и воспроизводитъ „по запискамъ“ свое „самонаблюденіе“. Сравнивая дѣйствіе названныхъ веществъ на сознаніе, лекторъ не видитъ въ нихъ никакой разницы: все дѣло въ количествѣ, а не въ качествѣ. Лекція лишена какого-либо плана; такъ, въ двухъ различныхъ мѣстахъ идетъ рѣчь о сознаніи и личности: стр. 9 и слѣд. и стр. 25 и слѣд., и оба раза, мимоходомъ, отрывисто, многое перепутывая: „воспріятія... подлежатъ колебаніямъ“ въ зависимости „какъ отъ способности вниманія, такъ и способности воспроизведенія“; въ нормальномъ состояніи „человѣкъ безусловно долженъ ощущать, воспринимать и затѣмъ выражать свои ощущенія соотвѣтственными, наприм., двигательными актами, какъ во времени, такъ и въ пространствѣ“; „время, повидимому, проходитъ съ необыкновенною быстротой, минуты кажутся часами, аршины верстами“. Возражать по поводу этихъ цитатъ неумѣстно. Ошибокъ въ этимологіи и синтаксисѣ не мало. Спрашивается: зачѣмъ эта лекція читалась и зачѣмъ, наконецъ, издавалась?

УЧЕБНИКИ.

„Тарасъ Бульба Н. В. Гоголя“. *С. Бураковскаго.*—„Первоучка“. *К. Славнина.*—„Русскія прописи для учащихся въ городскихъ, начальныхъ и сельскихъ училищахъ“. *М. Дмитрова.* — „Ариѳметика“. *П. Никульцева.* — „Сборникъ физическихъ задачъ“. *З. Жакье.* — „Ариѳметическій задачникъ для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ“. *А. Ф. Комарова.* — „Ключъ къ рѣшенію ариѳметическихъ задачъ на всѣ правила“. *Н. В. Шпаковича.*

„Тарасъ Бульба“ Н. В. Гоголя. Разборъ повѣсти для учащихся съ приложеніемъ статьи: „Характеристика и значеніе поэзіи Гоголя“. Составилъ С. Бураковскій. Новгородъ, 1894 г. Цѣна 25 коп. Разборъ *Тараса Бульбы*, составленный г. Бураковскимъ для учащихся, удался ему нисколько не менѣе, чѣмъ всѣ другіе разборы произведеній Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова и Гоголя, которые онъ выполнилъ въ разное время, а приложенная къ этому разбору статья *Характеристика и значеніе поэзіи Гоголя* даетъ живое и довольно вѣрное представленіе о нашемъ первоклассномъ писателѣ. Г. Бураковскій подробно разсматриваетъ значеніе повѣсти и ея отношеніе къ другимъ историческимъ повѣстямъ русскимъ, останавливается на всѣхъ главныхъ моментахъ содержанія ея, разбираетъ художественность отдѣльныхъ описаній картинъ природы и жизни и обстоятельно характеризуетъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Далѣе, очень умѣстенъ взглядъ составителя на Гоголя, какъ на родоначальника естественнаго и реальнаго направленія русской литературы, впервые правдиво и подробно изображавшаго русскую жизнь со всѣми ея мелочами, и онъ говоритъ совершенно вѣрно, что если „Тургеневъ и Достоевскій, какъ замѣчательные по оригинальности таланта писатели, внесли много новаго въ область нашей литературы“, то, „тѣмъ не менѣе, по реализму воспроизведенія русской жизни и по глубокому психологическому анализу

ея явленій они были послѣдователями Гоголя" (стр. 30). На
бенно пріятно указать на статью г. Бураковскаго въ проти
г. Воскресенскому, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ изда
учащихся уже совсѣмъ плохую книжку о Гоголѣ.

При всемъ томъ, есть нѣкоторая странность въ разбираемо
шюрѣ г. Бураковскаго: не совсѣмъ ясно, въ какомъ именно
онъ относитъ *Тараса Бульбу* къ романтическому періоду тво
Гоголя (стр. 3 и 18), когда самъ же указываетъ, что Гоголем
совываются въ названной повѣсти воинскіе подвиги козаков
общественная и частная жизнь, наконецъ, ихъ слава и могу
(стр. 16), а далѣе находитъ, что *Тарасъ Бульба* справедливо
вается историческимъ произведеніемъ, такъ какъ въ немъ воз
въ цѣломъ рядѣ живыхъ картинъ многія явленія изъ бытовой
тической исторіи Малороссіи XVI вѣка (стр. 12 и 13). Сколь
стно, всѣ перечисленныя свойства отнюдь не входятъ въ пон
мантизма и скорѣе характеризуютъ тотъ же реализмъ, такъ
читателя остается загадкой, что̀ именно кажется г. Бураковск
Тарасъ Бульбѣ романтическимъ.

Первоучка. Азбука для семьи и школы. К. Славнина.
составителя. Екатеринбургъ, 1893 г. Ц. 20 коп. Азбука *П*
раздѣлена на 5 отдѣловъ: 1) изученіе буквъ, 2) чтеніе словъ,
ніе предложеній, 4) статьи для чтенія и 5) образцы для письм
емы, которыхъ придерживается составитель, конечно, не пр
ляютъ изъ себя чего-нибудь особенно новаго, и совокупность
ходитъ вполнѣ подъ общее понятіе „звукового метода", но
г. Славнина пользоваться этимъ методомъ кажутся намъ знач
упрощенными. Такъ, г. Славнинъ совсѣмъ не настаиваетъ
должительности времени, необходимаго для изученія буквъ,
противъ, полагаетъ, что на знакомство со всѣмъ алфавитом
не болѣе недѣли (стр. 4). Потомъ, въ отдѣлѣ „изученіе бук
не заставляетъ учащагося для запоминанія одной и той же бу
тать безконечное количество словъ, а ограничивается лишь
незначительнымъ запасомъ ихъ въ связи съ соотвѣтствующими
ками. Полагая, что при начальномъ чтеніи все вниманіе и псих
силы дѣтей поглощаются механическою стороной дѣла, т.-е. пр
припоминаніемъ буквъ и сліяніемъ звуковъ" (стр. 5), состави
желаетъ обременять ихъ способности вполнѣ сознательнымъ и
леннымъ чтеніемъ, а потому вслѣдъ за отдѣломъ „изученіе бук
мѣщаетъ довольно продолжительный отдѣлъ „чтеніе словъ". Е
нять во вниманіе, что слова эти подобраны въ чрезвычайно „п
вательномъ порядкѣ, по степени наращенія звуковъ (буквъ) и
ненія звукослагательныхъ трудностей" (стр. 5), достоинство
наго пріема дѣлается еще очевиднѣе. Далѣе, въ 3-мъ отдѣлѣ
нинъ также не слѣдуетъ существующимъ шаблоннымъ пріемам
помощи вопросовъ предлагаетъ ученикамъ самостоятельно сос
предложенія. Наконецъ, въ выборѣ статей для чтенія составит
норируетъ статьи распространенныя, хотя бы даже и доступны
скому пониманію, въ виду того, что вниманіе дѣтей все еще
щается механизмомъ чтенія, и „логическая связь предложеній
цѣлаго прерывается, запутывается и забывается, а отъ этого
заетъ изъ вниманія общее содержаніе читаемой статьи" (стр.
ководясь собственною долголѣтнею практикой, г. Славнинъ пр
таетъ остановиться на наиболѣе краткихъ и по содержанію

доступныхъ для дѣтскаго пониманія статьяхъ; мы же, вполнѣ раздѣляя мнѣніе его о цѣлесообразности такого пріема, прибавимъ, что 4-й отдѣлъ его азбуки, заключающій въ себѣ именно статьи, болѣе чѣмъ просто удался составителю: онъ превосходенъ.

Русскія прописи для учащихся въ городскихъ, начальныхъ и сельскихъ училищахъ. М. Днѣпрова. Могилевъ на Днѣпрѣ, 1893 г. Ц. 15 коп. Вопреки мнѣнію г. Днѣпрова, изложенному на оборотной сторонѣ обложки, гдѣ находимъ что-то вродѣ предисловія, тотъ, кто будетъ пользоваться его прописями, едва ли найдетъ всѣ образцы шрифтовъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторый матеріалъ означенныя прописи, все-таки, въ себѣ заключаютъ, и въ этомъ отношеніи, какъ и желаетъ того составитель, онѣ являются пригоднымъ пособіемъ для учениковъ элементарной школы при обученіи ихъ письму. Если прибавить, что цѣнитъ г. Днѣпровъ свою книжку всего въ 15 коп., то удовлетворяется и вторая его цѣль, такъ какъ прописи нельзя не назвать доступными со стороны ихъ стоимости. Нечего возразить и противъ пріема, при которомъ каждая буква „предварительно ея пониманія", какъ выражается составитель, разлагается на составныя части. При всемъ этомъ намъ представляется страннымъ, почему изъ графической сѣти въ разсматриваемыхъ прописяхъ исключены надстрочныя и подстрочныя линіи. Правда, составитель говоритъ, что „отсутствіе этихъ линій, какъ доказано опытомъ, не имѣетъ никакого вреднаго вліянія на элементарное обученіе письму", но этотъ доводъ едва ли убѣдителенъ: не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ важно не то, вредны ли, или безвредны названныя линіи, а полезны ли онѣ, или безполезны. Мало того, тотъ же г. Днѣпровъ, указывая, что отсутствіе надстрочныхъ и подстрочныхъ линій въ графической сѣти не приноситъ вреда, оговаривается: „если обученіе ведется подъ постояннымъ надзоромъ учителя"; но, вѣдь, „русскія прописи" предназначаются, между прочимъ, и для самостоятельныхъ упражненій.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе: г. Днѣпровъ не можетъ не желать широкаго распространенія своихъ прописей, что очень ясно слѣдуетъ изъ его же собственныхъ словъ на оборотной сторонѣ обложки; почему же, въ такомъ случаѣ, на той же обложкѣ указаны всего только 3 пункта, гдѣ можно получить прописи? Кромѣ издателя (Могилевъ губ., М. Нафтуловичъ) и книжно-музыкальныхъ магазиновъ Ц. Сыркиной, въ Могилевѣ губ. и Гомелѣ (Могилевской губ.), существуетъ очень много мѣстъ, гдѣ могли бы продаваться прописи г. Днѣпрова, и составителю, повидимому, естественно было бы направить свою книжку въ эти мѣста.

Ариѳметика. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ П. Никульцевъ, инспектирующій учитель александровскаго смоленскаго реальнаго училища. Изданіе третье. Москва, 1893 г. Изданіе книжнаго магазина Думнова. Цѣна 70 коп. Учебникъ г. Никульцева обладаетъ многими серьезными достоинствами, своевременно отмѣченными печатью при выходѣ въ свѣтъ первыхъ двухъ изданій (1885 и 1887 годъ). Мы не будемъ поэтому повторять здѣсь то, что уже было сказано объ этой книгѣ въ „Библіографическомъ отдѣлѣ" нашего журнала (1885 г. апрѣль, іюнь). Весьма благопріятные отзывы даны были также *Педагогическимъ Сборникомъ* (1887 г., августъ) и журналами *Министерства Народнаго Просвѣщенія* (августъ 1887 г.) и *Элементарной Математики*. Второе изданіе одобрено ученымъ комитетомъ мин. нар. просвѣщенія, какъ руководство для сред-

нихъ учебныхъ заведеній, и ученымъ комитетомъ при св. синод пособіе для духовныхъ училищъ.

Вообще ариѳметика г. Никульцева представляетъ собою весь тенный трудъ, который уже успѣлъ занять видное мѣсто въ педагогической литературѣ.

Сборникъ физическихъ задачъ. Э. Жакье. Переводъ съ цузскаго Н. И. Мамонтова. Москва, 1893 г. Цѣна 2 р. За Жакье представляетъ собою весьма полезное пособіе при изуче зики. Въ немъ есть также задачи по основнымъ вопросамъ м и космографіи. Но особое вниманіе обращено на гидростатику ніе о теплотѣ. Особенность этого сборника заключается въ то въ немъ рѣшенію задачъ по какому-нибудь отдѣлу предше указаніе законовъ и формулъ, къ нему относящихся. Такимъ зомъ, это не только задачникъ, но, въ то же время, и краткій ко для повторенія. Мѣстами авторъ подвергаетъ научной крит давна установившіеся и общепринятые въ курсахъ физики, но ществу невѣрные выводы и положенія. Такъ, напримѣръ, на читаемъ: „въ учебникахъ физики говорится, что полное давле изводимое на поверхность тѣла человѣка средняго роста, сост до 17,500 киллограмъ, этотъ выводъ совершенно невѣренъ“. идетъ пространное опроверженіе этого укоренившагося забл Самыя задачи по своему содержанію очень интересны и разноо Переводъ сдѣланъ хорошо и книга издана очень чисто.

Задачникъ Жакье можно поэтому смѣло рекомендовать в учащихъ и учащихся.

Ариѳметическій задачникъ для начальныхъ городск сельскихъ училищъ. Составилъ А. Ф. Комаровъ, инспекто родныхъ училищъ Воронежской губ. Изданіе второе. Вор 1893 г. Цѣна 30 коп. Составитель обратилъ особое вниманіе приспособить свой задачникъ къ потребностямъ начальныхъ уч Задачи расположены въ такомъ порядкѣ, что трудность ихъ по но возростаетъ, причемъ такъ называемыя типическія задачи ютъ собою однородныя группы. Такая систематизація облегчает еніе. Въ задачникѣ отведено много мѣста устному счисленію. задачи изложены толково и по своему содержанію подобраны пительно къ сельскому быту.

Ключъ къ рѣшенію ариѳметическихъ задачъ на всѣ „ ла“. Составилъ Николай Васильевичъ Шпаковичъ. Кіевъ, Наши ариѳметическіе задачники изобилуютъ, къ сожалѣнію, сто ренными задачами, что надъ ними даже и репетиторы подолгу ютъ голову, а дѣтямъ онѣ уже совершенно не подъ силу. Та дачи часто задаются на домъ и безплодно отнимаютъ у уч массу времени, котораго и безъ того не хватаетъ нашимъ г стамъ для приготовленія уроковъ. Въ большинствѣ случаевъ, эти или остаются нерѣшенными (списываются у другихъ), или ются репетиторами, составляющими въ настоящее время, какъ из необходимую принадлежность общеобразовательной средней шк

Толково составленный ключъ къ рѣшенію такого рода зада нечно, всѣми желателенъ, въ особенности для учениковъ горо и сельскихъ школъ. Но составить его не легко. Ключъ г. ковича едва ли можетъ вполнѣ удовлетворить этой потре Употребляемые имъ пріемы нѣсколько искусственны, а его объ недостаточно вразумительны. Замѣняя однѣ цифры другими дл

шей якобы наглядности и ясности, онъ, намъ кажется, безъ нужды только затемняетъ дѣло. Въ глазахъ рябятъ цифры, вопросительные и восклицательные знаки, а вмѣсто одной задачи зачѣмъ-то являются двѣ. Тѣмъ не менѣе, книжка г. Шпаковича можетъ быть не безполезной въ огромномъ ассортиментѣ нашихъ зачастую совсѣмъ неудачныхъ задачниковъ. Въ ней есть, по крайней мѣрѣ, хоть схемы для рѣшенія особенно головоломныхъ задачъ.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Книжки по прикладнымъ знаніямъ.

Надо сѣять сортированнымъ зерномъ. М. Девеля.—Вятская Газета, сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная. Ц. 1 р. въ годъ.— Худая болѣзнь (сифилисъ). Народное чтеніе А. Ивановскаго. Изд. рязанск. земства. — Домашній переплетчикъ на инструментахъ своего издѣлія. Сост. священникъ Ч. Анурьевъ. Вологда, 1894 г. Ц. 10 к.—Столяръ самоучка. Его же. Ц. 15 к.— Какъ дѣлаютъ простую мебель. Опытъ ознакомленія дѣтей начальныхъ школъ со столярнымъ ремесломъ. Его же. Вологда, 1893 г. Ц. 45 коп. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, распространенію сельско-хозяйственныхъ знаній придаютъ все больше и больше значенія; иной разъ приходится встрѣчать и такихъ господъ, которые видятъ въ распространеніи этихъ знаній чуть ли не единственно возможное спасеніе Россіи. Мы думаемъ, что если Россію и спасетъ распространеніе знаній, то знаній общихъ, а не спеціальныхъ, —знаній, расширяющихъ горизонтъ и облегчающихъ пониманіе *всего* окружающаго, въ томъ числѣ и отношеній общественныхъ. Давнымъ-давно сказано и доказано, что спеціальное образованіе немыслимо безъ общаго. Къ сожалѣнію, у насъ вопросъ сплошь и рядомъ ставится совсѣмъ не такъ: общее образованіе стараются не пополнить, а *замѣнить* спеціальнымъ, приготовить не столько людей, сколько сверчковъ, знающихъ свои шестки. Безспорно, распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній вещь очень хорошая и полезная, но, вѣдь, это *часть* цѣлаго. А что же съ другими частями? Вѣдь, за однимъ кирпичомъ и отъ вѣтра не спрячешься; чтобы построить домъ, ихъ нужно много... Прочитывая одну за другой книжки по сельскому хозяйству, которыхъ, кстати сказать, появляется за послѣдніе годы больше чѣмъ всякихъ другихъ научно-популярныхъ книжекъ для народа, мы всегда вспоминаемъ письма нѣкоторыхъ крестьянъ, излагавшихъ свои взгляды на распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній вообще, а на книжки по сельскому хозяйству въ особенности. Изъ этихъ писемъ, изъ наблюденій учителей, священниковъ и другихъ лицъ, стоящихъ у народа и приславшихъ намъ свои рукописныя замѣтки, можно видѣть, что у крестьянина-грамотѣя есть своя точка зрѣнія на этотъ счетъ. ужикъ отлично понимаетъ, что цѣлое, а что часть, и сколько ни учи о сѣять траву да покупать фосфориты, ничего изъ этого не выйдетъ, потому что корень вещей не здѣсь. Пишетъ намъ одинъ училь изъ среднерусскихъ губерній: „Къ книгамъ по сельскому хозяйству народъ нашъ относится *недовѣрчиво*, находитъ ихъ *ненужными*. емлицы у насъ мало, да Господь не даетъ урожая, а то я бы и зъ книжки...“ — приходится слышать у насъ такія рѣчи не рѣдко. ъ другихъ губерній, гдѣ тоже насчетъ земли и урожаевъ радо-

ваться не приходится, пишутъ: „Далъ я ему (крестьянину) к
бунова: *Какъ пахать*. Прочелъ всю и понялъ, а затѣмъ наше
ку ненужной, потому „какъ пахать мы и сами знаемъ, было
пахать". На этихъ сообщеніяхъ не мѣшаетъ нѣсколько оста
для характеристики отношеній „читателя изъ народа" къ се
зяйственной книжкѣ. О *недовѣріи* къ ней народа пишутъ изъ
мѣстъ, а тѣ, кто сообщаетъ факты противуположные, пока
довѣріе его къ книгѣ, его стремленіе поучиться у нея, со
ихъ какъ нѣчто особенно радостное и необычайное. Чего же
доваться? Это значитъ лишь подтверждать лишній разъ, что
вообще не дѣлаетъ того, что должна дѣлать. Что касается н
народа къ естественно-научной книжкѣ, то откуда и взяться
къ ней? Ни для какихъ знаній у насъ такъ мало не сдѣ
смыслѣ распространенія), какъ для знаній естественно-истори
Не посчастливилось имъ въ школѣ, не посчастливилось и въ
литературѣ, гдѣ сонниковъ и оракуловъ и всякихъ иныхъ кни
тующихъ contra, supra et extra naturam, какъ выразился когда
Аквинатъ, выходитъ въ десять разъ больше, чѣмъ книгъ есте
историческихъ и сельско-хозяйственныхъ. Указываютъ еще, чт
считаетъ сельско-хозяйственныя книжки *ненужными*, и это ве
нятно и до извѣстной степени справедливо: книжка обыкнов
вѣтуетъ новшества, а эти новшества и всякіе опыты вообще
а пословица о журавлѣ въ небѣ еще дѣдами и прадѣдами пр
Кромѣ того, бываютъ положенія, изъ которыхъ никакія но
предлагаемыя въ сельско-хозяйственной книжкѣ, не извлекут
свое положеніе мужикъ понимаетъ отлично, гораздо лучше,
кто упрекаетъ его въ непониманіи собственныхъ выгодъ, консе
и проч. Мужицкій консерватизмъ въ сельскомъ хозяйствѣ—
тизмъ *бѣдности*; только общее образованіе и развитіе, съ
тѣсно связано пониманіе общественныхъ и всякихъ иныхъ от
могутъ отъ этого консерватизма излечить.

Изъ предъидущаго въ достаточной степени видно, п
хорошія сельско-хозяйственныя книжки имѣютъ весьма не
значеніе. Онѣ находятъ весьма небольшой сбытъ, даже т
рыя и заслуживали бы большаго вниманія. Врядъ ли мы о
сказавъ, что если нѣкоторыя сельско-хозяйственныя книжки
страняются довольно быстро, то, главнымъ образомъ, потому
ихъ распространеніи принимаетъ дѣятельное участіе провин
интеллигенція,—земцы, учителя и проч. Что касается того, в
быстро обогащается наша народная сельско-хозяйственная лит
то въ этомъ отношеніи факты довольно утѣшительны: нашлись
практически и теоретически знающіе дѣло, которые взялись з
леніе книгъ для народа, нашлись и издатели этихъ книгъ.
область научно-популярной литературы не обогащается въ та
пени, какъ область сельско-хозяйственная. Въ прошломъ году
мѣръ, вышло болѣе двухъ десятковъ названій новыхъ книгъ
даніи ихъ принимали дѣятельное участіе московскій книжный
„Начальная школа", петербургскій издатель Девріенъ, рязанс
тель Жирковъ, Императорское вольно-экономическое общест
сколько очень хорошихъ книжекъ издано земствами и провин
ми сельско-хозяйственными обществами. Одна изъ лучшихъ—
извѣстнаго тверского дѣятеля М. В. Девеля. Эта брошюра, оче
кая, но и очень толковая, носитъ оригинальное названіе: *На*

сортированнымъ зерномъ. Отъ худого сѣмени не бываетъ хорошаго племени. Что посѣешь, то и пожнешь. Авторъ не многословно, но обстоятельно объясняетъ самую сущность дѣла, только сущность, не вдаваясь въ подробности и не украшая своего изложенія разными шутками и прибаутками, которыя почему-то многіе авторы народныхъ книгъ считаютъ для „меньшого брата" особенно вразумительными. Г. Девель говоритъ самымъ простымъ и безъискусственнымъ языкомъ, объясняетъ, почему крупное зерно лучше, почему оно выгоднѣе, какъ надо сортировать зерно, какія для того имѣются машины, какъ съ ними надо обращаться, гдѣ онѣ продаются и на какихъ условіяхъ, какая выгода покупать сортировку *всѣмъ міромъ*, въ складчину, какая выгода, если и купить ее для себя, то работать съ нею на всѣхъ, и т. д. Словомъ, идя шагъ за шагомъ, авторъ перебираетъ множество вопросовъ, и теоретическихъ, и практическихъ; видно, что онъ умѣетъ, какъ и о чемъ говорить съ мужикомъ. Книжка г. Девеля имѣетъ не мѣстное только значеніе, хотя и указываетъ на тверской сельско-хозяйственный складъ, гдѣ рекомендованныя брошюры продаются *).

Особенно интересную новинку представляетъ предпріятіе вятскаго губернскаго земства, которое съ марта этого года приступило къ изданію первой земской сельско-хозяйственной газеты, и по цѣнѣ, и по языку доступной самому широкому кругу читателей. Первый № *Вятской Газеты, сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной,* вышелъ 31 марта 1894 г., второй 15 апрѣля. Газета выходитъ два раза въ мѣсяцъ; подписная цѣна на годъ съ пересылкою и доставкою 1 р. Судя по вышедшимъ №№, можно думать, что газета будетъ вестись толково и живо, насколько только это возможно по ея узенькой программѣ, и дѣйствительно сослужитъ добрую службу мѣстному населенію, которое газета и имѣетъ почти исключительно въ виду. Въ *Вятской Газетѣ* все мѣстное, вятское: и сотрудники, и интересы; даже статьи такія подобраны, что, главнымъ образомъ, содержаніе ихъ полезно для вятскихъ крестьянъ. Первая статья въ первомъ № трактуетъ о помощи вятскаго земства сельскому хозяйству, вторая статья — объ учебныхъ мастерскихъ вятскаго земства, затѣмъ слѣдуетъ статья о посѣвныхъ сѣменахъ (общаго содержанія); далѣе г. А. Фоминыхъ разсказываетъ, какъ онъ съ нѣсколькими товарищами устроилъ весьма интересный артельный пчельникъ; далѣе идутъ описанія посѣвовъ вики и сибирскаго и шатиловскаго овса на вятской фермѣ и четырехпольнаго сѣвооборота у крестьянъ починка Городиловскаго. Полторы страницы отведено библіографіи полезныхъ книгъ (2 книги). Немного мѣста удѣлено сельско-хозяйственнымъ новостямъ отчасти изъ мѣстной жизни, а отчасти заимствованныхъ изъ разныхъ газетъ, впрочемъ, только сельско-хозяйственныхъ, если не считать *Сельскаго Вѣстника* **). Изъ предъидущаго видно, что *Вятская Газета* старается съ самаго же начала стать сколь возможно ближе къ мѣстной сельско-хозяйственной жизни и служить органомъ
ских начинаній въ области сельскаго хозяйства. Въ первой же
ѣ авторъ старается разъяснить читателямъ, какія задачи ставитъ
тво и чего можетъ ожидать отъ этого послѣдняго крестьянское на-

---

Съ 1894 г. сельско-хозяйственные склады будутъ устроены во всѣхъ уѣздныхъ
хъ Тверской губерніи, при уѣздныхъ земскихъ управахъ.

Во второмъ № напечатаны статьи: 1) о травосѣяніи; 2) о берестяной мастерской земства; 3) о кормленіи скота картофелемъ; 4) текущія свѣдѣнія.

селеніе. Несомнѣнно, и такой печатный органъ способенъ ок
мадную услугу земству въ дѣлѣ проведенія въ жизнь его
и, что особенно важно, поможетъ сближенію мѣстныхъ дѣя
торые и входятъ въ составъ редакціи газеты, — земствъ, а
и проч. съ населеніемъ. Особеннаго вниманія и сочувствія з
етъ отдѣлъ вопросовъ и отвѣтовъ, — нѣчто вродѣ почтовог
гдѣ помѣщаются какъ вопросы, съ которыми обращаются въ
читатели, такъ и отвѣты на нихъ свѣдущихъ людей редакці
мѣръ, одинъ обращается съ вопросомъ, какъ истребить че
смородинѣ (для этого редакція, кстати сказать, не совсѣмъ у
комендуетъ примѣнять, между прочимъ, ярь-мѣдянку,—средст
опасное не только для червяковъ, но и для всѣхъ, кто не
лакомиться смородиной); другой проситъ указать полезныя
огородничеству и т. д. Этотъ отдѣлъ несомнѣнно можетъ имѣ
большое значеніе, если только получитъ должную постанов
витіе. Содержаніе статей, вошедшихъ въ первые два №№, ра
и форма ихъ, производитъ весьма хорошее впечатлѣніе: видно,
стараются сдѣлать все въ предѣлахъ своей узенькой програм
вообще простой, удобопонятный. Нѣтъ сомнѣнія, *Вятская Г*
детъ очень полезна и вятскому населенію, и населенію смеж
берній, гдѣ условія для сельскаго хозяйства болѣе или мен
съ вятскими. Но польза отъ прекраснаго начинанія вятскаг
скаго земства была бы еще значительнѣе, если бы редакц
трактовать свою задачу нѣсколько шире. Дѣло въ томъ, чт
шедшихъ двухъ №№, если это только не случайно, мы не
одной статьи естественно-историческаго содержанія, если н
очень краткую замѣтку о погодѣ. Между тѣмъ, такія ста
бы какъ нельзя болѣе умѣстны въ сельско-хозяйственно
и какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ ея программѣ. Начал
дѣнія по метеорологіи, ботаникѣ, зоологіи для каждаго сель
зяина имѣютъ огромное значеніе, тѣмъ болѣе, что очень и о
гимъ такого рода свѣдѣній не откуда и получить. Желател
бы, чтобъ и отдѣлъ библіографіи былъ поставленъ правильнѣ
причемъ указывались бы не только лучшія книги по сельско
ству и естествознанію, но и откуда и какъ ихъ выписывать
вать иначе (наприм., изъ читаленъ и библіотекъ). Въ первы
№№ обращаетъ на себя вниманіе то, что крайне мало мѣста
отдѣлу кустарно-промышленному, по которому распространен
свѣдѣній тѣмъ болѣе желательно. Экономическія отношенія
запутаннѣе и сложнѣе, чѣмъ сельско-хозяйственныя, а пото
тельно, чтобы и на эту половину своей задачи редакція обр
больше вниманія.

Во всякомъ случаѣ, въ области народной литературы *Вя
зета*—явленіе весьма отрадное и мы отъ души привѣтствуем

Заговоривъ о земскихъ начинаніяхъ, кстати ужъ укажем
одну книжку, изданную рязанскимъ губернскимъ земствомъ
ленную д-ромъ Ивановскимъ: *Худая болѣзнь* (*сифилисъ*). Кн
въ 1891 г. была представлена на конкурсъ и удостоена (быт
и слишкомъ милостиво) преміи въ 1,000 рублей. Безспорно,
отнести къ числу книжекъ весьма полезныхъ, хотя и не сов
ково написанныхъ, такъ какъ авторъ прибѣгаетъ къ шаблон
рѣ изложенія: вся книжка написана въ формѣ поучител

дательной бесѣды земскаго врача съ крестьянами, бесѣды многословной, растянутой, уснащенной великимъ множествомъ ненужныхъ подробностей о деревенской жизни, хорошо извѣстной всѣмъ читателямъ этой книжки. Принимаясь бесѣдовать съ народомъ, авторъ непремѣнно считаетъ нужнымъ надѣть сермягу и коверкать языкъ, словно безъ того нельзя обойтись. Авторъ, какъ и слѣдуетъ, очень подробно останавливается на способахъ распространенія заразы, описываетъ различныя фазы болѣзни, затѣмъ показываетъ возможность вылечиться; впрочемъ, этой послѣдней стороны дѣла онъ касается такъ кратко, что о томъ можно и пожалѣть.

Въ заключеніе укажемъ три очень хорошихъ книжки священника Ч. Анурьева, весьма дѣльно составленныя, съ знаніемъ дѣла и знаніемъ читателя. Особенно цѣнна и оригинальна книжка *Домашній переплетчикъ*, которая учитъ переплетать книги на инструментахъ собственнаго издѣлія. Въ книжкѣ *Столяръ-самоучка* авторъ учитъ „грамотныхъ поселянъ, какъ имъ самимъ дѣлать про себя всякія принадлежности простой, но приличной крестьянской обстановки". Наконецъ, послѣдняя книжка предназначена для учащихся въ начальныхъ школахъ и знакомитъ ихъ со столярнымъ ремесломъ. Всѣ три книжки, несомнѣнно, весьма полезны и принадлежатъ къ лучшимъ народнымъ книжкамъ по отдѣлу прикладныхъ знаній, и мы рекомендуемъ ихъ нашимъ читателямъ.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы", *апрѣль*. — „Русское Богатство", *мартъ*. — „Землевѣдѣніе", *кн. I*. „Книговѣдѣніе", *кн. I—IV*.

Вѣстникъ Европы, *апрѣль*. За послѣдніе годы въ практикѣ нашихъ земствъ усиливается слѣдующее явленіе: губернское земство все чаще и чаще, по различнымъ вопросамъ и въ различной формѣ, приходитъ на помощь уѣзднымъ земствамъ, содѣйствуетъ имъ въ болѣе успѣшномъ достиженіи поставленныхъ ими задачъ, старается внести извѣстныя улучшенія въ направленіе, въ ходъ дѣла. Такъ, нѣкоторыя губернскія земства приходятъ на помощь уѣзднымъ въ устройствѣ школьныхъ зданій, при учрежденіи библіотекъ, въ цѣляхъ лучшаго обезпеченія учителей и т. п. Такое участіе губернскаго земства въ обще-земскомъ хозяйствѣ, такое стремленіе его объединить и направить всю земскую дѣятельность губерніи представляется вполнѣ правильнымъ, цѣлесообразнымъ и очень желательнымъ. Но если подобное направленіе дѣятельности земствъ оказывается вполнѣ цѣлесообразнымъ и ведетъ къ извѣстному улучшенію въ различныхъ отрасляхъ земскаго хозяйства, то понятно, что противники земства всячески возстаютъ противъ этого направленія. За послѣднее время извѣстная часть печати старалась даже доказывать, что подобное вмѣшательство губернскаго земства въ дѣла, порученныя уѣзднымъ, будто бы представляется противорѣчіемъ закону, статьямъ земскаго „положенія", нарушаетъ права и самостоятельность уѣздныхъ земствъ и проч. „Внутреннее обозрѣніе" послѣдней книжки *Вѣстника Европы* очень обстоятельно и вполнѣ справедливо возстаетъ противъ такого взгляда.

Издавна, чуть не съ самаго введенія земскихъ учрежденій,—говоритъ *Вѣстникъ Европы*,—установилась та практика, противъ которой теперь вооружаются *Московскія Вѣдомости*, и никогда, насколько намъ извѣстно, не возбуждала никакихъ недоумѣній, никакихъ протестовъ

со стороны администраціи. Трудно допустить, чтобы здѣсь б
сплошное заблужденіе, обнаруженное, по истеченіи тридца
прозорливостью и бдительностью реакціонной газеты. Гораз
предположить, что никакого заблужденія не было и нѣтъ, и
мое его раскрытіе сводится къ злобному буквоѣдству. И дѣй
но, что̀ такое дѣла, касающіяся всей губерніи? Очевидно, вс
ченіе которыхъ не чисто-мѣстное, всѣ тѣ, въ которыхъ за
вана губернія вообще, хотя бы значительная часть ея насе
посредственно и не испытывала на себѣ ихъ вліянія. Если
масштабъ *Московскихъ Вѣдомостей*, то придется признать, ч
ваніе начальной школы—не дѣло уѣзднаго земства, такъ как
сается не уѣзда вообще, а только одной небольшой мѣстност
кой формальной точкѣ зрѣнія составители земскихъ „положені
няго и новаго, безъ сомнѣнія, не стояли Народное образов
родное здоровье, народное благосостояніе, общественное при
все это не можетъ быть пріурочено исключительно и всецѣло
территоріальнымъ единицамъ, которыя прямо затрогиваются
другою отдѣльною мѣрой. Каждая вновь основываемая школа
ца, богадѣльня, опытное поле представляютъ большую или
цѣнность не только для волости, въ районѣ которой они от
только для уѣзда, но и для губерніи. Приходя на помощь
отставшимъ въ развитіи школьнаго или больничнаго дѣла, гу
земство дѣйствуетъ на пользу цѣлой губерніи, для которой
шей степени важенъ общій уровень, достигнутый въ той ил
отрасли земскаго хозяйства. Далѣе авторъ „Внутренняго об
останавливается еще на утвержденіи, будто указанное участіе
скаго земства въ тѣхъ отрасляхъ, которыя вѣдаются вообще
нарушаетъ автономію послѣднихъ. Представимъ себѣ,—говорит
такое разсужденіе: волость (или сельское общество) есть ав
административно-хозяйственная единица, она имѣетъ право о
себя начальную школу,—ergo, уѣздное земство, открывающее
школу на свой счетъ, нарушаетъ автономію волости (или об
Даже *Московскія Вѣдомости* едва ли отказались бы признать
сужденіе нелѣпымъ, а, между тѣмъ, онѣ примѣняютъ его
mutandis, къ взаимнымъ отношеніямъ губерніи и уѣзда. Не
ли мы предположить, что побудительная причина ихъ полемик
не забота о неприкосновенности закона, о сохраненіи уѣздно
номности“, а просто желаніе набросать какъ можно больше
подъ земскія колеса? Въ заключеніе, журналъ отмѣчаетъ е
любопытную черту въ статьѣ московской газеты. Губернское
собраніе, въ его настоящемъ видѣ, можетъ быть названо (за
ченіемъ немногихъ отдаленныхъ губерній) учрежденіемъ двор
Къ нему принадлежатъ обязательно всѣ предводители дворян
губернскіе гласные избираются почти одни дворяне, какъ по
на сторонѣ дворянства большинство въ уѣздныхъ собраніяхъ
потому, что лица другихъ сословій сравнительно рѣдко согл
на издержки и потерю времени, сопряженныя съ продолжит
пребываніемъ въ губернскомъ городѣ. И вотъ дворянское уч
оказывается подозрительнымъ въ глазахъ ультра-дворянской
усматривающей въ немъ „наилучшую почву для вздорныхъ у
легкомысленныхъ предпріятій и тенденціознаго направленія“
нить эту несообразность можно только тѣмъ, много разъ ко
ваннымъ фактомъ, что въ земскихъ собраніяхъ, отчасти подъ

ем самаго ихъ призванія, отчасти подъ вліяніемъ традицій, образовавшихся за первую четверть вѣка существованія земства, вѣетъ другой духъ, чѣмъ въ собраніяхъ дворянскихъ. Одни и тѣ же лица дѣйствуютъ различно, смотря по тому, являются ли они представителями сословія, или уполномоченными всего населенія, и этого достаточно, чтобы возбудить противъ земскихъ собраній недовѣріе и недоброжелательство реакціонной прессы. На ея языкѣ „вздорное увлеченіе"—синонимъ уклоненія отъ рутины; „легкомысленное предпріятіе"—все равно, что предпріятіе на общую пользу; „тенденціозное направленіе"—все равно, что отсутствіе сословныхъ тенденцій.

Изъ другихъ публицистическихъ статей журнала обращаютъ на себя вниманіе статья г. Бирюковича: *По поводу питейной монополіи* и статья Вл. С. Соловьева: *Споръ о справедливости*.

Говоря о предстоящемъ опытѣ казенной продажи вина въ четырехъ юго-восточныхъ губерніяхъ, авторъ статьи указываетъ, что, по заключенію государственнаго совѣта, выгоды этой монополіи небезспорны и что только на основаніи результатовъ такого опыта можно будетъ рѣшить, распространить казенную продажу вина на всю страну или нѣтъ. Но удастся или не удастся опытъ монопольной продажи вина въ юго-восточныхъ губерніяхъ, будетъ ли казенная продажа выгодна для фиска, введеніе ея, какъ извѣстно, предлагается не въ интересахъ только послѣдняго, а и въ интересахъ народной нравственности. Авторъ статьи не считаетъ возможнымъ совмѣстное достиженіе этихъ цѣлей. „Приведя слова изъ рѣчи г. министра финансовъ, что при установленіи казенной монополіи сдѣлается вполнѣ очевидной невѣрность ходячаго мнѣнія, будто бы всесиліе кабатчика обусловливается необходимостью для государства жить на средства, извлекаемыя отъ ненормальной продажи вина, и что бюджетъ русскаго государства основанъ на пьянствѣ",—г. Бирюковичъ замѣчаетъ, что указанная очевидность сдѣлается такою же для всѣхъ только лишь послѣ того, какъ благополучіе бюджета дѣйствительно перестанетъ покоиться на доходѣ отъ потребленія населеніемъ вина. Пока же само финансовое вѣдомство признаетъ, въ своемъ проектѣ монополіи, увеличеніе при посредствѣ ея питейнаго дохода „необходимымъ". Очевидно, что лишь съ устраненіемъ подобной грустной „необходимости" у правительства окажутся развязанными руки для болѣе активной борьбы съ народнымъ недугомъ пьянства. У насъ принято,—продолжаетъ авторъ,—ссылаться на знаменитую „готенборгскую систему", какъ на доказательство возможности борьбы съ пьянствомъ чисто-внѣшними пріемами, путемъ удачной организаціи самой продажи вина. Говорятъ, населеніе Швеціи и Норвегіи во время ея дѣйствія превратилось изъ самаго пьянаго въ самый трезвый народъ въ мірѣ. Но при этомъ какъ-то совсѣмъ забываютъ, что въ обоихъ государствахъ за этотъ же періодъ сдѣлали огромные успѣхи народное образованіе и ростъ народнаго благосостоянія. Тамъ уже думаютъ не о народныхъ школахъ,—о которыхъ у насъ и до сихъ поръ больше думаютъ, пишутъ и говорятъ,—а о народныхъ университетахъ. У насъ же, къ сожалѣнію, всякая благожелательная попытка замѣнить для народа кабакъ болѣе разумнымъ развлеченіемъ, вродѣ устройства публичныхъ чтеній, доступныхъ библіотекъ и т. д., встрѣчаетъ нерѣдко еще до сихъ поръ подозрѣніе и цѣлую массу формальныхъ препонъ, часто непреодолимыхъ.

Широко-талантливый публицистъ Вл. С. Соловьевъ начинаетъ свою

статью слѣдующимъ остроумнымъ сравненіемъ: „Въ хорош
стыряхъ никто изъ монаховъ не гнушается самыми непріятн
чистыми службами: всякая служба (внѣ богослуженія) называ
слушаніемъ“ и исполняется съ одинаковымъ усердіемъ. Коне
современная литература похожа на хорошій монастырь раз
обиліемъ черной работы, но тѣмъ болѣе причинъ и здѣсь
особенно брезгливымъ. Я за послѣднее время взялъ на с
добровольное „послушаніе“: выметать тотъ печатный соръ
которымъ наши лжеправославные лжепатріоты стараются
въ общественномъ сознаніи великій и насущный вопросъ ре
свободы“.

Въ настоящей своей статьѣ г. Соловьевъ выметаетъ сор
соръ, которыми изобилуютъ измышленія г. Тихомирова, подви
на страницахъ *Русскаго Обозрѣнія*. Послѣдній, заявивъ, чт
мость“ есть не только правило самого православія но и каче
скаго народа, много говоритъ о томъ, какое это превосходное
терпимость, и совершенно какъ бы забываетъ доказать первое
ложеніе. Между тѣмъ,— какъ справедливо замѣчаетъ г. Сол
вопросъ о вѣротерпимости имѣетъ совершенно опредѣленный
котораго, однако, ни однимъ словомъ не коснулся г. Тих
Спрашивается: слѣдуетъ ли людей сажать въ тюрьму или со
извѣстныя проявленія ихъ религіозныхъ убѣжденій (напримѣ
вѣрныхъ духовныхъ—за совершеніе требъ надъ лицами, не
мися въ ихъ исповѣданіи, но желающими принадлежать къ не
дуетъ ли запрещать и истреблять книги за содержащіяся
мысли, несогласныя съ оффиціально принятыми мнѣніями и т.
идетъ о признаніи за чужими религіозными убѣжденіями вс
правъ на свободное проявленіе, какія мы признаемъ и треб
своей собственной вѣры. Этотъ принципъ равноправности рел
убѣжденій, сдѣлавшійся закономъ во всѣхъ образованны
нахъ, еще не вошелъ, какъ извѣстно, ни въ наше зако
ство, ни въ правила нашей администраціи. По русскому зако
ству (какъ было еще недавно объявлено въ сенатскомъ рѣ
12 марта 1891 г.), лица, отступившія отъ православія и при
шіяся къ другому исповѣданію, не принадлежатъ къ сему по
а считаются православными. Положительные законы безуслов
щаютъ всѣмъ числящимся въ господствующей греко-россійск
отступать отъ нея и принимать иную вѣру; такое отступ
знается дѣяніемъ не только воспрещеннымъ, но и прес
которое никогда не можетъ сдѣлаться состояніемъ законным
крывается никакою давностью, ни въ какомъ поколѣніи.

Русское Богатство, *мартъ*. Въ интересной статьѣ *Наро
ственные наброски*, проф. Карышевъ, пользуясь новѣйшими
подводитъ итоги тѣмъ громаднымъ суммамъ, до какихъ дос
точный банковый долгъ нашего частнаго землевладѣнія, и, в
тѣмъ, показываетъ, какъ мало воспользовался этотъ видъ зе
нія для улучшенія сельскаго хозяйства.

По существующимъ статистическимъ даннымъ, ипотечн
частныхъ землевладѣльцевъ превышаетъ милліардъ рублей
заложенными въ банкахъ оказывается болѣе $^2/_3$ площади пр
щей имъ земли, а долгъ составляетъ болѣе половины оцѣ
женной земли. И насколько еще должны бы усилиться эти
еслибъ имѣлись данныя о всѣхъ другихъ видахъ кредита,

ющихъ частное землевладѣніе? Такова статика вопроса. Динамика же его выражается въ томъ, что указанная задолженность во времени имѣетъ постоянную и неуклонную тенденцію возростать. Вотъ весьма характерныя данныя:

1865 г.	95	милл. руб.	= 100
1870 „	130	„ „	= 140
1875 „	390	„ „	= 411
1880 „ . . .	520	„ „	= 547
1885 „	650	„ „	= 684
1890 „	980	„ „	=1,035
1892 „	1,100	„ „	=1,158

Цифры эти ясно свидѣтельствуютъ, что нужды частнаго землевладѣнія въ кредитѣ удовлетворяются весьма обильно, причемъ, не лишнее замѣтить, что и ранѣе онѣ удовлетворялись щедрою рукой. Еще при Елизаветѣ были учреждены *дворянскіе* банки въ Москвѣ и Петербургѣ, выдававшіе ссуды подъ залогъ крѣпостныхъ. Деньги этихъ банковъ были разобраны помѣщиками быстро, но возвращались весьма неисправно. Заемщики совсѣмъ почти не платили даже причитающихся процентовъ. Однако, продажъ имѣній недоимщиковъ не практиковалось. Изъ новѣйшихъ кредитныхъ операцій одними выкупными платежами наши частные владѣльцы получили такую сумму, которая приблизительно равняется для всей площади принадлежащихъ имъ земель оборотному капиталу, нужному для веденія высоко-интензивной плодосмѣнной системы хозяйства.

Имѣются ли, однако, какія-либо указанія на то, что суммы эти оказали какое-нибудь дѣйствительное вліяніе на подъемъ частно-владѣльческой агрикультуры? Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ,— отвѣчаетъ авторъ статьи,— что такихъ указаній нѣтъ и быть не можетъ. Область трехполья сохранила свое трехполье, а область переложная—свои перелоги. Всѣ имѣющіяся до сихъ поръ массовыя описанія частно-владѣльческихъ хозяйствъ свидѣтельствуютъ о господствѣ въ нихъ рутины, о примѣненіи тѣхъ же способовъ и пріемовъ обработки земли, которые утверждались въ разныхъ частяхъ восточно-европейской равнины еще въ тѣ времена, когда она только начинала подвергаться культурѣ. На встрѣчу этимъ пріемамъ идетъ хищническая система сдачи земель въ наемъ,—та система, которая могла возникнуть только на почвѣ примитивной агрикультуры сдатчиковъ и крайней нужды въ землѣ съемщиковъ. Единичные случаи образцовыхъ хозяйствъ встрѣчаются, конечно, повсюду. Но это—тѣ немногія ласточки, которыя весны еще не дѣлаютъ. Да такія имѣнія, обыкновенно, и задолжены менѣе другихъ. Нашу особенность составляетъ именно та характерная черта, что обременены бываютъ банковыми долгами болѣе всего именно тѣ земли, на которыхъ ведется болѣе хищническая культура. У насъ ипотечный кредитъ—не средство подъема хозяйства, а способъ удовлетворенія заемщиками своихъ прихотей. Имѣніе закладывается чаще всего не для того, чтобъ имѣть деньги на производительное потребленіе, обѣщающее возвратъ капитала съ прибылью, а для того, чтобъ имѣть средства на простое, непроизводительное потребленіе.

Въ то время, какъ кредитъ частному землевладѣнію раздавался и раздается въ такомъ изобиліи, что, спрашивается, было сдѣлано въ области кредита для крестьянскихъ общинъ?

„ дореформенное время,—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ проф. Ка-

рышевъ,—то-есть когда частно-владѣльческій кредитъ сущест
насъ уже болѣе вѣка, для земледѣльческой массы въ этомъ
піи не было сдѣлано *ничего*. Меліоративный кредитъ у насъ
валъ и отсутствуетъ до сихъ поръ, а ссудо-сберегательныя
ства играли и играютъ жалкую роль. И только съ основаніем
янскаго поземельнаго банка (1883) сдѣлана была первая попы
дарственной помощи крестьянству въ дѣлѣ долгосрочнаго
Хотя кредитъ этого банка и не могъ быть названъ дешевым
$8^1/_2\%$ противъ $5^3/_4$ — $5^5/_8\%$ въ дворянскомъ), хотя требо
платъ" ставятъ кліентовъ банка не рѣдко въ серьезныя за
тѣмъ не менѣе, съ основаніемъ этого учрежденія общинная ма
получить хотя нѣкоторую возможность ипотечнаго кредита. К
цифрами выражается результатъ девятилѣтней дѣятельност
Совершенно ничтожными: къ 1 января 1893 года имѣется у
купленной при его помощи земли всего 1.700,775 дес., для
дано въ ссуду 53,7 милл. рублей. Какъ далеки эти скромные
выданные на *производительное* потребленіе, отъ того фейерв
ліардовъ, съ которымъ намъ приходилось имѣть дѣло до с
Насколько ничтожна эта площадь (1,7 милл. дес.) для кре
Россіи, можно легко понять изъ того, что она составляетъ л
всего пространства принадлежащихъ крестьянамъ земель.

Читатель согласится, что приведенныя данныя весьма ха
На помощь $^1/_2$ милл. лицъ частныхъ владѣльцевъ съ 91
истрачены были милліарды, а на помощь очень многихъ десят
ліоновъ крестьянъ съ 131 милл. дес. — 50 милл. рублей. П
среди кліентовъ крестьянскаго банка имѣется менѣе всего
болѣе всѣхъ нуждается въ землѣ, и наоборотъ — дѣятельно
характеризуется усиліями развивать и поддерживать деревен
жуазію, предоставляя массу населенія ея собственнымъ сила

**Землевѣдѣніе. Періодическое изданіе географическа
ленія Императорскаго общества любителей естествознан
пологіи и этнографіи. Книжка I. Москва, 1894 г. Цѣна
2 р. 50 к.** Мы охотно смѣемся надъ Простаковой, которая
излишнимъ обучать Митрофанушку географіи и, въ то же
воря по-совѣсти, должны сознаться, что сами плохо знаемъ
Правда, въ свое время каждый изъ насъ болѣе или менѣе ус
сорялъ свою голову долбнею какого-нибудь географическаго
но въ результатѣ такой долбни чаще всего не остается нич
го, кромѣ жалкихъ и безсвязныхъ обрывковъ. Къ стыду на
имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія не только о внѣроссійскихъ
но даже и о своемъ собственномъ отечествѣ. Такое убожест
географическихъ познаній зависитъ не столько отъ отсутст
знательности, сколько отъ крайней скудости русской геогр
литературы. Если начать съ картографіи, то нельзя не созн
она является у насъ весьма жалкой. Мы не имѣемъ, напри
одного *научно обработаннаго* всемірнаго атласа на русско
вродѣ атласовъ Stieler'a, Berghaus'a или новаго французска
изданнаго Hachette. Подробные атласы Россіи также оставл
желать весьма многаго, и даже учебные атласы, сравнительн
хотя за послѣднее время и замѣчается нѣкоторое улучшеніе
отношеніи. Частное картографическое дѣло развито у нас
чайно слабо и поставлено крайне плохо. Географическія пос
болѣе чѣмъ скромны, сравнительно съ заграничными, рав

учебники, по разнообразію, изяществу и приспособленности къ разнымъ возрастамъ, значительно уступаютъ иностраннымъ. Мы до сихъ поръ еще не имѣемъ вполнѣ обстоятельнаго и оригинальнаго общаго географическаго описанія нашего отечества и должны довольствоваться соотвѣтственными томами переводнаго сочиненія Эл. Реклю, въ настоящее время значительно устарѣвшаго. У насъ нѣтъ достаточно подробныхъ справочныхъ книгъ по географіи, такъ какъ *Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи,* изданный Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ, при всѣхъ его достоинствахъ, все-таки, весьма неполонъ и теперь настолько устарѣлъ, что требуетъ полной переработки. Наконецъ, если не считать нѣсколькихъ спеціальныхъ русскихъ географическихъ изданій, мы не имѣемъ даже ни одного географическаго журнала, который позволялъ бы слѣдить за успѣхами землевѣдѣнія, и только съ 1890 года, по мысли, возбужденной проф. Анучинымъ на VIII съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ, Императорское русское географическое общество стало издавать *Ежегодникъ*, имѣющій цѣлью знакомить интересующихся отечествовѣдѣніемъ съ современнымъ положеніемъ и успѣхами изслѣдованія Россіи въ тѣхъ многоразличныхъ отношеніяхъ, изъ совокупности которыхъ слагается ея географическое описаніе.

Въ настоящее время недавно организовавшееся въ Москвѣ при Императорскомъ обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи географическое отдѣленіе рѣшилось основать новый географическій журналъ и приступило къ изданію *Землевѣдѣнія*, имѣющаго выходить въ количествѣ четырехъ книжекъ въ годъ, размѣромъ въ 10—15 и болѣе листовъ, съ приложеніемъ картъ, фототипій и политипажей въ текстѣ. Цѣна годовому изданію шесть рублей съ пересылкой. Трудно сказать, какой характеръ пріобрѣтетъ это изданіе впослѣдствіи, такъ какъ первая книжка *Землевѣдѣнія* мало опредѣляетъ его. Прежде всего, конечно, весьма важно знать, для чего и для кого предпринято это новое изданіе. „Одною изъ цѣлей дѣятельности, — говорится по этому поводу *отъ редакціи,*—открытаго при обществѣ любителей естествознанія географическаго отдѣленія было поставлено основаніе географическаго журнала. Отдѣленіе постановило именно: издавать болѣе крупные труды, представленные его сочленами, въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ *Трудовъ* in 4°, включая ихъ въ общую серію *Извѣстій*, издаваемыхъ обществомъ, и основать для менѣе крупныхъ статей и рефератовъ, доложенныхъ въ засѣданіяхъ отдѣленія, новый органъ in 8°, съ помѣщеніемъ въ немъ, по мѣрѣ возможности, географическихъ обзоровъ и библіографій, а равно протоколовъ засѣданій отдѣленія". Очевидно, что, при такой постановкѣ дѣла, *Землевѣдѣніе* должно служить если и не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, преимущественно интересамъ географическаго отдѣленія. Съ другой стороны, столь же очевидно, что дѣятельность отдѣленія должна быть весьма напряженной, чтобы дать необходимый матеріалъ для предположенныхъ изданій, и что, однако, едва ли можно разсчитывать, судя по дѣятельности и нихъ ученыхъ обществъ и даже самого географическаго отдѣленія, и къ это видно изъ протоколовъ засѣданій его, приложенныхъ къ первой книжкѣ *Землевѣдѣнія*. Но, допуская даже, что дѣятельность его р ростется и недостатка въ матеріалахъ для его изданій не будетъ, т все-таки, мы получимъ новое спеціальное періодическое изданіе, а н общеинтересный журналъ, слѣдящій за успѣхами землевѣдѣнія и д ный своевременный отчетъ о нихъ. Другими словами, географиче-

ское отдѣленіе Императорскаго общества любителей естеств
антропологіи и этнографіи не дастъ намъ именно того, чего нед
въ нашей географической литературѣ.

Опасеніе это тѣмъ болѣе умѣстно, что первая книжка *Землев*
несмотря на свой значительный объемъ и довольно изящную внѣ
мало пополняетъ указанный недостатокъ. Правда, въ ней по
нѣсколько весьма интересныхъ статей, каковы, наприм., *Очерки*
и населенія крайняго съверо-востока Сибири И. Р. Шкловскаго
стающія и періодически исчезающія озера Обонежскаго края Г. И
ковскаго, *Въ верховьяхъ Томи* Д. М. Головачева, *Горные группы и*
центральнаго Кавказа В. Г. Михайловскаго и др., но за то она не
чего не даетъ для характеристики современныхъ успѣховъ зем
нія и даже отечествовѣдѣнія. Подборъ статей въ ней совершен
чаенъ и невольно заставляетъ думать, что редакція изданія дал
не уяснила себѣ тѣхъ задачъ и средствъ, которыя могутъ обе
его успѣхъ. Такія статьи, какъ, напримѣръ, *Конгрессы и в*
бывшіе въ Италіи и Испаніи осенью 1892 г., по случаю 400
юбилея открытія Америки, гр. П. С. Уваровой, или *Отчетъ*
шей лѣтомъ 1892 г. въ Москвѣ первой русской географической
ки и др., едва ли заинтересуютъ большой кругъ читателей и
комъ случаѣ мало просвѣтятъ ихъ въ познаніи современной ге
Въ общемъ, первая книжка *Землевѣдѣнія* производитъ впечат
журнала съ опредѣленною программой, а какого-то географи
сборника статей, случайно попавшихъ въ портфель редакціи.

Нельзя не пожелать, чтобы такая неопредѣленность была ли
менной и чтобы лица, руководящія изданіемъ *Землевѣдѣнія*,
мательнѣе отнеслись какъ къ его задачамъ, такъ и къ инт
публики, которая ждетъ отъ нихъ не случайнаго подбора бо
менѣе занимательныхъ статей географическаго содержанія, а
тическаго и серьезнаго удовлетворенія разносторонних за
въ той области человѣческихъ знаній, какую принято назыв
графіей.

Книговѣдѣніе. Ежемѣсячный библіографическій журна
даваемый московскимъ библіографическимъ кружкомъ.
1894 г. Книги 1, 2, 3 и 4. Подписная цѣна на годъ 6 р. с

Около $3^1/_2$ лѣтъ назадъ въ Москвѣ образовался, на основаніи
денная устава, „Библіографическій кружокъ“, поставившій бли
своею задачей „составленіе и изданіе полнаго систематическа
лога всѣхъ безъ исключенія русскихъ книгъ гражданской печа
вышедшихъ въ свѣтъ съ 1708 года, а затѣмъ составленіе ка
рукописей, періодическихъ изданій, церковныхъ книгъ и т.
настоящее время, кромѣ 11-ти почетныхъ членовъ, кружокъ
63 дѣйствительныхъ члена и 17 членовъ корреспондентовъ въ
городахъ и библіотеку—около 7,000 томовъ. Въ 1892 г. „к
издалъ *Очеркъ дѣятельности за время съ 4 октября 1890 г.*
варя 1891 г. Затѣмъ въ 1893 году имъ же изданъ *Списокъ н*
скихъ изданій, выходящихъ въ Россіи, на 1893 годъ. Съ января
щаго года „Библіографическій кружокъ“ предпринялъ изданіе сво
нала. Общая цѣль послѣдняго въ редакціонномъ предисловіи к
книжкѣ объясняется желаніемъ, путемъ „обмѣна мыслями с
читающаго люда“, привлечь какъ наличныхъ провинціальных
лей, такъ и новыхъ къ совмѣстной библіографической работѣ,
„вниманіе русской публики вообще сдѣлать болѣе интензивн

судьбамъ русской библіографіи, чѣмъ это было доселѣ". Въ частности же журналъ обѣщаетъ заняться „обсужденіемъ всевозможныхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, касающихся библіографіи"; посвятить вниманіе исторіи и практикѣ библіотечнаго дѣла въ Россіи, описанію важнѣйшихъ книгохранилищъ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ, текущимъ запросамъ и справочному матеріалу для библіотекъ и пользующихся ими; сверхъ того, въ программу новаго журнала включено также книжно-торгово-издательское и типографское дѣло.

Таковы въ общихъ чертахъ задачи, намѣченныя для себя редакціей. Въ первыхъ четырехъ книжкахъ, конечно, трудно было бы ожидать встрѣтить опредѣленное указаніе того, насколько журналу удастся достигнуть его цѣлей. Пока видно стремленіе къ изящной внѣшности изданія и недостатокъ опыта въ чисто-технической сторонѣ журнальнаго издательства. Что касается содержанія вышедшихъ книжекъ, то нельзя не отмѣтить, что во многихъ отношеніяхъ оно заслуживаетъ общаго интереса и симпатіи. Такъ, на первомъ планѣ каждой книжки, совершенно разумно для библіографическаго журнала, помѣщается списокъ вновь вышедшихъ книгъ. Къ сожалѣнію, какъ это ни странно на первый взглядъ, оказывается, что у насъ въ Россіи „еще не скоро можно будетъ достигнуть идеальной полноты и свѣжести въ ежемѣсячныхъ свѣдѣніяхъ о вновь вышедшихъ книгахъ". Поэтому, всѣ свѣдѣнія по этой части могутъ быть точными только приблизительно. Въ дѣлѣ классификаціи книгъ редакція *Книговѣдѣнія* выступаетъ съ особымъ, выработаннымъ ею планомъ, отличающимся отъ общепринятаго, хотя, правду сказать, въ этомъ отношеніи до сего времени едва ли можно было найти какое-либо единство. Сколько извѣстно, новый журналъ дѣлаетъ въ настоящемъ случаѣ первую попытку предложить строго обдуманную классификацію книгъ. Къ постояннымъ отдѣламъ изданія относится также весьма важный и близкій для всякаго образованнаго человѣка, интересующагося судьбами отечественной литературы и печати, именно: правительственныя распоряженія по дѣламъ печати, куда входятъ свѣдѣнія: о распоряженіяхъ министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ печати, о перемѣнахъ, происшедшихъ въ повременныхъ изданіяхъ, о вновь разрѣшенныхъ повременныхъ изданіяхъ и „опредѣленія" ученаго комитета и особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Списки книгъ, одобренныхъ, рекомендованныхъ и допущенныхъ для пріобрѣтенія въ разнаго рода школьныя библіотеки, имѣютъ для многихъ прямое практическое значеніе, тѣмъ болѣе, что они обыкновенно публикуются лишь въ мало доступныхъ циркулярахъ по учебнымъ округамъ. Со второй книжки въ журналѣ печатается подробное содержаніе цѣлаго ряда выдающихся ежемѣсячныхъ журналовъ за предъидущій мѣсяцъ, а также и сводъ рецензій, помѣщенныхъ за тотъ же мѣсяцъ какъ въ ежемѣсячныхъ журналахъ, такъ и въ важнѣйшихъ газетахъ. Оба эти списка, а въ особенности послѣдній, несомнѣнно, могутъ принести несомнѣнную пользу для читателей.

Изъ постоянныхъ отдѣловъ журнала имѣется рядъ статей по разнымъ вопросамъ, касающимся библіографіи и библіотековѣдѣнія. Здѣсь необходимо упомянуть о статьѣ доктора исторіи Казанскаго университета Н. П. Лихачева: *Казанскій Вѣстникъ (исторія изданія и указатель содержанія)*. Статья эта, еще не оконченная, имѣетъ большой интересъ для исторіи нашей провинціальной умственной жизни. Съ 3-й книжки печатаются *Матеріалы для русской библіографіи, собранные*

Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ, являющіеся первою систем
библіографіей за XVIII в. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой ма
ной до сего времени работѣ, сообщаются въ той же 3-ей кн.
Бѣлокуровымъ. Укажемъ также на появляющіеся впервые *Л
для библіографическаго указателя по ихтіологіи, рыбоводст
ловству,* составленные секретаремъ кружка Я. Г. Квасковы
Заслуживаютъ еще вниманія: *Историческій очеркъ библіоте
ской духовной академіи* профессора И. Корсунскаго (кн. 1); *
Московскаго университета* М. Дубровскаго (кн. 3); *Русскіе
писательницы, умершіе въ 1888 году,* Д. Д. Языкова, и т. д

Общаго интереса заслуживаютъ также: *Алфавитный спи
веденій печати, которыя не допускаются къ обращенію въ
библіотекахъ* (кн. 1), и *Алфавитный каталогъ книгамъ на
языкѣ, воспрещеннымъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи
1876 г.* (кн. 4). Послѣдній каталогъ сдѣлался въ послѣднее вр
библіографическою рѣдкостью и потому напечатаніе его нел
тать своевременнымъ, хотя изъ 423 нумеровъ сочиненій, запр
къ обращенію и перепечатанію въ 1876 г., въ настоящее вре
правительства на нѣкоторыя изъ нихъ уже измѣнился. Укажем
на изданныя въ послѣднее время: *Кто виноватъ,* ром. А. И
Физіологія души А. А. Герцена, *Окраины Россіи* Ю. Ѳ.
Записки Е. Р. Дашковой, также многія сочиненія Пушкин
Грибоѣдова, Кольцова, Лермонтова, Рылѣева и т. д.

Изъ всего сказаннаго видно, что журналъ *Книговѣдѣніе,*
содержанію, можетъ имѣть не малый практическій интерес
вольно многочисленнаго круга читателей, не говоря о тѣхъ
которые по роду своихъ занятій поставлены болѣе или мен
посредственное соприкосновеніе съ книжнымъ дѣломъ. Въ
справочныхъ изданіяхъ у насъ уже начинаетъ сказываться
ная нужда. Въ виду новости этого дѣла, мы не рѣшаемся,
же шагахъ дѣятельности молодого журнала, особенно подчер
недостатки въ технической части, о которыхъ упоминали
3-й книжкѣ, напримѣръ, въ сводѣ рецензій, помѣщенныхъ в
скихъ нумерахъ журналовъ и газетъ, пропущены рец
февральской книжки *Русскаго Богатства;* въ отдѣлѣ „содер
дающихся журналовъ" не помѣщается содержаніе расп
наго ежемѣсячнаго журнала *Книжки Недѣли* и игнорирую
цѣликомъ всѣ дѣтскіе журналы. Каждая наиболѣе крупная
мѣщаемая въ нѣсколькихъ книгахъ *Книговѣдѣнія,* имѣетъ
ственную послѣдовательную нумерацію, что производитъ пр
неудобство при отысканіи статьи по оглавленію. Подобныя ст
полагаемыя, очевидно, для отдѣльнаго изданія, слѣдовало б
въ приложеніяхъ, а основной текстъ затѣмъ нумеровать осо
тельно также видѣть болѣе серьезно поставленнымъ отдѣлъ
фическихъ замѣтокъ. Указанные недосмотры не важны и л
нимы и мы не сомнѣваемся, что въ будущихъ книгахъ
съумѣетъ ихъ избѣжать.

Многія части своей программы журналъ могъ бы съ боль
зой для читателей оживлять переводными статьями, касающ
рактеристики библіотечнаго, книго-издательскаго и торгова
также и техники печатнаго дѣла за границей, гдѣ намъ ест
учиться во всѣхъ этихъ отношеніяхъ.

Во всякомъ случаѣ, желаемъ новому журналу полнаго у

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 апрѣля по 1 мая 1894 г.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XIX. Изд. К. К. Банза. Москва, 1894 г.

Диккесъ, Чарльзъ. Полное собраніе сочиненій. Въ 10 томахъ. Т. VII. Николай Никльби. Пер. М. Д. Никоновой. Святочныя разсказы. Пер. М. А. Шишмаревой. Изд. Ф. Павленкова. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к. Спб., 1894 г.

Литвинова, Г. Ѳ. С. В. Ковалевская. Ея жизнь и научная дѣятельность. Съ портретомъ Ковалевской. (Жизнь замѣчательныхъ людей). Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 25 коп.

Андерсенъ. Собраніе сочиненій. Въ 4 томахъ. Перев. съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Т. I, вып. IV. Спб., 1894 г.

Козловскій, Ѳ. Учебникъ логики. Ч. I. Аналитическій выводъ главныхъ принциповъ логики на основаніи разбора образцовъ. Ц. 1 р. Ч. II. Сокращенное синтетическое изложеніе главныхъ принциповъ логики. Кіевъ, 1894 г.

Протоколы засѣданій сельско-хозяйственнаго отдѣленія Императорскаго казанскаго экономическаго общества. Казань, 1894 г.

Тизенгаузенъ, А. А., баронъ. Военно-статистическое обозрѣніе Британской монархіи. Спб., 1894 г.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. Пер. со 2 нѣмецкаго изданія подъ редакціей [illegible] зоологіи С. М. Переяславцевой. [illegible]ут. I, вып. 10. Собаки. Одесса, [illegible] г. Ц. 25 коп.

Б[illegible]кинъ, Я. А. Причины и предупрежденіе помѣшательства. Изд. А. А. [illegible]ова. Москва, 1894 г. Ц. 30 коп.

С[illegible]зскинскій, А. Бунтъ военныхъ [illegible]лянъ въ хореру 1831 г. Новгородъ, [illegible]4 г. Ц. 1 р.

З[illegible] [illegible]сборникъ Черниговской губерніи 1893 г. ноябрь—декабрь. Изд. черниговской губерн. земской управы. Черниговъ, 1894 г.

Беэръ, В. А. Комментарій новыхъ провинціальныхъ учрежденій 12 іюля 1889 года. Часть I. Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ и ихъ административный порядокъ дѣлопроизводства. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 75 коп.

Киммель, Н. Сочиненія о Россіи на иностранныхъ языкахъ. Антикварный каталогъ (Bibliotheca russica). Рига, 1894 г.

Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи. Т. XII. Роменскій уѣздъ. Изд. полтавской губернской земской управы. Полтава, 189 г.

Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи. Т. XV. Пирятинскій уѣздъ. Изд. полтавской губернской земской управы. Полтава, 1893 г.

Докладная записка тобольской городской управы городской думѣ о продолженіи уральской желѣзной дороги до Тобольска. Тобольскъ, 1894 г.

Пергаментъ, О. Исторія барометра и его примѣненій. 1643—1893 (по поводу 250-лѣтія его существованія). Одесса, 1894 г.

Водовозова, Г. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Турки. Спб., 1894 г. Ц. 40 коп.

Отчетъ харьковской общественной библіотеки за седьмой годъ и протоколъ общаго собранія членовъ ея 12 декабря 1893 года. Харьковъ, 1893 г.

Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Отчетъ за 1892—1893 г. Спб., 1894 г.

Глаголевъ, П., д-ръ. Леченіе сифилиса сакскими минеральными грязями въ Крыму. Симферополь, 1892 г.

Энгельсъ, Фридрихъ. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. Спб., 1894 г. Ц. 1 руб.

Розенфельдъ, Л. В. Эпидемія холеры въ 1892 году. Житомиръ, 1894 г. Ц. 30 коп.

Анненская, А. Н. Жоржъ-Зандъ. Ея жизнь и литературная дѣятельность, съ портретомъ Ж.-Зандъ. (Жизнь замѣчательныхъ людей). Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.

Базуновъ, С. А. I. С. Бахъ. Его жизнь и музыкальная дѣятельность. Съ портретомъ Баха и музыкальнымъ приложеніемъ, состоящимъ изъ выбора его произведеній для фортепіано. (Жизнь замѣчательныхъ людей). Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.

Георгіевскій, П. И Призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность. Спб., 1894 г. Ц. 50 коп.

Михеевъ, В. М. Художники. Очерки и разсказы. Изд. Ѳ. А. Куманина. Москва, 1894 г. Ц. 1 руб.

Селиванова, Е. Н. Среди дѣтей. Разсказы изъ дѣтской жизни. Для дѣтей отъ 10 лѣтъ. Москва, 1894 г. Ц. 1 руб.

Шекспиръ, Вильямъ. Отелло, негръ венеціанскій. Трагедія въ пяти актахъ Переводъ и примѣненіе къ условіямъ современной сцены Алексѣя Месковскаго. Съ приложеніемъ антикритики. Спб., 1894 г. Ц. 20 коп.

Фудель, I., свящ. Къ реформѣ приходскихъ попечительствъ. Москва, 1894 г.

Фудель, I., свящ. Основы церковно-приходской жизни. Москва, 1894 г. Ц. 30 коп.

Хинъ, Р. М. Силуеты. Москва, 1894 г. Ц. 2 руб.

Кальнингъ, И. Комметарій къ четвертому изданію россійской фармакопеи. Съ предисловіемъ профессора В. А. Тихомирова. Томъ второй, выпускъ двѣнадцатый. Москва, 1893 г.

Ибсенъ, Генрихъ. Привидѣнія. Драма въ трехъ актахъ. Перев. съ норвежскаго К. Бальмонта. Москва, 1894 г. Ц. 50 коп.

Рыбкинъ, Н. Прямолинейная тригонометрія. Вып. I. Изд. магазина „Сотрудникъ школъ" А. К. Залѣсской. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.

Зелинскій, В. Критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Ч. I. Изд. второе. Москва, 1894 г. Ц. 1 руб.

Владиміровъ, П. В. Слово о полку Игоревѣ. Вып. 1. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 коп.

Гаврышъ, Ал. Закохана. Поэма. Кіевъ, 1893 г. Ц. 5 коп.

XXIX очередное нижегородское уѣздное земское собраніе 6—11 октября 1893 г. и экстренныя собра[...] Новгородъ, 1894 г.

Славнинъ, К. Сборникъ [...] скихъ задачъ. Выпускъ I. За[...] ла первой сотни. Ц. 15 к., [...] кой 20 к. Вып. II. Задачи [...] бой величины. Ц. 25 к., съ [...] 30 к. Пособіе для сельскихъ [...] начальныхъ школъ. Ека[...] 1894 г.

Тезяковъ, Н. И. Органи[...] нитарнаго надзора надъ при[...] ско-хозяйственными рабочи[...] сонской губерніи. Изд. Хер[...] бернской земской управы. [...] 1894 г.

Постоянная всемірная выстав[...] вѣ. Спб., 1894 г.

Бажина, С. Н. Эпидемія [...] изд. И. Ѳ. Жиркова. Съ 3 [...] Москва, 1894 г. Ц. 3 коп.

Каталогъ книжнаго склада М[...] ле и К°. Спб., 1894 г.

Отчетъ совѣта общества расп[...] начальнаго образованія въ [...] ской губерніи за 1893 годъ. [...] городъ, 1894 г.

Новый отечественный курор[...] Днѣстру.—Историческое „[...] Подоліи.—М-ко Каменка. Од[...] Ц. 10 коп.

Отчетъ о состояніи вологодск[...] ной библіотеки за время от[...] ванія по 11 октября 1893 [...] 1894 г.

Грейденбергъ, Б. С. [...] видѣнія. Симферополь, 1894[...]

Матеріалы для изученія эко[...] быта государственныхъ крес[...] родцевъ Западной Сибири. [...] Спб., 1894 г.

Кобель, фонъ, Франц[...] для опредѣленія минералов[...] простыхъ испытаній сухимъ [...] путемъ. Пер. А. Лешъ. Ру[...] второе, К. Л. Риккера. Сп[...]

Бракенгеймеръ, П. Ал[...] νου ποιήμα παραινετικόν въ ср[...] русскимъ „Домостроемъ". Од[...] Ц. 1 р. 75 к.

Hoorweg, J. L., д-ръ. М[...] электротехника и ея физичес[...] Пер. д-ръ мед. А. Самойл[...] рисунками въ текстѣ. Изд. [...] кера. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Волкова, Г. Бояринъ Арт[...] гѣевичъ Матвѣевъ и его вр[...] рическій очеркъ (1625—16[...] книжнаго склада А. М. [...] Москва, 1894 г. Ц. 12 коп. [...] бумагѣ 20 коп.

Смирновъ, А. П. Метел[...] Съ 5 рисунками. Изд. И. Ѳ[...] Москва, 1894 г. Ц. 3 коп.

Флеровъ, А. П. Граматик[...] церковно-славянскаго языка. [...]

ныхъ учебныхъ заведеній. Одесса, 1894 г. Ц. 50 коп.

Флеровъ, А. П. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Одесса, 1894 г. Ц. 60 коп.

Пантюховъ, Ив. Курсъ начальной географіи. Родиновѣдѣніе. Черниговская губернія и Кролевецкій уѣздъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 коп.

Гальперинъ-Каминскій, И. Д. Общая польза авторскаго права. Съ приложеніемъ письма къ русской печати Эмиля Золя. Изд. книжнаго магазина А. Ф. Цинзерлинга. Спб., 1894 г. Ц. 60 коп.

Шапиро, Б., д-ръ. Учебникъ фармакологіи. Четвертое изданіе. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.

Какъ вырастить здороваго ребенка. Совѣты и практическія указанія молодымъ матерямъ. Изд. книжнаго магазина Д. Дмитріева и П. С. Фар—скаго. Москва, 1894 г. Ц. 25 к., съ пересылкой 30 коп.

Опыты культуры сельско-хозяйственныхъ растеній на поляхъ орошенія г. Одессы. Одесса, 1893 г.

Серебренниковъ, А. М. Очеркъ нѣкоторыхъ сторонъ изъ жизни г. Иркутска въ первые три года по введеніи городоваго положенія 21 апрѣля 1785 г. Вып. I. Иркутскъ, 1894 г. Ц. 90 коп.

Субботинъ, А. П. Волга и волгари. Путевые очерки. Т. I. Верхняя Волга. Изд. редакціи „Сѣвернаго Вѣстника". Спб., 1894 г. Ц. 1 руб.

Бертенсонъ, І. В. О врачебной тайнѣ съ точки зрѣнія требованія правосудія, администраціи и врачебной этики. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1894 г.

Соколовъ, В. Пессимизмъ настоящаго, какъ элементъ обновленія въ будущемъ. Ярославль. 1894 г. Ц. 50 к.

Отчетъ симбирской безплатной народной библіотеки-читальни въ память И. А. Гончарова. Симбирскъ, 1894 г.

Отчетъ за състоянието и дѣятелностьта на сухиндолското читалище „Трѣзвенность". За 1893 година. Севлиево, 1894.

Николаевъ, Н. Стихотворенія. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.

Гескетъ, С. Военныя дѣйствія въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 г. Подъ редакціей ген.-лейтенанта Пузыревскаго. Атласъ чертежей къ книгѣ „Военныя дѣйствія". Съ 52 планами. Варшава, 1894 г.

Временникъ главной палаты мѣръ и вѣсовъ. Ч. I. Спб., 1894 г.

Bevel, Jacques. Six semaines en Russie. Paris, 1893 г.

Андерсенъ, Гансъ Христіанъ. Мать. Сказка. На двадцати двухъ языкахъ. Съ портретомъ автора. Изд. П. Ганзенъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 25 к.

Шеллеръ, А. К. (А. Михайловъ). Полное собраніе сочиненій. Т. III. Спб., 1894 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла"

I. Книги.

Беллетристика: „Доброе дѣло". *Изд. „Посредника".*—„Силуэты". *Хинъ.*—„Художники". *В. М. Михеева.*— „Стихотворенія" *А. М. Ѳедоро*

Критика и публицистика: „Критическій разборъ романа *Отцы* И. С. Тургенева". *В. Зеленскаго.*— „Критическіе разборы романа *Бра рамазовы* Ѳ. М. Достоевскаго". *Его же.*—„Основы церковно-приходской *Свящ. І. Фуделя.*—„Къ реформѣ приходскихъ попечительствъ". *Его же.*

Исторія литературы и біографіи: „Исторія скандинавской лите съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней". *Ф. В. Горна.*—„Жизнь замѣ ныхъ людей". *Изд. Ф. Павленкова* . . . . . .

Путешествія: „Доброволецъ *Петербургъ*". *С. Н. Южакова* . . . .

Искусство: „Музыкальная хрестоматія". *Карасева.* — „Іоганнъ Себ Бахъ и его значеніе въ музыкѣ". *С. Л. Халютина* . . . . . .

Политическая экономія и статистика: „Etudes sur la question o en Suisse", *par Raoul Jay.*—„Грамотность среди дѣтей школьнаго возра Московскомъ и Можайскомъ уѣздахъ, Московской губ.". *И. П. Богольп* „Начальное образованіе въ Полтавской губ.". *Ю. В. Яцевичъ.* — „Куст жевники Полтавской губ.". *Д-ра В. В. Святловскаго.* — „Отхожіе пром *Д. Н. Жбанкова* . . . . . .

Сельское хозяйство: „Новые сохи, плуги и бороны". *Н. Катаева.* лочное хозяйство". *Д-ра фонъ-Кленце.*—„Тонкорунное овцеводство, его щее положеніе въ Россіи, причины упадка и мѣры къ его поддержанію". біологія растеній для садовниковъ". *Р. Зорауера.* — „Опытъ культуры с хозяйственныхъ растеній на поляхъ орошенія г. Одессы". — „Лѣсоводст орудія и инструменты". *М. Турскаго.* . . . . . .

Медицина: „Врачебная тайна". *Д-ра Ю. Г. Малисъ.*— „О вліяніи рыхъ ядовъ на сознаніе у человѣка". *Д-ра С. И. Даниллo* . . . . .

Учебники: „*Тарасъ Бульба* Н. В. Гоголя". *С. Бураковскаго.*—„Перв *К. Славнина.* — „Русскія прописи для учащихся въ городскихъ, начальн сельскихъ училищахъ". *М. Днѣпрова.*—„Ариѳметика". *П. Никульцева.*— никъ физическихъ задачъ". *Э. Жакье.*—„Ариѳметическій задачникъ для ныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ". *А. Ф. Комарова.* — „Ключъ къ нію ариѳметическихъ задачъ на всѣ правила". *Н. В. Шпаковича* . . .

Книги для народнаго чтенія: Книжки по прикладнымъ знаніямъ

II. Періодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы", *апрѣль.* — „Русское Богатство", *мартъ.* — „З дѣніе", *кн. І.* — „Книговѣдѣніе", *кн. І—IV.* . . . . . .

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русска съ 1 апрѣля по 1 мая 1894 г.

Контора журнала „Русская Мысль“ *(Москва, Леонтьевскій переулокъ, 21)* **принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:**

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Разсчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 г. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

ВЪ ГЛАВНОМЪ СКЛАДѢ ИЗДАНІЙ

„ПОСРЕДНИКА

(Москва, у Страстного монастыря, магазинъ Конусова

Поступили въ продажу слѣдующія книги: № 173. Плодовый садъ, уходъ за нимъ. Съ 55 рисунками. Ц. 12 к. № 176. Праведный старе Ц. 6 к. № 152. Земля. Повѣсть И. Н. Потапенко. Ц. 12 к. № 156. Разсказъ крест. С. Т. Семенова. Ц. 1½ к. № 169. I. Месть (По Г сану). II. Сидѣлка. (По Франсуа Коппе). Два разсказа. Ц. 1½ к.

А также новыя изданія книжекъ: № 25. Первый винокуръ. Л. Ц. 1½ к. № 106. Первое сраженіе. И. Щеглова. Ц. 3 к. № 107. Ма тамъ, кн. II. Ц. 1½ к. № 74. Грѣхъ и безуміе пьянства. Ц. 1½ к. бытый рудникъ. В. Немировича-Данченко. Ц. 3 к.

Рукописи и письма по поводу изданій просятъ адре редакцію «Посредника»: Москва, Зубово, Долгій пер., д

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ РЕ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“:

«Что такое подати и для чего и бираютъ». 3-е изданіе. Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ: **«Янко музыкантъ».** Ц

Кромѣ того, продаются слѣдующія изданія редакціи «РУССКАЯ МЫСЛЬ»:

«Разсказъ про смутное время на Цѣна 1½ коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. И.: **«Счастье Ива помнящаго».** Цѣна 5 коп.

Короленко, В. Г.: **«Убивецъ».** Цѣна 1½ коп.

Складъ изданій въ конторѣ редакціи журнала «Русска (Москва, Леонтьевскій, 21).

Вышла апрѣльская (№ 36) книжка журнала

„АРТИСТЪ“.

Содержаніе: *Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ.* **В. М. Михеева.** *Сельскій иконописецъ*, разск. **Ап. Васнецова.** *Русская живопись въ XIX в.*, глава изъ соч. **Р. Муттера.** *А. С. Даргомыжскій*, ст. **И. Корзухина.** *Рѣшеніе*, повѣсть **Л. Ф. Нелидовой.** *Замѣтки актера.* **А. П. Ленскаго.** *О разсказѣ въ живописи*, **В. Н. Досѣкина.** *Зигфридъ*, ст. **Н. Р. Кочетова.** *Танцовальная сюита* для ф.-п. **З. Ф. Направника.** *Задумчиво на донъ водъ*, романсъ **г. Панченко.** *Три тѣни*, стих. **В. Шуфа.** *Коклэнъ*, ст. **Catherine de C.** *По пути*, разск. **Вл. И. Немировича-Данченко.** *Литературное обозрѣніе. Замѣтки читателя*, **И. И. Иванова.** *Библіографія. Трогалось ли впередъ темное царство?* ст. **Ц. П. Балталона.** *Одинъ*, ром. **И. Н. Потапенка.** *Листки изъ автобіографіи*, **Сальвини.** *Въ дѣтской*, карт. въ 1 д. **Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.** *Сказка о зол. пѣтушкѣ*, акварель (факсимиле) гр. **Ѳ. Л. Соллогуба.** Двѣ фототипіи: *Варѳоломеевская ночь*, кар. **Гуна** и портр. *С. М. Третьякова, П. М. Третьякова* (грав. **В. В. Матэ**, съ портр. **И. Е. Рѣпина**).

Вышелъ № 36 (апрѣль) журн. „**ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА**“. Содержаніе: *Таманъ*, др. въ 5 д. и 6 од. **М. П. Старицкаго.** *Petit jeu*, к.-ш. въ 1 д. **Г. Н. Грессера.** *Вновь пристани*, др. эт. въ стихахъ **Л. Г.** *Струльдбруги*, ш. въ 1 д. **В. Л. Лашкова.** *Почтальонъ виноватъ*, ш.-в. въ 1 д. **Л. Пьянкова.** *Сцена и кулисы*, ст. **А. Додэ.** Хроника.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.	На годъ. Безъ дост.	На годъ. Съ перес.	На полгода. Безъ дост.	На полгода. Съ перес.
На журн. „Артистъ“.	10 р.	12 р.	6 р.	7 р.
На журн. „Театр. Библіотека“ . .	7 р.	8 р.	4 р.	5 р.
На оба журнала вмѣстѣ.	13 р.	16 р.	8 р.	10 р.

☞ **ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:** при подпискѣ на одинъ журналъ — 2 руб. и затѣмъ **ЕЖЕМѢСЯЧНО по 1 руб.** до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ на оба журнала вмѣстѣ 3 руб. и затѣмъ ежемѣсячно по 2 р. до полной уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ „Артиста“ по 2 р., „Театр. Библіотеки“ по 1 р. съ перес.

Редакція и гл. контора журн. „Артистъ“—у Арбатскихъ вор., д. Шмидтъ. Отдѣленіе конторы и книжн. магаз. журн. „Артистъ“ и редакція и контора журн. „Театральная Библіотека“ — Страстной бульв., д. Адельгеймъ.

20 АПРѢЛЯ ВЫШЕЛЪ № 4

„РУССКАГО БОГАТСТВА“.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Друзья, романъ *А. С. Шабельской*. 2) Судьбы русской философіи. IV. Эстетическіе и антропологическіе взгляды Галича. *М. М. Филиппова*. 3) Дочери командора, романъ *Іонаса Ли*. 4) Рой жгучихъ думъ, любовь и гнѣвъ, стихотвореніе *С. Александрова*. 5) Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи. *В. А. Мякотина*. 6) Черты изъ жизни Пепко, очерки *Д. Мамина-Сибиряка*. 7) Въ темныхъ нѣдрахъ утеса скрывался потокъ, стихотвореніе *С. Александрова*. 8) Захолустье. Изъ записокъ школьной учительницы. *С. С. Арцимовичъ*. 9) Современная женщина и ея положеніе въ Западной Европѣ и въ Америкѣ. *Б. Ф. Брандта*. 10) Льдины и волны, стихотвореніе *А. Колтоновскаго*. 11) Черная туча съ тяжелою думой, стихотвореніе *С. Александрова*. 12) Нѣчто объ условіяхъ нашего хозяйственнаго развитія. I—IV. *Николая —она*. 13) Юридическая безпомощность крестьянъ. *Н. Дружинина*. 14) Новыя книги. 15) Народно-хозяйственные наброски. XIV. Новыя стремленія въ нашей колонизаціонной политикѣ. *Н. А. Карышева*. 16) Хроника заграничной жизни. *В. Т.* 17) Хроника внутренней жизни. 18) Объявленія.

Продолжается пріемъ подписки на 1894 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и перасылкой **9** руб., безъ доставки **8** руб., за границу **12** руб.

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи, допускается разсрочка: при подпискѣ **5** руб. и къ 1-му іюля **4** руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Литейный пр., № 46.

Издательница Н. Михайловская. Редакторы: **П. Быковъ, С. Поповъ.**

Изданія Л. Ф. Пантелѣ

Ал. Сорель. „Европа и французская революція“, пер. съ франц., с
проф. Н. И. Карѣева: Т. I. Политическіе нравы и традиціи.—Т. II.
нархіи.—Т. III. Война съ монархами.—Т. IV. Естественныя границы
11 р. 50 к. Отдѣльно III и IV. т.—5 р. 50 к.

Въ 4-хъ т. 1690 стр. большого формата убористой печати.

М. Бобржинскій, проф. Краковскаго университета. „Очеркъ истор
Пер. съ 3 польск. изданія подъ ред. проф. Н. И. Карѣева. Цѣна за 2 т

Гюйо. „Искусство съ точки зрѣнія соціологіи“, съ предисл. А. Фу
франц. подъ ред. А. Н. Пыпина. Ц. 2 р. 50 к.

А. Дайси. „Основы государственнаго права Англіи“. Пер. съ 3 ан
ред. проф. П. Г. Виноградова. Ц. 2 р. 50 к.

Р. Джеббъ. „Гомеръ“. Введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ. Пер. съ англ
менова. Ц. 1 р. 50 к.

В. И. Модестовъ. „Лекціи по исторіи римской литературы“. Полное
курса въ одномъ томѣ). Ц. 5 р.

Монтескье. „Персидскія письма“. Пер. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.

Ф. Ланге. „Исторія матеріализма“. Пер. съ нѣм. Ц. за 2 т. 5 р.—
матеріализма до Канта.—Т. II. Исторія матеріализма послѣ Канта.

Тацитъ. „Сочиненія“. Пер. съ примѣчаніями, со статьей о Тацитѣ
неніяхъ проф. В. И. Модестова.— Т. I. Агрикола. Германія. Исторіи.
Т. II. Лѣтопись. Разговоръ объ ораторахъ. Ц. 3 р. 50 к.

Шереръ. „Исторія нѣмецкой литературы“. Пер. съ нѣм. подъ ред. А
Ц. за 2 части 5 р. 50 к.

Дарестъ. „Изслѣдованія по исторіи права“. Пер. съ франц. Н. И. Чеф
Ц. 2 р. 50 к.

Историческія чтенія, перев. съ фр

Масперо. „Древняя исторія“. Египетъ. Ассирія. Съ 19 рис. Ц. 2
Ланглуа. „Исторія среднихъ вѣковъ“, 395—1270 гг. Съ 81 рис.
Марьеѳоль. „Средніе и новые вѣка“, 1270—1610 гг. Съ 111 рис.
Лакуръ-Гайе. „Исторія новаго времени“, 1610—1789 гг. Съ 76 ри

Наказъ Императрицы Екатерины

Роскошное изданіе in 4°. Русскій и французскій текст
Съ библіографическими примѣчаніями И. Г. Безгина, 53 ст

Въ отношеніи внѣшняго вида по возможности выдерж
теръ изданія 1770 г.

**Цѣна 3 рубля. Небольшое количество экземпляровъ
бумагѣ 5 рублей.**

Складъ изданій Л. Ф. Пантелѣева: книжные магазины Н. П
кова—Спб., Литейная, 46; Москва—Моховая, д. Ко

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія новыя книги:

Аѳеенко, В. Взаимныя отношенія живыхъ существъ (явленія симбіоза), съ тремя рисунками.—50.

Бертранъ, Э. Улей Дадана и какъ его самому изготовить. Съ рисунками и чертежами въ текстѣ. Переводъ подъ редакціею Г. Кондратьева.—25.

Гальперинъ-Каминскій, И. Общая польза авторскаго права съ приложеніемъ письма къ русской печати. Эмиля Золя.—60.

Замицкая, А. Разговоры на русскомъ и французскомъ.—80.

Квитка, Гр. Ѳ. Сочиненія. Малороссійскія повѣсти.—75.

Краткій путеводитель по кавказскимъ минеральнымъ водамъ.—50.

Крестъ, М. Конецъ Крейцеровой сонаты Льва Толстого. Разсказъ. Переводъ съ англійскаго.—30.

Круглова, А. Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы.—1.

Кулагинъ, Н. Насѣкомыя вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи.—50.

Куторга, М. Собраніе сочиненій, т. 1-й. Съ портретомъ автора. Съ подпиской на 2-й томъ—9.

Лилиной, Э. Повѣсти. Рисунки Е. Лансере.—1—50.

Лѣтневъ, П. Поперекъ дороги. Повѣсть.—1.

Масницкій, И. Смѣшная публика. Юмористическіе разсказы, наброски и картинки. Изд. 2-е.—1—25.

Проказники. Юмористическіе очерки, сценки, картинки и фотографическіе снимки съ натуры добродушнаго юмориста.—1—25.

Нелидовой, Л. Письма о балетѣ. Письмо первое. „Идеалы хореографіи и истинные пути балета".—50.

Прокудинъ, В. Систематическій сборникъ кратчайшихъ тарифныхъ разстояній въ прямыхъ сообщеніяхъ между всѣми станціями русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Выпускъ I. Таблица Балтійской и Псково-Рижской жел. дорогъ.—1.

Рекламъ, К. Ключъ къ здоровью. Популярная гигіена съ 12-ю рисунк.—60.

Сенкевичъ, Генрихъ. Безъ догмата. Полный переводъ Ф. В. Домбровскаго. Т. I.—1—50.

Сенкевичъ, Генрихъ. Побѣдитель. Повѣсть. Переводъ Ф. В. Домбровскаго.—1—50.

Слезскинскій, А. Бунтъ военныхъ поселянъ въ Холеру 1831 г.—1.

Снегиревъ, Л. Руководство къ познанію законовъ. II Гражданскій процессъ.—1.

Соколовъ, В. Пессимизмъ настоящаго, какъ элементъ обновленія въ будущемъ.—50.

Станюковичъ, К. Въ морѣ! Повѣсть.—1.

Стасовъ, В. Собраніе сочиненій 1847—1866. 3 т. Съ приложеніемъ его портрета и снимка съ поднесеннаго ему адреса.—12.

Стендаль, Г. Жертва предразсудковъ. Изъ итальянскихъ хроникъ.—50.

Удешевленный проѣздъ на кавказскія минеральныя воды. 1894 г.—20.

Чудиновъ. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка.—3—50.

НЕОБХОДИМО КАЖДОМУ.

Поступило въ продажу новое изданіе Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской.

Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача.

Карманная книжка въ коленкоровомъ переплетѣ. Цѣна 1 р., съ пересылк. 1 р. 15 к. Содержаніе: 16 таблицъ съ текстомъ д-ра Г. Тернера. Сто хромолитографированныхъ рисунковъ художника В. Шрейбера. Приложенія: статьи д-ра Тернера при ожогахъ, отмораживаніяхъ, обморокѣ, ударахъ, падучей болѣзни и отравленіяхъ. Таблица ядовъ и противоядій, просмотрѣнная проф. Ю. Траппомъ. Статья д-ра В. Кудревецкаго, первая помощь при острыхъ внутреннихъ заразныхъ болѣзняхъ. Сроки разобщенія больныхъ при заразныхъ болѣзняхъ. Листки для отмѣтокъ о ходѣ болѣзни.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

Находятся въ продажѣ новыя книги:

Повѣсти и разсказы. Генрика Сенкевича. Перев. **В. М. Лав** предисловіемъ **В. А. Гольцева.** Цѣна 1 р. 50 к., съ пе 1 руб. 80 коп.

Безъ догмата. Романъ Генрика Сенкевича. Перев. **В. М.** (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р.

Космополисъ. Романъ Поля Бурже. Перев. **М. Н. Ремезо** 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартаре фонса Додэ. Перев. **М. Н. Ремезова.** Цѣна 1 руб. съ пе

Сизифъ. Картинки деревенской жизни Клеменса Юнѳши. Перев. ского. **В. М. Лаврова.** Цѣна 50 к., съ пересылкою 65

Наше сердце. Романъ Гюи де-Мопассана. Перев. **М. Н.** Цѣна 1 руб.

Объ искусствѣ. Критическія замѣтки **В. А. Гольцева.** Цѣна пересылкою.

Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ **А. И** Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, ный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣ съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русска за пересылку не платятъ.

Щедринъ. (Критическій опытъ). **Н. К. Михайловскаго.** Цѣн

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. (Шестое изда 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. Книга вторая. 50 коп. съ пересылкою.

Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). **Владиміра Короленко.** (Трет Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

О пьянствѣ. Д-ра П. С. Алексѣева. Съ предисловіемъ **гра Толстого: Для чего люди одурманиваются?** Цѣна пересылкою.

Нашихъ полей ягоды. Романъ. **М. Анютина** (М. Н. Реме 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на «Русску за пересылку не платятъ.

Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. докторъ медицины **В. С. Богословскій,** профессоръ университета. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платя

Вопросы дня и жизни. В. А. Гольцева. Изданіе редакц «Русская Мысль». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 20

Складъ изданій въ конторѣ жур «РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, Леон скій пер., 21).

Стр.

XIV. МОРАЛЬ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ. *Продолженіе.* — **И. Н. К—ной.** 137

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Помолвка Наслѣдника Цесаревича.—Учрежденіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. — Новыя вѣдомства, входящія въ составъ министерства.— Его отличительныя особенности и условія для его вліянія на народное хозяйство.— Центральный кустарный комитетъ и его задачи.—Государственная 4%-ная рента.—Коммиссія для пересмотра судебныхъ уставовъ. — Открытіе въ Гельсингфорсѣ памятника Императору Александру II 164

XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—**И. И. Иванюкова** . . 184

XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ 204

XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: *Первая муха,* ком. В. Л. Величко. — III выставка картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ. — II выставка картинъ московскихъ художниковъ.—XXII передвижная выставка картинъ.—Съѣздъ художниковъ и любителей художествъ.—**Ан.** 211

XIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Критика и публицистика.—Исторія литературы и біографіи.—Путешествія. — Искусство. — Политическая экономія и статистика.—Сельское хозяйство.— Медицина.— Учебники.— Книги для народнаго чтенія. II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *апрѣль.*—«Русское Богатство», *мартъ.*—«Землевѣдѣніе», *кн. I.* — «Книговѣдѣніе», *кн. I—IV.* III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1894 г. 235

„Русская Мысль“.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Условія подписки на 1894 годъ

(пятнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	**12 р.**	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	**14 „**	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродававцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21.
Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель *В. М. ЛАВРОВЪ.*

P Slav 605.10
Д77
N187

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

6

ІЮНЬ.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. домъ.
1894.

Printed in USSR

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ. (Изъ путевыхъ записокъ). *Продолженіе.*—**А. П. Чехова** 1

II. МЕЖДУ ДВУХЪ СМУТНЫХЪ ИДЕАЛОВЪ. (Повѣсть). *Окончаніе.*—**А. Лугового** 28

III. НЕДОРАЗУМѢНІЕ. Романъ **В. Д. Гоуэльса.** Переводъ съ англійскаго **В. М. С.** *Продолженіе.* 51

IV. ПЯТЬ ТЫСЯЧЪ. (Разсказъ).—**Г. А. Мачтета** 83

V. ГОЛУБОЙ ИБИСЪ. Романъ **Жана Экара.** Переводъ съ французскаго **М. Н. Р.** 107

VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Л. М. Медвѣдева** 140

VII. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ **Генрика Сенкевича.** Переводъ съ польскаго **В. М. Л.** *Продолженіе* 141

VIII. ИНДѢЙСКІЙ ОКЕАНЪ. (Его настоящее и вѣроятное будущее).—**М. И. Венюкова** 1

IX. РАБОЧІЕ НА ФАБРИКАХЪ И ПРОМЫСЛАХЪ. *Продолженіе.*—**К. И. Тумскаго.** 21

X. ЛЕОНЪ-БАТТИСТА АЛЬБЕРТИ И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ НАУКѢ И ИСКУССТВУ.—**М. С. Корелина** 42

XI. НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ О НАТУРАЛИЗМѢ ВЪ ИСКУССТВѢ.—**В. А. Гольцева** 53

XII. КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПЕРЕСЕЛЕНІЕ. (Итоги размѣровъ и результатовъ переселенческаго движенія за истекшее тридцатилѣтіе). *Окончаніе.*—**К. Р. К[illegible]го** 60

XIII. ИСТОРИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ БІОЛОГІИ [illegible]ественно-историческій видъ—отвлеченное понятіе [illegible]альный фактъ?—**К. А. Тимирязева** 81

Въ редакцію „РУССКОЙ МЫСЛИ“ постоянно поступаютъ заявленія иногородныхъ подписчиковъ о высылкѣ имъ разныхъ книгъ и журналовъ. Всѣ эти порученія приходилось передавать въ книжные магазины, что нерѣдко возбуждало неправильность и замедленіе въ доставкѣ. Для устраненія этого неудобства редакція „РУССКОЙ МЫСЛИ“ рѣшила открыть при конторѣ изданія собственный книжный магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ, съ пріемомъ подписки на всѣ газеты и журналы.

О времени открытія магазина будетъ объявлено въ газетахъ, а пріемъ подписки на всѣ газеты и журналы по цѣнамъ редакцій открывается съ 20 марта сего года.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

Генрикъ Сенкевичъ:

„ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ“.

Переводъ **В. М. Лаврова.**

Письма изъ Африки.—Письмо изъ Рима.—Письмо изъ Венеціи.—Нерви.

Цѣна **1** р. **50** к., съ пересылкой **1** р. **80** к.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“

Русская Мысль, к

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ МЫСЛЬ»:

Григорій Мачтетъ:

Силуэты. (Новые повѣсти и разсказы). Томъ второй. (Въ тундрѣ и въ тайгѣ.—Заклятый козакъ.—Жидъ.— Бѣлая панна.—Хамелеонъ.—Пессимистка.—Холера.—Добрый волкъ). Цѣна 1 руб. 50 к., съ пересылкой 1 руб. 80 коп.

Профессоръ М. С. Корелинъ:

Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ 1: Египетскіе боги. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна 50 коп.

Складъ изданій въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“ (Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

ГЕНРИКЪ СЕНКЕВИЧЪ:

„ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ“.

Та третья.—Янко музыкантъ.—Поѣздка въ Аѳины.—Старый слуга.—Ганя.—Фонарщикъ на маякѣ.—Бартекъ Побѣдитель.—Пойдемъ за нимъ!

Въ переводѣ **В. М. Лаврова**, съ предисловіемъ **В. А. Гольцева.**

Цѣна **1 р. 50 к.**, съ пересылкою **1 р. 80 к.**

Складъ изданія въ конторѣ журнала *Русская Мысль* (Моск., уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„ВЪ ПОЛЬЗУ ВОСКРЕСНЫХЪ ШКО

«Знаніе и народное богатство» *А. И. Чупрова.*—«Два во
В. О. Ключевскаго.—«Т. Н. Грановскій» *П. Г. Виноградов*
Giojosa» *М. С. Корелина.*—«Оригинальный поэтъ XVIII вѣка
Иванова.—«Золотые сны» *Д. Н. Мамина.*—«Васенька» *И.*
пенка. — Два стихотворенія *К. Д. Бальмонта.* — «Деревенскіе
Х. Д. Альчевской.—«Докторъ» *Н. Нижальскаго.*—«Присмотрѣлся»
рова.—«Попытка государственной реформы при воцареніи импер
Іоанновны» *П. Н. Милюкова.*—Стихотвореніе *Н. М. Минскаг*

Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль».

Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала «Русская
(уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. №

Отъ конторы журнала «РУССКАЯ МЫСЛ

Вслѣдствіе соглашенія съ конторой *Энциклопедическа*
варя гг. Ефрона и Брокгауза, подписчики *Русской Мыс*
писывающіеся въ главной конторѣ (Москва, уголъ Л
скаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2 — 24)
варь (НА ВСЕ ИЗДАНІЕ ЕГО, НАЧИНАЯ СЪ 1-го ПОЛУ
пользуются уступкой въ размѣрѣ 10% съ номинальной по
цѣны выпусковъ *Словаря*; почему подписчики *Русской*
желающіе при подпискѣ на *Словарь* воспользоваться озна
уступкой, благоволятъ АДРЕСОВАТЬ СВОИ ПОДПИСНЫЯ
ВАНІЯ НА «СЛОВАРЬ» ВЪ КОНТОРУ «РУССКОЙ МЫСЛИ
чемъ порядокъ доставки и высылки книгъ *Словаря*, а равн
чительныя условія разсрочки платежей остаются въ силѣ
подписывающихся на *Словарь* чрезъ посредство конторы *Р*
Мысли.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VI.

МОСКВА.
—
1894.

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнере

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ. (Изъ путевыхъ записокъ). *Продолженіе.*—**А. П. Чехова** 1

II. МЕЖДУ ДВУХЪ СМУТНЫХЪ ИДЕАЛОВЪ. (Повѣсть). *Окончаніе.*—**А. Лугового** 28

III. НЕДОРАЗУМѢНІЕ. Романъ **В. Д. Гоуэльса**. Переводъ съ англійскаго **В. М. С.** *Продолженіе.* 51

IV. ПЯТЬ ТЫСЯЧЪ. (Разсказъ).—**Г. А. Мачтета** 83

V. ГОЛУБОЙ ИБИСЪ. Романъ **Жана Экара**. Переводъ съ французскаго **М. Н. Р.** 107

VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Л. М. Медвѣдева** 140

VII. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ **Генрика Сенкевича**. Переводъ съ польскаго **В. М. Л.** *Продолженіе* 141

VIII. ИНДѢЙСКІЙ ОКЕАНЪ. (Его настоящее и вѣроятное будущее).—**М. И. Венюкова** 1

IX. РАБОЧІЕ НА ФАБРИКАХЪ И ПРОМЫСЛАХЪ. *Продолженіе.*—**К. И. Тумскаго** 21

X. ЛЕОНЪ-БАТТИСТА АЛЬБЕРТИ И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ НАУКѢ И ИСКУССТВУ.—**М. С. Корелина** 42

XI. НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ О НАТУРАЛИЗМѢ ВЪ ИСКУССТВѢ.—**В. А. Гольцева** 53

XII. КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПЕРЕСЕЛЕНІЕ. (Итоги размѣровъ и результатовъ переселенческаго движенія за истекшее тридцатилѣтіе). *Окончаніе.*—**К. Р. Качоровскаго** 60

XIII. ИСТОРИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ БІОЛОГІИ. IV. Естественно-историческій видъ—отвлеченное понятіе или реальный фактъ?—**К. А. Тимирязева** 81

Находятся въ продажѣ новыя книги:

Повѣсти и разсказы. Генрика Сенкевича. Перев. **В. М. Лавр** предисловіемъ **В. А. Гольцева.** Цѣна 1 р. 50 к., съ пер 1 руб. 80 коп.

Безъ догмата. Романъ Генрика Сенкевича. Перев. **В. М. Л** (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 8

Космополисъ. Романъ Поля Бурже. Перев. **М. Н. Ремезов** 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарен фонса Додэ. Перев. **М. Н. Ремезова.** Цѣна 1 руб. съ пер

Сизифъ. Картинки деревенской жизни Клеменса Юнѳши. Перев. скаго. **В. М. Лаврова.** Цѣна 50 к., съ пересылкою 65

Наше сердце. Романъ Гюи де-Мопассана. Перев. **М. Н. Р** Цѣна 1 руб.

Объ искусствѣ. Критическія замѣтки **В. А. Гольцева.** Цѣна пересылкою.

Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ **А. И.** Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, с ный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣн съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русская за пересылку не платятъ.

Щедринъ. (Критическій опытъ). **Н. К. Михайловскаго.** Цѣна

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. (Шестое изда 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. Книга вторая. 50 коп. съ пересылкою.

Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). **Владиміра Короленко.** (Треть Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

О пьянствѣ. Д-ра П. С. Алексѣева. Съ предисловіемъ гра **Толстого: Для чего люди одурманиваются?** Цѣна пересылкою.

Нашихъ полей ягоды. Романъ. **М. Анютина** (М. Н. Ремез 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на «Русску за пересылку не платятъ.

Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. докторъ медицины **В. С. Богословскій,** профессоръ М университета. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платят

Вопросы дня и жизни. В. А. Гольцева. Изданіе редакці «Русская Мысль». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 20

Складъ изданій въ конторѣ журн «РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, Леон скій пер., 21).

Стр.

XIV. МОРАЛЬ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ. *Продолженіе.* — **И. Н. К—ной** 137

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Помолвка Наслѣдника Цесаревича.—Учрежденіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. — Новыя вѣдомства, входящія въ составъ министерства.— Его отличительныя особенности и условія для его вліянія на народное хозяйство.— Центральный кустарный комитетъ и его задачи.—Государственная 4%-ная рента.—Коммиссія для пересмотра судебныхъ уставовъ. — Открытіе въ Гельсингфорсѣ памятника Императору Александру II 164

XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—**И. И. Иванюкова** . . 184

XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ 204

XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: *Первая муха*, ком. В. Л. Величко. — III выставка картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ. — II выставка картинъ московскихъ художниковъ.—XXII передвижная выставка картинъ.—Съѣздъ художниковъ и любителей художествъ.—**Ан.** 211

XIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. **Книги:** Беллетристика.—Критика и публицистика.—Исторія литературы и біографіи.—Путешествія. — Искусство. — Политическая экономія и статистика.—Сельское хозяйство.— Медицина.— Учебники.— Книги для народнаго чтенія. II. **Періодическія изданія:** «Вѣстникъ Европы», *апрѣль*.—«Русское Богатство», *мартъ*.—«Землевѣдѣніе», *кн. I*.— «Книговѣдѣніе», *кн. I—IV*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1894 г.** 235

Какъ ни малы цифры 53 и 25, но для молодой ссыл
лоніи, развивающейся, къ тому же, при самыхъ неблагоп
условіяхъ, ихъ нельзя признать слишкомъ низкими. Въ
женщины среди каторжныхъ и поселенцевъ составляют
10%, а если обратиться къ нерусской депортаціонной п
то встрѣтимъ тамъ колонистовъ, уже почтенныхъ фермер
торые до такой степени не были избалованы въ этомъ от
что съ восторгомъ встрѣчали проститутокъ, привозимыхъ
рополіи, и платили судовщикамъ по 100 фунтовъ табаку
дую. Такъ называемый женскій вопросъ на Сахалинѣ по
безобразно, но менѣе гадко, чѣмъ въ западно-европейских
ныхъ колоніяхъ въ первое время ихъ развитія. На остров
паютъ не однѣ только преступницы и проститутки. Б
главному тюремному управленію и добровольному флоту, к
вполнѣ удалось установить скорое и удобное сообщеніе меж
пейскою Россіей и Сахалиномъ, задача женъ и дочерей, жел
слѣдовать за мужьями и родителями въ ссылку, значитель
стилась. Не такъ еще давно одна добровольно слѣдовавш
приходилась на 30 преступниковъ, въ настоящее же вре
сутствіе женщинъ свободнаго состоянія стало типическим
лоніи, и уже трудно вообразить, напримѣръ, Рыковское и
Михайловку безъ этихъ трагическихъ фигуръ, которыя
жизнь мужей поправить и свою потеряли». Это, быть
единственный пунктъ, по которому нашъ Сахалинъ въ
ссылки займетъ не послѣднее мѣсто.

Начну съ каторжныхъ женщинъ. Къ 1 января 1890
всѣхъ трехъ округахъ преступницы составляли 11,5% все
каторжныхъ *). Съ колонизаціонной точки зрѣнія эти ж

*) Эта цифра можетъ служить лишь для опредѣленія состава катор
подамъ, для сравнительной же оцѣнки нравственности обоихъ половъ оп
надежнаго матеріала. Женщины рѣже попадаютъ на каторгу не потом
нравственнѣе мужчинъ, а потому, что, по самому строю жизни и отчасти
ствамъ своей организаціи, въ меньшей степени, чѣмъ мужчины, подвержены
вліяніямъ и риску совершать тяжкія уголовныя преступленія. Онѣ не с
канцеляріяхъ и на военной службѣ, не уходятъ въ отхожіе промыслы, не
въ лѣсахъ, рудникахъ, на морѣ, а потому не знаютъ преступленій по до
противъ военной дисциплины и преступленій, прямое участіе въ которых
мужской физической силы, напримѣръ: ограбленіе почты, разбой на боль
и т. п.; статьи о преступленіяхъ противъ цѣломудрія, объ изнасилованіи,
и сверхъестественныхъ порокахъ касаются однихъ лишь мужчинъ. Но за т
ваютъ, истязуютъ, наносятъ тяжкія увѣчья и укрываютъ убійства от
чаще, чѣмъ мужчины; среди послѣднихъ убійцы составляютъ 47%, а сред
нихъ 57%. Что же касается осужденныхъ за отравленіе, то среди жен

шѣютъ одно важное преимущество: онѣ поступаютъ въ колонію въ сравнительно молодомъ возрастѣ; это въ большинствѣ женщины съ темпераментомъ, осужденныя за преступленія романическаго и семейнаго характера: «за мужа пришла», «за свекровь пришла»... Это все больше убійцы, жертвы любви и семейнаго деспотизма. Даже тѣ изъ нихъ, которыя пришли за поджогъ или подѣлку денежныхъ знаковъ, несутъ, въ сущности, кару за любовь, такъ какъ были увлекаемы въ преступленіе своими любовниками.

Любовный элементъ играетъ въ ихъ печальномъ существованіи роковую роль и до суда, и послѣ суда. Когда ихъ везутъ на пароходѣ въ ссылку, то между ними начинаетъ бродить слухъ, что на Сахалинѣ ихъ противъ воли выдадутъ замужъ. И это волнуетъ ихъ. Былъ случай, когда онѣ обратились къ судовому начальству съ просьбой походатайствовать, чтобы ихъ не выдавали насильно.

Лѣтъ 15—20 назадъ каторжныя женщины по прибытіи на Сахалинъ тотчасъ же поступали въ домъ терпимости. «На югѣ Сахалина,—писалъ Власовъ въ своемъ отчетѣ,—женщины за неимѣніемъ особаго помѣщенія помѣщаются въ зданіи пекарни... Начальникъ острова Деперадовичъ распорядился обратить женское отдѣленіе тюрьмы въ домъ терпимости». О какихъ-либо работахъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ «только провинившіяся или не заслужившія мужской благосклонности» попадали на работу въ кухнѣ, остальныя же служили «потребностямъ» и пили мертвую, и, въ концѣ-концовъ, женщины, по словамъ Власова, были развращаемы до такой степени, что въ состояніи какого-то ошеломленія «продавали своихъ дѣтей за штофъ спирта».

Теперь, когда прибываетъ партія женщинъ въ Александровскъ, то ее, прежде всего, торжественно ведутъ съ пристани въ тюрьму. Женщины, согнувшись подъ тяжестью узловъ и котомокъ, плетут-

---

больше не только относительно, но даже абсолютно. Въ 1889 г. по всѣмъ тремъ округамъ отравительницъ было показано абсолютно почти въ три раза больше, чѣмъ отравителей, а относительно въ 23 раза. Какъ бы то ни было, женщинъ поступаетъ въ колонію меньше мужчинъ и, даже несмотря на ежегодно прибывающія партіи женщинъ свободнаго состоянія, мужчины, все-таки, даютъ подавляющій перевѣсъ. Такое неравномѣрное распредѣленіе половъ неизбѣжно въ ссыльной колоніи и уравновѣшеніе можетъ произойти только съ прекращеніемъ ссылки или когда на островъ начнетъ приливать иммиграціонный элементъ, который сольется со ссыльнымъ, или появится у насъ своя мистрисъ Фрей, которая будетъ энергически пропагандировать мысль объ отправленіи на Сахалинъ для развитія семейственности транспорта честныхъ дѣвушекъ изъ бѣдныхъ семействъ.

О ссылкѣ западно-европейской и русской и въ частности о женскомъ вопросѣ см. у проф. И. Л. Фойницкаго въ его извѣстной книгѣ *Ученіе о наказаніи въ связи съ покушеніемъ*.

ся по шоссе, вялыя, еще не пришедшія въ себя отъ морск
ни, а за ними, какъ на ярмаркѣ за комедіантами, идут
толпы бабъ, мужиковъ, ребятишекъ и лицъ, причастныхъ
целяріямъ. Картина, похожая на ходъ сельдей въ Анив
вслѣдъ за рыбой идутъ цѣлыя полчища китовъ, тюленей и
новъ, желающихъ полакомиться икряною селедкой. Мужи
ленцы идутъ за толпой съ честными, простыми мыслями: н
на хозяйка. Бабы смотрятъ, нѣтъ ли въ новой партіи зе
Писарямъ же и надзирателямъ нужны «дѣвочки». Это обы
происходитъ передъ вечеромъ. Женщинъ запираютъ на
камерѣ, заранѣе для того приготовленной, и потомъ всю
тюрьмѣ и въ посту идутъ разговоры о новой партіи, о пр
семейной жизни, о невозможности вести хозяйство безъ баб
Въ первыя же сутки, пока еще пароходъ не ушелъ въ Корс
происходитъ распредѣленіе вновь прибывшихъ женщинъ
гамъ. Распредѣляютъ александровскіе чиновники и потому
ихъ получаетъ львиную долю въ смыслѣ и количества, и к
немного поменьше и похуже получаетъ ближайшій округъ-
скій. На сѣверѣ происходитъ тщательный выборъ; тутъ,
фильтрѣ, остаются самыя молодыя и красивыя, такъ что
жить въ южномъ округѣ выпадаетъ на долю только почти
и такихъ, которыя «не заслуживаютъ мужской благоскло
При распредѣленіи вовсе не думаютъ о сельско-хозяйстве
лоніи, и потому на Сахалинѣ, какъ я уже говорилъ, женщ
предѣлены по округамъ крайне неравномѣрно, и, притом
хуже округъ, чѣмъ меньше надежды на успѣхи колонизац
больше въ немъ женщинъ: въ худшемъ, Александровскомъ
мужчинъ приходится 69 женщинъ, въ среднемъ, Тымов
47, и въ лучшемъ, Корсаковскомъ — только 36 *).

Изъ женщинъ, выбранныхъ для Александровскаго окру
назначается въ прислуги къ чиновникамъ; послѣ тюремъ, а
скаго вагона и пароходнаго трюма въ первое время чисты
лыя чиновницкія комнаты кажутся женщинѣ волшебнымъ
а самъ баринъ—добрымъ или злымъ геніемъ, имѣющимъ
неограниченную власть; скоро, впрочемъ, она свыкается с

---

*) Д-ръ А. В. Щербакъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ пишетъ:
окончена была только утромъ другого дня. Оставалось еще принять ссыль
ныхъ, назначенныхъ въ Корсаковскій постъ, и получить различныя сдат
танціи. Первыхъ, въ числѣ 50 мужчинъ и 20 женщинъ, прислали безъ
Въ статейныхъ спискахъ мужчинъ не значилось ремеслъ, а женщины
стары. Спускали поплоше". *Съ ссыльно-каторжными. Новое Время*, № 53

новымъ положеніемъ, но долго еще потомъ слышатся въ ея рѣчи тюрьма и пароходный трюмъ: «не могу знать», «кушайте, ваше высокоблагородіе», «точно такъ». Другая часть женщинъ поступаетъ въ гаремы писарей и надзирателей, третья же, бо́льшая, въ избы поселенцевъ, причемъ женщинъ получаютъ только тѣ, кто побогаче и имѣетъ протекцію. Женщину можетъ получить и каторжный, даже изъ разряда испытуемыхъ, если онъ человѣкъ денежный и пользуется вліяніемъ въ тюремномъ міркѣ.

Въ Корсаковскомъ посту вновь прибывшихъ женщинъ тоже помѣщаютъ въ особый баракъ. Начальникъ округа и смотритель поселеній вмѣстѣ рѣшаютъ, кто изъ поселенцевъ и крестьянъ достоинъ получить бабу. Преимущество дается уже устроившимся, домовитымъ и хорошаго поведенія. Этимъ немногимъ избранникамъ посылается приказъ, чтобы они въ такой-то день и часъ приходили въ постъ, въ тюрьму, за полученіемъ женщинъ. И вотъ въ назначенный день по всему длинному тракту отъ Найбучи до поста тамъ и сямъ встрѣчаются идущіе къ югу, какъ ихъ здѣсь не безъ иронiи величаютъ, женихи или молодые. Видъ у нихъ какой-то особенный, въ самомъ дѣлѣ жениховскій; одинъ нарядился въ красную кумачовую рубаху, другой въ какой-то необыкновенной плантаторской шляпѣ, третій въ новыхъ блестящихъ сапогахъ съ высокими каблуками, купленныхъ неизвѣстно гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ. Когда всѣ они приходятъ въ постъ, ихъ впускаютъ въ женскій баракъ и оставляютъ тутъ вмѣстѣ съ женщинами. Въ первые четверть-полчаса платится необходимая дань смущенію и чувству неловкости; женихи бродятъ около наръ и молча и сурово поглядываютъ на женщинъ, тѣ сидятъ потупившись. Каждый выбираетъ; безъ кислыхъ гримасъ, безъ усмѣшекъ, а совершенно серьезно, относясь «по-человѣчеству» и къ некрасотѣ, и къ старости, и къ арестантскому виду, онъ присматривается и хочетъ угадать по лицамъ: какая изъ нихъ хорошая хозяйка? Вотъ какая-нибудь молодая или пожилая «показалась» ему; онъ садится рядомъ и заводитъ съ нею душевный разговоръ. Она спрашиваетъ, есть ли у него самоваръ, чѣмъ крыта у него изба, тесомъ или соломой. Онъ отвѣчаетъ на это, что у него есть самоваръ, лошадь, телка по второму году и изба крыта тесомъ. Только ужь послѣ хозяйственнаго экзамена, когда оба чувствуютъ, что дѣло кончено, она рѣшается задать вопросъ:

— А обижать вы меня не будете?

Разговоръ кончается. Женщина приписывается къ поселенцу такому-то, въ селеніе такое-то—и гражданскій бракъ совершенъ.

Поселенецъ отправляется со своею сожительницей къ себ
для финала, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, нанимае
ду, часто на послѣднія деньги. Дома сожительница первым
ставитъ самоваръ, и сосѣди, глядя на дымъ, съ завистью т
что у такого-то есть уже баба.

Каторжныхъ работъ для женщинъ на островѣ нѣтъ.
женщины иногда моютъ полы въ канцеляріяхъ, работаютъ
родахъ, шьютъ мѣшки, но постояннаго и опредѣленнаго в
тяжкихъ принудительныхъ работъ ничего нѣтъ и, вѣроя
когда не будетъ. Каторжныхъ женщинъ тюрьма совершен
пила колоніи. Когда ихъ везутъ на островъ, то думаютъ
казаніи или исправленіи, а только объ ихъ способности ро
тей и вести сельское хозяйство. Каторжныхъ женщинъ
поселенцамъ подъ видомъ работницъ, на основаніи ст. 345
о ссыльныхъ, которая разрѣшаетъ незамужнимъ ссыльны
щинамъ «пропитываться услугою въ ближайшихъ селенія
жиловъ, пока не выйдутъ замужъ». Но эта статья суш
только какъ прикрышка отъ закона, запрещающаго блуд
любодѣяніе, такъ какъ каторжная или поселка, живущая
ленца, не батрачка, прежде всего, а сожительница его, не
жена съ вѣдома и согласія администраціи; въ казенныхъ
стяхъ и приказахъ жизнь ея подъ одною крышей съ пос
отмѣчается какъ «совмѣстное устройство хозяйства» или «
ное домообзаводство» *), онъ и она вмѣстѣ называются «с
семьей». Можно сказать, что, за исключеніемъ небольше
привилегированныхъ и тѣхъ, которыя прибываютъ на ос
мужьями, всѣ каторжныя женщины поступаютъ въ сожит
Это слѣдуетъ считать за правило. Мнѣ разсказывали, ч
одна женщина во Владиміровкѣ не захотѣла идти въ сожи
и заявила, что она пришла сюда на каторгу, чтобы работ
для чего-нибудь другого, то ея слова будто бы привели
недоумѣніе **).

Мѣстная практика выработала особенный взглядъ на

---

*) Напримѣръ, приказъ: „Согласно ходатайства г. начальника Алекс
округа, изложеннаго въ рапортѣ отъ 5 января, за № 75, ссыльно-като
ксандровской тюрьмы Акулина Кузнецова переводится въ Тымовскій ок
вмѣстнаго домообзаводства съ поселенцемъ Алексѣемъ Шараповымъ“ (18

**) Да и трудно понять, гдѣ жили бы женщины, еслибъ отказывались
тельства. Особаго помѣщенія для нихъ на каторгѣ не существуетъ. Зав
дицинскою частью въ своемъ отчетѣ за 1889 г. пишетъ: „По прибытіи
имъ предоставляется самимъ заботиться о помѣщеніи... для оплаты кото
дится нѣкоторымъ изъ нихъ не пренебрегать способами для добыванія с

ную женщину, существовавшій, вѣроятно, во всѣхъ ссыльныхъ колоніяхъ: не то она человѣкъ, хозяйка, не то существо, стоящее даже ниже домашняго животнаго. Поселенцы селенія Сиска подали окружному начальнику такое прошеніе: «Просимъ покорнѣйше ваше высокоблагородіе отпустить намъ рогатаго скота для млекопитанія въ вышеупомянутую мѣстность и женскаго пола для устройства внутренняго хозяйства». Начальникъ острова, бесѣдуя въ моемъ присутствіи съ поселенцами селенія Ускова и давая имъ разныя обѣщанія, сказалъ, между прочимъ:

— И насчетъ женщинъ васъ не оставлю.

— Не хорошо, что женщинъ присылаютъ сюда изъ Россіи не весной, а осенью,—говорилъ мнѣ одинъ чиновникъ.—Зимою бабѣ нечего дѣлать, она не помощница мужику, а только лишній ротъ. Потому-то хорошіе хозяева берутъ ихъ осенью неохотно.

Такъ разсуждаютъ осенью о рабочихъ лошадяхъ, когда предвидится зимою дорогіе корма. Человѣческое достоинство, а также женственность и стыдливость каторжной женщины не принимаются въ разсчетъ ни въ какомъ случаѣ; какъ бы подразумѣвается, что все это выжжено въ ней ея позоромъ или утеряно ею, пока она таскалась по тюрьмамъ и этапамъ. По крайней мѣрѣ, когда ее наказываютъ тѣлесно, то не стѣсняются соображеніемъ, что ей можетъ быть стыдно *). Но униженіе ея личности, все-таки, никогда не доходило до того, чтобы ее насильно выдавали замужъ или принуждали къ сожительству. Слухи о насиліяхъ въ этомъ отношеніи такія же пустыя сказки, какъ висѣлица на берегу моря или работа въ подземельи **).

---

*) Здѣсь говорится о времени, когда еще не были отмѣнены тѣлесныя наказанія для женщинъ.

**) Лично я всегда относился съ сомнѣніемъ къ этимъ слухамъ, но, все-таки, провѣрилъ ихъ на мѣстѣ и собралъ всѣ случаи, которые могли послужить поводомъ къ нимъ. Разсказываютъ, что года 3—4 назадъ, когда начальникомъ острова былъ генералъ Гинце, въ Александровскѣ одна каторжная, иностранка, была выдана противъ воли за бывшаго околоточнаго надзирателя. Каторжная Ягельская, въ Корсаковскомъ округѣ, получила 30 розогъ за то, что захотѣла уйти отъ своего сожителя поселенца Котлярова. Тамъ же поселенецъ Яроватый пожаловался, что его баба отказывается жить съ нимъ. Послѣдовало распоряженіе: „N. N., всыпьте ей“. — „Сколько?“—„Семьдесятъ“. Бабу высѣкли, но она, все-таки, настояла на своемъ и перешла къ поселенцу Маловѣчкину, который теперь не нахвалится ею. Поселенецъ Рѣзвцовъ, старикъ, засталъ свою сожительницу, молодую женщину, съ поселенцемъ Родинымъ и пошелъ жаловаться. Послѣдовало распоряженіе: „Позвать ее сюда!“ Баба явилась. „Такъ ты, такая-сякая, не хочешь жить съ Рѣзвецовымъ? Розогъ!“ И Рѣзвецову приказано было собственноручно наказать сожительницу, что тотъ и исполнилъ. Въ концѣ-концовъ, она, все-таки, взяла верхъ и я уже записалъ ее сожительницей не Рѣзвецова, а Родина. Вотъ и всѣ случаи, о которыхъ помнитъ на-

Къ сожительству не служатъ помѣхой ни старость ни различіе вѣроисповѣданій, ни бродяжеское состояніе. ницъ, имѣющихъ 50 и болѣе лѣтъ, я встрѣчалъ не толь дыхъ поселенцевъ, но даже у надзирателей, которымъ ед 25. Бываетъ, что приходятъ на каторгу старуха-мать и дочь; обѣ поступаютъ въ сожительницы къ поселенцамъ чинаютъ рожать какъ бы въ перегонку. Католики, люте же татары и евреи не рѣдко живутъ съ русскими. Въ Ал скѣ въ одной избѣ я встрѣтилъ русскую бабу въ больш ніи киргизъ и кавказцевъ, которымъ она прислуживала з и записалъ ее сожительницей татарина или, какъ она его, чеченца. Въ Александровскѣ всѣмъ извѣстный здѣсь Кербалай живетъ съ русскою Лопушиной и имѣетъ отъ н дѣтей *). Бродяги тоже устраиваются на семейную ногу изъ нихъ, бродяга Иванъ 35 лѣтъ, въ Дербинскомъ, даж мнѣ съ улыбкой, что у него двѣ сожительницы: «одна з гая по билету въ Николаевскѣ». Иной поселенецъ живет щиной, не помнящей родства, уже лѣтъ десять, какъ съ все еще не знаетъ ея настоящаго имени и откуда она ро

На вопросъ, какъ имъ живется, поселенецъ и его со ца обыкновенно отвѣчаютъ: «Хорошо живемъ». А нѣк торжныя женщины говорили мнѣ, что дома въ Россіи отъ м ихъ онѣ терпѣли только озорства, побои да попреки куск а здѣсь на каторгѣ онѣ впервые увидѣли свѣтъ. «Слава теперь съ хорошимъ человѣкомъ, онъ меня жалѣетъ». Ссы лѣютъ своихъ сожительницъ и дорожатъ ими.

— Здѣсь, за недостаткомъ женщинъ, мужикъ самъ и стряпаетъ, и корову доитъ, и бѣлье починяетъ,—говори ронъ А. Н. Корфъ,—и ужь если къ нему попадаетъ же онъ крѣпко держится за нее. Посмотрите, какъ онъ наря Женщина у ссыльныхъ пользуется почетомъ.

— Что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей ходить съ синяка бавилъ отъ себя ген. Кононовичъ, присутствовавшій при

селеніе. Если каторжная женщина изъ сварливаго характера или из слишкомъ часто мѣняетъ сожителей, то ее наказываютъ, но и такіе слу рѣдко и возникаютъ только вслѣдствіе жалобъ поселенцевъ.

*) Въ Верхнемъ Армуданѣ у татарина Тухватулы я записалъ с Екатерину Петрову; она имѣетъ отъ него дѣтей; работникъ въ этой с танинъ, гости тоже. Въ Рыковскомъ поселенецъ Магометъ Усте-Норъ Автотьей Медвѣдевой. Въ Нижнемъ Армуданѣ у лютеранина поселен сожительница еврейка Лея Пермутъ Броха, а въ Большомъ Такоэ кре ссыльныхъ Калевскій сожительствуетъ съ аинкой.

Бываютъ и ссоры, и драки, и дѣло доходитъ до синяковъ, но все же поселенецъ учитъ свою сожительницу съ опаской, такъ какъ сила на ея сторонѣ: онъ знаетъ, что она у него незаконная, и во всякое время можетъ бросить его и уйти къ другому. Понятно, что ссыльные жалѣютъ своихъ женщинъ не изъ одной только этой опаски. Какъ ни просто складываются на Сахалинѣ незаконныя семьи, но и имъ бываетъ не чужда любовь въ самомъ ея чистомъ, привлекательномъ видѣ. Въ Дуэ я видѣлъ сумасшедшую, страдающую эпилепсіей каторжную, которая живетъ въ избѣ своего сожителя, тоже каторжнаго; онъ ходитъ за ней, какъ усердная сидѣлка, и когда я замѣтилъ ему, что, вѣроятно, ему тяжело жить въ одной комнатѣ съ этою женщиной, то онъ отвѣтилъ мнѣ весело: «Ничево-о, ваше высокоблагородіе, по-человѣчности!» Въ Ново-Михайловкѣ у одного поселенца сожительница давно уже лишилась ногъ и день и ночь лежитъ среди комнаты на лохмотьяхъ, и онъ ходитъ за ней, и когда я сталъ увѣрять его, что для него же было бы удобнѣе, если бы она лежала въ больницѣ, то и онъ тоже заговорилъ о человѣчности.

Съ хорошими и заурядными семьями въ перемежку встрѣчается и тотъ разрядъ свободныхъ семей, которому отчасти обязанъ такою дурною репутаціей ссылочный «женскій вопросъ». Въ первую же минуту эти семьи отталкиваютъ своею искусственностью и фальшью и даютъ почувствовать, что тутъ, въ атмосферѣ, испорченной тюрьмою и неволей, семья давно уже сгнила, а на мѣстѣ ея выросло что-то другое. Много мужчинъ и женщинъ живутъ вмѣстѣ, потому что такъ надо, такъ принято въ ссылкѣ; сожительства стали въ колоніи традиціоннымъ порядкомъ, и эти люди, какъ слабыя, безвольныя натуры, подчинились этому порядку, хотя никто не принуждалъ ихъ къ тому. Хохлушка лѣтъ 50 въ Ново-Михайловкѣ, пришедшая сюда съ сыномъ, тоже каторжнымъ, изъ-за невѣстки, которая была найдена мертвой въ колодцѣ, оставившая дома старика-мужа и дѣтей, живетъ здѣсь съ сожителемъ, и, повидимому, это самой ей гадко и ей стыдно говорить объ этомъ съ постороннимъ человѣкомъ. Своего сожителя она презираетъ и, все-таки, живетъ съ нимъ и спитъ вмѣстѣ: такъ надо въ ссылкѣ. Члены подобныхъ семей чужды другъ другу до такой степени, что какъ бы долго они ни жили подъ одною крышей, хотя бы 5—10 лѣтъ, не знаютъ, сколько другъ другу лѣтъ, какой губерніи, какъ по отчеству... На вопросъ, сколько ея сожителю лѣтъ, баба, глядя вяло и лѣниво въ сторону, отвѣчаетъ обыкновенно: «А чортъ его знаетъ!» Пока сожитель на работѣ или играетъ гдѣ-нибудь въ карты,

сожительница валяется въ постели, праздная, голодная; е
нибудь изъ сосѣдей войдетъ въ избу, то она нехотя припо
и разскажетъ, зѣвая, что она «за мужа пришла», невинно
дала: «Его, чорта, хлопцы убили, а меня въ каторгу». (
возвращается домой: дѣлать нечего, говорить съ бабой не
самоваръ бы поставить, да сахару и чаю нѣтъ... При вид
щейся сожительницы, чувство скуки и праздности, несмот
лодъ и досаду, овладѣваетъ имъ, онъ вздыхаетъ и тоже—
въ постель. Если женщины изъ такихъ семей промышля
стиціей, то сожители ихъ обыкновенно поощряютъ это
Въ проституткѣ, добывающей кусокъ хлѣба, сожитель вид
лезное домашнее животное и уважаетъ ее, т.-е. самъ ста
нея самоваръ и молчитъ, когда она бранится. Она часто
сожителей, выбирая тѣхъ, кто побогаче, или у кого есть в
мѣняетъ просто отъ скуки, для разнообразія.

Каторжная женщина получаетъ арестантскій пай, кот
съѣдаетъ вмѣстѣ съ сожителемъ; иногда этотъ бабій пай
единственнымъ источникомъ пропитанія семьи. Такъ ка
тельница формально считается работницей, то поселенецъ
за нее въ казну, какъ за работницу: онъ обязуется свезт
двадцать груза изъ одного округа въ другой или доставить
десятокъ бревенъ. Эта формальность, впрочемъ, обязатель
для поселенцевъ-мужиковъ и не требуется отъ ссыльныхъ,
живутъ въ постахъ и ничего не дѣлаютъ. Отбывши срокъ,
ная женщина перечисляется въ поселенческое состояніе и
стаетъ получать кормовое и одежное довольствіе; такимъ о
на Сахалинѣ переводъ въ поселки совсѣмъ не служитъ обле
участи: каторжницамъ, получающимъ отъ казны пай, жив
че, чѣмъ поселкамъ, и чѣмъ дольше срокъ каторги, тѣм
для женщины, а если она безсрочная, то это значитъ, что
печена кускомъ хлѣба безсрочно. Крестьянскія права посел
чаетъ обыкновенно на льготныхъ основаніяхъ, черезъ шес

Женщинъ свободнаго состоянія, добровольно пришед
мужьями, въ настоящее время въ колоніи больше, чѣмъ
ныхъ женщинъ, а ко всему числу ссыльныхъ женщинъ о
сятся какъ 2 : 3. Я записалъ 697 женщинъ свободнаго с
каторжныхъ женщинъ, поселокъ и крестьянокъ было 1,04
читъ, свободныя въ колоніи составляютъ 40% всего налич
става взрослыхъ женщинъ *). Покидать родину и идти въ

*) Въ первыя десять лѣтъ съ начала морской перевозки, съ 1879 г

за преступными мужьями побуждаютъ женщинъ разнообразныя причины. Однѣ идутъ изъ любви и жалости; другія изъ крѣпкаго убѣжденія, что разлучить мужа и жену можетъ одинъ только Богъ; третьи бѣгутъ изъ дому отъ стыда; въ темной деревенской средѣ позоръ мужей все еще падаетъ на женъ: когда, напримѣръ, жена осужденнаго полощетъ на рѣкѣ бѣлье, то другія бабы обзываютъ ее каторжанкой; четвертыя завлекаются на Сахалинъ мужьями, какъ въ ловушку, путемъ обмана. Еще въ трюмѣ парохода многіе арестанты пишутъ домой, что на Сахалинѣ и тепло, и земли много, и хлѣбъ дешевый, и начальство доброе; изъ тюрьмы они пишутъ то же самое, иногда по нѣсколько лѣтъ, придумывая все новые соблазны, и разсчетъ ихъ на темноту и легковѣріе женъ, какъ показали факты, часто оправдывается *). Наконецъ, пятыя идутъ потому, что все еще продолжаютъ находиться подъ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ мужей; такія, быть можетъ, сами принимали участіе въ преступленіи или пользовались плодами его и не попали подъ судъ только по недостатку уликъ. Наиболѣе часты двѣ первыя причины: состраданіе и жалость до самопожертвованія и непоколебимая сила убѣжденія. Среди женъ, добровольно пришедшихъ за мужьями, кромѣ русскихъ, есть также татарки, еврейки, цыганки, польки и нѣмки **).

Когда женщины свободнаго состоянія прибываютъ на Сахалинъ, то ихъ встрѣчаютъ здѣсь не особенно привѣтливо. Вотъ характерный эпизодъ. 19 октября 1889 г. на пароходѣ добровольнаго флота *Владивостокъ* прибыло въ Александровскъ 300 женщинъ свободнаго состоянія, подростковъ и дѣтей. Плыли они изъ Владиво-

---

на пароходахъ добровольнаго флота было перевезено каторжныхъ мужчинъ и женщинъ 8,430 и добровольно слѣдовавшихъ за ними членовъ ихъ семействъ 1,146.

*) Одинъ арестантъ въ письмѣ хвалился даже, что у него есть иностранная серебряная монета. Тонъ подобныхъ писемъ жизнерадостный, игривый.

**) Случается, что за женами приходятъ въ ссылку мужья. На Сахалинѣ такихъ мужей только трое: отставные солдаты Андрей Найдушъ и Андрей Ганинъ въ Александровскѣ и крест. Жигулинъ въ Дербинскомъ. Послѣдній, пришедшій за женой и дѣтьми, старикъ, разыгрываетъ изъ себя чудака, похожъ на пьянаго и служитъ посмѣшищемъ для всей улицы. Одинъ нѣмецъ старикъ пришелъ съ женой къ сыну Готлибу. Онъ ни слова не говоритъ по-русски. Я спросилъ его, между прочимъ, сколько ему лѣтъ.

— родился въ 1832 г.,—сказалъ онъ по-нѣмецки, потомъ написалъ на столѣ нѣм. 890 и вычелъ 1832.

однимъ каторжнымъ, бывшимъ купцомъ, пріѣхалъ его прикащикъ, который, напр. мъ, пожилъ въ Александровскѣ только мѣсяцъ и вернулся въ Россію. По 264 *Устава о ссыльныхъ* мужья-евреи не могутъ слѣдовать въ ссылку за своими осуж. ными женами, и послѣднимъ предоставляется брать съ собой лишь грудныхъ дѣтей — то не иначе, какъ съ согласія мужей.

стока 3—4 сутокъ на холодѣ, безъ горячей пищи и ср
какъ передавалъ мнѣ докторъ Перлинъ, было найдено
ныхъ скарлатиной, оспой и корью. Пароходъ пришелъ
черомъ. Командиръ, опасаясь, вѣроятно, дурной погоды
валъ, чтобы приняли пассажировъ и грузъ непремѣнно н
гружали съ 12 до 2 часовъ ночи. Женщинъ и дѣтей з
пристани въ катерномъ сараѣ и въ амбарѣ, построен
склада товаровъ, а больныхъ—въ сараѣ, который прис
для карантиннаго содержанія больныхъ. Вещи пассажиро
ли въ безпорядкѣ въ баржу. Къ утру прошелъ слухъ,
ночью сорвало волненіемъ и унесло въ море. Поднялся
одной женщины вмѣстѣ съ вещами пропало 300 руб.
протоколъ и обвинили во всемъ бурю, между тѣмъ, на
день стали находить въ тюрьмѣ у каторжныхъ пропавшія

Свободная женщина въ первое время по прибытіи на
имѣетъ ошеломленный видъ. Островъ и каторжная обста
ражаютъ ее. Она съ отчаяніемъ говоритъ, что, ѣдучи къ
обманывала себя и ожидала только худого, но дѣйстви
оказалась страшнѣе всякихъ ожиданій. Едва она пого
тѣми женщинами, которыя прибыли раньше ея, и поглядѣ
житье-бытье, какъ у нея уже является увѣренность,
дѣти ея погибли. Хотя до окончанія срока осталось еще бо
15 лѣтъ, но она уже бредитъ о материкѣ и слышать не х
здѣшнее хозяйство, которое кажется ей ничтожнымъ, не
вниманія. Она плачетъ день и ночь съ причитываніями
своихъ покинутыхъ родныхъ, какъ усопшихъ, а мужъ
свою великую вину передъ ней, молчитъ угрюмо, но,
выйдя изъ себя, начинаетъ бить ее и бранить за то, что о
ла сюда.

Если свободная женщина пріѣхала безъ денегъ или
ихъ такъ мало, что хватило только на покупку избы, и
мужу ничего не присылаютъ изъ дому, то скоро насту
лодъ. Заработковъ нѣтъ, милостыню просить негдѣ, и ей
ми приходится кормиться тою же арестантскою порціей
получаетъ изъ тюрьмы ея мужъ каторжникъ и которой е
етъ на одного взрослаго *). Изо дня въ день мысль рабо

*) Тутъ рѣзко бросается въ глаза разница положеній этой свободн
законной жены, и ея сосѣдки каторжной, сожительницы, получающей от
дневно по три фунта хлѣба. Во Владимірѣ одна женщина свободна
подозрѣвается въ убійствѣ мужа; если ее осудятъ въ каторжныя ра
начнетъ получать паекъ,—значитъ, попадетъ въ лучшее положеніе, чѣмъ

въ одномъ направленіи: чего бы поѣсть и чѣмъ бы покормить дѣтей. Отъ постоянной проголоди, отъ взаимныхъ попрековъ кускомъ хлѣба и отъ увѣренности, что лучше не будетъ, съ теченіемъ времени душа черствѣетъ, женщина рѣшаетъ, что на Сахалинѣ деликатными чувствами сытъ не будешь, и идетъ добывать пятаки и гривенники, какъ выразилась одна, «своимъ тѣломъ». Мужъ тоже очерствѣлъ, ему не до чистоты и все это кажется неважнымъ. Едва дочерямъ минуло 14—15 лѣтъ, какъ и ихъ тоже пускаютъ въ оборотъ; матери торгуютъ ими дома, или же отдаютъ ихъ въ сожительницы къ богатымъ поселенцамъ и надзирателямъ. И все это совершается съ тѣмъ большею легкостью, что свободная женщина проводитъ здѣсь время въ полнѣйшей праздности. Въ постахъ дѣлать совсѣмъ нечего, а въ селеніяхъ, особенно въ сѣверныхъ округахъ, хозяйства въ самомъ дѣлѣ пичтожны.

Кромѣ нужды и праздности, у свободной женщины есть еще третій источникъ всякихъ бѣдъ—это мужъ. Онъ можетъ пропить или проиграть въ карты свой пай, женино и даже дѣтское платье. Онъ можетъ впасть въ новое преступленіе или удариться въ бѣга. Поселенецъ Тымовскаго округа Бышевецъ при мнѣ содержался въ карцерѣ въ Дуэ,—его обвиняли въ покушеніи на убійство; жена его и дѣти жили по близости въ казармахъ для семейныхъ, а домъ и хозяйство были брошены. Въ Мало-Тымовѣ бѣжалъ поселенецъ Кучеренко, оставивъ жену и дѣтей. Если мужъ не изъ такихъ, которые убиваютъ или бѣгаютъ, то, все-таки, каждый день приходится бояться, какъ бы его не наказали, не взвели бы на него напраслины, какъ бы онъ не надорвался, не заболѣлъ, не умеръ.

Годы уходятъ, близится старость; мужъ отбылъ уже каторгу и поселенческій срокъ и хлопочетъ о крестьянскихъ правахъ. Прошлое предается забвенію, прощается, и съ отъѣздомъ на материкъ мерещится вдали новая, разумная, счастливая жизнь. Бываетъ и иначе. Жена умираетъ отъ чахотки, а мужъ уѣзжаетъ на материкъ, старый и одинокій; или же она остается вдовой и не знаетъ, что ей дѣлать, куда ѣхать. Въ Дербинскомъ жена свободнаго состоянія Александра Тимоѳеева ушла отъ своего мужа молокана къ пастуху Акиму, живетъ въ тѣсной, грязной лачужкѣ и уже родила пастуху дочь, а мужъ взялъ къ себѣ другую женщину, сожительницу. Женщины свободнаго состоянія Шуликина и Ѳедина въ Александровскѣ тоже ушли отъ мужей въ сожительницы. Ненила Карпенко овдовѣла и живетъ теперь съ поселенцемъ. Каторжный Ал-

туховъ ушелъ бродяжить, а его жена Екатерина, свободная, состоитъ въ незаконномъ бракѣ *).

XVII.

Составъ населенія по возрастамъ.—Семейное положеніе ссыльныхъ.—Браки.—Рождаемость.—Сахалинскія дѣти.

Цифры, относящіяся къ возрастному составу ссыльнаго населенія, если бы даже онѣ отличались идеальною точностью и несравненно большею полнотой, чѣмъ собранныя мною, то, все-таки, давали бы почти ничего. Во-первыхъ, онѣ случайны, такъ какъ обусловлены не естественными или экономическими условіями, а юридическими теоріями, существующимъ уложеніемъ о наказаніяхъ, волей лицъ, составляющихъ тюремное вѣдомство. Съ измѣненіемъ взгляда на ссылку вообще и на сахалинскую въ частности измѣнится и возрастный составъ населенія; то же случится, когда станутъ присылать въ колонію вдвое больше женщинъ или когда съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги начнется свободная иммиграція. Во-вторыхъ, на ссыльномъ островѣ, при исключительномъ строѣ жизни, эти цифры имѣютъ совсѣмъ не то значеніе, что

*) *Уставъ о ссыльныхъ* отводитъ у себя мѣсто также и женщинамъ свободнаго состоянія. По ст. 85, „женщины, идущія по собственной волѣ, во все время слѣдованія не должны быть отдѣляемы отъ мужей и не подлежать строгости надзора". Въ Европейской Россіи или на пароходѣ добровольнаго флота онѣ свободны отъ надзора, въ Сибири же, когда партія идетъ пѣшкомъ и на подводахъ, конвойнымъ не время разбирать въ толпѣ, гдѣ тутъ ссыльныя и свободныя. Въ Забайкальи мнѣ случилось видѣть, какъ въ рѣкѣ купались вмѣстѣ мужчины, женщины и дѣти; конвойные, ставши возлѣ полукругомъ, не позволяли выходить за границы этого полукруга никому, даже ребятамъ. По ст. 173 и 253, женщины, добровольно слѣдующія за мужьями, „получаютъ одежду, обувь и кормовыя деньги во все продолженіе пути до мѣста назначенія" въ размѣрѣ арестантскаго пайка. Но въ *Уставѣ* не говорится, какъ должны женщины свободнаго состоянія слѣдовать черезъ Сибирь—пѣшкомъ или на подводахъ. По ст. 406, имъ съ согласія мужей дозволяются временныя отлучки съ мѣста ссылки во внутреннія губерніи имперіи. Если мужъ умретъ въ ссылкѣ или если бракъ будетъ расторгнутъ вслѣдствіе новаго преступленія, то жена, по ст. 408, можетъ возвратиться на родину на казенный счетъ.

Описывая положеніе женъ ссыльно-каторжныхъ и ихъ дѣтей, повинныхъ только въ томъ, что судьба поставила ихъ въ родство съ преступниками, Власовъ говоритъ въ своемъ отчетѣ, что это „едва ли не самая мрачная сторона всей нашей депортаціонной системы". О томъ, какъ неравномѣрно женщины свободнаго состоянія распредѣляются по округамъ и по селеніямъ, и какъ мало дорожитъ ими мѣстная администрація, я говорилъ уже. Пусть читатель вспомнитъ про дуйскія *казармы для семейныхъ*. То, что свободныя женщины и ихъ дѣти содержатся въ общихъ камерахъ, какъ въ тюрьмѣ, при отвратительной обстановкѣ, вмѣстѣ съ тюремными картежницами, съ ихъ любовницами и съ ихъ свиньями, содержатся въ Дуэ, то-есть въ самомъ жуткомъ и безнадежномъ мѣстѣ острова, достаточно рисуетъ колонизаціонную и сельско-хозяйственную политику здѣшнихъ властей.

при обыкновенныхъ условіяхъ въ Череповецкомъ или Московскомъ уѣздѣ. Напримѣръ, ничтожный процентъ стариковъ на Сахалинѣ означаетъ не какія-либо неблагополучныя условія вродѣ высокой смертности, а то лишь, что ссыльные въ большинствѣ успѣваютъ отбыть наказаніе и уѣхать на материкъ до наступленія старости.

Въ настоящее время въ колоніи занимаютъ первое мѣсто возрасты отъ 25 до 35 (24,3%) и отъ 35 до 45 (24,1%) *). Возрасты отъ 20 до 55 лѣтъ, которые д-ръ Грязновъ называетъ рабочими, даютъ въ колоніи 64,6%, т.-е. почти въ полтора раза больше, чѣмъ въ Россіи вообще **). Примѣръ Сахалина учитъ, что высокій процентъ и даже избытокъ рабочихъ или производительныхъ возрастовъ не всегда служитъ показателемъ экономическаго благосостоянія; въ колоніи онъ указываетъ лишь на избытокъ рабочихъ рукъ, благодаря чему, несмотря даже на громадное число голодныхъ, праздныхъ и неспособныхъ, на Сахалинѣ строются города и проводятся превосходныя дороги. Не дешево стоющія сооруженія и рядомъ съ этимъ необезпеченность и нищенство производительныхъ возрастовъ наводятъ на мысль о нѣкоторомъ сходствѣ настоящаго колоніи съ тѣми временами, когда также искусственно создавался излишекъ рабочихъ рукъ, возводились храмы и цирки, а производительные возрасты терпѣли крайнюю, изнурительную нужду.

Дѣти, т.-е. возрасты отъ 0 до 15 лѣтъ, даютъ тоже высокую цифру—24,9%. Сравнительно съ однородными русскими цифрами ***) она мала, для ссыльной же колоніи, гдѣ семейная жизнь находится въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, она высока. Плодовитость сахалинскихъ женщинъ и невысокая дѣтская смертность, какъ увидитъ ниже читатель, скоро поднимутъ процентъ дѣтей еще выше, быть можетъ, даже до русской нормы. Это хорошо, потому что, помимо всякихъ колонизаціонныхъ соображеній, близость дѣ-

*) Вотъ составленная мною табличка возрастовъ:

Отъ	До	М.	Ж.	Отъ	До	М.	Ж.
0	5 „	493	473	35	45 „	1,405	578
5	10 „	319	314	45	55 „	724	236
10	15 „	215	234	55	65 „	318	56
15	20 „	89	96	65	75 „	90	12
20	25 л.	134	136	75	85 „	17	1
25	35 „	1,419	680	85	95 „	—	1

Неизвѣстенъ возрастъ м. 142, ж. 35.

**) Въ Череповецкомъ уѣздѣ рабочіе возрасты составляютъ 44,9%, въ Московскомъ 45,4%, въ Тамбовскомъ 42,7%. См. книгу *В. И. Никольскаго:* „Тамбовскій уѣздъ. Статистика населенія и болѣзненности“, 1885 г.

***) Въ Череповецкомъ уѣздѣ 37,3, въ Тамбовскомъ около 39%.

тей оказываетъ ссыльнымъ нравственную поддержку и живѣе, чѣмъ что-либо другое, напоминаетъ имъ родную русскую деревню; къ тому же, заботы о дѣтяхъ спасаютъ ссыльныхъ женщинъ отъ праздности; это и худо, потому что непроизводительные возрасты, требуя отъ населенія затратъ и сами не давая ничего, осложняютъ экономическія затрудненія; они усиливаютъ нужду, и въ этомъ отношеніи колонія поставлена даже въ болѣе неблагодарныя условія, чѣмъ русская деревня: сахалинскія дѣти, ставши подростками или взрослыми, уѣзжаютъ на материкъ и такимъ образомъ затраты, понесенныя колоніей, не возвращаются.

Возрасты, составляющіе надежду и основу если не созрѣвшей уже, то созрѣвающей колоніи на Сахалинѣ, даютъ самый ничтожный процентъ. Лицъ отъ 15 до 20 лѣтъ во всей колоніи только 185: м. 89 и ж. 96, т.-е. около 2%. Изъ нихъ только 27 человѣкъ настоящія дѣти колоніи, такъ какъ родились на Сахалинѣ или на пути слѣдованія въ ссылку, остальные же всѣ — пришлый элементъ. Но и эти родившіеся на Сахалинѣ ждутъ только отъѣзда родителей или мужей на материкъ, чтобы уѣхать вмѣстѣ съ ними. Почти всѣ 27 — это дѣти зажиточныхъ крестьянъ, уже отбывшихъ наказаніе и остающихся пока на островѣ ради округленія капиталовъ. Таковы, напримѣръ, Рачковы въ селеніи Александровскомъ. Даже Марія Барановская, дочь вольнаго поселенца, родившаяся въ Чибисани, — ей теперь 18 лѣтъ, — не останется на Сахалинѣ и уѣдетъ на материкъ съ мужемъ. Изъ тѣхъ, которые родились на Сахалинѣ 20 лѣтъ назадъ и которымъ пошелъ уже 21 годъ, не осталось на островѣ уже ни одного. Всѣхъ вообще въ колоніи двадцатилѣтковъ 27: изъ нихъ 13 присланы сюда на каторгу, 7 прибыли добровольно за мужьями и 7—сыновья ссыльныхъ, молодые люди, уже знающіе дорогу во Владивостокъ и на Амуръ *).

На Сахалинѣ 860 законныхъ семей и 782 свободныхъ, и эти цифры достаточно опредѣляютъ семейное положеніе ссыльныхъ, живущихъ въ колоніи. Вообще говоря, благами семейной жизни пользуется почти половина всего взрослаго населенія. Женщины

---

*) Изъ таблицы видно, что въ дѣтскихъ возрастахъ полы распредѣляются [illegible] равномѣрно, а въ возрастахъ отъ 15 до 20 и отъ 20 до 25 наблюдается да[illegible] нѣкоторый избытокъ женщинъ; но затѣмъ въ возрастѣ отъ 25—35 мужчины пере[illegible] живаютъ больше, чѣмъ вдвое, а въ пожиломъ и преклонномъ возрастахъ этотъ [illegible] вѣсъ можно назвать подавляющимъ. Малое число стариковъ и почти отсутствіе [illegible] рухъ указываютъ на недостатокъ въ сахалинскихъ семьяхъ элемента опыт[illegible] традицій. Всякій разъ при посѣщеніи тюремъ мнѣ казалось, что въ нихъ о[illegible] относительно больше, чѣмъ въ колоніи.

въ колоніи всѣ заняты, слѣдовательно, другую половину, то-есть около трехъ тысячъ душъ, живущихъ одиноко, составляютъ одни мужчины. Впрочемъ, это отношеніе, какъ случайное, подвержено постояннымъ колебаніямъ. Такъ, когда, вслѣдствіе высочайшаго манифеста, изъ тюрьмы выпускается на участки сразу около тысячи новыхъ поселенцевъ, то процентъ безсемейныхъ въ колоніи повышается; когда же, какъ это случилось вскорѣ послѣ моего отъѣзда, сахалинскимъ поселенцамъ разрѣшено было работать на Уссурійскомъ участкѣ Сибирской желѣзной дороги, то процентъ этотъ понизился. Какъ бы то ни было, развитіе семейнаго начала среди ссыльныхъ считается чрезвычайно слабымъ, и какъ на главную причину, почему колонія до сихъ поръ не удалась, указываютъ именно на большое число безсемейныхъ *). Препятствіемъ къ развитію семейной жизни служитъ, прежде всего, недостатокъ женщинъ; въ виду этой главной причины, всѣ остальныя, какъ нерасположеніе многихъ арестантовъ къ семейной жизни, испорченность ихъ и проч., уходятъ на задній планъ. О недостаткѣ женщинъ въ колоніи, о причинахъ его и послѣдствіяхъ была уже рѣчь въ предъидущей главѣ. Теперь же на очереди вопросъ, почему въ колоніи получили такое широкое развитіе незаконныя или свободныя сожительства и почему при взглядѣ на цифры, относящіяся къ семейному положенію ссыльныхъ, получается такое впечатлѣніе, какъ будто ссыльные упорно уклоняются отъ законнаго брака? Вѣдь, если бы не жены свободнаго состоянія, добровольно пришедшія за мужьями, то свободныхъ семей въ колоніи было бы въ 4 раза больше, чѣмъ законныхъ **). Такое положеніе дѣла генералъ-губернаторъ, диктуя мнѣ въ тетрадку, называлъ «вопіющимъ» и обвинялъ при этомъ, конечно, не ссыльныхъ. Какъ люди въ большинствѣ патріархальные и религіозные, ссыльные предпочитаютъ законный бракъ. Незаконные супруги часто просятъ у начальства

*) Хотя ни откуда не видно, чтобы упроченіе колоніи въ первое время зависѣло, главнымъ образомъ, отъ развитія въ ней семейнаго начала; мы знаемъ, что благосостояніе Виргиніи было упрочено раньше, чѣмъ туда стали привозить женщинъ.

**) Если судить по однѣмъ голымъ цифрамъ, то можно вывести заключеніе, что церковная форма брака для русскихъ ссыльныхъ самая неподходящая. Изъ казенныхъ вѣдомостей, напримѣръ, за 1887 г., видно, что въ Александровскомъ округѣ было каторжныхъ женщинъ 211. Изъ нихъ только 34 состояли въ законѣ, а 136 сожительствовали съ каторжными и поселенцами. Въ Тымовскомъ округѣ въ томъ же году изъ 194 каторжныхъ женщинъ 11 жили съ законными мужьями, а 161 состояли въ сожительствѣ. Изъ 198 поселокъ 33 были замужемъ, а 118 сожительствовали. Въ Корсаковскомъ округѣ ни одна изъ каторжныхъ женщинъ не жила съ мужемъ; 115 состояли въ незаконномъ бракѣ; изъ 21 поселокъ только четыре были замужемъ.

дозволенія перевѣнчаться, но по большинству этихъ прошеній приходится отказывать по причинамъ, не зависящимъ ни отъ мѣстной администраціи, ни отъ самихъ ссыльныхъ. Дѣло въ томъ, что хотя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія поражаются супружескія права осужденнаго и онъ уже не существуетъ для семьи, какъ бы умеръ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки, его брачныя права въ ссылкѣ опредѣляются не обстоятельствами, вытекающими изъ его дальнѣйшей жизни, а волею супруга не осужденнаго, оставшагося на родинѣ. Необходимо, чтобы этотъ супругъ согласился на расторженіе брака и далъ разводъ, и тогда только осужденный можетъ вступить въ новый бракъ. Оставшіеся же супруги обыкновенно не даютъ этого согласія: одни изъ религіознаго убѣжденія, что разводъ есть грѣхъ, другіе—потому, что считаютъ расторженіе брака ненужнымъ, праздными дѣломъ, прихотью, особенно когда обоимъ супругамъ уже близко къ сорока. «Въ его ли годы жениться,—разсуждаетъ жена, получивъ отъ мужа письмо насчетъ развода.—О душѣ бы, старый песъ, подумалъ». Третьи отказываютъ потому, что боятся начинать такое въ высшей степени сложное, хлопотливое и не дешевое дѣло, какъ разводъ, или просто потому, что не знаютъ, куда обратиться съ прошеніемъ и съ чего начать. Въ томъ, что ссыльные не вступаютъ въ законный бракъ, часто бываютъ виноваты также несовершенства статейныхъ списковъ, создающія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ цѣлый рядъ всякихъ формальностей, томительныхъ, во вкусѣ старинной волокиты, ведущихъ къ тому лишь, что ссыльный, истратившись на писарей, гербовыя марки и телеграммы, въ концѣ-концовъ, безнадежно машетъ рукой и рѣшаетъ, что законной семьи у него не быть. У многихъ ссыльныхъ совсѣмъ нѣтъ статейныхъ списковъ; попадаются такіе списки, въ которыхъ совсѣмъ не показано семейное положеніе ссыльнаго, или же показано неясно или невѣрно, между тѣмъ, кромѣ статейнаго списка, у ссыльнаго нѣтъ никакихъ другихъ документовъ, на которые онъ могъ бы ссылаться въ случаѣ надобности *).

---

*) Кн. Шаховской въ своемъ *Докл. объ устройствѣ о. Сахалина* писалъ, между прочимъ: „Не малыми затрудненіями къ безпрепятственному заключенію браковъ представляютъ семейные списки, въ которыхъ часто не проставляется вѣроисповѣданіе и семейное положеніе, а, главное, неизвѣстно, произошелъ ли разводъ съ оставшимся въ Россіи супругомъ; узнать объ этомъ, а тѣмъ болѣе исходатайствовать разводъ черезъ консисторію съ о. Сахалина дѣло почти невозможное.

Вотъ для обращика примѣры, какъ въ колоніи устраивается семья. Въ Мал[illegible] Такоэ каторжная Соловьева, Прасковья, сожительствуетъ съ поселенцемъ Кудрин[illegible], который не можетъ жениться на ней, потому что на родинѣ у него осталась [illegible] дочь этой Прасковьи, Наталья, 17 лѣтъ, свободнаго состоянія, сожительстве[illegible]

Свѣдѣнія о числѣ браковъ, совершаемыхъ въ колоніи, можно добыть изъ метрическихъ книгъ; но такъ какъ законный бракъ здѣсь составляетъ роскошь, доступную не для всякаго, то эти свѣдѣнія далеко не опредѣляютъ истинной потребности населенія въ брачной жизни; здѣсь вѣнчаются не когда нужно, а когда можно. Средній возрастъ брачущихся здѣсь совершенно праздная цифра: заключать по ней о преобладаніи позднихъ или раннихъ браковъ и дѣлать отсюда какіе-либо выводы невозможно, такъ какъ семейная жизнь у большинства ссыльныхъ начинается задолго до совершенія церковнаго обряда, и вѣнчаются обыкновенно пары, уже имѣющія дѣтей. Изъ метрическихъ книгъ пока видно лишь, что за послѣднія десять лѣтъ наибольшее число браковъ было совершено въ январѣ; на этотъ мѣсяцъ падаетъ почти треть всѣхъ браковъ. Осеннее повышеніе въ сравненіи съ январскимъ слишкомъ ничтожно, такъ что о сходствѣ съ нашими земледѣльческими уѣздами не можетъ быть и рѣчи. Браки, совершавшіеся при нормальныхъ условіяхъ, когда женились дѣти ссыльныхъ, свободные, всѣ до одного были ранніе; женихи были въ возрастѣ отъ 18 до 20, а невѣсты отъ 15 до 19 лѣтъ. Но въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ дѣвушекъ свободнаго состоянія больше, чѣмъ мужчинъ, которые обыкновенно оставляютъ островъ до наступленія брачнаго возраста; и, вѣроятно, за недостаткомъ молодыхъ жениховъ и отчасти изъ экономическихъ соображеній было совершено много неравныхъ браковъ; молодыя свободныя дѣвушки, почти дѣвочки, были выдаваемы родителями за пожилыхъ поселенцевъ и крестьянъ. Унтеръ-офицеры, ефрейторы, военные фельдшера, писаря и надзиратели женились часто, но осчастливливали только 15—16-ти лѣтнихъ *).

поселенцемъ Городинскимъ, который не женится на ней по той же причинѣ. Поселенецъ Игнатьевъ въ Ново-Михайловкѣ жаловался мнѣ, что его не вѣнчаютъ съ сожительницей потому, что за *давностью лѣтъ* не могутъ опредѣлить его семейнаго положенія; сожительница его умоляла меня похлопотать и при этомъ говорила: „Грѣхъ такъ жить, мы уже не молодые". Подобныхъ примѣровъ можно привести нѣсколько сотъ. Тѣхъ, которые на родинѣ были женаты и замужемъ, у меня записано 2,379; изъ нихъ прибыли съ супругами или вступили въ новой бракъ на Сахалинѣ 1,350, состоятъ въ сожительствѣ 527, живутъ одиноко 862.

*) Унтеры, особенно надзиратели, считаются на Сахалинѣ завидными женихами; въ этомъ отношеніи они хорошо знаютъ себѣ цѣну и держатъ себя съ невѣстами и съ ихъ родителями съ тою разнузданною надменностью, за которую Н. С. Лѣсковъ такъ не любитъ „не сытыхъ архіерейскихъ скотинъ". За 10 лѣтъ было совершено нѣсколько mésalliance'овъ. Коллежскій регистраторъ женился на дочери каторжнаго, дворовый совѣтникъ—на дочери поселенца, капитанъ—на дочери поселенца, купецъ—на крестьянкѣ изъ ссыльныхъ, дворянка вышла за поселенца. Эти рѣдкіе примѣры, когда интеллигентные люди женятся на дочеряхъ ссыльныхъ, чрезвычайно симпатичны и, [illegible]ятно, не остаются безъ хорошаго вліянія на колонію. Въ январѣ 1880 г.

Свадьбы играются скромно и скучно; въ Тымовскомъ округѣ, говорятъ, бываютъ иногда веселыя свадьбы, шумныя, и особенно шумятъ хохлы. Въ Александровскѣ, гдѣ есть типографія, въ обычаѣ у ссыльныхъ разсылать передъ свадьбой печатные пригласительные билеты. Наборщики-каторжные соскучились надъ приказами и бываютъ рады щегольнуть своимъ искусствомъ, и ихъ билеты по внѣшности и тексту мало отличаются отъ московскихъ. На каждую свадьбу изъ казны отпускается бутылка спирту. Если ссыльный женится на каторжной, то онъ платитъ за нее въ казну, какъ за работницу, натурой: возитъ грузъ изъ одного округа въ другой и т. п.

Рождаемость въ колоніи сами ссыльные считаютъ чрезмѣрно высокой, и это даетъ поводъ къ постояннымъ насмѣшкамъ надъ женщинами и къ разнымъ глубокомысленнымъ замѣчаніямъ. Говорятъ, что на Сахалинѣ самый климатъ располагаетъ женщинъ къ беременности; рожаютъ старухи и даже такія, которыя въ Россіи были безплодны и не надѣялись уже имѣть когда-либо дѣтей. Жен-

---

въ Дуэской церкви былъ повѣнчанъ каторжный на гилячкѣ. Въ Рыковскомъ я записалъ Григорія Сивокобылку, 11 лѣтъ, у котораго мать была гилячка. Вообще браки между русскими и инородцами бываютъ очень рѣдко. Разсказывали мнѣ про одного надзирателя, живущаго съ гилячкой, которая родила сына и хочетъ креститься, чтобы затѣмъ обвѣнчаться. О. Ираклій зналъ ссыльнаго якута, который былъ женатъ на грузинкѣ; оба плохо понимали по-русски. Что касается магометанъ, то они и въ ссылкѣ не отказываются отъ многоженства и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по двѣ жены; такъ, у Джаксанбетова въ Александровскѣ двѣ жены, Батыма и Сасена, у Абубакирова въ Корсаковскомъ тоже двѣ — Ганоста и Верхониса. Въ Андрее-Ивановскомъ я видѣлъ чрезвычайно красивую татарку 15 лѣтъ, которую мужъ купилъ у ея отца за 100 рублей; когда мужа нѣтъ дома, она сидитъ на кровати, а въ дверь изъ сѣней смотрятъ на нее поселенцы и любуются.

Уставъ о ссыльныхъ разрѣшаетъ ссыльно-каторжнымъ обоего пола браки только черезъ 1 — 3 года по поступленіи въ разрядъ исправляющихся; очевидно, женщина, поступившая въ колонію, но находящаяся еще въ разрядѣ испытуемыхъ, можетъ быть только сожительницей, а не женой. Ссыльнымъ мужчинамъ разрѣшается жениться на преступницахъ, лица же женскаго пола, лишенныя всѣхъ правъ состоянія, до перечисленія въ крестьянское сословіе, могутъ выходить только за ссыльныхъ. Женщинѣ свободнаго состоянія, которая выйдетъ за ссыльнаго, вступающаго въ Сибири въ первый бракъ, выдается изъ казны 50 рублей; поселенцу, вступившему въ Сибири въ первый бракъ со ссыльною, выдается 15 рублей безвозвратно и столько же заимообразно.

Въ *Уставѣ* ничего не говорится о бракахъ бродягъ. По какимъ документамъ опредѣляется семейное положеніе и возрастъ ихъ при вступленіи въ бракъ, я не знаю. Что ихъ вѣнчаютъ на Сахалинѣ, я узналъ впервые изъ слѣдующей бумаги, написанной по формѣ прошенія: „Его высокопревосходительству господину начальнику острова Сахалина. Удостовѣреніе поселенца Тымовскаго округа, селенія Рыковскаго, не помнящаго родства Ивана, 35 лѣтъ. Что я Непомнящій принялъ законное бракосочетаніе на поселкѣ Березниковой Маріи въ прошломъ 1888 году 12 ноября". За неграмотностью расписались два поселенца.

щины точно торопятся населить Сахалинъ и часто рожаютъ двойней. Одна роженица во Владиміровкѣ, пожилая женщина, имѣющая уже взрослую дочь, наслышавшись разговоровъ о двойняхъ, ожидала, что у нея тоже родятся двое, и была огорчена, когда родился только одинъ. «Поищите еще»,—попросила она акушерку. Но роды двойнями случаются здѣсь не чаще, чѣмъ въ русскихъ уѣздахъ. За десятилѣтній періодъ до 1 января 1890 г. въ колоніи родилось 2,275 дѣтей обоего пола, а такъ называемыхъ плодущихъ родовъ было только 26 *). Всѣ эти нѣсколько преувеличенные толки о чрезмѣрной плодовитости женщинъ, о двойняхъ и т. п. указываютъ на то, съ какимъ интересомъ ссыльное населеніе относится къ рождаемости и какое она имѣетъ здѣсь важное значеніе.

Оттого что численный составъ населенія подверженъ колебаніямъ вслѣдствіе постоянныхъ приливовъ и отливовъ, притомъ, случайныхъ, какъ на рынкѣ, опредѣленіе коэффиціента общей рождаемости въ колоніи за нѣсколько лѣтъ можно считать недосягаемою роскошью; онъ уловимъ тѣмъ труднѣе, что цифровой матеріалъ, собранный мною и другими, имѣетъ очень скромный объемъ; численный составъ населенія за прошлые годы неизвѣстенъ и приведеніе его въ извѣстность, когда я знакомился съ канцелярскимъ матеріаломъ, представлялось мнѣ египетскою работой, обѣщавшею, притомъ, самые сомнительные результаты. Можно опредѣлить коэффиціентъ лишь приблизительно и только для настоящаго времени. Въ 1889 г. во всѣхъ четырехъ приходахъ родилось 352 дѣтей обоего пола; при обыкновенныхъ условіяхъ въ Россіи такое количество дѣтей рождается ежегодно въ мѣстахъ съ населеніемъ въ семь тысячъ душъ **); именно семь тысячъ съ прибавкою нѣсколькихъ сотенъ жило въ колоніи въ 1889 г. Здѣшній коэффиціентъ рождаемости, очевидно, лишь не много выше, чѣмъ вообще въ Россіи (49,8) и въ русскихъ уѣздахъ, напримѣръ, Череповецкомъ (45,4) и Тамбовскомъ (51,8). Можно признать, что рождаемость на Сахалинѣ въ 1889 г. была относительно такъ же велика, какъ вообще въ Россіи, и если была разница въ коэффиціентахъ, то небольшая, не имѣющая, вѣроятно, особеннаго значенія. А такъ какъ изъ двухъ мѣстностей съ одинакими коэфиціентами общей рождаемости плодовитость женщинъ въ той выше, въ которой ихъ относительно меньше,

---

*) Эти цифровыя свѣдѣнія, взятыя мною изъ приходскихъ метрическихъ книгъ, касаются одного только православнаго населенія. Рождаемость у нехристіанъ, а также католиковъ и лютеранъ, мнѣ неизвѣстна. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ хотя отчасти, я принялъ въ общій счетъ и солдатскихъ дѣтей, родившихся на Сахалинѣ.

**) Считая, по Янсону, 49,8 или почти 50 рожденій на 1,000.

то, очевидно, можно признать также еще, что плодовитость женщинъ на Сахалинѣ значительно выше, чѣмъ въ Россіи вообще.

Голодъ, тоска по родинѣ, порочныя наклонности, неволя — вся сумма неблагопріятныхъ условій ссылки не исключаетъ у ссыльныхъ производительной способности; стало быть, наличность ея не означаетъ благополучія. Причиной повышенной плодовитости женщинъ и такой же рождаемости служитъ, во-первыхъ, праздность ссыльныхъ, живущихъ въ колоніи, вынужденное домосѣдство мужей и сожителей, вслѣдствіе отсутствія у нихъ отхожихъ промысловъ и заработковъ, и монотонность жизни, при которой удовлетвореніе половыхъ инстинктовъ является часто единственнымъ возможнымъ развлеченіемъ, и, во-вторыхъ, то обстоятельство, что большинство женщинъ относится здѣсь къ производительнымъ возрастамъ. Кромѣ этихъ ближайшихъ причинъ, существуютъ, вѣроятно, еще отдаленныя, пока недоступныя непосредственному наблюденію. Быть можетъ, на сильную рождаемость слѣдуетъ смотрѣть, какъ на средство, какое природа даетъ населенію для борьбы съ вредными, разрушительными вліяніями и, прежде всего, съ такими врагами естественнаго порядка, какъ малочисленность населенія и недостатокъ женщинъ. Чѣмъ бо́льшая опасность угрожаетъ населенію, тѣмъ больше родится, и въ этомъ смыслѣ неблагопріятныя условія могутъ быть названы причиною высокой рождаемости *).

Изъ 2,275 рожденій за десятилѣтній періодъ maximum приходится на осенніе мѣсяцы (29,2%), minimum на весенніе (20,8%), и зимою (26,2%) рождалось больше, чѣмъ лѣтомъ (23,6%). Наибольшее число зачатій и рожденій происходило до сихъ поръ въ полугодіе съ августа до февраля, и въ этомъ отношеніи время съ короткими днями и длинными ночами было наиболѣе благопріятнымъ, чѣмъ пасмурная и дождливая весна и такое же лѣто.

Въ настоящее время на Сахалинѣ всего дѣтей 2,122, включая сюда и тѣхъ подростковъ, которымъ въ 1890 г. исполнилось 15 лѣтъ. Изъ нихъ прибыло изъ Россіи съ родителями 644, родилось на Сахалинѣ и по пути слѣдованія въ ссылку 1,473; дѣтей, мѣсторожденіе которыхъ мнѣ неизвѣстно, 5. Первыхъ меньше почти въ три раза; въ большинствѣ они прибыли на островъ уже въ тѣхъ возрастахъ, когда дѣти сознаютъ: они помнятъ и любятъ родину;

*) Острыя, скоро проходящія катастрофы, какъ неурожай, война и т. п., понижаютъ рождаемость, хроническія же бѣдствія, какъ высокая дѣтская смертность и, быть можетъ, также плѣнъ, крѣпостное состояніе, ссылка и т. п., усиливая ее. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ вмѣстѣ съ психическимъ вырожденіемъ наблюдается также усиленная рождаемость.

вторые же, сахалинскіе уроженцы, никогда не видѣли ничего лучше Сахалина и должны тяготѣть къ нему, какъ къ своей настоящей родинѣ. Вообще обѣ группы значительно разнятся одна отъ другой. Такъ, въ первой группѣ незаконнорожденныхъ только 1,7%, во второй же 37,2%*). Представители первой группы называютъ себя свободными; въ громадномъ большинствѣ они были рождены или зачаты до суда и сохраняютъ поэтому всѣ права своего состоянія. Дѣти же, рожденные въ ссылкѣ, не называютъ себя никакъ; современемъ они припишутся къ податнымъ сословіямъ и будутъ называться крестьянами или мѣщанами, теперь же ихъ соціальное положеніе опредѣляется такъ: незаконный сынъ ссыльно-каторжной, дочь поселенца, незаконная дочь поселки и т. д. Когда одна дворянка, жена ссыльнаго, узнала, что ея ребенка записали въ метрическую книгу сыномъ поселенца, то, говорятъ, горько заплакала.

Въ первой группѣ дѣтей грудныхъ и моложе 4-хъ лѣтъ почти нѣтъ совсѣмъ и перевѣсъ на сторонѣ такъ называемыхъ школьныхъ возрастовъ. Во второй же группѣ, у сахалинскихъ уроженцевъ, наоборотъ, преобладаютъ самые ранніе возрасты, и, притомъ, чѣмъ старше дѣти, тѣмъ меньше сверстниковъ, и если бы мы изобразили дѣтскіе возрасты этой группы графически, то получили бы рѣзкое крутое паденіе кривой. Въ этой группѣ дѣтей моложе одного года 203, отъ 9 до 10 лѣтъ — 45, отъ 15 до 16 — только 11 **). Изъ двадцатилѣтковъ, родившихся на Сахалинѣ, какъ я говорилъ уже, не осталось ни одного. Такимъ образомъ, недостатокъ подростковъ и юношей пополняется пришлыми, которые пока одни только даютъ изъ своей среды молодыхъ жениховъ и невѣстъ. Невысокій процентъ дѣтей старшихъ возрастовъ среди сахалинскихъ уроженцевъ объясняется и дѣтскою смертностью, и тѣмъ, что въ прошлые годы было на островѣ меньше женщинъ и потому меньше рождалось дѣтей, но больше всего виновата тутъ эмиграція. Взрослые, уѣзжая

*) Незаконнорожденные первой группы—это дѣти каторжныхъ женщинъ, рожденныя большею частью послѣ суда въ тюрьмахъ; въ семьяхъ же, добровольно пришедшихъ за супругами и родителями, незаконнорожденныхъ нѣтъ вовсе.

**) Вотъ таблица возрастовъ, относящаяся къ сахалинскимъ уроженцамъ:

Отъ 0 до 1 года	м. 106	ж. 97		Отъ 9 до 10 лѣтъ	м. 23	ж. 22
„ 1 „ 2 лѣтъ	„ 120	„ 104		„ 10 „ 11 „	„ 25	„ 27
„ 2 „ 3 „	„ 111	„ 105		„ 11 „ 12 „	„ 14	„ 24
„ 3 „ 4 „	„ 81	„ 87		„ 12 „ 13 „	„ 15	„ 18
„ 4 „ 5 „	„ 65	„ 61		„ 13 „ 14 „	„ 8	„ 14
5 „ 6 „	„ 56	„ 50		„ 14 „ 15 „	„ 15	„ 9
6 „ 7 „	„ 37	„ 48		„ 15 „ 16 „	„ 3	„ 8
7 „ 8 „	„ 34	„ 30		Неизвѣстно	„ 2	„ 1
8 „ 9 „	„ 31	„ 22				

на материкъ, не оставляютъ дѣтей, а увозятъ ихъ съ собой. Родители сахалинскаго уроженца обыкновенно начинаютъ отбывать наказаніе еще задолго до появленія его на свѣтъ, и пока онъ родится, ростетъ и достигаетъ 10-ти лѣтняго возраста, они въ большинствѣ уже успѣваютъ получить крестьянскія права и уѣхать на материкъ. Положеніе же пришлаго совсѣмъ иное. Когда его родителей присылаютъ на Сахалинъ, то ему бываетъ уже 5—8—10 лѣтъ; пока они отбываютъ каторгу и поселеніе, онъ выходитъ изъ дѣтскаго возраста, и пока потомъ родители хлопочутъ о крестьянскихъ правахъ, становится уже работникомъ и, прежде чѣмъ совсѣмъ уѣхать на материкъ, успѣваетъ нѣсколько разъ побывать на заработкахъ во Владивостокѣ и въ Николаевскѣ. Во всякомъ случаѣ, въ колоніи не остаются ни пришлые, ни мѣстные уроженцы, и поэтому всѣ сахалинскіе посты и селенія до настоящаго времени вѣрнѣе было бы называть не колоніей, а мѣстами временнаго водворенія.

Рожденіе каждаго новаго человѣка въ семьѣ встрѣчается непривѣтливо; надъ колыбелью ребенка не поютъ пѣсенъ и слышатся одни только зловѣщія причитыванія. Отцы и матери говорятъ, что дѣтей нечѣмъ кормить, что они на Сахалинѣ ничему хорошему не научатся, и «самое лучшее, если бы Господь милосердный прибралъ ихъ поскорѣе». Если ребенокъ плачетъ или шалитъ, то ему кричатъ со злобой: «Замолчи, чтобъ ты издохъ!» Но, все-таки, что бы ни говорили и какъ бы ни причитывали, самые полезные, самые нужные и самые пріятные люди на Сахалинѣ — это дѣти, и сами ссыльные хорошо понимаютъ это и дорого цѣнятъ ихъ. Въ огрубѣвшую, нравственно истасканную сахалинскую семью они вносятъ элементъ нѣжности, чистоты, кротости, радости. Несмотря на свою непорочность, они больше всего на свѣтѣ любятъ порочную мать и разбойника отца, и если ссыльнаго, отвыкшаго въ тюрьмѣ отъ ласки, трогаетъ ласковость собаки, то какую цѣну должна имѣть для него любовь ребенка! Я уже говорилъ, что присутствіе дѣтей оказываетъ ссыльнымъ нравственную поддержку, теперь же еще прибавлю, что дѣти часто составляютъ то единственное, что привязываетъ еще ссыльныхъ мужчинъ и женщинъ къ жизни, спасаетъ отъ отчаянія, отъ окончательнаго паде[нія]. Мнѣ однажды пришлось записывать двухъ женщинъ свободнаго состоянія, прибывшихъ добровольно за мужьями и жившихъ на [от]ной квартирѣ; одна изъ нихъ, бездѣтная, пока я былъ въ [ко]все время роптала на судьбу, смѣялась надъ собой, обзывала [се]дурой и окаянной за то, что пошла на Сахалинъ, судорожно [ры]

мала кулаки, и все это въ присутствіи мужа, который находился тутъ же и виновато смотрѣлъ на меня, а другая, какъ здѣсь часто говорятъ, дѣтная, имѣющая нѣсколько душъ дѣтей, молчала, и я подумалъ, что положеніе первой, бездѣтной, должно быть ужасно. Помнится, записывая въ одной избѣ татарскаго мальчика трехъ лѣтъ, въ ермолкѣ, съ широкимъ разстояніемъ между глазами, я сказалъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ, и вдругъ равнодушное лицо его отца, казанскаго татарина, прояснилось и онъ весело закивалъ головой, какъ бы соглашаясь со мной, что его сынъ очень хорошій мальчикъ, и мнѣ показалось, что этотъ татаринъ счастливъ.

Подъ какими вліяніями воспитываются сахалинскія дѣти и какія впечатлѣнія опредѣляютъ ихъ душевную дѣятельность, читателю понятно изъ всего вышеписаннаго. Что въ Россіи, въ городахъ и деревняхъ страшно, то здѣсь обыкновенно. Дѣти провожаютъ равнодушными глазами партію арестантовъ, закованныхъ въ кандалы; когда кандальные везутъ тачку съ пескомъ, то дѣти цѣпляются сзади и хохочутъ. Играютъ они въ солдаты и въ арестанты. Мальчикъ, выйдя на улицу, кричитъ своимъ товарищамъ: «равняйсь!» «отставить!» Или же онъ кладетъ въ мѣшокъ свои игрушки и кусокъ хлѣба и говоритъ матери: «Я иду бродяжить». — «Глядикось, часомъ солдатъ подстрѣлитъ», — шутитъ мать; онъ идетъ на улицу и бродяжитъ тамъ, а товарищи, изображающіе солдатъ, ловятъ его. Сахалинскія дѣти говорятъ о бродягахъ, розгахъ, плетяхъ, знаютъ, что такое палачъ, кандальные, сожитель. Обходя избы въ Верхнемъ Армуданѣ, я въ одной не засталъ старшихъ; дома былъ только мальчикъ лѣтъ 10, бѣловолосый, сутулый, босой; блѣдное лицо покрыто крупными веснушками и кажется мраморнымъ.

— Какъ по отчеству твоего отца? — спросилъ я.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ.

— Какъ же такъ? Живешь съ отцомъ и не знаешь, какъ его зовутъ? Стыдно.

— Онъ у меня не настоящій отецъ.

Какъ такъ — не настоящій?

Онъ у мамки сожитель.

Твоя мать замужняя или вдова?

Вдова Она за мужа пришла.

Что значитъ — за мужа пришла?

Убила.

отца своего помнишь?

— Не помню. Я незаконный. Меня мамка на Карѣ родила.

Сахалинскія дѣти блѣдны, худы, вялы; они одѣты въ рубища и всегда хотятъ ѣсть. Какъ увидитъ ниже читатель, умираютъ они почти исключительно отъ болѣзней пищеварительнаго канала. Жизнь впроголодь, питаніе иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ одною только брюквой, а у достаточныхъ—одною соленою рыбой, низкая температура и сырость убиваютъ дѣтскій организмъ чаще всего медленно, изнуряющимъ образомъ, мало-по-малу перерождая всѣ его ткани; если бы не эмиграція, то черезъ два-три поколѣнія, вѣроятно, пришлось бы имѣть дѣло въ колоніи со всѣми видами болѣзней, зависящихъ отъ глубокаго разстройства питанія. Въ настоящее время дѣти бѣднѣйшихъ поселенцевъ и каторжныхъ получаютъ отъ казны такъ называемыя «кормовыя»: дѣтямъ отъ одного года до 15 лѣтъ выдается по $1^1/_2$, а круглымъ сиротамъ, калѣкамъ, уродамъ и близнецамъ по 3 рубля въ мѣсяцъ. Право ребенка на эту помощь опредѣляется личнымъ усмотрѣніемъ чиновниковъ, которые слово «бѣднѣйшій» понимаютъ каждый по-своему *);

*) Размѣръ выдачи зависитъ также отъ того, разумѣетъ ли чиновникъ подъ калѣками и уродами только хромыхъ, безрукихъ и горбатыхъ, или также еще бугорчатыхъ, слабоумныхъ, слѣпыхъ.

Какъ помочь сахалинскимъ дѣтямъ? Прежде всего, мнѣ кажется, право на помощь не слѣдуетъ обставлять требованіями такого ценза, какъ „бѣднѣйшій“, „калѣка“ и т. п. Надо помогать всѣмъ просящимъ безъ исключенія и при этомъ не бояться обмана: лучше быть обманутымъ, чѣмъ самому обмануться. Форма помощи опредѣляется мѣстными условіями. Еслибъ отъ меня зависѣло, то на тѣ деньги, которыя расходуются теперь на „кормовыя“, я устроилъ бы въ постахъ и селеніяхъ чайныя для всѣхъ женщинъ и дѣтей, выдавалъ бы кормовое и одежное довольствіе всѣмъ безъ исключенія беременнымъ женщинамъ и кормящимъ грудью, а „кормовыя“ $1^1/_2$—3 руб. въ мѣсяцъ сохранилъ бы только для дѣвушекъ съ 13 лѣтъ до замужства и выдавалъ бы имъ эти деньги прямо на руки.

Ежегодно изъ Петербурга благотворители присылаютъ сюда для раздачи дѣтямъ полушубки, фартучки, валенки, чепчики, гармоники, душеспасительныя книжки, перья. Начальникъ острова, получивъ эти вещи, приглашаетъ мѣстныхъ дамъ заняться распредѣленіемъ и раздачей подарковъ. Говорятъ, что вещи эти пропиваются и проигрываются отцами, что лучше бы вмѣсто гармоники прислали хлѣба и т. д., но подобныя замѣчанія не должны смущать великодушныхъ людей. Дѣти обыкновенно бываютъ очень рады, а отцы и матери безконечно благодарны. Было бы вполнѣ умѣстно, если бы благотворители, интересующіеся судьбою дѣтей ссыльныхъ, получали ежегодно возможно подробныя свѣдѣнія о сахалинскихъ дѣтяхъ, о числѣ ихъ, о составѣ ихъ по поламъ и возрастамъ, о числѣ грамотныхъ, нехристіанъ и т. д. Если благотворителю извѣстно, напримѣръ, сколько среди дѣтей грамотныхъ, то онъ будетъ знать, сколько нужно послать книжекъ или карандашей, чтобы никого не обидѣть, а назначать игрушки и одежду удобнѣе всего, соображаясь съ поломъ, возрастомъ и національностью дѣтей. На самомъ же Сахалинѣ необходимо всѣ дѣла, имѣющія какое-либо отношеніе къ благотворительности, изъять изъ вѣдѣнія полицейскихъ управленій, которыя и безъ того завалены дѣлами, и организацію помощи предоставить мѣстной интеллигенціи; среди нея не мало людей, которые были бы рады

полученные $1^1/_2$ или 3 рубля тратятся по усмотрѣнію отцовъ и матерей. Эту денежную помощь, зависящую отъ столькихъ усмотрѣній и, благодаря бѣдности и недобросовѣстности родителей, рѣдко достигающую своего назначенія, давно бы уже слѣдовало отмѣнить. Она не уменьшаетъ бѣдности, а только маскируетъ ее, заставляя людей непосвященныхъ думать, что на Сахалинѣ дѣти обезпечены.

Антонъ Чеховъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

взять на себя это живое дѣло. Въ Александровскѣ иногда по зимамъ даются любительскіе спектакли въ пользу дѣтей. Недавно въ Корсаковскомъ посту служащіе собрали по подпискѣ денегъ и накупили разныхъ матерій, а жены ихъ нашили платьевъ и бѣлья и роздали дѣтямъ.

Дѣти составляютъ бремя въ экономическомъ отношеніи и наказаніе Божіе за грѣхи, но это не мѣшаетъ ссыльнымъ, если у нихъ нѣтъ своихъ дѣтей, принимать и усыновлять чужихъ. Дѣтныя выражаютъ желаніе, чтобъ ихъ дѣти умерли, а бездѣтныя берутъ чужихъ сиротъ себѣ въ дѣти. Бываетъ, что ссыльные усыновляютъ сиротъ и бѣдныхъ дѣтей въ разсчетѣ на кормовыя и всякаго рода пособія и даже на то, что пріемышъ будетъ просить на улицѣ милостыню, но въ большинствѣ, вѣроятно, ссыльными руководятъ чистыя побужденія. Въ „дѣти“ поступаютъ не одни только дѣти, но также взрослые и даже старики. Такъ, поселенецъ Иванъ Новиковъ 1-й, 60 лѣтъ, считается пріемнымъ сыномъ поселенца Евгенія Ефимова, 42 лѣтъ. Въ Р[illegible]вскомъ Елисей Маклаковъ, 70 лѣтъ, записался пріемнымъ отцомъ Ильи Минаева.

По *Уставу о ссыльныхъ*, малолѣтнія дѣти, слѣдующія въ Сибирь при ссылаемыхъ, и[illegible]е переселяемыхъ туда родителяхъ, отправляются туда на подводахъ, причемъ о[illegible] подвода дается на пять душъ; какія дѣти въ этомъ случаѣ относятся къ малолѣтнимъ, въ *Уставѣ* не сказано. Дѣти, слѣдующія за родителями, получаютъ одежду, об[illegible]ь и кормовыя деньги во все продолженіе пути. Когда за осужденнымъ по доброй во[illegible] слѣдуетъ въ ссылку его семья, то дѣти, достигшія 14-ти лѣтняго возраста, от[illegible]яются только по собственному желанію. Дѣти, достигшія 17-ти лѣтняго возраста, мо[illegible] покидать мѣсто ссылки и возвращаться на родину безъ разрѣшенія родителей.

МЕЖДУ ДВУХЪ СМУТНЫХЪ ИДЕАЛОВЪ *).

(Повѣсть).

XIV.

Наконецъ, недѣля пребыванія въ Хрящовѣ прошла. Уже наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда, Леонидъ Васильевичъ находился въ очень возбужденномъ состояніи. Онъ то балагурилъ, то вдругъ становился задумчивымъ, то напускалъ на себя чрезвычайную заботливость о разныхъ сельско-хозяйственныхъ дѣлахъ, ждавшихъ, будто бы, его въ Свіягинѣ, и, говоря, что надо торопиться, что онъ замѣшкался здѣсь слишкомъ долго, начиналъ разсчитывать, въ какомъ часу они завтра выѣдутъ, когда пріѣдутъ къ Мальковымъ, какъ пробудутъ тамъ только четверть часа и какъ потомъ въ такомъ-то часу будутъ въ Свіягинѣ.

Касаткинъ догадывался о причинѣ и предвидѣлъ, что все это точное распредѣленіе часовъ завтрашней поѣздки пойдетъ прахомъ, если Свіягинъ получитъ согласіе, и не четверть часа, а цѣлый день они опять пробудутъ у Мальковыхъ. Но если... если отказъ... о, тогда, конечно, каждая лишняя секунда тамъ покажется пыткой!

Александръ Ѳедоровичъ чувствовалъ, что даже у него вчужѣ сжималось сердце при этой мысли. И онъ искренно желалъ Свіягину успѣха, желалъ, чтобы черезъ годъ новая струя жизни ключомъ забила въ Хрящовѣ.

А самъ-то онъ? Что увезетъ онъ отсюда въ Петербургъ? [illegible]-знаніе одиночества... маленькое обидное сознаніе скверно про[illegible]-деннаго лѣта... и сознаніе, что пройдена еще одна станція, [illegible]е одна изъ ближайшихъ къ мѣсту назначенія—къ могилѣ.

И когда на другой день утромъ, опять забившись каждый [illegible]ъ

*) *Русская Мысль*, кн. V.

свой уголъ тарантаса, Касаткинъ и Свіягинъ ѣхали изъ Хрящова на мальковскій хуторъ, оба были въ минорномъ настроеніи. Касаткинъ неустанно дымилъ, закуривая съ какимъ-то ожесточеніемъ папиросу отъ папиросы, Свіягинъ, казалось, внимательно слѣдилъ за пристяжной, которая поминутно опускала постромки.

Отъ времени до времени взглядывая на сосѣда, Касаткинъ замѣтилъ, что Леонидъ Васильевичъ сегодня блѣднѣе обыкновеннаго и подъ лѣвымъ глазомъ у него какъ будто слегка вздулся мѣшокъ, оттѣненный большою синевой.

«Что это у него, отъ порока сердца, что ли?— подумалъ Александръ Ѳедоровичъ.—Вотъ другой разъ вижу: подъ однимъ глазомъ посинѣетъ, подъ другимъ нѣтъ».

Касаткину стало жаль Леонида Васильевича, и, чтобъ развлечь его, онъ началъ говорить и сталъ хвалить красивый видъ, открывавшійся на даль полей съ пролегавшей по косогору дороги. Дождливая погода уже успѣла смѣниться настоящею лѣтнею жарой, грязь въ колеяхъ попросохла, а пыли еще не было; тарантасъ катился, какъ по мягкому ковру, лишь изрѣдка подскакивая на какой-нибудь выбоинѣ. Утренній воздухъ былъ свѣжъ и ароматенъ, и теперь Александръ Ѳедоровичъ не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Чудный денекъ! Экой воздухъ!

Леониду Васильевичу это понравилось. Но, погруженный въ свои мысли, онъ сначала промолчалъ и только спустя нѣсколько минутъ доставилъ себѣ удовольствіе высказать лишній разъ свою любимую мысль.

— Да, братъ, только тутъ, въ деревнѣ, и можетъ быть и настоящее здоровье, и настоящая нормальная жизнь,—подкупающимъ, ласковымъ тономъ произнесъ онъ и опять надолго замолчалъ.

Александръ Ѳедоровичъ тоже не былъ расположенъ сегодня къ словопреніямъ и потому отвѣтилъ не скоро.

— Да что такое вообще *нормальная* жизнь для *человѣка* въ широкомъ смыслѣ слова? — сказалъ онъ, какъ бы разсуждая съ собой.— Почему жизнь города, почему волненія и страсти со всѣми ихъ послѣдствіями надо исключить изъ нормальной жизни? Пишешь,—кто это сказалъ, кажется, Державинъ?—«Я рабъ, я царь, я червь, я богъ!...» А ты мнѣ предлагаешь нормальную жизнь червя!—съ горделивымъ выраженіемъ покосился онъ на Свіягина.

Тысячу сомнѣній опять пробудили эти слова у Леонида Васильевича. И онъ не захотѣлъ остаться передъ Касаткинымъ въ долгу.

Въ послѣдовательномъ порядкѣ размышленія о всѣхъ прочитанныхъ ему пріятелемъ «нотаціяхъ», добравшись до того, что, казалось, было Александру Ѳедоровичу всего дороже, Свіягинъ вдругъ бросилъ ему вызовъ.

— Ты вотъ мнѣ все говорилъ: трудись, создавай и расточай. Ну, а самъ-то ты что создаешь и расточаешь? — обратился онъ съ ироническою улыбкой къ Касаткину.—Праздныя рѣчи, что ли?

Александръ Ѳедоровичъ съ минуту посмотрѣлъ Свіягину прямо въ глаза и ласково, какъ другъ, какъ старшій, спокойно произнесъ:

— Милый, слыхалъ ты, что «слова поэта суть уже дѣла его»?— Помолчавъ, онъ добавилъ: — Всѣ умремъ, и я, и ты, и отъ дѣлъ нашихъ, можетъ быть, и слѣда не останется. А праздныя-то рѣчи, слова-то, переживутъ насъ еще, пожалуй, дольше всего.

Леонидъ Васильевичъ въ дружескомъ и нѣсколько грустномъ тонѣ Касаткина почувствовалъ упрекъ.

Не въ веселомъ настроеніи подъѣхали они къ мальковскому дому.

Соня какъ разъ собиралась выходить изъ дому въ сопровожденіи старосты, когда они вошли въ переднюю.

При видѣ ихъ, на ясномъ лицѣ ея выразилась радость. Она дружески, весело подала обоимъ сразу обѣ руки, одному правую, другому лѣвую, и этотъ искренній, задушевный привѣтъ, такъ рѣзко отличавшійся отъ обычныхъ церемонности и жеманства, съ которымъ молодой дѣвушкѣ принято встрѣчать молодыхъ людей, тронулъ Касаткина.

— Мы вамъ помѣшали,— несмѣло сказалъ Свіягинъ,— вы куда-то собрались.

— Нисколько,— отвѣтила Соня,— я хотѣла пойти взглянуть поломавшуюся вѣялку, чинить надо. Да это подождетъ, еще хлѣбъ не жнутъ,— разсмѣялась она. — Прошу васъ.

И она кивнула старостѣ въ знакъ того, что онъ можетъ идти безъ нея.

— Мама на террасѣ,— сказала Соня, проводя гостей черезъ гостиную.

Марья Петровна, по обыкновенію, сидѣла въ своемъ креслѣ съ шитьемъ въ рукахъ и встрѣтила гостей тѣмъ спокойно-ласковы взглядомъ, который такъ понравился Касаткину при первомъ з комствѣ съ ней. Но и въ ея лицѣ, и въ ея привѣтственныхъ с вахъ онъ напрасно старался уловить хотя намекъ на то, какой вѣтъ получитъ сегодня Свіягинъ. Въ обращеніи Марьи Петров съ Леонидомъ Васильевичемъ не было никакой перемѣны, ничъ

видимо, не взволновало ее за это время, какъ будто предложенія Свіягинымъ вовсе не было сдѣлано или Марья Петровна не знала о томъ.

За то, взглянувъ на Соню въ то время, какъ Леонидъ Васильевичъ здоровался съ ея матерью, Касаткинъ не могъ не замѣтить, какъ сначала легкая тѣнь пробѣжала по лицу молодой дѣвушки, смотрѣвшей въ это время на жениха, а въ глазахъ появилось вдругъ выраженіе доброты и сожалѣнія, отъ которыхъ у Касаткина захолонуло на сердцѣ. Нѣтъ сомнѣнія, Леонида Васильевича ждетъ отказъ!

И онъ, еще вчера ловившій себя на зависти возможному счастью Свіягина, теперь испытывалъ такое чувство, будто онъ самъ терялъ что-то дорогое, лучшее, что у него было въ жизни. Мысль о томъ, какъ тяжело будетъ Свіягину перенести ударъ, производила на него такое впечатлѣніе, будто на его глазахъ тонулъ близкій ему человѣкъ, а онъ былъ не въ состояніи ничѣмъ помочь ему. И ему такъ и хотѣлось сказать въ эту минуту Сонѣ: «Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, не дѣлайте этого, не убивайте его!»

— Мама о васъ соскучилась,— заговорила Соня, подходя ближе къ нему.— Послѣ вашего отъѣзда ей двѣ ночи подрядъ снился Петербургъ. Все ваши разговоры виноваты. Ужь она три раза вспоминала: когда же пріѣдетъ Леонидъ Васильевичъ съ своимъ пріятелемъ?

— Что-жь, о хорошихъ вещахъ съ хорошимъ человѣкомъ пріятно и побесѣдовать,— сказала Марья Петровна.

— Душевно радъ, что могъ доставить вамъ удовольствіе,— отвѣтилъ Касаткинъ.

— А нынче мы къ вамъ на одну минутку, только лошадямъ чуточку вздохнуть,— поспѣшилъ вставить Леонидъ Васильевичъ.

— Что такъ?— нѣсколько изумилась Марья Петровна.

— Дѣла, необходимо поспѣшить въ Свіягино,— дѣловымъ тономъ отвѣтилъ Леонидъ Висильевичъ.

«Какъ глупо съ его стороны говорить такія вещи, когда пріѣхалъ за отвѣтомъ!» — подумалъ Касаткимъ.

— У васъ всегда дѣла,— усмѣхнулась Марья Петровна.

вязался тотъ незначительный разговоръ, когда всѣ говорятъ не томъ, что ихъ больше всего интересуетъ въ эту минуту. Изъ зал были принесены стулья, но Свіягинъ не садился, а нервно под дилъ то къ спуску съ террасы въ садъ, то къ дверямъ въ гос ную и, видимо, искалъ удобнаго случая объясниться съ Сонею. онецъ, улучивъ моментъ, когда разговоръ между Марьей

Петровной и Касаткинымъ нѣсколько оживился, онъ предложилъ Сонѣ не откладывать осмотра поломавшейся вѣялки и вызвался сопровождать ее.

Отъ Касаткина, слушавшаго Марью Петровну, но внимательно слѣдившаго и за Соней, не ускользнуло, какъ Соня смутилась, немного поблѣднѣла и въ нерѣшительности стала было отнѣкиваться, говоря, что это совсѣмъ не нужно. Но онъ замѣтилъ и то, какъ, взглянувъ на мать и, должно быть, что-то прочтя въ ея лицѣ, она сейчасъ же съ простодушною улыбкой сказала:

— Ну, пожалуй, пойдемте. Вы мнѣ посовѣтуете, какъ починить.

И они спустились въ садъ и, обогнувъ террасу, вышли черезъ калитку во дворъ.

Пока они шли до риги, гдѣ стояла вѣялка, пока они осматривали эту вѣялку, Леонидъ Васильевичъ дрожалъ отъ волненія, краснѣлъ, произносилъ слова невпопадъ. Они были вдвоемъ, онъ ждалъ обѣщаннаго отвѣта отъ Сони, но ни въ ея голосѣ, ни на ея лицѣ онъ не находилъ тѣхъ благопріятныхъ признаковъ, которые бы безъ словъ сказали ему: «да». Онъ замѣчалъ только, что и она взволнована, что и ей не по себѣ, что и ей, какъ и ему, въ эту минуту не до вѣялки, о починкѣ которой они такъ долго, такъ подробно,— болѣе подробно, чѣмъ нужно,— разговариваютъ.

И когда уже все, что можно было сказать о починкѣ поломавшагося механизма, было исчерпано, когда Соня сдѣлала шагъ, чтобы выйти изъ риги, Леонидъ Васильевичъ неловко, робко попробовалъ остановить ее: онъ протянулъ передъ ней руку и сейчасъ же опять онустилъ ее.

Соня поняла его движеніе и сама остановилась съ потупленными глазами.

— Софья Сергѣевна... вы сказали... чрезъ недѣлю...

Соня молчала.

Леонидъ Васильевичъ чувствовалъ, что съ нимъ дѣлается что-то неладное. Онъ сначала приложилъ лѣвую руку ладонью къ сердцу, потомъ машинально скомкалъ въ этомъ мѣстѣ между пальцами пиджакъ, какъ бы желая вырвать тутъ и матерію, и тѣло, и с[illegible]ое сердце. Рисширенными глазами смотрѣлъ онъ на печальное [illegible]ицо Сони. Но въ ея опущенномъ взглядѣ, въ этой блѣдности и гр[illegible]сти онъ, все-таки, не находилъ и тѣни того, что можно бы назвать любовью.

Соня молчала.

— Нѣтъ? — едва проговорилъ Леонидъ Васильевичъ, вопросительно смотря въ лицо Сони.

Онъ ничего не могъ сказать болѣе, онъ чувствовалъ, что задыхается, и машинально мялъ между пальцами лѣвый бокъ пиджака.

— Я ничего не могу... не думайте объ этомъ, Леонидъ Васильевичъ, — отвѣтила, пересиливъ себя, Соня и посмотрѣла на него взглядомъ мольбы и состраданія. — Не сердитесь на меня, пойдемте, — сказала она, нѣсколько испуганная его безумно смотрѣвшими на нее глазами.

— Да, да... пойдемте... поѣдемъ, — пробормоталъ Леонидъ Васильевичъ, идя за ней изъ риги и продолжая комкать свой пиджакъ.

Лошади стояли въ сторонѣ отъ дома, въ тѣни у сарая. Леонидъ Васильевичъ, проходя, далъ знакъ, и Николай подкатилъ къ крыльцу.

— Надо, однако, проститься съ Марьей Петровной, — тихо сказалъ онъ, слѣдуя за Соней.

Соня молча шла съ опущенною головой.

Они вошли въ домъ, на террасу. Касаткинъ и Марья Петровна оживленно разговаривали.

— Ну, ѣдемъ, ѣдемъ скорѣе! — обратился Леонидъ Васильевичъ къ Касаткину, стараясь казаться веселымъ. — Пора, давно пора. Ѣдемъ!

— Что же вы такъ спѣшите? — любезно сказала Марья Петровна. Но Касаткину послышалось, что въ этой оффиціальной фразѣ звучала грустная нотка.

— Нельзя, Марья Петровна. Домой, домой надо, — слегка дрожащимъ голосомъ, пересиливая волненіе, говорилъ Леонидъ Васильевичъ. — Прощайте.

Касаткинъ всталъ, и, быстро простившись съ хозяйками, пріятели вышли на крыльцо. Черезъ минуту свіягинскій тарантасъ уже мелькнулъ изъ-за деревьевъ на высокомъ подъемѣ дороги.

Соня обняла мать и молча припала головой къ ней на грудь. На глазахъ у нея были слезы.

— Что же дѣлать, моя милая? Нельзя насиловать свое сердце, — говорила ей Марья Петровна, гладя ее по головѣ. — Ты не виновата, что не можешь сдѣлать его счастливымъ, ты не виновата, голубка.

XV.

[illegible]кело было Касаткину смотрѣть на Свіягина, когда они очутил[illegible] опять вдвоемъ въ тарантасѣ.

Леонидъ Васильевичъ все время молчалъ и только по временамъ прикладывалъ руку къ сердцу или закрывалъ рукой глаза, какъ будто для того, чтобы лучше сосредоточиться.

Болѣзненный видъ его лица производилъ на Касаткина отталкивающее впечатлѣніе. Стѣсняясь присутствіемъ кучера, Александръ Ѳедоровичъ не рѣшался разспрашивать, что̀ случилось, хотя не могъ не догадываться.

Однако, выбравъ удобную минуту, онъ взялъ руку Свіягина и, дружески пожавъ ее, спросилъ:

— Ну, что? Да?

Леонидъ Васильевичъ, не взглянувъ на него, только отрицательно покачалъ головой.

Въ одной изъ деревень, по дорогѣ, Свіягинъ велѣлъ Николаю остановиться у первой попавшейся избы и попросилъ холодной воды. Послѣ этого ему стало лучше, и Касаткинъ старался развлечь его, задавая ему разные вопросы, будто бы заинтересовавшіе его въ области хлѣбопашества. Леонидъ Васильевичъ отвѣчалъ нехотя, но покорно.

Рѣзкимъ контрастомъ со всѣмъ, что было на мальковскомъ хуторѣ, повѣяло на Касаткина, когда, при въѣздѣ на свіягинскій дворъ, онъ увидалъ Анну Николаевну стоящею опять у ледника, и ему сейчасъ же представилось, что она отдаетъ, вѣроятно, приказанія все о той же гнилой солонинѣ.

Какъ всегда, румяная, улыбающаяся, слащавая, Анна Николаевна направилась къ крыльцу, замѣтивъ пріѣхавшихъ.

Леонидъ Васильевичъ не пошелъ ей на встрѣчу. Онъ прямо прошелъ въ свой кабинетъ и быстро сталъ раздѣваться, торопливо, нервно хватая принадлежности своего обычнаго домашняго костюма.

Но Касаткину неловко было не пойти поздороваться съ Анной Николаевной и не заговорить съ ней.

— Ну, вотъ, прокатились,—улыбалась ему Анна Николаевна.—Понравилось ли Хрящево?

— Да чему же тамъ нравиться?—сухо отвѣтилъ Касаткинъ, здороваясь съ ней.

— Вотъ я то же говорю Леничкѣ, а онъ, подите съ нимъ любитъ ѣздить туда... А я вотъ съ огурцами хлопочу, — пок[а]ала Анна Николаевна Касаткину бывшіе у нея въ рукѣ три огурца [ли], вѣрнѣе, три пупленка-заморыша съ черными пятнами.—Вотъ по[л]юбуйтесь-ка, какую гадость вывелъ садовникъ,—перемѣнил[а] она слащавый тонъ на желчно-плаксивый.—Бѣда съ нынѣшнимъ ро-

домъ! За что шесть рублей въ мѣсяцъ плачу? Этакихъ пустяковъ не умѣлъ вывести. Только навозъ на парники напрасно извелъ. А тоже придутъ, хвастаются: «я садовникъ, мнѣ жалованья шесть рублей пожалуйте». А ничего не дѣлаютъ.

«Садовничка» Илью Касаткинъ видалъ за всякою другою работой, кромѣ сада: и дрова онъ кололъ, и самовары чистилъ, и съ прачкой на рѣку ѣздилъ; но Александръ Ѳедоровичъ не зналъ даже, что этотъ мужикъ завѣдуетъ двумя парниками въ саду, да и самые парники всегда казались ему заброшенными. И теперь, глядя на жалкіе плоды этого огородничества, онъ не зналъ, смѣяться ли ему надъ Анной Николаевной, или досадовать на нее.

— А что же это Леня какъ скоро убѣжалъ? Здоровъ ли ужь онъ?—вдругъ спохватилась Анна Николаевна.

— Кажется, что-то ему не совсѣмъ здоровится,—отвѣтилъ Касаткинъ.

— Ахъ, Боже мой,—воскликнула Анна Николаевна,— что съ нимъ? Вотъ всегда такъ. Каждый разъ, какъ поѣдетъ, всегда больной вернется.

И, оставивъ Касаткина поспѣвать за ней, она торопливо пошла къ сыну.

Но Леонидъ Васильевичъ на ея вопросы и причитанія отвѣчалъ только незначущими ничего словами: «Оставьте меня, оставьте! Дайте мнѣ успокоиться! Оставьте меня, пожалуйста, одного!»

Анна Николаевна по опыту знала, что въ эти минуты дѣйствительно лучше всего удаляться отъ него, и, тихонько выйдя изъ его кабинета, пошла къ ушедшему въ свою комнату Касаткину и стала разспрашивать его, какъ они провели время, что дѣлали и когда именно Леничка себя худо почувствовалъ.

У Касаткина въ душѣ накипало уже что-то злое противъ нея, и ему не хотѣлось много разговаривать съ ней. Но Анна Николаевна такъ пристала, что онъ, наконецъ, почти съ злорадствомъ, отрѣзалъ ей:

— Софья Сергѣевна, кажется, отказала Леониду Васильевичу.

· Какъ отказала? Что отказала?—воскликнула Анна Николаевна, еще недоумѣвая, еще не рѣшаясь догадаться.

асаткинъ объяснилъ, что онъ зналъ.

на Николаевна, съ несвойственною ея благородному происхожденію вульгарностью, просто всплеснула руками.

Отказа-ла!—растянула она.—Что вы говорите?

старушка на нѣсколько минутъ точно застыла въ раздумьи.

Она никакъ не могла объяснить себѣ, какъ Соничка могла отказать ея сыну? Чего же Марья Петровна смотритъ?

— Нѣтъ, это какое-нибудь недоразумѣніе,—сказала она, наконецъ, Касаткину,—я пойду сейчасъ къ Леничкѣ и узнаю отъ него.

Но Леонидъ Васильевичъ, едва она отворила дверь въ его комнату, такъ рѣзко прикрикнулъ ей: «Оставьте меня, мамаша!»—что Анна Николаевна ушла на цыпочкахъ.

Общее уныніе воцарилось на весь день. Анна Николаевна, не рѣшаясь больше войти къ сыну, просила Касаткина узнать, по крайней мѣрѣ, отъ него, не надо ли послать за докторомъ. Но Леонидъ Васильевичъ умоляющимъ тономъ просилъ и Касаткина оставить его въ полномъ покоѣ.

Онъ не вышелъ и къ обѣду; ужинъ подали ему въ кабинетъ. Касаткинъ былъ тоже мраченъ и искалъ уединенія. Но Анна Николаевна не хотѣла отъ него отвязаться и заставляла его выслушивать уже знакомыя ему іереміады. Она была съ нимъ болѣе предупредительна, чѣмъ когда-либо, не забыла даже напоить его послѣ обѣда чаемъ, что, вопреки ея ожиданіямъ, еще болѣе увеличило мрачность и молчаливость Александра Ѳедоровича.

Но на другое утро Леонидъ Васильевичъ вышелъ къ утреннему чаю какъ ни въ чемъ не бывало, одѣтый въ старую клѣтчатую визитку, которую Касаткинъ еще не видалъ на немъ до сихъ поръ. На лицѣ его была замѣтна блѣдность, красноватые глаза свидѣтельствовали о безсонной ночи, синякъ подъ лѣвымъ глазомъ сталъ еще темнѣе. Но въ его настроеніи, въ его манерѣ говорить не было и слѣдовъ вчерашняго унынія. Онъ не зналъ, что Касаткинъ сказалъ мамашѣ объ отказѣ Сони, а сама Анна Николаевна не рѣшалась теперь заговорить съ нимъ объ этомъ первая. Леонидъ Васильевичъ, по обыкновенію, повелъ рѣчь о хозяйственныхъ дѣлахъ, разсказалъ матери, что̀ сдѣлано въ Хрящовѣ, сообщилъ ей свои тамошнія распоряженія. Касаткинъ только слушалъ.

Но сейчасъ же послѣ чаю Леонидъ Васильевичъ взялъ Касаткина подъ руку и пошелъ съ нимъ въ садъ.

— Голубчикъ, Александръ Ѳедоровичъ,—заговорилъ онъ о-вольно спокойно, какъ только они дошли до большой аллеи,—я не знаю, что случилось, я не могу понять... я даже не знаю, отка-ала она мнѣ или нѣтъ.

И, разсказавъ Касаткину, какъ происходило у него объясне-ie съ Соней, онъ сталъ просить Александра Ѳедоровича съѣздить къ Мальковымъ, узнать причину отказа и постараться уговорит- о-

ню и Марью Петровну дать согласіе. Какъ ни странно было подобное порученіе, но Леонидъ Васильевичъ, казалось, такъ вѣрилъ въ успѣхъ этого посольства, такъ горячо обѣщалъ Касаткину послѣдовать всѣмъ его совѣтамъ и «нотаціямъ», что Александръ Ѳедоровичъ долженъ былъ согласиться. Рѣшили, что дня черезъ два онъ поѣдетъ къ Мальковымъ, подъ предлогомъ проститься передъ приближающимся отъѣздомъ его въ Петербургъ, и употребитъ все свое краснорѣчіе въ новой для него роли свата.

Эти дни прошли довольно томительно, но безъ особыхъ приключеній. Касаткинъ предупредилъ Леонида Васильевича, что онъ сказалъ уже Аннѣ Николаевнѣ о его неудачѣ у Мальковыхъ, и Леонидъ Васильевичъ, поморщившись, самъ передалъ мамашѣ подробности того, что было. Проектъ посылки Касаткина сватомъ сначала не понравился Аннѣ Николаевнѣ. Имъ, Свіягинымъ, унижаться предъ Мальковыми! У Анны Николаевны проснулась было старая гордость. Но оказалось, что, залежавшаяся подъ спудомъ, полинявшая и помятая, эта гордость не могла выдержать передъ напоромъ практическихъ соображеній и привычкой обдѣлывать всякія дѣла всякими путями. Анна Николаевна сообразила, что рѣшительнаго отказа ни отъ Сони, ни тѣмъ болѣе отъ Марьи Петровны не было, что Касаткинъ человѣкъ дальній и тайну этой неудачи увезетъ съ собой, и поэтому не стала противиться.

— Дѣлай, какъ знаешь, — сказала она Леониду Васильевичу, — а я какъ будто ничего не знаю.

Но что могъ сказать Касаткинъ въ пользу Леонида Васильевича, когда онъ пріѣхалъ къ Мальковымъ, что могъ онъ услыхать отъ нихъ? Причины отказа были и ему ясны безъ всякихъ новыхъ объясненій. Чего ради Сонѣ, не чувствовавшей любви къ Леониду Васильевичу, было идти подъ ферулу Анны Николаевны? Развѣ могли Марья Петровна и Анна Николаевна стать членами одной семьи? Къ тому же, оказалась еще причина, и важнѣе. Какъ человѣку, внушившему ей довѣріе, Марья Петровна рѣшилась сказать Александру Ѳедоровичу, что у Сони есть въ виду другой женихъ; онъ еще не сдѣлалъ предложенія, но они съ Соней уже любятъ д[illegible]гъ друга. Касаткину было больно видѣть, какъ, при этихъ словахъ Марьи Метровны, у Сони, вмѣстѣ съ краской смущенія, появилось на лицѣ выраженіе чего-то свѣтлаго, радостнаго. Пока онъ получалъ отказъ за Свіягина, онъ былъ довольно равнодушенъ; теперь онъ чувствовалъ уже настоящую зависть къ тому неизвѣстному счастливцу, который могъ вызвать любовь этой дѣвушки.

Марья Петровна просила, впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не говорить объ этомъ женихѣ Свіягинымъ: она не хотѣла, чтобъ это еще нерѣшенное дѣло стало предметомъ уѣздныхъ пересудъ.

— Однако, надо же, чтобъ Леонидъ Васильевичъ видѣлъ, что я съ своей стороны сдѣлалъ все,—сказалъ Касаткинъ,—надо дать ему какое-нибудь опредѣленное объясненіе. И отъ васъ, Софья Сергѣевна.

На минуту всѣ трое задумались и молчали.

— Послушайте,—обратилась, наконецъ, къ Касаткину, собравшись съ духомъ, Соня,—скажите отъ меня Леониду Васильевичу, что мнѣ было очень тяжело... что я потому ничего и не сказала ему... Что я могла сказать ему? Что очень уважаю его...и рада видѣть его... и желаю ему всего хорошаго? Такъ? Но... онъ долженъ понимать... я свободна, я хочу быть свободной... Я не хочу давать никакого объясненія... я не буду его женой—вотъ и все. Я хочу, чтобъ между нами сохранились тѣ же хорошія отношенія, какъ раньше... Не все ли ему равно, какъ и почему?... Да, пусть онъ забудетъ, совсѣмъ забудетъ о томъ, что это было говорено. Прошу васъ... вы скажете ему это? Да? Скажете?

Сонѣ казалось, что въ этой спутанной рѣчи было высказано что-то ясное и опредѣленное, что̀ должно было заставить Леонида Васильевича забыть налетѣвшую тучку на ясномъ небѣ ихъ дружескихъ отношеній и что послѣ такого рѣшительнаго объясненія все будетъ по-старому.

А голосъ Сони и взглядъ ея добрыхъ спокойныхъ глазъ произвели такое впечатлѣніе на Александра Ѳедоровича, что и ему казалось, будто онъ понялъ самую глубину всѣхъ этихъ плохо выраженныхъ ею мыслей.

И онъ сконфуженно пробормоталъ въ отвѣтъ:

— Непремѣнно, непремѣнно!

На прощанье Марья Петровна дала ему письмо и посылку для передачи ея племянницѣ въ Петербургѣ.

XXII.

Леонидъ Васильевичъ весь этотъ день не выходилъ изъ с[illegible] его кабинета, черезъ каждыя пять минутъ подходилъ къ окн[illegible], чтобы посмотрѣть, не виднѣется ли на дорогѣ его сѣрая тро[illegible] съ трепетомъ слѣдилъ за ея приближеніемъ, когда она, нако[illegible], показалась; стараясь сквозь стекла закрытой рамы подмѣт[illegible] по выраженію лица возвращавшагося Касаткина результатъ [illegible]

поѣздки, онъ не рѣшился выйти встрѣтить Касаткина у крыльца и бросился къ нему съ протянутыми руками, когда Александръ Ѳедоровичъ, наконецъ, вошелъ въ его комнату. Леонидъ Васильевичъ теперь уже цѣлый часъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ съ опущеною на руки головой и молча слушалъ, что ему вычитывалъ Касаткинъ.

Александръ Ѳедоровичъ, начавшій краткимъ сообщеніемъ о неудачѣ и хотѣвшій было ограничиться этимъ, въ молчаніи пріятеля находилъ какъ бы что-то вызывающее на объясненіе. Ему хотѣлось разсѣять подавленное настроеніе Свіягина, и, слово за словомъ, ища, чѣмъ бы его успокоить, желая помочь другу, онъ, однако, волей-неволей, опять впадалъ въ тонъ обвинителя.

— Такъ нельзя, нельзя, любезный другъ! — говорилъ онъ. — Вѣдь, ты чего хочешь? Не просто, вѣдь, вотъ, дай тебѣ жену, будь это какая ни на есть, первая смазливая дѣвушка. Ты, вѣдь, любви хочешь, семейнаго счастія, единенія душъ. Ты, можетъ быть, самъ того не понимая, искалъ, очевидно, чего-то такого, что стоитъ повыше и твоей жизни, и той, которую ты видишь вокругъ. Ты, вѣдь, Софью Сергѣевну выбралъ!

Соня въ эту минуту казалась Касаткину дѣйствительно чѣмъ-то значительнымъ. Самъ влюбленный въ нее, готовый видѣть въ ней идеальное совершенство, хотя бы еще только въ первой фазѣ развитія, онъ уже съумѣлъ теперь побороть въ себѣ безплодные порывы этой любви, онъ уже рѣшился больше не думать о Сонѣ и такимъ образомъ поставилъ ее на еще болѣе недосягаемую высоту.

— Нѣтъ, ты поди завоюй ея любовь! — началъ онъ уже кричать на Свіягина, по обыкновенію, расхаживая по комнатѣ и закуривая отъ одной докуренной папиросы другую. — Нѣтъ, ты заставь ее увлечься тобой! Сдѣлай для этого что-нибудь! Проснись! Развернись! На кой чортъ ты ей нуженъ въ такомъ видѣ, каковъ ты есть? Ты вспомни-ка, какъ добиваются любви? Пѣтухъ — красотой перьевъ, соловей — пѣніемъ, воинъ — храбростью, ученый — умомъ. Словомъ, каждый по-своему, каждый тѣми средствами, какими онъ можетъ. Но и каждый только тамъ, гдѣ можетъ.

Касаткинъ произнесъ послѣднія слова, нѣсколько растягивая ихъ, какъ бы подчеркивая этимъ ихъ значеніе.

А ты не туда мѣтишь! — продолжалъ онъ съ неослабѣвающею горячностью, подогрѣваемый покорнымъ вниманіемъ пріятеля. — Вотъ это-то и скверно въ тебѣ, что ты раздвоенный человѣкъ! Тебѣ непремѣнно подавай Софью Сергѣевну! А ты по твоимъ средствамъ какъ разъ годишься не для нея, а вотъ для

какой-нибудь дочери одного изъ этихъ кулаковъ-живоглотовъ, которыхъ ты мерзавцами называешь. Вотъ тамъ эти твои 3,000 десятинъ, и твои скопидомческіе таланты, и твои подражанія мужику,—все будетъ какъ разъ на своемъ мѣстѣ. И уже тамъ ты, навѣрное, одержишь побѣду... если только раньше тебя не одержитъ побѣду какой-нибудь принцъ въ павлиньихъ перьяхъ!

Александръ Ѳедоровичъ почувствовалъ, что эти слова, сказанныя имъ съ добрымъ намѣреніемъ, все-таки, должны были обидѣть, мучить Свіягина, и онъ сейчасъ же постарался загладить ихъ.

— Да ты не бойся,— сказалъ онъ, подходя къ нему и дружески ударяя его по плечу: — Я, вѣдь, не записываю тебя въ разрядъ безнадежныхъ, я только говорю тебѣ: проснись! Ты хочешь взять Софью Сергѣевну, ну, такъ не проси объ этомъ ни меня, ни кого другого, ни даже ее самое, а поди возьми ее!

Леонидъ Васильевичъ дѣйствительно какъ будто проснулся на мгновеніе. Онъ поднялъ съ облокоченныхъ на столъ рукъ голову и, повернувшись лицомъ къ Касаткину, посмотрѣлъ на него долгимъ задушевнымъ взглядомъ.

А Касаткинъ, словно воодушевленный замѣченною имъ въ пріятелѣ отзывчивостью, еще болѣе страстно продолжалъ:

— Забудь объ этой неудачѣ, будь съ Мальковыми, какъ прежде, изучи Софью Сергѣевну, узнай, что она любитъ, говори съ ней, ищи въ самомъ себѣ то, что можетъ отталкивать ее отъ тебя, и искореняй въ себѣ это. Измѣняйся, дѣлайся другимъ, выростай въ ея глазахъ!

Онъ перевелъ дыханіе и прошелся по комнатѣ. Обратившись опять къ Свіягину, онъ въ увлеченіи добавилъ:

— Быть можетъ, она тогда сама къ тебѣ придетъ.

Эти слова вырвались у него безотчетно. И только сказавъ ихъ, онъ почувствовалъ, что въ нихъ есть ложь. «Но не все ложь»,— сейчасъ же мелькнуло у него въ головѣ. Онъ находилъ нужнымъ сдержать данное Марьѣ Петровнѣ слово и не говорить Леониду Васильевичу, что Соня любитъ другого. Но и самъ не зная этого *другого*, онъ понималъ, что тотъ чѣмъ-то взялъ, — взялъ и надъ Леонидомъ Васильевичемъ, и надъ нимъ самимъ.

«Пересилитъ или нѣтъ Свіягинъ того неизвѣстнаго, если послушается моихъ совѣтовъ, но, во всякомъ случаѣ, если всѣ эти обстоятельства, если эти слова толкнутъ его на другой путь, охнутъ въ него жизнь, все-таки, это будетъ хорошее дѣло», — думалъ теперь Касаткинъ, переставъ говорить и смотря въ откры-тое

окно на вылѣзавшій изъ-за горизонта золотисто-оранжевый сегментъ мѣсяца.

А Леонидъ Васильевичъ опять опустилъ въ раздумьи голову и не хотѣлъ произнести ни слова. Брошенные ему сейчасъ Касаткинымъ обвиненія и совѣты долетали до его слуха только отрывками; но ему было все равно, что говорилъ теперь Касаткинъ,—онъ былъ съ нимъ согласенъ. Чувство горечи заливало широкою волной все, что проносилось въ это время въ умѣ Леонида Васильевича. Все прожитое: и его первая еще недавняя неудача въ Петербургѣ, и вся безцвѣтность, все однообразіе его жизни, и его неумѣнье создать себѣ другое положеніе, и какіе-то порывы къ чему-то лучшему, необъяснимое ощущеніе какихъ-то новыхъ побужденій и силъ,—все это разомъ всплыло со дна души, перемѣшалось, и изъ всего этого возникало одно неясное въ подробностяхъ, но ясное въ цѣломъ, заключеніе: къ выходу, къ выходу!

Изъ своего молчаливаго настроенія Леонидъ Васильевичъ не вышелъ и на другой, и на третій день. Оно поневолѣ сообщилось и Касаткину, который не могъ не видѣть, что сосредоточившійся въ самомъ себѣ Леонидъ Васильевичъ избѣгалъ теперь разговоровъ съ нимъ еще больше, чѣмъ съ матерью. При такихъ условіяхъ дальнѣйшее пребываніе въ Свіягинѣ дѣлалось для Александра Ѳедоровича невыносимо томительнымъ, онъ чувствовалъ себя надоѣвшимъ. И черезъ день, дружески распрощавшись съ Леонидомъ Васильевичемъ и Анной Николаевной, онъ уже ѣхалъ на желѣзную дорогу, не доживъ въ Свіягинѣ трехъ дней, которыми еще располагалъ по сроку отпуска.

— Я постараюсь все сдѣлать по-твоему, — сказалъ ему на прощанье Леонидъ Васильевичъ, крѣпко, дружески пожимая его руку.

Эти слова и тарантасъ съ тройкой сѣрыхъ, данные ему теперь, вмѣсто встрѣтившей его вначалѣ «чортовой таратайки», дѣйствовали нѣсколько успокоивающимъ образомъ на его разстроенные послѣдними впечатлѣніями нервы.

XVIII.

Другой міръ, другіе интересы, старыя и новыя теченія захватили Александра Ѳедоровича по возвращеніи въ Петербуръ. Въ свое время онъ отвезъ данныя ему Марьей Петровной письмо и посылку ея племянницѣ. Знакомство завязалось, но не стало близкимъ. Служба, дѣла, нездоровье заставляли Александра Ѳедоровича все

болѣе и болѣе ограничивать число всякаго рода посѣщеній. Не было у него времени и на переписку, и поэтому, сначала все собираясь написать въ Свіягино, онъ такъ и не собрался до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не позабылъ объ этомъ, въ свою очередь не получая оттуда никакихъ извѣстій.

Леонидъ Васильевичъ, прощаясь съ нимъ, далъ ему слово писать ему только тогда, когда его сватовство къ Сонѣ увѣнчается успѣхомъ или вообще произойдетъ какой-нибудь серьезный переломъ въ его жизни. Но никакихъ перемѣнъ, очевидно, не произошло, соображалъ Касаткинъ и мало-по-малу пересталъ и вспоминать Свіягиныхъ и Мальковыхъ.

И дѣйствительно, жизнь въ Свіягинѣ, временно взбаломученная, текла опять попрежнему. На первыхъ порахъ послѣ отъѣзда Касаткина Леонидъ Васильевичъ порывался было что-то сдѣлать, хотѣлъ отъ чего-то отрѣшиться, чего-то достигнуть. Въ Свіягинѣ предполагалось устроить сельско-хозяйственную школу, въ Хрящовѣ — весь домъ отдѣлать и меблировать заново, въ одной изъ небольшихъ бѣдныхъ деревень открыть мужикамъ въ видѣ опыта широкій кредитъ на развитіе у нихъ огородничества и какого-нибудь кустарнаго промысла. Но Анна Николаевна, какъ всегда, ни въ чемъ не рѣшавшаяся круто противодѣйствовать сыну, а, напротивъ, какъ будто изъявлявшая искреннюю готовность содѣйствовать ему, съумѣла и теперь принять участіе и, разумѣется, настолько парализовать его дѣятельность, что всѣ его замыслы въ самомъ началѣ были сведены къ нулю.

Для постройки школы надо было купить лѣсу. Анна Николаевна уговорила Леонида Васильевича отложить эту покупку до весны, чтобы купить болѣе выгодно сплавные плоты. Она доказывала Леониду Васильевичу, что на ту же ассигнованную сумму можно будетъ построить зданіе вдвое больше, выбрать лѣсъ крупнѣе, и поэтому, исключительно въ видахъ улучшенія дѣла, съумѣла убѣдить сына отложить постройку. Самая программа сельско-хозяйственной школы не была еще выработана, о ней предстояло еще хлопотать, и Леонидъ Васильевичъ легко согласился на предложенную мамашей отсрочку. Однако, въ ожиданіи осуществленія болѣе широкаго проекта, онъ временно нанялъ учителя, приспособилъ для школы старую рабочую избу и, выхлопотавъ разрѣшеніе, началъ собирать крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ для обученія ихъ грамотѣ. Но молодой учитель, толковый, знающій, любящій свое дѣло, но нѣсколько легкомысленный, на первыхъ же порах завелъ шашни съ одной изъ дворовыхъ дѣвокъ, и Анна Николаев

рада была случаю настоять на его удаленіи изъ Свіягина. Леонидъ Васильевичъ, на этотъ разъ, вопреки желанію мамаши, перевелъ учителя въ Хрящово и устроилъ школу тамъ прямо въ домѣ. Но Анна Николаевна, изводя сына ласковыми, но постоянными намеками на неприличіе имѣть такого учителя, намекая, наконецъ, на то, что свѣдѣнія о его предосудительномъ поведеніи могутъ дойти и до Мальковыхъ, съумѣла-таки выжить учителя и оттуда. Тогда Леонидъ Васильевичъ хотѣлъ взять семейнаго и имѣть школу непремѣнно въ Свіягинѣ, но Анна Николаевна энергичнѣе, чѣмъ когда-либо, возстала и противъ этого:

— Нѣтъ, ужь здѣсь ты меня избавь отъ этихъ господъ! Это еще заведется баба, дрязги, ребятишки... ужь это дѣлай, гдѣ хочешь, только не у меня на глазахъ.

Постоянныя пререканія охладили пылъ Леонида Васильевича и заботы о школѣ временно замѣнились заботами объ устройствѣ хрящовской усадьбы. Но, прежде чѣмъ за что-нибудь приняться, Леонидъ Васильевичъ, по мысли, поданной мамашей, вздумалъ высчитать, во что это обойдется. Плотники, штукатуры, маляры,—все это было извѣстно гораздо лучше Аннѣ Николаевнѣ, чѣмъ ему, и при составленіи смѣты дѣло, конечно, не могло обойтись безъ ея участія, безъ ея совѣтовъ. И Леонидъ Васильевичъ только и слышалъ отъ нея:

— Да что это, Леничка? Ужь это, какъ будто, очень много! Да на что это тебѣ?

Къ каждой цифрѣ, которую ставилъ Леонидъ Васильевичъ въ проектѣ, Анна Николаевна умѣла прибавить такой рядъ аксессуаровъ, столько всякихъ вытекающихъ изъ малѣйшей поправки послѣдствій, что предстоящіе расходы уже казались и Леониду Васильевичу какъ будто излишними и чрезмѣрными. При этомъ всякій разъ, какъ только начиналось обсужденіе смѣты, Анна Николаевна такъ удачно сворачивала разговоръ въ сторону, переходила на текущія дѣла, начинала говорить о недородахъ и выпаханной землѣ, начинала перечислять, какъ бы между прочимъ, разныхъ разорившихся сосѣдей и, наконецъ, спохватывалась о какомъ-нибудь забытомъ дѣлѣ и спѣшила куда-нибудь по хозяйству, что ма[illegible]-по-малу и это занятіе надоѣло Леониду Васильевичу. Единственное, что онъ сдѣлалъ — велѣлъ сколотить полы въ хрящовскомъ домѣ, чтобы половицы не скрипѣли и не стучали; но покрасить ихъ такъ и не удалось, и комнаты, съ бѣлыми остроганными полами по крашеному подъ паркетъ полу, приняли еще болѣе нежилой видъ.

О «меліораціонномъ» кредитѣ мужичкамъ говорить съ Анной Николаевной было еще труднѣе. Тутъ уже Леонидъ Васильевичъ долженъ былъ прямо остаться въ области одинокихъ мечтаній, чтобъ не заводить ссоры. Даже съ Мальковыми не рѣшался онъ говорить о своихъ проектахъ: ему хотѣлось бы показать имъ сдѣланное дѣло, а не являться въ ихъ глазахъ лишній разъ послушнымъ орудіемъ чужой воли.

Да и вообще къ Мальковымъ Леонидъ Васильевичъ сталъ заѣзжать теперь рѣже. Обращеніе Марьи Петровны и Сони съ нимъ было, попрежнему, ласковое, но онъ не могъ не замѣтить, что они боятся всякаго повода къ возобновленію разговора о томъ, что они, очевидно, считали совсѣмъ покончеппымъ. Соня теперь уже избѣгала оставаться съ Леонидомъ Васильевичемъ наединѣ, не звала его гулять въ лѣсъ и въ поле, какъ бывало прежде.

Всякій разъ, какъ Леонидъ Васильевичъ возвращался отъ нихъ домой, онъ дня по два, по три ходилъ задумчивый и угрюмый: ничто его не радовало, ни къ чему его не влекло. Мамаша, старавшаяся развлечь его своими причитаніями, сокрушавшаяся о его больномъ сердцѣ, только еще болѣе раздражала его.

Земскій докторъ Шварцъ, наѣзжавшій въ Свіягино каждую недѣлю, все настойчивѣе и настойчивѣе совѣтовалъ ему избѣгать волненій, все усерднѣе прописывалъ ему порошки и капли и въ его присутствіи наказывалъ Аннѣ Николаевнѣ беречь его и не позволять заниматься дѣлами.

И эта глупая жизнь начинала, наконецъ, надоѣдать Леониду Васильевичу. Впереди ждала одна безпросвѣтная тоска. Бывали такія минуты, что ему казалось, будь онъ способенъ на пьянство, онъ бы запилъ запоемъ. А сердце болѣло и давило еще больше. Каждое утро зеркало подсказывало Леониду Васильевичу, что онъ старѣется и брюзгнетъ.

«Неужели у меня такъ-таки не будетъ жены, не будетъ семьи?— чуть не каждый день задавалъ себѣ Леонидъ Васильевичъ вопросъ.—Если не Соня, то кто же другая? Неужели еще искать... кого-то? Какую? Гдѣ? Неужели еще въ третій разъ попробовать счастья, чтобы получить отказъ? И если искать новую... третью, то что же такое его любовь къ Сонѣ?... Да, наконецъ, нужно ли жениться?... Почему жениться?»

Но даже и та слабая поддержка, которую онъ еще отъ времени до времени находилъ въ мечтахъ о возможности рано или поздно завоевать любовь Сони, какъ это рекомендовалъ ему Касаткинъ, даже и эта поддержка была у него отнята, когда въ одинъ изъ го

пріѣздовъ къ Мальковымъ ему сообщили, какъ радостную вѣсть, что Соня невѣста, что она только что приняла сдѣланное ей письменно предложеніе. Леонидъ Васильевичъ, оказалось, зналъ и жениха. Это былъ недавно кончившій курсъ медикъ, сынъ одного изъ жившихъ въ ихъ уѣздномъ городѣ небогатыхъ помѣщиковъ. Леонидъ Васильевичъ не разъ встрѣчалъ его у Мальковыхъ, когда тотъ, бывало, пріѣзжалъ къ отцу на каникулы. Никогда, однако, не думалъ Леонидъ Васильевичъ, что этотъ, правда, красивый, но очень застѣнчивый молодой человѣкъ отобьетъ у него Соню. Чѣмъ онъ взялъ? Развѣ тѣмъ, что пѣлъ оперныя аріи подъ аккомпаниментъ Сони? А теперь... черезъ годъ, когда женихъ кончитъ диссертацію—свадьба!

Леонидъ Васильевичъ покорно принялъ это извѣстіе, выразивъ свое сочувствіе чужому счастью. Но онъ долго послѣ этого не заглядывалъ на мальковскій хуторъ.

Теперь у него стало иногда являться желаніе бросить все, поѣхать въ Петербургъ къ Касаткину или за границу—развернуться.

Но сейчасъ же являлись неизбѣжныя соображенія о томъ, какъ быстро онъ можетъ умереть, какой это будетъ ударъ для мамаши.

И сейчасъ же ему становилось ясно, что она никуда и не отпуститъ его одного, что она помчится за нимъ хоть за тридевять земель, какъ ѣздила сопровождать его въ Америку.

Не обращать на нее вниманія и уѣхать?

Но онъ ставитъ себя на ея мѣсто, и ему живо представляется ея огорченіе, и онъ уже чувствуетъ къ ней жалость.

Да, если ему не жалко самого себя, если ему самому не страшна теперь даже смерть, какъ выходъ изъ этой безцвѣтной, пустой жизни, то за что же онъ обидитъ мамашу? Она такъ толго заботилась о немъ, она отдала ему всю жизнь, онъ—ея единственная радость.

Замкнутый въ этомъ кругѣ мыслей, Леонидъ Васильевичъ начиналъ все больше и больше отрѣшаться отъ всякихъ личныхъ желаній. Онъ скоро сдѣлался равнодушенъ, принялся за чтеніе Евангелія, думая найти въ этомъ успокоеніе, и съ каждымъ днемъ р[illegible]е вспоминалъ о своихъ проектахъ. Мало-по-малу онъ дошелъ д[illegible]того, что, если у него случались въ рукахъ деньги, онъ готовъ б[illegible]ъ отдать ихъ первому попавшемуся мужику. Анна Николаевна, з[illegible]ѣтивъ это, стала отстранять сына, насколько возможно, отъ в[illegible]ъ случаевъ полученія денегъ, беря этотъ трудъ на себя или п[illegible]лая его старостѣ. Обращаться же къ мамашѣ съ просьбами Л[illegible] Васильевичъ не рѣшался, какъ бы избѣгая проявлять въ

чемъ бы то ни было свою личность. Ему уже казалось, что всѣ его богатства не его.

Но за то тѣмъ охотнѣе заводилъ онъ съ мамашей разговоръ объ ожидающей его могилѣ. Анна Николаевна сейчасъ же начинала открещиваться обѣими руками.

— Не говори, не говори, Леничка!—восклицала она.—Голубчикъ, ради Бога, не говори этого! Жить да жить тебѣ надо! Какая тутъ смерть? Береги только какъ-нибудь себя.

Но одна, сама съ собой, тоже все чаще и чаще задумываясь о возможности смерти Леонида Васильевича, Анна Николаевна, несмотря на суевѣрный страхъ предъ завѣщаніемъ, подумывала и о завѣщаніи. Вѣдь, каково перенести обиду, если большая часть нажитыхъ ею имѣній достанется законной наслѣдницѣ, этой «дылдѣ» Байдаровой?

Мать по сынѣ не наслѣдница, а какая-то кузина придетъ и возьметъ все. И не только родовое, но и благопріобрѣтенное. Ей останется ея приданое—Кузьминки, всего двѣсти десятинъ, да хуторъ Дальній, купленный на ея имя, на доходы съ Кузьминокъ. Стоило, послѣ этого, быть такою добросовѣстною опекуншей. Неужели она трудилась весь вѣкъ для Байдаровой, съ которой они даже и не видятся никогда?

А подступиться къ Леониду Васильевичу съ предложеніемъ сдѣлать духовное завѣщаніе Аннѣ Николаевнѣ, все-таки, было страшно. «Умретъ тогда Леничка, Боже сохрани, сейчасъ умретъ!—думалось ей.—А на что ей тогда и деньги, и имѣнія?»

«Эхъ, кабы внуки были!—думала Анна Николаевна.—Женить бы его поскорѣй, да внуковъ бы Богъ послалъ!»

Тогда не страшна ей и смерть любимаго сына, тогда ея жизнь была бы опять полна; она могла бы лелѣять внуковъ, заботиться о нихъ и воспитывать ихъ такъ же, какъ она воспитывала Леничку, и сдѣлать ихъ такими же хорошими, честными людьми, обстоятельными и независимыми.

Но Анна Николаевна не знала, что иногда у Леонида Васильевича, послѣ продолжительныхъ періодовъ апатіи и покорности, вдругъ поднимался въ душѣ бурный протестъ. Въ такія минуты и Леонидъ Васильевичъ думалъ о завѣщаніи, но только онъ мечталъ завѣщать все на университеты, на учебныя заведенія, сельскія школы или на ученыя преміи своего имени, или, наконецъ, просто хотѣлъ раздать все бѣднымъ крестьянамъ своего округа. Иногда вдругъ ему приходила мысль завѣщать все Сонѣ Малькову; иногда онъ поминалъ въ этихъ мечтахъ и Касаткина, помни-

академію, гдѣ учился, и, будь въ это время около него кто-нибудь, кто съумѣлъ бы поддержать въ немъ эти порывы, Анна Николаевна и не узнала бы, куда и кому пойдутъ собранные ею съ такимъ самоотверженіемъ капиталы.

Когда это настроеніе находило на Леонида Васильевича, онъ порывался обрушиться на мамашу съ упреками, высказать ей все, что накипѣло у него на душѣ, подбиралъ выраженія, иногда возможно деликатныя, иногда ѣдкія и жестокія, произносилъ ихъ даже иногда самъ себѣ вслухъ, но...

Но минута протеста смѣнялись у него часами и днями сомнѣній, и онъ опять считалъ себя не вправѣ лишить мать того, что собственно ею же и нажито. Какъ смѣть, какъ будто мстя ей, отнять у нея то, что она собирала для его же благополучія, чѣмъ она хотѣла сдѣлать собственную его жизнь счастливой и пріятной? За что? За что нанести ей въ сердце рану тѣмъ же самымъ орудіемъ, которое она сама вручила ему съ любовью и лаской? И нанести именно тогда, когда это сердце будетъ страдать по немъ же, когда она, съ его смертью, потеряетъ единственную цѣль въ жизни?

И когда Леонидъ Васильевичъ принимался разсуждать въ такомъ духѣ, когда онъ вспоминалъ при этомъ, что наслѣдницей его будетъ кузина Байдарова, онъ и самъ склонялся оставить завѣщаніе на имя матери.

Но сейчасъ же точно какой-то бѣсъ подсказывалъ ему, что она же, многолюбящая мать, спасшая его отъ разоренія и нищенства, сдѣлавшая его богатымъ человѣкомъ,—она же виновница его несчастій и нѣкоторымъ образомъ косвенная виновница его ранней смерти.

И опять какой-то лукавый голосъ нашептывалъ лукавый вопросъ: что, въ случаѣ его смерти, будетъ для нея тяжелѣе: потеря ли сына, или переходъ наслѣдства къ Байдаровой?

Злое чувство поднималось при этихъ мысляхъ въ больной душѣ Леонида Васильевича, и ему уже хотѣлось, чтобы мамаша въ своихъ страданіяхъ нашла возмездіе за то, что она сдѣлала его такимъ.

«Пусть, пусть видитъ, какъ кузина Байдарова пуститъ по в[ѣ]тру всѣ плоды ея сквалыжничества!»—думалъ онъ иногда съ з[л]радною улыбкой. Да, онъ не сдѣлаетъ никакого завѣщанія; на[с]ти ударъ самъ онъ не можетъ, не хочетъ, но онъ и не предохранитъ ее отъ этого удара. Пусть это глупо, пусть непростительно отдавать такія средства въ руки ничтожной кузины, когда ими можно сдѣлать столько хорошаго для людей достойныхъ, но... Ч[то] съ ними совсѣмъ и съ достойными, и съ недостойными! Онъ

не будетъ исправлять ошибокъ судьбы! Пусть сама судьба казнится въ этомъ! Почему онъ долженъ еще заботиться, чтобы эти средства нашли какое-то хорошее примѣненіе, когда судьба не заботилась о томъ, чтобы сдѣлать его счастливымъ?

Въ такихъ колебаніяхъ и переходахъ отъ одного рѣшенія къ другому протекали дни, мѣсяцы, такъ протекли почти два года.

Безцѣльная жизнь Свіягиныхъ шла куда-то какъ будто ощупью, какъ будто въ ожиданіи чего-то извѣстнаго, но долженствовавшаго свалиться невѣдомо откуда и когда. Между тѣмъ, въ сущности, самой жизни не было ни во всей этой массѣ недвижимыхъ и движимыхъ имѣній, ни въ ея владѣльцахъ. Земля выпахивалась, родился хлѣбъ, скотина давала приплодъ, продукты хозяйства обмѣнивались на деньги: что-то, зачѣмъ-то сберегалось, копилось, старившееся поддерживалось, разрушавшееся замѣнялось новымъ, но все это дѣлалось какъ-то автоматически, безъ ясно сознанной цѣли, все вращалось, подобно любой бездушной машинѣ, проглатывающей сырой матеріалъ и выбрасывающей его въ обработанномъ видѣ.

Между тѣмъ, здоровье Леонида Васильевича съ каждымъ днемъ все ухудшалось, а по мѣрѣ этого ухудшенія у него стало являться и расти убѣжденіе, что стоило бы ему только выздоровѣть, и онъ сразу стряхнулъ бы все свое безволіе и безсиліе. А то отъ однихъ заботъ о своемъ здоровьѣ захвораешь! Эти заботы и вѣчная осторожность доводили его до отчаянія и озлобленія, хотя онъ еще не сознавалъ, что онѣ же и служили постояннымъ источникомъ его ипохондрическаго настроенія.

Все чаще и чаще отдаваясь горькому раздумью, онъ чувствовалъ порою полное отвращеніе и ко всему окружающему, и къ своей собственной личности.

«Что я такое?—говорилъ онъ иногда самъ себѣ.—Такъ, межеумокъ какой-то! Сидишь между двухъ стульевъ. Что хотѣлъ бы сдѣлать—крыльевъ нѣтъ, а что дѣлаю, то все самому противно».

«Что такое я былъ всю мою жизнь?—задавалъ онъ себѣ вопросъ. — Объектъ любви для мамаши... и только! А, въ сущности, первый номеръ живого инвентаря свіягинской усадьбы!»

Въ одну изъ такихъ минутъ, когда Леонидъ Васильевичъ [с]идѣлъ у себя въ кабинетѣ надъ раскрытымъ евангеліемъ, къ [н]ему вошла Анна Николаевна съ полученнымъ ею письмомъ отъ Мальо[в]овой. Марья Петровна, выражая свое соболѣзнованіе, сообщала Свя[г]инымъ полученное ею отъ племянницы изъ Петербурга извѣстіе о смерти Касаткина, послѣдовавшей отъ чахотки.

Леонидъ Васильевичъ глазамъ не вѣрилъ, читая поданное ему матерью письмо. Онъ еще и еще разъ перечитывалъ коротенькую страничку, на которой Марья Петровна къ печальному сообщенію добавляла только, что оно, можетъ быть, уже извѣстно Леониду Васильевичу и помимо ея.

Нѣтъ, оно не было ему извѣстно. Другіе оказались ближе къ его старому товарищу, чѣмъ онъ.

У Леонида Васильевича явилось, прежде всего, сознаніе своего еще бо́льшаго одиночества, потомъ явилось чувство жалости къ самому себѣ. Ему уже кажется, что теперь очередь за нимъ, и хочется сказать: зачѣмъ? почему такъ скоро?

Не слушая, что говоритъ ему стоящая около него мамаша, Леонидъ Васильевичъ долго-долго смотритъ на письмо, и множество картинъ и мыслей проносятся въ его головѣ. Опять вспоминается пережитое, и не мертвый, а живой Касаткинъ представляется его воображенію. Леонидъ Васильевичъ какъ будто еще сейчасъ слышитъ этотъ голосъ:

«Живи! Не задумывайся надъ жизнью! Бросай все: и силы, и средства, и умъ, и знаніе,—все щедрою рукой бросай въ даръ другимъ! Умрешь, гдѣ-нибудь да останется частица твоего *я*».

И чувство подавленности внезапно уступаетъ у Леонида Васильевича неожиданному подъему духа. Онъ какъ будто чувствуетъ, что, пока онъ живъ, хоть маленькая частица касаткинскаго *я* всегда будетъ жить въ его душѣ.

«У меня маленькая, у другихъ, можетъ быть, большая. Но онъ не умеръ... нѣтъ, нѣтъ! Живое слово, оставшееся послѣ него, оно живо!» — думаетъ Леонидъ Васильевичъ. И, машинально повторяя: слово, слово,—онъ вдругъ вспоминаетъ затверженный имъ еще въ гимназіи текстъ, который онъ недавно опять перечитывалъ въ евангеліи, перечитывалъ по-гимназически, не ища въ немъ ни смысла, ни значенія.

«Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово,—мысленно повторилъ теперь Леонидъ Васильевичъ.—Вся тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть. Въ томъ животъ бѣ...»

«Да, вотъ гдѣ жизнь!—блеснула у него мысль, прежде чѣмъ он[illegible]кончилъ текстъ.—Въ словѣ, въ безсмертномъ словѣ! Оно и жи[illegible]», оно и Богъ, никогда не умирающій!»

[illegible]ѣшнымъ казалось ему, когда Касаткинъ говорилъ, что слова пе[illegible]живутъ и насъ, и дѣла наши, а онъ былъ правъ. Все пройдет[illegible]все истлѣетъ, а живое слово, какъ атомъ чьей-то души, Богъ зна[illegible]дѣ и когда вырвавшееся, передаваемое отъ одного къ дру-

гому, Богъ знаетъ гдѣ и когда привьется опять въ чьей-нибудь душѣ и дастъ новые ростки.

— Леня, Леня, полно, успокойся, что ты это?—причитала надъ нимъ Анна Николаевна, замѣтивъ заструившіяся по щекамъ Леонида Васильевича слезы.—Ну, что это, какъ тебѣ не стыдно? Ты хоть меня пожалѣй.

Леонидъ Васильевичъ не зналъ, плакалъ ли онъ отъ горя, или отъ волненія, вызваннаго мыслью о вспомнившихся ему словахъ Касаткина, но слезы катились, а онъ чувствовалъ какой-то неопредѣленный порывъ, скорѣе радостный, чѣмъ печальный. Ему какъ будто казалось, что ужь теперь-то онъ стряхнетъ съ себя все свое прежнее безволіе, ужь теперь-то онъ на дѣлѣ докажетъ, что слова Касаткина не умрутъ, пока не разорвется это опять занывшее сердце.

Лѣвая рука Леонида Васильевича точно по привычкѣ налегла на грудь, правой онъ какъ будто хотѣлъ освободить шею отъ мѣшавшей ему хотя и просторной рубахи.

— Что съ тобой, Леничка? Что ты, хорошій? — задрожавшимъ голосомъ спрашивала Анна Николаевна, помогая ему разстегнуть воротъ.

Она взяла его за руку и нѣжно смотрѣла ему въ лицо.

— Душно, мамаша... душно!—не глядя на нее, тихо произнесъ Леонидъ Васильевичъ и крѣпко пожалъ ея руку.

Онъ нѣсколько разъ повернулъ головой изъ стороны въ сторону, словно не находилъ ей удобнаго положенія.

— Леня, милый, что ты съ собой дѣлаешь? — робко и ласково уговаривала его Анна Николаевна.—Ну, жалко Александра Ѳедоровича, хорошій былъ человѣкъ, да ты себя-то побереги. Ну, царство ему небесное!... Да, вѣдь, не родной онъ намъ... развѣ можно такъ убиваться? Пощади ты себя...

«Ей не жалко,—слушая ее, думалъ Леонидъ Васильевичъ.— Ей все равно... царство небесное... не родной... Кому *мы*-то родные?»

А проклятое безволіе, какъ какое-то чудовище, казалось, уже опять ползло къ нему, опять будто охватывало его гадкими, слизистыми щупальцами; но только уже не было теперь того человѣка, которому онъ могъ бы крикнуть: «Освободи меня!»

И, упавъ головой на скрещенные надъ столомъ руки, Леонидъ Васильевичъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Анна Николаевна, стараясь утѣшить, гладила его по голо...

А. Луг...

НЕДОРАЗУМѢНІЕ *).

Романъ В. Д. Гоуэльса.

XIII.

На другое утро дамы сидѣли на террасѣ, когда явился донъ-Ипполито съ просьбой освободить его какъ на этотъ, такъ и на нѣсколько слѣдующихъ дней отъ занятій съ миссъ Вервэнъ, ссылаясь, въ видѣ извиненія, на нѣкоторыя священническія обязанности, приходившіяся какъ разъ на это время. Миссисъ Вервэнъ начала жаловаться на то, что ей не удалось наканунѣ пойти смотрѣть процессію.

— Я хотѣла хорошенько разглядѣть васъ; Флорида васъ видѣла, мистеръ Феррисъ тоже. Но, знаете, это далеко не все равно. Флорида не умѣетъ описывать, и вотъ теперь, я, вѣроятно, уѣду изъ Венеціи, такъ и не увидавъ васъ ни разу въ полномъ парадномъ облаченіи.

Донъ-Ипполито выслушалъ и эти слова, и дальнѣйшія рѣчи миссисъ Вервэнъ въ кроткомъ молчаніи. Съ безукоризненною вѣжливостью онъ выждалъ удобную минуту и откланялся со своею обычною церемонною почтительностью.

— Ну, такъ приходите же опять, донъ-Ипполито, какъ только ваши обязанности позволятъ вамъ,—крикнула миссисъ Вервэнъ,— Мы страшно будемъ скучать безъ васъ, и я заранѣе жалѣю о каждомъ урокѣ, который потеряетъ Флорида.

Осторожно ступая, чтобы не запутаться въ своей длинной сутанѣ, священникъ пошелъ по садовой аллеѣ. Когда онъ былъ уже на порогѣ отъ калитки, Флорида, внимательно смотрѣвшая ему вслѣдъ, сказала вдругъ матери:

---

*) *Русская Мысль*, кн. V.

— Мнѣ надо еще поговорить съ нимъ,—и, легко соскочивъ со ступенекъ, побѣжала въ догонку.

— Донъ-Ипполито!—позвала она.

Его рука была уже на задвижкѣ, но онъ обернулся и поспѣшно пошелъ назадъ, на встрѣчу Флоридѣ.

Быстро дыша, она стояла все на томъ же мѣстѣ аллеи, съ котораго ея голосъ остановилъ его. Глаза ихъ встрѣтились: грустная тѣнь омрачила лицо молодой дѣвушки, повидимому, тщетно пытавшейся заговорить.

Миссисъ Вервэнъ надѣла очки и съ добродушнымъ любопытствомъ смотрѣла на дочъ и на донъ-Ипполито.

— Что же, *madamigella*, что вамъ угодно?—произнесъ, наконецъ, священникъ. Онъ испустилъ при этомъ слабый терпѣливый вздохъ.

Слезы навернулись на ея глаза.

— О,—горячо начала она,—еслибъ кто-нибудь имѣлъ право поговорить съ вами!

— Никто,—отвѣтилъ донъ-Ипполито,—не имѣетъ такого права на это, какъ вы.

— Я видѣла васъ вчера,—начала она снова,—и я все думала о томъ, чтò вы сказали мнѣ, донъ-Ипполито.

— Да, я тоже объ этомъ думалъ,—отвѣтилъ священникъ,—я думалъ объ этомъ непрестанно съ того самаго дня.

— Но развѣ вы не старались отыскать какой-нибудь лучъ надежды? Развѣ вы должны идти все по той же дорогѣ, по какой шли до сихъ поръ? Какъ можете вы возвратиться теперь къ тому, что было, какъ можете вы притворяться, будто считаете святымъ многое такое, къ чему все время будутъ оставаться равнодушны и сердце, и вѣра ваша? Это ужасно!

— Чего же вы хотите, *madamigella*?—угрюмо спросилъ донъ-Ипполито, пожавъ плечами.—Вы знаете, это моя профессія, мое ремесло. Вы точно также могли бы сказать узнику,—горько прибавилъ онъ:—«Ужасно видѣть тебя скованнымъ этою цѣпью». Да, это ужасно. О, я не отвергаю вашего состраданія! Но что же могу я сдѣлать?

— Присядьте здѣсь, возлѣ меня,—сказала Флорида съ своею прямою, дѣтскою манерой и опустилась на каменную скамью у края аллеи. Она сложила руки на колѣняхъ съ какимъ-то глубокимъ, застѣнчивымъ волненіемъ, между тѣмъ какъ донъ-Ипполито, повинуясь ея приказанію, сѣлъ и ждалъ, чтобъ она заговорила. Ея голосъ былъ скорѣе похожъ на хриплый шепотъ, когда она начала:

— Я не знаю, какъ приступить къ тому, что мнѣ хочется сказать. Не мнѣ давать кому-либо совѣты. Я такъ молода и такъ мало знаю свѣтъ.

— Я тоже мало знаю свѣтъ,—сказалъ священникъ, обращаясь не столько къ ней, сколько къ самому себѣ.

— Быть можетъ, я сужу неправильно, совсѣмъ, совсѣмъ неправильно. И, притомъ,—прибавила она, сдѣлавъ вдругъ рѣзкій переходъ,—какъ могу я знать, что вы хорошій человѣкъ, донъ-Ипполито? Какъ могу я знать, что вы сказали мнѣ правду? Быть можетъ, это что-нибудь вродѣ ловушки...

Онъ смотрѣлъ на нее въ полномъ недоумѣніи.

— Мы въ Венеціи, быть можетъ, вы хотите выпытать у меня что-нибудь такое, что причинитъ потомъ непріятности моей матери и мнѣ. Быть можетъ, вы шпіонъ...

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — воскликнулъ священникъ, быстро поднявшись со скамьи съ чѣмъ-то вродѣ стона или содроганія.— Боже меня избави! — Онъ легко коснулся ея руки кончиками пальцевъ и затѣмъ поцѣловалъ ихъ: актъ невыразимаго смиренія.—*Madamigella*, клянусь вамъ всѣмъ, что свято для васъ: я готовъ скорѣе умереть, чѣмъ быть вѣроломнымъ передъ вами хотя бы въ одномъ только вздохѣ или одной только мысли.

— О, я знаю это, знаю! — прошептала она.— Я не понимаю, какъ могла я сказать такую жестокую вещь.

— Вовсе не жестокую, *madamigella*, вовсе не жестокую,— сталъ мягко защищать ее донъ-Ипполито.

— Но... но развѣ для васъ *нѣтъ*...

Они пристально взглянули въ глаза другъ другу, потомъ донъ-Ипполито заговорилъ:

— Да,—сказалъ онъ съ глубокою серьезностью,—одинъ исходъ есть. Я часто о немъ думалъ, и однажды мнѣ показалось, что я сдѣлалъ первый шагъ по пути къ нему; но этотъ путь обставленъ множествомъ великихъ препятствій, а профессія священника дѣлаетъ человѣка робкимъ и неувѣреннымъ.

Съ послѣдними словами онъ опять погрузился въ свою задумчи[illegible]ю меланхолію; но Флорида не хотѣла допустить, чтобъ онъ ут[illegible]тилъ мужество, съ которымъ началъ свою рѣчь.

— Это ничего не значитъ,—сказала она,—вы снова должны нап[illegible]вить свои мысли къ тому и не должны отказываться отъ этого сре[illegible]тва, пока не испытали его. Сдѣлайте только первый шагъ, а зат[illegible] вамъ уже легко будетъ идти дальше. Со всѣхъ сторонъ по-

явятся друзья и поддержатъ васъ. Послушайте,—произнесла она съ горячею мольбой,—вы должны обѣщать мнѣ это.

Онъ устремилъ на нее свои мечтательные глаза.

— Еслибъ я рѣшился на этотъ единственный исходъ, и еслибъ всѣмъ другимъ онъ показался безумнымъ, остались бы вы и тогда моимъ другомъ?

— Я осталась бы вашимъ другомъ, еслибъ весь свѣтъ обратился противъ васъ.

— Остались бы вы моимъ другомъ,—поспѣшно спросилъ онъ полушепотомъ и съ признаками внутренней борьбы,—еслибъ этотъ исходъ заключался для меня въ томъ, чтобы не быть больше священникомъ?

— Конечно, конечно! Почему же нѣтъ?—воскликнула дѣвушка, и лицо ея запылало геройскою отвагой и симпатіей. Это небесное невѣдѣніе женщинъ относительно непреодолимыхъ трудностей, являющихся передъ тѣми, кто хочетъ поступать справедливо,—вотъ что вдохновляетъ мужчинъ и заставляетъ ихъ осуществлять на дѣлѣ геніальныя, кажущіяся невозможными мечты. Наша склонность разрабатывать подробности, наша роковая привычка къ разсужденію парализуютъ насъ; намъ нуженъ импульсъ чистаго идеала, который только женщины могутъ намъ дать. Эти два существа были одинаково дѣтьми по отношенію къ свѣту, но онъ, какъ мужчина, предвидѣлъ средства и боялся ихъ, она же была преисполнена божественнаго презрѣнія ко всему, кромѣ цѣли, которую требовалось достигнуть.

Онъ тяжело перевелъ духъ.

— Такъ это не кажется вамъ ужаснымъ?

— Ужаснымъ? Нѣтъ, я не понимаю, какъ можете вы быть спокойнымъ, пока это не сдѣлано!

— Стало быть, это правда, что вы поощряете меня на этотъ шагъ, на который я самъ такъ давно уже хотѣлъ рѣшиться?

— Да, это правда! Послушайте, донъ-Ипполито, это именно то, чего я ожидала отъ васъ, но мнѣ хотѣлось, чтобы вы первый заговорили объ этомъ. Вамъ должна принадлежать вся честь этой мысли, и я рада, что она уже раньше являлась вамъ. Никогда не придется вамъ объ этомъ пожалѣть!

Она улыбнулась ему сіяющею улыбкой, и ея энтузіазмъ с-пламенилъ его. Черезъ минуту лицо его снова омрачилось.

— Но это будетъ куплено дорогою цѣной,— прошепталъ ъ.

— Не бойтесь этого! — воскликнула Флорида.— Такой о-вѣкъ, какъ вы, долженъ совлечь съ себя санъ священника и то

бы ни стало! Вы должны перестать быть священникомъ, рискуя потерять вслѣдствіе этого родныхъ, друзей, доброе имя, отчизну, все на свѣтѣ! — Она вспыхнула, словно что-то вспомнивъ. — Вамъ незачѣмъ поддаваться унынію. Разъ вашъ геній сдѣлается свободнымъ, вы можете всюду создать себѣ родину, славу, друзей. Покиньте Венецію! Есть и другія мѣста на земномъ шарѣ. Подумайте, какой успѣхъ имѣютъ изобрѣтатели въ Америкѣ...

— Въ Америкѣ! — воскликнулъ священникъ. — Ахъ, какъ давно я мечтаю о ней!

— Вы должны туда ѣхать. Вы не замедлите снискать тамъ почетъ и славу, и даже съ самаго начала не будете тамъ чужимъ. Знаете ли вы, что мы думаемъ уже въ очень скоромъ времени возвратиться домой? Да, мы сегодня толковали объ этомъ съ мамой. Мы обѣ стосковались по родинѣ, и вы видите, мама все больна и больна. Вы пріѣдете къ намъ и поселитесь въ нашемъ домѣ, пока не составили еще какихъ-нибудь опредѣленныхъ плановъ. Все устроится очень легко. Богъ милосердъ,— сказала она прерывающимся голосомъ,— и Онъ благословитъ васъ.

— Кто-то, — отвѣтилъ донъ-Ипполито со слезами на глазахъ,— былъ уже очень милосердъ ко мнѣ. Я думалъ, что это вы, но теперь я назову это Богомъ.

— Тссъ... Не говорите такихъ вещей. Но теперь вамъ пора уходить. Оставьте себѣ время подумать, но не думайте слишкомъ долго. И еще одно — будьте вѣрны самому себѣ!

Они поднялись со скамейки и съ инстинктивнымъ, умоляющимъ жестомъ она опустила пальцы на его руку. Онъ стоялъ ошеломленный.

— Благодарю васъ, *madamigella,* благодарю васъ,— сказалъ онъ затѣмъ и, схвативъ ея душистую ручку, поднесъ ее къ губамъ. Онъ выпустилъ ее и поднялъ руки, какъ бы движимый слѣпымъ порывомъ, однако, поборолъ его въ тотъ же мигъ и отвернулся съ горячею краской въ лицѣ. Онъ не простился съ Флоридой съ своими обыкновенными церемонными поклонами, но быстро направился къ выходу.

Паническій страхъ овладѣлъ дѣвушкой, когда она увидала, что он[illegible]же готовъ уйти. Она побѣжала вслѣдъ за нимъ.

Донъ-Ипполито, донъ-Ипполито!— сказала она, приблизивш[illegible]къ нему, но тотчасъ же смутилась и запнулась.— Я не знаю, ни[illegible]то-то страшно. Вы ничего не должны дѣлать по моему наущеніе я не могу этого допустить,— не мнѣ давать вамъ совѣты. Это до[illegible]ть всецѣло дѣломъ вашей совѣсти. Ахъ, нѣтъ, не смот-

рите на меня такъ! Я *буду* вашимъ другомъ, что̀ бы ни случилось. Но если то, что вы намѣрены сдѣлать, казалось вамъ такъ ужаснымъ, то, можетъ быть, оно дѣйствительно ужаснѣе, чѣмъ я могу себѣ вообразить. Если это единственный исходъ, то такъ и должно быть. Но развѣ нѣтъ другого? Я хочу сказать, развѣ нѣтъ у васъ никого, съ кѣмъ вы могли бы обсудить все это? Не могли ли бы вы переговорить объ этомъ хотя бы съ... съ мистеромъ Феррисъ? Онъ такъ искрененъ, такъ честенъ и справедливъ.

— Я и хотѣлъ пойти къ нему отсюда,— сказалъ донъ-Ипполито съ смутнымъ безпокойствомъ въ лицѣ.

— Ахъ, какъ я рада это слышать! Помните, я ничего не беру назадъ, что̀ бы ни случилось. Я буду вамъ другомъ. Но онъ скажетъ вамъ какъ разъ то, что слѣдуетъ сдѣлать.

Донъ-Ипполито поклонился и отворилъ калитку.

Флорида вернулась къ матери.

— Скажи, ради Бога, о чемъ это ты такъ серьезно толковала съ донъ-Ипполито?— спросила миссисъ Вервэнъ.— И отчего ты такъ блѣдна и такъ задыхаешься?

— Я сейчасъ разскажу тебѣ, мама,— отвѣтила Флорида и, придвинувъ себѣ стулъ, сѣла напротивъ матери.

XIV.

Донъ-Ипполитто не прямо пошелъ къ художнику. Онъ сначала направился къ себѣ, потомъ повернулъ въ сторону и изъ шумнаго, людnаго квартала Канареджіо вышелъ на *Campo di Marte*. Маленькій отрядъ кавалеріи возвращался послѣ ученья съ плацъ-парада, нѣсколько пѣхотинцевъ бродили въ тѣни деревьевъ. Донъ-Ипполито перешелъ поле по направленію къ берегу лагуны и началъ шагать взадъ и впередъ, опустивъ голову на грудь и погрузившись въ глубокія думы. Онъ двигался быстро, но останавливался по временамъ и стоялъ неподвижно на солнцѣ, не чувствуя, повидимому, его зноя, хотя блѣдное лицо его было въ испаринѣ и капли пота катились по его лбу изъ-подъ полей его *nicchio*. Грязныя, оборванныя дѣтишки бѣдняковъ, густо заселявшихъ эту часть города, смотрѣли на него съ покатыхъ склоновъ *Campo di Giustizia*, гдѣ обыкновенно совершались казни, а одинъ мальчуганъ началъ передразнивать движенія священника, но одна изъ дѣвочекъ остановила его и, внушительно жестикулируя, стала трясти его за плечи.

Въ этомъ пунктѣ видѣнъ на всемъ его протяженіи длинный

лѣзно-дорожный мостъ, соединяющій Венецію съ материкомъ; и вдругъ свистокъ заграничнаго поѣзда пробудилъ донъ-Ипполито отъ его грезъ, которыя ни на минуту не покидали его, шелъ ли онъ, или стоялъ на мѣстѣ. Онъ проводилъ глазами поѣздъ, плавно пронесшійся надъ широкими арками и стремительно врѣзавшійся въ плоскія, соленыя болота, лежавшія позади. Когда онъ исчезъ изъ виду, донъ-Ипполито снова надѣлъ шляпу, которую безсознательно снялъ съ головы, и быстрыми шагами направился къ желѣзно-дорожной станціи. Придя туда, онъ простоялъ съ полчаса на вокзалѣ, наблюдая, какъ уѣзжающіе брали себѣ билеты, какъ ихъ багажъ сперва осматривали таможенные чиновники, потомъ свѣшивали и зарегистровывали желѣзно-дорожные носильщики, передавая его черезъ барьеръ, отгораживающій поѣздъ, между тѣмъ какъ пассажиры собирали свои ручныя вещи и шли гурьбой къ заламъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ эту сторону, слѣдомъ за группою англичанъ, потомъ, возвратившись къ барьеру, долго и задумчиво смотрѣлъ черезъ него на поѣздъ. Весь багажъ былъ сданъ, сторожа съ рѣзкими возгласами распахнули двери пассажирскихъ залъ, и уѣзжающіе столпились у вагоновъ. Раздались свистки и звонки и поѣздъ выползъ изъ крытой галлереи станціи.

Какой-то человѣкъ въ мундирѣ желѣзно-дорожнаго чиновника подошелъ къ незамѣтившему его приближенія патеру и, тихонько потирая руки, сказалъ съ пріятною улыбкой:

— Вашъ слуга, донъ-Ипполито. Вы поджидаете кого-нибудь?

— А, здравствуйте! — отвѣтилъ священникъ, слегка вздрогнувъ.— Нѣтъ,— прибавилъ онъ,— я никого не жду.

— Понимаю, понимаю,— сказалъ тотъ.— Вы, по обыкновенію, забавляетесь механикой. Простите за смѣлость, донъ-Ипполито, но вамъ бы слѣдовало избрать нашу профессію, хе, хе, хе! Когда у васъ будетъ свободный часокъ, мнѣ очень хотѣлось бы показать вамъ рисунокъ американскаго локомотива, присланный мнѣ однимъ пріятелемъ изъ Нью-Йорка. Онъ вовсе не похожъ на наши и весьма любопытенъ. Но какая, знаете, громадина! Просто что-то чудовищное! Можно мнѣ какъ-нибудь вечеркомъ занести его вамъ?

— Вы сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе, — сказалъ донъ-Ипполито; онъ мечтательно смотрѣлъ по направленію умчавшагося поѣзда.—Это миланскій поѣздъ?—спросилъ онъ вдругъ.

— Точно такъ,—сказалъ чиновникъ.

— И онъ идетъ въ Миланъ безъ остановки?

— Ахъ, нѣтъ! Онъ останавливается въ Пескіерѣ, гдѣ пассажиры должны предъявлять паспорта, а въ Дезенцано пересадка на

Миланъ. А послѣ этого, — съ воодушевленіемъ продолжалъ чиновникъ,— если, напримѣръ, вашъ путь лежитъ въ Англію, то нужно пересаживаться на Сеузу, оттуда дилижансомъ черезъ горы въ С.-Мишель, потомъ опять по желѣзной дорогѣ и такъ черезъ Парижъ до Приморской Булони, а затѣмъ на пароходѣ до Фолькстона, а затѣмъ по желѣзной дорогѣ до Лондона и Ливерпуля. Въ Ливерпулѣ вы садитесь на пароходъ, ѣдущій въ Америку, и—фьють!... Чрезъ десять дней вы уже въ Нью-Йоркѣ. Мой пріятель все это мнѣ въ точности расписалъ.

— Ахъ, да, вашъ пріятель! Что же, нравится ему жизнь въ Америкѣ?

— Ничего себѣ, ничего себѣ. У американцевъ нѣтъ манеръ, но они добрые малые. Ирландцы ихъ подъ свою власть забрали. И вино тамъ дорого. Но Америка ему нравится, да, нравится. *Nuova-York*—прекрасный городъ. Но огромный, знаете! Въ восемь разъ больше Венеціи!

— И повезло тамъ вашему пріятелю?

— Ага! Въ томъ-то и дѣло. Онъ тамъ разбогатѣлъ. Онъ служитъ чертежникомъ при одной крупной фирмѣ, исполняетъ рисунки каминовъ, мраморныхъ столовъ, надгробныхъ памятниковъ и получаетъ... сколько бы вы думали? Шестьсотъ франковъ въ мѣсяцъ!

— О, *per Bacco!*—воскликнулъ донъ-Ипполито.

— Честное слово. Но за то тамъ и жизнь дорога. А, все-таки, это великолѣпно, не правда ли? Еслибъ не проклятая война, которая теперь тамъ ведется, вотъ бы самое настоящее мѣсто для васъ, донъ-Ипполито. Мой пріятель пишетъ мнѣ, что американцы съ ума сходятъ по всякимъ изобрѣтеніямъ. Вашъ слуга, донъ-Ипполито. Простите за смѣлость,—сказалъ онъ, кланяясь и отходя отъ священника.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, голубчикъ, сдѣлайте одолженіе!— отвѣтилъ донъ-Ипполито.

Онъ легкими шагами вышелъ со станціи, отправился къ себѣ и отперъ комнату, гдѣ были собраны его модели. Онъ уже нѣсколько недѣль не прикасался къ нимъ. Всѣ онѣ были покрыты пылью, а многія и паутиной. Онъ сдулъ съ нѣкоторыхъ пыль, поднесъ ихъ къ свѣту и сталъ ихъ критически разсматривать. Большинство онъ [ра]шелъ въ томъ или другомъ отношеніи непригоднымъ къ дѣлу, кр[о]мѣ моделей складной мебели; ихъ онъ вытеръ носовымъ платкомъ и [по]ставилъ въ сторону, оглядывая ихъ издали съ надеждой во взо[рѣ]. Онъ схватился за пушку, заряжаемую съ казенной части, и вдр[угъ] съ легкою дрожью снова положилъ ее на мѣсто, вышелъ на по[рогъ]

профанированной часовни и заглянулъ въ свою кузницу. Венеранда по забывчивости оставила окно открытымъ, и сквозной вѣтеръ разнесъ пепелъ по всему полу. На кучѣ мусора лежали инструменты, которыми онъ починилъ сломанную трубку у фонтана въ домѣ миссисъ Вервэнъ и которыхъ съ тѣхъ поръ не употреблялъ. Даже и въ этотъ лѣтній день въ кузницѣ чувствовался холодъ. Донъ-Ипполито, стиснувъ руки, простоялъ нѣкоторое время въ дверяхъ. Потомъ онъ позвалъ Венеранду, сдѣлалъ ей выговоръ за то, что она оставила окно открытымъ, велѣлъ ей затворить его и вышелъ изъ дому, не обращая вниманія на ея воркотню.

Феррисъ какъ будто удивился, когда донъ-Ипполито пришелъ подъ вечеръ въ консульство и сѣлъ на то мѣсто, гдѣ привыкъ позировать передъ художникомъ.

— Вы хотите дать мнѣ сеансъ?—нерѣшительно спросилъ послѣдній.—Какъ разъ теперь самое невозможное освѣщеніе, благодаря этому ослѣпительному блеску на каналъ. Я не хочу сказать, что дѣло идетъ много лучше, когда освѣщеніе и болѣе выгодно. Я никакъ не могу сладить съ вами, донъ-Ипполито. Вашей братіи слишкомъ много. Я бы не узналъ васъ во вчерашней процессіи.

Священникъ ничего не отвѣтилъ. Онъ поднялся со стула, подошелъ къ портрету, стоявшему на мольбертѣ, и сталъ въ него вглядываться съ глубокимъ вниманіемъ. Потомъ онъ опять сѣлъ на мѣсто и все продолжалъ смотрѣть на портретъ.

— Я полагаю, что онъ долженъ быть очень похожъ на меня,—сказалъ онъ,—а, между тѣмъ, *чувствую* я не такъ, какъ это лицо. Я едва ли могъ бы сказать, въ чемъ тутъ ошибка. Не въ томъ ли, что на этомъ портретѣ я изображенъ такимъ, какимъ былъ бы, если бы былъ похожъ на всѣхъ другихъ священниковъ моей церкви?

— Я знаю, что портретъ неудаченъ,—сказалъ живописецъ.—Онъ, все-таки, условенъ, какъ я противъ этого ни боролся. Но вотъ первый эскизъ, который я снялъ съ васъ.

Онъ взялъ полотно, стоявшее лицомъ къ стѣнѣ, и поставилъ его на мольбертъ. На этомъ эскизѣ, сдѣланномъ углемъ, черты лица были гораздо искреннѣе и симпатичнѣе.

Ахъ,—со вздохомъ и съ улыбкой облеченія произнесъ донъ-Ипполито,—этотъ несравненно лучше! Какъ бы мнѣ хотѣлось подсѣсть у васъ, дорогой другъ, такое же сочувственное ко мнѣ настроеніе, какъ то, о какомъ свидѣтельствуетъ этотъ портретъ, для того чтобы поговорить съ вами о нѣкоторыхъ дѣлахъ, касающихся меня очень близко. Я къ вамъ прямо со станціи желѣзной дороги. Провожали знакомыхъ?—равнодушно спросилъ живописецъ,

наклоняясь надъ эскизомъ съ кусочкомъ угля въ рукѣ и взвѣшивая, придать ему или нѣтъ какой-то новый штрихъ. Онъ взглянулъ прищуренными глазами на священника.

Донъ-Ипполито опять вздохнулъ.

— Ахъ, я и самъ не знаю! Я провожалъ свои надежды, свои желанія, свои молитвы, улетавшія вслѣдъ за поѣздомъ въ Америку!

Художникъ положилъ уголь на столъ, вытеръ пальцы и посмотрѣлъ на священника, не сказавъ ни слова.

— Помните, какъ я въ первый разъ пришелъ къ вамъ?—спросилъ донъ-Ипполито.

— Конечно, помню,—отвѣчалъ Феррисъ.—Такъ вы объ этомъ дѣлѣ хотите потолковать со мной? Мнѣ жаль это слышать, потому что я не нахожу вашу идею практичной.

— Практичной, практичной!—запальчиво вскричалъ священникъ.—Ни одну идею нельзя назвать практичной, пока мы не попробовали ее осуществить. И почему бы мнѣ не отправиться въ Америку?

— Прежде всего, потому, что вы не можете получить паспорта,—сухо отвѣтилъ художникъ.

— Я думалъ объ этомъ,—уже болѣе сдержанно отвѣтилъ донъ-Ипполито.—Я могу достать паспортъ во Францію отъ здѣшнихъ австрійскихъ властей, а въ Миланѣ я какъ-нибудь найду средство обмѣнить его на паспортъ съ подписью моего собственнаго короля,—такъ величали въ тѣ дни венеціанскіе патріоты Виктора Эммануила,—и, такимъ образомъ, получить пропускъ изъ Франціи въ Англію.

Феррисъ на минуту задумался.

— Это совершенно вѣрно,—сказалъ онъ.—Почему вамъ не пришло это въ голову, когда вы въ первый разъ были у меня?

— Право, не могу сказать. Да и о томъ, что мнѣ можно достать паспортъ во Францію, я узналъ только на-дняхъ.

Оба молчали, пока художникъ набивалъ себѣ трубку.

— Ну,—сказалъ онъ вдругъ,—мнѣ очень жаль. Я боюсь, что, рѣшаясь ѣхать въ Америку, вы обрекаете себя на множество горькихъ разочарованій. Что же вы тамъ будете дѣлать?

— Да, вѣдь, съ моими изобрѣтеніями...

— Я полагаю,—перебилъ его Феррисъ, поднося къ трубкѣ зажженную спичку,—что живописецъ долженъ быть весьма [illegible] какого сорта американцемъ: у *него* первая мысль—это ѣхать въ Италію. А потому мнѣ очень мало извѣстно изъ первыхъ рукъ о судьбѣ моихъ изобрѣтательныхъ соотечественниковъ и о томъ, [illegible]ть

ли изобрѣтатель разсчитывать на вѣрный заработокъ. Но разъ въ Вашингтонѣ я зашелъ въ бюро патентовъ, гдѣ хранятся модели изобрѣтеній; зданіе почти такого же размѣра, какъ дворецъ дожей, и биткомъ набито моделями всякихъ машинъ. Мнѣ говорили тамъ, что сплошь и рядомъ одно и то же изобрѣтеніе снова и снова повторяется различными изобрѣтателями. Весьма немногіе счастливцы достигаютъ цѣли, но тогда имъ приходится вести процессы съ контрафакторами ихъ патентовъ; нѣкоторые сбываютъ за безцѣнокъ свои изобрѣтенія компаніямъ, располагающимъ капиталомъ и богатѣющимъ на ихъ счетъ; большинству такъ и не удается ознакомить публику со своими идеями. Можете сами судить, каковы были бы ваши шансы. Вы спрашивали меня, почему бы вамъ не ѣхать въ Америку? Да просто потому, что вы будете тамъ голодать.

— Я привыкъ къ этому, — сказалъ донъ-Ипполито,—и, притомъ, пока нѣкоторыя изъ моихъ изобрѣтеній получатъ извѣстность, я могъ бы давать уроки итальянскаго языка.

— О, браво!— воскликнулъ Феррисъ,—вы, стало быть, предпочитаете моментальную смерть?

— Но *madamigella*, кажется, думаетъ, что мой успѣхъ въ качествѣ изобрѣтателя былъ бы тамъ обезпеченъ.

Феррисъ усмѣхнулся съ большою ироніей.

— Миссъ Вервэнъ, вѣроятно, было лѣтъ двѣнадцать, когда она уѣхала изъ Америки. Въ этомъ возрастѣ даже дамскія познанія въ дѣлахъ довольно ограничены. Когда вы съ ней говорили объ этомъ? Со мной вы послѣднее время не заводили объ этомъ рѣчи, и я думалъ, что вы нѣсколько примирились со своею участью.

— Это правда,— сказалъ священникъ.—Въ послѣдніе два мѣсяца мнѣ случалось почти забывать объ этомъ.

— Что же опять навело васъ на эти мысли и побуждаетъ васъ такъ настойчиво останавливаться на нихъ?

— Вотъ это-то мнѣ и хотѣлось бы сказать вамъ,—отвѣтилъ донъ-Ипполито, устремивъ на лицо живописца ищущій сочувствія взоръ. Онъ смочилъ языкомъ пересохшія губы, ожидая дальнѣйшихъ вопросовъ отъ Ферриса, которому онъ показался человѣкомъ р[illegible]оряченнымъ какимъ-то сильнымъ душевнымъ волненіемъ и даже н[illegible]овсѣмъ здоровымъ въ эту минуту. Феррисъ не прерывалъ молч[illegible]я, и донъ-Ипполито началъ опять.

— Хотя я не говорилъ вамъ этого словами, дорогой другъ, но р[illegible] вамъ не являлась мысль, что у меня нѣтъ склонности къ мое[illegible]призванію?

— Да, иногда мнѣ такъ думалось. Я не имѣлъ права спросить васъ о причинѣ.

— Я вамъ скажу это когда-нибудь, если только у меня хватитъ мужества еще разъ пережить все это. Отчасти вина лежитъ на мнѣ, но скорѣе на моей злосчастной судьбѣ. Но гдѣ бы ни крылось зло, оно сдѣлалось для меня подъ конецъ нестерпимо. Я не могу выносить его дольше, не могу жить, тая его въ себѣ. Я долженъ уйти, долженъ бѣжать отъ него.

Феррисъ слегка отшатнулся отъ священника, какъ инстинктивно отступаютъ люди передъ человѣкомъ, задумавшимъ какое-нибудь отчаянное предпріятіе.

— Неужели вы хотите сказать, донъ-Ипполито, что намѣрены отречься отъ священническаго сана?

Донъ-Ипполито развелъ руками и точно сбросилъ на землю свой священническій санъ.

— Вы никогда не говорили объ этомъ раньше, когда толковали со мной о путешествіи въ Америку; хотя, конечно...

— Да, да!—съ горячностью прервалъ его донъ-Ипполито.—Но теперь ангелъ явился мнѣ и показалъ мнѣ всю гнусность моей жизни.

У Ферриса мелькнула мысль: ужь не помѣшался ли донъ-Ипполито?

— Да, ангелъ,—продолжалъ священникъ, вставъ со стула,—ангелъ, проникшій своимъ безпорочнымъ взоромъ въ мерзкій омутъ моей лживости, она, которой, еслибъ это стоило мнѣ жизни, я не могу отплатить ничѣмъ инымъ, какъ такою же любовью къ истинѣ, какая воодушевляетъ ее!

— Ее, ее!—воскликнулъ художникъ съ внезапною тоской въ сердцѣ.—Но кто же это? Не говорите такими загадками. Кого вы подразумѣваете?

— Кого могу я подразумѣвать, кромѣ ея одной? *Madamigella*!

— Миссъ Вервэнъ? Вы хотите сказать, что миссъ Вервэнъ совѣтовала вамъ отречься отъ вашего служенія?

— Почти такими же словами она повелѣла мнѣ оставить его во что бы то ни стало, рискуя потерять родныхъ, друзей, доброе имя, родину, все на свѣтѣ.

Художникъ смущенно провелъ рукой по лицу. Вѣдь, это были его собственныя слова, произнесенныя имъ въ разговорѣ съ Ферридой о воображаемомъ священникѣ-скептикѣ. Онъ сильно поблѣднѣлъ.

— Смѣю спросить,—обратился онъ къ донъ-Ипполито сухо,

жесткимъ тономъ,—что собственно побудило ее рекомендовать вамъ подобный шагъ?

— Я самъ затруднился бы это сказать. Еще раньше что-то внушило ей узнать отъ меня повѣсть моей жизни, узнать, что я человѣкъ безъ вѣры и надежды. Ея чистое сердце содрогнулось предъ моею неправотой и моими заблужденіями. Я никогда не видалъ самъ себя въ такомъ отталкивающемъ свѣтѣ, въ какомъ она увидала меня въ то самое время, какъ кроткая душа ея изливала на меня свое божественное состраданіе. Я былъ почти радъ, что я то, что я есть, изъ-за ангельской жалости ея ко мнѣ.

Слезы брызнули изъ глазъ донъ-Ипполито, но Феррисъ спросилъ все тѣмъ же голосомъ, какъ и прежде.

— Такъ она тогда потребовала отъ васъ, чтобъ вы перестали быть священникомъ?

— Нѣтъ, не тогда,—терпѣливо возразилъ патеръ,—она слишкомъ была поражена моимъ несчастіемъ, чтобы думать о какомъ-нибудь врачеваніи. Только сегодня произнесла она эти слова,—слова, которыхъ я никогда не забуду, которыя, что бы ни случилось, будутъ мнѣ поддержкой и утѣшеніемъ.

Художникъ ожесточенно кусалъ кончикъ своей трубки. Онъ отвернулся и началъ прибирать краски и карандаши на столикѣ у стѣны, аккуратно раскладывая ихъ тѣсными, ровными рядами. Вдругъ онъ сказалъ:

— Можетъ быть, и ѣхать въ Америку вамъ тоже посовѣтовала миссъ Вервэнъ?

— Да,—благоговѣйно отвѣтилъ священникъ.—Она подумала обо всемъ. Она обѣщала дать мнѣ пріютъ подъ кровлею своей матери, пока мои изобрѣтенія не сдѣлаются извѣстны, и я теперь же послѣдую за ними.

— Послѣдуете за ними?

— Она сказала мнѣ, что онѣ уѣзжаютъ. *Мадама* здѣсь не поправляется. Обѣ онѣ тоскуютъ по родинѣ. Онѣ... но вы, вѣроятно, уже все это знаете.

— Ахъ, вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ!—съ горькою улыбкой сказалъ художникъ.—Это для меня новости! Сдѣлайте милость, продолжа[йте].

— Больше мнѣ нечего сказать. Она взяла съ меня обѣщаніе пов[идаться] съ вами и спросить вашего совѣта, прежде чѣмъ предпри[нимать] что-либо. Она говоритъ, что я не долженъ довѣрять ей одн[ому], но если я рѣшусь на этотъ шагъ, то она будетъ моимъ другом[ъ], несмотря ни на что. Ахъ, дорогой другъ мой, позволите ли

вы мнѣ сказать вамъ о надеждѣ, которую эти слова пробудили во мнѣ? Вы видѣли... не правда ли?... вы должны были видѣть...

Священникъ запнулся, а Феррисъ, точно онѣмѣвъ, не сводилъ съ него изумленнаго взора. Когда онъ услыхалъ его дальнѣйшія слова, онъ не могъ уже найти ничего страннаго въ фактѣ, который, однако, нанесъ ему такой сильный ударъ. Онъ почувствовалъ, что въ глубинѣ своего сознанія онъ давно уже освоился съ этимъ фактомъ,—съ того самаго дня, когда, въ видѣ шутки, онъ предложилъ впервые пригласить донъ-Ипполито въ учителя къ Флоридѣ. Чудовищный, трагическій, невозможный, этотъ фактъ, тѣмъ не менѣе, таился на самомъ днѣ всѣхъ его думъ или, по крайней мѣрѣ, такъ это ему представлялось теперь.

Донъ-Ипполито тревожно придвинулся къ нему и съ умоляющимъ жестомъ дотронулся до его руки.

— Я люблю ее!—сказалъ онъ.

— Какъ? — произнесъ, задыхаясь, художникъ.— Вы, вы?... священникъ?

— Священникъ, священникъ!—въ бурномъ порывѣ вскричалъ донъ-Ипполито.—Съ этого дня я больше не священникъ. Съ этого часа я человѣкъ, какъ и всѣ, и могу предложить ей честную любовь мужчины, ненарушимый завѣтъ самаго священнаго брака и вѣрность до могилы.

Феррисъ не далъ ему отвѣта. Онъ началъ холодно и высокомѣрно смотрѣть на донъ-Ипполито, пылъ священника угасъ подъ его неподвижнымъ взглядомъ, и подъ конецъ онъ встрѣтилъ его взоромъ, выражавшимъ трепетное смущеніе. Пальцы его соскользнули съ руки Ферриса и онъ отступилъ отъ него на нѣсколько шаговъ.

— Что это значитъ, дорогой другъ? — спросилъ онъ тономъ мольбы.—Или я чѣмъ-нибудь оскорбилъ васъ? Я явился къ вамъ за совѣтомъ, а вы встрѣчаете меня непріязненно, почти враждебно. Я этого не понимаю. Или я, самъ не вѣдая того, задумалъ что-нибудь дурное? О, заклинаю васъ, говорите прямо!

— Подождите, подождите минутку,—сказалъ Феррисъ, махая рукой, какъ человѣкъ, терзаемый внезапною болью.—Я стараюсь подумать. То, что̀ вы говорите, это... Я не могу себѣ этого вообразить!

— Не можете себѣ вообразить! Не можете себѣ вообрази... Но почему же? Развѣ она не прекрасна?

— Конечно.

— И добра?

— Несомнѣнно.

— И молода, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умна не по лѣтамъ? И строго-правдива, и, въ то же время, ангельски-кротка?

— Богъ свидѣтель, что все это такъ, какъ вы говорите. Но вы—священникъ...

— О, вѣчно это проклятое слово! А въ глубинѣ сердца что такое священникъ, какъ не человѣкъ? Человѣкъ жалкій, замаскированный, заключенный въ тюрьму, обреченный на изгнаніе? Развѣ у него не такая же кровь и нервы, какъ и у другихъ? Развѣ нѣтъ у него глазъ, чтобы видѣть то, что прекрасно, нѣтъ ушей, чтобы слышать то, что сладостно звучитъ? Развѣ можетъ онъ жить близъ такого божественнаго цвѣтка и не сознавать его прелести, не вдыхать благоуханія ея души, не поклоняться красотѣ ея? Великій Боже! А еслибъ онъ, наконецъ, сорвалъ съ себя душащую его маску, убѣжалъ бы изъ своей темницы, возвратился бы изъ изгнанія? Стали бы вы и тогда отрекаться отъ него?

— Нѣтъ!—промолвилъ живописецъ съ чѣмъ-то вродѣ стона. Онъ сѣлъ на высокій рѣзной готическій стулъ,—аксессуаръ одной изъ его картинъ,—оперся головой объ его высокую спинку и взглянулъ на священника, стоявшаго на другомъ концѣ мастерской.—Извините меня,—сказалъ онъ затѣмъ, съ большимъ трудомъ овладѣвъ собою.—Я готовъ служить вамъ по мѣрѣ силъ. Что вы хотѣли спросить у меня? Я сказалъ вамъ чистосердечно, какъ я смотрю на вашъ планъ отправиться въ Америку, но я легко могу ошибаться. Объ этомъ собственно миссъ Вервэнъ просила васъ посовѣтоваться со мной?—Противъ его воли и голосъ, и вся его манера снова сдѣлались суровы.—Или она желала, чтобъ я далъ вамъ совѣтъ относительно отреченія отъ священническаго сана? Вы, вѣроятно, сами уже тщательно обдумали этотъ вопросъ.

— Да, вы едва ли могли бы представить мнѣ его болѣе затруднительнымъ, чѣмъ онъ казался мнѣ самому.—Донъ-Ипполито остановился съ смущеннымъ и робкимъ видомъ, точно какой-то важный пунктъ ускользнулъ изъ его мыслей.—Но я долженъ рѣшиться на этотъ шагъ; тяжесть двойной роли, которую я играю, нестерпима, не правда ли?

Вамъ это лучше знать, чѣмъ мнѣ.

Но еслибъ вы были такимъ человѣкомъ, какъ я, безъ любви к своему призванію и безъ вѣры въ него, развѣ не перестали бы тогда быть священникомъ?

Если вы *такъ* ставите вопросъ, то я отвѣчу «да», — ска-

залъ живописецъ.—Но я ничего не совѣтую вамъ. Я не могъ бы дать совѣта другому въ такихъ обстоятельствахъ.

— Но вы думаете и чувствуете, какъ я,—сказалъ священникъ,—и, слѣдовательно, я правъ.

— Я не говорю, что вы неправы.

Феррисъ умолкъ, а донъ-Ипполито сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ своею скользящею походкой, точно высокая, худая, несчастная дѣвушка. Ни тотъ, ни другой не рѣшались положить конецъ этому свиданію, преисполненному неопредѣленной му́ки. Феррисъ тяжело перевелъ духъ и затѣмъ сказалъ твердымъ голосомъ:

— Донъ-Ипполито, я полагаю, что вы не ради празднаго разговора сообщили мнѣ о вашей... о вашихъ чувствахъ къ миссъ Вервэнъ и что въ свою очередь я могу говорить съ вами откровенно?

— Безъ сомнѣнія, — отвѣтилъ священникъ, остановившись среди комнаты и устремивъ глаза на живописца.—Какъ къ другу *madamigella* и моему собственному обратился я къ вамъ, чтобы сказать вамъ о своей любви и о своей надеждѣ... всего чаще ввергающей меня въ отчаяніе.

— Такъ вы не имѣете большихъ основаній думать, что она отвѣчаетъ на вашу... на ваше чувство?

— Ахъ, какъ могла бы она сознательно отвѣчать на него? До сихъ поръ я былъ для нея священникомъ, и мысль обо мнѣ была бы противна ея цѣломудрію. Но впослѣдствіи, если я съумѣю заявить себя мужчиной, если я съумѣю завоевать себѣ мѣсто въ свѣтѣ... Да нѣтъ, даже и теперь развѣ стала бы она такъ стремиться освободить меня отъ этихъ оковъ, еслибъ я не былъ болѣе близокъ ея сердцу, чѣмъ сама она подозрѣваетъ?

— Размышляли вы когда-нибудь о странной чертѣ въ характерѣ миссъ Вервэнъ, ея не знающемъ мѣры великодушіи?

— Оно божественно!

— И вамъ не казалось, что разъ такая женщина сознала, что она несправедливо заставила васъ страдать, то ея усилія загладить свою вину будутъ такъ же порывисты и безразсудны, какъ и нанесенная вамъ обида, что ея искупленію не будетъ границъ.

Донъ-Ипполито взглянулъ на Ферриса, но не вставилъ ни с[лова].

— Миссъ Вервэнъ, по-своему, очень религіозна, и, при[знаюсь], она сама истина. Увѣрены ли вы, что что-либо иное, а не бе[зпо]койство относительно того, что̀ ей представляется ужасны[мъ] въ вашемъ положеніи, заставило ее высказать столько тревоги о [васъ]?

— Развѣ я не превосходно знаю это? Развѣ я не чувствовалъ на себѣ бальзама ея небеснаго состраданія?

— И нельзя ли предположить, что она только хочетъ пробудить въ васъ нѣчто столь же высокое, какъ импульсъ ея собственнаго сердца?

— Столь же высокое!—почти гнѣвно воскликнулъ донъ-Ипполито.—Можетъ ли быть въ небесахъ или на землѣ что-нибудь выше любви къ подобной дѣвушкѣ?

— Да, можетъ, и въ небесахъ, и на землѣ,—отвѣтилъ Феррисъ.

— Я не понимаю васъ,—сказалъ донъ-Ипполито, остановивъ на немъ недоумѣвающій взглядъ.

Феррисъ ничего не возразилъ. Онъ впалъ въ какую-то тупую задумчивость и, казалось, забылъ о донъ-Ипполито и о всемъ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, священникъ прервалъ молчаніе:

— Вы ничего не имѣете сказать мнѣ, синьоръ?

— Я? Что же могу я сказать?—смущенно возразилъ тотъ.

— Можетъ быть, вамъ извѣстна еще какая-нибудь причина, по которой я не долженъ любить ее, кромѣ той, что я священникъ... то-есть былъ священникомъ?

— Нѣтъ, мнѣ ничего не извѣстно,—усталымъ тономъ промолвилъ художникъ.

— Ахъ,—воскликнулъ донъ-Ипполито,—у васъ есть что-то на умѣ, но вы не хотите мнѣ этого сказать! Умоляю васъ, не допустите меня впасть въ ошибку. Я люблю ее такъ горячо, что готовъ скорѣе умереть, чѣмъ оскорбить ее своею любовью. Я мужчина со страстями и надеждами мужчины, но безъ мужского опыта и безъ мужского пониманія того, что хорошо и что правильно въ этихъ отношеніяхъ. Если вы можете быть въ этомъ дѣлѣ настолько моимъ другомъ, чтобы дать мнѣ совѣтъ или предостеречь меня, если вы можете быть *ея* другомъ...

Феррисъ поспѣшно всталъ, вышелъ на балконъ и взглянулъ на большой каналъ. Потемнѣвшій отъ времени дворецъ напротивъ его дома не измѣнился въ послѣдніе полчаса. Какъ и во всякій другой лѣтній день, передъ его глазами мелькали черныя лодки. Тя-
же лій, остроконечный катеръ изъ Силе съ семействомъ капитана,
об тавшимъ подъ навѣсомъ на палубѣ, лѣниво двигался по сред-
не теченію. Нѣсколько американцевъ въ гондолѣ, съ биноклями
и цами въ рукахъ, указывали другъ другу на орла въ консуль-
св гербѣ. Все это были точно отраженія въ зеркалѣ или пред-
ме видимые въ мірѣ, перевернутомъ вверхъ дномъ.

Феррисъ возвратился въ мастерскую и, съ трудомъ держась на ногахъ, взглянулъ на донъ-Ипполито, стараясь заставить себя повѣрить, что этотъ безчеловѣчный призракъ въ обликѣ священника только что говорилъ ему о своей любви къ молодой прекрасной дѣвушкѣ, родной *ему* по племени, по вѣрѣ и по языку.

— Могу я надѣяться получить отъ васъ отвѣтъ, синьоръ?— мягко спросилъ донъ-Ипполито.

— Въ этомъ вопросѣ,—сказалъ художникъ, — я не могу ни давать вамъ какіе-либо совѣты, ни предостерегать васъ. Я не имѣю права вмѣшиваться въ это дѣло. Я не хочу быть нелюбезнымъ, но я рѣшительно не могу обсуждать его съ вами. На это имѣются причины. У миссъ Вервэнъ есть мать, и я никакъ не смѣю думать, что ея интересы въ подобномъ вопросѣ находятся въ моихъ рукахъ. Если онѣ обратятся за помощью ко мнѣ, тогда другое дѣло. Чего вы собственно желаете? Вы говорите мнѣ, что рѣшились отречься отъ вашего сана и ѣхать въ Америку, и я отвѣтилъ вамъ на это по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія. Вы говорите мнѣ, что влюблены въ миссъ Вервэнъ. Что могу я имѣть сказать вамъ на это?

Донъ-Ипполито стоялъ и слушалъ сначала съ терпѣливымъ, а потомъ съ оскорбленнымъ видомъ.

— Ничего ровно,—гордо отвѣтилъ онъ.—Простите, что обезпокоилъ васъ своими дѣлами. Ваша прежняя доброта ко мнѣ сдѣлала меня черезъ-чуръ смѣлымъ. Я небуду впредь докучать вамъ. Я поступилъ такъ по невѣдѣнію и прошу васъ извинить меня. Я удаляюсь, синьоръ.

Онъ поклонился и вышелъ изъ комнаты, и смутное раскаяніе наполнило душу живописца, когда онъ услыхалъ, какъ захлопнулась за нимъ наружная дверь. Но онъ ничего не могъ сдѣлать. Если онъ ранилъ сердце, довѣрчиво раскрывшее передъ нимъ свою тайну, то онъ сдѣлалъ это въ тоскѣ, которой не могъ побороть и причины которой еще были для него неясны. Все это было какою-то неопредѣленною пыткой, державшею его подъ своею властью, точно воспоминаніе о какомъ-то отвратительномъ кошмарѣ, простирающемъ свои ужасы даже за предѣлы сна. Казалось, невозможно было, чтобы то, что случилось, случилось на самомъ дѣлѣ.

Феррисъ остался на стулѣ, на которомъ онъ сидѣлъ, раз... ривая съ донъ-Ипполито, и долго еще не могъ настолько ус... коиться, чтобъ обсудить то, что онъ узналъ; но когда онъ ст... ъ это обсуждать, то самая худшая фаза, прежде всего, представил... ь его уму. Онъ видѣлъ теперь, что священникъ могъ найти пов... ъ къ надеждѣ въ обращеніи съ нимъ молодой дѣвушки. Ея стоя... ое

негодованіе и одинаково страстное раскаяніе, ея пламенное сочувствіе къ его несчастной судьбѣ и мучительное желаніе заставить его теперь же отречься отъ священническаго сана, ея настойчивые совѣты ему отправиться въ Америку и обѣщаніе пріютить его тамъ подъ кровлей ея матери,—развѣ не могло все это быть дѣйствительно доказательствомъ ея нѣжныхъ чувствъ къ нему? Она, быть можетъ, нашла необходимымъ отважиться на такую грубую откровенность съ нимъ, потому что мужчина, поставленный въ такія же отношенія къ ней, какъ донъ-Ипполито, иначе и не могъ бы представить себѣ, что она интересуется имъ. Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, обратилась она къ Феррису, чтобы его словами подтвердить свои собственныя намѣренія, зачѣмъ повторила она ихъ такъ, что они возвратились къ нему обратно изъ устъ донъ-Ипполито, зачѣмъ допустила она другого пойти вмѣстѣ съ ней смотрѣть процессію, гдѣ священникъ, избранникъ ея сердца, долженъ былъ явиться во всеоружіи своего духовнаго сана? Этого нельзя было объяснить ничѣмъ инымъ, кромѣ черты ея характера, замѣченной имъ въ самомъ началѣ,—бурнаго, вызывающаго задора. Зачѣмъ сказала она, прежде всего, Донъ-Ипполито объ ихъ скоромъ отъѣздѣ? «Ну, желаю ему счастья въ выигрышѣ!»—громко произнесъ Феррисъ и, поднявшись съ мѣста, пожалъ плечами и постарался стряхнуть съ себя всѣ заботы о дѣлѣ, которое его не касалось. Но не такъ-то легко забыть о дѣлѣ, которое насъ не касается. Ему стали невольно припоминаться то какая-нибудь интонація, то взглядъ, то жестъ молодой дѣвушки, совершенно несходные съ тѣмъ характеромъ, который онъ хотѣлъ ей приписать. Они были такъ наивны, такъ довѣрчивы, такъ безсознательны, что ничего подобнаго имъ онъ никогда не встрѣчалъ ни въ одной женщинѣ, и теперь они взывали къ нему съ паѳосомъ, сводившимъ его съ ума. Вотъ она стоитъ передъ портретомъ донъ-Ипполито, какъ въ то утро, когда она явилась къ Феррису, и съ тревогой глядитъ на него, и ея невинная красота, отуманенная какою-то скрытою заботой, освящаетъ его жилище. Феррису пришли на память слова одного молодого человѣка, говорившаго ему, что онъ провелъ три м[illegible]яца въ скучномъ нѣмецкомъ городкѣ, потому что занималъ т[illegible]ъ комнату, въ которой когда-то помѣщалась дѣвушка, отвергнувшая его любовь; и онъ вспомнилъ, какъ молодой человѣкъ п[illegible]бавилъ, что только что прочелъ въ американской газетѣ извѣ[illegible]объ ея свадьбѣ.

[illegible]ачѣмъ миссъ Вервэнъ послала къ нему донъ-Ипполито? Былъ л[illegible] какой-нибудь разсчетъ ея тайной любви къ священнику,

или одна грубая месть за предостереженія, которыя Феррисъ позволилъ себѣ ей когда-то сдѣлать, нѣчто вродѣ вульгарной похвальбы? Но что̀ если она дѣйствовала въ простотѣ своей чистой души, въ безразсудной добротѣ своего сердца? Что̀ если донъ-Ипполито обманулся, и ничто иное, какъ ея невинная жалость къ нему, вселило въ него надежду? Онъ самъ подсказалъ это священнику, и теперь, изъ иного уже мотива, взглянулъ на это съ точки зрѣнія, выгодной для него самого. Громадная тяжесть начала медленно скатываться съ сердца Ферриса и теперь оно могло уже болѣть за злополучнаго донъ-Ипполито. Но если его догадка справедлива, то долгъ велитъ ему поступить иначе. Онъ не вправѣ холодно соглашаться и предоставлять дѣло собственному теченію. Онъ ввелъ донъ-Ипполито въ домъ миссисъ Вервэнъ; онъ до нѣкоторой степени отвѣтственъ за него; онъ долженъ, если только это возможно, спасти своихъ соотечественницъ отъ тягостныхъ послѣдствій галлюцинаціи патера. Но какъ это сдѣлать, это далеко не было ясно ему. Онъ сталъ осуждать себя за то, что не былъ болѣе откровененъ съ донъ-Ипполито и не попытался дать ему понять, что миссисъ Вервэнъ и ея дочь могутъ посмотрѣть на его страсть какъ на самообольщеніе, вызванное ихъ добротою къ нему, какъ на злоупотребленіе ихъ радушіемъ и дружбой, а, между тѣмъ, какъ могъ бы онъ это сдѣлать, не оскорбивъ его чувствительную и честную душу? Одну минуту ему показалось, что онъ долженъ пойти къ донъ-Ипполито и исправить свою ошибку; но они разстались не друзьями, и его поступокъ легко могъ подвергнуться ложному толкованію. Если его пугала мысль снова заговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, то коснуться этой темы предъ миссисъ и миссъ Вервэнъ представлялось ему еще невозможнѣй. Какъ человѣкъ съ сильно развитою фантазіей, онъ преувеличивалъ то впечатлѣніе, которое подобное извѣстіе должно было произвести на нихъ, и рисовалъ себѣ ихъ ужасъ въ такихъ краскахъ, что его вмѣшательство въ это дѣло поневолѣ являлось ему глупымъ до смѣшного. Да и во всякомъ случаѣ, нелегко было рѣшиться на него даже и человѣку, не запутавшемуся, какъ онъ, въ [illegible] сложныхъ обязательствахъ. Онъ чувствовалъ, что на не[illegible] житъ извѣстный долгъ передъ его соотечественницами, неви[illegible] молодою дѣвушкой и пустоголовою матерью; но если ему [illegible] дуетъ пойти къ нимъ и сказать имъ то, что онъ знаетъ, [illegible] торой изъ двухъ долженъ онъ обратиться и въ какихъ с[illegible] Въ тоскѣ и смущеніи, вызвавшихъ капли пота на его

улыбнулся, однако, при мысли, что миссисъ Вервэнъ, пожалуй, посмотритъ на дѣло серьезно и пожелаетъ обсудить, прилично ли Флоридѣ принять предложеніе донъ-Ипполито. Но если онъ обратится къ дочери, съ чего начать ему тогда?... «Донъ-Ипполито говоритъ мнѣ, что любитъ васъ, и ѣдетъ въ Америку въ надеждѣ, что когда онъ составитъ себѣ состояніе патентованною машинкой для чистки яблокъ, вы выйдете за него замужъ». Сказать развѣ что-нибудь въ этомъ родѣ? И, наконецъ, какое право имѣетъ онъ, Феррисъ, что бы то ни было сказать ей? Ужасная нелѣпость, неумолимая щекотливость положенія заставили его разсмѣяться.

Къ тому же, съ другой стороны, на немъ лежалъ извѣстный долгъ по отношенію къ донъ-Ипполито, который явился къ нему, какъ къ самому близкому другу и своему, и миссъ Вервэнъ и открылъ ему свое сердце. Съ запоздалою, мучительною ясностью Феррисъ вспомнилъ теперь, какъ въ своемъ первомъ разговорѣ объ американскихъ дамахъ донъ-Ипполито старался узнать отъ него, не влюбленъ ли онъ во Флориду. Могъ ли онъ казаться менѣе благороднымъ и великодушнымъ, чѣмъ этотъ жалкій патеръ, могъ ли онъ нарушить святость его тайны? Феррисъ громко застоналъ. Нѣтъ, какъ ни верти, какъ ни старайся подбирать для этого приличныя названія, онъ не можетъ совершить такого вѣроломства. И тѣмъ невозможнѣе это было ему, что въ пыткѣ сомнѣній относительно того, что̀ ему надо предпринять, онъ, по крайней мѣрѣ, ясно читалъ въ своемъ собственномъ сердцѣ и не питалъ уже сомнѣній на счетъ того, что̀ таится въ немъ. Онъ чувствовалъ жалость къ Флоридѣ за страданія, которыя ей суждены. Онъ видѣлъ, какъ ея наивная доброта, ея слѣпая симпатія къ донъ-Ипполито—только это и ничто иное—привели священника къ тому ложному шагу, предъ которымъ онъ стоялъ. Но все это дѣло роковымъ образомъ ускользнуло изъ рукъ Ферриса; ему оставалось въ настоящее время только ждать и терпѣть. Есть случаи, когда мужчина не долженъ защищать женщину, которую любитъ. И это былъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Такъ протянулся день. Вечеромъ онъ отправился на Піаццу и ...лъ чашку кофе у Флоріана. Потомъ онъ пошелъ въ общественный садъ и смотрѣлъ на толпу, пока, съ наступленіемъ сумерекъ, она не порѣдѣла и не оставила его одного. Онъ облокотился на парапетъ и сталъ глядѣть на лагуну и, наконецъ, замѣтилъ, что вся она залита лунным свѣтомъ. Въ какомъ-то отчаяніи онъ ...лъ гондолу и велѣлъ гондольеру везти себя къ городской

станціи, сосѣдней съ домомъ миссисъ Вервэнъ, поднялся по узкой улицѣ и вошелъ въ палаццо съ площади, черезъ дворъ, примыкавшій одною стороной къ саду.

Миссисъ Вервэнъ была одна въ гостиной, гдѣ онъ привыкъ всегда видѣть возлѣ нея Флориду, и на него повѣяло холодомъ грозившей ему перемѣны. Онъ почувствовалъ, какъ пріятно ему было постоянно ихъ видѣть вмѣстѣ, почувствовалъ съ безплоднымъ, острымъ сожалѣніемъ, до какой степени онъ сроднился съ этимъ домомъ. Миссисъ Вервэнъ, однако, не измѣнилась; она была даже болѣе, чѣмъ когда-либо, вѣрна себѣ, хотя все то, что она говорила, сулило перемѣну. Она, повидимому, не замѣтила въ гостѣ ничего необычнаго и въ своемъ невѣдѣніи начала разсуждать съ своей точки зрѣнія о вещахъ, столь близкихъ его сердцу.

— Ну-съ, мистеръ Феррисъ, у меня есть для васъ маленькій сюрпризъ.—Отгадайте, что это такое.

— Я не мастеръ отгадывать. Я лучше согласенъ такъ и не узнать, что это такое, чѣмъ ломать себѣ надъ этимъ голову,—сказалъ Феррисъ, стараясь легкою шуткой замаскировать свое тяжкое горе.

— Вы не хотите даже попробовать? Такъ вотъ въ чемъ дѣло: вы скоро отъ насъ избавитесь—мы уѣзжаемъ!

— Да, я это знаю,—спокойно сказалъ Феррисъ.—Донъ-Ипполито сообщилъ мнѣ это сегодня.

— И это все, что вы имѣете сказать? Но развѣ же это не грустно? Развѣ это не неожиданно? Послушайте, мистеръ Феррисъ, будьте хоть немножко полюбезнѣй.

— Это неожиданно и, могу васъ увѣрить, очень и очень грустно для меня,—отвѣтилъ художникъ тономъ, не оставлявшимъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ его искренности.

— Да и для насъ тоже,—дрожащимъ голосомъ промолвила миссисъ Вервэнъ.—Вы были очень, очень добры къ намъ,—продолжала она нѣсколько спокойнѣе,—и мы никогда этого не забудемъ. Флорида тоже мнѣ это говорила, она чрезвычайно вамъ благодарна; по ея словамъ, мы просто безсовѣстно вамъ надоѣдали.

— Благодарю васъ.

— Это, должно быть, такъ и есть. Но, какъ я всегда повторяю вы здѣсь представитель страны. Впрочемъ, это не относится к дѣлу. Вы знаете, мистеръ Феррисъ, у насъ на всемъ земномъ ш рѣ нѣтъ ни одной души родной, но въ Провиденсѣ у меня мно старинныхъ друзей, и мы хотимъ туда возвратиться. Мы обѣ д маемъ, что дома мнѣ будетъ лучше. Я должна сказать, мисте

Феррисъ, къ своему огорченію, что, хотя я нисколько не жалуюсь на Венецію,—это, дѣйствительно, чудный городъ и все такое, безъ малѣйшаго преувеличенія,—но я, все-таки, думаю, что пребываніе здѣсь принесло мало пользы моему здоровью; во всякомъ случаѣ, я, знаете, не чувствую, что я здѣсь поправилась, совсѣмъ не чувствую.

— Мнѣ очень грустно это слышать, миссисъ Вервэнъ.

— Да, я не сомнѣваюсь въ этомъ, но, вѣдь, не правда ли, вы сами понимаете теперь, что мы должны уѣхать? Мы ѣдемъ на будущей недѣлѣ. Разъ мы это рѣшили, то не для чего тянуть агонію.

Миссисъ Вервэнъ поправила очки и съ веселою улыбкой заглянула въ лицо Феррису.

— Но самая интересная часть моего сюрприза,— продолжала она, немного понизивъ голосъ,—это то, что донъ-Ипполито ѣдетъ съ нами.

— А!—громко воскликнулъ Феррисъ.

— Я *знала*, что удивлю васъ, — засмѣялась миссисъ Вервэнъ.— У насъ былъ здѣсь настоящій конфабъ... то-есть *конклавъ*, и онъ такъ и горитъ нетерпѣніемъ отправиться въ Америку; но это должно содержаться въ величайшей тайнѣ ради него, бѣдняги. Онъ присоединится къ намъ во Франціи, а оттуда вмѣстѣ съ нами ему уже легко будетъ пробраться въ Англію. Вы знаете, что онъ хочетъ отказаться отъ духовнаго званія и посвятить себя изобрѣтеніямъ, когда пріѣдетъ въ Америку. Теперь скажите, что вы думаете объ этомъ, мистеръ Феррисъ? Признайтесь, вы такъ поражены, что не находите словъ?—торжествующимъ тономъ сказала миссисъ Вервэнъ.

Феррисъ перевелъ духъ, какъ будто собираясь заговорить, но ничего не сказалъ.

— Донъ-Ипполито пробылъ у насъ до самаго вечера,—продолжала миссисъ Вервэнъ,—или, вѣрнѣе, просидѣлъ здѣсь до пяти часовъ. Онъ обѣдалъ у насъ и мы все время толковали объ этомъ. Онъ *такъ* воодушевленъ этою идеей, а, между тѣмъ, то и дѣло приходитъ въ уныніе и начинаетъ совсѣмъ отчаяваться въ своемъ предпріятіи. Но Флорида не позволяетъ ему этого, и, право, забавно видѣть, какъ онъ подчиняется ея мнѣнію,—вы знаете, *я* всегда звала Флориду такимъ ребенкомъ,—и какъ онъ каждое ея слово принимаетъ за евангеліе. Но, скажите, проливать слезы! Вѣдь, это у[нрав]ственно въ мужчинѣ, не правда ли? Лучше бы донъ-Ипполито [изба]вился отъ этой привычки! Это заставляетъ человѣка какъ-то съежиться [и] по-моему, это не мужественно, не правда ли?

Феррисъ нашелъ въ себѣ силы сказать какую-то фразу о различіи, представляемомъ въ этомъ отношеніи латинскими расами.

— Ну, во всякомъ случаѣ, я рада, что *американцы*, какъ общее *правило*, не имѣютъ привычки проливать слезы. Возьмите, напримѣръ, Флориду; можно подумать, что она играетъ роль мужчины во всемъ этомъ дѣлѣ, она относится къ нему съ такимъ безграничнымъ героизмомъ, то-есть, судя по внѣшнему виду, конечно, потому что я вижу,—женщины всегда это видятъ одна въ другой, мистеръ Феррисъ,—какъ разъ ту точку, на которой она ежеминутно готова сломиться. Говорила она когда-нибудь съ вами о донъ-Ипполито? Она такъ высоко цѣнитъ ваше мнѣніе, мистеръ Феррисъ.

— Она оказываетъ мнѣ слишкомъ много чести,— сказалъ съ сумрачною ироніей Феррисъ.

— О, вовсе нѣтъ!— возразила миссисъ Вервэнъ.— Она сказала мнѣ сегодня утромъ, что взяла съ донъ-Ипполито обѣщаніе переговорить съ вами о его планѣ, но онъ не упомянулъ о томъ, былъ ли онъ у васъ, а я, знаете... я не могла рѣшиться спросить его объ этомъ... Да, впрочемъ, Флорида заранѣе сказала мнѣ, чтобъ я его не спрашивала. Она говоритъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ долженъ быть совершенно предоставленъ себѣ, и...— Миссисъ Вервэнъ вопросительно взглянула на Ферриса.

— Онъ говорилъ со мной,— сказалъ художникъ.

— Такъ скажите, ради Бога, зачѣмъ вы заставили меня разсказывать вамъ то, что вы уже знаете? Вы, вѣроятно, отговаривали его?

— Конечно, отговаривалъ.

— Ну, такъ вотъ гдѣ, по-моему, женское вдохновеніе сильнѣе, чѣмъ мужской разсудокъ.

Художникъ молча наклонилъ голову.

— Да, въ этомъ отношеніи, я безусловно сторонница женскихъ правъ,— сказала миссисъ Вервэнъ.

— О, безъ сомнѣнія!— неизвѣстно для чего отвѣтилъ Феррисъ.

— Я въ совершенномъ восторгѣ,— продолжала она,— отъ этой идеи донъ-Ипполито отречься отъ духовнаго званія, и я сказала ему, что онъ долженъ жениться на какой-нибудь американкѣ. Посмотрѣли бы вы, какъ бѣдняга при этомъ покраснѣлъ! Но, знаете, вѣдь, дѣйствительно, найдется множество премиленькихъ дѣвушекъ, которыя съ перваго слова будутъ готовы выйти за него замужъ; онъ такъ хорошъ собой, и такой у него печальный взглядъ, и при этомъ онъ — геній.

Феррисъ только безпомощно смотрѣлъ на миссисъ Вервэнъ; она продолжала:

— Да, *я*, по крайней мѣрѣ, думаю, что онъ геній, и я рѣшила дать ему возможность пробить себѣ дорогу. Я полагаю, что мы взяли на себя порядочную обузу, но я объ этомъ не жалѣю. Я введу его въ общество и, если ему понадобятся деньги, то снабжу его ими. Зачѣмъ и посылаетъ намъ Господь деньги, мистеръ Феррисъ, какъ не затѣмъ, чтобы помогать нашимъ ближнимъ?

Несчастный съ головы до ногъ, такъ что ему казалось невозможнымъ вытерпѣть что-нибудь еще, Феррисъ, все-таки, невольно разсмѣялся при этомъ порывѣ благочестія.

— Чему это вы смѣетесь? — спросила миссисъ Вервэнъ, начавшая весело вторить ему.— Чему-нибудь, что я сказала? Ну, не долго придется вамъ теперь смѣяться надо мной. Хотѣлось бы мнѣ знать, надъ кѣмъ вы будете трунить потомъ.

Смѣхъ Ферриса замеръ въ глубокомъ вздохѣ, но когда миссисъ Вервэнъ заговорила опять, то на нее внезапно нашелъ какой-то плаксивый тонъ.

— Что же это Флорида не идетъ? Она пошла запереть калитку за донъ-Ипполитто, я сама просила ее... но ей давно уже пора было бы вернуться. Странно, что вы ихъ не встрѣтили, когда пришли. Она, вѣрно, гдѣ-нибудь въ саду. Ей, конечно, грустно покидать это прелестное мѣстечко. Но она нужна мнѣ. Если бы вы были такъ добры и попросили бы ее придти ко мнѣ?

Феррисъ тяжело поднялся со стула, на которомъ онъ какъ будто постарѣлъ на десять лѣтъ. Онъ ничего почти не услыхалъ отъ миссисъ Вервэнъ, что не было ему уже извѣстно, но ясное представленіе о дѣлѣ, съ которымъ онъ явился сюда, теперь безнадежно спуталось и затемнилось. Онъ не зналъ, хочется ему или нѣтъ видѣть теперь Флориду. Онъ машинально повиновался миссисъ Вервэнъ и, выйдя на террасу, медленно спустился съ лѣстницы.

Луна ярко освѣщала садъ.

XV.

Флорида и донъ-Ипполито остановились въ аллеѣ, развѣтвляв-
ше у фонтана на двѣ дорожки, изъ которыхъ одна вела къ ка-
лит выходившей на каналъ, а другая—черезъ дворъ палаццо—
на щадь.

— Слушайте, вы не должны больше поддаваться отчаянію,—
ска дѣвушка.— Вы добьетесь успѣха, я въ этомъ увѣрна, пое-
том съумѣете заслужить его.

— Это все ваша доброта, *madamigella*,— вздохнулъ священникъ,— и въ глубинѣ сердца я боюсь, что всѣ мои надежды и все мое мужество тоже ваши.

— Значитъ, у васъ никогда не будетъ недостатка въ мужествѣ и надеждѣ. Мы вѣримъ въ васъ и уважаемъ ваши стремленія и будемъ вашими неизмѣнными друзьями. Но теперь вы должны думать только о настоящемъ, о томъ, какъ вамъ уѣхать изъ Венеціи. О, я могу себѣ представить, какъ тяжело вамъ разставаться съ ней! Что за чудная ночь! Не надѣйтесь видѣть такія лунныя ночи въ Америкѣ, донъ-Ипполито.

— Да, не правда ли, чудная ночь?— сказалъ священникъ, заразившись ея энтузіазмомъ.—Но мнѣ кажется, что мы, уроженцы Венеціи, никогда не сознаемъ такъ ясно красоту ея, какъ вы, иностранцы.

— Не знаю. Я знаю только, что съ тѣхъ поръ, какъ мы рѣшили ѣхать и назначили день и часъ, я испытываю такое чувство, точно покидаю родную страну. Этотъ садъ, напримѣръ... Мнѣ кажется, что я всю жизнь свою провела въ немъ. Когда мы устроимся въ Провиденсѣ, я попрошу маму пріобрѣсти нѣкоторыя изъ этихъ статуй, съ тѣмъ, чтобы ихъ переслали туда. Синьоръ Кавалетти, навѣрное, не посѣтуетъ на насъ за то, что мы похитимъ ихъ изъ его сада, если получитъ за нихъ хорошую цѣну. Во всякомъ случаѣ, эта статуя съ фонтаномъ непремѣнно должна перейти въ нашу собственность. Вы первый пустите тамъ нашъ фонтанъ, донъ-Ипполито, и тогда мы сядемъ съ вами на эту каменную скамью возлѣ него и вообразимъ себѣ, что мы въ саду «Casa» Вервэнъ въ Венеціи.

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть лучше я послѣдній пущу его здѣсь,— сказалъ священникъ, быстро наклонившись къ трубкѣ у подножія статуи.— И тогда мы сядемъ съ вами здѣсь и вообразимъ себѣ, что мы въ саду «Casa» Вервэнъ въ Провиденсѣ.

Флорида положила ему руку на плечо.

— Не дѣлайте этого,— просто сказала она,— *padrone* не любитъ, чтобы даромъ тратили воду.

— О, мы умолимъ святыхъ излить ее когда-нибудь съ [illegible]тами ему на голову!— вскричалъ донъ-Ипполито своенравно [illegible]аловливымъ тономъ, и струя забила среди луннаго сіянія и какъ бы повисла въ немъ, точно спутанная пасма серебристыхъ нитей.

— Но какъ же я заверну кранъ, когда вы уйдете?— спр[illegible]ла молодая дѣвушка, глядя съ безпокойствомъ на разлетавшіяся въ воздухѣ ослѣпительныя брызги.

— О, я самъ заверну его, прежде чѣмъ уйти! — отвѣтилъ донъ-Ипполито.— Пусть онъ побьетъ еще минутку,— прибавилъ онъ, смотря съ восторгомъ на фонтанъ, между тѣмъ какъ луна, отражаясь на его поднятомъ вверхъ лицѣ, покрывала его блѣдностью, еще рѣзче выступавшей на фонѣ его чернаго одѣянія. Онъ вздохнулъ протяжно и глубоко, какъ будто вмѣстѣ съ этимъ вздохомъ онъ хотѣлъ вобрать въ свою грудь густые ароматы цвѣтовъ, поблѣднѣвшихъ такъ же, какъ и лицо его, подъ серебристымъ блескомъ, какъ будто хотѣлъ сразу вмѣстить въ своемъ сердцѣ и дивное великолѣпіе лѣтней ночи, и красоту молодой дѣвушки, стоявшей рядомъ съ нимъ. Казалось, то былъ самый высокій моментъ въ его жизни: такъ долженъ смотрѣть человѣкъ, достигшій, наконецъ, послѣ несчетныхъ пораженій, хотя одной только минуты свободы и торжества.

Флорида опустилась на скамью передъ фонтаномъ, позволивъ донъ-Ипполито исполнить его прихоть съ тою святою, материнскою снисходительностью, извѣстный оттѣнокъ которой присутствуетъ всюду, гдѣ женщина уступаетъ волѣ мужчины, и которая, быть можетъ, еще сильнѣе проявлялась въ ея чувствѣ къ человѣку, болѣе другихъ сиротливому и одинокому.

— Вѣдь, Провиденсъ вашъ родной городъ? — спросилъ вдругъ священникъ, послѣ недолгаго молчанія.

— Ахъ, нѣтъ; я родилась въ С.-Августинѣ, во Флоридѣ.

— Да, да, я забылъ; *madama* говорила мнѣ. Провиденсъ — это ея городъ. Но, вѣдь, оба они находятся близко одинъ отъ другого?

— Нѣтъ,— сострадательнымъ тономъ отвѣтила Флорида,— ихъ раздѣляетъ тысяча миль.

— Тысяча миль! Что за обширная страна!

— Да, это цѣлый свѣтъ.

— Да, правда, цѣлый свѣтъ! — съ легкимъ восклицаніемъ произнесъ священникъ.— Я никогда не съумѣю этого понять.

— И дѣйствительно, не съумѣете,— внушительно сказала дѣвушка,— если не будете относиться къ дѣлу болѣе практично.

— Практично, практично! — насмѣшливо повторилъ донъ-Ипполито.— Какое это у васъ, американцевъ, великое слово! Это, вѣ[illegible] тоже любимое слово консула: *практично!*

[illegible]Такъ вы, значитъ, заходили къ нему сегодня? — съ нетер[illegible]ъ спросила Флорида.— Мнѣ хотѣлось узнать...

[illegible]та, я совѣщался съ оракуломъ, какъ вы мнѣ приказали.

[illegible]нъ-Ипполито...

— И онъ былъ противъ моего плана ѣхать въ Америку. Онъ сказалъ мнѣ, что это непрактично.

— О! — прошептала дѣвушка.

— Мнѣ сдается,— запальчиво продолжалъ священникъ,— что синьоръ Феррисъ больше мнѣ не другъ.

— Развѣ онъ былъ съ вами холоденъ... суровъ? — спросила она съ ноткой негодованія въ голосѣ.— Зналъ онъ, что я... что вы пришли...

— Быть можетъ, онъ былъ правъ. Быть можетъ, я тамъ и въ самомъ дѣлѣ погибну. Погибель! Погибель! А развѣ не погибель та жизнь, которою я здѣсь живу?

— Что онъ вамъ сказалъ? Въ какихъ словахъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, *madamigella!* Я не хочу теперь думать объ этомъ человѣкѣ. Я хочу, чтобы вы помогли мнѣ еще разъ вообразить себѣ, что я въ Америкѣ, гдѣ не будетъ тяготѣть надо мною гнетъ моего бывшаго призванія, гдѣ мнѣ можно будетъ, по крайней мѣрѣ, вступить въ схватку съ міромъ на равныхъ правахъ. Забудемъ лучше о консулѣ; мысль о немъ парализуетъ всѣ мои надежды. Онъ не могъ видѣть меня иначе, какъ въ этой рясѣ, въ этомъ образѣ, который я ненавижу.

— О, это странно, это вовсе непохоже на него, это жестоко! Что онъ сказалъ?

— Всѣмъ своимъ обращеніемъ со мной, не говоря уже о словахъ, онъ обрекъ меня на отчаяніе; онъ заставилъ меня взглянуть на все, что краситъ жизнь и возвышаетъ ее, какъ на нѣчто невозможное для меня.

— Но какъ же это? Быть можетъ, онъ не понялъ васъ? Да, да, конечно, онъ не понялъ васъ. Что вы сказали ему, донъ-Ипполито? Что вы сказали?— и, говоря это, она въ тоскливомъ волненіи наклонилась впередъ.

Священникъ всталъ и простеръ руки, точно стараясь почерпнуть храбрости изъ безконечнаго пространства. Въ его лицѣ соединились величіе и ужасъ, испытываемые человѣкомъ, рѣшившимся на все.

— Что ожидаетъ меня на самомъ дѣлѣ тамъ, за океаномъ?— спросилъ онъ. — Будутъ ли смотрѣть тамъ на меня, какъ на [illegible] угихъ людей, чья прошлая жизнь, если она была безвинна, [illegible]ѣдуетъ за ними въ этотъ новый міръ справедливости и свобод[illegible]

— Почему же нѣтъ?—отвѣтила Флорида.—Развѣ онъ ска[illegible]ъ, что вамъ нельзя надѣяться на это?

— Должно ли быть тамъ извѣстно, что я былъ когда-[illegible]я-

щенникомъ? Или, если я самъ это объявлю, будутъ ли тогда считать меня чѣмъ-то вродѣ чудовища, непохожаго на другихъ людей?

— Нѣтъ, нѣтъ! — съ жаромъ возражала она. — Своимъ прошлымъ вы всюду пріобрѣтете себѣ друзей и общее уваженіе. Развѣ *онъ*...

— Одну минуту, одну минуту! — воскликнулъ донъ-Ипполито прерывающимся голосомъ. — Будетъ ли мнѣ когда-либо возможно пріобрѣсти тамъ нѣчто большее, чѣмъ уваженіе и дружбу?

Она взглянула на него смущенно, вопросительно.

— Если я буду человѣкомъ, какъ всѣ, и если наступитъ часъ, когда чьи-нибудь черты, чей-нибудь взоръ, чей-нибудь голосъ сдѣлаются для меня тѣмъ, что они значатъ для другихъ мужчинъ, вспомнитъ ли *она* въ укоръ мнѣ, что я былъ священникомъ, когда я скажу ей... когда признаюсь ей, *madamigella*... какъ дорога она мнѣ, когда я повергну къ ея ногамъ обѣтъ всю жизнь свою посвятить ей, когда буду просить ее сдѣлаться моею женой?...

Флорида поднялась со скамьи и стояла лицомъ къ лицу съ донъ-Ипполито, въ безпомощномъ молчаніи, котораго онъ, казалось, не замѣчалъ.

Вдругъ онъ сложилъ молящимъ жестомъ руки и въ отчаянномъ порывѣ протянулъ ихъ къ ней.

— О, моя надежда! Моя вѣра! Моя жизнь! Еслибъ *вы* была та, которую я люблю!...

— Какъ?— содрогнулась дѣвушка, отступивъ отъ него и едва не вскрикнувъ. — *Вы? Вы? Священникъ!*

Донъ-Ипполито испустилъ тихій вопль, похожій на рыданіе.

— Его слова! Его слова! Это правда, мнѣ нѣтъ спасенія. Я обреченъ, я долженъ умереть такъ, какъ жилъ!

Онъ опустилъ лицо на руки и стоялъ передъ Флоридой съ наклоненною головой. Долгое время оба они не говорили и не двигались.

— Да, я вижу теперь все, вижу, какъ это случилось, — какъ бы про себя сказала затѣмъ Флорида хриплымъ шепотомъ, до котораго понижался ея голосъ, когда она бывала сильно взволнована. И снова она умолкла, устремивъ взоръ въ пространство, точно передъ глазами ея проносилась процессія событій и сценъ, происходи[illegible]ихъ въ минувшіе мѣсяцы.

· Ахъ, зачѣмъ это, зачѣмъ?— тихо застонала она вдругъ, ло[illegible]ма [illegible]уки.

упый фонтанъ все еще прыгалъ и журчалъ. Но вотъ, какъ пл[illegible] внезапно вспыхиваетъ и погасаетъ, его струя высоко подня[illegible]ла · упала, изсякнувъ у подножія статуи.

Когда фонтанъ пересталъ бить, молодые люди остались точно въ потемкахъ, и, подъ покровомъ этого мрака, дѣвушка подошла ближе къ священнику и, постепенно придвигаясь къ нему, какъ подвигается человѣкъ къ какому-нибудь призраку, когда страхъ не позволяетъ ему обратиться въ бѣгство и онъ предпочитаетъ лучше сразу вытерпѣть самое худшее отъ этого видѣнія, чѣмъ жить послѣ него въ вѣчномъ ужасѣ передъ нимъ, она подняла руки къ рукамъ донъ-Ипполито, осторожно отняла ихъ отъ его лица и заглянула въ глаза его, въ которыхъ уже не теплилось ни искры надежды.

— О, донъ-Ипполито,—печально пролепетала она,—что мнѣ сказать вамъ, что мнѣ сдѣлать для васъ теперь?

Но сдѣлать ничего не оставалось. Все зданіе его грезъ, его безумныхъ фантазій, разлетѣлось въ прахъ отъ одного слова, никакое волшебство не могло его возсоздать, насталъ конецъ, никогда, повидимому, не имѣющій конца. Онъ оставилъ въ ея рукахъ свои холодные пальцы и на мольбу ея и слезы отвѣтилъ своею блѣдною, покорной улыбкой.

— Вы не въ силахъ помочь мнѣ,—для такой ошибки, какъ моя, помощи быть не можетъ. Впослѣдствіи, если когда-нибудь мысль обо мнѣ будетъ для васъ мучительнѣе, чѣмъ въ эту минуту, вы захотите, можетъ быть, меня простить. Да, это вы можете сдѣлать для меня.

— Но кто же, *кто* когда-либо проститъ *меня* за мою слѣпоту?— вскричала Флорида.— О, вы должны повѣрить, что мнѣ никогда и не думалось, никогда и не снилось...

— Я знаю, знаю это. Ваша роковая любовь къ истинѣ всему виной, любовь къ истинѣ, настолько высокая, настолько утонченная, что я не могъ распознать ее иначе, какъ путемъ этой пытки... Вы тоже, какъ и другіе, любили мою душу и не хотѣли, чтобъ я былъ священникомъ, по той самой причинѣ, по которой они хотѣли, чтобъ я... Теперь я это вижу, имъ былъ... Но вы не имѣли права любить мою душу, а меня самого... вы, женщина! Женщина не должна любить только душу мужчины.

— Да, да!— жалобно промолвила дѣвушка. — Но для меня вы были священникомъ!

— Это правда, *madamigella*. Я всегда былъ для васъ священникомъ, и теперь понимаю, что никогда не могъ бы сдѣлаться для васъ чѣмъ-либо инымъ. Ахъ, мое несчастье началось за много лѣтъ до нашей встрѣчи! Я хотѣлъ бы немножко осудить васъ...

— Осуждайте меня, осуждайте, я прошу васъ объ этомъ

— По мнѣ не за что осуждать васъ. Сочтите лучше, что, дѣлая это, я еще разъ просилъ у васъ прощенія... О, Боже мой, Боже мой, Боже мой!

Онъ высвободилъ отъ нея свои руки и произнесъ эти слова полушепотомъ, обративъ лицо къ небесамъ. Потомъ онъ опять взглянулъ на нее и сказалъ:

— *Madamigella*, если моя доля въ этомъ злополучіи даетъ мнѣ право спросить у васъ...

— О, спрашивайте все, что хотите! Я все готова отдать, все готова исполнить!

Онъ запнулся.

— Вы не любите меня, — сказалъ онъ вдругъ, — но, можетъ быть, вы любите другого?

Она не отвѣчала.

— Вы... любите... *его*?

Она закрыла руками лицо.

— Я зналъ это,—простоналъ священникъ,—я зналъ и это!— и онъ отвернулся.

— Донъ-Ипполито, донъ-Ипполито! О, бѣдный, бѣдный докъ-Ипполито!—воскликнула дѣвушка, подбѣжавъ къ нему.—Неужели вы *такъ* разстанетесь со мной? Куда вы идете? Что будете вы дѣлать теперь?

— Развѣ я не сказалъ вамъ? Я ухожу, чтобы умереть священникомъ.

— Но развѣ я ничѣмъ не могу быть для васъ, ни на что не могу надѣяться для васъ?

— Нѣтъ! — спустя минуту сказалъ донъ-Ипполито. — И что могли бы вы сдѣлать?— Онъ схватилъ ея руки, протянутыя къ нему съ мольбой, сложилъ ихъ вмѣстѣ и обѣ ихъ поцѣловалъ.— Прощайте! — прошепталъ онъ. Потомъ онъ ихъ разъединилъ и страстно прильнулъ губами къ каждой ладони. — Прощайте, прощайте!

Могучая волна скорби, состраданія и отчаянія за него поднялась въ [illegible]шѣ Флориды. Она обвила руками его шею, привлекла его го[illegible] къ себѣ на грудь и крѣпко прижалась къ нему, плача и со[illegible]клаясь надъ нимъ, какъ надъ какимъ-то жалкимъ, безобиднымъ су[illegible]ествомъ, которое она неумышленно раздавила и умертвила. По[illegible]то[illegible]на порывисто оттолкнула его отъ себя, повернулась и пусти[illegible]ла[illegible]жать.

[illegible]исъ отступилъ назадъ, подъ тѣнь дерева, изъ-подъ кото-

раго онъ только что показался, и схватился за стволъ его, чтобы не упасть. Казалось, кто-то другой въ его образѣ вышелъ, крадучись, со двора палаццо и побрелъ невѣрными шагами подъ ослѣпительнымъ бѣлымъ блескомъ площади и затѣмъ въ непроницаемой тьмѣ узкаго переулка. Въ промежуткахъ, на которые падалъ лунный свѣтъ, этотъ самъ себѣ чужой, несчастный человѣкъ видѣлъ фигуру патера, беззвучно двигавшуюся впереди.

В. С.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПЯТЬ ТЫСЯЧЪ.

(Разсказъ).

Пароходъ шелъ послѣднимъ рейсомъ, шелъ тяжело, медленно, скрипя и покачиваясь. Въ каютѣ было жарко и душно, а, главное, всѣхъ томила тоска. Кое-кто уже улегся спать, съ коекъ начало доноситься легкое похрапыванье, и мертвая тишина, прерываемая только скрипомъ да этимъ храпомъ, стала, казалось, еще тоскливѣе. Я и мои спутники,—насъ было четверо,—нескончаемо долго пили чай, чтобы хотя этимъ убить время. Къ счастью, во время одной изъ частыхъ остановокъ парохода судьба послала намъ новаго пассажира, купца, какъ оказалось, разговорчиваго и словоохотливаго малаго. Онъ подсѣлъ къ намъ, мы разговорились, угостили его чаемъ и, въ концѣ-концовъ, онъ разсказалъ намъ маленькую, но довольно интересную повѣсть изъ своего прошлаго. Это былъ рослый, здоровый, красивый на видъ молодецъ.

— Я въ тѣ поры еще очень простъ былъ,—началъ онъ,—какъ тятенька послали меня въ Москву долги съ кого слѣдуетъ получить. Опять же и товару послано было много, такъ за приказчиками доглядѣть. Ну, извѣстное дѣло, какъ только пріѣхалъ, сейчасъ въ гостиницу, номеръ. Живу это день, живу другой, только примѣчаю, что̀ это господа разные все въ корридорѣ супротивъ моей двери похаживаютъ да поглядываютъ? Даже сумлѣніе разбирать стало, — то одинъ, то два, — что такое, думаю, по..даютъ кого, али высматриваютъ? Пришелъ это разъ малый п.. е чистить, я и спрашиваю его: «Что это у васъ,—говорю,—за..сто такое, что разные господа толпятся?»

А это,—отвѣчаетъ малый, усмѣхаючись,—супротивъ васъ п..чики одни-съ... На зиму пріѣхали и пять нумеровъ сняли, а п.. горничная состоитъ... Вотъ и ходятъ-съ.

— Что-жь такъ? — спрашиваю. — Хвостомъ шибко вертитъ краля?

— Этого никакъ сказать нельзя, — отвѣчаетъ, — совсѣмъ даже невозможно-съ... Дѣвушка-съ во всѣхъ смыслахъ строгая... Ни-ни, упаси Господи, чтобы что-нибудь эдакое, значитъ... А только, вотъ, раскрасавица-съ...

— Такъ потому и ходятъ?

— Потому самому, — говоритъ. — Съ утра самаго по коридору взадъ-впередъ утюжатъ... Высматриваютъ! Особливо съ семнадцатаго нумера капитанъ отставной... Примѣтили-съ? Такъ онъ, можно сказать, даже не отходитъ-съ, ровно вотъ на часахъ стоитъ, ну, да и всѣ прочіе тоже-съ. Ужь такъ они ее крутятъ, такъ крутятъ! Машенька, да миленькая, только и слышишь.

— Что-жь, она-то, чай, радуется? — спрашиваю.

— Обыкновенное дѣло, — говоритъ, — какой дѣвицѣ не лестно-съ? Всякой-съ. А только онѣ себя соблюдаютъ-съ, оченно даже хорошо соблюдаютъ... Никогда, чтобы что-нибудь... Тутъ, — говоритъ, — одинъ адвокатъ такъ крутилъ, такъ крутилъ, прямо сказать — озолотить хотѣлъ, тыщу, говоритъ, не пожалѣю! Да не выгорѣло, отъѣхалъ.

Хорошо. Запало это у меня въ башку, — извѣстно, дѣло молодое. Да и сумлѣніе тоже беретъ, что за Елена такая распрекрасная? Зна-а-емъ, молъ, видывали, мадамъ Ангу въ Парадизѣ-театрѣ ранѣе слыхивали-съ! Одначе, ничего, одѣлся, чайку перехватилъ, ушелъ по дѣлу-съ, а какъ вернулся къ вечеру, такъ прямо на нее и наткнись. Бѣжитъ это она съ тарелочкой, господамъ своимъ, значитъ, порцію несетъ, да прямо и бухъ въ меня съ разбѣгу. Такъ и расписала меня соусомъ-то, а шуба на мнѣ была новёхонькая-съ, за одно сукно-съ восемь цѣлковыхъ аршинъ платили-съ. Хорошо-съ. Вскрикнула это она, зардѣлась, а я, правду сказать, стою ровно бы остолопъ какой и глаза на выкатѣ держу. Съ мѣста сойтить не могу, такъ и приросъ, будто корень въ землю пустилъ. И шубы мнѣ не жаль, и видѣть ничего какъ бы не вижу, окромѣ ея, такъ словно бы туманъ кто напустилъ... Волшебство, да и все-съ! Стала это она соусъ платочкомъ съ меня обмахивать, тутъ я только и опамятовался.

— Не извольте безпокоиться, — говорю, а самъ такъ и въ[illegible]ся въ нее, грѣшнымъ дѣломъ, глазъ отвести не могу, — напрасно [illegible]аетесь, молъ, потому для насъ это наплевать-съ.

Бросила она чистить, да и говоритъ съ сердцемъ:

— То-то и есть... Люди вы богатые, а бѣдной дѣвушк[illegible]ю-

ходу не даете. Съ утра самаго,—говоритъ,—пристаютъ все, только въ грѣхъ вводятъ... Какъ я теперь къ господамъ безъ порціи покажусь?

— И это,— говорю,—намъ наплевать-съ, сейчасъ вашимъ господамъ десять такихъ порціевъ предоставить можемъ. Даже съ отличнымъ удовольствіемъ, можно сказать, сколько угодно-съ. «Эй, малый!—кричу,—живо, чтобъ сію секунду такая порція была! Что хочешь бери, а только чтобы въ мигъ одинъ!» Нравъ ужь такой у меня, только раззуди, ни на чемъ не постою. «Чтобъ глазомъ,— кричу,— не смигнулъ, какъ ты порцію тащи!» Ну, а на счетъ того-съ,— говорю,— что вы обижаться изволите, будто проходу отъ насъ не имѣете, такъ это,—говорю,—напрасно... попотому, прямо можно сказать, безъ намѣреніевъ нашихъ вышло-съ. Случай такой подошелъ, вѣрьте совѣсти, и не такіе мы, чтобы кому проходу не давать... Это у которыхъ господъ, оно, точно, можетъ, и бываетъ, ну, а наше дѣло купеческое.

Застыдилась она тутъ, разрумянилась, глазъ поднять не можетъ, да и стала прощенья просить. Такъ и такъ, молъ, простите, господинъ купецъ,— говоритъ. — Оно точно-съ, можетъ, вы и не такіе будете, какъ всѣ прочіе, и за сукно простите. А только здѣсь, взаправду, жисть не жисть будетъ, отъ господъ и отъ купцовъ тоже разныхъ нашей сестрѣ здѣсь одна бѣда, проходу совсѣмъ нѣтъ. Всякъ только то и въ мысляхъ держитъ, чтобы на грѣхъ навести,— хочешь не хочешь озлишься, ровно звѣрь станешь. Вотъ и давеча... капитанъ тутъ есть, облапилъ и не пускаетъ. Душенька вы, да душенька, букетикъ мой! И усища свои раскрахмаливаетъ... Только и пустилъ, что на крикъ, окаянный!

Говоритъ это она, говоритъ, а у самой-то слезы капъ да капъ. Тронуло это меня, правду сказать, за сердце, оченно даже, можно сказать, жалко стало отъ словъ этихъ самыхъ да слезъ ея, чуетъ душа правду-то, ну, а грѣхъ, все-таки, сильнѣй. Съ того самаго вечера, нужно такъ говорить, закурилъ я, почитай, не хуже капитана самого. Такъ закурилъ, ну, въ одномъ словѣ: осатанѣлъ, да и все тутъ. И чудное дѣло, право, какъ подумать-то! Бывало, какъ ни бились родители, чтобъ женить меня, сына единственнаго какихъ дѣвицъ, можно сказать, ни подсовывали, первѣющихъ дочерей купеческихъ въ нашемъ городѣ, даже изъ дворянскаго роду благородныя дѣвицы случались, а я и глядѣть не хочу, ровно бы вотъ каменный. Не тянетъ, хоть что хошь! Даже сердились родители, а изъ сродственниковъ которые и смѣяться стали: въ монахи, что-ль, малый, сбирается, спасаться хочетъ?

Насмѣхаются... Право-съ! Ну, а тутъ — горничная, можно сказать, простая, а поди-жь ты, и самъ не знаю, что сталось. И ночи не сплю, а все одну ее вижу, и въ день, и во всякъ часъ только и въ мысляхъ, что она. Дѣло даже запустилъ. И въ такую, нужно прямо сказать, лютую подлость вошелъ, что и совѣсть не мутила. Понимаю, что грѣшнымъ дѣломъ безвинную дѣвицу въ одну скверность ввести стараюсь, а ничего съ собой подѣлать не могу, — свое, значитъ, взять хочется... Лютость одна одолѣла, осатанѣлъ... Да-съ! И ужь какъ чудилъ, какъ чудилъ, и сказать нельзя, и не приведи Богъ, чего ни выдумывалъ... И деньгами сорилъ, и людей подкупалъ, и корыстью думалъ взять, всякіе алмазы, брилліанты сулилъ. Ну, а дѣло-то совсѣмъ на другое вышло... Вотъ, прислушайте.

Бьюсь это я, бьюсь, можно сказать, и такъ, и сякъ, а ничего не выходитъ-съ, ни корыстью, ничѣмъ... И примѣтно мнѣ, что и ей-то я, будто, по нраву прихожусь, можетъ, и любъ даже, не бѣгаетъ, какъ другихъ прочихъ, разговоры разговариваетъ, даже про себя разсказываетъ, что и какъ, да на томъ и стоимъ только, ни тпру, ни ну, — хоть что хошь. Чуть попробуешь дѣло-то на свое повернуть, анъ, глядь, такъ тебя срѣжетъ, такъ однимъ какимъ-нибудь словомъ срѣжетъ, что и глотку заткнешь. Потому чистота! Всякая скверна ровно вода со стекла сама собой отъ нея бѣжитъ. Ну, и если правду говорить, такъ даже очень странное со мной творилось, такъ ровно бы двѣ души во мнѣ стало и каждая на свое тянетъ. Потому что какъ бы и любо мнѣ, что не сдается она, и все жальчѣе ее дѣлается, и опять же отъ всего этого только въ задоръ входишь, все лютѣе норовишь на свое навести... Ужь подлинно грѣхъ попуталъ, голову потерялъ, да и совѣсти рѣшился!... Ну-съ, хорошо. Идетъ это промежъ насъ такимъ манеромъ; день за день тянется, и все-то она ровно бы меньше боится меня и какъ бы даже довѣрять стала. Такъ, словно бы и грѣха моего не чуетъ совсѣмъ. Разъ даже со мной на *Аскольдову могилу* поѣхала, не побоялась. «Вы,— говоритъ,— не такой, какъ прочіе, васъ я не боюсь, не обидите», — и у господъ своихъ отпросилась. И какъ она меня этими самими словами срѣзала, такъ срѣзала, что я ровно щенокъ махонькій за ней въ ложѣ сид[ѣ]лъ, слова сказать не могъ, даромъ что на то только и надѣ[ялся] клалъ. А замѣсто того только и было, что изъ буфета конф[еты], виноградъ, лимонадъ, ну, и все прочее таскалъ и столь ната[щилъ], что она даже смѣяться стала: «Лавку мнѣ, что ли,— говор[ишь] — открывать, Павелъ Терентьичъ? Куда мнѣ съ этимъ дѣ[ваться] —

а я и слова настоящаго найтить не могу. Сидимъ это мы въ ложѣ, гляжу кругомъ да около и такъ мнѣ сдается, что сколько тамъ ни есть наипервѣющихъ барынь, графинь да княженъ, можетъ быть, и генеральскихъ дѣвицъ, при золотѣ да жемчугахъ, а она всѣхъ краше, хоть и при шерстяномъ нарядѣ. Гляжу да молчу-съ. Ужь только какъ назадъ на извощикѣ ѣхали, въ темнотѣ, я и осмѣлился, въ «Яръ» сталъ зазывать, цыганъ слушать. «Позвольте-съ,— говорю,— на троечку посадить, а не то на голубкахъ, коли изволите»,—да опять не выгорѣло. «Не могу,— говоритъ,— барыня ждетъ, да и въ мѣсто такое, особливо ночью, дѣвушкѣ-то и ѣздить нельзя, Павелъ Терентьичъ. Вы,— говоритъ,— доброй и честной семьи, сами знаете!» Инда въ жаръ меня кинуло отъ этихъ отъ словъ ея, даже злость вступила. Какъ вернулись, тутъ у насъ съ капитаномъ настоящая, можно сказать, даже штурма вышла. И я лютъ, и онъ не въ своемъ, прямо сказать, видѣ въ корридорѣ стоитъ, ровно бы вотъ поджидаючи. Какъ завидѣлъ, такъ и сунулся. «А,— говоритъ,— сякая-такая, недотрога сахарная, по купеческой части изволите?»—да хвать за талію-съ. Испугалась она, прижимается, а я такъ даже и свѣту не вижу, одно слово— море по колѣно. Сцѣпились мы тутъ. «Хоша,— говорю,— и не господскаго званія будемъ, а огрѣть тоже можемъ. Даже съ превеликимъ нашимъ удовольствіемъ, во всѣхъ смыслахъ огрѣемъ. На всѣ четыре стороны скулу своротить можемъ. Прямо,— говорю,— въ расплюй расшибемъ-съ! Н-да-съ!» Ну-съ, тутъ народъ прибѣжалъ, розняли... Которые господа изъ номеровъ повыскочили, прислуга, хозяинъ,— много набралось. И слава-те Господи, что розняли! Вотъ тутъ-то,— говорилъ съ азартомъ купецъ, поднимаясь, расправляя могучія плечи и тыкая пальцемъ въ ладонь правой руки,— тутъ-то у меня родительское благословеніе, можно сказать, положено, ну, и сжалъ я супротивника моего этимъ самымъ благословеннымъ мѣстомъ... Ка-а-къ слѣдуетъ, во всѣхъ смыслахъ! Н-да-съ, хорошо, что розняли,— былъ бы грѣхъ... Я въ тѣ поры желѣзный аршинъ узломъ сворачивалъ.

Онъ хлебнулъ холоднаго чая, откинулъ со лба упавшіе волосы и продолжалъ:

- Съ этого-то самаго и заварилась каша. Первымъ дѣломъ на не[illegible]йные господа накинулись, здорово ей влетѣло, ну, а потомъ и ми[illegible]ъ. Господа были важные, хоть и перезаложены въ банкахъ. Ба[illegible]чня держала ее въ строгости, съ измалѣтства у нихъ жила, си[illegible]гой, сказывала, взяли, и барыню она очень одобряла, тоже и ба[illegible] молодую. Для нихъ, сказывала, только и оставалась,

потому отъ молодого барина тугонько приходилось... И стараго барина не одобряла, ну, а молодого-то и еще пуще. «Ужь какъ,— сказывала,— отъ бѣды-грѣха спаслась пока подросткомъ несмыслёнымъ была, и сама не знаю, только барыня оберегала одна. Спасибо ей, никогда не забуду, все равно, что мать смотрѣла». Хорошо-съ. Влетѣло это ей, ну, а утромъ, гляжу, и меня къ отвѣту. Только что было къ чаю приспособился, глядь, молодой баринъ, Аркадій Аркадьевичъ, собственною персоной тутъ, какъ тутъ. Такъ и такъ,— здравствуйте, молъ, господинъ Лимоновъ... Не знаю имени-отчества,—говоритъ.

— Павелъ Терентьичъ, — сказываю, вскочивши, а у самого отъ страху такъ вотъ, кажется, и духъ вонъ сейчасъ. Потому робокъ я былъ въ тѣ поры,—въ большой строгости воспитанъ.

— Ну, такъ, вотъ-съ,— говоритъ,— Павелъ Терентьичъ, какъ это вы себя ведете, милостивый государь? Какъ вамъ не стыдно,—говоритъ,—скандалы устраивать, а?

— Какіе такіе скандалы? — спрашиваю не своимъ голосомъ, а самого и ноги-то не держатъ.

— Вчерашніе-съ, — говоритъ, — когда съ нашею горничной вернулись. Мало вамъ этого, что ли, а? Развѣ это прилично для нашей семьи будетъ, какъ вы полагаете? Знаете, чай, кто мы такіе будемъ?

— Какъ не знать-съ,—говорю,—господа благородные...

— То-то,—говоритъ.—Папенька даже генералу хотѣлъ жаловаться, а, знаете, чай, чѣмъ это пахнетъ? Въ двадцать четыре часа, и все-съ! Ну, да я упросилъ, потому понимаю: молодой человѣкъ въ увлеченьи и все прочее такое... А только, чтобы въ послѣдній разъ это. Слышите?

— Слышу-съ,—отвѣчаю.—По гробъ не забуду.

Напустилъ это онъ на меня страху, напустилъ,— видитъ, что обробѣлъ совсѣмъ человѣкъ, ровно бы подъ ножомъ стоитъ, и давай жалѣть.

— Не благодарите, — говоритъ, — не за что. Самъ молодъ, знаю-съ. Молодой человѣкъ и, если онъ порядочный, хотя бы изъ купеческаго званія, все-таки, жаль.

— Истинно, господинъ, — говорю. — Во-истину достоитъ сожалѣнія во всѣхъ смыслахъ. Потому самъ не знаю, что сталось со мной,—голову совсѣмъ потерялъ.—Говорю это я, говорю, а слеза-то отъ всего этого конфуза такъ и набѣгаетъ.—Пропащій, знать, человѣкъ!—говорю.

А тотъ и смѣется.

— Ха, ха, ха,—говоритъ,—господинъ Лимоновъ, и чудакъ же вы! Право, даже жалко васъ. Неужто жь,—смѣется,—такъ въ нашу Машку врѣзались? Что вы?

— Такъ точно, — говорю,—какъ есть врѣзался... Вѣрное слово!

— Пустяки-съ,—говоритъ,—сто разъ лучшія есть, повѣрьте. Хотите, вылечу, а? Если человѣкъ порядочный и компанію держать умѣетъ, опять же, прилично себя вести будете, какъ должно,—говоритъ,—я даже съ удовольствіемъ.

— Сдѣлайте,—говорю,—такое одолженіе, явите милость... По гробъ не забуду,—а у самого-то отъ радости, что все съ плечъ свалилось, даже дыханіе сперло.—Какъ угодно-съ,—говорю,—господинъ, а отъ меня во всемъ послушаніе будетъ.

Видно ему, что на дурака попалъ, и обрадовался. Ну, и пошло-жь у насъ тутъ леченіе! Ужь такъ лечился, такъ, можно сказать, лечился, что и память отшибло. Ужь гдѣ ни побывали, какихъ видовъ не видѣли, Господи, ты, Боже мой! Съ другими молодыми господами встрѣнимся—сейчасъ въ компанію. Мой лечитель такъ и докладываетъ: «Вотъ,—говоритъ,—купеческій сынъ, господинъ Лимоновъ, въ воспаленіи чувствъ находится по случаю любви къ Машкѣ, такъ его лечить надо». Ну, и тѣ съ нимъ: «Лечить, лечить его!»— а мнѣ все не въ домекъ, что это смѣхъ одинъ. Одурѣлъ-съ. Потому какъ въ строгости воспитанъ, отродясь не пивалъ, во рту капли хмѣльного не было, а тутъ то и знай шампанское да глинтвейны всякіе, такъ и накачиваютъ. «Пейте,— кричатъ,— господинъ Лимоновъ! Это лучшее средство отъ воспаленія чувствъ!» — ну, и пью-съ, потому лестно. И чего-чего ни выдѣлывали, куда ни ѣздили, сколько радужныхъ просадилъ, да, опять, Аркадію Аркадьевичу ссудилъ, такъ и сказать не могу, потому въ полномъ, можно сказать, омраченіи разсудка находился. Только и помню, какъ въ дамскомъ видѣ, при полномъ нарядѣ, съ французскою дѣвицей кадриль откалывалъ.

Онъ опять хлѣбнулъ чаю, погладилъ бороду, откашлянулся и продолжалъ:

— Хорошо-съ. Этакимъ-то манеромъ мы трое сутокъ домой носу и не показали. Только на четвертую ночь вернулись и въ такомъ видѣ-съ, что даже сказать нельзя, — одно безобразіе. И шепни онъ мнѣ тутъ: «Иди, молъ, къ Машкѣ-то, не бойся. Одна она, наши на дачу уѣхали»,—а мнѣ и море по колѣна. Полѣзъ. Бреду, темень, вид... ничего не вижу, куда идти — не знаю, стукаюсь да путаюсь... Вдругъ, глядь, кто-то спичкой чиркъ, да какъ заоретъ: «Воры!

Полицію!»—такъ я и присѣлъ на мѣстѣ. Гляжу, за мѣсто Маши, баринъ старый.

— Полицію,—кричитъ,—протоколъ!

Батюшки вы мои! Тутъ и хмѣль съ меня страхомъ отшибло. Ужь такого страху я отродясь не видалъ. Присѣлъ да зубами щелкаю... А тотъ еще пуще, прямо въ лютость входитъ.

— Ваше вашество,—молю, наконецъ,—не погубите во младости... Ошибкой забрелъ-съ... Собственный вашъ сынъ,—говорю,—Аркадій Аркадьевичъ посвидѣтельствуетъ...

А тотъ и слушать не хочетъ.

— Ахъ, ты,—кричитъ,—алтынникъ, скандалистъ! Еще и сына моего, благороднаго человѣка, путаешь? Три дня спаивалъ его, а? Протоколъ!

Ну, и взмолился я.

— Ваше вашество,—молю,—будьте отцомъ роднымъ. Родителевъ пожалѣйте на старости, потому смерть для нихъ, ежели протоколъ, отродясь не бывало... Ради небесъ!—и въ ноги бухъ.

И вижу, къ радости, ровно бы пронялъ его. Сдаваться сталъ. Пересталъ кричать, да только по горницѣ прохаживается.

— Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ,—стариковъ жалко, самъ отецъ... Да только нужно, чтобы вы это помнили.

— По гробъ!—говорю.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ,—слова мы эти знаемъ... Вода-съ! Не угодно ли вамъ пожертвовать на благотворительное дѣло одно?

— Съ нашимъ,—говорю,—удовольствіемъ, еже ли за этимъ дѣло стоитъ.

— Да,—говоритъ,—тутъ одно бѣдное семейство есть... Такъ не угодно ли... пятьсотъ рублей?

Батюшки! Тутъ я и опамятовался.

— Нельзя ли поменьше, господинъ?—говорю.—Пожалѣйте молодого человѣка...

Да онъ и сказать не далъ. Ка-акъ закричитъ, какъ затопаетъ: «Дворянинъ! Торговаться! Вонъ! Полицію! Адвокату,—кричитъ,—вдвое заплатишь!»—такъ сама рука и потянулась съ радужными. Слава Господу, что больше не запросилъ, кажись, всѣ бы [illegible] послѣдней копѣйки отдалъ. Самого бы себя заложилъ въ тѣ поръ.

Такъ-съ. А только я со всего того какъ бы въ хворость ка[illegible]ую впалъ. Ѣсть не ѣмъ, пить не пью, на свѣтъ бѣлый глядѣть не хочется,—засѣлъ въ номерѣ и носа никуда не кажу. День сижу, два сижу, нѣту облегченья. все хуже да хуже. И тоска [illegible]тая

подъ сердце подступила, что и сказать нельзя, — безъ слезъ рыдаю. Вѣрите слову, жизни не радъ былъ: не будь отца-матери, такъ бы, кажется, и двинулъ головой объ стѣну. Потому не идетъ *она* изъ головы, да и все, опять же и конфузъ, а сильнѣй всего— *она*. Чуетъ душа, что безъ ***нея*** и жизнь не въ жизнь. Опосля леченія такого еще, кажись, милѣй стала, только и въ мысляхъ, какъ бы хоть глазкомъ поглядѣть. Хорошо-съ. Зашелъ это ко мнѣ лечитель мой. «Извините, — говоритъ, — что подвелъ, не разобрамши съ-пьяна, что отецъ-то былъ дома», — ну, да мнѣ все равно, и обиды ровно никакой нѣтъ. Не до того, значитъ. Видитъ онъ, каковъ я есть, и пожалѣлъ, что ли, только и говоритъ: «Вы бы,— говоритъ, — доктора взяли, — есть у меня тутъ знакомый одинъ, только онъ меньше красненькой не беретъ... Хотите, пришлю?»— «Ладно, — говорю, — присылайте. Все одно помирать, что съ докторомъ, что безъ доктора. Пускай потрудится, — говорю, — тоже, поди, хлѣбъ ѣсть надо». Ну, и прислалъ онъ этого своего доктора, кто его знаетъ какого... Стукалъ онъ, стукалъ, слушалъ, слушалъ, и такъ, и сякъ, да только рукой махнулъ. «Не у всякаго, — говоритъ, — быка черкасскаго, можно сказать, такое здоровье бываетъ!—такъ и сказалъ.—А только,—говоритъ,—никакъ я вашей болѣзни видѣть не могу и понять тоже не могу. Должно, въ нервахъ, а только удивительно мнѣ, что скрозь такое, можно сказать, мясо до нервовъ дошло. Вы встряхнулись бы, — попоечку, что ли, съ цыганочками... или вродѣ того». Слушаю это я, да молчу только. Далъ ему десятку, прописалъ онъ коньякъ финь-шампань и ушелъ... А я все лежу-съ.

Хорошо-съ. Сумерничаю это я, взадъ впередъ по номеру прохаживаюсь; самому себя жалко, а ничего придумать не могу. «Пропадомъ-пропаду,—думаю,—да и все; безъ родителевъ на чужой сторонѣ въ гробъ лягу. Инда слезы, кажись, подступать стали, какъ вдругъ слышу: скрипъ! дверью. Оглянулся, и себѣ не вѣрю: *она*, собственною персоной! Даже духъ заняло у меня.

— Что съ вами,— спрашиваетъ,—Павелъ Терентьичъ? Больны вы?

я гляжу на нее, гляжу, да и говорю:

Вамъ, Марья Петровна, лучше знать, что со мной.

Отчего такъ?—спрашиваетъ, а сама, вижу, жмется, даже въ ѣ перемѣнилась.

А оттого,—говорю,—что токмо черезъ васъ въ болѣзнь нервов ишелъ. Можно сказать, и жизни не радъ отъ любви моей.

Говорю это я, а она стоитъ, слушаетъ да к-а-а-къ кинется вдругъ ко мнѣ, ка-а-къ заплачетъ...

— Миленькій вы мой, Павелъ Терентьичъ,—говоритъ,—и я васъ люблю!... Видитъ Богъ, люблю! А только не губите меня, миленькій, если любите... Зачѣмъ вамъ губить сироту? Бросьте лучше теперь, чѣмъ послѣ бросать. Уѣзжайте къ отцу-матери и забудьте меня. А я васъ всегда любить буду и по гробъ не забуду.

Ну-съ, какъ сказала она это, какъ сказала она, тутъ на меня и просіяніе нашло. Сразу оздоровѣлъ и вся моя сквернота, можно сказать, прочь отошла. Тутъ я и опамятовался, прояснѣлъ даже. Такъ, ровно бы другой совсѣмъ сталъ. Обнялъ ее, что есть силы, да и спрашиваю только:

— Любишь?

— Люблю,— отвѣчаетъ.

— Вѣрное твое слово?

— Какъ передъ Истиннымъ!—говоритъ.

— Ну, такъ, вотъ, что,—говорю,—Маша... передъ образомъ, передъ святителемъ... возьму я тебя замужъ, да и все.

Какъ сказалъ, такъ и самъ радъ сталъ, что сразу такое у меня на умъ пришло, а она не вѣритъ. Стоитъ и удивляется:

— Что вы,—отвѣчаетъ,—развѣ это возможно, миленькій? Не подъ пару я вамъ: вы—купецкій сынъ, а я горничная,—развѣ это возможно?

— Наплевать!—говорю.

— Что вы, что вы?—говоритъ.—Родители ваши и на порогъ-то меня не пустятъ, а я супротивъ не пойду. Не такъ я васъ, миленькій, люблю, чтобы въ бѣду вводить... Куда воронѣ въ хоромы?

— Ладно,—отвѣчаю.—У родителевъ самъ охлопочу благословеніе, не бойся... Они только и видятъ, какъ бы женить меня... А только знай теперь, да и всѣмъ скажи, что моя ты суженая... Такъ и будетъ!

Упирается она, то да се, и вижу, что не ломается, а взаправду сумлѣвается да боится, взялъ ее за руки, да и говорю:

— Ну вертись, не вертись, а только моя ты... А чтобы дурного говору не было, уходи теперь пока... Вотъ тебѣ образъ, что не отступлюсь отъ своего слова... Возьму я тебя замужъ.

И какъ только ушла, я сейчасъ письмо къ родителямъ. Та[illegible] и такъ, молъ, люблю и силъ моихъ нѣту. Жисти, пишу, согла[illegible]ъ рѣшиться въ случаѣ коли ежели отказъ. Прошу благословен[illegible], а нравъ мой, между прочимъ, знаете.

Хорошо-съ. Написамши, сейчасъ сюртукъ парадный, да стукъ къ господамъ ейнымъ.

— Войдите!—слышу.

Вхожу, барина нѣтъ, однѣ барыня да барышня налицо.

— Что, говорятъ, вамъ угодно?

— Такъ и такъ,—говорю,—жениться хочу, за себя взять горничную вашу-съ.

— А кто вы такой будете?—спрашиваютъ.

— Купеческій сынъ,—говорю,—Павелъ Терентьичъ Лимоновъ, изъ номеру, что насупротивъ.

— А, такъ это вы Лимоновъ?— спрашиваютъ и усмѣхаются.

Вижу я и понимаю, съ чего тотъ смѣхъ, въ конфузъ ударило, одначе говорю:

— Точно такъ, я самый-съ... А только прощенья просимъ, ежели что допрежь того по глупости произвелъ, потому,—говорю,—отъ одной, можно сказать, любви всѣ происшествія были.

Перестали усмѣхаться, смотрятъ на меня, а барыня и говоритъ:

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ хотите жениться? По правдѣ?

— По чистой совѣсти,—отвѣчаю.—Родителямъ и письмо послалъ уже.

Посмотрѣла она на меня, посмотрѣла, да и говоритъ:

— Ну, если дѣйствительно у васъ намѣренія хорошія, то отъ души поздравляю, потому она хорошая дѣвушка, во всѣхъ смыслахъ... И сердце, и руки золотыя; мы всѣ ее любимъ и привыкли къ ней, потому съ дѣтства у насъ она, сиротой взяли... Жалко разставаться, все равно, что другъ, родной, но ежели у васъ такія намѣренія и васъ она тоже любитъ, въ такомъ случаѣ дѣлать нечего... Соничка,—говоритъ барышнѣ,—позови ее.

Вскочила это барышня радостная, побѣжала, да и приводитъ Машу за руку, а на той и лица нѣтъ.

— Вотъ, Машенька,—говоритъ барыня,—господинъ Лимоновъ руки твоей проситъ... Такъ какъ ты, значитъ, на этотъ счетъ?... Любишь?

та стоитъ бѣлѣе бѣлой, ровно бы и не дышетъ совсѣмъ.

Любить,—говоритъ,—люблю, а только не пара имъ.

Наплевать,—говорю,—это намъ все единственно, что пара, го не пара... А только вотъ что-съ: попрошу я васъ, барыня, говорю,—какъ она у васъ съ измалолѣтства жила и опять зас ила, значитъ, и вы хвалить ее изволили, такъ по тому слу-

чаю, собственно, какъ онѣ невѣста мнѣ теперь, отъ всякой должности ослобоните ихъ,—пусть такъ поживетъ-съ, не гоните-съ... А свадьбу мигомъ сыграемъ, какъ отъ родителевъ,—говорю,—отвѣтъ придетъ.

— Неужто-жь,—отвѣчаетъ,—мы ее неволить или гнать будемъ? Что вы, господинъ Лимоновъ? Тоже, вѣдь, съ понятіемъ будемъ. Поживите у насъ, Машенька,—говоритъ,—уже и на «вы» стала,—поживите!—Обнимаетъ ее и барышня обнимать и цѣловать стала, а та все стоитъ ровно каменная, только слезы капъ да капъ. Извѣстно, дѣло дѣвичье. Вынулъ я тутъ пачку денегъ, подаю ей и говорю:

— Вотъ-съ, извольте получить, Марья Петровна, невѣста моя, на всякія женскія пристройки-съ. Чтобъ въ аккуратѣ, значитъ, все было,—платья тамъ, къ примѣру, ленты-съ и все прочее, какъ подлежитъ для перваго обзаведенія. Въ пассажахъ,—говорю,—все первый сортъ-съ, а ежели недохватка будетъ, не постоимъ, докладемъ-съ. Получите!—И барыня заговорила тутъ:

— Бери же,—говоритъ,—бери же, Машенька... Что стоишь?—а та ни съ мѣста. Да ка-а-къ кинется вдругъ ко мнѣ, к-а-а-къ зарыдаетъ-съ.

— Не нужно мнѣ,—говоритъ, прижимаясь,— ничего не нужно!... Я и такъ его люблю!

— Право,— говорилъ, видимо, растроганный этимъ воспоминаніемъ разскащикъ,— и теперь вотъ за сердце схватитъ, какъ вспомнишь!... Ну, одначе, кончать нужно, что долго пѣсню тянуть? Такъ вотъ-съ и повѣнчались мы. Отъ родителевъ отвѣтъ скоро пришелъ, не затянули. «Такъ и такъ, молъ, нашъ любезный сынъ. Какъ, значитъ, мы тебѣ завсегда вѣримъ и во всѣхъ дѣлахъ полагаемся, такъ пусть такъ и станется, какъ Господь судилъ. Отказу нашего нѣтъ и благословеніе посылаемъ, а только мать отъ хворости, а я отъ дѣловъ тронуться въ путь не можемъ. Такъ ты, сынъ нашъ, въ бракъ христіанскій вступи и къ намъ поспѣшай для совмѣстнаго житья и счастья, значитъ»... Ну, и прочее другое... Хорошо-съ. Повѣнчались и поѣхали. Сильно жена разрыдалась, какъ съ барыней и барышней прощаться пришлось, и денегъ своихъ, зажитыхъ за три года, не спросила,—а ну ихъ!—очень ужь заложены господа были и кутенько имъ приходилось. Одна надежда на сына Аркадія Аркадьича была, что на богатой вдовѣ одной женится, для того и въ Москву пріѣхали... И я своихъ, что ссудилъ ему, когда мы по Москвѣ подырничали, не спросилъ,— Богъ съ нимъ, будутъ — отдастъ, у-

маю. Такъ-съ. Ну, пріѣхали домой, приняли насъ честь-честью. Тятенькѣ даже очень, можно сказать, жена по нраву пришлась, такъ и сказали сразу: «Машенька, дочь моя, проста душа твоя, вижу! Живите, аки голуби, и радъ я сему!» Ну, а маменька, такъ тѣ,—извѣстно, дѣло женское,—виду никакого не подали и пытать стали. Такъ пилили-съ, такъ пилили, поѣдомъ, можно сказать, до самыхъ костей-съ. Всю недѣлю, почитай, изморомъ морили, а все стерпѣла жена, всему покорялась, хоть бы звукъ какой. Ну, а какъ прошла недѣля, приходятъ онѣ отъ обѣдни, сняли образъ, да прямо къ ней и поклонились. «Такъ и такъ, прости, Машенька, дочь моя, съ сердца сними, потому я тебя по материнству пытала, чтобы знать, какая ты есть... И теперь вижу, — говорятъ, — какова ты, и радуюсь... Будьте счастливы, — говорятъ, — и насъ радуйте, а что какіе люди смѣются, что изъ горничныхъ ты, такъ пущай себѣ смѣются. Лучшей жены сыну своему не желаю, а приданаго намъ никакого тоже не нужно, — своего довольно, хватитъ». И пошелъ у насъ ладъ, такая, можно сказать, жизнь пошла, что лучшей какъ бы и не надо. Такъ полюбили они жену, что ровно бы дочь родную, да и все! Даже сродственники, которые прежде гнушались, и тѣ подались, потому вездѣ про нее слава шла... И зависти тоже много кругомъ было, такъ и давились иные прочіе завистью.

Хорошо-съ. Живемъ это мы такъ, слава те Господи, родителевъ радуемъ, благодать, кажись... одначе, что вышло-то, поглядите! И съ чего вышло? Кажется, и въ мысляхъ такого не надумаешь, хоть годъ цѣлый надумывай. Получаю это я разъ одно письмо, гляжу—отъ барина самого. «Такъ и такъ, молъ, господинъ Лимоновъ, пріѣзжайте немедленно, потому что дѣло одно грозитъ большими непріятностями для васъ. Поспѣшайте, молъ, если предупредить желаете». Удивился я, что такое, думаю? Жена тоже ничего не понимаетъ. Гадали мы, гадали, да и порѣшили отписать, что какъ никакихъ такихъ дѣловъ за собой не чувствуемъ, такъ, значитъ, можетъ, и по ошибкѣ что вышло, а только мы ни о чемъ не безпокоимся. Впрочемъ, пишу, благоволите увѣдомить, въ чемъ дѣло будетъ-съ. Хорошо-съ. Только черезъ сколько-то тамъ дней опять депеша бацъ: «Дѣло серьезное, поспѣшите Что такое? Сумлѣніе стало брать, отецъ съ матерью переговорились, выспрашиваютъ, не было ли чего, то да се, одначе, порешили: сиди! Ежели никакой вины твоей нѣтъ, лучше сиди да жди, какъ что окажется. Хорошо-съ. Сижу это я, да жду, а всякія [illegible] черныя нѣтъ-нѣтъ, да и заскребутъ на душѣ: а ну,

вдругъ, какъ что и въ самъ дѣлѣ неладное объявится? Да только съ чего бы, кажется? Никакихъ такихъ дѣловъ и въ поминѣ не было, развѣ вотъ что по Москвѣ въ безобразномъ видѣ лодырничали, думаю, такъ опять на это запрета нѣтъ,—валяй, сколько влѣзетъ. И жена, вижу, задумываться стала, тоже какъ бы не по себѣ ей, тревога да забота душу нудятъ. Что такое? Одначе, ничего, сижу. Хорошо-съ. Только разъ и приходитъ это къ намъ знакомый надзиратель Тюльпановъ, такъ, словно бы гостить зашелъ, честь-честью хлѣба-соли отвѣдать. Поставили на столъ мадерцы бутылочку, полынную тоже-съ, потому знали, что уважаетъ полынную, балычка осетроваго, икорки, селедочки, ну, и всего прочаго, какъ водится. Сѣлъ, ничего, отвѣдываетъ и виду не подаетъ, зачѣмъ пришелъ, еще и шутки съ женой зашутилъ. Такъ-съ. Потомъ распрощался, значитъ, — тятеньки на ту пору дома не было-съ, одна маменька да мы,—вышелъ въ переднюю и, гляжу, оттуда мнѣ рукой знаки подаетъ: выходи, молъ! Что такое, думаю? Вышелъ къ нему-съ, вижу, мнется и какъ бы не въ себѣ, даже глаза въ раскосъ пошли. «Въ чемъ дѣло будетъ-съ?»—спрашиваю, а онъ только головой качаетъ.

— А въ томъ,—говоритъ,—дѣло, что мнѣ Марью-то Петровну вашу въ острогъ везти нужно.

— Какъ въ острогъ?—спрашиваю.—Зачѣмъ?—и понять ничего не могу.

— А затѣмъ,—говоритъ,—что предписаніе... Бумага пришла такая.

А я стою ровно бы каменный, вздохнуть не могу и въ толкъ ничего не возьму.

— Какая бумага?—спрашиваю и себѣ не вѣрю, я ли спрашиваю, или кто другой за меня.

— А такая бумага,—отвѣчаетъ,—чтобы съ первою партіей въ Москву къ допросу отправить. Такъ вотъ-съ, — говоритъ, — какъ по знакомству, значитъ, опять же люди почтенные, я и пришелъ самъ, замѣсто того, чтобы послать кого. Ужь помогите,—говоритъ,—какъ мужъ ихній, чтобы дѣло-то потише сладилось.

Стою это я и онъ стоитъ, глядимъ другъ на дружку, а сер[дце] то у меня: токъ да токъ. Въ ушахъ трезвонъ идетъ и слышу, к[ровь] будто кровь закипать начинаетъ. Стою, гляжу, а въ башкѣ-т[о] у меня одинъ туманъ, ничего сообразить нельзя... Да вдругъ к-а-[къ] воспылаю, ка-акъ бухну:

— Ахъ, ты, молъ, такъ и сякъ! Чтобъ я тебѣ жену въ ост[рогъ]

отдалъ? Очумѣлъ ты, что ли? За что въ острогъ, какія-такія провинности за ней знаешь? Говори,—кричу,—не то...

Видно ему, что человѣкъ, можно сказать, въ лютость входитъ, не въ себѣ состоитъ, и сталъ доставать бумагу свою.

— Успокойтесь, — говоритъ, — какъ я, значитъ, при своей должности, опять же и бумага налицо,—сами читайте.

Взялъ я бумагу, держу-съ, гляжу, да ничего видѣть не вижу. И руки ходятъ, и голова, и весь дрожу, ровно бы вотъ ознобомъ знобитъ.

— Не могу,—говорю,—самъ читай.

— Что мнѣ читать-то?— отвѣчаетъ.— Наизусть, можно сказать, знаю. Такъ и такъ,—говоритъ,—обвиняемую, молъ, въ воровствѣ у господъ Антроповыхъ немедленно арестовать и къ допросу предоставить... Ясно-съ?

Схватился я тутъ за волосы и самъ не знаю, я ли то, или не я,—про жену дѣло идетъ или про другую какую? Даже не знаю, на свѣтѣ я или нѣтъ. Стоялъ-стоялъ, глядѣлъ-глядѣлъ, да вдругъ ровно бы самъ не самъ повернулся, да и ну — къ женѣ. Какъ завидѣла она, каковъ я есть, такъ даже и затряслась вся.

— Что приключилось? — спрашиваетъ, и вижу я, что тоже сдохнуть не можетъ.

— А то приключилось,—говорю,— что тебя въ острогъ везутъ.

Стала она вся бѣлая, смотритъ на меня глазами и только губы трясутся.

— Такъ и такъ, — говорю, — воровство у твоихъ господъ. Покайся мнѣ по правдѣ, былъ твой грѣхъ?

Стоитъ это она, стоитъ, смотритъ и я на нее смотрю, — такъ, ровно бы два мертвеца супротивъ стоимъ, да вдругъ бацъ въ ноги.

— Павелъ Терентьевичъ, супругъ мой,—говоритъ,—какъ передъ Богомъ истиннымъ! Никогда не слыхивала даже, не то что... Неужто-жь,—плачетъ,—вы да меня за воровку почитаете? Неужто-жь я пошла бы за васъ, чтобы срамъ такой въ семью вашу внести? Побойтесь Бога,—говоритъ,—неповинна я!

Чуетъ мое сердце, что какъ бы и правду говоритъ она,—вѣрю ей, кажется,—жалость такъ и схватила за сердце, а ничего подѣлать не могу.

Предписаніе,—говорю,—Маша, пришло... въ острогъ!

Самъ не знаю, какъ я это слово выговорилъ, такъ и брызнули слезы, сдержать не могъ. Кинулась она это ко мнѣ, сама же успокоиваетъ, ровно бы и не ей бѣда, да и говоритъ спокойно:

— Не боюсь ничего. Отъ тюрьмы да сумы, знать, никто не убѣжитъ, хотя и удивительно мнѣ, что за долгую службу мою да вдругъ напасть такая. Не убивайтесь, Павелъ Терентьичъ. Одно болитъ, что сраму на васъ навела ни за что, ни про что... А только неповинна я, вотъ увидите. Есть тутъ, знать, неладное чтой-то, да Господь укажетъ, кто виноватъ... Господь не попуститъ...

И пошла-съ...

Остановился купецъ и сталъ вытирать платкомъ потный лобъ, тяжело дыша. Руки его дрожали, углы губъ подергивались. Никто изъ насъ не проронилъ и слова,—всѣ мы сидѣли подавленные, неподвижные и только сочувственными, скорбными взглядами слѣдили за взволнованнымъ разскащикомъ.

— И что сраму да горя пришло,—продолжалъ онъ среди царящей тишины,—такъ и не скажешь... Гдѣ ужь! Тятенька свалились, маменька тоже въ хворость вошли, сами себѣ даже смерти просили-съ. Свѣтъ Божій опостылъ вотъ какъ, лежатъ да стонутъ-съ. «Сынъ нашъ любезный, — плачутъ, — зачѣмъ напасть такая, за что на старости лѣтъ опорочены?» Опять же и сродственники разные да знакомые набѣжали, — полный домъ. И всѣ стонутъ да охаютъ, только бередятъ пуще. «Не можетъ этого быть, чтобы зря вышло, — твердятъ, — ужь что-нибудь безпремѣнно есть. Не даромъ, молъ, баринъ и письма писалъ, и депешъ присылалъ», — словно сороки стрекочутъ, можно сказать, и тѣмъ въ большее сумлѣніе вводятъ, тятенька съ маменькой просто слезами исходятъ. По всему городу молву разнесли, всѣмъ завистникамъ нашимъ на радость, и такого приплели, что и не вѣдаешь, откуда что взялось. И въ такую, можно сказать, лютость меня тоже ввели, что я словно звѣрь сталъ, озвѣрѣлъ, да и только, голова кругомъ пошла. И всему-то я вѣрить сталъ, что кто ни говоритъ... И обманщица, молъ, жена-то моя, и лукавая-де, и хитрая,—всему вѣрю. «Обошла она тебя за простотою твоей!»— только и слышу-съ. Все позабылъ, словно вотъ рукой сняло,— все, какъ допрежь того вѣрилъ ей да жалѣлъ. И любить-то, кажется, не люблю уже,—гдѣ тутъ, одна лютость, можно сказать. Вотъ и надумалъ я тутъ грѣшное дѣло, — перекрестился разскащикъ,—задушу ее, змѣю подколодную! Лежу это ночью, глазъ не сомкну, да все только это одно надумываю въ лютости своей.

— Хорошо-съ, — продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы. — Такъ-съ. Сорвался это я на разсвѣтѣ лютѣй звѣря всякаго, со[с]ался, да и побѣжалъ по начальникамъ разнымъ. Туда сунулся, с[ъ]да, тому кланяюсь, того прошу-съ, во что ни вошло, а добился-таки

своего. «Хорошо, — говорятъ, — завтра утромъ передъ отправкою самой будетъ вамъ свиданіе, къ смотрителю, молъ, на квартиру идите». Ладно. Вернулся это я домой только къ ночи, — такъ весь день-то и пробродилъ самъ не знаю гдѣ, не пимши и не ѣмши,— гляжу: дома-то еще хуже, содомъ, да и только. Докторъ да фельдшеръ надъ маменькой бьются, тятенька тоже стономъ стонутъ-съ, а людей видимо-невидимо: и сродственники, и знакомые, и такъ люди разные, — всѣмъ поглядѣть охота, что и какъ. Ходютъ, бродютъ, причитаютъ, только жару поддаютъ, то одно приплетутъ-съ, то другое. И еще бо́льшая на меня отъ этого лютость нашла, не знаю ужь какъ и дня-то дождался. Задушу, думаю, да и все-съ, тѣми самыми руками задушу, что голубили... Хорошо-съ. И только свѣтать стало, день пошелъ, я сейчасъ въ острогъ, къ смотрителю, переулками разными, чтобъ людей не встрѣчать. Прибѣжалъ, приняли-съ. «Раненько,—говорятъ,— а ничего, для васъ можно, не постоимъ-съ». Печалится это смотритель, соболѣзнуетъ, чайкомъ потчуетъ: «Отвѣдайте-съ, — говоритъ,—нашего зелья китайскаго»,—а я и глядѣть-то не могу, душа не принимаетъ, одна лютость въ нутрѣ засѣла, такъ и переливается по жиламъ отъ всего́ отъ этого. Глянулъ въ зеркало — лица нѣтъ, въ глазахъ одна кровь-съ. Хорошо-съ. Пошелъ это смотритель за ней, а меня ознобъ бьетъ, такъ сами руки на грѣхъ и тянутся... Чему быть, того не миновать, думаю, а задушу ее безпремѣнно, подлую. Все равно, молъ, жисть-то моя пропащая теперь, пускай люди судятъ-съ. Сталъ, стою, да какъ заслышалъ шаги, затрясся весь, — такъ и кинусь сейчасъ звѣремъ. Ну, а какъ вошла она, какъ глянулъ я на нее, — бѣлая-пребѣлая, только глаза черные да большіе, опять же халатъ арестантскій, сѣрый, какъ завидѣлъ, такъ... такъ...

Тутъ голосъ купца дрогнулъ хриплыми, какъ бы дѣтскими тонами и оборвался. Казалось, богатырской груди не хватило воздуха. Кругомъ царила напряженная, какая-то жгучая тишина и безмолвныя, неподвижныя лица слушателей, постепенно столпившихся вокругъ, замѣтно поблѣднѣли. У одного молодого парня, стоявшаго сбоку, щеки горѣли, какъ вспыхнувшее пламя, судоро[ж]но ходили ноздри, за то вѣки мигали какъ-то чисто по-дѣтски. Но [к]упецъ быстро справился съ волненіемъ и продолжалъ:

Вѣрите, такъ сами собой и опустились руки. Ровно бы вотъ вѣ[т]ромъ смело съ меня всю лютость мою, стою да словно младе[н]ецъ рыдаю. Только и всего-съ. И милѣй она мнѣ въ халатѣ-то сѣ[р]омъ во сто разъ стала, и жалчѣе, и вѣрю-то ей одной только...

Кинулась ко мнѣ на грудь, ласкается, жмется, и все только обо мнѣ хлопочетъ, успокоиваетъ, у самой ни слезинки, сухіе глаза и горятъ-съ... И гдѣ у ей такая сила взялась, чтобы безъ единой слезы-съ, безъ жалобы-съ, ровно бы вотъ и бѣды никакой нѣтъ-съ,—не знаю-съ. Ласкается и все свое твердитъ: «Супругъ мой желанный,— говоритъ,— успокойтесь, не убивайтесь такъ, себя пожалѣйте, а обо мнѣ не безпокойтесь, ничего мнѣ не станется, потому неповинная я и правда наверхъ всплыветъ!» Обнялъ ее и стоимъ мы съ ней ровно бы два голубя,—пара. И сталъ я тутъ ей каяться: задушить, молъ, тебя, Маша, хотѣлъ, затѣмъ и пришелъ, говорю, а она ничего. «Задуши,—говоритъ,—твоя я и душой, и тѣломъ. Что хочешь, то и дѣлай со мной. Задуши, миленькій!»... Ну, я тутъ,— махнулъ купецъ рукой,—я тутъ совсѣмъ опамятовался, ожилъ-съ. Посадилъ ее къ себѣ на колѣни, ровно бы дитё, въ халатѣ ея сѣромъ, да и отпустить не могу. «Такъ и такъ,—кричитъ смотритель,—пора. Сейчасъ, молъ, отправка»,— а я и слышать не слышу.

Купецъ замолчалъ, хлебнулъ глотокъ, другой остывшаго чая, проговорилъ про себя: «Н-да съ! Такъ вотъ какъ оно будетъ!»— погладилъ бороду, еще помолчалъ и затѣмъ, точно собравшись съ силами, продолжалъ:

— Ну, а какъ вышелъ-съ, гляжу — народу-то передъ острогомъ видимо-невидимо. Всякому, знать, лестно поглядѣть, какъ мужнюю жену, купчиху богатую, по городу проведутъ. Ну, да мнѣ въ тѣ поры уже все единственно было, потому очувствовался, объ ней одной и дума вся. Смотрите, молъ, любезные, сколько угодно, а только милѣе мнѣ она прежняго и вѣрю я въ чистоту ея. Кланяются это мнѣ, шапки снимаютъ,— Павелъ Терентьичъ, да Павелъ Терентьичъ! — а мнѣ ужь и въ глаза людямъ не срамъ глядѣть,— куда тебѣ! Поднялъ голову, да иду себѣ, ровно бы ничего и не было. Вотъ какъ она меня оживила-съ, даромъ что какъ былиночка супротивъ меня будетъ. Отъ вѣтру съ ногъ свалится, не выстоитъ, а душа, все-таки, у ней сильная, хоть бы и нашему брату въ пору. Ну, иду-съ это я, кликнулъ только малаго съ нашего двора, что тутъ промежь другихъ околачивался, приказалъ, что слѣдуетъ отцу, матери сказать, а самъ тоже на вокзалъ. Такъ и полетѣли въ одномъ поѣздѣ.

Хорошо-съ. Томить не буду,— ужь какъ ѣхалъ, какъ душа намаялась,— что говорить? — не дай Господь никому. На другой день къ вечеру только прибылъ въ Москву, сейчасъ въ лѣчу, потому сколько ночей глазъ, можно сказать, не смыкалъ [illegible]у-

рѣлъ совсѣмъ, голова ходенемъ ходила. Выспался, а на утро, такъ-таки не пимши и не ѣмши, совсѣмъ на тощакъ, и пошелъ прямо къ господамъ Антроповымъ. Гдѣ тутъ пить-ѣсть,—душа не принимаетъ,—такъ и кипитъ да скребетъ тебя на сердцѣ. Хорошо-съ. Прихожу это я, отворяю дверь, глядь — барышня-то какъ схватится... «Ахъ, господинъ Лимоновъ!»—говоритъ, да и шасть въ другую комнату, потому какъ при неполномъ нарядѣ была по случаю утренняго времени.

— Извините-съ,—говорю, а тутъ и барыня. Глянула на меня, да сейчасъ глаза внизъ, а на самой и лица не стало,—такъ, ровно мѣломъ вымазана, и глядѣть не глядитъ.

— Вы, вѣроятно, къ мужу?—говоритъ.

— Такъ точно-съ,—отвѣчаю,—по тому случаю, что какъ жена въ острогѣ сидитъ.

— Развѣ она въ острогѣ?—перебиваетъ, да хвать за край стола, ровно бы вотъ на ногахъ не стоитъ, а глаза большіе, какъ съ перепугу стали.—Не можетъ этого быть!

— Вѣрно-съ,—говорю,—ужь и въ Москву доставили, только не знаю за что.

Схватилась тутъ она за сердце, еще больше, почитай, побѣлѣла, да вдругъ какъ замашетъ руками.

— Это къ мужу,—кричитъ,—къ мужу! Вы съ нимъ... господинъ Лимоновъ! Я тутъ не причемъ!...—и вижу, ровно бы слезы потекли.—Приходите черезъ часъ, онъ вернется... Уходите же,—кричитъ,—уходите теперь!

Вышелъ-съ и ничего не понимаю. Хожу это, какъ шальной, по бульвару, взадъ да впередъ утюжу,—такъ, почитай, цѣлый часъ и проутюжилъ. Подхожу опять къ гостиницѣ, спрашиваю швейцара: «Вернулся-ль господинъ Антроповъ?» Отвѣчаетъ: «Точно такъ, сейчасъ только прошли». Ну, слава Тебѣ, думаю-съ. Вхожу-съ. Сидитъ, газету читаетъ.

— А, здравствуйте!—говоритъ.—Пріѣхали-съ?—а самъ красный, словно ракъ вареный сталъ, и въ глаза не глядитъ.

— Точно такъ-съ,—говорю,—пріѣхалъ-съ, и жену въ острогъ привезли.

Еще потемнѣлъ онъ совсѣмъ, да и отвѣчаетъ:

— Сами виноваты, что она въ острогѣ. Я предупреждалъ вас, отчего вы не пріѣхали? Можно было все добромъ покончить безъ этого...

— Да въ чемъ же дѣло-то будетъ, господинъ?—спрашиваю.—Ка[illegible]ся оченно довольны были завсегда, сами хвалили-съ.

— Такъ, такъ,— отвѣчаетъ,— самъ не ожидалъ... Всегда была хороша и вдругъ такое... Самъ пораженъ, однако, ничего не подѣлаешь, всѣ улики налицо. У насъ пропали золото, бриллианты, драгоцѣнныя вещи.

— Такъ-съ,— говорю.— За этакую долгую службу, опять же какъ она и денегъ своихъ зажитыхъ не взяла,— такъ за все это въ воровки произошла? Оченно благодарны,— говорю.—Только по какому случаю, позвольте спросить?

— Не волнуйтесь,— отвѣчаетъ,— успокойтесь!... Сами посудите, господинъ Лимоновъ... Хватились мы нашихъ вещей, которыя всегда въ отдѣльной шкатулкѣ на запорѣ были, а ихъ и слѣда нѣтъ. Кинулись туда-сюда, то да другое въ ссудной кассѣ... Кто браслетъ заложилъ?—она, оказывается; кто серьги?—она же,— всѣ примѣты ея.

Тутъ ужь я не вытерпѣлъ, даже ошалѣлъ отъ радости.

— Постойте-съ, господинъ,— говорю,— вотъ она правда-то и сказывается... Браслетъ и серьги, это точно — она, самъ знаю, при мнѣ и дѣло-то было. Когда вмѣстѣ ѣздили въ пассажи приданое покупать, по дорогѣ и заложили, потому Аркадій Аркадьевичъ, вашъ собственный сынъ,— говорю,— очень просилъ и самъ ихъ далъ ей. «Нужно,— просилъ,— до зарѣзу нужно заложить», и квитанцію ему отдали... Вотъ какъ было дѣло-то, за которое въ острогѣ теперь...

Да онъ и договорить не далъ. Какъ схватится съ мѣста, какъ заоретъ:

— А, и ты, значитъ, съ нею за одно? Оба, парочкой! Моего сына,— кричитъ,— путаешь, потому что его въ Москвѣ теперь нѣтъ, что онъ за тридевять земель уѣхалъ? Вотъ какой гусь! Что-жь,— кричитъ,— думаешь, это вамъ на пользу будетъ? Какъ же,— кричитъ,— да она, твоя жена, въ острогѣ сгніетъ, пока искать да допрашивать Аркадія будутъ! Я и самъ,— говоритъ,— не знаю пока, гдѣ онъ теперь. Лучше ужь покоритесь да добромъ кончайте,— жалко вѣдь мнѣ ее, все-таки, жалко... Кончайте добромъ лучше.

— Какъ, то-ись?— спрашиваю.

— А такъ,— говоритъ,— заплатите, что стоютъ вещи,— [illegible] тысячъ. Вы человѣкъ богатый, вамъ это ничего. Жалко, в[illegible] мнѣ морить Машу въ острогѣ. Еслибъ оказалось, что вы пра[illegible] хотя,— говоритъ,— я этому и не вѣрю, потому что Арк[illegible] предупредилъ бы насъ непремѣнно, если бы оказалось, что [illegible] правы, я вамъ возвращу... Я могу сейчасъ же заявить, что [illegible]

это недоразумѣніе одно или что Аркадій прислалъ письмо, въ которомъ подтверждаетъ ваши слова.

Говоритъ это онъ, говоритъ, да тутъ вдругъ и случилось диво. Растворилась дверь и выбѣгаетъ изъ нея барышня, а за ней барыня. На барышнѣ-то, Софьѣ Аркадьевнѣ, и лица нѣтъ, только глаза отъ слезъ красные.

— Папенька! — плачетъ, — что вы это дѣлаете? Побойтесь совѣсти! Если у мамаши, — говоритъ, — духу не хватаетъ супротивъ васъ пойти, такъ я пойду. Будь, что будетъ, — плачетъ, — а только такой низости нельзя допустить, я не могу. Бѣдная Маша — честная женщина, неповинная... всѣ мы знаемъ, что Аркадій самъ поручалъ ей закладывать. Мы разорены, ну, что-жь? Я давно прошу васъ, пустите меня въ учительницы... Я буду зарабатывать трудомъ.

Стою это я, слушаю, себѣ, можно сказать, не вѣрю, ошалѣлъ даже совсѣмъ, а баринъ тутъ какъ поднимется, бѣлый-пребѣлый, ровно мертвецъ, какъ закричитъ:

— Вонъ, негодница! — кричитъ. — Лгунья ты, врешь, и не дочь теперь мнѣ!... Вонъ! — да и замахнулся рукой, но тутъ барыня перехватила и отвела руку.

— За что, — спрашиваетъ, плачучи, — за что? Вѣдь, Соня правду говоритъ. Я сама ей все разсказала... А вы, господинъ Лимоновъ, — говоритъ мнѣ, — простите насъ, — у Машеньки я сама выпрошу прощеніе. Господи! — плачетъ, — Господи! до чего мы дожили! Но Машу сейчасъ освободятъ, мужъ скажетъ, что все это ошибка, — правда, ты пойдешь, скажешь сейчасъ?

Закрылъ тутъ баринъ лицо руками, застоналъ, да и хлопъ на диванъ. Кинулась къ нему барышня, за ней барыня, и всѣ въ слезы. Такое тутъ пошло, что и теперь вспомнить жутко. «Что съ вами, миленькій?» — кричатъ, а онъ только свое: «Дѣти, — говоритъ, — мои бѣдныя дѣти!» Ну, а барышня ласкается къ нему, да все тоже свое: «Ничего мнѣ, миленькій папенька, молъ, не нужно, только работать пустите. Для васъ буду работать, — плачетъ, — и для васъ, и для мамы...» Эхъ, да чего, — ужь на что, кажется, ожесточился, а и то жалко стало... Право-съ! Но да что тянуть? — продолжалъ сильно взволнованный, какъ и всѣ мы, слушатели, разскащикъ. — Къ вечеру того же дня поѣхалъ я въ острогъ жену выручать, ужь и бумагу изготовили. Могу сказать, и ногъ подъ собой не слышу отъ радости, — вотъ, думаю, сейчасъ свидимся, развеселье пойдетъ, анъ Господь не [illegible]лъ. «Больна-съ, — говорятъ, — въ больничномъ отдѣ-

леніи». — «Какъ, больна?» — спрашиваю, не вѣрю даже. — «Такъ и такъ, — говорятъ, — острое воспаленіе въ легкихъ». Господи Ты Боже мой! Такъ и помутилось у меня въ головѣ, свѣту не вижу, одначе спрашиваю: «Везти можно?» — «Везите, — говорятъ, — все-таки, лучше, молъ, чѣмъ здѣсь-то. На квартиру везите, али въ гостиницу». Хорошо-съ. Привели это ее подъ руки, еле-еле идетъ, а радуется, на меня глядитъ, улыбается, а губы-то бѣлыя стали, сухія, и на глазахъ слеза. Даже, можно сказать, огонь-съ во мнѣ пошелъ, какъ завидѣлъ, а потомъ ровно бы въ прорубь окунулся, — охолодѣлъ-съ и слова сказать не могу, только стою да гляжу на нее. Такъ за душу схватило, — вѣрите слову, — сдохнуть не могу. А она ничего-съ... Бѣжитъ это у ней слеза, улыбается, да и говоритъ, еле-еле слышно за хрипотой:

— Сказывала вамъ, супругъ мой, — говоритъ, — что неповинна.

Ну, тутъ я... тутъ я, можно сказать...

Но купецъ не договорилъ: все болѣе и болѣе дрожавшій голосъ его вдругъ оборвался. Изъ подымавшейся груди выходили только робкіе, хриплые, волнующіеся звуки, точно горло сжимала судорога. Лицо его поблѣднѣло, губы дрожали. Мы всѣ были, кажется, тоже не лучше. Наконецъ, онъ справился съ собою и снова поднялъ голову.

— Сколько докторовъ созвалъ, — первѣющихъ, можно сказать, во всемъ городѣ-съ, — а ничего подѣлать не могли, шабашъ! Видать, Богъ не судилъ. Что ни дѣлали, чего-чего ни придумывали, какія, можно сказать, мушки и лѣкарства, а все ничего-съ: хуже да хуже. Ужь такъ мучили, такъ мучили, можно сказать, а она все покоряется, — то въ забытьи-съ, то на меня глядитъ, да за руку держитъ, не отпускаетъ. Барыня и барышня пріѣзжали, плакали, прощенья просили-съ и она съ ими въ слезы тоже, такъ что доктора осерчали и пускать не велѣли, — покой, говорятъ, нуженъ. И что бы вы думали? Жалко ей, да и все-съ, пожалѣла ихъ. «Бѣдные они, — говоритъ, — Господь имъ прости, а жалко мнѣ ихъ, хоть и въ бѣду ввели». — «Что ты? — говорю. — Я бы на нихъ, такихъ-сякихъ, и жалобу подалъ бы уже, кабы не болѣзнь твоя, я бы, — говорю, да и договорить не дастъ, — все свое-съ: «Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчаетъ, — бѣдные они, прости ихъ, Павелъ Терентьичъ, жалко! — Ужь такое сердце отходчивое Господь ей далъ, зла ни на комъ не помнила-съ. И что еще придумала, послушайте... Лежитъ это она, то забудется, то въ себя придетъ и долго такъ на меня смотритъ,

точно подумываетъ что. «Что тебѣ, Машенька?» — спрошу. — «Ничего, ничего, миленькій!» — отвѣтитъ и снова закроетъ глаза. Только разъ, какъ я думалъ, что заснула-съ и прочь отошелъ, открываетъ это она глаза, смотритъ, долго смотритъ, да вдругъ и подзываетъ:

— Любите вы меня, Павелъ Терентьичъ? — спрашиваетъ черезъ силу, потому что оченно ужь хуже стало. — Любите?

— Больше свѣта бѣлаго, Машенька, — отвѣчаю. — И жизни рѣшиться готовъ.

Улыбается, гляжу, и сейчасъ руку беретъ.

— А сдѣлаете, — спрашиваетъ, — что попрошу?

— Все сдѣлаю-съ, — отвѣчаю, — только бы ты жива и здорова была... Что хочешь!

— Спасибо, — говоритъ, — миленькій... Въ жизни одинъ Господь воленъ, какъ Его воля будетъ... Сама хочу жить, потому люблю васъ, а только, какъ Господь... Такъ сдѣлаете? — спрашиваетъ.

— Сдѣлаю, говори.

— Подарите мнѣ пять тысячъ! — проситъ. — Подарите, миленькій!

— Подарю, — отвѣчаю, — только зачѣмъ-съ? — удивляюсь, потому никогда денегъ не просила. — Много денегъ, а подарю-съ... Вотъ крестъ святой!

— Ну, спасибо, миленькій! — отвѣчаетъ и руку цѣлуетъ. — Спасибо! Вамъ Господь зачтетъ! Отнесите-жь ихъ сейчасъ, — говоритъ, — господамъ Антроповымъ...

— Какъ? — говорю, и себѣ вѣрить не вѣрю. — Чтобы врагамъ, значитъ, нашимъ? Что ты, Машенька, Богъ съ тобой!

А та все свое, цѣлуетъ руку и молитъ:

— Несите, миленькій, несите... Жалко ихъ, простите, — говоритъ. — Душѣ моей легче будетъ, когда отнесете, въ облегченіе... Потому барыню съ барышней жалко очень, пойдутъ съ молотка онѣ, — и заплакала-съ.

Ну, и что-жь? — оборвалъ вдругъ купецъ, — отнесъ. Взялъ шапку, пошелъ въ банкъ, да и понесъ, для ради святой души ея понесъ, упокой ее Господи! Прямо барынѣ при старикѣ и Софьѣ Андріевнѣ въ руки отдалъ-съ. «Возьмите, молъ, отъ Машеньки на память въ презентъ!» — да и былъ таковъ. Кинулась это она ко мнѣ, за рукавъ схватила, всѣ такъ и заголосили разомъ, барыня говоритъ: «Въ ножки ей, — говоритъ, — святой душѣ, поклонюсь!» Ну, да я и слушать не сталъ, убѣгъ... А какъ вернулся домой, гляжу, на Машеньку мою ровно просіяніе нашло: и

дышетъ вольнѣй, и глядитъ лучше, словно бы полегчало сразу. Взяла мою руку, глядитъ, такъ глазъ и не спускаетъ, да все свое: «Миленькій вы,— говоритъ,— желанный мой! Добрая у васъ душа,— говоритъ,— и люблю я васъ!»

Ну, да не долго то облегченіе шло: на другой же день на прежнее скрутило. Сильно маялась, упокой ее Господи! Ужъ такъ мучилась... такъ, можно сказать... потому все въ забытьи, и слова не скажетъ-съ... Такъ и душу Господу отдала безъ слова единаго.

Купецъ перекрестился и долго молчалъ; молчали и мы. Какой-то слушатель съ ближайшей койки глубоко вздохнулъ, проговорилъ надтреснутымъ голосомъ: «Да, бываетъ-съ!»— и снова наступило молчаніе. Одинъ изъ насъ, однако, спохватился и спросилъ:

— А Антроповы что же? Встрѣчались еще?

— Долго не видалъ-съ,— отвѣтилъ купецъ,— и слѣдъ потерялъ-съ. Только вотъ въ прошломъ годѣ повстрѣчались... Однова заходитъ къ намъ барышня какая-то, гляжу— Софья Аркадьевна. «Такъ и такъ,— говоритъ,— пришла и деньги вамъ принесла». Очень я удивился.

— Какія деньги? — спрашиваю.

— А пять тысячъ, — говоритъ, — покойницы Машеньки. Отецъ давно умеръ, а мамаша при мнѣ-съ, какъ я давно уже сельская учительница. Продали мы все, что на нашу часть пришлось, чтобы съ долгами покончить; ну, и вамъ вотъ принесли... Спасибо вамъ, получите-съ!

Еще пуще удивился я.

— Не мои-съ это деньги, а покойницы, — отвѣчаю.

— И не мои,— говоритъ Софья Аркадьевна.— Куда хотите...— даже зарумянилась,— гордая она.

Такъ и порѣшили мы тутъ эти самыя деньги на школу отдать-съ,— пусть, молъ, дѣти учатся, авось хоть имъ-то легче нашего жить будетъ... А душа покойницы порадуется тоже.

— Да,— закончилъ онъ,— Софья Аркадьевна не въ папеньку-съ... Бываетъ-съ!

Григорій Мачт—

ГОЛУБОЙ ИБИСЪ.

Романъ Жана Экара.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ Парижѣ грязь и холодъ. Г. Денисъ Марканъ, директоръ департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, только что усѣлся въ купэ курьерскаго поѣзда между выздоравлинающею молодою женой, которой доктора предписали какъ можно скорѣе уѣхать на югъ, и своимъ сыномъ, маленькимъ Жоржемъ, семилѣтнимъ здоровымъ, но тоненькимъ и худенькимъ ребенкомъ. Поставивши ноги на теплую грѣлку и не обращая ни на что вниманія, Марканъ тотчасъ же открылъ объемистый портфель, вынулъ изъ него кипу дѣлъ, вооружился длиннымъ четырехграннымъ карандашомъ и принялся ставить на поляхъ листовъ маленькіе значки, то красные, то синіе.

Начальникъ станціи подошелъ къ дверцѣ купэ.

— Хорошо ли устроились, дорогой мой?

— Благодарю, превосходно.

— Сдѣлали заказъ въ вагонѣ-ресторанѣ?

— Да, конечно. Мы въ той очереди, что входитъ въ Ларошѣ.

— У васъ, сударыня, есть подушки?

— Съ нами свои... одна, двѣ, три...—отвѣтилъ красивый, немного слабый голосъ мадамъ Марканъ.

Она указала на щеголеватыя шелковыя подушки, собственноручно сшитыя ею и взятыя на дорогу.

- А мнѣ хоть бы ихъ и не было,—сказалъ Марканъ.

- Неужели вы совсѣмъ не спите до самой Марсели?

Директоръ департамента усмѣхнулся нѣсколько презрительною улыбкой атлета, способнаго носить сотню кило горизонтально вытянутою рукой, и приподнялъ солидный портфель, лежавшій на его колѣнахъ.

— У меня въ дорожномъ мѣшкѣ есть отличный вагонный фонарь,—сказалъ Марканъ,—это очень удобно.

— И очень весело, должно быть, дорогой мой... Вы на югъ-то ѣдете, чтобъ этимъ заниматься?

— Ну, я ради жены ѣду. Устрою ее тамъ и вернусь въ концѣ недѣли.

— Добрый путь, до свиданія.

— До свиданія.

Мадамъ Марканъ наклонила голову легкимъ и граціознымъ движеніемъ великосвѣтской женщины, какъ то рѣшилъ про себя начальникъ парижской станціи ліонской дороги,—человѣкъ, знавшій изъ всѣхъ французовъ наибольшее число свѣтскихъ дамъ... такъ какъ извѣстны онѣ ему со всего свѣта.

— Жоржъ, осторожнѣе!

Маленькій Жоржъ нетерпѣливо высовывался изъ окна, чтобы посмотрѣть, какъ «пойдетъ» поѣздъ.

— Сейчасъ тронется, мама!

Марканъ принялся опять за свои бумаги, совершенно механически, въ желтоватомъ, унылом полусумракѣ вагона, стоящаго подъ стеклянною крышей станціи. Самая атмосфера этого тѣснаго купэ, насыщенная угольною копотью, запахомъ врывающихся снаружи сырыхъ испареній, проникающихъ въ ковры и обивку скамеекъ, смѣсью всевозможныхъ ароматовъ, сохранившихся отъ пассажировъ вчерашняго и третьяго дня,—совсѣмъ особливая, спеціальная и довольно противная атмосфера непріятно туманила головы. Здѣсь уже ясно сказывалась парижская промышленная окраина съ ея закоптѣлыми, неряшливо содержимыми фабриками, съ почернѣвшими и все загрязняющими заводами. И въ душѣ каждаго пассажира все сильнѣе становилось желаніе скорѣе двинуться въ путь, быстрымъ бѣгомъ поѣзда освѣжить воздухъ черезъ открытыя окна, скорѣе удалиться отъ *теперешняго* и мчаться туда, куда влекутъ желанія, надежды и горе, нестись къ неизвѣстному, каково бы оно ни было, лишь бы то было въ иномъ мѣстѣ.

Марканъ ничего не видалъ, кромѣ своихъ дѣловыхъ бумагъ, и быстрымъ движеніемъ пестрилъ красными и синими помѣтами большіе листы съ напечатанными на нихъ заголовками: *Префектура Вара. Предметъ: Превращеніе въ самостоятельную общину отдѣла Праде общины Ла-Гардъ.— Община Z: О правильномъ примѣненіи въ общинѣ Z вполнѣ основательнаго постановленія относительно собакъ... Жалоба группы плательщиковъ налога...*

Мадамъ Марканъ выдвинулась изъ своего уголка и тревожною рукой держала маленькаго Жоржа за поясъ. Мальчикъ былъ одѣтъ въ черный бархатный костюмъ, въ курточку съ большимъ откладнымъ воротникомъ и въ короткія панталоны, все скроенное и сшитое его матерью и необыкновенно изящное, благодаря стройности и врожденной граціозности ребенка.

Онъ былъ похожъ на мать.

Жоржъ захлопалъ руками и запрыгалъ на мѣстѣ:

— Мама, поѣхали, поѣхали!

Онъ рѣдко говорилъ «папа». Суета мальчика потревожила Маркана въ его почтенномъ занятіи. Онъ, машинально, заворчалъ. Задѣтый Жоржемъ длинный карандашъ прочертилъ на бумагѣ совсѣмъ не бюрократическій зигзагъ.

— Осторожнѣе, Жоржъ, ты мѣшаешь!—и, обращаясь къ женѣ, Марканъ добавилъ: — Надѣюсь, онъ не будетъ надоѣдать мнѣ во всю дорогу... Мнѣ работать надо... займись ты имъ!

Ребенокъ посмотрѣлъ на отца взглядомъ доброй собаки, которую гонятъ прочь, а она какъ будто пытается опредѣлить непроходимое разстояніе, отдѣляющее ее отъ того, что ей дорого. Марканъ безгранично любилъ сына такъ же, какъ обожалъ жену, и глубоко былъ убѣжденъ въ томъ, что, работая для нихъ съ утра до вечера, а иногда—съ вечера до утра, держа въ исправности свои канцелярскія дѣла, онъ исполняетъ по совѣсти все, что отъ него требуется.

Впечатлительная натура ребенка не безъ страданія мирилась съ такою дѣловою точкой зрѣнія. Онъ испытывалъ болѣе, чѣмъ горе,—настоящее отчаяніе отъ того, что отецъ недостаточно часто ласкалъ его и нерѣдко удалялъ отъ себя по соображеніямъ, не доступнымъ его дѣтскому пониманію и, быть можетъ, не подходящимъ къ его характеру. Первое недоразумѣніе между отцомъ и маленькимъ Жоржемъ возникло уже два года назадъ.

Директоръ департамента завтракалъ обыкновенно одинъ у себя въ кабинетѣ въ десять часовъ утра и тотчасъ же мчался въ свое министерство. Жена и сынъ завтракали два часа спустя. Таковъ былъ разъ навсегда установленный порядокъ, и ничто въ мірѣ не могло заставить аккуратнаго чиновника нарушить положеніе. Къ самымъ простымъ вопросамъ повседневной домашней жизни онъ относился такъ же дѣловито, какъ къ «государственнымъ» вопросамъ, и его синій или красный карандашъ, одобреніе или неодобреніе налагали на все нравственно нестираемую резолюцію. Такой дѣловой точности, строгой методичности, своей несокрушимой энергіи научился Марканъ, сынъ и наслѣдникъ зажиточнаго книгопродав-

ца въ Маконѣ, былъ обязанъ своимъ быстрымъ повышеніемъ по службѣ. Никакой протекціи никогда у него не было, кромѣ симпатій, пріобрѣтенныхъ честнымъ трудомъ. Въ обсужденіе всякаго дѣла и въ его разрѣшеніе онъ вносилъ своеобразную торжественность «государственнаго человѣка». Вообще, онъ былъ тяжеленекъ, лишенъ мягкости и нѣжности, какъ умственно, такъ и физически, за то внушалъ полное уваженіе всѣмъ окружающимъ.

И такъ, два года назадъ Марканъ завтракалъ въ десять часовъ утра съ жесточайшимъ аппетитомъ, проработавши передъ тѣмъ всю ночь.

— Если угодно,—сказала служанка, видя, какъ свирѣпо онъ принимается за вторую котлету,—если угодно, я подамъ еще.

— Благодарю, ждать пришлось бы...

Наливая вина въ стаканъ, онъ замѣтилъ, что его Жоржъ, самъ-то не выше стола, смотритъ ему въ глаза съ видомъ выжидающей комнатной собачки-лакомки. Марканъ взялся опять за вилку, а ребенокъ, склонивши головку на бокъ, внимательнымъ взглядомъ слѣдилъ за каждымъ кускомъ, отправляемымъ съ тарелки въ ротъ голоднаго хозяина. Жоржъ очень любилъ «поджаренныя корочки» котлетъ. Его мама, какъ бы ни торопилась она, какъ бы ни была голодна, непремѣнно удѣлила бы ему кусочекъ величиною хоть съ горошину, и Жоржъ былъ бы счастливѣйшимъ изъ маленькихъ лакомокъ. Проголодавшійся директоръ департамента, занятый и спѣшащій, поздно обратилъ вниманіе на выраженіе лица ребенка, на движеніе его глазъ, слѣдящихъ за исчезающими кусками.

— Видишь ли, мальченочка,—проговорилъ отецъ своимъ рѣзкимъ голосомъ,—мнѣ надо хорошенько поѣсть потому, что мнѣ необходимо работать, а работать мнѣ необходимо для того, чтобы были сыты ты и твоя мама. Она дастъ тебѣ завтракать въ свое время. А теперь мнѣ нужна вся моя котлетка цѣликомъ.

И послѣдній кусокъ, на который заглядывался ребенокъ, былъ проглоченъ честнымъ труженикомъ. Отъ него ждали нѣжности,—онъ далъ урокъ. И достойный Марканъ остался даже очень доволенъ тѣмъ, что столь прекрасно началъ воспитаніе своего сына: «Начинать слѣдуетъ съ самаго ранняго возраста, чтобы изъ нихъ вышло что-нибудь путное».

Увы, маленькое сердечко бѣднаго мальца отъ такой разумной рѣчи горько, горько забилось... потомъ захлопали его вѣки. Когда же тяжеловѣсныя ноги отца и полы его неизмѣннаго, слишкомъ длиннаго сюртука исчезли за дверью, Жоржъ бросился въ ком-ту

своей мамы, чтобы скрыть залитое слезами лицо въ складкахъ ея милаго платья.

— Что съ тобой, мой мальчикъ?

Почему же ребенокъ не хотѣлъ отвѣтить? Вечеромъ, на вопросъ жены, отецъ объяснилъ, въ чемъ было дѣло.

— Ты правъ былъ, конечно,—сказала мать,—но какъ же ты хочешь, чтобы понялъ ребенокъ? Въ такихъ случаяхъ лучше было бы исполнить его желаніе,—это такъ легко. Ты знаешь, онъ впечатлителенъ, какъ дѣвочка. Теперь я понимаю, почему онъ не хотѣлъ ѣсть котлеты за завтракомъ. Онъ все еще не могъ утѣшиться послѣ той исторіи, не могъ кушать... куски становились поперекъ горла.

— Ну, тоже хороша и такая впечатлительность! — ворчалъ добродушный Марканъ.

А въ то время, когда говорилось: «Какъ же ты хочешь, чтобы понялъ ребенокъ?»—мальчикъ отлично понималъ сущность дѣла. Забывшись, онъ не снималъ локтя со стола, держалъ вилку у рта, не шевелился, весь обратился въ слухъ и разбирался маленькимъ умишкомъ въ своей жизни, а смыслъ ея, горькій и сладкій, пробирался въ его сердечко. «Мама за меня вступается. Она меня больше любитъ. А папа самъ не понимаетъ... Я же очень хорошо понимаю».

— Говядину кушай, по крайней мѣрѣ, за обѣдомъ!

Мальчикъ соскочилъ со стула и подбѣжалъ къ своей мамѣ. Она осыпала его страстными поцѣлуями.

— А меня не поцѣлуешь? — проговорилъ Марканъ, смѣясь. Онъ не разобралъ, какая страшная драма только что разыгралась въ душѣ ребенка, оставила въ ней слѣдъ на всю жизнь, что-то въ ней измѣнила, исковеркала,—тоже на всю жизнь, быть можетъ.

Жоржъ подошелъ къ отцу и далъ себя обнять. И между отцомъ и этимъ семилѣтнимъ сыномъ въ теченіе уже двухъ лѣтъ лежала та драма, забытая мужчиной и занимающая все еще очень большое мѣсто въ сердцѣ ребенка.

II.

Мадамъ Марканъ притягивала къ себѣ Жоржа, чтобъ удалить его отъ драгоцѣнныхъ бумагъ директора департамента въ то время, какъ поѣздъ, мѣрно погромыхивая на стрѣлкахъ, выходилъ изъ станціонныхъ построекъ.

Молодая женщина вздохнула. Она посадила ребенка къ себѣ на колѣни, и оба, мать и сынъ, стали смотрѣть на унылое небо Пари-

жа, грязнаго отъ таящаго въ воздухѣ снѣга. О чемъ вздыхала мадамъ Марканъ? Романтичной она никогда не была. Женщина простая, добрая, честная, нѣжная, она,—что встрѣчается весьма рѣдко,— отъ природы надѣлена была умомъ прямымъ, спокойно и ясно смотрѣла на жизнь, точно умѣла опредѣлить то, что она въ состояніи дать своей семьѣ и что отъ нея вправѣ требовать.

Какого мнѣнія была она о своемъ мужѣ? Да совершенно такого же, какого былъ, въ сущности, о себѣ и самъ этотъ достойный чиновникъ. Она высоко цѣнила его терпѣніе, его регулярную и полезную дѣятельность, его аккуратность и неослабную энергію, всѣ его семейныя и общественныя добродѣтели. Она отлично видѣла, что у него коротка шея, коротки ноги и коротки пальцы, и это ничуть не мѣшало ей любить мужа. Она привязалась къ нему за его несомнѣнныя достоинства и, разъ побѣжденная ими, перестала обращать вниманіе на его недостатки. Она сознавала, конечно, что и умъ его,—весьма выдающійся, впрочемъ,—былъ нѣсколько коротенекъ, какъ его шея и пальцы, или, вѣрнѣе, не коротокъ, а приземистъ, лишенъ изящества, какъ и вся его особа. На самомъ дѣлѣ его обширный умъ могъ захватывать большія пространства на твердой почвѣ и былъ менѣе способенъ возноситься въ свободныя высоты. Но жена знала, что ея мужъ добръ по-настоящему, по-солидному, и что, въ особенности, всѣ намѣренія его неизмѣнно добрыя, что онъ силою своего нравственнаго чувства способенъ подняться до величайшаго самоотверженія. Однимъ словомъ, считая его во многихъ отношеніяхъ выдающимся человѣкомъ, она разъ навсегда примирилась съ тѣмъ, что не таковъ онъ во всемъ остальномъ.

Оставшись сиротой послѣ офицера моряка, умершаго въ колоніяхъ, она маленькою дѣвочкой жила при матери на ея родинѣ, въ Маконѣ. Вдова существовала съ дочерью на небольшую пенсію, съ трудомъ выхлопотанную, такъ какъ мужъ умеръ, не дослуживши нѣсколькихъ мѣсяцевъ до установленнаго закономъ срока.

По мѣрѣ того, какъ ускорялся ходъ поѣзда и въ сыромъ туманѣ исчезали очертанія Парижа, кроткой мадамъ Марканъ все болѣе и болѣе казалось, будто она уносится въ тѣ края, гдѣ протекло ея дѣтство, возвращается къ воспоминаніямъ о былыхъ временах[illegible].

Марканъ все еще чертилъ карандашомъ свои значки. Маленькій Жоржъ, не отрывая глазъ отъ окна, привалился къ груди [illegible]атери... А передъ нею проносилась пологимъ скатомъ улица Мак[illegible], ведущая къ рѣкѣ, въ ушахъ отдавался своеобразный зимній шу[illegible] провинціальнаго города, почти не знающаго ѣзды въ экипажах[illegible]—

неумолкаемый топотъ деревянныхъ калошъ по звонкимъ камнямъ мостовой. Возбужденная отъѣздомъ, молодая женщина какъ бы забылась, чтобы живѣе припомнить. Вотъ образъ ея матери: сѣдые волосы гладкими, спокойными волнами лежатъ на ея лбу. Милая женщина сидитъ за работой, за какою-нибудь вышивкой, что даетъ нѣкоторый прибавокъ къ ихъ скромнымъ средствамъ. Тѣмъ не менѣе, изъ уваженія къ идеямъ мужа-моряка, немного презиравшаго всякаго торговца-лавочника, она отказалась отъ покупки наиболѣе посѣщаемаго въ городѣ магазина письменныхъ принадлежностей, пріобрѣсти который ей совѣтовалъ книгопродавецъ Маркань. Мадамъ Лефренъ мечтаетъ выдать дочь Элизу замужъ, не за моряка, который обязанъ черезъ каждые два года покидать жену на такой же срокъ, и не за армейскаго офицера,—избави Богъ отъ такого ужаса,—а за врача или за адвоката... который можетъ современемъ сдѣлаться министромъ.

Маленькая Элиза подростаетъ, кроткая, хорошо воспитанная матерью, обучающею дочь всему, что сама знаетъ, то-есть довольно многому, и, между прочимъ, англійскому языку и умѣнью готовить кушанья. Маленькой Элизѣ шестнадцать лѣтъ. Сыну книгопродавца двадцать. Онъ проходитъ курсъ юридическихъ наукъ въ Парижѣ, блистательно сдавши лицейскіе экзамены въ Маконѣ. Весь городъ говорилъ объ его успѣхахъ. Изъ молодого человѣка выйдетъ замѣчательй адвокатъ. Повидимому, юноша Денисъ Маркань ведетъ себя прекрасно въ Парижѣ, — таковы общіе отзывы о немъ. Элиза и Денисъ знали другъ друга дѣтьми. Иногда по воскресеньямъ, весною и лѣтомъ, они вмѣстѣ гуляли по берегамъ Соны. Въ первый свой пріѣздъ изъ Парижа Денисъ предложилъ отправиться цѣлою компаніей въ Монсо, помѣстье Ламартина.

— Какъ это странно,—говорилъ онъ дорогой,—никто изъ нашего общества никогда не бывалъ въ Монсо... Ни даже вы?

Вопросъ былъ обращенъ къ мадамъ Лефренъ, поклонницѣ литературы. Но она держалась одного правила: «Писатели, самые краснорѣчивые въ мірѣ, то же, что священники, которыхъ слѣдуетъ видать только во время богослуженія и исповѣди. Писателей,—продолжала [illegible]а,—надо видѣть лишь въ ихъ книгахъ. А помимо своихъ произв[illegible]еній они обыкновенные люди, иногда болѣе плохіе, чѣмъ другіе». Она не пускалась въ дальнѣйшія объясненія, и всѣ соглашались [illegible] съ нею. Ханжей она не была и любила Ламартина, какъ въ тѣ [illegible]ремена, когда еще всѣ его любили.

[illegible]ѣхавши въ Монсо, они пожелали осмотрѣть замокъ.

— Ничего тутъ нѣтъ необыкновеннаго, — твердили всѣ наперерывъ.

Въ гостиной, однако, гдѣ все оставалось въ прежнемъ видѣ,— старинныя кресла съ выцвѣтшею обивкой, старинный столъ, обои на стѣнахъ,—на всемъ лежала печать гордаго благородства и простоты, чуждой какой-либо вычурности.

Въ тѣни вѣковыхъ деревьевъ парка Денисъ сталъ читать вслухъ стихи изъ второго тома *Meditations*, который онъ захватилъ съ собой. Голосъ у Дениса былъ красивый. Въ Парижѣ, заходя въ кофейную, что случалось рѣдко, Денесъ Марканъ встрѣчался иногда съ поэтами, изъ молодыхъ, презрительно относившихся къ Ламартину и читавшихъ другъ другу цѣлыми вечерами свои собственныя произведенія. Денисъ невольно подражалъ ихъ интонаціи, и для неслыхавшихъ лучшаго чтенія онъ «декламировалъ» хорошо. Ему было двадцать лѣтъ, а въ эти юные годы и неловкости милы; онъ еще не успѣлъ выработать свою, немного рѣзкую, теорію обязанностей. Взглядъ его прекрасныхъ глазъ сверкалъ умомъ, весна своимъ блескомъ усиливала его юношескую привлекательность... Маленькая Элиза смотрѣла на него... Онъ очень удачно выбралъ первое стихотвореніе въ книгѣ потому, что послѣдній стихъ начинается именемъ дѣвушки. Денисъ разсчитывалъ на «эффектъ».

«... Sous ce ciel où la vie, où le bonheur abonde,
Sur ces rives que l'oeil se plait à parcourir,
Nous avons respiré ces air d'un autre monde,
Élise!...»

И дѣвушкѣ казалось, будто онъ къ ней обращается, ей говоритъ это, такъ какъ ее называетъ по имени. И на чтеца она переносила все очарованіе, возбуждаемое словами поэта. Денисъ Марканъ говорилъ о любви. Онъ и вдохновленъ ею! Нѣтъ, мало этого: онъ самъ любовь! Ничего подобнаго Элиза никогда не слыхала...

«Élise!... et cependant on dit qu'il faut mourir!» *).

Она даже не слыхала конца стиха. При имени «Элиза», на которомъ чтецъ искусно пріостановился, ея юное самолюбіе сладко заликовало. Ей показалось, будто у нея въ груди, въ самой глубинѣ ея сердечка, что-то трепещетъ, какъ пойманная и зажатая въ

*) „Подъ этимъ небомъ, гдѣ жизнь кипитъ и счастье бьетъ ключомъ, на [illegible]ихъ берегахъ, плѣнительныхъ для глазъ, гдѣ мы вдыхали иныхъ міровъ воздушную [illegible]олну, Элиза!... А насъ хотятъ увѣрить, будто надо умирать!"

рукѣ птичка, пытающаяся раскрыть крылья, силящаяся унестись въ пространство, исчезнуть въ небѣ. И тихо, про себя, молодая дѣвушка въ отвѣтъ на имя Элиза произнесла имя Денисъ. Этотъ день навсегда остался единственнымъ въ ея жизни. Первая вспышка чувства, сладкія волненія, поэтическое очарованіе,— все было пережито ею въ этотъ день.

На обратномъ пути, вечеромъ, въ начинающемся сумракѣ, Денисъ повторилъ нѣсколько разъ обворожительный стихъ: «Элиза!... А насъ хотятъ увѣрить, будто надо умирать!»

Она сохранила въ подаренной имъ книгѣ Ламартина вѣточку сирени, сорванную имъ для нея въ этотъ день.

— Для меня ясно, что я люблю васъ... А вы меня любите?— и потому, какъ она промолчала, онъ понялъ, что отвѣтъ полученъ утвердительный.

Такъ они стали женихомъ и невѣстой. Когда добрый юноша сообщилъ объ этому своему отцу книгопродавцу, который двадцать пять лѣтъ тому назадъ пришелъ въ Маконъ разнощикомъ съ коробьей за плечами, старый Марканъ поморщился. Онъ считалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ капиталистомъ, у дѣвочки не было ни сантима. Тѣмъ не менѣе, онъ не отказалъ сыну въ своемъ согласіи.

— Видишь ли, манецъ,—сказалъ онъ,—ты подождешь семь лѣтъ, а потомъ, если не перемѣнишь теперешняго намѣренія, тогда идетъ, честное слово Маркана.

Почему непремѣнно *семь лѣтъ*? Таковъ условный срокъ любви библейской и любви въ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ. Разнощикъ, продававшій *Библіи* и *Сказки Перо*, сказалъ «семь лѣтъ» случайно,—такъ на умъ взбрело. А у сына свое на умѣ было. Молодой человѣкъ сдалъ университетскіе экзамены и, окончивши курсъ, вторично обратился къ отцу съ просьбой дозволить ему жениться на любимой дѣвушкѣ.

— Тра-та-та!—воскликнулъ старикъ.—Прошло всего три года. Я назначилъ семь лѣтъ... и ни мѣсяца меньше.

«А въ четыре года,—раздумывалъ онъ про себя,—либо шахъ, либо оселъ, либо я, а кто-нибудь да помретъ».

Надо сперва,—прибавилъ онъ вслухъ,—получить степень до[к]а.

[Че]резъ два года Денисъ Марканъ осуществилъ желаніе отца.

А теперь?—спросилъ онъ старика.

[Мар]канъ-отецъ отвѣтилъ лаконически:

[Тр]и да два—вышло пять.

[Ден]исъ поступилъ на службу и принялся за дѣло такъ серьез-

но, что былъ замѣченъ среди множества чиновниковъ, которыхъ трудъ тяготитъ и даже доводитъ до отчаянія. Одинъ изъ очень крупныхъ начальниковъ, восхищенный способностями и усердіемъ молодого человѣка, сильно двинулъ его впередъ, поручилъ разобрать крайне запутанныя дѣла, обѣщалъ поддержать его всею силой своего вліянія и сдержалъ слово.

Тѣмъ временемъ старикъ Марканъ, убѣдившись, наконецъ, въ томъ, что Денисъ не отступится отъ своего намѣренія, «присматривался къ дѣвочкѣ». А «дѣвочка», подъ руководствомъ матери, оказалась образцовою хозяйкой. Денису минуло двадцать семь лѣтъ, онъ былъ уже вполнѣ самостоятельнымъ человѣкомъ. Элизѣ сравнялось двадцать два года, а она оставалась настоящею «дѣвочкой».

— Ты все еще не раздумалъ на счетъ того?—спросилъ Марканъ сына.—Знаешь, мадамъ Лефренъ очень больна.

— Стало быть, надо поспѣшить, отецъ.

— А ты сообразилъ, что съ ея смертью конецъ и пенсіи?

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте кончать дѣло сейчасъ же, папа.

Старый книгопродавецъ, находившій, что много было бы лучше, если бы Элиза имѣла пятьдесятъ тысячъ годового дохода, громко разсмѣялся и сказалъ:

— Надо отдать тебѣ справедливость, малый ты славный, но упрямъ здòрово! Давай-ка я тебя обниму... а къ нимъ иди одинъ. Когда все будетъ покончено, тогда,—знаешь,—мнѣ уже не придется ни о чемъ разговаривать. Самому мнѣ устраивать это не хочется. Не понимаешь, почему? Я объясню тебѣ. Какъ коммерсанту, мнѣ это не нравится: дрянь дѣло. Какъ отецъ, я—хе-хе-хе!—скажу, пожалуй, что дѣло хорошее... Ты огорчаешь меня и радуешь... Ступай одинъ, вертопрахъ!... На твоемъ мѣстѣ я бы давно убѣжалъ, не сталъ бы слушать такъ долго стараго дурака отца!

Сто разъ Денисъ разсказывалъ про это Элизѣ и повторялъ:

— А какъ онъ добръ-то, а?... Правда, очень добръ?

Въ результатѣ оказалось, что Денисъ женился на дѣвушкѣ безъ приданаго, имѣя отъ шести до семи тысячъ ливровъ дохода, что̀ долженъ былъ онъ получить отъ отца, и сумму эту онъ могъ по-слѣдствіи утроить своимъ трудомъ. Денисъ Марканъ лишился отца спустя нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, и молодые съ тѣхъ поръ навсегда покинули Маконъ. Мать Элизы умерла двумя годами позднѣе въ Парижѣ, счастливая тѣмъ, что видѣла маленькаго Жоржа.

Вотъ и вся исторія Элизы. Каштановые волосы, въ ко[illegible]ые

замѣшивалось нѣсколько болѣе свѣтлыхъ прядей, были слишкомъ тяжелы для ея маленькой головки, граціозно склонявшейся подъ ея массивною прической. Тонкая и хорошо сложенная, не худая и не полная, Элиза была хороша собой. Врожденное изящество придавало ей немного гордый видъ. Казалось, что совсѣмъ она не пара своему мужу. Одно ихъ сближало: оба они были добрые. Кромѣ того, она была необыкновенно деликатна. Мужъ не подозрѣвалъ этого,—быть можетъ, слишкомъ онъ былъ занятъ службой.

III.

— Ларошъ! поѣздъ стоитъ пять минутъ!

— А!—воскликнулъ Марканъ,—Ларошъ! Это недурно, я заработалъ право на отдыхъ, настрочилъ, по крайней мѣрѣ, десять черновиковъ писемъ, и позавтракаю съ удовольствіемъ.

Марканъ застегнулъ свой портфель, бросилъ его въ сѣтку, выпрыгнулъ изъ вагона и протянулъ свои объятія, въ которыя бросился Жоржъ, принимая это движеніе за жестъ примиренія. Отецъ забылъ свое: «Жоржъ, ты мнѣ надоѣдаешь»,—а у мальчика сердце было памятливое. Опуская сына на землю, Марканъ поцѣловалъ его, и Жоржъ почувствовалъ себя счастливымъ.

Марканъ помогъ женѣ выйти изъ вагона, закутаться въ шубу, приказалъ кондуктору запереть купэ, и они направились въ вагонъ-ресторанъ.

— Эдакая мерзкая погода! Собачья погода!—ворчали люди на платформѣ, постукивая ногами по грязному асфальту.

— Да, надо признаться, погода отвратительная,—проговорилъ Марканъ.—Ба! Эдуардъ!

Онъ жалъ руку одному депутату.

— Товарищъ по юридической школѣ,—сказалъ онъ женѣ, когда они усѣлись въ вагонѣ-ресторанѣ.

— Ты насъ уже познакомилъ,—сказала она.

— Гдѣ же это?

— На балу въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ,—отвѣтилъ депутатъ.

И мужчины тотчасъ же заговорили о дѣлахъ, не обращая никакого вниманія на молодую женщину и на ребенка, которые опять обратили глаза на монотонный и унылый пейзажъ. Однообразный шумъ колесъ, мѣшаясь съ поскрипываніемъ буферовъ, казался музыкой, совершенно подходящей къ тону такой картины.

— А край, все-таки, чудесный!—проговорилъ Марканъ, указывая на массы виноградниковъ, ползущихъ вверхъ по холму.

— Есть и получше,—сказалъ депутатъ.—Вы ѣдете на югъ, сударыня?... Въ первый разъ?

— Въ первый.

— Будете поражены... Жаль, что вы не поѣхали съ вечернимъ скорымъ поѣздомъ. Вы увидали бы волшебную картину морского берега въ девять или въ десять часовъ утра, увидали бы Марсель при солнечномъ свѣтѣ... если только проглянетъ солнце.

— Завтра увидимъ.

— Пройдите взглянуть на Карнизъ... въ концѣ Прадо.

— Разумѣется, если мы ночуемъ въ Марсели, но возможно, если жена не очень утомится, что мы проѣдемъ этою же ночью прямо до Сенъ-Рафаэля.

Былъ поданъ кофе. Марканъ имѣлъ обыкновеніе выкурить послѣ завтрака сигару, «честно заработанную».

— Пройдемте въ курилку, моя жена подождетъ насъ здѣсь. Она никогда не скучаетъ, если Жоржъ съ нею.

И это было вѣрно.

— Я не спросилъ, что съ твоею женой и почему ты везешь ее на югъ. Ничего серьезнаго? Ея нездоровье—не болѣе какъ предлогъ, надѣюсь?

Марканъ объяснилъ, въ чемъ дѣло. Она сильно простудилась, и не занялась своею болѣзнью. Теперь врачъ опасается за верхнія доли легкаго. Ей не сказали даже про это, чтобы не пугать ее. Путешествіе нужно для предупрежденія болѣе важныхъ осложненій, и онъ, Марканъ, не задумался предпринять его. Ихъ средства не допускаютъ излишнихъ тратъ, и супруги никогда не путешествовали для собственнаго удовольствія, они отказали даже себѣ въ поѣздкѣ въ Дьепъ или Трувиль. Съ самой свадьбы ни мужъ, ни жена ни выѣзжали изъ Парижа, они не видали и Фонтенебло. «Природу» они знаютъ лишь въ Булонскомъ лѣсу, а Версаль крайняя грань ихъ праздничныхъ экскурсій. Да и на самомъ дѣлѣ, виды Медона и Сенъ-Клу достаточно великолѣпны для того, чтобы ими могъ удовольствоваться такой «сидѣнь», какъ называлъ себя Марканъ въ шутку. Все-таки, онъ очень доволенъ за жену и за себя, такъ какъ имъ придется насладиться югомъ, про который такъ много разсказываютъ на родинѣ «великаго Тартарена».

Марканъ могъ бы добавить, если бы считалъ умѣстнымъ ускаться въ откровенности, что братъ его отца, разбогатѣвшій тъ торговли шелкомъ, бездѣтный вдовецъ, съ нѣкоторыхъ поръ ст лъ выказывать ему особенное расположеніе. Польщенный тѣмъ, то племянникъ занимаетъ видное мѣсто на государственной слу ѣ,

старикъ восчувствовалъ необыкновенную нѣжность къ маленькому Жоржу и по три раза на день обѣщалъ сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. А пока, въ доказательство своей полной искренности, почтенный коммерсантъ, повидавшись съ врачомъ Элизы, уговорилъ ихъ ѣхать на югъ, подкрѣпляя свои доводы шестью тысяче-франковыми банковыми билетами на расходы.

— Здоровье дороже всего,—говорилъ дядя.—Увози жену, да и мальченкѣ будетъ полезно. Я навѣщу васъ какъ-нибудь утромъ... На шесть тысячъ франковъ вы тамъ безъ нужды проживете шесть мѣсяцевъ. У меня нѣтъ семьи, и я дорожу вами. Бываютъ дяди скупые... у всякаго своя слабость. А я дядя-лакомка, вы будете кормить меня вкусными блюдами, Элиза. Ваши пуддинги великолѣпны.

Про дядю Марканъ не обмолвился ни словомъ, за то о здоровьѣ жены говорилъ, не переставая. Депутатъ, облокотившись на полированный дубовый столъ курилки, едва слушалъ собесѣдника. Онъ случайно встрѣтилъ школьнаго товарища, постояннаго знакомства съ нимъ не поддерживалъ и лишь изъ вѣжливости спросилъ про здоровье мадамъ Марканъ. Ѣхалъ онъ до Ліона и поторопился заговорить совсѣмъ о другомъ предметѣ. Ему нужно было обратиться съ просьбой въ министерство, гдѣ Марканъ могъ оказать ему большее содѣйствіе, чѣмъ самъ министръ... А такъ какъ настало время уходить изъ вагона-ресторана, депутатъ попросилъ позволенія войти на нѣсколько минутъ въ купэ Маркана. Придется сидѣть вчетверомъ, но ребенку не много мѣста требуется. Съ мадамъ Марканъ онъ былъ необыкновенно любезенъ и предупредителенъ во время перехода изъ вагона въ вагонъ. Марканъ шелъ позади и велъ за руку сына.

Въ купэ четверымъ было тѣсно. Но мадамъ Марканъ не выказывала ни раздраженія, ни даже недовольства; она прижала къ себѣ Жоржа, охватила его полой своей шубы и снова отдалась спокойной задумчивости, глядя на еще болѣе печальные пейзажи. Мужчины совсѣмъ забыли о ней. Депутатъ принялся удручать директора департамента подробнымъ изложеніемъ дѣла какой-то сельской общины, раздѣленной на двѣ части. Одна изъ нихъ желала выдѣлиться въ самостоятельную общину, другая противилась этому.

— Вопросы этого рода не всегда легко разрѣшаются,—говорилъ Марканъ.—Непремѣнное условіе состоитъ въ томъ, чтобы выдѣляющаяся часть имѣла возможность представить бюджетъ, достаточный для самостоятельнаго существованія. Государственный

совѣтъ лишь въ томъ случаѣ войдетъ въ разсмотрѣніе подобнаго домогательства, когда выполнено это условіе. Сдѣлано это?

— Выдѣляющаяся часть полагаетъ, что ея бюджетъ достаточенъ.

— А противная сторона оспариваетъ это?

— Да, и все дѣло въ способѣ раздѣла, такъ какъ всѣ земельныя угодья общины находятся на территоріи выдѣляющейся части.

— Такъ! Это точно такой же случай, какъ дѣло, только что просмотрѣнное мною, — отвѣтилъ Марканъ. — Община Лагардъ, близъ Тулона, состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Уже болѣе двадцати пяти лѣтъ отдѣлъ Праде хлопочетъ о томъ, чтобы выдѣлиться въ самостоятельную общину. Это и сдѣлается, конечно, при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ я говорилъ. Повторяю, дѣла этого рода никогда не обходятся безъ затрудненій. Одинъ очень богатый марсельскій арматоръ, г. Дофенъ, пріобрѣлъ въ общинѣ Лагардъ, въ отдѣлѣ Праде, участокъ земли, расположенный на берегу моря, и вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, заинтересованный этимъ дѣломъ, онъ удручаетъ меня своими прошеніями, докладными записками, объясненіями. Совершенно такое же дѣло, какъ ваше. Отдѣлъ Праде предлагаетъ выкупъ. А ваши сепаратисты?

— Предлагаютъ тоже выкупъ.

— А противники не согласятся, если выгоды, доставляемыя общиннымъ земельнымъ участкомъ, не могутъ, по ихъ мнѣнію, быть возмѣщены единовременнымъ взносомъ какой-либо опредѣленной суммы,—таково, напримѣръ, право пользованія сухостойнымъ лѣсомъ.

— Такъ это и есть, противники раздѣла отказываются отъ выкупа,—подтвердилъ депутатъ.

— Вотъ видите! Точь-въ-точь, какъ въ разсмотрѣнномъ мною дѣлѣ, — сказалъ Марканъ. — Я даю по немъ заключеніе, въ которомъ настаиваю на вполнѣ равномѣрномъ распредѣленіи недвижимой собственности общины, опять-таки, при непремѣнномъ условіи достаточности бюджета.

Мадамъ Марканъ долго еще слышала нескончаемыя подробности, относящіяся къ раздѣлу общины. Таковы были разговоры Лениса изо-дня въ день, и Элиза видѣла жизнь только сквозь пы[illegible], поднимаемую ворохами канцелярскихъ бумагъ. Молодая женщ[illegible]на нѣжно взглянула на своего маленькаго Жоржа, съ закрытыми г[illegible]азами пригрѣвшагося подъ ея шубой, и въ свою очередь м[illegible]но уснула.

IV.

„Элизъ!... А насъ хотятъ увѣрить, будто надо умирать!“

Таинственная птичка, трепетавшая въ ея сердцѣ и пытавшаяся расправить свои крылышки, когда Элизѣ было шестнадцать лѣтъ, давно сложила ихъ и никогда уже не раскрывала. Дѣвушка мечтала выйти замужъ за юношу, вызвавшаго въ ней это первое волненіе,—въ дѣйствительности же она оказалась женой совершенно другого человѣка. Двадцатисемилѣтній Денисъ не былъ уже тѣмъ Денисомъ, который декламировалъ ей стихи. Онъ, правда, оставался такимъ же безукоризненнымъ, какъ тогда. Въ смыслѣ общественномъ и нравственномъ, онъ стоялъ теперь, конечно, много выше, но съ точки зрѣнія физической любви онъ утратилъ ту ничѣмъ неопредѣлимую привлекательность, которою природа надѣляетъ душевно-молодыя существа въ различные періоды жизни и которую отнимаетъ у нихъ, когда ей вздумается. Элиза любила юношу, не пережившаго еще восьми или девяти лѣтъ упорнаго труда. Замужъ она вышла за молодого человѣка, котораго министерская канцелярія сгорбила и состарила, уму-разуму научила, быть можетъ, только нѣсколько черезъ край и прежде времени. И этого она не замѣтила!

— Она, славу Богу, настоящая провинціалка,—разсуждалъ Марканъ, который потому-то именно и женился на ней, твердо рѣшивши, что подъ его вліяніемъ она и навсегда останется такою.—Жену я беру,—говорилъ онъ,—только для себя.

Живя неотлучно при матери, внимательной и нѣжной, не видя никого, подходящаго для сравненія, лишенная подругъ-сверстницъ, повѣряющихъ другъ другу свои тайны, Элиза не имѣла никакого понятія о томъ, что такое любовь. Едва знакомо ей было неясное, смутное волненіе, испытанное во время прогулки въ Монсо. Дальнѣйшая жизнь оказалась несоотвѣтствующею этому воспоминанію, счастье не возростало съ годами, и это не удивляло молодую женщину, — столько людей и такъ часто повторяло вокругъ нея: «Жизнь—не радость, моя милая! Знаете, кто здоровъ, тотъ и счастливъ, другого счастья не бываетъ. Только мы не сознаемъ этого». Элиза шила и вышивала съ матерью, помогала ей по хозяйству, ходила съ нею гулять, недалеко, конечно, такъ какъ добрая «мама» скоро уставала, изрѣдка онѣ бывали въ гостяхъ у сосѣдки, старой дѣвицы, садившейся рядомъ съ ними въ церкви по воскресеньямъ. Вотъ и вся ихъ жизнь. Ложась спать въ половинѣ десятаго, вставая въ пять или шесть часовъ, смотря по времени года,

Элиза росла въ тѣни, какъ блѣдная лилія, изящная и прелестная. Мать долго одѣвала ее въ черное, ради экономіи: изъ распоротаго платья матери выходило новое для дочери. И въ этой тѣни, набрасываемой вдовою съ ея вѣчно печальными воспоминаніями, Элиза была счастлива, во-первыхъ, отсутствіемъ какихъ-либо страданій, во-вторыхъ, серьезною, хотя и мало экспансивною любовью матери. Еслибъ у Элизы не было ея маленькаго Жоржа, когда умерла мать, молодая женщина была бы, навѣрное, не въ состояніи утѣшиться. Громадная пустота образовалась бы въ ея сердцѣ, еслибъ это чистое и глубокое сердце не было заполнено материнскою любовью, какъ оно было полно когда-то любовью къ метери, и, кромѣ того, Элиза любила своего превосходнаго мужа. Ея чувство къ мужу было слишкомъ спокойно, быть можетъ, она любила его, какъ благодѣтеля. Невѣстою она относилась къ нему какъ къ доброму родственнику. Денисъ не возбуждалъ въ ней ни малѣйшей страсти. Онъ оставлялъ спокойно дремать тихое и чистое озеро души молодой дѣвушки. И сказать правду, такою же молодою дѣвушкой она осталась и до сихъ поръ. Она все еще понятія не имѣла о существованіи порывовъ страсти, благородной и святой, но пылкой и неодолимой. Мечты объ этомъ, вызываемыя порою въ молодой женщинѣ художественнымъ произведеніемъ, картиной, драмой или музыкой, оставались очень смутными... какъ проблескъ откровенія, тотчасъ же угасающій.

Кто внимательно всматривался въ эту холодную тридцатилѣтнюю женщину, тотъ замѣчалъ легкую черточку въ углахъ ея губъ, нѣчто неуловимое, но такое, что молодымъ ясно говорило о молодости. Тутъ были невольная улыбка, не сознающая себя страстность, чарующая привлекательность, коварство, не существующее пока, но могущее возникнуть, цѣлый міръ, наконецъ, невѣдомый и незатронутый,—какой-то ароматъ желаній, заключенный въ бутонѣ не распустившагося цвѣтка, не вырвавшійся еще изъ него, но уже ощущаемый.

Въ углахъ ея губъ ясно сказывалась скрытая жизненная сила, таящаяся въ чудномъ созданіи, которое этого еще не подозрѣваетъ.

V.

Какъ это сложилось? Дѣло въ томъ, что между Элизой и Де[нисомъ] существовало только взаимное влеченіе молодости и не бы[ло] обоюднаго увлеченія личностью. Добрыя чувства обоихъ сдѣл[али] ихъ бракъ пристойно-счастливымъ. Молодому человѣку хотѣ[лось]

жениться на молодой дѣвушкѣ... вотъ сполна вся ихъ исторія. Денисъ не былъ влюбленъ въ Элизу. Но въ такомъ разѣ чѣмъ объясняется непоколебимая вѣрность обѣщанію жениться?

Очень просто: Денисъ Марканъ устраивался въ жизни съ твердымъ рѣшеніемъ взять себѣ въ жены порядочную дѣвушку, хорошо ему извѣстную, въ которой онъ могъ быть вполнѣ увѣренъ. Его практическіе взгляды, его склонность къ тихой и регулярной жизни, его уваженіе къ честности помогли ему сдержать слово сына книгопродавца Маркана. Чувства его были весьма почтенныя, разумныя и даже нѣжныя. Что же касается любви,—той любви, которая заставляетъ юношей декламировать стихи Ламартина и придаетъ студентамъ вдохновленный видъ,— что касается порывовъ сердца, стремящагося въ безконечныя выси, сладкихъ волненій, наполняющихъ всю душу тревогой и таинственнымъ томленіемъ, то для всего этого миновала, должно быть, пора. Молодая дѣвушка ждала такого Дениса, который не могъ уже къ ней вернуться. Въ семь лѣтъ онъ по вѣтру пустилъ блестящій цвѣтъ своей юности. Крѣпкая рѣшимость всего добиться трудомъ и прилично устроить свою жизнь предостерегла его отъ излишествъ и чрезмѣрныхъ увлеченій; но онъ ничуть не считалъ себя обязаннымъ быть ангельски вѣрнымъ невѣстѣ, бракъ съ которою предстоялъ въ столь далекомъ будущемъ. Никакая сантиментальность къ тому его не побуждала. Онъ поступалъ, какъ его товарищи, не ощущая ни угрызеній совѣсти, ни особеннаго удовольствія. Всѣ помыслы его были направлены на то, чтобы сдать сначала экзамены, потомъ получить мѣсто и на службѣ подвигаться какъ можно быстрѣе, проявляя трудолюбіе, усердіе, способность къ работѣ, настоящую дѣловитость. Словомъ, Денисъ Марканъ былъ образцово-хорошимъ человѣкомъ нашего времени, прямою противуположностью тѣхъ господъ, которые всѣ обязанности забываютъ ради наслажденій жизнью.

Такихъ онъ хорошо зналъ и относился къ нимъ съ отвращеніемъ. Не мало онъ видѣлъ ихъ кругомъ, даже въ министерской канцеляріи... вродѣ Альберта де-Лисъ, напримѣръ, писавшаго свою фамилію двумя словами, когда въ дѣйствительности онъ былъ просто Де исъ, наряжавшагося каждый вечеръ во фракъ съ гарденіей въ пе ичкѣ, соблазнившаго не мало свѣтскихъ женщинъ. Охъ, ужь эт свѣтскія женщины! Только ими и бредилъ Альбертъ Делисъ, ти ъ современнаго бюрократа, щеголя и пустозвона. «Стало быть,— го рилъ ему Марканъ, заливаясь самымъ плебейскимъ хохотомъ,— мы е всѣ принадлежимъ свѣту? Я, напримѣръ, существую внѣ

свѣта? Заглядывалъ я иногда въ этотъ вашъ свѣтъ! Люди глупы тамъ, по меньшей мѣрѣ, настолько же, какъ и вездѣ, часто только значительно менѣе честны».

Марканъ говорилъ это еще до женитьбы и очень искренно возмущался легкомысліемъ разговоровъ и нравовъ, которое онъ видѣлъ кругомъ себя. Дубоватый малый едва только попалъ въ бу р жуазію; сынъ разнощика не успѣлъ еще отполировать, вѣрнѣе сказать—извратить свою мужицкую натуру. По его понятіямъ, любить—значило работать для жены и имѣть дѣтей. Въ обществѣ, въ свѣтскихъ салонахъ, онъ такъ часто присутствовалъ при разныхъ *флиртахъ*, представлявшихся ему верхомъ непристойности, что свѣтъ казался ему менѣе привлекательнымъ, чѣмъ его оливково-зеленый кабинетъ въ министерствѣ. «И эти бѣдняги мужья, — говаривалъ часто Марканъ,— имѣютъ глупость воображать, будто ничего у нихъ не отняли, если часа три пофлиртовали съ ихъ женами!... Ужь въ такія-то мѣста я свою жену не повезу!» А «такія» мѣста—это весь свѣтъ. И, несомнѣнно, безъ оффиціальныхъ вечеровъ, гдѣ жена директора департамента была обязана появляться изъ приличія, чтобы раскланяться съ министрами и ихъ женами, Элиза Марканъ носа никуда не показывала бы.

Марканъ, здоровякъ физически, властный, упрямый и грубый, былъ, въ сущности, страстный человѣкъ и ревнивецъ. За его теоріями нравственности и рѣзкими выходками противъ современной развращенности крылась ярая страсть дорожащаго своимъ покоемъ супруга и консерватора; но страсть эта проявлялась лишь въ озлобленныхъ выходкахъ противъ «врага» и никогда не выразилась въ пылкомъ чувствѣ къ любимой женщинѣ. А «врагъ», это—балъ, танцы, свобода разговоровъ, наглость мужчинъ, поощряемая улыбками женщинъ. Къ тому же, еще туалеты. Всѣ эти ухищренія, утонченное безстыдство, проглядывающее изъ-за всякихъ пустяковъ женскаго наряда, разсчитанное на то, чтобы дразнить желанія мужчинъ, усталое воображеніе стариковъ, пресыщенность молодыхъ,—все это выводило изъ себя Маркана, вызывало въ немъ злость сторожевой собаки, забавную и трогательную, въ то же время.

— Нѣтъ, не это, по-нашему, называется изяществомъ!— о-пилъ онъ иногда въ курильной комнатѣ, гдѣ не прочь были «взя нтить» его на эту тему ради потѣхи.—Это не изящество! Знат ъ я изящныхъ женщинъ. Зналъ... двухъ или трехъ! Онѣ уме и. Имъ было отъ семидесяти до восьмидесяти лѣтъ. Да не въ год ъ тутъ дѣло. По лѣтамъ онѣ уже не были женщинами, но это б ли

настоящія женщины, чудодѣйственною силой изящества. Только уже чорту-то не на что было порадоваться. И еслибъ у нынѣшнихъ молодыхъ дѣвушекъ было то, чѣмъ обладали эти чудныя бабушки, наши дѣвицы стали бы гордостью Франціи, вотъ что!

Кругомъ хохотъ.

— Валяй, Марканъ!

— Смѣйтесь, смѣйтесь, други мои, и называйте меня, если угодно, мужикомъ съ Дуная. Тѣмъ не менѣе, достовѣрно, что платье съ разрѣзомъ временъ Директоріи наградило васъ Бонапартомъ. Подождите, она вамъ вернетъ его еще разъ!

— Катай, Марканъ! Молодцомъ раздѣлывай!

И онъ раздѣлывалъ:

— Честная женщина соперничаетъ съ кокоткой. Кто же будетъ расплачиваться за безстыдные туалеты обѣихъ соперницъ? Маленькія сбереженьица, которыя финансистъ прикарманиваетъ съ общаго дозволенія. Если бы поменьше было платьевъ съ вырѣзами да разрѣзами, не было бы и такой биржевой игры... Народъ и такъ недоволенъ, а вы его еще болѣе дразните. Берегитесь же настоящаго конца, господа «конца вѣка»!

— Го-го-го!

— Меня, вѣдь, не заподозрятъ въ соціализмѣ!

— Э-э!

— Ну, такъ я же вамъ заявляю, еслибъ я былъ принужденъ выбирать между всѣми мерзостями, которыя творятся въ самыхъ верхахъ, и звѣрскою злобой въ самыхъ низахъ, я счелъ бы для себя болѣе почетнымъ спуститься...

— Ого!

— И когда произойдетъ взрывъ, въ то время, какъ вы будете обвинять оборванца, поджегшаго фитиль, я стану обвинять всѣхъ тѣхъ, кто поджегъ оборванца. Въ концѣ-концовъ, всякое общество лишь тогда законно пользуется правомъ судить и карать, когда оно съумѣло само себя дисциплинировать...

— Онъ великолѣпенъ! Браво, Марканъ! Скажи это передъ избирателями, и ты сразу станешь депутатомъ!

— Подите вы, зубоскалы!

Онъ уходилъ взбѣшенный, немного хмурый, за женой, которую то[illegible]съ же увозилъ домой, какъ разъ въ разгаръ съѣзда.

Послѣ такихъ выходокъ онъ упорно, по цѣлымъ недѣлямъ, ни[illegible] не показывался. Элиза на это не жаловалась. Въ Парижѣ она у[illegible]ойлась, попрежнему, на провинціальный ладъ, принимала не[illegible]ихъ дамъ, женъ чиновниковъ, по выбору Маркана, и относи-

тельно туалета довольствовалась похвалами этихъ скромныхъ парижанокъ, умѣющихъ, впрочемъ, такъ ловко надѣть хорошо сшитое и очень модное платье, что имъ могутъ позавидовать принцессы.

Всему міру извѣстно, насколько этимъ славятся всѣ парижанки. «Примѣривальщица» въ мастерскихъ знаменитыхъ «творцовъ» женскихъ туалетовъ, не болѣе какъ простая работница, учитъ королевъ держать себя, какъ должно, и могла бы сказать: «Вотъ, ваше величество, какъ носятъ корону!»

VI.

— *Марсель, Марсель!*

Въ выкрикиваніяхъ служащихъ слышался супругамъ Марканъ совершенно новый акцентъ.

Элиза долго спала и, къ большому своему огорченію, не слыхала, какъ проѣхали Маконъ. Въ Ліонѣ надоѣдливый депутатъ ушелъ; тогда путники устроились возможно удобнѣе и всѣ уснули. Марканъ раздумалъ зажигать свой дорожный фонарь.

— Какъ же мы? Ѣдемъ прямо до Сенъ-Рафаэля? Въ силахъ ты будешь? Ѣхать бы ужь до мѣста, Марсель посмотримъ въ другой разъ, нарочно съѣздимъ съ дядей, если хочешь. Такъ будетъ много лучше.

— Я чувствую себя очень хорошо, спала много. Ты правъ, поѣдемъ до мѣста и отдохнемъ много спокойнѣе съ сознаніемъ, что путешествіе кончено.

Марканъ распорядился отправить багажъ и поѣздъ двинулся дальше. Была полночь. Кругомъ мѣнялись пейзажи, и ихъ никто не замѣчалъ. По выѣздѣ изъ Ліона, уже ночью, подъ дождемъ и туманомъ, путники видѣли, какъ опять замелькали мосты, фонари, фабричныя трубы, видѣли грязную рѣку, сверкающую тамъ и сямъ холоднымъ блескомъ. А въ ушахъ раздавались рѣзкіе свистки, шумъ колесъ. Порою казалось, что за окнами все еще Парижъ; видъ одного и того же купэ поддерживалъ впечатлѣніе, сложившееся въ моментъ отъѣзда. Подвигался ли поѣздъ, этого никто не зн[illegible]. Кругомъ тьма, все черно, лишь кое-гдѣ блеснетъ вдали освѣ[illegible]ное окно и исчезнетъ въ непроглядномъ мракѣ, прорѣзываем[illegible]ъ отъ времени до времени яркими станціонными фонарями. Г[illegible]а сами собою закрывались, и лишь по измѣненіямъ грохота по[illegible]а можно было сказать: «Мы проѣзжаемъ черезъ городъ, это мо[illegible], ѣдемъ выемкой, въѣхали въ тоннель».

Жоржъ спалъ, изрѣдка всхлипывая. Марканъ добросовѣстно храпѣлъ, какъ бы по долгу службы. Элиза временами просыпалась, окидывала обоихъ добрымъ, любящимъ взглядомъ и опять погружалась въ дремоту подъ шумъ поѣзда. Мало-по-малу, укачиваемая мѣрнымъ ходомъ, она крѣпко уснула и очнулась лишь въ Тулонѣ. Раздались возгласы:

— Тулонъ! Тулонъ!

Въ ушахъ путешественниковъ они пронеслись ничего не значущими звуками, какъ и множество имъ подобныхъ. Денисъ придалъ имъ, впрочемъ, нѣкоторую важность и сквозь сонъ проговорилъ или показалось ему, будто онъ проговорилъ:

— Тутъ въ старые годы была каторга.

Поѣздъ мчался дальше. Было два часа. Въ четыре подъ матово-темнымъ небомъ послышался крикъ:

— Сенъ-Рафаэль!

Омнибусъ гостинницы, заказанный телеграммой, ждалъ Маркановъ. Шумъ скораго поѣзда все еще отдавался въ ихъ ушахъ, дурманилъ головы. Размѣстились въ двухъ комнатахъ: въ одной мать съ сыномъ, въ другой—Марканъ, и снова всѣ заснули, усталые, обезсиленные, неспособные обмѣняться двумя фразами.

VII.

— Мама, мама!

Она проснулась, было около полудня. Жоржъ открылъ дверь балкона и кричалъ, хлопалъ руками. Элиза приподнялась на локоть и замерла ослѣпленная, пораженная, растерянная, какъ отверженный, передъ которымъ внезапно распахнулись двери рая.

Дверь обрамляла картину моря и неба, и они, буквально, врывались въ комнату; небо и море, одинаково синія, сверкающія яркимъ полуденнымъ солнцемъ, казались обоюднымъ отраженіемъ другъ друга.

Надъ зеркальною гладью водъ, слегка подернутою нѣжно-голубою дымкой, засыпанною искрящеюся золотистою рябью, паровая яхта выкидывала клубы медленно расходящагося дыма и бѣжала къ горизонту, красиво наклонивши мачты съ весело-вьющимися на[illegible]ними вымпелами. Ничего другого не было.

[illegible]чего другого, а молодой женщинѣ казалось, будто что-то вы[illegible]ается изъ ея сердца, уносится въ необозримую даль вслѣдъ за [illegible]аблемъ, явившимся ей въ моментъ пробужденія какъ бы пр[illegible]ніемъ сновидѣнія, очаровательною мечтой.

Въ комнату вошелъ Марканъ.

— А я всталъ въ восемь часовъ, покончилъ свою работу и потомъ вышелъ изъ дому, наводилъ справки... Мы безъ труда найдемъ подходящую виллу. Дорогонько, правда, но здоровье дороже всего. Въ чемъ-нибудь другомъ откажемъ себѣ. Да, кромѣ того, дядя... нашъ милѣйшій дядя...

Онъ имѣлъ бодрый, возбужденный видъ путника, добравшагося до мѣста, отдохнувшаго довольно. Онъ улыбался и поцѣловалъ жену въ лобъ. Поцѣлуя этого она не почувствовала. Все еще опершись на локоть, она слѣдила безсознательно, увлеченная мечтой, за кораблемъ, прекратившимъ топку, развернувшимъ паруса и несшимся подъ попутнымъ вѣтромъ на своихъ бѣлыхъ крыльяхъ по струямъ «свѣтлѣй лазури», подъ яснымъ небомъ голубымъ.

Марканъ взглянулъ въ ту сторону, куда были обращены глаза его жены, увидалъ яхту и, вмѣстѣ съ тѣмъ, своего маленькаго Жоржа, который передъ грандіозностью этого простого вида уже не шевелился, оперся подбородкомъ на балюстраду балкона и упивался свѣтомъ, красотой, тепломъ.

— Забавное названіе у этого кораблика... Это яхта одного любителя.

— Какъ же она называется, папа?

— *Голубой ибисъ*. Потѣшное имя, правда?

Марканъ добавилъ, что ибисовъ такого цвѣта не бываетъ, и сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній о фантазіяхъ «яхтменовъ». Эта яхта принадлежала Пьеру Дофену, сыну богатаго марсельскаго арматора, «о которомъ мы говорили вчера въ вагонѣ съ тѣмъ депутатомъ, помнишь?»

Элиза ничего не слыхала. Что ей за дѣло до всѣхъ этихъ людей? Она смотрѣла, взволнованная, задыхающаяся, на невиданную никогда картину, на волшебный и невѣдомый корабль, который на своихъ вздутыхъ парусахъ уносилъ въ края очарованій ея думы, часть ея самой...

VIII.

„На яхтѣ *Голубой ибисъ*, рейдъ Сенъ-Рафаэля, 10 февраля 188...“

...«Нѣтъ, нѣтъ, сага mia, дорогая тѣнь утраченной мною любви, утраченной по моей винѣ,—нѣтъ, я не умру, не высказавши тебѣ, какимъ новымъ и безграничнымъ очарованіемъ охватилъ меня родной край, какъ будто очарованіе это можетъ еще имѣть значеніе для насъ въ будущемъ.

«Какъ восхитительно было бы, если бы годъ любви нашей сполна протекъ въ волшебной странѣ, гдѣ я теперь, на этихъ дивныхъ берегахъ, подъ плескъ моря и шумъ сосенъ, среди невысокихъ холмовъ, несущихъ къ серебристымъ волнамъ группы эквалиптовъ, у восхитительныхъ заливовъ, которые, какъ трепетныя перси моря, нѣжно прильнули къ материку...»

Писавшій это молодой человѣкъ бросилъ перо...

— Все это одна литература... Что за собачье ремесло!—воскликнулъ онъ, отпивая глотокъ кофе изъ стоявшей на столѣ чашки.

Онъ всталъ, взглянулъ на море черезъ круглый иллюминаторъ, взялъ со стола сигару, закурилъ ее отъ голубоватаго при блескѣ солнца пламени серебряной лампы, вдохнулъ раза два ароматный дымъ и швырнулъ сигару въ море.

«Сказать по правдѣ, — раздумывалъ онъ, — одолѣла меня скука!... Слишкомъ много синевы, слишкомъ много солнца, неба, моря, времени и денегъ, слишкомъ много воспоминаній и всего, возбуждающаго желанія... и нѣтъ того, чего желаешь. Я очень опасаюсь, какъ бы не разучиться страдать... уже теперь опасаюсь. И, честью завѣряю, скука излечила всѣ мои страданія... А мнѣ жаль моихъ страданій. Больно отъ нихъ доставалось, но они развлекали меня: съ ними я не совсѣмъ былъ одинокъ. Теперь я начинаю чувствовать какую-то пустоту. Плохо дѣло... Неужели въ страданьи—счастье?».

Мысль эта показалась ему глубокою и на нѣсколько мгновеній заняла его подвижный умъ. Молодой человѣкъ продолжалъ самъ съ собою разсуждать на эту тему, увлеченный и восхищенный складывавшимися въ его головѣ словами и фразами.

Пьеръ Дофенъ былъ очень простымъ и причудливымъ существомъ, скептическимъ и наивнымъ, сущимъ ребенкомъ, вѣчно подвергающимся опасности и опаснымъ для другихъ-же, въ сущности, — онъ добрый малый, готовый сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы скрыть это. Таковы, въ большинствѣ случаевъ, скептики, и это-то именно дѣлаетъ ихъ опасными.

Пьеръ Дофенъ жилъ въ Парижѣ. Увлеченный страстною любовью къ женщинѣ, которую онъ считалъ свободною потому, что она была въ разводѣ, онъ два года прожилъ съ этою любовью въ голов[illegible] Второй годъ былъ для него сплошнымъ очарованіемъ. Вдругъ Пье[illegible] открылъ, что не онъ одинъ былъ обладателемъ боготворимой им[illegible]енщины. Это произошло два мѣсяца назадъ. Тогда, разыгрывая изъ[illegible]бя непостояннаго молодого человѣка, онъ уѣхалъ, объявивши сво[illegible]возлюбленной, что разлюбилъ ее, безъ всякихъ дальнѣйшихъ

объясненій. Съ этой минуты дама начала его предпочитать, а «другому» пришлось переживать прескверныя минуты. Пьеръ воображалъ, что они счастливы, и довольно странно терзался. Онъ продолжалъ играть взятую на себя роль и писалъ своей дамѣ письма, въ которыхъ, между двумя описаніями морскихъ видовъ, увѣрялъ ее въ своей неспособности любить женщину долго... «Это своего рода ненормальность: онъ — вполнѣ сынъ *своего вѣка*» и т. под. Такъ онъ мстилъ за свою оскорбленную гордость. А дама, съ величайшимъ трудомъ побѣжденная его терпѣливымъ и долгимъ ухаживаніемъ, дама, которую онъ, не зная того, столь упорно оспаривалъ у счастливаго до тѣхъ поръ соперника, отвѣчала ему все болѣе и болѣе пылкими призывами. И по мѣрѣ того, какъ возростало ея нетерпѣніе, разжигаемое воспоминаніями, сожалѣніями и, быть можетъ, раскаяніемъ, раздражаемое странностью мотива разлуки, всѣмъ тѣмъ, что ей представлялось смѣлостью и оригинальностью покинувшаго ее любовника, — однимъ словомъ, по мѣрѣ того, какъ она становилась болѣе искреннею, Пьеръ все менѣе и менѣе ей вѣрилъ, находилъ ее лживою, удалялся отъ нея усиліями воли, хотя стремленіе къ ней упорно разросталось въ немъ. Вся хорошая сторона его любви уменьшалась, падала, смѣняясь чувственнымъ элементомъ, разгоравшимся все сильнѣе. Онъ страдалъ настоящею гангреной любви.

Въ дѣйствительности же, оставаясь вѣрнымъ своему интеллектуальному темпераменту, онъ жестоко ошибался въ оцѣнкѣ положенія, единственно изъ боязни быть обманутымъ. Ему самому приходило это иногда въ голову, но, не имѣя никакой возможности выяснить свои сомнѣнія, онъ тѣмъ сильнѣе спорилъ съ самимъ собою.

Въ такомъ-то состояніи онъ пріѣхалъ искать въ родномъ краю, на вольномъ просторѣ моря, благотворныхъ развлеченій. Но ни одиночество, ни поэтическая обстановка не могли спасти его отъ душевнаго недуга. Полный господинъ великолѣпной яхты своего отца, онъ безъ конца томился надеждами, отчаяніемъ, сожалѣніями, смѣняющими другъ друга и равносильными...

«Лѣкарство,—раздумывалъ онъ,—я его знаю: другая любовь. Но гдѣ найти это лѣкарство?» —и онъ хорошо понималъ, что, въ сущности, самъ поддерживалъ старую связь ежедневными пи[с]ма-ми къ женщинѣ, отъ которой хотѣлъ избавиться, и что въ да[ну]ю минуту къ тому было лишь одно основаніе—трудность замѣ[нить] ее другою.

Онъ страдалъ на самомъ дѣлѣ, въ немъ все болѣло. Въ г[о]ловѣ была полнѣйшая путаница, такъ какъ мысль находитъ себѣ [опо]ру

и успокоеніе только въ настоящемъ добрѣ, которое дѣлаетъ человѣкъ, онъ же никакого добра не дѣлалъ, да и ровно ничего не дѣлалъ. Для него былъ одинъ идеалъ или, вѣрнѣе, одна была у него задача въ жизни—развлекаться. Высшимъ же развлеченіемъ представлялась ему любовь. Онъ считалъ себя брошеннымъ любимою женщиной и отъ того впалъ въ настоящій маразмъ; его гордость и эгоизмъ были доведены до отчаянія. Тривіальность случайныхъ и мимолетныхъ любовныхъ похожденій была для него омерзительна, и въ высшей степени мудрено было этому молодому «буржуа», художнику и «большому барину», честному и скептику, въ то же время, найти женщину, совмѣщающую въ себѣ образованность, изящество, соотвѣтствующее его привычкамъ, абсолютную независимость, снимающую пятно позора съ свободной любви, и достаточно развитой умъ, способный выносить горечь сомнѣній, неизбѣжныхъ у современнаго человѣка въ «нашъ нервный вѣкъ».

При этомъ, не желая имѣть смѣшного, на его собственный взглядъ, элегическаго вида, Пьеръ старался скрыть свою глубокую грусть напускною веселостью и постоянно шутливымъ тономъ. По установившемуся свѣтскому обыкновенію, онъ стыдился всего, что было въ немъ серьезнаго.

Артистъ въ душѣ и недурной художникъ, онъ хорошо рисовалъ, писалъ прозой и стихами, очень мило игралъ на фортепіано и на гитарѣ, но остался диллетантомъ во всѣхъ трехъ отрасляхъ искусства. Съ высоты своего огромнаго богатства онъ на всѣ три смотрѣлъ какъ на удобное средство не безъ пріятности убить время, доставить себѣ удовольствіе какимъ бы то ни было выраженіемъ собственныхъ чувствъ, нерѣдко притивуположныхъ одно другому.

Въ данную минуту, печально настроенный, и, притомъ, вполнѣ искренно, Пьеръ воскликнулъ, пародируя Шекспира и безошибочно вспоминая пьесу, актъ и сцену: «Царство за женщину!»

Письмо свое онъ перечиталъ, нашелъ его слишкомъ «литературнымъ» и сжегъ.

«Не стану совсѣмъ писать ей. Ни на что это не нужно. Отошлю ей всѣ ея письма. До тѣхъ поръ, пока что-либо вещественное будетъ напоминать о связи съ этою женщиной, я буду томиться этими воспоминаніями и никогда отъ нихъ не отдѣлаюсь».

Пьеръ, вздыхая, обвелъ глазами хорошенькій салонъ, обтянутый, по его желанію, старинною рѣдкою матеріей, и остановилъ взглядъ на широкомъ диванѣ, служившемъ постелью. Молодой человѣкъ приподнялъ покрывавшую его матерію. На самыхъ боль-

шихъ корабляхъ простора нѣтъ и приходится утилизировать малѣйшіе закоулки: внизу дивана были выдвижные ящики. Изъ этого тайничка Пьеръ досталъ желѣзный ларецъ, самую обыкновенную маленькую шкатулку, наполненную дорогими письмами. Онъ спряталъ подъ свою постель письма любимой женщины и съ тѣхъ поръ пересталъ спать.

Онъ задвинулъ ящикъ, поставилъ ларецъ на столъ и нерѣшительно открылъ его, потомъ сѣлъ и принялся перечитывать нѣкоторыя письма. Но, почувствовавши, что сердце его надрывается, онъ швырнулъ ихъ въ ларецъ и захлопнулъ крышку.

«Теперь — эпитафію»,—проговорилъ Пьеръ и быстро, такъ сказать, однимъ почеркомъ пера, написалъ на листкѣ бумаги четыре стиха:

«О призраки былого увлеченья,
Любви, надеждъ, погибшихъ навсегда...
Примите дань усерднаго почтенья,—
Вы для меня исчезли безъ слѣда!»

Стишки показались ему забавными и онъ улыбнулся, положилъ листокъ въ ларецъ на письма, потомъ взялъ со стола фотографическій портретъ въ рамкѣ. Открывши одну изъ сторонъ массивной рамки, онъ съ минуту посмотрѣлъ на длинную прядь рыжихъ волосъ, заперъ все въ желѣзный ларецъ и пошелъ на палубу.

«Отошлю ей все разомъ... и съ ключомъ».

Ключъ онъ носилъ на кольцѣ часовой цѣпочки.

Было около полудня. *Голубой ибисъ* уходилъ съ рейда Сенъ-Рафаеля. Пьеръ окинулъ взоромъ этотъ очаровательный берегъ.

«А, да, — подумалъ молодой человѣкъ, — вотъ страна, созданная для любви! Быть здѣсь молодымъ, владѣть такою яхтой, какъ эта, имѣть передъ собою необъятное пространство моря, а подъ руками такой земной рай... и сознавать себя покинутымъ любовникомъ, которому измѣнили! Быть богатымъ безъ женщины, полнымъ силъ—безъ любви!...»

Потребность жить захватывающею волной проникла въ его грудь съ морскимъ свѣжимъ вѣтеркомъ, дыханіемъ южной зимы, кото[рая] на сѣверѣ показалось бы весеннимъ тепломъ. Пьеръ потяну[лся] всѣмъ тѣломъ, полный мечтательной нѣги, почувствовалъ прил[ивъ] молодыхъ силъ. Бѣлая чайка пронеслась надъ мачтами, напр[авля]ясь къ берегу. Онъ съ минуту слѣдилъ за нею взоромъ; его н[ѣжная] мечта стремилась слѣдомъ за нею. А тамъ бѣлѣющія в[илы],

съ балконами, террасами, полуоткрытыми окнами упивались яркимъ блескомъ солнца. Онѣ блестящими пятнами вырѣзывались на вѣчно зеленыхъ холмахъ, поросшихъ соснами и верескомъ, придающихъ этимъ берегамъ въ солнечные дни середины февраля чисто весенній видъ.

Пьеръ заглядѣлся на быстро смѣняющуюся панораму чудныхъ береговъ, въ немъ проснулись воспоминанія поэта и путешественника. Красивѣе ли этого Неаполь и Искія?

Въ воздухѣ какъ бы носились ламартиновскіе стансы. Весь ландшафъ извивался мягкими, теряющимися въ далекой мглѣ линіями. Строфы Ламартина *На Искіи* сами собою приходили на умъ, и Пьеръ въ память очаровательницы, съ которою только что простился, прочелъ вслухъ два меланхолическихъ и знаменитыхъ стиха:

«Nous avons respiré cet air d'ue autre monde,
Élise!... et cependant on dit qu'il faut mourir!»

Его охватило негодованіе... Умереть! Это слово взволновало его. На самомъ дѣлѣ, придется умереть. Смерти не избѣжать, всѣ умираютъ. И эта волшебная природа всѣми голосами своими подъ плескъ разбѣгающихся волнъ изъ-подъ бортовъ яхты кричала ему: «Спѣши и дни срывай»,—какъ учитъ латинская мудрость.

«Да, правда это! Я жить хочу... Прочь мертвецовъ!»

Ему пришла въ голову мысль.

— Франсуа, принеси изъ салона желѣзный ларецъ, что на столѣ стоитъ.

И про себя онъ добавилъ: «Да, такъ лучше будетъ».

Слуга пошелъ внизъ, вернулся. Пьеръ взялъ въ руки блестящій полированный ларчикъ, нагнулся надъ бортомъ яхты и сталъ смотрѣть на воду. Временами она точно смѣялась. Огнемъ сверкающія струи разбѣгались причудливыми линіями по темной синевѣ слегка колышащагося моря. Охваченныя ослѣпительнымъ блескомъ солнца, онѣ разстилались дивною сѣтью, въ которую врѣзывался *Голубой ибисъ*, производя шумъ разрываемой шелковой ткани. Пьера занимало слѣдить съ своей красивой, голубовато-бѣлой яхты за колеблящимися отблесками свѣта, чередующагося съ темными тонами.

За тихою переливчатою рябью вдругъ набѣжалъ широкій валъ въ разрѣзъ, и молодой человѣкъ увидалъ подъ носомъ корабля совсѣмъ темную, сине-опаковую пропасть. Онъ нѣсколько мгновеній [illegible]чивалъ маленькій ларецъ, чтобы бросить его какъ можно

дальше, и, наконецъ, выпустилъ его изъ рукъ. Ларчикъ завертѣлся въ воздухѣ и упалъ въ воду, поднявши массу брызгъ, заискрившихся жемчугами. Мигъ одинъ и все исчезло. Тяжелый ларецъ пошелъ ко дну. Пьеръ мысленно слѣдилъ за нимъ, очень довольный поэтичностью такой безвозвратной жертвы. Въ своемъ воображеніи онъ какъ будто видѣлъ, видѣлъ все,—какъ вода быстро проникаетъ въ скважины у крышки, заливаетъ дорогія письма, уже смываетъ написанное, уничтожаетъ изображеніе, портретъ, женщину... А *Голубой ибисъ* проходитъ поверхъ этого, оставляя минутный слѣдъ за своею кормой надъ дважды стертымъ слѣдомъ былого...

Пьеръ выпрямился.

«Забавно это, — проговорилъ онъ. — Избавлюсь ли я, наконецъ?»

Онъ чувствовалъ себя повеселѣвшимъ, необыкновенно ободрившимся, точно какая-то тяжесть скатилась съ его сердца именно въ тотъ мигъ, когда онъ выпустилъ изъ рукъ тяжеловѣсный ларецъ.

«Хорошо, если бы такъ и впередъ было»,— подумалъ онъ.

Его облегченное сердце билось ровнѣе и сильнѣе, точно по волнамъ неслось, подъ хорошимъ попутнымъ вѣтромъ. Если бы *Голубой ибисъ* былъ одаренъ способностью чувствовать, онъ испыталъ бы то же самое въ такую чудесную погоду. Въ эту минуту, по распоряженію хозяина, были поставлены паруса... *Голубой ибисъ*, залитый яркимъ свѣтомъ, понесъ своего господина къ неизвѣстному.

«Вотъ такъ шутка, я ключъ оставилъ у себя», — сказалъ Пьеръ.

Онъ хотѣлъ было бросить его въ море, подумалъ съ секунду и не бросилъ. Ему оригинальнымъ показалось имѣть ключь отъ шкатулки, лежащей на днѣ моря и невозвратимой. Онъ тотчасъ же рѣшилъ, что случай этотъ можетъ служить хорошенькимъ мотивомъ для сонета, и далъ себѣ слово написать его, озаглавивши *Безполезный ключъ*. Хорошенькій сюжетъ, премило выйдетъ, и рифмы готовыя: «ларецъ», «конецъ»... «море», «горе»... Нѣсколько стиховъ сложились сами собой.

«За продолженіемъ дѣло не станетъ...»

Но рифмы закапризничали, куда-то скрылись, и дѣло стало. Пьеръ сошелъ внизъ разыскивать ихъ въ своей чернильницѣ.

IX.

«Неизвѣстное», къ которому на всѣхъ парусахъ летѣлъ *Голубой ибисъ*, было недалеко. Встрѣтить его суждено было завтрашній день на рейдѣ Аге, куда яхта зашла на ночь.

Маркану захотѣлось немного познакомиться съ краемъ, прежде чѣмъ оставить тутъ жену. Въ первый же день по пріѣздѣ онъ отправился утромъ осматривать виллы, расположенныя на холмѣ вдоль бульвара Валескюръ. Послѣ полудня Марканъ выбралъ одну виллу на берегу моря, за четверть мили отъ города, между помѣстьемъ Альфонса Кара (*Maison-Close*), гдѣ лодка, едва вытащенная изъ моря, попадаетъ прямо въ садъ, и *Oustalet du Capelan*, первымъ изъ ряда домовъ, построенныхъ на узкой береговой полосѣ такъ, что одна дверь выходитъ на дорогу, а въ порогъ другой плещетъ море.

На слѣдующій день Маркану посовѣтовали отправиться посмотрѣть рейдъ Аге и по дорогѣ взглянуть на порфировыя ломки Драмона. Тамъ есть отличная гостиница и можно позавтракать.

— Къ сожалѣнію, дорога за Драмономъ очень неудобна, но по желѣзной дорогѣ вы доѣдете въ двѣнадцать минутъ.

Они отправились по желѣзной дорогѣ.

Такъ, помимо желанія людей, двѣ судьбы стремились прямо на встрѣчу другъ другу...

Дорогой Марканъ объявилъ женѣ, что въ слѣдующій свой пріѣздъ онъ привезетъ изъ Парижа старую ихъ служанку, Жермену, оставленную было для него въ квартирѣ улицы Лиль (они жили въ этой тихой улицѣ). Старая Жермена любитъ Жоржа, и ее напрасно не взяли съ собой. Самъ онъ тамъ обойдется безъ нея, кормиться будетъ въ трактирѣ. Здѣсь же, до пріѣзда Жермены, надо найти какую-нибудь дѣвушку... Онъ уже разспросилъ: найти недѣли на три или на двѣ можно очень скоро. Только вотъ... не страшно ли будетъ Элизѣ одной съ такою дѣвушкой въ большой виллѣ? Нѣтъ, ничего; уголокъ тутъ совершенно спокойный, въ сторонѣ отъ старинной большой дороги, проходящей по знаменитому «Карнизу»... До пріисканія служанки можно ночевать въ гостиницѣ.

Покончивши на этомъ дѣловую бесѣду, имъ оставалось только любоваться красотою мѣстности, новыми для нихъ видами. Черезъ четверть часа они выйдутъ изъ вагона. Поѣздъ мчался среди холмовъ, между вѣчно зелеными склонами, осѣненными алепскими соснами; тамъ и сямъ изъ-за пригорковъ сверкало море, какъ бы бѣжало за ними слѣдомъ.

— А *Голубой ибисъ*, мама? Его уже нѣтъ тутъ!

— *Голубой ибисъ?* — проговорила мать.— Неужели ты воображаешь, что я отличу одинъ корабль отъ другого, почти точно такого же?

— А ты думаешь, маленькій дурачишка,— сказалъ Марканъ, отдѣлавшійся отъ своихъ бумажныхъ вороховъ,— что корабли затѣмъ выстроены, чтобы не двигаться съ мѣста?... Тотъ молодой человѣкъ,— продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ,— намѣревался, кажется, отправиться въ Италію... Дѣлать-то имъ нечего... счастливцы!... Ну ихъ совсѣмъ! Я отлично распорядился, что поработалъ вчера въ вагонѣ и сбылъ съ рукъ мои дѣла. Всѣ отправлены почтой въ заказныхъ пакетахъ. Сегодня вечеромъ или завтра получу еще и тѣ уже отвезу съ собою. А! Воздухъ-то какой чудный!

Поѣздъ остановился.

— Какъ, уже Аге? Нѣтъ... Булюри.

— Папа, папа, смотри, станція одна одинешенька въ лѣсу!

— Хорошо бы пройтись сюда пѣшкомъ,— сказалъ Марканъ Элизѣ.

Поѣздъ понесся черезъ карьеры Драмона. Безчисленныя плиты обтесаннаго порфира сверкали огромнымъ голубовато-бѣлымъ пятномъ. Казалось, будто весь холмъ уступами готовъ скатиться въ море. Затѣмъ опять потянулась темная зелень, подъ которою замелькали красныя полосы глины, а ниже ихъ густо-фіолетовая гладь моря. То былъ Аге съ своимъ рейдомъ, довольно обширнымъ заливомъ, открытымъ южному вѣтру,— кругомъ немного суровая природа составляетъ восхитительный контрастъ съ оживленнымъ и веселымъ побережьемъ, которое только что видѣли наши путники. Въ глубинѣ бухты рѣчка, обильно поросшая олеандрами, проходитъ подъ желѣзною дорогой и вливается въ море. Гостиница, окруженная нѣсколькими домами, расположена на небольшомъ возвышеніи и обращена окнами къ пустынному и немного мрачному заливу, настоящему сказочному «синю-морю», изъ котораго такъ и ждешь, что вотъ-вотъ всплыветъ волшебный замокъ диковинной архитектуры.

Жоржъ, рѣшительно болѣе оживленный, чѣмъ въ Парижѣ, [illegible]галъ отъ удовольствія.

— *Голубой ибисъ! Голубой ибисъ*, мама!... Папа, *Голубой ибисъ!*

На самомъ дѣлѣ, яхта покачивалась на якорѣ недалеко отъ [illegible]ерега, въ глубинѣ рейда. Подобранные паруса лежали фестонами [illegible]а реяхъ. Ни Марканъ, ни его жена не узнали яхту.

— Тебѣ всюду мерещится твой *Голубой ибисъ*, глупышъ ты маленькій.

Ихъ вниманіе въ эту минуту было отвлечено внезапнымъ появленіемъ у входа на рейдъ страннаго судна, едва виднаго изъ воды, съ легкими перилами, за которыя цѣплялось нѣсколько человѣкъ; изъ низенькой трубы валилъ клубами черный дымъ. Слѣдомъ за нимъ и съ такою же необычайною быстротой неслось другое, точь-въ-точь такое же, неизмѣнно подражая всѣмъ движеніямъ перваго. То были двѣ миноноски, и шли онѣ на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ одна отъ другой. Пройдя вглубь бухты, онѣ описали полкруга и побѣжали дальше. Путешественники внимательно смотрѣли на нихъ. Марканъ вынулъ изъ чехла свой бинокль.

Старый рыбакъ остановился невдалекѣ и сердито заворчалъ:

— Куда ихъ къ чорту несетъ такимъ быстрымъ ходомъ? Зыбь, вѣдь, хотя и не замѣтно. Съ берега-то безъ привычки и не разберешь, что въ морѣ скверно... Никуда не годятся эти свистульки! Что они тамъ ни толкуй, море ихъ всѣ слопаетъ одну за другой, ни одной не оставитъ. Я знаю свой рейдъ. Первая дрянь проскочила какимъ-то чудомъ. Если другая пойдетъ слѣдомъ, то — неровенъ часъ — наскочитъ на каменный вострякъ скалы, вонъ тамъ... Э! готово!...

Миноноска *230*, шедшая по слѣду первой, исчезнувшей уже за выступомъ берега у выхода, приподнятая набѣжавшимъ валомъ, наскочила въ самомъ дѣлѣ на камень.

Съ того мѣста, гдѣ стоялъ Марканъ, не было ничего слышно. Носовая часть судна скрылась подъ буруномъ; на кормѣ, значительно приподнятой, сгруппировался весь экипажъ вокругъ командира.

— Боже мой! Боже мой! Что же они будутъ дѣлать? — заговорила Элиза, обращаясь въ ту сторону, гдѣ стоялъ рыбакъ, но его уже не было.

Старикъ сбѣжалъ къ берегу и удалялся уже отъ него въ своей «рафіо», крѣпко уперши скрещенныя голыя ноги въ середнюю скамью и энергично работая двумя веслами, то сгибая спину, то отк[illegible]ываясь назадъ всѣмъ своимъ выпрямленнымъ станомъ, попере[illegible]нно опускаясь на скамью и стоя. Въ то же время, отъ *Голубо[illegible]ибиса* отдѣлилась лодка, въ которой сидѣлъ одинъ человѣкъ. То[illegible]ть Пьеръ Дофенъ. Капитанъ и весь экипажъ яхты были на бе[illegible]

[illegible]ыхавши крикъ матери, маленькій Жоржъ прижался къ ней. Он[illegible]хватилъ обѣими руками ея платье, точно боясь, что кто-то

отниметъ ее, и смотрѣлъ туда, на мѣсто крушенія, не понимая происходящаго передъ его глазами.

— Лучше бы не видать этого,— прошептала Элиза.— Слишкомъ тяжело смотрѣть и не имѣть возможности что-нибудь сдѣлать.

— Какъ же быть?— сказалъ Марканъ.— Помочь мы дѣйствительно не можемъ, но почему же не смотрѣть?

У обоихъ замирало сердце. Бинокль дрожалъ въ рукѣ Маркана; онъ положилъ его обратно въ чехолъ. У Элизы ноги подкашивались отъ страха за людей, находящихся въ опасности. Молодая женщина сѣла на край дороги, привлекла голову сына къ себѣ на колѣни и закрыла рукой милые глаза ребенка, всему на свѣтѣ предпочитавшаго эти ласкающія его потемки.

Трудно было разобрать, что происходитъ на мѣстѣ катастрофы. Третья лодка спѣшила на помощь миноноски; въ лодкѣ были капитанъ и матросы съ *Голубого ибиса*. Вокругъ потерпѣвшаго судна происходила непонятная суета на легкихъ и подвижныхъ лодкахъ. Съ первой миноноски ничего не видали, такъ какъ она исчезла уже съ рейда за выступомъ берега, когда вторая стала на мѣстѣ, наскочивши на камень.

Марканъ объяснялъ:

— Такъ неустойчивы эти миноноски, что нѣсколько человѣкъ, составляющихъ экипажъ судна, переходя разомъ на одну сторону, раскачиваютъ его, какъ какое-нибудь корыто!

Двѣ пришедшія на помощь лодки удалились отъ миноноски, увозя каждая свою долю экипажа. На мѣстѣ остался только яликъ *Голубого ибиса*.

Марканъ досталъ свой бинокль.

— На миноноскѣ остался, должно быть, только капитанъ,— сказалъ Марканъ.— Командирами миноносокъ назначаютъ обыкновенно лейтенантовъ кораблей. Такъ и есть... смотри!

И его охватило волненіе при мысли о томъ, что все обязываетъ командира корабля послѣднимъ покидать свое гибнущее судно.

Элиза тоже почувствовала своего рода болѣзненное удивленіе. Она припоминала изъ читаннаго когда-то все горе этихъ смѣльчаковъ, когда гибнетъ ввѣренный имъ и любимый ими корабль. Она посмотрѣла въ поданный мужемъ бинокль и видѣла, какъ послѣдній человѣкъ перешелъ съ миноноски въ яликъ.

— Спасенъ!— выговорила Элиза.

— Да нѣтъ,— возразилъ Марканъ.— Въ маленькой лодкѣ его одинъ человѣкъ, тотъ, разумѣется, что приплылъ съ ... Командиръ миноноски все еще у себя на бортѣ...

Тѣмъ временемъ миноноска опускалась все ниже, постепенно, непреодолимо поглощаемая волнами, какъ бы тающая въ нихъ, втягиваемая пѣнящеюся кругомъ водой. И ясно видѣнъ былъ на краю сильно наклонившейся кормы человѣкъ въ черномъ сюртукѣ,—стало быть, офицеръ,—упорно остававшійся одинъ на своемъ мѣстѣ.

— Уходить не хочетъ,— ворчалъ Марканъ.— А дѣлать-то нечего, уходить надо... Да иди же, наконецъ, милый человѣкъ!... А, «sacreBleu», на-силу-то!

Темный силуэтъ перемѣстился въ яликъ, быстро уходившій прочь. Нѣсколько секундъ спустя исчезло подъ водою и то, что еще оставалось отъ погибшей миноноски. Невысокая труба скрылась одновременно съ кормой. Едва все это погрузилось въ море, на водной глади, во всемъ сходной съ окружающею поверхностью бухты, произошелъ взрывъ. Какъ умирающій морской звѣрь, желѣзное чудовище испустило подъ водой свой послѣдній вздохъ. Сжатый въ его утробѣ воздухъ вырвался съ рѣзкимъ ревомъ, съ цѣлымъ столбомъ пѣны и послѣднимъ клубомъ чернаго дыма, въ которомъ промелькнули снопомъ обломки желѣза и дерева.

Элиза плакала.

— Ремесло тяжелое, надо признаться, — сказалъ Марканъ.— Надѣюсь, всѣ спасены. Мы сейчасъ узнаемъ.

Ходившія на помощь лодки приближались къ берегу.

М.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Мой демонъ.

Онъ прилеталъ ко мнѣ въ тиши
На утрѣ юности мятежной
И рѣчью страстною и нѣжной
Тревожилъ сонъ моей души.
Любилъ я съ нимъ наединѣ
Вести завѣтныя бесѣды...
Онъ мнѣ сулилъ и зло, и бѣды,
Но обѣщалъ и счастье мнѣ.
Онъ былъ, какъ молодость, правдивъ
И не скрывалъ про всѣ тревоги
Имъ предначертанной дороги,
Отъ страха сердце оградивъ.
Порой онъ лаской нѣжилъ слухъ,
Порой терзалъ, какъ злой мучитель,
Но видѣлъ я, что мой учитель—
Не демонъ лжи, а свѣтлый духъ.
Любви, рождающей восторгъ,
Онъ влилъ въ меня бальзамъ цѣлебный
И указалъ тотъ храмъ волшебный,
Гдѣ незнакомъ житейскій торгъ.
Онъ повелѣлъ любить всегда
Людей страдающее племя
И все твердилъ, что правды сѣмя
Дождется пышнаго плода.
Промчались дни... такъ много дней...
Не стало юности кипучей,
А горе жизни черной тучей
Нависло шире и мрачнѣй.

И тамъ, гдѣ вѣра и любовь,
Какъ дорогіе жили гости,—
Почіютъ ихъ святыя кости,
Но не воскреснутъ къ жизни вновь.
Лучъ грезъ былыхъ покрылся тьмой...
Лишь иногда съ надеждой сладкой
Осмѣлюсь я шепнуть украдкой:
«Спасибо, добрый демонъ мой...
Спасибо, другъ... благодарю
Тебя за то, что хоть однажды
И я не чуждъ былъ гордой жажды
Увидѣть солнце и зарю».

Л. Медвѣдевъ.

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ *).

Романъ Генрика Сенкевича.

XVII.

— Я даже тебя не спрашиваю,— говорилъ Бигель Поланецкому, послѣ его возвращенія въ Варшаву,— счастливъ ли ты. Съ такою, какъ твоя жена, нельзя быть несчастнымъ.

— Да,— отвѣчалъ Поланецкій,— Мариня такая хорошая бабенка, что трудно найти лучше.

И онъ обратился къ пани Бигель:

— Намъ обоимъ хорошо, и не можетъ быть иначе. Помните, дорогая, наши прежніе разговоры о супружествѣ и любви? Помните, какъ я боялся, чтобы не напасть на женщину, которая хотѣла бы заслонить своею особой передъ мужемъ весь міръ, занять всѣ его мысли, всѣ его чувства, быть единственною цѣлью его жизни? Помните, какъ я доказывалъ и вамъ, и пани Эмиліи, что любовь къ женщинѣ не можетъ и не должна быть для мужчины всѣмъ, что и помимо любви есть другія дѣла на свѣтѣ?

— Да, но я помню также то, что и я говорила вамъ, что, напримѣръ, мнѣ домашнія занятія ничуть не мѣшаютъ любить дѣтей... Почемъ знать, но мнѣ все кажется, что эти вещи — не коробка, которую не поставишь на столъ, если онъ занятъ другими коробками.

— Моя жена права,— сказалъ Бигель.— Я замѣтилъ, что люди часто ошибаются, когда переносятъ въ физическія условія чу[illegible]ва или идеи. Когда рѣчь идетъ о нихъ, то нечего говорить о м[illegible].

На это Поланецкій весело отвѣтилъ:

— Тише, ты, завоеванная страна!

---

*) *Русская Мысль*, кн. V.

— Такъ что-жь, коли мнѣ хорошо? — отвѣтилъ Бигель. — Кромѣ того, и тебя когда-нибудь завоюютъ.

— Меня?

— Да. Любовью, добротою, сердцемъ.

— Это дѣло совсѣмъ другое. Можно быть завоеваннымъ и не находиться подъ башмакомъ. Не мѣшайте мнѣ хвалить Мариню. Я вынулъ счастливый билетъ, такой, что лучшаго вынуть не могъ, потому что Мариня довольствуется моимъ чувствомъ къ ней и не выражаетъ намѣренія быть моимъ единственнымъ кумиромъ. За то я и люблю ее. Богъ уберегъ меня отъ жены, требующей, чтобъ ей посвящали всю душу, весь разумъ, все существо et caetera, и я всею душой благодарю Его, потому что не могъ бы выносить этого. Я понимаю, что все это можно отдать добровольно, именно тогда, когда этого не требуютъ насильно.

— Повѣрьте мнѣ, панъ Станиславъ, — сказала пани Бигель, — что мы всѣ безъ исключенія одинаково требовательны съ этой точки зрѣнія, только сначала мы принимаемъ ту часть, которую даютъ намъ, за цѣлое, а потомъ...

— А потомъ что? — съ оттѣнкомъ насмѣшки перебилъ Поланецкій.

— Потомъ тѣ, у которыхъ больше прямодушія, кончаютъ тѣмъ, что для васъ является словомъ, лишеннымъ значенія, а для насъ — основаніемъ всей нашей жизни.

— Что же это за талисманъ?

— Резиньяція.

Поланецкій разсмѣялся.

— Покойникъ Букацкій говорилъ, — сказалъ онъ, — что женщины часто наряжаются въ резиньяцію, потому что это имъ къ лицу. Шляпка изъ резиньяціи, вуаль изъ легкой меланхоліи, — развѣ это не красиво?

— Нѣтъ, это не некрасиво. Что дѣлать? Можетъ быть, это и щегольская одежда, но въ этой одеждѣ легче попасть на небо, чѣмъ въ какой-нибудь другой.

— Въ такомъ случаѣ, моя Мариня осуждена на адскія мученія, — я надѣюсь, что она никогда не будетъ носить такой одежды. На конецъ, вы скоро увидите ее, — она обѣщала придти къ вамъ, ко да кончатся наши конторскія занятія. Неповоротлива она у меня опоздаетъ... должна была уже быть здѣсь.

Ее, должно быть, отецъ не пускаетъ. Но вы останетесь у на обѣдать, безъ всякой церемоніи, да?

Останемся обѣдать? Хорошо.

— Къ намъ и еще кое-кто обѣщалъ придти. Я пойду сказать, чтобы вамъ поставили приборы.

Хозяйка вышла, а Поланецкій спросилъ у Бигеля:

— Кого вы пригласили обѣдать?

— Завиловскаго, будущаго корреспондента нашего дома.

— Кто это Завиловскій?

— Тотъ самый, извѣстный поэтъ.

— Съ Парнаса и за конторку? Какъ же это такъ?

— Да такъ. Не помню, кто-то сказалъ, что наше общество держитъ своихъ геніевъ на діэтѣ. Говорятъ, что это удивительно способный человѣкъ, но стихами себѣ хлѣба не заработаешь. Ты знаешь, что нашъ Цисковскій перешелъ въ страховое общество,— мѣсто освободилось,—а тутъ заявился Завиловскій. У меня были нѣкоторыя сомнѣнія, но онъ сказалъ мнѣ, что для него это—вопросъ насущнаго хлѣба и возможности работать. Притомъ, онъ понравился мнѣ, потому что сразу признался, что пишетъ на трехъ языкахъ, но ни на одномъ не можетъ говорить порядочно, а, во-вторыхъ, что не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о торговой корреспонденціи.

— Э, вздоръ,— отвѣтилъ Поланецкій,— въ недѣлю научится! Долго ли только онъ усидитъ и не будетъ ли запаздывать корреспонденція?... Вѣдь, дѣло придется имѣть съ поэтомъ!

— Тогда мы разстанемся. Но, понимаешь, когда онъ самъ предложилъ свои услуги, то я предпочелъ дать мѣсто ему, а не кому-нибудь другому. Черезъ три дня онъ долженъ приступить къ занятіямъ. Я ему выдалъ впередъ мѣсячное жалованье,—ему нужно было.

— Голый былъ, что ли?

— Кажется. Здѣсь есть старикъ Завиловскій,— тотъ, у котораго красивая дочь,— человѣкъ очень богатый. Спрашивалъ я нашего, не родственникъ ли его? Говоритъ, нѣтъ, но при этомъ покраснѣлъ, такъ что я думаю, что да. Какъ это у насъ ни въ комъ нѣтъ равновѣсія? Одни отрекаются отъ родныхъ потому, что они бѣдны, другіе потому, что они богаты. Все это ради причуды и благодаря проклятой гордости... Онъ тебѣ, впрочемъ, понравится... Женѣ моей понравился.

— Кто понравился твоей женѣ? — спросила пани Бигель, [illegible]дя въ комнату.

— Завиловскій.

— Потому что я читала его чудесные стихи *На порогѣ*. [illegible]мѣ того, Завиловскій смотритъ такъ, будто утаиваетъ что-то [illegible]ъ людей.

— Утаиваетъ нищету или, вѣрнѣе, нищета утаиваетъ его.

— Нѣтъ, онъ смотритъ такъ, будто испыталъ тяжелое разочарованіе.

— Видалъ ты такую мечтательницу? Она уже говорила мнѣ, что онъ много страдалъ, и обидѣлась, когда я выразилъ предположеніе, что, можетъ быть, глистами въ дѣтствѣ. Для нея это недостаточно поэтично.

Поланецкій нетерпѣливо посмотрѣлъ на часы.

— Не везетъ мнѣ съ Мариней,— сказалъ онъ,— экая неповоротливая!

Но «неповоротливая» въ эту минуту пришла или, вѣрнѣе, пріѣхала. Свиданіе обошлось безъ радостныхъ объятій, потому что Мариня уже видѣлась съ пани Бигель на вокзалѣ. Поланецкій объявилъ женѣ, что они остаются обѣдать, на что она охотно согласилась и потомъ начала ласкать дѣтей, которыя цѣлою гурьбой нахлынули въ комнату.

Пришелъ Завиловскій и Бигель представилъ его Поланецкимъ. То былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати семи-восьми, и Поланецкій, смотря на него, замѣтилъ, что его мина вовсе не похожа на мину человѣка, много страдавшаго въ жизни. Лицо у Завиловскаго было нервное, съ подбородкомъ, сильно выдающимся впередъ, какъ у Вагнера, съ веселыми сѣрыми глазами и необыкновенно изящнымъ бѣлымъ лбомъ, на которомъ выдающіяся жилы образовывали букву Y. Притомъ, онъ былъ высокъ и порядочно нескладенъ.

— Я слышалъ, — сказалъ ему Поланецкій, — что черезъ три дня вы дѣлаетесь нашимъ товарищемъ.

— Такъ точно, панъ принципалъ, — отвѣтилъ молодой человѣкъ,—то-есть я буду служить въ вашей конторѣ.

Поланецкій расхохотался.

— Только вы оставьте въ покоѣ это принципальство. У насъ нѣтъ обычая титуловать другъ друга... Не знаю, женѣ моей, можетъ быть, понравился бы такой титулъ,—это придало бы ей вѣсу въ ея собственныхъ глазахъ.

И онъ обратился къ Маринѣ:

— Слушай, пани принципальша, хочешь, чтобъ тебя называли при...ипальшей? Будетъ новая забава!

...виловскій сконфузился, но также засмѣялся, когда пани Пола...кая отвѣтила:

— Нѣтъ, мнѣ все кажется, что «принципальша» должна но-

сить вотъ такой огромный чепецъ, — она показала руками, какой именно,—а я терпѣть не могу чепцовъ.

Завиловскій сразу почувствовалъ себя хорошо среди этихъ веселыхъ, добродушныхъ людей, но онъ опять смутился, когда Мариня сказала ему:

— А вы мой старый знакомый. Теперь я новаго ничего не читала, потому что мы недавно вернулись; прибавилось что-нибудь за это время?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Завиловскій,—я теперь этимъ занимаюсь такъ, какъ панъ Бигель музыкой: въ свободное время и для собственнаго удовольствія.

— Не вѣрю,—сказала пани Поланецкая.

И она имѣла основаніе не вѣрить, потому что на самомъ дѣлѣ это было не такъ. Въ отвѣтѣ Завиловскаго недоставало прямоты, но онъ хотѣлъ дать понять, что, прежде всего, желаетъ считаться корреспондентомъ торговаго дома и стоять въ положеніи конторщика, а не поэта. Бигеля и Поланецкаго онъ титуловалъ принципалами вовсе не изъ униженности, а для того, чтобы показать, что, взявшись за конторскую работу, онъ считаетъ ее такою же хорошею, какъ и всякую другую, что приспосабливается къ этой роли и впредь будетъ приспосабливаться. Впрочемъ, тутъ были и другія соображенія. Завиловскій, несмотря на свою молодость, замѣтилъ, какъ смѣшны люди, которые напишутъ одно или два стихотворенія, и тотчасъ же принимаютъ пророческую позу и другимъ повелѣваютъ считать себя пророками. Его огромное самолюбіе дрожало передъ опасностью быть смѣшнымъ, и онъ впалъ въ другую крайность и почти стыдился своей поэзіи. Въ послѣднее время, когда онъ испытывалъ крайнюю нужду, эта особенность дошла почти до странности и самый ничтожный намекъ съ чьей-нибудь стороны на его поэтическую дѣятельность сильно раздражалъ Завиловскаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ чувствовалъ себя нелогичнымъ. Тогда самое лучшее не писать стиховъ и не обнародывать ихъ, но отъ этого онъ не могъ воздержаться. Его голова еще не была осѣнена ореоломъ, но на него уже упало нѣсколько лучей, которые то озаряли его чело, то опять гасли, смотря по тому, писалъ ли онъ, или бездѣйствовалъ. Послѣ каждаго новаго стихотворенія лучъ начи.. ъ играть снова и Завиловскій, настолько же талантливый, наскол ко самолюбивый, въ сущности, цѣнилъ эти отблески славы бол не всего на свѣтѣ. Несмотря на то, онъ хотѣлъ, чтобы люди говор ли о немъ между собою, а не прямо ему въ глаза. Когда онъ пред олагалъ, что о немъ начинаютъ забывать, то страдалъ въ глуб ѣ

своего сердца. Въ немъ было какое-то раздвоенное самолюбіе, которое жаждетъ славы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отталкиваетъ ее, благодаря нѣкоторой дикости и гордости, изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не сказалъ, что его почтили не по заслугамъ. Кромѣ того, въ немъ крылось множество противорѣчій, какъ въ человѣкѣ молодомъ и впечатлительномъ, который воспринимаетъ всѣ явленія съ особенною чуткостью, а иногда среди своихъ впечатлѣній не съумѣетъ отыскать своего собственнаго *я*. По этому поводу артисты вообще кажутся по большей части искусственными.

За обѣдомъ разговоръ шелъ, разумѣется, объ Италіи, о людяхъ, которыхъ Поланецкіе встрѣтили тамъ. Поланецкій разсказывалъ о Букацкомъ, о его послѣднихъ минутахъ и послѣдней волѣ, благодаря которой онъ долженъ былъ получить значительную сумму денегъ. Еще большая часть назначалась на благотворительныя дѣла и объ этомъ Поланецкій долженъ былъ посовѣтоваться съ Бигелемъ. Букацкаго любили и вспоминали о немъ съ сочувствіемъ, а у пани Бигель даже слезы навернулись на глазахъ, когда Мариня сообщила, что передъ смертью онъ исповѣдался и умеръ христіаниномъ.

Но воспоминаніе это было такого рода, что не мѣшало обѣдать, и если Букацкій когда-нибудь вздыхалъ по Нирванѣ, то теперь могъ бы считать себя удовлетвореннымъ: для людей даже близкихъ и любящихъ его онъ становился мало-по-малу легкимъ и неяснымъ воспоминаніемъ. Еще недѣля, мѣсяцъ или годъ, и имя его будетъ звукомъ безъ эхо. Ничьей болѣе глубокой любви онъ не завоевалъ, а жизнь его прошла такъ, что даже послѣ такого ребенка, какъ Литка, осталось не только больше любви и горя, но даже больше видимыхъ слѣдовъ. Завиловскій, который не зналъ его, сначала заинтересовался его жизнью, но когда выслушалъ разсказъ Поланецкаго, то подумалъ немного и сказалъ: «Это копія съ чего-то!» Букацкій при жизни шутилъ надо всѣмъ, но и ему такая эпитафія показалась бы обидной.

Мариня, желая придать разговору болѣе веселое настроеніе, начала разсказывать о своихъ прогулкахъ по Риму и его окрестностямъ, которыя они предпринимали то одни, то со Свирскимъ или Основскими. Бигель,—онъ былъ товарищемъ Основскаго по школѣ и отъ времени до времени видался съ нимъ,—сказалъ:

— У него одна любовь, это—собственная жена и одна ненависть — собственная тучность или, вѣрнѣе, предрасположеніе къ тучности. Но вообще это прекрасный человѣкъ.

— Но онъ кажется совсѣмъ худощавымъ,—сказала Мариня.

— Два года назадъ онъ былъ почти толстымъ, но когда началъ

ѣздить на велосипедѣ, фехтовать, сидѣть на діэтѣ Беттинга, лѣтомъ пить Карлсбадъ, а зимой ѣздить въ Египетъ или Италію, то возвратился назадъ почти худымъ. Наконецъ, я невѣрно сказалъ, что онъ питаетъ ненависть къ ожиренію,—это его жена, а онъ дѣлаетъ это, чтобы кокетничать передъ ней. И по цѣлымъ ночамъ на балахъ танцовалъ по тому же соображенію.

— Это sclavus saltans,—сказалъ Поланецкій.—Свирскій уже разсказывалъ намъ объ этомъ.

— Я понимаю, можно любить жену,—продолжалъ Бигель,—можно ее считать, какъ говорится, за зеницу ока. Хорошо! Но я, Богомъ клянусь, слышалъ, что онъ своей женѣ стихи пишетъ, съ закрытыми глазами раскрываетъ книжку, отмѣчаемъ пальцемъ какую-нибудь строчку и заключаетъ изъ того, что прочтетъ, любитъ ли она его, или нѣтъ. Если выйдетъ что-нибудь неблагопріятное, то онъ впадаетъ въ меланхолію. Онъ ее любитъ, какъ гимназистъ, считаетъ всѣ ея взгляды, усиливается отгадать, какое значеніе имѣетъ то или другое ея слово, цѣлуетъ не только ея ноги и руки, но даже и перчатки, когда думаетъ, что на него никто не смотритъ... Богъ знаетъ что! И такъ ужь много лѣтъ.

— Какой онъ милый!—сказала Мариня.

— А ты хотѣла бы, чтобъ и я былъ такимъ?—спросилъ Поланецкій.

Она подумала съ минуту и отвѣтила:

— Нѣтъ, потому что ты тогда былъ бы не тѣмъ, какимъ ты есть.

— О, Макіавель!—сказалъ Бигель.—Такой отвѣтъ стоило бы записать; тутъ и похвала, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, немного критики, и сообщеніе о томъ, что теперешнее положеніе дѣлъ хорошее, и намекъ на то, что можно было бы желать чего-нибудь получше. Поди-ка, разберись въ этомъ.

— Я беру это, какъ похвалу,—сказалъ Поланецкій,—хотя пани Бигель, навѣрное, скажетъ, что это резиньяція.

Пани Бигель разсмѣялась и отвѣтила:

— Верхъ изъ любви, резиньяція можетъ явиться современемъ, какъ подкладка, если будетъ становиться холодно.

Завиловскій съ интересомъ смотрѣлъ на Мариню. Сама она казалась ему и красивой, и сампатичной, а отвѣтъ ея пріятно у[д]ивилъ его. Онъ подумалъ, что такъ могла говорить только страс[т]но любящая женщина, которая никогда не можетъ пресытиться [с]воимъ чувствомъ, и съ великою завистью посмотрѣлъ на Полане[ц]кого, потому что самъ былъ совершенно одинокимъ человѣкомъ.

Все это время онъ молчалъ и ему казалось, что прилич[ія] за-

ставляетъ и его вступить въ общій разговоръ. Но его удерживала робость и, кромѣ того, зубная боль,—періодическая, то отпуститъ, то схватитъ еще сильнѣе. Это отнимало у него послѣднюю долю храбрости, но, наконецъ, онъ осмѣлился и спросилъ:

— А пани Основская?

— А у пани Основской есть мужъ,—отвѣтилъ Поланецкій,—который любитъ за двоихъ,—значитъ, ей нѣтъ надобности утруждать себя. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ Свирскій. Притомъ, у нея китайскіе глаза, на зубѣ въ верхней челюсти пломба, которую видно, когда она смѣется,—вообще она словно горлица, вертится въ колесѣ и кричитъ: «сахару! сахару!»

— Злой человѣкъ!—сказала Мариня.—Она красива, умна, остроумна, а панъ Свирскій не можетъ знать, насколько она любитъ мужа, потому что, по всей вѣроятности, не разговаривалъ съ ней объ этомъ. Все это только одни предположенія.

Поланецкій подумалъ о двухъ вещахъ: во-первыхъ, что это не предположеніе, во-вторыхъ, что жена его такъ же добра, какъ и наивна.

А Завиловскій сказалъ:

— Интересно, что бы было, еслибъ она такъ же была влюблена въ него, какъ онъ въ нее?

— Это былъ бы величайшій эгоизмъ вдвоемъ, какой только видѣлъ свѣтъ,—отвѣтилъ Поланецкій.—Они были бы такъ заняты другъ другомъ, что не видали бы никого и ничего около себя..

Завиловскій улыбнулся и сказалъ:

— Свѣтъ не мѣшаетъ теплу,—онъ порождаетъ его.

— Собственно говоря, это изреченіе скорѣе поэтическое, чѣмъ физическое,—отвѣтилъ Поланецкій.

Потомъ разговоръ зашелъ о Машко и его женѣ. Бигель разсказывалъ, что въ руки Машко попалось огромное дѣло объ уничтоженіи милліоннаго завѣщанія панны Плошовской, которое оспаривало нѣсколько ея отдаленныхъ родственниковъ. Панъ Плавицкій писалъ объ этомъ дочери въ Италію, но Мариня считала это дѣло такою же мечтой, какъ милліоны, основанные на мергелѣ, и едва упомянула объ этомъ мужу, который тоже махнулъ рукой на мечта[illegible]ія пана Плавицкаго. Теперь дѣло, коль скоро Машко взялся за не[illegible], представлялось болѣе солиднымъ. Бигель допускалъ, что въ за[illegible]вѣщаніи могли быть какія-нибудь неправильности, и утверждалъ, что если Машко выиграетъ, то сразу станетъ на ноги, потому что ви[illegible]говорилъ себѣ огромный гонораръ. Поланецкій сильно заинтересо[illegible]лся.

— Однако, у Машко кошачья особенность,—сказалъ онъ,—вѣчно падать на ноги.

Бигель отвѣтилъ:

— На этотъ разъ вы должны молить Бога, чтобъ Машко не сломалъ шеи, потому что для васъ, пани Поланецкая, и для вашего отца это дѣло не малое. Одинъ Плошовъ со всѣми фальварками оцѣненъ въ семьсотъ тысячъ рублей, да, кромѣ того, наличныя деньги.

— Это былъ бы недурной сюрпризъ,—сказалъ Поланецкій.

Но Мариня съ неудовольствіемъ узнала, что ея отецъ, вмѣстѣ съ прочими сонаслѣдниками, сталъ оспаривать духовное завѣщаніе. Ея «Стахъ» былъ человѣкомъ состоятельнымъ и Мариня слѣпо вѣрила, что отъ него зависитъ нажить еще цѣлые милліоны; у отца была рента, кромѣ того, она уступила ему пожизненно то, что ей слѣдовало за Магерувку,—значитъ, нужда никому не грозила. Правда, пріятно было бы пани Поланецкой выкупить Кшемень и возить туда на лѣто своего «Стаха», но не на такія деньги.

Она съ живостью заговорила:

— Я этимъ очень огорчена. Эти деньги такъ хорошо были назначены. Волю умершихъ измѣнять не годится, не годится отнимать хлѣбъ у бѣдныхъ, средства у школъ. Племянникъ панны Плошовской застрѣлился; можетъ быть, она хотѣла спасти его душу, вымолить ему прощеніе Божіе. Это не годится. Нужно иначе думать и иначе чувствовать.

Она даже раскраснѣлась, а Поланецкій сказалъ:

— Какая рѣшительная!

Но она слегка надулась и начала повторять тономъ раскапризничавшагося ребенка:

— Ну, Стахъ, скажи, что я права, скажи, что я права! Ты долженъ сказать это!

— Безъ сомнѣнія,—сказалъ Поланецкій,—но Машко, все-таки, можетъ выиграть дѣло.

— Желаю ему, чтобъ онъ проигралъ,—проговорила Мариня.

— Какая рѣшительная!—повторилъ Поланецкій.

«И какая правдивая, какая благородная натура!»—подумалъ Завиловскій, облекая въ своемъ пластическомъ умѣ понятія о правдивости и благородствѣ въ форму женщины съ темными волосами, голубыми глазами, со стройнымъ станомъ и немного широкимъ ртомъ.

Послѣ обѣда Бигель и Поланецкій вышли пить кофе и курить въ кабинетъ, гдѣ должны были поговорить о назначеніи, которое

надлежало дать деньгамъ Букацкаго. Завиловскій, какъ не курящій, остался съ дамами въ гостиной. Тогда Мариня, которая, какъ пани «принципальша», считала своею обязанностью ободрить будущаго корреспондента торговаго дома, приблизилась къ молодому человѣку и сказала:

— Я, какъ и пани Бигель, хотѣла бы, чтобъ мы всѣ считали себя однимъ большимъ семействомъ, поэтому включите и насъ въ число своихъ добрыхъ знакомыхъ.

— Сочту за величайшую честь, если вы позволите,—сказалъ Завиловскій.—Я и такъ бы засвидѣтельствовалъ вамъ свое почтеніе...

— Я познакомилась со всѣми служащими въ конторѣ только на моей свадьбѣ; потомъ мы тотчасъ же уѣхали, теперь мнѣ хочется познакомиться поближе. Мужъ мой говорилъ, что желалъ бы, чтобъ собирались одну недѣлю у Бигилей, а другую у насъ. Это очень хорошее намѣреніе, только я должна сдѣлать одно предостереженіе.

— Какое?—спросила пани Бигель.

— Чтобы на нашихъ собраніяхъ воспрещалось говорить о торговыхъ дѣлахъ. Будетъ музыка,—надѣюсь, панъ Бигель подумаетъ объ этомъ,—а потомъ мы прочтемъ что-нибудь вродѣ *На порогѣ*.

— Только не при мнѣ, — съ принужденною улыбкой сказалъ Завиловскій.

Мариня посмотрѣла ему въ глаза со свойственною ей прямотой.

— Отчего же нѣтъ?— спросила она.—Въ присутствіи людей, искренно расположенныхъ? Мы часто говорили о васъ и думали, прежде чѣмъ познакомились съ вами, а теперь будемъ говорить еще болѣе.

Завиловскій чувствовалъ себя совершенно обезоруженнымъ. Ему казалось, что онъ попалъ въ среду какихъ-то необыкновенныхъ людей, по крайней мѣрѣ, что пани Полянецкая необыкновенная женщина. Опасеніе, палившее его, какъ огонь, чтобы не показаться смѣшнымъ вмѣстѣ со своею поэзіей, со своею длинною шеей и острыми локтями, начинало таять. Онъ чувствовалъ, что она г[illegible]ритъ не для того, чтобы сказать что-нибудь, не для соблюденія [illegible] свѣтскихъ приличій, но высказываетъ только то, что вытекаетъ изъ ея доброты и впечатлительности. Притомъ, его восхищали [illegible]ицо и фигура, такъ же, какъ въ Венеціи они восхищали Свирс[illegible]ло. А такъ какъ онъ привыкъ искать опредѣленія для каждаго в[illegible]чатлѣнія, то началъ искать опредѣленій и для Марини, и чувс[illegible]валъ, что эти опредѣленія должны быть не только искренни,

но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и изящны, красивы и безъискусственны, какъ и ея красота была изящна и безъискусственна. Онъ видѣлъ передъ собою тему и въ немъ пробудился художникъ.

Тѣмъ временемъ Мариня начала съ величайшею искренностью разспрашивать его о его семейныхъ обстоятельствахъ, но тутъ, къ счастью, появленіе Бигеля и Поланецкаго освободило его отъ тягостнаго отвѣта. Его отецъ, когда-то извѣстный картежникъ и гуляка, нѣсколько лѣтъ тому назадъ помѣшался и теперь сидѣлъ въ домѣ умалишенныхъ.

Дѣловыя совѣщанія товарищей были кончены, и Бигель сказалъ:

— Мнѣ кажется, что это великолѣпный проектъ, но нужно еще подумать.

Онъ оперся на віолончель, задумался и потомъ сказалъ:

— Странное дѣло! Когда я играю, то мнѣ сдается, что у меня въ головѣ ничего нѣтъ, кромѣ музыки, а оказывается неправда. Какая-то частичка мозга занята другими дѣлами и, что всего удивительнѣе, самыя лучшія мысли именно тогда и приходятъ ко мнѣ.

Онъ сѣлъ, поставилъ віолончель между колѣнъ, закрылъ глаза и началъ *Весеннюю пѣснь*.

Завиловскій ушелъ домой, очарованный этимъ домомъ, этими людьми, ихъ простотой, *Весеннею пѣсней* и въ особенности пани Поланецкой.

А Мариня и не догадывалась, что современемъ можетъ обогатить поэзію новымъ произведеніемъ.

XVIII.

Панъ и пани Машко навѣстили Поланецкихъ черезъ недѣлю послѣ ихъ пріѣзда. Она, въ сѣромъ платьѣ, съ сѣрыми же марабу, казалась такою красивой, какъ никогда. Воспаленіе глазъ, которымъ она страдала издавна, прошло. Ея лицо сохранило прежнюю равнодушную, почти сонную мягкость, но теперь это только возвышало его артистическое выраженіе. Бывшая панна Краславская была лѣтъ на пять старше Марини, и въ дѣвушкахъ казалась старѣе, но теперь какъ будто помолодѣла. Ея стройная и изящ[ная] фигура казалось дѣтской въ туго обтянутомъ платьѣ. Замѣ[чательно] то, что Поланецкій, который не любилъ ея, находилъ въ [ней] что-то притягательное, и сколько разъ ни встрѣчался съ нею, [го]ворилъ себѣ: «однако, въ ней что-то есть». Даже ея монотон[ный] голосъ, и тотъ имѣлъ для него свою прелесть. Теперь онъ [ви]

подумалъ, что она кажется особенно хорошенькою и что больше измѣнилась къ лучшему, чѣмъ Мариня.

Самъ Ма̀шко разцвѣлъ, какъ подсолнечникъ. Отъ него такъ и вѣяло важностью, самоувѣренностью и гордостью, впрочемъ, съ оттѣнкомъ благоволенія. Могло казаться, что онъ въ теченіе одного дня не въ состояніи объѣхать всѣхъ своихъ владѣній, —словомъ, Ма̀шко корчилъ изъ себя барина больше, чѣмъ когда-либо. Только одно въ немъ было неподдѣльно, это—любовь къ женѣ. Изъ каждаго его взгляда было видно, что онъ полюбилъ ее дѣйствительно. Правда, трудно было бы найти женщину, которая болѣе соотвѣтствовала бы его представленіямъ о хорошемъ вкусѣ, изяществѣ и великосвѣтскомъ лоскѣ. Ея равнодушіе, ея ледяное обращеніе съ людьми онъ считалъ чѣмъ-то несравненнымъ. Она ни на минуту не утрачивала этой особенности, даже тогда, когда оставалась съ нимъ съ глазу на глазъ. Ма̀шко, какъ настоящій парвеню, который завладѣлъ княжною, потому и полюбилъ ее, что она представлялась ему княжною, и потому, что онъ завладѣлъ ею.

Мариня начала спрашивать гостью, гдѣ они провели первое время послѣ свадьбы.

Пани Ма̀шко отвѣчала: «въ имѣніи мужа», и отвѣчала такимъ тономъ, какъ будто это «имѣніе мужа» было майоратомъ въ теченіе двадцати поколѣній, причемъ прибавила, что за границу они собираются только черезъ годъ, когда мужъ окончитъ дѣла, а теперь на лѣтніе мѣсяцы они снова ѣдутъ въ «имѣніе мужа».

— Вы любите деревню?—спросила Мариня.

— Мама любитъ деревню,—отвѣтила пани Ма̀шко.

— А Кшемень понравился вашей мамѣ?

— Да. Только окна въ домѣ, какъ въ оранжереѣ,—столько стеколъ!

— До нѣкоторой степени это вызвано необходимостью,—смѣясь, сказала пани Поланецкая.—Если такое стекло разобьется, то его исправитъ всякій стекольщикъ, а за большимъ пришлось бы посылать въ Варшаву.

— Мужъ говоритъ, что выстроитъ новый домъ.

Пани Поланецкая тихо вздохнула и перемѣнила предметъ разговора. Оказалось, что пани Ма̀шко брала когда-то уроки танцевъ вмѣстѣ съ пани Основской и ея младшею родственницей, Линетой Кастелли, и что Линета еще красивѣе пани Основской, рисуетъ и пишетъ стихи. Пани Ма̀шко слышала, что пани Основская уже возвратилась и что Линета останется на ея дачѣ до іюня, вмѣстѣ съ

своею теткой, пани Броничъ, «и это очень пріятно, потому что они такія милыя».

А Поланецкій съ Машко удалились въ сосѣднюю маленькую гостиную и разговаривали о завѣщаніи панны Плошовской.

— Я могу тебѣ сказать, что почти выплылъ, — говорилъ Машко.—Я былъ почти совсѣмъ надъ пропастью, но это дѣло поставило меня на ноги собственно потому, что я началъ его. Давно уже не было ничего подобнаго. Тутъ дѣло пахнетъ милліонами. Плошовскій самъ по себѣ былъ богаче тетки и, прежде чѣмъ застрѣлиться, отказалъ свое состояніе матери пани Кромицкой, а когда та не приняла завѣщанія, все состояніе перешло къ старой пани Плошовской. Понимаешь теперь, сколько бабушка оставила?

— Бигель говорилъ о семистахъ тысячахъ рублей.

— Скажи своему Бигелю, коли ужь онъ такъ любитъ считать, что больше, чѣмъ вдвое. Ну, я долженъ отдать себѣ справедливость, что умѣю защищаться и что меня легче бросить въ воду, чѣмъ утопить. Но я тебѣ вотъ что скажу: знаешь, кому я обязанъ? Твоему тестю. Когда-то онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, но тогда я только рукой махнулъ. Потомъ я попалъ въ передѣлку... помнишь, я писалъ тебѣ? Мнѣ ножъ къ горлу приставили. Три недѣли тому назадъ, совершенно случайно, я встрѣчаю твоего тестя и онъ мнѣ, между прочимъ, начинаетъ говорить о паннѣ Плошовской и вретъ о ней, сколько влѣзетъ. Вдругъ я ударилъ себя по лбу. Что я могъ потерять? Ничего. Приказалъ я нотаріусу Вышиньскому показать завѣщаніе и вижу, что неправильности есть. Небольшія, но есть. Черезъ недѣлю у меня была уже полная довѣренность отъ всѣхъ сонаслѣдниковъ и я началъ дѣло. И что-жь ты думаешь? При одномъ извѣстіи о гонорарѣ, который долженъ мнѣ достаться въ случаѣ выигрыша, ко всѣмъ людямъ вернулось довѣріе, къ кредиторамъ моимъ вернулось терпѣніе, вернулся кредитъ и я держусь... Помнишь, было время, когда я понизилъ тонъ, когда у меня въ головѣ зародились идиллическія мысли существовать муравьинымъ трудомъ, ограничить жизнь? Вздоръ! Трудно это, другъ мой! Ты бранилъ меня, что я корчу что-то, но у насъ это нужно. Теперь я долженъ корчить человѣка, который одинаково вѣритъ какъ въ свою состоятельность, такъ и въ свою побѣду.

— Скажи мнѣ откровенно, хорошее это дѣло?

— Какъ, хорошее ли?

— Просто... не нужно его будетъ сильно тянуть за уши [illegible]опреки справедливости?

— Знай же, что въ каждомъ дѣлѣ можно что-нибудь с[illegible]ть

въ его пользу, а достоинство адвоката и состоитъ въ томъ, чтобы сказать это. Собственно, вопросъ здѣсь въ томъ, кто долженъ быть наслѣдникомъ, и такъ ли написано завѣщаніе, чтобы быть состоятельнымъ передъ лицомъ закона, а законъ выдумалъ не я.

— Ты увѣренъ въ выигрышѣ?

— Когда дѣло идетъ объ уничтоженіи духовной, я почти всегда увѣренъ, потому что нападеніе обыкновенно во сто разъ болѣе бываетъ энергично, чѣмъ защита. Кто выступитъ противъ меня? Учрежденія, то-есть тѣла, сами по себѣ отяжелѣвшія, мало расторопныя, представители которыхъ не видятъ въ защитѣ никакого личнаго интереса. Возьмутъ адвоката,— хорошо! Но что они дадутъ ему? что они могутъ ему дать? Столько, сколько слѣдуетъ по таксѣ. Ну, этому адвокату больше будетъ выгоды, если я выиграю,— его польза можетъ зависѣть отъ моего личнаго соглашенія съ нимъ. Вообще, я скажу тебѣ, что въ судебныхъ дѣлахъ, какъ и въ жизни, выигрываетъ та сторона, которая сильнѣе хочетъ выиграть.

— Но общественное мнѣніе сотретъ тебя въ порошокъ, если ты уничтожишь такое завѣщаніе. Вотъ видишь, моя жена до нѣкоторой степени заинтересована...

— Какъ до нѣкоторой степени? — перебилъ Машко. — Я буду вашимъ истиннымъ благодѣтелемъ.

— Ну, хорошо. Такъ вотъ моя жена возмутилась и возмущается всѣмъ этимъ дѣломъ.

— Жена твоя — исключеніе.

— Не совсѣмъ. И мнѣ это не по вкусу.

— Вотъ какъ! И тебя передѣлали въ романтика?

— Милый мой, мы давно знаемъ другъ друга. Говори такимъ языкомъ съ кѣмъ-нибудь другимъ.

— Хорошо. Я буду говорить только объ общественномъ мнѣніи. Прежде всего, я скажу тебѣ, что нѣкоторая непопулярность человѣку настоящему comme il faut скорѣе помогаетъ, чѣмъ вредитъ. Во-вторыхъ, эти вещи надо понимать. Меня стерли бы, какъ ты выражаешься, въ порошокъ, еслибъ я проигралъ это дѣло, но если я выиграю, меня будутъ считать за дѣльную голову, а я его выиграю.

Черезъ минуту онъ продолжалъ:

— А съ экономической точки зрѣнія, въ чемъ дѣло? Деньги остаются въ странѣ и, ей-Богу, я не знаю, получатъ ли худшее назначеніе. Если на нихъ можно воспитать нѣсколько худосочныхъ ребятишекъ, которыя потомъ обратятся въ тунеядцевъ и будутъ только способствовать вырожденію расы, или купить нѣсколькимъ

швеямъ швейныя машины, или предоставить нѣсколькимъ старикамъ и старухамъ прожить двумя годами больше, то странѣ отъ этого не много прибудетъ. Цѣли эти—не продуктивныя. Нужно, чтобы разъ навсегда познакомились съ политическою экономіей... Наконецъ, я скажу тебѣ прямо: мнѣ приставили ножъ къ горлу. Моя первая обязанность — обезпечить безбѣдное существованіе себѣ, своей женѣ и своей будущей семьѣ. Если ты когда-нибудь будешь въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ я, то поймешь меня. Я предпочиталъ выплыть, чѣмъ утонуть, а такое право имѣетъ всякій. У моей жены, какъ я писалъ тебѣ, хорошая рента, но состоянія никакого, или, по крайней мѣрѣ, небольшое. Кромѣ того, изъ этой ренты она что-то платитъ своему отцу. Эту пенсію я увеличилъ, потому что онъ угрожалъ мнѣ, что пріѣдетъ сюда, а это мнѣ вовсе не улыбалось.

— Такъ ты теперь навѣрное знаешь, что панъ Краславскій существуетъ? Я помню, ты какъ-то говорилъ объ этомъ.

— Собственно потому, что говорилъ когда-то, я не дѣлаю изъ этого тайны и теперь. Наконецъ, я знаю, что люди болтаютъ объ этомъ въ ущербъ моей тещѣ и моей женѣ, разсказываютъ Богъ знаетъ что, и тебѣ, какъ пріятелю, предпочитаю объяснить всю правду. Панъ Краславскій живетъ въ Бордо; былъ посредникомъ въ торговлѣ сардинками и зарабатывалъ хорошія деньги, но потерялъ мѣсто, потому что запилъ, да и теперь пьетъ, и, кромѣ того, устроилъ себѣ нелегальную семью. Мои барыни посылаютъ ему три тысячи франковъ въ годъ, но ему этого не хватаетъ, въ интервалахъ между однимъ полученіемъ и другимъ его угнетаетъ нужда, вслѣдствіе чего онъ запиваетъ еще больше и бомбардируетъ бѣдныхъ женщинъ письмами, въ которыхъ угрожаетъ, что огласитъ въ газетахъ, какъ съ нимъ обращаются. А обращаются онѣ съ нимъ лучше, чѣмъ онъ стоитъ. Писалъ онъ и ко мнѣ, тотчасъ же послѣ моей свадьбы, и просилъ увеличить его пенсію на тысячу франковъ. Понятно, онъ доказывалъ мнѣ, что эти женщины «съѣли» его, что у него въ жизни ни на грошъ не было счастья, что его изгрызъ ихъ эгоизмъ, и предостерегалъ меня отъ нихъ...

Машко разсмѣялся.

— А, все-таки, у скотины осталась шляхетская фантазія. Разъ по нуждѣ онъ хотѣлъ взяться за продажу афишъ въ театральныхъ корридорахъ, но ему велѣли надѣть какую-то фуражку, и этого онъ не могъ перенести. Пишетъ мнѣ такъ: «Все бы хорошо пошло, но фуражка! Какъ мнѣ дали фуражку, такъ я почувствовалъ, что не могу...» И онъ предпочиталъ умереть съ голоду, чѣмъ

надѣть фуражку. Нравится мнѣ мой тесть. Я былъ какъ-то въ Бордо, но, ей-Богу, забылъ, какую фуражку носятъ продавцы афишъ, и хотѣлъ бы я видѣть эту фуражку. Ты понимаешь, конечно, что я предпочелъ прибавить тысячу франковъ, чтобы держать его подальше отъ себя съ его абсентомъ и фуражкой. Что меня огорчаетъ, такъ это то, что люди говорятъ, что онъ и здѣсь былъ какимъ-то приставомъ, не то писцомъ, а это подлая клевета,— достаточно раскрыть любой гербовникъ, чтобъ увидать, кто были Краславскіе. Кто съ кѣмъ въ родствѣ, здѣсь всѣмъ извѣстно, а у Краславскихъ нѣтъ недостатка въ родственныхъ связахъ. У моихъ барынь съ дюжину родственниковъ,— не какихъ-нибудь, съ борку да съ сосенки, и, если я разсказываю эту исторію, то только для того, чтобы ты зналъ всю правду.

Но правда, касающаяся рода Краславскихъ, мало интересовала Поланецкаго, и онъ пошелъ въ гостиную, тѣмъ болѣе, что явился Завиловскій, котораго онъ пригласилъ на послѣобѣденный чай, чтобы показать ему фотографіи итальянскихъ видовъ. Дѣйствительно, цѣлыя кучи ихъ лежали на столѣ, но Завиловскій держалъ въ рукахъ рамку съ фотографіей Литки и восхищался ею такъ, что послѣ представленія Машко вновь началъ разсматривать портретъ и говорить о немъ.

— Сначала я думалъ, что это какой-нибудь артистическій вымыселъ,— сказалъ онъ,— а не портретъ живого ребенка. Что за чудная головка, что за выраженіе! Это ваша сестра?

— Нѣтъ,—отвѣтила пани Поланецкая. — Кромѣ того, этотъ ребенокъ умеръ.

Въ глазахъ Завиловскаго, какъ поэта, трагическая тѣнь смерти еще болѣе усилила сочувствіе и удивленіе къ ангельскому личику Литки. Онъ то приближалъ, то отдалялъ отъ себя фотографію и, наконецъ, сказалъ:

— Я потому спросилъ, не ваша ли это сестра, что между вами есть какое-то сходство... въ чертахъ лица, скорѣе въ глазахъ... право, есть что-то такое!

Завиловскій говорилъ совершенно искренно, но Поланецкій питалъ такое, почти религіозное чувство къ умершей, что, несмотря на красоту Марини, сравненіе ея съ Литкой показалось ему чуть ли не профанаціей. Онъ взялъ фотографію изъ рукъ Завиловскаго, поставилъ на прежнее мѣсто и заговорилъ съ торопливою рѣзкостью:

— Ничуть, ничуть! Ни одной схожей черты! Не понимаю даже, какъ можно сравнивать! Ни одной схожей черты!

Мариню нѣсколько кольнула его горячность.

— Я держусь того же мнѣнія,—сказала она.

Но Поланецкому недостаточно было ея мнѣнія.

— Вы знали Литку?—обратился онъ къ пани Машко.

— Да.

— Конечно, вы видали ее у Бигелей?

— Да.

— Ну, есть ли хоть тѣнь сходства?

— Нѣтъ.

Завиловскій, который со всею искренностью обожалъ пани Поланецкую, съ нѣкоторымъ удивленіемъ окинулъ взглядомъ Поланецкаго, а тотъ смотрѣлъ на пани Машко и думалъ:

«Какая она изящная!»

Черезъ минуту панъ и пани Машко начали прощаться. Панъ Машко, цѣлуя руку Марини, сказалъ:

— Мнѣ, можетъ быть, скоро придется ѣхать въ Петербургъ, вспомните тогда о моей женѣ.

Во время чая Мариня напомнила Завиловскому обѣщаніе, сдѣланное имъ во время своего перваго посѣщенія, приготовить варіантъ стихотворенія *На порогѣ*. Завиловскій сразу такъ прилѣпился душою къ Поланецкимъ, что прочелъ не только это стихотвореніе, но и другое, недавно написанное. Было видно, что онъ самъ дивится собственной отвагѣ, потому что послѣ похвалъ, — впрочемъ, искреннихъ,—онъ сказалъ:

— Я тоже искренно говорю, что съ вами, послѣ третьяго свиданія, чувствуешь себя такъ, какъ будто зналъ васъ давно. Меня это положительно удивляетъ.

Поланецкій вспомнилъ, что самъ говорилъ Маринѣ нѣчто подобное еще въ Кшеменѣ, но теперь принялъ это на свой счетъ.

А Завиловскій имѣлъ въ виду только Мариню. Она положительно восхищала его своею безъискусственною добротой и лицомъ. Когда онъ ушелъ, Поланецкій сказалъ:

— А эта бестія дѣйствительно талантлива. Замѣтила ты, что онъ какъ будто немного измѣнился?

— Подстригъ волосы,—сказала Мариня.

— Ага! и подбородокъ у него еще больше выдается.

Поланецкій всталъ и началъ укладывать фотографіи на полку подъ столомъ, потомъ захватилъ портретъ Литки и сказалъ:

— Я его перенесу въ свой кабинетъ.

— У тебя есть съ березками, раскрашенный.

— Да, но я не хочу, чтобъ и этотъ стоялъ здѣсь, какъ на[illegible]

ставкѣ. Всякій считаетъ долгомъ дѣлать свои замѣчанія, а это меня сердитъ. Ты позволишь?

— Хорошо, мой Стахъ,—отвѣтила Мариня.

XIX.

Бигель всячески уговаривалъ Поланецкаго не покидать торговаго дома и не бросаться опрометчиво въ предпріятія другого рода. «Мы основали честный купеческій домъ,—говорилъ онъ,—какихъ у насъ мало, и поэтому можемъ считаться полезными». Онъ утверждалъ, что изъ простой признательности надлежитъ и далѣе вести дѣло, при помощи котораго они почти удвоили свое состояніе, и высказывалъ убѣжденіе, что теперь-то они и выкажутъ весь свой умъ, если будутъ вести дѣло осторожно, основательно, и что первая смѣлая спекуляція, несмотря на то, что она окончилась счастливо, не только не подобьетъ ихъ на другія, но и будетъ послѣднею. Поланецкій соглашался съ тѣмъ, что осторожность необходима, но жаловался, что въ торговомъ домѣ ему тѣсно, что онъ хочетъ производить что-нибудь. Настолько практическаго смысла у него было, что онъ и не мечталъ о собственной фабрикѣ. «Маленькую я не хочу заводить, потому что меня проглотятъ большія, производящія *en gros*, на большую у меня нѣтъ средствъ, а въ акціонерной я долженъ буду работать не для себя, а для другихъ». Онъ понималъ, что акціонеровъ изъ мѣстныхъ элементовъ набрать не легко, а иностранныхъ не хотѣлъ,—въ нихъ онъ не вселитъ надлежащаго довѣрія и даже самая фамилія его будетъ служить нѣкоторою преградой. Бигель, котораго, главное, интересовалъ «домъ», былъ доволенъ трезвостью этихъ взглядовъ.

Но въ Поланецкомъ пробудилось еще одно желаніе, старое, какъ свѣтъ, какъ человѣчество,—желаніе обладать собственностью. Послѣ счастливой спекуляціи и завѣщанія Букацкаго онъ обратился въ человѣка совершенно состоятельнаго, но, при всей своей умственной трезвости, испытывалъ какое-то странное чувство, что это богатство, хотя и заключающееся въ самыхъ вѣрныхъ бумагахъ,—богатство тоже бумажное и останется такимъ до тѣхъ поръ, пок[illegible] у него не будетъ чего-нибудь реальнаго, о чемъ бы онъ могъ ска[illegible]ать: «это мое!» Это странное желаніе охватывало его все сильнѣе и [illegible]сильнѣе. Ему не нужно было чего-нибудь большаго, просто какого[illegible]-нибудь уголъ, гдѣ бы онъ могъ чувствовать себя дома. Поланецкій пробовалъ философствовать надъ этимъ и объяснялъ Бигелю, что это желаніе обладанія должно быть какою-нибудь врож-

денною страстью, которую можно подавить, но которая въ зрѣломъ человѣкѣ отзывается съ новою силой. Бигель соглашался, что можетъ быть и такъ, и говорилъ:

— И прекрасно. Ты теперь женатъ, тебѣ хочется имѣть собственное гнѣздо, а не наемное, средства у тебя есть, возьми да и заведи.

Одно время Поланецкій думалъ построить большой домъ въ городѣ, который удовлетворялъ бы его желанію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приносилъ бы доходъ, но скоро замѣтилъ, что у этого практическаго намѣренія одна дурная сторона, именно то, что здѣсь нѣтъ ничего привлекательнаго. Мало сказать: «это мое!» — нужно любить это, а какъ любить каменный домъ, въ которомъ живетъ всякій, кто наймете квартиру? Сначала онъ стыдился этой мысли,—она показалась ему романтичной,—но потомъ онъ сказалъ себѣ: «Нѣтъ! У меня есть средства и употребить ихъ такъ, чтобъ это было мнѣ пріятно, дѣло не романтизма, а разсудка». Болѣе всего его стала привлекать мысль о какомъ-нибудь меньшемъ домѣ въ городѣ или за городомъ, въ которомъ онъ могъ бы жить только съ женою. Но при этомъ ему хотѣлось имѣть клокъ земли, на которой росло бы что-нибудь. Онъ чувствовалъ, что видъ деревьевъ, ростущихъ въ его саду, передъ его домомъ, на его землѣ, доставлялъ бы ему огромное удовольствіе. Онъ самъ удивлялся, что это такъ, но это такъ и было. Въ концѣ Поланецкій дошелъ до убѣжденія, что пріятнѣе всего обзавестись маленькимъ имѣніемъ вблизи города, чѣмъ-нибудь вродѣ дачи Бигеля, но съ кусочкомъ земли, съ кусочкомъ лѣса, со сколькими-нибудь десятинами огорода, наконецъ, съ садомъ и гнѣздомъ аиста на какой-нибудь старой липѣ.

И онъ началъ обсуждать это со всѣхъ сторонъ. Онъ понималъ, что такъ какъ дѣло идетъ о гнѣздѣ, въ которомъ онъ долженъ провести остатокъ жизни, то нужно дѣйствовать обдуманно, и потому не спѣшилъ. Мысль объ этомъ занимала все время, свободное отъ занятій въ конторѣ, и доставляла ему много отрады. Вскорѣ всѣ узнали, что Поланецкій хочетъ купить имѣніе за наличныя деньги, и со всѣхъ сторонъ посыпались предложенія, иногда довольно странныя, но порою весьма соблазнительныя. Нужно было ѣздить, осматривать. Часто, послѣ обѣда, Поланецкій запирался съ письмами, и съ планами и показывался только вечеромъ. У Марыни оставалось много свободнаго времени. Она замѣтила, что ея мужа что-то необыкновенно занимаетъ, и попробовала было допытаться, но онъ отвѣтилъ:

— Дитя мое, когда будетъ результатъ, тогда я и скажу тебѣ, а пока я еще самъ ничего не знаю, трудно разговаривать ни о чемъ. Это не согласно съ моею натурой.

Наконецъ, Мариня узнала, въ чемъ дѣло, отъ пани Бигель, а та отъ своего мужа, у котораго, наоборотъ, была привычка говорить съ женою обо всѣхъ предпріятіяхъ и предположеніяхъ. Пани Поланецкой также необыкновенно было бы пріятно говорить съ мужемъ обо всемъ, въ особенности о выборѣ будущаго гнѣзда. Глаза ея такъ и искрились при мысли объ этомъ, но разъ настроеніе Стаха было не таково, она изъ деликатности не пыталась допрашиваться. У Поланецкаго не было никакихъ дурныхъ намѣреній, ему просто не приходило въ голову посвящать Мариню въ какія-нибудь дѣла, связанныя съ деньгами. Можетъ быть, было бы иначе, еслибъ она принесла большое приданое и онъ долженъ былъ бы распоряжаться ея состояніемъ: въ такихъ вещахъ Поланецкій былъ человѣкомъ очень щепетильнымъ. Но онъ распоряжался только своимъ и не чувствовалъ, какъ и во всей своей холостой жизни, ни малѣйшей потребности распространяться о томъ, что еще не было рѣшено. Съ Бигелемъ онъ говорилъ потому, что привыкъ разговаривать съ нимъ о дѣлахъ.

Съ женой онъ велъ бесѣду о такихъ вещахъ, которыя, по его мнѣнію, «были ея дѣломъ»,—между прочимъ, о кружкѣ знакомыхъ, который нужно было составить. Подъ конецъ своей холостой жизни Поланецкій почти нигдѣ не бывалъ, а чувствовалъ, что теперь это такъ быть не можетъ. Они отдали визитъ Машко и теперь разсуждали, нужно ли быть у Основскихъ, которые возвратились изъ-за границы и должны пробыть въ Варшавѣ до половины іюня. Мариня говорила, что нужно, что они и безъ того будутъ видаться у пани Машко; кромѣ того, ей очень нравился панъ Основскій. Поланецкій выказывалъ менѣе желанія и дѣло было пока рѣшено на томъ; но черезъ нѣсколько дней Основскіе встрѣтили Мариню и обошлись съ ней такъ сердечно, пани Основская такъ часто повторяла «мы, римлянки», высказывала такую твердую надежду, что они будутъ видѣться часто, что не сдѣлать визита было невозможно.

Но когда Поланецкіе пріѣхали съ визитомъ, всѣ любезности обращались исключительно Маринѣ. Въ этомъ отношеніи устроилось какое-то соперничество между хозяиномъ и хозяйкой. Съ Поланецкимъ они, какъ люди хорошо воспитанные, были безупречно вѣжливы, но относились къ нему холоднѣе. Онъ понималъ, что Мариня играетъ первую, а онъ второстепенную роль, и это его до

нѣкоторой степени сердило. Пану Основскому, впрочемъ, не было надобности принуждать себя быть любезнѣе къ пани Поланецкой,— онъ чувствовалъ, что она питаетъ къ нему симпатію, и платилъ ей сторицею, такъ какъ сильно нуждался въ симпатіи.

Маринѣ показалось, что онъ теперь еще больше влюбленъ въ жену, чѣмъ прежде. По всему было замѣтно, что сердце его бьется сильнѣе, когда онъ взглянетъ на нее. Говоря съ ней, онъ подыскивалъ выраженія, словно съ опасеніемъ, какъ бы ее чѣмъ-нибудь не обидѣть. Поланецкій смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, но тутъ было что-то и трогательное. Въ борьбѣ съ ожирѣніемъ панъ Основскій одержалъ такую блестящую побѣду, что платье его казалось черезъ-чуръ широкимъ. Красные прыщи совсѣмъ исчезли съ его лица и вообще онъ казался болѣе красивымъ, чѣмъ прежде. А у барыни были все тѣ же ни съ чѣмъ несравнимые косые глаза фіалковаго цвѣта, все тѣ же мысли, которыя, какъ райскія птицы, вѣчно рѣяли въ воздухѣ.

Поланецкіе познакомились у Основскихъ съ пани Броничъ и ея племянницей, панной Кастелли, которыя пріѣхали въ Варшаву на «лѣтній карнавалъ» и поселились на той самой дачѣ, которую покойный панъ Броничъ продалъ Основскимъ, причемъ выговорилъ одинъ павильонъ въ пожизненное пользованіе жены. Пани Броничъ была вдова пана Бронича, о которомъ она всегда вспоминала какъ о послѣднемъ потомкѣ князей Острожскихъ, и, вслѣдствіе этого, какъ о послѣднемъ изъ Рюриковичей. Въ городѣ была она извѣстна подъ названіемъ «Сладкой»; прозвищу этому она была обязана тѣмъ, что, бесѣдуя съ людьми, которые почему-либо ее особенно интересовали, она умилялась такъ, что могло показаться, будто у нея во рту кусокъ сахара и черезъ него-то собственно она и говоритъ. О ея вракахъ разсказывали цѣлыя эпопеи. Панна Кастелли была дочь ея сестры, которая когда-то, къ великому огорченію семьи и общества, вышла за итальянца, учителя музыки, родила дочь и умерла. Спустя годъ послѣ того панъ Кастелли утонулъ на Лидо и пани Броничъ взяла на воспитаніе племянницу.

Панна Кастелли была писаная красавица, съ необыкновенно правильными чертами лица, съ голубыми глазами, золотистыми волосами и съ необыкновеннымъ, почти фарфоровымъ цвѣтомъ лица. Но у нея были черезъ-чуръ тяжелыя рѣсницы, что придавало ей сонное выраженіе, но это выраженіе могло считаться и сосредоточенностью. Можно было подумать, что она живетъ необыкновенно развитою внутреннею жизнью и поэтому равнодушно относится къ тому, что окружаетъ ее. А если бы кто-нибудь и не вывелъ такого

заключенія, то въ этомъ помогла бы пани Бронпчъ. Пани Основская, которая теперь переживала періодъ восхищенія своею кузиной, говорила о глазахъ панны Линеты, что они «глубоки, какъ озеро»; вопросъ касался только того, что̀ именно кроется на днѣ этихъ озеръ, но собственно эта тайна и придавала паннѣ Линетѣ очарованіе.

Основскіе пріѣхали жить въ Варшаву, но пани Анета не даромъ была въ Римѣ. «Искусство и искусство,—говорила она Маринѣ,—ни о чемъ другомъ я и знать не хочу». Явнымъ намѣреніемъ ея было устроить «аѳинскій салонъ», а скрытымъ — сдѣлаться Беатриче какого-нибудь Данта, Лаурой какого-нибудь Петрарки, или ужь, въ крайнемъ случаѣ, чѣмъ-нибудь вродѣ Витторіи Колонна для какого-нибудь Микель-Анджело.

— У насъ хорошій садъ на дачѣ,—говорила она,—вечера будутъ чудесные и мы будемъ собираться на римскія бесѣды, на флорентинскія... Вы знаете (она поднимала руки и начинала размахивать ими), сумерки... заря... луна... лампы... тѣни отъ деревьевъ... а мы сидимъ и въ полголоса разговариваемъ обо всемъ,— о жизни, о чувствахъ, объ искусствѣ... Право, это лучше сплетенъ! Юзя, милый, ты, можетъ быть, будешь скучать, не сердись, сдѣлай это для меня и вѣрь мнѣ, это будетъ хорошо.

— Анета, какъ мнѣ можетъ быть скучно, что доставляетъ тебѣ удовольствіе?—отвѣчалъ Основскій.

— Въ особенности теперь, когда Линета живетъ у насъ,— вѣдь, это артистка до мозга костей.

И пани Основская обращалась къ Линетѣ:

— Какую нить прядетъ эта головка? Что ты скажешь о нашихъ римскихъ вечерахъ?

Панна Линета сонно улыбалась, а «послѣдняя изъ Рюриковичей» обращалась къ Поланецкимъ и начинала говорить съ неописуемою сладостью:

— Вы знаете, что Викторъ Гюго благословилъ ее, когда она еще была маленькой?

— Вы были знакомы съ Викторомъ Гюго?—спросила Мариня.

— Мы? Нѣтъ. Я не познакомилась бы съ нимъ ни за что на свѣ..ѣ, но однажды мы проѣзжали по Пасси, когда онъ стоялъ на ба..конѣ, и не знаю, по предчувствію ли какому, или по вдохновенію, какъ онъ увидалъ Линетку, такъ поднялъ руки и благословилъ ее.

— Тетя!—сказала панна Кастелли.

— Когда это правда, дитя мое, а что правда, то правда. Я

сейчасъ же крикнула ей: «Смотри! смотри! Онъ поднялъ руку!» —и панъ Кардинъ, консулъ,—онъ сидѣлъ на передней лавочкѣ,—видѣлъ, какъ Викторъ Гюго поднялъ руку, а потомъ перекрестился. Напротивъ, я охотно разсказываю объ этомъ. Можетъ быть, за это крестное знаменіе Господь отпустилъ ему грѣхи,—а у него столько ихъ было! Такой извращенный умъ, а какъ увидалъ Линету, такъ благословилъ ее.

Во всемъ этомъ правды было настолько, что пани Броничъ съ Линетой, проѣзжая по Пасси, дѣйствительно видѣли на балконѣ Виктора Гюго. Что касается благословенія, которымъ онъ осѣнилъ Линету, то варшавскіе сплетники говорили, что въ эту минуту Викторъ Гюго зѣвнулъ и поднялъ руку, чтобы скрыть свой зѣвокъ.

А пани Основская продолжала:

— Мы здѣсь устроимъ себѣ маленькую Италію, а если опытъ не удастся, то на будущую зиму сбѣжимъ въ большую. Юзя привезъ съ собою нѣсколько хорошихъ копій картинъ и статуй. Это такъ мило съ его стороны, тѣмъ болѣе, что картины и статуи его мало интересуютъ, и сдѣлалъ онъ это только для меня. Есть очень хорошія вещи,—у Юзи хватило настолько ума, что онъ не полагался на себя и просилъ помощи у пана Свирскаго. Жаль, что его нѣтъ здѣсь. Жаль также, что и панъ Букацкій, какъ на зло, умеръ, а то и онъ пригодился бы намъ. По временамъ онъ бывалъ очень милъ. У него была какая-то змѣиная гибкость, а въ разговорѣ это придаетъ жизни. Но (тутъ она обратилась къ пани Поланецкой) вы знаете, что совершенно покорили пана Свирскаго? Послѣ вашего отъѣзда онъ ни о комъ другомъ не говорилъ и началъ писать съ васъ Мадонну. Такимъ образомъ вы сдѣлаетесь Форнариной. Вѣроятно, вамъ везетъ на артистовъ, и когда мои флорентинскіе вечера начнутся, мы должны будемъ держаться съ Линетой за одно, иначе вы загоните насъ въ уголъ.

Пани Броничъ бросила недоброжелательный взоръ въ сторону Марини и сказала:

— Если рѣчь идетъ о лицѣ, которое производитъ впечатлѣніе на артистовъ, то я разскажу вамъ, что однажды случилось въ Ниццѣ.

— Тетя!—перебила панна Кастелли.

— Да, когда это правда, дитя мое, а что правда, то правд... Годъ тому назадъ... нѣтъ, два года... Какъ время-то летитъ!..

Но пани Основская, которая, вѣроятно, уже не разъ слышала, что̀ случилось въ Ниццѣ, начала разспрашивать пани Поланецкую:

— А у васъ большое знакомство въ артистическомъ мірѣ

— У мужа моего, вѣроятно,—отвѣтила Мариня,—а у меня—нѣтъ. Впрочемъ, мы знаемъ пана Завиловскаго.

При этомъ извѣстіи пани Основская впала въ настоящій энтузіазмъ. Познакомиться съ Завиловскимъ — это была ея мечта,—пусть Юзя скажетъ, была это ея мечта или нѣтъ? Недавно они читали съ Линетой его стихотвореніе *Ex imo,* и Линета, которая иногда однимъ словомъ съумѣетъ опредѣлить свое впечатлѣніе, какъ никто другой, сказала... Что она такое сказала? Что-то такое очень характеристичное...

— Что это стихотвореніе точно отлито изъ бронзы,—напомнила пани Броничъ.

— Ахъ, да... отлито изъ бронзы... Я и пана Завиловскаго воображаю себѣ какою-то бронзовою статуей... Каковъ онъ изъ себя?

— Низенькій,—сказалъ Поланецкій,—толстый, лѣтъ пятидесяти и ни одного волоска на головѣ.

Лица пани Основской и панны Линеты приняли такой отпечатокъ разочарованія, что Мариня разсмѣялась и сказала:

— Не вѣрьте ему, онъ злой человѣкъ и любитъ приводить другихъ въ смущеніе. Панъ Завиловскій молодой, немного дикъ и немного похожъ на Вагнера.

— Это значитъ, что у него подбородокъ какъ у полишенеля,—добавилъ Поланецкій.

Но пани Основская уже не слушала словъ Поланецкаго и пристала къ Марини, чтобъ она познакомила ее съ паномъ Завиловскимъ, и поскорѣе, потому что «лѣто на носу».

— Мы постараемся, чтобъ ему было хорошо между нами и чтобы онъ не былъ дикъ, хотя, если онъ и дикъ немного, то это не мѣшаетъ, потому что онъ и долженъ быть немного дикъ и нахохливаться, когда люди приближаются къ нему... Какъ орелъ въ клѣткѣ... Впрочемъ, они съ Линетой поймутъ другъ друга: и она замкнута въ себѣ и таинственна, какъ сфинксъ.

— Мнѣ кажется, что всякая недюжинная душа...—начала было сладкая тетя, но Поланецкіе начали прощаться. Въ сѣняхъ они наткнулись на красавца Коповскаго, у котораго лакей очищалъ сапоги отъ пыли въ то время, когда самъ Коповскій причесывалъ свою античную и твердую, какъ мраморъ, голову. На улицѣ Поланецкій сказалъ:

— Этотъ имъ также пригодится для «флорентинскихъ» вечеровъ. Тоже сфинксъ!

— Еслибъ онъ стоялъ въ нишѣ,—сказала Мариня.—Какія это ужасныя женщины!

— Странная вещь! — сказалъ Поланецкій. — Пани Осповская, какъ будто и красива, но, какъ красоту, я предпочитаю пани Машко. Что касается панны Кастелли, то она, дѣйствительно, хороша, хотя черезъ-чуръ высока. Ты замѣтила, что тамъ о ней все время говорятъ, а она ни гугу?

— Ее считаютъ очень умной, хотя, можетъ быть, немного робкой, какъ Завиловскій, — сказала Мариня. — Нужно получше познакомиться съ нею.

Но случай помѣшалъ этому. Пани Поланецкая на другой день послѣ визита поскользнулась на лѣстницѣ и разбила себѣ колѣно такъ сильно, что должна была пролежать нѣсколько дней въ постели. Поланецкій, возвратившись изъ конторы и узнавъ о случившемся, сначала было перепугался, а потомъ, успокоенный завѣреніями доктора, сдѣлалъ женѣ довольно рѣзкій выговоръ:

— Ты должна помнить, что, можетъ быть, тутъ дѣло идетъ не объ одной тебѣ, — сказалъ онъ.

Мариня сильно страдала и отъ ушиба, и отъ этихъ словъ, — она думала, что именно о ней и идетъ дѣло, — другія опасенія еще не имѣли пока никакого основанія. Но при этомъ Поланецкій, все-таки, высказалъ много заботливости и даже два дня не ходилъ въ контору, чтобъ ухаживать за женой. До полудня онъ читалъ ей вслухъ, а послѣ завтрака занимался въ комнатѣ, прилегающей къ спальнѣ, и нарочно отворялъ дверь, чтобы Мариня всегда могла позвать его. Мариня, тронутая такою заботливостью, горячо благодарила его, а онъ поцѣловалъ ее и сказалъ:

— Дитя мое, это простая обязанность. Видишь, и чужіе люди навѣщаютъ тебя каждый день.

Чужіе люди, дѣйствительно, навѣщали Мариню каждый день. Завиловскій освѣдомлялся въ конторѣ о ея здоровьѣ, пани Бигель приходила днемъ, а Бигель вечеромъ и игралъ на фортепіано для ея развлеченія. Машко и пани Броничъ два раза оставили свои визитныя карточки, а пани Осповская оставила мужа въ экипажѣ, почти силой ворвалась къ Маринѣ, просидѣла у нее часа два и все время, со своею обычною манерой перескакивать съ предмета на предметъ, болтала о Римѣ, о своихъ проектированныхъ вечерахъ, о Свирскомъ, о мужѣ, о Линетѣ и о Завиловскомъ, который не давалъ ей спать. При концѣ визита она объявила пани Поланецкой, что они должны говорить другъ другу «ты» и что она призываетъ Мариню помочь ей въ одномъ планѣ, «то-есть не въ планѣ [illegible] въ заговорѣ», или, вѣрнѣе сказать, въ чемъ-то такомъ, что [illegible]ало

ей въ голову и такъ жжетъ, такъ жжетъ, до такой степени, что вся голова горитъ.

— Этотъ Завиловскій до такой степени занимаетъ меня, что Юзя началъ было ревновать его ко мнѣ, но Юзя,—бѣдняжка!—во столькихъ вещахъ не умѣетъ отдавать себѣ отчета. Я увѣрена, что они съ Линетой сотворены другъ для друга, то-есть не Юзя съ Линетой, а Завиловскій. И то поэзія, и это поэзія. Не смѣйся, Мариня, и не думай, что я съ ума сошла. Ты Линеты не знаешь. Ей нуженъ какой-нибудь необыкновенный человѣкъ. За какого-нибудь Коповскаго она ни за что въ свѣтѣ не выйдетъ, хотя Коповскій смотритъ херувимомъ. Такого лица, какъ у Коповскаго, я никогда въ жизни не видала... Можетъ быть, въ Италіи, на какой-нибудь картинѣ, да и то нѣтъ... А знаешь, что Линета о немъ говоритъ? «C'est un imbécile!» Можетъ быть и такъ, но, однако, она на него посматриваетъ. Подумай, какъ бы это было чудесно, еслибъ они сошлись, полюбили другъ друга и обвѣнчались, то-есть не Коповскій съ Линетой, а Завиловскій. Вотъ это была бы пара! А Линета, со своими стремленіями, кого она найдетъ? Гдѣ возьмешь ей подходящаго мужа? Вотъ бы мы насмотрѣлись, вотъ бы насмотрѣлись! Воображаю себѣ, какъ бы они любили другъ друга. На свѣтѣ такъ скучно, что для такого зрѣлища стоитъ потрудиться. Наконецъ, я знаю, что это будетъ нетрудно, потому что и тетя Броничъ ломаетъ руки, гдѣ она найдетъ мужа Линетѣ... Я боюсь, что утомила тебя, да и вѣрно утомила, но поговорить такъ пріятно, въ особенности, если что-нибудь устраивается.

Дѣйствительно, послѣ ухода пани Основской Мариня чувствовала, что у нея кружится голова, но, все-таки, смѣялась, когда разсказывала мужу о планахъ противъ Завиловскаго и о горячности пани Основской.

— У нея, должно быть, доброе сердце, и она нравится мнѣ, но она такая экзальтированная. Что ей только ни взбредетъ въ голову!

— Скорѣе изломанная, чѣмъ экзальтированная, — отвѣтилъ Поланецкій,— а это, видишь ли, разница, потому что экзальтація [illegible]ти всегда обозначаетъ доброе сердце, изломанность же часто уживается съ сухостью сердца, а иногда даже и вытекаетъ изъ того, что голова горитъ, а сердце спитъ.

— Ты не любишь пани Основскую,— сказала Мариня.

Поланецкій, дѣйствительно, не любилъ ее, но на этотъ разъ, вместо утвердительнаго или отрицательнаго отвѣта, началъ съ любопытствомъ смотрѣть на жену. Его въ эту минуту поразила кра-

сота Марини. Волосы ея въ безпорядкѣ разсыпались по подушкѣ и маленькое личико, какъ цвѣтокъ, выглядывало изъ этой темной волны. Глаза ея казались болѣе голубыми, чѣмъ обыкновенно, сквозь раскрытыя губы виднѣлся рядъ мелкихъ бѣлыхъ зубовъ. Поланецкій приблизился къ ней и сказалъ въ полголоса:

— Какая ты сегодня красивая!

И, наклонившись надъ нею, съ измѣнившимся лицомъ, онъ началъ цѣловать ея глаза и губы.

Каждый его поцѣлуй безпокоилъ Мариню, а ей каждое движеніе причиняло боль. Кромѣ того, ей было противно, что онъ какъ будто случайно замѣтилъ ея красоту, противно выраженіе его лица и невнимательность, и она отворотила отъ его лица голову.

— Стахъ, не цѣлуй меня такъ крѣпко, ты знаешь, что я больна.

Поланецкій выпрямился и сказалъ съ подавленнымъ гнѣвомъ:

— Правда, прошу извиненія!

И онъ ушелъ въ свою комнату разсматривать планъ какого-то лѣтняго дома съ садомъ.

XX.

Болѣзнь пани Поланецкой длилась недѣлю, а черезъ недѣлю она могла поѣхать съ мужемъ къ Бигелямъ, которые уже переѣхали на дачу. Погода, несмотря на раннюю пору, стояла хорошая, въ городѣ было даже жарко. Завиловскій, — онъ теперь совсѣмъ освоился съ Бигелями,—тоже пріѣхалъ и привезъ огромный змѣй, который долженъ былъ быть пущенъ при участіи Поланецкаго и дѣтей. Бигели также полюбили Завиловскаго; человѣкъ онъ былъ простой и, несмотря на свою дикость, веселый и по временамъ дѣтски-добродушный. Пани Бигель утверждала при этомъ, что у него оригинальная голова. Это была правда: у Завиловскаго было родимое пятно на рѣсницѣ, а выдающійся подбородокъ придавалъ ему выраженіе энергіи, которая совершенно противорѣчила верхней части его лица, мягкой, почти женственной. Сначала пани Бигель считала его оригиналомъ, но онъ черезъ-чуръ сознательно относился ко всему, а значитъ и къ самому себѣ, чтобы быть оригиналомъ. Онъ только держалъ себя неровно, благодаря своей робости, бы[illegible]ъ великимъ энтузіастомъ и человѣкомъ не безъ скрытой гордости.

За обѣдомъ разговоръ шелъ объ Основскихъ, о предпола[illegible]емыхъ аѳинско-римско-флорентинскихъ вечерахъ, о паннѣ Касте[illegible]и и о любопытствѣ, которое Завиловскій возбудилъ въ дамахъ. [illegible]ъ услыхалъ объ этомъ и сказалъ:

— Ну, хорошо, что я узналъ, поэтому не пойду туда ни за что на свѣтѣ.

— Вы, прежде всего, познакомтесь съ ними у насъ,—сказала Мариня.

Онъ умоляюще сложилъ руки:

— Пани Поланецкая, я убѣгу изъ передней.

— Почему?—спросилъ Поланецкій.—Нужно быть не только смѣлымъ въ убѣжденіяхъ, но и не бояться своихъ стиховъ.

— Конечно,—подтвердила пани Бигель.—Чего тутъ стыдиться? Вы должны смѣло глядѣть людямъ въ глаза и говорить имъ: пишу—и все тутъ!

— Пишу, и все тутъ! — Завиловскій поднялъ голову и засмѣялся.

Но Мариня продолжала:

— Вы познакомитесь съ ними у насъ, потомъ занесете имъ свою карточку, а потомъ мы пойдемъ къ нимъ когда-нибудь вечеромъ.

Завиловскій отвѣтилъ:

— Я не могу спрятать голову въ снѣгъ, потому что его нѣтъ, но я найду себѣ какой-нибудь потайной уголъ.

— А если я буду васъ очень просить?

— Тогда я пойду,—отвѣтилъ немного погодя Завиловскій и слегка покраснѣлъ.

Онъ посмотрѣлъ на Мариню. Она поблѣднѣла отъ долгаго пребыванія въ постели, лицо ея сдѣлалось еще меньше и казалось лицомъ шестнадцатилѣтней дѣвочки. Завиловскому она казалась такою очаровательной, что онъ не могъ ни въ чемъ отказать ей.

Вечеромъ Поланецкіе должны были взять его съ собою въ городъ, но передъ этимъ Мариня сказала ему:

— Теперь съ вами нужно прибѣгать къ насилію, потому что вы не видали Линеты Кастелли, но какъ увидите ее, такъ влюбитесь.

— Я, пани Поланецкая?—воскликнулъ Завиловскій и приложилъ руку къ груди.—Я? въ панну Кастелли?

Въ его восклицаніи было столько искренности, что онъ снова см[illegible]ался, но на этотъ разъ немного смѣшалась и пани Пола[illegible]ня.

[illegible]мъ временемъ Поланецкій окончилъ съ Бигелемъ разговоръ об[illegible]пасности помѣщенія капитала въ земельную собственность и с[illegible]въ экипажъ. Мариня вспомнила, какъ нѣкогда они точно такъ ж[illegible]ращались отъ Бигелей съ ея отцомъ, пани Эмиліей и Пола-

нецкимъ въ такую же точно лунную ночь. Она вспомнила, какъ тогда «панъ Станиславъ» былъ влюбленъ въ нее и какъ онъ былъ несчастенъ, какъ она была сурова къ нему, и сердце ея забилось состраданіемъ къ этому «пану Станиславу», который въ то время столько настрадался. Ей хотѣлось теперь прижаться къ нему и просить прощенія за прошлое, и не будь здѣсь Завиловскаго, она сдѣлала бы это.

Но «панъ Станиславъ» сидѣлъ теперь возлѣ нея спокойный и самоувѣренный и курилъ сигару. Вѣдь, теперь она была его, онъ взялъ ее, обладалъ ею,—теперь все кончилось.

— О чемъ ты такъ задумался, Стахъ?—спросила она.

— О разныхъ дѣлахъ... Мы говорили съ Бигелемъ...

Онъ стряхнулъ пепелъ съ сигары и затянулся такъ, что красноватый огонекъ освѣтилъ его усы и нижнюю часть лица.

А Завиловскій, глядя на Мариню, подумалъ въ глубинѣ своей молодой души, что еслибъ она была его женою, то онъ теперь не курилъ бы сигару, не думалъ бы о дѣлахъ, о которыхъ говорилъ съ Бигель, а стоялъ бы передъ нею на колѣняхъ и слагалъ бы къ ея ногамъ дань своего обожанія.

И невольно, подъ вліяніемъ ночи и этого кроткаго лица женщины, которая такъ была ему по сердцу, онъ начиналъ впадать въ экзальтацію. Сначала тихо, какъ будто про себя, а потомъ все громче онъ началъ декламировать свое стихотвореніе *Снѣгъ въ горахъ*. Въ этомъ стихотвореніи звучала какая-то тоска по чемъ-то недостижимомъ и непрочномъ. Завиловскій самъ не замѣтилъ, какъ они очутились въ городѣ и какъ передъ ними начали мигать фонари по обѣимъ сторонамъ улицы. У квартиры Поланецкихъ Мариня сказала:

— Значитъ, послѣ-завтра, на five o'clock?

— Да,—отвѣтилъ Завиловскій и поцѣловалъ у нея руку.

Пани Поланецкая до нѣкоторой степени размечталась подъ впечатлѣніемъ прогулки, ночи, а, можетъ быть, и стихотворенія. Послѣ возвращенія изъ Рима они вмѣстѣ съ мужемъ читали вечернюю молитву. И теперь, послѣ этой молитвы, она растрогалась и почувствовала приливъ чувства, замаскированнаго въ другія минуты посторонними впечатлѣніями. Она подошла къ Поланецкому, обвила руками его шею и шепнула ему:

— Стахъ, а, вѣдь, намъ хорошо другъ съ другомъ, правда?

Онъ прижалъ ее къ себѣ и отвѣтилъ съ небрежною хвастливостью:

— А развѣ я жалуюсь?

Ему и въ голову не пришло, что въ ея вопросѣ крылся оттѣнокъ горя и сомнѣнія, котораго она ни за что не хотѣла допустить въ свою душу, что она жаждала, чтобъ онъ успокоилъ и увѣрилъ ее.

На другой день Завиловскій отдалъ Поланецкому оттискъ изъ какой-то газеты со *Снѣгами въ горахъ*. Поланецкій прочелъ его за обѣдомъ, но при стукѣ посуды стихотвореніе показалось ему не такимъ звучнымъ, какъ среди ночной тишины, при свѣтѣ луны.

— Завиловскій говорилъ,—сказалъ онъ,—что скоро выйдетъ томъ его стихотвореній, но обѣщалъ, что передъ этимъ соберетъ все, что было напечатано въ разныхъ изданіяхъ, и принесетъ тебѣ.

А Мариня отвѣтила:

— Нѣтъ, нужно, чтобъ онъ приберегъ это для Линеты.

— А! завтра они должны встрѣтиться въ первый разъ! Вы рѣшительно хотите составить эпоху въ жизни Завиловскаго?

— Хотимъ, — рѣшительно сказала Мариня. — Анета сначала удивила меня, но почему бы и нѣтъ?

Дѣйствительно, свиданіе наступило на слѣдующій день. Основскіе, пани Броничъ и панна Кастелли пріѣхали аккуратно въ пять часовъ, но Завиловскій пришелъ еще раньше, чтобъ избѣгнуть необходимости входить въ гостиную, полную посторонними людьми. Онъ былъ сконфуженъ и болѣе неловокъ, чѣмъ обыкновенно; никогда еще его собственныя ноги не казались ему такими длинными. Но въ его неловкости было что-то изящное, и пани Основская съумѣла понять это. Начались первыя сцены человѣческой комедіи: дамы, какъ особы, хорошо воспитанныя, дѣлали видъ, будто не особенно внимательно смотрятъ на Завиловскаго, хотя на самомъ дѣлѣ ничего другого и не дѣлали; онъ же притворялся, что не видитъ этого, хотя думалъ только о томъ, что на него смотрятъ и обсуждаютъ его со всѣхъ сторонъ. Онъ чувствовалъ неловкость своего положенія и старался быть развязнымъ, его самолюбіе заставляло его желать, чтобъ о немъ вывели благопріятное мнѣніе. Но дамы заранѣе были настроены такъ, что рѣшеніе ихъ не могло быть неблагопріятнымъ, и еслибъ даже Завиловскій оказался глупымъ и пошлымъ, то и это было бы принято за умъ и поэтическую оригинальность. Болѣе равнодушно держала себя панна Линета, хотя ее, все-таки, удивляло, что въ эту минуту не она играетъ роль солнца, а Завиловскій роль луны, но наоборотъ. Первымъ впечатлѣніемъ, которое произвело на нее лицо Завиловскаго, было: «можно ли сравнивать съ этимъ дуракомъ Коповскимъ?» И ни съ чѣмъ несравни

мое, прелестное лицо этого «дурака», какъ живое, предстало передъ ея глазами,—рѣсницы ея стали еще болѣе сонными, а выраженіе лица еще болѣе, чѣмъ обыкновенно, напоминало сфинкса изъ фарфора. Ее немного раздражало, что Завиловскій не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на ея юноновскую фигуру, ни на то «что-то таинственное и поэтическое», что, по увѣреніямъ пани Броничъ, приковывало къ ней всякаго человѣка съ перваго взгляда. Мало-по-малу она сама начала смотрѣть на него, и, какъ женщина, кромѣ поэтическихъ стремленій, не лишенная способности свѣтскаго наблюденія, замѣтила, что, правда, лицо у Завиловскаго очень выразительное, но сюртукъ на немъ сидитъ плохо, что онъ одѣвается у плохого портного, а булавка въ его галстукѣ прямо «mouvais genre». Тѣмъ временемъ Завиловскій, поглядывая на Мариню, какъ на единственную близкую и пріязненную душу, разговаривалъ съ пани Основской, которая считала за величайшій тактъ не говорить при первомъ свиданіи о поэзіи и все щебетала о своемъ стремленіи къ деревенской жизни, потому что узнала, что Завиловскій первые годы своей жизни провелъ въ деревнѣ. Ея мужъ всегда предпочиталъ городъ, у него здѣсь свои удовольствія, друзья, но что касается ея... «О, я искренна и сразу признаюсь, что не терплю фольварка, хозяйства и счетовъ... меня столько бранили за это... Притомъ, я немного лѣнтяйка и любила бы такую работу, за которой можно было бы лѣнтяйничать... позвольте, что бы я любила?

Она разставила свои пальчики, чтобы по нимъ считать занятія, которыя пришлись бы ей по вкусу:

— Во-первыхъ, я любила бы пасти гусей.

Завиловскій разсмѣялся. Сказано это было очень естественно, а фигура пани Основской, пасущей гусей, привела его въ восторгъ.

Ея фіалковые глаза тоже начали смѣяться и она впала въ тонъ свободной и веселой дѣвочки, которая говоритъ обо всемъ, что ей придетъ въ голову.

— А вы любили бы?—вдругъ спросила она у Завиловскаго.

Онъ отвѣтилъ:

— О, страстно!

— Вотъ видите ли!... Ну, что еще? Ага! любила бы я быть рыбакомъ. Рано утромъ на водѣ заря, должно быть, удивительно п[о]-лестна. Притомъ, мокрыя сѣти передъ хатой, съ водяными переп[ё]-ками въ ячейкахъ, также очень красивы... Если не рыбакомъ, [то] я хотѣла бы быть хоть цаплей и важно стоять на одной ногѣ н[а] водой или чайкой кружиться надъ лугами. Но нѣтъ, чайка—т[а] унылая птица,—правда? Точно въ траурѣ.

И она обратилась къ паннѣ Кастелли:

— А ты, Линета, чѣмъ хотѣла бы быть въ деревнѣ?

Панна Кастелли подняла рѣсницы и отвѣтила:

— Паутиной.

Воображеніе Завиловскаго, какъ поэта, взволновалось отъ этого отвѣта. Вдругъ передъ его глазами предстали огромныя бурыя пространства жнитва и серебряныя нити, плавающія въ спокойной лазури и солнечномъ свѣтѣ.

— Какая это чудесная картина!—сказалъ онъ и внимательно посмотрѣлъ на Линету, а она улыбнулась, какъ бы благодаря его за то, что онъ понялъ красоту ея картины.

Въ это время пришли Бигели. Завиловскимъ завладѣла пани Броничъ и такъ загородила его стуломъ, что онъ не могъ двинуться. Легко было понять, что составляло предметъ ихъ разговора, потому что Завиловскій отъ времени до времени поднималъ глаза на панну Кастелли, какъ будто для того, чтобъ удостовѣриться, такова ли она, какъ о ней говорятъ. Хотя разговоръ велся въ полголоса, но присутствующіе могли, однако, услыхать слова, точно процѣженныя сквозь кусочекъ сахара:

— Вы знаете, что ее Наполеонъ... то-есть, я хотѣла сказать, Викторъ Гюго благословилъ...

Вообще Завиловскій наслышался столько неслыханныхъ вещей, что могъ не безъ любопытства смотрѣть на панну Кастелли. По этимъ разсказамъ, она была самымъ удивительнымъ ребенкомъ на свѣтѣ, очень кроткимъ, но не обѣщала многаго. Когда ей было десять лѣтъ, она была очень больна. Ей приказали дышать морскимъ воздухомъ и они долго жили на Стромболи.

— Дѣвочка смотрѣла на вулканъ, на море, шлепала ручонками и повторяла: «Какъ хорошо, какъ хорошо!» Мы заѣхали туда случайно, блуждали на нанятой яхтѣ безъ цѣли. Долго оставаться было невозможно, потому что Стромболи пустой островокъ, жить тамъ негдѣ, да и ѣсть нечего, но она ни за что не хотѣла уѣзжать, какъ будто предчувствуя, что тамъ поздоровѣетъ. И дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ, а если не черезъ мѣсяцъ, то черезъ два, она начала приходить въ себя, и, посмотрите, выросла, какъ тростникъ! Дѣйствительно, панна Кастелли, хотя и не поражала своимъ ро[с]томъ, была выше пани Основской. Завиловскій смотрѣлъ на нее съ увеличивающимся интересомъ. Выпущенный, наконецъ, изъ невол[и], онъ приблизился къ ней и сказалъ:

— Я никогда не видалъ вулкана и не имѣю понятія, какое онъ мо[жетъ] произвести впечатлѣніе.

— Я знаю только Везувій, — отвѣтила панна Кастелли, — но когда мы его видѣли, изверженія не было.

— А Стромболи?

— Я не знаю.

— Я только что наслушался... ваша тетушка...

— Да,—отвѣтила панна Кастелли, — я не помню. Вѣроятно, я была тамъ еще очень маленькою.

И на лицѣ ея выразилось отвращеніе и замѣшательство.

Пани Основская, не выходя до конца изъ своей роли, пригласила Завиловскаго къ себѣ «когда-нибудь вечеромъ, безъ церемоніи и не во фракѣ, потому что такую весну можно считать за лѣто, а лѣтомъ свобода такъ пріятна». При этомъ она сообщила, что понимаетъ, что такіе люди, какъ онъ, не любятъ новыхъ знакомствъ, но на это есть простое средство, а именно—считать ее старою знакомой. По большей части она одна: Линета что-нибудь читаетъ или говоритъ, что ей придетъ въ голову, а въ голову ей приходятъ такія вещи, которыя слышать стоитъ, въ особенности тому, кто больше, чѣмъ другой, въ состояніи понять и оцѣнить ихъ.

Панна Кастелли съ непривычною силой пожала на прощанье руку Завиловскому, какъ бы подтверждая, что они могутъ и должны понять другъ друга. Завиловскій, не привыкшій къ людямъ, былъ слегка оглушенъ словами, шелестомъ платьевъ, глазами и запахомъ ириса, который барыни оставили послѣ себя. При этомъ онъ чувствовалъ себя утомленнымъ,— въ этомъ разговорѣ, хотя на видъ свободномъ и полномъ непринужденности, не было такого спокойствія, которое замѣчалось всегда въ словахъ пани Поланецкой и пани Бигель. Все это на Завиловскаго производило впечатлѣніе безпорядочнаго сна.

Бигели должны были остаться обѣдать. Поланецкій задержалъ и Завиловскаго.

— Какъ вы нашли панну Кастелли?—спросила Мариня.

— У нихъ обѣихъ много воображенія,—послѣ минутнаго колебанія сказалъ Завиловскій.—Вы замѣтили, какъ имъ легко говорить образами?

— Но правда, какая Линета интересная дѣвушка?

Поланецкій, на котораго панна Кастелли не производила большаго впечатлѣнія и который былъ голоденъ, отозвался съ оттѣнкомъ нетерпѣнія:

— Что вы тамъ увидали? Интересная до тѣхъ поръ, пока не опошлѣетъ.

Но пани Поланецкая отвѣтила:

— Нѣтъ, Линета не опошлѣетъ... Пошлѣютъ только дюжинныя существа, которыя только и умѣютъ, что любить.

Завиловскому, который посмотрѣлъ на нее въ эту минуту, показалось, что въ глазахъ ея промелькнула тѣнь грусти. Можетъ быть, она была еще слаба, потому что цвѣтъ ея лица походилъ на цвѣтъ лиліи.

— Вы утомились?—спросилъ онъ.

— Немного,—отвѣтила Мариня и улыбнулась.

Молодое, впечатлительное сердце Завиловскаго забилось сочувствіемъ къ ней. «Настоящая лилія»,—подумалъ онъ, и, въ сравненіи съ ея сладкимъ очарованіемъ, пани Основская показалась ему крикливою сойкой, а лицо панны Кастелли—мраморною головой статуи. До сихъ поръ, послѣ каждаго свиданія съ пани Поланецкой, онъ мечталъ о женщинѣ, подобной ей, а въ этотъ вечеръ началъ мечтать не о подобной ей, а о ней самой. А такъ какъ онъ хорошо сознавалъ, что творится съ нимъ, то замѣтилъ, что она начинаетъ быть для него не только «полевымъ» цвѣткомъ, но и цвѣткомъ любимымъ.

На другой день Поланецкій спросилъ у него въ конторѣ:

— Снилась вамъ спящая царевна, а?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Завиловскій и покраснѣлъ.

Поланецкій замѣтилъ его румянецъ, засмѣялся и сказалъ:

— Что дѣлать? Всякій долженъ пройти чрезъ это, — прошелъ и я.

XXI.

Мариня даже сама себѣ не жаловалась на мужа. До сихъ поръ между ними не было ни малѣйшаго недоразумѣнія. Она должна была только признать, что истинное, большое счастье, въ особенности большая любовь, о которой она мечтала, когда Поланецкій былъ ея женихомъ, представлялись въ ея воображеніи не такими. Въ этомъ ее убѣждалъ чуть не каждый прожитой день. Надежды были однѣ, а дѣйствительность оказывалась другою. Прямая натура Марини не начала бунтовать противъ этой дѣйствительности, но на нее пала тѣнь грусти, вмѣстѣ съ предчувствіемъ, что эта тѣнь современемъ можетъ сдѣлаться фономъ ея жизни. Душа ея была преисполнена добрыхъ намѣреній и сначала она пробовала доказать себѣ, что это—дѣло ея собственныхъ заблужденій. Чего ей не хватало и въ чемъ Поланецкій могъ обмануть ее? Предъ-

умышленно онъ никогда не дѣлалъ ей непріятностей; коль скоро въ голову ему приходило, что вотъ такая-то вещь можетъ доставить ей удовольствіе, онъ дѣлалъ это, былъ щедръ для нея, заботился о ея здоровьѣ, иногда осыпалъ поцѣлуями ея лицо и руки,—однимъ словомъ, былъ скорѣе добрымъ, чѣмъ злымъ. И, все-таки, чего-то въ немъ недоставало. Трудно было Маринѣ опредѣлить это однимъ или нѣсколькими словами, но умъ ея былъ настолько ясенъ, что не могла она не понять того, что̀ ложилось на сердце съ каждымъ днемъ все сильнѣе и съ каждымъ днемъ все печальнѣе. Чего ей недоставало? Послѣ великаго и торжественнаго праздника любви начинался рядъ будничныхъ дней, и ей жаль было праздника; она хотѣла бы растянуть его на всю жизнь и съ ужасомъ видѣла, что ея мужу эта будничность казалась чѣмъ-то нормальнымъ и желательнымъ. То, что было, не было дурно, но то было не великое счастье, которое *такой человѣкъ* долженъ былъ чувствовать, устроить и дать ей. Но, кромѣ того, дѣло касалось и другихъ вещей. Напримѣръ, она чувствовала, что больше принадлежитъ ему, чѣмъ онъ ей, и что когда она отдаетъ ему всю душу, онъ возвращаетъ ей только частицу своей души,—ту частицу, которую заранѣе предназначилъ для домашняго употребленія. Правда, Мариня говорила себѣ, что онъ мужчина, что, кромѣ нея, передъ нимъ цѣлый міръ труда и мысли, но иногда позволяла себѣ надѣяться, что онъ возьметъ ее за руку и введетъ въ этотъ міръ, что, по крайней мѣрѣ, хоть дома будетъ дѣлиться съ ней этимъ міромъ, а теперь не могла даже и обманывать себя, чтобъ это такъ было. А дѣйствительность была хуже, чѣмъ Мариня представляла ее себѣ. Поланецкій,—какъ онъ самъ выражался,—взялъ ее и обладалъ ею, и когда ихъ взаимное чувство стало, вмѣстѣ съ тѣмъ, простымъ взаимнымъ обязательствомъ, думалъ, что ни заботиться о немъ, ни ухаживать за нимъ не нужно иначе, какъ за всякими другими обязательствами обыденной жизни. Ему просто не приходило въ голову, что въ такой огонь недостаточно подкладывать обыкновенныхъ дровъ, какія подкладываютъ въ каминъ, что въ него нужно сыпать янтарь и смирну, какъ сыпятъ ихъ передъ алтаремъ. Еслибъ ему кто-нибудь сказалъ что-нибудь подобное, онъ пожалъ бы плечами и счелъ бы говорящаго романтикомъ. Поэтому-то въ немъ, можетъ бы[illegible], и была заботливость мужа, но не было ни заботливости любовн[illegible]ка, ни проникновенія, ни боязни, которая въ маломъ предѣлѣ земн[illegible]хъ чувствъ—то же самое, что страхъ Божій въ чувствѣ религіозн[illegible]мъ. Одно время, когда, послѣ продажи Кшеменя, Мариня была [illegible]но-душна къ нему, онъ чувствовалъ и перешелъ черезъ все э[illegible], но

теперь, въ особенности со времени смерти Литки, когда онъ началъ быть совершенно увѣреннымъ, что Мариня—его собственность, онъ думалъ о ней не больше, чѣмъ надлежитъ думать о собственности. Чувство его, основанное исключительно на физическомъ влеченіи, обрѣло то, чего хотѣло, и было спокойно, а время въ будущемъ могло только опошливать его, охлаждать, притуплять.

И даже теперь, когда это чувство было живо, ему недоставало хотя бы такой бдительной и нѣжной заботливости, какая была въ его чувствѣ къ Литкѣ. И Мариня замѣтила это. Она не могла отвѣтить, почему это было такъ, но, тѣмъ не менѣе, ясно чувствовала, что для человѣка, для котораго она хотѣла бы быть всѣмъ, она представляется чѣмъ-то болѣе обыкновеннымъ и менѣе цѣннымъ, чѣмъ тотъ умершій ребенокъ.

Ей не приходило въ голову, да и не могло бы умѣститься въ ней, что единственною причиной этого было то, что Литка была не его, а она отдала ему тѣло и душу. Она думала, что чѣмъ больше отдастъ она, тѣмъ больше должна получить, тѣмъ большимъ должна обладать. Но время и съ этой стороны принесло ей много разочарованій. Вѣдь, не могла же она не замѣтить, что всѣ находятся подъ ея очарованіемъ, что всѣ ее цѣнятъ, чтутъ, что Свирскій, Бигель, Завиловскій и даже панъ Основскій смотрятъ на нее не только съ удивленіемъ, но чуть не съ восторгомъ, и что меньше всего обращаетъ вниманіе на нее онъ, «Стахъ». Ни на минуту не пришло ей въ голову, что онъ не былъ бы способенъ познать и оцѣнить то, что другіе понимали и оцѣнили съ такою легкостью. Что тому за причина? Эти вопросы удручали ее днемъ и ночью. Она замѣтила, что Поланецкій почти во всѣхъ дѣлахъ хочетъ выказать болѣе холодный и болѣе трезвый характеръ, чѣмъ это есть въ дѣйствительности, но это не казалось ей достаточнымъ объясненіемъ. Увы, ей оставался одинъ отвѣтъ: «Онъ меня не любитъ такъ, какъ бы могъ, и потому не цѣнитъ, какъ цѣнятъ другіе». Въ этомъ было столько же правды, сколько горечи и печали. Женскій инстинктъ, который въ такихъ случаяхъ никогда не обманываетъ, предостерегъ Мариню, что она произвела на Завиловскаго необычное впечатлѣніе, и что это впечатлѣніе увеличивается съ каждымъ свиданіемъ. И эта мысль не возмутила ее, не вылилась въ гнѣвномъ вопросѣ: «какъ онъ смѣетъ?» — потому что онъ ни на что не осмѣливался, — напротивъ, придала ей нѣкоторую бодрость, нѣкоторую увѣренность въ своемъ очарованіи, а она уже начала [illegible] утрачивать эту увѣренность, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, про-

будило тѣмъ большее сожалѣніе, что приноситъ ей такую дань, восторгается ею кто-то чужой, а не «Стахъ». Къ Завиловскому она не чувствовала ничего, кромѣ большой симпатіи и расположенія,— значитъ, ея мысли оставались чистыми. Она не была способна, ради тщеславія, тѣшиться чужими страданіями и поэтому охотно присоединилась къ плану пани Основской сблизить Завиловскаго съ панной Кастелли, хотя этотъ планъ по своей неожиданности казался ей непонятнымъ. Наконецъ, и сердце ея, и умъ всецѣло были заняты вопросами: почему этотъ добрый, этотъ умный, этотъ любимый Стахъ не хочетъ возвести ее на свою высоту, почему онъ не цѣнитъ ее такъ, какъ бы могъ, почему онъ только любитъ ее, а не влюбленъ въ нее, почему ея любовь считаетъ какою-то своею принадлежностью, но не драгоцѣнностью? Откуда это пошло и въ чемъ заключается причина этого?

Всякая плоская, самолюбивая натура нашла бы всю вину въ немъ, но Мариня Поланецкая отыскала ее въ себѣ. Правда, открытіе это она сдѣлала при посторонней помощи, но она всегда была настолько готова сложить всякую отвѣтственность со своего Стаха и взять ее на себя, что, несмотря на страхъ, это открытіе чуть не обрадовало ее.

Однажды, послѣ полудня, она сидѣла одна, съ руками, сложенными на колѣняхъ, терялась въ мысляхъ и вопросахъ, на которые не умѣла найти отвѣта, какъ вдругъ дверь отворилась и въ ея отворѣ показалось бѣлое покрывало и темное платье сестры милосердія.

— Эмилія!—радостно крикнула пани Поланецкая.

— Да, это я, — отвѣтила сестра,— сегодня у меня свободный день и я хотѣла навѣстить васъ. Гдѣ панъ Станиславъ?

— Стахъ у Машко, но я думаю, что онъ скоро возвратится. Ахъ, какъ онъ будетъ радъ! Садись, отдохни!

Пани Эмилія сѣла.

— Я бы и чаще заходила къ вамъ, да времени нѣтъ. Сегодня у меня свободный день, я была у Литки. Еслибъ ты знала, какъ зелено тамъ, сколько птицъ!

— Мы были тамъ нѣсколько дней назадъ. Все цвѣтетъ, и такое спокойствіе. Какъ жаль, что Стаха нѣтъ дома!

— Да... у него есть нѣсколько писемъ Литки; я хотѣла просить, чтобы онъ далъ ихъ мнѣ на время. На будущей недѣлѣ я приду опять и принесу письма назадъ.

Пани Эмилія теперь уже спокойно говорила о Литкѣ, можетъ быть, потому, что отъ нея самой осталась только тѣнь живого существа, да и та должна была вскорѣ развѣяться, но настроеніе ея

духа было невозмутимо ясное. Ея мысль уже не была исключительно поглощена несчастьемъ и прежнее равнодушіе ко всему, что не касалось Литки, прошло. Сдѣлавшись сестрой милосердія, она снова вступила въ кругъ людей и научилась понимать все, что составляло ихъ счастье или несчастье, веселье или горе, даже удовольствіе или непріятность.

— А какъ тутъ у васъ хорошо!—сказала она черезъ минуту.— Послѣ нашихъ бѣлыхъ стѣнъ все здѣсь кажется такимъ богатымъ. Панъ Станиславъ былъ когда-то великій лѣнтяй, бывалъ только у Бигелей и у насъ, больше ему нигдѣ не хотѣлось бывать, но теперь, вѣроятно, разшевелился. Много вы принимаете?

— Нѣтъ,—отвѣтила Мариня,—мы бываемъ только у Машко, у пани Броничъ и у Основскихъ.

— А, постой! Я знаю пани Основскую. Знала ее еще дѣвушкой. И Броничей знала, и ихъ племянницу, но тогда она была еще маленькой. Панъ Броничъ умеръ нѣсколько лѣтъ назадъ. Видишь, я все знаю.

Мариня засмѣялась.

— Дѣйствительно, больше, чѣмъ я. Я познакомилась съ Основскими только въ Римѣ.

— Не даромъ я столько лѣтъ прожила въ Варшавѣ, кое-что запало и мнѣ въ голову. Какъ будто бы я все сидѣла дома, но свѣтъ меня интересовалъ. Такая я была тогда легкомысленная! Да, наконецъ, и твой теперешній панъ Станиславъ зналъ пани Основскую...

— Онъ говорилъ мнѣ. Они встрѣчались на общественныхъ балахъ.

— Въ то время она должна была выйти за пана Коповскаго. Были и слезы, и отчаяніе, потому что ея отецъ былъ противъ этого брака. Но она теперь хорошо устроилась. Панъ Основскій всегда считался добрымъ человѣкомъ.

— Онъ очень хорошъ къ ней. Но я не знала о томъ, что она хотѣла выйти за пана Коповскаго, и это удивляетъ меня,—она такая умная!

— Славу Богу, что она счастлива, только бы цѣнила это. Счастье—рѣдкая вещь, его нужно умѣть цѣнить и обращаться съ ни ъ умѣючи. Я теперь научилась смотрѣть на міръ безпристрастно какъ могутъ только смотрѣть люди, которые ничего для себя не желаютъ, и знаешь, что мнѣ нерѣдко приходитъ въ голову? Сч стье—все равно, что глаза: всякая порошинка, и тотчасъ же по чутъ слезы.

Мариня грустно улыбнулась и сказала:

— Ахъ, да! Это великая истина!

Пани Эмилія внимательно посмотрѣла на Мариню, нѣжно положила свою прозрачную руку на ея руку и спросила:

— Но ты, Мариня, ты счастлива, да?

Мариней вдругъ овладѣло такое желаніе заплакать, что она удержалась только съ величайшимъ усиліемъ. Но длилось это лишь одно мгновеніе. Вся ея прямая душа вздрогнула при мысли, что ея слезы или грусть были бы жалобой на мужа, поэтому она всею силой воли поборола свое волненіе и отвѣтила:

— Только бы Стахъ былъ счастливъ!

И она подняла на пани Эмилію свои, уже совершенно спокойные глаза. Пани Эмилія сказала:

— Литка выпроситъ вамъ это у Бога. Я спросила это потому, что когда вошла, ты мнѣ показалась какою-то хмурой. Но я лучше всѣхъ знаю, какъ онъ любилъ тебя и какъ онъ былъ несчастенъ, когда ты сердилась на него за Кшемень.

Лицо Марини разцвѣло улыбкой. Ей такъ было дорого каждое слово о его прежней любви, что она готова была безъ конца слушать подобные разсказы.

Пани Эмилія продолжала, не выпуская ея руки:

— А ты, дрянная дѣвчонка, какая ты была безжалостная, ты такъ не умѣла оцѣнить и понять его истинной привязанности, что по временамъ я бывала зла на тебя. Иногда я боялась за добраго пана Станислава, чтобъ онъ не возненавидѣлъ жизнь, чтобы не свихнулся окончательно, не одичалъ бы. Видишь ли, случается такъ, что если сдѣлается какая-нибудь складка въ глубинѣ сердца, то потомъ вся жизнь не можетъ изгладить ее.

Мариня подняла голову и моргнула нѣсколько разъ, какъ будто бы ея глаза поразилъ какой-то внезапный свѣтъ.

— Эмилія, Эмилія!—горячо сказала она,—какъ ты умно говоришь!

Пани Эмилія теперь называлась «сестрой Анелей», но Мариня называла ее прежнимъ именемъ.

— Ну, какой тутъ умъ!—отвѣтила она.—Просто ворчу на прожитое время. Но Литка выпроситъ вамъ счастье и Богъ дастъ вамъ его, потому что вы стоите этого.

Она начала собираться и напрасно Мариня удерживала ее до прихода мужа. Однако, по женскому обычаю, онѣ проболтали еще четверть часа у дверей. Наконецъ, пани Эмилія ушла и обѣщала опять придти въ будущее воскресенье.

Мариня возвратилась на свое кресло у окна, оперлась на руку и начала думать о словахъ пани Эмиліи.

Немного спустя она сказала въ полголоса:

— Да, это моя вина!

Теперь ей казалось, что она нашла ключъ къ загадкѣ.

Просто-на-просто она не умѣла почтить такую правдивую и такую великую силу, какъ любовь. И теперь ея боязливому сердцу эта любовь представилась какимъ-то оскорбленнымъ, карающимъ божествомъ. Тогда Поланецкій былъ передъ нею на колѣняхъ. Какъ только они ни встрѣчались, онъ смотрѣлъ въ ея глаза, ожидая снисхожденія отъ ея сердца и отъ воспоминаній,—незначительныхъ, скоропреходящихъ, но дорогихъ воспоминаній, которыя соединяли ихъ. Еслибъ ее въ то время хватило на то, чтобы быть простой и великодушной, еслибъ она протянула ему руку, какъ повелѣвало ей тайное чувство, то онъ былъ бы признателенъ ей всю жизнь, чтилъ бы ее, чтилъ и любилъ бы тѣмъ съ большею нѣжностью, чѣмъ больше бы чувствовалъ свою вину и ея доброту. Но она въ то время предпочитала лелѣять и раздувать свою обиду и, вмѣстѣ съ тѣмъ, кокетничать съ Машко. Когда нужно было забыть, она не умѣла забыть; когда нужно было простить, она не умѣла простить. Она хотѣла страдать, только чтобы и онъ страдалъ. Руку свою она отдала только тогда, когда не могла поступить иначе, когда не отдать ее было бы безчестно и безумно. Правда, тогда подавленная любовь возстала во всей своей непобѣдимой мощи, и она полюбила всѣмъ сердцемъ и душою, но это было уже поздно. Любовь была оскорблена. Что-то сломалось, что-то пропало; въ его сердцѣ образовалась зловѣщая складка, о которой говорила пани Эмилія, и теперь она, Мариня, собирала только то, что посѣяла.

Онъ не виноватъ, и ужь если кто кому, то не онъ ей, а она ему испортила жизнь. При этой мысли ее охватили такой страхъ и такое горе, что съ минуту она смотрѣла въ будущее съ полнымъ ужасомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ей хотѣлось плакать и плакать, какъ маленькому ребенку. Еслибъ пани Эмилія не ушла, она разрыдалась бы на ея плечѣ. Она была такъ подавлена тяжестью своихъ поступковъ, что еслибъ въ эту минуту кто-нибудь пришелъ и попробовалъ снять съ нея эту тяжесть, еслибъ кто-нибудь сказалъ ей «ты столько же виновна, сколько голубь», то она сочла бы это за чѣмъ-то нехорошимъ. Самымъ страшнымъ въ этомъ духовномъ разладѣ было то, что въ первую минуту вина ея представлялась непоправимою, и ей казалось, что дальше будетъ все хуже и хуже,

что Стахъ будетъ любить ее все меньше и меньше, и будетъ имѣть на это полное право. Однимъ словомъ, Мариня не видала передъ собою никакого спасенія.

Логика говорила ей: сегодня еще хорошо въ сравненіи съ тѣмъ, что можетъ быть завтра, послѣ-завтра, черезъ мѣсяцъ, черезъ годъ... А тутъ, вѣдь, дѣло идетъ обо всей жизни!

И Мариня начала работать своею бѣдною, измученною головкой, чтобы найти если не дорогу, то хоть какую-нибудь тропинку, по которой можно было бы выйти изъ этого лабиринта несчастія. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, послѣ Богъ вѣсть сколькихъ проглоченныхъ слезъ, ей показалось, что она видитъ передъ собою какой-то свѣтъ.

И свѣтъ этотъ, по мѣрѣ того, какъ она присматривалась къ нему, все росъ и росъ. Было что-то могущественнѣе логики несчастія, могущественнѣе совершонныхъ винъ и оскорбленнаго божества, умѣющаго только мстить,—было милосердіе Божіе.

Она провинилась, ей нужно исправить свою вину. Нужно Стаха любить такъ, чтобъ онъ нашелъ все, что потеряло его сердце. Нужно имѣть терпѣніе, и не только не роптать на свою теперешнюю долю, но еще благодарить Бога и Стаха за то, что эта доля такова. Если придутъ большія горести и затрудненія, нужно потихоньку похоронить ихъ въ сердцѣ и выдерживать долго, долго... хотя бы цѣлые годы, пока не придетъ милосердіе Божіе.

Тропинка начала обращаться въ торную дорогу. «Не заблужусь!»—говорила себѣ Мариня. Ей и теперь хотѣлось плакать отъ великой радости, но она думала, что не можетъ позволить себѣ этого. Стахъ каждую минуту можетъ придти,—нужно, чтобъ онъ нашелъ ее съ сухими глазами.

Стахъ, дѣйствительно, скоро пришелъ. Мариня въ первую минуту хотѣла броситься къ нему на шею, но чувствовала себя настолько виноватой передъ нимъ, что какая-то робость удержала ее на мѣстѣ.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и спросилъ:

— Никто не былъ?

— Была Эмилія, но не могла остаться долго. Придетъ въ слѣдующее воскресенье.

Поланецкій разсердился.

— Ахъ, Господи! Ты знаешь, мнѣ пріятно видѣть ее,—отч го же ты не дала мнѣ знать? Тебѣ было извѣстно, гдѣ я,—почем ы не прислала за мной?

Она, какъ извиняющійся ребенокъ, заговорила голосо ъ

которомъ дрожали слезы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слышалась и какая-то надежда:

— Нѣтъ, Стахъ, я люблю тебя и всегда о тебѣ думаю.

XXII.

— Вотъ видите, былъ,— весело говорилъ Завиловскій у Бигелей,— на меня до нѣкоторой степени смотрѣли какъ на какую-нибудь пантеру или на волка, но я оказался совершенно прирученнымъ существомъ: никого не поцарапалъ, ничего не разбилъ, на вопросы отвѣчалъ болѣе или менѣе сознательно. Нѣтъ, это я давно замѣтилъ, что съ людьми легче жить, чѣмъ это кажется, и у меня только въ первую минуту является желаніе бѣжать безъ оглядки. Но эти барыни, дѣйствительно, держутъ себя вовсе не натянуто.

— Вы не заговаривайте насъ и разскажите обстоятельно все, какъ было,— сказала пани Бигель.

— Какъ было? Вошелъ я въ ворота дачи и не зналъ, что дѣлать дальше,— гдѣ живутъ Основскіе, гдѣ пани Броничъ,— и вмѣстѣ ли имъ нужно сдѣлать визитъ или зайти и къ тѣмъ, и къ другой.

— Конечно, отдѣльно,— сказалъ Поланецкій.— У пани Броничъ отдѣльное помѣщеніе и только одна гостиная общая съ Основскими.

— Я и нашелъ ихъ всѣхъ въ этой гостиной и пани Основская первая вывела меня изъ затрудненія, когда сказала, что дѣлится мною съ пани Броничъ и что я сразу дѣлаю два визита. Я засталъ тамъ пани Машко и пана Коповскаго. Это такой красавецъ, что у него для головы долженъ быть футляръ съ атласною подкладкой внутри, вродѣ ювелирскихъ футляровъ. Кто это Коповскій?

— Дуракъ,— отвѣтилъ Поланецкій,— въ этомъ самомъ заключается и имя, и званіе, и родъ занятія, и особыя примѣты. Другого описанія не нужно даже и для паспорта.

— Теперь я понимаю,— сказалъ Завиловскій,— и нѣкоторыя слова, какія я слышалъ, стали мнѣ теперь ясны. Господинъ этотъ позировалъ, а молодыя барыни рисовали его портретъ: пани Основская масляными икрасками en face, а панна Кастелли — акварелью въ профиль. На обѣихъ были фартуки сверхъ платья и обѣ были прелестны. Пани Основская, видимо, только что начала учиться, но у панны Кастелли много опытности.

— О чемъ же вы говорили?

Завиловскій обратился къ Маринѣ:

— Прежде всего, меня спрашивали о вашемъ здоровьѣ и я сказалъ, что вамъ теперь лучше.

Онъ не упомянулъ, однако, что при этомъ случаѣ покраснѣлъ, какъ гимназистъ, и теперь утѣшался только мыслью, что всѣ такъ были заняты живописью, что не замѣтили его смущенія, въ чемъ, впрочемъ, ошибался.

Онъ и теперь немного смутился и, желая скрыть это, продолжалъ:

— Потомъ, конечно, мы говорили о живописи вообще и о портретной въ особенности. Я замѣтилъ, что панна Кастелли немного уменьшила голову пана Коповскаго, а она отвѣтила мнѣ: «Это не я, а природа!»

— Остроумная дѣвушка!

— И сказала это совсѣмъ громко. Я засмѣялся, и всѣ засмѣялись, и самъ панъ Коповскій. Онъ, должно быть, очень уживчивый человѣкъ. Потомъ онъ заявилъ, что если онъ сегодня кажется хуже, чѣмъ обыкновенно, то единственно потому, что не выспался и что ему нужно въ объятія Орѳея.

— Орѳея?

— Да. Панъ Основскій исправилъ его безъ церемоніи, но онъ не согласился на поправку, сказалъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, былъ десять разъ на Орѳеѣ и помнитъ это хорошо. Барыни слегка подсмѣиваются надъ нимъ, но онъ такой красивый, и они съ удовольствіемъ рисуютъ его. Однако, какая артистка эта панна Кастелли! Какъ начала мнѣ показывать кистью разныя пятна и линіи на начатомъ портретѣ пана Коповскаго, такъ даже раскраснѣлась: «Какая это линія! Что это за тоны!» Я долженъ отдать ей справедливость, что при этомъ она представлялась настоящею музой. Говорила мнѣ, что больше всего любитъ рисовать портреты, что о каждомъ лицѣ, прежде всего, думаетъ, какъ о моделѣ, и что головы, въ которыхъ есть что-нибудь оригинальное, даже снятся ей по ночамъ.

— Ого! и вы будете сначала сниться ей, а потомъ позировать,—я увѣрена въ этомъ,—сказала Мариня.—И это будетъ хорошо.

Завиловскій отвѣтилъ слегка невѣрнымъ голосомъ:

— Она почти сказала мнѣ, что это дань, которую она любитъ собирать съ добрыхъ знакомыхъ, но сама не обратилась ко мнѣ прямо съ изъявленіемъ своего желанія, и если бы не пани Броничъ, объ этомъ не было бы рѣчи.

— А пани Броничъ выручила музу?—спросилъ Полане[illegible].

— Это будетъ хорошо,—сказала Мариня.

— Почему хорошо?—проговорилъ Завиловскій.

И онъ посмотрѣлъ на нее покорнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безпокойнымъ взглядомъ. Мысль, что она насильно хочетъ толкнуть его къ другой, потому что угадала тайну его сердца, и привлекала его, и охватывала страхомъ.

Мариня отвѣтила:

— Правда, я почти не знаю панну Линету, сужу о ней только по первымъ впечатлѣніямъ и по тому, что слышала о ней, но мнѣ кажется, что это не дюжинная натура,— значитъ будетъ хорошо, если вы познакомитесь поближе.

— Я хотя сужу по первымъ впечатлѣніямъ,—сказалъ успокоенный Завиловскій,—но и мнѣ точно также панна Кастелли кажется менѣе поверхностной, чѣмъ пани Основская. Вообще, это— очень красивыя и милыя женщины, только... можетъ быть, я не съумѣю опредѣлить этого, потому что недостаточно знаю свѣтъ, но, выйдя отъ нихъ, я вынесъ такое впечатлѣніе, будто ѣхалъ въ вагонѣ съ необыкновенно милыми иностранками, которыя разговариваютъ очень остроумно, но ничего болѣе. Я чувствую въ нихъ что-то чужое. Пани Основская, напримѣръ,—вѣдь, это совсѣмъ, какъ архидея. Цвѣтокъ! Очень оригинальный и красивый... но какой-то чужой. Панна Кастелли — также. Да... и въ ней нѣтъ ничего нашего, родного. Съ ними не испытываешь чувства, что все это выросло на одномъ съ нами полѣ, подъ однимъ дождемъ и подъ однимъ солнцемъ...

— Какая интуиція у поэта!—сказалъ Поланецкій.

Завиловскій оживился такъ, что на его лбу явственно выступили жилы въ формѣ буквы Y. Онъ чувствовалъ, что въ его порицаніи тѣхъ дамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, кроется похвала Марини, и это дѣлало его краснорѣчивымъ.

— Притомъ,—продолжалъ онъ,—существуетъ какой-то инстинктъ, который помогаетъ отгадывать истинное доброе расположеніе. Тамъ этого не чувствуется. Онѣ милы, предупредительны, но все это кажется одною формой, и поэтому я думаю, что въ ихъ домѣ человѣкъ искренній, который легко приспособляется къ людямъ, можетъ испытать много разочарованія. Ужасно скверная и у[illegible]зительная вещь — принимать свѣтскую шелуху за истинное з[illegible]но. Что касается меня, то поэтому я и боюсь людей. Вотъ панъ П[illegible]анецкій приписываетъ мнѣ интуицію, но я знаю отлично, что я [illegible]ъ сущности, наивенъ. Такія вещи причиняютъ мнѣ много боли. М[illegible]нервы просто не могутъ выносить ихъ. Помню, когда я былъ

еще ребенкомъ и замѣчалъ, что люди не одинаковы со мной при отцѣ и матери и въ ихъ отсутствіе, то это было однимъ изъ величайшихъ непріятностей моего дѣтства. Мнѣ это показалось подлымъ и грызло меня такъ, какъ будто я самъ допустилъ какую-нибудь подлость.

— Потому что у васъ правдивая натура,— сказала пани Бигель.

Завиловскій имѣлъ привычку размахивать своими длинными руками, когда забывалъ робость. Онъ и теперь махнулъ рукой и воскликнулъ:

— Ахъ, искренность! Это и въ искусствѣ, и въ жизни — самое главное и единственное!

Пани Поланецкая начала защищать своихъ знакомыхъ: люди, въ особенности мужчины, несправедливы, и свои собственныя рѣшенія, часто даже предположенія, принимаютъ за дѣйствительность. Что касается пани Основской и панны Кастелли, то какъ же можно судить о нихъ послѣ второго свиданія? Онѣ веселы, добры и любезны, но изъ чего же должна исходить эта любезность, какъ не изъ искренняго сердца?

Она обратилась къ Завиловскому и начала выговаривать ему, отчасти въ шутку, отчасти серьезно:

— А вотъ что пани Бигель нашла у васъ правдивую натуру, такъ это невѣрно: тѣ дамы хвалятъ васъ, а вы ихъ осуждаете.

Но Поланецкій перебилъ со свойственною ему живостью:

— Ахъ, ты все еще, попрежнему, наивна и мѣряешь людей своею собственною мѣркой. Знай, что мелочная доброта и любезность могутъ исходить также и изъ эгоизма, которому хочется, чтобъ ему было весело и спокойно.

Потомъ онъ сказалъ Завиловскому:

— Если вы такъ поклоняетесь искренности, то вотъ она! Здѣсь сидитъ! Вотъ вамъ истинный типъ!

— Я знаю, знаю! — съ энтузіазмомъ отвѣтилъ Завиловскій.

— А ты хотѣлъ бы, чтобы было иначе? — смѣясь, спросила Марина.

Поланецкій тоже разсмѣялся.

— Нѣтъ, не хотѣлъ бы. Но какое счастье, что ты не малаканаго роста и тебѣ нѣтъ надобности носить пробковые каблуки, а то ты испытала бы вѣчное мученіе совѣсти, что ты обманываешь людей.

Марина, видя, что взглядъ Завиловскаго направился къ ея

гамъ, невольно спрятала ихъ подъ столъ и, желая дать новое направленіе разговору, спросила:

— Ваша книжка, кажется, выйдетъ на этихъ дняхъ?

— Она и вышла бы уже,— отвѣтилъ Завиловскій,— но я добавилъ одно стихотвореніе, и это задержитъ выходъ.

— А можно узнать названіе стихотворенія?

— *Лилія.*

— Не *Лилія — Линета?*

— Нѣтъ, пани Поланецкая, не *Лилія — Линета.*

Лицо Марини сдѣлалось серьезнымъ. По отвѣту ей легко было понять, что стихотвореніе это написано ей и по ея поводу. Ей вдругъ сдѣлалось непріятно, что понимаютъ это только она, да Завиловскій, и что вслѣдствіе этого между ними возникаетъ что-то вродѣ тайны, извѣстной только имъ обоимъ. Ей это казалось чѣмъ-то несогласнымъ съ тою искренностью, о которой говорилось минуту назадъ, какимъ-то грѣхомъ противъ Стаха. Въ первый разъ она замѣтила, въ какія духовныя трудности можетъ впасть женщина, хотя бы страстно влюбленная въ своего мужа и самая невинная, разъ только на нее падетъ неравнодушный взглядъ другого мужчины. А посвятить мужа въ свои предположенія казалось ей невозможнымъ. Въ первый разъ ею овладѣло что-то вродѣ гнѣва на Завиловскаго и тотъ сейчасъ же почувствовалъ это своими нервами артиста, какъ барометръ чувствуетъ малѣйшія измѣненія погоды,— понялъ и, благодаря полному отсутствію опытности, принялъ это съ самой трагической стороны. Онъ вообразилъ, что Марина запретъ передъ нимъ дверь, возненавидитъ его, что онъ не будетъ ее видѣть, и весь свѣтъ сразу представился ему въ траурныхъ краскахъ. Въ его артистической натурѣ лежала сущая путаница эгоизма, фантазіи и неподдѣльной нѣжности,— почти женственной нѣжности, которая требовала тепла и любви. Познакомившись съ пани Поланецкой, онъ прильнулъ къ ней съ эгоизмомъ сибарита, которому такое чувство мило и который ни о чемъ другомъ не думаетъ; потомъ его фантазія вознесла ее на поэтическія высоты и, во сто разъ усиливъ ея неоспоримое очарованіе, обратила ее чуть не въ неземное существо, а врожденная нѣжность, на которой болѣзненно отражалось одиночество и отсутствіе близкаго сердца, такъ была тронута добротой, съ которою его приняли, что изъ всего этого возникло что-то носящее всѣ признаки любви. Этому чувству недоставало, однако, реальнаго основанія. У Завиловскаго, какъ у большинства артистовъ, на ряду со способностью къ порывамъ настолько идеальнымъ, насколько идеальна сама ду-

ша, жила чувственность сатира. Теперь эта чувственность спала. Онъ окружилъ Мариню такимъ блескомъ, такою святостью, что не желалъ обладать ею. Если бы, вопреки всякому правдоподобію, она неожиданно бросилась къ нему на шею, то, въ эстетическомъ смыслѣ, она перестала бы быть для него тѣмъ, чѣмъ была и чѣмъ онъ хотѣлъ ее видѣть, то-есть безпорочнымъ существомъ. Тѣмъ больше онъ разсчитывалъ, что можетъ позволить себѣ такое чувство, и тѣмъ больше теперь ему было упоенія, которое такъ сладко убаюкивало его мысли и наполняло пустоту его жизни. Ему такъ хорошо было со всѣмъ этимъ,— возвратившись домой, онъ видѣлъ образъ какой-то женщины, къ стопамъ которой могъ слагать свою душу, ему было о комъ мечтать и кому писать стихи. Теперь онъ понялъ, что если пани Поланецкая догадается, что творится въ немъ, если онъ самъ не съумѣетъ скрывать это лучше, чѣмъ до сихъ поръ, то отношенія ихъ не могутъ оставаться въ такой формѣ и прежняя пустота, на этотъ разъ еще болѣе невыносимая, вновь окружитъ его. Онъ началъ ломать голову, какъ бы предотвратить это, какъ бы не только не утратить ничего, но видать Мариню еще чаще. Въ его богатомъ воображеніи въ предлогахъ недостатка не было и, наскоро сдѣлавъ имъ смотръ, онъ выбралъ одинъ, который, какъ ему казалось, болѣе прямою дорогой велъ къ цѣли.

«Я какъ будто влюбленъ въ панну Кастелли,— сказалъ онъ себѣ,— а ей буду исповѣдывать свои горести. Это насъ не только не разлучитъ, а скорѣе сблизитъ. Я сдѣлаю изъ нея свою покровительницу».

И тотчасъ же онъ началъ сочинять все дѣло, какъ сочинялъ стихотвореніе. Вообразилъ онъ себѣ, что будто дѣйствительно влюбленъ въ «сонную царевну», что онъ несчастливъ и раскрываетъ свою тайну передъ Мариней, которая слушаетъ его, наклонившись впередъ, съ глазами, влажными отъ сочувствія, и, какъ настоящая сестра, кладетъ руку ему на голову. Эта игра фантазіи показалась ему настолько реальною, а впечатлительность его была такъ велика, что онъ составлялъ выраженія, въ какихъ будетъ исповѣдываться передъ Мариней, подыскивалъ самыя простыя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыя раздирающія фразы, и дѣлалъ это съ такою добросовѣстностью, что чуть и самъ не растрогался.

Мариня, возвращаясь съ мужемъ домой, думала о стихотв-ніи, озаглавленномъ *Лилія,* которое замедлило выходъ кни-. Какъ женщина, она и интересовалась имъ немного, и немного -лась его. А въ особенности она боялась непріятностей, ко- я могли возникнуть изъ ея отношеній къ Завиловскому въ буду-.

И, подъ вліяніемъ этихъ опасеній, она сказала:

— Знаешь, о чемъ я думаю? Что такая дѣвушка, какъ Линета, была бы большимъ счастьемъ для Завиловскаго.

— Скажи, пожалуйста,—отвѣтилъ Поланецкій,—что это вамъ взбрело въ голову сватать Завиловскаго съ тою дѣвушкой?

— Стахъ, вѣдь, я не сватаю, я только говорю, что это было бы не дурно. У Анеты Основской, правда, немного горячая голова, но она такая живая, словно искра.

— Изломанная, а не живая, и,— вѣрь мнѣ,— вовсе не такая наивная, какою представляется; у нея во всемъ свой личный планчикъ. Иногда я думаю, что ее панна Кастелли столько же интересуетъ, сколько меня, и что на днѣ всего этого лежитъ что-то другое.

— Что же это можетъ быть?

— Не знаю, и не знаю, можетъ быть, потому, что меня самого это мало интересуетъ. Вообще, нѣтъ у меня довѣрія къ этимъ женщинамъ.

Разговоръ этотъ прервалъ Машко, который именно въ эту минуту подъѣзжалъ въ пролеткѣ къ ихъ дому. Онъ поспѣшилъ поздороваться съ Мариней и потомъ сказалъ Поланецкому:

— Хорошо, что мы встрѣтились,—я завтра уѣзжаю на два дня, а сегодня мой платежъ. Я привезъ деньги.

И онъ обратился къ Маринѣ:

— Сегодня я былъ у вашего отца. Панъ Плавицкій чувствуетъ себя отлично, но говорилъ мнѣ, что скучаетъ по васъ и по хозяйству и подумываетъ, не купить ли какое-нибудь подходящее имѣньице. Я сказалъ ему, что если мы выиграемъ дѣло, то онъ можетъ оставить себѣ Плошовъ.

Маринѣ этотъ разговоръ былъ не по вкусу, тѣмъ болѣе, что въ немъ сквозила легкая иронія. Поланецкій увелъ Машко къ себѣ въ кабинетъ.

— Значитъ, все идетъ хорошо?—спросилъ онъ.

— Вотъ мой платежъ, — отвѣтилъ Машко. — Будь любезенъ, выдай мнѣ квитанцію.

Поланецкій сѣлъ къ столу и написалъ квитанцію. Машко продолжалъ:

— А теперь другое дѣло. Я когда-то продалъ тебѣ лѣсъ въ К[illegible]еменѣ, съ условіемъ, что могу его выкупить, если возвращу по[illegible]ученную сумму и условленные проценты. Вотъ эта сумма съ пр[illegible]центами. Разсчитываю, что ты ничего не будешь имѣть противъ та[illegible]го обмѣна, а я могу только поблагодарить тебя, потому что ты [illegible]огда оказалъ мнѣ дѣйствительную услугу, и если когда-ни-

будь ты будешь нуждаться во мнѣ,— пожалуйста, ко мнѣ, услуга за услугу! Ты знаешь, что я люблю быть признательнымъ!

«Эта обезьяна начинаетъ покровительствовать мнѣ!»—подумалъ Поланецкій, и еслибъ былъ не у себя, то, можетъ быть, высказалъ бы вслухъ это замѣчаніе, но теперь воздержался и сказалъ:

— Противъ обмѣна я ничего не имѣю,—таковъ былъ договоръ. Я всегда смотрѣлъ на это только съ дѣловой точки зрѣнія.

— Тѣмъ болѣе я могу оцѣнить это,—благосклонно сказалъ Машко.

— А вообще, что у тебя слышно? Я вижу, что ты плывешь на всѣхъ парусахъ. Какъ дѣло?

— Со стороны благотворительныхъ учрежденій выступаетъ какой-то молодой адвокатъ, по фамиліи Следзь *). Милая фамилія, правда? Еслибъ я такъ назвалъ кота, то онъ бы три дня мяукалъ. Но я эту селедку посыплю перцемъ и съѣмъ. Ты спрашиваешь, какъ дѣло? Дѣло стоитъ такъ, что, послѣ его окончанія, я, по всей вѣроятности, буду имѣть возможность выйти изъ адвокатуры,—это занятіе вообще не подходитъ мнѣ,—и поселиться навсегда въ Кшеменѣ.

— Съ наличнымъ капиталомъ въ карманѣ?

— Съ наличнымъ капиталомъ, и съ большимъ. Довольно съ меня этой адвокатуры. Притомъ, кто вышелъ изъ землевладѣльческой семьи, того земля притягиваетъ къ себѣ. Это наслѣдуется вмѣстѣ съ кровью. Но пока довольно объ этомъ. Завтра, какъ я говорилъ, я уѣзжаю и поручаю вамъ мою барыню, тѣмъ болѣе, что пани Краславская въ настоящее время уѣхала въ Вѣну къ окулисту. Сейчасъ я отправляюсь къ Основскимъ точно также просить ихъ не забывать о моей женѣ.

— Конечно, съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Поланецкій.

Ему пришелъ на память разговоръ съ Мариней и онъ спросилъ:

— Ты давно знаешь Основскихъ?

— Довольно давно. Впрочемъ, жена моя знаетъ ихъ еще лучше. Онъ очень богатый человѣкъ; была у него единственная сестра, но умерла, и дядя, скупецъ, послѣ котораго Основскому осталось огромное состояніе. А о ней, — что тебѣ сказать о ней?— дѣвушкой она читала все, что попадетъ ей въ руки, были у [illegible] претензіи на умъ, артистичность,—словомъ, на все, на что мо[illegible] имѣть претензію,—а, вмѣстѣ съ тѣмъ, была влюблена въ Коп[illegible] скаго. Вотъ тебѣ вся пани Основская.

---

*) Селедка.

— А пани Броничъ и панна Кастелли?

— Панна Кастелли больше нравится женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ; кромѣ того, я о ней ничего не знаю. Говорятъ, что тотъ же самый Коповскій ухаживалъ или ухаживаетъ за ней, а пани Броничъ...

Машко разсмѣялся.

— Хедивъ лично водилъ пани Броничъ на пирамиду Хеопса, покойный Альфонсъ испанскій каждый день говорилъ ей въ Канахъ: «Bonjour, madame la comtesse!» Мюссе въ 56 году писалъ ей стихи въ альбомъ, а Мольтке сидѣлъ у нея на чемоданѣ въ Карлсбадѣ,—однимъ словомъ, въ воображеніи она ѣздила на всѣ коронаціи*). Теперь, съ того времени, какъ панна Кастелли подросла или, вѣрнѣе сказать, вытянулась на пять футовъ и сколько-то дюймовъ, сладкая тетя совершаетъ эти воображаемыя путешествія не на собственный счетъ, а на счетъ своей племянницы, въ чемъ ей теперь помогаетъ пани Основская съ такимъ рвеніемъ, что трудно понять, какую она цѣль преслѣдуетъ. Вотъ и все, за исключеніемъ свѣдѣній о панѣ Броничѣ, который умеръ шесть лѣтъ назадъ неизвѣстно отъ какой болѣзни, потому что пани Броничъ каждый разъ придумываетъ ему все новую, прибавляя при этомъ, что онъ былъ послѣднимъ изъ Рюриковичей, но умалчивая, что предпослѣдній, то-есть его отецъ, въ свое время служилъ управляющимъ у Рдутловскихъ и составилъ себѣ этимъ состояніе. Ну, я кончилъ... Vanity's fair!... Будь здоровъ, держись хорошо, а въ случаѣ надобности, разсчитывай на меня. Еслибъ я былъ увѣренъ, что эта надобность явится скоро, то принудилъ бы тебя дать слово, что ты не обратишься ни къ кому, кромѣ меня. До свиданія!—Машко пожалъ руку Поланецкаго съ неописуемымъ благоволѣніемъ и вышелъ изъ комнаты. Поланецкій пожалъ плечами.

«Хорошо еще, что онъ не потрепалъ меня по плечу! — сказалъ онъ.—Vanity's fair! vanity's fair! Какъ будто и умный человѣкъ, а не видитъ въ себѣ того глупаго тщеславія, надъ которымъ насмѣхается въ другихъ. Еще недавно онъ былъ совсѣмъ не таковъ, чуть было не пересталъ притворяться, а какъ бѣда прошла, дья олъ опять взялъ верхъ».

му пришло на память, что Васковскій говорилъ когда-то о тщ лавіи, о комедіантствѣ, и Поланецкій подумалъ:

А, все-таки, этимъ людямъ везетъ у насъ».

*) rzez imaginacye jezdzieć na wszelkie koronacye—польская поговорка.

XXIII.

Пани Основская такъ забыла о своихъ «флорентинско-римскихъ» вечерахъ, что удивлялась, когда мужъ напоминалъ ей о нихъ. Какіе вечера? Да она и не думаетъ о нихъ, у нея теперь другое занятіе, которое называется «прирученіемъ орла». «Если кто не видитъ, что *орелъ* и Линета созданы другъ для друга, тотъ, съ позволенія мужа и господина, человѣкъ близорукій, но тутъ уже никакого средства нѣтъ. Мужчины вообще многихъ вещей не понимаютъ, потому что у нихъ мало чувства. Завиловскій, въ этомъ отношеніи, можетъ быть, составляетъ исключеніе, но еслибъ Мариня Поланецкая посовѣтовала ему получше одѣваться и отпустить бороду, то это было бы очень хорошо. Линета такъ пропитана эстетичностью, что ее всякій пустякъ коробитъ, хотя, съ другой стороны, онъ ее восхищаетъ,—нѣтъ, этого сказать мало, просто гипнотизируетъ... Да еще при ея натурѣ... здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго!»

Панъ Основскій, прислушиваясь къ такому щебетанью, расплывался отъ восторга, и, пользуясь возможностью, старался завладѣть рукою дамы и разцѣловать ее вплоть до локтя, но, все-таки, разъ задалъ тотъ совершенно естественный вопросъ, который Поланецкій раньше задалъ Маринѣ:

— Скажи мнѣ, что тебѣ-то за дѣло?

А пани Анета кокетливо отвѣтила:

— La reine s'amuse! Книжки писать не трудно. Было бы немного таланту—и достаточно, но проводить въ жизнь то, о чемъ пишутъ книжки,—большое искусство, и, кромѣ того, какое удовольствіе!

Немного погодя она прибавила:

— Можетъ быть, у меня есть и какая-нибудь личная цѣль, а какая—догадайся самъ.

— Я сгажу тебѣ на ухо,—отвѣтилъ Основскій.

Она подставила ухо съ шаловливою миной, моргая отъ любопытства своими фіалковыми глазами.

Но Основскій потому только и приблизилъ губы къ ея уху, чтобы поцѣловать ее, и таинственно шепнулъ:

— La reine s'amuse!

Въ этомъ заключалась правда. У пани Основской могли быть свои личныя цѣли при сближеніи Завиловскаго съ Линетой, но независимо отъ того проведеніе романа въ жизнь и роль маленькаго провидѣнія занимали ее и доставляли ей огромное удовольствіе.

Съ этими провиденціальными намѣреніями она часто являлась

къ Маринѣ Поланецкой, чтобы разузнать что-нибудь объ «орлѣ», и чаще всего возвращалась съ добрыми вѣстями, потому что Завиловскій, желая усыпить подозрѣніе Марини, все больше и больше говорилъ съ нею о паннѣ Линетѣ. Его дипломатія оказалась настолько дѣйствительной, что когда разъ пани Основская прямо спросила Марию, не влюбленъ ли въ нее Завиловскій, та засмѣялась и отвѣтила:

— Мы должны примириться съ этимъ, Анета, ни въ меня, ни въ тебя. Яблоко присуждено Линетѣ, а намъ не остается ничего, какъ плакать или утѣшиться.

Съ другой стороны, панна Кастелли все время жила подъ вліяніемъ внушенія чувствъ и мыслей, которыхъ не позволяло отгонять ея самолюбіе. Съ утра до вечера она слышала, что этотъ «орелъ» съ широкими крыльями влюбленъ въ нее, что онъ у ея ногъ и что такое избранное, такое исключительное существо, какъ она, не можетъ оставаться нечувствительной къ этому. Ей это черезъ-чуръ льстило, чтобъ она могла оставаться нечувствительной. Рисуя Коповскаго, она, правда, всегда удивлялась «великолѣпнымъ пятнамъ» на его лицѣ,—онъ нравился ей потому, что доставлялъ ей возможность дѣлать различныя изреченія, которыя потомъ повторялись всѣми, какъ доказательство ея ума и остроумія, онъ нравился ей по многимъ соображеніямъ, но и Завиловскій не былъ безобразнымъ человѣкомъ, хотя не носилъ бороды и одѣвался не достаточно старательно. А, притомъ, ей столько говорили о его крыльяхъ и о томъ, что такая душа, какъ ея, должна понять его. Говорили это всѣ, не только Анета. Пани Броничъ, которая когда-то не понимала, какъ кто-нибудь могъ быть не влюбленъ въ нее, потомъ перенесла эту счастливую увѣренность на свою племянницу и тѣмъ самымъ присоединилась къ мнѣнію пани Основской, расшивая, притомъ, канву дѣйствительности цвѣтами собственнаго вымысла. Наконецъ, и панъ Основскій приписался къ этому хору. Изъ-за любви къ женѣ онъ любилъ Линету, пани Броничъ и готовъ былъ любить все, что имѣло близкую или дальнюю связь съ Анетой, и потому принялъ это дѣло къ сердцу. Завиловскій былъ ему симпатиченъ, свѣдѣнія, которыя онъ собралъ о немъ, гласили въ его пользу. Вообще онъ узналъ о немъ только то, что онъ былъ нелюдимъ, самолюбивъ и упоренъ во всемъ, за что ни возьмется, кромѣ того, скрытенъ и очень способенъ, а когда все это барынямъ пришлось по вкусу, то и панъ Основскій началъ думать: «А, вѣдь, пожалуй, это выйдетъ недурно!» Тактика Завиловскаго покуда оправдывала этотъ взглядъ на вещи: съ нѣкотораго времени онъ началъ чаще навѣщать «об-

щую гостиную» и больше разговаривать съ панной Линетой. Первое онъ дѣлалъ благодаря любезному приглашенію пани Основской, но второе исходило только изъ его воли. Пани Анета замѣтила, что его взглядъ все внимательнѣе останавливается на золотистыхъ волосахъ и сонныхъ рѣсницахъ Линеты, а глаза его сопровождаютъ ее, когда она проходитъ черезъ гостиную. Завиловскій дѣйствительно началъ присматриваться къ ней отчасти изъ дипломатіи, отчасти изъ любопытства.

Но дѣло стало гораздо болѣе серьезнымъ, когда вышелъ первый томъ его произведеній. Стихи его уже и прежде обращали на себя вниманіе, о нихъ говорили много, но общее впечатлѣніе, все-таки, терялось, благодаря тому, что они появлялись въ разное время и въ раздробь. Теперь книжка ударила прямо въ глаза. Въ ней замѣчались и блескъ, и сила, и искренность. Языкъ обладалъ крѣпостью и вѣсомъ металла, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, гнулся послушно и подчинялся самымъ тонкимъ формамъ. Впечатлѣніе росло. Вскорѣ одобрительный шепотъ превратился въ хвалебный говоръ. Со свойственнымъ въ подобныхъ случаяхъ преувеличеніемъ, книжку теперь цѣнили выше ея достоинства, и въ молодомъ поэтѣ начали предчувствовать преемника великой славы и великихъ знаменъ. Имя его изъ редакціонныхъ кабинетовъ перешло въ публику. О немъ начали говорить повсюду, интересоваться имъ и искать его; любопытство стало тѣмъ большимъ, что лично онъ былъ мало извѣстенъ. Старый богатый панъ Завиловскій, отецъ панны Елены, который имѣлъ привычку говорить, что на свѣтѣ существуютъ два бича: подагра и бѣдные родственники, теперь повторялъ всякому, кто спрашивалъ его: «Mais oui, mais oui,—c'est mon cousin!»—а это заявленіе также имѣло вѣсъ въ глазахъ многихъ людей, а въ особенности въ глазахъ пани Броничъ. Пани Основская вмѣстѣ съ панной Кастелли перестали страдать даже по поводу «безвкусной» булавки въ галстукѣ Завиловскаго, потому что теперь въ немъ все могло считаться оригинальнымъ. Положимъ, въ глубинѣ души ихъ огорчало, что его звали Игнацій. Они желали бы, чтобъ у него было другое имя, болѣе соотвѣтствующее славѣ и поэзіи, но когда панъ Основскій, который изъ Меца вынесъ нѣкоторыя знанія латинскаго языка, объяснилъ, что это значитъ «огненный», то дамы заявили, что если такъ, то дѣло совсѣмъ другое, и примирились съ Игнаціемъ.

Успѣху книжки искренно радовались у Бигелей, у Поланецкаго и въ конторѣ. Въ конторѣ не было завистливыхъ людей. Старый кассиръ Валковскій, агентъ Абдульскій и второй бухгалтеръ, Плоняковскій, гордились своимъ коллегой, какъ будто его слава

одинаковой степени озаряла и торговый домъ. Валковскій даже говорилъ: «Ну, пустимъ мы людямъ пыль въ глаза!» Бигель въ теченіе двухъ дней размышлялъ, можетъ ли Завиловскій, при всемъ томъ, что случилось, ограничиться скромнымъ мѣстомъ при фирмѣ Бигель и Поланецкій, но Завиловскій на вопросъ его отвѣтилъ:

— Вотъ это мило! Дорогой папъ Бигель, за то, что̀ люди болтаютъ обо мнѣ, вы хотите лишить меня куска хлѣба и самаго лучшаго въ свѣтѣ общества. Издателя я не нашелъ и еслибъ не былъ вашимъ бухгалтеромъ, то не могъ бы издать своей книжки.

На этотъ аргументъ нечего было отвѣтить, и Завиловскій остался въ конторѣ. Онъ только сдѣлался болѣе частымъ гостемъ у Бигелей и Поланецкихъ. У Основскихъ послѣ появленія книжки онъ не показался цѣлую недѣлю, какъ будто напроказилъ что-нибудь. Пани Бигель и Мариня уговаривали его и онъ отправился туда какъ-то вечеромъ.

Барыни собирались въ театръ, но изъявили непремѣнное желаніе остаться дома. Завиловскій не соглашался на это, и дѣло кончилось тѣмъ, что и пани Анетѣ, и паннѣ Кастелли доставило видимое удовольствіе то, что онъ поѣдетъ съ ними вмѣстѣ. «Юзя, если захочетъ, возьметъ себѣ билетъ въ кресла». И Юзя взялъ билетъ въ кресла. Во время спектакля Завиловскій сидѣлъ впереди, вмѣстѣ съ панной Линетой; пани Основская настояла, что они вмѣстѣ съ пани Броничъ будутъ замѣнять имъ матерей. «Вы говорите себѣ о чемъ хотите, а если кто-нибудь придетъ, то я его такъ застрекочу, что онъ не будетъ вамъ мѣшать». Глаза всей публики обращались на эту ложу, когда всѣ узнали, кто въ ней сидитъ. И панна Кастелли чувствовала, что ее окружаетъ какой-то свѣтъ, чувствовала, что люди не только смотрятъ на Завиловскаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и спрашиваютъ: чья это головка съ золотистыми волосами и сонными рѣсницами, къ которой онъ наклоняется и шепчетъ что-то на ухо? Она сама посматривала на него и говорила себѣ, что еслибъ не этотъ, черезъ-чуръ выдающійся подбородокъ, то профиль его былъ бы очень изященъ, и что этотъ подбородокъ могла бы прикрыть борода. Пани Основская, съ своей стороны, храбро исполнила свое обѣщаніе, и когда пришелъ Коповскій, застрекотала его такъ, что онъ едва могъ поздороваться съ панной Кастелли и сказать Завиловскому:

— А, такъ это вы пишете стихи!

Послѣ заявленія этого счастливаго открытія, онъ нашелъ въ себѣ достаточно силы произнести въ видѣ монолога:

— Я очень любилъ бы стихи, но, странное дѣло, какъ только я читаю стихи, то думаю совсѣмъ о другомъ.

Панна Кастелли обратилась къ нему и бросила на него долгій взглядъ. Неизвѣстно, что преобладало въ этомъ взглядѣ: язвительная ли насмѣшка женщины, или внезапное удивленіе артистки, потому что эта безмозглая голова, выглядывающая изъ глубины ложи, выдѣлялась на красномъ фонѣ стѣнъ, какъ художественный вымыселъ живописца.

Послѣ спектакля пани Основская не хотѣла отпустить Завиловскаго и увезла его къ себѣ пить чай. Едва они пріѣхали, какъ пани Броничъ начала дѣлать ему выговоры:

— Вы дурной человѣкъ, и если съ Линетой что-нибудь случится, это падетъ на вашу совѣсть. Дѣвочка ничего не ѣстъ, не спитъ, только все читаетъ и читаетъ ваши стихи...

А пани Основская тотчасъ же добавила:

— Да, да... И мнѣ есть на что пожаловаться: она завладѣла вашею книжкой и никому не хочетъ ее отдавать ни на минуту. А когда мы сердимся, знаете, что она говоритъ? «Это мое! это мое!»

Хотя у панны Кастелли въ настоящее время въ рукахъ ничего не было, но она прижала къ груди воображаемую книжку, какъ бы желая защитить ее, и сказала тихимъ, мягкимъ голосомъ:

— Потому что это мое, мое!...

Завиловскій посмотрѣлъ на нее и почувствовалъ, что въ немъ что-то дрогнуло.

Возвращаясь домой позднимъ вечеромъ, онъ проходилъ мимо оконъ Поланецкаго и замѣтилъ, что они освѣщены. Послѣ спектакля и разговора у Основскихъ онъ чувствовалъ какое-то головокруженіе. Теперь видъ этихъ оконъ привелъ его въ себя. Онъ вдругъ почувствовалъ такое благостное настроеніе, какое испытываешь, когда начинаешь думать о чемъ-то очень хорошемъ и очень дорогомъ. Безконечно-чистое чувство къ Маринѣ отозвалось въ немъ съ прежнею силой. Его охватила та сладкая экзальтація, когда всѣ низменныя страсти засыпаютъ, а человѣкъ становится чуть ли не исключительно духомъ. Онъ побрелъ домой, повторяя отрывки изъ *Лиліи*, самаго экзальтированнаго стихотворенія, какое онъ написалъ когда-либо.

А у Поланецкихъ огонь свѣтился потому, что произошло событіе, которое Маринѣ показалось ожидаемымъ ею милосердіемъ божіимъ.

Вечеромъ, послѣ чаю, она сидѣла, ломая, какъ обыкновенно, голову надъ домашними расходами, и вдругъ положила карандашъ,

На минуту она поблѣднѣла, но потомъ лицо ея прояснилось и она позвала немного измѣнившимся голосомъ:

— Стахъ!

Поланецкаго удивилъ голосъ Марини. Онъ приблизился къ ней и спросилъ:

— Что съ тобою? Ты немного блѣдна.

— Подойди ближе, мнѣ нужно сказать тебѣ что-то.

Обнявъ руками его голову, она шепнула ему что-то на ухо. Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ:

— Только не волнуйся, а то ты можешь повредить себѣ.

Но и въ его словахъ чувствовалось волненіе. Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, еще разъ поцѣловалъ жену въ лобъ и сказалъ:

— Люди обыкновенно желаютъ себѣ перваго сына, но ты у меня помни, чтобъ была дочь. Назовемъ ее Литкой.

Они оба долго не могли уснуть въ эту ночь,—вотъ почему Завиловскій видѣлъ свѣтъ въ ихъ окнахъ.

XXIV.

Черезъ недѣлю, когда вѣроятность обратилась въ достовѣрность, Поланецкій сообщилъ новость Бигелямъ. Пани Бигель въ тотъ же день полетѣла къ Маринѣ, которая отъ радости расплакалась въ ея объятіяхъ.

— Мнѣ кажется,—сказала она,— что теперь Стахъ и меня будетъ любить больше.

— Какъ это больше?—спросила пани Бигель.

— Я хотѣла сказать: еще больше,— отвѣтила Мариня. Слезы высохли на ея кроткомъ лицѣ, осталась только улыбка. Немного погодя она молитвенно сложила руки и сказала:—Ахъ, Боже мой, еслибъ это была дѣвочка, потому что Стахъ хочетъ дѣвочку.

— А ты что хотѣла бы?

— Я,—только не говори этого Стаху,—я предпочитала бы мальчика, но пусть будетъ дѣвочка. — Она задумалась и спросила:—Но, вѣдь, на это нѣтъ никакого средства, да?

— Нѣтъ, — смѣясь, отвѣтила пани Бигель. — Пока еще не изобрѣли никакого.

Бигель, съ своей стороны, разсказывалъ новость всякому, кого встрѣтитъ, а въ конторѣ сказалъ при Поланецкомъ торжественнымъ голосомъ:

— Ну, господа, нашъ домъ, кажется, увеличится однимъ членомъ.

Служащіе вопросительно посмотрѣли на него, и онъ добавилъ:

— Благодаря пану Поланецкому и пани Поланецкой.

Всѣ бросились къ Поланецкому съ поздравленіями,— всѣ, исключая Завиловскаго, который наклонился надъ столомъ и началъ внимательно просматривать колонны цифръ. Только спустя нѣсколько минутъ, соображая, что его поведеніе можетъ привлечь общее вниманіе, онъ съ измѣнившимся лицомъ подошелъ къ Поланецкому, пожалъ ему руку и проговорилъ:

— Поздравляю.

Ему казалось, что въ этотъ моментъ онъ очень комиченъ, что что-то обрушилось на его голову, что вокругъ него пустота и безбрежная глупость и что весь свѣтъ баснословно пошлъ. Самымъ худшимъ было сознаніе собственной комичности: услышанная имъ новость была такъ естественна, что ее могъ предвидѣть даже какой-нибудь Коповскій. А, между тѣмъ, онъ, Завиловскій, человѣкъ умный, пишущій стихи, которые принимаютъ съ такимъ энтузіазмомъ, сознающій все, что дѣлается вокругъ, зашелъ въ такую чащу заблужденій, что теперь ему казалось, что въ него ударилъ громъ. Что за унизительное положеніе! Но онъ познакомился съ Мариней, какъ съ пани Поланецкой, и невольно представлялъ себѣ, что она и всегда была пани Поланецкой, что и всегда будетъ такою же, и ему просто въ голову не приходило, чтобы могли явиться какія-нибудь перемѣны. И вотъ, замѣтивъ когда-то лилейные тоны на ея лицѣ, онъ, въ глубинѣ своей души, назвалъ ее лиліей и писалъ ей лилейные стихи. А теперь эта проклятая чувственность, которая къ каждой непріятности прибавляетъ еще и свое издѣвательство, шептала ему на ухо: «хороша лилія!» И Завиловскій съ каждою минутой чувствовалъ себя все болѣе и болѣе угнетеннымъ и смѣшнымъ. Онъ писалъ стихи, а Поланецкій не писалъ. Въ этомъ сопоставленіи была и грызущая горечь, и что-то шутовское; Завиловскій пилъ изъ этой чаши, и предъумышленно пилъ такъ, чтобы не пролить ни одной капли. Еслибъ его чувства проявились чѣмъ-нибудь, еслибъ онъ сдѣлалъ признаніе Маринѣ, еслибъ она оттолкнула его съ величайшимъ презрѣніемъ, а Поланецкій спустилъ бы его съ лѣстницы, въ этомъ было бы что-нибудь похожее на драму... Но такое окончаніе! «Такое п... кое!» Натура Завиловскаго воспринимала все въ десять разъ сн... нѣе, чѣмъ воспринимаютъ другіе, и его положеніе показалось ... рѣшительно невыносимымъ, а время, которое онъ еще долж... былъ просидѣть въ конторѣ, му́кой. Чувство къ Маринѣ не г... дилось глубоко въ его сердцѣ, но заняло всецѣло его вообра...

а теперь, когда дѣйствительность безжалостною рукой ударила его по головѣ, ударъ показался ему не только болѣзненнымъ и грубымъ, но и оскорбительнымъ. Въ голову ему приходила отчаянная мысль взять шляпу, уйти и болѣе уже не возвращаться. Къ счастью, время занятій подходило къ концу,—всѣ начали и безъ того расходиться.

Завиловскій, подходя къ вѣшалкѣ съ зеркаломъ и окинувъ взглядомъ свою длинную фигуру и выдающійся подбородокъ, сказалъ самому себѣ: «Сущій уродъ!» Въ этотъ день онъ не пошелъ, какъ обыкновенно, обѣдать со вторымъ бухгалтеромъ, Позняковскимъ. Онъ съ удовольствіемъ убѣжалъ бы отъ самого себя, поэтому заперся у себя и съ фантазіей настоящаго художника началъ доводить до крайнихъ границъ свое несчастіе и свою смѣхотворность. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней онъ успокоился, только чувствовалъ какую-то странную пустоту въ своемъ сердцѣ, какъ будто оно было квартирой, съ которой кто-то только что съѣхалъ. У Поланецкихъ онъ не показывался двѣ недѣли, но потомъ увидалъ какъ-то Мариню на дачѣ у Бигелей и пришелъ въ изумленіе. Она показалась ему почти отвратительной. Предубѣжденіе его не играло здѣсь никакой роли, и хотя въ фигурѣ Марини довольно трудно было подмѣтить какую-нибудь разницу,—измѣнилась она сильно. Губы ея распухли, на лбу появились прыщи, кожа утратила свою свѣжесть. Мариня была спокойна, но немного грустна, какъ будто ее постигло какое-нибудь разочарованіе. Сердце у Завиловскаго было доброе и безобразіе Марини взволновало его. Сначала ему казалось, что онъ презираетъ ее, теперь это представилось ему необыкновенно глупымъ. Наконецъ, измѣнилось только ея лицо, а не доброта и кротость. Напротивъ, она чувствовала себя теперь обезпеченною отъ его излишняго восторга и выказывала ему бо́льшую сердечность, чѣмъ прежде. Она съ большимъ интересомъ разспрашивала его о паннѣ Кастелли и когда замѣтила, что и онъ охотно разговариваетъ о ней, начала улыбаться прежнею, полною неописанной прелести улыбкой и сказала почти весело:

— Хорошо, хорошо! Тамъ удивляются, что вы давно не были у нихъ, а знаете, что мнѣ говорила Анета и пани Броничъ? Они говорили...

Но она остановилась и прибавила черезъ минуту:

— Нѣтъ, я не могу сказать этого при всѣхъ. Выйдемъ въ сѣни.

Она встала, но неосторожно, такъ что споткнулась на первомъ шагу и чуть не упала.

— Будь внимательнѣе! — нетерпѣливо крикнулъ Поланецкій.

Она посмотрѣла на него со страхомъ и покорностью, покраснѣла и сказала:

— Стахъ, я не хотѣла этого, увѣряю тебя!

— А вы тоже не пугайте ее!—живо сказала пани Бигель.

Всѣмъ было такъ ясно, что Поланецкаго въ эту минуту болѣе интересовалъ будущій ребенокъ, чѣмъ Мариня, что даже и Завиловскій замѣтилъ это.

Что касается Марини, то это было ей извѣстно не съ сегодняшняго дня. По этому поводу она пережила тяжелую духовную борьбу съ собою, и борьба эта была тѣмъ болѣе труднѣе, чѣмъ больше состояніе ея здоровья порождало раздраженіе, безпокойство и склонность къ унылымъ мыслямъ. Много тяжелыхъ минутъ пережила она, прежде чѣмъ рѣшила, что должно быть такъ, какъ есть.

Поланецкій былъ бы необыкновенно изумленъ, еслибъ ему сказалъ кто-нибудь, что онъ не любитъ, а въ особенности не цѣнитъ жену такъ, какъ нужно. Онъ любилъ ее по-своему и, вмѣстѣ съ тѣмъ, думалъ, что теперь-то именно они, прежде всего, должны думать о ребенкѣ. По природѣ своей живой и порывистый, онъ доводилъ иногда свою заботливость до крайности, но не ставилъ себѣ это въ вину. Надъ тѣмъ, что можетъ творится въ душѣ Марини, онъ даже и не раздумывалъ. Ему казалось, что изо всѣхъ ея обязанностей главнѣйшая—рожать ему дѣтей, и вещь очень простая, что она исполняетъ эту обязанность. Онъ былъ благодаренъ ей за это и воображалъ, что, заботясь о ребенкѣ, онъ этимъ самымъ заботится о ней, и заботится, какъ мало кто. Еслибъ онъ считалъ нужнымъ подвести итогъ своихъ отношеній къ женѣ, то призналъ бы совершенно естественнымъ, что ея чисто-женственное очарованіе привлекаетъ его къ себѣ меньше, чѣмъ привлекало ранѣе. Съ каждымъ днемъ она дурнѣла все болѣе и по временамъ оскорбляла его эстетическій вкусъ, а Поланецкій думалъ, что, скрывая это передъ ней и стараясь выказывать ей болѣе сочувствія, онъ поступаетъ такъ деликатно, какъ только можетъ мужчина по отношенію къ женщинѣ.

Мариня же испытывала впечатлѣніе, что надежда, на которую она болѣе всего разсчитывала, обманула ее, чувствовала, что с дитъ на второй планъ и будетъ спускаться все болѣе и болѣе. смотря на все чувство къ мужу, несмотря на всю сокровищни нѣжности, которая уже скоплялась въ ней для будущаго ребен ея душу въ первую минуту охватило раздраженіе и горе. Но лось это не долго. Она опять начала бороться съ собой и побѣд

Она сказала себѣ, что здѣсь нѣтъ ничьей вины, что жизнь такова ужь есть и что это вытекаетъ изъ естественнаго порядка вещей, который опять-таки ничто иное, какъ проявленіе воли Божіей. Потомъ она начала обвинять себя въ эгоизмѣ и сокрушаться подъ тяжестью этой мысли. Развѣ она имѣетъ право думать о себѣ, а не о Стахѣ и о ребенкѣ? Въ чемъ она можетъ упрекнуть Стаха? Удивительно ли, что онъ, который даже чужихъ дѣтей такъ любитъ, теперь только и думаетъ, что о своемъ? Не грѣхъ ли это противъ Бога, что она дозволяетъ себѣ, прежде всего, добиваться своихъ правъ, своего счастья, — она, которая такъ провинилась? Кто она такая и какія у нея права на какую-то исключительную судьбу? И Мариня готова была бить себя въ грудь. Раздраженіе прошло, осталось только гдѣ-то, въ самой глубинѣ сердца, немного сожалѣнія, что жизнь такъ странна и что каждое новое чувство, вмѣсто того, чтобъ усиливать болѣе раннее чувство, отодвигаетъ его куда-то въ глубь. Но когда это сожалѣніе волною слезъ приливало изъ сердца къ ея глазамъ или готово было сорваться съ губъ, Мариня не дозволяла ему и такого исхода. «Тише!—говорила она себѣ въ душѣ. — Такъ есть, такъ будетъ и такъ нужно, потому что такова жизнь и такова воля Божія, съ которой ты должна примириться». И въ концѣ она примирилась.

Мало-по-малу она отыскала спокойствіе, не отдавая себѣ отчета, что основаніемъ этого спокойствія служатъ резиньяція и горе. Но то было горе, которое улыбалось. Какъ молодой женщинѣ, ей по временамъ было прискорбно, когда она въ глазахъ мужа или чужого человѣка читала: «Ахъ, какъ ты подурнѣла!» Но пани Бигель увѣряла, что потомъ она еще болѣе покрасивѣетъ, и Мариня отвѣчала имъ въ душѣ: «Подождите!»—и это служило ей утѣшеніемъ.

Что-то подобное она отвѣтила и Завиловскому. Она была и рада, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не рада впечатлѣнію, которое она произвела на него, потому что, съ одной стороны, немного страдало ея самолюбіе, а съ другой — она чувствовала себя совершенно застрахованною и могла свободно разговаривать съ Завиловскимъ. Она хотѣла съ нимъ поговорить, и поговорить серьезно, потому что нѣсколько дней тому назадъ Анета Основская сказала ей прямо, что «Колонночка» по уши влюблена и передъ Завиловскимъ открываются все новыя перспективы.

Мариню до нѣкоторой степени безпокоила эта ковка желѣза, пока оно горячо. Она не умѣла дать себѣ отчета, зачѣмъ это нужно, тоже принимая въ соображеніе врожденную порывистость Анеты къ Завиловскому, который сдѣлался Веніаминомъ обоихъ до-

мовъ, она питала большое расположеніе и, кромѣ того, была благодарна ему, потому что онъ, какъ бы то ни было, оцѣнилъ ее. Она рада была бы помочь ему въ томъ, что могло бы составить его счастье, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей приходило въ голову: «А ну, какъ ему это пойдетъ во зло?» Она испугалась немного и своей отвѣтственности, и своей прежней политики. Теперь она, прежде всего, хотѣла удостовѣриться въ томъ, дѣйствительно ли Завиловскій думаетъ такъ, во-вторыхъ, дать ему понять, въ какомъ положеніи стоятъ вещи, и, наконецъ, посовѣтовать, чтобъ онъ самъ хорошенько смотрѣлъ и взвѣшивалъ все.

— Тамъ удивляются, что вы давно не были,—сказала она, когда они вышли въ садъ.

Завиловскій спросилъ:

— Что говорила вамъ пани Основская?

— Я вамъ скажу только одно, хотя не знаю, должна ли говорить это. Пани Основская говорила мнѣ, что... Но нѣтъ! Прежде я должна знать, почему вы такъ давно не были у нихъ?

— Я былъ нездоровъ, у меня было много огорченій. Я не бывалъ нигдѣ. Не могъ. Вы остановились...

— Да, я хотѣла знать, не разсердились ли вы за что-нибудь?... Такъ вотъ пани Основская говорила мнѣ, что Линета такъ и думала, и что по этому поводу даже плакала.

Завиловскій покраснѣлъ. На его молодомъ и впечатлительномъ лицѣ отразилось истинное чувство.

— Ахъ, Боже мой!—отвѣтилъ онъ,—мнѣ сердиться, да еще на панну Линету? Развѣ она можетъ обидѣть кого-нибудь?

— Я повторяю то, что мнѣ сказано, хотя пани Основская такъ впечатлительна, что я не смѣю ручаться за точность того, что она говоритъ. Я знаю, что она не лжетъ, но,—вы понимаете?—что люди очень впечатлительные по временамъ видятъ вещи какъ бы черезъ увеличительное стекло. Удостовѣрьтесь сами, такъ ли это. Линета кажется мнѣ милой, очень недюжинной и очень доброй, но удостовѣрьтесь сами. У васъ столько наблюдательности.

— Что она добра и недюжинна, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Помните, я говорилъ вамъ, что они производятъ на меня впечатлѣніе иностранокъ, но это не правда. Пани Основская — можетъ быть, но не панна Линета.

А Мариня отвѣтила:

— Нужно самому смотрѣть и смотрѣть. Вы понимаете, что я васъ ни къ чему не подговариваю... Я немного боялась даже сказать,—онъ не любитъ пани Основскую и Линету... Но, скажу [illegible]

откровенно, когда я услыхала о слезахъ Линеты, у меня сердце такъ и сжалось... Бѣдняжечка!

— Я даже не съумѣю сказать вамъ, какъ меня волнуетъ даже мысль объ этомъ,—отвѣтилъ Завиловскій.

Дальнѣйшій разговоръ прервалъ Поланецкій, который подошелъ къ Маринѣ и сказалъ:

— Что? все сватовство? Однако, эти женщины неисправимы! Знаешь, Мариня, что я скажу тебѣ? Я былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ, еслибъ ты не вмѣшивалась въ эти дѣла.

Пани Поланецкая начала оправдываться, но онъ обратился къ Завиловскому и сказалъ:

— Я самъ ни во что не вмѣшиваюсь, но знаю только то, что не питаю къ этимъ барынямъ ни малѣйшаго довѣрія.

Завиловскій возвратился домой въ мечтательномъ настроеніи. Въ немъ встревожились всѣ струны воображенія и начали звучать такъ, что всякая охота спать совершенно отлетѣла отъ него. Онъ не зажегъ огня, чтобъ ему ничто не мѣшало играть на этихъ разыгравшихся струнахъ, и, сидя при блескѣ луны, думалъ, или, скорѣе сказать, творилъ. Онъ не любилъ еще, но его уже охватывала великая нѣжность, когда онъ думалъ о паннѣ Кастелли и составлялъ такія картины, какъ будто бы онъ уже любилъ ее. Онъ видѣлъ ее такъ ясно, какъ будто она уже стояла передъ нимъ; видѣлъ ее сонные глаза и золотистую голову, склоняющуюся, какъ подкошенный цвѣтъ, на его грудь. И ему представилось, что онъ прикасается пальцами къ ея вискамъ, чувствуетъ прикосновеніе ея шелковыхъ волосъ, отклоняетъ ея голову немного назадъ и смотритъ, не осушила ли его ласка ея слезъ, а глаза ея улыбаются ему, какъ небо, еще влажное послѣ дождя, но уже залитое солнцемъ... Потомъ воображеніе начало разжигать его страсти. Ему представилось, что онъ исповѣдуетъ ей свою любовь, прижимаетъ ее къ сердцу и чувствуетъ біеніе ея сердца, склоняетъ голову на ея колѣни, отъ которыхъ, сквозь шелковую матерію, тепло такъ и бьетъ въ его лицо. И Завиловскій задрожалъ на самомъ дѣлѣ. До сихъ поръ она была для него только образомъ, теперь онъ въ первый разъ почувствовалъ въ ней женщину. Въ немъ не было ни одной мысли, которая не была бы связана съ нею,—онъ забылся до такой степени, что потерялъ сознаніе, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается.

Какое-то хриплое пѣніе на улицѣ разбудило его. Тогда онъ зажегъ свѣчу и началъ думать трезвѣе. Имъ овладѣло безпокойство —одна вещь показалась ему совершенно несомнѣнной, что

если онъ совершенно перестанетъ бывать у пани Броничъ и у Основскихъ, то безъ памяти влюбится въ Линету.

«Нужно выкарабкаться!» — сказалъ онъ самому себѣ, и на другой день пошелъ навѣстить ее, потому что уже началъ скучать по ней, и въ ту же ночь попробовалъ написать стихи, подъ названіемъ *Паутина*.

Однако, онъ не смѣлъ пойти къ пани Броничъ и ждалъ до часа, когда всѣхъ можно было застать въ общей гостиной за чаемъ. Пани Основская приняла его съ необыкновенною сердечностью, со взрывами веселаго смѣха, но онъ, послѣ первыхъ привѣтствій, началъ смотрѣть на лицо панны Кастелли, и сердце его забилось живѣе, когда онъ увидалъ, что отъ него вѣетъ искреннею и глубокою радостью.

— Вы знаете, что̀ я думала?—со свойственною ей живостью сказала пани Анета,—нашъ «Тополь» такъ любитъ мужскія бороды, что я думала, что вы отпускаете бороду и потому не показываетесь къ намъ.

А «Тополь» отвѣтила:

— Нѣтъ, нѣтъ, оставайтесь такъ, какъ я увидала васъ въ первый разъ.

Панъ Основскій обнялъ Завиловскаго за талію и сказалъ съ фамильярностью хорошо воспитаннаго человѣка, который сразу умѣетъ поставить другого на дружескую ногу:

— Спрятались отъ насъ, панъ Игнась, а? Но у меня есть средство: пусть Линета начнетъ его портретъ, тогда онъ долженъ будетъ приходить сюда каждый день.

Пани Основская захлопала въ ладоши:

— Какой Юзя умный! Просто удивительно!

У Юзи все лицо просвѣтлѣло, что онъ сказалъ то, что понравилось его женѣ.

— Я уже подговаривалась,—мягкимъ голосомъ сказала панна Кастелли,—но боюсь надоѣсть.

— Когда вы только прикажете,—отвѣтилъ Завиловскій.

— Теперь день такой длинный, можно въ четыре часа, послѣ пана Коповскаго. Наконецъ, я уже скоро окончу несноснаго пана Коповскаго.

— Вы знаете, что̀ она сказала о панѣ Коповскомъ?—[illegible] ла было пани Броничъ, но панна Кастелли не дозволила ей докон[illegible]ъ, къ тому же, въ комнату только что вошелъ панъ Плавицкій. [illegible]ъ познакомился съ пани Анетой у Марини и совершенно потерял[illegible]о-лову, въ чемъ откровенно сознавался, а она кокетничала съ [illegible]ъ

безъ милосердія, къ великому удовольствію своему и всѣхъ окружающихъ.

— Садитесь, папа, здѣсь, около меня,—сказала она,—намъ вмѣстѣ будетъ хорошо, да?

— Какъ въ небѣ, какъ въ небѣ!—Панъ Плавицкій отъ удовольствія даже хлопнулъ себя по колѣнкамъ и облизнулся.

Завиловскій присѣлъ къ паннѣ Кастелли и сказалъ:

— Я такъ счастливъ, что буду имѣть возможность приходить сюда каждый день... Только не буду ли я отнимать у васъ времени?

— Да,—отвѣтила она, смотря ему прямо въ глаза,—но такъ, какъ никто другой не съумѣетъ. А, вѣдь, я дѣйствительно боялась надоѣсть вамъ, потому что я васъ боюсь.

Теперь и онъ заглянулъ въ глубину ея зрачковъ и отвѣтилъ съ удареніемъ:

— Не бойтесь меня.

Панна Линета опустила рѣсницы. Наступила минута довольно непріятнаго молчанія, потомъ дѣвушка спросила слегка пониженнымъ голосомъ:

— Отчего вы такъ долго не приходили?

У него на языкѣ былъ отвѣтъ: «потому что я боюсь» но онъ не осмѣливался такъ далеко зайти и отвѣтилъ:

— Я писалъ.

— Стихи?

— Да, *Паутину*. Завтра я принесу ихъ вамъ. Помните, что вы сказали, когда я познакомился съ вами? — что вы хотѣли бы быть паутиной. Я запомнилъ это и съ той поры постоянно видѣлъ образъ бѣлой нитки, которая летаетъ въ воздухѣ.

— Летаетъ, но не по собственной волѣ,—отвѣтила панна Кастелли,—и не можетъ взлетѣть высоко, если только...

— Если только... Отчего вы не договариваете?

— Если только она не обовьется около крыльевъ какой-нибудь высоко парящей птицы.

Панна Линета вдругъ встала и ушла помогать пану Основскому, который въ эту минуту старался отворить окно.

Завиловскій остался одинъ, съ туманомъ, застилающимъ ему глаза. Ему казалось, что онъ слышитъ, какъ жилы бьются на его вискахъ. Его привелъ въ себя только медовый голосъ пани Броницъ:

— Два дня тому назадъ старый панъ Завиловскій говорилъ, что вы его родственникъ, но не хотите бывать у него, а онъ у васъ не можетъ быть потому, что у него подагра. Отчего вы не бываете у

него? Онъ такой милый и изящный. Пойдите къ нему. Это для него оскорбительно. Вы пойдете?

— Хорошо, я пойду,—отвѣтилъ Завиловскій, который въ эту минуту готовъ былъ согласиться на все.

— Какой вы добрый и сговорчивый! Вы познакомитесь со своею кузиной, панной Еленой. Только не влюбитесь въ нее, потому что это тоже очень изящная дѣвушка.

— Нѣтъ, пани Броничъ, съ этой стороны нѣтъ никакой опасности,—смѣясь, сказалъ Завиловскій.

— О ней говорятъ, что она была влюблена въ Плошовскаго, который застрѣлился, и носитъ вѣчный трауръ въ сердцѣ. А когда вы поѣдете къ нимъ?

— Завтра, послѣ-завтра. Какъ вы прикажете.

— Видите ли, они скоро уѣзжаютъ. Лѣто на носу. Вы гдѣ проводите лѣто?

— Не знаю. А вы гдѣ?

Панна Кастелли, которая въ это время вернулась на мѣсто, прервала разговоръ съ Основскимъ и, услыхавъ вопросъ Завиловскаго, отвѣтила:

— У насъ еще нѣтъ никакого проекта.

— Мы собирались въ Шевенингенъ, — сказала пани Броничъ,—но съ Линетой такъ трудно справиться...

И она прибавила тихо:

— Ее такъ всѣ окружаютъ, у нея такое счастье на знакомство, что вы даже не повѣрите. Хотя отчего бы вамъ и не повѣрить? Достаточно взглянуть на нее. Мой покойный мужъ предсказывалъ это, когда ей было двѣнадцать лѣтъ: «Увидишь,—говорилъ онъ,—сколько будетъ съ нею хлопотъ, когда она подростетъ!» И сколько мнѣ теперь хлопотъ, дорогой панъ Завиловскій, сколько хлопотъ! Но... Я говорила вамъ, что онъ былъ послѣдній изъ Рюр... Да, говорила. Дѣтей у насъ не было, потому что первый ребенокъ родился раньше времени, а мужъ мой былъ на сорокъ лѣтъ старше меня, и потомъ былъ скорѣе... моимъ отцомъ.

«Что мнѣ до этого за дѣло?»—подумалъ Завиловскій.

А пани Броничъ продолжала:

— Мой покойникъ всегда жалѣлъ, что у него нѣтъ сына. То-есть былъ сынъ, но онъ родился преждевременно. (Здѣсь въ голосѣ пани Броничъ задрожали слезы). Нѣсколько времени мы держали его въ спирту... И повѣрите ли, при хорошей погодѣ онъ поднимался наверхъ, а при дождѣ опускался на дно. Ахъ, какія это грустныя воспоминанія! Сколько мой мужъ настрадался... то

умретъ послѣднимъ изъ Рюр... Но довольно объ этомъ! Нужно сказать, что онъ привязался къ Линетѣ, какъ къ родной дочери,— это понятно, потому что она его ближайшая родственница, и все, что останется послѣ насъ, будетъ ея. Можетъ быть, поэтому люди такъ и льнутъ къ ней... Хотя... Но нѣтъ! Я не удивляюсь имъ. Еслибъ вы видѣли, какая это му́ка и для нея, и для меня! Два года тому назадъ одинъ португалецъ, графъ Хао Калимасао, родственникъ Алькантаровъ, такъ потерялъ отъ нея голову, что просто смѣхъ. Или этотъ грекъ, въ прошломъ году, въ Остенде... сынъ марсельскаго банкира, милліонеръ... Какъ его звали?... Линета, какъ звали того грека, милліонера, что, помнишь...

— Тетя!—съ видимымъ неудовольствіемъ сказала панна Линета.

Но тетя была уже въ полномъ ходу, какъ поѣздъ, летящій на всѣхъ парахъ.

— Ага! вспомнила!—сказала тетя,—Канафараполусъ, секретарь французскаго посольства въ Берлинѣ.

Панна Линета встала и пошла къ пани Основской, бесѣдующей за главнымъ столомъ съ панемъ Плавицкимъ, а тетя, провожая ее взоромъ, сказала:

— Сердится ребенокъ!... Она ужасно не любитъ, когда говорятъ о ея подвигахъ, а я не могу выдержать. Вы понимаете меня? Смотрите, какая она высокая! Такъ она у меня вытянулась! Анета иногда называетъ ее Колонкой, иногда Тополемъ, и дѣйствительно, она настоящій тополь. Что-жь удивительнаго, что люди смотрятъ на нее?... Я не говорила еще о панѣ Уфиньскомъ? Это нашъ большой другъ. Мой покойный мужъ ужасно его любилъ. Вы должны были слышать о панѣ Уфиньскомъ. Это тотъ самый, который такъ удивительно вырѣзываетъ силуэты изъ бумаги. Его знаетъ весь свѣтъ. Не сосчитаешь, при сколькихъ высочайшихъ дворахъ онъ вырѣзывалъ силуэты, а послѣдній разъ онъ вырѣзывалъ принца Уэльскаго. Еще былъ одинъ венгръ...

Панъ Основскій,—онъ сидѣлъ невдалекѣ и игралъ карандашомъ у цѣпочки,—потерялъ терпѣніе и сказалъ:

Еще пару такихъ, милая тетушка, и выйдетъ совершенный кост ированный вечеръ.

Именно, именно!—отвѣтила пани Броничъ.—Если я говорю о ни , то потому, что Линета не хотѣла слушать ни о комъ. Это така шовинистка!... Вы не можете себѣ представить, какая это шов истка!

Тай ей Богъ здоровья,—сказалъ Завиловскій.

Онъ всталъ и началъ прощаться. При прощаньи онъ надолго задержалъ руку панны Линеты, и она отвѣтила ему такимъ же долгимъ пожатіемъ.

— До завтра,—сказалъ онъ, смотря ей въ глаза.

— До завтра... послѣ пана Коповскаго. А вы не забудете о *Паутинѣ?*

— Нѣтъ, не забуду... никогда...—отвѣтилъ немного взволнованнымъ голосомъ Завиловскій.

Они вышли вмѣстѣ съ паномъ Плавицкимъ, но едва очутились на улицѣ, когда старичокъ слегка ударилъ его по плечу, остановился и сказалъ:

— Молодой человѣкъ, знаете ли вы, что я скоро буду дѣдушкой?

— Знаю,—отвѣтилъ Завиловскій.

— Да, да,—повторялъ съ самодовольною улыбкой Плавицкій,—а, все-таки, я вамъ скажу, нѣтъ ничего лучше молодой бабенки.

Онъ засмѣялся и потрепалъ его по плечу, потомъ приложилъ кончики пальцевъ къ губамъ и ушелъ. До Завиловскаго достигалъ только его слегка дрожащій голосъ:

— Нѣтъ лучше молодой...

Остальное заглушило стукъ колесъ на улицѣ.

В. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Индѣйскій океанъ.

(Его настоящее и вѣроятное будущее).

I.

Вотъ уже болѣе вѣка прошло со времени философскаго признанія не отразимаго вліянія на судьбу людей естественныхъ условій странъ, ими обитаемыхъ. Три четверти столѣтія протекло послѣ начала подробной разработки ученія объ этомъ вліяніи Карломъ Риттеромъ и около полувѣка послѣ введенія главныхъ руководящихъ идей по этому вопросу въ кругъ общаго образованія, да не одного высшаго, а средняго, даже низшаго. И не только земли, т.-е. части суши, обитаемыя людьми, но и моря, ихъ раздѣляющія, а точнѣе — соединяющія, какъ самые естественные и недорогіе пути, — изучены съ большою подробностью; вліяніе же ихъ на ходъ цивилизаціи становится яснымъ не для однихъ учениковъ Александра Гумбольдта — географа, естествоиспытателя и матеріалиста, но и для послѣдователей Вильгельма Гумбольдта — спиритуалиста, филолога и даже дипломата. Отрицать могущество вліянія географіи на исторію нынѣ просто становится стыдно, и никто не вздумаетъ сомнѣваться, что англичане, живущіе на островѣ, *должны были*, по самой природѣ вещей, стать мореплавателями и торговцами, киргизы, живущіе въ степяхъ,— кочевниками, переходящими, ради прокормленія стадъ, съ одного мѣста на другое, а жители холодныхъ лѣсовъ Америки и Сибири—бродячими звѣроловами. Люди передовые, какъ, напримѣръ, шотландскій географъ Бартоломью, не затруднились уже составить карты частей свѣта съ обозначеніемъ ихъ пригодности для европейской цивилизаціи, и по этимъ картамъ можно, не выходя изъ кабинета, сказать: куда какіе колонисты должны бы[ли] направляемы, чтобы не сдѣлать важной политической и экономическ[ой] ошибки въ переселеніи. Если бы подобныя карты были у насъ, въ Р[оссіи], сколько ненужнаго, разорительнаго бродяжничества крестьянъ по Си[бири] и Туркестану было бы предупреждено! Сколько мѣстъ, годныхъ по[ль] земледѣліе, заводскіе промыслы и торговлю, сразу нашли бы подходя[щее] населеніе! Но подьячіе посольскаго и другихъ приказовъ, до очень

недавняго времени, объ этомъ не думали, а думавшихъ считали вздорными фантазерами.

Впрочемъ, изученіе земель, годныхъ для колонизаціи, въ послѣднюю четверть вѣка мѣстами сдѣлало большіе успѣхи. Сѣверо-американское правительство даже публиковало ежегодно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, указатель мѣстностей въ своей странѣ, гдѣ нуждались въ людяхъ того или другого разряда: земледѣльцахъ, плотникахъ, сапожникахъ, законовѣдахъ и проч. Австралія ежегодно даетъ толстый томъ *Australian Handbook*'а, гдѣ изображается дѣйствительное состояніе странъ, ее составляющихъ, путей, туда ведущихъ, и производительности почвы во всѣхъ отношеніяхъ. Французы выпустили не мало трудовъ о своихъ колоніяхъ, хотя это бо́льшею частью произведенія оффиціальнаго краснорѣчія и на тему: «честь имѣю доложить, что у насъ все обстоитъ благополучно, а завтра будетъ еще благополучнѣе» (не лучше и донесеніе тонкинскаго губернатора Ланессана). У насъ, въ Россіи, ради ознакомленія колонистовъ съ землями, губернаторы семирѣченскій Колпаковскій и сыръ-дарьинскій Гродековъ публиковали свѣдѣнія о свободныхъ земляхъ въ мѣстныхъ казенныхъ изданіяхъ и даже въ частныхъ столичныхъ журналахъ. Словомъ, о *землѣ* свѣдѣнія нерѣдко имѣются; но совсѣмъ другое мы видимъ относительно моря и вообще *воды*. Для прямыхъ нуждъ мореплаванія, правда, есть лоціи, иногда очень обстоятельныя; есть книги вродѣ *Sailing-Directions* Мори, дающія совѣты о наиболѣе выгодныхъ путяхъ между отдаленными другъ отъ друга портами, есть болѣе или менѣе общія, а иногда и просто поверхностныя свѣдѣнія о морскихъ теченіяхъ, о судоходствѣ по нѣкоторымъ озерамъ и рѣкамъ; имѣются спеціальныя описи нѣкоторыхъ морскихъ промысловъ, какъ, напримѣръ, у насъ каспійскихъ, азовскихъ и бѣломорскихъ, у англичанъ и американцевъ тюленьихъ въ сѣверной части Тихаго океана, у всѣхъ приатлантическихъ народовъ свѣдѣнія о ловлѣ сельдей, трески и сардинокъ и т. д. Теченіе гольфстрема также обслѣдовано съ нѣкоторою подробностью; однако, стоитъ сравнить разныя карты его отъ Франклина до князя Монако, чтобы видѣть, что и тутъ мы знаемъ менѣе, чѣмъ, наприм., о материкѣ Африки. Порты, особенно европейскіе и американскіе, изображены на планахъ очень обстоятельно, хотя не всегда съ опознавательными гравюрами и фотографіями; но случается, что съ этими планами суда подвергаются крушенію именно вблизи самыхъ «надежныхъ» пристаней. Нѣкоторыя моря довольно сносно обслѣдованы относительно флоры и фауны. Были даже особыя экспедиціи съ цѣлью подобныхъ изслѣдованій: американскія, норвежскія (въ сѣверн. части Атлант. океана), французскія (сред. Атлант. океана и Средизем. моря), русскія (Касп. и Черн. моря) и особенно англійскія (кругосвѣтное путешествіе *Challenger*'а). Но слить отчеты о полученныхъ результатахъ доселѣ не рѣшался никто, хотя сочиненія по зоологической и ботанической географіи не составляютъ рѣдкости, а по гидрографіи также многочисленны. Не считать же за полный трактатъ о дѣлѣ краткій [illegible]сть

къ картамъ атласа Бергхауза. Впрочемъ, и сливать, пожалуй, еще рано, потому что въ гидрологіи есть цѣлые отдѣлы, едва начатые обработкою. Таковы, напримѣръ, изысканія объ отложеніи морскихъ осадковъ, въ послѣдніе годы занимавшія Туле, а прежде Делесса. И вообще, даже чисто-описательная гидрографія еще далеко отстала отъ топографіи суши; если же къ ней приложить точку зрѣнія на землезнаніе въ цѣломъ его объемѣ, впервые выдвинутую Риттеромъ, то выйдетъ, что мы *хорошо* знаемъ лишь нѣкоторыя, очень немногія, моря, наприм., Черное, Ламаншъ, но даже не Средиземное. Физико-географическіе атласы Бергхауза и Бартоломью тому наглядное доказательство.

Однако-жь, моря, именно большія, т.-е. океаны, оказываютъ такое сильное вліяніе на исторію человѣчества, что владѣть подробными и точными свѣдѣніями о нихъ нерѣдко значитъ имѣть единственную возможность разумно понимать эту исторію, всегда въ главныхъ ея чертахъ, иногда даже въ мелкихъ подробностяхъ. Какую историческую роль игралъ для народовъ Америки океанъ Атлантическій предпочтительно передъ Тихимъ, хотя черезъ послѣдній до Азіи ближе, чѣмъ до Европы черезъ первый,—это извѣстно каждому. Индѣйскимъ океаномъ пользовались въ свое время мусульмане, чтобы распространить исламизмъ отъ Бабель-Мандебскаго пролива на югъ далѣе Занзибара, на востокъ за Малаккскій проливъ. Въ XVI вѣкѣ тотъ же Индѣйскій океанъ сталъ дорогою для нашествія европейцевъ въ восточную Африку, южную Азію, а потомъ и Австралію. Оба движенія, заатлантическое и заиндоокеанское, продолжаются и доселѣ, причемъ въ XIX вѣкѣ составляютъ самыя крупныя явленія исторіи рода человѣческаго, крупнѣе наполеоновскихъ войнъ и созданія единства Италіи и Германіи. Тихій океанъ иногда называютъ Средиземнымъ моремъ будущаго; но это, конечно, метафора: онъ для внутренняго водоема слишкомъ великъ, а посреди своихъ водъ имѣетъ лишь мелкіе острова, не могущіе составить значительныхъ историческихъ центровъ. Скорѣе его можно назвать препятствіемъ къ сближенію народовъ азіатскаго востока съ народами американскаго запада, хотя и не неодолимымъ. И если юго-западная его часть омываетъ богатѣйшія на землѣ страны, то восточныя суть, если можно такъ выразиться, потерянныя для исторіи пространства, и это тѣмъ болѣе досадно, что онѣ лежатъ въ тропическомъ поясѣ болѣе, чѣмъ на половину. Въ Индѣйскомъ океанѣ такого крупнаго несчастія нѣтъ.

II.

Мнѣ кажется, что изложенныя сейчасъ краткія размышленія и замѣтки не излишни: теперь читатель знаетъ, въ общихъ чертахъ, чего ему ждать отъ этого очерка. Географія морей, съ исторической точки зрѣнія, еще не написана, и въ девятнадцати томахъ классическаго труда Реклю нѣтъ не только образцовъ для нея, но и вообще отдѣльныхъ главъ о такихъ водныхъ скопленіяхъ: это почти исключительно географія суши.

Мнѣ, поэтому, пришлось выработать программу моей работы и, для логическаго ея оправданія, набросать нѣсколько общихъ мыслей, соотвѣтственныхъ современнымъ требованіямъ науки. Чтобы, послѣ этой оговорки, не отягощать читателя обобщеніями, всегда утомительными и даже неясными, когда они не основаны на фактахъ, перейду къ изложенію этихъ фактовъ.

Индѣйскій океанъ имѣетъ опредѣленныя, хорошо очерченныя границы на западѣ, сѣверѣ и востокѣ, именно берега Африки, Азіи и Австраліи; но съ юга его граница чисто условна. Если считать за начало южнаго, антарктическаго водоема полярный кругъ, т.-е. 66½° южной широты, то къ Индѣйскому океану придется причислить обширныя водяныя пространства на югъ отъ Австраліи, Африки и океаническаго промежутка между ними, безъ надежныхъ предѣловъ между нимъ и океанами Тихимъ и Атлантическимъ. Это неудобно. Посему обыкновенно принято считать южною границей индо-океанскаго бассейна 35-й градусъ южной широты, т.-е. параллель мыса Доброй Надежды и Кингъ-Жоржъ-Соунда, причемъ послѣдняя мѣстность лежитъ уже на берегу южнаго. Въ такихъ предѣлахъ разсматриваемый нами водоемъ имѣетъ поверхность въ 17.084,350 англійскихъ квадратныхъ миль *), т.-е. немногимъ превосходитъ Азію безъ Малайскаго архипелага (она=16.368,500 кв. мил.) и почти равенъ ей, если причислить къ ней послѣдній архипелагъ. Другими словами, для наглядности, поверхность Индѣйскаго океана вдвое больше площади русскихъ владѣній въ Азіи и Европѣ. И если бы это была суша, то какое разнообразіе физико-географическихъ и экономическихъ условій жизни представляла бы она! Но это вода, да еще разстилающаяся по обѣ стороны экватора почти до однихъ градусовъ широты (30° сѣв., 35° южн.), и потому природа ея, сравнительно, однообразна,—болѣе однообразна, чѣмъ какой иной участокъ морской поверхности равнаго протяженія, за исключеніемъ межтропической части Тихаго океана. Но это однообразіе не бѣдности, а богатства.

Въ наше время можно съ нѣкоторою точностью изображать на картахъ рельефъ морского дна на основаніи примѣровъ, достаточно многочисленныхъ вблизи береговъ и довольно уже частыхъ въ открытомъ морѣ. Такая карта для Индѣйскаго океана (да и для всѣхъ другихъ) построена Мерреемъ, который съ помощью ея нашелъ, что средняя глубина этого водовмѣстилища, безъ Краснаго моря и Персидскаго залива, равна 2,286 фатомамъ=13,716 футамъ. Для Краснаго же моря эта глубина есть 375 фат.=2,250 фут., а для Персидскаго залива всего 25 фат.=150 футамъ. Послѣ этого не трудно уже было вычислить объемъ воды, находящейся въ Индѣйскомъ океанѣ, и найти, что онъ равенъ 44.434,720 кубическимъ милямъ. Такъ какъ въ океанъ этотъ не достигаютъ не только сѣверныя

*) Одна англійская линейная миля равна 1½ версты, одна квадратная около 2¼ вер. Приведенныя цифры взяты нами у Меррея изъ *Scottish Geogr. Magazine* № 1 за 1888 годъ.

но даже южные полярные льды, способные понижать температуру, то получается, у поверхности и до значительной глубины, такая масса *теплой* воды, которой подобную можно встрѣтить лишь въ тропическомъ поясѣ Тихаго океана. Есть, конечно, водоемы теплые, наприм., Антильское и Зондское моря, но они не велики. А затѣмъ можно сказать, что прибрежья Индѣйскаго океана, благодаря именно его сосѣдству, должны пользоваться самымъ счастливымъ климатомъ: теплымъ, влажнымъ и ровнымъ. Это суть благословеннѣйшія части суши, что, впрочемъ, и подтверждается непосредственными термометрическими, гигрометрическими и біологическими наблюденіями.

Вотъ фактъ изъ физической географіи Индѣйскаго океана, котораго нельзя забывать, когда идетъ рѣчь о разселеніи людей по землѣ, а, слѣдовательно, и объ ихъ исторіи. Благодаря ему, въ нѣкоторыхъ частяхъ Азіи плотность населенія уже достигла самыхъ высшихъ предѣловъ (Бенгалія по 220, Аудъ по 240 д. на 1 кв. версту) или быстро возростаетъ насчетъ населенности Европы (Африка) и отчасти Китая. Кто въ наше время успѣетъ осѣдлиться и упрочиться въ этихъ мѣстахъ, тотъ обезпечитъ будущность далекому своему потомству. Только не должно забывать, что къ жаркому климату европейцы привыкаютъ не сразу: юго-восточная Африка, Мадагаскаръ, юго-западная Австралія представляются, поэтому, полезными промежуточными станціями, особенно рѣдко населенный Мадагаскаръ.

Другое физико-географическое условіе, составляющее особенность Индѣйскаго океана, и весьма выгодную для него, есть малочисленность мелкихъ острововъ, скалъ и рифовъ, мѣшающихъ судоходству. Нельзя, конечно, сказать, чтобъ ихъ не было вовсе; каждому извѣстны острова Лакедивскіе, Мальдивскіе, Андаманскіе, Килинговы, Маскаренскіе и др.; гидрографы знаютъ о рифахъ у нѣкоторыхъ береговъ, но всего этого, пропорціонально, немного. По Индѣйскому океану, почти повсемѣстно, можно плавать съ большими кораблями по геодезическимъ, т.-е. кратчайшимъ линіямъ. Выигрышъ отъ этого въ торговлѣ да и въ техникѣ мореплаванія огромный. Не удивимся поэтому, что уже нынѣ, черезъ 75 лѣтъ послѣ введенія пароходства, цѣлый рядъ большихъ пароходныхъ линій искрещиваетъ поверхность Индѣйскаго океана, исходя изъ Европы, Африки, Индіи и Австраліи. Океанъ мало-по-малу становится для прибрежныхъ жителей внутреннимъ моремъ, около котораго они живутъ и движутся, какъ «лягушки около болота», по не совсѣмъ изящному, но вѣрному выраженію Платона, сказанному насчетъ современныхъ ему обитателей береговъ Средиземнаго моря.

Наконецъ, третій важный физико-географическій фактъ, отличительный Индѣйскаго океана, есть отсутствіе въ немъ полярныхъ теченій, со ими, и соотвѣтственныхъ крайностей теплоты въ водахъ и на прибрежь- Приатлантическіе Соединенные Штаты терпятъ отъ такихъ льдовъ и й холода до 40 градусовъ широты, т.-е. до параллели Нью-Йорка.

Ничего подобнаго нѣтъ на прибрежьяхъ Индѣйскаго океана. Въ нихъ климатическія крайности, важныя для судьбы растеній, животныхъ и человѣка, замѣчаются не столько въ сферѣ *теплоты*, сколько по отношенію къ *сухости* и *влажности* воздуха. Отъ 5—10° сѣв. шир. на африканскомъ берегу океана до Суэца (30° шир.), Бушира и Караччи (25° шир.) къ океану прилегаютъ съ сѣверо-запада обширныя сухія степи, въ которыхъ осѣдлая жизнь невозможна, за исключеніемъ немногихъ оазисовъ. Въ меньшемъ размѣрѣ тотъ же фактъ замѣчается по прибрежью юго-западной Австраліи, тогда какъ на всемъ остальномъ, обширномъ протяженіи индо-океанскаго прибрежья тянутся земли превосходно орошенныя, представляющія то, что можетъ быть названо земнымъ раемъ. Тутъ есть и мѣстности съ умѣренно-теплымъ климатомъ, какъ мысъ Доброй Надежды, Наталь, южный Мадагаскаръ, Западная Австралія, и жаркія полосы экваторіальныхъ Африки, Азіи и Австраліи, по Замбезе, верхнему Нилу, Гангу, Иравади и проч. Пустыни Нубіи, Аравіи, Персіи, Белуджистана составляютъ, если можно такъ выразиться, мрачный клинъ на роскошномъ, яркомъ коврѣ земли, раскинутомъ по другимъ индо-океанскимъ прибрежьямъ. Онѣ глубоко раздѣляютъ, по ихъ историческимъ судьбамъ, племена юго-восточной Африки и южной Азіи, не допуская ихъ до тѣснаго сближенія, а тѣмъ болѣе до слитія въ одно политическое тѣло, въ одинъ мирный союзъ народовъ. И если бы не прорѣзывающіе ихъ отъ сѣверо-запада на юго-востокъ Персидскій заливъ съ Шатъ-Эль-Арабомъ, а особенно Красное море съ Суэцомъ, допускающее возможность сближенія Востока съ Западомъ, то эти пустыни имѣли бы самое гибельное вліяніе на многія части Стараго Свѣта. Онѣ и теперь, какъ извѣстно, дали начало крупному историческому злу, въ видѣ суевѣрій, распространенныхъ иногда мечемъ до Гибралтарскаго пролива, Волги, Оби и Ганга, даже еще далѣе. Замѣтимъ, что эта вредоносная пустынность многихъ частей передней Азіи и водоема Нила зависитъ не отъ однихъ общихъ земной поверхности законовъ распредѣленія вѣтровъ,—въ данномъ случаѣ отъ ливійскаго анти-пассата,—но и отъ метеорологіи Индѣйскаго океана, гдѣ есть муссоны сѣверо-восточный и юго-западный, оба вначалѣ сухіе, но нѣтъ юго-восточнаго, который бы приносилъ, напримѣръ, въ Аравію морскую влажность въ видѣ паровъ. Это также одна изъ физико-географическихъ, а затѣмъ и историческихъ особенностей Индѣйскаго океана и его прибрежій, въ ихъ общемъ объемѣ.

III.

Но это не все, что можно сказать о связи между даннымъ большимъ водоемомъ и окружающими его материками. Переходя къ частностямъ предѣленія и конфигураціи послѣднихъ, мы безъ труда увидимъ, что частности всегда имѣли и имѣютъ крупное историческое значеніе. Бенгальскій заливъ искони омываетъ и связываетъ между собою земли, исповѣдующія браманизмъ и произшедшій изъ него, въ видѣ демократическаго раскола, буддизмъ. Около этого водоема жила и живетъ, такъ сказать,

семья народовъ, хотя и разноплеменныхъ этнографически, но связанныхъ давними узами экономическаго, политическаго и умственнаго родства. Если бы позволено было употребить шутку, то я сказалъ бы, что около Бенгальскаго залива живутъ народы со «слоновьей цивилизаціей», т.-е. такою, въ которой слонъ играетъ немаловажную роль, какъ верблюдъ у номадовъ-степняковъ и якъ у номадовъ-горцевъ, лошадь у средне-европейцевъ и оселъ у обитателей восточныхъ и южныхъ прибрежій Средиземнаго моря. Но это, вѣдь, и не шутка. Выборъ главнаго домашняго животнаго, т.-е. такого товарища по труду цивилизаціи, на котораго возлагаются многія «черныя» работы, есть дѣло немаловажное. Слоны не только таскаютъ бревна, но устрашали армію Александра и римлянъ, а у англичанъ перевозятъ пушки. Но и кромѣ слоновъ, у народовъ, окружающихъ Бенгальскій заливъ, есть много общаго, имъ въ частности свойственнаго. Народы эти, довольные природою своихъ странъ, никогда не были завоевателями, т.-е. грабителями чужеземцевъ: фактъ важный. Если они и подчиняли себѣ загималайскія племена, то лишь силою религіознаго, т.-е. духовнаго, а не палочнаго вліянія, и сами подпадали подъ власть такихъ же загималайцевъ (арійцевъ), а въ Заганжьѣ китайцевъ, не пробуя отвѣчать обратнымъ нашествіемъ, хотя отъ природы не были трусы. Причиною этого была именно привязанность ихъ къ родной почвѣ; ея охраненію служили искони люди высшаго, послѣ духовенства, сословія—воиновъ. Большое умственное развитіе, плодъ досуга, доступный лишь людямъ обезпеченнымъ, было такъ давно усвоено и развиваемо передовыми людьми Индустана, что хронологія индѣйской письменности едва ли не древнѣе всѣхъ другихъ, не исключая египетской и китайской, а начальная математика дала всему человѣчеству въ завѣтъ остъ-индскую нумерацію, изъ всѣхъ, не исключая и грекоримской, самую разумную и наглядную.

Объ остъ-индской гражданственности, древней и новой, существуетъ цѣлая библіотека европейскихъ, особенно англійскихъ, сочиненій: тамъ легко изучить ея развитіе, перемѣны, происходившія въ ея направленіи, и даже причины, ихъ производившія, что̀ во всякомъ историческомъ изысканіи есть самое трудное. Гораздо меньше научныхъ работъ посвящено землямъ, окаймляющимъ Индѣйскій океанъ съ востока, хотя здѣсь къ англичанамъ присоединились голландцы, отчасти образованные сіамцы и малайцы, наконецъ, до извѣстной степени, китайцы, эти лѣтописцы крайнего Востока съ глубокой древности. Исторія этого островного міра, отъ Малакки до Австраліи, сложна и запутана; она не оставляетъ сомнѣнія только въ одномъ: въ долгихъ, почти постоянныхъ распряхъ туземныхъ малайскихъ племенъ между собою и съ пришельцами съ Востока и Запада: китайцами, малабарцами, арабами, португальцами и голландцами. Подъ разганно-патріархальнымъ, хотя, въ сущности, очень своекорыстнымъ управленіемъ послѣднихъ *), малайскія страны успокоились; на долго ли—

*) „Патріархальность“ состоитъ въ удержаніи помѣщичьей власти туземныхъ земельцевъ, награжденіи ихъ голландскими чинами и крестами и въ сборѣ съ

это вопросъ. Съ одной стороны, у нихъ не искоренены, а только обезсилены родовые аристократы, эти естественные вожди народныхъ движеній; съ другой—Англія, а въ послѣднее время даже Германія не безъ тайной зависти смотрятъ на такой лакомый кусокъ, какъ Малайскій архипелагъ. Надобно сказать себѣ разъ навсегда: на земной поверхности нѣтъ странъ болѣе производительныхъ, легче доступныхъ для торговли и для образованія, какъ Малайскіе острова, образующіе порогъ между двухъ міровъ. Поэтому естественно, что охотниковъ до захвата ихъ будетъ всегда не мало: двадцатое столѣтіе, быть можетъ, укажетъ на достойнѣйшихъ, а вѣрнѣе на болѣе сильныхъ кандидатовъ во властители этой роскошной и стратегически важной страны. Тогда гдѣ-нибудь здѣсь, напримѣръ, въ Сингапурѣ, возникнетъ людское скопленіе обширнѣе и многолюднѣе Лондона, важнѣе древняго Рима и, притомъ, могущее существовать долгіе вѣка, тогда какъ Лондону грозитъ опасность отъ мелей и холода, надвигающихся мало-по-малу. Дальновидный Карлъ Бэръ уже давно ставилъ вопросъ: «человѣчество, получивъ воспитаніе въ умѣренныхъ климатахъ, не переселится ли, наконецъ, въ экваторіальныя страны, чтобы тамъ съ умѣньемъ наслаждаться благами цивилизаціи и природы?» Въ наше время отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ: оно будетъ наивно, по-просту глупо, если поступитъ иначе.

Къ Зондскому участку восточной границы Индѣйскаго океана съ юга прилегаетъ сѣверо-западная Австралія. Здѣсь нѣтъ исторіи; никакія ссылки на прошедшее для заключеній о будущемъ невозможны, развѣ если принять въ разсчетъ истребленіе менѣе чѣмъ во сто лѣтъ другихъ австралійцевъ, «обезпечивающее» такой же антропологическій «успѣхъ» англичанъ и здѣсь. А, между тѣмъ, сѣверо-западная Австралія имѣетъ климатъ, негодный для европейцевъ, и не все же замѣнять послѣднихъ на плантаціяхъ неграми. Можно бы думать, что здѣсь черный работникъ замѣнится желтымъ, т.-е. китайцемъ. Но китаецъ, даже въ должности рабочаго скота, хлопочетъ о накопленіи денегъ и возвратѣ на родину: этого англичане, конечно, не потерпятъ, какъ не потерпѣли въ Новой Зеландіи и Квинслендѣ. Судьба сѣверо-западной Австраліи есть, поэтому, нелегкая историческая задача для будущаго; двадцатое столѣтіе, впрочемъ, увидитъ ее рѣшеніе.

Въ противуположность сѣверо-западной, тропической части Австраліи, юго-западная есть страна отъ природы бѣдная, въ которой человѣкъ вынужденъ вести жизнь скотовода, хотя бы былъ уроженцемъ большого европейскаго города и отъ роду не видывалъ стадъ. Послѣ неоднократныхъ неудачныхъ попытокъ колонизаціи, англичане утвердились здѣсь осѣдлыми жителями въ 1826 году и сначала, если можно такъ выразиться, [illegible]шь прозябали, медленно возростая въ числѣ. Теперь это довольно зажи[illegible]ая

народа податей кофейнымъ зерномъ. Такимъ образомъ, „невѣсомыя блага [illegible].-е. вздоръ, малайцы получаютъ еще отъ своихъ господъ, но „вѣсомыя", т.-е. [illegible]ки, послѣдніе удерживаютъ исключительно за собою, чтобы туземцамъ не было возможно покупать, напримѣръ, оружіе... По-плантаторски, малайцы считаются счастливыми.

колонія, но зажиточная лишь потому, что населеніе рѣдко и въ свободныхъ пастбищахъ недостатка еще не чувствуетъ. Въ ряду другихъ территорій, окружающихъ Индѣйскій океанъ, это «полезная посредственность», обдѣленный при наслѣдствѣ членъ семьи, который, однако, усердно трудится и играетъ уже извѣстную роль. Англійскіе суконные фабриканты получаютъ отсюда много шерсти, англійская конница въ Индіи—лошадей и т. д. Два главные города страны, столица Перть и гавань у Кингъ-Жоржъ-Соунда, Олбани, уже связаны небездоходной желѣзною дорогой.

Теперь, чтобы закончить этотъ бѣглый общегеографическій обзоръ тѣхъ естественныхъ, часто притомъ и историческихъ, участковъ, на которые распадается прибрежье Индѣйскаго океана, перешагнемъ черезъ этотъ океанъ къ западу отъ Кингъ-Жоржъ-Соунда на мысъ Доброй Надежды. Всякому извѣстна исторія этой послѣдней земли за истекающія четыре столѣтія. Сначала португальское, потомъ голландское и, наконецъ, англійское владѣніе это въ настоящее время есть открытый центръ будущей африканской самостоятельности, страна, гдѣ громко проповѣдывается начало: «Африка для африканцевъ,— довольно европейской опеки!» И хотя въ умѣ каждаго англичанина здѣсь, какъ и въ Европѣ, лелѣется, болѣе нескрываемая, мысль о Британской имперіи отъ мыса Доброй Надежды до устьевъ Нила, но южно-африканцы того мнѣнія, что это должно дѣлаться, главнымъ образомъ, ихъ руками и, прежде всего, въ ихъ пользу. Они—*африкандеры*, новый видъ цивилизованнаго человѣчества, изъ котораго нѣсколько капскихъ богачей, вродѣ Сесиля Родиса, пріобрѣли уже всемірную извѣстность. Правда, у этихъ людей по восточному берегу Африки, вдоль океана, есть непріятные соперники: сначала, отъ бухты Делагоса, португальцы съ трансваальскими боерами въ тылу, потомъ, до Уанги, нѣмцы; но кто же изъ англичанъ серьезно можетъ смотрѣть на этихъ противниковъ? Португальцы малочисленны, невѣжественны и бѣдны; одинъ-два щелчка по развалинамъ ихъ южно-африканской имперіи, и отъ нея останутся однѣ пресловутыя «сто пушекъ», отлитыя еще въ XVI вѣкѣ, стоящія на валахъ Мозамбика и предназначенныя въ составъ балласта на парусныя суда, ибо ни на что болѣе не годятся. Съ нѣмцами пока приходится быть снисходительнѣе, по крайней мѣрѣ, вѣжливѣе, хотя императоръ Вильгельмъ II, внукъ королевы Викторіи, громко объявилъ, что у него, при одной операціи, «вытекла послѣдняя капля ненавистной англійской крови». Ихъ оставляютъ забавляться въ Даръ-эсъ-Салаамѣ и лишь съ удовольствіемъ замѣчаютъ, что хваленая способность германцевъ къ колонизаціи есть фикція: нѣмцы, какъ колонизаторы, хороши лишь на устроенной *другими* землѣ, гдѣ они являются лишь паразитами, повинующимися готовымъ властямъ, но оттѣсняющими с[illegible]никовъ, даже туземцевъ, своимъ трудолюбіемъ, знаніемъ ремеслъ и [illegible]чивостью въ работахъ; заводить же собственныя, политически и эко[illegible]чески-самостоятельныя колоніи среди пустынь или земель, принадле[illegible]ихъ варварамъ, они не умѣютъ. Какъ долго продержится на картахъ [illegible]ая Восточная Африка отъ Рувимы до озера Викторіи и отъ Танга-

найки до океана,— нѣчто вродѣ самой Германіи по величинѣ,— этого, конечно, ни одинъ серьезный наблюдатель пока сказать не можетъ; но возможно, что при первой большой неудачѣ въ Европѣ изъ Даръ-эсъ-Салаама попросятъ о покровительствѣ у англійскаго агента въ Занзибарѣ. Но если нѣмецкая Восточная Африка устоитъ и разовьется, то она, вмѣстѣ съ пресловутымъ «независимымъ» крѣпостнымъ имѣніемъ бельгійскаго короля-нѣмца, составитъ преграду къ созданію Британской имперіи «отъ Каира до Нила», болѣе сильную, чѣмъ бывшая португальская междуокеанская полоса, которую маркизъ Солсбери такъ нагло отнялъ у португальцевъ. А если еще, вдобавокъ, финансовое предпріятіе Леопольда II кончится банкротствомъ и подчиненіемъ бассейна цѣлаго Конго, на основаніи договоровъ, Франціи, тогда англичанамъ надолго, если не навсегда, придется отказаться отъ мечты «Капъ-Нилъ». Во всякомъ случаѣ, многое, относящееся до этой мечты, должно выясниться въ самомъ началѣ XX столѣтія, если не раньше.

Оффиціально къ сѣверу отъ экватора начинаются по индоокеанскому прибрежью земли итальянскія, надъ которыми читатель, вѣроятно, улыбнется; потомъ пойдутъ англійскія, французскія, опять итальянскія (Эретрія), египетскія, турецкія, персидскія и белуджійскія, которыя образуютъ большой сѣверо-западный степной участокъ. Хотя небольшая часть этихъ земель очень плодоносна и порядкомъ заселена, но мы уже назвали этотъ участокъ пустыннымъ и высказались объ его исключительной важности для Индѣйскаго океана, да и всего Стараго Свѣта; поэтому отдѣлимъ описаніе его въ особый параграфъ.

IV.

Большой треугольный полуостровъ Сомаль, имѣющій вершинами мысъ Гвардафуй, устье рѣки Джобъ въ океанъ, у экватора, и западную оконечность Таджурской бухты, есть, конечно, страна степная, но не въ такой степени, какъ лежащая на сѣверѣ, за Аденскимъ заливомъ, Аравія. Въ Сомалѣ есть немало рѣчекъ и даже рѣкъ, имѣющихъ теченія по нѣсколько сотъ верстъ, но только не постоянно, а соотвѣтственно временамъ года. Съ моря страна представляется бо́льшею частью голымъ, каменистымъ обрывомъ; но пойдите внутрь края, и отыщете долины между горами, представляющія оазисы. Уже въ далекой древности земля эта славилась ароматами, и на одномъ изъ памятниковъ въ Ѳивахъ изображены, точно современные, сомальцы, приносящіе египетскому царю ладонъ. Этимъ и нѣкоторыми иными товарами уроженцы Сомаля ведутъ торговлю и теперь съ англичанами на южномъ берегу Аденскаго залива. Съ океана страна ъ мало доступна; однако, иные путешественники проникали туда верст а триста и болѣе. Словомъ, это земля полугодная для осѣдлой жизни . е лишенная промысловаго населенія. Небольшія сомальскія лодки (бу) являются иногда въ Занзибаръ или даже въ Бомбей. Стало быть, эта я степного индоокеанскаго прибрежья можетъ современемъ принять ve ie

въ общемъ торговомъ движеніи по океану, подобно южно-аравійскому Хеджасу, знаменитому кофеемъ. Но другое дѣло вся остальная Аравія. Тутъ хотя морская торговля существуетъ издавна, особливо въ Мосхатѣ, но въ общемъ страна очень скудна, безжизненна, и ея купцы искони занимались торговлею рабами, чего цивилизація допускать не должна. Стало быть, арабскій флагъ, если такъ можно выразиться, долженъ сойти съ мірового торговаго поприща, какимъ до сихъ поръ былъ для него предпочтительно Индѣйскій океанъ. Но этому азіатскому флоту на смѣну явился уже, черезъ Суэцкій каналъ, паровой флотъ большихъ европейскихъ державъ, и Индѣйскій океанъ, который насъ здѣсь занимаетъ, конечно, отъ этого не въ убыткѣ. Этотъ флотъ, вѣдь, не только приноситъ европейскія мануфактурныя произведенія, но и увозитъ продукты земель, сосѣднихъ Красному морю въ Африкѣ и Азіи, особенно на пути изъ океана въ Европу. Подобно губкѣ, онъ, проходя чрезъ Аденъ, Массаву, Джедду, Суакимъ, вбираетъ въ себя все, что природа въ состояніи дать, и потомъ чрезъ Суэцъ и отчасти Аденъ разноситъ по разнымъ частямъ Стараго Свѣта. Любопытно, что тутъ, какъ и на сосѣднемъ съ сѣверо-запада Средиземномъ морѣ, работаютъ египетскія, даже турецкія паровыя суда: они возятъ, между прочимъ, богомольцевъ.

Важность мірового движенія черезъ Красное море читатель легко оцѣнитъ по двумъ цифрамъ: въ 1891 году прошло черезъ Суэцкій каналъ 4,207 пароходовъ съ грузомъ въ 12.217,986 тоннъ. До этихъ цифръ далеко мореплаванію по заливу Персидскому, несмотря на естественныя богатства Месопотаміи, западной Персіи, Курдистана и даже Закавказья, которыя отчасти уже направляются къ низовьямъ Шатъ-эль-Араба и потомъ къ берегамъ Индѣйскаго океана. Суэцъ настолько убилъ торговое движеніе на сосѣднемъ материкѣ Азіи, что о месопотамской желѣзной дорогѣ, изъ Константинополя въ Багдадъ, нынѣ почти нѣтъ рѣчи, и пароходство по Тигру едва влачитъ скудное существованіе. Оно, впрочемъ, можетъ развиться, и тогда не только Турція и Персія, но и Закавказье могутъ извлекать изъ него пользу. Съ намѣреніемъ говорю я Закавказье, а не Россія, ибо знаю, что есть лица, мечтающія изъ Шатъ-эль-Араба сдѣлать русскую рѣку и на мѣстѣ Мухамеры создать новую Одессу, точнѣе—Астрахань, съ міровымъ рынкомъ и политическимъ значеніемъ. Этимъ мечтателямъ я замѣчу, что для спокойствія въ Мухамерѣ надо бы сначала покорить Месопотамію, Аравію и западную Персію, да не только покорить, а и держать въ повиновеніи, что должно стоить необъятныхъ суммъ. Кромѣ того, Мухамера-Астрахань въ русскихъ рукахъ приносила бы немного: ею командовалъ бы стоящій у выхода изъ Персидскаго залива въ океанъ Ормусъ, который, конечно, снова будетъ занятъ англичанами, какъ только обнаружится русское движеніе къ Шатъ-эль-Арабу.

Не менѣе существенными и даже желательными представляются проекты создать русскія гавани на южныхъ берегахъ Персіи и Белуджистана, востоднѣе Ормуса. Все равно, будетъ ли для этого нужно сначала завоевать

обѣ эти страны (!), или только устроить желѣзно-дорожную сѣть между Каспійскимъ моремъ и Индѣйскимъ океаномъ, съ русскими головными станціями гдѣ-нибудь въ Хабарѣ или Гвадурѣ, въ обоихъ случаяхъ это будетъ большая, т.-е. дорого стоющая, глупость... Аравійско-персидскій участокъ индоокеанскаго прибрежья долженъ оставаться самимъ собою, а Россія если и найдетъ выгоднымъ пользоваться имъ для своихъ нуждъ, то для нея за глаза будетъ довольно международныхъ путей черезъ Суэцъ и по Тигру. При этомъ захватывать послѣдній безполезно для насъ по причинамъ только что упомянутымъ. Естественный предѣлъ Россіи въ Передней Азіи есть горный кряжъ Хорасана и Гиндукушъ; дойдя до него,—что отчасти уже сдѣлано, — она должна остановиться и потомъ, распустивъ дорого стоющія войска во всѣхъ своихъ зауральскихъ владѣніяхъ, кромѣ Амура и верхняго Окса, да отчасти верхнихъ же Яксарта, Или и Иртыша, заняться въ мирѣ разработкою тѣхъ скудныхъ, хотя, по хвастливому невѣжеству называемыхъ несмѣтными, богатствъ, которыя ей удѣлила природа въ Сибири и Туркестанѣ. Пренебреженіе этимъ условіемъ грозитъ ей истощеніемъ силъ, отъ котораго не спасутъ никакіе порты на берегу Индѣйскаго океана.

Естественно спросить подъ конецъ обзора степного участка индоокеанскаго прибрежья: какую міровую роль могутъ играть составляющія его азіатскія земли? Не есть ли настоящее время слитія въ одинъ почти бассейнъ Индѣйскаго океана и Средиземнаго моря начальный моментъ возрожденія Абиссиніи, Египта, Турціи, Персіи, Белуджистана? Обманываться въ отвѣтѣ трудно. Египетъ, даже если предположить осуществленнымъ невѣроятное очищеніе его англичанами, навсегда предназначенъ быть стражемъ мірового канала, созданнаго европейцами для европейскихъ нуждъ; онъ и останется въ этой роли, стремясь сдѣлать ее возможно выгодною для себя, принимая участіе въ торговлѣ—по силамъ, въ политикѣ красноморскаго прибрежья—даже сверхъ силъ, безъ надежды, однако, когда-либо вернуться ко временамъ не только Рамзесса, но Птоломеевъ и Саладина. Сторожить каналъ, по инструкціямъ, даннымъ европейскими большими державами,—вотъ важная, почетная и, если хотите, нелегкая задача Египта. Турція... но она, оффиціальная владѣлица территоріи канала и самихъ Египта, Аравіи и Сиріи, доселѣ не проснулась отъ дремоты, которая ее одолѣваетъ, вѣроятно, передъ кончиною. Нѣкоторыя части ея, безъ сомнѣнія, примутъ современемъ болѣе дѣятельное участіе въ жизни прибрежій Индѣйскаго океана, чѣмъ нынѣ. Про Персію можно сказать почти то же, а про Белуджистанъ, что онъ останется близкимъ къ нулю. Въ общемъ, какъ видимъ, странамъ съ верблюжьей цивилизаціей отъ грядущихъ вѣковъ много ждать нечего даже на берегахъ будущаго *Средиземнаго океана*.

V.

Окончивъ эти строки, читатель, вѣроятно, положитъ на время [illegible] въ сторону, переведетъ дыханіе и скажетъ: «Ну, наконецъ, авторъ [illegible] про-

рился въ своей затаенной мысли, именно въ томъ, что цѣль его—доказать, что въ XX столѣтіи Индѣйскій океанъ станетъ, по своему міровому значенію, на мѣсто Средиземнаго моря». Я, однако же, такой предвзятой мысли не имѣлъ, и если она вытекла изъ фактовъ и наведеній, то это дѣло не столько мое, сколько историко-географической логики вообще. Мое личное убѣжденіе, что бывшей роли Средиземнаго моря, роли творческой и независимой отъ другихъ водоемовъ, не повторитъ ни одинъ океанъ, но что Индѣйскій станетъ въ недолгомъ времени самымъ привлекательнымъ изъ нихъ, кипучимъ дѣятельностью,—это такъ, въ это я вѣрю, какъ въ историко-географическій догматъ, и приглашаю читателя увѣриться, что тутъ нѣтъ діалектической ошибки или увлеченія, помощью цифръ, которыя рѣдко лгутъ, если не подтасованы. Обратимся къ статистикѣ и посмотримъ, что она скажетъ. Около Индѣйскаго океана, по береговой линіи въ 23,000 верстъ длиною, то-есть въ два раза длиннѣе береговъ Средиземнаго моря, живетъ въ настоящее время около 936.000,000 душъ, что къ итогу присредиземноморскихъ жителей относится какъ 24:10, то-есть почти въ два съ половиною раза болѣе этого итога. И еще я считалъ за присредиземныхъ жителей Галичины и губерній Могилевской и Воронежской, которыя съ Средиземнымъ моремъ не имѣютъ ничего общаго, кромѣ стока въ послѣднее части ихъ водъ. Индѣйскій океанъ, какъ мы уже упомянули выше, легко пересѣкается пароходами во всѣхъ почти направленіяхъ по прямымъ линіямъ, т.-е. по дугамъ большого круга; стало быть, его отдаленнѣйшія другъ отъ друга прибрежья, пропорціонально, легче могутъ сноситься между собою, чѣмъ, наприм., въ Средиземномъ морѣ Тріестъ съ Барцелоной и Варной, несмотря на астрономическое ихъ сосѣдство. Для созданія экономическаго и вообще историческаго водоема это есть главное условіе. Далѣе, торговый обмѣнъ, чтобы существовать, предполагаетъ разнообразіе товаровъ по странамъ, и торгъ тѣмъ напряженнѣе и выгоднѣе, чѣмъ страна разнородной производительности ближе одна къ другой или могутъ сноситься между собою. Въ этомъ отношеніи Индѣйскій океанъ неподражаемъ: въ немъ западная Австралія недалеко отъ Малайскаго архипелага, Индія отъ Персіи, Мадагаскаръ и Наталь отъ Сомаля и Абиссиніи; и кромѣ того цѣлый свѣтъ нуждается въ разныхъ произведеніяхъ тропическаго пояса, которыя только и находятся въ изобиліи, что на прибрежьяхъ Индѣйскаго океана. Какъ велики *всѣ* производимые вдоль его береговъ обороты такъ называемой международной торговли, нельзя сказать съ точностью, но вотъ суммы нѣкоторыхъ, по мѣстностямъ *):

	Привозъ.	Вывозъ.	
Сингапуръ съ зависимыми портами. .	270	250	милл. руб.
Индія съ Цейлономъ.	150	170	» »
Мысъ Доброй Надежды	85	110	» »
Наталь	33	14	» »

*) Болѣе половины приводимыхъ суммъ соотвѣтствуетъ стоимости товаровъ, прох[illegible]хъ чрезъ Суэцъ, т.-е. въ Европу и изъ нея.

О-въ Маврикія	16	23 милл. руб.
Западная Австралія.	13	8 » »
Занзибаръ.	7	9 » »
О-въ Реюньонъ	8	6 » »
Германская Восточная Африка . . .	4	8 » »

Цифры относительно другихъ мѣстностей не представляются довольно надежными или въ нихъ трудно выдѣлить то, что именно приходится на долю Индѣйскаго океана, но и изъ приведенныхъ достаточно ясно, что одна легальная внѣшняя торговля въ портахъ океана совершается, въ 1890 годахъ, на огромныя суммы. А сколько еще происходитъ обмѣна нерегистрованнаго, на арабскихъ бутрахъ, малайскихъ и китайскихъ джонкахъ, турецкихъ и персидскихъ судахъ?

Само собою разумѣется, что, при значительности разстояній, вся сколько-нибудь спѣшная торговля въ современномъ Индѣйскомъ океанѣ дѣлается на паровыхъ судахъ, нерѣдко даже на срочныхъ пакетботахъ. Кто приметъ трудъ просмотрѣть недавно вышедшій на французскомъ языкѣ атласъ морскихъ сообщеній, съ выгодой замѣняющій карту Бергхауза, тотъ не безъ удивленія замѣтитъ, что на Индѣйскомъ океанѣ нынѣ больше пароходныхъ линій, чѣмъ на Сѣверо-Атлантическомъ. Назовемъ здѣсь срочныя:

Англійскія: изъ Суэца, чрезъ Аденъ, въ Бомбей
» Коломбо и Калькуту
» Коломбо и Сингапуръ, далѣе въ Китай и Японію,
» Коломбо, Кингъ-Жоржъ-Соундъ, Мельбурнъ и Сидней.

Англійскія: изъ Суэца, чрезъ Аденъ, въ Аделаиду прямо,
» Діего-Гарсія въ Мельбурнъ,
» Занзибаръ и далѣе по портамъ до Мыса Доброй Надежды;
изъ Бомбея въ Караччи, Гвадуръ, Ормусъ, Буширъ въ Мухаттеру,
» Мадраса въ Сингапуръ,
» Калькуты въ Рангунъ, Малакку и Сингапуръ,
» Каптоуна на о-въ Маврикія,
» Каптоуна въ Мельбурнъ прямо,
» Каптоуна по восточному берегу Африки.

Французскія: изъ Суэца, чрезъ Аденъ, въ Караччи и Бомбей,
» Коломбо, Пондишери, Мадрасъ и Калькутту,
» Коломбо, Сингапуръ, Батавію, Сайгонъ, Тонкинъ, Китай и Японію, Маге, Кингъ-Жоржъ-Соундъ, Мельбурнъ, Сидней и Н. Каледонію, Обокъ, Занзибаръ, Мадагаскаръ, Реюньонъ, Маврик

Германскія изъ Суэца, чрезъ Аденъ, до Занзибара и Даръ-эсъ-Салаама.
Русскія изъ Суэца чрезъ Аденъ, Коломбо, Сингапуръ, Шанхай, Владивостокъ.
Турецкія изъ Суэца по берегамъ Аравіи до Бассоры.
Египетскія изъ Суэца по берегамъ Краснаго моря.
Итальянскія изъ Суэца въ Массову.
Португальскія у юго-восточныхъ береговъ Африки.
Голландскія вдоль западныхъ береговъ Суматры, чрезъ Зондскій проливъ въ Батавію.
Западно-австралійскія по берегамъ этой земли.

Словомъ, Индѣйскій океанъ, особенно въ сѣверной своей части, изрѣзанъ пароходными линіями. Въ южной пароходство усилится, какъ только установится на о. Сенъ-Полѣ французская морская станція между мысомъ Доброй Надежды и Австраліей. Нужно еще замѣтить, что въ нашъ списокъ не вошли пароходы, плавающіе изъ Ливерпуля въ Австралію, такъ какъ они идутъ по Южному океану.

Сѣть паровыхъ сообщеній дополняется во многихъ частяхъ Индѣйскаго океана телеграфными кабелями. Не считая англо-индѣйскаго телеграфа черезъ Тифлисъ и Тегеранъ, потому что онъ сполна сухопутный, остановимся сначала на кабелѣ изъ Суэца въ Аденъ и Бомбей, а оттуда въ Мадрасъ и Калькуту. Первая изъ этихъ двухъ вѣтвей, мадрасская, продолжается въ Сингапуръ и тамъ снова развѣтвляется на индо-китайскую и малае-австралійскую, изъ которыхъ послѣдняя кончается смѣлымъ переходомъ черезъ весь Австралійскій материкъ, отъ форта Дарвина до Аделаиды. Другой большой кабель идетъ вдоль всего восточнаго берега Африки, отъ Адена до Каптоуна, съ большимъ числомъ промежуточныхъ станцій. Второстепенныя телеграфныя линіи, важныя для мореходства въ Индѣйскомъ океанѣ, возникаютъ мало-по-малу на всѣхъ прибрежьяхъ его и нѣкоторыхъ островахъ; главною изъ этихъ линій пока можно назвать Бомбей-Маврицiусъ. Западная Австралія связала свою телеграфную сѣть съ большимъ австралійскимъ телеграфомъ въ Робухъ-баѣ, такъ что теперь депеши изъ Кингъ-Жоржъ-Соунда могутъ быть отправляемы на мысъ Доброй Надежды вокругъ всего океана, въ ожиданіи, когда эта длинная дуга замѣнится хордою (чрезъ Сенъ-Поль). Электричество могло бы приносить въ Индѣйскомъ океанѣ большую пользу подачею предупредительныхъ сигналовъ о готовящихся или начинающихся ураганахъ, очень гибельныхъ иногда для судовъ, но недостатокъ мелкихъ, особенно высокихъ, острововъ для устройства сигнальныхъ станцій дѣлаетъ задачу трудною. Притомъ же, она не ра ѣшена даже въ Антильскомъ морѣ, гдѣ на подобный недостатокъ пожа оваться нельзя и гдѣ ураганы ежегодно производятъ опустошенія. Важно же и то, что теорія индо-океанскихъ бурь порядочно изучена и позв яетъ умному капитану вывернуться изъ опасности, когда она наступила.

ь этимъ указаніямъ на средства сообщенія между прибрежьями Индѣ ского океана слѣдуетъ, разумѣется, присоединить тѣ данныя, которыя ка ются сообщеній внутри самихъ прибрежныхъ странъ. Здѣсь на пер-

вомъ планѣ, конечно, Индія съ ея 28,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ и 56,000 телеграфовъ, иногда еще двойныхъ и тройныхъ (всего проволоки 170,000 верстъ). Ея почты перевозятъ ежегодно 330.000,000 писемъ и пакетовъ, ея телеграфы передаютъ свыше 3½ милліоновъ депешъ. Это уже цифры почтенныя, но еще далекія отъ сходственныхъ европейскихъ. Въ смыслѣ движенія корреспонденціи Сингапуръ съ сосѣдними колоніями на Малаккѣ если и уступаетъ Индіи безусловно, то превосходитъ ее относительно, по сравненію съ числомъ населенія: здѣсь мы имѣемъ ежегодно 2.320,000 писемъ и 2.500,000 депешъ на какія-нибудь 512,000 душъ. Живою дѣятельностью сношеній отличается мысъ Доброй Надежды: тутъ мы имѣемъ въ годъ пересланными 12.500,000 писемъ, 7.200,000 газетъ, 1.700,000 книгъ и сходныхъ посылокъ, все это при пособіи 826 почтовыхъ конторъ, 2,200 вер. желѣзныхъ дорогъ и 12,000 вер. простыхъ дорогъ. Маленькій Наталь, пропорціонально, еще дѣятельнѣе; но гдѣ письменныя сношенія особенно развиты, такъ это въ царствѣ сахарнаго тростника и пряностей, на о. Маврицiусѣ, гдѣ число корреспонденцій, при какихъ-нибудь 370,000 д. населенія, доходитъ въ годъ до 2.300,000, такъ что по этой мѣрѣ Индія должна бы пересылать не 330, а 1,750 милліоновъ писемъ и пакетовъ ежегодно. Эти цифры показываютъ, что такое правильно развитая колоніальная жизнь и насколько будто бы она отлучаетъ образованнаго колониста отъ связей съ цивилизованнымъ міромъ, а въ XX вѣкѣ онѣ будутъ гораздо больше.

Я не буду приводить другихъ статистическихъ цифръ, чтобы показать, что и какъ слагается нынѣ, въ смыслѣ цивилизаціи, на прибрежьяхъ и островахъ Индѣйскаго океана: это было бы утомительно и даже несовременно, потому что данныя 1891 года уже устарѣли для 1894. Прогрессъ повсюду огроменъ, и если еще на чемъ стоитъ остановиться въ смыслѣ статистики, такъ это на составѣ и развитіи населенія индо-океанскихъ прибрежій.

VI.

Изъ пяти племенъ, по Блуменбаху, образующихъ человѣческій родъ, четыре встрѣчаются на прибрежьяхъ Индѣйскаго океана: бѣлое, черное, желтое и оливковое, но въ очень разной пропорціи. Бѣлое, конечно, самое многочисленное и, притомъ, число его безпрерывно ростетъ, отчасти въ ущербъ другимъ. Прибыли бѣлыхъ соотвѣтствуетъ убыль черныхъ и, быть можетъ, оливковыхъ, но и изъ черныхъ не всѣ убываютъ одинаково скоро: негритосы вымираютъ быстрѣе негровъ африканскихъ. Наблюденія показали, что это зависитъ отъ неспособности австралійцевъ къ земледѣльческому труду, тогда какъ африканцы точно созданы для этого труда въ жаркихъ странахъ. По приблизительному соображенію, число негровъ, выготѣющихъ къ Индѣйскому океану, едва ли достигаетъ 20.000,000 душъ, и изъ нихъ 3—4 милліона такъ или иначе попали въ статистическія

писи европейскихъ владѣній. На англійскихъ земляхъ они, видимо, уменьшаются въ числѣ, какъ «раса низшая, которой жалѣть нечего», по выраженію британцевъ; но во многихъ случаяхъ негры очень способны къ труду не только мускульному, но и мозговому. До водворенія европейцевъ, да и отчасти и теперь, негры многіе вѣка составляли «черный товаръ», т.-е. продажныхъ рабовъ для арабовъ и сѣверо-африканцевъ, но мало-по-малу это зло сокращается. Нынѣ негроторговля запрещена и преслѣдуется европейцами въ морѣ и даже на сушѣ, и остается желать уничтоженія обмана, по которому негръ-рабъ иногда выдается за свободнаго рабочаго по контракту, котораго онъ не понимаетъ. Какую историческую роль негры получатъ рано или поздно на восточно-африканскомъ берегу, трудно сказать; на западно-африканскомъ, въ Сенегамбіи, они—французскіе граждане, избирающіе депутатовъ въ парламентъ и совѣтниковъ въ мѣстныя административныя учрежденія; есть изъ нихъ торговцы и миссіонеры.

Малайцы сгруппированы въ двухъ мѣстностяхъ: на Зондскомъ архипелагѣ съ полуостровомъ Малаккою и на Мадагаскарѣ. Въ первой число ихъ превосходитъ 30.000,000 душъ, во второй едва ли достигаетъ 4.000,000. По самой природѣ эти островитяне—моряки, но, впрочемъ, не безъ способностей и къ сухопутнымъ занятіямъ. На европейскихъ пароходахъ въ Индѣйскомъ океанѣ малаецъ—матросъ, рулевой, лоцманъ, какъ негръ—кочегаръ и китаецъ—поваръ, либо комнатный лакей. Въ голландскихъ владѣніяхъ у малайцевъ есть своя аристократія, да и на Мадагаскарѣ есть дворъ и придворные бояре. Истребленіе малайцевъ съ наплывомъ европейцевъ трудно предвидѣть; скорѣе они сами будутъ усвоивать европейскій складъ жизни, начиная съ религіи, которая, наприм., на Мадагаскарѣ сдѣлала большіе успѣхи отъ усердія миссіонеровъ англійскихъ (350,000 послѣдователей) и французскихъ (35,000), и даже въ большой зондской группѣ, у индифферентныхъ къ прозелитизму голландцевъ, создала 265,000 христіанъ-малайцевъ. Въ будущность оливковой расы вообще можно вѣрить, несмотря на отсталость нѣкоторыхъ теперешнихъ малайцевъ-полудикарей гдѣ-нибудь на Борнео, Целебесѣ и т. п.

Желтое племя на прибрежьяхъ Индѣйскаго океана представлено бирманцами, сіамцами, разными ассамскими и гималайскими племенами, многочисленными дравидасами (тамульцами и проч.) въ Индустанѣ и, наконецъ, сравнительно не многими, но важными по положенію китайцами—въ прибрежныхъ городахъ Индо-Китая и Малайскаго архипелага. Всѣ эти люди, число которыхъ доходитъ до 80.000,000 душъ, живутъ издавна въ сосѣдствѣ испытали сильное вліяніе буддизма и китаизма, но въ послѣдне время нач[illegible]ч, мѣстами, быть подражателями европейцевъ. Сіамскій король и его бли[illegible]е стали носить европейскую одежду, строить европейскіе дворцы, читат[illegible] европейскіе журналы. Но, конечно, этой подражательности нельзя ожи[illegible]ть отъ китайцевъ, которые въ Сингапурѣ и Малаккѣ остаются тѣми же, [illegible]ъ въ Кантонѣ, и издавна считаются въ Индо-Китаѣ представителями уче[illegible]ти. Отсюда вѣроятность борьбы среди желтыхъ народовъ между

вліяніями китайскимъ и европейскимъ. Впрочемъ, въ Индіи китайцевъ почти нѣтъ и не имъ тамъ бороться съ европейцами, особенно съ англичанами. У голландцевъ, на Явѣ, они лишь терпимы, но пользуются презрѣніемъ, да и самими малайцами не любимы. Какъ ловкіе торговцы, они успѣли проникнуть на западъ до острова Маврикія, но политической роли здѣсь не играютъ.

Наконецъ, мы пришли къ бѣлымъ народамъ. Между многочисленными ихъ племенами различія слишкомъ велики, чтобы можно было объединить 200 или 220 милліоновъ душъ, разбросанныхъ отъ мыса Доброй Надежды до Гималая и западной Австраліи. Историческая будущность европейскихъ переселенцевъ здѣсь хорошо обозначилась; она не та, что въ Новомъ Свѣтѣ, не та, что въ Австраліи восточной, и, разумѣется, не та, что дома, въ Европѣ. Что она, въ концѣ-концовъ, сложится по англійскимъ бытовымъ типамъ, въ этомъ, кажется, нѣтъ сомнѣнія, но типы будутъ неодинаковы. Въ юго-восточной Африкѣ передъ нами будетъ стоять англійскій землевладѣлецъ, отчасти плантаторъ, въ смыслѣ бывшихъ Южныхъ Штатовъ, отчасти промышленникъ, въ смыслѣ Штатовъ Западныхъ; во всякомъ случаѣ, африкандеръ, т.-е. человѣкъ, не любящій командованіе Европы, какъ янки. Онъ будетъ находиться въ непрерывной расовой и соціальной борьбѣ съ неграми, ради эксплуатаціи ихъ труда, и отчасти съ новоприбывающими бѣлыми, т.-е. европейскими эмигрантами демагогическаго направленія. Въ Индіи, если она останется англійскимъ владѣніемъ, будетъ господствовать тотъ же типъ, что теперь,—джентльмена изъ офицеровъ, мечтающаго попасть въ штабъ, въ политическіе резиденты, стать коммиссіонеромъ, губернаторомъ или, если въ Англіи есть крупная родня, то вернуться въ нее съ хорошею пенсіей и засѣсть въ парламентъ. Это типъ человѣка чужого Востоку, хотя и трудящагося для него по крайнему разумѣнію, не любя никого, кромѣ себя и Англіи. Типъ этотъ можетъ исчезнуть въ случаѣ (мало вѣроятномъ), если Индія освободится отъ англійскаго господства; но тогда въ прибрежныхъ городахъ Индустана останется передовымъ представителемъ европеизма британскій купецъ, потихоньку обдѣлывающій самыя скверныя торговыя дѣла *en-gros,* лишь бы они были доходны, и окруженный собратьями-азіатами: персами, евреями, армянами, левантинцами и самыми подлыми изъ всѣхъ индусами-факирами. Въ противуположность чисто-англійскому, офицерски-аристократическому, это будетъ типъ международнаго буржуа, сосущаго безъ жалости и стыда низшіе классы народа. Въ западной Австраліи къ этимъ образцамъ прибрежнаго населенія Индѣйскаго океана присоединяется толстякъ-скуатеръ, т.-е. грубоватый степной фермеръ, овцеводъ, шерстобой и салотопъ, отличный верховой ѣздокъ и с[illegible]ій семьянинъ, любящій изрѣдка отдохнуть среди кучи здоровыхъ, крѣ[illegible]ъ, краснощекихъ, но не совсѣмъ опрятныхъ, дѣтей, ростущихъ подъ [illegible]ромъ матери, которая читаетъ романы и библію.

Вотъ этнографическіе элементы, изъ которыхъ будетъ слагаться [illegible]орическая жизнь населенія береговъ Индѣйскаго океана съ самаго [illegible]ла

двадцатаго вѣка. Ихъ интересами и отношеніями къ туземцамъ и къ старой Европѣ опредѣлится характеръ исторіи, главный смыслъ которой понятенъ и нынѣ: ассимиляція африканскихъ и азіатскихъ народовъ (австралійскихъ не будетъ) европейскими къ нимъ пришельцами. Не трудно предвидѣть, гдѣ будутъ главные центры историческаго движенія: гав. Елизаветы *), бухта Делагоа, Занзибаръ, Бабель-Мандебскій проливъ съ окружающими портами, Бомбей, Калькута, Сингапуръ, какой-нибудь новый портъ въ сѣверо-западной Австраліи и, наконецъ, Олбани, проѣздная станція между богатыми землями восточной Австраліи и африкано-европейскимъ Западомъ. Это все такъ вѣроятно, что можно бы заранѣе начертить карты распредѣленія населенія и отраслей промышленности по прибрежьямъ Индѣйскаго океана, относящіяся, наприм., къ половинѣ XX вѣка. Замѣчу здѣсь еще одно обстоятельство: будущій Средиземный океанъ самымъ существованіемъ своимъ отрицательно отзовется не только на старомъ Средиземномъ морѣ, но и на всей Европѣ. Онъ не будетъ въ нихъ очень нуждаться и заставитъ измѣнить по отношенію къ себѣ тонъ обиднаго покровительства.

«Вы слишкомъ многое отдаете англичанамъ въ будущей жизни прибрежій Индѣйскаго океана,—сказалъ мнѣ одинъ европеецъ не-англичанинъ, спутникъ по пароходу,—есть другіе европейцы, кромѣ британцевъ».—Да, есть: нѣмцы, голландцы, французы, но много ли ихъ? И не подъ крыломъ ли англичанъ живетъ значительная часть ихъ, постепенно привыкая къ британскому господству, если не политическому, то бытовому, что гораздо важнѣе? Европеецъ на берегахъ Индѣйскаго океона ѣстъ *riz-au-curry*, пьетъ Бассовъ *pale-ale*, носитъ пробочную каску, читаетъ почти исключительно *англійскую* газету, притомъ, мѣстную, болѣе современную, чѣмъ рѣдкія, поздно приходящія изъ Европы, отечественныя, и онѣ его втягиваютъ въ британскіе обычаи и интересы. Захочется ему прочесть книгу, никакихъ другихъ, кромѣ англійскихъ, онъ не найдетъ, развѣ французскіе романы на Реюньонѣ и въ Пондишери, да голландскія ученыя изданія въ Батавіи. Нужно ему послать депешу — телеграфные бюро всѣ англійскіе; отправить письмо—въ большинствѣ случаевъ, почта англійская. Встрѣчаетъ онъ случайно иностранца въ европейской одеждѣ,—это не *bonjour monsieur*, что онъ адресуетъ ему, а *good morning, sir!* и на *здравствуйте!* даже на *guten Tag!* есть вся вѣроятность получить въ отвѣтъ: *I do not understand you, sir.* И это вамъ скажетъ не только европеецъ, но и туземецъ, если онъ уже привыкъ къ сношеніямъ съ европейцами: сингалецъ на Цейлонѣ, малаецъ въ Сингапурѣ, негръ въ Занзибарѣ и даже въ Даръ-эсъ-Салаамѣ. Понимаете силу привычки?

А индусы, сіамцы, белуджіи, арабы, абиссинцы, турки, персіяне, не заговорятъ же они всѣ, хоть черезъ сто лѣтъ, по-англійски?» Разумѣется,

---

*) мѣсто Кооптоуна, который болѣе тянетъ къ Атлантическому океану. Портъ Елизаветы уже и теперь обогналъ гл. гор. мыса Доброй Надежды оборотами по берегамъ Индѣйскаго океана; онъ—узелъ капскихъ желѣзныхъ дорогъ.

что *всѣ*—нѣтъ. У насъ многіе татары, киргизы, буряты столѣтіями живутъ подъ русскимъ владычествомъ, а по-русски говорить не умѣютъ; только они въ счетъ цивилизованныхъ и распоряжающихся событіями не идутъ, а повинуются либо русскимъ, либо своимъ сородичамъ, говорящимъ по-русски, усвоившимъ русскіе обычаи, даже нравы и, главное, образованіе. То же будетъ и съ большинствомъ туземцевъ, живущихъ по берегамъ Индѣйскаго океана, въ отношеніи къ англичанамъ, самымъ многочисленнымъ и стойкимъ представителямъ европейской цивилизаціи, хотя и не лучшимъ.

М. Венюковъ.

Рабочіе на фабрикахъ и промыслахъ *).

„Дѣятельность какого-либо народа въ санитарномъ отношеніи можно принять вообще за масштабъ для опредѣленія того, насколько этотъ народъ способенъ играть роль въ исторіи культуры".

Петтенкоферъ.

Разсмотрѣть въ журнальной статьѣ всѣ вредные для здоровья рабочихъ моменты, конечно, невозможно, да это и не составляетъ нашей задачи. Мы желали бы дать только общую картину тяжелыхъ условій фабрично-заводскаго труда, чтобы читатель могъ составить себѣ болѣе или менѣе полное, ясное и вѣрное представленіе о томъ печальномъ существованіи, какое влачитъ русскій, а отчасти также, конечно, и иностранный рабочій. Не нужно думать, что на Западѣ рабочимъ живется особенно хорошо и что ему всегда и вездѣ лучше, чѣмъ русскому рабочему. Тамъ иныя условія, иныя требованія, высшій умственный уровень, другіе нравы и обычаи. Конечно, иной заграничный рабочій, по сравненію съ русскимъ, живетъ много лучше, но въ общемъ условія промышленнаго труда и тамъ очень тяжелы.

Въ числѣ спеціальныхъ болѣзней, зависящихъ собственно отъ производства, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ болѣзни, обусловливаемыя проникaніемъ въ легкія частичекъ пыли, или металлической (типографы, граверы, слесаря, литейщики, токари, точильщики, кузнецы и т. п.), или минеральной (стекольщики, шлифовщики, каменщики, камнетесы, штукатуры, кирпичники, жерновщики, гончары и пр.), или органической (пекаря, мельники, ткачи, прядильщики, плотники, углекопы, щеточники, шляпники, суконщики, костяники, скорняки и пр.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ являются болѣе или менѣе глубокія разстройства дыхательныхъ путей: сначала появляется раздраженіе слизистой оболочки носа и глотки, а затѣмъ гнойный катаръ бронховъ, легочная эмфизема и чахотка. Менѣе всего страдаютъ отъ пыли углекопы и угольщики, а наиболѣе вредоносное вліяніе оказываетъ кремнистая пыль (шлифовщики стекла, камнетесы и т. п.),—она очень

*) Русская Мысль, кн. IV.

сильно сушитъ ротъ и предрасполагаетъ къ пьянству, въ свою очередь ускоряющему развитіе чахотки.

Въ особенности сильно страдаютъ отъ металлической пыли точильщики и полировщики иголокъ, булавокъ, ножей, вилокъ и т. п. Заболѣваемость органовъ дыханія достигаетъ при работѣ на сухихъ камняхъ 70—80%.

Отъ минеральной пыли особенно страдаютъ камнетесы, рабочіе стеклянныхъ, горшечныхъ, фарфоровыхъ и цементныхъ заводовъ, а также занимающихся выдѣлкой жерновыхъ камней. Изъ болѣзней указываютъ астму, воспаленіе глазъ, мучительный кашель. У гранильщиковъ стекла развивается чахотка и особое воспаленіе десенъ, сопровождающееся разрушеніемъ зубовъ и зловоннымъ дыханіемъ. Явленія эти сходны съ свинцовымъ отравленіемъ (хрусталь часто содержитъ свинецъ). Для огражденія рабочихъ отъ пыли примѣняютъ респираторы и мокрыя губки; но такъ какъ они затрудняютъ дыханіе, то рабочіе, по обыкновенію, совсѣмъ отказываются отъ ихъ употребленія.

Затѣмъ во многихъ производствахъ рабочіе вынуждены дышать вредными парами и газами, причемъ въ однихъ случаяхъ происходитъ простое раздраженіе органовъ дыханія, какъ и при вдыханіи пыли, въ другихъ— болѣе или менѣе продолжительное вдыханіе можетъ вызвать отравленіе всего организма.

Воздухъ, которымъ иногда должны дышать рабочіе на фабрикахъ, можетъ содержать вредные для здоровья: хлоръ, соляную кислоту, сѣрнистый, угольный и свѣтильный газы, фтороводородъ, ціанистый водородъ, амміакъ, сѣроводородъ, пары эѳира, фосфора, ртути, мышьяка, сѣроуглерода, уксусной кислоты и пр., и пр., и пр.

Весьма также вредно отзывается на здоровьѣ рабочихъ продолжительное пребываніе въ сыромъ и холодномъ воздухѣ, равно какъ и вліяніе чрезмѣрно высокихъ температуръ, въ особенности, когда это сопряжено съ моментами быстраго охлажденія. Тогда очень быстро развиваются простудныя болѣзни, ревматизмы, воспаленія и т. п.

Такой, наприм., сырой холодъ господствуетъ въ бродильныхъ отдѣленіяхъ пивоваренныхъ и винокуренныхъ заводовъ, въ погребахъ, гдѣ дображиваетъ пиво, и въ солодовняхъ, гдѣ ростятъ солодъ.

При разливкѣ, наприм., стали въ изложницы на сталелитейныхъ заводахъ, свѣжій человѣкъ, несмотря на героическія усилія, не въ состояніи подойти къ формѣ съ расплавленнымъ металломъ ближе, какъ на 2 — 3 аршина. А рабочій, въ одной рубахѣ, весь красный, весь облитый потомъ, все время находится у самыхъ изложницъ. На Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ въ Петербургѣ, въ прежнее время, лѣтомъ у изложницъ въ которыя производится разливка стали, устраивались искусственные бассейны (четыреугольныя глубокія ямы съ водою), гдѣ рабочіе съ наслажденіемъ купались, чтобы хоть нѣсколько освѣжиться отъ удручающей невыносимой жары, господствующей около жидкой стали.

На сахарныхъ заводахъ у печей, гдѣ прокаливаютъ подр[illegible]ый

оживленію костяной уголь, также невыносимая жара, и, тѣмъ не менѣе, рабочій подолгу долженъ стоять у печи, наблюдая за ея работой. Очень трудно близко стоять и около пудлинговыхъ печей, гдѣ чугунъ перерабатывается въ желѣзо; здѣсь рабочій обязанъ, кромѣ того, часто перемѣшивать расплавленный металлъ тяжелою желѣзною кочергой. Ужасающій жаръ и огромное мышечное напряженіе дѣлаютъ эту работу невыносимо тяжелою.

Въ нѣкоторыхъ производствахъ работа связана съ специфическимъ отравленіемъ. Такова, наприм., фабрикація свинцовыхъ бѣлилъ (въ химіи это — основной углекислый свинецъ). Свинцовое отравленіе является результатомъ вдыханія и проглатыванія тонкой пыли бѣлилъ. Въ докладѣ объ отравленіи рабочихъ свинцомъ, внесенномъ въ англійскій парламентъ лѣтъ 10 тому назадъ, между прочимъ, было указано, что рабочіе такихъ фабрикъ, въ большинствѣ случаевъ, могутъ работать не болѣе 3—4 недѣль въ теченіе полугода; остальное время они лежатъ, изувѣченные, въ больницахъ. Отравленіе выражается слѣпотой, параличомъ ручныхъ и ножныхъ мышцъ, иногда судорожными подергиваніями (девонширскія колики), нерѣдко оканчиваясь смертью. При свинцовомъ отравленіи является характеристическая синяя черта на деснахъ. Женщины страдаютъ особенно сильно (выкидыши, маточныя кровотеченія). Столь же вредно и растираніе свинцовыхъ красокъ. Какъ предохранительное средство, рекомендуется молоко.

За послѣднее время введеніе особыхъ машинъ и аппаратовъ, въ связи съ извѣстными мѣрами предосторожности, въ значительной степени ослабило вредъ этого производства. Теперь на благоустроенныхъ фабрикахъ рабочихъ заставляютъ надѣвать во время работы особую одежду, передъ ѣдой и питьемъ—мыть руки и ополаскивать ротъ, по возможности не глотать слюны во время работы, жажду утолять лимонадомъ съ примѣсью сѣрной кислоты, по временамъ принимать глауберову соль или магнезію; по окончаніи работъ каждый обязанъ переодѣться, вымыть руки, ноги, волосы, лицо, а послѣ нѣкоторыхъ работъ непремѣнно вымыться въ банѣ. Обязательно также пищу принимать не въ мастерской, а въ особой столовой, во время работы подвязывать ко рту и къ носу мокрую губку для задерживанія пыли и производить усиленную вентиляцію. Подобныя же мѣры принимаются на спичечныхъ (приготовляющихъ обыкновенныя сѣрныя спички) и фосфорныхъ фабрикахъ. Эти два производства оказываютъ чрезвычайно вредное вліяніе на рабочихъ. Въ Россіи оно выражается особенно рѣзко, благодаря примитивному устройству самыхъ фабрикъ и усиленной эксплуатаціи на нихъ женскаго и въ особенности дѣтскаго труда. Работая въ атмосферѣ, отравленной парами фосфора и фосфористыхъ соединеній, здоровый человѣкъ черезъ 4—5 лѣтъ превращается въ [illegible]одячій трупъ съ черными зубами, хроническимъ ревматизмомъ, совершенно разстроенною печенью, желудочнымъ и бронхіальнымъ катарромъ.

[illegible]ный фосфоръ, употребляемый для приготовленія зажигательной мас-

сы въ обыкновенныхъ сѣрныхъ спичкахъ, относится къ сильнѣйшимъ ядамъ. Для отравленія достаточенъ пріемъ 10 сантигр. Между явленіями фосфорнаго отравленія особенно рѣзко выступаетъ омертвѣніе челюстей (такъ называемый некрозъ). Являются боли въ челюстяхъ, опухоли и болѣзненное ощущеніе въ деснахъ и железахъ, затѣмъ образуется нарывъ, выдѣляющій крайне зловонный гной.

На заграничныхъ заводахъ процентъ заболѣваемости, благодаря разнымъ мѣропріятіямъ, значительно сократился, но у насъ пока это дѣло находится все еще въ крайне печальномъ положеніи.

Изъ предохранительныхъ средствъ, кромѣ надлежащей вентиляціи помѣщеній и тщательнаго охраненія фосфора отъ испаренія, самымъ важнымъ является распространеніе по фабрикѣ паровъ скипидара. Съ этою цѣлью ставятъ чашки съ нимъ прямо на полу или подвѣшиваютъ на веревкахъ пропитанную имъ бумагу, или прямо носятъ на груди стклянки со скипидаромъ. Нужно, однако, замѣтить, что вдыханіе большихъ количествъ его также вредно.

На этого рода фабрики выбираются люди съ хорошими, здоровыми зубами, такъ какъ они рѣже заболѣваютъ, чѣмъ рабочіе, у которыхъ гнилые, испорченные зубы.

Затѣмъ на фосфорныхъ и спичечныхъ фабрикахъ часто случаются взрывы и пожары, отъ которыхъ также сильно страдаютъ рабочіе.

Радикальнымъ средствомъ избавить рабочихъ отъ фосфорнаго отравленія является замѣна обыкновенныхъ сѣрныхъ спичекъ шведскими, для приготовленія которыхъ бѣлый фосфоръ совсѣмъ не употребляется. Въ шведскихъ спичкахъ фосфоръ входитъ только въ составъ массы, намазываемой на коробку, но и то фосфоръ такъ называемый красный, совершенно нeядовитый.

Въ высшей степени вредное вліяніе на рабочихъ оказываютъ заводы металлической ртути и разныхъ ртутныхъ соединеній (сулемы, каломеля и проч.), а также зеркальное производство съ подводкою зеркалъ оловянною амальгамой, для приготовленія которой олово растворяютъ въ ртути. Картина ртутнаго отравленія поистинѣ ужасна. На ртутныхъ заводахъ Идріи (Австрія) и Альмадена у рабочихъ наблюдается опуханіе десенъ и выпаденіе зубовъ при ужасающемъ по своему зловонію дыханіи. Къ этому присоединяются нервныя разстройства, безсонница, дрожаніе членовъ (трясучка), стрѣляющія боли въ конечностяхъ, спазмы и параличи мышцъ. При наводкѣ зеркалъ ртутною амальгамой у рабочихъ появляется худосочіе, опухоли шейныхъ и миндалевидныхъ железъ, изъязвленія слизистой оболочки рта и носа, слюнотеченіе. Особенно сильно страдаютъ женщины. Онѣ часто выкидываютъ, а дѣти обыкновенно рождаются хилыми и скоро умираютъ. Результатомъ ртутнаго отравленія нерѣдко является чахотка. Хорошимъ предохранительнымъ средствомъ считается нашатырный спиртъ, которымъ поливаютъ полъ въ мастерскихъ.

Зеркальное производство существуетъ въ Россіи, между прочимъ въ

кустарный промыселъ, наприм., въ Московской губерніи, въ уѣздахъ Дмитровскомъ, Клинскомъ и Звенигородскомъ. По описанію земскихъ статистиковъ, рабочіе,—главнымъ образомъ, конечно, наводчики (тѣ, которые наводятъ оловянную амальгаму на стекло),—часто отравляются ртутью, что, прежде всего, обнаруживается трясеніемъ рукъ и головы, столь сильнымъ, что рабочій не въ состояніи принимать пищу самъ, онъ ѣстъ и пьетъ изъ чужихъ рукъ или «въ припадку». Нѣкоторые же во время ѣды, чтобъ обойтись безъ посторонней помощи, накладываютъ руку на руку и тѣмъ ослабляютъ трясеніе. Оно обнаруживается уже черезъ недѣлю работы. Тогда наводчикъ идетъ отгуливаться недѣли на 3—4, причемъ отпивается чаемъ, молокомъ, парится въ банѣ. Отгулявшись, онъ опять принимается за работу, опять отравляется и т. д. Особенно сильно страдаютъ отъ этой работы дѣти; всѣ они страшно блѣдны и жалуются на болѣзнь десенъ.

Во время работы наводчики повязываютъ носъ и ротъ полотенцами и работаютъ гдѣ похолоднѣе. Впрочемъ, часто они вовсе не подвязываются, потому что это «душно и копотко», по ихъ выраженію. Меньше всего страдаютъ отъ этого промысла рабочіе-хозяева мелкихъ мастерскихъ, потому что они имѣютъ возможность работать съ наводкой меньшее время и отгуливаться чаще.

Въ настоящее время на большихъ зеркальныхъ заводахъ этотъ варварскій способъ замѣненъ серебреніемъ (подводка серебромъ).

Къ числу крайне вредныхъ въ санитарномъ отношеніи производствъ нужно также отнести цинковое, давно уже существующее въ Царствѣ Польскомъ. По описанію д-ра Л. Бертенсона, польскіе заводы устроены крайне примитивно и на нихъ не принимается рѣшительно никакихъ мѣръ къ огражденію рабочихъ отъ вредныхъ вліяній, причемъ часто не соблюдаются даже самыя элементарныя требованія гигіены. Во время работы въ помѣщеніяхъ, лишенныхъ какой бы то ни было вентиляціи, они вдыхаютъ пыль и пары цинка, окись углерода и разныя другія вредныя вещества, отчего у нихъ нерѣдко бываетъ, отъ остраго отравленія, такъ называемая цинковая лихорадка, по явленіямъ весьма сходная, какъ и лихорадка, которою весьма часто страдаютъ литейщики, съ обыкновенною перемежающеюся лихорадкой. У рабочаго вдругъ появляется летучая боль въ спинѣ и во всемъ тѣлѣ, затѣмъ потрясающій ознобъ, мучительный кашель съ гнетущею болью въ груди и во лбу. Пульсъ до 120 ударовъ. Пароксизмъ продолжается нѣсколько часовъ, больной крѣпко засыпаетъ и послѣ продолжительнаго сна встаетъ уже почти здоровымъ. Черезъ 10—12 лѣтъ является хроническое от .вленіе, обнаруживающееся серьезными разстройствами спинного мозга. Ра очіе цинковыхъ заводовъ имѣютъ землисто-грязный цвѣтъ лица и вообще жалкій видъ совершенно истощенныхъ людей.

а цинковомъ заводѣ подъ Бендиномъ, арендуемомъ компаніей гг. Фонъ-Де иза, Шевцова и Померанцева, не только нѣтъ, по словамъ д-ра Бертен она, вентиляціи, но нѣтъ даже и обыкновенной вытяжной дымовой тр .. Въ крайне ветхомъ зданіи завода темно и тѣсно. Работа при та-

кихъ условіяхъ крайне тяжела даже для привычныхъ рабочихъ, а для свѣжаго человѣка даже кратковременное пребываніе на этомъ заводѣ во время дѣйствія печей — невыносимо *).

Въ химическихъ производствахъ есть много крайне тяжелыхъ работъ. Здѣсь рабочіе страдаютъ отъ вдыханія и проглатыванія ядовитыхъ паровъ и газовъ. Появляются кашель, чиханье, слезы, усиленное отдѣленіе слизи изъ носа и горла. Содержаніе 1—4% кислыхъ паровъ не оказываетъ особенно вреднаго вліянія, но уже при 5—7% являются легочныя болѣзни и разстройства пищеваренія. При еще большемъ содержаніи возможны спазмы дыхательной щели, грозящіе удушеніемъ. При выплавкѣ сѣры, при обжиганіи колчедановъ, развивается масса сѣрнистаго газа (между прочимъ, крайне вреднаго для окрестной растительности), вызывающаго у рабочихъ круженіе и боль въ головѣ, сильный кашель, дрожь, стѣсненіе груди, воспаленіе глазъ и обморокъ. Вдыхать этотъ газъ приходится также при фабрикаціи сѣрной кислоты, при бѣленіи шерсти, шелка, при окуриваніи сѣрою пораженныхъ болѣзнью виноградниковъ и т. п. На нѣкоторыхъ заводахъ сѣрной кислоты, въ помѣщеніяхъ, гдѣ производится ея сгущеніе выпариваніемъ, бываетъ настоящій адъ. Изъ стеклянныхъ колбъ поднимаются густые кислые пары, дѣлающіе дыханіе почти невозможнымъ. Долго оставаться въ нихъ не могутъ даже привычные рабочіе,— они только научаются временно задерживать дыханіе.

Отъ паровъ азотной и азотистой кислоты у рабочихъ развиваются болѣзни дыхательныхъ органовъ. У одного умершаго рабочаго съ химическаго завода, гдѣ онъ работалъ при азотной кислотѣ, при вскрытіи легкія оказались въ желтыхъ пятнахъ и представляли собою какое-то кислое желе.

Вдыханіе кислыхъ паровъ (наприм., около сульфатныхъ печей) быстро портитъ зубы. У рабочихъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы они оказываются какъ будто подпиленными.

Чрезвычайно опасны работы съ такъ называемымъ сѣроуглеродомъ. При фабрикаціи каучуковыхъ издѣлій его употребляютъ для растворенія каучука. Вулканизированіе состоитъ въ томъ, что каучукъ опускается въ смѣсь сѣроуглерода и хлористой сѣры и держится въ теплой камерѣ до тѣхъ поръ, пока сѣроуглеродъ испарится. Это — зловонная, огнеопасная, сильно летучая жидкость; вдыханіе ея паровъ парализуетъ нервную систему. Симптомы таковы, что сначала появляется сильная головная боль и головокруженіе, затѣмъ боли въ конечностяхъ, судороги, звонъ въ ушахъ, сердцебіеніе, рвота, тошнота, послѣ чего слѣдуетъ общее угнетеніе, упадокъ духа, слабость и, наконецъ, параличъ. Кромѣ того, при работахъ съ сѣроуглеродомъ всегда есть большая опасность взрыва и пожара, такъ какъ пары этой жидкости образуютъ съ воздухомъ гремучія смѣси.

Въ производствахъ, гдѣ имѣютъ дѣло съ хлорнымъ газомъ (отбѣливанія

*) *Л. Бертенсонъ:* „Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ промыслахъ Г[illegible]га Польскаго". *Горный Журналъ* 1893 г., октябрь—ноябрь.

и писчебумажныя фабрики, а также заводы, занимающіеся приготовленіемъ бѣлильной извести), при вдыханіи большихъ его количествъ, по словамъ Гирта, извѣстнаго знатока промышленной гигіены, у рабочихъ является жестокій приступъ кашля, одышка, холодный потъ, пульсъ замедляется, лицо синѣетъ, въ острыхъ случаяхъ происходитъ потеря сознанія. При продолжительномъ пребываніи въ отравленной хлоромъ атмосферѣ являются признаки преждевременной старости. Заводскія администраціи часто бываютъ вынуждены отпускать рабочихъ въ деревню на поправку. Вообще заболѣваемость среди рабочихъ этой категоріи очень велика (происходятъ глубокія измѣненія въ легочной ткани, крупозныя пневмоніи).

Производство хлорной извести (у насъ пока не существующее) принадлежитъ къ числу весьма вредныхъ. На одной изъ англійскихъ фабрикъ въ Глазго Гиртъ наблюдалъ рабочихъ въ густыхъ непроницаемыхъ облакахъ известковой пыли въ атмосферѣ, столь богатой хлоромъ, что непривычный человѣкъ, войдя въ мастерскую, сразу поражается такимъ удушливымъ кашлемъ, отъ котораго въ теченіе нѣсколькихъ часовъ остается щекотаніе въ горлѣ и стѣсненіе въ груди.

При фабрикаціи двухромокислаго калія особенно страдаетъ слизистая оболочка носа. Иногда уже послѣ 2-хъ недѣльной работы происходитъ продырявленіе носовой перегородки. На ссадинахъ и вообще на мѣстахъ, лишенныхъ кожи, быстро происходятъ трудно заживляющіяся язвы.

На селитряныхъ заводахъ рабочіе страдаютъ, вслѣдствіе поглощенія селитряной пыли дыхательными и пищеварительными путями, ознобомъ, общею слабостью, тошнотой, рвотой, кишечными болями, сердцебіеніями и т. п.

На химическихъ заводахъ, наприм., при упариваніи растворовъ въ совершенно открытыхъ котлахъ бываютъ такіе случаи, что рабочій, поскользнувшись, падаетъ въ котелъ и... вмѣсто какого-нибудь раствора селитры, экспромтомъ получается супъ изъ живого человѣка. Устранить подобныя случайности очень легко: для этого нужно только поставить на котлѣ крышку.

На механическихъ заводахъ чаще всего страдаютъ котельщики и клепальщики. Отъ постояннаго грохота при вбиваніи заклепокъ они глохнутъ, а осколками имъ нерѣдко ранитъ глаза.

Для предохраненія глазъ въ этомъ и подобныхъ этому случаяхъ существуютъ особыя очки, съ толстыми стеклами, но рабочіе почти ими не пользуются, несмотря на настоянія ближайшаго начальства. Для извлеченія осколковъ могутъ служить магниты. Существующія для забиванія заклепокъ спеціальныя машины до сихъ поръ не употребляются въ Россіи потому, что онѣ представляютъ меньше выгодъ, чѣмъ ручная клёпка.

На сахарныхъ заводахъ рабочіе подвергаются разнообразнымъ ожогамъ щелочнымъ сокомъ, вареною патокой, горячею известью, а чаще всего отъ повсемѣстно на заводѣ примѣняемаго пара съ температурою 13[illegible]—140° Ц. Затѣмъ уже слѣдуютъ разнаго рода травматическія повреждѣнія, случаи удушенія вредными газами и, наконецъ, взрывы грему-

чихъ смѣсей въ сатураціонныхъ и выпарныхъ котлахъ. Такъ, наприм., на одномъ изъ сахарныхъ заводовъ *) двое рабочихъ спустились чистить котелъ вышиною болѣе 2 саж. въ то время, когда сосѣдніе котлы, по обыкновенію, работали; благодаря небрежности администраціи и полному отсутствію контроля, горячій сокъ перебросило изъ работавшаго выпарнаго котла въ тотъ, который чистился, и, разумѣется, сварило заживо обоихъ. Особенно часты ожоги рабочихъ около фильтръ-прессовъ, при ихъ разгрузкѣ и очисткѣ, а также около сокоподъемниковъ (монтежю). На другомъ сахарномъ заводѣ такіе обжоги повторялись столь часто, что вызвали даже среди рабочихъ почти паническій страхъ. Пошли слухи о нечистомъ мѣстѣ, о связи механика съ нечистою силой и т. п.; рабочіе стали даже отказываться работать около фильтръ-прессовъ. Только усиленнымъ угощеніемъ водкой удалось разсѣять этотъ страхъ и заставить рабочихъ дѣлать свое дѣло, не боясь, что вдругъ опять кого-нибудь сварятъ.

При чисткѣ выпарныхъ котловъ отъ накипи съ помощью соляной кислоты бываютъ взрывы, когда рабочій съ лампой вздумаетъ осматривать котелъ внутри въ то время, когда еще процессъ не окончился и внутри котла могутъ образоваться гремучія смѣси.

Изъ машинъ на сахарныхъ заводахъ особенно опасными являются центрофуги. Ихъ иногда разрываетъ или ломается ось, когда, наприм., попадетъ какой-нибудь тяжелый предметъ. Вслѣдствіе ихъ огромной скорости (1,000—1,100 обор. въ минуту), всякое прикосновеніе къ нимъ уже опасно, а рабочіе сплошь и рядомъ тормазятъ эту машину прямо своими собственными ногами и руками.

Въ паточномъ отдѣленіи все облѣплено патокой и вездѣ такъ скользко, что рабочій, поскользнувшись, легко можетъ попасть въ чанъ съ горячею патокой. Рабочіе попадаютъ иногда и въ ямы съ гасящеюся известью, обыкновенно расположенныя на дворѣ, подъ открытымъ небомъ, безъ всякихъ навѣсовъ и рѣшетокъ. Эти случаи всегда оканчиваются или смертью, или весьма тяжелымъ увѣчьемъ.

Огромную опасность для жизни рабочихъ представляютъ производство взрывчатыхъ веществъ и вообще всякія промышленныя работы, при которыхъ возможны разрушительные взрывы, какіе бываютъ, наприм., на пороховыхъ и динамитныхъ заводахъ, въ каменноугольныхъ копяхъ, на мельницахъ и т. п. Взрывы мучной пыли на современныхъ паровыхъ мельницахъ, по своей силѣ и разрушительному дѣйствію, не уступаютъ взрывамъ пороха. Въ 1872 г. взрывомъ уничтожило мельницу въ Глазго, другую (Фиттонъ, въ Англіи) въ 1881 г. разрушило до основанія. Въ настоящее время примѣняются особые приборы для улавливанія мучной пыли, [illegible] не только способствуетъ безопасности, но увеличиваетъ и выходъ муки. [illegible]тѣмъ, на мельницахъ необходимо, конечно, избѣгать открытаго огня и [illegible]ръ

*) *Васильевъ:* „Несчастные случаи на сахарныхъ заводахъ". *Техническій* [illegible] *никъ* и *Вѣстникъ Промышленности.*

(появляющихся, наприм., въ томъ случаѣ, когда попадаютъ между жерновами какіе-нибудь желѣзные или стальные предметы). Во избѣжаніе взрывовъ и пожаровъ употребляютъ или электрическое освѣщеніе, или особыя предохронительныя лампы, вродѣ тѣхъ, какія примѣняются въ каменноугольныхъ шахтахъ.

Опасность взрывовъ особенно велика на заводахъ, изготовляющихъ взрывчатыя вещества (порохъ, динамитъ, гремучая ртуть и т. п.).

Время отъ времени на пороховыхъ заводахъ взрывы производятъ ужасающія опустошенія, несмотря на самыя строгія мѣры предосторожности. Причины этихъ несчастій обыкновенно остаются невыясненными, такъ какъ виновники первые становятся жертвами взрыва. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ всегда приходится предполагать, что катастрофа произошла отъ неосторожности, отъ небрежности.

Въ Англіи, гдѣ строго проведены всѣ мѣры предосторожности и гдѣ рабочіе вполнѣ надежные люди, на правительственномъ пороховомъ заводѣ за 40 лѣтъ не было ни одного убитаго.

Въ настоящее время за границей даже производство динамита организовано довольно безопасно. Особенно тяжелы условія труда фабрикаціи гремучей ртути, потому что здѣсь рабочіе, помимо опасности взрыва, должны вдыхать ядовитые пары и пыль, содержащіе ртуть.

Взрывы на всѣхъ подобныхъ заводахъ вызываются пламенемъ, искрой, нагрѣваніемъ, ударомъ, треніемъ и потому ко всѣмъ мельчайшимъ подробностямъ работъ необходимо относиться съ величайшимъ вниманіемъ и пунктуальною осторожностью.

Если таковы условія работы въ большихъ, сравнительно благоустроенныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, то легко можно себѣ представить обстановку труда на мелкихъ заводахъ и фабрикахъ.

Мы живо помнимъ, напримѣръ, такую сцену изъ давняго прошлаго. У самаго входа на конвертную фабрику (въ Москвѣ) въ помѣщеніи съ землянымъ поломъ на грудѣ мусора, собираемаго старьевщиками по дворамъ, сидѣли женщины и выбирали то, что пригодно для выдѣлки бумаги.

Въ помѣщеніи стояла такая пыль, что свѣжій человѣкъ не могъ войти туда, а работницы были совсѣмъ скрыты въ облакахъ окутавшей ихъ пыли.

Въ сферѣ фабрично-заводской промышленности есть много производствъ, крайне вредныхъ для здоровья, но не угрожающихъ ни специфическими отравами, ни катастрофами вродѣ взрывовъ, ожоговъ и т. п. Сюда нужно отнести такъ называемыя волокнистыя производства (прядильныя и ткацкія фабрики по обработкѣ хлопка, шерсти, льна, шелка), занимающія милліоны рабочихъ рукъ.

Въ этихъ производствахъ тяжелыя гигіеническія условія жизни имѣютъ своимъ послѣдствіемъ постепенное вырожденіе фабричнаго рабочаго. Вліяніе работы на ростъ и развитіе человѣческаго организма вообще нужно считать вполнѣ доказаннымъ. Чѣмъ хуже обстановка труда, чѣмъ тяжелѣе условія работы, тѣмъ сильнѣе задерживается ростъ. На фабрикахъ Мо-

сковской губерніи многократно было наблюдаемо, что ростъ, окружность груди и вѣсъ тѣла рабочаго (въ килограммахъ на 1 метръ роста) всегда меньше у рабочихъ, занимающихся обработкой волокнистыхъ веществъ, чѣмъ у рабочихъ по другимъ фабрично-заводскимъ производствамъ. Безъ сомнѣнія, главное вліяніе на ростъ имѣютъ расовыя особенности, но, тѣмъ не менѣе, и вліяніе работы выражается весьма рельефно при тщательномъ и строгомъ наблюденіи. Рабочіе по волокнистымъ производствамъ болѣе слабосильны, какъ показали измѣренія ихъ мышечной силы посредствомъ динамометровъ, они скорѣе и сильнѣе начинаютъ убывать въ вѣсѣ и у нихъ раньше начинаютъ обнаруживаться разныя старческія измѣненія въ тѣлѣ (у нашихъ фабричныхъ рабочихъ уже съ 40-ка лѣтняго возраста).

Въ чемъ же нужно искать причину столь вреднаго вліянія волокнистыхъ производствъ на здоровье рабочихъ? На фабрикахъ Московской губерніи (въ уѣздахъ Коломенскомъ, Бронницкомъ и Серпуховскомъ), описанныхъ г. Дементьевымъ, нѣтъ никакой особенной разницы въ напряженіи работы, въ величинѣ заработной платы и въ условіяхъ жизни рабочаго. Очевидно, что здѣсь выражается вліяніе спеціальныхъ особенностей производства.

Волокнистая пыль хлопка, шерсти, шелка уже сама по себѣ способна вызывать катарръ соединительной оболочки глазъ и дыхательныхъ органовъ. Вотъ почему среди этого рода рабочихъ такъ часто встрѣчаются легочныя болѣзни и чахотка. Но вредное вліяніе пыльнаго воздуха, имѣющее мѣсто и въ другихъ производствахъ, отступаетъ на второй планъ въ прядильно-ткацкихъ производствахъ, гдѣ болѣе важную роль играютъ совсѣмъ другіе факторы. Прядильщики страдаютъ, главнымъ образомъ, отъ утомительнаго однообразія работы въ нагрѣтомъ, сильно увлажненномъ и, конечно, помимо всего, испорченномъ воздухѣ. На первый взглядъ ихъ работа кажется наилучше обставленною по сравненію съ работами въ другихъ мастерскихъ. На ихъ обязанности—только наблюденіе и уходъ за прядильными машинами. Просторныя, свѣтлыя залы, занятыя сельфакторами (такъ называются механическія прядильныя машины, исполняющія всѣ работы пряденія автоматически, почти безъ участія рабочаго), даютъ на долю каждаго рабочаго отъ 8—20 куб. саж. воздуха, и это количество никогда почти не бываетъ менѣе 5 куб. саж. У каждой пары машинъ всего 5—6 человѣкъ рабочихъ (прядильщикъ, присучальщики и ставильщики). Ихъ мышечный трудъ совершенно ничтоженъ, но отъ нихъ требуется неустанное вниманіе, сопряженное съ неослабнымъ напряженіемъ всей нервной системы. Воздухъ въ прядильняхъ всегда испорченный, необходимо влажный и теплый (выше 28°) для успѣшнаго пряденія. Помѣщаясь въ самыхъ верхнихъ этажахъ фабрики, прядильни, при сквозныхъ сообщеніяхъ между этажами, получаютъ крайне испорченный воздухъ нижнихъ мастерскихъ, всегда переполненныхъ рабочими. Заботъ о надлежащей вентиляціи, по обыкновенію, не прилагается и постоянная работа въ закрытыхъ помѣщеніяхъ съ до крайности испорченнымъ воздухомъ, вредъ котораго усугубляется чрезмѣрною влажностью, высокою температурой и частицами носящейся въ немъ пы-

ли, роковымъ образомъ ведетъ рабочихъ къ разслабленію, истощенію и полной растратѣ здоровья. Кто бывалъ на прядильныхъ фабрикахъ, кто видѣлъ тамъ рабочихъ при исполненіи ими своей тяжелой работы,—тотъ хорошо знаетъ, что все это вполнѣ справедливо.

Прядильщики, обыкновенно, имѣютъ видъ болѣзненныхъ, истощенныхъ людей. Землистый, зеленовато-желтый цвѣтъ лица, обычная худоба, усталые, полусонные, ничего не выражающіе мутные глаза, вялыя движенія, дряблая кожа, дѣтскія мышцы, полная апатія, глухое безучастіе ко всему—вотъ типическія черты рабочихъ на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ. Если мы примемъ во вниманіе ихъ сравнительно высокій заработокъ (около 20 руб.) въ мѣсяцъ, то вредное вліяніе работы прядильщиковъ будетъ внѣ всякаго сомнѣнія. На тѣхъ же прядильныхъ фабрикахъ простые чернорабочіе, получая въ среднемъ всего около 11 р. 50 коп. въ мѣсяцъ, пользуются несравненно лучшимъ здоровьемъ, хотя условія ихъ труда, по сравненію съ прядильщиками, кажутся болѣе тяжелыми. Подвергаясь всевозможнымъ измѣненіямъ погоды и неся весьма тяжелый и грязный трудъ, чернорабочіе пользуются за то всѣми незамѣнимыми выгодами чистаго воздуха. Большую часть дня они остаются на открытомъ воздухѣ и только по временамъ работаютъ въ сараяхъ, кладовыхъ, магазинахъ и т. п., гдѣ, все-таки, воздухъ значительно чище, чѣмъ въ фабричныхъ мастерскихъ.

Вопросъ о кубическомъ содержаніи воздуха въ фабричныхъ помѣщеніяхъ,—другими словами, вопросъ о порчѣ воздуха легочнымъ и кожнымъ дыханіемъ и о возобновленіи его помощью искусственной вентиляціи,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступаетъ на второй планъ, когда, напримѣръ, рабочія помѣщенія имѣютъ видъ отдѣльныхъ небольшихъ домиковъ съ малымъ числомъ рабочихъ или просто видъ полураскрытыхъ сараевъ. Наконецъ, есть такія производства, гдѣ рабочіе часто переходятъ изъ одного помѣщенія въ другое и подолгу должны оставаться на чистомъ воздухѣ.

На мелкихъ, сравнительно бѣдныхъ фабрикахъ условія жизни рабочаго иногда не хуже, а даже лучше, чѣмъ на крупныхъ. На такихъ мелкихъ фабрикахъ, при небольшомъ числѣ рабочихъ, мастерскія, часто помѣщающіяся въ отдѣльныхъ небольшихъ домикахъ, все-таки, до извѣстной степени провѣтриваются черезъ окна, двери и стѣны въ теченіе ночи, когда работъ не производится. На крупныхъ фабрикахъ рабочій неотлучно остается у машины по 12—13 час. кряду и дышетъ все время испорченнымъ воздухомъ. Наступило время новой смѣны, пришли новые рабочіе, и опять закипѣла работа въ томъ же отравленномъ воздухѣ, безъ всякаго предварительнаго провѣтриванія. И такъ всегда, изо-дня въ день.

Такимъ образомъ сотни тысячъ рабочихъ, занятыхъ обработкою волокнистыхъ веществъ, преждевременно гибнутъ отъ работъ въ замкнутыхъ пространствахъ съ испорченнымъ воздухомъ, чрезмѣрно нагрѣтымъ и влажнымъ. Они медленно отравляются незамѣтно для самихъ себя этимъ безболѣзненнымъ, но ужаснымъ ядомъ. Но не это одно обусловливаетъ вредо-

носность прядильно-ткацкихъ производствъ. Подобныя условія встрѣчаются и на разныхъ другихъ фабрикахъ, писчебумажныхъ, сахарныхъ и т. п.

Здѣсь наиболѣе гибельное дѣйствіе на здоровье рабочихъ оказываетъ удручающій автоматизмъ работы, почти полное отсутствіе мышечнаго труда. Стоящій у своей машины прядильщикъ совершенно лишенъ всякой воли, всякой свободы движеній: это—такой же механизмъ, какъ сама машина, это автоматъ, непрерывно продѣлывающій самыя простыя манипуляціи, не требующія ни мышечной силы, ни работы ума, быстро утомляющія и безъ того истощенный организмъ своимъ отупляющимъ однообразіемъ; мышцы постепенно истощаются, атрофируются.

Правильно поставленный мышечный трудъ повышаетъ энергію, укрѣпляетъ тѣло, отсутствіе же его нарушаетъ правильныя отправленія нервной системы и мышцъ и ведетъ неизбѣжно, хотя медленно и часто почти незамѣтно, къ разрушенію здоровья. Всякое движеніе, всякое мышечное сокращеніе влечетъ за собой ускореніе кровообращенія не только въ сокращающихся мышцахъ, но и во всемъ тѣлѣ, что въ свою очередь обусловливаетъ лучшее питаніе тканей тѣла, усиленную энергію всѣхъ жизненныхъ процессовъ. Усиленное кровообращеніе въ легкихъ влечетъ за собой болѣе энергическое дыханіе, болѣе полный и сильный обмѣнъ веществъ.

При указанномъ недостаткѣ мышечныхъ движеній у рабочихъ прядильно-ткацкихъ мануфактуръ всѣ жизненные процессы ослаблены. Вредно отражается и вынужденное стоячее или сидячее положеніе. Ткачи, напримѣръ, сидя у своихъ станковъ, упираются грудью о навой и стѣсняютъ этимъ дыхательныя движенія, что весьма располагаетъ къ чахоткѣ.

Невыносимый стукъ станковъ, позволяющій говорить только на ухо, ведетъ ткачей къ глухотѣ.

Какое огромное значеніе имѣютъ болѣе благопріятныя условія труда въ одномъ и томъ же производствѣ, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ. Ткачи на ручныхъ ткацкихъ станахъ и на механическихъ (самоткацкихъ) рѣзко различаются по своему физическому складу въ отношеніи мышечной силы и здоровья.

Выполняя одну и ту же работу, они рѣзко различаются въ своей организаціи. У ручныхъ ткачей д-ръ Дементьевъ наблюдалъ и большій вѣсъ тѣла, и бо́льшую окружность груди, несмотря на то, что они, также какъ и самоткачи, работаютъ по 12—13 часовъ на ткацкомъ станкѣ. Разница только въ томъ, что ручные ткачи работаютъ мышцами, перекидывая челнокъ, и работаютъ свободно, располагая свою работу, какъ имъ угодно, по своему произволу. Если ткачъ усталъ, онъ можетъ остановить работу и, отдохнувъ, приняться за нее съ удвоенною энергіей, когда онъ пожелаетъ. Затѣмъ ручные ткачи, въ большинствѣ случаевъ, на лѣто уходятъ домой, въ деревню, гдѣ занимаются полевыми работами около полугода (обыкновенно съ Пасхи до октября). Совсѣмъ иную картину представляетъ работа на самоткацкихъ станкахъ. Здѣсь всю работу ткачества выполняетъ

сама машина, ткачь только наблюдатель—автоматъ; время отъ времени онъ слегка повернется къ автоматически остановившемуся станку, поправитъ, что нужно, присучитъ порвавшуюся нитку и опять сидитъ и смотритъ. Онъ—рабъ машины и она жестоко наказываетъ его за всякое ослабленіе до крайности напряженнаго вниманія, обыкновенно испорченнымъ кускомъ (бракъ), уменьшеніемъ выработки, а нерѣдко и увѣчьемъ.

Какъ велико благотворное вліяніе деревни, полевыхъ крестьянскихъ работъ на истощенный организмъ фабричнаго рабочаго, лучше всего видно на примѣрѣ рогожниковъ. Мы увидимъ далѣе, въ какихъ ужасныхъ условіяхъ они живутъ и работаютъ на фабрикахъ Московской губерніи. При крайне тяжеломъ и продолжительномъ трудѣ въ теченіе зимняго времени, при весьма низкой заработной платѣ, плохомъ питаніи и невозможномъ жильѣ, они здоровѣе и сильнѣе физически, чѣмъ самоткачи. И это только благодаря тяжелому мышечному труду на примитивныхъ рогожеткацкихъ станахъ, а въ теченіе полугода (а иногда и болѣе) въ полѣ или просто на земляныхъ работахъ. Здѣсь возстановляются всѣ потери организма за зимнею работой и пріобрѣтается новый запасъ силъ. Къ сожалѣнію, этимъ благотворнымъ, освѣжающимъ вліяніемъ деревни пользуется лишь незначительное меньшинство рабочихъ. Самоткачи же, въ большинствѣ случаевъ, никогда не покидаютъ фабрикъ, работая на нихъ круглый годъ. На полевыя работы они уходятъ рѣдко и не надолго.

И такъ, мы подошли къ общему выводу относительно вліянія большихъ работающихъ механическою силой прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ на здоровье рабочихъ. Эти худые, блѣдные, истощенные автоматы при машинахъ быстро изнашиваются, благодаря крайне тяжелымъ и совершенно антигигіеническимъ условіямъ своего труда. Живя и работая въ отравленномъ воздухѣ, большею частью въ двѣ смѣны, день и ночь, они никогда не имѣютъ возможности выспаться и отдохнуть, жизнь ведутъ совершенно неправильную и, за отсутствіемъ мышечнаго труда, функціи дыханія и пищеваренія у нихъ неизбѣжно понижены. Всѣ эти условія задерживаютъ развитіе тѣла уже съ дѣтскаго возраста, что въ особенности замѣтно у слабыхъ субъектовъ (женщинъ, дѣтей, которыхъ такъ много на этого рода фабрикахъ). Рабочіе по волокнистымъ производствамъ отличаются поэтому малымъ ростомъ и вѣсомъ тѣла, плохо развитою грудью и слабыми мышцами. Они скоро старѣются, у нихъ рѣзко проявляется старческое искривленіе позвоночника, понижающее ростъ, быстро убываетъ вѣсъ тѣла и падаетъ мышечная сила. Всѣ эти условія повышаютъ склонность къ разнаго рода заболѣваніямъ, а въ концѣ-концовъ, конечно, и смертность. На разныхъ другихъ фабрикахъ вредныя вліянія производства выражены не столь рѣзко, за исключеніемъ нѣсколькихъ группъ фабрикъ и заводовъ, работы которыхъ отличаются особенною, такъ сказать, исключительною вредоносностью. Но о нихъ мы уже говорили выше.

фабрикахъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества, мы встрѣчаемъ преобладаніе молодыхъ, свѣжихъ силъ. Здѣсь масса дѣтей, парней, дѣвицъ,

сравнительно молодыхъ мужчинъ и женщинъ. Работа легкая, не требующая почти мышечнаго напряженія. Рабочихъ въ 40 и болѣе лѣтъ сравнительно очень мало (на фабрикахъ Московской губ., изслѣдованныхъ г. Дементьевымъ, свыше 40 лѣтъ — около 9%, а старѣе 58 лѣтъ почти не встрѣчается). Приближаясь къ 40-ка лѣтнему возрасту, рабочій прядильной или ткацкой фабрики съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе хирѣетъ, являются зловѣщіе признаки преждевременнаго истощенія, изнашиванія организма,— однимъ словомъ, старость, и рабочій, какъ старая, заношенная тряпка, выбрасывается съ фабрики за полною непригодностью къ какому бы то ни было труду. Куда же дѣваются эти заслуженные инвалиды?—они уходятъ на родину «умирать». Это единственное ихъ утѣшеніе—умереть не на постылой фабрикѣ, а дома, среди родныхъ полей и лѣсовъ, между родными, или хотя бы просто земляками. Пусть у него нѣтъ въ деревнѣ никого, кромѣ какого-нибудь свата, кума, зятя; пусть онъ знаетъ о ея существованіи только по наслышкѣ или изъ своего паспорта, а, все-таки, неудержимо рвется искалѣченный фабрикой инвалидъ на милую родину. Почти всѣ они кончаютъ чахоткой. Но у этихъ преждевременно сходящихъ въ могилу остается поколѣніе, роковымъ образомъ идущее тѣмъ же путемъ и туда же, съ тою только разницей, что, явившись отъ истощенныхъ и ослабленныхъ родителей, оно должно еще скорѣе достигнуть печальнаго конца. И такъ мало-по-малу идетъ рѣзко выраженное вымираніе, такъ называемое вырожденіе. Чѣмъ хуже условія труда, тѣмъ относительно меньше рабочихъ встрѣчается выше сорокалѣтняго возраста и наоборотъ.

Въ другихъ, менѣе тяжелыхъ производствахъ, при рѣзкомъ проявленіи истощенія и ослабленія рабочаго, его переводятъ на другую, болѣе легкую работу. На прядильно-ткацкихъ фабрикахъ это явленіе встрѣчается рѣдко. Чѣмъ тяжелѣе мышечный трудъ въ какомъ-либо производствѣ, тѣмъ болѣе мы встрѣчаемъ рабочихъ свыше сорокалѣтняго возраста. Среди сверлильщиковъ, токарей и т. п. ихъ меньше, чѣмъ среди слесарей и кузнецовъ, среди ручныхъ ткачей больше, чѣмъ самоткачей, между ручными сукно-ткачами больше, чѣмъ между ручными бумаго-ткачами (при тканьѣ сукна мало пыли и больше мышечнаго напряженія). Замѣчено, что при производствахъ, обрабатывающихъ неволокнистыя вещества, рабочіе живутъ много дольше и еще сравнительно бодрыми стариками переходятъ на другія, болѣе легкія работы (наприм., въ сторожа и т. п.).

На вырожденіе рабочаго населенія имѣетъ огромное вліяніе ослабленіе производительной способности женщинъ, вслѣдствіе порождаемыхъ фабричною работой разстройствъ женской половой сферы. Среди фабричныхъ женщинъ особенно часто встрѣчаются маточныя болѣзни, преимущественно искривленіе и выпаденіе матки *). Гиртъ говоритъ, что при беременности, а еще болѣе въ послѣродовомъ періодѣ, при общемъ разслабленіи маточныхъ связокъ, подъ вліяніемъ вредныхъ условій работы, мало-по-малу развивается полная ужаса и страданія картина выпаденія матки.

*) *Hirt:* „Die Arbeiterkrankheiten“

Во всякомъ случаѣ, работа беременнымъ или только что родившимъ женщинамъ должна быть безусловно воспрещена, какъ это уже и намѣчено фабричнымъ законодательствомъ. Интересенъ добрый починъ въ этомъ дѣлѣ одной нѣмецкой фабрики, сдѣланный лѣтъ 10 тому назадъ на маленькой игольной фабрикѣ фирмы «Стефанъ Бейсель вдова и сынъ» въ Аахенѣ. Рабочимъ было объявлено, что «беременныя женщины должны прекращать работу за 4 недѣли до разрѣшенія отъ беременности, причемъ гг. Бейсель уплачиваютъ имъ отъ себя за это время полную заработную плату изъ собственныхъ суммъ» *).

Что бы стоило гг. фабрикантамъ послѣдовать этому доброму почину добрыхъ нѣмцевъ? На фабрикахъ московскаго округа уже кое-что сдѣлано въ этомъ отношеніи. Беременныя женщины оставляютъ работу недѣли за двѣ до родовъ. За весь этотъ невольный прогулъ онѣ могутъ получить вознагражденіе изъ такъ называемаго штрафного капитала.

Работа малолѣтнихъ уже воспрещена до извѣстнаго возраста и по ночамъ. Конечно, дѣтскій и даже женскій организмъ менѣе можетъ сопротивляться пагубнымъ вліяніямъ фабричной работы, а потому здѣсь требуется и болѣе заботливое попеченіе.

Потомки коренного фабричнаго населенія (вотчинныя, поссессіонныя, кабальныя фабрики), происходя на свѣтъ отъ истощенныхъ и ослабленныхъ родителей, со дня рожденія уже носятъ въ своей груди зачатки болѣзненности и преждевременной смерти. На обязанности фабрикантовъ лежитъ дать возможность дѣтямъ фабричныхъ вырости здоровыми и сильными. Имъ нужно дать, при легкой сравнительно работѣ, хорошее питаніе, игры, гимнастическія упражненія на чистомъ воздухѣ, обучать ихъ пѣнію и пр. (о школахъ мы не говоримъ, такъ какъ само собою разумѣется, что школы обязательны). До сихъ поръ мы говорили о жизни фабрично-заводскихъ рабочихъ, занятыхъ обрабатывающею промышленностью. Обратимся теперь къ рабочимъ добывающей промышленности, такъ называемымъ горнорабочимъ.

Объ ужасной жизни рабочихъ на золотыхъ пріискахъ существуетъ обширная литература. Бытъ пріисковыхъ рабочихъ описывался много разъ даже въ разныхъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Одинъ изъ очевидцевъ разсказываетъ о пріисковой жизни **), что тамъ люди совершенно потеряли всякія понятія о какой-либо нравственности. Въ тайгѣ нѣтъ никакой религіи, нѣтъ брака, нѣтъ церковнаго погребенія. «Какъ собакъ погребаютъ»,—говорятъ таежные рабочіе. При полномъ смѣшеніи племенъ, нарѣчій, состояній, у нихъ есть одно общее влеченіе, единственная отрада—спиртъ. Пьянство есть обычное, такъ сказать, узаконенное явленіе въ тайгѣ. Презрѣніе къ жизни полное. Они въ своихъ собственныхъ глазахъ люди совсѣмъ пропащіе. Г. Уманьскій разсказываетъ, что когда однажды, при

*) *А. Погожевъ*: „Итоги фабричной инспекціи въ Германіи". *Вѣстникъ Промышленности* 1884 г., ноябрь.

**) *Уманьскій*: „Очерки золотопромышленности въ Енисейской тайгѣ". 1888 г., стр. 157–158.

передвиженіи машинной бочки, какой-то рабочій замѣтилъ, «какъ бы народъ не задавило», другой спокойно отвѣчалъ ему на это: «Какой народъ?—тутъ народу нѣту, все пріискатели: насъ и задавить-то не жалко». Женщины въ тайгѣ достигли уже самыхъ послѣднихъ ступеней паденія.

Таежный трудъ съ 3 час. утра часто до 10 среди постоянной сырости, въ полутемныхъ ортахъ (горизонтальные ходы въ землѣ, помощью которыхъ золотоносный песокъ извлекаютъ на поверхность для промывки золота), едва освѣщенныхъ сальными свѣчами,—не изъ легкихъ. Широко практикуемое тѣлесное наказаніе и содержаніе рабочихъ въ страхѣ, насколько имъ доступно это чувство, позволяютъ держать въ повиновеніи эту дикую, пьяную толпу. Протесты ея выражаются иногда открытыми бунтами, а чаще всего побѣгами. Убійства сравнительно рѣдки.

Условія жизни, а въ особенности работы, крайне тяжелы. Блѣдные, изнуренные, въ лохмотьяхъ, пріисковые рабочіе имѣютъ видъ нищихъ. Въ спертомъ воздухѣ ортъ, гдѣ они вынуждены работать по 18 и болѣе часовъ, едва могутъ горѣть свѣчи, а у свѣжаго человѣка дѣлается головокруженіе. Часто рабочіе гибнутъ при обвалахъ золотоносной земли. Болѣзненность между ними очень велика, но смертность ниже, чѣмъ можно бы предполагать по условіямъ ихъ жизни и работы. Эпидемическія болѣзни здѣсь неизвѣстны. Чаще всего болѣютъ цингой (тайга даетъ прекрасное отъ нея средство въ дикомъ чеснокѣ и черемшѣ), ревматизмомъ и желудочными разстройствами. Лечитъ, по обыкновенію, полуграмотный фельдшеръ.

По мнѣнію многихъ наблюдателей, тайга съ ея развращенными нравами—гангрена на общественномъ тѣлѣ Сибири. Темныя стороны пріисковой жизни все болѣе и болѣе возбуждаютъ негодованіе въ сибирскомъ обществѣ и въ немъ, безъ сомнѣнія, найдутся гуманные и просвѣщенные дѣятели, чтобъ измѣнить эту вольную каторгу въ здоровый человѣческій трудъ. Починъ въ этомъ отношеніи уже сдѣланъ.

В. И. Семевскій недавно сообщилъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, что извѣстный промышленникъ И. И. Сибиряковъ пожертвовалъ 420,000 р. на улучшеніе быта рабочихъ на золотыхъ пріискахъ въ Витимскомъ и Олекминскомъ округахъ Якутской области. Будемъ надѣяться, что гг. золотопромышленники послѣдуютъ этому доброму примѣру.

Правительство также озабочено регламентаціей горнозаводскаго труда. Относящіеся къ этому законы и правила уже выработаны и въ скоромъ времени будутъ введены на пріискахъ, въ копяхъ и рудникахъ.

Но если бываютъ ужасны работы на земной поверхности, при свѣтѣ с[олн]ца и электрическихъ лампъ, въ хотя испорченномъ, но, все-таки, атмосферн[омъ] воздухѣ, то что можно сказать, какими красками обрисовать тяжк[ую] трудовую жизнь въ мрачныхъ и тѣсныхъ угольныхъ подземельяхъ, [при] слабо мерцающихъ огонькахъ рудничныхъ лампъ, въ атмосферѣ бо[лот]наго газа, среди вѣчной сырости и духоты, подъ постояннымъ опасен[іемъ] быть заживо погребеннымъ? Иногда сверху шахты льетъ вода. Об[ва]

ѣдкими свойствами, она сильно разъѣдаетъ голыя ноги. Часто отъ невыносимой жары приходится работать голыми. Иногда же въ шахтѣ столь сухо, что трескаются губы, гонитъ страшная жажда и болитъ грудь. Поражающія картины жизни углекоповъ рисуетъ Золя въ своемъ извѣстномъ романѣ *Жерминаль*.

Углекопы со всѣхъ сторонъ окружены опасностью и каждый изъ нихъ, спускаясь въ угольную шахту, творитъ въ душѣ молитву и мысленно прощается съ жизнью, считая, что, можетъ быть, это послѣдній спускъ и онъ уже болѣе не вернется на землю. Гнетущее чувство постоянной опасности и мрачная обстановка работы развили въ немъ суевѣріе и сосредоточенность. Углекопы гибнутъ отъ удушенія, отъ обваловъ, или ихъ заливаетъ водой, или раздавливаетъ напоромъ газовъ при взрывѣ гремучей смѣси. Извѣстно, что смѣсь воздуха съ болотнымъ газомъ при содержаніи его свыше 7% пріобрѣтаетъ гремучія свойства, т.-е. взрываетъ отъ прикосновенія съ искрою или пламенемъ. Если въ такой гремучей смѣси будетъ содержаться 12% болотнаго газа, то разрушительная работа взрыва достигаетъ своего maximum'а. При 33% болотнаго газа наступаетъ удушеніе и гаснутъ лампы, т.-е. такая смѣсь уже не поддерживаетъ ни горѣнія, ни дыханія.

Углекопы знаютъ, что когда въ шахтѣ появляется болотный газъ, то пламя лампочки, лучше всего спиртовой или бензиновой, начинаетъ удлиняться, тѣмъ самымъ предостерегая ихъ объ опасности. Въ этомъ отношеніи менѣе чувствительны сильно коптящія масляныя лампы (съ сурѣпнымъ масломъ), которыя теперь выходятъ изъ употребленія въ рудникахъ. Такъ называемыя предохранительныя лампы, съ металлическою сѣткой, окружающей пламя и препятствующей ему зажечь гремучую газовую смѣсь, со времени изобрѣтенія ихъ извѣстнымъ англійскимъ ученымъ Гумфри Дэви, не подвергались никакимъ существеннымъ улучшеніямъ. Они много сохранили жизней, много предупредили несчастій, но ихъ отнюдь нельзя разсматривать какъ универсальное предохранительное средство. Съ такими лампами въ рукахъ углекопы дѣлаются болѣе безпечными, забывая или не зная, что при малѣйшей порчѣ такая лампа взрываетъ гремучую смѣсь столь же легко, какъ и открытый огонь.

Взрывы въ каменноугольныхъ копяхъ нерѣдко бываютъ отъ совершенно другой причины—отъ воспламененія мелкой угольной пыли, носящейся въ воздухѣ угольной шахты. Чѣмъ мельче частицы такой пыли, тѣмъ онѣ опаснѣе. Такъ какъ угольная пыль наполняетъ всю шахту, то воспламененіе ея, происшедшее въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, быстро передается во всѣ части шахты. Причиною воспламененія угольной пыли могутъ быть такъ называемыя порохострѣльныя работы, имѣющія цѣлью разбить пластъ угля взрывомъ пороха или динамита. Какъ показываютъ статистическія данныя, болѣе половины взрывовъ въ копяхъ происходятъ вслѣдствіе нарушенія воспрещеній,—углекопы, какъ и вообще всякіе другіе рабочіе, свыкаются

съ опасностью работы и относятся съ пренебреженіемъ къ разнымъ инструкціямъ и правиламъ.

Какъ же и отъ чего собственно происходятъ смерть и увѣчья рабочихъ при взрывахъ? При воспламененіи гремучей смѣси объемъ газовъ быстро увеличивается въ 7 разъ, и въ этомъ лежитъ причина разрушительныхъ эффектовъ. Давленіе расширяющихся газовъ съ силою разбрасываетъ бревна рудничныхъ закрѣпленій, а рабочихъ придавливаетъ къ стѣнамъ, причемъ смерть наступаетъ почти мгновенно.

Иные погибаютъ прямо вслѣдствіе значительнаго давленія воздуха, и ихъ находятъ мертвыми безъ всякихъ видимыхъ поврежденій, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ они находились во время работы. Наконецъ, горѣніе гремучей смѣси производитъ ожоги, какъ и вдыханіе горячихъ газовъ. Послѣ взрыва, если нѣкоторые рабочіе и не пострадали или подверглись незначительнымъ увѣчьямъ, въ наступившей темнотѣ они не успѣваютъ спастись и задыхаются въ ядовитой атмосферѣ углекислоты и окиси углерода.

Иногда вскорѣ за первымъ взрывомъ слѣдуетъ второй, отъ котораго гибнутъ тѣ, которые идутъ спасать своихъ товарищей. Въ 1866 г. при взрывѣ въ Оаксъ-Колльере отъ перваго взрыва погибо 344 человѣка. Для спасенія оставшихся въ живыхъ бросилось 28 человѣкъ. Когда они спустились въ шахту, произошелъ второй взрывъ, при которомъ уцѣлѣлъ только одинъ рабочій. При такого рода спасительныхъ работахъ самоотверженіе и неустрашимость рабочихъ поразительны. Они идутъ на встрѣчу смерти мало сказать мужественно, но съ истиннымъ героизмомъ.

Столь же спокойно умираютъ тѣ, которые, хотя остались въ живыхъ при взрывѣ, но должны погибнуть въ волнахъ нахлынувшихъ смертоносныхъ газовъ, разъ они не успѣли спастись изъ шахты.

Истощеніе верхнихъ пластовъ угля побуждаетъ горнопромышленниковъ спускаться все глубже и глубже. Вмѣстѣ съ этимъ увеличивается опасность работъ, вѣроятность взрыва (больше газовъ, угольной пыли) и ихъ стоимость. Въ видахъ экономіи, въ глубокихъ шахтахъ кипитъ усиленная дѣятельность, и, при значительной скученности углекоповъ, они гибнутъ при взрывахъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ прежде. Въ общемъ, однако, число человѣческихъ жертвъ на 1 милл. тоннъ каменнаго угля за послѣднія 30 лѣтъ не увеличилось, а скорѣе даже нѣсколько уменьшилось, благодаря нѣкоторымъ техническимъ усовершенствованіямъ въ рудничныхъ работахъ. Нужно замѣтить, что собственно отъ взрывовъ погибаетъ около $^1/_5$ всѣхъ жертвъ каменноугольной промышленности.

Жизнь углекоповъ подвергается разнообразнымъ и постояннымъ о[пас]ностямъ. Вотъ, наприм., какъ производится работа обрушенія кровли [въ] выработаннымъ мѣстомъ. Чтобъ обрушить потолокъ, подпертый часто [по]ставленными бревнами, и засыпать камеру пустою породой, нужно, по[сте]пенно выбирая бревна, ослабить остальныя настолько, чтобы кровля [съ] собою обрушилась. Рудокопъ подрубаетъ бревна постепенно и, нако[нец],

наступаетъ опасный моментъ, когда кровля рушится съ страшнымъ грохотомъ и трескомъ, такъ что рабочій едва успѣваетъ выскочить въ сосѣднюю камеру. Эта опасная работа стоила жизни не одному рудокопу.

Опасности, угрожающія углекопамъ, въ значительной степени устранены различными спеціальными приспособленіями, бдительнымъ надзоромъ, осторожностью и т. п., но противъ взрывовъ нѣтъ никакихъ вѣрныхъ средствъ защиты. Простая небрежность одного человѣка—и все живое населеніе шахты обрекается на гибель. Все-таки, многое можно и должно сдѣлать для несчастныхъ углекоповъ. Условія, въ которыхъ они работаютъ, составляютъ позоръ для цивилизаціи.

Сколько гибнетъ людей ежегодно въ угольныхъ шахтахъ, трудно сказать съ достовѣрностью, за неимѣніемъ во всѣхъ странахъ положительныхъ статистическихъ данныхъ. Только особенно значительные взрывы отмѣчаются, а несчастные случаи съ меньшимъ числомъ жертвъ или оканчивающіеся только увѣчьемъ, предаются часто полному забвенію. Во всякомъ случаѣ, въ текущемъ столѣтіи въ каменноугольныхъ шахтахъ погибло много болѣе 100,000 человѣкъ. Въ 1885 г. въ Корвинѣ и въ Кампгаузенскихъ копяхъ въ двѣ недѣли погибло болѣе 400 человѣкъ, и такіе случаи вовсе не составляютъ рѣдкости. Особенно много гибнетъ углекоповъ въ Англіи, этой странѣ каменнаго угля.

Хотя чахотка между углекопами встрѣчается рѣдко, но за то весьма часты эмфизема и катарры дыхательныхъ вѣтвей. Угольная пыль, копоть отъ лампъ, сырой воздухъ съ примѣсью болотнаго и др. газовъ, согбенное положеніе тѣла во время работы (наприм., на спинѣ съ поднятыми вверхъ ногами),—все это способствуетъ заболѣваніямъ. Въ Бельгіи замѣчено уменьшеніе заболѣваемости между углекопами съ тѣхъ поръ, какъ стали устраивать иначе подземныя галлереи, чтобы дать возможность работать съ выпрямленнымъ туловищемъ.

Въ главнѣйшихъ центрахъ каменноугольной промышленности рядомъ послѣдующихъ генерацій создался типъ горнорабочаго, способнаго выносить по 8—10 час. непрерывную работу въ непроглядной темнотѣ, сырости, испорченномъ воздухѣ и высокой температурѣ. Горнорабочіе Западной Европы образуютъ ассоціаціи, имѣющія свой капиталъ для обезпеченія престарѣлыхъ, вдовъ и сиротъ, для содержанія школъ и больницъ.

Тяжела также работа въ рудникахъ. Въ нихъ бываетъ столь невыносимая жара, что даже съ привычными рабочими дѣлаются обмороки. Часто встрѣчаются болѣзни сердца. Болѣе всего рудники нуждаются въ хорошей вентиляціи.

Такъ обставленъ у насъ трудъ рабочихъ на горныхъ промыслахъ, по[к]азываютъ отчеты д-ра Л. Бертенсона (члена горнаго ученаго комитета) *).

---

*) *Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ промыслахъ Царства Польскаго* (*Горный Журналъ* 1893 г., октябрь — ноябрь) и *На Уралѣ* (*Горный Журналъ* 1892 г., ф[евраль]).

Положеніе рабочихъ на нихъ довольно печально. Они вынуждены работать и жить въ тѣсныхъ, крайне неудовлетворительныхъ въ гигіеническомъ отношеніи помѣщеніяхъ, въ большинствѣ случаевъ, они лишены доброкачественной воды, бани, больницы и т. п. Медицинская помощь организована неудовлетворительно и, тѣмъ не менѣе, съ рабочихъ на нѣкоторыхъ промыслахъ взимается за нее отъ 1—4% заработка. Никакой особой заботливости о рабочихъ не замѣчается. Владѣльцы относятся къ ихъ нуждамъ вполнѣ безучастно и въ своихъ письменныхъ отчетахъ объясняютъ, что «никакихъ болѣзней не было» или «профессіональныхъ болѣзней не было», въ то время, какъ, по словамъ врачей, на промыслахъ Царства Польскаго среди рабочихъ наблюдаются: паховая грыжа, общее слабосиліе, болѣзни глазъ, кожи и легкихъ, мышечный и суставный ревматизмъ и проч.

Ни бани, ни ванны здѣсь не составляютъ народной потребности; рабочіе польскихъ промышленныхъ заведеній моются только передъ большими праздниками. А, между тѣмъ, по увѣренію Гирта, частое мытье тѣла, помимо общаго гигіеническаго значенія, безусловно предохраняетъ отъ заболѣваній во многихъ, вредныхъ для здоровья, производствахъ (наприм., въ свинцовомъ, также, вѣроятно, и въ цинковомъ). Многіе промыслы Царства Польскаго не имѣютъ ни больницъ, ни пріемныхъ покоевъ. Для медицинской помощи имѣется только фельдшеръ, а иногда нѣтъ даже и фельдшера. На нѣкоторыхъ промыслахъ, по словамъ д-ра Бертенсона, больницы и пріемные покои содержатся крайне неряшливо, въ грязныхъ, дурно устроенныхъ помѣщеніяхъ, безъ всякаго соблюденія чистоты и опрятности даже въ бѣльѣ, въ храненіи лѣкарствъ и т. п. Какъ много въ этомъ отношеніи значатъ личныя качества гг. промышленниковъ, видно изъ того, что одни заводы, при сравнительно скромномъ бюджетѣ, дѣлаютъ для рабочихъ все возможное, другіе, при огромныхъ оборотахъ, не дѣлаютъ ровно ничего.

Напримѣръ, на Островецкихъ заводахъ, съ 1,300 рабочими, изготовляющихъ ежегодно 750 тыс. пуд. чугуна и около 1 мил. мартеновой стали, нѣтъ ни больницы, ни пріемнаго покоя, ни даже фельдшера, причемъ съ рабочихъ взимается довольно высокая плата за плохія квартиры. На сосѣднихъ заводахъ Страховицкаго общества, съ вдвое меньшею производительностью, на врачебныя нужды тратится въ 10 разъ болѣе и рабочимъ даются безплатно хорошія помѣщенія. Д-ръ Бертенсонъ отмѣчаетъ сердечное отношеніе къ рабочимъ гг. Котковскихъ, владѣльцевъ маленькихъ Бодзеховскихъ заводовъ, гдѣ не только есть врачъ и фельдшеръ, но рабочіе застрахованы на случай несчастій на счетъ заводовладѣльцевъ въ суммѣ 688,300 руб.

Чтобы покончить съ картинами тяжелаго труда въ области добывающей промышленности, скажемъ еще нѣсколько словъ о рабочихъ на соляныхъ копяхъ. Для иллюстраціи возьмемъ знаменитыя и довольно благоустроенныя ломки каменной соли въ Величкѣ (Австрія, Галиція). Обширное соляное подземелье представляетъ собою цѣлый городъ съ площадями, улицами, домами, населенными рабочими, которые здѣсь родились и здѣсь про-

всю свою жизнь. Жилища рабочихъ, галлереи, часовни освѣщены множествомъ переливающихся, искрящихся огней. По стѣнамъ вьются легкія лѣстницы, по которымъ быстро вбѣгаютъ и спускаются рабочіе. Вдали виднѣются надъ бездной движущіяся живыя существа,—это рабочіе съ фонарями въ рукахъ, готовые каждую минуту поскользнуться и свалиться въ эту бездну.

Подземныя работы въ холодной сырости и тьмѣ кладутъ особенную печать на весь характеръ рабочаго. На блѣдныхъ, серьезныхъ лицахъ печать грусти и сосредоточенности, въ задумчивыхъ глазахъ отражается тихая покорность судьбѣ. Всѣ они молчаливы и только изрѣдка своды подземелья оглашаются ихъ заунывными, щемящими сердце пѣснями.

Намъ слѣдовало бы еще коснуться нѣкоторыхъ другихъ производствъ и промысловъ (наприм., работъ въ каменоломняхъ, на нефтяныхъ промыслахъ и заводахъ), но, въ виду того, что они не могутъ дать ничего новаго по сравненіи съ разсмотрѣнными уже нами, мы не будемъ о нихъ говорить, чтобы не повторять того, что уже сказано. Ограничимся только указаніемъ на огнеопасность нефти и разныхъ продуктовъ, изъ нея добываемыхъ (бензинъ, керосинъ). Пожары и ожоги здѣсь очень часты.

Пожары на нефтяныхъ промыслахъ, истребляя сотни тысячъ пудовъ нефти, представляютъ единственное въ своемъ родѣ явленіе бушующей огненной стихіи, съ которою нѣтъ почти возможности бороться.

На заводахъ бываютъ такіе, наприм., эпизоды. Рабочій вымылъ свою рубаху въ бензинѣ и, высушивъ ее, надѣлъ и пошелъ работать. Но только что подошелъ къ печи, гдѣ перегонялась нефть, какъ рубаха отъ оставшагося въ ней бензина вспыхнула и рабочій сгорѣлъ въ виду своимъ товарищей.

Вообще нужно замѣтить, что пожарная безопасность промышленныхъ заведеній представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ вопросовъ въ улучшеніи быта рабочихъ. Пожары даютъ много несчастныхъ случаевъ.

К. Тумскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Леонъ-Баттиста Альберти и его отношеніе къ наукѣ и искусству *).

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что послѣ паденія Эллады искусство никогда не играло такой роли въ жизни и художники никогда не занимали такого мѣста въ обществѣ, какъ въ эпоху Возрожденія. Этому широкому и глубокому вліянію искусства соотвѣтствовало и художественное значеніе его произведеній. Если новѣйшая живопись по широтѣ и разнообразію сюжета, по глубинѣ и оригинальности замысла и превосходитъ картины великихъ итальянцевъ гуманистической эпохи, то въ изображеніи души человѣка и въ особенности его духовной красоты итальянскіе художники Ренесанса не встрѣчаютъ соперниковъ. Сикстинская мадонна обладаетъ такимъ же недосягаемымъ совершенствомъ въ своемъ родѣ, какъ Афродита Книдская въ области греческой скульптуры, и великаго Рафаэля такъ же не затмили позднѣйшіе художники, какъ не потерялъ художественной цѣны Пракситель при всѣхъ успѣхахъ новой скульптуры.

Причины необыкновеннаго подъема итальянскаго художественнаго творчества въ XV—XVI столѣтіяхъ составляютъ одну изъ интереснѣйшихъ проблемъ исторіи искусства; но ихъ всестороннее и полное выясненіе едва ли возможно при современномъ состояніи этой науки вообще и нашихъ свѣдѣній объ эпохѣ Возрожденія въ частности. Тѣмъ не менѣе, я позволяю себѣ обратить вниманіе компетентнаго собранія на интересную особенность художниковъ того времени, которая, по моему убѣжденію, составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ причинъ необыкновеннаго развитія гуманистическаго искусства. Эта особенность заключалась въ томъ, что тогда даже второстепенные художники стояли на высшемъ уровнѣ современной имъ культуры, а наиболѣе крупные занимали видное мѣсто среди вождей тогдашняго общества. Чтобъ иллюстрировать духовныя стремленія этихъ художниковъ-гуманистовъ, я остановлюсь на Л.-Б. Альберти (1404—147[illegible]

Альберти былъ живописецъ, скульпторъ и архитекторъ, но произведенія его рѣзца и кисти до насъ не дошли. Точно также проектиров[illegible]ый

*) Рефератъ, читанный на первомъ съѣздѣ художниковъ и любителей [illegible]въ.

имъ храмъ св. Франческо въ Римини остался только въ изображеніи на одной медали, а его планъ перестройки св. Петра въ Римѣ извѣстенъ лишь по описаніямъ. Единственныя дошедшія до насъ постройки Альберти, это— дворецъ Руччелаи и фасадъ церкви Santa Maria Novella во Флоренціи. Но интересъ и значеніе Альберти заключается въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ, которыя даютъ превосходную характеристику міросозерцанія итальянскихъ художниковъ Возрожденія. Альберти писалъ почти по всѣмъ вопросамъ общественной жизни: отъ него остались сочиненія религіознаго, философскаго и политическаго содержанія, а также трактаты и діалоги о любви, о семьѣ и о воспитаніи, ученыя статьи по математикѣ, физикѣ, исторіи и метрикѣ, цѣлый рядъ произведеній по теоріи живописи, скульптуры и архитектуры и, наконецъ, комедіи и другія поэтическія произведенія. Это былъ одинъ изъ наиболѣе разносторонннихъ писателей своей эпохи, и почти всѣ его произведенія проникнуты однимъ духомъ, составляютъ проявленіе законченнаго міросозерцанія.

Краеугольный камень міровоззрѣнія Альберти и исходный пунктъ почти всѣхъ его трактатовъ составляетъ, во-первыхъ, пламенная любовь къ природѣ и широкій интересъ къ внѣшнему міру и, во-вторыхъ, глубокое убѣжденіе въ высокомъ достоинствѣ человѣка и въ его способности къ безконечному совершенствованію. Въ трактатѣ *О семьѣ* онъ доказываетъ, что мы рождены для угожденія Богу и прославленія Его, а то и другое вполнѣ возможно только при познаніи внѣшняго міра, при пониманіи безконечной красоты его. Въ этомъ же сочиненіи Альберти такъ формулируетъ свой взглядъ на человѣка. «Природа, т.-е. Богъ, вложила въ человѣка элементъ небесный и божественный, несравненно болѣе прекрасный и благородный, чѣмъ что-либо смертное. Она дала ему форму и члены, весьма приспособленные ко всякому движенію. Она дала ему талантъ, способность къ обученію, разумъ, свойства божественныя, благодаря которымъ онъ можетъ изслѣдовать, различать и познавать, чего должно избѣгать и чему слѣдовать для того, чтобы хорошо сохранять самого себя. Къ этимъ великимъ и безцѣннымъ дарамъ Богъ вложилъ еще въ душу человѣка умѣренность, сдержку противъ страстей и чрезмѣрныхъ желаній, а также стыдъ, скромность и стремленіе заслужить похвалу. Кромѣ того, Богъ внѣдрилъ въ людей потребность въ твердой взаимной связи, которая поддерживаетъ общежитіе, правосудіе, справедливость, щедрость и любовь, а всѣмъ этимъ человѣкъ можетъ заслужить у людей благодарность и похвалу, а у своего Творца— благоволеніе и милосердіе. Богъ вложилъ еще въ грудь человѣка способность выдерживать всякій трудъ, всякое несчастіе, всякій ударъ судьбы, преодолѣвать всяческія затрудненія, побѣждать скорбь, не бояться смерти. Онъ далъ человѣку крѣпость, стойкость, твердость, силу, презрѣніе къ ничтожнымъ мелочамъ, и посредствомъ всѣхъ этихъ добродѣтелей мы можемъ, какъ должно, почитать Бога и служить Ему справедливостью, любовью, умѣренностью и всякими другими совершенными и похвальными дѣйствіями. Поэтому будь убѣжденъ, что человѣкъ рождается не для того,

чтобы влачить печальное существованіе въ бездѣйствіи, но чтобы работать надъ великимъ и грандіознымъ дѣломъ. Этимъ онъ можетъ, во-первыхъ, угодить Богу и почтить Его, и, во-вторыхъ, пріобрѣсти для самого себя наисовершеннѣйшія добродѣтели и полное счастье» *).

И такъ, нравственный долгъ человѣка, созданнаго по образу и подобію Божію, заключается, по мнѣнію Альберти, въ познаніи внѣшняго міра и въ развитіи лучшихъ свойствъ своей природы, а приложеніе этихъ свойствъ къ дѣлу составляетъ не только наилучшее исполненіе общественныхъ обязанностей, не только источникъ личнаго счастья на землѣ, но и вѣрный путь къ загробному блаженству. Въ собственной жизни Альберти твердо держится этихъ принциповъ: онъ не только разносторонній художникъ, не только писатель съ самыми разнообразными интересами, но и первостепенный гимнастъ, неутомимый ходокъ, превосходный стрѣлокъ и отличный наѣздникъ. Это страстное желаніе довести до совершенства свои личныя свойства, чтобы широко пользоваться всѣми дарами природы и жизни для личнаго счастья и на общее благо, составляетъ психическую основу всей писательской дѣятельности Альберти. Глубокое убѣжденіе въ могуществѣ знанія и горячая проповѣдь образованія красною нитью проходятъ черезъ всѣ его сочиненія. Въ трактатѣ *О спокойствіи духа* онъ доказываетъ, что могущество человѣка почти безгранично, если только онъ познаетъ самого себя и внѣшній міръ; въ діалогѣ *Теодженіо* онъ проводитъ ту мысль, что счастье зависитъ не отъ фортуны, а отъ самого человѣка; но для этого онъ долженъ пріобрѣсти неотъемлемыя духовныя блага и широко развить свои общественные и научные интересы. «Печальная судьба не съ неба сваливается, а рождается отъ человѣческой глупости»,—говоритъ Альберти въ другомъ сочиненіи и объявляетъ невѣжество величайшимъ изъ пороковъ. Тѣмъ же духомъ проникнуты и политическіе трактаты Альберти. Онъ исходитъ изъ той мысли, что разумное и плодотворное служеніе государству возможно только при правильномъ пониманіи его цѣлей и при умѣньи найти надлежащія средства для ихъ достиженія. То и другое дается образованіемъ, которое является поэтому дѣломъ огромной важности для государства. Кромѣ того, образованный человѣкъ можетъ служить своей родинѣ и не принимая непосредственнаго участія въ политической практикѣ, не живя даже въ предѣлахъ своей страны. Онъ будетъ истиннымъ патріотомъ, если «въ своихъ сочиненіяхъ изложитъ согражданамъ то, что для нихъ полезно и что можетъ возвысить значеніе и достоинство государства». Та же самая мысль положена въ основаніе трактатовъ Альберти о семьѣ и о воспитаніи. Авторъ настаиваетъ, прежде всего, на томъ, что родители должны тщательно изучать способности и наклонности своихъ дѣтей и на этомъ изученіи строить педагогическую систему. Но особенности характера должны имѣть рѣшающее значеніе только для выбора не-

*) Итальянскіе трактаты Альберти я цитирую по изданію *Bonucci*: „Opere volgari de Leon Batt. Alberti". Tomi 1—6. Firenze, 1843—49. Латинскіе по изданію *Mancini*: „L. B. Alberti opera inedita et pauca separatim impressa". Florentiae

ціальности и для пріемовъ обученія. Что же касается общечеловѣческаго образованія путемъ всесторонняго развитія, то оно обязательно для всякаго характера и при всѣхъ наклонностяхъ. Альберти прерываетъ изложеніе одного трактата длиннымъ панегирикомъ наукѣ, въ которомъ мы встрѣчаемся, между прочимъ, съ такими мыслями: «Если существуетъ что-нибудь,—говоритъ авторъ,—что болѣе всего подходитъ къ знатности, что составляетъ величайшее украшеніе человѣческой добродѣтели, что создаетъ авторитетъ и репутацію семьѣ, то это, конечно, науки, безъ которыхъ ни въ комъ не можетъ быть истиннаго благородства, безъ которыхъ ничья жизнь не можетъ быть признана счастливой и никакая семья не можетъ считаться совершенной и твердой» *).

Проповѣдуя необходимость всесторонняго духовнаго развитія, Альберти составилъ себѣ довольно стройное и послѣдовательное міросозерцаніе, выработалъ опредѣленные взгляды по всѣмъ главнымъ вопросамъ личной и общественной жизни. Мы не будемъ подробнѣе останавливаться на его религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ и общественныхъ воззрѣніяхъ, такъ какъ они имѣютъ больше интереса для исторіи культуры, нежели для искусства. Для насъ достаточно разсмотрѣть, какимъ образомъ прилагалъ онъ свои основныя воззрѣнія къ художественной дѣятельности. Какъ художникъ, Альберти считаетъ необходимымъ, кромѣ широкаго общаго образованія, болѣе спеціальное изученіе тѣхъ наукъ, которыя имѣютъ непосредственное приложеніе къ художественной техникѣ, т.-е. математики, физики и нѣкоторыхъ отдѣловъ естествознанія. Кромѣ того, онъ первый въ новое время настаиваетъ на необходимости теоретическаго изслѣдованія основъ, задачъ и пріемовъ всѣхъ видовъ образовательнаго искусства. Результатомъ этого былъ цѣлый рядъ его сочиненій преимущественно по математикѣ, съ одной стороны, и первыя произведенія по теоріи архитектуры, скульптуры и живописи—съ другой. Физико-математическіе трактаты Альберти не всѣ сохранились до настоящаго времени. Такъ, его *Математическіе комментаріи* (*Commentari delle cose matematiche*), сочиненіе *О движеніи тяжести* (*Sui movimenti del peso*), трактатъ о кораблестроеніи (*Navis*) извѣстны только по заглазіямъ; нѣкоторыя другія работы, какъ, наприм., *De' pondi e leve di alcuna rota*, дошли въ крайне испорченномъ видѣ. Но и сохранившагося вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ представленіе объ уровнѣ физико-математическихъ свѣдѣній Альберти и о степени ихъ глубины и основательности. Въ небольшомъ трактатѣ, озаглавленномъ *Математическія забавы* (*Ludi matematici*), онъ описываетъ способы измѣренія недоступныхъ мѣстностей, опредѣленія времени по звѣздамъ, опредѣленія недоступной для лота морской глубины, предлагаетъ болѣе упрощенный механизмъ водяныхъ часовъ, описываетъ нѣкоторые физическіе инструменты, между прочимъ, разные виды одометровъ и астролябій, а также прототипъ современныхъ десятичныхъ вѣсовъ

---

* ... *nucci*, II, p. 104—105.

и т. д. Словомъ, маленькій трактатъ свидѣтельствуетъ, что его авторъ стоялъ на высотѣ современнаго ему знанія въ этой области, вполнѣ усвоилъ все, сдѣланное античною наукой и позднѣйшими изслѣдователями. Но Альберти не довольствуется пассивнымъ усвоеніемъ научныхъ свѣдѣній. Онъ стремится усовершенствовать результаты чужой работы и приложить къ практикѣ эти усовершенствованія. Такъ, онъ измѣнилъ заимствованный у Савосарды способъ измѣренія морской глубины, приложилъ улучшенные имъ инструменты къ извлеченію стариннаго корабля со дна озера Неми, измѣрилъ собственными пріемами территорію Рима и отдѣльныя части города, собственноручно сдѣлалъ карманные часы и т. д. Усвоивши современную ему науку, Альберти стремится двинуть ее впередъ, внести въ нее результаты своего творческаго генія, и ему принадлежатъ, между прочимъ, два крупныхъ изобрѣтенія: гигрометръ, который приписывается Леонардо да-Винчи, и камеръ-обскура, сослужившая весьма важную службу живописи.

Совершенно естественно, что свои обширныя физико-математическія познанія Альберти съ особеннымъ усердіемъ прилагалъ къ искусству. Такъ, онъ написалъ спеціальное изслѣдованіе о перспективѣ, которое, по всей вѣроятности, до насъ не дошло *), и цѣлый рядъ трактатовъ по всѣмъ видамъ образовательныхъ искусствъ. Уже самая потребность въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ по искусству весьма характерна. Широкое научное образованіе пріучало искать законовъ изящнаго и такимъ путемъ давало правильное направленіе художественному творчеству. Художникъ сливался съ мыслителемъ, и умственное развитіе облагораживало фантазію, придавало болѣе глубокій смыслъ ея изящнымъ образамъ. Особенно наглядно проявляется благотворная связь науки съ искусствомъ на обширномъ трактатѣ Альберти *О строительномъ дѣлѣ* (*De re aedificatoria*). Это сочиненіе, выдержавшее много изданій и переведенное почти на всѣ европейскіе языки **), доставило автору почетный титулъ «отца новыхъ архитекторовъ» и справедливо пользовалось большимъ авторитетомъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Его содержаніе даетъ отвѣтъ почти на всѣ запросы строительнаго дѣла. Альберти изображаетъ идеалъ архитектора, выясняетъ его задачи, опредѣляетъ наиболѣе удобное мѣсто и время для постройки, описываетъ свойство строительныхъ матеріаловъ, условія красоты и устойчивости зданія и даетъ обстоятельныя правила для всевозможныхъ построекъ, начиная отъ храмовъ и кончая гидравлическими и ирригаціонными сооруженіями. Не останавливаясь на техническихъ подробностяхъ этого руководства для многихъ поколѣній архитекторовъ, я ограничусь только изложеніемъ тѣхъ требованій, которыя предъявляетъ авторъ къ строителю-спеціалисту. «Архитектура—великое дѣло,—говоритъ Альберти,—и не всякому слѣдуетъ за нее браться. Чтобъ осмѣлиться считать

*) Приписываемый ему анонимный трактатъ на эту тему считаютъ подложнымъ по весьма вѣскимъ причинамъ.

**) Я цитирую по изданію XV вѣка *De Architectura seu de re aedificatoria. Libri X.* Florentiae, 1485.

себя архитекторомъ, нуженъ большой талантъ, упорная работа, превосходное образованіе, продолжительная практика, развитой вкусъ, зрѣлое сужденіе». Главнымъ источникомъ архитектурнаго образованія авторъ считаетъ тщательное изученіе памятниковъ и преимущественно античныхъ. «Не существовало ни одного стариннаго зданія, гдѣ блистала изяществомъ какая-нибудь часть, изъ котораго бы я не попытался чему-нибудь научиться,—говоритъ авторъ.—Ради этого я не переставалъ изслѣдовать, разсматривать, измѣрять и рисовать его до тѣхъ поръ, пока не изучалъ его основательно и не постигалъ, въ чемъ проявляется здѣсь талантъ или искусство» *). Тотъ же самый пріемъ рекомендуетъ онъ всякому архитектору: «Пусть онъ съ величайшимъ стараніемъ разсмотритъ тѣ постройки,—говоритъ Альберти,—которыя пользуются всеобщею извѣстностью и славой, пусть онъ нарисуетъ, измѣритъ по частямъ, сдѣлаетъ модели, дастъ себѣ ясный отчетъ о нихъ и объяснитъ себѣ ихъ устройство... Пусть онъ подражаетъ имъ въ томъ, что найдетъ въ нихъ хорошаго; если же найдетъ возможнымъ что-либо улучшить, то пусть исправитъ это и видоизмѣнитъ обдуманно и художественно». Вообще Альберти не требуетъ слѣпого подражанія въ архитектурѣ и съ сочувствіемъ относится къ оригинальности и художественному творчеству. «Я вполнѣ одобрю,—говоритъ онъ,—если архитекторъ къ наилучшимъ созданіямъ древнихъ присоединитъ новыя изобрѣтенія, талантливо совершенствующія постройку» **). Но для оригинальнаго торчества въ замыслѣ и исполненіи зданія нужно эстетическое развитіе и научное образованіе. Всякое сооруженіе вызывается практическими потребностями, но оно должно заключать въ себѣ красоту. Авторъ указываетъ только самыя общія эстетическія требованія по отношенію къ архитектурѣ: пропорціональность частей зданія, его внутреннее единство и украшенія. Но украшенія должны подчиняться законамъ и правиламъ архитектуры, и постройка должна быть исполнена такъ, чтобы въ ней нельзя было сдѣлать ни дополненій, ни измѣненій безъ вреда для цѣлаго. Альберти не считаетъ возможнымъ дать точныя предписанія, какъ достигнуть такого результата въ отдѣльныхъ случаяхъ, такъ какъ это—дѣло индивидуальныхъ особенностей каждаго архитектора. Но онъ указываетъ способы подготовки къ наилучшему рѣшенію такой задачи. «Для архитектора полезны и даже необходимы живопись и математика»,—говоритъ Альберти и совѣтуетъ, кромѣ того, заниматься музыкой, чтобы лучше развить въ себѣ чувство гармоніи.

Но одного эстетическаго развитія далеко недостаточно для архитектора. Удачный выборъ подходящаго матеріала зависитъ отъ естественно-историческихъ свѣдѣній строителя, для устойчивости постройки ему необходимы физико-математическія познанія и т. д. Но это еще не все. Потреб-

---

* *De re aid.* l. IX, c. 9. Результаты своихъ наблюденій надъ памятниками античной архитектуры и изученія Витрувія Альберти изложилъ въ трактатѣ *Icinque ordini architettonici.*

** l. VI, c. 1.

ности, которымъ удовлетворяетъ архитектура, чрезвычайно разнообразны. Постройки вызываются религіознымъ чувствомъ, политическими соображеніями, нуждами просвѣщенія, торговли, промышленности, земледѣлія, и архитекторъ долженъ хорошо знать и тонко понимать всѣ эти потребности, чтобы дать имъ наилучшее удовлетвореніе. Болѣе того, архитекторъ, по мнѣнію Альберти, долженъ не только изучать эти потребности, но и облагораживать ихъ, и въ этомъ заключается культурная заслуга художника передъ обществомъ. Такъ, наприм., при постройкѣ храма архитекторъ долженъ принимать всѣ мѣры, чтобъ усилить и возвысить религіозное настроеніе. Поэтому Альберти возстаетъ противъ обилія развлекающихъ украшеній, противъ многочисленности алтарей, такъ какъ она понижаетъ сознаніе важности этого пункта въ храмѣ. Въ другомъ мѣстѣ онъ настаиваетъ, чтобы кладбища устраивались за городскою чертой, такъ какъ внутри города они являются источникомъ болѣзней, и ратуетъ даже за сожженіе труповъ. Касаясь вопроса о тюрьмахъ, Альберти говоритъ: «Если кто-нибудь выроетъ подземную тюрьму, похожую на пещеру или на ужасную могилу, тотъ накажетъ виновнаго болѣе, чѣмъ позволяютъ нравственные законы и человѣческая природа. Хотя злодѣи заслуживаютъ крайнихъ наказаній за ихъ негодность, тѣмъ не менѣе, долгъ республикъ и государей не оскорблять гуманности». И такъ, архитекторъ долженъ быть не только эстетически высокоразвитымъ художникомъ, но и проводникомъ въ общество истиннаго благочестія, гуманности и здравыхъ гигіеническихъ понятій. Поэтому чѣмъ шире его художественное воспитаніе, чѣмъ разностороннѣе и основательнѣе его знаніе науки и жизни, тѣмъ лучше можетъ исполнить онъ обѣ свои задачи—и спеціально-архитектурную, и общественную.

Трактатъ Альберти *De Statua* — первое произведеніе по теоріи искусства въ новое время; совершенно естественно, что авторъ обращаетъ вниманіе, прежде всего, на технику, и главное содержаніе его трактата составляетъ описаніе способовъ измѣренія человѣческаго тѣла посредствомъ особаго изобрѣтеннаго имъ снаряда, а также изображеніе результатовъ такого измѣренія въ видѣ цѣлаго ряда таблицъ. Но этому этюду по скульптурной техникѣ Альберти предпосылаетъ небольшое введеніе, которое заключаетъ въ себѣ цѣлую эстетическую теорію. Онъ требуетъ, чтобы скульпторъ изучалъ человѣческое тѣло и подражалъ природѣ; но это не значитъ, что онъ долженъ рабски копировать первую попавшуюся натуру. Художникъ для скульптурнаго изображенія идеальнаго образа долженъ создать типическія формы человѣческаго тѣла, потому что въ этомъ типѣ заключ[illegible]ся, по выраженію Альберти, «совершенная красота, которую природа да[illegible] въ даръ человѣку, распредѣливъ ее въ извѣстномъ количествѣ во мно[illegible]хъ отдѣльныхъ тѣлахъ» *). Правда, мысль Альберти не вполнѣ оригинал[illegible]на; уже Поликлетъ, по словамъ Плинія, создалъ такую статую съ кано[illegible]че-

*) *Bonucci*, IV, p. 180.

скими пропорціями человѣческаго тѣла. Но гуманисты заимствовали у древнихъ только то, что соотвѣтствовало ихъ стремленіямъ, и Альберти вполнѣ раздѣлялъ мысль древнихъ грековъ, что задача художника-скульптора при изображеніи человѣческаго тѣла заключается въ воспроизведеніи полной красоты, свойственной его типу.

Гораздо обстоятельнѣе трактаты Альберти, посвященные живописи, и въ особенности главный изъ нихъ—*Della pittura* *). Это сочиненіе раздѣлено на 3 части: въ первой изложены необходимыя для художника свѣдѣнія изъ математики и физики **), во второй идетъ рѣчь о самой живописи,—о рисункѣ, о композиціи, о колоритѣ; въ третьей—о свойствахъ истиннаго художника. Не касаясь подробностей трактата, я остановлюсь только на двухъ наиболѣе важныхъ вопросахъ: во-первыхъ, въ чемъ видитъ Альберти цѣль живописи, и, во-вторыхъ, какія требованія предъявляетъ онъ художнику.

Авторъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о живописи. Въ этомъ искусствѣ, по его выраженію, скрывается «истинно божественная сила». Живопись сохраняетъ воспоминаніе объ отсутствующихъ, оживляетъ мертвыхъ, доставляетъ безсмертіе въ потомствѣ, возвышаетъ и усиливаетъ религіозное чувство, нравственно улучшаетъ зрителя, заставляя его страдать чужимъ горемъ и радоваться чужою радостью. Но всѣхъ этихъ результатовъ она достигаетъ только при томъ условіи, если ставитъ своею задачей воспроизведеніе красоты. Такимъ образомъ, красота является конечною цѣлью живописи и высшимъ критеріемъ для ея произведеній. Альберти не даетъ опредѣленія, въ чемъ заключается сущность красоты, но выясняетъ ея отдѣльныя проявленія и указываетъ способы ея воспроизведенія. Прежде всего, эстетическое впечатлѣніе достигается и здѣсь, какъ въ скульптурѣ, вѣрностью природѣ, но не слѣпымъ ей подражаніемъ. Красота разлита въ отдѣльныхъ предметахъ, и картина должна собрать ее въ одно цѣлое, не нарушая, однако, вѣрности природѣ. Чтобъ иллюстрировать свою мысль, Альберти приводитъ въ примѣръ Зевксиса, который для изображенія Елены выбралъ для модели пять самыхъ красивыхъ дѣвушекъ въ Кротонѣ и воспроизвелъ на своей картинѣ наилучшія формы каждой изъ нихъ. Далѣе, для живописи, какъ для архитектуры, обязательна concinnitas, т.-е. гармоническая пропорціальность отдѣльныхъ частей. Затѣмъ для эстетическаго впечатлѣнія необходимо строгое соотвѣтствіе между формою и содержаніемъ. Если, наприм., изображено живое тѣло, то дышать жизнью должна каждая его часть и т. д. Альберти предоставляетъ художнику широкую свободу въ выборѣ сюжета и особенно высоко ставитъ тѣ картины, которыя изображаютъ какую-нибудь «исторію», по его выраженію, т.-е. жанръ, по нашей терминологіи. Но онъ требуетъ, въ то же время, чтобы такая картина

*) Издана Janitschek'омъ въ *Quellenschriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters und der Renaissance v. R. Eitelberger von Edelberg.*

**) Этимъ вопросамъ посвящено еще небольшое сочиненіе Альберти *Elementa picturae* (Crotona, 1864).

имѣла художественный центръ, основную идею, которая бы объединяла все богатое разнообразіе сюжета въ органическое цѣлое. Кромѣ того, и здѣсь необходимо самое тонкое изученіе дѣйствительности. Внутреннія чувства изображенныхъ на картинѣ лицъ выражаются, главнымъ образомъ, внѣшними движеніями, и Альберти даетъ весьма обстоятельное описаніе видовъ движенія и способовъ ихъ изученія и изображенія. Но каковъ бы ни былъ сюжетъ, живопись не должна воспроизводить ничего непристойнаго и, по возможности, избѣгать уродливаго и безобразнаго, не нарушая, однако, вѣрности природѣ. Такъ, Альберти одобряетъ художниковъ, изображавшихъ Перикла въ шлемѣ, такъ какъ такое изображеніе, маскируя недостатокъ формы головы, не мѣшало сходству портрета.

Опредѣливъ цѣль живописи и главнѣйшіе способы ея достиженія, Альберти выясняетъ свойства, необходимыя для истиннаго и совершеннаго художника. Какъ истый гуманистъ, авторъ требуетъ отъ художника всесторонняго духовнаго развитія и аргументируетъ это требованіе двоякимъ образомъ. Прежде всего, художникъ долженъ стремиться, чтобы современники уважали его, какъ человѣка, а для этого одного таланта недостаточно, необходимо еще умственное и нравственное развитіе. Кромѣ того, такое же развитіе необходимо ему и для совершенства въ своей спеціальности. Въ искусствѣ отражается вся душа художника, отразятся поэтому и всѣ ея недостатки. Такъ, недостатокъ научныхъ свѣдѣній скажется, прежде всего, на техникѣ. Доказавши необходимость для живописи познаній въ математикѣ и физикѣ, Альберти требуетъ самаго тщательнаго изученія природы, какъ необходимой подготовки къ художественной дѣятельности, такъ какъ только оно пріучаетъ къ наблюдательности. Далѣе, отъ изученія дѣйствительности зависитъ и выборъ сюжета, и его обработка. Чѣмъ шире знаетъ жизнь художникъ и чѣмъ лучше ее понимаетъ, тѣмъ болѣе у него простора при выборѣ сюжета и тѣмъ большею глубиной будетъ отличаться обработка темы. Для достиженія первой цѣли Альберти рекомендуетъ поэзію, для второй—науку въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Но цѣль живописи—воспроизведеніе красоты при вѣрности природѣ, поэтому недостаточно знать и понимать дѣйствительность; нужно умѣть еще находить въ ней красоту. Отсюда необходимость эстетическаго развитія. Эстетическое чувство дается, конечно, природой, но оно развивается, во-первыхъ, изученіемъ искусствъ, и не только пластическихъ, но также музыки, поэзіи и краснорѣчія, и, во-вторыхъ, оно воспитывается наукой, которая даетъ умѣнье сохранять вѣрность природѣ и такимъ образомъ направляетъ на вѣрный путь художественную фантазію. Альберти идетъ дальше и самое чувство красоты ставитъ въ связь съ изученіемъ дѣйствительности. [illegible]ть неопытныхъ талантовъ,—говоритъ онъ,—ускользаетъ идея красоты, [illegible]рую съ трудомъ познаютъ и наиболѣе опытные».

И такъ, цѣль искусства, по Альберти, воспроизведеніе красоты, [illegible]рая заключается во внѣшнемъ мірѣ и въ человѣческой природѣ; [illegible]во

для ея достиженія — воспитаніе таланта путемъ образованія и преимущественно посредствомъ изученія природы и жизни; идеалъ художника—всесторонне развитая личность. Въ основѣ этихъ воззрѣній лежитъ любовь къ внѣшнему міру, признаніе высокой цѣнности жизни и уваженіе къ человѣческой природѣ, т.-е. то міровоззрѣніе, которое составляетъ характерную особенность гуманистической эпохи. Въ силу этого, трактаты Альберти представляютъ собою приложеніе господствующихъ воззрѣній къ искусству, являются наглядным изображеніемъ связи между міросозерцаніемъ извѣстной эпохи и ея художественными идеалами. Съ другой стороны, мы знаемъ, что требованія Альберти не были праздным измышленіемъ не понимающаго жизни теоретика. Достаточно припомнить личность Леонардо да-Винчи, чтобы признать, что идеи Альберти раздѣлялись не одними только его ближайшими друзьями, какъ Донателло или Брунелески.

Въ этой связи культуры съ искусствомъ заключается главнѣйшая причина и необыкновеннаго подъема художественнаго творчества, и небывалой высоты общественнаго положенія и вліянія художниковъ. Гуманистическая культура, съ ея страстнымъ исканіемъ добра, правды и красоты здѣсь, на землѣ, была благопріятна для художественнаго развитія, и художникъ, усвоивая ее посредствомъ образованія, пріобрѣталъ не только стройное міросозерцаніе, но и эстетическое направленіе. Съ другой стороны, широкое образованіе художниковъ усиливало дѣйствіе ихъ таланта на общество. Стремясь воспроизводить красоту, они, стоя на уровнѣ современнаго просвѣщенія, ищутъ ее и умѣютъ находить также и въ тѣхъ явленіяхъ жизни, которыя составляютъ предметъ особаго общественнаго интереса. Такое отношеніе между искусствомъ и культурой въ эпоху Возрожденія было весьма плодотворно для обѣихъ сторонъ. Оно не только направляло на вѣрные пути художественное творчество, но и дало художнику высокое мѣсто въ обществѣ, а то и другое возвышало уваженіе къ искусству и содѣйствовало эстетическому воспитанію публики. Въ средніе вѣка художникъ сливался съ ремесленникомъ, въ XVI столѣтіи Леонардо да-Винчи живетъ, какъ магнатъ; Браманте строитъ себѣ княжескій дворецъ; Рафаэль конкуррируетъ въ великодушной щедрости съ банкиромъ Киджи; Микель-Анджело диктуетъ свои условія папѣ, а представители высшихъ слоевъ общества не только въ Италіи, но и за Альпами, какъ французскій король и нѣмецкій императоръ, считаютъ за честь получить въ подарокъ отъ итальянскаго художника картину или статую. Такая связь между просвѣщеніемъ и искусствомъ, какую мы отмѣтили въ гуманистическую эпоху въ Италіи, мнѣ представляется нормальной и желательной для всякого времени. Правда, позднѣйшая культура, можетъ быть, не такъ благопріятна для эстетическаго развитія, какъ итальянское Возрожденіе, но и она не уничтожаетъ существенной необходимости высокаго образованія для художника. Каждый художникъ подчиняется вліянію того или другаго слоя общества, и временныя и не глубокія общественныя вѣянія, небла-

гопріятныя для искусства или искажающія его задачи, особенно опасны для малообразованныхъ талантовъ. Высоко-развитой художникъ не увлечется мимолетными и случайными теченіями, хорошо понимая, что здоровыя эстетическія стремленія никогда не могутъ исчезнуть въ обществѣ, потому что они составляютъ существенную потребность человѣческаго духа. Только такой художникъ можетъ найти и воспроизвести красоту самыхъ сложныхъ и самыхъ глубокихъ проявленій духовной жизни и такимъ путемъ стать могущественнымъ проводникомъ художественныхъ интересовъ въ общество, эстетическимъ воспитателемъ современниковъ и потомства. Но для полнаго достиженія этой высокой цѣли онъ долженъ стоять на уровнѣ современнаго просвѣщенія.

М. Корелинъ.

Нѣсколько замѣчаній о натурализмѣ въ искусствѣ *).

Къ числу наиболѣе употребительныхъ и наиболѣе понятныхъ словъ, которыми пользуются въ сочиненіяхъ и въ бесѣдахъ объ искусствѣ, относится и слово *натурализмъ*. Имъ обозначается опредѣленное направленіе въ искусствѣ, которое имѣетъ многочисленныхъ теоретическихъ защитниковъ и убѣжденныхъ послѣдователей между художниками. И; тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, за этимъ названіемъ не установлено вполнѣ точнаго содержанія,—подъ натурализмомъ и сторонники, и противники его разумѣютъ иногда, по крайней мѣрѣ, не одно и то же.

Натурально, естественно, въ искусствѣ то, что соотвѣтствуетъ природѣ, похоже на природу. Отсюда задачею искусства для натуралистической школы и становится подражаніе природѣ, воспроизведеніе въ словѣ, въ краскахъ, въ звукѣ или мраморѣ ея явленій. Повидимому, просто и ясно; но просто и ясно ли это на самомъ дѣлѣ?

И, прежде всего, всякія ли явленія природы, относя сюда и человѣческую душу, и явленія жизни общественной, можетъ и должно изображать искусство? Затѣмъ, всегда ли возможно удачное подражаніе природѣ? Неужели, наконецъ, у искусства нѣтъ другихъ задачъ?

Многіе художники на первый вопросъ отвѣчаютъ утвердительно. Искусство можетъ и, по ихъ мнѣнію, должно изображать все, на что упадетъ взглядъ человѣка. Дѣло состоитъ лишь въ томъ, *какъ* исполнено художественное произведеніе, виртуозно ли оно, совершенно ли въ техническомъ отношеніи. Этому направленію мы обязаны множествомъ разсказовъ и стихотвореній, въ которыхъ нѣтъ никакого смысла, множествомъ картинъ, на которыхъ нарисовано, какъ сушатъ бѣлье на заднемъ дворѣ, какъ снимаютъ это бѣлье, какъ роетъ землю свинья и т. п. Но, конечно, когда дѣ[illegible] идетъ о школѣ, о серьезномъ направленіи въ области художественна[illegible] творчества, не слѣдуетъ останавливаться на односторонностяхъ и кра[illegible]ностяхъ такой школы, и натурализмъ занимаетъ, разумѣется, несравне[illegible]но болѣе выгодную позицію, когда теоретикомъ его является, наприм.,

*) Рефератъ, читанный на первомъ съѣздѣ художниковъ и любителей художествъ.

Тэнъ или Золя. Задачею натурализма ставится тогда изображеніе не случайныхъ, а типическихъ явленій; художникъ не только подражаетъ природѣ, но изучаетъ, анализируетъ и обобщаетъ ея явленія. Эта теорія вовсе не такъ далека отъ идеализма, какъ думаютъ ея представители. И ея противники допускаютъ, что «превращеніе отвлеченнаго понятія въ образъ и, какъ неизбѣжное слѣдствіе этого, превращеніе разсужденія въ разсказъ,—вотъ въ чемъ заключается весь секретъ поэзіи. Она по преимуществу—искусство повѣствовательное, чѣмъ и отличается отъ другихъ» *). Когда Эмиль Золя въ своей серіи романовъ изображаетъ наслѣдственную передачу и развитіе пороковъ и способностей, онъ именно превращаетъ разсужденіе въ разсказъ, отвлеченное понятіе въ живой образъ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить еще одно замѣчаніе: «существуютъ такіе факты органической жизни, которымъ никакое изображеніе не можетъ придать эстетическаго достоинства, которые положительно не годятся для живописи или поэзіи» **).

Съ такими ограниченіями натурализма нельзя не признать, хотя его область, съ одной стороны, не покрываетъ природы, а съ другой—не покрываетъ всего объема искусства. Шербюлье приводитъ въ своей книгѣ слова знаменитаго Делакруа, который иногда клалъ возлѣ себя розу и говаривалъ: «Этотъ цвѣтокъ и вдохновляетъ меня, и приводитъ въ отчаяніе». «Ну, какъ намъ соперничать съ природой?—прибавляетъ Шербюлье.—Она дѣйствуетъ разомъ на всѣ наши чувства: зрѣніе, слухъ, обоняніе, и возбуждаетъ смѣшанныя, сложныя ощущенія. Вы рисуете весну. Но что это за весна безъ ароматовъ?»

Если, съ одной стороны, искусство, не имѣя возможности воспроизвести всего богатства и разнообразія ея красокъ, ниже природы, дѣйствительности, то, съ другой стороны, оно выше природы, по скольку въ художественное созданіе входитъ духъ человѣка, его пониманіе и истолкованіе дѣйствительности. Натурализмъ часто игнорируетъ это значеніе искусства, вызывая этимъ реакцію, которая въ свою очередь ударяется въ крайность. О главныхъ теченіяхъ во французскомъ искусствѣ и критикѣ въ русской литературѣ существуетъ достаточно указаній. Менѣе извѣстно состояніе искусства и критики нѣмецкой, почему я и сообщу объ этомъ нѣкоторыя интересныя, по моему мнѣнію, свѣдѣнія.

Противъ натурализма выступаетъ, напримѣръ, въ своихъ эстетическихъ изслѣдованіяхъ Карлъ Гольдманъ ***). Онъ указываетъ на то, что нѣтъ полной исторіи натурализма, которая должна была бы изобразить мѣняющіяся отношенія между искусствомъ и природою. Художественный натурализмъ существовалъ всегда, но въ наши дни онъ выступаетъ въ узкой, до[illegible]ческой формѣ, требуя изображенія жизни въ ея мелкихъ и грязныхъ [illegible]явленіяхъ, сводя задачи искусства къ подражанію дѣйствительности [illegible]е-

*) *Шербюлье:* „Искусство и природа", стр. 162.
**) *Проф. Смирновъ:* „Эстетика", стр. 53.
***) *Karl Goldmann:* „Die Sünden des Naturalismus".

ликіе художники—натуралисты: таковъ, напримѣръ, Гёте; но у нихъ природа просвѣтляется, въ ихъ произведеніяхъ она подымается до поэзіи. Современному натурализму недостаетъ критерія существеннаго и несущественнаго.

Гольдманъ разсматриваетъ особенности французскаго и русскаго натурализма и отдаетъ предпочтеніе послѣднему (и норвежскому). Французскій натуралистъ является пессимистомъ, для него добродѣтель, самоотверженность, благородное чувство — обманчивые призраки, и человѣкъ въ его глазахъ служитъ вмѣстилищемъ только животныхъ побужденій и грубаго эгоизма. У русскихъ натуралистовъ красною нитью проходитъ глубокое сочувствіе человѣку, какъ бы онъ ни былъ ничтоженъ и преступенъ.

Гольдманъ ставитъ преобладаніе натурализма въ современномъ искусствѣ въ зависимость съ господствомъ естествознанія и вооружается противъ мнѣнія, по которому искусство должно пользоваться методомъ и пріемами естественныхъ наукъ. Наблюденіе художника,—говоритъ онъ,—отличается субъективностью, онъ по-своему чувствуетъ явленія природы и въ ихъ изображеніе вноситъ свое настроеніе, свою индивидуальность. Само собою разумѣется, что изъ этого нельзя заключать, что художникъ не долженъ быть образованнымъ человѣкомъ и что ему не нужно знать анатоміи, физіологіи и другихъ естественныхъ наукъ.

Особенно возмущаетъ Гольдмана натуралистическое изображеніе любви, при которыхъ господствуютъ одни животныя влеченія. На этомъ я не буду останавливаться, какъ и на разсужденіяхъ о русскомъ искусствѣ, гдѣ, по мнѣнію нѣмецкаго критика, отсутствуетъ идеально-прекрасное, человѣчески-доброе, гдѣ побѣдили соціальныя и политическія тенденціи *).

Трудно установить,—замѣчаетъ Гольдманъ,—границу между искусствомъ и философіей, между понятіями о прекрасномъ и нравственно-добромъ. Хорошій поступокъ мы называемъ прекраснымъ поступкомъ, и Гербартъ разсматриваетъ ученіе о нравственности, этику, какъ часть эстетики. Вооружаясь во имя идеализма противъ натурализма, нѣмецкій писатель доходитъ до утвержденія, что натурализмъ равнозначущъ съ нигилизмомъ, что онъ проникнутъ разрушительнымъ духомъ.

Интересно сопоставить съ этими сужденіями взгляды на природу и искусство одного изъ представителей германскаго натурализма, Конрада Альберти **).

Царству абсолютизма, говоритъ онъ, положенъ конецъ и въ искусствѣ. Новая эстетика должна изучать факты эстетическаго сознанія, выводить изъ этого изученія законы художественныхъ ощущеній и правила художественнаго созданія. Эстетическія стремленія и пониманіе развиваются въ исторіи, прекрасное не можетъ быть опредѣлено метафизическимъ путемъ. Натурализмъ, по мнѣнію Альберти, есть индивидуализмъ, тогда какъ ху-

---

*) Гольдманъ ссылается при этомъ на Эдвина Бауера.

**) *Conrad Alberti:* „Natur und Kunst, Beiträge zur Untersuchung ihres gegenseitigen Verhältnisses".

дожникъ-идеалистъ создаетъ типы. Выше этихъ родовъ искусства стоитъ *реализмъ*, воплощающій то, что живетъ въ человѣкѣ всегда и вездѣ, живетъ у каждаго народа на всѣхъ ступеняхъ развитія. Для этого реализма природа является божествомъ, истина—идеаломъ, онъ предъявляетъ два требованія: знаніе и сознательную работу во имя опредѣленной цѣли. Альберти считаетъ такой реализмъ міропониманіемъ будущаго, необходимымъ плодомъ эволюціоннаго оптимизма. Только онъ способенъ поднять человѣчество умственно, нравственно, художественно. Реализмъ выражаетъ истину въ дѣйствительности, изображаетъ естественные законы въ живыхъ воплощеніяхъ. Въ отличіе отъ реализма натурализмъ подражаетъ отдѣльнымъ состояніямъ, отдѣльнымъ предметамъ, не осмысливая ихъ, не отыскивая въ нихъ существеннаго. Но, подобно натурализму, реализмъ изгоняетъ изъ искусства все фантастическое. Альберти не осуждаетъ Гёте за *Фауста* лишь потому, что онъ написанъ въ формѣ средневѣковой мистеріи (?), какъ бы въ то время, когда еще вѣрили въ существованіе Мефистофеля.

Реализмъ Альберти (къ его представителямъ онъ причисляетъ Блейбтреу, Конрада, Кретцера) признаетъ законность въ искусствѣ тенденціи. Она является *солью искусства*. Въ нѣмецкой живописи представителями этого направленія признаются Уде и Либерманнъ. Старая эстетика ошибалась, признавая существеннымъ признакомъ эстетическаго чувства его безкорыстность, полагаетъ Альберти. Эта ошибочная точка зрѣнія привела къ тому, что въ метафизической эстетикѣ Гартмана подражатель голосу животныхъ въ циркѣ долженъ быть признанъ, какъ художникъ, выше строителя страсбургскаго собора: соборъ или палаццо Питти, напримѣръ, служатъ практическимъ цѣлямъ, тогда какъ поющій пѣтухомъ клоунъ возбуждаетъ вполнѣ безкорыстное удовольствіе. Альберти доказываетъ, что искусство возникло изъ практическихъ потребностей, что тенденція лежитъ въ его основѣ. Эсхилъ былъ бы на половину непонятымъ, еслибъ упустить изъ виду его стремленіе возвеличить аѳинскую аристократію и укрѣпить ареопагъ, на который тогда производились сильныя нападенія. Тиртей и Архилогъ, прежде всего, политическіе пѣвцы, Аристофанъ и Сервантесъ имѣли опредѣленныя цѣли въ своихъ произведеніяхъ и т. д. Открытіе закона равенства по существу и неразрывности жизни и искусства, какъ высшаго эстетическаго закона, Альберти приписываетъ Лудольфу Винбаргу *(Die ästhetischen Feldzüge)*.

Современное паденіе искусства,—говоритъ Альберти,—не случайно: оно является общественно необходимымъ, оно лежитъ въ существѣ буржуазнаго строя, который все развращаетъ и отравляетъ. Мелочность, поверхностность, лживость, плоскость и пошлость — вотъ что накладываетъ [illegible] жуазія на произведенія искусства *).

*) Интересно мнѣніе Альберти о русскихъ художникахъ. „Французъ,— [illegible] онъ,— практическій рудокопъ, нѣмецъ — геологъ, русскій — палеонтологъ". В[illegible] ническомъ отношеніи выше всѣхъ стоитъ художникъ-французъ, какъ мыслитель, [illegible] всѣхъ — русскій художникъ.

Искусство—неразрывная часть культуры, родная сестра политики, техники, науки, философіи. На самыхъ высшихъ ступеняхъ своего развитія оно тѣсно связано съ общею культурой, никогда не достигаетъ исключительно эстетическихъ цѣлей и находится въ вѣчномъ процессѣ развитія.

Такъ понимаетъ реализмъ Альберти. Очевидно, что его реализмъ есть видъ натурализма, представителемъ котораго является Тэнъ и многіе другіе. Такихъ реалистовъ характеризуетъ въ своей книгѣ Шербюлье слѣдующимъ образомъ: «Отъ реалистовъ пахнетъ народомъ, и они ищутъ въ природѣ и въ человѣкѣ самаго непосредственнаго, примитивнаго, коренного. Они оказали большую услугу искусству, открывъ для поэзіи и живописи новыя области, цѣлинныя мѣста, такія стороны природы и человѣка, какими пренебрегали идеалисты. Люди незамѣтные, смиренные сдѣлались героями». Реализмъ проявляется не только въ выборѣ сюжетовъ, но и въ пріемахъ, въ методѣ художника. Методъ этотъ — естественный, простой и точный. Первая задача реалиста—показать характеръ предмета въ зависимости отъ данной среды.

Идеализмъ, по мнѣнію Шербюлье, есть наклонность къ созерцанію только выдающихся, яркихъ явленій природы и жизни. Оба направленія законны въ искусствѣ и нерѣдко сочетаются другъ съ другомъ. Каждое изящное искусство не только подражаетъ природѣ, но и протестуетъ противъ нея. «Въ художественномъ произведеніи мы желаемъ видѣть жизнь и покой, дѣйствительность и скрывающуюся за нею мысль, правду и мечту, серьезный трудъ и свободную игру: иначе оно не удовлетворитъ насъ вполнѣ».

Въ этихъ словахъ заключается, по моему мнѣнію, указаніе на существенный недостатокъ натурализма или реализма въ искусствѣ: онъ выдаетъ часть за цѣлое, полагая, что въ области искусства нѣтъ и не должно быть мѣста воображенію, мечтѣ, идеализаціи. А, между тѣмъ, это—естественныя способности и стремленія человѣческаго духа. Если я увижу что-либо ненормальное, неправильное въ томъ или другомъ отношеніи, я могу довести это явленіе до каррикатуры. Если я вижу въ жизни или въ исторіи сильнаго, великодушнаго человѣка, я могу мысленно увеличить размѣры его умственнаго и нравственнаго достоинства, я создамъ *идеалъ*. Странное и комическое, по нынѣшнимъ временамъ, слово, а, между тѣмъ, жизнь красна именно здоровою идеализаціей, именно стремленіями замѣнить слѣпую случайность, стихійную причинность сознательною борьбой за то, что считаешь правдой и красотой.

Если у художника нѣтъ за душою ни личныхъ, ни общественныхъ идеаловъ, если онъ доволенъ и собою, и дѣйствительностью, то все же, при сколько-нибудь серьезномъ отношеніи къ искусству, ему надо подумать о содержаніи своихъ натуралистическихъ произведеній, о выборѣ сюжета. Слѣдуетъ выбирать, въ мѣру таланта, значительное, существенно важное. Гдѣ же критерій для такого сужденія? Неужели возможно положиться въ этомъ отношеніи только на художественное чутье, на безсознательный

эстетическій тактъ? Неужели даровитый художникъ можетъ жить и говорить, не интересуясь жизнью своего народа, философскою, научною и политическою мыслью? Впрочемъ, *возможности* существованія такихъ художниковъ нельзя не допустить: исторія укажетъ намъ на примѣры такого отношенія къ жизни и мысли. Но та же исторія не укажетъ, я думаю, ни одного геніальнаго художника, ни одного великаго творца, который не былъ бы *властителемъ* думъ своего времени и, въ исключительныхъ случаяхъ, всего человѣчества.

Критики, которые не признаютъ ни крайностей натурализма, ни ложныхъ метафизическихъ притязаній идеализма, составляютъ покуда меньшинство въ литературѣ и въ искусствѣ вообще. Они не согласны ни съ тѣми, кто требуетъ непремѣнно идей и тенденцій отъ художника, ни съ тѣми, кто стоитъ за безпечальную случайность творчества, которое сегодня обращено на Гарибальди, завтра на Франческо. Такая точка зрѣнія вовсе не компромиссъ, а правильное различеніе того, что существуетъ, отъ того, что слѣдуетъ предпочитать. Мы, прежде всего, наблюдаемъ факты, знакомимся съ исторіей искусства, съ его произведеніями старыхъ и современныхъ мастеровъ. Мы видимъ, что художникъ являлся нерѣдко гражданиномъ, что онъ принадлежалъ къ числу людей, для которыхъ добро, свобода и красота были неразрывно связанными элементами человѣчески-достойной жизни. Замѣчаемъ мы и другое явленіе: художникъ бывалъ льстецомъ сильныхъ міра сего или олимпійски созерцалъ радости и горе воспитавшаго его общества. Мы знаемъ, что художники первой группы составляютъ славу и гордость страны, что ими разцвѣтаетъ искусство, что они ставятъ для него идеалы и пролагаютъ новые пути; тогда какъ художники второй группы—виртуозы, поражающіе, въ лучшемъ случаѣ, лишь техническимъ совершенствомъ и внѣшними эффектами. Нельзя глубоко заглянуть въ природу и изобразить ее, не подумавши глубоко, а чтобы дѣйствительно глубоко подумать, художнику надо стоять на уровнѣ вѣка, впереди избраннаго меньшинства, на ряду съ философомъ, ученымъ и гражданиномъ.

Почему сажень сосновыхъ дровъ, напримѣръ, художественный сюжетъ, а *Прикованный Прометей* изгоняется изъ искусства? Почему смѣлая мечта нормальнаго, но богато одареннаго человѣка не заслуживаетъ воплощенія въ прекрасномъ образѣ? Признавая поэтому необходимость для искусства изученія человѣка и природы, полнѣйшую цѣлесообразность воспроизведенія типическихъ явленій природы, мы признаемъ, что этимъ задачи творчества не исчерпываются, что есть другая, съ нашей точки зрѣнія даже высшая, область художественной дѣятельности: въ этой области создаются новыя комбинаціи элементовъ дѣйствительности, типическимъ фактамъ ея дается новое освѣщеніе, обнаруживается возвышающее вліяніе человѣческаго духа на природу, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Художники могутъ, конечно, уклоняться отъ этой, лично ни для кого не обязательной миссіи, но эта миссія обязательна для искусства, составляетъ

его наиболѣе важное, наиболѣе гуманное содержаніе. Величайшія художественныя созданія дарятъ міру лишь тѣ люди, въ лицѣ которыхъ дружно соединяются художникъ, мыслитель и гражданинъ.

Русское искусство страдало и радовалось съ русскимъ обществомъ, съ русскимъ народомъ. Въ нашей суровой природѣ, въ нашихъ трудныхъ историческихъ условіяхъ, оно являлось великимъ нравственнымъ утѣшеніемъ для каждаго образованнаго человѣка. Музыка Чайковскаго, какъ картина Рѣпина, будила у многихъ изъ насъ засыпавшую общественную чуткость, подымала изъ сѣренькой сутолоки въ свѣтозарную область чистыхъ помысловъ и возвышенныхъ стремленій. Когда мы, любители, смотримъ на шишкинскій лѣсъ, на киселевское изображеніе Кавказа, когда мы жадно вглядываемся въ созданный Полѣновымъ образъ Христа, въ чудные пейзажи Волкова,—мы не можемъ вѣрить, чтобъ эти художники были чужды тѣмъ гуманнымъ завѣтамъ, отъ которыхъ горячо бьется сердце юноши, отъ которыхъ мужественно подымается крѣпкая воля человѣка въ зрѣломъ возрастѣ. Искусство есть жизнь, есть ея прекрасное пониманіе и преобразованіе, оно не можетъ разъединять того, что неразрывно связано въ душѣ живого человѣка, въ живомъ обществѣ, полномъ великихъ историческихъ надеждъ. Правда не должна быть безобразіемъ, красота не должна быть неправдою. Скромная и вдумчивая простота, которая отличаетъ русское искусство, отнюдь не свидѣтельствуетъ о низкомъ уровнѣ тѣхъ идеаловъ, которыми проникнуты наши лучшіе художники. Крамской говорилъ, что Маковскій и Прянишниковъ «обладаютъ изумительнымъ искусствомъ тенденціозную картину сдѣлать нетенденціозною». Всѣ наши большіе писатели,—писалъ Крамской г. Суворину,—тенденціозны и всѣ художники тоже. И нечего бояться этой тенденціозности, когда она искренняя и глубока, когда у художника есть талантъ,—вѣдь, не любовь же къ справедливости и гуманности помѣшаетъ разцвѣту этого таланта. И еслибъ когда-нибудь, по горькой случайности, русскій художникъ забылъ о своемъ высокомъ назначеніи, мы имѣли бы право обратиться къ нему съ лермонтовскимъ вопросомъ:

„Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой кинжалъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?“

Но, думается мнѣ, такого вопроса не придется никогда задавать, и русскій художникъ всегда повторитъ мольбу поэта-гражданина Ивана Сергѣевича Аксакова:

„Пошли мнѣ бури и ненастья,
Даруй мучительные дни,
Но отъ преступнаго безстрастья,
Но отъ покоя сохрани!“

Викторъ Гольцевъ.

Крестьянское хозяйство и переселеніе *).

(Итоги размѣровъ и результатовъ переселенческаго движенія за истекшее тридцатилѣтіе).

V.

Приступая къ разсмотрѣнію результатовъ вселенія въ Азіатской Россіи и начиная съ вопроса о томъ, съ какими шансами на хозяйственное обзаведеніе приходятъ сюда переселенцы, т.-е. сколько средствъ они приносятъ съ собой, мы на первый разъ должны бы придти къ самымъ пессимистическимъ заключеніямъ о судьбѣ ихъ, здѣсь ожидающей.

Всѣ извѣстные мнѣ по данному вопросу авторы (Григорьевъ, Исаевъ, Чудновскій, Ядринцевъ, Чарушинъ, Дуровъ, Остафьевъ и др.) опредѣляютъ минимумъ расходовъ, необходимыхъ для самаго перваго обзаведенія самостоятельнымъ хозяйствомъ, въ предѣлахъ отъ 150 до 200 руб. на семью. Доносятъ ли новоселы эту сумму съ собой? Какъ резюме всѣхъ имѣющихся для отвѣта на этотъ вопросъ многочисленныхъ данныхъ, которыя всѣ, какъ собранныя въ мѣстахъ выселенія и отъ переселенцевъ въ пути, такъ и полученныя отъ уже водворившихся, даютъ почти одинаковыя цифры; какъ резюме всѣхъ этихъ взаимно провѣренныхъ и оказавшихся вполнѣ точными данныхъ **), привожу слѣдующую таблицу, составленную мной изъ цифръ, приведенныхъ въ *Вѣдомостяхъ о движеніи переселенія черезъ Томскую губернію* за 88, 90, 91 и 92 годы. Изъ опрошенныхъ за эти годы переселенцевъ имѣли съ собой по приходѣ въ Томскъ:

---

*) *Русская Мысль*, кн. III.

**) Изъ имѣвшихся у меня данныхъ такого рода главнѣйшія суть слѣдующія: таблицы г. Григорьева о средствахъ, взятыхъ съ родины 1,901 рязанскимъ переселенцемъ (по показаніямъ оставшихся), приводимыя ниже данныя о 2-хъ почти т[illegible] сячахъ семей уже прожившихъ нѣкоторое время въ Акмолинской области и да[illegible] г. Чудновскаго (см. его книгу *Переселенческое дѣло на Алтаѣ*), который 1,089 с[illegible] алтайскихъ новоселовъ опросилъ о размѣрахъ взятыхъ съ родины средствъ и 75[illegible] семей—о суммахъ, донесенныхъ на новыя мѣста. Кромѣ того, имѣются еще пока[illegible] переселенцевъ въ пути за 87 годъ и безчисленное множество другихъ, болѣе м[illegible] данныхъ, говорящихъ всѣ одно и то же.

Общее число семей.	имѣвшихъ отъ 0 до 10 р.	отъ 10 до 50 руб.	отъ 50 до 100 руб.	отъ 100 до 300 руб.	болѣе 300 руб.
12,908	7,734 семьи, т.-е. 60%	3,286 семей, т.-е. 25,4%	982 семьи, т.-е. 7,6%	728 семей, т.-е. 5,6%	174 семьи, т.-е. 1,4%

Какъ видимъ, развѣ только 7% (имѣвшихъ болѣе 100 р.) азіатскихъ новоселовъ приносятъ съ собой почти достаточныя для обзаведенія средства; 7,6% имѣютъ лишь треть или половину этихъ средствъ, а 85,4% (имѣвшихъ отъ 0 до 50 руб.) вовсе не имѣютъ средствъ для обзаведенія (такъ какъ ничтожныя ихъ деньги уйдутъ почти цѣликомъ на путь отъ Томска до мѣста поселенія). И такъ, и азіатскіе новоселы, какъ и уфимскіе и кубанскіе бѣдняки, приступаютъ на новосельи къ борьбѣ за хозяйственную самостоятельность съ голыми почти руками, «съ однимъ топоромъ на семь семей», какъ они выражаются, и, стало быть, съ собой приносятъ такіе же печальные шансы на побѣду въ этой борьбѣ, какъ и тѣ неудачники.

Но совсѣмъ другія условія встрѣчаютъ они на мѣстѣ поселенія, а потому, какъ ниже увидимъ, и достигаютъ совершенно иныхъ, только при данныхъ условіяхъ и мыслимыхъ, результатовъ.

Мы видѣли, что въ восточныхъ и южныхъ степяхъ Европеской Россіи лишь $1^1/_2 - 2\%$ переселенцевъ успѣвали попасть на казенныя земли: остальные, т.-е. *почти всѣ, должны были пріобрѣтать землю за деньги* (въ аренду или въ собственность, у инородцевъ, козаковъ или частныхъ лицъ). Въ Азіатской Россіи случаевъ покупки земли переселенцами у частныхъ лицъ почти не было, у инородцевъ и козаковъ земля снимается здѣсь ими въ аренду также очень рѣдко, а почти всѣ они поселились на казенной землѣ (на вѣчно-оброчномъ правѣ или арендномъ, также упрочивающемъ ихъ положеніе и не имѣющемъ ни малѣйшаго подобія вышеописаннымъ условіямъ аренды въ степяхъ Евр. Россіи), т.-е. почти *всѣ заняли землю, не покупая ея* (оброкъ здѣсь за землю, сравнительно съ доходомъ, самый незначительный). И такъ, въ степяхъ Европейской Россіи задача обзаведенія самостоятельнымъ хозяйствомъ состоитъ для новосела изъ двухъ частей: покупки земли и покупки инвентаря, а въ Азіатской Россіи она состоитъ лишь въ покупкѣ инвентаря *).

Стало быть, насколько земля и инвентарь дороже одного инвентаря, настолько легче добиться хозяйственной самостоятельности азіатскому, нежели европейскому новоселу. На самомъ же дѣлѣ разница между условіями обзаведенія того и другого еще болѣе велика, ибо новоселу Азіатской Россіи, кромѣ того, гораздо легче пріобрѣсти и инвентарь.

Во-первыхъ, инвентарь здѣсь очень дешевъ: благодаря обилію лѣса, дешево стоютъ постройки; вслѣдствіе обширности здѣшняго скотоводства, дешевъ скотъ, а при достаточномъ развитіи промысловъ, заносимыхъ сюда самими же переселенцами, не дороги всѣ принадлежности полевого и до-

*) Правда, и здѣсь уплату за пріемный приговоръ старожиламъ можно разсматривать, какъ уплату за землю, но эти суммы незначительны по сравненію съ условіями покупки и аренды земли въ степяхъ Евр. Россіи.

машняго хозяйства. Во-вторыхъ,—и это главное,—именно потому, что здѣсь новосель сразу и безъ единовременной затраты пріобрѣтаетъ землю; ему становится гораздо легче пріобрѣсти и инвентарь, ибо онъ сразу же добываетъ средства не только батрацкимъ заработкомъ, а и доходомъ съ надѣла. Онъ сдаетъ его въ аренду подъ посѣвъ или подъ пастьбу, или сдаетъ сѣнокосный лугъ, но, въ большинствѣ случаевъ, онъ самъ скашиваетъ сѣно на продажу и этимъ иногда въ первый же годъ по приходѣ выручаетъ замѣтную сумму *). Наконецъ, онъ сразу имѣетъ доходъ отъ посѣва: за свой батрацкій трудъ онъ беретъ здѣсь, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, плату натурой—сѣменами для посѣва, инвентаремъ во временное пользованіе или просто $^1/_2$ — 1 десятиной засѣяннаго старожиломъ поля, которое онъ потомъ самъ лишь убираетъ. Такая господствующая здѣсь патріархальная и крайне выгодная для новосела форма платы за трудъ имѣетъ послѣдствіемъ замѣчательное явленіе: здѣсь бездомовныхъ семей среди переселенцевъ гораздо больше, чѣмъ безпосѣвныхъ, — иными словами, здѣсь переселенецъ посѣвомъ обзаводится раньше, чѣмъ домомъ, имѣетъ жатву раньше, чѣмъ жилище. Благодаря всему этому и болѣе мелкимъ преимуществамъ, новосель Азіатской Россіи не только выполняетъ лишь меньшую часть задачи, стоящей предъ переселенцами степей Европейской Россіи,—вмѣсто покупки земли и инвентаря, покупаетъ лишь одинъ инвентарь,—но, по этому самому, и инвентарь этотъ достается ему съ гораздо меньшими усиліями и въ гораздо болѣе короткій срокъ.

Послѣ этихъ краткихъ апріорныхъ соображеній читателю уже не должны показаться удивительными и неожиданными тѣ яркія картины успѣховъ вселенія въ Азіатской Россіи, которыя рисуются всѣми наблюдателями и подтверждаются, какъ ниже увидимъ, всѣми точными цифрами, къ которымъ я и перехожу теперь.

Изъ множества собранныхъ мною общихъ отзывовъ и описаній различныхъ наблюдателей, такъ сказать, глазомѣрно опредѣляющихъ результаты вселенія въ Азіатской Россіи и приходящихъ единогласно къ болѣе или менѣе оптимистическимъ заключеніямъ, я, за недостаткомъ мѣста, могу здѣсь привести только одно такое описаніе, наилучше резюмирующее остальныя и рисующее коротко, просто и точно весь ходъ борьбы новоселовъ за хозяйственную самостоятельность въ мѣстности, принявшей большую половину новоселовъ Азіатской Россіи и служащей ея наиболѣе типичнымъ въ данномъ отношеніи райономъ. Описаніе это я, впрочемъ, пополню въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколькими болѣе точными данными.

---

*) „Самый главный и существенный заработокъ для переселенца въ моментъ прибытія, это — сѣно: косятъ столько, сколько пожелаютъ, — гуляй коса по всему участку, иногда 10,000 десятинъ. На косовицу выѣзжаютъ положительно всѣ мужики, парни и дѣвки. Сѣно—самый дорогой и ходкій обмѣнный товаръ. Собственникъ-крестьянинъ всегда держитъ много скота и, несмотря на громадныя сѣнокосныя пространства, часто нуждается въ сѣнѣ“ (см. Остафьевъ, *Юридическ. Вѣстн.* 1891 г., кн. 5—6).

Вотъ что читаемъ мы въ *Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* за 1882 годъ (№ 28):

«Переселенцы, прибывшіе въ Сибирь бѣдняками, истратясь дорогой и распродавъ все, должны жить на первое время личнымъ трудомъ. Избравъ село или деревню, они выпрашиваются къ кому-нибудь изъ старожиловъ за малую плату *), а иногда вовсе даромъ—ради-Христа, на квартиру и помѣщаются обыкновенно въ какой-нибудь убогой, полуразрушившейся избушкѣ, оказавшейся у хозяина излишней, а иногда и сами плетутъ себѣ изъ хвороста лачугу, забиваютъ ее глиной, и въ такихъ жилищахъ проводятъ первое лѣто. Устроивъ свое первое жилище, семья переселенцевъ начинаетъ жить заработками. Въ первое же лѣто мужчины и женщины, старый и малый,—однимъ словомъ, всякій, кто только въ состояніи и силѣ,—стараются зарабатывать и пріобрѣтать...» Послѣднія слова слѣдуетъ понимать буквально. Взрослые члены семьи нанимаются на полевыя работы, частью въ годовые рабочіе за нѣсколько десятковъ рублей или за одежду, или иногда—лошадь, или за посѣвъ хлѣба и т. д. «*Малолѣтковъ* отъ 12—13 лѣтъ отдаютъ въ лѣто за 8—10 руб., зиму 3—4 рубля или просто изъ-за хлѣба; дѣвочекъ *тоже на зиму раздаютъ въ няньки*, взрослыхъ за 2—3 руб., а *малолѣтнихъ*—изъ хлѣба».

Такого крайняго напряженія требуетъ отъ переселенцевъ первый моментъ борьбы «за хозяйственную самостоятельность и даже за самое существованіе». По словамъ переселенческаго чиновника г. Чарушина, «переселенцы не обзавелись еще ни хатою, ни сохою, ни лошадью, не имѣютъ и десятины засѣяннаго хлѣба, а платить подати надо **), надо ставить и срубъ для жилья и подумать о пашнѣ...» При такихъ условіяхъ немудрено, что рѣдкій переселенческій поселокъ и въ Азіатской Россіи избѣгаетъ голоднаго тифа въ первый годъ по поселеніи.

Но не долго сравнительно длится для азіатскаго новосела этотъ первый тяжелый искусъ. Часто уже на первый, второй годъ онъ успѣваетъ стать на ноги.

«При крайне короткомъ времени страды въ Сибири, рабочія цѣны доходятъ иногда до баснословныхъ размѣровъ... Часто,—пишетъ г. Голубевъ (см. *Юридич. Вѣстникъ* 1892 г., кн. 5—6),—старожилы нарочно ѣдутъ въ Томскъ, Барнаулъ съ какимъ-либо извозомъ, чтобы оттуда захватить себѣ на полевыя работы семью или нѣсколько семей бѣдныхъ переселенцовъ, соблазняютъ ихъ дешевизной провоза къ мѣсту» и т. д. «За жнитво десятины ровной густой пшеницы переселенцы берутъ въ урожайные годы отъ 75 коп. до 1 р. 20 к.; харчи по условію, напримѣръ, три раза чай съ пшеничнымъ («съ прикуской»), обѣдъ и ужинъ изъ 3—4 блюдъ,

---

* За квартиру новоселы платятъ отъ 25 коп. до 1 руб. 50 к. въ мѣсяцъ.

** Правда, по новому закону (89 г.), переселенцы пользуются отсрочкой платежей, но только тѣ, которые переселились съ разрѣшенія начальства, всѣ же „самовольные“, которыхъ ни въ одномъ послѣднемъ году не было меньше $^2/_3$ всего числа переселенцевъ, не пользуются этою льготой.

щи съ мясомъ или похлебка, мясо жареное, каша съ масломъ, молочная яичница, пироги и т. п.; все это обязательно сопровождается извѣстнымъ количествомъ стакановъ водки, напримѣръ, за обѣдомъ и ужиномъ. На работу наниматель привозитъ и отвозитъ обратно» (Остафьевъ, *Юридическ. Вѣстникъ* 1891 г., кн. 5—6). Такъ что иногда во время страды каждый хорошій рабочій въ два съ половиной, три мѣсяца смѣло можетъ заработать отъ 80 до 100 руб., вдвоемъ же съ бабой—отъ 120 до 150 р. (Остафьевъ, ibid.), т.-е. сразу почти всю ту сумму, которая, какъ сказано выше, необходима для перваго обзаведенія.

Въ неурожайный годъ обзаведеніе, конечно, сильно замедляется; громадное большинство обратныхъ переселенцевъ именно и уходятъ вслѣдствіе того, что попадаютъ въ неурожайный годъ. Вообще же дальнѣйшій ходъ борьбы новосела за хозяйственную самостоятельность рисуется слѣдующими чертами (продолжаемъ цитату изъ *Томскихъ Вѣдомостей*):

«Переселенцы спѣшатъ работать въ будни и праздники. Проработавъ два, три мѣсяца, семья переселенца имѣетъ возможность сбить немного денегъ, необходимыхъ для покупки къ зимѣ своей избы, а также, при общей дешевизнѣ цѣнъ, одну, двѣ, а иногда и три лошади, если семья по числу рабочихъ рукъ находится въ хорошихъ условіяхъ. Проходитъ зима, а при худыхъ условіяхъ и слѣдующее лѣто, употребленное еще на заработки,—и хозяинъ покупаетъ еще одну, двѣ лошади, корову, и съ наступленіемъ лѣта бѣднякъ-переселенецъ имѣетъ возможность начать жить собственнымъ хозяйствомъ, заводитъ свою пашню, вспахиваетъ 2—4 десятины, обзаводится осѣдлостью и живетъ полнымъ хозяиномъ. Пройдетъ 3—4 года, и устроившійся переселенецъ пишетъ на родину, что ему хорошо и зоветъ своихъ односельчанъ въ *богатый землею край*. Такимъ образомъ, послѣ долгихъ и трудныхъ путешествій переселенцы достигаютъ своей цѣли: *они отдыхаютъ при здѣшнихъ свободныхъ условіяхъ пользованія землей*».

Такъ рисуется вселеніе къ 1882 году. Въ 1889 году оно характеризуется въ отзывахъ волостныхъ правленій Алтайскаго горнаго округа совершенно тѣми же чертами: «Едва не всѣ волостныя правленія срокъ для устройства самостоятельнаго хозяйства *бѣдными или совсѣмъ неимущими* переселенцами опредѣляютъ въ 2—3 или 3—5 лѣтъ» (Голубевъ, *Юридич. Вѣстникъ* 1892 г., кн. 5—6).

Всѣ имѣющіяся у меня общія описанія,—«глазомѣрныя» опредѣленія результатовъ вселенія въ различныхъ мѣстностяхъ Азіатской Россіи,—всѣ единогласно повторяютъ то же самое, т.-е. что въ 3—5 лѣтъ громадное большинство новоселовъ успѣваетъ здѣсь добиться хозяйственной [illegible] стоятельности.

Но не удовольствуемся такими опредѣленіями, хотя, — необ[illegible]имо замѣтить,—они уже сами по себѣ имѣютъ громадную цѣну, когда [illegible] согласны. Обратимся къ конкретнымъ фактамъ.

Здѣсь мы, прежде всего, находимъ довольно много *примѣровъ* [illegible]-е.

описаній среднихъ переселенческихъ семей или среднихъ переселенческихъ поселковъ, на которыхъ съ полною наглядностью можно прослѣдить, какъ правильны, въ общемъ, вышеприведенныя глазомѣрныя опредѣленія. Но этихъ отдѣльныхъ примѣровъ, хотя они часто очень краснорѣчивы, я, за недостаткомъ мѣста, не буду приводить здѣсь, а обращусь прямо къ нѣсколькимъ вполнѣ точнымъ общимъ цифрамъ, охватывающимъ или сразу по нѣскольку типичныхъ переселенческихъ селеній данной мѣстности, или даже цѣлые районы вселенія.

Всѣ имѣющіяся у меня данныя такого рода характеризуютъ въ главныхъ признакахъ хозяйственное положеніе отъ 30 до 35 тысячъ душъ переселенцевъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ, послужившихъ главными пріемниками переселенческаго движенія.

На первомъ планѣ среди этихъ данныхъ нужно, какъ по точности изслѣдованія, такъ и по количеству изслѣдованныхъ, поставить статистическія работы, произведенныя въ Акмолинской области (см. *Объяснительную записку къ работамъ по поземельному устройству крестьянъ-переселенцевъ въ уѣздахъ Кокчетавскомъ и Петропавловскомъ* г. Фролбагрѣева). Въ Кокчетавскомъ и Петропавловскомъ уѣздахъ, вмѣстившихъ большую часть переселенцевъ Акмолинской области, была произведена въ 1891 г. подворная перепись всѣхъ переселенческихъ селеній по вполнѣ достаточной программѣ, заключавшей, между прочимъ, свѣдѣнія какъ о времени прибытія каждой семьи, такъ и о всѣхъ главнѣйшихъ признакахъ ея хозяйственнаго благосостоянія.

Такимъ образомъ, чтобы на основаніи этихъ данныхъ получить точную картину борьбы акмолинскаго новосела за хозяйственную самостоятельность, нужно разбить ихъ на группы по годамъ ихъ поселенія: на прожившихъ 1 годъ, 2 г., 3 г. и т. д. и, затѣмъ, сравнить благопріятные и неблагопріятные хозяйственные признаки этихъ группъ. Такой работы, требовавшей много труда и времени, я, однако, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не могъ сдѣлать, а удовлетворился другимъ способомъ вычисленія, потребовавшимъ меньше труда и, однако, давшимъ очень рельефные и, навѣрное, не преувеличенные выводы. А именно, я взялъ изъ работы г. Фролбагрѣева готовые поселенные итоги, и такъ какъ 19 (изъ 21) селеній оказались по преимуществу или исключительно заселенными переселенцами одного какого-нибудь года, то я и принялъ эти поселенныя группы за группы переселенцевъ по періодамъ ихъ поселенія. При такомъ пріемѣ получилась неточность, но неточность, увеличивающая силу выводовъ, получившихся несмотря на нее: въ селеніяхъ ранѣе заселившимся меньшинство позже пришедшихъ понижало признаки благосостоянія въ поселенныхъ итогахъ, приближая ихъ къ среднему, а въ селеніяхъ съ позже пришедшими новоселами меньшинство ранѣе поселившихся повышало поселенные выводы, тоже придвигая ихъ къ среднему; и если даже и при такомъ сглаживающемъ признаки пріемѣ разница между ранѣе и позже пришедшими получилась, все-таки, крайне рѣзкая, то, оче-

видно, при вполнѣ точномъ сравненіи, она была бы еще значительнѣе. И такъ, при разсмотрѣніи нижеслѣдующей таблицы нужно помнить, что она значительно скрадываетъ разницу между ранѣе и позже поселившимися новоселами и такимъ образомъ показываетъ успѣшность вселенія въ Акмолинскую область ниже дѣйствительной.

Наиболѣе удобно всѣ 19 селеній (2 селенія я опустилъ, какъ слишкомъ смѣшанныя по времени прибытія въ нихъ переселенцевъ) дѣлятся на три группы: 1) 11 селеній, состоящихъ по преимуществу изъ переселенцевъ, пробывшихъ на новыхъ мѣстахъ до 3-хъ лѣтъ, 2) 3 селенія, населенныя переселенцами, въ большинствѣ прожившими отъ 3 до 7 лѣтъ, и 3) 5 селеній съ новоселами, проживающими уже болѣе 7 лѣтъ. Благосостояніе этихъ трехъ группъ выражается слѣдующими цифрами:

КАТЕГОРІИ СЕМЕЙ.	На 1 семью приходилось.									% семей.					
	Стоимость построекъ (въ руб.)	Лошадей.	Коровъ.	Мелкаго скота.	Всего скота въ крупномъ.	Телятъ.	Сохъ.	Десят. посѣва.	Бездомовыхъ.	Безъ скота.	Безъ зем. орд.	Безъ посѣва.	Занимающихся батрачествомъ.	Просящ. милост.	Число семей приход. на 1 промышл. зав.
У 2,325 семей, прож.															
до 3 лѣтъ	13,6	1,2	1,1	0,5	2,3	1,3	0,5	2,2	27,3	21,1	27	10	11,7	0,6	581
У 473 семей, прожив.															
отъ 3 до 7 л. . .	56	2,2	3	5,1	5,7	1,7	0,7	5,4	19	15,0	17,8	10	5,5	0,2	21
У 366 семей, прожив.															
болѣе 7 лѣтъ. . .	78,3	2,5	5,5	6,3	8,6	2	1	9,3	14,2	11,1	15,8	5,7	7,9	0	19

Въ приведенной таблицѣ возростаніе благопріятныхъ и пониженіе неблагопріятныхъ признаковъ у группъ раньше поселившихся по сравненію съ группами позже пришедшихъ происходятъ съ такою правильностью, которая дѣлаетъ излишними всякія поясненія и можетъ привести читателя и безъ моей формулировки къ одному только выводу.

Чтобы покончить съ результатами вселенія въ Акмолинской области, приведемъ еще одну таблицу о части тѣхъ же кокчетавскихъ и петропавловскихъ новоселовъ, рисующую уже съ полною точностью, а потому и съ гораздо бо́льшею яркостью замѣчательный ростъ ихъ благосостоянія.

У однѣхъ и тѣхъ же семей приходилось *на 1 семью:*

Поселки:	Стоимость построекъ въ рубляхъ		Число головъ крупнаго скота		Десятинъ посѣва		На *поселокъ* приходилось казеннаго долга, руб.	
	въ 84 г.	въ 91 г.	въ 84 г.	въ 91 г.	въ 84 г.	въ 91 г.	въ 84 г.	въ 91 г.
1. Викторовскій (97 сем.). . .	44	77	2,4	7,5	3,5	7,1	неизвѣ	
2. Балкашинскій (56 сем.). . .	61	159	3,3	12,3	4,2	13,1	3,1	543
3. Владиміровскій (35 сем.). . .	17	76	4,6	12,1	4,1	12,1	91	52

4. Михайловскій (82 сем.). . .	17	34,8	2	5,3	3,4	5,1	неизвѣстно.	
5. Алексѣевскій (25 сем.). . .	23	91	1,7	9	1,6	11,5	1,137	5
6. Александровскій (96 сем.). . .	26	57,8	2,3	7,9	2,4	8,5	1,859	541
7. Дороѳеевскій (около 100 с.).	24	113	4,4	8,6	6,1	10,2	2,824	356
8. Петровскій (неизвѣстно). .	«всѣ эти признаки съ 84 г. къ 91 г. возросли втрое»						1,350	200
Итого у 491 семей первыхъ 7 поселк.	30,8	83	3	8,4	3,6	9	11,258	1,797

Эта послѣдняя таблица, столь ярко рисующая возростаніе хозяйственнаго благосостоянія новоселовъ, цѣнна особенно тѣмъ, что она сравниваетъ однѣ и тѣ же семьи: она беретъ ихъ наудачу (о какихъ есть свѣдѣнія) въ данный моментъ и послѣ этого момента черезъ 7 лѣтъ, и оказывается, что за эти 7 лѣтъ благосостояніе ихъ по всѣмъ признакамъ увеличилось почти втрое, а долгъ уменьшился въ 6 разъ. Эта таблица, охватывающая болѣе 3,000 душъ случайно взятыхъ въ разныхъ селахъ переселенцевъ, окончательно устраняетъ сомнѣнія въ быстротѣ и прочности роста благосостоянія новоселовъ Акмолинской области.

Между тѣмъ, результаты вселенія въ Акмолинской области замѣтно менѣе благопріятны, нежели въ другихъ мѣстностяхъ Азіатской Россіи, о какихъ только имѣются мало-мальски точныя свѣдѣнія.

Даже въ Тобольской губерніи, которая почти перестала привлекать къ себѣ «самоходовъ» и сама высылаетъ значительное число переселенцевъ, новоселы, селящіеся здѣсь, устраиваются, повидимому, лучше, чѣмъ въ Акмолинской области. Это показываютъ слѣдующія цифры объ устроенныхъ здѣсь въ 1887 году переселенцахъ (привожу эти данныя рядомъ съ соотвѣтствующими изъ вышеприведенной таблицы объ акмол. перес.):

Категоріи семей.	Приходилось на 1 семью. Стоимость построекъ.	Число лошадей.	Число коровъ.	Десятинъ посѣва.	% Безхомовыхъ.	% Безъ скота.	% Безъ земл. орудій.
419 семей, прожившихъ немного болѣе 1 года въ тобольской губ. *) . .	28 руб.	2,6 шт.	1,6 шт.	2,3 д.	20	20	20
2,325 семей, прожившихъ 3 лѣтъ въ Акмолинской области	13,6 р.	1,2 »	1,1 »	2,2 »	27,3	21,1	27

*) Восточное Обозрѣніе 1888 г., № 8, статья: *Переселенческіе отряды*. Тамъ

Какъ видимъ, тобольскіе новоселы, несмотря на то, что прожили на новыхъ мѣстахъ меньше акмолинскихъ (не надо, притомъ, забывать, что среда акмолинцевъ нѣкоторую часть составляютъ и совсѣмъ давно поселившіеся), все-таки, успѣли во всѣхъ безъ исключенія признакахъ стать выше послѣднихъ.

Но, безспорно, еще гораздо болѣе успѣшнымъ было вселеніе въ Алтайскій горный округъ Томской губерніи. Благодатныя природныя условія, счастливо совпавшія съ особенно льготнымъ и свободнымъ порядкомъ завладѣнія землей на занимающихъ три лучшихъ округа Томской губерніи владѣніяхъ Кабинета,—два главныхъ фактора успѣшности вселенія,—позволяли бы уже a priori сдѣлать самыя благопріятныя предсказанія. А тотъ фактъ, что сюда прошло не менѣе 300,000 новоселовъ, т.-е. половина новоселовъ Азіатской Россіи, уже окончательно позволяетъ не сомнѣваться въ томъ, что не даромъ эта мѣстность пользуется славой «переселенческаго Эльдорадо». Но, не довольствуясь опять такимъ общимъ признаніемъ и апріорными соображеніями, обратимся къ цифрамъ.

Г. Чудновскій въ своей книжкѣ *Переселенческое дѣло на Алтаѣ* приводитъ данныя о пяти большихъ селеніяхъ, гдѣ новоселы живутъ рядомъ со старожилами; данныя эти, добытыя подворною переписью, характеризуютъ главными признаками хозяйственнаго достатка хозяйства болѣе 1,200 дворовъ новоселовъ и болѣе 500 сем. старожиловъ; взятыя въ среднихъ типичныхъ селеніяхъ разныхъ мѣстностей данныя эти, несомнѣнно, годятся для общихъ выводовъ.

Хозяйственное положеніе этихъ алтайскихъ новоселовъ я сравню, во-первыхъ, съ положеніемъ акмолинскихъ переселенцевъ; во-вторыхъ, съ хозяйственнымъ уровнемъ алтайскихъ старожиловъ и, наконецъ, съ тѣмъ хозяйственнымъ благосостояніемъ, какимъ эти самые новоселы пользовались у себя на родинѣ.

	Приходилось на 1 семью.		
	Лошадей.	Рогатаго скота.	Десятинъ посѣва.
У 1,226 семей *алтайскихъ новоселовъ* (въ томъ числѣ и непричисленные, т.-е., въ громадномъ большинствѣ, только что пришедшіе). .	6,3 гол.	7 гол.	9,2
У 839 сем. *акмолин. перес.*, прожившихъ въ большинствѣ не менѣе 3 лѣтъ	2,3 »	4,1 »	7,1

Эти простыя цифры съ полною очевидностью показываютъ намъ, что вышеприведенныя таблицы объ Акмолинской области дѣйствительно рисуютъ лишь минимумъ успѣшности вселенія въ Азіатской Россіи,—минимумъ, который значительно превзойденъ половиной новоселовъ Азіатской Россіи, поселившейся въ Алтайскомъ горномъ округѣ.

И такъ, мы видѣли цифры, которыми характеризуются успѣхи н[овосе]лья

даны не вполнѣ точныя цифры, а лишь *приблизительныя* высшія, средн[ія] нормы новосельскихъ хозяйствъ; я и взялъ для сравненія среднія.

400 тыс. душъ азіатскихъ новоселовъ. Читатель видѣлъ, что новоселы достигаютъ здѣсь хозяйственной самостоятельности съ неуклонною правильностью и что хозяйственный ихъ уровень характеризуется чрезвычайно благопріятными цифрами. Пора теперь вполнѣ точно опредѣлить значеніе этихъ цифръ; это можно сдѣлать сравненіемъ ихъ съ тѣмъ, что новоселы имѣли на родинѣ и что старожилы имѣютъ въ Сибири; тогда мы и поймемъ, насколько они разбогатѣли, и увидимъ, догнали ли они знаменитыхъ сибирскихъ богатѣевъ.

Изъ подробныхъ цифръ г. Чудновскаго беру лишь вѣсколько главныхъ *):

У однѣхъ и тѣхъ же семей.	Приходилось на 1 семью. Лошадей.	Рогатаго скота.		% Безлошадныхъ.
Въ Россіи	2,3 гол.	1,3 гол.	до 6 дес. *надѣла*	5,2
На новосельи	4,4 »	5,2 »	» 6,9 д. *посѣва*	1,6

Мы видимъ, насколько алтайскіе новоселы разбогатѣли: они имѣютъ на новомъ мѣстѣ больше посѣвной земли, чѣмъ на родинѣ имѣли всей надѣльной.

Догнали ли они старожиловъ?

	Приходилось на 1 семью. Лошадей.	Рогатаго скота.	Десятинъ посѣва.
У 1,226 семей новоселовъ, причисленныхъ и непричисленныхъ	6,3	7	9,2
Изъ нихъ у 1,001 семьи однихъ причисл.	6,9	7,6	10,5
У 528 сем. старожиловъ	7	8,4	9

Изъ этой таблички ясно, что прожившіе нѣкоторое время (болѣе 3 и до 5 лѣтъ, когда еще тянутся хлопоты о перечисленіи) новоселы по количеству скота почти сравниваются со старожилами, а размѣрами посѣва даже оставляютъ ихъ за собой. Меньше у новоселовъ и семей безлошадныхъ и безъ скота: такъ, по крайней мѣрѣ, въ громадномъ селѣ Смоленскомъ (гдѣ старожиловъ 167 сем., а новоселовъ 515 сем.) у старожиловъ 14,3% безлошадныхъ, а у новоселовъ 10,8%; семей безъ скота у первыхъ 13,1%, а у вторыхъ 10,9%.

И такъ, мы видимъ, что успѣхи акмолинскихъ новоселовъ, обрисованные вышеприведенными таблицами, составляютъ минимумъ по сравненію съ еще болѣе благопріятными результатами вселенія въ районѣ, принявшемъ главное ядро переселенческой массы. Въ другихъ привольныхъ и плодородныхъ мѣстностяхъ Азіатской Россіи эти результаты были, повидимому, еще болѣе успѣшны.

Я буду останавливаться на вселеніи въ Восточную Сибирь, такъ какъ сей часъ говорю лишь о мѣстностяхъ, о которыхъ имѣются хоть какія-нибудь

*) Цифры о числѣ лошадей и безлошадныхъ выведены изъ опроса 616 семей, остальныя — изъ данныхъ о 514 сем. (см. *Чудновскій*: „Переселенческое дѣло на Ал[illegible]“

цифровыя данныя, о переселеніи же въ Восточную Сибирь имѣются только общія описанія разныхъ наблюдателей, и всѣ они рисуютъ тѣ же картины успѣха и благосостоянія, граничащаго съ избыткомъ. Сюда и идутъ по большей части зажиточныя семьи, ищущія приволья и богатства; много здѣсь поселилось малороссовъ, выручающихъ даже за свои малые надѣлы въ плодородныхъ и перенаселенныхъ губерніяхъ по 500 и болѣе рублей; они селятся въ Минусинскомъ округѣ, ѣдутъ моремъ на Амуръ и т. д.; въ этомъ пустынномъ краѣ появляются пока только первые піонеры крестьянскаго переселенія.

Такъ же благопріятны и, притомъ, лучше обслѣдованы результаты вселенія въ южную часть степного края — въ Семирѣченскую область. Здѣсь мнѣ удалось воспользоватося ненапечатанною работой г. Селицкаго *Экономическій бытъ русскихъ поселенцевъ Иссыкъ-кульскаго и Токмакскаго уѣздовъ*. Хотя выборка и сводка безсистемно разсѣянныхъ въ этой работѣ данныхъ о 10 переселенческихъ поселкахъ (съ 610 семьями) потребовали много труда, но за то нижеприводимая таблица рисуетъ уже съ полною точностью, а потому и съ большею яркостью хозяйственные успѣхи семирѣчинскихъ новоселовъ.

Сказанныя данныя характеризуютъ ходъ вселенія съ 1866 по 1876 г. и удобнѣе всего группируются въ слѣдующую таблицу:

Сколько прожили.	Сколько семей.	Сколько имѣли (на 1 семью) въ 1876 году: десятинъ посѣва.	крупнаго скота.
Менѣе 1 года.	5 с.	2	3,8
Болѣе 1 года.	13 »	3,5	4,7
2 и 3 года	19 »	5,3	10,3
4 года	146 »	5,7	12,6
5 и 6 лѣтъ	164 »	6,2	14,4
7 и болѣе лѣтъ. . . .	91 »	7,4	19,2

Въ комментаріяхъ эта таблица не нуждается. Она рисуетъ картину такого высокаго благосостоянія новоселовъ, что мы должны признать значительное реальное основаніе для тѣхъ, въ большинствѣ случаевъ, восторженныхъ разсказовъ объ Азіатской Россіи, обращики которыхъ изъ писемъ переселенцевъ и отзывовъ ходоковъ можно видѣть въ выноскѣ *). Дѣйстви-

*) Вотъ какія заманчивыя картины, слегка украшенныя иногда цвѣтами фантазіи, рисуютъ въ своихъ письмахъ новоселы и ходоки, побывавшіе въ Сибири (и вообще въ Азіатской Россіи): „Тысячу верстъ вдоль, тысячу верстъ поперекъ... Никто никто тамъ не сѣялъ... благодать разная на деревьяхъ ростетъ, по шести коровъ держатъ (правда!)... двухъ теленковъ въ казну отбираютъ (фантазія). И сытость безпримѣрная (для Европейской Россіи дѣйствительно безпримѣрная). Сѣять не разъ посѣешь—лѣтъ 10 падалицей кормятся (?). Удовольствіе—какое сѣно... Ч земь — два сажена. Лѣсъ — не охватишь, дикіе кабаны ходятъ... Объѣздчико встрѣтишь,—руби, сколько силы хватитъ... Начальства нѣтъ (очевидное преув ніе). Помѣщиковъ ни одного нѣтъ. Земля въ тѣхъ мѣстахъ давно отъ бара о... при Екатеринѣ Ермакъ съ Суворовымъ всѣхъ изничтожили...“ (см. Пон

тельно, точныя цифры рисуютъ намъ такое блестящее положеніе новоселовъ, которое ихъ роднымъ и знакомымъ во внутренней Россіи должно представляться истиннымъ мужицкимъ раемъ, стоющимъ того, чтобы рискнуть изъ-за него на всѣ мытарства этого чистилища «переселенческой эпопеи».

Когда переселенцевъ спрашиваютъ, отчего они переселяются, они отвѣчаютъ: «Тѣсно стало». «Надѣла мало». «Земная тѣснота». «Дома телку привязать негдѣ было». «Иди куда хочешь, а дома, видимое дѣло, дѣваться некуда». «Нечѣмъ стало жить». «Прокормиться нельзя было». «Ѣсть хочется». «Намъ хоть хлѣба наѣсться». «Доживешься до того, что нечего станетъ ѣсть,—вотъ и идешь на сторону». «На родинѣ совсѣмъ житья не стало, все равно помирать надо». «Жить невмоготу стало». «Жить никакъ нельзя». «Хуже не будетъ»... и т. д.

Чѣмъ, какъ не раемъ мужицкимъ, должны казаться этимъ переселенцамъ, отчаявшимся не только выбиться изъ нищеты, но прямо-таки просуществовать на родинѣ, эти 5—7 десятинъ посѣва, эти 15—20 головъ скота, которыми обзаводятся черезъ 5—7 лѣтъ семирѣченскіе новоселы?

Или вотъ приходитъ этотъ нищій-переселенецъ въ Семипалатинскую область. Здѣсь онъ записывается по большей части въ мѣщане (налоговъ съ мѣщанъ гораздо меньше) и отправляется, въ большинствѣ случаевъ, арендовать кабинетскія земли Бель-Агагской степи (одного изъ плодороднѣйшихъ уголковъ области). *Благодаря сравнительной свободѣ пользованія землей* (легкости пріобрѣтенія ея на арендномъ правѣ, обилію земли, ничтожности налога и пр.), каждый пришелецъ на Бель-Агагъ, *хотя бы онъ былъ совершенно неимущій*, при извѣстной степени энергіи, труда и бережливости, можетъ сдѣлаться *собственникомъ-рабочимъ*, т.-е. обзавестись своимъ хозяйствомъ и работать, главнымъ образомъ, на себя» *). Вотъ, напримѣръ, поселокъ Зимовье съ 40 семьями (235 душъ об. п.), которыя въ 1888 году прибыли сюда «безъ копѣйки за душой, а нынѣ каждая семья имѣетъ: 1) прочную собственную «заимку» (усадьбу); 2) среднимъ числомъ подъ хлѣбомъ—17½ казен. десятинъ; 3) подъ сѣнокосомъ — 2,8 казен. дес., 4) подъ усадьбой—1 дес. каз., всего 23,3 каз. дес.; 5) скота: лошадей—7,2 шт., коровъ—1,7, барановъ и козъ—27 шт., итого 11 штукъ крупнаго скота»... «Зимовьевцы достигли бы еще бо́льшаго благосостоянія, если бы вели ту же трудовую до невозможности жизнь, какую имъ приходилось вести на родинѣ, а то теперь «они даютъ себѣ послабленіе»: «Мы,—говорятъ зимовьевцы,—теперь живемъ помаленьку... себя не утруждаемъ». На работу зимовьевецъ выходитъ въ 6—7 часовъ, возвращается

Вѣстн. Евр. 1886 г., кн. 9). Однимъ словомъ: „Хоть въ одной рубашкѣ пріѣзжай,—Сибирь оправитъ!“ „У васъ—помереть, здѣсь—изъ гроба встать!“ „У васъ—помереть, здѣсь—воскреснуть!“ Читатель видитъ, что эти восторженные отзывы, въ сущности—во всемъ существенномъ ни малѣйше не преувеличены.

*) См. Якимовъ, *Юридич. Вѣстникъ*: „Экономическія условія жизни на Бель-Агагѣ въ Средней Азіи“.

засвѣтло; со стола мясо, чай, да «горячая прикуска» (всякія печенья на маслѣ) изъ пшеничной муки не сходятъ; лапти сохранились только въ воспоминаніи».

Этими послѣдними словами, какъ видитъ читатель, мы можеаъ резюмировать и общіе результаты вселенія въ Азіатскую Россію. Въ то время, какъ переселенцы колонизаціонной окраины Европейской Россіи, благодаря отсутствію свободныхъ земель, пришли, по выраженію Глѣба Успенскаго, къ «разбитому корыту», къ потерѣ хозяйственной самостоятельности, здѣсь у большинства изъ нихъ это «разбитое корыто» и нищенскія ихъ лапти сохранились лишь въ воспоминаніи.

Таково общее правило, настолько выше мною доказанное, насколько то позволили существующія данныя. Намъ остается теперь разсмотрѣть исключенія, его подтверждающія,—тѣ отдѣльные эпизоды вселенія, когда переселенецъ и въ Азіатской Россіи не успѣвалъ завладѣть землей, а потому не успѣвалъ и устроиться. Опредѣливъ % этихъ неудачныхъ случаевъ переселенія, мы тѣмъ самымъ точнѣе опредѣлимъ и размѣры переселенческаго большинства, успѣвшаго въ Азіатской Россіи добиться хозяйственной самостоятельности.

Спрашивается, какихъ именно изъ переселенцевъ мы должны признать потерпѣвшими неудачу въ хозяйственномъ обзаведеніи? Изъ предшествующаго уже изложенія очевидно, что такими нельзя считать безхозяйныхъ и бездомовыхъ: мы тамъ уже видѣли, что громадное большинство ихъ состоитъ изъ прожившихъ менѣе года или 1—2 года новоселовъ, которые, конечно, физически еще не могли успѣть устроиться, а что потомъ они обзаводятся хозяйствомъ, это, между прочимъ, вполнѣ доказывается слѣдующими цифрами объ обратныхъ. Если бы послѣ 3—5 лѣтъ новоселы не успѣвали устроиться, то среди обратныхъ должно бы было быть ихъ (прожившихъ болѣе 3-хъ лѣтъ) никакъ не менѣе, а почти навѣрное болѣе, чѣмъ только что пришедшихъ. Въ дѣйствительности же, наоборотъ, среди обратныхъ всего лишь 14,1% насчитывалось прожившихъ отъ 1 до 3 лѣтъ, а ужь послѣ 3-хъ и особенно 5 лѣтъ новоселы и вовсе почти перестаютъ уходить на родину: прожившихъ отъ 3 до 5 лѣтъ было среди обратныхъ 4,7%, прожившихъ болѣе 5 лѣтъ всего 3%, остальные 78,1% обратныхъ успѣли пробыть на новомъ мѣстѣ менѣе 1 года, а если переселенцы перестаютъ уходить обратно, значитъ успѣваютъ устроиться.

И такъ, изъ сказаннаго вполнѣ очевидно, что бездомовые и безхозяйные среди новоселовъ Азіатской Россіи суть только что пришедшіе, а не неудачники. Стало быть, число неудачниковъ можетъ выражаться [illegible] только числомъ обратныхъ переселенцевъ.

Каково это число?

Переселенческая контора въ Батракахъ отмѣтила за 81—85 гг. [illegible] душъ обратныхъ на 52,213 душъ прошедшихъ впередъ переселенцевъ. [illegible] кимъ образомъ, тутъ обратные составляли 3,4%. По вычисленію [illegible]

ва, въ 87, 88 и 89 гг., вмѣстѣ взятыхъ, обратные составляли 3,6% по отношенію ко всему числу переселенцевъ, водворившихся въ Томской губ. Послѣдній разсчетъ врядъ ли правиленъ: обратнымъ переселенцамъ съ кабинетскихъ земель Алтайскаго горнаго округа нѣтъ разсчета идти на родину черезъ Томскъ, а потому хотя обратное переселеніе съ Алтая и очень, сравнительно, незначительно, но будетъ осторожнѣе сдѣлать разсчетъ обратныхъ къ однимъ лишь прошедшимъ въ Восточную Сибирь и на казенныя земли Томской губерніи. За 89, 90, 91 и 92 гг. такихъ черезъ Томскъ прошло впередъ 6,784 семьи, а обратно на родину 361 сем., т.-е. 5,3% *). На основаніи этихъ цифръ я принимаю, что изъ переселенцевъ Азіатской Россіи обратно уходило не болѣе 6%.

Такой % обратныхъ, выражающій число неудачниковъ среди новоселовъ Азіатской Россіи, нужно признать чрезвычайно благопріятнымъ.

Это вполнѣ намъ станетъ ясно, если мы замѣтимъ, что бо́льшая доля обратныхъ переселеній вовсе и не вызывается экономическою необходимостью. Мы уже видѣли выше, что $^1/_6$ обратныхъ не прожили и 1 года на новыхъ мѣстахъ, т.-е., очевидно, вовсе и не успѣли еще приняться за хозяйственное обзаведеніе. И дѣйствительно, именно $^4/_5$ изъ нихъ, 78,3%, прямо и мотивировали обратный уходъ на родину «непривычнымъ климатомъ и неурожаемъ» (71,3%), «случайными причинами» и «рознью религіозной и бытовой» (7%), и только 21,7% изъ нихъ рѣшились сослаться на невозможность хозяйственнаго устройства, какъ на причину обратнаго переселенія. И мы, конечно, не можемъ имъ не вѣрить. Ибо, вѣдь, извѣстный % обратныхъ переселеній совершенно неизбѣженъ при какихъ угодно идеальныхъ условіяхъ вселенія, такъ какъ среди всякой толпы переселенцевъ найдется извѣстный % такихъ, которые не успѣютъ приспособиться къ новымъ, хотя бы и очень благопріятнымъ, условіямъ жизни. И у мужика, вѣдь, есть извѣстныя потребности, привычки, вкусы, наклонности, привязанности, и его можетъ пугать непривычная природа, чуждый складъ жизни, одиночество, и его можетъ гнать домой тоска по роднымъ и по родинѣ, и его можетъ подавить стеченіе стихійныхъ бѣдствій (неурожай, падежъ скота, пожаръ и т. д.) и личныхъ несчастій (многія семьи, напримѣръ, теряютъ своихъ большаковъ или вообще рабочихъ членовъ: въ два мѣсяца пути умираетъ 1,5% переселенцевъ).

Но надо вспомнить, что современныя условія вселенія еще очень далеки отъ идеальныхъ и въ Азіатской Россіи. Незнаніе переселенцевъ и ошибки чиновниковъ среди громадныхъ, плодородныхъ и крайне разнообразныхъ районовъ, могущихъ угодить выходцу изъ любой мѣстности Европейской Россіи, приводятъ часто степняка-малоросса въ тайгу, болота или горы, а жителя лѣсныхъ губерній — въ степи, курянина — въ пустыни Амура, переселенца изъ болотъ сѣвера—къ арыкамъ Семирѣчья,—водворяютъ ихъ

*) *Вѣдомости о движеніи переселенія по Томской губерніи* за 89, 90, 91

на участкѣ безводномъ, безлѣсномъ, безплодно-песчаномъ, болотистомъ или по другой какой-либо причинѣ непригодномъ для поселенія. Немудрено, что переселенцы пугаются и бѣгутъ. Удивительно, что ихъ бѣжитъ такъ мало.

Послѣ всего сказаннаго, приходится заключить, что и число обратныхъ, такъ же, какъ и число бездомовыхъ и безхозяйныхъ среди новоселовъ, не даетъ намъ вполнѣ точнаго числа переселенцевъ Азіатской Россіи, потерпѣвшихъ неудачу въ хозяйственномъ обзаведеніи. Съ одной стороны, и кромѣ обратныхъ переселенцевъ, навѣрное, есть извѣстное число переселенцевъ-неудачниковъ, оставшихся и на новыхъ мѣстахъ почти или вовсе безхозяйными: я старался выше показать, что число такихъ можетъ быть лишь совершенно ничтожнымъ. Съ другой стороны, среди обратныхъ переселенцевъ существуетъ нѣкоторый %, а именно до $^4/_5$, такихъ, которые ушли обратно не по экономической необходимости и потому не могутъ быть поставлены въ разрядъ потерпѣвшихъ неудачу въ хозяйственномъ обзаведеніи.

Поэтому и на основаніи этихъ цифръ объ обратномъ переселеніи я не рѣшаюсь опредѣлить вполнѣ точною цифрой размѣры удачнаго и неудачнаго переселенія въ Азіатскую Россію. Мнѣ кажется, что окончательныхъ неудачниковъ здѣсь, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть многимъ больше, чѣмъ обратныхъ переселенцевъ, которыхъ, какъ мы видѣли, никакъ не болѣе 6%, а, стало быть, успѣвшихъ устроиться нужно считать болѣе 90% *). На этой цифрѣ, на основаніи однихъ имѣющихся пока данныхъ, еще нельзя, конечно, настаивать. Но послѣ всего вышесказаннаго я считаю, по крайней мѣрѣ, вполнѣ доказаннымъ то, что, во всякомъ случаѣ, громадное большинство новоселовъ Азіатской Россіи побѣдило въ борьбѣ за хозяйственную самостоятельность.

Чтобы закончить эту главу, я въ нѣсколькихъ словахъ постараюсь показать результаты этой не только экономической, но и культурной побѣды новоселовъ Азіатской Россіи для пріютившей ихъ страны.

Вотъ какъ рисуются послѣдствія вселенія на Алтаѣ:

«Культурная роль и экономическое значеніе переселеній для края—огромны. Нѣтъ кустарнаго и ремесленнаго производства на Алтаѣ, которое не было бы улучшено переселенцами, а многія только съ ихъ приходомъ здѣсь и появились. Шубники, пимокаты, столяры, слесаря, швецы, штукатуры, даже плотники по городамъ и селамъ въ подавляющемъ большинствѣ—новоселы. Всецѣло имъ обязанъ край земледѣльческими машинами и

*) Г. Исаевъ пытается такимъ образомъ вычислить число успѣвшихъ устроиться. Неудачниками онъ считаетъ обратныхъ новоселовъ и просившихъ о ссудѣ. Обратныхъ онъ принимаетъ 3,6%, а изъ водворившихся въ Томской губ[ернію] 1888—1889 гг. 82,739 душъ переселенцевъ о ссудахъ деньгами и хлѣбомъ на продовольствіе и обсѣмененіе просили 4,344 душ., т.-е. 12,3% всѣхъ поселившихся. Такъ что обратныхъ и просившихъ о ссудѣ г. Исаевъ принимаетъ за 15,9% всѣхъ поселившихся и, такимъ образомъ, количество уже вполнѣ и навѣрное устроившихся новоселовъ онъ опредѣляетъ въ 84,1%. Г. Исаевъ и самъ говоритъ, что счи[тать] просившихъ о ссудѣ неудачниками невозможно и что въ дѣйствительности [число] безспорно и вполнѣ обзаведшихся должно быть гораздо выше этихъ 84%.

орудіями. Мѣстная соха вытѣсняется россійскимъ плугомъ; вѣялки и сортировки въ Бійскомъ округѣ есть почти въ каждой деревнѣ; во всѣхъ волостяхъ Бійскаго и въ нѣкоторыхъ Барнаульскаго округовъ работаютъ по 2—4 молотилки. Кромѣ городовъ, появляются такіе кустарные переселенческіе центры, какъ село Загайново: здѣсь, кромѣ сельско-хозяйственныхъ, дѣлаются шерстобитныя машины, точатся самопрялки, деревянная посуда и т. п. Переселенцы завели въ Бійскомъ округѣ маслобойни; до этого постнаго масла совсѣмъ не было въ алтайскихъ деревняхъ. Они же въ большинствѣ строятъ водяныя мельницы и совсѣмъ измѣнили мѣстную конструкцію вѣтряныхъ. Мѣстныя породы скота улучшаются скрещиваніемъ съ породами, вывезенными изъ Россіи, а также разводятся новыя породы и въ чистомъ видѣ: таковы орловскіе рысаки, «чухонскія» свиньи, длинношерстныя овцы, крупный рогатый скотъ и пр. Переселенцамъ же принадлежитъ починъ и главная роль въ дѣлѣ улучшенія сѣмянъ и введенія въ культуру на Алтаѣ новыхъ сортовъ хлѣба: преимущественно ими сѣются китайская рожь («веснянка»), черный овесъ, пшеница-бѣлотурка, синеуска и пр.; просо вошло въ составъ постоянной пищи алтайскаго крестьянина только съ развитіемъ переселеній, гречу же въ Бійскомъ и Барнаульскомъ округахъ до сихъ поръ сѣютъ и ѣдятъ одни новоселы, а изъ старожиловъ многіе незнакомы съ ней даже по виду». (См. сборникъ *Алтай*, статья г. Овсянкина о переселеніи, стр. 355).

Въ переходѣ отъ скотоводческаго къ земледѣльческому хозяйству несомнѣнно рѣшающую роль, по заявленію самихъ старожиловъ, сыграли переселенцы; одно, наприм., алтайское волостное правленіе пишетъ: «Хлѣбопашество существуетъ (въ волости) не съ давняго времени, а именно оно укоренилось лишь со времени наплыва переселенцевъ изъ другихъ губерній, которые и послужили примѣромъ къ трудолюбію» (см. Голубевъ, *Юридическій Вѣстникъ* 1892 г., кн. 5—6). Г. Овсянкинъ пишетъ, что знаетъ деревни, гдѣ «до прихода переселенцевъ не было ни одного пахаря, а теперь рѣдкій старожилъ не засѣваетъ 1—5 десятинъ» (см. сборникъ *Алтай*). Иныя волостныя правленія указываютъ, что иногда старожилы прямо учатся у переселенцевъ земледѣлію: «Старожилы часто прибѣгаютъ къ опытности и знанію переселенцевъ по земледѣльческимъ и хозяйственнымъ дѣламъ и вопросамъ»,—пишетъ Зыряновское волостное правленіе. Таковы же были результаты вселенія всюду, гдѣ оно принимало мало-мальски замѣтные размѣры; всюду, гдѣ переселенцы находили скотоводческое хозяйство еще преобладающимъ, они быстро перемѣщали центръ тяжести производства въ земледѣліе, за ними понемногу слѣдовали и крестьяне-старожилы, и казаки, и даже инородцы. «Земледѣліе проникаетъ въ такія мѣстности, которыя никогда не мечтали имѣть свой, а не привозный хлѣбъ. Нынѣшній годъ,—пишутъ изъ Атбасара, Акмолинской области (въ 1885 г. см. *Акмолинск. Областн. Газ.*, № 46),—составилъ у насъ какъ бы переломъ въ общемъ характерѣ занятій населенія: рѣдкій казакъ не посѣялъ хоть сколько-нибудь хлѣба, и киргизы, и тѣ, благодаря россійскимъ переселенцамъ, занялись хлѣбо-

пашествомъ» (см. выше цитированную статью г. Якимова въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*).

«Еще недавно въ Акмолинскую область везли хлѣбъ изъ Тобольской губерніи, нынѣ же изъ области везутъ хлѣбъ въ Тобольскую губернію. Лѣтъ 20 назадъ въ Акмолинскѣ ржаная мука стоила 2—3 руб. за пудъ, а теперь пшеничная мука стоитъ 40—50 коп. пудъ» (*Вост. Об.* 1887 г., № 34). Прежде изъ Сибири хлѣбъ вовсе не вывозился; имъ едва удовлетворялась собственная потребность въ хлѣбѣ. Въ 1887 же, наприм., году съ одного лишь алтайскихъ пристаней р. Оби отправлено съ одного Алтая до $2^1/_2$ милліоновъ пудовъ хлѣба. Послѣ же 1891 года, неурожайнаго въ Европейской Россіи и урожайнаго для Сибири, отправка хлѣба по Оби изъ Томской губ. и Иртышу изъ Степного края достигла уже весьма значительныхъ размѣровъ, перешагнувъ, повидимому, за десятокъ милліоновъ пудовъ (въ одномъ Семипалатинскѣ скопилось къ 1893 году до 6 милл. пудовъ). Хлѣбною промышленностью почти исключительно создано пароходство по Оби и Иртышу: почти всѣ пароходовладѣльцы—собственно хлѣбные торговцы, вынужденные, для расширенія торговли и для избѣжанія эксплуатаціи немногими пароходчиками, завести собственные пароходы. Послѣ урожая 1891 года, въ 1892 и 1893 годахъ спущено нѣсколько десятковъ новыхъ пароходовъ.

Описаніе культурно-экономическихъ успѣховъ Азіатской Россіи, которыми обязана она, главнымъ образомъ, своимъ 600,000 переселенцевъ, мы закончимъ слѣдующею картиной промышленно-торговаго развитія Тургайской степи, о результатахъ вселенія въ которой мы, кстати, еще ничего не говорили. Здѣсь особенно интересно появленіе, ростъ и развитіе города Кустаная. Еще въ 1880 году на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ возникъ, стоялъ лишь столбъ съ надписью: «Урочище Кустанай»; въ 1886 году тамъ уже былъ городъ съ 10,000 жителей, теперь же въ немъ уже до 20,000 жителей. «Всѣ губерніи Европейской Россіи найдутъ здѣсь своихъ представителей, которые пришли сюда въ лаптяхъ, ободранныхъ зипунахъ, съ грошами денегъ, но съ привычными къ труду руками... Наступили урожайные годы. Почва, никогда не видавшая плуга, давала до 200—300 пудовъ съ десятины...» Теперь въ Кустанаѣ «каменные двухъ-этажные дома, магазины, лавки, церкви, училища,— все это съ непонятною для насъ быстротой выростало одно за другимъ». Переселилась сюда изъ Троицка, Оренбургской губ., и мѣстная администрація, оканчивается постройка телеграфа къ Троицку. «Въ торговомъ отношеніи Кустанай далеко уже опередилъ Троицкъ: его обороты достигаютъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ рублей въ годъ. Сюда весь сѣверъ Тургайской области гонитъ свой скотъ и в[ы]возитъ во множествѣ животные продукты, сюда стекается просо и пшеница для обмѣна на европейскіе товары,— словомъ, торговое вліяніе Кустая простирается на тысячи верстъ въ глубь степи, и съ каждымъ годомъ его торговыхъ операцій все больше и больше расширяется» (см. *Р[усскія] Вѣдомости* 1892 г., № 264).

Подобныхъ яркихъ примѣровъ и краснорѣчивыхъ описаній культурно-хозяйственныхъ успѣховъ Азіатской Россіи послѣ прихода въ нее переселенцевъ можно бы привести еще много. Но и приведенныхъ, полагаю, достаточно, чтобы еще разъ косвенно иллюстрировать результаты побѣды, одержанной здѣсь большинствомъ переселенцевъ въ борьбѣ за хозяйственную самостоятельность, и чтобы показать, чего можетъ достигнуть русскій мужикъ, когда «дорвется» до «вольной земли».

Заключеніе.

Интересъ и значеніе приведенныхъ выше цифръ и фактовъ и сдѣланныхъ изъ нихъ выводовъ, мнѣ кажется, достаточно очевидны. Надъ ближайшимъ будущимъ Россіи виситъ громадный вопросъ: разрушится или возстановится крестьянское хозяйство, донынѣ разрушавшееся? Рѣшеніемъ этого вопроса рѣшается, съ одной, по крайней мѣрѣ, стороны, и другой сливающійся съ нимъ вопросъ: сохранится ли крестьянская община, которая можетъ сохраниться только при возстановленіи крестьянскаго хозяйства? А рѣшеніемъ этихъ самыхъ главныхъ для Россіи настоящаго времени вопросовъ цѣликомъ опредѣляется если не самый конечный пунктъ ея общественно-экономическаго развитія, общій для Россіи и для другихъ цивилизованныхъ странъ, то всѣ главнѣйшіе этапы пути по этому направленію, который для Россіи могъ бы быть и инымъ, нежели путь, пройденный и проходимый другими цивилизованными странами.

Въ первой главѣ я старался показать, что разрушеніе крестьянскаго хозяйства сдѣлало уже такіе успѣхи (выражающіеся въ земельномъ дефицитѣ для 12 милліоновъ душъ крестьянъ и въ 15 милліонахъ душъ безхозяйныхъ), что остановить его и возстановить крестьянское хозяйство если еще могло бы что-либо, то только одно переселеніе, развившееся до достаточныхъ размѣровъ, происходящее при извѣстныхъ условіяхъ и сопровождаемые другими вспомогательными факторами. Понятна послѣ этого важность вытекающаго изъ этого вывода вопроса: можетъ ли и самое переселеніе осуществить эту громадную задачу? Для рѣшенія этого вопроса мы обратились къ разсмотрѣнію размѣровъ и результатовъ переселенческаго движенія за послѣднее 30-тилѣтіе.

Во второй главѣ мы опредѣлили приблизительные размѣры его: мы нашли, какъ и a priori было ясно, что они были слишкомъ незначительными по сравненію съ потребностью и зададей, стоявшими предъ ними, и, потому, не могли, конечно, оказать замѣтнаго задерживающаго вліянія на процессъ разрушенія крестьянскаго хозяйства. Но было ли это переселеніе 1 милліона слишкомъ душъ крестьянъ и по самымъ результатамъ своимъ полезнымъ или вреднымъ для крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства? Въ 3-ей, 4-ой и 5-ой главахъ мы разсмотрѣли этотъ вопросъ. Мы нашли, что результаты выселенія для хозяйства остающихся на родинѣ, насколько пока можно судить, были дѣйствительно благопріятны: выселеніе въ громадномъ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно уменьшало зе-

мельный дефицитъ, облегчало безхозяйнымъ и маломочнымъ крестьянамъ внѣнадѣльныя формы борьбы за хозяйственную самостоятельность,— вообще, дѣйствительно противодѣйствовало разрушенію крестьянскаго хозяйства. Въ 4-ой и 5-ой главахъ мы подвели итоги результатамъ переселенія для 1 милліона,— 1.300,000 душъ,— самихъ переселившихся. Для бо́льшей половины ихъ эти результаты были, въ большинствѣ случаевъ, очень печальны: изъ 700 тыс. душъ переселенцевъ колонизаціонной окраины Европейской Россіи не менѣе $^3/_4$, т.-е. болѣе 500 тыс. душъ, не успѣли стать самостоятельными хозяевами; изъ остальныхъ же 600 тыс. душъ, поселившихся въ Азіатской Россіи, навѣрное, болѣе $^3/_4$ успѣли обзавестись самостоятельнымъ хозяйствомъ. Т.-е. результаты переселенія были діаметрально противуположны для двухъ, почти равныхъ частей переселившагося милліона слишкомъ душъ переселенцевъ: одна часть изъ нихъ побѣждена, а другая побѣдила въ борьбѣ за хозяйственную самостоятельность.

Полагаю, что выше достаточно была мною выяснена и доказана и a priori очевидная зависимость этого діаметрально-противуположнаго результата вселенія отъ такой же противуположности въ экономическихъ, главнымъ образомъ, земельныхъ условіяхъ двухъ районовъ вселенія, давшихъ эти противуположные результаты.

Переходя отъ этихъ итоговъ прошлаго къ выводамъ, вытекающимъ изъ нихъ для будущаго, что̀ должны мы отвѣтить на поставленный выше вопросъ: можетъ ли и самое переселеніе остановить разрушеніе крестьянскаго хозяйства? Отвѣтъ можетъ быть одинъ. Если результаты выселенія были до сихъ поръ благопріятны, а результаты вселенія опредѣлялись условіями мѣстностей вселенія и были вообще настолько благопріятны, насколько то позволяли сказанныя условія, то мы должны заключить, что и въ будущемъ, если бы переселеніе стало совершаться въ этихъ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ и при содѣйствіи другихъ вспомогательныхъ факторовъ (главнымъ образомъ, уменьшенія налоговъ и повышенія земледѣльческой культуры) и, кромѣ того, возросло до размѣровъ, соотвѣтствующихъ стоящей передъ нимъ задачѣ, то задача эта — возстановленіе разрушающагося крестьянскаго хозяйства — дѣйствительно могла бы быть рѣшена переселеніемъ.

И такъ, мы можемъ сконцентрировать одну, но главную сторону этихъ самыхъ важныхъ для настоящаго времени вопросовъ: разрушится ли крестьянское хозяйство, распадется ли община? — въ одномъ вопросѣ: разовьется ли переселеніе въ благопріятныхъ для возстановленія крестьянскаго хозяйства формахъ и въ достаточныхъ для того размѣрахъ?

Относительно размѣровъ переселенческаго движенія можно смѣло [ска]зать на основаніи многихъ фактовъ и соображеній, что число п[ере]селенцевъ будетъ—въ ближайшемъ, по крайней мѣрѣ, будущемъ—рост[ы]стро и безпрерывно. Но когда это число хотя бы сравняется съ есте[ст]веннымъ приростомъ въ нѣсколькихъ районахъ усиленнаго выселени[я] особенно, когда оно перевѣситъ этотъ приростъ и увеличитъ, такимъ [об]разомъ,

средній размѣръ крестьянскаго надѣла,—когда переселеніе разовьется настолько и разовьется ли,— это слишкомъ трудно сейчасъ сказать. Можно лишь утверждать, что еслибъ правительствомъ была предоставлена полная свобода переселенческому движенію, а особенно, еслибъ ему была оказана помощь хотя такими ничтожными средствами, какія безплодно и даже не безъ вреда были затрачены въ «крестьянскій» банкъ, то размѣры переселенія сразу, по крайней мѣрѣ, удесятерились бы и оно могло бы, пожалуй, дѣйствительно остановить столь быстро развивающійся процессъ разрушенія крестьянскаго хозяйства и распаденія общины.

То же нужно сказать и о самомъ характерѣ результатовъ какъ выселенія, такъ и вселенія. Выселеніе можетъ помочь крестьянскому хозяйству только тогда, если земля выселяющихся поступаетъ въ общину, ибо при продажѣ ея отдѣльнымъ крестьянамъ она попадаетъ богатому ихъ слою и навсегда ускользаетъ отъ маломочныхъ и безземельныхъ, чѣмъ именно и ускоряется, а не замедляется процессъ «экспропріаціи» земли у одной части крестьянства и концентраціи ея у другой. Стало быть, при существованіи условій, затрудняющихъ немедленное и дѣйствительное поступленіе участковъ выселяющихся въ общину и вообще тормазящихъ и разстраивающихъ дѣйствіе общиннаго механизма, — выселеніе, очевидно, можетъ лишь ускорить, а не задержать разложеніе крестьянскаго хозяйства и разложеніе общины.

Будущіе результаты вселенія также всецѣло зависятъ отъ условій, въ какихъ оно будетъ продолжаться. Эти условія и въ благодатной для новоселовъ Азіатской Россіи не только могутъ измѣниться, но уже и теперь замѣтно измѣняются къ худшему. Тяжкія трудности, самыя крайнія бѣдствія въ пути нисколько не уменьшаются, ибо помощь отъ общества растетъ медленнѣе, нежели число бѣдствующихъ, а правительственныя ассигновки были даже уменьшены въ наиболѣе тяжелый 1892 годъ, когда не удалась попытка совершенно прекратить движеніе въ этомъ году. А условія поселенія ухудшаются: приписываться къ обществамъ, вообще завладѣвать прочно земельнымъ надѣломъ становится, съ наплывомъ переселенцевъ, все труднѣе и въ Азіатской Россіи; благодаря тому же наплыву, трудъ переселенческій дешевѣетъ, заработокъ падаетъ,— съ теченіемъ времени, стало быть, все труднѣе будетъ новоселамъ Азіатской Россіи завладѣвать обоими факторами производства—и землей, и инвентаремъ. И въ Сибири все чаще раздаются пессимистическіе голоса, говорящіе о замѣтномъ, будто бы, возростаніи числа обратныхъ въ послѣдніе годы. Иные же наблюдатели заходятъ далѣе, — сомнѣваются въ будущности даже успѣвшихъ уже устроиться новоселовъ.

А. Вернеръ говорилъ мнѣ, что личныя его наблюденія идутъ въ разрѣзъ съ вышеприведенными, напримѣръ, чрезвычайно благопріятными таблицами о семирѣченскихъ новоселахъ: онъ утверждаетъ, что тамъ послѣ періода роста (въ 70-хъ годахъ) наступилъ упадокъ (къ концу 80-хъ годовъ) и что этотъ упадокъ можетъ развиться еще далѣе въ будущемъ.

Петропавловскій (Каронинъ) также заканчиваетъ свои очерки южной части Тобольской губ. *) пессимистическими ожиданіями; онъ констатируетъ, что пора избытка уже миновала для этого края и нужда уже появилась; онъ опасается, что развитіе промышленности (съ проведеніемъ желѣзной дороги), приходъ капитала быстро истощатъ естественныя богатства страны и что «тяжелъ будетъ этотъ кризисъ крестьянству»... Весьма возможно, что такія ожиданія уже слишкомъ пессимистично рисуютъ будущую судьбу крестьянскаго хозяйства въ Азіатской Россіи. Но несомнѣнно, что его ожидаютъ тяжелыя испытанія. Оно лишь при общинномъ землевладѣніи можетъ быть устойчивымъ, сохраниться нѣкоторое время, чтобы затѣмъ прямо перейти въ болѣе цѣлесообразную общественно-экономическую форму. Между тѣмъ, нынѣ въ Азіатской Россіи господствуетъ, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, индивидуалистическій порядокъ: порядокъ «захвата». «Вольный захватъ» сибиряка, бросающаго землю, высосавъ изъ нея первые свѣжіе соки и владѣющаго сотнями десятинъ и головъ скота, рядомъ съ безхозяйными почти сосѣдями,— этотъ первобытный «захватъ» получаетъ себѣ теперь цивилизованную союзницу въ лицѣ «свободной конкурренціи», движущей торговымъ и промышленнымъ капиталомъ и нынѣ быстро устремившей его въ Сибирь строющимся желѣзнымъ путемъ. Правильная организація общиннаго землевладѣнія, а вмѣстѣ съ ней и прочно организованное крестьянское хозяйство медленно и съ трудомъ выростаютъ изъ «вольнаго захвата» и могутъ быть въ зародышѣ убиты «освобождающей отъ средствъ производства свободной конкурренціей»...

Я полагаю, что и въ этомъ случаѣ правительство могло бы замѣтно измѣнить въ томъ или иномъ смыслѣ направленіе экономической эволюціи.

К. Качоровскій.

---

*) См. его *По Ишиму и Тоболу* въ *Запискахъ Зап.-Сиб. Отдѣла Геог[раф]ическаго* 86 г., кн. VIII, вып. I.

Историческій методъ въ біологіи *).

IV. Естественно-историческій видъ—отвлеченное понятіе или реальный фактъ?

Въ предшествовавшемъ изложеніи мы видѣли, какъ постоянно выяснялась и опредѣлялась задача исторической біологіи. Мы видѣли, что̀ способствовало ея успѣхамъ и что̀ тормазило ихъ. Способствовало имъ торжество идей, такъ краснорѣчиво высказанныхъ Ламаркомъ, но поставленныхъ внѣ сомнѣнія только Ляйелемъ,—идей, совершенно измѣнившихъ хронологическій масштабъ, прилагавшійся ранѣе ко всѣмъ сужденіямъ о продолжительности существованія органическаго міра. Ляйель весьма наглядно сравнивалъ прежнее положеніе геолога съ положеніемъ историка, который, приступивъ къ изученію египетскихъ памятниковъ, былъ бы стѣсненъ въ своихъ объясненіяхъ категорическимъ заявленіемъ, что исторія Египта обнимаетъ періодъ всего въ два-три вѣка, предшествовавшихъ современной намъ эпохѣ. Конечно, ему пришлось бы допустить вмѣшательство факторовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣми, которые управляются современною дѣятельностью человѣка, или, говоря другими словами, допустить вторженіе элементовъ чудеснаго. Такъ и біологъ, только благодаря предоставленному въ его распоряженіе могущественному фактору—времени, получилъ въ первый разъ возможность въ своихъ объясненіяхъ обходиться безъ предположенія, что въ прошломъ извѣстный намъ естественный порядокъ явленій былъ нарушенъ.

Но этою возможностью естественнаго объясненія біологическихъ явленій наука не могла воспользоваться, пока поперекъ ея дороги становился призракъ постояннаго, вѣчно неизмѣннаго *вида*. Требовалось не пошатнуть только этотъ научный догматъ, что уже успѣшно осуществилъ Ламаркъ, но окончательно подорвать его. Для этого представляется два пути. Во-первыхъ, въ самыхъ свойствахъ представителей видовыхъ формъ нужно найти указанія на подвижность, на текучесть этихъ формъ, уловить признаки, какъ бы застывшаго движенія, какъ это, наприм., мы видимъ въ моментальныхъ фотографіяхъ. Во-вторыхъ, необходимо было подыскать

*) Русская Мысль 1893 г., кн. VIII.

несомнѣнные, очевидные примѣры наблюденнаго движенія формъ, т.-е. ихъ измѣненія за память исторіи.

Такимъ образомъ, мы или сопоставляемъ различныя формы, захваченныя въ различные моменты движенія: это — доводъ, такъ сказать, статическій; или стараемся уловить самый процессъ движенія, т.-е. измѣненія формъ: этотъ доводъ назовемъ динамическимъ.

Остановимся сначала на доводахъ первой категоріи и, прежде всего, на разсмотрѣніи вопроса: точно ли виды *всегда* представляютъ обособленныя, разорванныя звенья органической цѣпи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается несомнѣнно отрицательный. Чѣмъ болѣе разростаются наши свѣдѣнія объ органическихъ формахъ, тѣмъ болѣе увеличивается число случаевъ, подобныхъ тѣмъ, на которые ссылался уже Ламаркъ, т.-е. такихъ видовъ, между которыми, по мѣрѣ включенія вновь изслѣдованныхъ видовъ, становится труднѣе и труднѣе провести строгія границы. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ. Осока, ива, ежевика, ястребинникъ остаются, какъ и во времена Ламарка, камнемъ преткновенія ботаниковъ. Въ родѣ Hieracium—ястребинникъ—одни насчитываютъ 300 видовъ, другіе—всего 52 или даже 20. Объ ивахъ уже Эндлихеръ выражался, что онѣ составляютъ crux et scandalum botanicorum. Съ осоками дѣло обстоитъ не лучше: одинъ нѣмецкій ботаникъ, десятки лѣтъ, не могъ разобраться съ однѣми «осоками королевскаго берлинскаго гербарія», вызвавъ тѣмъ саркастическія замѣчанія одного изъ авторитетнѣйшихъ знатоковъ растительнаго царства—Бентама. Другой, не менѣе крупный авторитетъ въ этой области, недавно умершій Альфонсъ де-Кандоль, въ результатѣ своего монографическаго изслѣдованія дуба, приходитъ къ заключенію: «Ошибаются тѣ, кто продолжаютъ повторять, что большая часть нашихъ видовъ ясно разграничена и что виды сомнительные составляютъ слабое меньшинство. Это казалось вѣрнымъ, пока роды были недостаточно извѣстны, а ихъ виды установлены на основаніи недостаточнаго числа образцовъ, т.-е. пока виды были только временными. Чѣмъ болѣе мы пріобрѣтаемъ фактовъ, тѣмъ болѣе выступаетъ промежуточныхъ формъ и возростаютъ сомнѣнія относительно видовыхъ границъ». Такимъ образомъ, самый строгій, самый авторитетный классификаторъ, болѣе чѣмъ черезъ полвѣка, почти буквально повторяетъ слова и предсказанія фантазера Ламарка, какъ его любили величать его противники. Животное царство представляетъ примѣры не менѣе убѣдительные. Такъ, по отношенію къ фораминиферамъ, о которыхъ Карпентеръ говоритъ, что «едва ли гдѣ виды растеній или животныхъ были установлены на основаніи такого громаднаго числа образцовъ, какъ въ этой группѣ»,—этотъ знатокъ приходитъ къ заключенію, что «предѣлы варіаціи формъ такъ значительны, что захватываютъ не только тѣ признаки, которые считались *видовыми,* но и тѣ, которые служили для установленія *родовъ,* а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже *семействъ*». Нѣкоторые прѣсноводные моллюски представляютъ еще болѣе разительные примѣры. Обширный родъ Helix, куда относятся обыкновенныя виноградныя улитки, разбитъ воо-

логами на нѣсколько подродовъ. Сюда относится Iberus, представленный нѣсколькими видами, обитающими опредѣленныя мѣстности Сициліи. Кобельтъ, подробно изучившій эти виды, пришелъ къ заключенію, что ихъ типическіе представители встрѣчаются только въ центрахъ ихъ распространенія, а въ пограничныхъ полосахъ виды эти соединены нечувствительными переходами, образующими изъ этихъ типическихъ представителей, несмотря на ихъ глубокое различіе, одно неразрывное цѣлое. Сходный случай былъ изученъ Гюликомъ надъ однимъ семействомъ прѣсноводныхъ моллюсковъ на Оаху, одномъ изъ Сандвичевыхъ острововъ. Многочисленныя глубокія долины, которыми изрѣзана горная лѣсистая мѣстность этого острова, имѣютъ свои типическіе виды, связанные съ сосѣдними типами полнѣйшими переходами.

И такъ, значительное число сомнительныхъ видовъ, необходимость нерѣдко отказываться даже отъ «хорошихъ» видовъ, по мѣрѣ накопленія свѣдѣній о нихъ,— все это убѣждаетъ въ томъ, что, фактически, то, что признается за видъ, не представляетъ *всегда* вполнѣ опредѣленной, замкнутой, во всѣхъ случаяхъ равнозначущей группы существъ.

Но еще болѣе утверждаетъ въ этомъ сомнѣніи критическое отношеніе къ факту, никогда не отрицавшемуся самыми стойкими защитниками постоянства видовъ. Фактъ этотъ — неполное тождество всѣхъ представителей вида, т.-е. существованіе *разновидностей*. Видовыя формы измѣнчивы,—въ этомъ согласны всѣ безъ исключенія натуралисты,—но, по однимъ, эта измѣнчивость имѣетъ предѣлъ, по другимъ — она безпредѣльна, т.-е. можетъ достигать такихъ размѣровъ, что выдѣлившіяся разновидности ничѣмъ не будутъ отличаться отъ самостоятельныхъ видовъ. Прибѣгая къ сравненію, мы можемъ сказать, что, по однимъ, колонія всегда остается колоніей, по другимъ — она можетъ разрости до размѣровъ метрополіи, даже перерости ее, стать, въ свою очередь, самостоятельнымъ центромъ.

Въ чемъ же заключаются, съ точки зрѣнія защитниковъ постоянства видовъ, эти коренныя различія между видомъ и разновидностью? Критеріумовъ этого различія предлагалось два: одинъ изъ нихъ — морфологическій, другой — физіологическій. Морфологическій признакъ вида полагали видѣть въ степени различія и въ отсутствіи связующихъ звеньевъ, физіологическій — въ безплодіи помѣсей между видами и плодовитости помѣсей между разновидностями. Одни ученые склонялись предпочтительно въ сторону морфологическаго, другіе—въ сторону физіологическаго рузграниченія вида и разновидности. Этотъ выборъ былъ до нѣкоторой степени даже вынужденный, такъ какъ обѣ точки зрѣнія порой находились въ непримиримомъ противорѣчіи, какъ мы вскорѣ увидимъ это на примѣрѣ собакъ. Разсмотримъ послѣдовательно эти попытки строгаго разграниченія между видомъ и разновидностью.

Что касается морфологическаго критеріума, основаннаго на *степени* различія, то онъ, конечно, не долго могъ выдержать критику. Очевидна невозможность опредѣлить *объективную* мѣру той степени различія, которая давала бы право двѣ несходныя формы признавать за два вида или

только за двѣ разновидности того же вида. Отсюда понятенъ тотъ элементъ субъективности, въ формѣ таланта, «такта» и т. д., который всегда признавался необходимымъ аттрибутомъ искуснаго классификатора; отсюда возможность существованія такого громаднаго числа «сомнительныхъ», спорныхъ видовъ и возникновенія термина «хорошіе» виды; отсюда дѣленіе видовъ на «большіе» и «малые» и возможность возникновенія цѣлой школы классификаторовъ «жорданистовъ», по примѣру этого ботаника, проводящихъ дробленіе обыкновенныхъ видовыхъ группъ до того, что они усматриваютъ сотни видовъ тамъ, гдѣ большинство ботаниковъ допускаетъ только одинъ, какъ, наприм., у Draba verna, у которой Жорданъ насчитываетъ до 200 постоянныхъ формъ, возводимыхъ имъ на степень видовъ.

Болѣе удачнымъ можетъ показаться, на первый взглядъ, другой морфологическій признакъ, основанный на отсутствіи переходовъ, какъ очевидномъ, будто бы, доказательствѣ обособленности видовыхъ группъ, въ отличіе отъ связанныхъ между собою переходами разновидностей одного вида. Но не трудно убѣдиться, что этотъ критеріумъ еще менѣе удаченъ, такъ какъ легко приводитъ къ ложному кругу. Признавъ за отличительный признакъ вида отсутствіе переходныхъ формъ, мы, конечно, тѣмъ самымъ впередъ заручаемся согласіемъ его съ природой, такъ какъ отъ насъ же будетъ зависѣть даже значительно между собою различающіяся, но связанныя между собою видовыя формы признать за разновидности одного, болѣе широко понимаемаго вида. Но если эти оба признака въ отдѣльности не могутъ сослужить дѣйствительной службы защитникамъ постоянства видовъ, то сопоставленіе ихъ можетъ часто послужить въ пользу противникамъ этого ученія. Для этихъ послѣднихъ особенно цѣнны тѣ нерѣдкіе случаи, когда оба морфологическіе критеріума взаимно противорѣчатъ: на основаніи степени различія, равной степени различія «хорошихъ» видовъ, мы должны бы признать двѣ формы за самостоятельные виды, а наличность переходныхъ формъ принуждаетъ видѣть въ нихъ разновидности. Это особенно убѣдительно въ тѣхъ случаяхъ, когда переходы открывались позже установленія видовъ. Но и здѣсь, конечно, защитники постоянства видовъ могутъ отговориться тѣмъ, что пресловутый «тактъ» въ установленіи видовъ на этотъ разъ измѣнилъ имъ.

Послѣ всего сказаннаго понятно, что новѣйшіе защитники догмата постоянства видовъ, убѣдясь въ несостоятельности морфологическаго критеріума, пытаются свести свою защиту исключительно на физіологическую почву. Однимъ изъ послѣднихъ могикановъ этого направленія можно считать Катрфажа, который всѣ свои возраженія противъ господствующаго теченія мысли въ этомъ направленіи пытается оправдать физіологическими соображеніями. Ознакомимся съ его воззрѣніями, какъ съ самою позднѣйшею попыткой этого рода *), — попыткой, въ то же время, называющей, какъ много ученые этого лагеря должны были уступить со времени Кювье, какъ существенно измѣнилась ихъ тактика со в[ремени]

*) *De Quatrfages:* „Darwin et ces precurseurs", 1892.

появленія книги Дарвина и какъ безнадежна ихъ попытка отстоять неподвижность видовъ, выражающуюся, будто бы, въ категорическомъ ихъ отличіи отъ разновидностей. Въ чемъ заключалось это коренное, будто бы, физіологическое различіе между самостоятельными видовыми формами и разновидностями въ предѣлахъ одного вида? Виды,— утверждали прежде защитники этого взгляда,— не могутъ давать между собою помѣсей; скрещиванія между видами или остаются вовсе безъ результатовъ, или происшедшія отъ того помѣси обречены на безплодіе. Наоборотъ, скрещиванія между собою разновидности одного вида всегда плодовиты какъ въ первомъ, такъ и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Этотъ фактъ пытались закрѣпить и особою терминологій, называя продукты скрещиванія видовъ *гибридами,* а продукты скрещиванія между разновидностями *метисами.* Положеніе это, въ теченіе долгихъ лѣтъ выдаваемое за строгое выраженіе факта, становилось непреодолимою преградой къ допущенію, что разновидности ничѣмъ существенно не отличаются отъ видовъ,— допущенію, безъ котораго, понятно, не мыслима никакая теорія историческаго происхожденія органическихъ формъ путемъ медленнаго ихъ перерожденія. Но въ настоящее время даже самые смѣлые защитники коренного различія между видомъ и разновидностью не рѣшаются формулировать это положеніе въ такой опредѣленной формѣ. Если, какъ общее правило, помѣси между видами получаются не такъ часто и не такъ успѣшно, какъ между разновидностями одного вида, то число ставшихъ извѣстными исключеній изъ этого правила и постепенность въ его проявленіи дѣлаютъ его окончательно непригоднымъ, въ качествѣ категорическаго различія между видомъ и разновидностью, для установленія между ними грани, которую природа, будто бы, не въ силахъ перешагнуть въ своемъ поступательномъ историческомъ движеніи.

Что съ возростаніемъ систематическаго различія между организмами должна, наконецъ, наступить невозможность полученія среднихъ между ними существъ, само по себѣ очевидно. «Ни Реомюръ, наблюдавшій странную связь между курицей и кроликомъ, не надѣялся, конечно, увидать куръ, покрытыхъ шерстью, или кроликовъ, одѣтыхъ въ перья, ни я самъ»,—говоритъ Катрфажъ, «сдѣлавшій такое же наблюденіе надъ кошкой и собакой, не ожидалъ получить полукошку, полусобаку». Но вопросъ заключается въ томъ, всегда ли эта невозможность полученія промежуточнаго существа совпадаетъ съ видовымъ различіемъ или она можетъ обнаружиться ранѣе или позднѣе достиженія этой систематической грани? Несмотря на все желаніе отстоять эту физіологическую особенность вида, Катрфажъ долженъ сознаться, что помѣси между видами возможны,— мало того, даже, хотя и въ [illegible]дкихъ случаяхъ, онѣ возможны между видами, относящимися къ разли[illegible]мъ родамъ. Слѣдовательно, въ качествѣ *категорическаго,* абсолютнаго при[illegible]ака видовъ, въ отличіе отъ разновидностей, безплодіе помѣсей уже не мо[illegible]ъ быть допущено. Но какъ различіе въ степени, различіе количестве[illegible], оно вѣрно и, конечно, можетъ служить только новымъ аргумен-

томъ въ пользу измѣняемости видовъ. Еслибъ было только доказано, что нѣкоторые виды могутъ давать помѣси такъ же легко, какъ и разновидности, то ничто не помѣшало бы защитникамъ постоянства видовъ прибѣгнуть къ той же тактикѣ, къ какой они прибѣгали по отношенію къ признакамъ морфологическимъ, т.-е. пожертвовать этими нѣсколькими видами, признавъ, что ошиблись въ ихъ установленіи. Въ дѣйствительности же, даже при успѣшномъ скрещиваніи видовъ, способность къ образованію плодовитаго потомства оказывается сильно измѣненною, ослабленною, но не уничтоженною. Слѣдующій примѣръ, подробно изученный, однимъ изъ наиболѣе тщательныхъ изслѣдователей этихъ явленій, Ноденомъ, наглядно показываетъ особенности этого процесса. Ноденъ предпринялъ перекрестное оплодотвореніе двухъ видовъ датуры (D. stramonium и D. ceratocaula), видовъ, изъ всѣхъ представителей этого рода, наиболѣе между собою различныхъ. Опыту подверглись десять экземпляровъ. Они дали десять плодовъ, менѣе крупныхъ, чѣмъ нормальные. Большая часть сѣмянъ совсѣмъ не развилась, другіе достигли обычныхъ размѣровъ, но не заключали зародышей. Въ итогѣ, вмѣсто нѣсколькихъ сотенъ сѣмянъ, получилось всего 60; изъ нихъ взошло всего три, а выросло всего два растенія. Но эти два растенія превзошли по развитію своихъ родителей. Однако, ихъ производительность была поражена, многіе цвѣты не развились; за то тѣ, которые развились, дали плоды и сѣмена вполнѣ нормальные, произведшіе въ результатѣ болѣе ста растеній. Этотъ примѣръ наглядно показываетъ, что перекрестное оплодотвореніе между видами, даже при неблагопріятномъ исходѣ, вызывая глубокое потрясеніе въ воспроизводительной системѣ, не устраняетъ вполнѣ возможности оплодотворенія и полученія плодовитаго потомства.

Впрочемъ, нѣкоторые ученые идутъ еще далѣе и утверждаютъ, что образованіе помѣсей между видами совершается гораздо легче, чѣмъ принято думать, и широко распространено въ природѣ. Къ числу этихъ ученыхъ слѣдуетъ отнести извѣстнаго ботаника Кернера, по его заявленію, въ теченіе сорока лѣтъ систематически изслѣдовавшаго этотъ вопросъ *). Онъ рѣшительно высказываетъ мнѣніе, что помѣси между видами ничѣмъ не отличаются отъ помѣсей между разновидностями и что совершенно излишне обозначать ихъ различными терминами. По его мнѣнію, въ одной европейской флорѣ за послѣднія сорокъ лѣтъ найдено свыше тысячи гибридовъ, т.-е. помѣсей между несомнѣнными видами растеній, принадлежащихъ ко всѣмъ отдѣламъ цвѣтковыхъ растеній. Изъ многочисленныхъ, приводимыхъ имъ, примѣровъ укажемъ на помѣси между серебристымъ тополемъ и осиной, между черникой и брусникой, между апельсиномъ и лимономъ. Эта послѣдняя представляетъ полосатые плоды, съ участками, представляющими свойства лимона и другими—со свойствами апельсина. Особенно интересны сообщаемыя Кернеромъ данныя относительно помѣси между двумя видами люцерны—люцерной посѣвной (Medicago Sativa) и желтой (M. falcata) **).

*) *Kerner*: „Pflanzenleben", 1891.

**) Мнѣ случалось наблюдать эту интересную помѣсь двадцать слишком [illegible]ъ

У первой цвѣты сине-фіолетовые, а бобы скручены винтомъ въ нѣсколько тѣсныхъ оборотовъ; у второй цвѣты желтые, а бобы изогнуты серпомъ. У помѣси Medicago media цвѣты представляютъ оригинальную и рѣдкую среднюю окраску, зеленую, а бобы имѣютъ форму среднюю между двумя первыми, т.-е. въ видѣ пробочника, съ небольшимъ числомъ раскрученныхъ оборотовъ. Эта помѣсь, по свидѣтельству Кернера, является наглядньмъ опроверженіемъ упорно сохраняющагося предразсудка, будто помѣси при самооплодотвореніи безплодны и нуждаются, для сохраненія плодовитости, въ скрещеніи съ однимъ изъ родителей. Желтая люцерна, оплодотворенная собственною пыльцей, оказывается менѣе плодовитой, чѣмъ оплодотворенная пыльцей люцерны посѣвной, а полученная помѣсь M. media гораздо плодовитѣе при оплодотвореніи собственною пыльцей, чѣмъ при оплодотвореніи пыльцей желтой люцерны. Словомъ, эта несомнѣнная помѣсь между двумя видами представляетъ явленіе прямо противорѣчащее ходячему мнѣнію о безплодіи и непостоянствѣ гибридовъ.

Нужно ли еще добавлять, что и въ животномъ царствѣ законъ безплодія помѣсей между видами представляетъ многочисленныя исключенія. Катрфажъ долженъ признать несомнѣнное существованіе овцекозъ, Chabins, какъ ихъ зовуть на югѣ Франціи, лепоридовъ, т.-е. помѣсей зайца и кролика. Извѣстна помѣсь между глухаремъ и тетерькой, между двумя видами шелкопряда и т. д.

Сознавая, что отстаивать, въ его первоначальной абсолютной формѣ, этотъ законъ физіологическаго различія между видомъ и разновидностью уже невозможно, Катрфажъ пытается спасти его, давъ ему гораздо болѣе скромную и сложную формулировку, но и она, какъ не трудно убѣдиться, не выдерживаетъ критики. Онъ утверждаетъ, что продукты скрещиванія между видами если и не отличаются отъ продуктовъ скрещиванія разновидностей предполагавшимся безплодіемъ, то представляютъ ту существенную особенность, что неудержимо стремятся возвратиться къ типу одного изъ видовъ родителей,—его будто бы не замѣчается у помѣсей между разновидностями. Кернеръ, наоборотъ, рѣшительно высказывается противъ такого воззрѣнія на гибридовъ; онъ говоритъ: «*мнѣніе будто они, на основаніи внутренней необходимости возвращаются къ породившимъ ихъ видовымъ формамъ, должно быть отнесено къ числу басенъ*». Но даже допустивъ, что явленіе возвращенія къ типу одного изъ родителей встрѣчается чаще, чѣмъ предполагаетъ Кернеръ *), нѣтъ никакого повода видѣть въ этомъ явленіи какое-нибудь коренное, качественное различіе вида, отличающее его отъ разновидности. Катрфажъ пытается объяснить это неизбѣжное будто бы возвращеніе къ типу родителей и прибѣгаетъ къ слѣдующему сравненію Когда химикъ желаетъ раздѣлить смѣсь двухъ солей, кристаллизиру-

---

том[illegible] назадъ въ Симбирской губерніи. Я тогда уже обращалъ на нее вниманіе, какъ на [illegible]стеніе, изъ котораго могли бы извлечь пользу наши сельскіе хозяева.

*) Какъ это дѣйствительно обнаруживается въ нѣкоторыхъ опытахъ Нодена, въ том[illegible]слѣ и въ приведенномъ выше опытѣ съ датурой.

ющихся не одинаково легко, онъ прибѣгаетъ къ повторнымъ кристаллизаціямъ и въ результатѣ получаетъ почти чистою ту соль, которая кристаллизируется легче. «Стоитъ допустить, — говоритъ онъ, — что одинъ изъ типовъ реализируется легче, чѣмъ другой, для того, чтобъ онъ одержалъ надъ нимъ верхъ». Но, прибѣгая къ сходному сравненію, мы такъ же картинно можемъ себѣ представить, почему это стремленіе къ выдѣленію одного изъ родительскихъ типовъ должно выражаться рѣзче при скрещиваніи видовъ, чѣмъ при скрещиваніи разновидностей, ни мало не допуская коренного между ними различія. Представимъ себѣ двѣ порціи одной и той же жидкости, наприм., спирта: если мы сольемъ ихъ вмѣстѣ, онѣ образуютъ однородную жидкость, но будемъ къ одной приливать воды, а къ другой эѳира, и мы получимъ, наконецъ, жидкости, которыя хотя и будутъ смѣшиваться при взбалтываніи, но уже будутъ стремиться раздѣлиться, и тѣмъ скорѣе и легче, чѣмъ болѣе одна будетъ приближаться къ эѳиру, а другая—къ водѣ. Такъ и при скрещиваніи мало отличающихся разновидностей, очевидно, даны условія для образованія болѣе устойчиваго, болѣе однороднаго смѣшаннаго типа: при скрещиваніи болѣе широко разошедшихся видовыхъ формъ помѣси будутъ менѣе устойчивыя, легче распадающіяся на составляющіе ихъ элементы. Но ни въ какомъ случаѣ въ этой особенности видовъ, даже допустивъ болѣе широкое ея распространеніе, не въ правѣ мы видѣть какое-нибудь исключительное, внезапное свойство, не связанное закономъ непрерывности со свойствами разновидностей. Безуспѣшность попытки послѣдняго и самаго стойкаго защитника ученія о неподвижности видовъ основать его на объективномъ физіологическомъ признакѣ, хотя совершенно отличномъ отъ того, который предъявлялся ранѣе, только еще убѣдительнѣе доказываетъ необходимость отказаться отъ этого научнаго предразсудка, такъ долго тормазившаго успѣхи идеи историческаго развитія органическихъ формъ *).

И такъ, ни въ степени различія, ни въ наличности или отсутствіи переходовъ, ни въ физіологическихъ особенностяхъ, основанныхъ на безплодіи или непостоянствѣ продуктовъ скрещиванія, не находитъ естествоиспытатель критеріума для различенія вида отъ разновидности: это различіе только въ степени; это два понятія, нечувствительно переходящія одно въ другое. Слѣдовательно, самый фактъ существованія разновидностей долженъ быть признанъ за выраженіе измѣнчивости, подвижности видовыхъ формъ.

*) Едва ли стоитъ останавливаться на еще болѣе сложной попыткѣ Катрфажа видѣть другую будто бы особенность видовъ въ томъ, что гибриды, однажды возвратившіяся къ типу одного изъ родителей, не представляютъ явленій *атавизма*, въ [illegible] случайнаго возвращенія къ типу другого родителя. Во-первыхъ, это [illegible] прямо вытекаетъ изъ сущности явленій атавизма, т.-е. вліянія даннаго ряда [illegible] ковъ, а, во-вторыхъ, нѣтъ повода предполагать, чтобы, въ соотвѣтственной [illegible], это правило не примѣнялось къ помѣсямъ между разновидностями. Во всякомъ [illegible], необходимость изобрѣтать новые все болѣе и болѣе запутанные признаки раз[illegible] между видами и разновидностями доказываетъ только безнадежность защи[illegible] дѣла.

Никто, ранѣе Дарвина, не представлялъ этого логическаго вывода съ такою неотразимою силой, обставивъ его массой фактическихъ документовъ и формулируя въ положеніи: «разновидность есть зачинающійся видъ, видъ—рѣзкая разновидность». При этомъ онъ выражалъ надежду, что этимъ путемъ «мы будемъ, наконецъ, избавлены отъ безплодныхъ поисковъ за неуловленною до сихъ поръ и неуловимою сущностью понятія—видъ». Дарвинъ предложилъ далѣе попытку *статистической* провѣрки этого положенія. Вотъ одна изъ формъ этой провѣрки. Если образованіе разновидностей и новыхъ видовъ—только двѣ стадіи одного и того же процесса дифференцированія, первоначально однородной, видовой группы, то мы въ правѣ ожидать, что они будутъ совпадать, т.-е. что въ тѣхъ родахъ, въ которыхъ это стремленіе уже успѣло выразиться въ образованіи видовъ, оно будетъ продолжать выражаться и въ образованіи видовъ зачаточныхъ, т.-е. разновидностей, такъ какъ очевидно, что въ условіяхъ существованія и въ пластичности самыхъ формъ заключается нѣчто благопріятствовавшее и продолжающее благопріятствовать образованію новыхъ видовъ. Статистическая провѣрка подтвердила вѣрность этого предположенія. Роды обширные, т.-е. содержащіе много видовъ, заключали болѣе видовъ, представлявшихъ разновидности, и, притомъ, эти виды были, среднимъ числомъ, богаче разновидностями, чѣмъ виды родовъ мелкихъ.

Сопоставляя все намъ извѣстное о видахъ, какъ «хорошихъ», такъ и сомнительныхъ, и разновидностяхъ, какъ мало обозначавшихся, такъ и достигшихъ почти видового различія, встрѣчая всѣ свойства, прежде приписываемыя исключительно или тѣмъ или другимъ, представленными въ большей или меньшей степени и въ тѣхъ, и въ другихъ, мы, очевидно, должны отказаться отъ мысли о неизмѣнчивости видовъ. Продолжая сдѣланное выше сравненіе съ моментальною фотографіей, мы можемъ сказать, что, охватывая однимъ общимъ взглядомъ всевозможныя видовыя формы, отъ только что зачинающагося до вполнѣ обособившагося вида, мы выносимъ общее впечатлѣніе текучести, подвижности этихъ формъ, точно такъ же, какъ въ стробоскопѣ, соединяя въ одно изображеніе формы, застывшія въ различныхъ фазахъ движенія, мы получаемъ непосредственное впечатлѣніе этого движенія.

Такова сущность тѣхъ аргументовъ, которые мы въ началѣ главы назвали статическими.

Переходимъ теперь къ тому способу доказательства подвижности видовыхъ формъ, который мы назвали, въ отличіе отъ перваго, динамическимъ, т.-е. къ непосредственному свидѣтельству о томъ, что видовыя формы дѣйствительно измѣнялись. Здѣсь естественныя формы не могутъ доставить удовлетворительнаго матеріала, такъ какъ мы не имѣемъ точнаго историческаго о нихъ свидѣтельства, да и самый процессъ совершался съ медленностью, въ сравненіи съ которой періоды, обнимаемые исторіей, ничтожны. Гораздо болѣе цѣнный матеріалъ въ томъ и другомъ отношеніи доставляютъ намъ формы,

измѣнившіяся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ человѣка,—воздѣлываемыя имъ растенія и прирученныя животныя. Одинъ взглядъ на издаваемый каждый годъ каталогъ садовыхъ и огородныхъ растеній достаточно убѣждаетъ въ глубокой измѣнчивости этихъ формъ; выставки скотоводства доказываютъ то же по отношенію къ домашнимъ животнымъ. Но и здѣсь, очевидно, дѣло сводится къ оцѣнкѣ степени различія, къ разрѣшенію вопроса, достигаетъ ли она тѣхъ размѣровъ, которые соотвѣтствуютъ несомнѣнной видовой грани. По отношенію къ цѣлому ряду формъ домашнихъ животныхъ этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ,—степень измѣненія не только достигаетъ видового различія, но даже значительно превосходитъ его, но гораздо труднѣе, во многихъ случаяхъ, бываетъ доказать другое положеніе, именно несомнѣнность происхожденія этихъ породъ отъ одного вида. Въ этомъ отношеніи особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе породы собакъ. Степени ихъ различія, будь онѣ найдены въ естественномъ состояніи, дали бы намъ право видѣть въ нихъ не только различные виды, но и различные роды и, слѣдовательно, представили бы убѣдительный аргументъ противъ постоянства вида. Тѣмъ не менѣе, взвѣсивъ всѣ доводы за и противъ, Дарвинъ не рѣшился признать ихъ за потомство одного вида. Но за то къ этому выводу приходитъ его, какъ мы видимъ, упорный противникъ Катрфажъ, и это странное противорѣчіе доказываетъ, что существованіе породъ собакъ, такъ или иначе, является роковымъ только для сторонниковъ неподвижности видовыхъ формъ. Дѣло въ томъ, что всѣ породы собакъ, какъ бы ни было глубоко ихъ морфологическое различіе, даютъ плодовитыя помѣси и, слѣдовательно, для сторонниковъ исключительно физіологической характеристики видовъ представляютъ одинъ видъ. Но, допуская это, представители этого воззрѣнія тѣмъ самымъ вынуждены признать, что въ предѣлахъ одного вида различія могутъ достигать размѣровъ различій родовыхъ, т.-е. должны совершенно отказаться отъ критеріума морфологическаго,—того, на почвѣ котораго сложилось самое представленіе о видѣ и которымъ, на дѣлѣ, исключительно руководятся классификаторы. Слѣдовательно, породы собакъ, во всякомъ случаѣ, цѣнны въ томъ смыслѣ, что приводятъ обѣ попытки прочно обосновать понятіе о видѣ къ непримиримому противорѣчію.

Болѣе опредѣленный выводъ, какъ извѣстно, дало Дарвину его классическое изслѣдованіе голубиныхъ породъ. Здѣсь различія почти такъ же глубоки,—ихъ было бы достаточно для установленія отдѣльныхъ родовъ; нѣкоторые признаки служатъ даже для характеристики семействъ того отряда, къ которому относится семейство голубей. И, въ то же время, доказательство ихъ принадлежности къ одному виду не подлежитъ сомнѣнію. За тридцать с. шкомъ лѣтъ со времени появленія книги Дарвина, эта строго фактическая сторона его изслѣдованія встрѣчала только полное одобреніе и, притомъ, странно сказать, чаще въ рядахъ его враговъ, чѣмъ въ рядахъ сторонниковъ. Слѣдовательно, фактъ возможности морфологической дифференцировки вида, доходящей до образованія не только новыхъ видовыхъ, но даже ю-

довыхъ различій поставленъ этими изслѣдованіями внѣ сомнѣнія. Такъ ли же обстоитъ дѣло по отношенію къ различію физіологическому? Возможно ли привести примѣры породъ настолько обособившихся, чтобы представлять и эту предполагаемую физіологическую характеристику видовъ — безплодіе при скрещиваніи? Въ отвѣтъ на это, прежде всего, припомнимъ только что сказанное относительно несостоятельности этой характеристики, какъ *абсолютнаго критеріума* вида. Хотя мы видѣли, что не можетъ быть и рѣчи объ этомъ безплодіи, какъ неизмѣнномъ свойствѣ вида, но, тѣмъ не менѣе, конечно, было бы вдвойнѣ убѣдительно еслибъ можно было привести и обратное доказательство, т.-е. показать, что несомнѣнныя разновидности могутъ пріобрѣтать и этотъ характеристическій признакъ, если далеко не всѣхъ, то многихъ «хорошихъ» видовъ. По отношенію къ растенію существуетъ нѣсколько подобныхъ фактовъ. Такъ, Кёльрейтеръ убѣдился, что двѣ разновидности Манса не давали помѣси, или,—что, какъ мы замѣтили выше, еще убѣдительнѣе,—давали нѣсколько зеренъ съ такимъ же трудомъ, какъ и гибриды датуры у Нодена. Нѣкоторыя разновидности Verbascum—коровяка—также не давали помѣси. Въ животномъ царствѣ примѣры менѣе обстоятельны, но и тамъ ссылаются на парагвайскую кошку, натурализованную изъ Европы и будто бы не дающую болѣе помѣси съ своимъ европейскимъ родичемъ, на кроликовъ, еще въ XV вѣкѣ натурализовавшихся на сосѣднемъ съ Мадерой островѣ Порто-Санто и болѣе не спаривающихся съ кроликомъ европейскимъ, на морскихъ свинокъ европейскихъ и бразильскихъ и т. д. Впрочемъ, малочисленность достовѣрныхъ примѣровъ проявленія этого физіологическаго различія, въ сравненіи съ примѣрами осуществленія глубокаго морфологическаго различія, едва ли представляетъ что-либо неожиданное и странное. Всѣ свои заботы при выводѣ новыхъ породъ человѣкъ, конечно, сосредоточивалъ на признакахъ морфологическихъ и едва ли когда-либо задавался цѣлью получить двѣ формы, отличающіяся безплодіемъ при скрещеніи. Сохраненіе чистоты породы, которая этимъ, правда, достигалась бы гораздо проще, осуществляется изоляціей. И, конечно, еслибъ онъ задался этою цѣлью, то природа доставила бы ему матеріалъ не менѣе обильный, чѣмъ въ сферѣ измѣненій морфологическихъ. Дарвинъ, Роменсъ и другіе изслѣдователи этого вопроса ссылаются на многочисленные случаи «малой плодовитости или полнаго безплодія между двумя недѣлимыми, несмотря на то, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности вполнѣ плодовитъ съ другими недѣлимыми». Едва ли есть поводъ сомнѣваться въ томъ, что, обративъ такое же вниманіе на эти физіологическія индивидуальныя особенности въ представителяхъ различныхъ разновидностей, человѣкъ успѣлъ бы закрѣпить и усилить и этотъ физіологическій признакъ, какъ успѣлъ закрѣпить и усилить столько признаковъ морфологическихъ.

Какъ бы то ни было, но, въ виду многочисленныхъ доказательствъ, что безплодіе помѣсей не совпадаетъ съ видовымъ различіемъ, нѣтъ основанія придавать исключительное значеніе обратному доказательству того же

положенія, т.-е. доказательству, что и помѣси между разновидностями могутъ быть безплодны.

И такъ, будемъ ли мы аргументировать на основаніи фактовъ статическихъ, т.-е. на основаніи сопоставленія безчисленныхъ органическихъ формъ, застигнутыхъ нами на различныхъ ступеняхъ непрерывной лѣстницы между едва намѣченною разновидностью и вполнѣ обозначившимся видомъ, обратимся ли мы къ фактамъ динамическимъ, т.-е. къ разсмотрѣнію случаевъ несомнѣннаго измѣненія извѣстныхъ формъ, выводъ будетъ одинъ и тотъ же: защитники ограниченной измѣнчивости вида не дали и не могутъ дать критеріума для абсолютнаго отличія вида отъ разновидности, слѣдовательно, самый фактъ существованія разновидностей всѣхъ степеней въ пространствѣ и ихъ несомнѣннаго возникновенія во времени доказываетъ совершенно обратное, т.-е. возможность возникновенія новыхъ видовъ путемъ дифференцировки старыхъ. А этимъ устраняется главное препятствіе къ допущенію историческаго процесса образованія органическихъ формъ.

Но если видъ представляется чѣмъ-то текучимъ, измѣняющимся въ пространствѣ и во времени, если самое понятіе о немъ является неопредѣленнымъ, неуловимымъ, то, съ другой стороны, какъ же согласить это съ фактомъ, что въ установленіи значительнаго большинства видовъ мнѣнія натуралистовъ вполнѣ согласны? Какъ объяснить себѣ, наконецъ, возникновеніе этого понятія въ человѣческомъ умѣ?

Не разъ высказывалась мысль, что происхожденіе спора о естественно-историческомъ видѣ кроется въ логической ошибкѣ, корень которой должно искать еще въ схоластическихъ спорахъ объ «универсалахъ», что это только позднѣйшій отголосокъ многовѣковой распри «реалистовъ» и «номиналистовъ». Шлейденъ, остановившись на неудовлетворительности всѣхъ попытокъ дать точное опредѣленіе вида показавъ несостоятельность его практическаго примѣненія къ дѣйствительности, проявляющуюся въ томъ, что порою тамъ, гдѣ одинъ ученый видитъ 70 видовъ, другой видитъ всего 7 — 8, приходитъ къ заключенію, что выбраться изъ этого противорѣчія можно только прослѣдивъ психологическій процессъ образованія того понятія, которое мы называемъ видомъ. Указавъ на умственный процессъ, при помощи котораго, отвлекаясь отъ частностей отдѣльныхъ наблюденій, мы отъ конкретныхъ фактовъ восходимъ къ болѣе и болѣе обобщеннымъ отвлеченнымъ понятіямъ, сославшись на то, какъ представители схоластическаго «реализма», поощряемые богословами, долго отстаивали свое ученіе, по которому всякому понятію должна соотвѣтствовать ре[а]льная дѣйствительность,—ученіе, въ первый разъ пошатнувшееся подъ [у]даромъ франциска[н]ца Вильгельма фонъ-Оккама, а позднѣе окончательно [по]трясенное благодаря успѣхамъ точнаго знанія, Шлейденъ приходитъ къ [за]ключенію, что послѣднимъ убѣжищемъ «реализма», послѣднимъ слѣ[до]мъ его переживанія, явилось ученіе объ естественно-историческомъ видѣ [и]ъ

прямо обвиняетъ Канта, Фриса, Апельта и др. въ томъ, что эти строгіе мыслители, очистивъ, согласно съ духомъ точнаго естествознанія, другія области знанія отъ послѣднихъ слѣдовъ ученія «реалистовъ», отстаивали мысль, что въ примѣненіи къ органической природѣ «видовое понятіе имѣетъ реальное, объективное бытіе, а потому и право на значеніе болѣе прочное, чѣмъ измѣнчивыя по своей природѣ субъективныя воззрѣнія того или другого ученаго». Они пытались даже создать полуметафизическій законъ спецификаціи, по которому субъективному процессу образованія понятія должно соотвѣтствовать въ природѣ нѣчто вполнѣ объективное, такъ что возникшему къ человѣческомъ умѣ понятію «лошадь» и въ природѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительная лошадь. Шлейденъ замѣчаетъ по этому поводу: «Ошибочность этого заключенія очевидна уже изъ того, что въ природѣ всякая лошадь должна быть извѣстной масти, «лошадь» же, какъ понятіе, не можетъ имѣть масти, иначе всякая лошадь иной масти была бы исключена изъ этого понятія». Едва ли, однако, мысль, высказываемая Шлейденомъ, вполнѣ вѣрна, едва ли безъ извѣстной степени односторонности можно видѣть въ естественно-историческомъ видѣ только нѣчто аналогичное «универсаліямъ» схоластическаго реализма, едва ли мы не должны скорѣе признать, что Кантъ и другіе упомянутые писатели правы, утверждая, что естественно-историческій видъ не простое отвлеченное понятіе, что въ немъ есть еще присущій ему элементъ и что этотъ-то элементъ имѣетъ объективное существованіе. Слово видъ, въ примѣненіи къ организмамъ, имѣетъ, очевидно, два значенія и отъ неяснаго различенія двойственности этой точки зрѣнія проистекаютъ безконечныя недоразумѣнія и разногласія ученыхъ. Въ одномъ смыслѣ, видъ, очевидно, только отвлеченное понятіе, въ другомъ онъ—реальный фактъ. Мы, очевидно, то противуполагаемъ видъ разновидности, то противуполагаемъ его другимъ видамъ. *Видъ* противуполагаемый разновидности, есть, конечно, отвлеченное понятіе, но *виды*, цѣлый рядъ видовъ, противуполагаемыхъ другъ другу, представляютъ несомнѣнный объективный фактъ, и отъ этого-то объективнаго факта, а не отъ отвлеченнаго понятія, отправлялись первые классификаторы, установившіе ученіе о видѣ.

Соединеніе разновидностей въ видовыя группы, точно также какъ и соединеніе видовъ въ роды, родовъ въ семейства, конечно, достигается путемъ отвлеченія, но положеніе, что виды, изъ которыхъ слагаются колективныя единицы высшаго порядка, въ большемъ числѣ случаевъ не связаны въ одно непрерывное цѣлое, а представляютъ между собою отдѣльныя звенья разорванной цѣпи, есть простое заявленіе наблюденнаго факта и никимъ образомъ не вытекаетъ изъ психологическаго процесса образованія отвлеченныхъ понятій. Шлейденъ правъ, говоря, что «лошадь», вообще, не существуетъ иначе, какъ въ нашемъ представленіи, потому что отвлеченная лошадь не имѣетъ масти. Это вѣрно по отношенію къ варіаціи въ предѣлахъ этого понятія. Но отвлеченность общаго понятія «лошадь» по отношенію къ обнимаемыхъ имъ конкретнымъ частнымъ случаямъ не уничтожаетъ реальности того факта, что лошадь, какъ группа сходныхъ

существъ, т.-е. всѣ лошади, рѣзко отличается отъ другихъ группъ сплошныхъ между собою существъ, каковы оселъ, зебра, квагга и т. д. Эти грани, эти разорванныя звенья органической цѣпи не внесены человѣкомъ въ природу, а навязаны ему самою природой. Этотъ реальный фактъ требуетъ реальнаго же объясненія.

Мы могли доказать существованіе измѣнчивости, вполнѣ достаточной для объясненія возникновенія новыхъ видовъ, мы видѣли, что многіе виды мы застаемъ какъ бы въ процессѣ созиданія, но почему же большая часть видовъ, достигшихъ полнаго развитія, не сохраняетъ между собою непосредственной связи? Что эта связь могла существовать и исчезнуть, конечно, вполнѣ естественно; палеонтологія свидѣтельствуетъ, какъ много исчезло съ лица земли органическихъ формъ. Но вопросъ въ томъ, почему этотъ процессъ исчезновенія шелъ такимъ путемъ, что выхватывалъ не цѣлыя сплошныя группы существъ, оставляя нетронутыми другія, такія же сплошныя группы, а вырывалъ изъ рядовъ, прорѣжая ихъ, сохраняя только общую картину цѣпи или сѣти, но порывая вездѣ непосредственныя связи? Никто изъ предшественниковъ Дарвина не только не далъ отвѣта на этотъ вопросъ, но даже и не пытался искать его. Правда, Ламаркъ, какъ мы видѣли, сознавалъ всю важность этого на каждомъ шагу бросающагося въ глаза факта, но безъ успѣха пытался скорѣе отдѣлаться отъ него, чѣмъ объяснить его предположеніемъ, что эта разрозненность органическихъ формъ, безъ которой невозможна была бы ихъ *естественная* классификація, происходитъ отъ счастливой случайности, благодаря которой многочисленныя формы остались намъ неизвѣстными. Но понятно, что это не объясненіе. Фактъ этотъ можно было бы почесть объясненнымъ только тогда, когда удалось бы понять его необходимость, вывести его какъ неизбѣжный результатъ извѣстныхъ намъ естественныхъ факторовъ, и Дарвинъ, какъ увидимъ, вполнѣ успѣлъ въ этомъ. Это громадное преимущество его теоріи передъ всѣми однородными попытками обыкновенно не достаточно цѣнится, но самъ Дарвинъ, какъ увидимъ, придавалъ ему особенное значеніе.

И такъ, на вопросъ, поставленный нами въ заголовкѣ: естественно-историческій видъ—отвлеченное понятіе или реальный фактъ?—мы должны отвѣтить двояко, соотвѣтственно двоякому смыслу, который, очевидно, связанъ съ этимъ словомъ. *Вида*, какъ категоріи, строго опредѣленной, всегда себѣ равной и неизмѣнной, въ природѣ *не существуетъ*; утверждать обратное значило бы дѣйствительно повторять старую ошибку схоластиковъ-«реалистовъ». Но рядомъ съ этимъ, и совершенно независимо отъ этого вывода, мы должны признать, что *виды—въ наблюдаемый нами моментъ—имѣютъ реальное существованіе* и это—фактъ, ожидающій объясненія.

Такимъ образомъ, задача натуралиста въ этомъ сложномъ вопросѣ сказывается двоякою: требуется опровергнуть то, что было невѣрно въ ходячемъ представленіи о видѣ, и найти объясненіе для того, что въ немъ дѣй-

ствительно согласно съ природой. Какъ выполнилъ Дарвинъ первую половину задачи, мы уже знаемъ,— намъ предстоитъ узнать, какъ разрѣшилъ онъ и вторую.

Мы наблюдаемъ въ современной природѣ слѣды двухъ процессовъ: одного основного—процесса измѣненія и образованія новыхъ органическихъ формъ, связующаго ихъ воедино, и другаго—вторичнаго, порывающаго эту связь, вызывающаго разчлененіе органическаго міра на обособленныя группы формъ. Эти процессы могли бы быть, конечно, совершенно независимы одинъ отъ другого, т.-е. быть вызваны различными причинами, но Дарвинъ открылъ въ природѣ такой именно историческій процессъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ котораго являются обѣ эти коренныя черты наблюдаемаго нами строя органическаго міра.

Устранивъ все, что такъ долго мѣшало допустить существованіе историческаго процесса измѣненія органическихъ формъ, переходимъ, наконецъ, къ его изученію.

К. Тимирязевъ.

Церковь и государство въ Женевѣ XVI вѣка въ эпоху кальвинизма *).

Выступая съ книгой, посвященной исторіи политическихъ и церковныхъ теорій эпохи реформаціи въ связи съ развитіемъ одновременныхъ политическихъ и церковныхъ формъ, я постараюсь въ немногихъ словахъ объяснить, какъ понималъ я свою задачу, какихъ пріемовъ держался въ своемъ изслѣдованіи и къ какимъ главнымъ выводамъ я пришелъ.

Существующія работы въ области исторіи политическихъ идей отличаются по большей части односторонним характеромъ: въ нихъ обыкновенно изученіе ограничивается главными представителями или родоначальниками оригинальныхъ теорій, причемъ остаются въ пренебреженіи промежуточныя и подготовительныя эпохи, а, съ другой стороны, теоріи часто отрываются отъ почвы, на которой онѣ развивались, отъ условій, которыя ихъ опредѣляли, какъ будто бы движеніе теоріи совершалось въ умственной средѣ, отвлеченной отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью. При такой постановкѣ изученія изслѣдователь естественно склоненъ разсматривать политическія идеи не столько какъ продуктъ настроенія, потребностей извѣстнаго общества, сколько какъ созидающій или разлагающій факторъ, цѣликомъ опредѣлившій новыя формы жизни. Какъ ни законенъ самъ по себѣ вопросъ о вліяніи идей въ качествѣ дѣятельнаго фактора, но разъ остается неизвѣстной воспринимающая среда или разъ она предполагается только въ видѣ организуемаго матеріала, никогда нельзя опредѣлить ни дѣйствительной силы извѣстнаго направленія политической мысли, ни причинъ его видоизмѣненія.

Этими соображеніями руководился я въ выборѣ темы своей работы и въ обработкѣ ея. Кальвинъ и кальвинизмъ XVI в., какъ и вообще реформація въ теченіе перваго своего столѣтія, не выдвинули оригинальныхъ политическихъ принциповъ. Крупные новаторы въ области политическихъ теорій стоятъ раньше или позже этой эпохи: Марсилій Падуанскій, Макіавель, съ одной стороны, съ другой—Бодэнъ, Альтгузій, Гуго Гроцій и

*) Вступительная рѣчь передъ диспутомъ въ Московскомъ университетѣ

тонъ. Ни идея народовластія, ни теорія договора и вытекающихъ изъ него конституціонныхъ ограниченій, ни ученіе о раздѣленіи церкви и государства, которыя ложатся въ основу новыхъ государственно-правовыхъ системъ съ XVII в., не возникли въ XVI в., а относятся къ временамъ болѣе раннимъ, предшествующимъ реформаціи. Въ своихъ оффиціальныхъ, такъ сказать, положеніяхъ кальвинизмъ вначалѣ даже отступаетъ отъ болѣе радикальныхъ политическихъ принциповъ, выставлявшихся ранѣе. Но настойчивость его церковной программы, въ связи съ условіями борьбы, выработала въ немъ такую послѣдовательность сопротивленія, его политическая боевая организація, копируя церковную, настолько проникласъ началами самоуправленія, общественнаго контроля, представительства интересовъ, что эта практическая традиція, производившая сильное впечатлѣніе на общество, послужила несомнѣнною и крѣпкою основой для послѣдующихъ теорій. Поэтому ученіе и организація кальвинизма XVI в., достигающія своего наиболѣе яркаго выраженія въ школѣ такъ называемыхъ «монархомаховъ», т.-е. борцовъ противъ монархіи въ эпоху религіозныхъ войнъ во Франціи, является важною подготовительною ступенью къ демократическимъ, конституціоннымъ, федеративнымъ теоріямъ и практическимъ попыткамъ XVII и XVIII вв.

Изучить эту промежуточную пору, когда политическая жизнь и мысль изъ круга господства церковнаго абсолютизма переходитъ въ рамки политическаго абсолютизма, изучить характеръ и развитіе того элемента, который представлялъ собою въ значительной мѣрѣ продолженіе средневѣковыхъ церковныхъ тенденцій, но, вслѣдствіе столкновенія съ притязаніями ростущей свѣтской власти, сталъ однимъ изъ важныхъ рычаговъ освободительнаго движенія, выдвинувши постепенно права личности и права народа,—вотъ общая цѣль, какую я себѣ ставилъ.

Въ моей работѣ заключается первая, такъ сказать, большая глава, разсматривающая кальвинизмъ XVI вѣка въ Женевѣ, кальвинизмъ на его первоначальной почвѣ, сравнительно очень узкой, но получающей огромное значеніе въ виду той пропаганды, которая направлялась отсюда, въ виду образцоваго характера, который пріобрѣла женевская община. Здѣсь уже дебатируются и рѣшаются важные церковно-политическіе вопросы, хотя имъ и не всегда придается широкій принципіальный характеръ.

При изученіи женевскаго кальвинизма выдвигается вопросъ объ отношеніи церкви и государства, какъ наиболѣе существенный. Это заставляетъ съ особеннымъ вниманіемъ отнестись къ теоріи церкви Кальвина и къ церковной организаціи въ Женевѣ. Съ другой стороны, въ Женевѣ интересно наблюдать первые политическіе шаги кальвинизма, его отношеніе къ различнымъ формамъ и пріемамъ свѣтской политики. Въ результатѣ изученія для меня опредѣлились ясно два основные факта: 1) что кальвинизмъ не былъ церковною и политическою системой, принесенною въ Женеву въ законченномъ видѣ извнѣ, что онъ началъ опредѣленно формироваться именно на женевской почвѣ подъ вліяніемъ какъ благопріятныхъ,

такъ и враждебныхъ условій; 2) что воздѣйствіе его на церковные и политическіе порядки Женевы не было безусловнымъ, поглощающимъ.

Эти слишкомъ общіе выводы я намѣренъ иллюстрировать рядомъ болѣе детальныхъ замѣчаній.

Въ мнѣніяхъ о личности Кальвина никогда не было значительныхъ разногласій, и характеръ этотъ, крупный, но не сложный, былъ рано разгаданъ и опредѣленъ. Но впечатлѣніе, получающееся отъ этой простоты и цѣльности личнаго характера, вліяло сильно на представленія о характерѣ воззрѣній, программы Кальвина. Его ученіе, введенную подъ его вліяніемъ организацію представляли обыкновенно какъ нѣчто сразу очень рано и очень опредѣленно вылившееся, проникнутое одною господствующею идеей, неумолимо-логично развитою, какъ систему, проводимую безъ уступокъ и измѣненій. Изученіе ранней біографіи Кальвина, изученіе исторіи его произведеній, особенно главнаго изъ нихъ—*Наставленія въ христіанской вѣрѣ*, привело меня къ другимъ выводамъ. Идеи Кальвина прошли интересное и крупное развитіе. До пріѣзда въ Женеву въ 1536 г., т.-е. до 28 года своей жизни, Кальвинъ, отдаваясь вполнѣ карьерѣ и мечтамъ ученаго, при всемъ отрицательномъ отношеніи къ католичеству, не имѣлъ вовсе церковной программы. Въ первомъ изданіи его *Institutionis religionis christianae*, вышедшемъ въ 1536 г., совершенно отсутствуетъ представленіе о томъ, какъ должно устроить очищенную или оторванную отъ заблужденій церковь. Одна основная мысль, однако, выражена здѣсь крайне опредѣленно, и въ ней уже намѣчается противуположность романской и германской реформаціи: протестантизмъ французскій, не имѣя никакой опоры въ политическихъ элементахъ страны, съ самаго начала—и устами Кальвина особенно отчетливо—провелъ черту, отдѣляющую церковь отъ государства, и, въ то же время, поднялъ высоко притязанія церкви: послѣднее выразилось въ требованіи церковнаго отлученія и въ понятіи, что проповѣднику слова Божія подобаетъ «безбоязненно дерзать на все, заставлять всѣхъ сильныхъ, гордыхъ и славныхъ міра сего преклониться предъ величіемъ Божіимъ, громить и метать молніи на мятежниковъ». Въ работѣ Кальвина не было практическихъ указаній, но ясно чувствовалось, что новая церковь намѣрена вступить въ наслѣдіе старой, что она претендуетъ и на самостоятельность въ извѣстной сферѣ, и на общее руководительство во всей жизни.

Уже въ слѣдующемъ году Кальвину пришлось отъ кабинетныхъ занятій перейти къ трудному дѣлу устроенія новой церкви въ едва сложившейся женевской республикѣ. Условія казались благопріятны: женевскій магистратъ обнаруживалъ необыкновенную ревность въ дѣлѣ изгнанія остатковъ католичества; горячо принялся онъ за реформу нравовъ по образцу швейцарскихъ общинъ, организованныхъ цвингліанцами, и за постановку новаго религіознаго обученія. Несмотря на это, главныя настоянія проповѣдниковъ, впереди которыхъ шелъ Кальвинъ, были отвергнуты, между ними отлученіе, этотъ знакъ и оружіе властной церкви. Думаю, что мнѣ

удалось показать въ моей книгѣ, что не реакціонная партія свергла Кальвина и Фареля,—проповѣдники разошлись вообще съ магистратомъ и большинствомъ населенія, разошлись со свѣтскою точкой зрѣнія, въ силу которой вся полнота прежняго церковнаго авторитета должна была перейти къ государственной власти.

Три года, проведенные въ изгнаніи въ Страсбургѣ и на большихъ религіозныхъ съѣздахъ въ Германіи, сыграли въ развитіи Кальвина рѣшающую роль. Лишь теперь появляются въ кругѣ его идей, въ его программѣ общецерковные планы, появляется космополитическая черта, характеризующая потомъ кальвинизмъ въ сравненіи съ другими церковными типами. Самостоятельная работа въ скромной общинѣ эмигрантовъ въ Страсбургѣ заинтересовала Кальвина въ проведеніи бытовой реформы, реформы нравовъ, требовавшей неотступной, мелочной, будничной заботы. Наконецъ, защита крупныхъ принциповъ на европейской аренѣ реформаціи, работа мысли надъ пережитымъ въ Женевѣ опытомъ, поддерживаемая живою полемикой и перепиской съ «вѣрными», двинули впередъ теорію Кальвина. Къ началу 40-хъ годовъ, къ моменту возвращенія Кальвина въ Женеву, относятся два крупныя явленія: 1) изданіе церковныхъ ордонансовъ 1541 г., выработанныхъ по соглашенію съ магистратомъ, и 2) новая переработка *Наставленія въ христіанской вѣрѣ* 1543 г. Сравнить эти два документа крайне интересно: во второмъ изложенъ окончательно сформировавшійся идеалъ, первое — компромиссъ, опредѣляющій modus vivendi новой церкви съ государствомъ и направляющій церковь постепенно въ чуждое ей русло. Въ силу перваго церковь, вполнѣ самобытная, опирается на демократическую основу, являясь сама учрежденіемъ аристократическимъ: при народномъ контролѣ и съ согласія народа кооптируются проповѣдниками и старѣйшинами ихъ товарищи; въ важныхъ церковныхъ актахъ присутствіе народа обязательно; надъ каждою церковною общиной поднимается съ безусловнымъ авторитетомъ, какъ «сенатъ церкви», церковный судъ, который держитъ въ своихъ рукахъ всю дисциплину нравовъ, распоряжается имуществами, школьнымъ дѣломъ, обличаетъ, налагаетъ отлученіе, удаляетъ изъ церкви и т. д.; сама свѣтская власть, отстраняемая отъ вмѣшательства въ церковную сферу, подпадаетъ критикѣ и внушенію со стороны представителей церкви.

Совершенно иную картину представляетъ актъ соглашенія между магистратомъ и проповѣдниками. Пасторы должны быть назначаемы магистратомъ по рекомендаціи товарищей и лишь представляются народу. О самостоятельности церковнаго суда нѣтъ и рѣчи. Подъ именемъ консисторіи,— н ваніе, котораго избѣгалъ Кальвинъ,—организуется судъ по религіознымъ и н вственнымъ проступкамъ, судъ, на половину состоящій изъ делегатовъ отъ м истрата и подчиненный ему. Одно удается провести Кальвину, но и то б ь формальнаго утвержденія, это—право духовнаго суда налагать отлу- ч е. Внутренняя жизнь церковной общины, хотя и въ меньшей степени, ч ъ въ цвингліанскихъ городахъ, подчиняется вѣдѣнію свѣтской власти.

Консисторія выслѣживаетъ виновныхъ, дѣлаетъ имъ выговоры, но затѣмъ они передаются магистрату, который можетъ пересмотрѣть дѣло; съ нею соперничаетъ представитель судебно-полицейской власти въ городѣ. Но церковь, и независимо отъ прямого давленія со стороны свѣтской власти, сходитъ скоро со своей идеальной высоты. Не будучи въ состояніи сохранить самостоятельную роль церкви въ воспитаніи общины, Кальвинъ и его сподвижники готовы были допустить любые пріемы и средства, чтобы достигнуть, по крайней мѣрѣ, главной цѣли—перевоспитанія общины, ея нравственнаго совершенства, хотя бы эти средства, въ то же время, расширяли компетенцію и авторитетъ магистрата. Подчиняясь условіямъ городского быта, вліянію городскихъ традицій, церковь, въ своемъ стремленіи къ созданію «совершенной общины», спускалась, такъ сказать, на улицу, запутывала себя въ мелочи полицейскаго надзора, принимала несимпатичныя формы доноса, шпіонства, подглядыванія. Безъ конца идутъ жалобы и доклады пасторовъ передъ магистратомъ, крайне раздражающіе населеніе. Въ этомъ порядкѣ нѣтъ ни предполагавшейся нѣкоторыми изслѣдователями теократіи, ни проектированнаго Кальвиномъ раздѣленія, двойственности властей. Государство усвоиваетъ себѣ религіозныя формулы, ставитъ своею высшею задачей прославленіе имени Божія, магистратъ проникается все болѣе религіозною ревностью, но съ его точки зрѣнія пасторы, все-таки, лишь свѣдущіе люди, полезные совѣтчики, подчиненные органы. Однако, женевская церковь не опускается до роли простого орудія магистрата, не стирается въ безличное учрежденіе. У нея есть самостоятельная миссія—пропаганда протестантизма извнѣ, миссія, которая возвышаетъ Женеву, составляя самую основу существованія республики; у нея есть свои кадры, вербуемые независимо отъ магистрата; всѣ члены коллегіи пасторовъ—иностранцы, ея главная опора—масса религіозныхъ эмигрантовъ, особенно изъ Франціи. Вотъ что даетъ пасторамъ возможность, смѣшивая политическую и церковную сферы, громко заявлять свои требованія, выступать въ извѣстныхъ случаяхъ параллельно съ магистратомъ, давать ему настойчивые совѣты и указанія и подвергать правительство публичной критикѣ. Такое соперничество крайне интересно наблюдать, наприм., въ знаменитомъ процессѣ Сервета. Для подсудимаго, разумѣется, оно не имѣло значенія: ему все равно предстояло быть казненнымъ, въ качествѣ ли еретика и отщепенца отъ церкви, какъ хотѣлъ Кальвинъ, или въ качествѣ богохульника и мятежника, какъ требовалъ магистратъ. Но для его судей, для современниковъ, заинтересованныхъ дѣломъ, это былъ вопросъ существенный. Исходъ процесса рѣшалъ многое и для положенія церкви въ Женевѣ; съ нимъ связана была отчасти судьба вопроса объ отлученіи, которое болѣе настойчивые сторонники свѣтской точки зрѣнія хотѣли отнять у церкви.

Позднѣе, когда учрежденія закрѣпились, лагери въ реформаціонной борьбѣ точно отграничились, протесты единичныхъ, неподатливыхъ умовъ замолкли, тенденціи церковныхъ представителей въ Женевѣ приняли болѣе спокойное въ нашихъ глазахъ направленіе. Проникновеніе пасторовъ въ

ную жизнь членовъ общины, постоянное общеніе съ ними посредствомъ обходовъ, визитацій, катехизаціи и т. д. имѣло свою благотворную сторону въ политическомъ отношеніи. Проповѣдники не только узнавали о нуждахъ и жалобахъ населенія, о различныхъ злоупотребленіяхъ со стороны властныхъ или вліятельныхъ лицъ въ городѣ, о безпорядкахъ въ различныхъ учрежденіяхъ; ихъ положеніе какъ бы обязывало ихъ выступать передъ магистратомъ въ качествѣ ходатаевъ, защитниковъ, обличителей. Ихъ долгомъ стало выражать общественное мнѣніе и настаивать на исправленіи общественныхъ недостатковъ. Передъ нами проходятъ непрерывные ряды подробныхъ, обширныхъ, всесторонне захватывающихъ городскую жизнь представленій со стороны пасторовъ: болѣе всего занимаетъ ихъ постановка суда, его строгость и безпристрастіе; въ ихъ глазахъ, судъ—«лучшій перлъ Женевы». Далѣе пасторы неутомимы въ борьбѣ съ различными проявленіями экономической эксплуатаціи: ростовщическій процентъ, притѣсненіе бѣдныхъ должниковъ, наживательство при продажѣ предметовъ первой необходимости—вотъ главные пункты ихъ нападокъ и жалобъ, причемъ они не различаютъ простыхъ гражданъ и членовъ магистрата. Но протестъ или жалоба не ограничивается одними заявленіями въ стѣнахъ сеньёріи: пасторы всходятъ часто на каѳедры и, по ихъ выраженію, «кричатъ» въ церкви, обличаютъ магистратъ въ небрежности или бичуютъ его злую волю, грозятъ ему гнѣвомъ Божіимъ за допущеніе неправды. Право публичной критики и публичнаго осужденія магистрата въ церкви — не случайность бурныхъ, революціонныхъ моментовъ; оно формально признается за пасторами, хотя и съ извѣстными ограниченіями, которыхъ они, впрочемъ, не принимаютъ.

Любопытная сторона въ дѣятельности церкви, о которой я сейчасъ упомянулъ, заходитъ уже въ сферу чисто-политическихъ отношеній. Вообще говоря, вліяніе на политическую жизнь кальвинизма было весьма своеобразное, но отыскивать *государство Кальвина* въ Женевѣ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, во всякомъ случаѣ, нельзя. Политическій строй Женевы XVI в. опредѣлился до появленія кальвинистской церкви въ новой республикѣ. Городъ, вообще запоздавшій и въ культурномъ развитіи, и въ политическомъ, переживалъ въ концѣ XV и началѣ XVI в. переворотъ, который давно закончился въ ближнихъ швейцарскихъ и нѣмецкихъ городахъ. Буржуазныя семьи, купеческій и ремесленный слой, дружившій со швейцарскими городами, вытѣсняетъ здѣсь старое савойское дворянство, а это затягиваетъ городъ и въ борьбу съ двумя властителями, о равшимися на вытѣсняемый общественный элементъ, съ герцогомъ и е скопомъ. Освободительная партія, республиканцы на швейцарскій ладъ, н то указываетъ и ихъ названіе, Eidguenots отъ Eidgenossen, конфедера- т выходя изъ народной среды, организуютъ демократію во время борь- б но та же самая борьба выдвигаетъ въ ихъ рядахъ группу семей, за- с ленныхъ и вліятельныхъ, которыя укрѣпляются въ магистратѣ. Про- в ціе церковной реформы еще болѣе поднимаетъ авторитетъ едва сложив-

шагося городского правительства. Получается рядъ условій, благопріятныхъ для образованія олигархіи. Правда, долго еще борются между собою фракціи и союзы въ средѣ вліятельнаго слоя, по временамъ оппозиція пускается въ демагогію и поднимаетъ за собою вѣче, отстраняемое въ спокойное время, но основной фактъ надвигается неудержимо. Во второй половинѣ XVI в. въ правительственномъ совѣтѣ сидятъ настоящія династіи, породнившіяся между собою. Созданный для контроля совѣтъ 200 заполняется младшими родственниками или сторонниками правителей; вѣче нисходитъ на степень народнаго учрежденія. Управленіе облекается въ формы тайны, пріобрѣтаетъ авторитарный характеръ.

Какова здѣсь роль Кальвина и другихъ представителей церкви? Въ составленіи двухъ конституціонныхъ кодексовъ Женевы въ XVI вѣкѣ они, правда, принимаютъ участіе, но оно сводится къ редакціонной работѣ. Содѣйствія закрѣпленію олигархическихъ формъ со стороны ихъ мы не видимъ. Наоборотъ, — и это обстоятельство бросилось мнѣ въ глаза при изученіи исторіи Женевы въ XVI вѣкѣ, — пасторы съ самаго начала относились недовѣрчиво къ извѣстнымъ пріемамъ олигархіи, и это недовѣріе съ теченіемъ времени ростетъ, обращается въ попытки парализовать, ослабить безконтрольный характеръ управленія и выдвинуть интересы управляемыхъ. Кальвинъ уже въ началѣ своей дѣятельности въ Женевѣ побудилъ одного изъ своихъ горячихъ сторонниковъ открыть народу на вѣчѣ финансовыя тайны правительства. Другу своему Вире онъ писалъ, что олигархическіе порядки города ему крайне не нравятся. Политическій идеалъ Кальвина подъ конецъ опредѣлился очень ясно: онъ всегда былъ противникомъ абсолютной монархіи и приверженцемъ конституціонныхъ ограниченій, но позднѣе у него прямо выработалось сочувствіе къ республиканской формѣ, къ малымъ государствамъ, далекимъ отъ завоевательныхъ цѣлей, скромнымъ и дѣльнымъ по своей внутренней сущности. Эти общины, по его мнѣнію, наилучше управляются избранными людьми, цвѣтомъ общества, но при условіи публичности, довѣрія къ народу. Aristocratia politiae vicina, по терминологіи Аристотеля, выхваляется имъ, какъ наилучшее устройство; оно было дано евреямъ, когда Богъ хотѣлъ благословить ихъ идеальными формами. Толкованіе Кальвина на книгу Самуила, появившееся въ послѣдніе годы его жизни, — восторженный панегирикъ республикѣ, сопровождаемый рѣзкими нападками на тиранію, лживость и лесть, господствующія при дворахъ, алчность слугъ монархіи и т. п. Глубоко проникнуты такимъ республиканизмомъ и преемники Кальвина. Во внутренней жизни города они выступаютъ сторонниками простоты, возстаютъ противъ чинопочитанія, [illegible] ливости передъ правительственными семьями. Но, что самое гл[illegible], они громко поднимаютъ свой голосъ противъ отстраненія народной м[illegible] невниманія къ ея законнымъ нуждамъ. Въ моменты общественнаго [illegible] вольства или волненій ихъ роль ясна: они поднимаются въ качествѣ [illegible] его рода трибуновъ, какъ они сами выражаются, «лаютъ, какъ [illegible]

вые псы». Они берутъ на себя посредническую роль, высказываютъ жалобы народа, становятся органомъ осужденія правительства, причемъ добросовѣстно соблюдаютъ тайну своихъ довѣрителей и не выдаютъ ихъ магистрату. Ихъ рѣчи во время народнаго движенія, въ началѣ XVII в., полны высокаго сознанія свой роли: они напоминаютъ правителямъ ихъ обязанности передъ народомъ, ссылаются на историческій опытъ, показываютъ, какъ падали зазнавшіяся правительства, отстраняютъ угодливость магистрата, который добивается, чтобы они подѣйствовали на народъ и внушили ему повиновеніе. Любопытное теоретическое оправданіе этой важной роли пасторовъ въ политической жизни отыскивается уже въ ученіи Кальвина: это—принципъ ограниченія высшей власти властями низшими, inferiores или populares magistratus, призванными защищать интересы народа и возвращать забывшихся правителей къ ихъ долгу. Есть и другая аналогія, часто призываемая, аналогія съ ветхозавѣтными пророками. Идеи эти были и у Меланхтона, и у Цвингли; но лишь въ кальвиновской общинѣ онѣ получаютъ практическое осуществленіе. Лишь въ ней пріобрѣтаетъ реальную силу общій принципъ всѣхъ реформаціонныхъ ученій, что выше повиновенія магистрату стоитъ повиновеніе Богу, что во имя требованій совѣсти можетъ быть оказано сопротивленіе властямъ.

Заканчивая на этомъ явленіи свой общій обзоръ, я формулирую лишь общій результатъ, который представился мнѣ при перекрестномъ изученіи теорій, практическихъ формъ и попытокъ, выразившихъ тенденціи церкви и государства. Когда рушилось господство католической церкви, въ устахъ противниковъ лозунгомъ было раздѣленіе двухъ сферъ, политической и духовной. Но границъ, въ сущности, не находили, и фактически обѣ стороны, новое государство и новая церковь, по крайней мѣрѣ, въ ея наиболѣе энергичной формѣ, въ кальвинизмѣ, пытались захватить цѣликомъ оставшееся наслѣдство. Государство было сильнѣе, и церковь, разъ она не желала вполнѣ подчиниться, какъ въ лютеранствѣ, сходила на роль оппозиціи. Въ оппозиціи,—а для Женевы я бы именно такъ отмѣтилъ особенно положеніе преемниковъ Кальвина,—церковь поневолѣ становилась болѣе популярной; она дѣлалась въ политическомъ отношеніи полезнымъ противовѣсомъ всепоглощающей государственной власти, авторитетному правительству, которое въ маленькихъ республикахъ того времени усвоивало тѣ же пріемы, что въ большихъ монархіяхъ. Такимъ образомъ, въ кальвиновской общинѣ передъ нами въ новой формѣ возрождается соперничество властей, которое составляетъ счастливую особенность западной исторіи, содѣйствуя развитію правъ личности.

Р. Виппер.

Романы и повѣсти Элизы Ожешковой *).

V.

Почти въ каждомъ произведеніи Ожешковой выступаетъ черта общественной психологіи — польскій гоноръ, магнатскій, шляхетскій или рабье благоговѣніе «черной кости» передъ панами. Гоноръ этотъ не то, что спѣсь русскаго барича.

Въ практическихъ слѣдахъ того и другого въ жизни много общаго, но букетъ перваго несравненно острѣе и онъ врѣзался въ почву болѣе глубокими и цѣпкими корнями. Это наслѣдіе той поры, когда магнаты вершили судьбы отечества, смѣняли королей, вели переговоры съ Европой. Феодальные идеалы рыцарства, которые въ лучшихъ сторонахъ своихъ несли возвышенную, благородную струю, миновали насъ и мы только объективно можемъ понимать глубокую убѣжденность *падамъ до ногъ* шляхты передъ магнатами и народа, «быдла», передъ шляхтой. Здѣсь меньшая братія повергается ницъ передъ высшей не оттого только, что та держитъ ея жизнь въ своихъ рукахъ, но въ силу присущей всему низшему потребности благоговѣть передъ высшимъ. Такое чувство жило въ сердцахъ преданныхъ и вѣрныхъ дворовыхъ, которые были непоколебимо убѣждены въ томъ, что «бѣлая кость» не то, что «черная». Сосѣдство съ Европой принесло бѣлой кости цивилизацію и между ею и черной создалась глубокая культурная рознь въ то время, когда бояре наши отличались отъ народа только болѣе богатою одеждой, пищей, утварью да начатками грамотности, и то это были исключенія. Культъ панства въѣлся въ нравы; у насъ восточный демократическій обычай присоединять къ имени имя отца, т.-е. отчество, у поляковъ—европейскій, аристократическій: панъ, пани и пр., Историческія условія должны были выработать и соотвѣтствующія психологическія особенности панскаго гонора: съ одной стороны, бо́льшую чуткость къ сословной чести, болѣе или менѣе показную; съ другой—бо́льшую приниженность, которая ведетъ за собой попраніе человѣческой личности. [illegible]ский баричъ, доросшій до идеаловъ Торжица той поры, когда онъ [illegible]ть

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

Кенну, женился бы на дѣвушкѣ изъ народа или казнилъ бы себя за обольщеніе. Обольщенная Розалія, разсказывающая о своей бѣдѣ, и слушающая ее Лукашевичева—обѣ глубоко проникнуты сознаніемъ, что бракъ съ Торжицемъ Розальки невозможенъ, и не считаютъ его за это подлецомъ. Багревичъ, родомъ изъ «быдла»,— характерное слово (такого *спеціальнаго* слова не выработала русская жизнь, несмотря на крѣпостничество),— приходя требовать у мелкаго адвоката, прощалыги и піявицы, отчета за обольщеніе дочери, подавленъ не одною городскою обстановкой, не однимъ законовѣдѣніемъ и связями, но болѣе всего—шляхетствомъ Копровича. Онъ самъ сдѣлалъ худшее: прогналъ съ двумя своими сыновьями любившую его крестьянку Христину, отгонялъ жениховъ ея, пока она была нужна ему. Упрекъ Копровича, сравнившаго дочь его съ Христиной, только на мигъ смущаетъ его совѣсть; его давитъ шляхетство и, сознавая свое безсиліе, онъ комически грозитъ: «Мадзя пріѣдетъ». И вовсе не сознаніе нравственной и физической энергіи подчующей его кулаками Мадзи внушило ему этотъ крикъ; но Мадзя не «быдло» родомъ, она шляхтянка и можетъ считаться съ обольстителемъ за позоръ дочери. Герой *Дикарки*,— человѣкъ, которому доступны идеальные помыслы, понимающій высшія задачи вѣка,— удивляется, слыша, какъ Богурскій, сынъ кормилицы пана Здроіовскаго, вспоминаетъ просто, потому что къ слову пришлось, о томъ, что воспитаніемъ и университетомъ обязанъ пану. Дѣйствительно ли Богурскому пріятны такія воспоминанія, или онъ только ловко притворяется, чтобы никто не могъ подозрѣвать его неудовольствія,— такъ размышляетъ герой о такомъ простомъ фактѣ и дѣлаетъ такой выводъ: «Вѣдь, можно быть демократомъ по убѣжденію, можно быть глубоко убѣжденнымъ въ томъ, что люди равны между собой, и все же мнѣ показалось невѣроятнымъ, чтобы такого рода убѣжденія и разсказы, особенно въ присутствіи незнакомыхъ людей, не были весьма основательною причиной неудовольствія». Ни одинъ человѣкъ, которому доступны высшія задачи вѣка, не придетъ къ такому выводу, если не взросъ въ презрѣніи къ «быдлу».

Проникая во всѣ сословія, этотъ шляхетскій гоноръ коверкаетъ жизнь. Горничная Франка хвалится шляхетскою родней и глубоко унижена замужествомъ съ «хамомъ». Когда мужъ, видя, что любовь, ласковыя убѣжденія, молитва и трудъ не образумили ее, по совѣту уважаемой старухи, оракула мудрости сосѣдства, побилъ ее: она унижена не побоями,— били же ее любовники,— она унижена тѣмъ, что по ея спинѣ гуляли хамскіе кулаки; это послѣдняя капля, переполняющая чашу злобы, и Франка отравляетъ мужа. Въ [illegible]анѣ *Надъ Нѣманомъ* съ теплымъ юморомъ и мѣстами съ печальною пат[illegible]ностью описана старая дѣва Марта, любящая, прямая, горячая, неуто[illegible]чая работница въ семьѣ брата; она и Франка—антиподы нравственнаг[illegible]іра, и, тѣмъ не менѣе, въ обѣихъ общая черта—шляхетскій гоноръ. Въ [illegible], когда паны, кто искренно «носился съ народомъ», зовя его на уча[illegible]въ героической драмѣ ради отчизны, кто подъ красивыми фразам[illegible]ли ему въ комедіи исторіи старую роль кошки, таскающей ка-

штаны изъ горячей золы, Марта полюбила Ансельма Богатыровича, не *хама,* т.-е. не крестьянскаго рода, а захудавшаго шляхетскаго, одно-дворца-землепашца. Она—бѣдная, необразованная дѣвушка, взросшая изъ милости у родныхъ; розни умственной не было. Ансельмъ былъ грамотный, читалъ Мицкевича. Остановилъ ее мужицкій трудъ. Подъ старость, высохшая отъ тоски, она съ ироніей отчаянія говоритъ о томъ, какъ ей за годы тоски, за то, что она никогда ни одного ребенка не называла своимъ, за то, что она стала такою *хомерой,*— за все это ей заплатило сознаніе, что она не унизилась до мужицкаго труда, до брака съ земледѣльцемъ, не сажала, не поливала, коровъ не доила. Когда Юстина, такая же бѣдная родственница, выходитъ замужъ за Яна, племянника Ансельма, то кузенъ ея, Зигмундъ Корчинскій, увлекавшійся ею, женившійся на другой и теперь предлагающій ей «французскій бракъ en trois», убѣжденъ, что она выходитъ замужъ только съ отчаянія, спасая себя отъ паденія, и когда она ему отвѣчаетъ взрывомъ невольнаго и неудержимаго хохота, онъ, какъ высшее оскорбленіе, кидаетъ ей слово «мужичка».

Культъ дворянскаго гонора доходитъ до своеобразнаго героизма. Бѣдная старуха Лапотницкая отдаетъ послѣднія крохи очаровательному негодяю и моту Стасю, не потому только, что Стась цѣлуетъ ея ручки и вноситъ оживленіе въ темный уголъ, гдѣ доживаютъ свой сѣренькій вѣкъ захудалыя шляхтянки, но болѣе всего по принципу. Она говоритъ: «Чернь теперь беретъ верхъ, сударыня, чернь. А намъ приходится сидѣть въ такихъ трущобахъ, да смотрѣть, какъ проходимцы пользуются нашимъ добромъ». Она считаетъ долгомъ спасти Стася отъ «проходимцевъ», поддержать въ лицѣ его родовой гоноръ. Ограбленная Стасемъ, уѣхавшимъ съ ея крохами, она говоритъ дочери: «Мы теперь бѣдны, но Боже сохрани тебя пожаловаться или говорить о немъ дурно. Жаловаться, плакать—неприлично, а говорить о немъ дурно—*грѣхъ*. Каковъ бы онъ ни былъ, онъ *нашъ*, одного съ нами происхожденія. Не дадимъ черни этого удовлетворенія, она не должна видѣть, какъ мы другъ на друга жалуемся». Стоицизмъ чуть не римлянки, приложенный къ дворянскому гонору. Бѣдная старуха наивно вѣритъ, что ея братія оцѣнитъ подвигъ этотъ и за то, что она не захотѣла таскать дворянское имя по судамъ, сложатся и уплатятъ пропавшія за Стасемъ крохи,— и получаетъ когда мелкую ассигнацію, когда мѣшокъ картофеля и муки.

Во имя дворянскаго культа лишаютъ себя радостей матери или губятъ дѣтей. Бездѣтная Житницкая, «золотое сердце», очень живо и симпатично обрисованная хлопотунья, съ ея вспышками и готовностью летѣть на помощь каждой бѣдѣ, взяла на воспитаніе крестьянскаго ребенка; бездѣтность—горе ея жизни. Мужъ говоритъ: «И тебѣ не стыдно, что хамское отродье будетъ называть тебя матерью?» Тогда Житницкая поняла, что ей самой мѣшало сохранить названіе, которое такъ чудно ласкало ея слухъ». Это черта тонкая и глубокая. Для женщины, которая лечила больныхъ, сердце которой было полно любовью, на ребенкѣ изъ «быдла» должно

отверженія. У любящей женщины хватило любви только для своей кости, и натура ребенка, лишенная тепла материнской любви, засохла, и Житницкой пришлось плакаться на его желчныя выходки противъ «благодѣтельницы». Мать «Милорда», жена гончара, талантливаго, искуснаго работника, который дорожилъ унаслѣдованною отъ дѣдовъ честью работника, воспитала сына, какъ барича, «князя»,—она иначе не зоветъ его, какъ мой князь; красавецъ Ромуальдъ долженъ жить въ барскомъ кругу, блистать, взять богатую невѣсту. Эта жизнь для нея идеалъ лучшаго, шляхетство—это ея святыня. Сынъ вышелъ мотомъ, и мы видимъ его на порогѣ нищеты у тѣла матери, умершей ради него отъ голода. И не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что̀ сдѣлаетъ нищета изъ празднаго шалопая.

Есть еще образъ матери, сгубившей сына во имя героическаго дворянскаго культа. Гордая идеалистка, вдова Андрея Корчинскаго, вождя и учителя, вознегодовала бы глубоко, если бы ей сказали, что между нею и вдовою гончара есть общія черты, несмотря на пропасть между міровоззрѣніями обѣихъ. Вдова гончара ставитъ идеаломъ внѣшній блескъ панства, вдова героя понимаетъ лучшую сторону «бѣлой кости»; старшая братія должна быть первою, какъ умственная и нравственная сила, просвѣщающая меньшую. Она роститъ не прожигателя жизни, а достойнаго преемника дѣла, завѣщаннаго отцомъ. И обѣ употребили одинъ и тотъ же пріемъ, прятали подъ стеклянный колпакъ сыновей отъ прикосновенія грубой жизни, и обѣ достигли одинаковаго результата, воспитали пустыхъ, бездушныхъ эгоистовъ. Сознаніе превосходства родовитости такъ крѣпко вѣлось въ гордую и сильную натуру, что даже любовь къ Андрею, памяти которой она осталась вѣрна всю жизнь, не могла вытравить кастовыхъ предразсудковъ. Когда герой ея братался съ народомъ не потому только, что нужны были руки и кровь народа, но искренно, по глубокому убѣжденію, что возрожденіе общества возможно только при братскомъ единеніи черной и бѣлой кости, жена его понимала только роль благодѣтельнаго генія. И она благодѣтельствовала свысока, затаивая глубоко отвращеніе къ черной кости—олицетворенію невѣжества, грубости, низости для нея,—и сына увезла воспитывать за границу, чтобы сохранить его отъ соприкосновенія съ черною костью. У Достоевскаго въ *Мертвомъ домѣ* есть одинъ майоръ, который держался майоромъ и начальникомъ въ отношеніи арестантовъ, въ недобрую минуту давалъ зуботычины и розги; но, не переросшіе поговорку: русскій человѣкъ за тычкомъ не гоняется,—арестанты любили его за то, что онъ попросту бесѣдовалъ съ ними, разспрашивалъ о родныхъ, о житьѣ на родной сторонѣ, и это съ искреннимъ интересомъ, потому что «ему въ самомъ дѣлѣ надо было это знать». Если разбирать психологію майорской души, то розги и зуботычины были результатомъ внѣшнихъ условій всего строя общества. Никакой принципъ бѣлой и черной кости не лежалъ въ основѣ розогъ и зуботычинъ, майору не надо было затаивать никакого отвращенія къ арестантамъ, Майоръ интересовался арестантами въ силу непосредственной и несознанной имъ самимъ симпатіи, братавшей его съ

ними. И арестанты, очень немного выигравшіе отъ такого платоническаго чувства, все-таки, любили майора, потому что сердце сердцу подаетъ вѣсть. Оно было въ майорской душѣ микроскопическимъ самородкомъ золота, скрытымъ подъ толстою корой невѣжества, дикости, служебной формалистики. У идеально-чистой, высокообразованной пани Корчинской не было этой крупинки, которую можно сравнить съ клѣточкой, носящей въ себѣ силу, при благопріятныхъ условіяхъ, развиться въ живой организмъ. Съ той точки, на которой стояла вдова Андрея, народъ былъ для нея сѣрою массой, пригодною лишь на то, чтобы служить пьедесталомъ для геройства избранныхъ. Она могла вязать чулки для бѣдныхъ или, усадивъ у ногъ своихъ на скамеечкѣ дѣвочку, учить ее грамотѣ, но все это только ради принципа noblesse oblige и въ память Андрея, все время сознавая, что она и сынъ ея созданы изъ другой глины. Она много говорила сыну о любви, готовя его къ роли героя, но слова—плохой посѣвъ. И она съ отчаяніемъ говоритъ: «моя вина», когда увидѣла, что Зигмунтъ ея ждетъ только смерти матери, чтобы, продавъ родные Оссовицы, уѣхать увеличить собой толпу праздношатающихся по Европѣ абсентеистовъ.

У гордой пани Корчинской есть еще черта, общая съ женою гончара. Первая способна благодѣтельствовать народу только ради устройства пьедестала для героевъ-пановъ; вторая способна понимать только такое отношеніе бѣлой кости къ черной. Андрей Рембка, сохранившій въ себѣ Божью искру среди измѣны окружавшихъ его, учитъ дѣтей крестьянъ и мѣщанъ. «Ай, ай, баринъ, вы либо святой, либо помѣшанный»,—говоритъ она ему. И такъ какъ она, въ качествѣ вѣрной католички, можетъ признавать только канонизированныхъ святыхъ, то, конечно, она видитъ въ немъ сумасшедшаго. И въ ней говоритъ вовсе не то чувство вѣкового недовѣрія, которое заставляло освобожденныхъ крѣпостныхъ говорить о нашихъ дворянахъ, что они за обученіе грамотѣ и леченье получаютъ отъ царя жалованье или спасаютъ свои души. Слова ея вызваны непоколебимымъ убѣжденіемъ въ существованіи глубокой пропасти между панами и «быломъ», въ невозможности того, чтобы она заполнилась и первые и вторые протянули другъ другу братски руки.

VI.

Безпринципность — вотъ язва общественная, которая раскрывается въ созданіяхъ Элизы Ожешковой и наиболѣе рѣзкая форма ея—абсентеизмъ. Шляхтичъ Коссовичъ, который такъ комически говоритъ всею фигурою своей: «Смотрите, язва женъ, я серьезенъ!»—самый дюжинный типъ абсентеиста, наживающаго деньги и преуспѣвающаго въ чинахъ; болѣе блестящій въ той же повѣсти *Новички* панъ Поменѣцкій, *онъ*, какъ его называютъ въ сосѣдствѣ, когда онъ наѣзжаетъ собирать доходы съ родовыхъ имѣній. Онъ, какъ природный панъ, гордо отказался отъ графскаго титула, который ему предлагали при германскомъ дворѣ. Пани Цецилія [illegible]

дающаяся жизнью въ центрахъ цивилизаціи за границей и возящая за собой то интереснаго германскаго князя, то какого-то красавца неопредѣленной національности, наѣзжая на родину за деньгами, такъ поучаетъ дочь: «Римъ — родина нашихъ душъ, но это не мѣшаетъ, однако, что мы должны радоваться тому, что дышимъ роднымъ воздухомъ, видимъ это небо, эту землю, эти деревья, этотъ вѣтеръ». Искуственностью и дѣланностью дышетъ это поученіе о патріотизмѣ и естественно вызываетъ у умной дѣвушки отвѣтъ: «Сомнѣваюсь, не понимаю, не чувствую». И мать для поученія даетъ ей урокъ изъ польской исторіи, т.-е. дѣлаетъ перекличку именъ королей и хронологическихъ цифръ. Та же пани Цецилія отказывается года три получать менѣе доходовъ при вѣрномъ разсчетѣ послѣ увеличить свои доходы, по-дамски не понимая дѣла, а патріотизмъ ея не могъ пойти на расходъ нѣсколькихъ тысячъ для улучшенія почвы родной земли. Этотъ отказъ послѣ сантиментальнаго поученія о радости дышать роднымъ воздухомъ—черта тонкая и много освѣщающая жизнь. Пани Цецилія съ подругами своими сожалѣетъ о несчастіи *его*, графа Поменѣцкаго, въ первомъ бракѣ. Жена оставила его, не поѣхала за нимъ къ германскому двору, была не способна поддержать то положеніе, какое онъ занималъ въ свѣтѣ, и это потому, что «у нея были *принципы*». О, конечно, принципы такая вещь, которую надо уважать, рѣшаютъ очаровательныя поклонницы пана, но не доводить до такихъ крайностей, жить въ деревнѣ и разстаться съ мужемъ въ ту минуту, когда его сдѣлали камергеромъ, и прелестныя дамы произносятъ такой приговоръ: «C'était une idiote».

Въ нихъ вытравлено то растительное чувство любви къ родной сторонѣ, которое такъ сильно въ *Хамѣ*, которое подъ вліяніемъ Андрея Корчинскаго выросло въ крѣпкую любовь къ отчизнѣ въ Ансельмѣ Богатыровичѣ; но онѣ знаютъ, что такъ принято любить отчизну. Вдова Андрея Корчинскаго несомнѣнно женщина съ принципами. Въ ней сильна и растительная связь, приковывающая человѣка къ родной почвѣ; какою страстною поэзіей дышетъ ея негодующая отповѣдь сыну, когда тотъ говоритъ, что онъ не видитъ красоты, которая бы могла вдохновить его талантъ живописца! Она глубоко проникнута героическимъ патріотизмомъ и была достойною женой Андрея Корчинскаго; но то широкое чувство, которое обнимаетъ родной народъ, которое одно ручается за лучшія судьбы человѣчества, было ей чуждо. А его именно требуютъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ задачи вѣка, и оттого она могла воспитать только жалкаго фразера и эгоиста. Живая связь съ родною страной въ томъ, что тамъ только человѣкъ имѣетъ наибольшую возможность дѣйствовать и творить, потому что родной народъ—поле, на которомъ жатвы много, а дѣлателей мало. Этой связи не могла дать вдова Андрея Корчинскаго сыну, она могла только словами ростить его для своей честолюбивой мечты быть матерью героя.

Замѣчательно тонко и вѣрно проведена сцена объясненія между матерью и сыномъ; сцена длинна, но въ ней затронуто такъ много сто-

ронъ, открывающихъ несчастной матери полную несостоятельность ея сына. Приведемъ нѣкоторые отрывки. Зигмунтъ, захандрившій послѣ отказа Юстины, проситъ мать продать Оссовицы и поселиться за-границей. «Я не могу остаться привязаннымъ къ этому клочку земли... амбары, коровы, que suis-je». Мать говоритъ ему о борьбѣ, о горѣ, страданіи.—«Мы всѣ несчастливы».—«Но надѣюсь, вы не желаете, чтобы я-то увеличилъ число несчастныхъ?» Пани Корчинская съ едва замѣтною дрожью въ голосѣ отвѣчала: «Нѣтъ на свѣтѣ матери, которая пожелала бы несчастья родному ребенку. Но я для тебя, при выборѣ между пошлымъ счастьемъ и возвышеннымъ несчастьемъ, пожелала бы послѣдняго. Ты родился здѣсь, здѣсь и твои обязанности, здѣсь ты долженъ жить».—«Почему?»—Пани Корчинская подняла на него свои глубокіе глаза.—«Потому, чтобы твоя меланхолія осталась при тебѣ»... (Она идеализировала хандру праздпаго эгоиста, вызванную неудавшеюся любовною интригой).—«Но, вѣдь, это глуп... pardon, крайній идеализмъ. Вы обрекаете меня на вѣчную тоску. Вы приростаете къ одному мѣсту, какъ грибъ, потому что и другіе грибы должны расти на немъ»,—она прямо взглянула ему въ глаза и спросила:—«А ты, Зигмунтъ, не идеалистъ?» Ее мучитъ сомнѣніе, не испортила ли она жизнь сына, помѣшавъ его браку съ Юстиной,—любовь подняла бы его до героизма, — и убѣждается, что любить онъ не способенъ. Юстина для него теперь холодное созданіе, пропитанное предразсудками; онъ теперь замѣтилъ, какія у нея красныя руки. И мать поняла, что онъ любить не способенъ, что у него холодное сердце, и ее, какъ женщину, ударъ этотъ билъ больнѣе. Она кается, что не установила связи между сыномъ и родною землей и народомъ. Напоминаетъ объ отцѣ, «который умѣлъ жить съ нимъ, поднимать, утѣшать, просвѣщать». Вдругъ она смолкла. Въ сумракѣ, который уже начиналъ наполнять комнату, она услышала насмѣшливый и презрительный голосъ, который произнесъ только одно слово: «Соки». Зигмунтъ излагаетъ матери свое міровоззрѣніе. Онъ говоритъ тѣмъ тономъ лѣгковѣсной иронiи, какой принимаютъ всѣ пошляки, когда имъ напоминаютъ объ идеалѣ и долгѣ служить ему, и еще съ тѣмъ особеннымъ оттѣнкомъ, который является, когда о томъ напоминаетъ женщина. Возмутительную безчеловѣчность такого тона по отношенію къ матери художникъ смягчаетъ, упомянувъ, что въ сумеркахъ сынъ не могъ разглядѣть лицо матери: «Соки земли, страданія народа и т. п. Я никогда не хотѣлъ говорить съ вами объ этомъ, чтобы не огорчать и не сердить васъ. Я вообще уважаю чужія чувства и убѣжденія, въ особенности безкорыстныя, какъ ваши, но теперь замѣчаю, что этотъ предметъ требуетъ обсужденія. Мнѣ очень грустно, j'en suis desolé, но я этихъ чувствъ и убѣжд[illegible] не раздѣляю. Только сумасшедшіе и абсолютные идеалисты до посл[illegible] ихъ силъ защищаютъ абсолютно проигранныя дѣла. И я также идеалис[illegible] но умѣю трезво смотрѣть, и у меня нѣтъ никакихъ иллюзій. И такъ в[illegible] у меня нѣтъ никакихъ иллюзій, то мнѣ вовсе не хочется принести [illegible] въ жертву на алтарѣ несуществующаго божества. Простите, если я [illegible] ни-

будь оскорбилъ ваши чувства; я понимаю очень хорошо, что люди стараго поколѣнія могутъ оставаться подъ вліяніемъ старыхъ традицій, воспоминаній etc. Мы же, расплачивающіеся за чужія иллюзіи, своихъ не имѣемъ. Когда банкъ сорванъ, я иду играть къ другому столу, а этимъ другимъ столомъ служитъ для насъ общечеловѣческая цивилизація. Я, по крайней мѣрѣ, считаю себя за сына этой цивилизаціи, сжился съ нею. Нѣтъ ничего удивительнаго, что я не могу жить безъ нея и что здѣшніе соки только питаютъ мое грѣшное тѣло (что, между прочимъ, приводитъ меня въ ужасъ), но духовнымъ потребностямъ моимъ удовлетворить не могутъ». И въ заключеніе онъ наноситъ матери послѣдній ударъ: «Мой отецъ былъ безуменъ. Да, мама, простите меня, я имѣю право сказать это, лишенный возможности занять мѣсто, принадлежащее мнѣ по праву, я, носившій въ чужихъ странахъ на своемъ лбу пятно позора. Я чуть не нищій, благодаря тому, что мой отецъ и подобные ему...» Мать, собирая послѣднія силы, крикнула ему: «Уйди, уйди!» И онъ заканчиваетъ: «Уйду, уйду! Я вижу, что съ вами о такихъ вещахъ разговаривать невозможно. Могилы! Проклятія! Трагедіи! Что тутъ только творится, что говорится? И за что, зачѣмъ, почему? Если это разсказать, никто не повѣритъ».

За Зигмунтомъ тянется вереница абсентеистовъ разныхъ пошибовъ: панъ Ружицъ, промотавшій милліонъ и здоровье и возбуждающій удивленіе сантиментальныхъ барынь промотаннымъ милліономъ и морфинизмомъ, какъ признакомъ поэтической натуры, съ его девизомъ tout passe, tout lasse, панъ Дажецкій, мѣтко обрисованный нѣсколькими штрихами, и свѣтская молодежь, которая думаютъ только о томъ, какъ бы выбрать побольше злотыхъ изъ соковъ земли на удовлетвореніе «высшихъ потребностей» культурныхъ людей. Имъ смѣшна горячая рѣчь Витольда Корчинскаго: «Вы всѣ, господа, должны отдать свои силы народу и землѣ». Все это люди покончепные и, въ то же время, живые люди. Гражданская скорбь и негодованіе автора не увлекаютъ до забвенія мѣры, до черезъ-чуръ темныхъ красокъ. Ружицъ въ иномъ симпатиченъ, какъ человѣкъ; онъ глубоко привязанъ къ кузинѣ, пани Кирло, образцовой матери, которую безпутство мужа заставило взяться за хозяйство и биться какъ рыба объ ледъ, поднимая дѣтей.

Герой послѣдняго произведенія Элизы Оржешковой *Дикарка*, Здиславъ Грановскій, тоже человѣкъ покончепный, но онъ образецъ типа, который повыше Ружица и Зигмунта. Онъ не говоритъ: идеалы—безуміе, онъ преклоняется передъ ними, но силъ нѣтъ жить для нихъ у избалованнаго барича съ нервами, развинченными до того, что гримаса носа лакея приводитъ его въ дурное расположеніе духа и онъ за нее готовъ прогнать вѣрнаго слу у. Повѣсть, несмотря на нѣкоторыя длинноты и повторенія мелочныхъ чер ъ, вещь замѣчательная по анализу той полосы общественнаго настроенія которое назвали прострацiей. Разсказъ ведется отъ лица героя, и это исп Ьдь тѣхъ людей, которые, по пословицѣ: ни Богу свѣчка, ни чорту коч га,—для художника всего труднѣе обрисовка такихъ безличныхъ фи-

зіономій, которыя выработались въ пору восьмидесятыхъ годовъ. Грановскій, какъ и Зигмунтъ, диллетантъ и два года переводитъ байроновскаго Каина; онъ не скажетъ, какъ Зигмунтъ: мой отецъ былъ безумецъ. Здиславъ понимаетъ идеалы здороваго народничества, жрицей котораго служитъ Северина. Онъ повторяетъ строки байроновскаго Каина, который на вопросъ ангела: хочешь сдѣлаться на меня похожимъ?—отвѣчаетъ: «Вижу могущество твое, вижу твою красу, но ты приказываешь мнѣ нѣчто превосходящее мои силы, но не превосходящее мои понятія». Здиславъ въ слѣдующихъ строкахъ исповѣдуетъ общественныя чувства молодежи своей полосы: «Мы бы желали, конечно, чтобы погода была свѣтлѣе, мы даже охотно согласились бы, ради исправленія ея, понести тяжелую, да, пожалуй, и геройскую жертву, если бы нашъ энтузіазмъ былъ возбужденъ чѣмъ-нибудь въ этомъ направленіи... Не позволю себѣ и никому сомнѣваться въ томъ, что мы обладали унаслѣдованною кровью предковъ, способностью на героическія жертвы энтузіазму». Это поколѣніе «большихъ знатоковъ китайскихъ и японскихъ бездѣлушекъ, флирта, кокотокъ, стараго фарфора, спорта, винъ, желчныхъ камней и катарровъ всякаго рода fin du siècle, нигилизма и теоріи всеобщаго уничтоженія человѣчества». Въ пароксизмѣ скуки, связанной съ скернымъ чувствомъ похмѣлья, они помечтаютъ о дѣлѣ, напримѣръ, основаніи газеты, художественнаго музея, но на этомъ и испарится все, что есть въ нихъ здоровыхъ поползновеній. Всѣ они похожи другъ на друга, несмотря на различную наружность, всѣ они представители порядочной молодежи, цвѣта общества. У нихъ много общаго съ бариномъ, котораго рисуетъ г. Чеховъ въ *Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка*, они въ извѣстной степени тоже «азіаты, которые цѣлый день курятъ кальянъ». Утонченность европейской цивилизаціи для нихъ гашишъ, они съ ироніей относятся ко всему и, какъ этотъ баринъ, хорошо понимаютъ, что принадлежатъ къ поколѣнію, «вступившему въ жизнь въ тяжелый день».

Жизнь, въ лицѣ «дикарки» Северины, предъявила запросъ, для удовлетворенія котораго имъ надо переродиться, а Здиславъ говоритъ: «Намъ и въ голову не приходило, чтобъ обстоятельства и тяжелый день, и чувство жалости могли такъ или иначе воздѣйствовать на личныя наши дѣла, чтобъ они возлагали на насъ обязанности какой бы то ни было внутренней переработки. Если бы кто сказалъ намъ, что мы обязаны быть другими, то мы бы искренно разсмѣялись».

Герой не Гамлетъ, онъ не колеблется между двумя правдами, отживающей и рождающейся; онъ не стоитъ ни на какомъ распутіи и не знаетъ болевого процесса борьбы, въ которой выростаетъ личность. Онъ только способенъ понимать всю прелесть, все величіе идеала и смиренно сознавать свою неспособность. Въ немъ та двойственность сознанія, которая есть одинъ изъ признаковъ вырожденія и которая пробудилась при встрѣчѣ съ Севериной, точно живутъ въ душѣ его два человѣка, изъ которыхъ одинъ говоритъ и дѣйствуетъ по привычкѣ культа условности, замѣчаетъ каждое нарушеніе свѣтскихъ приличій Севериною, охлаждается, ко[illegible]на

кажется ему неизящной; другой, который со стыдомъ слышитъ ея слова о томъ, что жизнь не мыслима безъ великой цѣли, на негодующій укоръ ея искренно говоритъ: mea culpa, mea maxima culpa. Но это только красивый порывъ, ни къ чему не обязывающій. Когда Северина уѣзжаетъ, чтобы порвать начинающуюся любовь, отъ которой она счастья не ждетъ, потому что вполнѣ оцѣнила его, онъ ѣдетъ за ней, очень хорошо сознавая, что еслибъ онъ никогда не увидалъ ее, то не покончилъ бы съ собой. Въ жизни его не было чувства сильнѣе этой любви, никакія высшія цѣли, ни обязанности не привязывали его къ жизни; просто его дряблая душонка не способна была испытать ту страшную глубину чувства, тѣ нестерпимыя муки, которыя и людей, живущихъ для такихъ цѣлей и несущихъ такія обязанности, толкаютъ на этотъ роковой мигъ, отъ котораго ихъ удержитъ только одна ихъ завѣтная святыня.

Характерно объясненіе между Здиславомъ и Севериной, которое заставило Северину уѣхать. Когда она говоритъ о томъ, что̀ есть суть ея душевнаго міра, онъ съ дешевенькою ироніей пошляковъ, которою они вымещаютъ свое раздраженіе, когда имъ говорятъ объ идеямъ, перечисляетъ: «Обязанности, трудъ, добродѣтель, самопожертвованіе». «Если вамъ все это извѣстно, то почему вы все это отвергаете?—спрашиваетъ Северина.—«Потому,—отвѣчаетъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, которому старается придать оттѣнокъ равнодушія,—просто-на-просто потому, parceque cela me déplait». Все въ жизни сводится у него къ этому—нравится и не нравится. Въ деревнѣ Северины рознь сказывается еще рѣзче. На настроеніе героя вліяетъ каждая мелочь: безсонная ночь отъ снѣжной бури, вой волковъ, старинная мебель съ прямыми спинками, не располагающая къ любовнымъ признаніямъ, какъ будуарные козетки и пуфы, на которыхъ сильфидамъ удобно принимать граціозныя позы, а поклонникамъ сидѣть у ногъ ихъ. Каждая мелочь дѣйствуетъ на его чувство, которое сильно для такой дряблой натуры, но само по себѣ мелко, потому что, разгораясь при каждомъ фактѣ, доказывающемъ душевную прелесть Соверины, при видѣ каждой незамѣченной еще имъ черты ея красоты, оно тускнетъ и отъ мелочей обстановки, и отъ мелочей, которыми Северина такъ рѣзко отличается отъ сильфидъ.

Въ деревнѣ рознь обостряется. Онъ хочетъ «пробудить спящую королеву», т.-е. посвятить ее во всѣ прелести свѣтской жизни, гдѣ ее съ ея красотой, богатствомъ и замѣчательнымъ талантомъ пѣнія ждетъ блестящая роль царицы среди сильфидъ, и приступаетъ къ дѣлу по всѣмъ правиламъ флирта. Она со слезами говоритъ: «Мы никогда не поймемъ другъ друга». Она ясно видитъ и рознь между ними. Ему надоѣдаютъ разсказы старика, дѣда ея, наполеоновскаго солдата, съ его культомъ Франціи и идей свободы, которыя разнесли по Европѣ наполеоновскія войска. Для Здислава, у котораго есть идейная связь съ прошлымъ, которое олицетворялось въ Адамѣ, дѣдѣ Северины, старческіе разсказы не показались бы такъ [illegible]чными, тѣмъ болѣе для молодого; молодежь—рекруты идеи—всегда

съ удовольствіемъ слушаютъ ветерановъ. Пѣніе рабочихъ раздражаетъ его нервы. Обычай работниковъ усадьбы собираться по вечерамъ для бесѣдъ и чтеній кажется ему страннымъ. Северина объясняетъ:

«Въ этомъ обычаѣ много хорошаго, его можно эксплуатировать съ цѣлью взаимнаго знакомства, возможности дѣлиться съ ними тѣмъ, что сама знаю. Это не Богъ вѣсть что, но капля, которая проникаетъ въ море...»—«Общаго счастья, не правда ли?—сказалъ я, изумленный до полнаго непониманія». Онъ предлагаетъ ей отдать все ея состояніе на ея цѣли и ѣхать съ нимъ въ городъ на жизнь сильфидъ и слышитъ, что она не можетъ жить другою жизнью. Дѣвушкѣ, дышащей живою вѣрой, великою любовью, онъ не могъ принести ничего, кромѣ жалкаго ироническаго признанія: «Я ничтожный, жалкій человѣкъ и не могу пребывать въ возвышенныхъ областяхъ».—«Почему?»—«Почему одна роза красная, а другая бѣлая?» Свою безпринципность онъ сводитъ къ какому-то роковому закону.

Изъ этого приличнаго и поэтическаго Здислава, если бы отецъ его не былъ порядочнымъ человѣкомъ и заботливымъ семьяниномъ и его не воспитала сестра, хорошая женщина, вышелъ бы погибшій еще худшаго типа, чѣмъ Романъ Калинскій, герой разсказа *Погибшій*. Калинскій выросъ въ семьѣ помѣщиковъ средней руки, заброшенный, потому что отецъ былъ вѣчно на охотѣ, мать и сестры въ гостяхъ. Дома скука, сестры вѣчно ссорятся и онъ рано началъ кутить. Обыкновенная исторія: изгнаніе изъ училища, долги, отказъ отца платить, онъ спустился до притоновъ низшаго сорта, убилъ въ запальчивости и обвиненъ въ воровствѣ съ цѣлью грабежа. Семья не хочетъ спасти его, потому что родители невѣсты примѣрнаго старшаго сына поставили условіемъ, чтобы Калинскіе отреклись отъ сына, опозорившаго дворянскій родъ. Бездушіе и пошлость семьи, все, погубившее Романа, ярко выступаетъ въ нѣсколькихъ сценахъ, когда Калинскій разсказываетъ свою жизнь адвокату, и адвокатъ убѣждаетъ семью вступиться и заставить свидѣтельницу взять назадъ ложное показаніе. Въ Романѣ Калинскомъ есть энергія, страсть, которой не было въ Здиславѣ, героѣ *Дикарки*. Онъ самъ не сознавалъ, отчего ему тѣсно было въ семьѣ, онъ часто подросткомъ бросался на землю и плакалъ отъ тоски, не зная, о чемъ плачетъ. Онъ говорилъ: «Мнѣ казалось, что есть гдѣ-то далеко за горами какой-то міръ, прекрасный, свѣтлый, широкій, котораго я не знаю, гдѣ лучше живется». Младшая сестра прочла ему про какого-то генерала,—онъ даже имени Гарибальди не зналъ,—онъ ночь не спалъ отъ волненія. Онъ зоветъ счастливцемъ адвоката за то, что тотъ ходитъ по тюрьмамъ, утѣшаетъ; онъ не скучаетъ, какъ не скучалъ тотъ генералъ. При вопросѣ адвоката: неужели онъ не зналъ, что въ его дѣятельности нуждается отечество?—въ его глазахъ мелькаетъ недоумѣніе. Въ немъ только инстинкты и смутно бродящія силы. Онъ умѣлъ пріобрѣсти вліяніе въ мірѣ арестантовъ, его слушаются. Эта черта—преувеличеніе, потому что, судя по *Мертвому дому* и отзывамъ лицъ, жившихъ его жизнью, арестанты не-дворяне держатся особнякомъ отъ дворянъ; и тамъ сказывается вѣковая рознь и сомнительно

чтобы они подчинились авторитету дворянина, да еще недоросля. Но черты, которыми авторъ рису' ъ Калинскаго въ судѣ, говорятъ о сильной и любящей душѣ. «Руки скрещены, на лицѣ не видно ни отчаянія, ни злобы, ни тревоги, ни приниженности, ни одного изъ тѣхъ чувствъ, которыя вообще люди выказываютъ въ его положеніи. Казалось, онъ глубоко задумался, судя по морщинамъ на лбу, по печальному очертанію блѣдныхъ губъ. Я былъ почти увѣренъ (разсказъ ведется отъ лица адвоката), что мысли его были въ эту минуту на родинѣ, и онъ прощался съ нею навѣки, подсчитывалъ всѣ раны и заблужденія и невольно спрашивалъ себя: почему жизнь его сложилась такъ, а не иначе?» Его обвинили и адвокатъ слѣдитъ за нимъ, когда его уводятъ въ тюрьму. «Фигура его выражала какую-то странную рѣшимость. Онъ взглянулъ вокругъ вызывающимъ взглядомъ, глубоко вздохнулъ и звонкимъ голосомъ затянулъ разгульную пѣсню. Онъ шелъ нахально и звуки разгульной пѣсни постепенно стихали. Я видѣлъ, какъ онъ вошелъ подъ низкій сводъ другихъ воротъ и затѣмъ погрузился во мракъ второго двора. Но изъ этого мрака все еще доносились до меня звуки разгульной пѣсни. Въ нихъ уже не слышалось пьяное веселье и нахальство. Среди этихъ мрачныхъ стѣнъ они казались громкимъ рыданьемъ, пронзительнымъ и звонкимъ, какъ колокольчикъ церковнаго сторожа у смертнаго ложа. Это былъ брошенный міру крикъ погибшаго». Великая общественная несправедливость убила все, что было живого въ душѣ, что при иныхъ условіяхъ создало бы честнаго человѣка. Его сгубила неразвитость, а не испорченность. Доброе, полное участія слово адвоката раскрыло его душу и приговоръ несчастному, произнесенный адвокатомъ, вѣренъ: «Непочатыя сокровища чувства и мыслей дремали въ его груди; въ хаотической натурѣ звучала иногда струя живой поэзіи. Это была безплодная и горькая поэзія, издававшая иногда невѣрные и даже фальшивые звуки, но какой психологъ можетъ поручиться, что еслибъ это чувство было облагорожено знаніемъ, оно не подарило бы міръ высокимъ словомъ или подвигомъ?» И это не идеализація преступника,—много мелкихъ чертъ говорятъ о его любящей натурѣ, о смутной жаждѣ лучшаго. Несчастный погибъ оттого, что въ его жизни не было путеводнаго свѣточа.

Есть образы другихъ погибшихъ, которые не носятъ оффиціальнаго клейма. Это тѣ, которые изъ трусости не пошли по пути, указанному свѣточемъ; они цѣлую жизнь носятъ въ самихъ себѣ свою казнь. Таковъ мастерски очерченный Бейеръ, зять Мейера Юзефовича, въ романѣ того же имени. Онъ уменъ, онъ переросъ суевѣрія талмудизма, который сковываетъ умы его братій; въ молодости онъ мечталъ о борьбѣ съ мракомъ, объ освобожденіи отъ власти раввиновъ и кагала. Но онъ не герой, а простой смертный. И, затаивъ въ душѣ свои порывы, свои думы, онъ по наружности живетъ одною жизнью съ темною братіей. Онъ почетный, богатый купецъ, одинъ изъ воротилъ городка—еврейской Мекки, хорошій семьянинъ и, повидимому, жизнь улыбается ему. Вотъ его портретъ, написанный тонкими штрихами: «Онъ казался лѣнивымъ и сонливымъ, но пото

кажущимся равнодушіемъ внимательный взглядъ могъ подмѣтить глубоко затаенныя сильныя ощущенія и стойкій характеръ, что-то мечтательное и страдающее вмѣстѣ выражалось въ большихъ, широко раскрытыхъ бѣлесоватыхъ глазахъ его, покрытыхъ какъ бы стеклянною оболочкой; скрытая въ глубинѣ души его тоска видна была въ чертахъ его тонкихъ губъ, положившихъ на себя печать каменной покорности. Видно было, что въ прошедшемъ этого человѣка разыгралась когда-то тихая драма, никому въ подробностяхъ неизвѣстная, но развязка которой погрузила въ сонливость его разумъ и волю и оставила въ его груди замерзшее и вѣчно отражавшееся эхомъ впечатлѣніе. Была пора, когда онъ бился, вырывался изъ мрака, кричалъ: «спасите!» Въ братѣ жены своей, Мейерѣ Юзефовичѣ, онъ видитъ свою молодость. Онъ также стремился, негодовалъ, возмущался, потомъ смирился передъ силой, съ которою борьба всего труднѣе, мучительнѣе,—силой общества, невѣжественнаго и суевѣрнаго. Онъ, сознающій свѣтъ, живетъ среди мрака, сознающій достоинство человѣка видитъ рабство среди народа передъ раввинами, любящій гуманный человѣкъ видитъ изо дня въ день гибель жертвъ изувѣрства. И онъ обрекъ себя на пытку сносить все молча, быть молчаніемъ своимъ невольнымъ участникомъ всего, что возмущаетъ его, заставляетъ сердце обливаться кровью, длить тотъ мракъ, въ которомъ задыхается, и ростить дѣтей своихъ на тотъ же мракъ,—это пытка, страшнѣе которой нѣтъ пытки. Не даромъ Бейеръ хватается за грудь, когда говоритъ о раввинѣ и талмудѣ съ Мейеромъ. Это пытка цѣлой жизни безъ передышки, потому что отъ себя, отъ своей совѣсти не уйдешь никуда. Идеалы, которымъ служишь, какъ рабъ невѣрный и лукавый, страшно мстятъ за себя; не даромъ мастерской образъ Бейера—образъ живого мертвеца; высшій стимулъ жизни задавленъ. Отнимите у Бейера его еврейство, останутся глубоко-человѣчныя основы его типа. Во всѣ эпохи царящаго мрака, у всѣхъ народовъ и на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни есть свои Бейеры.

Такой же Бейеръ и Бенедиктъ Корчинскій; сильный и здоровый темпераментъ, преданіе и кровь дворянина вмѣстѣ съ трудомъ и заботами помѣщика,—все это только форма, въ которую отлились тѣ же психологическіе мотивы. У него есть преданія, обязывающія, какъ преданія о сеньорѣ Юзефовичѣ, который при Сигизмундѣ хотѣлъ сломать стѣну, отдѣлявшую евреевъ отъ христіанъ. Дѣдъ Бенедикта былъ наполеоновскимъ солдатомъ, отецъ его принадлежалъ къ «маленькой горсточкѣ, которая сопротивлялась міазмамъ отупѣнія, безсмысленности и апатіи, созданнымъ на почвѣ барщины, подъ каменными сводами, стѣсняющими кругозоръ». Онъ, къ немалому изумленію сосѣдей, далъ сыновьямъ своимъ высшее образованіе и научилъ зарабатывать деньги. Бенедиктъ не видѣлъ «гнилыхъ испареній разврата и тиранніи въ крѣпостномъ мірѣ, освѣщенномъ если не солнцемъ, то звѣздою человѣчности». Дѣтство и юность его были свѣтлѣе, чѣмъ дѣтство и юность Бейера, забитыя въ еврейской школѣ, [illegible] конторѣ и бракѣ по приказанію отца. Въ молодости Бенедикта «ме[illegible] худо

что-то такое, что придало жизни смыслъ и значеніе, заговорила кровь дѣда, наполеоновскаго солдата. Послѣ, когда одинъ братъ легъ въ могилу, другой ушелъ въ карьеру, Бенедиктъ взялъ обремененный долгами Корчинъ и зажилъ помѣщикомъ, «собачьею жизнью», какъ онъ самъ говоритъ, сознавая, что всѣ его труды и заботы не спасутъ отъ разоренія, что мѣняетъ душу на мелочи, стычки и ссоры съ сосѣдями-земледѣльцами за потравы. Когда жена его, пустая романтическая барыня, упрекаетъ его за то, что въ немъ нѣтъ поэзіи, т.-е., въ сущности, за то, что ему некогда вздыхать у ногъ ея и быть безсмѣннымъ cavaliere servante, онъ говоритъ съ глубокою горечью: «И я не былъ чуждъ высокихъ помысловъ и отказался отъ нихъ не ради попоекъ и любовницъ, но въ силу крайней необходимости»; онъ очерствѣлъ съ годами и на горячія рѣчи сына объ иныхъ, лучшихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ и рабочимъ съ презрительною усмѣшкой отвѣчаетъ: идиллія, пророча, что и сынъ, ставъ хозяиномъ, будетъ такимъ же: «Всякому смолоду кажется, что если онъ не станетъ хватать звѣзды съ неба, то, кромѣ пули, ему ничего не остается, а тамъ—глядишь—довольствуется и сальною свѣчкой».

Не легко дается человѣку довольство, которое онъ сравниваетъ съ сальною свѣчкой. Въ душѣ человѣка, сознающаго это, нѣтъ того душевнаго мира, который даетъ силу нести всѣ тревоги и заботы житейскія. Не одинъ заботы объ уплатѣ въ срокъ процентовъ, не одно семейное горе—жена-сильфида, состарили его такъ рано и провели такія рѣзкія морщины на лицѣ. Была минута, когда онъ думалъ бросить все и уйти на выгодное мѣсто, которое предлагалъ ему братъ, достигшій довольно высокихъ чиновъ. Его удержала только растительная связь съ родною почвой и чувство отца,—сынъ любилъ Корчинъ. Сцена съ сыномъ вызвала наружу черты Бенедикта, общія съ Бейеромъ. Витольдъ горячо возражаетъ отцу, что есть люди, которые гибнутъ за свою звѣзду, чтобы не чувствовать смрада сальной свѣчи. «Ты хорошо знаешь, бывали примѣры».—«Не знаю и знать не хочу»,—рѣзко сказалъ Бенедиктъ.—«Дядя Андрей...—дрожащими губами началъ Витольдъ. Отецъ въ тревогѣ оглянулся. На губахъ Витольда показалась болѣзненная усмѣшка.—Не бойся, отецъ,—медленно проговорилъ онъ,—никто не слышалъ, что я съ уваженіемъ упомянулъ имя твоего брата». Лицо Бенедикта отъ сѣдыхъ волосъ до ворота рубахи вспыхнуло густымъ румянцемъ». Онъ вынесъ казнь—краснѣть передъ сыномъ. И только когда сынъ хватается за ружье, чтобы пустить себѣ пулю въ лобъ, изъ-подъ наслоеній «сальной свѣчки» пробуждается все завѣтное, задавленное и онъ сдается на мольбы сына жить въ лучшихъ отношеніяхъ къ народу и идетъ на могилу брата. Любовь къ сыну, вмѣсто сальной свѣчи, освѣтила ему жизнь крохотною звѣздочкой. Онъ простилъ судебныя издержки крестьянамъ, несправедливо тягавшимся съ нимъ за клочокъ земли, и согласился отдавать имъ землю въ аренду на льготныхъ условіяхъ. Жертва была не велика, потому что онъ не могъ справиться съ землей по недостатку капитала, а нравственное возрожденіе ознаменовалось только тѣмъ, что онъ стряхнулъ позорную трусость

VII.

Въ произведеніяхъ Э. Ожешковой мы видимъ цѣлую галлерею женскихъ образовъ, которые дѣлятся на два типа: преобладающій—это цвѣтки, цвѣтущіе или увядшіе, взращенные для украшенія жизни и непоколебимо убѣжденные, что украшеніе это въ томъ, чтобъ онѣ были центромъ жизни, къ которому бы все остальное тяготѣло; другой, не менѣе многочисленный,—насѣдки и хозяйки, для которыхъ «сальныя свѣчки»—солнце міра. Скромныя труженицы, съ неустанною любовью идущія по своему сѣренькому пути, и, наконецъ, женщины съ задатками Эгеріи, понимающія задачи вѣка и несущія свѣточъ идеаловъ грядущаго, встрѣчаются такъ же рѣдко, какъ и въ дѣйствительной жизни.

Основныя черты типа цвѣтковъ, украшающихъ жизнь, *сильфидъ*, какъ называетъ авторъ этотъ типъ, эгоизмъ и бездушіе на подкладкѣ развинченности нервовъ, которую зачитавшіяся романовъ сильфиды приписываютъ поэтической впечатлительности высшей натуры. Прелестныя, воздушныя созданія, какъ Эмилія Корчинская или Элена Ширская въ *Кладбищенскомъ Сильвестѣ*, утратившая всю прелесть свою въ нищетѣ, пришли бы въ ужасъ, если бы ихъ поставили рядомъ съ панной Копровичъ, вѣрною женой, которая, когда найдетъ на нее стихъ, колотитъ мужа и дѣтей, или съ Франкой, развратною женой Хама, которая въ аффектѣ отравляетъ мужа. Рознь въ темпераментѣ, въ воспитаніи и средѣ, психологическая основа та же—эгоизмъ, и безпринципность, и распущенность. Идеалъ жизни у всѣхъ—одно наслажденіе, у каждой по ея понятіямъ и вкусамъ, и ни капли сознанія своего долга, своей отвѣтственности. У Франки были минуты пробужденія совѣсти, потому что ея нарушенія законовъ божескихъ и человѣческихъ были слишкомъ вопіющи; но еслибъ она взросла на мѣстѣ изящной и поэтической Эмиліи и природа одарила ее менѣе пылкимъ темпераментомъ, то она была бы такимъ же точно цвѣткомъ—тяжелымъ бременемъ для семьи. У этихъ женщинъ, изнываютъ ли онѣ въ поэтическихъ мечтаніяхъ, или мечутся въ дикихъ порывахъ чувственности, равно трудно найти здоровую струну въ душѣ. Даже материнская любовь, чувство, по ходячему выраженію, открывающее женщинѣ новый міръ, и то едва ли звучитъ въ ихъ душахъ, или звучитъ слабо, искаженно. Въ праздничные дни жизни тяжелое бремя этихъ цвѣтковъ ощущается слабѣе; но въ трудовые будни, а еще болѣе въ черные дни житейской невзгоды, когда нужны энергія, бодрость, вдохновляющая любовь женщины, бремя становится невыносимымъ, рѣжетъ плечи, гнететъ къ землѣ.

Мужъ Элены, Ширскій, «жертва великой несправедливости», лиш[ен] мѣста и перебивался заработкомъ мелкаго адвоката. Съ другою женой [он] остался бы человѣкомъ; съ нею онъ спился, не вынеся попрековъ, [не]дицы въ домѣ. Жена его не можетъ унизиться до стряпни и надзор[а] дѣтьми; когда нѣтъ гроша на хлѣбъ, она тратится на абонементъ [кон]новъ. Она равнодушно слышитъ, что ея любимица Кларка до позд[на]

чи сидитъ у дверей кабака, поджидая отца, и оживляется, замѣчая наслѣдственное отъ нея обаяніе крошки и привязанность къ Кларкѣ Сильвека. Она возненавидѣла мужа еще до его пьянства: онъ не похожъ на очаровательныхъ Раулей и Октавовъ, любовными похожденіями которыхъ она зачитывается; она не любитъ сыновей за ихъ сходство съ отцомъ. Когда помогающая ей сосѣдка совѣтуетъ не читать глупыхъ книгъ и заняться хозяйствомъ и семьей, она возмущается: «Странное дѣло, всѣ имѣютъ право дѣлать что имъ угодно, я одна — нѣтъ. Сколько женщинъ въ моемъ положеніи стали бы искать счастья цѣной позора, а я осталась вѣрною женой, да какого мужа! Я заживо погребена». Но она сказала бы ту же самую фразу о погребеніи заживо, если бы Ширскій былъ трезвымъ работникомъ, они жили бы зажиточно и дѣти учились не у слесаря, а въ гимназіи. Ей даже легче, когда мужъ въ кабакѣ, а дѣти на улицѣ,—ничто не мѣшаетъ ей зачитываться романами. Мужъ имѣетъ право сказать ей: «Я въ водкѣ ищу забвенія, а ты въ книжкахъ вымышленнаго разврата. Мы одного поля ягоды... А, впрочемъ, отчего ты разлюбила меня, отчего я выносить тебя не могу? Потому что не будь ты такая, и я былъ бы инымъ, и я бы не пилъ. А, можетъ быть, еслибъ я былъ инымъ, натурально, еслибъ я былъ богатымъ и красивымъ, ты любила бы меня, будь я въ тысячу разъ хуже, чѣмъ я теперь. Знаю я тебя. Ты была бы добра къ самому ужасному и подлому злодѣю, еслибъ онъ походилъ на героя романовъ и сдѣлалъ тебя важною барыней, и дѣтей своихъ любила бы, будь они паничами и пани». Ширскій вложилъ перстъ въ глубокую нравственную язву — въ типъ прелестныхъ сильфидъ. У этихъ воздушныхъ созданій, счастливыхъ или несчастныхъ, нечего искать никакихъ здоровыхъ кровныхъ связей съ человѣчествомъ. Несчастія ихъ очень легко устранимы; онѣ не предъявятъ жизни никакихъ запросовъ воистину идеальныхъ, для счастья ихъ не надобно, чтобы міръ перевернулся,—красивый поклонникъ и выигрышъ въ двѣсти тысячъ превратятъ въ счастливицу несчастнѣйшую женщину.

Барышня-сильфида, избалованная поклонниками, воображаетъ, что за счастье получить ея руку человѣкъ обязанъ быть ея рабомъ. Воображеніе раздражено чтеніемъ глупѣйшихъ романовъ и игрою въ любовь. Отъ нея требуютъ долю ея труда въ семью, она разочаруется и въ прекраснѣйшемъ человѣкѣ, и если въ ней уцѣлѣли понятія о женской чести, то она удовлетворяется адюльтерами съ вычитанными въ романахъ Раулями и Октавами. Золя напрасно обвинялъ Жоржъ Зандъ, какъ искусительницу, увлекавшую къ адюльтерамъ. Вся философія Жоржъ Зандъ и гуманные идеалы ея пропадали для сильфидъ; пропуская эти страницы, онѣ останавливались только на любовныхъ сценахъ, и въ этомъ отношеніи Поль Феваль и Арсенъ Гуссе получали пальму превосходства. И онѣ въ мечтахъ упиваются запретнымъ счастьемъ и вымещаютъ на мужѣ свое добродѣтельное воздержаніе отъ такого счастья. Любви сердца онѣ не понимаютъ; любовь ихъ—физіологическое влеченіе на подкладкѣ тщеславія и сообра-

женій о пристройствѣ. Другого исхода быть не можетъ, кромѣ недовольства своимъ положеніемъ и домашняго ада. Магдя Багревичиха отравляетъ жизнь мужа попреками, что она, шляхтянка и помѣщичья дочка, вышла за хама управляющаго, а помѣстье отца, по словамъ мужа, было такъ велико, что когда собака поперекъ ляжетъ, то хвостъ на чужой землѣ. Въ истеричную минуту она поколачиваетъ мужа и дочерей. Нѣжныя созданія, какъ Эмилія Корчинская, устраиваютъ адъ приличный, тонкой, непрестанной пытки. Бенедиктъ плѣнилъ ее красотой и ореоломъ геройства, какъ братъ Андрея, едва ли не погибшій съ нимъ. Но это влеченіе къ героизму только маска тщеславія; иныя сильфиды такъ высоко цѣнятъ себя, что считаютъ однихъ героевъ достойными своей руки и, въ то же время, сами неспособны и къ самому скромному проявленію героизма, потому что оно невозможно безъ самоотреченія.

Разочаровавшись въ мужѣ, Эмилія напустила на себя разочарованность во всемъ и сантиментальное страданіе. Это не обдуманная симуляція, это распущенность и баловство праздныхъ барынь, въ конецъ развинчивающія дряблые нервы и признаваемыя за свойства утонченныхъ и поэтическихъ натуръ, которымъ каждая мелочь, нечувствительная для грубыхъ прозаическихъ натуръ, несетъ «неслыханныя страданія». Сынъ проситъ отпустить маленькую сестру на крестьянскую свадьбу, и у матери отъ такой «неслыханной просьбы» разбаливается голова, темнѣетъ въ глазахъ, бьется сердце, она близка къ обмороку, и это не преувеличеніе автора, это вполнѣ естественная черта.

Постоянно носясь только съ собой, слѣдя за мельчайшимъ ощущеніемъ своимъ, трепеща каждый мигъ за свое драгоцѣнное здоровье, можно доразвить натуру свою до такого совершенства самогипнотизма, чтобы заболѣвать по востребованію каприза. Стоитъ явиться гостямъ — и болѣзни всѣ сниметъ, какъ рукой. Авторъ не поскупился на комическія черты этого типа извращенности самыхъ элементарныхъ понятій человѣческой порядочности. Панъ Ружицъ говоритъ о морфинѣ: «Средство отъ скуки, которое хотя и ведетъ къ смерти, но даетъ средство забыть... позабыть все...»—«О, что-жь это такое?»—восклицаетъ пани Эмилія, молитвенно складывая руки».—«Морфинъ».—«Нѣтъ,—такъ же тихо заговорила пани Эмилія,—мнѣ кажется, что единственнымъ вѣрнымъ лѣкарствомъ было бы удовлетвореніе всѣхъ высшихъ потребностей духа, воображенія, нашихъ тонкихъ вкусовъ. Но, увы, кто же такъ счастливъ, что могъ бы осуществить свои мечты?» Пани Эмилія признаетъ морфиноманію возвышенною слабостью, а скучающаго отъ пресыщенія и растратившаго здоровье Ружица—поэтическою натурой.

И при этихъ безконечныхъ толкахъ о поэтическомъ въ жизни по[ш]ее непониманіе здоровой поэзіи и жизни человѣческой души. Ей с[к]но съ хорошими людьми и нравится общество пошляка пана Кирло, о[т]го что онъ льститъ ей комедіей ухаживанья, которую она, все-таки, [по]маетъ. Ей нужно видѣть около себя только рабскія души, и это по[ка]

прозаической причинѣ: только рабы не препятствуютъ «ндраву», а малѣйшее препятствіе есть непониманіе поэтически-возвышенной души. Дѣти ей въ тягость и мучители ея: они должны говорить въ полголоса, за двѣ комнаты отъ ея будуара; они постоянно въ томъ подавленномъ состояніи, какое водворяется, когда въ домѣ умирающій; малѣйшее естественное желаніе дѣтства и юности вызываетъ тревогу: какъ мамѣ понравится, что она скажетъ. Всѣ должны жить постоянно на-чеку, ожидая нервныхъ вспышекъ, плача и всякихъ припадковъ и не зная, что именно вызоветъ и что отвратитъ ихъ.

Характерна сцена ея объясненія съ мужемъ, въ которомъ она разочаровалась оттого, что руки его погрубѣли отъ работы, лицо загорѣло и покрылось ранними морщинами и ему нѣкогда сидѣть у ногъ ея и вздыхать отъ любви. Ей говорятъ, что ростовщики могутъ оставить семью безъ хлѣба, а она плачется: «Я не забочусь о сытномъ обѣдѣ, но мнѣ надо видѣть вокругъ себя немного поэзіи. Твоя душа,—упрекаетъ она мужа,—не такъ возвышенна, не такъ горяча, чтобы ты могъ любить меня, какъ я того заслуживаю». Затѣмъ идетъ пространное объясненіе того, какъ она заслуживаетъ быть любимой, и того, какъ ей необходимо для утѣшенія устроить себѣ красивый, изящный уголокъ. Все это заключается требованіемъ уплачивать ей восемь процентовъ съ ея капитала, причемъ она замѣчаетъ, что ростовщикамъ теперь даютъ десять и двѣнадцать. У непонятыхъ возвышенныхъ натуръ, вродѣ пани Эмиліи, всегда есть и способность къ практическому разсчету. Когда дѣло о процентахъ улажено, Бенедиктъ кончаетъ переговоры рыцарски вѣжливымъ поклономъ, какъ поклонился бы чужой женщинѣ; въ эту минуту, когда онъ разрывается внести къ сроку проценты за землю, жена, какъ чужая, требуетъ свое на прихоти. И этотъ поклонъ, который каждой женщинѣ съ сердцемъ сказалъ бы о выросшей стѣнѣ между нею и мужемъ, очаровалъ пани Эмилію до того, что она вспомнила прежняго Бенедикта и, въ внезапномъ порывѣ, протянула ему обѣ руки. Еслибъ Бенедиктъ вспомнилъ прежнее, то отношенія ихъ склеились бы снова,—замѣчаетъ авторъ.

Пани Жиркевичъ—сильфида, героиня разсказа того же названія, это та же Эмилія, только взятая съ другихъ сторонъ, которыя обнаружены старостью и разореніемъ. Въ сорокъ лѣтъ ей можно дать было двадцать пять; она порхала, блестѣла, пряча взрослую дочь и не думая о будущемъ. По смерти мужа ее пришибла бѣдность, дочь стиркой зарабатываетъ гроши, которые маменька тратитъ на розовые галстуки и конфекты для угощенія Стася, очаровательнаго шалопая, который цѣлуетъ ея ручки, напоминая ей флирты молодости. «Души наши родныя,—изливается она передъ Стасемъ,—ты понимаешь ту неопредѣленную тоску, тѣ смутныя страданія»... И какъ рѣзкій контрастъ съ этими псевдо-поэтическими изліяніями сильфидъ, авторъ написалъ прочувствованную сцену сватовства простого человѣка, который любитъ Бригитту, дочь сильфиды, здоровую работницу плѣнившую его работой. Въ этой небольшой сценкѣ много истин-

ной поэзіи, какъ въ народныхъ пѣсняхъ о любви, которыя поютъ возвращающіеся со свадьбы гости, мѣшая возвышеннымъ бесѣдамъ пани Эмиліи съ наперсницей Терезой о томъ, могутъ ли эскимосы любить такъ поэтически и страстно, какъ любили при дворѣ Людовика XIV. Бригитта, ползая на колѣняхъ передъ матерью, умоляетъ ее о согласіи, напоминаетъ о долгихъ годахъ, когда она работала, обѣщаетъ покоить ея старость, говоритъ, что хочетъ счастья быть женой, имѣть своихъ дѣтей. Сильфида негодуетъ: какъ дѣвушкѣ думать объ этомъ?—и отказываетъ, грозя проклятіемъ. И въ эту минуту, разбивая счастье дочери, произнося слова, которыя страшны для католички, она рисуется, думаетъ о томъ, какъ она эффектна. Сцена эта выходитъ изъ тусклой обыденности, имѣетъ романтическій интересъ; въ воображеніи мелькаетъ образъ актрисы въ сценѣ проклятія. «Она не могла вспомнить самаго проклятія, но передъ нею живо рисовалась патетическая поза актрисы. Она встала посреди комнаты, протянула руку къ дочери и воскликнула: «Проклинаю!» Для наивной души Бригитты проклятіе имѣло таинственную силу, и жизнь дѣвушки была разбита. Пани Жиркевичъ пришлось ходить съ бумагой, прося на бѣдность, и столько же, какъ и подаваемые гроши, ее влекла барская обстановка домовъ, пороги которыхъ она обивала. Она садилась за рояль тамъ, гдѣ ее вѣжливо принимали, и пѣла по адресу ограбившаго ее Стася романсъ: «Oh dites lui, qu'une invisible chaine lie á ses jours mes jours infortunés», пока ее не выпроваживали вѣжливо.

Въ счастьи сильфиды—это Даля изъ *Дикарки*, которая не мучается нервами потому, что въ качествѣ вдовы свободна флиртовать, богата и можетъ тратить свои деньги, не спрашивая ни у кого позволенія, живетъ въ городѣ, а не въ деревнѣ, и еще потому, что молода. Пророчествомъ того, чѣмъ будетъ Даля подъ старость, служитъ Леонтина Брожекъ, промотавшаяся красавица, живущая у Северины. Она пудрится, сохранила всѣ улыбочки и граціозныя ужимки, напоминающія «цвѣтокъ на развалинахъ». Нервы у нея не распущены, потому что распускать ихъ можно только въ своемъ домѣ, а въ домѣ Северины, гдѣ каждый былъ занятъ дѣломъ «прозаическимъ», былъ бы уходъ только для прозаическихъ болѣзней. Къ довершенію несчастія, весь опытъ блестящей жизни ея, къ которому бы съ такимъ почтеніемъ отнеслась племянница-сильфида, не нуженъ для Северины, и бѣдной Леонтинѣ приходится плакаться о томъ, что племянница болѣе уважаетъ няню Богурскую, чѣмъ тетку.

Сильфиды умѣютъ только губить молодое поколѣніе и не сознавать, что погубили. Мать Романа Калинскаго говоритъ адвокату, убѣждающему вступиться за сына: «Если помѣщичій сынъ—и далеко не изъ пер[вой] встрѣчнаго семейства—попалъ въ тюрьму, то, разумѣется, потому то[лько], что родня не противится этому». Адвокату удается разжалобить ее, [и] этой жалости сердце играетъ крохотную роль, а остальное—нервное [волне]ніе, вызванное патетическими словами адвоката, немного болѣе [сер]дечное, чѣмъ волненіе при патетическихъ сценахъ въ театрѣ. Камень, [ко]

маменьки-сильфиды даютъ дѣтямъ, вмѣсто хлѣба, сгубилъ Адольфину Обропольскую, героиню повѣсти *Новички*. Молодая дѣвушка была изъ числа тѣхъ новичковъ идей отрицанія стараго міра и гуманности новаго, которые, какъ молодые всходы зерна, захваченные морозомъ, гибнутъ, чуть-чуть поднявшись надъ сухою землей. Приведенная выше выписка о томъ раннемъ разладѣ съ окружающимъ и ранней чуткости къ лживости міра, создающаго сильфидъ, говоритъ о пытливомъ умѣ, о любящемъ сердцѣ, которые просятъ здороваго хлѣба. Обрядность Рима, «родины душъ», не могла заковать ни умъ, ни сердце молодой дѣвушки, а христіанскій смыслъ вѣры, ведущій людей на служеніе человѣчеству и на Голгоѳу, былъ ей чуждъ. Положительное въ проповѣди Скибы-фразера не могло не быть туманнымъ; онъ ничего не изучилъ основательно, не могъ облечь ничего въ осязательную форму и только отрицаніе его было ясно. «Однако, она хваталась за эти тусклые огни, какъ за ясныя звѣзды,—говоритъ авторъ,—и изъ нихъ вырабатывала идеалы вѣры и любви». Она задумала быть сестрой милосердія. Скиба доказываетъ ей, что только черви могутъ ползать въ пыли, а кому природа дала соколиныя крылья, тому нуженъ просторъ, что смыслъ жизни—въ любви двухъ молодыхъ созданій. «Уйти далеко отъ людей, дѣлиться каждымъ чувствомъ», каждою мыслью,—вставляетъ Адольфина. Скиба—ея учитель—ушелъ въ наживу и она выходитъ за Поменѣцкаго. Полна поэзіи сцена, когда Адольфина ходитъ по залѣ, останавливаясь передъ портретами предковъ и напрасно допрашивается у нихъ отвѣта о смыслѣ жизни. Но авторъ не совсѣмъ справился съ образомъ молодой силы, загубленной пустотой; онъ слишкомъ идеализировалъ Адольфину и оттого паденіе ея — бракъ съ Поменѣцкимъ — плохо вяжется съ слѣдующею характеристикой героини: «Скрытыя, никѣмъ не замѣченныя, не всегда ясныя для нея самой, жили въ въ ней тѣ силы мысли, воображенія, страсти, которыя отъ времени до времени выводили на историческій путь фигуры величавыхъ или кровавыхъ, мистическихъ или трагическихъ жрицъ любви или идей. Нѣсколько вѣковъ раньше такія жрицы горѣли неземною любовью, она нашла бы кровавые знаки мистическаго обрученія съ замученнымъ богомъ. А еслибъ она выросла на почвѣ вспоенной другимъ, болѣе земнымъ чувствомъ?...

„Отчизны любовь, лучезарное солнце,
Для тѣхъ, кто душой одинокой и гордой
Лишь чувствамъ святымъ благородно отдался“..

Если бы? Конечно, Адольфина была бы другою, еслибъ утолить ея жажду вѣрить и почитать; но сомнительно, чтобъ изъ нея выработалась величавая фигура жрицы любви или идеи, иначе она не вышла бы за Поменѣцкаго. Въ молодой натурѣ, сильной мыслью, послѣ вынесенной бури—разочарованія въ любимомъ человѣкѣ и учителѣ—явилась бы мысль, что не здѣсь же міръ клиномъ сошелся на Скибѣ и маменькѣ-сильфидѣ. Молодости свойственна идеализація, и чѣмъ темнѣе окружающая ее сфера, чѣмъ больше видитъ она въ близкихъ лжи и обмана, тѣмъ страстнѣе вѣрить

она, что не вся же жизнь въ ея темномъ углу, что за предѣлами его есть широкій міръ съ истинными учителями, героями, мучениками. Объ этомъ мірѣ должны были ей говорить и книги, которыя ей носилъ Скиба и которыя она пожирала. Если, по выраженію Герцена, «изуродованныя китайскими башмаками ноги» могутъ только ковылять, то падать въ пропасть можно только при слабости зрѣнія. Самые ироническіе отзывы сильфидъ о первой женѣ Поменѣцкаго должны были указать ей осязаемый, близкій идеалъ. Дѣвушка съ задатками жрицы идей отчизны непремѣнно стала бы разспрашивать о женщинѣ, которая не захотѣла быть женой камергера и погребла себя съ своими идеями въ деревнѣ. Въ 18 лѣтъ Адольфина, не понимавшая ту роль, какую въ жизни матери играли интересные князья и графы, могла не понять во всей полнотѣ его безобразіе брака съ нелюбимымъ человѣкомъ, но здоровое дѣвическое чувство, присущее еще сильнѣе недюжинной натурѣ, должно было удержать ее. Она слишкомъ легко повѣрила, что идеалы—«лазурь», какъ говоритъ сильфида-маменька, «астрація», какъ говоритъ воспитательница Скибы, пани Житницкая, и прибавила къ этимъ терминамъ свой—«паутина». Она соглашается не ради пошлой мести, узнавъ о связи Скиба съ ея горничной, чтобы показать свое равнодушіе измѣннику; въ минуту, когда ей «всѣ жребіи равны», она сдается на слезы матери. Но это согласіе не вяжется съ задатками «величавой жрицы любви», если подъ этимъ словомъ понимать не амуры ея маменьки съ интересными князьями, но любовь Элоизы къ Абеляру; эти задатки оттолкнутъ чистую дѣвушку отъ такого брака. Есть еще черточка, которая обѣщаетъ въ этой «жрицѣ любви» повтореніе амуровъ маменьки-сильфиды. Съ еще не высохшими слезами на глазахъ она улыбается комплиментамъ графа Иринея, члена общества парижскихъ порнографовъ, который, цинично любуясь ея красотой, высказываетъ скрытый намекъ на то, что онъ готовъ играть при ней роль поклонника. Эта улыбочка говоритъ многое. Въ каждой чистой дѣвушкѣ, будь она наивна, какъ ребенокъ, человѣкъ вродѣ кавалера ордена Золотой свинки можетъ вызвать только инстинктивное отвращеніе. Адольфина не отравитъ Поменѣцкому жизнь, какъ отравила первая жена, «годившаяся въ жены Цинцинату». Она была не болѣе, какъ мушкой, значительно покрупнѣе сильфидъ, и потому могла не надолго запутаться въ томъ, что она зоветъ «паутиной». *Новички*—одно изъ первыхъ произведеній Э. Ожешковой и потому понятно, что авторъ не совсѣмъ справился съ своею задачей; но покамѣстъ Адольфина единственный женскій образъ силъ, обѣщавшихъ лучшее, загубленный сильфидами.

Самый яркій образъ, въ которомъ сконцентрировано все, что есть [illegible] въ натурѣ сильфидъ, это — Франка, жена Хама. Главный [illegible] жизни у горничной, жены рыбака, тотъ же, что и у очаровательной [illegible] Изабеллы, — любовники и поклонники. Разница во внѣшнихъ услов[illegible], въ томъ, что Франка не прошла школу приличій и лицемѣрія. Франк[illegible] заброшена съ дѣтства, отецъ пьяница, мать проживала его зараб[illegible] съ

кавалерами и бросила его и дочь, которая получила воспитаніе улицы; ее ребенкомъ развратили мальчишки, соблазняя гостинцами. Состарѣвшаяся мать вернулась и привязалась къ дочери, но Франка не цѣнитъ эту любовь; она ненавидитъ мать за свою гибель и говоритъ: «Если бы кто ее поманилъ пальцемъ, опять бы побѣжала».

Исторія Франки обычная. Брошенная первымъ любовникомъ, котораго полюбила сердцемъ, она пошла по рукамъ; искушеній много, съ горничными не церемонятся. Женихамъ отказывала, потому что не были ей по сердцу, и это глубоко честная черта, до какой не доросли сильфиды, вродѣ пани Цециліи Обропольской, которая выдаетъ дочь за старика. Франка встрѣчаетъ Хама, сорокалѣтняго человѣка, глубоко религіознаго и любящаго. Онъ одинъ къ ней отнесся по-человѣчески, съ искреннимъ состраданіемъ, затронулъ въ ней задавленныя лучшія струны души. Въ минуту утомленія и тоски отъ прошлаго она кидается къ нему на шею; ее влечетъ и благодарность, и новизна. Онъ отталкиваетъ ее, онъ хочетъ честной жизни, и подъ впечатлѣніемъ его поученій она кается въ прежней жизни и даетъ клятву быть честною женой. Покаянный порывъ ея искренекъ; она кается не какъ старая грѣшница въ романѣ Флобера, чтобы цинично наслаждаться воспоминаніями. Она убѣждена, что покончила съ прошлымъ, и порывъ покаяннаго плача смѣняетъ необузданная радость. Старое, намучившее, исчезло, впереди новое, чистое, свѣтлое. Только у дѣтей нормальны такіе переходы отъ слезъ къ радостному смѣху; у здороваго взрослаго переходы постепенны, въ различной мѣрѣ. Рѣзкіе переходы Франки отъ самобичеванія къ гордости, отъ стыда къ мѣднолобости говорятъ объ истеричности изломанной натуры. Исповѣдь ея, въ сущности, не сознательный подвигъ покаянія, а истеричное причитанье, разряжающее напряженные нервы. Объ этомъ говоритъ и ея портретъ: «Мелкія, красивыя черты лица, нездоровый цвѣтъ лица, черные глаза, блиставшіе страннымъ огнемъ; много жизненности и гибкости въ фигурѣ, огня въ глазахъ и въ улыбкѣ. Было въ ней странное соединеніе совершенно противуположныхъ чертъ: присутствіе затаенной силы и отпечатокъ слабости, не знающая удержу разнузданность и затаенное страданіе. Когда она упорно закусывала тонкія губы и глаза ея принимали угрюмое выраженіе, можно было подумать, что ею всецѣло овладѣвалъ пароксизмъ боли или бѣшеной злости». Сила ея—это сила порыва, при полномъ неразвитіи задерживающихъ центровъ. Не изъ такихъ грѣшницъ выходятъ Магдалины, проповѣдующія благовѣстіе міру. Она искренно говоритъ, повѣнчавшись съ Павломъ и видя его уваженіе къ ней, какъ къ женѣ, что она точно на свѣтъ родилась; и, въ то же время, надѣвъ крестьянскую одежду, она чувствуетъ, что заживо похоронила себя. Она—дикарка, созданная городскимъ пролетаріатомъ съ его порчей и своеобразною цивилизаціей подонковъ. Мужъ опостылилъ ей тѣмъ, что не умѣетъ говорить съ ней, «какъ городскіе кавалеры»,—претензія, равняющая ее съ поэтическою непонятою Эмиліей Корчинской. Ея понятія о религіи—хаосъ,

а не смѣсь простодушнаго фетишизма съ идеальною стороной, общей всѣмъ религіямъ, какъ у Хама. Она клянется передъ образомъ жить честно и говоритъ, тѣмъ не менѣе: какая тамъ душа,—черви съѣдятъ. Это не сознательное отрицаніе старухи-крестьянки изъ *Деревенскихъ разсказовъ* Ауэрбаха, идеализированной деревенской матроны и лѣкарки, это—шальное отрицаніе необузданной натуры того, что ей ставятъ уздой. Бросивъ мужа для лакея и вернувшись съ сыномъ послѣ трехлѣтнихъ мытарствъ, которыя доводили ее до самоубійства, она снова оживаетъ послѣ его прощенія, и встрѣчается съ его родней, какъ будто вернулась изъ увеселительной экскурсіи, и отдается снова своимъ инстинктамъ. Она жалуется нищенкѣ Марцеллѣ, плутоватой старухѣ, служащей ей сводней ради подачекъ: «Заведетъ онъ (мужъ) о Богѣ и дьяволѣ и разныхъ тамъ вещахъ. Раба я его и тѣломъ и душой раба». Не одно то, что Франкѣ, больной, съ ребенкомъ, нѣтъ нигдѣ пріюта, кромѣ хаты Хама, дѣлаетъ ее рабой; она не продажная, не корыстолюбимая, готовая все раздать; не матеріальная, а нравственная узда нестерпима ей; ей ненавистно нравственное превосходство человѣка, заставляющее подтягивать разнузданные инстинкты, и это тѣмъ болѣе, что въ глазахъ ея онъ—хамъ, хотя и добрый, но хамъ, да еще «старый, старый». То, что человѣкъ постарѣлъ отъ душевныхъ мукъ, которыхъ она же виной, не приходитъ на умъ женщинамъ этого типа; она сознаетъ одно, что ей 35 лѣтъ, что она хочетъ жить, веселиться, хочетъ, чтобы за нею ухаживали. Когда открылась связь ея съ Данилкой, деверемъ мужниной сестры,—связь, которая въ глазахъ деревни—кровосмѣшеніе, она подавлена стыдомъ. «Она стояла скорчившись, прижавъ къ груди руки, съ разгорѣвшимися щеками, съ глазами, опущенными въ землю. Тотъ стыдъ, который она испытывала, возвращаясь сюда послѣ трехлѣтнихъ скитаній по бѣлу свѣту, казался ей вздорнымъ въ сравненіи съ тѣмъ овладѣвшимъ ею сейчасъ жгучимъ и тяжелымъ стыдомъ. И она въ первый разъ въ жизни солгала: «не вѣрь, не вѣрь!» По совѣту старухи, оракула деревни, мужъ бьетъ ее,—не за измѣну,—за побои ея ребенку сыну. Она мститъ отравой. Она всыпаетъ ядъ совершенно спокойно, подъ вліяніемъ неотступной мысли и чувства, «которыя придаютъ ей силы и ловкости»; когда она варила похлебку, то, казалось, думала только о томъ, чтобы сварить похлебку повкуснѣе. Она шептала: «Вотъ ты покушаешь и сытъ будешь,—такъ сытъ, что никогда ѣсть не захочешь, и бить меня не захочешь. Когда ты издыхать будешь, то узнаешь, каково меня бить». Но по временамъ злобно-торжественный шепотъ переходилъ въ унылый, почти отчаянный вопль. «Господи, наказалъ меня Богъ за то, что я уважать себя не умѣла, въ мужичью хату залѣзла!» Эта мужичья хата для нея верхъ позо[ра].

Мужъ, задаривъ урядника, вернулъ ее въ эту хату, простилъ, ска[залъ], чтобы она попрежнему жила хозяйкой. «Убилъ меня своею добротой,—[жа]луется Франка Марцеллѣ,—сдѣлалъ то, что я больше жить не мог[у на] свѣтѣ». Истеричность переходитъ въ помѣшательство и страницы п[сихо]логическаго анализа души больной дѣлаютъ образъ Франки докум[ентальнымъ]

жизни—діагнозомъ психіатра. Ей мерещится ея двойникъ и она говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. Это раздвоеніе личности—характерный симптомъ. Франка съ ненавистью и страхомъ говоритъ: «Стоитъ она такая страшная, убила бы я ее, какъ собаку... Ужь я знаю, когда она трезва, она хороша, а какъ напьется, то снова что-нибудь сдѣлаетъ... Она какъ пьяница». Она, не пившая никогда, объясняетъ свой аффектъ опьяненіемъ. Она уходитъ повѣситься такъ же, повидимому, спокойно, какъ и всыпала ядъ. Она низко поклонилась мужу уходя и сказала: Береги Октавьяна». Она не забыла одѣться почище для своей казни. Образъ Франки такъ ярокъ и ясенъ, что излишни объяснительныя слова автора. «Болѣзненная закваска таинственной болѣзни, которая родится вмѣстѣ съ человѣкомъ и пропала бы въ чистой атмосферѣ, въ затхлой атмосферѣ нужды, грѣха»... и пр. И безъ нихъ ясно, что Франку сгубила мораль сильфидъ на подкладкѣ нищеты.

М. Цебрикова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мораль у разныхъ народовъ *).

Личная мораль.

Нравственныя понятія и чувства находятся всегда и вездѣ въ зависимости отъ характера народа, его соціальнаго прошлаго и современныхъ условій жизни. Намъ остается только отдѣлить частное и преходящее отъ общаго и постояннаго. Какъ было замѣчено выше,—говоритъ Спенсеръ,—общеупотребительная терминологія въ сферѣ нравственныхъ вопросовъ до такой степени пропиталась господствующими взглядами эпохи, что нашей мысли трудно освободиться отъ этого традиціоннаго наслѣдства, потому-то термины, употребляемые нами, создаютъ часто *peticio principi;* наприм., термины «долгъ», «обязанность», связанные съ идеей подчиненія извѣстному авторитету, выражаютъ, что наше поведеніе хорошо или дурно не само по себѣ, а въ силу какихъ-то внѣшнихъ велѣній. Намъ придется изучать нравственныя идеи и чувства, — замѣчаетъ авторъ, — въ зависимости отъ общаго строя жизни разсматривать человѣка, общество и нравственныя явленія, какъ продуктъ общей эволюціи. Эволюціонная мораль не только не понижаетъ прежняго нравственнаго уровня,—наоборотъ, она идетъ гораздо дальше и осуждаетъ цѣлый рядъ дѣйствій безразличныхъ или невинныхъ съ точки зрѣнія вѣковой морали. Интеграція — основной процессъ эволюціи и, благодаря этому, мы можемъ разсчитывать, что аггрегатъ нравственныхъ понятій, составляющихъ этику, будетъ возростать по мѣрѣ того, какъ его составные элементы пріобрѣтутъ бо́льшую разнородность, опредѣленность и систематическую связность. Вотъ почему этическая юрисдикція начинаетъ распространяться мало-по-малу на категорію прежде безразличныхъ дѣйствій и захватываетъ все больше и больше поступки чисто-индивидуальнаго характера, которые касаются непосредственно только дѣйствующаго лица и [illegible] косвенно отражаются на другихъ. Большинство не проводитъ границы [illegible] жду поступками, безразличными по самому существу своему, и тѣми [illegible] ствіями, которыя могутъ быть полезны или вредны намъ, и одинаково исключаетъ какъ ту, такъ и другую категорію изъ сферы нравствен[illegible]

*) *Русская Мысль*, кн. V.

закона. Не трудно, однако, видѣть нелѣпость такой теоріи добра и зла, которая обходитъ молчаніе девять десятыхъ жизненныхъ фактовъ, изъ которыхъ слагается нравственное поведеніе. Одно изъ двухъ: жизнь въ своемъ цѣломъ есть или нѣчто желательное, или, наоборотъ, нежелательное. Въ первомъ случаѣ нравственность должна санкціонировать все, что обезпечиваетъ полное развитіе жизни; во второмъ же нѣтъ и самой проблемы, такъ какъ разъ не стоитъ жить, то вмѣстѣ съ жизнью исчезаютъ и всѣ связанные съ нею вопросы. Съ вульгарной точки зрѣнія нравственность только и дѣлаетъ, что запрещаетъ соблазнительныя для людей дѣйствія и предписываетъ другія, отъ которыхъ всякій былъ бы радъ отказаться. Къ большинству же дѣйствій она относится вполнѣ равнодушно, словно имъ не нужна ея санкція. Вліяніе этой традиціонной морали настолько велико,—замѣчаетъ Спенсеръ,—что большинство моихъ читателей, вѣроятно, не въ состояніи допустить, чтобы нравственность могла предписывать наслажденіе. Къ ней часто взываютъ, осуждая злоупотребленіе чувственными удовольствіями, какъ, напримѣръ, пьянство, за его вредныя послѣдствія и для самого индивидуума, и для общества; но почему же тогда и личная выгода (разумѣется, безъ ущерба для другихъ и въ будущемъ для себя) не имѣетъ права на этическую санкцію? Хотя человѣкъ и выше другихъ животныхъ, тѣмъ не менѣе, онъ подчиненъ общимъ біологическимъ законамъ.

Для него, какъ и для всякаго живого существа, забота о самосохраненіи—вопросъ первой важности, такъ какъ иначе онъ не въ состояніи выполнить другихъ своихъ обязанностей по отношенію къ обществу и къ себѣ. Самосохраненіе же возможно лишь тогда, когда дѣйствія человѣка соотвѣтствуютъ его внутреннимъ желаніямъ. Удовлетвореніе желаній—необходимое условіе полной жизни. Излишне доказывать, что нужно удовлетворять потребности дышать, пить, ѣсть, укрыться отъ жара или холода: игнорированіе этихъ потребностей влечетъ за собою страданіе и смерть, тогда какъ ихъ удовлетвореніе доставляетъ наслажденіе. Преслѣдованіе этихъ элементарныхъ удовольствій, какъ и удовольствій высшаго порядка, развиваетъ нашу жизненную энергію, съ тою только разницей, что первое вліяетъ непосредственно на ея развитіе, а второе—косвенно. Этика предписываетъ въ сферѣ личной жизни всѣ нормальныя дѣйствія и запрещаетъ ненормальныя. Это общее предписаніе эволюціонной морали и гедонизма гармонируетъ со всѣми остальными предписаніями нравственности. Многіе представляютъ себѣ послѣднюю въ видѣ суроваго кодекса, отвергающаго нѣкоторые виды удовольствій и не поощряющаго ни одного изъ нихъ. Но на самомъ дѣлѣ этотъ кодексъ вовсе не утверждаетъ, что всякое удовольствіе заслуживаетъ порицанія; онъ только запрещаетъ нѣкоторыя изъ нихъ, а другія обходитъ молчаніемъ, и, благодаря этому, получается такое впечатлѣніе, что они недостойны его санкціи. Этотъ узкій взглядъ затемняетъ разсудокъ людей и мѣшаетъ имъ усвоить нравственныя правила. И въ самомъ дѣлѣ, если бы цѣлью жизни было жалкое прозябаніе,—говоритъ Спен-

серъ,—небытіе имѣло бы бо́льшую цѣну, чѣмъ бытіе. И такъ, мы должны допустить, что цѣлью жизни является наибольшая сумма счастья; отсюда слѣдуетъ выводъ, что преслѣдованіе личнаго счастья—цѣль вполнѣ достойная похвалы. Счастье одного человѣка увеличиваетъ общую сумму счастья, и если онъ не вправѣ искать его для себя, то почему же онъ долженъ стараться для другихъ? Многія изъ нашихъ удовольствій органически связаны съ выполненіемъ нѣкоторыхъ функцій, необходимыхъ для физическаго здоровья. Лишеніе этихъ удовольствій повлекло бы за собой ослабленіе жизненной энергіи и пониженіе нашей дѣеспособности. Отсюда вытекаетъ обязанность заботиться о себѣ. Этотъ вопросъ затрогиваетъ не только интересы индивидуума, но и интересы потомства. Пренебреженіе къ личному благу равносильно пренебреженію къ благу будущихъ поколѣній. Больные родители не въ состояніи обезпечить жизни и счастья своихъ дѣтей. Личное благо обязательно во имя сохраненія расы. Этотъ законный эгоизмъ сообщаетъ человѣку новыя силы, даетъ ему энергію для жизненной борьбы и обезпечиваетъ средства къ жизни. Забота о себѣ необходима еще въ виду воспитанія дѣтей. Пошатнувшееся здоровье родителей дѣлаетъ изъ нихъ дурныхъ воспитателей, оно ведетъ къ раздражительности и сухости, которыя пагубно отражаются на дѣтяхъ.

Да и наслѣдственность играетъ здѣсь немалую роль. Пренебреженіе къ своему физическому или интеллектуальному здоровью вредно вліяетъ на потомство. Такъ какъ нельзя предположить, что у больныхъ и глупыхъ родителей будутъ здоровыя и умныя дѣти, нужно признать тотъ фактъ, что жизненный режимъ, благопріятствующій физическому и духовному развитію индивидуума, содѣйствуетъ благополучію юнаго поколѣнія, и, наоборотъ, режимъ, подрывающій физическія и духовныя силы родителей, понижаетъ общую жизнеспособность потомства. Въ извѣстныхъ случаяхъ допускаютъ, что болѣзни дѣтей имѣютъ въ основѣ неблагоразуміе родителей. Многіе готовы обвинить ихъ за то, что они передали своимъ дѣтямъ организмъ, зараженный болѣзнью, который составляетъ несчастіе всей ихъ жизни, но сами виновники придаютъ слишкомъ мало значенія своей винѣ. Сознаніе отвѣтственности за будущность дѣтей еще слабо развито въ нашемъ обществѣ. Правда, человѣкъ воздерживается иногда отъ женитьбы, если у него въ семьѣ есть помѣшанные. Но чаще всего въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзненныя явленія не такъ ярко выражены, люди съ легкимъ сердцемъ идутъ подъ вѣнецъ и передаютъ потомству свои немощи. Не сознаютъ еще того, что физическое и умственное переутомленіе родителей вредно отражается на дѣтяхъ. Человѣкъ долженъ пользоваться жизнью, не подрывая нормальныхъ силъ своего организма. Онъ обязанъ смотрѣть на свое здоровье, какъ на временную собственность, которую онъ долженъ вернуть въ томъ же видѣ, въ какомъ она была имъ получена.

Этотъ законный эгоизмъ необходимъ во имя альтруизма. Вниманіе къ другимъ побуждаетъ насъ беречь себя, чтобы никому не быть въ тягость.

Дѣятельность.

Человѣческая жизнь представляетъ собою рядъ дѣйствій. Сперва эти дѣйствія слабы, затѣмъ они становятся сильнѣе, достигаютъ maximum'а и наконецъ ослабѣваютъ, прекращаясь со смертью. Дѣятельность—это жизнь, бездѣйствіе—смерть.

А такъ какъ тотъ видъ поведенія, который обезпечиваетъ наиболѣе полную жизнь, считается самымъ высшимъ, то и дѣятельность должна пользоваться санкціей морали, а бездѣйствіе подвергаться нравственному осужденію. Этотъ взглядъ не встрѣчаетъ возраженій: всѣ одинаково порицаютъ бездѣйствіе въ той или другой сферѣ.

На первомъ планѣ стоитъ дѣятельность, направленная къ поддержанію собственной жизни и жизни семьи. Она—законъ природы. Среди животныхъ выживаютъ только тѣ особи, которыя надѣлены способностью къ такой дѣятельности, остальные вымираютъ. На первыхъ стадіяхъ соціальной жизни люди, какъ и животныя, одинаково подчиняются этому закону: до появленія рабства трудъ былъ обязателенъ для каждой семьи, такъ какъ степень ея благосостоянія зависѣла отъ производительности ея труда. Но впослѣдствіи встрѣчались не разъ попытки избавиться отъ труда и обезпечить себѣ жизненныя средства безъ всякихъ усилій. Имѣя въ виду общій законъ жизни, можно заранѣе сказать, что подобныя попытки подвергались всегда большему или меньшему осужденію. Но мы не будемъ останавливаться на нихъ,—говоритъ Спенсеръ, а займемся главнымъ образомъ моралью личной жизни. Въ этой сферѣ насъ прежде всего интересуетъ вопросъ, какъ смотритъ нравственность на трудъ въ связи съ доставляемымъ имъ удовольствіемъ или страданіемъ. Абсолютная мораль поощряетъ только тѣ дѣйствія, которыя ведутъ къ личному или общему благу и въ то же время доставляютъ непосредственное наслажденіе. Какъ же смотрѣть на трудъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ необходимъ, но связанъ съ непріятными ощущеніями? Относительная мораль, занимающаяся не абсолютнымъ благомъ, санкціонируетъ или, вѣрнѣе, предписываетъ его. Она считаетъ необходимымъ въ наше переходное время подчиненіе непріятнымъ ощущеніямъ, связаннымъ съ трудомъ, такъ какъ видитъ въ этомъ средство избѣжать еще болѣе непріятныхъ ощущеній и обезпечить себѣ въ будущемъ наслажденіе. Наша несовершенная приспособленность къ условіямъ соціальной жизни вынуждаетъ насъ на этотъ компромиссъ. Переходъ отъ нерегулярной дѣятельности дикаря къ регулярной дѣятельности цивилизованнаго человѣка требуетъ переприспособленія, т.-е. подавленія старыхъ способностей и развитія новыхъ. Это переприспособленіе сопровождается извѣстными непріятными ощущеніями и даже страданіемъ. Но не для всѣхъ трудъ одинаково тяжелъ: что однимъ трудно, то другимъ легко. Мораль въ своихъ сужденіяхъ не должна упускать этого изъ виду. Здѣсь возникаетъ вопросъ: приспособится ли когда-нибудь человѣческая натура къ условіямъ соціальной жизни до такой степени, что трудъ ста-

нетъ источникомъ наслажденія? Утвердительный отвѣтъ покажется многимъ крайне нелѣпымъ,—замѣчаетъ Спенсеръ. Имѣя въ виду только окружающіе примѣры или факты изъ исторіи цивилизованныхъ націй, они не вѣрятъ въ перерожденіе человѣческой природы. Ихъ не убѣждаютъ примѣры, приведенные въ первой части этого труда (§§ 63—67), которые такъ громко подтверждаютъ, что удовольствія и страданія зависятъ отъ физической организаціи человѣка и что, въ силу безграничной гибкости послѣдней, дѣйствія, прежде тягостныя, могутъ обратиться впослѣдствіи въ пріятныя. Случается, что люди иногда тратятъ огромный запасъ энергіи, предаваясь съ неослабѣваемымъ жаромъ физическимъ упражненіямъ или умственнымъ занятіямъ. Но не слѣдуетъ думать, однако, что трудъ долженъ поглощать все время человѣка: онъ обязателенъ только до извѣстныхъ предѣловъ.

Въ нашемъ обществѣ сложился такой взглядъ, что чѣмъ больше человѣкъ трудится, тѣмъ выше его заслуга; но этика не санкціонируетъ такой взглядъ. Нравственность предписываетъ только извѣстное количество труда, необходимое для собственнаго поддержанія и поддержанія своей семьи. У всѣхъ, какъ низшихъ, такъ и высшихъ существъ, основная цѣль ихъ дѣятельности—стремленіе прожить. Хотя съ теченіемъ времени и сама дѣятельность, и чувства, связанныя съ нею, обращаются въ новую цѣль, но, тѣмъ не менѣе, они останутся навсегда второстепенными цѣлями и не должны быть осуществляемы въ ущербъ главной цѣли—обезпеченію самой полной и широкой жизни. Гедонизмъ, составляющій часть эволюціонной морали, санкціонируетъ только тотъ образъ дѣйствій, который доставляетъ наибольшее счастье себѣ и другимъ, и весьма понятно, что онъ отказываетъ въ своей санкціи тамъ, гдѣ трудъ переходитъ за свои нормальныя границы и истощаетъ человѣка. Если приспособленіе къ соціальнымъ условіямъ преобразитъ со временемъ настолько человѣческую природу, что обязательный трудъ станетъ источникомъ наслажденія, то и самое трудолюбіе приспособится къ этой границѣ. Всякій излишекъ труда будетъ ненормальнымъ явленіемъ, достойнымъ порицанія.

Личная мораль не можетъ быть вполнѣ отдѣлена отъ общественной; всѣ поступки человѣка тѣсно переплетаются съ интересами другихъ людей. Образъ дѣйствій чисто-личнаго характера, часто косвенно отражается на обществѣ. Нужно всегда принимать въ разсчетъ конечные результаты нашихъ поступковъ даже тогда, когда они касаются непосредственно только насъ. Едва ли нужно напоминать, что обязанность работать, вытекающая изъ законовъ личной жизни, усиливается еще вслѣдствіе нашихъ соціальныхъ обязанностей. Въ первобытныхъ общинахъ индивидуумъ несъ [illegible] ответственность за свою лѣнь; но въ болѣе развитомъ обществѣ, [illegible] члены проникнуты альтруистическими чувствами, никто не допуститъ, [illegible] бы праздный человѣкъ, а тѣмъ болѣе его дѣти—испытали всѣ послѣ[illegible] этой праздности. Если бы даже сограждане и рѣшили бросить [illegible] члена на произволъ судьбы, они сдѣлали бы это не безъ чувства [illegible],

и индивидуумъ, и общество страдали бы одинаково. Вотъ еще одно основаніе порицать праздность съ нравственной точки зрѣнія. Но и противоположный образъ дѣйствій, трудъ до изнеможенія, заслуживаетъ не меньшаго порицанія со стороны нравственной, такъ какъ и онъ причиняетъ заботы и страданія ближнимъ. Альтруизмъ идетъ объ руку съ эгоизмомъ, предписывая трудъ лишь до извѣстныхъ предѣловъ.

Отдыхъ.

Разъ мораль ставитъ извѣстную границу обязательной дѣятельности, то она тѣмъ самымъ санкціонируетъ отдыхъ. Функціонированіе каждаго органа сопровождается тратой силъ на ихъ возстановленіе. За каждымъ сокращеніемъ сердца и расширеніемъ легкихъ слѣдуетъ временное разслабленіе двигательныхъ мускуловъ. Законъ, управляющій каждымъ органомъ въ отдѣльности, управляетъ и всѣмъ организмомъ. Никто не можетъ безнаказанно напрягать свои силы въ одномъ направленіи. Потраченная мускульная энергія пополняется не сразу, — она должна быть возстановлена отдыхомъ. Спазмъ писателей и атрофія переутомленныхъ мускуловъ могутъ служить намъ примѣромъ. Чрезмѣрное умственное напряженіе такъ же вредно, какъ и физическое. Переутомленіе вниманія ведетъ къ нервному разстройству, которое дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ труду. Въ Соединенныхъ Штатахъ служащіе на одноколейныхъ желѣзныхъ дорогахъ, которые обязаны внимательно слѣдить за движеніемъ поѣздовъ, до такой степени переутомляютъ свое вниманіе, что черезъ нѣсколько лѣтъ становятся неспособными къ службѣ.

Всякое чрезмѣрное напряженіе физическое или умственное сопровождается чувствомъ усталости. Ощущенія протестуютъ противъ излишка труда и игнорированіе этого протеста не проходитъ безнаказанно. Излишне настаивать на необходимости абсолютнаго отдыха, который мы называемъ сномъ,—замѣчаетъ авторъ, но слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ его продолжительности. Необходимое время для сна опредѣляется индивидуальными особенностями: одни спятъ много, другіе—мало. Здѣсь одинаково играютъ роль и требованія человѣческаго организма, и привычки, которыя съ нашей точки зрѣнія подлежатъ нравственной оцѣнкѣ.

Разница между бодрствованіемъ и сномъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ первомъ случаѣ трата превышаетъ возстановленіе, во второмъ—возстановленіе трату. Процессъ возстановленія идетъ безпрерывно, но его интенсивность неодинакова. Мы это можемъ видѣть на примѣрѣ, зрительныхъ впечатлѣній. Въ молодости, когда кровообращеніе совершается быстро, измѣненіе нервной ткани, являющееся результатомъ каждаго зрительнаго впечатлѣнія, быстро возстанавливается и глазъ въ состояніи воспринимать такъ же отчетливо новыя впечатлѣнія. Но съ годами, когда жизненная сила слабѣетъ, нуженъ болѣе длинный промежутокъ времени для возстановленія чувствительности сѣтчатой оболочки и зрительныхъ нервовъ. Новое впечатлѣніе сливается съ предъидущимъ и въ результатѣ получается

извѣстная неясность очертаній. Быстрота возстановленія различна въ юности и старости у одного и того же индивидуума, а тѣмъ болѣе она различна у разныхъ индивидуумовъ. То же мы видимъ и относительно сна. У здороваго человѣка процессъ возстановленія совершается въ состояніи бодрствованія и почти покрываетъ всѣ траты организма. Вслѣдствіе этого и во время сна онъ идетъ быстрѣе. Болѣзненные же люди утомляются скорѣе и имъ нуженъ болѣе продолжительный отдыхъ для возстановленія изъ ослабѣвшихъ органовъ. Часто обвиняютъ въ лѣности тѣхъ людей, которые спятъ много, разумно слѣдуя законному требованію своихъ ощущеній. Но, конечно, на-ряду съ этимъ бываютъ и случаи злоупотребленія сномъ. Разумѣется, это вредно. Излишекъ сна не подкрѣпляетъ, а разслабляетъ человѣка. Послѣднее какъ бы противорѣчитъ общему закону, что ощущенія—лучшіе хранители здоровья. Такое противорѣчіе—результатъ нашей неприспособленности къ условіямъ окружающей среды. Благодаря этому, обыденная жизнь для насъ мало привлекательна, такъ что перспектива предаться ей снова не побуждаетъ вскочить насъ съ кровати. Но всѣ, вѣроятно, испытали, какъ легко проснуться рано, если насъ ждетъ впереди пріятная прогулка. Весьма возможно,—говоритъ Спенсеръ,—что болѣе полное приспособленіе къ соціальнымъ условіямъ и нашимъ обычнымъ занятіямъ поведетъ къ сокращенію времени сна.

Кромѣ сна необходимъ и другой отдыхъ. Всякое однообразіе, каково бы оно ни было, вредно отражается на здоровьѣ. Однообразная дѣятельность изо дня въ день слишкомъ утомляетъ человѣка и требуетъ перерыва. Утомленіе, накопившееся за нѣсколько дней, нуждается въ болѣе продолжительномъ отдыхѣ. Ежедневныя занятія слишкомъ напрягаютъ какой-нибудь одинъ органъ, и сонъ, достаточный для общаго подкрѣпленія, недостаточенъ для возстановленія этого органа.

Излишне останавливаться на еще болѣе продолжительномъ перерывѣ занятій, слѣдующемъ въ концѣ каждаго года. Каникулы и отпуски обновляютъ человѣка, даютъ ему свѣжія силы для труда, и этого достаточно для того, чтобы мораль санкціонировала и даже предписывала ихъ. Съ альтруистической точки зрѣнія отдыхъ не менѣе обязателенъ. Обязанности по отношенію къ ближнимъ запрещаютъ намъ переутомляться. Люди, разсчитывающіе на потомство, должны объ этомъ серьезно подумать. Физическое и духовное истощеніе родителей пагубно отражается на дѣтяхъ.

Питаніе.

Хотя многіе изъ насъ порицаютъ обжорство и обжоръ, тѣмъ не ... ѣе, они будутъ крайне удивлены,—замѣчаетъ Спенсеръ, что вопросъ пи...нія разсматривается нами съ этической точки зрѣнія. Но разъ ѣда мо...етъ вызывать осужденіе,—то почему же она не имѣетъ права на пох...лу? Правда, общественное мнѣніе не связываетъ понятія добра и зла ... бы-

денными дѣйствіями, если они не уклоняются слишкомъ явно отъ общепринятой нормы. Общество смотритъ на вопросы питанія, какъ на давно рѣшенные вопросы. Но, тѣмъ не менѣе, мы должны остановиться на нихъ,—говоритъ авторъ,—такъ какъ они слишкомъ тѣсно связаны съ основами человѣческаго благополучія. Заблужденія въ этой сферѣ весьма поучительны для насъ. Процессъ приспособленія, совершающійся какъ въ средѣ животныхъ, такъ и въ средѣ людей, имѣетъ тенденцію, между прочимъ, приноровить аппетитъ къ безусловно необходимому количеству пищи. Несоотвѣтствіе въ этомъ отношеніи гибельно отражается на индивидуумѣ. Въ общемъ, между аппетитомъ и необходимымъ количествомъ пищи существуетъ извѣстное соотвѣтствіе, такъ какъ аномальныя явленія встрѣчаются сравнительно рѣдко. Всѣмъ извѣстны вредныя послѣдствія излишества въ ѣдѣ, но рѣдко кто сознаетъ, какъ пагубно отражается недостатокъ питанія на нашемъ организмѣ. Аскетическій предразсудокъ, навязанный намъ съ дѣтства воспитаніемъ, успѣлъ привить тотъ взглядъ, что умѣренность въ ѣдѣ—заслуга. Но недостатокъ пищи, въ особенности въ періодъ физическаго развитія, является причиной слабости и малорослости. Наука и здравый смыслъ единодушно признаютъ, что сила и ростъ человѣка зависятъ отъ хорошаго питанія.

А послѣднее обусловливается полнымъ удовлетвореніемъ аппетита. Если же потребляемое количество пищи не соотвѣтствуетъ нашему аппетиту, это отражается крайне вредно на всемъ организмѣ. Мораль санкціонируетъ полное удовлетвореніе аппетита, такъ какъ, во-первыхъ, оно является однимъ изъ естественныхъ удовольствій и, во-вторыхъ, даетъ намъ здоровье и позволяетъ, такимъ образомъ, расквитаться со своими обязанностями. Остается вопросъ: хорошо или дурно слѣдовать своему желанію разнообразить пищу? Спенсеръ отвѣчаетъ утвердительно на этотъ вопросъ. Стремленіе къ разнообразію, говоритъ онъ, должно быть удовлетворено: оно имѣетъ право на такую же санкцію, какъ и желаніе удовлетворить свой голодъ. Пріятныя ощущенія повышаютъ жизненную энергію, тогда какъ непріятныя понижаютъ ее; вкусовыя же наслажденія принадлежатъ къ категоріи пріятныхъ. Пищевареніе совершается лучше, если мы воспринимаемъ пищу съ удовольствіемъ. Отъ пищеваренія, въ свою очередь, зависитъ хорошее питаніе, а отъ хорошаго питанія — интенсивность и успѣхъ въ трудѣ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ нравственность санкціонируетъ удовлетвореніе нашихъ вкусовъ. Конечно, случается, что люди злоупотребляютъ разнообразіемъ въ пищѣ и излишествомъ въ ѣдѣ, но случаи злоупотребленія не служатъ вовсе аргументомъ ни противъ разумнаго разнообразія въ пищѣ, ни противъ удовлетворенія аппетита. Какъ обжорство, та[illegible] и жизнь впроголодь заслуживаютъ порицанія не только съ эгоистической, но и альтруистической точки зрѣнія. Злоупотребленіе ѣдой косвенно от[illegible]кается на другихъ: оно портитъ настроеніе человѣка, дѣлаетъ его у[illegible]мымъ и раздражительнымъ; когда же излишество въ ѣдѣ становится об[illegible]мъ явленіемъ, тогда оно прямо вредно для общества. Если количество

жизненныхъ припасовъ въ данной общинѣ ограничено, а ея члены потребляютъ больше, чѣмъ нужно для ихъ пропитанія, они сокращаютъ, такимъ образомъ, число другихъ человѣческихъ жизней, которыя могли бы существовать бокъ-о-бокъ съ ними. Исходя изъ того взгляда, что жизнь представляетъ желательную вещь (desideratum), безсовѣстно способствовать уменьшенію населенія. Хотя нравственная отвѣтственность каждаго отдѣльнаго индивидуума въ данномъ случаѣ и незначительна, но въ суммѣ вредъ, причиненный обществу, весьма ощутителенъ.

Возбуждающіе напитки.

Посвящая нѣсколько главъ личной морали, говоритъ авторъ, нельзя обойти молчаніемъ вопроса о возбуждающихъ напиткахъ и наркотикахъ. Хотя въ большинствѣ случаевъ и воздерживаются отъ нравственной оцѣнки различныхъ поступковъ личной жизни, тѣмъ не менѣе, злоупотребленіе виномъ или водкой часто вызываетъ громкое осужденіе, и эта категорія дѣйствій считается доступной нравственной оцѣнкѣ. Абсолютная мораль отрицаетъ необходимость возбуждающихъ напитковъ, въ особенности ихъ ежедневное употребленіе. Весьма немногіе, если только таковые найдутся, станутъ утверждать, что эти напитки играютъ важную роль въ жизни. Алькоголь не является ни факторомъ питанія, ни источникомъ теплоты или силы. Онъ только способствуетъ быстротѣ молекулярнаго обмѣна и въ маломъ количествѣ ускоряетъ его, а въ большомъ—замедляетъ. Вещества, безполезныя для образованія органовъ или скопленія энергіи, не увеличиваютъ суммы жизненныхъ проявленій, а лишь вліяютъ на ея распредѣленіе. У животнаго, приспособленнаго къ условіямъ своей жизни, функціи организма также приспособлены къ нимъ, такъ что нѣтъ нужды нарушать установленное равновѣсіе. Съ этой точки зрѣнія кофе и чай не менѣе безполезны, чѣмъ алкоголь, такъ какъ эти растительные алколоиды играютъ такую же роль, какъ и послѣдній.

И такъ, абсолютная мораль отвергаетъ всякіе возбуждающіе напитки. Что же касается нравственности относительной, то, при несовершенствѣ нашего приспособленія къ соціальнымъ условіямъ, она по-неволѣ мирится съ ними. Весь міръ употреблялъ, да и теперь употребляетъ, различные возбуждающіе напитки и наркотики. Общераспространенность этого явленія, конечно, не можетъ служить его оправданіемъ, но она невольно наводитъ насъ на мысль, что между употребленіемъ возбуждающихъ напитковъ и условіями жизни, то слишкомъ однообразными, то слишкомъ тяжелыми, существуетъ извѣстная зависимость. Весьма вѣроятно, что употребленіе этихъ средствъ давало
можность переносить жизнь, которая иначе была бы невыносима или
крайней мѣрѣ, давала извѣстное успокоеніе физическимъ и нравственн
страданіямъ. Даже самые заклятые сторонники полнаго воздержанія
знаютъ употребленіе алькоголя въ медицинѣ. Эта уступка ведетъ логич
къ тому выводу, что возбуждающія средства и наркотики могутъ

употребляемы не только при тяжелой болѣзни, но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда люди неспособны переносить жестокіе удары жизни. Если явное отклоненіе отъ нормальнаго состоянія здоровья можетъ быть поправлено виномъ или водкой, то почему же не примѣнить эти средства и къ менѣе рѣзкому, но за то часто повторяемому отклоненію? Въ случаяхъ врожденнаго или старческаго безсилія, какъ и въ случаяхъ болѣзненной слабости, организмъ нуждается въ облегченіи своихъ естественныхъ функцій. Этотъ аргументъ допускаетъ употребленіе возбуждающихъ средствъ и наркотиковъ только въ качествѣ вспомогательныхъ средствъ для физіологическихъ отправленій. Вино же во время обѣда или подкожныя впрыскиванія морфія производятъ лишь временный подъемъ силъ, но не имѣютъ цѣлебнаго свойства и потому заслуживаютъ скорѣе порицанія, чѣмъ поощренія. Удовольствія, которыя являются результатомъ ненормальныхъ явленій, не имѣютъ права на этическую санкцію. Есть только одно исключеніе: на общественныхъ собраніяхъ въ праздничные дни, которые нарушаютъ однообразіе будничной жизни, недурно прибѣгать къ спиртнымъ напиткамъ. Ежедневное повтореніе однихъ и тѣхъ же занятій сильно напрягаетъ тѣ или другія части нашего организма. Необходимо нарушить это однообразіе и помочь организму возстановить свое прежнее равновѣсіе. Вотъ почему общественныя собранія съ обильными угощеніями и запасомъ вина весьма полезная вещь: они обновляютъ нашъ организмъ и даютъ намъ свѣжія силы для труда. Разумѣется, къ этимъ средствамъ нужно прибѣгать въ рѣдкихъ случаяхъ: повторяясь слишкомъ часто, они уничтожаютъ сами себя.

Личное совершенствованіе.

Въ самомъ широкомъ смыслѣ слова личное совершенствованіе есть общая подготовка къ наиболѣе полной жизни. Сюда входятъ, во-первыхъ, воспитаніе и знаніе, безусловно необходимыя для поддержанія своей жизни и жизни семьи, а во-вторыхъ — развитіе тѣхъ способностей, которыя открываютъ человѣку всѣ источники наслажденія, какія только могутъ ему дать природа и человѣчество. Первая часть личнаго совершенствованія не только санкціонирована, но и предписана нравственнымъ закономъ. Пріобрѣтеніе сноровки въ трудѣ — самая священная обязанность человѣка по отношенію къ себѣ и ближнимъ. Такъ какъ эта сноровка предполагаетъ извѣстную ловкость и знаніе, то безъ нихъ невозможно обезпечить себѣ средства къ жизни (разумѣется, если человѣкъ не имѣетъ состоянія). Тотъ, въ комъ неразвита способность къ труду, ложится бременемъ на общество.

Другая часть личнаго совершенствованія не носитъ такого обязательнаго характера. Приверженцы аскетизма вовсе не нуждаются въ развитіи своихъ высшихъ способностей для болѣе тонкихъ наслажденій, такъ какъ они отрицаютъ и самое наслажденіе. Секта квакеровъ совсѣмъ вычеркиваетъ эту часть воспитанія. Только адепты гедонизма требуютъ высшаго разви-

тія ума и чувствъ во имя разнообразія и высоты наслажденій. Они смотрятъ на совершенствованіе этихъ способностей какъ на подготовку къ наиболѣе полной жизни и въ силу этого оно получаетъ нравственную санкцію.

Отъ общихъ взглядовъ на личное совершенствованіе Спенсеръ переходитъ къ его отдѣльнымъ вѣтвямъ, на которыя оно подраздѣляетъя. Развитіе физической ловкости, въ особенности ловкости въ рукахъ,— одна изъ вѣтвей личнаго совершенствованія, которая обыкновенно игнорируется, а между тѣмъ на нее слѣдовало бы обратить побольше вниманія.

Никто не отрицаетъ, что эта ловкость необходима для людей, занимающихся ремесленнымъ трудомъ, но не сознаютъ еще того, что и людямъ съ болѣе высокою карьерой впереди не мѣшало бы позаботиться о развитіи своей физической ловкости. Неповоротливость и неумѣнье владѣть своими членами ведетъ къ печальнымъ случаямъ, тогда какъ ловкость способствуетъ личному благополучію и благополучію окружающихъ лицъ. Ловкій человѣкъ, умѣющій управлять своими мускулами и внѣшними чувствами, подвергается меньшимъ случайностямъ, чѣмъ неловкій, и не теряется никогда въ трудную минуту. Назначеніе внѣшнихъ органовъ и чувствъ сводится къ приспособленію человѣческихъ дѣйствій къ условіямъ окружающей среды и въ виду этой цѣли необходимо развивать въ нихъ ловкость. Пусть не подумаютъ,—говоритъ Спенсеръ,—что я настаиваю на *формализмѣ*,— нисколько; наоборотъ, ошибка нашего времени состоитъ въ томъ, что все у насъ преподаютъ въ формѣ урока. Ловкость въ рукахъ, какъ и всякая другая ловкость, можетъ быть достигнута при преслѣдованіи уже намѣченныхъ цѣлей. Раціональная система воспитанія дастъ массу случаевъ для упражненія тѣхъ способностей, которыя необходимы каждому человѣку. Умственная культура въ своемъ первоначальномъ видѣ находится въ извѣстной связи съ физическимъ развитіемъ. Какъ упражненіе внѣшнихъ органовъ и чувствъ подготовляетъ насъ къ непосредственному воздѣйствію на окружающіе предметы, такъ и разумъ руководитъ нами въ нашихъ отношеніяхъ къ тѣмъ же вещамъ. Высшія изобрѣтенія ума до того удалились теперь отъ сферы практической жизни, что трудно уловить между ними какую-нибудь связь; но достаточно вспомнить, что палка, поднимающая камень и колесо парохода — примѣненіе одного и того же рычага, что заостренная форма стрѣлы предполагала извѣстное пониманіе законовъ динамики, что первоначальныя туманныя знанія развились въ широкія математическія и астрономическія обобщенія,—достаточно вспомнить все это для того, чтобы признать, что наука выростала постепенно изъ зачаточныхъ свѣдѣній дикаря. Какъ элементарныя свѣдѣнія послѣдняго руководили его дѣйствіями въ добываніи средствъ къ жизни, т[illegible] и высшія человѣческія знанія руководятъ нами теперь во всѣхъ сф[illegible]хъ практической жизни. Способность воздѣйствовать на внѣшній міръ и [illegible]овлетворять, такимъ образомъ, свои нужды дается умственнымъ разви[illegible]ю. Послѣднее не должно быть ограничено однимъ профессіональнымъ [illegible]зованіемъ, такъ какъ всякая группа явленій находится въ связи съ [illegible]

и ея основательное изученіе невозможно внѣ этой связи. Каждый предметъ, каждый актъ связанъ съ цѣлымъ рядомъ явленій физическихъ, химическихъ и біологическихъ. Эти явленія переплетаются такъ тѣсно, что полное изученіе одной группы непремѣнно предполагаетъ частичное знаніе другихъ. Такая широта умственнаго развитія можетъ показаться недостижимой, — говоритъ авторъ,—но это не такъ; хорошо поставленное образованіе дало бы намъ возможность постигнуть основныя истины всѣхъ наукъ, оставляя въ сторонѣ частности. Знаніе этихъ истинъ и ихъ слѣдствій повело бы къ ясному пониманію каждой группы явленій и вполнѣ подготовило бы человѣка къ спеціальнымъ занятіямъ. Кромѣ общественной санкціи, которою пользуется умственное развитіе какъ средство пропитанія, оно имѣетъ еще другую санкцію, лишенную всякихъ практическихъ соображеній. Люди съ неразвитымъ или спеціализированнымъ умомъ не въ состояніи охватить своимъ умственнымъ взоромъ чудную панораму міровой жизни, развертывающуюся передъ нами; они видятъ часть, но не видятъ цѣлаго. Представьте себѣ, — говоритъ Спенсеръ,— зажженную свѣчу въ громадномъ и роскошно убранномъ залѣ, которая скудно освѣщаетъ только одинъ его уголъ, и затѣмъ сотню электрическихъ люстръ, заливающихъ яркимъ свѣтомъ общую картину его пышнаго убранства. Такой же контрастъ существуетъ во взглядахъ на природу у невѣжественныхъ и высоко развитыхъ людей. Хорошо усвоенная наука возбуждаетъ умственную жизнь. Она формируетъ міросозерцаніе, открываетъ намъ тайны природы и нашу связь съ нею. Образованіе предполагаетъ знаніе общественныхъ наукъ, которыя въ свою очередь требуютъ изученія исторіи. Каждый гражданинъ обязанъ знать то, что необходимо для выработки его политическихъ убѣжденій. Правда, большинство фактовъ, на которыхъ покоятся соціологическія обобщенія, взято изъ жизни дикихъ и полуцивилизованныхъ народовъ; но ихъ должно подкрѣпить фактами изъ исторіи передовыхъ націй. Кромѣ изученія историческихъ явленій, которыя составляютъ главную суть, слѣдуетъ также обратить вниманіе на личности въ исторіи, но не отводить имъ такого большого мѣста, какъ нѣкоторые историки. Подробности изъ жизни папъ, королей, министровъ и полководцевъ не даютъ намъ яснаго представленія о законахъ соціальной эволюціи. Тотъ фактъ, что раздѣленіе труда во всѣхъ прогрессивныхъ странахъ совершалось безъ вѣдома законодателей и помимо ихъ содѣйствія, свидѣтельствуетъ о томъ, что законы, управляющіе обществомъ, дѣйствуютъ независимо отъ плановъ великихъ людей и часто даже наперекоръ имъ. Но, тѣмъ не менѣе, нужно знать характеръ и направленіе дѣятельности такихъ людей. Новѣйшія стадіи историческаго процесса бы[illegible]и бы для насъ непонятны, если бы мы изучали ихъ вдали отъ людей и обытій, которые въ нихъ фигурировали. Знакомство съ историческими л[illegible]ностями даетъ намъ извѣстное пониманіе человѣческой натуры вообще, в[illegible]хъ ея крайностей, того добра и зла, на которое она способна.

Литературное образованіе непосредственно примыкаетъ къ предыдущему. И[illegible]шне говорить о томъ, что оно играетъ большую роль въ подготовкѣ

юношества къ полной жизни; но не мѣшаетъ замѣтить,—говоритъ авторъ,—что въ зрѣломъ возрастѣ изящная литература должна была бы занимать поменьше мѣста. Люди слишкомъ склонны къ легкимъ занятіямъ и предпочитаютъ посвящать свое время литературѣ, а не наукѣ. Не слѣдуетъ забывать, однако, что съ точки зрѣнія гедонизма, который стоитъ за непосредственное наслажденіе, литература имѣетъ серьезное право на наше вниманіе. Она развиваетъ богатство и силу выраженія, оживляетъ разсказъ метафорами и, такимъ образомъ, увеличиваетъ умственное наслажденіе. Но и въ дѣлѣ личнаго совершенствованія не надо предаваться крайностямъ. Одна часть людей игнорируетъ его совсѣмъ, другая отдается ему слишкомъ исключительно. Настоящій *джентльменъ*,— говоритъ Эмерсонъ,— долженъ быть, прежде всего, выносливымъ животнымъ. Это примѣнимо ко всѣмъ. Образъ жизни, губящій животное, не находитъ оправданія. Жизнь не можетъ быть полной и прекрасной, если тѣло немощно. Всякое нарушеніе законовъ физіологіи наноситъ вредъ не только тѣлу, но и уму. Вслѣдствіе этого, не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться умственною культурой; она не должна подрывать физическаго здоровья и нормальной дѣятельности человѣка. Злоупотребленіе умственными занятіями ведетъ къ апатіи и равнодушію къ естественнымъ удовольствіямъ. Человѣкъ получаетъ отвращеніе къ тѣмъ предметамъ, которыми онъ слишкомъ много занимался. Въ особенности умственный трудъ вредно отзывается на здоровьи женщинъ. Студентки Кембриджскаго и другихъ англійскихъ университетовъ пользуются далеко не блестящимъ здоровьемъ. Если бы наши программы, — говоритъ авторъ, — были болѣе раціональны, и женщины, и мужчины могли бы получать высшее образованіе безъ всякаго ущерба для себя. Если бы выбросить все безполезное изъ нынѣшней системы воспитанія, можно было бы располагать полнымъ, широкимъ знаніемъ, которое даетъ человѣку руководящую нить въ жизни, освѣщаетъ его умъ и формируетъ его душу. Альтруистическіе мотивы такъ же, какъ и эгоистическіе, санкціонируютъ личное совершенствованіе. Невѣжественный человѣкъ—существо крайне неинтересное, а, между тѣмъ, наши обязанности по отношенію къ обществу состоятъ въ томъ, чтобы доставлять удовольствіе ближнимъ. Отсюда слѣдуетъ, что развитіе нашихъ способностей и, главнымъ образомъ, тѣхъ, которыя даютъ намъ извѣстную привлекательноеть въ обществѣ, пользуются не только нравственною, но и общественною санкціей. Въ виду этого эстетическое развитіе должно быть предписано на ряду съ умственнымъ и предписано не только какъ средство обезпечить полноту нашей жизни, но и какъ средство доставить наслажденіе обществу. Изученіе пластическихъ искусствъ, музыки и поэзіи заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Разумѣ[illegible]я, не слѣдуетъ всецѣло предаваться этому занятію, убивая на него все [illegible]ое время. Эстетическое развитіе, безъ сомнѣнія, пользуется нравственною с[illegible]кціей, но имъ увлекаются въ наше время слишкомъ много,—до того [illegible]го подчиняютъ содержаніе формѣ.

Развлеченія.

Многимъ покажется весьма страннымъ, говоритъ Спенсеръ, что нравственность санкціонируетъ развлеченія. Передъ нами дилемма: или развлеченія ни хороши, ни дурны сами по себѣ, или же они хороши и мораль должна ихъ санкціонировать. Разумѣется, доктрина гедонизма поддерживаетъ развлеченія: они доставляютъ удовольствіе безъ ущерба для кого бы то ни было, и этого довольно. Эволюціонная доктрина стоитъ также за нихъ. Въ *Основаніяхъ психологіи* (§ 534) я показалъ, говоритъ авторъ, что у низшихъ существъ вся энергія уходитъ на борьбу за существованіе и продолженіе вида. Но чѣмъ выше животное, тѣмъ больше сумма его жизненныхъ силъ, такъ что многія изъ нихъ остаются безъ примѣненія. Всякій органическій прогрессъ создаетъ экономію силъ и освобождаетъ, такимъ образомъ, извѣстное количество энергіи. Этотъ излишекъ выражается въ игривости нѣкоторыхъ животныхъ. У высшихъ позвоночныхъ онъ особенно великъ. У человѣка избытокъ энергіи проявляется ярче всего, когда онъ не измученъ конкурренціей въ борьбѣ за существованіе. Чѣмъ совершеннѣе форма жизни, тѣмъ больше оставляетъ она досуга для развитія тѣхъ способностей, которыя не поглощены ежедневнымъ трудомъ. Въ *Основаніяхъ психологіи* (§§ 533—540) было установлено различіе между скучною дѣятельностью, направленною на борьбу за существованіе, и дѣятельностью съ цѣлью развлеченія. Спенсеръ считаетъ нужнымъ провести границу между наслажденіями, въ основѣ которыхъ лежитъ эстетическое чувство, и наслажденіями, основанными на нашей самодѣятельности. Грантъ-Алленъ установилъ различіе между ними въ своей физіологической эстетикѣ. Если это различіе не доведено до крайности, говоритъ Спенсеръ, оно соотвѣтствуетъ дѣйствительному порядку вещей. Къ удовольствіямъ перваго рода относится наслажденіе природой и искусствомъ. Всѣ они болѣе или менѣе пользуются санкціей нравственности; но не нужно слишкомъ увлекаться этими удовольствіями, въ особенности романомъ и драмой, такъ какъ при злоупотребленіи ими притупляются лучшія человѣческія чувства. Получая удовольствія подобнаго рода, человѣкъ пассивно воспринимаетъ впечатлѣнія. Другая же категорія удовольствій обусловливается его активною ролью. Она дѣлится на два разряда: на различные виды спорта и игры. Первые подвергаются нравственному осужденію, такъ какъ они сопряжены съ опасностью для жизни и страданіемъ. Вторыя пользуются санкціей морали, — разумѣется, если онѣ невинны. Игры въ особенности полезны для дѣтей и молодежи. Развивая въ нихъ мускульную силу и сообразительность, онѣ доставляютъ, въ то же время, удовольствіе. Если же къ играмъ примѣшиваются призы и пари, то онѣ вызываютъ нравственное осужденіе, такъ какъ нарушаютъ тогда въ дѣтяхъ чувство солидарности. Если человѣкъ не развилъ въ себѣ склонности къ развлеченіямъ, его способность наслаждаться атрофируется: онъ становится равнодушнымъ ко всякаго рода удовольствіямъ и можетъ интересоваться только своею дѣятельностью. Это же

препятствуетъ возстановленію его здоровья. А разстроенное здоровье дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на окружающихъ. Человѣкъ не вправѣ оказывать никакого давленія на другихъ,—наоборотъ, онъ долженъ помогать имъ жить, долженъ увеличивать сумму ихъ счастья. Человѣкъ же, ничего не смыслящій ни въ искусствѣ, ни въ литературѣ, человѣкъ, неспособный принимать участіе въ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ, представляетъ настоящую обузу для общества. Его исчезновеніе, если онъ не имѣетъ спеціальной цѣны, пройдетъ почти незамѣтно. И съ альтруистической точки зрѣнія склонность къ развлеченію заслуживаетъ поощренія.

Бракъ.

До сихъ поръ мы имѣли возможность, если не абсолютно, то относительно, разграничивать съ достаточною ясностью сферу личной и общественной морали. Теперь намъ приходится обратиться къ фактамъ смѣшаннаго характера. Дѣло въ томъ, что брачныя и родственныя отношенія необходимо приводятъ личность въ соприкосновеніе съ другими, причемъ это соприкосновеніе характеризуется своею непосредственностью и неизбѣжностью. Факты семейной жизни вдвойнѣ нуждаются въ нравственной санкціи, такъ какъ они затрогиваютъ одновременно и полноту личной жизни, и наши отношенія къ ближнимъ. Прежде всего, слѣдуетъ остановиться на общей обязанности поддержанія вида. Въ *Основаніяхъ біологіи* Спенсеръ отмѣтилъ антагонизмъ между индувидуализаціей и размноженіемъ, т.-е. между склонностью индивидуума поддерживать исключительно свое личное существованіе и стремленіемъ обезпечить жизнь потомства. Факты, однако, показываютъ, что по общему правилу первое приносится въ жертву послѣднему. Но чѣмъ выше организація, чѣмъ значительнѣе въ ней запасъ жизненной энергіи, тѣмъ эта жертва менѣе велика. Въ человѣческомъ обществѣ интересы дѣтей и родителей примиряются до такой степени, что продолженіе рода связано съ сравнительно небольшими жертвами. Но, тѣмъ не менѣе, антагонизмъ между индувидуализаціей и воспроизведеніемъ существуетъ всегда. Если признать, что сохраненіе рода представляетъ желанную вещь, то отсюда вытекаетъ обязанность заплатить дань природѣ и принять эту жертву, не говоря уже о той естественной справедливости, въ силу которой каждый обязанъ дать потомству то же, что самъ получилъ отъ предковъ. Послѣднее соображеніе въ особенности важно на первыхъ стадіяхъ культуры, когда войны и междоусобія задерживаютъ естественное размноженіе племени. Но оставимъ въ сторонѣ эти соображенія и обратимся прямо къ браку. Въ этой сферѣ дѣятельность человѣка можетъ быть направлена или къ поддержанію собственной жизни, или же къ обезпеченію жизни потомства. Тѣсная связь между результатами той и другой дѣятельности и устанавливаетъ необходимость брака. Можно, пожалуй, оспаривать вредныя физіологическія послѣдствія безбрачія, хотя извѣстная степень вреда стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но едва ли ни-

будь станетъ отрицать благотворное нравственное вліяніе брака. Многія изъ нашихъ душевныхъ качествъ могутъ проявиться только въ сферѣ семейной жизни. Если же эта сфера для нихъ закрыта, они остаются въ зачаточномъ состояніи. Близкое общеніе съ другими людьми, являющееся результатомъ брака, даетъ новый импульсъ человѣческой энергіи. Бракъ вызываетъ на смѣну старымъ эгоистическимъ чувствамъ болѣе возвышенныя—любовь и самоотверженіе. Нравственное перерожденіе, часто случающееся послѣ брака, свидѣтельствуетъ о силѣ тѣхъ вліяній, которыя выступаютъ на сцену въ новой сферѣ жизни. Какъ часто легкомысленныя и пустыя дѣвушки обращаются въ самоотверженныхъ матерей, а угрюмые, сухіе люди—въ нѣжныхъ отцовъ и заботливыхъ супруговъ. Разумѣется, благотворное вліяніе брака можетъ сказаться только при условіи взаимной любви. Бракъ по разсчету опошляетъ человѣческую личность и не можетъ быть оправданъ съ нравственной точки зрѣнія. Но какъ же слѣдуетъ смотрѣть на легкомысленные браки? Напримѣръ, если человѣкъ обзаводится семьею, не имѣя возможности исполнить своихъ семейныхъ обязанностей? Въ этомъ случаѣ нравственность караетъ его. Матеріальный недостатокъ создаетъ семейный адъ, а не жизнь. Голодныя, больныя дѣти не обѣщаютъ ничего хорошаго. Въ будущемъ они явятся бременемъ и для себя, и для общества. Дѣйствія, влекущія за собою такія послѣдствія, заслуживаютъ строгаго нравственнаго осужденія. Съ другой же стороны, однако, поздніе браки даютъ не менѣе грустные результаты. Возрастъ родителей сильно отражается на потомствѣ. Когда организмъ еще не окрѣпъ или когда періодъ полнаго разцвѣта жизненныхъ силъ клонится къ упадку, качества дѣтей ухудшаются. Тотъ фактъ, что дѣти, родившіеся отъ матерей между 21—25 годами, даютъ наименьшій процентъ смертности, показываетъ намъ, что возрастъ родителей далеко не безразличенъ для будущихъ поколѣній. Если дѣти при заключеніи неразумныхъ браковъ страдаютъ отъ недостатка питанія, то при заключеніи позднихъ союзовъ они страдаютъ отъ худосочія и врожденной слабости. Оставляя въ сторонѣ браки, заключенные до двадцатилѣтняго возраста, которые подвергаются безусловному осужденію морали, нельзя не замѣтить, что господствующіе нравственные взгляды на брачный возрастъ нѣсколько неопредѣленны. При современномъ состояніи нашихъ знаній трудно, конечно, рѣшить этотъ вопросъ вполнѣ удовлетворительно, такъ что приходится довольствоваться пока компромиссомъ между вѣроятностями. Браки, свидѣтельствующіе о слишкомъ явной безразсудности, должны, конечно, подвергаться безусловному осужденію. Но во многихъ случаяхъ ранній, но рискованный бракъ, все-таки, предпочтительнѣе поздняго. Какъ уже было замѣчено выше, нравственность санкціонируетъ только браки по любви. И эволюціонная мораль, и гедонизмъ сильно возстаютъ противъ браковъ безъ взаимной привязанности. Но не слѣдуетъ увлекаться, однако. Не всѣ браки по любви заслуживаютъ одинаковаго одобренія морали; многіе вызываютъ даже осужденіе въ силу своихъ дурныхъ послѣдствій. Союзъ между физически или нравственно больными людьми отражается слиш-

комъ пагубно на потомствѣ. Нравственныя соображенія должны удерживать въ такихъ случаяхъ отъ брака. Кромѣ того, нужно хорошо взвѣшивать свои привязанности и не принимать жалости за любовь. Нравственность требуетъ, чтобъ умъ контролировалъ наши инстинкты и чувства. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ пунктѣ, который обыкновенно обходятъ молчаніемъ, который, между тѣмъ, очень важенъ по своимъ послѣдствіямъ. Дѣло идетъ о злоупотребленіяхъ физіологическими потребностями. Этика громко возстаетъ противъ нихъ, такъ какъ эти злоупотребленія дурно отражаются и на самомъ индивидуумѣ, и на его потомствѣ.

Отношенія родителей къ дѣтямъ.

Несмотря на тѣсную связь между бракомъ и отношеніями родителей къ дѣтямъ, Спенсеръ предпочелъ для удобства выдѣлить послѣднія въ отдѣльную главу. Какъ было сказано выше, природа въ своихъ заботахъ о потомствѣ жертвуетъ интересами индивидуума для него: благо дѣтей становится выше блага родителей. Съ точки зрѣнія эволюціонной морали рожденіе и воспитаніе дѣтей представляетъ конечную и высшую цѣль брака. Этой цѣли должны быть подчинены всѣ остальныя условія брачной жизни. Правда, инстинктъ продолженія рода способствуетъ въ достаточной мѣрѣ ея осуществленію: ни одинъ видъ или разновидность не можетъ сохраниться, если у родителей слабъ этотъ инстинктъ. Удовлетвореніе родительскихъ чувствъ хотя и представляетъ само по себѣ цѣну, является въ то же время источникомъ родительскихъ обязанностей. Когда родители слагаютъ съ себя эти обязанности и предоставляютъ заботы о дѣтяхъ другимъ, они нарушаютъ законы природы. Казалось бы излишнимъ говорить объ этомъ,—замѣчаетъ Спенсеръ,—а, между тѣмъ, мы переживаемъ тотъ опасный періодъ, когда доктрина общественнаго воспитанія начинаетъ пріобрѣтать все бо́льшія и бо́льшія права. Литераторы и законодатели создали такую теорію, которая логически приводитъ къ слѣдующему: на родителяхъ лежитъ рожденіе дѣтей, а на обществѣ обязанность ихъ воспитывать. Эта доктрина до того вкоренилась въ умы, что всякій, кто оспариваетъ ее, встрѣчаетъ улыбку на лицѣ своего собесѣдника. Но, тѣмъ не менѣе,—говоритъ авторъ, — нельзя отрицать того факта, что всякая жизнь на землѣ развилась благодаря надлежащему исполненію родительскихъ обязанностей и только наилучшее исполненіе этихъ обязанностей сдѣлало возможными высшіе типы жизни. Природа мститъ за нарушеніе своихъ законовъ и ея возмездіе въ данномъ случаѣ было бы ужасно. Упадокъ и вырожденіе націи явились бы слѣдствіемъ общественнаго воспитанія. Послѣднее стремится развить слабыхъ насчетъ сильныхъ, поднимая неспособныхъ и пригнетая способныхъ. Общество же съ такою системою воспитанія было бы не въ состояніи конкуррировать съ другимъ, гдѣ воспитаніе носило бы бо́лѣе естественный характеръ. Нравственный кодексъ природы запрещаетъ р[одите]лямъ отрекаться отъ своихъ обязанностей и возлагаетъ на нихъ [обя]-

товку юношества къ жизненной борьбѣ. При такихъ условіяхъ потомство низшихъ индивидуумовъ не можетъ выдержать конкурренціи съ потомствомъ высшихъ и черезъ одно или два поколѣнія неизбѣжно исчезнетъ, уступивъ мѣсто наиболѣе совершеннымъ типамъ. Этотъ порядокъ безпощаденъ, замѣтятъ мнѣ,—говоритъ Спенсеръ,—я этого не отрицаю; но многіе законы природы безпощадны, а, между тѣмъ, приходится имъ подчиняться. Мѣры, направленныя къ поддержанію низшихъ индивидуумовъ, ведутъ къ гибели самой націи черезъ нѣсколько поколѣній. При нормальномъ соціальномъ строѣ всякое вторженіе въ область семейныхъ отношеній будетъ считаться посягательствомъ. Родители станутъ относиться съ наслажденіемъ къ своимъ обязанностямъ. Когда безобразная система воспитанія съ массой ненужнаго хлама уступитъ мѣсто другой, болѣе совершенной системѣ, тогда воспитаніе дѣтей обратится въ легкій и пріятный трудъ. Согласно общему закону органической эволюціи, періодъ родительскихъ попеченій о дѣтяхъ продолжительнѣе у высшихъ типовъ, чѣмъ у низшихъ. Это мы видимъ на примѣрѣ людей и животныхъ, цивилизованныхъ и дикихъ расъ. Этотъ законъ назначаетъ уже и теперь довольно продолжительный срокъ для физическаго воспитанія дѣтей. Въ будущемъ же онъ, вѣроятно, предпишетъ не менѣе длинный періодъ для духовнаго воспитанія ребенка. Разумѣется, родители будутъ вправѣ уполномочивать другихъ лицъ для высшаго и спеціальнаго развитія своихъ дѣтей, но и эта часть воспитанія будетъ подлежать ихъ контролю. Въ настоящее время родители обращаютъ слишкомъ мало вниманія на разумное воспитаніе юношества. Но когда они направятъ всѣ свои усилія на всестороннее развитіе подростающихъ поколѣній, начнутъ гордиться умными, здоровыми и нравственно развитыми дѣтьми, всѣ ихъ заботы будутъ вознаграждены сторицею. Дѣти окружатъ ихъ старость самыми нѣжными попеченіями и любовью. Но такое исполненіе родительскихъ обязанностей невозможно при многочисленной семьѣ. Произведеніе на свѣтъ большого количества дѣтей, при невозможности воспитать ихъ, подвергается не менѣе громкому осужденію, чѣмъ опрометчивый бракъ. Бѣдные родители, имѣющіе большую семью, обрекаютъ дѣтей на жалкое существованіе. Да и положеніе самихъ родителей не лучше: отецъ надрывается за тяжелою работой, мать только и думаетъ о томъ, какъ бы накормить своихъ птенцовъ. Гедонизмъ негодуетъ противъ такого поведенія, потому что оно создаетъ одни только страданія. Эволюціонная мораль караетъ его за дурныя послѣдствія, за то, что оно способствуетъ размноженію низшаго типа людей. Но допустимъ даже, что матеріальный достатокъ позволяетъ родителямъ содержать большую семью. Тѣмъ не менѣе, дѣти будутъ страдать отъ недостатка духовнаго вліянія. При большомъ количествѣ дѣтей родители не могутъ удѣлять достаточно времени каждому ребенку въ отдѣльности и дѣти чувствуютъ извѣстную неудовлетворенность. [illegible] дикарей, какъ, наприм., у жителей Уганды, женщины никогда не имѣютъ болѣе двухъ-трехъ дѣтей. Послѣ рожденія каждаго ребенка жена по[illegible]ну должна быть отдѣлена отъ своего мужа въ теченіе двухъ лѣтъ.

Это срокъ, когда кончается періодъ кормленія грудью. У фиджійцевъ послѣ рожденія на свѣтъ ребенка родители живутъ врозь въ теченіе трехъ или даже четырехъ лѣтъ. Узнавъ, что у европейцевъ бываетъ по десяти дѣтей подрядъ, фиджійцы были крайне поражены и заявили, что они теперь понимаютъ, почему бѣлые не сильнѣе «морскихъ раковъ». У племени Новой Гвинеи встрѣчается то же явленіе. Эти народы, повидимому, понимаютъ, что слишкомъ частая беременность вредно отражается на потомствѣ, подрывая организмъ матери и препятствуя полному развитію ребенка. Потому-то эволюціонная мораль ставитъ извѣстныя ограниченія. Но какъ же примирить интересы индивидуума и потомства, да и есть ли возможность примирить ихъ? Нужно было много времени, чтобы человѣкъ приспособился къ условіямъ соціальной жизни. Переживаніе старыхъ инстинктовъ было причиной хроническихъ бѣдствій. Неприспособленность чувствъ къ новому общественному строю порождала массу страданій. Слишкомъ быстрое размноженіе населенія обостряло борьбу за существованіе, и хотя, съ одной стороны, оно являлось причиной прогресса, съ другой—было, да и будетъ еще долго источникомъ многихъ бѣдствій. Но современемъ, вслѣдствіе бо̀льшаго умственнаго развитія, способность къ дѣторожденію ослабится.

Въ *Основаніяхъ біологіи* Спенсеръ установилъ взаимоотношеніе между ними. Наибольшая степень индивидуализаціи влечетъ за собою наименьшую способность къ дѣторожденію. И если этика потребуетъ тогда ограниченій, они будутъ вознаграждаться удовольствіями высшаго порядка. Но эти измѣненія произойдутъ еще очень нескоро. Теперь намъ остается только подчиниться закону природы и помнить всегда, что интересы потомства стоятъ выше интересовъ индивидуума.

Общіе выводы.

Обыкновенно думаютъ, что личная жизнь, поскольку она не касается непосредственно другихъ, не входитъ въ сферу нравственной оцѣнки. Даже больше, этотъ вопросъ почти совсѣмъ игнорируется. А, между тѣмъ, къ пьянству, пороку чисто-личной жизни, относятся весьма отрицательно. Но если это ненормальное явленіе достойно порицанія за свои пагубныя послѣдствія, то почему всякое отклоненіе отъ нормальныхъ условій, имѣющее такія же пагубныя послѣдствія, не вызываетъ осужденія? Мораль, въ своей высшей формѣ развитія, обязана давать оцѣнку всѣхъ дѣйствій личной жизни. Серія предъидущихъ главъ показала достаточно, какъ мнѣ кажется,—говоритъ авторъ,—что эта обширная область поведенія нуждается въ подчиненіи нравственному закону. Конечно, этотъ законъ не [illegible] здѣсь рѣшающаго характера; его власть приближается скорѣе къ [illegible] сюзерена, чѣмъ дѣйствительнаго монарха. Въ области личной жизни [illegible] приходится большею частью идти на компромиссъ между различными тр[illegible] ніями, и роль нравственности сводится, главнымъ образомъ, къ у[illegible] разумнаго компромисса. Эту нравственную теорію сочтутъ, вѣроят[illegible]

мѣчаетъ Спенсеръ,—возвратомъ къ доктринѣ золотой середины,—доктринѣ, выраженной нѣсколько неясно Конфуціемъ и опредѣленно формулированной Аристотелемъ. Конечно, для оцѣнки многихъ дѣйствій, которыя не касаются непосредственно другихъ людей, нужно избѣгать крайностей. Но доктрина золотой середины не имѣетъ того всеобщаго примѣненія, какое давалъ ей Аристотель. Она непримѣнима, прежде всего, къ справедливости, поскольку та касается нашего поведенія. Разумѣется, здѣсь идетъ рѣчь не о справедливости, формулированной въ законахъ, но о той справедливости, которая безусловно необходима для развитія соціальной кооперації. Въ этой сферѣ мораль не можетъ остановиться на серединѣ,—она требуетъ полнаго воздержанія отъ того, что можетъ причинить вредъ другимъ. То же и по отношенію къ правдивости: мораль не допускаетъ компромисса между правдой и ложью. Доктрина золотой середины непримѣнима также къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ, причисляемымъ къ разряду пороковъ: она отвергаетъ ихъ цѣликомъ, а не отчасти. Эта доктрина имѣетъ только мѣсто въ сферѣ чисто-личной жизни. Но тогда возникаетъ вопросъ: гдѣ же эта середина? Ее, очевидно, нельзя опредѣлить до тѣхъ поръ, пока неизвѣстны крайности. Вотъ тутъ-то и начинается роль той нравственности, которую Спенсеръ называетъ личною моралью. Эта мораль стремится дать болѣе вѣрное направленіе господствующимъ взглядамъ на личную жизнь. Во всемъ, что касается питанія, дѣятельности, отдыха, индивидуальнаго развитія и развлеченій, роль личной морали сводится къ тому, чтобы разсѣять существующія заблужденія на основаніи точныхъ наблюденій и анализа фактовъ личной жизни. Если мы вспомнимъ всѣ предъидущіе выводы, то увидимъ, что эта мораль дастъ намъ вѣрное пониманіе середины тамъ, гдѣ она имѣетъ мѣсто, и сообщаетъ опредѣленность понятію необходимой мѣры. Спенсеръ говоритъ здѣсь не о пропорціональности, подразумѣваемой въ доктринѣ золотой середины и соотвѣтствующей точному опредѣленію крайностей, но о той пропорціональности, которая должна существовать между различными частями нашего поведенія. Необходимо соблюдать не только пропорціональность между дѣйствіями одной какой-нибудь категоріи, но также и между дѣйствіями различныхъ категорій. Физическая слабость и душевная неуравновѣшенность современнаго человѣка объясняется его неумѣньемъ сохранить гармонію между всѣми своими дѣйствіями. Морали личной жизни предстоитъ въ этомъ отношеніи рѣшить цѣлый рядъ задачъ и тѣмъ облегчить человѣку его борьбу за счастье.

И. К—на.

Очерки провинціальной жизни.

Говоря въ іюньской книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ о дѣятельности интеллигентныхъ кружковъ среди народа и въ пользу народа, мы, между прочимъ, указали, какъ на весьма важный починъ, на учрежденіе въ Моршанскомъ уѣздѣ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ кружкомъ А. А. Корнилова «попечительства для безлошадныхъ крестьянъ уѣзда». Уставъ попечительства, утвержденный министромъ, ставитъ себѣ цѣлью содѣйствіе къ пріобрѣтенію безлошадными крестьянами Моршанскаго уѣзда лошадей, необходимыхъ для самостоятельнаго веденія крестьянскаго хозяйства. Задачи попечительства осуществляются выдачею крестьянамъ денегъ на покупку лошадей или снабженіемъ ихъ лошадьми. Крестьяне, воспользовавшіеся помощью попечительства, обязаны уплатить выданныя имъ деньги или стоимость полученныхъ отъ попечительства лошадей въ теченіе не болѣе четырехъ лѣтъ, безъ процентовъ. Средства попечительства составляются изъ членскихъ взносовъ и единовременныхъ пожертвованій, субсидій, всякихъ случайныхъ сборовъ и поступленій. Сообщая этотъ фактъ, мы радовались ему вдвойнѣ. Мы радовались за моршанскихъ крестьянъ, которые найдутъ себѣ помощь въ такой большой бѣдѣ, какъ потеря рабочаго скота; въ то же время, мы надѣялись, что моршанское попечительство послужитъ примѣромъ, что оно представляетъ собою лишь первую ласточку, за которой вскорѣ появятся и другія. Мы внимательно просматривали нашу ежедневную и періодическую печать и находили въ ней указанія о помощи безлошаднымъ, организуемой лишь нѣкоторыми земствами; указаній же на частные кружки, на кружки землевладѣльцевъ, къ сожалѣнію, мы не нашли. Если, сверхъ ожиданій, мы пропустили подобное явленіе или оно не оповѣщено еще въ печати, мы будемъ очень благодарны за сообщеніе намъ о немъ.

Кто не знаетъ, что потеря рабочаго скота въ крестьянскомъ хозяйствѣ есть начало его разоренія и кто также не знаетъ, что количество скота у крестьянъ за послѣднее время значительно уменьшилось? Но далеко не всѣ знаютъ истинные размѣры этой потери, — потери, поистинѣ страшной. Она выясняется теперь по мѣрѣ публикаціи производимыхъ пос-

ваній. Такъ, *Сборникъ Саратовскаго Земства* устанавливаетъ слѣдующее пониженіе количества крестьянскаго скота за послѣдніе три года: лошадей нерабочаго возраста убыло 21,3%, рабочаго — 21,5%, овецъ — 34,4%, козъ — 35,5%, гулевого скота — 45% и свиней — 68,7%. Въ Воронежской губ. убыло 28% крупнаго скота и 43% мелкаго. По отдѣльнымъ видамъ наиболѣе убыло жеребятъ (70%), свиней (68%), гулевого скота (62%), овецъ (34%), коровъ (22%), рабочихъ лошадей (22%), рабочихъ быковъ (13%). Процентъ хозяйствъ безъ рабочаго скота опредѣлился въ 33,2%, т.-е. больше трети домохозяевъ лишены возможности вспахать надѣлы собственными средствами. Въ Пермской губерніи количество крестьянскаго скота значительно уменьшилось во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ лишь Чердынскаго. Въ трехъ же уѣздахъ: Екатеринбургскомъ, Камышловскомъ и Шадринскомъ,— убыль дошла до слѣдующихъ размѣровъ:

Убыль въ 1891 году.			Убыль въ 1892 году.			Убыль въ 1893 году.		
Лошадей.	Крупнаго рогатаго скота.	Мелкаго скота.	Лошадей.	Крупнаго рогатаго скота.	Мелкаго скота.	Лошадей.	Крупнаго рогатаго скота.	Мелкаго скота.
12,0%	11,0%	10,5%	37,3%	37,7%	43,8%	31,3%	30,3%	29,1%
14,5%	9,3%	24,1%	46,7%	48,0%	62,4%	40,9%	30,8%	46,8%
19,0%	23,0%	33,3%	43,7%	50,4%	65,4%	37,1%	41,8%	49,8%

Въ Вятской губерніи изслѣдованія по предмету убыли скота окончены уже въ 131 волостяхъ изъ 307, имѣющихся въ губерніи. Произведенныя изслѣдованія показали, что убыль однѣхъ рабочихъ лошадей достигаетъ цифры въ 25% и что контингентъ безлошадныхъ дворовъ, образовавшійся за послѣдніе три года, вмѣстѣ съ прежними безлошадными, составляетъ 32%.

Вятское земство, выдающееся своею заботливостью объ экономическомъ положеніи населенія, оказало, насколько могло, помощь наиболѣе бѣдствующимъ крестьянскимъ хозяйствамъ. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ въ *Волжскій Вѣстникъ*, вятская губернская земская управа озабочена исполненіемъ постановленія минувшаго земскаго собранія о покупкѣ для населенія рабочихъ лошадей, открывшаго на этотъ предметъ кредитъ въ размѣрѣ 50 т. р. Согласно предложенію экономической коммиссіи, существующей при губернской управѣ, которая подробно разсматривала этотъ вопросъ, губернская управа ассигнованную сумму раздѣлила слѣдующимъ образомъ: 5 т. р. отдала въ распоряженіе уѣздныхъ земскихъ управъ для немедленной выдачи ссудъ безлошаднымъ крестьянамъ на покупку рабочаго ск та, что съ прежде ассигнованными на этотъ же предметъ 4 т. р. составитъ сумму въ 9 т. р.; далѣе, 5 т. р. рекомендовала употребить на покупку рогатаго скота для безкоровныхъ крестьянскихъ дворовъ на тѣхъ же условіяхъ, что и лошадей, и затѣмъ на остальные 40 т. р. экономическая коммиссія предложила управѣ произвести покупку лошадей внѣ пр дѣловъ Вятской губерніи непосредственно черезъ своихъ земскихъ агентов на что губернская управа и изъявила свое согласіе. Въ настоящее

время съ этою цѣлью губернскою управой командируются въ Оренбургскую губернію и въ Уральскую область одинъ изъ губернскихъ гласныхъ и земскій ветеринаръ.

Громадное уменьшеніе количества скота, столь бѣдственное для народа, составляетъ только лишь одно изъ слѣдствій недавнихъ «голодныхъ годовъ». Но сколько еще другихъ, не менѣе печальныхъ результатовъ, вплоть до вымиранія населенія во многихъ уѣздахъ! А такъ какъ послѣдніе голодные годы были не случайностью, а естественнымъ результатомъ существующихъ у насъ условій земледѣльческаго промысла, то, пока эти условія не будутъ существенно измѣнены, всегда слѣдуетъ опасаться повторенія неурожая. Вотъ почему лучшая часть прессы, принимающая близко къ сердцу интересы народа и страны, не перестаетъ напоминать о результатахъ голодныхъ годовъ, даже съ рискомъ утомить читателя такими печальными сюжетами. Эта именно мысль высказывается въ передовой статьѣ только что полученнаго нами *Орловскаю Вѣстника*. Вотъ что говорится въ этой статьѣ: «Изъ деревни начинаютъ доноситься недобрыя вѣсти. Отсутствіе дождей и сухой вѣтеръ все больше и больше начинаютъ озабочивать хозяевъ. Озими, вышедшія изъ-подъ снѣга въ хорошемъ состояніи, благодаря недостатку влаги, пріостановились въ ростѣ; яровыя всходятъ плохо. Впрочемъ, опасаться за урожай текущаго года пока еще преждевременно. Жалобы хозяевъ, которыя мы только что привели, пока единичны и отрывочны; посѣвъ яровыхъ еще не законченъ, терять надежду еще рано. Можетъ быть, появятся тучи, пройдутъ дожди, повеселѣютъ лица. Да настоящая статья и пишется вовсе не затѣмъ, чтобы встревожить читателя недобрыми вѣстями. Намъ хочется напомнить читателю кое о чемъ другомъ, гораздо большемъ, чѣмъ урожай одного года.

«Каждую весну наши взоры обращаются въ сторону деревни и мы начинаемъ прислушиваться къ вѣстямъ, идущимъ оттуда. Въ газетахъ, обыкновенно, появляются публикаціи о видахъ на урожай, такими же свѣдѣніями наполняются корреспонденціи, на ту же тему пишутся передовыя статьи. Публикаціи эти не всегда понятны, корреспонденціи сухи, передовицы однообразны,— и все это, вѣроятно, порядкомъ надоѣдаетъ читателю. Между тѣмъ, только что кончатся «виды», какъ начнутъ публиковаться и обсуждаться результаты урожая, затѣмъ пойдутъ вѣсти объ усиленной продажѣ мужицкаго хлѣба, послышатся жалобы землевладѣльцевъ на низкія цѣны, появятся извѣстія о томъ, что гдѣ-то ѣдятъ глину и лебеду, вмѣсто хлѣба, что гдѣ-то умираютъ, начнутся толки о ссудѣ подъ хлѣбъ, о запасныхъ магазинахъ и о многомъ прочемъ, что такъ или иначе косновенно къ продовольственному вопросу. Какъ все это, въ концѣ цовъ, однообразно, утомительно, скучно!

«Но отъ этого вопроса ты никуда не скроешься, другъ читатель! доѣдаетъ тебѣ имъ не одна только газета. Перелистывая книжку жур ты рискуешь натолкнуться на статьи, посвященныя тому же прод ственному вопросу; о немъ ты долженъ толковать, являясь на зем

браніе, его ты долженъ имѣть въ виду въ своей торговлѣ, въ своемъ производствѣ; если ты чуткій человѣкъ, онъ встаетъ передъ тобой при встрѣчѣ съ каждымъ нищимъ, при взглядѣ на каждую деревушку, онъ тормазитъ твои лучшія начинанія, онъ мѣшаетъ тебѣ со спокойною совѣстью пользоваться благами жизни. Особенно много твое вниманіе продовольственный вопросъ занималъ въ послѣдніе годы. Но если теперь ты меньше встрѣчаешь статей о немъ, если рѣже слышишь разговоры на ту же тему, то это еще не значитъ, что ты покончилъ съ нимъ. Надоѣдалъ онъ тебѣ въ позапрошломъ году, надоѣдалъ въ прошломъ, будетъ надоѣдать въ нынѣшнемъ, будетъ надоѣдать въ будущемъ. Вся разница только въ томъ, что въ одномъ году ты больше слышишь о немъ, въ другомъ—меньше. И не отвяжешься ты отъ него до тѣхъ поръ, пока не рѣшишь его».

Въ поискахъ если не спасенія отъ неурожаевъ, то хотя бы ослабленія ихъ силы, многіе землевладѣльцы, особенно юго-восточныхъ губерній, останавливаются на мысли акклиматизировать такіе сорта хлѣбныхъ злаковъ, которые не боятся засухи. Хлѣба эти произростаютъ преимущественно въ Средней Азіи, гдѣ засухи—явленіе нормальное. Изъ злаковъ этого рода недавно обратилъ на себя вниманіе сортъ пшеницы, называющійся «чуль-бидай». По иниціативѣ желѣзно-дорожнаго дѣятеля К. И. Лапшинскаго, чуль-бидай выписанъ рязанско-уральскимъ обществомъ и розданъ сельскимъ хозяевамъ для производства опыта. О чуль-бидаѣ читаемъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* слѣдующій отзывъ извѣстнаго знатока по сельскому хозяйству проф. Фортунатова: «Въ виду частаго губительнаго вліянія засухи на русскіе яровые посѣвы, отмѣтимъ еще указаніе на особый сортъ пшеницы, именуемой «чуль-бидай» или сухопутная пшеница. Сортъ этотъ встрѣчается въ Туркестанѣ и Семирѣченской области, напоминаетъ бѣлотурку, но отличается отъ нея большею корневою силой и значительною выносливостью по отношенію къ недостатку влаги; эта пшеница ростетъ тамъ, гдѣ буквально ничто не можетъ произростать безъ искусственнаго орошенія; но и этотъ сортъ долженъ высѣваться во влажную землю непремѣнно раннею весной; при одномъ или двухъ дождяхъ получается урожай самъ 12—15. Можетъ быть, этой семирѣченской пшеницѣ суждено играть нѣкоторую роль въ яровыхъ посѣвахъ злосчастнаго юго-востока Европейской Россіи». Корреспондентъ *Саратовскаго Дневника* сообщаетъ изъ Камышинскаго уѣзда, что многіе крестьяне-пахари ждутъ не дождутся прибытія въ Саратовъ новой партіи азіатской пшеницы «чуль-бидай». Они просятъ написать въ редакцію, чтобы о прибытіи новой пшеницы было извѣщено въ первомъ же № газеты, говоря, что если опытъ посѣва дастъ хорошій результатъ, они поставятъ г. Лапшинскому памятникъ.

Курскій Листокъ сообщаетъ о другомъ, не менѣе почтенномъ починѣ частныхъ лицъ, могущемъ принести сельскому населенію много пользы. Курскіе землевладѣльцы Н. В. Черкасовъ, В. Н. Доливо-Добровольскій, г. Хоревъ и нѣсколько мѣстныхъ капиталистовъ представили къ утвержденію въ подлежащія учрежденія проектъ устава «общества учрежденія

сельскихъ ссыпныхъ лавокъ». Общество предпринимаетъ устройство въ большихъ селахъ, мѣстечкахъ и слободахъ губерніи амбаровъ, куда мѣстное населеніе, нуждающееся осенью въ деньгахъ, можетъ ссыпать хлѣбъ, получая подъ него 75% рыночной стоимости и уплачивая за ссуду извѣстный процентъ. Общество будетъ продавать заложенный хлѣбъ въ возможно выгодное время; оно располагаетъ для необходимыхъ сооруженій и выдачъ ссудъ капиталомъ въ 500,000 руб., который, въ случаѣ надобности, можетъ быть увеличенъ еще на 250,000 руб.

Насколько отрадно получать и читать извѣстія объ общественной самодѣятельности, направленной на благо народа, настолько же грустно видѣть рутину, индифферентизмъ даже тамъ, гдѣ дѣло уже налажено, гдѣ требуется только не мѣшать дѣлу, нерѣдко созданному большими усиліями, упорною энергіей. О такомъ именно дѣлѣ сообщаетъ *Сибирскій Листокъ*. Мы весьма много толкуемъ,—говоритъ газета,—о покровительствѣ народнымъ формамъ труда, но когда доходитъ дѣло до дѣйствительнаго покровительства, то оказываемъ таковое крупнымъ предпринимателямъ и капиталистамъ. Хорошимъ примѣромъ этому можетъ служить положеніе дѣлъ на Абаканскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ. Абаканскій желѣзодѣлательный заводъ находится въ пользованіи артели рабочихъ, которая арендовала его у конкурснаго управленія по дѣламъ несостоятельнаго его собственника, московскаго купца Кольчугина. Матеріальныя дѣла артели настолько поправились въ послѣдніе годы, что она успѣла составить собственнаго капитала около 25 т. р. Нынѣ артели приходится убираться на всѣ четыре стороны, такъ какъ заводъ предполагается передать или даже продать крупному капиталисту. Этотъ будущій крупный капиталистъ сейчасъ же сдѣлаетъ дѣла, въ которыхъ отказываютъ рабочимъ, какъ представителямъ состоящей въ загонѣ «народной» формы труда. Капиталистъ получитъ заказъ отъ строющейся желѣзной дороги, а рабочіе его не получаютъ. По крайней мѣрѣ, по словамъ *Вѣстника Золотопромышленности*, бывшій уполномоченный отъ рабочихъ Абаканскаго завода г. Степановъ просилъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ сдача желѣзно-дорожныхъ подрядовъ, сдать Абаканскому заводу подрядъ на заготовку болтовъ, гаекъ и мостовыхъ скрѣпленій, потребныхъ для желѣзной дороги, причемъ назначилъ на все это цѣну по 8 р. 50 к. съ пуда. Просьба эта не была удовлетворена. Затѣмъ недавно новый уполномоченный завода, г. Шмигира, пріѣзжалъ въ Красноярскъ для возобновленія этого ходатайства, причемъ весьма значительно понизилъ первоначальную сумму, именно назначилъ лишь по 6 р. съ пуда. Но ему былъ данъ отвѣтъ, что управленіе дороги находитъ болѣе выгоднымъ сдать подряды крупнымъ подрядчикамъ, во избѣжаніе излишнихъ хлопотъ [съ] массѣ (!) мелкихъ подрядчиковъ. Къ удовольствію управленія, крупный [под]рядчикъ, вѣроятно, скоро будетъ, такъ какъ рабочихъ рѣшительно го[нятъ] съ завода, что вынудило ихъ подать ходатайство г. генералъ-губерна[тору] Восточной Сибири о разрѣшеніи имъ работать на Абаканскомъ заводѣ [до] тѣхъ поръ, пока заводъ не будетъ проданъ въ частныя руки или [сда]ка

казна, быть можетъ, найдетъ возможнымъ пріобрѣсти его въ свое владѣніе и затѣмъ сдать артели на долгій срокъ въ аренду. Если государство,—заключаетъ газета,—оказываетъ широкій кредитъ желѣзно-дорожнымъ обществамъ, дворянству и содѣйствуетъ крестьянамъ въ покупкѣ земель, то было бы вполнѣ разумно и цѣлесообразно помочь абаканцамъ въ покупкѣ завода и поддержать ихъ заказами, какъ это дѣлается правительствомъ относительно кустарей. Эта рабочая артель, съумѣвшая уплатить въ теченіе четырехъ лѣтъ до 55 т. р. конкурсу и до 20 т. р. горной и попенной подати, навѣрное, оказалась бы болѣе исправной въ своихъ обязательствахъ передъ правительствомъ, чѣмъ россійскія желѣзно-дорожныя общества.

Какой контрастъ этому рутинному, вполнѣ безучастному къ судьбѣ человѣка, поведенію представляетъ живая, энергичная дѣятельность нижегородскаго общества распространенія начальнаго образованія, работающаго уже девять лѣтъ и недавно издавшаго отчетъ о своей дѣятельности за прошлый годъ! Какъ видно изъ отчета, общество въ истекшемъ году состояло изъ 432 членовъ, среди которыхъ почти половину составляли народные учителя и учительницы. Общество это поставило своею задачей распространять грамотность и знанія въ народной средѣ, для чего оно организовало продажу дешевыхъ и полезныхъ книгъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и многихъ селахъ Нижегородской губерніи. Черезъ свои 215 отдѣленій, разсѣянныхъ по всей губерніи, въ одномъ только отчетномъ году оно распространяло до 70,000 книгъ религіозно-нравственныхъ, литературно-популярнаго характера, а также по гигіенѣ и сельскому хозяйству. Книгами снабжаются самыя глухія, отдаленныя мѣстности губерніи, куда вообще съ трудомъ проникаетъ всякая книга. Прочно устроивъ, благодаря поддержкѣ нижегородской думы, народныя чтенія въ Нижнемъ-Новгородѣ, общество нашло возможнымъ оказать содѣйствіе открытію народныхъ чтеній въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ и селахъ губерніи высылкой фонаря и картинъ для устройства чтеній. Кромѣ того, въ истекшіе неурожайные годы обществу удалось организовать и широко поставить, при поддержкѣ благотворительнаго комитета и частныхъ лицъ, продовольствіе дѣтей школьнаго возраста въ школахъ всѣхъ мѣстностей Нижегородской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая, на что израсходовано свыше 60 тыс. рублей. Организованныя обществомъ публичныя народныя чтенія происходили въ двухъ мѣстахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и при шести училищахъ въ селахъ и въ уѣздныхъ городахъ. Въ городскихъ аудиторіяхъ перебывало народу 11,778 человѣкъ,—почти вдвое болѣе, чѣмъ въ предъидущемъ году. Школьныя библіотеки открыты обществомъ въ 18 мѣстахъ, стоимостью отъ 30 до 50 руб. каждая. Совѣтъ общества предполагалъ эти библіотеки по истеченіи года пересылать въ другія школы, но изъ всѣхъ училищъ поступили просьбы оставить библіотеки на другой годъ. Книги читаются на-расхватъ какъ дѣтьми, такъ и взрослыми. Пользуются библіотеками не только мѣстные жители, но и жители отдаленныхъ деревень, отстоящихъ, напримѣръ, верстъ на 25.

Исполнилось 13 марта десять лѣтъ дѣятельности и другого весьма почтеннаго общества, пекущагося о народномъ образованіи въ Западной Сибири. Въ этотъ день,—какъ сообщаетъ *Сибирскій Вѣстникъ*,—въ Омскѣ, въ залѣ географическаго общества, состоялось чрезвычайное собраніе членовъ общества, въ которомъ предсѣдатель обрисовалъ десятилѣтнюю жизнь общества и непрерывный ростъ его. Не передавая всѣхъ цифръ,—говоритъ отъ себя газета,—скажемъ только, что общество вполнѣ стоитъ на высотѣ своего положенія. Общество открывало школы, народныя библіотеки и читальни; оно помогало многимъ бѣднымъ ученикамъ. Въ настоящее время близки къ осуществленію предположенія общества объ открытіи профессіональной женской школы, объ устройствѣ народныхъ чтеній, воскресныхъ школъ, дѣтскихъ подвижныхъ игръ на воздухѣ. Для успѣшнаго веденія каждаго изъ этихъ дѣлъ составлены особыя коммиссіи изъ членовъ общества, и такимъ образомъ къ дѣлу привлечено возможно большее число лицъ. Одному совѣту, состоящему изъ 6 лицъ, довольно трудно вести всѣ дѣла общества, которыя съ каждымъ годомъ становятся все разнообразнѣе.

Но есть не мало въ Россіи и сонныхъ городовъ, гдѣ народное образованіе продолжаетъ обрѣтаться въ совершенно архаическомъ состояніи. Таковъ, напримѣръ, городъ Кострома. Здѣсь на 30 тысячъ жителей имѣется только одно женское училище. Масса просьбъ о принятіи въ женское училище ежегодно оставляется безъ удовлетворенія. Поэтому нѣкоторыми частными лицами здѣсь открыты подготовительныя школы. Но поступленіе въ нихъ не всѣмъ доступно, по случаю довольно высокой платы за ученіе. Съ каждымъ годомъ городское населеніе ждетъ открытія городскимъ управленіемъ второго городского женскаго училища, но,—прибавляетъ корреспондентъ,—должно быть, не скоро дождется.

А вотъ также характерная въ бытовомъ отношеніи корреспонденція въ *Недѣлю* изъ Козлова (Тамб. губ.). Образовавшійся три года назадъ кружокъ нѣсколькихъ просвѣщенныхъ людей исходатайствовалъ разрѣшеніе на открытіе въ Козловѣ народныхъ чтеній съ туманными картинами. Къ кружку примкнули почти всѣ педагоги мѣстныхъ учебныхъ заведеній, нѣкоторые изъ приходскихъ священниковъ и два-три инженера, служащіе при желѣзно-дорожномъ бюро правленія рязанско-уральской жел. дороги. Чтенія открылись въ концѣ 1890 г. въ домѣ земской управы, въ залѣ съѣзда мировыхъ судей, которая съ усиліемъ могла вмѣстить около 250 чел., между тѣмъ какъ желающихъ присутствовать на чтеніяхъ съ перваго же дня явилась такая масса, что большей половинѣ этой толпы мѣщанъ, сидѣльцевъ, прикащиковъ и проч. пришлось отказывать, несмотря на просьбы: «хоть постоять», только бы послушать... Грустно и досадно было захлопывать двери передъ сотнями лицъ, жаждавшихъ знанія и дозволеннаго, нормальнаго развлеченія, но отсутствіе болѣе просторнаго помѣщенія поневолѣ заставляло прибѣгать къ этой тяжелой мѣрѣ. Не съ одними этимъ обстоятельствомъ приходилось считаться энергичнымъ труженикамъ по устройству чтеній. Не говоря уже о томъ, что предварительная обста-

новка, покупка экрана, шторъ, скамей и т. п., требовала расходовъ, но и каждое чтеніе, кромѣ того, обязывало къ затратамъ на выписку картинъ изъ Москвы, на освѣщеніе, наемъ прислуги и проч. А средства кружка обыкновенно не превышали нѣсколькихъ десятковъ, много—сотни рублей. Впослѣдствіи чтенія были переведены въ классную залу приходскаго городского училища, гдѣ они производятся и по настоящее время. Здѣсь 300, а иногда и болѣе слушателей каждое воскресенье въ теченіе 7 мѣсяцевъ присутствуютъ на чтеніяхъ, сопровождающихся превосходными туманными картинами, которыя присылаются теперь тамбовскою коммиссіей, располагающею огромными средствами, благодаря пожертвованіямъ С. Д. Нарышкина. Тѣмъ не менѣе, матеріальная сторона чтеній въ Козловѣ такова, что, вступая въ четвертый годъ существованія, они имѣютъ въ итогѣ значительный минусъ. И это послѣ трехъ лѣтъ трудовъ и хлопотъ, послѣ того, какъ на чтеніяхъ перебывало *двадцать двѣ тысячи* народа; это не въ Нарымѣ, не въ Обдорскѣ, а въ многолюдномъ и богатомъ городѣ Козловѣ, въ которомъ есть цѣлая армія богатаго купечества, милліонеровъ. Обидно, — говоритъ корреспондентъ, — за козловскихъ богачей, принимая въ разсчетъ ихъ многотысячные проигрыши въ гостиницахъ на бильярдахъ и въ карты, разгулъ въ притонахъ, траты на рысаковъ, на костюмы женъ, заботы о жирныхъ праздничныхъ кулебякахъ и—полное отсутствіе духовныхъ интересовъ. Будь у этихъ именитыхъ богачей хоть капелька отзывчивости на доброе и полезное общественное дѣло, Козловъ давно уже украсился бы приличнымъ каменнымъ зданіемъ народныхъ чтеній, въ которомъ могло бы помѣщаться не 300, а 500—600 человѣкъ.

И вотъ, благодаря подобному безучастію значительной части состоятельныхъ людей къ дѣлу народнаго образованія, наше отечество до сихъ поръ имѣетъ удручающе-ничтожный процентъ грамотныхъ.

Въ то время, какъ среднее число грамотныхъ въ Россіи составляетъ приблизительно лишь 8%, имѣются двѣ губерніи, гдѣ грамотность населенія достигаетъ 82%. Губерніи эти—Лифляндская и Эстляндская. Причины этого явленія достаточно интересны, чтобы на нихъ остановиться. Но для выясненія ихъ мы вынуждены коснуться немножко прибалтійской старины.

Уже шесть вѣковъ, какъ среди латышей и эстовъ проповѣдуется христіанство. Сначала оно проповѣдывалось католическими миссіонерами, а затѣмъ, съ распространеніемъ лютеранства въ Швеціи, Даніи и сѣверной Германіи, послѣднее распространилось также среди высшаго класса всего балтійскаго побережья, класса завоевателей, состоявшаго изъ нѣмцевъ, шведовъ и датчанъ. Завоеватели поставили изъ своей среды лютеранскихъ священниковъ и, не справляясь о вѣрованіяхъ народа, удалили изъ церквей иконы и превратили католическіе храмы въ лютеранскія кирки. Какъ при католикахъ, такъ и при лютеранахъ церковь служила орудіемъ утвержденія господства завоевателей надъ туземцами. Еще не особенно давно то время, когда предъ церквами стояли позорные столбы, на которыхъ

каждое воскресенье публично, при многочисленномъ стеченіи народа, производилось сѣченіе непокорныхъ крестьянъ, провинившихся передъ своимъ господиномъ. Здѣсь же объявлялись разныя распоряженія помѣщиковъ, въ рукахъ которыхъ до недавняго времени сосредоточивалась вся власть въ волости. Такимъ образомъ, здѣсь узнавались общія распоряженія господъ, распоряженія о барщинѣ, о родахъ и размѣрахъ повинностей, разъясняемыя съ каѳедры пасторами. Не удивительно поэтому, что, вмѣсто развитія въ народѣ любви и почитанія къ лютеранской киркѣ и званію пасторовъ, воспиталось въ немъ нерасположеніе къ послѣднимъ, а черезъ нихъ, отчасти, и къ самой киркѣ. По имущественному положенію, по преслѣдуемымъ интересамъ, пасторы въ глазахъ народа были и продолжаютъ оставаться тѣми же помѣщиками, только имѣющими право проповѣдывать съ каѳедры. Пасторъ также имѣетъ землю, которую отдаетъ въ аренду нерѣдко еще на болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ помѣщики. Настроеніе народа и отношеніе его къ господамъ вѣрно отражается въ распѣваемыхъ имъ пѣсняхъ, составленныхъ отчасти простыми людьми изъ крестьянъ, отчасти народными учителями. Въ пѣсняхъ этихъ всего чаще говорится о рыцаряхъ-грабителяхъ, вторгшихся въ страну, коварствомъ и мечомъ истребившихъ массу народа подъ предлогомъ распространенія христіанства, безжалостно отнявшихъ у предковъ-туземцевъ землю, а ихъ самихъ обратившихъ въ тяжелое рабство, причемъ все достояніе крестьянина сдѣлалось собственностью помѣщика. «Хотя и исчезла барщина, — говорится въ одной изъ новѣйшихъ пѣсенъ,—рубцы отъ сѣченія заросли на тѣлѣ, но все же насъ мучатъ вдоволь. Чѣмъ больше платимъ аренды, тѣмъ больше налагаютъ; нѣтъ намъ въ жизни услады. Весь эстонскій народъ хорошо знаетъ, какъ живутъ здѣсь всѣ нѣмцы: въ собственное удовольствіе, ради скопленія богатствъ и сокровищъ. Церковные господа, въ будни помѣщики, въ воскресенье пасторы, у которыхъ на груди бѣлыя ленты, живутъ здѣсь во всѣхъ отношеніяхъ какъ въ золотомъ раю,—ѣдятъ хорошо, носятъ дорогія платья, все это на нашъ счетъ. Отъ рожденія до смерти пасторъ — нашъ кровопійца. Обѣщаетъ насъ спасти, если дадимъ за это денегъ; кто не дастъ, того проклинаетъ. Достаточно мы уже переиспытали, что хорошаго дала намъ нѣмецкая вѣра. Эстляндія — небо для нѣмцевъ, мы же здѣсь испытываемъ адскія муки... Поспѣши, эстонецъ, сбросить узы невѣжества: только ученіе избавитъ тебя отъ рабства; иначе наши господа не твердили бы безпрестанно: кто домогается мудрости, тотъ попадетъ прямо въ адъ» *). Сами пасторы иногда открыто свидѣтельствуютъ о чужести кирки народу. Такъ, напримѣръ, на эстляндскомъ синодѣ 1874 года пасторъ Галлер[illegible] говорилъ о томъ, что балтійская кирка представляетъ, можетъ быть, [illegible]ственное явленіе въ церковной исторіи въ томъ отношеніи, что въ [illegible]ніе трехъ столѣтій не могла ассимилироваться съ національною жизнью.

Народъ, не удовлетворяемый въ своихъ религіозныхъ потребно[illegible]хъ

*) *Культурно-религіозныя движенія въ Лифляндіи.* Е. В.

ни пасторами, ни киркою, послужилъ благодарною средой для распространенія въ немъ сектантскихъ ученій. Нигдѣ въ Россіи сектантство не развилось въ такихъ большихъ размѣрахъ, какъ въ губерніяхъ прибалтійскихъ. Первое мѣсто, по численности, занимаютъ здѣсь гернгутеры, возникшіе еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія. За ними идутъ піэтисты, субботники, баптисты, скакуны и другія, болѣе мелкія секты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія начинается движеніе къ переходу въ православіе. Движеніе это началось и болѣе всего проявилось въ восточныхъ частяхъ Лифляндской и Эстляндской губерній, вслѣдствіе близости ихъ къ православному русскому населенію. Дворянство, относившееся довольно равнодушно къ распространенію сектантства и слабо поддерживавшее пасторовъ въ ихъ борьбѣ съ сектантствомъ, иначе отнеслось къ движенію въ православіе. Въ распространеніи православія, ведущемъ къ большему единенію латышей и эстовъ съ русскимъ народомъ, оно увидѣло опасность для своихъ мѣстныхъ феодальныхъ привилегій. Балтійское духовенство и дворянство поспѣшили заявить въ Петербургѣ, что движеніе въ народѣ вызвано не религіозною потребностью, а только надеждами на мірскія выгоды, разсчетомъ получить земельный надѣлъ и освободиться отъ повинностей помѣщикамъ. Дворянство прибавляло, что это бунтъ и что поэтому нужны не священники съ крестами, а козаки съ нагайками. Все дѣло объяснялось подговорами и агитаціей злонамѣренныхъ людей. Въ этомъ смыслѣ доносилъ императору Николаю Павловичу тогдашній прибалтійскій генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ, то же повторялъ начальникъ политической полиціи графъ Бенкендорфъ. На высшее правительство произвело также сильное впечатлѣніе заявленіе прибывшей изъ балтійскихъ губерній депутаціи, что, «въ случаѣ перехода значительной части народа въ другую вѣру, неминуемо порвется всякая нравственная связь между помѣщиками и крестьянами, что̀ можетъ повести къ весьма серьезнымъ и печальнымъ послѣдствіямъ». Въ то же время, по представленію мѣстной администраціи, въ нѣсколькихъ селеніяхъ вспыхнулъ бунтъ. Начались экзекуціи, столь страшныя, что народъ помнитъ о нихъ до сихъ поръ. Въ результатѣ новообращенные были всецѣло выданы сложившейся противъ нихъ коалиціи, разорены помѣщиками, осмѣяны и обруганы пасторами, и все это почти всегда въ предѣлахъ закона, болѣе или менѣе правильно примѣняемаго и толкуемаго,—по крайней мѣрѣ, безъ слишкомъ явнаго его нарушенія. Подъ гнетомъ обстоятельствъ, измученные люди стали снова переходить въ лютеранство.

И такъ, движеніе въ православіе было подавлено. Теперь надо было найти средство противъ возможнаго повторенія подобнаго движенія. Такое средство увидѣли въ распространеніи школъ, гдѣ главное вниманіе должно быть обращено на религіозно-лютеранское обученіе. Задумано и сдѣлано. Спустя двадцать лѣтъ при каждой киркѣ была школа, гдѣ учителемъ былъ пасторъ или свѣтское лицо, обучавшее подъ надзоромъ пастора. Нельзя сказать, чтобы цѣль, ради которой распространялись народныя школы,

была вполнѣ достигнута, но для народа получился весьма цѣнный результатъ: теперь населеніе Лифляндіи и Эстляндіи почти сплошь грамотное.

Отъ особенностей жизни Прибалтійскаго края (которымъ мы въ скоромъ времени разсчитываемъ посвятить отдѣльный очеркъ) перейдемъ опять къ нашимъ чисто-русскимъ дѣламъ.

Въ *Недѣлю* пишутъ изъ Стараго Оскола (Курской губерніи), что тамъ недавно разбиралось характерное уголовное дѣло, рисующее нравы захолустныхъ угловъ. Обвинялся крестьянинъ Горожанкинъ въ мошенничествѣ дворяниномъ Воейковымъ (онъ же и уѣздный предводитель дворянства и предсѣдатель съѣзда). Дѣло, какъ оно выяснилось на судѣ, состоитъ въ слѣдующемъ. Крестьянинъ Горожанкинъ мололъ на мельницѣ г. Воейкова рожь на муку; прикащикъ экономіи, придя на мельницу, замѣтилъ, что Горожанкинъ несвоевременно отдаетъ рожь за помолъ, началъ считать мѣрки ржи, насыпаемыя Горожанкинымъ и бывшимъ съ нимъ крестьяниномъ Поповымъ въ ковши, и когда всыпано было 12 мѣрокъ, онъ пріостановилъ засыпку, избилъ Попова, изругалъ и назвалъ мошенникомъ Горожанкина, выбилъ у него мѣрку съ рожью, которая перемѣшалась съ навозомъ, и о такихъ распоряженіяхъ своихъ доложилъ «барину». Баринъ дѣйствія прикащика одобрилъ и приказалъ взять у Горожанкина, кромѣ уже отданныхъ за помолъ трехъ мѣрокъ, еще двѣ мѣрки ржи, такъ что взяли съ него за помолъ почти вдвое болѣе, чѣмъ слѣдовало; но и этого мало: помѣщикъ приказалъ отобрать у крестьянина Горожанкина оставшуюся немолотой рожь, количествомъ 17 мѣрокъ, а въ заключеніе заявилъ на словахъ земскому начальнику жалобу на Горожанкина, обвиняя его въ мошенничествѣ. Земскій начальникъ немедленно приступилъ къ разбору дѣла, которое назначилъ даже въ неприсутственный день и въ домѣ обвинителя, помѣщика. Горожанкину повѣстку вручили вечеромъ, наканунѣ разбора дѣла, почему тотъ не имѣлъ времени съ кѣмъ-либо посовѣтоваться или пріискать себѣ защитника. На судѣ, у земскаго начальника, противъ крестьянина предстали помѣщикъ Воейковъ, въ качествѣ обвинителя, и прикащикъ его, въ качествѣ свидѣтеля. Заявленныхъ крестьяниномъ Горожанкинымъ свидѣтелей,— мельниковъ, служащихъ на мельницѣ, и крестьянина Попова,— помѣщикъ требовалъ отвести, однако же, свидѣтели были допрошены. Показанія ихъ, данныя въ домѣ помѣщика и въ его присутствіи, оказались неясными и уклончивыми. Земскій начальникъ приговорилъ Горожанкина на одинъ мѣсяцъ къ тюремному заключенію. Но тутъ нашелся добрый человѣкъ и взялся вести защиту Горожанкина на съѣздѣ. Черезъ разспросъ свидѣтелей и уясненіе дѣла защитникъ установилъ совершенную невинность подсудимаго, такъ что, соглашаясь съ нимъ и заключе[illegible]мъ товарища прокурора, уѣздный съѣздъ не нашелъ и признаковъ к[illegible]го-либо проступка въ дѣяніяхъ крестьянина. Въ многочисленной пуб[illegible]кѣ, бывшей на судѣ, слышались потомъ голоса о перемѣнѣ ролями обв[illegible]емаго съ обвинителемъ. Господинъ Воейковъ потерпѣлъ полный к[illegible]съ,

тѣмъ болѣе заслуженный, что недоразумѣнія, вродѣ описанныхъ, на его мельницѣ бывали и прежде.

По сообщенію газетъ, въ Петербургѣ вызвало большіе толки заключеніе земскимъ начальникомъ подъ арестъ молодого интеллигентнаго крестьянина изъ богатыхъ крестьянъ за то, что тотъ не снялъ шапки по требованію земскаго начальника. Газета *Гражданинъ,* выразивъ удивленіе, что такой ничтожный случай, какъ арестъ на три дня, можетъ служить «темою для самыхъ сложныхъ размышленій», продолжаетъ: «За послѣднее время мы слышали два факта изъ судебной хроники, коснувшіеся дворянъ самымъ рѣзкимъ и болѣзненнымъ образомъ: это — 3-хъ мѣсячный арестъ одного уѣзднаго предводителя дворянства за выданные имъ чеки на свою контору при расплатѣ съ рабочими, и отдача подъ судъ *честнаго* (курс. подлинника) дворянина-помѣщика по обвиненію въ употребленіи фальшивыхъ вѣсовъ. И что же? — ни одинъ голосъ нигдѣ не отозвался, чтобы просить немного уваженія къ дворянскому достоинству». И такъ,—замѣчаютъ по этому поводу *Русскія Вѣдомости,*—съ одной стороны считается пустякомъ, не стоющимъ вниманія, случай, въ которомъ подвергается взысканію крестьянинъ за дѣйствіе или бездѣйствіе, не воспрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія, потому только, что рѣчь идетъ «о крестьянинѣ». Съ другой же стороны, правильный, законный судъ надъ дворяниномъ, изобличеннымъ въ совершеніи уголовнаго преступленія, признается не утруждающею себя размышленіями газетой чѣмъ-то возмутительнымъ, долженствующимъ вызвать протестъ во имя «уваженія къ дворянскому достоинству». Едва ли даже въ разгаръ крѣпостного права нашелся бы публицистъ, настолько смѣлый и откровенный, чтобы возвести въ «перлъ созданія» допотопныя доктрины, достойныя развѣ дореформенныхъ Коробочекъ.

Надругательство надъ правами людей изъ крестьянской массы составляетъ до сихъ поръ столь заурядное явленіе, что его едва замѣчаютъ, а если когда и замѣчаютъ, то относятся къ нему съ равнодушіемъ. Лишь благодаря особымъ обстоятельствамъ въ петербургскомъ обществѣ нѣсколько дней поговорили объ арестѣ крестьянина за неснятіе шапки предъ земскимъ начальникомъ. Но вѣдь такихъ случаевъ сотни, если не тысячи; извѣстія о многихъ изъ нихъ попали въ печать, были прочтены и большинствомъ читателей забыты. Но будемъ довольны и малымъ. Хорошо уже и то, что въ петербургскомъ обществѣ хоть нѣсколько дней поговорили о неправильномъ арестѣ крестьянина.

Неудовлетворенность дѣятельностью земскихъ начальниковъ выражается и[да] и въ оффиціальныхъ документахъ, издаваемыхъ губернаторами. Такъ, бе[сарабскій] губернаторъ, обревизовавъ дѣлопроизводство земскихъ на[ча]льниковъ, издалъ по этому предмету циркуляръ, изъ котораго, между пр[очимъ], видно, что это дѣлопроизводство обременено массою дѣлъ. Число по[ступающихъ] къ земскому начальнику дѣлъ колеблется отъ 30 до 300 въ м[ѣ]яцъ, такъ что судебныя дѣла часто совершенно затрудняютъ исполне-

ніе административныхъ функцій. Разбирательство административныхъ дѣлъ отличается большимъ разнообразіемъ и неопредѣленностью, создающими для населенія много неудобствъ, причемъ нѣкоторые земскіе начальники оказываются склонными къ преувеличенной оцѣнкѣ своей власти и практикуютъ пріемы, несогласные съ закономъ. Губернаторъ нашелъ необходимымъ также отмѣтить неумѣстность со стороны земскихъ начальниковъ давленія на избирателей и насилованія ихъ убѣжденій въ интересахъ того или другого кандидата на общественную должность *(Нед.)*.

Въ *Херсонскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* опубликованъ сходный съ предъидущимъ циркуляръ мѣстнаго губернатора земскимъ начальникамъ. Изъ имѣющихся въ губернскомъ присутствіи свѣдѣній,—говорится въ циркулярѣ,—усматривается, что арестанты и кончившіе срокъ заключенія съ послѣдствіями по 48 и 49 ст. улож. о нак., не принятые обществомъ, нерѣдко задерживаются въ тюрьмахъ на нѣсколько мѣсяцевъ, иногда до полугода, въ ожиданіи утвержденія о нихъ приговоровъ. То же самое замѣчается и въ отношеніи высылаемыхъ за порочное поведеніе изъ среды сельскихъ обществъ по приговорамъ послѣднихъ. Одною изъ главныхъ причинъ этого губернаторъ считаетъ медленность со стороны земскихъ начальниковъ въ производствѣ дѣлъ. Поэтому онъ предлагаетъ гг. земскимъ начальникамъ принять за правило, чтобы дѣла объ арестантахъ производились внѣ очереди и безъ задержанія, дабы со стороны земскихъ начальниковъ не было допущено нерадѣнія, которое могло бы повлечь за собою справедливое нареканіе въ недостаточномъ вниманіи къ дѣламъ этого рода, ибо промедленіе въ ихъ производствѣ имѣетъ послѣдствіемъ, независимо отъ разныхъ осложненій, и напрасное отягощеніе участи содержащихся подъ стражею лицъ.

Мы далеко не можемъ исчерпать ту часть нашего матеріала, которая свидѣтельствуетъ, что торжество хотя бы одной юридической правды (до котораго всецѣло уже достигла Западная Европа) составляетъ въ нашемъ отечествѣ еще лишь только desideratum лучшихъ людей страны. Характерно для нашего времени дѣло графа Мендозы и дѣло Дрейфуса и К°.

22 февраля въ тобольскомъ судѣ разсматривалось уголовное дѣло по обвиненію бывшаго земскаго засѣдателя графа Мендоза-де-Бателло, сельскаго врача Осетрова и солдатской дочери Бѣлослудцевой; послѣдняя обвинялась въ сокрытіи тѣла рожденнаго ею мертваго ребенка отъ графа Мендозы, а остальные—въ преступленіи по должности и въ подлогахъ по этому же дѣлу. Центральная фигурка всего этого дѣла—земскій засѣдатель графъ Мендоза. Назначенный на должность земскаго засѣдателя Ялуторовскаго округа, графъ поселился, вмѣстѣ съ своею женой, въ с. Исетскомъ и вскорѣ обратилъ свое вниманіе на солдатскую дочь, дѣвицу Бѣлослудцеву. О б[ли]зкихъ отношеніяхъ графа къ Бѣлослудцевой знало все селеніе. Однаж[ды], утромъ, около села былъ найденъ трупъ младенца, очевидно, недавно р[ож]деннаго. Сельскія власти препроводили означенный трупъ совмѣстно съ рапортомъ къ земскому засѣдателю Мендозѣ. Мендоза приступилъ к[ъ] д-

ствію... Онъ собралъ народъ и задалъ вопросъ, не знаетъ ли кто изъ нихъ какую-нибудь личность въ селѣ, которая могла стѣсняться рожденіемъ ребенка и поэтому старалась бы скрыть это обстоятельство. На языкѣ у мужичковъ, а въ особенности у бабъ, такъ и вертѣлось имя Бѣлослудцевой, но никто не посмѣлъ сказать это графу, зная его отношенія къ Бѣлослудцевой. И вотъ одинъ какой-то мужиченка называетъ какую-то Евтюгину, какъ тоже извѣстную въ селѣ беременную дѣвушку. Мендоза потребовалъ, чтобы Евтюгину привели къ нему, и когда это было исполнено и та заявила, что она невиновна, поручилъ освидѣтельствовать ее не окружному врачу, какъ то надлежало, а сельскому врачу Осетрову, который занесъ въ протоколъ освидѣтельствованія, что Евтюгина разрѣшилась отъ бремени назадъ тому около недѣли. Графъ заключилъ ее подъ стражу и въ протоколѣ, единолично имъ подписанномъ, написалъ, что Евтюгина сознала врачу Осетрову, что найденный ребенокъ ею рожденъ и выброшенъ за село.

Между тѣмъ, Евтюгина упорно отрицала свою виновность и черезъ десять минутъ послѣ того, какъ была препровождена изъ земской квартиры подъ арестъ, попросила волостныхъ начальниковъ освидѣтельствовать ее черезъ повивальную бабку Еремину, такъ какъ она беременна на шестомъ мѣсяцѣ, что и подтвердилось вполнѣ. Въ народѣ начались толки, сильно встревожившіе Осетрова. Онъ является къ арестованной Евтюгиной, вновь производитъ надъ ней освидѣтельствованіе и заявляетъ, что свидѣтельствуемая беременна лишь на шестомъ мѣсяцѣ. Графу волею - неволею приходится освободить Евтюгину. Тогда онъ приказываетъ отыскать какую-нибудь родившую, чтобы замѣнить ею Евтюгину. Молва о похожденіяхъ земскаго засѣдателя доходитъ до губернскихъ властей; наряжается слѣдствіе, а затѣмъ и судъ. Послѣ недолгаго совѣщанія, судъ вынесъ резолюцію, которою, признавъ подсудимыхъ Мендозу и Осетрова виновными въ подлогѣ, приговорилъ ихъ къ ссылкѣ на житье въ Енисейскую губернію, а Бѣлослудцеву—виновную въ томъ, что она, волнуемая стыдомъ и страхомъ, скрыла мертворожденнаго ею младенца,—подвергнуть аресту на одинъ мѣсяцъ.

Какую надо имѣть большую увѣренность въ безгласіи народа, въ трудности для него найти правду, чтобы предпринять земскому засѣдателю указанной только что рядъ дѣйствій, когда онъ зналъ, что всему селу, отъ мала до велика, извѣстно, кому принадлежалъ брошенный ребенокъ!

Но еще бо́льшую, несравненно бо́льшую, наглость представляетъ собою недавно разбиравшееся въ одесскомъ судѣ дѣло торговой фирмы Дрейфуса и К°... Въ Россіи голодъ. Семнадцать губерній просятъ хлѣба, въ томъ чи[illegible]нѣ Самарская. Самарское земство обращается къ крупной торговой фирмѣ и [illegible]аключаетъ съ ней контрактъ на поставку хлѣба. Подвозъ фирмою хлѣба для [illegible] голодающаго населенія начался. Въ Пензу и Самару пришли десятки ваг[illegible]новъ съ надписью «хлѣбъ», на самомъ же дѣлѣ въ этихъ вагонахъ нах[illegible]одился не хлѣбъ, а Богъ знаетъ что такое. Главною составною частью это[illegible]го, такъ называемаго, «хлѣба» былъ *куколь;* затѣмъ *глина*, *известь*, *пе-*

сокъ, сорныя травы, мыло и *окурки папиросъ* *). Куколь, всевозможный мусоръ и небольшое количество настоящаго хлѣба «для прикрасы», вотъ что отправлялось въ Самару и Пензу по цѣнѣ 1 р. 7 к., 1 р. 15 к. за пудъ. Когда этотъ «хлѣбъ» выгружали, отъ него, по показаніямъ свидѣтелей на судѣ, поднимались такіе столбы пыли, что вблизи стоять нельзя было. Куколя, песку, глины, извести и другой всякой дряни обыкновенно примѣшивалось 20, 50, 60 процентовъ. Однажды (уже послѣ вмѣшательства въ дѣло газетъ и прокурора) рѣшились въ Самарѣ провѣять полученный хлѣбъ, и что же? Только одинъ поѣздъ далъ до 8,000 пудовъ всякой дряни!

Не разбирайся это дѣло судомъ, трудно было бы повѣрить въ возможность такого наглаго, такого грубаго и открытаго мошенничества. Какимъ образомъ разсчитывала фирма, что ей сойдетъ даромъ такое громадное и и открытое мошеничество? Объяснить этого я не умѣю. Но, очевидно, она разсчитывала на успѣхъ своей «торговой» операціи, иначе было бы совершенно безсмысленно предпринимать такую операцію.

Сколько людей присутствовало при выгрузкѣ хлѣба, при пріемѣ его, а, между тѣмъ, на мошеничество обратили вниманіе лишь тогда, когда въ *Новороссійскомъ Телеграфѣ* появилась корреспонденція о качествѣ хлѣба, привезеннаго въ Самару для кормленія голодающаго народа. Невольно, при этомъ, вспоминается, что хищенія башкирскихъ земель были указаны правительству печатью, что та же печать раскрыла грандіозныя злоупотребленія въ хозяйствѣ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, сохранивъ, такимъ образомъ, казнѣ десятки милліоновъ рублей... да мало ли еще случаевъ, когда печать являлась почти единственнымъ контролеромъ общественныхъ дѣлъ. Вотъ это-то обстоятельство, — значеніе печати, вѣроятно, и упустила изъ виду торговая фирма Дрейфусъ и К°.

Въ странѣ, гдѣ народъ, недавно скинувшій ярмо крѣпостничества и только что вступающій на путь просвѣщенія, не научился еще отстаивать свои права и нарушеніе ихъ нерѣдко выноситъ безъ протеста,—въ такой странѣ трудно воспитывается чувство законности во всѣхъ классахъ общества. Прямое нарушеніе закона, а тѣмъ болѣе возможный обходъ закона представятъ здѣсь самое обычное дѣло. Съ этимъ явленіемъ необходимо считаться законодателю. Изданіе при такихъ обстоятельствахъ закона, который легко обойти, почти равносильно отсутствію такого закона. Именно такая судьба постигла недавно изданный законъ противъ ростовщиковъ. Намѣренія законодателя были самыя благія, но добра отъ закона получилось не много. Отовсюду получаются извѣстія, что законъ противъ ростовщиковъ не спасаетъ населеніе отъ этихъ пауковъ. Не на-

*) Куколь (заключающій въ себѣ весьма вредное вещество „сапонинъ"), не, конечно, ни во что не цѣнившійся, благодаря явившемуся на него въ голодные ды спросу со стороны „хлѣбныхъ фабрикантовъ", сталъ продаваться сначала по 5 ок. за пудъ, а затѣмъ дошелъ... до 50 коп. за пудъ! Транспортировка куколя ... ась совсѣмъ новой рубрикой въ желѣзно-дорожныхъ книгахъ, новой статьей дохо

саетъ онъ даже горожанъ, имѣющихъ подъ бокомъ разныя ссудныя кассы, ломбарды. Что же можно сдѣлать противъ ростовщиковъ въ деревнѣ, которая является совершенно безпомощной въ этомъ отношеніи? Отсутствіе дешеваго кредита, вмѣстѣ съ насущною потребностью въ немъ, волей-неволей заставляетъ не только обращаться къ ростовщику, но и покрывать его. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ обращиковъ, сообщаемый *Орловскимъ Вѣстникомъ*. Въ Мценскомъ уѣздѣ есть деревни, которыя поголовно должны кулакамъ, уплачивая имъ ежегодно огромную контрибуцію въ видѣ очень высокихъ процентовъ. Новый законъ о ростовщичествѣ оказывается на практикѣ безсильнымъ въ борьбѣ съ ними. Проживающій въ Мценскѣ кабатчикъ М., ссужая мужиковъ деньгами, беретъ по 5 коп. на рубль въ мѣсяцъ, хотя въ роспискахъ и векселяхъ обыкновенно говорится, что заемъ сдѣланъ по 12 процентовъ годовыхъ; подобные встрѣчаются часто во многихъ волостяхъ уѣзда, но уличить ростовщика въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ рѣдко удается, потому что должники рѣшаются, насколько хватаетъ силъ, платить безпрекословно, собственно изъ опасенія получить отказъ въ денежной или натуральной помощи въ другое, трудное для крестьянина, время. Въ Мценскѣ, не говоря уже о множествѣ деревенскихъ кулаковъ, торговцы С. П — ъ, Б. М — ъ и др. ссужаютъ мукой и овсомъ за 60—100 процентовъ, почему и выйти должникамъ изъ кабалы, несмотря даже на хорошій урожай, рѣшительно нѣтъ возможности. Помимо закона о ростовщичествѣ, нужна и болѣе коренная мѣра. Нужно дать мужику возможность получать кредитъ на льготныхъ условіяхъ, и тогда ростовщики сами собой исчезнутъ.

Иногда газеты сообщаютъ подробнѣйшій адресъ ростовщика, а онъ, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ себѣ дѣйствовать безпрепятственно. Въ Самарѣ,—сообщаетъ, между прочимъ, мѣстная газета,—съ давнихъ поръ занимается ростовщичествомъ г. В., живущій на Самарской улицѣ, который слыветъ въ народѣ подъ именемъ «крѣпко-красно-рыжеватаго». Этотъ субъектъ, несмотря на изданный законъ о ростовщичествѣ, продолжаетъ выдавать ссуды подъ залогъ вещей, взимая 120% годовыхъ (10 коп. въ мѣсяцъ). Ссуды выдаются много ниже стоимости вещи, и если заложившій не выкупилъ въ срокъ вещи, она поступаетъ въ собственность «крѣпко-красно-рыжеватаго». При залогѣ съ залогодателя берется росписка о продажѣ вещи ростовщику и судиться поэтому съ нимъ невозможно.

Труднѣе обойти новый лѣсной законъ, но и тутъ злоупотребленій масса. Продѣлки лѣсопромышленниковъ въ обходъ лѣсного закона бываютъ иногда не лишены остроумія. Вотъ, напримѣръ, объ одной изъ такихъ продѣлокъ разсказъ уфимскаго корреспондента *Самарской Газеты:*

«Разговаривали лѣсопромышленники о томъ, что дѣла плохи стали. Результатомъ этого разговора было то, что лѣсопромышленники собрались на совѣщаніе по поводу постигшаго ихъ «несчастія». Оживленныя пренія вели между собою лѣсные хищники, но ни къ какому результату не при-

ходили, такъ какъ распоряженія лѣсного комитета при всякихъ комбинаціяхъ являлись, все-таки, значительнымъ препятствіемъ.

«— Ну, что же ты-то молчишь?—спрашивали дѣльцы одного изъ своихъ товарищей, который не проронилъ ни одного слова.

«Г. Колотовъ прищурилъ по-кошачьи глазки, ехидно улыбнулся и отвѣтилъ:

«— Чего же говорить, когда у меня ефто распоряженіе комитета ужь обойдено.

«— Какъ такъ?

«— Быть не можетъ!

«— Говори скорѣй!

«— Да не тяни, разсказывай, ради Бога!—воскликнули собесѣдники въ одинъ голосъ.

«Но Колотовъ еще разъ хитро улыбнулся и процѣдилъ сквозь зубы:

«— Все ефто у меня устроено вродѣ того, какъ бы у Славянскаго.

«— Не бреши! Какой тутъ Славянскій?

«— Вѣрно говорю. Теперь постъ или нѣтъ?

«— Ну, постъ,—что изъ этого?

«— А Славянскій у насъ поетъ?

«— Поетъ.

«— Разрѣшеніе, значитъ, дали...—Но тутъ Колотовъ не выдержалъ и расхохотался.

«— Чего гогочешь, чего гогочешь? разсказывай!

«— Комитетъ-то постановилъ воспретить рубку, а я... ха-ха-ха!... ха-ха-ха!... копаю! Копать-то можно.

«Всѣ рты разинули отъ удивленія. Дѣло оказалось простымъ. Колотовъ не рубитъ лѣсъ, а копаетъ съ корня. Запрещенія выкорчевывать нѣтъ, чѣмъ онъ и воспользовался, обойдя такимъ образомъ постановленіе лѣсоохранительнаго комитета. Примѣру его не замедлятъ, разумѣется, послѣдовать всѣ, а, между тѣмъ, втихомолку идетъ и рубка. У Колотова приготовлено довольно большое количество лѣса, который онъ надѣется раннею весной сплавить».

Закончимъ нашу хронику свѣтлою страницей изъ дѣятельности земства. Много добра своей родинѣ успѣли принести уже земскія учрежденія; и не послѣднее мѣсто среди этой благотворной дѣятельности занимаютъ тѣ *новыя начала*, начала высокаго гуманизма, съ которыми выступило земство въ дѣлѣ преобразованія психіатрическихъ заведеній. Извѣстно, что такое было и до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ остаются общественныя заведенія для психически-больныхъ. Это были не больницы, гдѣ лѣчатъ людей, это были страшные «желтые дома», гдѣ больные не лечились, а мучились, гдѣ они подвергались истязаніямъ и жестокостямъ вплоть до сожженія на цѣпь. Земство, получивъ въ свое вѣдѣніе врачебное дѣло, неотложенно занялось доставшимися ему въ наслѣдство казенными психіатрическими заведеніями, состоявшими въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго

зрѣнія. Но дѣло оказалось чрезвычайно сложнымъ. Не достаточно было измѣнить только правила обращенія съ больными и установить строгій надзоръ за исполненіемъ новыхъ правилъ,—нужно было устроить *настоящія* психіатрическія больницы, то-есть такія заведенія, гдѣ больные не только содержатся, но и дѣйствительно лечатся. Но чтобы подобныя заведенія могли призрѣть всѣхъ психически-больныхъ, для этого требовались такія денежныя суммы, какими земства далеко не обладали. Даже тѣ земства, которыя могли затратить на устройство психіатрическихъ больницъ сотни тысячъ рублей, въ состояніи призрѣть лишь одного изъ пяти больныхъ. Въ среднемъ выводѣ, въ земскихъ губерніяхъ до сихъ поръ еще на каждую койку, имѣющуюся въ распоряженіи психіатрической лечебницы, приходится въ среднемъ 7 человѣкъ душевно-больныхъ, а въ неземскихъ губерніяхъ ихъ приходится 17 человѣкъ. *Минимумъ* умалишенныхъ въ Россіи считаютъ въ 87,000, что въ девять разъ превышаетъ число имѣющихся для ихъ призрѣнія мѣстъ. Слѣдовательно, около 80,000 умалишенныхъ находятся внѣ больницъ. Земство не можетъ, по своимъ денежнымъ средствамъ, выстроить такое количество психіатрическихъ заведеній, которыя вмѣстили бы все число умалишенныхъ, нуждающихся въ призрѣніи. А потому необходимость заставляетъ дѣлать выборъ между психически-больными при пріемѣ ихъ въ больницу. Въ этомъ дѣлѣ земства, одно за другимъ, устанавливаютъ тотъ принципъ, что предпочтеніе надо отдавать недавно заболѣвшимъ, такъ какъ психіатрическая практика показала, что умственныя и душевныя разстройства даютъ 50, 60, 70 и даже 80% излеченій въ первое полугодіе болѣзни, 25% во второе и только 2—5% въ теченіе второго года болѣзни. Такимъ образомъ, свѣжіе случаи умопомѣшательства имѣютъ большіе шансы на излеченіе; хроники же нуждаются лишь въ призрѣніи. А разъ нѣтъ возможности призрѣть всѣхъ психически-больныхъ, интересъ общества указываетъ на необходимость, хотя и печальную, отдавать предпочтеніе свѣжимъ случаямъ заболѣванія. Введеніе земствами въ практику этого принципа, приглашеніе къ завѣдыванію психіатрическими заведеніями извѣстныхъ спеціалистовъ, установленіе гуманнаго обращенія съ больными,—все это имѣло результатомъ, что прежніе «желтые дома» превращаются, въ рукахъ земства, въ настоящія психіатрическія больницы.

И. Иванюковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Школьное дѣло въ Московской губерніи.— Дѣятельность с.-петербургскаго комитета грамотности.— Общественное призрѣніе и сельско-хозяйственныя колоніи.— Петербургское общество защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія.— Еще о невзгодахъ переселенцевъ.— Упреки по адресу земства.— Новый законъ о службѣ гражданской.— Юбилей П. Н. Обнинскаго.— Н. М. Астыревъ.

Русская общественная работа послѣднихъ 5—6 лѣтъ обнаруживаетъ особенности, которыя не могутъ быть подмѣчены даже въ недалекомъ прошломъ. Лѣтъ 10 назадъ все вниманіе русскаго общества было занято вопросами о крупныхъ и мелкихъ экономическихъ мѣропріятіяхъ, которыя могутъ поднять благосостояніе народа, особенно крестьянства. Народное образованіе также было предметомъ серьезнаго изученія, а мѣстами и серьезныхъ заботъ. Однако, господствовало почти полное единогласіе относительно того, что народное образованіе, какъ ни важно оно, имѣетъ второстепенное значеніе на ряду не только съ самыми крупными и общими, но даже и частными мѣрами въ области народнаго хозяйства. Теперь въ оцѣнкѣ этого предмета произошелъ замѣтный поворотъ. Никто, вдумывающійся въ условія народной жизни, не станетъ отрицать первоклассную важность крупныхъ экономическихъ мѣропріятій. Но каждый, разъ онъ не скользитъ по поверхности явленій, задаетъ вопросъ объ обстановкѣ, которая наиболѣе благопріятна для успѣшнаго вліянія всѣхъ этихъ мѣръ на русскій общественный бытъ. Кто додумался хотя бы только до того, чтобы поставить этотъ вопросъ, тотъ ясно видитъ, что невѣжество служитъ сильнѣйшимъ тормазомъ при всѣхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію экономическаго быта, и что всѣ мѣры этого рода могутъ оказать гораздо болѣе благотворное вліяніе на массу народа, получившую въ грамотности важное условіе для умственнаго развитія. Это сознаніе, замѣтно окрѣпшее за послѣдніе годы, выразилось въ различныхъ формахъ. Оно выразилось томъ, что нѣкоторыя земства произвели всесторонніе изслѣдованія грамотности населенія отдѣльныхъ уѣздовъ. Формой выраженія этого сознанія служитъ также все чаще и чаще выдвигаемый отдѣльными земствами вопросъ о томъ, какими средствами можно было бы въ скорѣйшемъ вре-

осуществить идею всеобщаго обученія народа. Объ этомъ сознаніи говоритъ также оживившаяся дѣятельность частныхъ обществъ по народному образованію, особенно комитетовъ грамотности, московскаго, петербургскаго и харьковскаго. Ростъ этого сознанія доказываетъ возростающую зрѣлость нашей общественной мысли. И въ самомъ дѣлѣ, невѣжественная среда можетъ пассивно воспринять мысль о тѣхъ или другихъ перемѣнахъ въ общественномъ строѣ, но она неспособна оцѣнить такія перемѣны, сознательно дорожить тѣмъ, что служитъ къ улучшенію народной жизни, и давать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что наиболѣе нужно для ея преуспѣянія.

Московское губернское земство, труды котораго уже давно и вполнѣ справедливо признаются образцовыми, издало книгу о грамотности среди дѣтей школьнаго возраста двухъ уѣздовъ Московской губерніи — Московскаго и Можайскаго. Губернское земство, имѣя въ своемъ распоряженіи небольшое число статистиковъ, не считало возможнымъ изслѣдовать относительно грамотности всю губернію. Но оно не желало остановиться на изслѣдованіи только одного уѣзда, такъ какъ результаты подобнаго изслѣдованія носили бы частный характеръ и по нимъ нельзя было бы судить о положеніи дѣла въ остальныхъ уѣздахъ губерніи. Поэтому статистическое отдѣленіе московскаго губернскаго земства рѣшило произвести въ двухъ уѣздахъ сплошное изслѣдованіе школьнаго дѣла. Московскій и Можайскій уѣзды были выбраны потому, что они представляютъ противоположные полюсы: первый уѣздъ занимаетъ очень выгодное мѣсто въ отношеніи школьнаго дѣла, Можайскій же отличается крайнею отсталостью.

Изслѣдуя грамотность населенія школьнаго возраста (отъ 7 до 14 лѣтъ), московскіе статистики дѣлятъ его на три группы: учащихся, обучавшихся и неучащихся; въ послѣднюю группу отнесены тѣ, которые вовсе не учились, а потому являются вполнѣ неграмотными. Въ Московскомъ уѣздѣ дѣти обоего пола, принадлежащіе къ послѣдней группѣ, составляютъ 49,6%, а въ Можайскомъ — 63,5%; именно неграмотныя дѣвочки поднимаютъ на такой высокій уровень число членовъ третьей группы: неучащіяся дѣвочки составляютъ въ Московскомъ уѣздѣ 64,7% общаго числа дѣвочекъ школьнаго возраста, а въ Можайскомъ уѣздѣ — 84,0%. А вовсе неграмотные мальчики составляютъ въ Можайскомъ уѣздѣ 42,2%, а въ Московскомъ — 35,2%. Интересны свѣдѣнія о возрастѣ дѣтей, которые «отучились», т.-е. перестали учиться: въ обоихъ уѣздахъ наибольшее число (64—66%) приходится на возрастъ старше 12 лѣтъ; однако, мы находимъ значительный процентъ и въ гораздо болѣе юномъ возрастѣ: 13—14% перестаютъ учиться въ 11 лѣтъ или и ранѣе, а 22—23% въ 12 лѣтъ. Эти цифры выдаютъ к[illegible]ткость періода, который крестьянскія дѣти могутъ проводить въ школѣ: х[illegible] курсъ школъ трехлѣтній, однако, большинство дѣтей оканчиваетъ свое у[illegible]ье даже чрезъ 2 года.

Среди школъ всѣхъ разрядовъ земскія занимаютъ въ обоихъ уѣздахъ в[illegible]лющееся положеніе: изъ общаго числа учащихся и учившися на земскія ш[illegible] приходится 71,1% въ Московскомъ уѣздѣ и 44,6% — въ Можай-

ском. Школы другихъ разрядовъ занимаютъ въ обоихъ уѣздахъ не одно и то же мѣсто: въ Московскомъ на частныя и фабричныя школы приходится 13,2% учащихся и учившихся, на церковно-приходскія — 11,2% и только 4,5% на школы грамоты. А въ Можайскомъ уѣздѣ на церковно-приходскія школы падаетъ 5,5%, на фабричныя и частныя разныхъ наименованій — 19,8% и 30,1% на школы грамотности. Школы грамотности, являющіяся суррогатомъ правильной и хорошо организованной начальной школы, даютъ намъ очень пеструю картину учащаго персонала. Мы находимъ здѣсь священниковъ, псаломщиковъ, просвирень, мѣстныхъ крестьянъ, мѣщанъ, солдатъ и проч. Большое разнообразіе находимъ мы и относительно числа учащихся: оно колеблется между 7 и 30—35. То обстоятельство, что большое число учащихся въ школахъ грамотности приходится теперь на Можайскій уѣздъ, въ которомъ организованныя училища имѣются въ маломъ количествѣ, служитъ очень вѣскимъ доказательствомъ того, что крестьянское населеніе даже очень глухихъ мѣстностей въ настоящее время достаточно сознаетъ пользу обученія хотя бы только одной грамотѣ.

Статистики московскаго губернскаго земства, изучая извѣстный классъ общественныхъ явленій, стараются уяснить взглядъ самого народа на эти явленія. Покойный В. И. Орловъ, пользуясь этимъ способомъ при изученіи сельской общины, сообщилъ много драгоцѣнныхъ данныхъ о воззрѣніяхъ народа на общину. И преемники Орлова всегда примѣняли этотъ способъ съ большимъ успѣхомъ. Крестьяне были подвергнуты многостороннему опросу относительно обученія дѣтей грамотѣ. Отвѣты опрашиваемыхъ прежде всего обнаружили различіе въ воззрѣніяхъ родителей на необходимость грамоты для мальчиковъ и дѣвочекъ. Мальчикамъ, по мнѣнію родителей, грамота можетъ пригодиться всюду: и въ промысловыхъ занятіяхъ, и при отбываніи воинской повинности, и при прохожденіи общественной службы. Къ обученію же дѣвочекъ многіе относятся отрицательно, ссылаясь на то, что такъ «не заведено», «не принято», «нѣтъ моды». Къ такимъ общимъ и неопредѣленнымъ отзывамъ присовокупляются иногда и точные разсчеты той работы, которую дѣвочка, достигнувъ 10—11 лѣтъ, можетъ выполнить дома въ теченіе учебнаго года. Пряденье льна, мотанье бумаги, шитье перчатокъ, плетенье кружевъ — вотъ распространенные въ Московской губерніи промыслы, при которыхъ родители пользуются трудомъ даже очень маленькихъ дѣвочекъ. Но есть и другая причина. Чтобы посылать дѣтей въ школу, нужно сдѣлать значительную затрату на одежду, которая, по разсчетамъ И. П. Боголѣпова, стоитъ $10^1/_2$—11 рублей. Сдѣлавъ такой расходъ на мальчика, многія семьи говорятъ, что имъ «не подъ силу» посылать въ школу и дочерей.

Въ изданіи московскаго губернскаго земства весьма полно разработанъ вопросъ о причинахъ, вслѣдствіе которыхъ многіе дѣти не обучались и не обучаются въ школѣ. Всѣ единичныя причины сведены къ 7 основнымъ классамъ. Среди нихъ первое мѣсто принадлежитъ экономическимъ условіямъ: въ Московскомъ уѣздѣ по этой причинѣ не обучается 35,6% дѣтей,

а въ Можайскомъ — 35,9%. «Въ эту категорію,— говоритъ г. Боголѣповъ,— у насъ занесены вполнѣ однородные и совершенно ясные случаи необученія дѣтей — изъ-за бѣдности, по неимѣнію обуви и одежды, изъ-за невозможности платить за ученіе, по трудности обучать сразу двоихъ, хожденіе дѣтей по-міру, изъ-за необходимости работать или жить на сторонѣ... Подходя къ иному двору, приходилось заранѣе выслушивать отъ провожатаго или провожатой такое замѣчаніе, что «тутъ одна бѣднота живетъ,— гдѣ ей учиться!» Дѣйствительно, впечатлѣніе получилось такое, что кромѣ обуви и одежды у семьи отсутствуетъ также и что-то другое, пожалуй, еще болѣе важное, чѣмъ недостатокъ въ платьѣ или обуви. При изслѣдованіи было констатировано нѣсколько такихъ особенно краснорѣчивыхъ фактовъ, что въ нѣкоторыхъ и очень бѣдныхъ семьяхъ, все-таки, оказывались учащіеся. Такъ, извѣстны, наприм., случаи, что мальчикъ обучается въ школѣ, между тѣмъ мать его или же молодая сестренка ходятъ по-міру. Подобной энергіи въ семьяхъ первой категоріи совсѣмъ не замѣчалось; такимъ образомъ, указаніе на проживаніе въ томъ или иномъ домѣ «бѣдноты» было равносильно тому, что семья, вслѣдствіе своего стѣсненнаго хозяйственнаго положенія, совершенно утратила душевную бодрость». Дальнѣйшими важными причинами необученія дѣтей являются семейныя обстоятельства и болѣзни. Замѣтное мѣсто занимаютъ въ ряду причинъ также отдаленность школы и недостаточное школьное помѣщеніе, затрудняющее принять всѣхъ дѣтей, желающихъ поступить; вслѣдствіе этихъ причинъ не обучаются 14—15% дѣтей.

Изслѣдованіе постановки школьнаго дѣла въ двухъ уѣздахъ Московской губерніи побуждаетъ г. Боголѣпова проектировать новое распредѣленіе школьныхъ районовъ. При этомъ должны быть соблюдены два слѣдующихъ главныхъ условія: радіусъ каждаго района не долженъ превышать норму предѣльныхъ школьныхъ разстояній; второе же условіе то, чтобы число дворовъ и дѣтей обоего пола, приходящееся на одну школу, не было особенно велико. Земскіе статистики проектируютъ такое распредѣленіе школъ по деревнямъ, чтобы, по возможности, ни одно селеніе не отстояло дальше 3 верстъ отъ школы. Согласно съ этимъ планомъ они считаютъ безусловно необходимымъ открыть въ Московскомъ уѣздѣ еще 21 школу, а въ Можайскомъ — 22.

Изданіе московскаго земства поучительно не только потому, что даетъ цѣлый рядъ любопытныхъ данныхъ относительно состоянія народнаго образованія въ довольно обширномъ районѣ, но и потому, что даетъ яркое освѣщеніе и земской дѣятельности на этомъ поприщѣ до настоящаго времени и соображеній земства о томъ, что еще можетъ быть сдѣлано. Какъ ни много сдѣлано московскимъ земствомъ для народнаго образованія, однако, и здѣсь недостаетъ еще — въ каждомъ уѣздѣ десятковъ школъ и больше ⅓ населенія школьнаго возраста не обучается грамотѣ. Сказанное о московскихъ земствахъ, можетъ быть распространено и на многія другія. Возьмемъ, напримѣръ, Орловскую губернію. Изъ свѣдѣній за послѣднее

десятилѣтіе (1883—1892) оказывается, что число школъ возросло съ 493 до 527, а число учащихся съ 29,463 до 37,190. Расходы на школьное дѣло обнаруживаютъ также правильный ростъ: въ 1883 году было израсходовано около 145,440 рублей, т.-е. въ среднемъ 293 р. 30 коп. на 1 школу и 4 р. 95 к. на 1 ученика, а въ 1892 году на всѣ земскія школы было затрачено 196,981 р. 13 коп., т.-е. по 368 р. 70 коп. на 1 школу и по 5 р. 29 к.—на 1 учащагося.

Таковы расходы на земскую школу. Дальнѣйшіе расходы необходимы, но насколько они не легки, доказывается жалобами на обѣднѣніе, доносящимися изъ разныхъ краевъ Русской земли. Содержаніе школъ грамоты обходится всего дешевле, нѣсколько десятковъ рублей въ годъ, а, между тѣмъ, крестьяне сплошь и рядомъ затруднены при покрытіи и этихъ расходовъ. Такъ въ отчетѣ по Петербургской губерніи о состояніи этихъ школъ мы находимъ свѣдѣнія о крайнихъ нуждахъ, постигшихъ Петербургскую губернію, особенно Гдовскій и Новоладожскій уѣзды. Въ нѣкоторыхъ приходахъ крестьяне такъ оскудѣли, что не могли не только содержать и отоплять школы, но даже давать дѣтямъ дневное пропитаніе. Правленіе епархіальнаго братства, завѣдующее этими школами, истощивъ свою кассу, было вынуждено обратиться къ частнымъ пожертвованіямъ для помощи крестьянамъ.

Уменьшеніе рессурсовъ, которые земство можетъ затрачивать на народное образованіе, тѣмъ болѣе прискорбно, что земская школа, подобно тому какъ народныя школы министерства народнаго просвѣщенія, далеко превосходятъ церковно-приходскія. Такую оцѣнку мы находимъ и въ органахъ печати, склонныхъ отстаивать церковно-приходскія училища даже тамъ, гдѣ ихъ слабыя стороны, повидимому, не должны бы возбуждать сомнѣнія. Недавно въ *Гражданинѣ* была напечатана статья о церковно-приходскихъ школахъ въ юго-западномъ краѣ, за подписью: «свящ. І. Я.». Указывая на неудовлетворительную общую постановку дѣла въ церковно-приходскихъ школахъ, авторъ говоритъ. «Завѣдующіе школами священники и учителя отлично поняли, что на одномъ «духѣ» далеко не уѣдешь, и если школа въ извѣстномъ году не представитъ нѣсколько учениковъ на экзаменъ для полученія льготныхъ свидѣтельствъ, то такую школу будутъ считать не вполнѣ хорошею и завѣдующій ею священникъ несомнѣнно много потеряетъ во мнѣніи начальства... Мѣстныя народныя школы министерства народнаго просвѣщенія, обладая всегда отличными средствами, а потому и прекрасно поставленныя, ежегодно выпускаютъ оканчивающихъ курсъ со льготными свидѣтельствами десятками, и вотъ духовное вѣдомство со своими въ подавляющемъ большинствѣ вполнѣ неблагоустроенными школами возжелало конкуррировать съ ними... Эта погоня за льготными—такое великое зло для юной и скромной по своимъ средствамъ церковной школы и такъ глубоко уже вкоренилось и разъѣдаетъ ее, что не отмѣтить этого грустнаго явленія невозможно... Что можетъ хорошаго дать такая школа, если и въ будущемъ ее такъ же будутъ вести?»

Мы привели нѣсколько фактовъ изъ хроники нашего школьнаго дѣла. Возростающее стремленіе къ образованію и бѣдность, дѣлающая для многихъ недоступною даже граматность—вотъ условія, которыя и здѣсь, какъ повсюду, обнаруживаются съ полною ясностью. Важность дѣла и настоятельность нуждъ заставляютъ съ особенною признательностью отнестись къ дѣятельности комитетовъ грамотности. Передъ нами отчетъ петербургскаго комитета грамотности за 1893 годъ. Къ 1 января 1894 года онъ имѣлъ 644 члена, на 256 болѣе, чѣмъ въ началѣ предъидущаго года. Дѣятельность комитета выразилась, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: 1) Былъ открытъ сборъ пожертвованій на устройство, при содѣйствіи земствъ 100 безплатныхъ народныхъ читаленъ, стоимостью не менѣе 250 рублей каждая; 2) Постановлено возбудить ходатайство о сокращеніи срока литературной собственности; 3) Обсуждался вопросъ о возможности продать начальной школѣ сельско-хозяйственный характеръ; 4) Изданы новыя дополнительныя правила комитета; 5) Безплатно разослано 51,150 книгъ въ 446 мѣстъ; 6) Изданій комитета разослано на сумму около 4,000 рублей.

Таковы главные пункты дѣятельности общаго собранія и совѣта комитета грамотности. Но, главнымъ образомъ, дѣятельность комитета была сосредоточена въ коммиссіяхъ, число которыхъ достигло въ прошломъ году 8. Коммиссія по изданію книгъ для народнаго чтенія установила нѣкоторыя руководящія начала, заслуживающія полнаго вниманія. Коммиссія сознаетъ, что книги, издаваемыя для народа, должны быть дешевы; извѣстно, что издатели, стремясь къ этой цѣли, печатаютъ на отвратительной бумагѣ, дурнымъ шрифтомъ, урѣзываютъ авторскій гонораръ до крайнихъ предѣловъ. Осуждая пріемы лубочниковъ, коммиссія постановила не ухудшать для изданій комитета бумаги и шрифта, выдавать авторамъ гонораръ, снабжать, по мѣрѣ надобности, брошюры рисунками. И, при всемъ томъ, довольно большое число экземпляровъ позволяетъ пускать книги въ продажу по низкой цѣнѣ. Отмѣтимъ также вѣрный взглядъ, установленный коммиссіей на научно-популярную литературу. Стараясь, при помощи ученыхъ спеціалистовъ и педагоговъ, пополнить пробѣлы, которые обнаруживаются въ научно-популярной литературѣ, коммиссія рѣшила выработать систематическій планъ научно-популярныхъ изданій по всѣмъ отраслямъ знанія. По плану коммиссіи, каждое отдѣльное изданіе должно представлять собою самостоятельное, вполнѣ законченное цѣлое; совокупность же ихъ, по всякой отдѣльной наукѣ, должна полно и всесторонне исчерпывать содержаніе послѣдней. Коммиссія стоитъ на вѣрномъ пути, опредѣляя свои задачи по литературному отдѣлу. По ея мнѣнію, слѣдуетъ приближать къ народу лучшія произведенія литературы, какъ русской, такъ и иностранной; «заботы же о созданіи спеціальной, такъ называемой «народной» литературы не соотвѣтствуютъ цѣлямъ комитета и не совмѣстимы съ серьезнымъ отношеніемъ къ умственнымъ потребностямъ народа» (20).—Коммиссія по отношенію систематическаго обзора русской народно-учебной литературы работала также съ большой энергіей. Она подготовила

къ печати 8 отдѣловъ *Обзора*—по педагогикѣ, родному языку, исторіи, географіи, медицинѣ съ гигіеной, гимнастикѣ, пѣнію, рисованію и ручному труду и приступить къ печатанію въ ближайшемъ будущемъ. Особая комиссія дѣйствовала по оказанію помощи ученикамъ народныхъ школъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Не переставая печатать въ теченіе 1892—1893 года воззванія къ благотворителямъ, комиссія успѣла собрать 14,344 рубля, которые позволили ей проявить дѣятельность въ довольно широкихъ размѣрахъ. Помощь ученикамъ народныхъ школъ оказывалась въ 10 губерніяхъ: Воронежской, Вятской, Казанской, Курской, Орловской, Самарской, С.-Петербургской, Тобольской, Тульской и Харьковской, всего въ 30 уѣздахъ. Общее число столовавшихся учениковъ достигало 3,000, причемъ мѣсячная стоимость продовольствія, колебалась отъ 41 коп. (Богородицкій уѣздъ Тульской губерніи) до 1 р. 32 коп.). Острогожскій уѣздъ, Воронежской, равнялся въ среднемъ почти 71 копѣйкѣ. Кромѣ названныхъ коммиссій, дѣйствовала комиссія библіотечная, по изысканію денежныхъ средствъ, по изданію сочиненій Кольцова, по собиранію и разработкѣ свѣдѣній о положеніи народнаго образованія.

Отмѣчая энергическую и плодотворную дѣятельность петербургскаго комитета грамотности, мы особенно охотно указываемъ на то, что онъ съумѣлъ привлечь къ себѣ много самыхъ разнообразныхъ силъ. Педагоги, литераторы, врачи, адвокаты, статистики, чиновники разныхъ вѣдомствъ, входя въ его составъ, неутомимо работали то въ коммиссіяхъ, то въ совѣтѣ, то въ общихъ собраніяхъ. Сочувствіе, возбуждаемое дѣятельностью комитета грамотности въ разныхъ слояхъ петербургскаго общества, тѣмъ болѣе отрадно, что за эту работу не платятъ денегъ, не полагается никакихъ наградъ и внѣшнихъ отличій; здѣсь побужденіемъ къ труду служитъ только сознаніе пользы, которую приноситъ все, что содѣйствуетъ росту народнаго просвѣщенія.

Уже больше года работаетъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря К. К. Грота коммиссія, учрежденная для пересмотра дѣйствующаго законодательства о призрѣніи бѣдныхъ. Мы имѣли случай разсмотрѣть проектъ организаціи призрѣнія бѣдныхъ, выработанный этою коммиссіей (*Внутреннее обозрѣніе*, августъ 1893 г.); здѣсь же коснемся только составленнаго ею проекта общества по устройству сельскихъ колоній.

Общество ставитъ себѣ тройную цѣль: 1) устройство принудительныхъ работъ для лицъ, избравшихъ ремесломъ бродяжничество и нищенство; 2) предоставляетъ работы и занятія нуждающемуся трудовому населенію, лишенному средствъ къ существованію вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ и желающему работать; 3) устройство убѣжищъ для дѣтей, оставленныхъ на произволъ судьбы, а также для дѣтей, вращающихся въ порочной средѣ, и дѣтей, страдающихъ отъ жестокаго обращенія родителей или родственниковъ; 4) устройство убѣжищъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Для достиженія этихъ цѣлей въ предѣлахъ избраннаго

она общество устраиваетъ на принадлежащей ему землѣ колоніи и дома трудолюбія съ принудительными, а также добровольными работами. Помѣщаемыя въ эти учрежденія лица изучаютъ практически пріемы раціональнаго сельскаго хозяйства во всѣхъ его развѣтвленіяхъ и обучаются ремесламъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ общество организуетъ сельско-хозяйственныя и ремесленныя школы и устраиваетъ богадѣльни, больницы и пріюты.

Не останавливаясь на организаціи управленія, которая очень близко подходитъ къ строю многихъ благотворительныхъ обществъ, мы должны признать самую цѣль такихъ обществъ заслуживающею полнаго сочувствія. До сихъ поръ формой призрѣнія бѣдныхъ, которые получали пособія не на дому, служатъ дома трудолюбія, распространившіеся по всей Европѣ въ подражаніе англійскимъ образцамъ. Въ Англіи и другихъ странахъ уже давно подмѣченъ фактъ, что многіе бѣдняки, достигнувъ самой крайней степени нужды, упорно отказываются поступить въ дома трудолюбія. Англійскіе писатели конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка объясняли такое отвращеніе отъ рабочихъ домовъ тѣснотой помѣщенія, нездоровостью и слишкомъ суровой дисциплиной. Къ этому присоединяется также чрезвычайное утомительное однообразіе работы. Если бѣдняки, которымъ предлагаютъ поступить въ такіе дома, слѣдуютъ приглашенію неохотно и то лишь въ силу крайней необходимости, то и съ точки зрѣнія политики и филантропіи дома трудолюбія представляютъ мало привлекательнаго. Дабы какъ-нибудь наполнить время обитателей, въ этихъ домахъ дѣлаютъ щетки, метелки и другія незначительныя вещи. Простота этихъ ремеслъ, возможность заниматься ими безъ всякой правильной подготовки позволяютъ доставлять эти вещи на рынокъ въ большомъ количествѣ, превышающемъ запросъ, понижать цѣны и дѣлать призрѣваемыхъ бѣдныхъ опасными соперниками работниковъ въ этихъ немудреныхъ промыслахъ. Убыточность содержанія домовъ трудолюбія является почти неустранимою особенностью этихъ учрежденій. Возьмемъ для примѣра петербургскій домъ трудолюбія, основанный въ 1886 году. Картузный промыселъ призрѣваемыхъ мужчинъ и шитье бѣлья женщинами даютъ 2—$2^1/_2$ тысячи рублей въ годъ дохода, а расходы составляютъ 3—$3^1/_2$ тысячи. Промыслы, которыми занимаются въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, подобныхъ домамъ трудолюбія, убыточны именно потому, что ведутся въ учрежденіяхъ этого рода. Пестрый составъ призрѣваемыхъ, пестрый по полу, возрасту, физической силѣ и трудовымъ навыкамъ, неопредѣленность срока и, обыкновенно, непродолжительность времени, въ теченіе котораго призрѣваемые связаны съ призрѣвающимъ ихъ учрежденіемъ, позволяютъ заниматься въ этихъ домахъ только самыми простыми и грубыми промыслами. Ничтожный заработокъ призрѣваемыхъ (10 коп. въ день) даетъ возможность содержать ихъ до послѣдней степени скудно. Скудное содержаніе и суровая дисциплина дѣлаютъ долю призрѣваемыхъ настолько незавидною, что многіе охотно уходятъ изъ дома трудолюбія, въ надеждѣ добыть прошеніемъ милостыни не менѣе того, что даетъ имъ призрѣвающее учрежденіе. Но если даже при-

зрѣваемый провелъ въ домѣ трудолюбія довольно долгое время, полгода, годъ—и тогда онъ не можетъ извлечь изъ учрежденія осязательную пользу: знакомя своихъ обитателей только съ самыми простыми ремеслами, домъ трудолюбія не даетъ имъ въ руки надежнаго источника дохода. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ не можетъ благотворно дѣйствовать и на нравственность призрѣваемыхъ. Оставаясь въ немъ короткое время, многіе изъ обитателей, не имѣя привычки къ труду, не успѣваютъ и пріобрѣсти ее; только дисциплина учрежденія удерживаетъ ихъ въ извѣстной колеѣ; разъ снята эта дисциплина—и каждая копѣйка относится въ кабакъ.

Въ сельско-хозяйственныхъ колоніяхъ призрѣваемое населеніе ставится лицомъ къ лицу съ наиболѣе производительными промыслами. Если бы даже условія рынка не позволяли сбывать продукты такой колоніи по достаточно высокимъ цѣнамъ и доходность труда призрѣваемыхъ была невысока, то занятіе земледѣліемъ обезпечиваетъ домашнее удовлетвореніе главныхъ потребностей призрѣваемыхъ, что не можетъ быть достигнуто въ домахъ трудолюбія. Наконецъ, сельско-хозяйственная колонія имѣетъ много данныхъ для того, чтобы добрые трудовые навыки усвоивались тѣми призрѣваемыми, которые не имѣютъ этой привычки: работы разнообразны, равномѣрно упражняютъ все тѣло; питейный домъ не соблазняетъ своей красной вывѣской, которыя въ городѣ встрѣчаешь почти на каждомъ шагу. Земледѣльческія колоніи могутъ стать просто благодѣтельными учрежденіями, если, при ихъ помощи, призрѣваемые будутъ получать прочную осѣдлость: участокъ земли, усадьбу, земледѣльческія орудія. Важность этихъ задачъ заставляетъ пожелать, чтобы возникла на первое время хотя одна такая колонія: если поставленная цѣль будетъ достигнута, то примѣръ найдетъ послѣдователей въ разныхъ уголкахъ Русской земли.

Отдѣлъ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія является однимъ изъ наиболѣе симпатичныхъ учрежденій Петербурга. Учрежденный 1 декабря 1892 года при обществѣ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, отдѣлъ издалъ недавно свой отчетъ о дѣятельности за 1893 г. Въ концѣ 1893 г. отдѣлъ имѣлъ 50 участковыхъ попечителей, среди которыхъ мы находимъ профессоровъ, литераторовъ, врачей, адвокатовъ, 9 женщинъ. Въ предѣлахъ своего участка каждый попечитель имѣлъ надзоръ за фабрикантами, мастерскими, мелочными лавками и другими заведеніями, въ которыхъ наиболѣе часты нарушенія интересовъ дѣтей. Пользуясь, въ силу именныхъ открытыхъ листовъ, правомъ доступа въ тѣ мѣста, гдѣ можетъ встрѣтиться необходимость защиты дѣтей, участковые попечители могли всесторонне разслѣдовать каждый сомнительный случай. Въ началѣ дѣятельность попечителей была связана съ трудностями: подмѣчалось недовѣріе со стороны лицъ, къ которымъ они обращались. Однако, благоразумная настойчивость попечителей и ихъ тактъ привели къ тому, что отдѣлъ началъ пріобрѣтать популярность среди бѣднѣйшихъ классовъ населенія и явились случаи непосредственнаго обращенія къ защитѣ отдѣла. Участковые попечители

жались вѣрнаго взгляда, что никакіе пріюты и убѣжища не могутъ замѣнить для дѣтей семьи и что при злоупотребленіи родителей властью нужно, прежде всего, воздѣйствовать на ихъ нравственное чувство и сознаніе. «Опытъ показалъ,—говоритъ отчетъ,—что зачастую жестокость и небрежность родителей обусловливается не нравственною ихъ испорченностью, а полною неумѣлостью и безпомощностью въ дѣлѣ правильнаго устроенія семейнаго обихода. Теплое, безъ претензій на наставничество, участіе попечителя, добрый совѣтъ и поддержка, регулярный надзоръ его за ребенкомъ настолько улучшали духовную сторону семейной обстановки, что не представлялось болѣе необходимости въ проявленіи со стороны отдѣла правъ на защиту. Изъ 32 случаевъ удостовѣреннаго разслѣдованіями тяжелаго положенія дѣтей 19 удалось разрѣшить вполнѣ мирнымъ путемъ и до такой степени цѣлесообразно, что отдѣлъ не имѣетъ основанія раскаиваться въ своемъ образѣ дѣйствій. За то въ остальныхъ 13 случаяхъ пришлось прибѣгнуть къ самымъ энергическимъ и быстрымъ средствамъ: зло было слишкомъ велико и угрожающе. Здѣсь случалось наблюдать самыя крайнія проявленія своеволія и разврата, начиная съ безпричинныхъ хроническихъ побоевъ и кончая принужденіемъ дѣвочки-малютки къ торгу собой». Отчетъ приводитъ случаи безчеловѣчнаго обращенія съ дѣтьми: жестокіе побои родителей или другихъ лицъ, вынужденіе проводить ночь внѣ дома, на морозѣ, въ одномъ платьѣ, изнуреніе голодомъ, тяжкія болѣзни дѣтей, искалѣченіе, покушеніе на самоубійство—вотъ что находимъ мы въ фактахъ, о которыхъ повѣствуетъ отчетъ. За отчетный годъ отдѣлъ обогатился важнымъ учрежденіемъ—временнымъ убѣжищемъ. Оно предназначено для призрѣнія тѣхъ дѣтей, защищаемыхъ отдѣломъ, которыхъ необходимо удалить изъ прежнихъ условій существованія. Такъ какъ денежныя средства отдѣла были незначительны, то начало убѣжищу было положено въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Весною 1893 года была пріискана бездѣтная мѣщанская семья, добрая, трезвая, трудолюбивая, гдѣ хозяйка семьи обязалась давать, за скромную плату пріютъ, и попеченіе всѣмъ дѣтямъ, призрѣваемымъ отдѣломъ. А въ концѣ прошлаго года было открыто убѣжище на 10—12 дѣтей. Отдѣлъ принимаетъ мѣры къ его расширенію.

Сообщенныя нами свѣдѣнія о дѣятельности этого благотворительнаго учрежденія тѣмъ болѣе даютъ право разсчитывать на его дальнѣйшее развитіе, что въ немъ принимаютъ участіе члены разныхъ общественныхъ слоевъ, сознающіе особенную важность оказанія помощи дѣтямъ.

Едва открылась навигація по Волгѣ и Камѣ, какъ во многихъ губерніяхъ началось переселенческое движеніе, и на этотъ разъ сопряженное съ бѣдствіями, которыя выпадали на долю переселенцевъ въ предъидущіе годы. Съ первыхъ чиселъ мая въ газетахъ было напечатано нѣсколько телеграммъ о нуждѣ, постигшей переселенцевъ въ сравнительно неотдаленныхъ пунктахъ; такова, прежде всего, Казань. Вотъ телеграмма, которая была напечатана въ *Русской Жизни* отъ 20 мая: «Въ Казани накопилось болѣе

пяти тысячъ переселенцевъ, въ предѣлахъ возможности размѣстилъ ихъ въ баракахъ и ночлежныхъ домахъ; пою водопроводной водой, даю кипятокъ и учредилъ медицинскій надзоръ. Безусловно необходима матеріальная помощь и настоятельное требованіе къ пароходнымъ обществамъ, чтобы везли переселенцевъ въ Каму. Покорнѣйше прошу содѣйствія и матеріальной помощи, крайне необходимыхъ. Казанскій городской голова Дьяченко». Телеграмма была послана въ комитетъ общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. Это благотворительное общество переживаетъ то же, что приходится испытывать и всѣми другимъ: располагая ежегодно суммою въ 12—15,000 руб., оно сталкивается съ нуждою въ такихъ размѣрахъ, что необходимы милліоны для ея удовлетворенія.

Въ этой телеграммѣ обращаетъ на себя вниманіе требованіе г. Дьяченка о настоятельномъ побужденіи пароходныхъ обществъ перевозить переселенцевъ изъ Казани до Перми. Положеніе дѣлъ представляется въ такомъ видѣ. Пароходы, плавающіе по Камѣ, какъ и всѣ коммерческія предпріятія, заботятся, прежде всего, о той работѣ, которая наиболѣе прибыльна. Прибыльною работой является перевозка пассажировъ и грузовъ; перевозка же переселенцевъ, для которыхъ пароходныя общества установили очень низкій тарифъ, даетъ малыя выгоды. Результаты всего этого не заставляютъ себя ждать: какъ скоро въ Казани накопились многія тысячи переселенцевъ, такъ пароходы, торопясь съ перевозкою грузовъ, отводятъ мѣсто только для небольшого числа всѣхъ накопившихся переселенцевъ и многіе ждутъ 1½—2 недѣли своей очереди. Казанскій городской голова, озабоченный такимъ замедленіемъ въ перевозкѣ переселенцевъ, предлагаетъ обратиться къ пароходнымъ обществамъ съ «настоятельнымъ требованіемъ». Подъ этими словами можно разумѣть только одно—требованіе, чтобы правительство предписало пароходчикамъ перевозить переселенцевъ предпочтительно предъ грузами или другими пассажирами, т.-е. промѣнять прибыльное занятіе на менѣе выгодное. Мы не оправдываемъ такого насилія надъ пароходными обществами. Въ общественной жизни обыкновенно бываетъ такъ, что каждое нарушеніе правъ легко влечетъ за собою и дальнѣйшія нарушенія. Въ нашемъ же отечествѣ они столь часты, что приходится высказаться противъ г. Дьяченка и въ защиту владѣльцевъ пароходовъ, плавающихъ по Камѣ. Можно было безъ большихъ затрудненій не допустить переселенцевъ до того тягостнаго положенія, которое они переживаютъ въ ожиданіи посадки на пароходы. Такъ какъ земскіе начальники ведутъ учетъ всѣмъ переселяющимся крестьянамъ, то извѣстно общее число лицъ, которыя переселятся въ данномъ году. Зная размѣры предстоящаго движенія, правительство можетъ заблаговременно арендовать нѣсколько пароходовъ и баржъ, плавающихъ по Камѣ и сибирскимъ рѣкамъ и пользоваться, съ самаго открытія навигаціи, этими судами для передвиженія переселенцевъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до начала навигаціи каждый пароходовладѣлецъ охотно пойдетъ на такую сдѣлку: у него еще есть впереди время, чтобы усилить перевозочныя средства, разъ онъ имѣетъ основаніе разсчитывать

на большое скопленіе грузовъ. Арендная цѣна можетъ быть опредѣлена для правительства безубыточно съ принятіемъ въ разсчетъ дѣйствующаго переселенческаго тарифа, числа душъ, которое поднимаетъ судно, и числа рейсовъ, которое оно должно сдѣлать въ теченіе лѣта. Конечно, въ ноябрѣ или декабрѣ все это можетъ быть безъ труда подготовлено къ апрѣлю. Но всѣ хлопоты не легко приводятъ къ цѣли, когда онѣ выпадаютъ на весну, при начавшемся переселенческомъ движеніи. И теперь единственнымъ правильнымъ исходомъ изъ этого невыгоднаго положенія является содѣйствіе правительства тому, чтобы переселенцы были поскорѣе перелвинуты на мѣсто своего водворенія. Лучше истратить нѣсколько тысячъ казенныхъ денегъ, лучше нанять пароходы и баржи дороже, нежели то было можно сдѣлать зимою, чѣмъ производить насиліе надъ пароходными обществами.

Затронувъ переселенческое движеніе, мы не можемъ пройти въ молчаніи мимо доклада, который П. Г. Сущинскій прочиталъ въ общемъ собраніи общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. Д-ръ Сущинскій пробылъ два года въ Тобольской губерніи; онъ лечилъ больныхъ и собиралъ статистическія свѣдѣнія о переселенцахъ. Его самоотверженная дѣятельность не обошлась для него безъ тяжелаго тифа. Дѣлая выводы изъ цѣлаго ряда наблюденій, г. Сущинскій говоритъ: 1) При отсутствіи въ Сибири земства и удовлетворительной постановки медицинскаго дѣла, до 1884 года, когда правительство впервые взяло на себя заботу о переселеніяхъ, медицинская помощь переселенцамъ или отсутствовала совершенно, или была крайне ничтожна. 2) Съ этого времени положеніе не измѣнилось къ лучшему въ виду незначительныхъ суммъ, отпускаемыхъ правительствомъ въ распоряженіе чиновниковъ, и по недостатку средствъ мѣстныхъ. 3) Съ того момента, когда переселеніе усилилось въ значительной степени, когда хлынула бѣднота, страдающая въ пути отъ голода и болѣзней, и возросла смертность,—выступила на помощь благотворительность сибирскаго населенія, движимаго состраданіемъ къ несчастью ближняго; были образованы мѣстные комитеты, на которые и выпала тяжелая и непосильная задача. 4) Извѣстное участіе печати, обнаружившее передъ русскимъ обществомъ бѣдствія переселенцевъ, вызвало нѣкоторое, хотя и слабое, вниманіе къ нимъ всей Россіи. Былъ открытъ сборъ пожертвованій въ пользу переселенцевъ, учреждено особое общество для вспоможенія имъ и пр. Но вся эта благотворительная дѣятельность была недостаточна. 5) Разсматривая результаты, можно только констатировать безсиліе этихъ попытокъ придти на помощь и ослабить бѣдствія переселенцевъ, какъ это обнаружилъ опытъ прошлыхъ лѣтъ. Частная благотворительность можетъ устранить нужды немногихъ тысячъ. Для охраненія же самыхъ существенныхъ интересовъ всей массы передвигающихся необходимы общегосударственныя мѣры. Расходы государства на санитарное и медицинское дѣло искупаются,—говоритъ д-ръ Сущинскій,— сохраненіемъ тысячей жизней. «До сихъ поръ,—заключаетъ авторъ свой докладъ,— переселеніе въ Сибирь похоже на движущуюся армію здоровыхъ людей, которая, однако, исчезаетъ, какъ

на войнѣ, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, встрѣчаемыхъ въ пути. Сохранить переселяющихся тружениковъ, чтобъ они явились на мѣсто съ возможно меньшими потерями, весьма важно для государства и должно явиться цѣлью колонизаціи».

Нѣтъ надобности пояснять, насколько правильны эти воззрѣнія. Вскорѣ послѣ г. Сущинскаго и также въ общемъ собраніи общества для вспомоществованія переселенцамъ былъ прочитанъ докладъ г. Богданова о русскихъ переселенцахъ въ Бразиліи. Этотъ докладъ интересенъ особенно тѣмъ, что еще разъ проливаетъ свѣтъ на крайнее легковѣріе простыхъ людей, на готовность ихъ передвигаться за тридевять земель, когда ихъ воображенію рисуются заманчивыя, хотя бы и вовсе несбыточныя картины. Съ мая 1890 г. по мартъ 1891 г. изъ привислянскихъ губерній переселилось въ Бразилію около 40,000 душъ. Что побудило ихъ? Тяжкія условія жизни на родинѣ, съ одной стороны, и усердно распространяемые слухи о Бразиліи, какъ обѣтованной землѣ,—съ другой. «Распространились слухи,—говоритъ г. Богдановъ (его докладъ напечатанъ въ приложеніи къ № 136 *Русской Жизни* за нынѣшній годъ),—что папа купилъ въ Бразиліи земли, чтобы даромъ раздавать русскимъ католикамъ, и самъ выѣдетъ на Карарскіе острова благословить отъѣзжающихъ въ текущую млекомъ и медомъ обѣтованную землю, что въ городахъ Бразиліи все мужское населеніе перемерло отъ неизвѣстной повальной болѣзни, и на фабрикахъ, и заводахъ хозяева готовы давать баснословную заработную плату». Кто слѣдилъ за русскою печатью 2—3 года назадъ, тотъ припомнитъ, какъ эти легковѣрные были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Г. Богдановъ разсказалъ печальную повѣсть о томъ, какъ переселенцамъ не доплачивали за работу на новыхъ мѣстахъ, какъ имъ, вмѣсто денегъ, выдавали росписки, которыя лавочникъ учитывалъ, продавая съѣстные припасы вдвое и втрое дороже; какъ новоселы, особенно дѣти и женщины, умирали во множествѣ; какъ мѣстные чиновники ставили босыми ногами на битое стекло тѣхъ, кто пытался жаловаться... Всѣ эти факты, не сходные въ частностяхъ, но однородные, гдѣ бы ни приходилось наталкиваться на нихъ — въ Сибири или Бразиліи, служатъ вѣскимъ доказательствомъ двухъ явленій: 1) крайне угнетеннаго состоянія огромныхъ массъ населенія и 2) крайней умственной слабости, препятствующей видѣть небылицу даже въ самомъ грубомъ вымыслѣ. Обществу и правительственной власти должно быть очевидно, что если изъ сравнительно небольшого района, каковы привислянскія губерніи, въ теченіе только 10 мѣсяцевъ выселяются десятки тысячъ, то положеніе дѣйствительно тяжело, настоятельно нужны крупныя мѣры, чтобы хотя сколько-нибудь измѣнить къ лучшему бытъ многочисленныхъ [illegible] Правительственной власти должно быть очевидно, что если нѣтъ гр[illegible]аго вымысла, который не увлекъ бы этихъ людей, то должны быть, по[illegible]ию западно-европейскимъ государствамъ (назовемъ, прежде всего, Анг[illegible] и Германію), созданы правила, которыя руководили бы переселенческимъ вниженіемъ, и органы, которые неуклонно наблюдали бы за исполненіемъ [illegible] ихъ

правилъ. И это въ равной мѣрѣ необходимо какъ во время движенія, такъ и по прибытіи переселенцевъ на мѣсто водворенія. Неупорядоченность перваго ведетъ къ тому скопленію переселенцевъ, которое мы уже не первый годъ, каждую весну наблюдаемъ въ Перми и Тюмени, а теперь въ Казани и Нижнемъ-Новгородѣ, и которое сказывается въ усиленной болѣзненности и смертности. А неупорядоченность второго порождаетъ напрасную трату силъ на такомъ мѣстѣ, которое вовсе непригодно для водворенія.

Подобную картину нарисовалъ намъ С. І. Залѣсскій, профессоръ Томскаго университета. Томскій губернаторъ пригласилъ г. Залѣсскаго изслѣдовать нѣкоторые переселенческіе поселки относительно условій снабженія водою. Г. Залѣсскій объѣхалъ обширный районъ, начавъ отъ Барнаула и окончивъ Каинскомъ. Изслѣдователь нашелъ много поселковъ, бѣдныхъ водою вообще или, по крайней мѣрѣ, водою хорошаго качества. Но мѣстами вода совершенно негодна къ употребленію, а добываніе сколько-нибудь удовлетворительной воды поставлено въ самыя тягостныя условія. И такихъ селеній можно найти многіе десятки. Таково, наприм., селеніе Костинъ логъ, имѣющее болѣе 2,000 душъ. Это селеніе, возникшее въ 1881 году, начало быстро возростать. Попытки первыхъ поселенцевъ запрудить сухой логъ и найти хорошую воду въ колодцахъ остались безуспѣшными. Но они, все-таки, не смущались и думали, что когда будетъ больше народа, то удастся устроить лучшія плотины и найти болѣе подходящія мѣста для колодцевъ. Наконецъ, набралось много народа, выстроили крѣпкія и массивныя плотины, стали повсюду рыть колодцы, но не нашли столько воды, сколько было нужно. Въ этомъ селеніи, по словамъ г. Залѣсскаго, такъ много колодцевъ, что ихъ трудно даже пересчитать. Колодцы чрезвычайно глубоки: нѣкоторые достигаютъ 25, 27, 30 аршинъ и въ нихъ, все-таки, нѣтъ воды. Выкопать колодецъ стоитъ 30—50 рублей. Уровень воды безостановочно понижается, и колодцы, содержавшіе воду 2—3 года назадъ, оказываются теперь пустыми. Безводье, какъ его описываетъ профессоръ Залѣсскій, представляетъ самую мрачную картину. «Недостатокъ воды для питья и пищи побуждаетъ нѣкоторыхъ жителей, особенно бѣдныхъ, которымъ не на что вырыть свои колодцы, къ тому, что они стараются получить ее различными, даже не всегда законными, окольными путями. Такъ, наприм., бабы ночью подбираются къ чужимъ колодцамъ и вычерпываютъ ихъ иногда до дна. Изъ-за этого происходятъ часто драки и насилія, такъ какъ владѣльцы колодцевъ какъ разъ выжидаютъ ночи, чтобы выбранная днемъ вода скопилась вновь за это время для ихъ личныхъ потребностей. Между тѣмъ, воду, добытую съ такимъ трудомъ и затратою матеріальныхъ средствъ и составляющую ихъ неотъемлемую собственность, перехватываютъ другіе... Въ самыя тяжелыя условія поставлены переселенцы, свѣжеприбывшіе на отведенные имъ участки. Не имѣя своихъ колодцевъ и не будучи допущены къ чужимъ, они должны ѣздить иногда за нѣсколько верстъ, чтобы безпрепятственно найти воду сколько-нибудь пригодную для нихъ и для ихъ скота»... Не нужно пояснять, насколько не-

нормальны эти условія. Нельзя устранить ихъ безъ очень крупныхъ затратъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ эти условія вовсе не могутъ быть устранены. Но всегда можно предотвратить ихъ: стоитъ только болѣе тщательно изслѣдовать участки земли, предназначенные для водворенія переселенцевъ, и направлять ихъ туда, гдѣ довольно воды и лѣса, столь необходимыхъ для правильнаго веденія хозяйства.

Кто хочетъ быть человѣкомъ, не отставшимъ отъ послѣдней моды, тотъ долженъ бранить городское и, особенно, земское самоуправленія. Такъ и дѣлаетъ нѣкто г. Ромеръ, напечатавшій за послѣднее время нѣсколько статей о русской деревнѣ. Завершеніемъ этихъ очерковъ, полныхъ сѣтованіями по поводу деревенскаго безлюдья, явилась статья подъ заглавіемъ: *Двойная роль земствъ* (*Новое Время* 1891 г., № 6528). Вся статья направлена на то, чтобы доказать, насколько земства бездѣятельны, насколько имъ чужды мѣры, способныя принести пользу населенію, и даже желаніе изучить его бытъ. Земство имѣетъ право ходатайствовать о мѣстныхъ нуждахъ,—говоритъ авторъ,—а, между тѣмъ, оно не пользуется своимъ правомъ. Ходатайствъ было довольно; но всѣ они или были не обоснованы, или касались маловажныхъ вопросовъ и обнаруживали полное непониманіе земствомъ мѣстныхъ нуждъ. Г. Ромеръ приводитъ одинъ примѣръ, чтобы доказать, какое значеніе могли бы имѣть ходатайства земства. «Если бы брянское и жиздринское уѣздныя земства знали,—знали съ цифрами и данными въ рукахъ,—какое значеніе имѣло для нихъ Мальцевское торгово-промышленное товарищество, если бы они, въ то же время и такъ же документально, знали точную стоимость имущества этого товарищества и если бы они, заручившись несокрушимою логикой цифръ, своевременно ходатайствовали передъ правительствомъ о томъ, чтобы товарищество не было выдано головою разнымъ банкамъ и кредиторамъ-грабителямъ,—можно ли предполагать, чтобы подобное ихъ ходатайство не было уважено?» Кто слѣдилъ за земскою дѣятельностью, тотъ припомнитъ длинный рядъ ходатайствъ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ земскаго управленія,—народному образованію, медицинѣ, продовольственному и страховому дѣлу, переселеніямъ. Сюда слѣдуетъ пріобщить и рядъ ходатайствъ болѣе общаго характера, которыя относятся къ 1880—81 годамъ. Но очень наивно предположеніе, что ходатайства были бы уважены, еслибъ они были обоснованы, если бы, говоря словами автора, земства ходатайствовали «съ цифрами въ рукахъ». Ходатайства обыкновенно подкрѣплялись цифрами, но,—возвращаясь къ предмету, о которомъ мы только что говорили,—если бы точныя статистическія данныя, положенныя въ основаніе ходатайствъ ручались, что просьба будетъ уважена, то наше переселенческое дѣло было бы обставлено совсѣмъ иначе, чѣмъ въ настоящее время. Не забудемъ, о немъ напоминали, писали, ходатайствовали многія лица и многія учрежденія. Печать въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ разработала вопросъ съ достаточною полнотой. Бывшее въ 1881 году особое совѣщаніе свѣдущихъ по

дей признало необходимость веденія этого дѣла въ широкихъ размѣрахъ и представило планъ, по которому оно должно быть построено. Чиновники, завѣдующіе переселенческимъ движеніемъ въ Сибири, изъ года въ годъ доставляютъ правительству обильный и тщательно подобранный матеріалъ, который доказываетъ, какъ много нужно сдѣлать для переселенцевъ и какъ еще мало дѣлается. А, между тѣмъ, мы очень далеки отъ такой постановки этой отрасли внутренней политики, чтобы считать дѣло поставленнымъ на желанный путь. Очень, поэтому, ошибается г. Ромеръ, если считать убѣдительность доводовъ достаточнымъ условіемъ для того, чтобы какой-либо крупный вопросъ общественной жизни получилъ удовлетворительное рѣшеніе.

Но въ названной статьѣ есть вещи, которыя вызываютъ въ читателѣ недоумѣніе и заставляютъ его спросить себя: чему слѣдуетъ въ особенности удивляться, невѣжеству ли г. Ромера, или его развязности, или, наконецъ, безцеремонности газеты, которая преподноситъ читателямъ такую галиматью? Авторъ самоувѣренно говоритъ, что земство не сдѣлало ничего для изученія быта населенія. «Ближайшее и детальное изученіе каждаго отдѣльнаго уголка, со всѣми его условіями и особенностями, не можетъ быть дѣломъ правительства, а доступно лишь представителямъ, лучшимъ людямъ самого уголка... Можетъ ли кто-либо съ увѣренностью твердо вести свое хозяйственное дѣло, пока не знакомъ какъ слѣдуетъ съ собственнымъ имуществомъ? А, вѣдь, именно подобный абсурдъ практикуется теперь, въ большей или меньшей степени, всѣми нашими земствами. Укажите мнѣ хотя на одно, которое систематически изучило бы собственную территорію и всѣ бытовыя условія ея населенія. Если бы хотя нѣчто подобное было исполнено земствами,—конечно, мы бы не стояли цѣлый десятокъ лѣтъ въ безпомощномъ недоумѣніи передъ новою Эдиповою загадкой... о причинахъ нашего же обѣдненія». Далѣе авторъ указываетъ на ожесточенные споры между сторонниками и врагами общиннаго владѣнія землей и сѣтуетъ, что «земство не откликнулось ничѣмъ, буквально ничѣмъ, словно и задачи никакой не существовало вовсе».

Повторяемъ, невѣжество и беззастѣнчивость автора безпримѣрны: онъ осмѣливается печатать такія строки послѣ того, какъ земская статистико-экономическая литература образовала уже цѣлую библіотеку въ добрую тысячу томовъ, послѣ того, какъ въ 24 губерніяхъ всѣ стороны народной жизни подверглись внимательному изученію и послѣ того какъ эти изслѣдованія послужили матеріаломъ для нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣропріятій: пониженія выкупныхъ платежей, организаціи крестьянскаго банка, продовольственнаго дѣла и пр.

Закономъ 6 мая 1894 года возстановленъ инспекторскій департаментъ гражданскаго вѣдомства, упраздненный въ 1858 году. Именной высочайшій указъ правительствующему сенату опредѣляетъ мотивы этого узаконенія слѣдующими словами: «По упраздненіи инспекторскаго департамента обязанности онаго распредѣлены были между правительствующимъ сенатомъ,

центральными и губернскими учрежденіями и, такимъ образомъ, прекращено было общее наблюденіе за точнымъ исполненіемъ устава о гражданской службѣ и за примѣненіемъ относящихся къ сему предмету постановленій, а потому естественно устранилось и однообразіе въ направленіи дѣлъ, касающихся службы гражданскихъ чиновниковъ. Послѣдствіемъ указанной мѣры, какъ усмотрѣно Нами изъ восходящихъ до Насъ дѣлъ, явился цѣлый рядъ уклоненій отъ дѣйствующихъ правилъ о прохожденіи гражданской службы, и такія измѣненія, которыя, находясь въ противорѣчіи съ основными постановленіями законодательства о службѣ, вносятъ въ таковое не предусмотрѣнныя имъ начала». Законъ 6 мая установляетъ порядокъ, согласно съ которымъ опредѣленіе на службу даже въ самыя низшія должности, перемѣщеніе чиновниковъ и увольненіе ихъ, въ какомъ бы вѣдомствѣ ни состоялись такія распоряженія, должны проходить чрезъ особое центральное учрежденіе — комитетъ о службѣ чиновъ гражданскихъ и о наградахъ. Предсѣдателемъ этого комитета состоитъ канцлеръ орденовъ, должность котораго занимаетъ министръ Императорскаго Двора, а дѣлопроизводство по завѣдыванію гражданскими чинами сосредоточивается въ инспекторскомъ отдѣлѣ Собственной Его Величества канцеляріи. По закону 6 мая, никто не можетъ считаться назначеннымъ на должность или уволеннымъ отъ нея до воспослѣдованія высочайшаго приказа. Однако, подлежащія начальства могутъ назначать на вакантныя мѣста для исправленія должности, а равно увольнять чиновниковъ. Такимъ образомъ и до высочайшаго приказа лицо можетъ исправлять обязанности, относящіяся къ данной должности, и быть уволеннымъ отъ нихъ, но не можетъ въ первомъ случаѣ считаться назначеннымъ на должность, а во второмъ — получить аттестатъ объ увольненіи отъ нея.

Этотъ законъ вызвалъ разнообразныя толкованія въ чиновничьихъ кругахъ и, частью, въ печати. Мы считаемъ возможнымъ предсказать вліяніе закона 6 мая въ двухъ направленіяхъ: 1) Такъ какъ всѣ передвиженія по государственной службѣ сосредоточиваются въ одномъ учрежденіи, то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ большая медленность и въ назначеніи на должность, и въ увольненіи отъ нея: если при доселѣшнемъ распредѣленіи этихъ обязанностей по министерствамъ и вѣдомствамъ лицо, подавшее въ отставку, получало аттестатъ черезъ $1^1/_2$ мѣсяца, то теперь оно будетъ получать его черезъ три, а лицо, ожидающее назначенія на должность, дождется его не черезъ два мѣсяца, а черезъ четыре. 2) Будутъ предотвращены тѣ случаи, когда назначаютъ на должность лицо, которое не удовлетворяетъ условій имущественнаго, сословнаго и образовательнаго ценза, связанныхъ съ должностью. Конечно, вѣроятное вліяніе закона въ этихъ обоихъ направленіяхъ не произведетъ никакихъ перемѣнъ въ составѣ чиновниковъ и въ прохожденіи чиновниками ихъ служебнаго поприща. Первое вліяніе ограничивается только частною жизнью чиновниковъ, служебныхъ ихъ удовольствія и неудовольствія. Вліяніе, отмѣченное нами подъ 2, также не имѣетъ существеннаго значенія. Строгое исполненіе требованій

относительно сословнаго и имущественнаго ценза вовсе не служитъ ручательствомъ за то, что должности занимаются лицами, наиболѣе пригодными для этихъ обязанностей. Это всего лучше доказывается изданнымъ недавно циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ отмѣчались случаи, что предводителями дворянства въ теченіе двухъ-трехъ трехлѣтій избираются лица, не принадлежащія къ потомственнымъ дворянамъ. Конечно, такое избраніе нарушаетъ законъ; но самый фактъ доказываетъ, что дворяне даннаго уѣзда считаютъ для себя полезнымъ лицо, которое не соотвѣтствуетъ требованіямъ о сословномъ цензѣ. Требованія относительно образовательнаго ценза должны бы быть всего строже соблюдаемы при назначеніи на высшія должности, но порядокъ назначенія на эти должности не измѣненъ закономъ 6 мая. Составъ же чиновниковъ и предпочтеніе достойнѣйшихъ не обезпечивается новымъ закономъ потому, что представленія о назначеніи на должность и впредь, какъ теперь, будутъ исходить отъ подлежащихъ начальствъ, и инспекторскій департаментъ, не имѣя другихъ данныхъ для сужденія о представленномъ лицѣ, будетъ руководствоваться представленіями мѣстныхъ и центральныхъ вѣдомствъ.

---

9 мая происходило чествованіе П. Н. Обнинскаго, по случаю исполнившагося 35-ти лѣтія его литературной и общественной дѣятельности. П. Н. принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ цѣльнымъ, высоко-нравственнымъ людямъ, вся жизнь которыхъ является непрерывнымъ служеніемъ возвышеннымъ общественнымъ идеаламъ. Мировой посредникъ перваго призыва, онъ предоставилъ своимъ крѣпостнымъ даромъ лучшія земли въ своемъ имѣніи. Обширная литературная дѣятельность П. Н. всегда выдавала въ немъ вѣрнаго, стойкаго, убѣжденнаго питомца 60-хъ годовъ. Благотворительная дѣятельность и, особенно, предсѣдательствованіе въ московскомъ обществѣ попеченія о неимущихъ дѣтяхъ обнаруживаютъ въ немъ нѣжность души, горячее сочувствіе всѣмъ сирымъ и обездоленнымъ и большой организаторскій талантъ. Пожелаемъ ему добраго здоровья на много, много лѣтъ!

---

3 іюня скончался въ Москвѣ, въ пріютѣ при клиникѣ нервныхъ болѣзней, талантливый писатель, неутомимый и самоотверженный изслѣдователь народной жизни Николай Михайловичъ Астыревъ. Покойный сразу пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность статьями въ *Вѣстникѣ Европы* (онѣ вышли потомъ отдѣльною книгою) — *Въ волостныхъ писаряхъ*. Имъ произведено было много статистическихъ изслѣдованій въ Европейской Россіи и въ Сибири, онъ написалъ много статей и беллетристическихъ произведеній, которыя появлялись въ *Русской Мысли*, *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Не легко жилось Николаю Михайловичу послѣдніе годы. Злая чахотка, къ которой присоединился нервный ударъ, свела его въ могилу на тридцать седьмомъ году жизни. Вѣчная память гуманному, энергичному труженику на нивѣ народной!

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ телеграфъ принесъ неожиданное извѣстіе о выходѣ въ отставку Стамбулова. Настоящій режимъ въ Болгаріи, съ принцемъ Кобургскимъ во главѣ, до такой степени признавался дѣломъ рукъ энергичнаго и неразборчиваго на средства болгарскаго министра-президента, что отставка или паденіе его кабинета могли показаться паденіемъ самого режима. Стамбуловъ провелъ измѣненія конституціи, которыя исказили ея демократическій характеръ; опираясь на полицію и отчасти на войско, онъ держалъ населеніе «властною рукой», стѣсняя печать и преслѣдуя административными карами своихъ политическихъ противниковъ. Мѣра терпѣнія болгарскаго общества, наконецъ, переполнилась и принцъ Кобургскій встрѣтилъ достаточное сочувствіе и поддержку, чтобы принять вынужденную отставку Стамбулова. По извѣстіямъ газетъ, это событіе вызвало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кровавыя столкновенія между сторонниками и врагами бывшаго министра-президента, но въ народѣ преобладаетъ чувство удовлетворенія. Новое министерство возстановило свободу печати, освободило политическихъ заключенныхъ. Этимъ мѣрамъ нельзя, конечно, не сочувствовать, но слѣдуетъ прибавить, что неосновательно было бы ожидать теперь измѣненія болгарской политики въ международномъ отношеніи, — иными словами, примиренія княжества съ Россіей: наше правительство не хочетъ признавать законности избранія принца Кабургскаго на болгарскій престолъ, а, между тѣмъ, его положеніе оказывается болѣе прочнымъ, чѣмъ можно было предполагать.

Хорошо одно, что, вмѣсто заносчиваго и полнаго произвола правленія Стамбулова, почти осуществлявшаго идеалъ правителя по теоріи *Московскихъ Вѣдомостей* или *Гражданина*, Болгаріею будутъ править болѣе разумные и справедливые люди. Не отсюда, слѣдовательно, можетъ теперь выйти опасность для европейскаго мира. Въ виду печальныхъ событій въ Сербіи, гдѣ продолжаетъ хозяйничать Миланъ, это обстоятельство является особенно важнымъ. Въ Европѣ вообще и въ наиболѣе заинтересованномъ изъ западныхъ государствъ, т.-е. въ Австріи, въ частности, къ паденію Стамбулова отнеслись довольно равнодушно. Австро-Венгрія, впрочемъ, по-

глощена покуда внутренними дѣлами. Борьба съ чехами въ Цислейтаніи и съ румынами въ Транслейтаніи усложнилась было острымъ столкновеніемъ министерства Векерле съ короною изъ-за вопроса о введеніи гражданскаго брака. Палата магнатовъ отвергла принятый палатою депутатовъ законопроектъ. Императоръ Францъ-Іосифъ отказался назначить новыхъ членовъ верхней палаты для перемѣщенія ея большинства. Въ придворныхъ сферахъ вообще питаютъ сильное нерасположеніе къ введенію въ Венгріи гражданскаго брака, къ кабинету Векерле вообще и къ министру юстиціи Силадьи въ особенности. Кабинетъ подалъ въ отставку. Грандіозныя манифестаціи въ честь Векерле и рѣшимость либеральной партіи твердо поддержать своего вождя заставили, однако, императора пойти на уступки. Векерле и Силадьи вновь стали во главѣ правительства, и шансы на проведеніе законопроекта увеличились.

Намъ приходилось ужо упоминать, что въ данномъ случаѣ противъ либеральнаго министерства выступаетъ венгерское католическое духовенство. За духовенство стоятъ венгерскіе славяне, къ нимъ въ данномъ случаѣ присоединяются венгерскіе нѣмцы изъ Седмиградія. Послѣдніе не скрываютъ, что мотивомъ ихъ образа дѣйствія служитъ не религіозное чувство (они протестанты), а политическія соображенія, желаніе бороться съ мадьяризаціей. И въ самомъ дѣлѣ, введеніе гражданскаго брака не нарушаетъ правъ ничьей религіозной совѣсти, потому что государство, считая этотъ бракъ достаточнымъ для людей всѣхъ вѣроисповѣданій, никому не мѣшаетъ освятить его по своему религіозному убѣжденію. Что же касается мѣръ,—и нерѣдко возмутительныхъ,—которыми венгерское правительство стремится обезличить другія національности, превратить въ мадьяръ славянъ, румынъ и нѣмцевъ, то читатели знаютъ, съ какимъ глубокимъ осужденіемъ относится къ нимъ лучшая часть западно-европейской печати. У насъ по этому поводу мечутъ на мадьяръ громъ и молнію въ особенности «консервативные» органы печати...

Чешская *Politik*, обсуждая клаузенбургскій процессъ, предостерегаетъ мадьяръ отъ послѣдствій политики, которая превращаетъ половину населенія въ ожесточеннаго врага другой половины. Держа власть въ своихъ рукахъ,—говоритъ *Politik*,—мадьяры могутъ еще нѣкоторое время сохранить свою гегемонію, но разсчитывать при такихъ условіяхъ на долгое и прочное господство—большое и опасное заблужденіе. Отъ печальныхъ послѣдствій нынѣшней правительственной системы въ Венгріи, по отношенію къ другимъ народностямъ, предостерегаетъ мадьяръ и дружественно расположенная къ нимъ берлинская *National-Zeitung*. Мѣрами строгости,—замѣчаетъ газета,—направленными къ подавленію законныхъ національныхъ стремленій, ничего добраго достигнуть нельзя. Можно,—прибавимъ мы,—достигнуть внѣшняго торжества. Все будетъ, повидимому, покойно, а въ кабинетѣ угнетенныхъ славянъ и румынъ будетъ рости злое чувство, которое принесетъ горькіе плоды.

Въ Германіи, изъ которой раздаются голоса, призывающіе венгерское

правительство къ справедливости и терпимости, прошло въ рейхстагѣ предложеніе партіи центра, отмѣняющее законъ объ изгнаніи іезуитовъ. Читатели знаютъ, что мы всего менѣе питаемъ сочувствія къ стремленіямъ католическаго духовенства командовать въ государствѣ. Самымъ энергичнымъ орудіемъ въ этомъ стремленіи римско-католической церкви являются, какъ извѣстно, іезуиты; но съ духовными врагами надо бороться и духовными средствами. Призывать жандарма и полицейскаго для того, чтобы «пресѣчь» чужое убѣжденіе, значитъ выдать себѣ свидѣтельство въ государственномъ безсиліи. Князь Бисмаркъ своимъ закономъ противъ іезуитовъ такое свидѣтельство себѣ и выдалъ. За отмѣну этого закона, кромѣ, разумѣется, центра, подали голоса такіе непримиримые враги іезуитовъ, какъ вольномыслящіе и соціалъ-демократы. Германское правительство (союзный совѣтъ) относится, однако, несочувственно къ отмѣнѣ бисмарковскаго закона,—послѣдняго, если мы не ошибаемся, орудія знаменитой «культурной» борьбы, которую бывшій имперскій канцлеръ, полицейскими средствами и съ такимъ выдающимся неуспѣхомъ, велъ противъ римско-католической церкви.

Важный законодательный вопросъ возбужденъ въ настоящее время въ Германіи вслѣдствіе того, что нѣкоторыя періодическія изданія привлекаются къ суду не въ мѣстѣ ихъ изданія. Помимо естественныхъ неудобствъ для редакторовъ, издателей и писателей, связанныхъ съ необходимостью ѣхать для защиты въ другой городъ, для германской печати, для значительной ея части, представляются невыгоды и другого рода: въ Баваріи, Вюртенбергѣ и Баденѣ преступленія печати судятся лучшею формой суда,—судомъ присяжныхъ, а въ Пруссіи судьями коронными. При высокомъ нравственномъ уровнѣ судейскаго персонала, при несмѣняемости судей и строгомъ разграниченіи суда отъ администраціи, печать вправѣ, разумѣется, разсчитывать на безпристрастные приговоры; но, помимо исключительныхъ случаевъ общественнаго возбужденія, еще большее обезпеченіе правосудія представляетъ судъ присяжныхъ.

Если за послѣднее время мало плодотворна законодательная дѣятельность въ Германіи, то еще менѣе богатою результатами является она во Франціи. Министерство Казиміра Перье, опредѣленно выступившее противъ и радикаловъ, и соціалистовъ и обнаружившее большую уступчивость по отношенію къ клерикаламъ, потерпѣло пораженіе въ палатѣ депутатовъ и вышло въ отставку. Послѣ долгихъ переговоровъ и поисковъ, президентъ республики поручилъ составленіе новаго кабинета президенту палаты депутатовъ, Дюпюи, а на его мѣсто былъ избранъ бывшій министръ-президентъ. Казиміръ Перье и Дюпюи, такимъ образомъ, лишь пересѣли. До [illegible] боровъ въ президенты республики остается нѣсколько мѣсяцевъ, и до [illegible] времени новый кабинетъ, вѣроятно, продержится.

Въ палатѣ депутатовъ въ минувшемъ маѣ былъ возбужденъ воп[illegible] объ отмѣнѣ смертной казни, но большинство высказалось за сохран[illegible] этого противухристіанскаго наказанія, и—странное дѣло!—въ пользу [illegible]

варскаго лишенія жизни высказались католики, противъ—радикалы. Предложено было уничтожить публичность смертной казни, но предложеніе было отвергнуто (нужно добавить, что этотъ законопроектъ девять лѣтъ тому назадъ принятъ сенатомъ). *Journal des Débats* горячо стоитъ за то, чтобы толпа не созывалась присутствовать при гильотированіи преступника, потому что это деморализируетъ ее. Но казнь, совершаемая втайнѣ, станетъ, пожалуй, еще ненавистнѣе, и поэтому правъ Клемансо, указывая на то, что лишать жизни преступника и безчеловѣчно, и не дѣйствительно, какъ средство устрашенія для другихъ.

Не двигаясь впередъ въ вопросахъ экономическаго и вообще культурнаго законодательства, нынѣшняя палата обнаруживаетъ (какъ и прежнія, впрочемъ) большое патріотическое одушевленіе и единодушіе, когда дѣло заходитъ о вопросахъ иностранной политики. Недавно было обнародовано соглашеніе между Англіей и Бельгіей, которыя безцеремонно подѣлили между собою африканскія земли, находящіяся подъ властью (номинальною) Турціи или входящія въ *сферу вліянія* Франціи. Въ палатѣ депутатовъ Французской республики былъ сдѣланъ по этому поводу запросъ. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото представилъ объясненія. Правительство,—сказалъ онъ, — заявило протестъ въ Лондонѣ и Брюсселѣ. «Франція постарается рѣшить этотъ вопросъ, сознавая свои права, желая и имѣя средства защитить ихъ» *(горячія рукоплесканія)*. На всякій случай приняты и военныя мѣры: «министръ колоній уже послалъ достаточное для охраны французскихъ интересовъ число войскъ, за которыми послѣдуютъ новыя подкрѣпленія. Дипломатія знаетъ, что ея задача—охранять права Франціи, и она выполнитъ эту задачу» *(тройной взрывъ рукоплесканій)*. Послѣ рѣчи министра былъ предложенъ слѣдующій переходъ къ очереднымъ дѣламъ: «Одобряя заявленія правительства и будучи убѣждена, что, опираясь на международныя обязательства, оно съумѣетъ заставить уважать права Франціи, палата переходитъ къ очереднымъ дѣламъ». Въ палатѣ присутствовало 527 депутатовъ и приведенная формула была принята *единогласно*.

Англія, по всей вѣроятности, пойдетъ на уступки, а Бельгію нечего и считать, тѣмъ болѣе, что противъ англо-бельгійскаго соглашенія выступила съ протестомъ и Германія. Хотя лордъ Розбери въ иностранной политикѣ и близокъ къ идеямъ консервативной партіи, но до серьезнаго столкновенія съ Франціей онъ едва ли рѣшится довести дѣло, тѣмъ болѣе, что у кабинета на рукахъ труднѣйшіе вопросы внутренней жизни, да и въ британскихъ колоніяхъ не все обстоитъ благополучно. Въ англійскихъ газетахъ (сначала въ *Spectator*) появились въ маѣ тревожныя извѣстія изъ Индіи. Газета сообщала, что эта колонія чуть ли не наканунѣ возстанія противъ британскаго владычества. Эти опасенія представляются намъ въ настоящее время совершенно неосновательными, но причинъ недовольства со стороны населенія Индіи не мало въ виду большой безцеремонности англичанъ, а вражда между магометанами и браманистами, о которой мы

говорили въ прошломъ году, можетъ вызвать кровопролитныя столкновенія. Разумная и справедливая политика не лишена, однако, средствъ предупреждать такія столкновенія.

Франція не безъосновательно считается богатѣйшею изъ странъ европейскаго материка. Арманъ Бреттъ *) вычисляетъ, что благотворительныя французскія учрежденія (госпитали и бюро благотворительности) владѣютъ годовымъ доходомъ въ 55 милліоновъ франковъ, что представляетъ собою капиталъ въ милліардъ, въ движимыхъ и недвижимыхъ цѣнностяхъ. Къ сожалѣнію, эти весьма значительныя средства тратятся далеко не всегда цѣлесообразно, что зависитъ отъ неудовлетворительной организаціи благотворительныхъ учрежденій. Въ нѣкоторыхъ (и многихъ) мѣстностяхъ бюро благотворительности все увеличиваютъ свое имущество и очень мало расходуютъ на нужды населенія, сравнительно достаточнаго; въ другихъ общинахъ у бюро или мало средствъ, или такія бюро совсѣмъ не существуютъ: въ 1889 году изъ 36,139 французскихъ коммунъ бюро благотворительности дѣйствовали только въ 15,308. Въ числѣ двадцати слишкомъ тысячъ коммунъ, лишенныхъ этихъ учрежденій, многія отличаются большею бѣдностью, а, между тѣмъ, до сихъ поръ не отмѣненъ законъ, который караетъ за подачу милостыни, въ какой бы то ни было формѣ, значительнымъ денежнымъ штрафомъ. А. Бреттъ высчиталъ, что въ шестнадцати департаментахъ всѣ расходы благотворительныхъ бюро не достигаютъ и половины ихъ доходовъ. Ненормальность такого порядка вещей бросается въ глаза. Если въ этихъ департаментахъ населеніе дѣйствительно пользуется высокимъ уровнемъ благосостоянія, то, вѣдь, въ сосѣднихъ департаментахъ нужда велика, средствъ для ея устраненія не хватаетъ въ то время, когда эти средства праздно лежатъ въ другомъ мѣстѣ.

А. Бреттъ требуетъ всесторонняго изслѣдованія постановки, круга дѣйствій и пріемовъ организованной благотворительности. И несомнѣнно, что подобное изслѣдованіе, если оно будетъ ведено такъ, какъ ведется обыкновенно англійскимъ парламентомъ, выведетъ благотворительность во Франціи на вѣрную дорогу. Но всѣ крупныя демократическія реформы встрѣчаютъ у нынѣшнихъ французскихъ законодателей или недовѣріе, или рѣшительное противодѣйствіе.

Мы своевременно указывали на ходъ избирательной реформы въ Бельгіи, до сихъ поръ сильно отставшей въ этомъ отношеніи, благодаря высокому имущественному цензу для избирателей. За преобразованіе стоялъ и консервативный кабинетъ Бернаерта. Было внесено, между прочимъ, пре[дло]женіе о введеніи пропорціональнаго (населенію) представительства [и] принятіе этого предложенія рѣшительно выступило правительство. К[о]тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе оппозиціи клерикаловъ и консерваторовъ, [от]

*) Свѣдѣнія эти А. Бреттъ сообщилъ въ докладѣ, который былъ прочит[ан] собраніи *Демократической лиги учебныхъ заведеній* (*Ligue démocratique des écol*

порціональное представительство было отвергнуто, кабинетъ вышелъ въ отставку, и новое министерство, съ Бюрле во главѣ, рѣшило отложить разсмотрѣніе этого вопроса до общихъ выборовъ въ парламентъ, которые произойдутъ въ октябрѣ (по преобразованной уже въ другихъ отношеніяхъ избирательной системѣ, приближающей ее ко всеобщей подачѣ голосовъ). Но вождь бельгійскихъ прогрессистовъ, Феронъ, настоялъ на обсужденіи проекта пропорціональнаго представительства во второй разъ въ нынѣшней палатѣ депутатовъ. Предложеніе Ферона послѣ долгихъ преній было отвергнуто большинствомъ 61 голоса противъ 31, причемъ 37 депутатовъ воздержались отъ подачи голоса. Эти тридцать семь депутатовъ, въ томъ числѣ и министры, всѣ принадлежатъ къ сторонникамъ пропорціональнаго представительства, только считаютъ введеніе его несвоевременнымъ. Между тѣмъ, движеніе въ пользу такого представительства все усиливается, несмотря на ожесточенное противодѣйствіе клерикаловъ съ Вёсте во главѣ.

Потерпѣла неудачу и реформа избирательной системы въ Голландіи. По проекту либеральнаго министерства Такъ-ванъ-Поортвлита, число избирателей должно было увеличиться съ трехъ сотъ тысячъ до семисотъ (взрослыхъ и правоспособныхъ мужчинъ въ Голландіи считается болѣе милліона). Клерикалы и консерваторы и здѣсь выступили противъ этой необходимой и справедливой реформы, несмотря на всю ея осторожность и умѣренность. Съ другой стороны, радикалы не шли на уступки и требовали немедленнаго введенія всеобщей подачи голосовъ. Правительственный законопроектъ остался въ меньшинствѣ (за него было подано 41 противъ 57 голосовъ).

Теперь во главѣ голландскаго правительства стоитъ Рёлль (Röll). Новый кабинетъ не отказался отъ избирательной реформы, но ищетъ поддержки у клерикаловъ, откладываетъ реформу и, во всякомъ случаѣ, не будетъ настаивать на многихъ изъ тѣхъ существенно важныхъ пунктовъ, которые выдвигала программа либеральнаго министерства.

Важные избирательные законопроекты внесены и въ британскій парламентъ. Они имѣютъ въ виду облегченіе избирателямъ пользованія ихъ политическими правами. Проектъ, внесенный Джономъ Морлеемъ, сокращаетъ срокъ пребыванія въ опредѣленной мѣстности, необходимый для того, чтобы избиратель былъ занесенъ въ списокъ, до трехъ мѣсяцевъ (списокъ долженъ провѣряться два раза въ годъ). Второе предложеніе заключается въ томъ, чтобы невзносъ мѣстныхъ налоговъ не велъ, какъ теперь, къ лишенію гражданина его политическихъ (избирательныхъ) правъ. Въ настоящее время бываетъ, что жилецъ уплатилъ наемную плату, но собственникъ не внесъ с[дующихъ съ него податей, почему не попадаетъ въ избирательный спи[с]ъ и жилецъ. Далѣе, по проекту Морлея, устанавливается для выборовъ о[д]нъ день для всего государства. Это наноситъ ударъ многократной под[а]чѣ голоса однимъ лицомъ, противъ чего направлены и другія постанов[л]енія законопроекта. Джонъ Морлей стоитъ за то разумное и простое нач[а]ло, по которому у одного избирателя долженъ быть и одинъ голосъ (*one m[an]..., one vote*).

Эти демократическія реформы вызовутъ, по всей вѣроятности, сильное противодѣйствіе со стороны консерваторовъ, но любопытно будетъ при обсужденіи законопроекта положеніе нынѣшнихъ союзниковъ консервативной партіи, либераловъ-уніонистовъ и радикаловъ чемберленовскаго оттѣнка.

Большое негодованіе со стороны англиканскаго духовенства вызвалъ билль, отмѣняющій государственную церковь въ Валлисѣ (*Welsh Disestablishment bill*). Этимъ биллемъ, котораго давно уже добивалось населеніе Валлиса, отмѣняется несправедливый порядокъ вещей: жители неангликанскаго вѣроисповѣданія должны были платить налоги на содержаніе англиканскаго духовенства и его учрежденій. Билль, представленный министромъ внутреннихъ дѣлъ Асквитомъ, нанося существенный ударъ положенію и имущественнымъ интересамъ англиканской церкви въ Валлисѣ, косвенно задѣваетъ ея интересы и въ самой Англіи. За отмѣною оффиціальной церкви сначала въ Ирландіи, теперь въ Валлисѣ, облегчается и борьба за отмѣну государственной церкви вообще. Миланская *Perseveranza*, обсуждая билль Асквита, напоминаетъ, что отдѣленіе церкви отъ государства стояло въ программѣ Чемберлена въ 1885 году, что сочувствіе этому отдѣленію высказывалъ и Гартингтонъ, нынѣ герцогъ Девонширскій и предводитель либераловъ-уніонистовъ.

Читатели знаютъ, что въ Швейцаріи на непосредственное рѣшеніе всеобщаго народнаго голосованія было внесено предложеніе признать за каждымъ швейцарскимъ гражданиномъ право на трудъ,—иными словами, обязать государство, кантонъ или общину давать платную работу каждому лицу, которое въ ней нуждается. 22 мая это голосованіе произошло. Оказалось, что въ пользу предложенія подали голосъ только 85,000 гражданъ, противъ—300,000. Большинства *право на трудъ* не получило ни въ одномъ кантонѣ.

Первое десятилѣтіе общества попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ въ Москвѣ *).

Желаніе, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать дѣлу призрѣнія и воспитанія дѣтей бѣдствующей части населенія столицы побудило нѣкоторыхъ лицъ основать въ Москвѣ пріютъ для дѣтей женскаго пола, которыя, будучи приняты въ возможно меньшемъ возрастѣ, получили бы безплатно воспитаніе и обученіе, могущія приготовить ихъ къ самостоятельно-трудовой жизни.

7 декабря 1883 года, согласно разрѣшенію московскаго генералъ-губернатора, былъ открытъ пріютъ на 20 воспитанницъ, въ который поступило 19 воспитанницъ, въ возрастѣ отъ 5 до 11 лѣтъ; пріютъ былъ помѣщенъ на 3 Мѣщанской, въ домѣ Моженской. Среди лицъ, сочувствовавшихъ возникновенію вышеуказаннаго пріюта, было собрано 14,664 рубля, и эта, сравнительно незначительная, сумма предназначалась какъ на обзаведеніе пріюта, такъ и на его содержаніе.

Забота о дальнѣйшемъ существованіи пріюта привела къ мысли учредить общество попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ въ Москвѣ и ея окружностяхъ, которое, принявъ пріютъ въ свое вѣдѣніе, призвало бы на помощь этому дѣлу частную благотворительность.

29 декабря 1883 года послѣдовало установленное закономъ утвержденіе устава этого общества, а въ концѣ февраля 1884 года правленіе общества попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ приступило къ веденію дѣлъ общества.

Въ составъ правленія, избраннаго на первое трехлѣтіе, вошли: предсѣдатель Иванъ Александровичъ Кошелевъ, товарищъ предсѣдателя гр. Эмилія Алексѣевна Каннистъ, завѣдующая пріютомъ княжна Марія Александровна Ливенъ, члены правленія: Марія Александровна Мамонтова, княжна Елизавета Владиміровна Оболенская, Екатерина Николаевна Самарина, Пла-

*) Отчетъ правленія общества попеченія о бѣдныхъ безпріютныхъ дѣтяхъ. Съ удовольствіемъ печатаемъ его, надѣясь вызвать сочувствіе къ дѣятельности этого полезнаго и разумно поставленнаго учрежденія. *Ред.*

тонъ Алексѣевичъ Богдановъ, Николай Карловичъ Фонъ-Меккъ, Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ, Анатолій Ильичъ Чайковскій, казначей Владиміръ Владиміровичъ Коншинъ и секретарь Николай Николаевичъ Бахметевъ.

Принявъ въ свое вѣдѣніе пріютъ, правленіе нашло нужнымъ внутреннее устройство пріюта примѣнить возможно болѣе къ той средѣ, исключительно изъ которой дѣти должны приниматься въ пріютъ, прибѣгнуть къ возможно большему упрощенію помѣщенія, одежды, пищи дѣтей, удалить изъ пріюта все лишнее, не соотвѣтствующее подготовленію дѣтей къ рабочей, трудовой и для большинства изъ нихъ, несомнѣнно, суровой жизни, такъ какъ общество поставило себѣ цѣлью оказывать помощь нуждамъ только поистинѣ бѣдствующихъ дѣтей. Изъ принятыхъ тогда въ пріютъ 19 дѣтей 8 было сироть, а положеніе остальныхъ одиннадцати должно быть признано еще болѣе тяжелымъ, такъ какъ они имѣли или несчастныхъ, или дурныхъ родителей, и всѣ эти дѣти были взяты изъ ужасающихъ нравственныхъ и матеріальныхъ условій жизни.

Въ іюлѣ 1884 года пріютъ общества былъ переведенъ въ новое помѣщеніе, на Остоженку, въ домъ Дмитревской, нанятое за 900 рублей.

Озабочиваясь обученіемъ призрѣваемыхъ дѣтей грамотѣ и не имѣя возможности посылать ихъ въ сосѣднее городское училище, такъ какъ оказалось, что городскія училища переполнены, да и въ будущемъ году нельзя было разсчитывать на помѣщеніе въ одно какое-нибудь изъ училищъ всѣхъ призрѣваемыхъ, правленіе рѣшило открыть свое начальное училище.

Для этой цѣли было нанято за 350 руб. особое помѣщеніе, вблизи пріюта, преподаваніе же приняли на себя безплатно нѣкоторые изъ членовъ общества.

Въ теченіе десяти лѣтъ школа общества постоянно пользовалась безвозмезднымъ преподаваніемъ, и, подъ руководствомъ Софьи Николаевны Фишеръ, въ ней занимались съ дѣтьми члены общества: Е. С. Ивашкина, М. Н. Кривоблоцкая, А. А. Маклакова, Е. А. Маклакова, И. Н. Мамонтова, А. Н. Михнева, О. Д. Павловичъ, В. В. Пустошкина, Е. В. Рахманова, В. М. Ремезова, В. Н. Харузина, Е. Н. Харузина, Е. И. Унковская, Т. М. Черинова, Е. В. Цингеръ, Н. П. Щепотьева.

6 декабря 1884 года, получивъ установленное разрѣшеніе, правленіе открыло училище согласно съ программой министерства народнаго просвѣщенія для городскихъ начальныхъ училищъ.

Въ томъ же году принятіемъ на себя Софьей Николаевной Фишеръ заботъ о веденіи учебнаго дѣла дальнѣйшее правильное развитіе училища было вполнѣ обезпечено.

Завѣдываніе санитарною частью пріюта и безвозмездное леченіе призрѣваемыхъ въ пріютѣ дѣтей въ томъ же году принялъ на себя доктръ медицины Николай Викентьевичъ Яблоковъ, и его энергичной дѣятельности и постояннымъ въ теченіе десяти лѣтъ заботамъ о здоровьѣ призрѣваемыхъ въ пріютѣ дѣтей общество обязано правильною постановкой санитарной части пріюта.

Въ ноябрѣ 1884 года, на мѣсто выбывшей княжны Маріи Александровны Ливенъ, завѣдующей пріютомъ была избрана Марія Алексѣевна Лопухина и помощницей завѣдующей пріютомъ была избрана Анна Ѳедорова Ремезова.

Несмотря на произведенные за годъ расходы, средства общества, благодаря различнымъ поступленіямъ, выразились въ суммѣ 14,606 рублей 36 коп.

Въ томъ же 1884 году правленіе выдало временныхъ пособій всего 90 рублей.

Кромѣ того, въ томъ же году 14 дѣтей было принято членами общества на свое попеченіе.

Не имѣя возможности приступить къ образованію основного капитала, общество рѣшило распредѣлять наличныя средства такъ, чтобы ихъ, не считая новыхъ поступленій и не сокращая расходовъ, хватало на два послѣдующіе года, и этимъ постановленіемъ оно руководилось при всѣхъ дальнѣйшихъ смѣтныхъ соображеніяхъ.

Въ 1885 году, въ виду отказа Ивана Александровича Кошелева отъ должности предсѣдателя правленія и Владиміра Владиміровича Коншина отъ должности казначея общества, были избраны предсѣдателемъ правленія князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и казначеемъ Николай Карловичъ Фонъ-Меккъ.

Въ 1885 году правленіе приступило къ осуществленію своей завѣтной цѣли, къ открытію мужского отдѣленія пріюта, числомъ приблизительно на 15 мальчиковъ.

Постоянно расширяя свою дѣятельность, общество за 1885 и 1886 годахъ увеличило число призрѣваемыхъ въ пріютѣ дѣтей до 30 слишкомъ, причемъ подъ пріютъ былъ нанятъ весь домъ Дмитревской и туда же была переведена школа общества, такъ что за помѣщеніе пришлось платить, вмѣсто прежнихъ 900 руб., 1,800 руб.

За эти же годы число дѣтей, находящихся на попеченіи членовъ общества, возросло до 20 и, кромѣ того, въ прежнемъ размѣрѣ продолжалась выдача временныхъ пособій.

Средства же общества къ 1 января 1887 года, когда пріютъ и школа были вполнѣ благоустроены, составляли 10,855 руб. 81 коп., что давало возможность обществу и въ послѣдующее время не сокращать своей дѣятельности.

Въ 1887 году, въ виду истекшаго трехлѣтія, было избрано правленіе въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель кн. Николай Петровичъ Трубецкой, товарищъ предсѣдателя гр. Эмилія Алексѣевна Капнистъ, члены правленія: Марія Александровна Мамонтова, княжна Елизавета Владиміровна Оболенская, княжна Марія Николаевна Оболенская, Владиміръ Никитичъ Даль, Вячеславъ Симфоріановичъ Кохманскій, Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ, кандидаты: Марія Ивановна Флерова, Сергѣй Петровичъ Губонинъ, Генрихъ Борисовичъ Шютцъ, завѣдующая пріютомъ Анна Николаевна Унковская,

помощница Анна Ѳедоровна Ремезова, попечительницей школы Софья Николаевна Фишеръ, казначей Николай Карловичъ Фонъ-Меккъ, кандидатъ на должность казначея Николай Григорьевичъ Высотскій, секретарь Николай Николаевичъ Бахметевъ, кандидатъ на должность секретаря Сергѣй Дмитріевичъ Исаенковъ.

Въ 1887 году средства общества увеличились на 1,854 руб. 06 коп., число же призрѣваемыхъ достигло до 37, изъ которыхъ трое, по достиженіи соотвѣтствующаго возраста, были пристроены въ различныя мастерскія съ тѣмъ условіемъ, чтобы дѣти, помѣщаемыя въ мастерскія, до окончанія обученія находились на постоянномъ попеченіи членовъ общества.

Въ 1888 и 1889 годахъ, какъ и въ предшествующій годъ, число призрѣваемыхъ въ пріютѣ дѣтей достигло до 37 и, кромѣ того, къ обученію различнымъ ремесламъ и занятіямъ было пристроено 9 призрѣваемыхъ.

Въ 1888 году, на мѣсто выбывшихъ изъ числа членовъ правленія, были избраны: казначеемъ Андрей Романовичъ Циммерманъ, кандидатомъ на должность казначея Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ, секретаремъ Сергѣй Дмитріевичъ Исаенковъ, кандидатомъ Константинъ Ивановичъ Тумскій и въ члены правленія Николай Аркадьевичъ Журавлевъ и Александръ Францовичъ Крассовскій.

Въ 1889 году пріютъ былъ переведенъ въ новое помѣщеніе, на Дѣвичье поле, въ домѣ Лаврова, нанятое за 2,000 р., такъ какъ прежнее помѣщеніе, при постоянно возростающемъ числѣ призрѣваемыхъ, оказывалось уже недостаточно удобнымъ. Высокія, свѣтлыя спальни новаго помѣщенія, зала, садъ и, наконецъ, самое мѣстоположеніе пріюта на Дѣвичьемъ полѣ не оставляли, по заявленію старшаго врача Воспитательнаго дома Н. В. Яблокова, желать ничего лучшаго въ гигіеническомъ отношеніи.

Средства общества на 1 января 1890 года достигли 12,300 руб. 22 к.; за этотъ годъ выдача пособій была увеличена до 150 рублей.

Въ 1890 году, въ виду истекшаго второго трехлѣтія, были произведены выборы правленія, причемъ, на мѣсто выбывшихъ: Маріи Александровны Мамонтовой, княжны Маріи Николаевны Оболенской, Маріи Ивановны Флеровой, Владиміра Никитича Даль, Генриха Борисовича Шютцъ и скончавшагося казначея общества Андрея Романовича Циммермана, были избраны: членами правленія: Александръ Владиміровичъ Михалковъ, Александръ Николаевичъ Матвѣевъ, кандидатами въ члены правленія: Брониславъ Юліановичъ Куровскій, Николай Митрофановичъ Перепелкинъ и казначеемъ Григорій Григорьевичъ Трофимовъ, кандидатомъ на должность казначея Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ; остальной же составъ правленія былъ избранъ прежній.

Въ 1890 году къ обученію различнымъ ремесламъ и занятіямъ бы пристроено 12 призрѣваемыхъ дѣтей и принято вновь въ пріютъ тоже 1 причемъ, какъ и всегда, дѣти брались или изъ ужасающихъ притоно нищеты, или же прямо съ улицы, брошенныя своими родителями, как напримѣръ, Ѳедорова Анна и Ермолаева Татьяна.

Средства общества на 1 января 1891 года составляли 12,822 руб. 5 коп.

Въ томъ же 1890 году общество, озабочиваясь пріобрѣтеніемъ дома для существующихъ уже учрежденій — пріюта и школы и признавая всю важность этого вопроса и неотложности его осуществленія, такъ какъ только по достиженіи этой цѣли будетъ обезпечено дальнѣйшее развитіе учрежденій общества, отчислило изъ имѣющихся средствъ 5,000 руб. для образованія основного капитала съ вышеуказанною цѣлью.

Въ 1891 году къ обученію различнымъ ремесламъ и занятіямъ было пристроено пять призрѣваемыхъ дѣтей и одинъ ребенокъ помѣщенъ въ Николаевскій пріютъ. Вновь принято было въ пріютъ 8 дѣтей, изъ которыхъ 6 до поступленія въ пріютъ нищенствовали.

Въ этомъ же году выдано 236 рублей въ пособія на содержаніе дѣтей лицамъ, благонадежность которыхъ вполнѣ удостовѣрена, такъ что число дѣтей, находящихся на попеченіи общества внѣ пріюта, достигло до 30 слишкомъ.

Въ 1891 году, по соглашенію съ хозяиномъ дома, гдѣ помѣщались пріютъ и школа, годовая плата за наемъ помѣщенія была уменьшена на 200 рублей.

Средства общества за этотъ годъ увеличились на 3,325 руб. 91 коп.

Въ 1892 году изъ числа призрѣваемыхъ въ пріютѣ дѣтей было пристроено къ обученію различнымъ ремесламъ и занятіямъ 5, и вновь принято въ пріютъ 6, изъ которыхъ 5 — круглыя сироты.

Въ томъ же году пріютъ общества былъ переведенъ въ новое помѣщеніе, находящееся на Плющихѣ, въ домѣ Ломоносовой.

Новое помѣщеніе соотвѣтствуетъ всѣмъ требованіямъ пріюта и школы, представляетъ достаточно простора для дѣтей и стоитъ обществу дешевле прежней квартиры на двѣсти слишкомъ рублей.

Вслѣдствіе постоянно возростающей потребности въ призрѣніи дѣтей бѣдствующей части населенія Москвы, а особенно въ 1892 году, когда, по причинѣ постигшаго многія губерніи неурожая, приливъ бѣдняковъ въ столицу еще болѣе усилился, правленіе постановило увеличить комплектъ призрѣваемыхъ въ пріютѣ дѣтей до 40.

Въ 1893 году, въ виду истекшаго третьяго трехлѣтія, были произведены выборы правленія, причемъ, кромѣ отказавшихся: Александра Францовича Крассовскаго, Анны Ѳедоровны Ремезовой, Александра Николаевича Матвѣева, Сергѣя Петровича Губонина, Николая Митрофановича Перепелкина, прежній составъ правленія былъ избранъ вновь на четвертое трехлѣтіе и, кромѣ того, были избраны членами правленія: князь Викторъ Николаевичъ Гагаринъ, Брониславъ Юліановичъ Куровскій, Павелъ Сергѣевичъ Мухановъ; кандидатами въ члены правленія: Надежда Сигизмундовна Беръ, графиня Александра Васильевна Зубова, Сергѣй Семеновичъ Унковскій, Николай Алексѣевичъ Цвѣтковъ и помощникомъ завѣдующей пріютомъ—А. В. Михалкова.

Въ кассѣ общества на 14 апрѣля 1893 года состояло всего 15,643 руб. 10 коп.

И такъ, въ теченіе десятилѣтняго существованія общество постепенно расширяло свою дѣятельность, и, открывъ, сперва пріютъ только на 20 воспитанницъ, теперь призрѣваетъ въ немъ до 40 дѣтей; кромѣ того, общество пристроило къ обученію различнымъ ремесламъ и занятіямъ болѣе 60 призрѣваемыхъ, изъ которыхъ 6, по окончаніи обученія въ ремесленныхъ заведеніяхъ, получили возможность честнымъ и самостоятельнымъ трудомъ обезпечить свое существованіе.

Число членовъ общества попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ въ Москвѣ и ея окружностяхъ теперь превышаетъ двѣсти человѣкъ; это число весьма значительно для благотворительнаго общества и свидѣтельствуетъ о сочувствіи его цѣлямъ и дѣятельности.

Стремленіе общества, въ виду окружающей вопіющей нужды, расширить дѣятельность, а равно необходимость упрочить уже существующія учрежденія — пріютъ и школу, постоянно выдвигали на первое мѣсто заботу о пріобрѣтеніи для нихъ дома, но осуществленіе этой цѣли, вслѣдствіе ограниченныхъ средствъ общества, еще долгое время оставалось бы невозможнымъ, еслибъ истинно-добрые люди, сочувствующіе нуждамъ несчастныхъ дѣтей, не откликнулись на призывъ правленія готовностью придти на помощь этому дѣлу какъ своею дѣятельностью, такъ и матеріальными пожертвованіями.

Въ октябрѣ 1893 года правленіе рѣшилось приступить къ осуществленію этой давно назрѣвшей потребности — постройки зданія для пріюта и школы.

Зная, что московское городское общественное управленіе принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы дѣти порочныхъ или несчастныхъ родителей не были оставлены на произволъ судьбы, что оно употребляетъ всѣ средства, которыми можетъ располагать, чтобы сдѣлать изъ нихъ полезныхъ гражданъ, чтобы они впослѣдствіи не увеличили собой населеніе разныхъ арестантскихъ домовъ, и имѣя въ виду, что въ теченіе десяти лѣтъ наше общество всецѣло содѣйствовало этимъ задачамъ московскаго городского общественнаго управленія, спасая изъ ужасающихъ притоновъ нищеты дѣтей, этихъ жертвъ, обреченныхъ тамъ на нравственную и физическую гибель, правленіе въ ноябрѣ 1893 года обратилось съ ходатайствомъ въ московскую городскую думу о безплатной уступкѣ участка городской земли, необходимаго для постройки зданія.

Московская городская дума, признавая, что общество попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ въ Москвѣ и ея окружностяхъ, уже существующее нынѣ десять лѣтъ и проявившее за это время усердную и успѣшную дѣятельность, имѣетъ полное право на вниманіе со стороны московской городской думы, въ засѣданіи отъ 15 марта сего 1894 года постановила уступить въ собственность общества попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ

дѣтяхъ въ Москвѣ и ея окружностяхъ для устройства пріюта участокъ городской земли на Дѣвичьемъ полѣ, Хамовнической части, 1-го участка, мѣрою въ длину 35 саж. и въ ширину 15,58 саж.

Этимъ знаменательнымъ событіемъ общество начинаетъ новый періодъ своей дѣятельности, приступая нынѣ же къ постройкѣ зданія для пріюта и школы и при нихъ храма во имя Пресвятой Троицы, правленіе твердо вѣритъ, что частная благотворительность, никогда не оскудѣвающая на истинно-доброе дѣло и теперь уже откликнувшаяся денежными пожертвованіями и пожертвованіемъ строительныхъ матеріаловъ, дастъ возможность обществу довести это благое начинаніе до успѣшнаго конца.

Контора журнала „Русская Мысль“ *(Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24)* **принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:**

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Разсчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 [illegible] цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующ[illegible] 1883 и 1886 г. за 1 экз. по 6 руб., 188[illegible] за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. П[illegible] за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. с[illegible] ресылкою.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюнь 1894 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Исторія и исторія литературы.—Этнографія и путешествія. — Политическая экономія и статистика.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Техническія книги.— Учебники. II. **Періодическія изданія:** «Вѣстникъ Европы», *май.*—«Русское Богатство», *апрѣль.*—«Сѣверный Вѣстникъ», *май.*—«Міръ Божій», *май.* III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 мая по 1 іюня 1894 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Русская поэзія“. *С. А. Венгерова.*—„Саранча“. *К. Н. Льдова.*—„Золотыя россыпи“. *В. М. Михеева.* — „Отъ души и сердца“. *Е. Бѣлозерскаю.* — „Uprominek“.—Новые переводы Данте-Алигіери.—„Мать“. *Г. Х. Андерсена.*

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Издается подъ редакціей С. А. Венгерова. Вып. IV. Спб., 1894 г Въ настоящій выпускъ вошли избранныя стихотворенія Державина, полное собраніе стихотвореній Аблесимова, образцы переводовъ Баркова, посланіе кн. Дашковой, сатира Елагина, избранныя стихотворенія Капниста и Княжнина, полное собраніе стихотвореній Козодавлева и поэма Львова. Такимъ образомъ, русская читающая публика, за сравнительно недорогую цѣну (1 р.), можетъ получить обильный матеріалъ для ознакомленія съ нашею литературой прошлаго вѣка, такъ мало намъ извѣстной. Вступительныя статьи къ сочиненіямъ Державина (И. Я. Порфирьева, Я. К. Грота и В. Г. Бѣлинскаго) даютъ всестороннее освѣщеніе литературной дѣятельности этого писателя: мы можемъ только пожалѣть, что не помѣщенъ въ видѣ отдѣльной замѣтки краткій, но содержательный и тонкій отзывъ Пушкина, устанавливающій вѣрный взглядъ на эстетическія достоинства произведеній „пѣвца Фелицы“. Цѣнны статьи гг. Венгерова и Тупикова объ Аблесимовѣ, г. Венгерова о Барковѣ (сокращеніе извѣстной статьи того же автора изъ *Критико-біографическаго словаря*). Статьи г. Лященка о кн. Дашковой, Лонгинова объ Елагинѣ, г. Саинова о Капнистѣ, г. Гаршина о Козодавлевѣ грѣшатъ то излишнею бѣглостью, то перевѣсомъ библіографическихъ данныхъ надъ данными историко-литературными, то односторонностью. Немного лучше освѣщены Княжнинъ (статья Галахова) и Львовъ (статьи Грота и Галахова). Послѣдняго лучше всего было связать съ Волковымъ (кстати, почему его пропустилъ г. Венгеровъ?) и дать болѣе подробную характеристику пробужденія народности въ екатерининской литературѣ. Чудесный для своего времени стихъ Львова:

О темна, темна ночь осенняя!
Не видать въ (на?) небѣ ни одной звѣзды,
На сырой землѣ ни тропиночки;
Какъ хребетъ горы, тихо лѣсъ стоитъ,
И ничто въ лѣсу не шелохнется;
Гулъ шаговъ моихъ мнѣ наводитъ страхъ и пр.

и симпатичные своимъ прочувствованнымъ характеромъ стихи „Кольцова XVIII в.“, Волкова, заслуживали бы большаго вниманія. Стремленія къ народности въ екатерининской литературѣ, которыя нѣсколько затормазилъ сантиментализмъ Карамзина и пестрыя отраженія романтизма, до сихъ поръ еще мало изучены, а, между тѣмъ, они очень нужны для вѣрнаго пониманія литературной дѣятельности Крылова, даже Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова.

Саранча. Романъ К. Н. Льдова. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р. 50 к. На оберткѣ книги значится, что тѣмъ же авторомъ выпущены въ свѣтъ томъ стихотвореній и романъ *Лицедѣи*. Стихотворенія мы, кажется, видѣли; что касается романа *Лицедѣи*, то его совсѣмъ не помнимъ, по той же причинѣ, вѣроятно, по которой въ самомъ скоромъ времени забудемъ о существованіи *Саранчи* „того же автора“,—такою незначительною представляется намъ эта *Саранча* и настолько переполненъ книжный рынокъ столь же безцвѣтными и ни на что не нужными беллетристическими упражненіями на давно устарѣвшія темы. Герой романа, Степанъ Ильичъ Воронкинъ, выступаетъ на сцену юнымъ и наивнымъ стихотворцемъ, мечтаетъ о славѣ и о построчной платѣ, на поиски за ними отправляется въ редакціи мелкихъ листковъ, сходится съ репортерами, мелкими газетными писаками, съ неудачниками-художниками, рисующими каррикатуры и плохія иллюстраціи, черезъ нихъ знакомится съ дѣвицами, поющими въ увеселительныхъ заведеніяхъ, и, наконецъ, увлекается одною изъ такихъ фей. Зовутъ ее Марьей Семеновной. Она переиспытала все, что полагается пережить дѣвицамъ этого сорта, и даже немного болѣе, чѣмъ ея подруги, такъ какъ побывала и натурщицей для безкостюмныхъ картинъ художника-неудачника. Съ этимъ художникомъ, пріятелемъ Воронкина, пѣвичка поссорилась, приревновавши его къ своей подругѣ, была выгнана за то, что лѣзла драться, и насильно водворена художникомъ въ комнатку стихотворца. Юный писатель оказался наивно-почтительнымъ утѣшителемъ, совсѣмъ не такимъ, какой былъ желателенъ Марьѣ Семеновнѣ. Но сообразительная дѣвица съумѣла извлечь пользу изъ наивнаго глупыша, забрала его въ свои лапки, поженила на себѣ и черезъ нѣсколько дней прямо заявила, что ради мужа стѣсняться не намѣрена, ибо желаетъ жить въ роскоши и весело. Воронкинъ покинулъ прекрасную супругу, сталъ попивать и скоро перешелъ въ категорію писателей-неудачниковъ и оборванцевъ. Черезъ четыре года Марья Семеновна требуетъ развода, за что предлагаетъ нѣсколько тысячъ. Воронкинъ благородно отказывается, читаетъ женѣ длинную проповѣдь и идетъ пьянствовать. Марья Семеновна застрѣливается на могилѣ купчихи, которая повѣсилась изъ-за того, что мужъ выгналъ ее изъ до[м], желая сожительствовать съ Марьей Семеновной. Воронкинъ допи[лся] до потери сознанія, до длинныхъ собесѣдованій съ статуей Пушки[на]. И дѣлу конецъ. Вся эта нелѣпая исторія испещрена вводными эпи[зо]дами такого же достоинства, томительными разсужденіями автора о „матеріяхъ важныхъ“, о поэзіи, о живописи, о пессимизмѣ, о путе[ше]ствіяхъ по желѣзнымъ дорогамъ и по грунтовымъ, о значеніи де[ся]ть

и обо всемъ на свѣтѣ, болѣе или менѣе непонятномъ автору. Вотъ образчикъ его философствованій: „Вы вѣрите въ деньги, вы думаете, что онѣ представляютъ настоящую, положительную цѣнность. Но согласитесь, не основано ли все значеніе денегъ на воображеніи? Вѣдь, деньги нельзя ѣсть, въ нихъ нельзя одѣться: онѣ только условный символъ накопленнаго труда. А, между тѣмъ, эти фантастическія цѣнности служатъ прочнымъ рычагомъ для предпріимчиваго духа, могущественною силой, сдвигающею горы"... и т. д. на цѣлыхъ страницахъ, на большинствѣ страницъ книги. Читать сплошь размышленія г. Льдова о „суетѣ суетъ" нѣтъ никакой возможности, не хватитъ ничьего терпѣнія,—приходится перелистывать страницы и разыскивать, гдѣ же опять возвращается авторъ къ своему повѣствованію по существу. При этомъ книга написана какимъ-то особеннымъ, томительно-скучнымъ языкомъ, въ которомъ часто попадаются петербургско-чухонскія выраженія: „онъ *выглядѣлъ* больнымъ", „она *одѣла* шляпку", „онъ *одѣлъ* перчатки" и т. п.

Золотыя розсыпи. Романъ въ 2-хъ частяхъ. В. М. Михеева. Изданіе книжнаго магазина журнала „Артистъ". Москва, 1894 г. Ц. 2 руб. Авторъ изобразилъ любопытный и мало извѣстный бытъ крупныхъ золотыхъ пріисковъ въ глуши сибирской тайги, далеко отъ городовъ и даже просто населенныхъ мѣстъ. Большое достоинство этого произведенія заключается въ томъ, что все передаваемое г. Михеевымъ хорошо ему извѣстно: все это онъ видѣлъ и многое, вѣроятно, писалъ съ натуры. Но въ своихъ описаніяхъ авторъ нѣсколько увлекся, не отличилъ главнаго отъ второстепеннаго, существеннаго отъ ненужнаго, характернаго отъ ничего не значащаго,—словомъ, поступилъ по русской поговоркѣ: „что есть въ печи—все на столъ мечи". Получилась картина длинная-предлинная, несоразмѣрно узкая, во всѣхъ частяхъ непропорціональная, очень пестрая, но написанная безъ перспективы, такъ сказать, въ одной плоскости. Лицъ въ этой картинѣ множество, а связь между ними крайне слабая и чисто-внѣшняя, ограничивающаяся нерѣдко лишь тѣмъ, что живутъ они въ одной мѣстности, у одного дѣла—на пріискахъ. Передъ читателемъ въ довольно нестройныхъ сочетаніяхъ мелькаютъ пріисковые рабочіе, свободные люди и ссыльные, пріисковыя женщины и ихъ дѣти, козаки, урядники, сторожа, конюхи, „спиртоносы" и контрабандисты, крупные и мелкіе кабатчики, пьяный фельдшеръ съ красавицей женой, содержатель постоялаго двора съ красавицей дочерью, разнаго рода чиновники, люди, служащіе въ пріисковой администраціи, ссыльные поляки и красавица полька, хозяева-компаньоны, владѣльцы пріисковъ, художникъ, акушерка, главноуполномоченный... и мы, все-таки, не всѣхъ перечислили. Въ двухъ томахъ, написанныхъ г. Михеевымъ, не одинъ „романъ", а нѣсколько романовъ; разсказаннаго авторомъ могло бы хватить на нѣсколько повѣстей, и вышло бы, по всей вѣроятности, много лучше, такъ какъ автору не пришлось бы преодолѣвать такія трудности, справиться съ которыми по силамъ только крупному таланту. Взявшись за мудреную задачу изобразить съ достаточною яркостью сполна весь бытъ пріиска, авторъ самъ „раскрошилъ" свое повѣствованіе на постоянно чередующіеся эпизоды, то изъ жизни мѣстной интеллигенціи, то изъ жизни чернорабочихъ людей разныхъ слоевъ и кружковъ. И читателю приходится метаться изъ стороны въ сторону: изъ дома исправника въ лѣсную сторожку, оттуда въ квартиру фельдшера, потомъ къ управляющему, въ рабочую казарму, на постоялый дворъ и т. д., и т. д., не видя,

притомъ, ни цѣли, ни толка въ этихъ скачкахъ, постоянно приводящихъ къ повтореніямъ уже извѣстнаго, разсказаннаго авторомъ не одинъ разъ. Отъ такихъ повтореній впечатлѣніе слабѣетъ, и сцены, иногда живыя и довольно яркія сами по себѣ, тускнѣютъ и становятся скучными. Характеры дѣйствующихъ лицъ, особливо же главныхъ, очень блѣдны; для приданія же колоритности своимъ изображеніямъ и для того, чтобы читатель не перепуталъ дѣйствующихъ лицъ, авторъ употребляетъ неудачный пріемъ—даванія кличекъ, вродѣ: „загнившій мужиченко", „варнакъ" и т. п., не стѣсняясь называть пріисковыхъ женщинъ тѣми ругательными словами, которыми пьяные чернорабочіе обзываютъ негодныхъ бабенокъ. Вообще, г. Михеевъ часто „пересаливаетъ" въ сторону „точности" и реализма, какъ, напримѣръ, въ описаніи операціи, занимающемъ цѣлую главу и не имѣющемъ никакого отношенія къ повѣствованіямъ о „золотыхъ розсыпяхъ". Читателю дѣла нѣтъ до того, какъ и какими инструментами рѣзали ногу рабочему, какой видъ имѣла эта нога, какъ визжала пила... Такъ же точно отнимаютъ ноги всякаго званія людямъ не въ однѣхъ „пріисковыхъ" больницахъ, а и въ земскихъ, и въ городскихъ, и подробности операцій никому не нужны, особливо, если у автора не хватаетъ для нихъ описанія эстетическаго чувства и мѣры, опредѣляющихъ границу между художественнымъ и безобразно-грязнымъ. Въ калейдоскопическомъ мельканіи лицъ и сценъ, въ путаницѣ, съ которою одна фабула смѣняется другою, эта другая прерывается третьей, а между ними втискиваются разные эпизоды, не имѣющіе ни къ одной изъ нихъ отношенія,—читателю почти невозможно разобраться и нельзя уловить и уяснить себѣ основной идеи автора. Что хорошо, что дурно на „золотыхъ розсыпяхъ",—повидимому, этого не уяснилъ себѣ и самъ г. Михеевъ. Онъ, какъ будто, самъ не знаетъ, или отъ насъ скрываетъ, на чьей сторонѣ его симпатіи, что должно и что можно сдѣлать для улучшенія на пріискахъ быта различнаго званія людей, для упорядоченія ихъ жизни. Авторъ эпизодически и, должно быть, „портретно", вводитъ въ свое повѣствованіе „милліонера", отыскивающаго на собственныхъ пароходахъ морской путь „къ сибирскимъ рѣкамъ, прорѣзывающимъ тайгу". Милліонеръ одушевленъ самыми благими намѣреніями, для ихъ осуществленія не щадитъ ни средствъ, ни личнаго труда, самъ живетъ аскетомъ, а въ повѣствованіи г. Михеева является каррикатурною личностью, пригодною лишь для фарса. „Герой" романа, одинъ изъ хозяевъ промысловъ, владѣлецъ компанейскихъ паевъ, художникъ,—не каррикатуренъ, но и далеко не симпатиченъ свою дряблостью и наивнымъ непониманіемъ того, что проходитъ передъ его глазами: онъ только ищетъ сюжетовъ для картины и, между прочимъ, влюбляется въ молоденькую польку, съ своей стороны полюбившую, на безлюдьи, вѣроятно, плохонькаго петербуржца. Но замужъ за него польская барышня не пошла потому, что она *полька,* а онъ *русскій,* и влюбленные разъѣхались въ разныя стороны, повздыхавши и поцѣловавшись на прощаніе. Хорошо они поступили или дурно, можно полькѣ выходить замужъ за русскаго или нельзя, а если нельзя, то почему,—никому это изъ романа г. Михеева не видно. Нѣкоторыя лица, даже не второстепенныя, а просто—лишнія, произвольно всунутыя авторомъ въ его повѣствованіе, вышли характернѣе и рельефнѣе, чѣмъ главныя фигуры, по большей части безцвѣтныя. Лучше другихъ удались: жена фельдшера, дочь хозяина постоялаго двора и, отчасти, рабочій Прокофій. Романъ написанъ тяжелымъ языкомъ. Начинается онъ такою фразой: „Солнце, только

что взойдя, уже брало свою силу надъ сыровато-холоднымъ воздухомъ тундры". На той же страницѣ: „Рѣка, попавъ изъ каменистыхъ извивовъ горнаго русла въ мягкую постель мшистыхъ кочекъ, кое-гдѣ поросшихъ жидкимъ, какъ талина, березнякомъ, точно обезсилѣла". Или еще, во второй части (стр. 53): „На ларѣ, на которомъ обыкновенно въ дремотѣ проводилъ свой досугъ, вытянувъ огромныя ноги въ не менѣе внушительныхъ сапогахъ, денщикъ Осипъ, лежали небольшой дорожный саквояжъ и подушка". Написано правильно, но неудобочитаемо.

Отъ души и сердца. Стихотворенія Евгенія Бѣлозерскаго. Москва, 1894 г. Цѣна 1 р. Лѣтъ десять назадъ намъ пришлось прочесть драму въ стихахъ г. Бѣлозерскаго: *Двѣ матери*, и тогда же дать о ней отзывъ въ нашемъ журналѣ; потомъ былъ у насъ въ рукахъ сборникъ стихотвореній того же автора, *На зарѣ*. По нашему мнѣнію, десять лѣтъ назадъ у г. Бѣлозерскаго никакого таланта не было, и на проявленіе такового въ будущемъ мы не видѣли ни малѣйшей надежды. Это наше мнѣніе вполнѣ оправдалось. Вотъ на выдержку образцы его писанья:

„Я любилъ, былъ любимъ, разлюбилъ,
Былъ рабомъ всей земной суеты;
Холодъ жизни мнѣ кровь озлобилъ (,)
Какъ морозъ озлобляетъ цвѣты"...

Начало стихотворенія *Дѣвушка-швея:*

„Только что полночь на башнѣ пробило,—
Какъ бы хотѣлось минутку вздремнуть!
Спину, бока *наизломъ* разломило,
Ноетъ и больно сжимается грудь".

„Въ тѣлѣ такая усталость, истома,
Мальчики съ радугой скачутъ у глазъ"...

Подъ тремя звѣздочками.

„У птицы есть свое гнѣздо,
У рыбы есть своя вода,
У звѣря логовище есть,
У Израиля... нѣтъ гнѣзда!...

Г. Бѣлозерскій философствуетъ въ двустишіи, озаглавленномъ *Дилемма жизни*:

„Съ людьми коль будешь сладокъ—слижутъ,
Коль будешь горекъ—оплюютъ".

Невѣроятны такіе перлы, но они обильно разсыпаны г. Бѣлозерскимъ „отъ души и сердца"... на утѣху соотечественникамъ.

Upominek. Książka zbiorowa na cześć Elizy Orzeszkowej (1866—1891). Kraków-Petersburg, 1893. Не такъ давно польская литература и общество праздновали двадцатипятилѣтній юбилей писательницы, имя которой пріобрѣло себѣ широкую и почетную извѣстность и среди русскаго общества,— Элизы Ожешковой. Отголоскомъ минувшаго торжества и является книга, заглавіе которой мы выписали,—составленный польскими писателями сборникъ въ честь Ожешковой. Заслуги, вызвавшія такое чествованіе, нашли себѣ яркое и образное выраженіе въ коротком посвященіи, предпосланномъ сборнику. „За могучую силу,— говорится здѣсь,—съ которою ты поднимала изнемогающее въ житейской борьбѣ и трудахъ общество; за богатые дары, принесенные то-

бою въ сокровищницу его литературы; за лучи свѣта, брошенные твоимъ умомъ на его темный путь; за чувства, освѣжающею струей перелитыя въ его грудь изъ твоего благороднаго сердца; за бальзамъ, наложенный тобою на его раны; за живительный трепетъ, который ты пробудила въ его душѣ; за любовь къ добру, истинѣ и красотѣ; за обильный и урожайный посѣвъ на родной нивѣ; за плодотворную дѣятельность, за громадный трудъ, за горячую любовь; за то, что ты была великою, свѣтлою и доброю звѣздой своей земли, достойною жрицей духовной святыни народа, его любящею дочерью и вѣрною служительницей, за то, что ты была вдохновеннымъ творцомъ, глубокимъ мыслителемъ, честнымъ гражданиномъ и совершеннымъ человѣкомъ,—мы въ годовщину двадцатипятилѣтія твоихъ заслугъ съ сердечною благодарностью предлагаемъ въ честь и на память тебѣ этотъ скромный даръ". Посвященіе подписано: „польскіе писатели" и, дѣйствительно, за малыми исключеніями, почти всѣ болѣе выдающіеся представители современной польской литературы въ ея многообразныхъ развѣтвленіяхъ приняли участіе въ сборникѣ. Въ него сдѣлали свой вкладъ не только поэты, беллетристы, публицисты и критики, но и языковѣды, историки, естественники, врачи и спеціалисты другихъ отраслей знанія. Передъ глазами читателя развертывается длинная, внушительная галлерея произведеній и именъ, служащихъ какъ бы отраженіемъ въ миніатюрѣ дѣйствительнаго состоянія польской литературы. Сборникъ распадается на два отдѣла: поэзіи и прозы; въ первомъ помѣщены произведенія 47 писателей и писательницъ, во второмъ—ста восьмидесяти; ко всѣмъ произведеніямъ приложены прекрасно выполненные портреты ихъ авторовъ, благодаря чему книга пріобрѣтаетъ еще и значеніе недурного альбома. Что касается ея содержанія, то характеръ его обусловленъ уже однимъ количествомъ участниковъ. Какъ ни велика сама по себѣ книга въ 606 страницъ большого формата, но разъ она вмѣщаетъ въ себѣ произведенія 227 человѣкъ, послѣднія необходимо должны быть очень кратки. Мелкія стихотворенія, маленькіе разсказы, отдѣльные афоризмы въ стихахъ и прозѣ, коротенькія изслѣдованія, воспоминанія о разныхъ житейскихъ и литературныхъ эпизодахъ (отмѣтимъ изъ числа ихъ любопытное сообщеніе Целиховскаго, что покойный Крашевскій писалъ исторію цивилизаціи въ Польшѣ), замѣтки, вызванныя тѣмъ или инымъ случаемъ, связаннымъ по большей части съ именемъ Ожешковой,—вотъ главное содержаніе сборника, изрѣдка прерываемое немного болѣе крупными вещами, вродѣ статьи П. Хмѣлевскаго *О натурализмѣ и новѣйшихъ художественныхъ направленіяхъ*, или Яна Карловича *Сирота въ народныхъ пѣсняхъ*, или вродѣ прелестнаго разсказа Остои *Женщина-философъ (Filozofka)*. Въ самомъ тонѣ произведеній, какъ это и естественно при большомъ количествѣ авторовъ, царитъ живое разнообразіе: глубокія мысли, тяжелое уныніе смѣняются восторженнымъ лирическимъ порывомъ и веселою шуткой, которыя въ свою очередь уступаютъ мѣсто иному, болѣе сосредоточенному и серьезному настроенію. При всемъ разнообразіи сюжетовъ и настроенія отдѣльныхъ авторовъ, есть, однако, и связующая нить между большею частью заполняющихъ сборникъ произведеній, выражающаяся въ вѣрѣ въ лучшее будущее, которое становится возможнымъ при нравственномъ подъемѣ общества и просвѣщеніи широкой массы, двухъ процессахъ, связывающихъ народъ въ одно неразрывное и могучее цѣлое. Эта мысль, то высказываемая въ тонѣ спокойнаго разсужденія, то прорывающаяся рядомъ яркихъ обра-

роднитъ значительную часть статей сборника съ лучшими произведеніями самой Ожешковой, и мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что она же, эта мысль, представляетъ одну изъ наиболѣе усердно разрабатываемыхъ, и вмѣстѣ, конечно, наиболѣе симпатичныхъ, темъ въ современной польской литературѣ.

Ни разбирать богатое и разнообразное содержаніе даннаго сборника, ни даже отмѣтить наиболѣе выдающіяся въ немъ произведенія мы не могли бы, очевидно, въ предѣлахъ обычной рецензіи. Само собою, не все въ немъ одинаково удачно: писать на случай, хотя бы и очень торжественный и близкій сердцу,—тяжелая задача и не всякій съумѣетъ рѣшить ее вполнѣ удовлетворительно. Какъ бы то ни было, одни уже имена такихъ поэтовъ, какъ Аснык, Каспровичъ, Конопницкая, такихъ беллетристовъ, какъ Валерія Маррене, Остоя, Сенкевичъ, не упоминая уже о рядѣ иныхъ именъ, пріобрѣвшихъ себѣ извѣстность на поприщѣ публицистической и научной дѣятельности, могутъ поручиться за интересъ книги. Чествованіе таланта въ той самой сферѣ, гдѣ онъ работалъ и проявилъ себя, вышло при этихъ условіяхъ не только удачнымъ, но и грандіознымъ.

Новые переводы Данте-Алигіери. Божественная комедія. Ч. I—Адъ, 1893 г.; ч. II—Чистилище, 1894 г.; ч. III—Рай, 1894 г. А. П. Ѳедорова. Спб. Цѣна за каждую часть 1 р. 50 к.—Божественная комедія. Адъ. П. Каншина. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. Стремленіе усвоить русской литературѣ такое крупное произведеніе, какъ *Божественная комедія* Данте, не можетъ не вызывать сочувствія, и всякая новая попытка въ этомъ родѣ заслуживаетъ внимательнаго отношенія. У насъ уже было нѣсколько такихъ попытокъ: очень хорошій переводъ *Ада* размѣромъ подлинника (терцинами) Мина; тоже въ прозаическомъ переводѣ Фонъ-Дима; тоже тяжелыми стихами Петрова; полный свободный стихотворный переводъ Минаева; девять первыхъ пѣсенъ *Чистилища* въ хорошемъ переводѣ бѣлыми стихами. Въ предисловіи къ своему переводу г. Ѳедоровъ справедливо указываетъ, что переводы Фонъ-Дима, Мина и Петрова давно вышли изъ продажи; роскошное же изданіе минаевскаго перевода (Вольфомъ) съ рисунками Г. Доре является мало доступнымъ по цѣнѣ (40 руб.). Такимъ образомъ, его намѣреніе „дать публикѣ хорошій литературный переводъ поэмы“ въ „изящномъ, но доступномъ по цѣнѣ изданіи“ можетъ быть признано лишь благимъ. Но какъ выполнено это предпріятіе? Г. Ѳедоровъ увѣряетъ, что онъ старался „ни на шагъ не отступать отъ подлинника“, старался „сохранить его духъ, всѣ его характерности и оттѣнки“. Всякій, кто станетъ сличать подлинникъ дантовскаго произведенія съ переводомъ г. Ѳедорова, скоро убѣдится, насколько неосновательны всѣ эти притязанія. Начать хоть съ того, что значительнымъ отступленіемъ отъ подлинника является уже стихотворный размѣръ, выбранный переводчикомъ. Вмѣсто дантовскихъ терцинъ, онъ почему-то взялъ трехстопный анапестъ, съ риемующимися черезъ одинъ стихами. Конечно, не всякій отважится писать терцинами—размѣромъ чрезвычайно труднымъ, и даже такой искусный версификаторъ, какъ Минаевъ, рѣшилъ почти сплошь дѣлать свой переводъ бѣлыми стихами. Но размѣръ, выбранный г. Ѳедоровымъ, представляетъ громадное практическое неудобство: онъ значительно короче дантовскаго. Мы были заинтересованы вопросомъ, какъ г. Ѳедоровъ съумѣетъ, сохраняя число стиховъ пѣсни (около 150), вмѣстить содержаніе ея въ болѣе узкую форму, и скоро убѣдились, что онъ разрѣшаетъ эту задачу чрезвы-

чайно легко: онъ не только замѣняетъ нѣкоторыя фразы однимъ словомъ, но и послѣдовательно выпускаетъ изъ текста стиха два-три (мы находили и шесть подрядъ), оставляя ихъ совсѣмъ безъ перевода, причемъ, конечно, на долю выкинутыхъ приходятся въ значительной степени мѣста темныя для пониманія. Такъ, напримѣръ, во взятыхъ нами для сличенія пѣсняхъ *Ада*, *Чистилища* и *Рая* не оказалось въ переводѣ слѣдующихъ стиховъ подлинника: *Infern*, с. XXXIII—6, 18—19, 27, 41, 45, 49, 56—57, 61, 66, 72, 80, 90, 96—100, 110—112, 114, 119—120, 132, 146—147, 151—153; *Purgatorio*, с. II—10—13, 16—19, 24, 27, 33, 48, 70—78, 82, 85—86, 103—106, 108, 114, 132; *Paradiso*, с. I—15, 41—42, 48—54, 71—76, 87—89, 94—97, 126 (стихи подлинника обозначены по миланскому изданію Камерини 1891 г.). Правда, г. Ѳедоровъ говоритъ, что онъ старался, главнымъ образомъ, сохранить „духъ подлинника“; но не слѣдуетъ ли изъ этого, что предварительно нужно было изуродовать тѣло? Въ предисловіи къ *Раю* еще говорится, что переводу старались придать „дѣйствительно художественную обработку“, требуя отъ стиха „прежде всего звучности и выразительности“. Но стоитъ раскрыть любую страницу перевода, чтобы убѣдиться, что г. Ѳедоровъ владѣетъ плохо стихомъ. Для пополненія нужнаго количества слоговъ онъ поминутно прибѣгаетъ къ спасительнымъ—ничего не значущимъ—частицамъ, вродѣ: то, лишь, вѣдь, ужь и т. д. Полюбуйтесь, напримѣръ, на слѣдующій отрывокъ:

„... невозможно
Понять это тутъ на землѣ,
Чтобъ тѣло одно, *сюда*, могло бы
Другое вмѣстить *лишь* въ себѣ.
Желанье должно-бъ въ насъ зажечься
Узрѣть то, гдѣ видно, *сюда*, намъ,
Какъ съ Богомъ въ едино *ужъ* наша
Природа сливается тамъ“.

(*Рай*, ч. II, стр. 37—44).

Не находя въ стихахъ г. Ѳедорова нигдѣ обѣщанной „звучности и выразительности“, мы нерѣдко наталкиваемся на мѣста, въ которыхъ нельзя добиться никакого смысла. Конечно, Данте — поэтъ далеко не легкій для пониманія, а г. Ѳедоровъ, смотрящій на свой переводъ, какъ на „плодъ вдохновенія великою итальянскою поэмой“, могъ напустить туда еще своего туману; но, въ такомъ случаѣ, нужно же было войти въ положеніе читателя и, по крайней мѣрѣ, въ примѣчаніяхъ постараться объяснить, что̀ обозначаютъ всѣ эти таинственности. А съ примѣчаніями, какъ и со всѣмъ, г. Ѳедоровъ распорядился странно. Въ переводахъ произведеній, такъ нуждающихся въ подробныхъ „комментаріяхъ, какъ *Божественная комедія*, лучше всего помѣщать примѣчанія подъ текстомъ (какъ это обыкновенно и дѣлаютъ) такъ, чтобы читатель отъ непонятнаго мѣста сейчасъ же опускалъ глаза внизъ и тутъ находилъ соотвѣтственное объясненіе. Г. же Ѳедоровъ, заботясь о внѣшности своего изданія гораздо болѣе, чѣмъ о внутреннихъ его достоинствахъ, почему-то рѣшилъ, что примѣчанія подъ текстомъ дутъ „пестрить“, и потому спровадилъ ихъ всѣ на конецъ книж не потрудившись даже обозначить въ своемъ туманномъ текстѣ т мѣстъ, которыя въ концѣ будутъ объяснены, чтобы относительно гихъ мы не теряли и времени въ безплодныхъ поискахъ. Не мож также не отнестись скептически къ страннымъ разсказамъ г. Ѳедор о той „массѣ труда, энергіи и денежныхъ издержекъ“, которыхъ бы

бы стоили ему эти комментаріи". Почему онъ пользовался итальянскимъ текстомъ изданія 1804 г., а не новѣйшими съ богатыми комментаріями, и почему въ числѣ перечисленныхъ имъ комментаторовъ мы не находимъ именъ Витте, Филалетеса, Скартаццини, знакомство съ которыми обязательно должны предположить въ каждомъ, кто имѣлъ бы въ виду серьезно отнестись къ изученію текста Данте? Примѣчанія къ первой части перевода г. Ѳедорова составлены еще недурно, но примѣчанія къ двумъ послѣднимъ частямъ производятъ на насъ впечатлѣніе наскоро надерганныхъ кусочковъ изъ первыхъ, подвернувшихся подъ руку, книгъ. Въ этомъ отношеніи г. Ѳедоровъ крайне не предупредителенъ: оставляя насъ нерѣдко безъ всякаго комментарія тамъ, гдѣ мы были бы болѣе всего въ правѣ его ожидать, онъ часто дѣлаетъ замѣчанія, ни къ чему не ведущія, или отдѣлывается голою ссылкой на параллельныя мѣста. Для примѣра выписываемъ комментарій къ XXXI пѣснѣ *Рая* весь цѣликомъ: къ стихамъ 1 — 4. Т.-е. люди (человѣческій сонмъ), стр. 5—24. Т.-е. ангелы (ангельскій сонмъ), стр. 25—26. Обращеніе къ Богу, стр. 55—56. Св. Бернардъ (олицетвор. жизни созерцательной), стр. 71—80. Обращеніе къ Беатриче. Относительно такого комментарія можно лишь сказать, что краткость въ немъ удачно соединена съ безсодержательностью. Въ заключеніе нужно сказать нѣсколько словъ о „вступленіяхъ" г. Ѳедорова, которыя аккуратно слѣдуютъ передъ каждымъ томикомъ за „предисловіями". Передъ *Адомъ* помѣщенъ краткій (слишкомъ) біографическій очеркъ Данте; передъ *Чистилищемъ* и *Раемъ*, на основаніи *Православно-догматическаго богословія* митрополита Макарія, дѣлается сравненіе дантовскихъ представленій о загробномъ мірѣ съ представленіями объ этомъ предметѣ въ православной церкви. Конечно, такое сравненіе не лишено интереса. Но если бы г. Ѳедоровъ дѣйствительно задался цѣлью облегчить неподготовленнымъ читателямъ пониманіе произведенія, о культурно-историческомъ значеніи котораго онъ толкуетъ съ такимъ апломбомъ (хотя и не съ достаточно яснымъ пониманіемъ), то онъ, безъ сомнѣнія, удѣлилъ бы нѣсколько болѣе страницъ изображенію современнаго поэмѣ политическаго состоянія Италіи, особенно Флоренціи, характеристикѣ средневѣкового міросозерцанія и т. д. Къ самому Данте г. Ѳедоровъ относится съ нѣсколько комичною благосклонностью: называетъ его „недюжиннымъ поэтическимъ геніемъ", говоритъ, что онъ „даровитою рукой" набрасываетъ картины, и томно сознается, что, въ продолженіе двухъ лѣтъ занимаясь переводомъ поэмы, онъ, г. Ѳедоровъ, „успѣлъ полюбить" этотъ трудъ. По этому поводу укажемъ на примѣръ дѣйствительныхъ любителей: Филалетесъ (король Іоаннъ Саксонскій) трудился надъ своимъ знаменитымъ нѣмецкимъ переводомъ *La divina commedia* двадцать лѣтъ; Минъ лишь спустя десять лѣтъ послѣ первыхъ попытокъ перевода рѣшился издать свой *Адъ*. Г. же Ѳедоровъ отхватилъ все въ два года и еще разсказываетъ, что со всѣхъ сторонъ получаетъ лестные отзывы о своей работѣ, — работѣ, которая по самой спѣшности не можетъ быть удовлетворительной и потому должна быть признана скорѣе коммерческимъ предпріятіемъ, чѣмъ литературнымъ вкладомъ.

Каншинъ приступилъ къ дѣлу безо всякой притязательности, но за то съ большею добросовѣстностью. Переводъ его, какъ и Фанъ-Дима (1875 г.), сдѣланъ прозой, но сравненіе съ послѣднимъ показываетъ, что онъ переводилъ самостоятельно: онъ разнится съ своимъ предшественникомъ въ пониманіи нѣкоторыхъ мѣстъ и, въ интересахъ

удобопонятности, часто прибѣгаетъ къ перифразу тамъ, гдѣ Фанъ-Димъ держится текста слишкомъ близко. Введеніе и примѣчанія не особенно велики, но составлены толково. Въ общемъ переводъ Каншина если и не имѣетъ особыхъ преимуществъ передъ фанъ-димовскимъ, то,—въ виду того, что послѣдняго не только нѣтъ въ продажѣ, но и трудно достать въ библіотекахъ, является очень умѣстнымъ.

Мать. Сказка Ганса Христіана Андерсена на двадцати двухъ языкахъ. Съ портретомъ автора, гравированн. на деревѣ В. Матэ. Издалъ П. Ганзенъ. Спб., 1894 г. Изъ предисловія мы узнаемъ, что въ 1875 г., въ торжество семидесятой годовщины знаменитаго писателя Андерсена, въ числѣ другихъ подарковъ была ему поднесена книжка, содержащая сказку *Мать* въ подлинникѣ и въ четырнадцати переводахъ на различные европейскіе языки. „Сборникъ этотъ былъ составленъ извѣстнымъ датскимъ ученымъ филологомъ, профессоромъ Вильгельмомъ Томсеномъ и г. Жакомъ Піо съ цѣлью дать Андерсену наглядное доказательство европейской популярности его произведеній, что особенно и тронуло его". Сказка *Мать*—одно изъ прелестнѣйшихъ и наиболѣе трогательныхъ произведеній славнаго писателя, и трудно выбрать лучшее для ознакомленія народовъ, говорящихъ на разныхъ языкахъ, съ образцовыми сказками Андерсена. Въ изданіи г. Ганзена приведенъ въ высшей степени любопытный и полезный указатель уже существующихъ переводовъ его сочиненій, изъ котораго видно, что, кромѣ подлинника, имѣются переводы на языки: русскій, малорусскій, польскій, чешскій, словацкій, сербскій, исландскій, шведскій, нѣмецкій, нижне-нѣмецкій, голландскій, англійскій, французскій, испанскій, итальянскій, ново-греческій, армянскій, финскій, мадьярскій, татарскій и древне-еврейскій. Едва ли въ мірѣ есть другой писатель новаго времени, чьи произведенія были бы доступны столькимъ народамъ. Изданіе г. Ганзена и приложенный къ нему библіографическій указатель представляютъ собою отличное средство для ознакомленія читающей публики перечисленныхъ языковъ съ доступными ей переводами, составляющими одно изъ пріятнѣйшихъ и полезнѣйшихъ чтеній. Книга издана превосходно и можетъ служить украшеніемъ любой библіотеки.

ИСТОРІЯ И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ". *Л. Грегуара.*—„Histoire général publiée sous la direction M. E. Lavisse et A. Rambaud".—„Очеркъ изъ исторіи славянскихъ литературъ". *А. Степовича.*—„Разсвѣтъ". *Его же.*—„Исторія нѣмецкой литературы". *В. Шерера.*—„Краткій очеркъ греческой литературы отъ начала ея до половины XV в. по Р. Х.". *Я. Г. Мищенко.*—„Научная литература по греческой исторіи за послѣдніе (1880—1892) годы въ ея главныхъ явленіяхъ". *В. Бузескула.*

Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Л. Грегуара. Томъ первый. Введеніе: очеркъ исторіи реставраціи по Эрнесту Доде и исторія Франціи съ 1830 по 1832 г. Переводъ подъ редакціей И. В. Лучицкаго. Москва, 1893 г. Настоящій томъ, какъ видно изъ предисловія редактора перевода, представляетъ собою начало изданія, задуманнаго съ цѣлью самымъ подробнымъ образомъ ознакомить русскую читающую публику съ развитіемъ и жизнью важнѣйшихъ государствъ Европы въ теченіе XIX ст. Изданіе начато съ исторіи Франціи, сдѣлавшей въ это время главнымъ фокусомъ политическихъ и соціальныхъ движеній. Вполнѣ сочувствуя этому благому намѣренію, мы позволяемъ

себѣ только выразить нѣкоторыя соображенія касательно исполненія его въ данномъ томѣ.

Прежде всего, для насъ не совсѣмъ ясно, чѣмъ собственно вызвано изложеніе исторіи реставраціи во введеніи къ исторіи Франціи въ XIX вѣкѣ, существомъ ли дѣла, по взгляду редактора, или тою случайностью, что въ выбранномъ имъ для перевода сочиненіи изложеніе событій начинается только съ 1830 г.? На нашъ взглядъ, такое отношеніе къ реставраціи едва ли справедливо, такъ какъ въ ея время началась парламентская дѣятельность страны, образовались дѣйствовавшія въ послѣдующую эпоху политическія партіи, наконецъ, выработались основныя ученія соціализма. Но если даже и излагать событія реставраціи во введеніи, то дѣлать это слѣдовало въ общемъ очеркѣ, а не въ конспектѣ, какимъ представляется намъ первая половина тома. Конституціонныя движенія эпохи, на нашъ взглядъ, обрисовываются здѣсь вовсе не такъ ужь живо, какъ говоритъ редакторъ: о главныхъ политическихъ партіяхъ, наприм., упоминается только мимоходомъ, и для простого читателя настоящія причины ихъ борьбы такъ и должны оставаться неясными,—едва упоминается также о памфлетахъ Курье или пѣсняхъ Беранже; главные законы и пренія о нихъ просто излагаются вкратцѣ, безъ указанія ихъ настоящаго значенія. Всего болѣе мѣста отведено во введеніи конспективному изложенію внѣшнихъ событій. Исключеніе составляютъ только несоразмѣрно крупные отдѣлы о завоеваніи Алжира (стр. 289—307). Далеко не конспективно за то изложеніе самого Грегуара; не даромъ редакторъ выбралъ книгу его „какъ наиболѣе обстоятельную и подробную по изложенію событій и написанную наиболѣе безпристрастно“. Намъ изложеніе его представляется даже черезъ-чуръ подробнымъ: въ самомъ дѣлѣ, обзоръ событій одного только трехлѣтія (1830—1833) потребовалъ около трехсотъ страницъ; стало быть, въ перспективѣ цѣлый рядъ томовъ только по внѣшней исторіи Франціи. Экскурсіи автора въ область внутреннихъ отношеній, наприм., его характеристика ученій Сенъ-Симона и Фурье (стр. 561—581), далеко не такъ удачны. Будемъ надѣяться, что эти пробѣлы будутъ пополнены редакторомъ въ обѣщанномъ имъ приложеніи, которое будетъ посвящено развитію внутренней жизни и отношеній. Очень было бы также желательно, чтобы въ этомъ приложеніи нашелъ себѣ мѣсто и указатель доступныхъ для рядового читателя книгъ и статей, при помощи которыхъ онъ могъ бы расширить излагаемыя въ данномъ сочиненіи свѣдѣнія. Цѣна книги, изданной въ общемъ недурно, представляется, все-таки, высокою: за сорокъ листовъ 4 руб. Что же, спрашивается, будетъ стоить все сочиненіе и можетъ ли оно, въ виду этого, получить широкое распространеніе?

Въ заключеніе намъ остается пожелать, чтобы наши опасенія оказались неосновательными, чтобы почтенному редактору удалось довести до конца задуманное изданіе и чтобы вышедшій теперь первый томъ его не постигла участь *Исторіи новаго времени* Зеварта, продолженіе котораго мы до сихъ поръ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ, изъ-за дополнительныхъ главъ переводчика.

Histoire générale publiée sous la direction M. E. Lavisse et A. Rambaud. Paris, 1892 и сл. Кружокъ французскихъ историковъ, съ Лависсомъ и Рамбо во главѣ, предпринялъ чрезвычайно полезную работу — изданіе общей исторіи, отдѣльныя части которой составляются спеціалистами. Уже не первый разъ возникаетъ мысль о подобномъ изданіи. Историческая литература съ каждымъ годомъ раз-

ростается. Даже для людей, спеціально посвящающихъ себя изученію исторіи, трудно услѣдить за общимъ движеніемъ исторіографіи, а, между тѣмъ, и для историка по ремеслу, и для образованнаго человѣка необходимо имѣть общія свѣдѣнія о ходѣ исторіи. Такого рода потребность, можетъ быть, даже сильнѣе чувствуется и высказывается среди образованной публики, чѣмъ среди спеціалистовъ. Попытки крупныхъ представителей науки дать изложеніе „всемірной" исторіи составляютъ явленіе рѣдкое и своеобразное, — Ранке, Лоранъ, Шлоссеръ имѣли въ виду не изложить ходъ исторіи сообразно состоянію науки въ данный моментъ, а освѣтить историческій матеріалъ съ извѣстныхъ личныхъ точекъ зрѣнія. Этотъ элементъ оригинальности придаетъ подобнымъ трудамъ особую цѣну, но рядомъ съ оригинальными обработками, естественно, возникаютъ книги иного рода, книги откровенно-компилятивныя, авторы которыхъ стараются просто соединить главные результаты, добытые многочисленными изслѣдованіями. Такая сводная работа можетъ быть ведена цѣлымъ обществомъ, даже лучше, чѣмъ отдѣльнымъ писателемъ. По этому плану въ Германіи были проведены обширныя собранія Онкена и Фламе; такимъ же образомъ ставятъ дѣло французскіе ученые.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ французское предпріятіе сильно отличается отъ нѣмецкихъ. Въ послѣднихъ такъ называемая „внѣшняя" исторія играетъ первую роль; съ наибольшими подробностями изложены колебанія территоріальнаго состава, столкновенія между государствами, судьба правительствъ и правителей. Французскіе историки не игнорируютъ внѣшней исторіи, но ограничиваютъ ее самымъ необходимымъ. Въ предисловіи, подписанномъ редакторами, они заявляютъ, что „батальная" исторія (histoire bataille) останется на заднемъ планѣ, что главное вниманіе будетъ обращено на „нравы и духъ" народовъ. Исполненіе соотвѣтствуетъ общему принципу: въ большей части отдѣловъ, несомнѣнно, преобладаетъ культурная точка зрѣнія. И приходится сказать, что этотъ перевѣсъ культурнаго элемента является не только весьма желательнымъ улучшеніемъ сравнительно съ постановкой дѣла въ нѣмецкихъ собраніяхъ, но также и существеннымъ ограниченіемъ въ задачахъ и пріемахъ изложенія. Дѣло въ томъ, что если вопросамъ *духовной* культуры отведено должное мѣсто, за то многія стороны исторической жизни, которыя имѣютъ великую важность и на практикѣ, и для научнаго объясненія явленій, не находятъ соотвѣтственной оцѣнки въ изданіи французскихъ историковъ. Какъ въ собраніи Онкена культурныя точки зрѣнія выдвигались въ той или другой отдѣльной работѣ, у Бецольда или Гейнца, наприм., а, тѣмъ не менѣе, въ общемъ несомнѣнно преобладала внѣшняя исторія: такъ, въ изданіи Лависса и Рамбо есть отдѣлы, весьма цѣнныя для исторіи хозяйства, права, учрежденій, и, тѣмъ неменѣе, въ общемъ исторія хозяйства, права, учрежденій обработана случайно и недостаточно. Этотъ недостатокъ особенно замѣтенъ какъ разъ въ первомъ томѣ изданія. Капитальные факты соціальнаго строя Римской имперіи и германскихъ п- менъ едва намѣчены и не всегда вѣрно намѣчены, а, между тѣмъ ъ ними придется считаться въ теченіи всей средневѣковой исторіи.

Другое характерное ограниченіе новаго изданія обусловливается о хронологическими рамками. Всеобщая исторія начинается въ нем ь IV в., эпоха до 1000 года представлена сравнительно краткимъ оч - комъ, а затѣмъ изложеніе становится все подробнѣе. Для большинс а читателей такого рода планъ покажется, вѣроятно, очень уда- -

Онъ несомнѣнно подсказанъ желаніемъ подвести исторію къ дѣйстви тельности, устранить антикварныя задачи и спеціальные интересы. „Надо же начинать съ чего-нибудь,—говорятъ редакторы,—мы начинаемъ съ образованія европейской націи, исторія которыхъ сдѣлалась, въ концѣ-концовъ, исторіей всего міра". Признаемся, мы не можемъ согласиться съ подобнымъ взглядомъ. Разъ дѣло идетъ о *всеобщей* исторіи, странно обходитъ древній міръ, особенно странно дѣлать въ изданіи, которое задается культурно-историческими цѣлями. Неужели Греція, эллинская и эллинистическая образованность менѣе непосредственно связана съ жизнью современной Европы, менѣе важна въ общей связи культурнаго развитія, чѣмъ монгольскія народности или даже германскія племена?

Во всякомъ случаѣ, отмѣченныя ограниченія или односторонности вытекаютъ изъ самаго плана изданія, предусмотрѣны и сознательно допущены руководителями. Помимо ихъ французское изданіе имѣетъ еще одну особенность, которая также обусловлена его практическимъ направленіемъ: западно-европейская исторія безусловно преобладаетъ, хотя восточная Европа и другія части свѣта не исключены изъ обзора; Франція обращаетъ на себя преимущественное вниманіе среди западно-европейскихъ государствъ.

Остается посмотрѣть, какъ при данномъ планѣ исполняется начатая работа. До сихъ поръ вышли три полныхъ тома и выходитъ четвертый. Появившіеся отдѣлы посвящены „происхожденію" новой цивилизаціи (les origines), эпохѣ крестовыхъ походовъ и образованію великихъ государствъ Европы; начата исторія Возрожденія и Реформаціи. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ коллективной работы является большая неравномѣрность въ исполненіи отдѣльныхъ частей. При всей внимательности со стороны редакторовъ, невозможно избѣжать сравнительно слабыхъ главъ. Выкупать должны хорошо исполненные отдѣлы, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ болѣе оправдывается форма, принятая изданіемъ. Можно сказать, что *Histoire générale* въ данномъ случаѣ съ честью выдерживаетъ пробу. Слабѣе всего вышелъ, пожалуй, первый томъ. Статьи Бертильона о Римѣ въ эпоху упадка, о германцахъ, о государствахъ варваровъ, о каролингской монархіи не могутъ быть названы удачными. Слависты едва ли будутъ удовлетворены статьей Дени о юго-восточной Европѣ. Байе, перу котораго принадлежатъ главы о Византіи, извѣстенъ какъ отличный знатокъ искусства; его историко-политическіе очерки суховаты и не отражаютъ современнаго состоянія литературы по Византіи. Главы Лависса о папствѣ и Италіи написаны съ блескомъ, которымъ отличаются всѣ работы талантливаго профессора. Лучше всего намъ показались отдѣлы, составленные Золемъ по исторіи ислама, Люшеромъ и Ланглуа—по исторіи Франціи, Бемономъ—по Англіи. Не имѣя возможности перечислить всѣ лучшія статьи II и III томовъ, ограничимся упоминаніемъ объ очеркѣ Жири и Ревиля по возникновенію городовъ, Бемона по Англіи XII—XIV в и о главѣ, посвященной въ III томѣ французской образованности.

Очеркъ изъ исторіи славянскихъ литературъ. А. Степовича. К эвъ, 1893 г.—Разсвѣтъ. Литературно-научный сборникъ раз с азовъ и статей по славяновѣдѣнію. Его же. Кіевъ, 1893 г. Больш инство современныхъ русскихъ славяновѣдовъ усвоило себѣ своеобр зный тонъ при періодически возникающихъ толкахъ о славянскихъ я лахъ и отношеніяхъ: грустно-укорительный по отношенію къ рус с ому обществу, покровительственно-снисходительный по отношенію къ

„братьямъ славянамъ". Распѣвается все та же и все тѣмъ же голосомъ пѣсня о русскомъ равнодушіи, непониманіи своихъ ближайшихъ интересовъ; къ требованіямъ, притязаніямъ и произведеніямъ „братьевъ" прилагается очень снисходительная мѣрка: такъ добрые и любящіе родители относятся къ играмъ и разговорамъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, серьезный же тонъ старшихъ поддерживаетъ иллюзію и у младшихъ. Объявитъ, напримѣръ, какой-нибудь чешскій патріотъ, что поэтъ Верхлицкій не только равенъ Гёте, но „по всеобъемлемости дарованія и образованію стоитъ выше его", а русскій славяновѣдъ (въ данномъ случаѣ г. Степовичъ; см. *Разсвѣтъ*, стр. VIII) снисходительно замѣчаетъ: „какъ ни преувеличена, разумѣется, эта оцѣнка, все же съ нею приходится считаться". Это—долгъ вѣжливости передъ русскою публикой; при разговорахъ съ самими „братьями" тонъ дѣлается еще серьезнѣе. Такъ, взаимными усиліями славянъ и славяновѣдовъ создались легенды о чешскихъ Гёте, сербскихъ Гейне и пр., появились богатыя литературы съ ихъ исторіями, вліятельныя литературныя теченія, литературные таланты и геніи. При низменномъ интеллектуальномъ уровнѣ большинства славянскихъ обществъ, такія легенды очень опасны: получается впечатлѣніе, что все обстоитъ болѣе чѣмъ благополучно, а, между тѣмъ, безпристрастному изслѣдователю ясно, что слѣдовало бы начать съ азовъ.

Приподнятый тонъ внесъ много произвольнаго и сомнительнаго въ исторію славянскихъ литературъ: во что бы то ни стало стремились доказать, что онѣ не ниже западно-европейскихъ, шли или идутъ съ ними объ руку. Одного второстепеннаго признака сходства было достаточно, чтобы создать цѣлую сложную исторію, напримѣръ, чешскаго романтизма съ дѣленіемъ его на двѣ эпохи—староромантизма и новоромантизма. Стремленіе подогнать матеріалъ подъ широковѣщательныя рубрики и раздуть его значеніе, само собою разумѣется, не могло способствовать научному освѣщенію данныхъ. Г. Степовичъ даетъ рядъ разнообразныхъ статей, замѣтокъ и переводовъ по славянскимъ литературамъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ почему-то повторяетъ въ обоихъ изданіяхъ безъ перемѣнъ. Сама по себѣ цѣль автора—познакомить русскихъ съ литературой южныхъ и западныхъ славянъ—не можетъ не быть симпатичной; другое дѣло—тонъ и взгляды самого автора. Разсказывая о сербской сатирѣ второй половины прошлаго вѣка г. Степовичъ не столько старается выяснить условія ея появленія и ея мѣсто въ сербской литературѣ, сколько путемъ банальныхъ похвалъ раздуть ея значеніе. Выдержки и цитаты идутъ въ разрѣзъ съ похвалами и доказываютъ какъ разъ обратное: наивность построенія сатиры и слабость таланта писателя. Культурное значеніе произведенія почти не затронуто. Этотъ общій недостатокъ проходитъ черезъ всѣ статьи г. Степовича: чувствуется неясность пониманія задачъ исторіи литературы, ясно сквозятъ пристрастія и желаніе быть скорѣе апологетомъ, чѣмъ научнымъ изслѣдователемъ. Если отбросить славянофильствующее пѣніе и раскрашиваніе, то останется рядъ безъинтересныхъ подробностей; отмѣтимъ, напримѣръ, въ *Очерк* свѣдѣнія о Махѣ, предтечѣ „чешскаго новоромантизма", *Лучеч батюшка*—разсказъ Требизскаго съ интересными данными о настрое дѣятелей „чешскаго возрожденія", характеристики (не всегда и во всемъ удачныя) и переводы изъ Вазова, Халупки, Миличевича и г Стихотворные переводы г. Степовича хуже прозаическихъ: въ н" много ошибокъ противъ языка, риемы и ритма.

Исторія нѣмецкой литературы В. Шерера, перев. подъ редакціей А. Пыпина, изд. А. Пантелѣева. Т. I и II. Спб., 1893 г. Выборъ исторіи нѣмецкой литературы Шерера для перевода на русскій языкъ слѣдуетъ признать какъ нельзя болѣе удачнымъ. Сочиненіе Шерера стало въ Германіи классическимъ и переведено на главные европейскіе языки. Въ двухъ не особенно большихъ томахъ *) данъ обстоятельный обзоръ движенія нѣмецкой литературы отъ древнѣйшихъ ея зачатковъ до Гёте включительно. Русскіе читатели пожалѣютъ, что авторъ не пошелъ далѣе, не коснулся Гейне и современныхъ теченій. Но Шереръ хотѣлъ закончить полнымъ аккордомъ, а не диссонансами: для его цѣли нельзя было остановиться ни на комъ послѣ Гёте. Нужно ли настаивать на важности для русскихъ образованныхъ людей общей исторіи нѣмецкой литературы? Было время, когда воинствующій русскій патріотъ считалъ Германію Канта и Гёте вторымъ отечествомъ. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось и въ Германіи, и въ Россіи. И, тѣмъ не менѣе, всякій, для кого образованіе, культура, литература—не пустыя слова, сочувственно встрѣтитъ появленіе книги, которая даетъ возможность прослѣдить развитіе нѣмецкой литературы, какъ цѣлаго. Если *Фаустъ* и *Критика чистаго разума* имѣютъ для насъ не только міровое, но національное значеніе, велики и дороги для насъ не менѣе произведеній нашихъ собственныхъ мыслителей, то не безразличенъ для насъ и тотъ историческій процессъ, которымъ въ жизни нѣмецкаго народа подготовлялись идеи Канта и образы Гёте.

Какъ ученый, В. Шереръ посвятилъ себя, главнымъ образомъ, изученію средневѣковой литературы. Церковная поэзія XI и XII вѣка, начатки романа и тому подобные сюжеты нашли въ немъ вполнѣ компетентнаго и оригинальнаго изслѣдователя. По связи съ средневѣковою словесностью нашъ авторъ много работалъ надъ исторіей языка. Но ему не чужды были и вопросы новой литературы, причемъ съ особенною любовью занимался онъ молодостью Гёте. Именно эта разносторонность драгоцѣнна въ писателѣ, который поставилъ себѣ цѣлью дать общую оцѣнку національной литературы. Нечего и говорить, что его методъ—культурно-историческій. Поэтическія произведенія, характеристики писателей даны въ общей связи съ условіями времени; авторъ не столько отмѣчаетъ отдѣльныя красоты, сколько старается передать духъ произведеній и указать ихъ мѣсто въ общемъ развитіи; какая-нибудь поэма или драма служитъ не поводомъ для установленія эстетическихъ опредѣленій и философскихъ выводовъ, а средствомъ для характеристики настроенія, задачъ, идей извѣстной эпохи.

Задача переводчика была не легкая. Изложеніе Шерера отличается сжатостью и многозначительностью; оно глубоко продумано и, въ то же время, живо, образно. Съ такими книгами трудно справиться переводчикамъ и тѣмъ болѣе можно порадоваться, что редакцію взялъ на себя авторитетный ученый и писатель. Въ данномъ случаѣ не приходится жаловаться на обычные въ нашей переводной литературѣ недосмотры и искаженія, а что касается изложенія, то оно точно и, въ то же время, литературно.

Краткій очеркъ греческой литературы отъ начала ея до половины XV в. по Р. Хр. Я. Г. Мищенко. Кіевъ, 1893 г. Авторъ имѣетъ цѣлью „познакомить ученика со *всѣми*, можно сказать, предста-

*) Въ нѣмецкомъ оригиналѣ одинъ томъ.

вителями литературнаго міра грековъ и со всѣми произведеніями ихъ поэтовъ, историковъ, философовъ и ученыхъ. Упоминаніе о томъ или другомъ изъ выдающихся произведеній сопровождается въ предлагаемомъ очеркѣ характеристикой его, краткой настолько, насколько могло позволять признанное достоинство извѣстнаго сочиненія и значенія литературнаго имени". Цѣль благая, но едва ли достижимая. Въ книжкѣ, которая состоитъ изъ 233 страницъ небольшого формата, нельзя дать характеристики всѣхъ писателей и почти всѣхъ произведеній, и не слѣдовало пытаться это сдѣлать. Отрывочныя, коротенькія сообщенія о множествѣ явленій не заинтересуютъ ученика. О комедіи Аристофана *Осы*, наприм., авторъ ограничивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: „насмѣшка Аристофана надъ страстью аѳинянъ къ судебнымъ процессамъ". Это кратко, но не ясно. Лучше было бы выдѣлить главное, не называть Евполида и Кратина, Алексида и Антифана, сказать полнѣе объ Аристофанѣ, да и у него выбрать пять-шесть наиболѣе характерныхъ пьесъ. Содержаніе Лисистраты и „Совѣщающихся въ народномъ собраніи" все равно ученикамъ не разскажешь. Авторъ держался плана статьи, предпосланной греческо-французскому словарю Шоссана, и, какъ сборникъ указаній по исторіи греческой литературы, его книжка имѣетъ значеніе.

Научная литература по греческой исторіи за послѣдніе годы (1880—1892 г.) въ ея главныхъ явленіяхъ. В. Бузескула. Москва, 1893 г. Небольшая книжка проф. Бузескула представляетъ оттискъ изъ *Филологическаго Обозрѣнія*, но можетъ быть съ пользою прочтена не одними спеціалистами по филологіи или древней исторіи. Она даетъ довольно обстоятельныя сообщенія о главныхъ сочиненіяхъ по общей исторіи Греціи, вышедшихъ за послѣднее время. Авторъ говоритъ о книгахъ Дункера, Гольма, Бузольта, Шварца, Аббота, Ранке, Аландскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Указывая главныя положенія, направляющіе пріемы, наиболѣе крупные недостатки, авторъ, кромѣ того, даетъ много полезныхъ библіографическихъ свѣдѣній о рецензіяхъ, статьяхъ, обзорахъ, касающихся греческой исторіи.

ЭТНОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Леонора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи, европейской и русской". *И. Созоновича.*—„Пѣсни русскаго народа". *Ѳ. М. Истомина и Г. О. Дютша.*—„Six semaines en Russie", *par J. Revel.*

Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи, европейской и русской. Изслѣдованіе И. Созоновича. Варшава, 1893 г. Года три назадъ г. Созоновичъ выпустилъ книгу, посвященную этому же вопросу; въ свое время мы дали о ней отзывъ въ *Русской Мысли*. Г. Созоновичъ не оставилъ своихъ занятій интересовавшимъ его сюжетомъ и пришелъ теперь къ совсѣмъ инымъ результатамъ. Можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ мы увидимъ новое изданіе, въ которомъ будутъ новыя построенія: человѣческой фантазіи нѣтъ границъ; карточные домики можно строить въ какомъ угодно количествѣ и видѣ.

Планъ книги въ главныхъ чертахъ оставленъ прежній. Первыя главы перепечатаны цѣликомъ; 5 и 6 главы обогащены новыми [illegible]

лами и гаданіями. Въ приложеніи дано нѣсколько русскихъ варіантовъ этого сюжета.

Первая и вторая главы посвящены судьбамъ *Леноры* Бюргера и исторіи вопроса о ней. Какъ извѣстно, *Ленора* вызвала много переводовъ, передѣлокъ и подражаній; вопросъ о происхожденіи этого сюжета съ конца прошлаго вѣка возбуждалъ много ученыхъ споровъ. Г. Созоновичъ только перечисляетъ отраженія *Леноры* (съ пропусками: не упомянута, наприм., *Ольга* Катенина, вызвавшая любопытную полемику между Грибоѣдовымъ и Гнѣдичемъ), хотя мы могли бы требовать отъ него оцѣнки разнаго пониманія и воспроизведенія этого сюжета. Вторая глава подробнѣе и дѣйствительно даетъ понятіе о сущности контроверса. 3 и 4 главы носятъ такія заглавія: „вѣра въ возвращеніе мертвыхъ“ и „слезы и неутѣшная скорбь тревожатъ покой мертвыхъ“. Что такія вѣрованія принадлежатъ къ числу очень распространенныхъ, въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвается. Г. Созоновичъ почему-то не разсчитываетъ на довѣріе и доказываетъ это многочисленными выписками изъ всевозможныхъ источниковъ. Мы не видимъ у него ни критическаго отношенія къ источникамъ, ни желанія разобраться въ подобранныхъ данныхъ. Для цѣли г. Созоновича достаточно было только сослаться на распространенность вѣрованій, которыя легли въ основу *Леноры*; иное дѣло, если бы онъ попробовалъ возстановить генезисъ воззрѣній на загробную жизнь, чтобы пріурочить зарожденіе сюжета къ какому-нибудь опредѣленному моменту: этого г. Созоновичъ не дѣлаетъ, да и не могъ бы сдѣлать, благодаря зыбучести матеріаловъ. Въ такомъ случаѣ, совсѣмъ была не нужна пестрая мозаика, составленная изъ *одинаковыхъ* воззрѣній, создавшихся въ разное время, при различныхъ условіяхъ, у всевозможныхъ народовъ. На лучшій конецъ, распространенность вѣрованій могла бы указывать на возможность самостоятельнаго зарожденія одинаковаго сюжета въ различныхъ мѣстахъ, но слишкомъ сильная близость сказокъ и пѣсенъ о женихѣ-мертвецѣ, почти полная идентичность пѣсенъ о братѣ-мертвецѣ позволяетъ ихъ свести только къ двумъ первоисточникамъ. Эти главы являются безусловно лишними и мѣстами обличаютъ въ авторѣ плохое знакомство съ исторіей примитивной культуры.

Прежде г. Созоновичъ и ту, и другую группу произведеній валилъ въ одну кучу и безъ всякихъ серьезныхъ основаній выводилъ ихъ изъ Германіи. Теперь онъ раздѣлилъ ихъ, и въ этомъ нельзя не согласиться съ г. Созоновичемъ: они несомнѣнно не связаны ни внѣшними, ни внутренними узами генетической зависимости. Пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ онъ возводитъ къ греческимъ разсказамъ о Протезилаѣ и Лаодаміи: этотъ разсказъ де „проникъ путемъ сложной литературной переработки въ средневѣковую западно-европейскую литературу, спустился изъ нея затѣмъ въ народную среду, гдѣ, опростившись и до извѣстной степени одичавъ, сохранился до нашихъ дней въ устной передачѣ“. Пѣсни о братѣ-мертвецѣ должны были возникнуть у с[illegible]обовъ. Возстановляя такимъ образомъ исторію сюжета, г. Созоновичъ руководствовался случайностями (наприм., *теперешнимъ* состояніемъ *напечатанныхъ* варіантовъ), ошибками (наприм., тѣмъ, что только южные славяне знаютъ особенно сильную любовь сестеръ къ братьямъ) и [illegible]оч. На основаніи такихъ случайныхъ и шаткихъ соображеній можно [illegible]строить какія угодно предположенія: самому г. Созоновичу пришлось сдѣлать скачокъ изъ Германіи въ древнюю Грецію и Сербію. Вѣрить возможность такихъ построеній можно только при недостаткѣ ме-

тодологической опытности. Мудреная вещь работать надъ текучимъ и зыбкимъ народно-поэтическимъ матеріаломъ! Вѣрить выводамъ г. Созоновича было бы неосторожно; книга его можетъ имѣть, все-таки, нѣкоторое значеніе, какъ наиболѣе полный сводъ свѣдѣній объ одномъ изъ популярныхъ поэтическихъ сюжетовъ.

Пѣсни русскаго народа. Собраны въ губ. Архангельской и Олонецкой въ 1886 г. Записали: слова—Ѳ. М. Истоминъ, напѣвы—Г. О. Дютшъ. Спб., 1894 г. Настоящій сборникъ явился результатомъ экспедиціи, снаряженной географическимъ обществомъ на сѣверъ Россіи, на средства, дарованныя Государемъ Императоромъ. Несомнѣнно, сѣверно-русская народно-поэтическая традиція далеко еще не исчерпана, несмотря на богатыя записи и изданія Рыбникова, Гильфердинга, Барсова; фабрично-городская культура начала проникать давно уже и въ этотъ край, подрывая интересъ къ старой пѣснѣ и древнему обряду, замѣняя ихъ „романцами“, „повертушками“ и „кадрелями“. Не малую роль въ этомъ процессѣ забвенія старины играетъ и грамотность. Одна изъ самыхъ крупныхъ задачъ русской этнографіи—спасти отъ этого быстраго разложенія возможно больше матеріала и, вмѣсто безсильныхъ и безплодныхъ жалобъ, энергично вести свое дѣло. Нужно отдать справедливость энергіи и добросовѣстности гг. Истомина и Дютша: несмотря на короткое время пребыванія на сѣверѣ, несмотря на всевозможныя препятствія и затрудненія, они съумѣли привезти много записей, въ которыхъ тщательно соблюдены всѣ фонетическія и музыкальныя особенности сѣверно-русскаго пѣснотворчества. Жаль, что издателямъ не пришло въ голову при каждой издаваемой пѣснѣ указать уже напечатанные варіанты: это помогло бы выдѣлить все новое, что даетъ намъ настоящій сборникъ. Внимательный пересмотръ его содержанія убѣждаетъ насъ, что подавляющее большинство записанныхъ г. Истоминымъ пѣсенъ не пополняетъ, а дополняетъ уже напечатанный матеріалъ; степень ихъ важности удобнѣе всего было опредѣлить самимъ издателямъ. Важная музыкальная сторона дѣла: насколько мы знаемъ, сѣверно-русскіе мотивы впервые издаются въ свѣтъ въ такомъ количествѣ, а, между тѣмъ, они представляютъ большой научный интересъ благодаря своей архаичности.

Сборникъ распадается на нѣсколько отдѣловъ: духовные стихи (10), былины (14—нѣкоторыя изъ нихъ даютъ новыя, очень любопытныя подробности), причеть свадебная (5), пѣсни свадебныя (24), пѣсни хороводныя и плясовыя (11), пѣсни протяжныя: любовныя, семейныя, рекрутскія и солдатскія, тюремныя (54). Какъ видно изъ этого перечисленія, распредѣленіе матеріала произведено не особенно удачно: книжное названіе „былины“ захватило и такъ называемыя „историческія“ пѣсни (если ужь сливать, то удобнѣе было воспользоваться народнымъ названіемъ „старина“); за основаніе дѣленія берется то содержаніе пѣсенъ, то время или способъ ихъ исполненія. Въ концѣ изданія приложены: указатель мѣстностей, съ обозначеніемъ пѣвцовъ и пѣвицъ, пропѣвшихъ вошедшія въ сборникъ пѣсни (къ сожалѣнію, нѣтъ свѣдѣній о степени грамотности пѣвцовъ и пѣвицъ, о ихъ занятіяхъ и проч.); алфавитный списокъ сказителей и сказительницъ; „списокъ мѣстностей, гдѣ записывались пѣсни, съ обозначеніемъ взаимныхъ разстояній и времени ихъ посѣщенія“; алфавитный указатель къ пѣснямъ; поправки къ пѣснямъ и нотамъ; карта пути экспедиціи. Изданъ сборникъ роскошно и стоитъ недорого (2 р.).

Six semaines en Ruisse, par Jacques Revel. Paris, 1893. горъ

провелъ въ Россіи шесть недѣль, вмѣстѣ съ извѣстнымъ романистомъ Арманомъ Сильвестромъ, во время французской выставки въ Москвѣ. Оба туриста посѣтили Петербургъ и его окрестности, сдѣлали небольшую экскурсію въ Финляндію, погостили въ Москвѣ, съѣздили въ Троицко-Сергіевскую лавру и обратно вернулись во Францію черезъ Варшаву, Вѣну и Мюнхенъ. Добрую половину книги г. Ревель отвелъ изложенію экономическаго положенія Россіи, производительности страны, ея торговлѣ и финансамъ. Свѣдѣнія авторъ почерпалъ, повидимому, изъ опубликованныхъ уже источниковъ, выводы же дѣлалъ, вѣроятно, самостоятельно и нерѣдко опрометчиво, говоря, напримѣръ, о тѣхъ великихъ благахъ для Россіи, которая дала бы ей широкая колонизація ея иностранцами. Пѣсня эта очень старая, которую наши радѣтели многократно распѣвали и подъ которую мы достаточно поплясали, потомъ поумнѣли, сказали „довольно“ и стали пытаться,—хорошо ли, плохо ли,—обходиться безъ иноземныхъ благодѣтелей. Въ какихъ-нибудь три-четыре недѣли, разгуливая по Петербургу и Москвѣ, иностранецъ не могъ составить себѣ не только правильной, но даже сколько-нибудь опредѣленной идеи о потребностяхъ совершенно неизвѣстной ему громадной страны, одна губернія которой равняется пространствомъ всей Франціи. Въ дѣлѣ слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній и заключеній, по большей части оказывающихся весьма странными, туристы вообще, а французы въ частности поступаютъ черезъ-чуръ смѣло. Противъ опрометчивыхъ выводовъ путешественниковъ можно возражать, когда затронутый предметъ того заслуживаетъ. Всякія заключенія и выводы—дѣло болѣе или менѣе спорное. Но вотъ въ чемъ заключается удивительная особенность путешественниковъ-французовъ, за единичными исключеніями: они пріѣзжаютъ въ незнакомую имъ страну, всѣмъ интересуются, все осматриваютъ, берутся описывать, а вы, обыватель этой страны, читая, впадаете въ величайшее недоумѣніе,—да полно, былъ ли тутъ авторъ такого описанія, гдѣ онъ видѣлъ описанное имъ, откуда почерпалъ свои свѣдѣнія, кто ввелъ его въ заблужденіе, не подшутилъ ли кто надъ иностранцемъ? Г. Жакъ Ревель описываетъ богослуженіе въ русской церкви (стр. 89) и все изображаетъ такъ, какъ никогда не бываетъ въ православныхъ храмахъ. Въ Архангельскомъ соборѣ путешественникъ видѣлъ „золотой крестъ, даръ царя Алексѣевича“ (du Tsar Alexievitch, стр. 93). Былъ г. Ревель въ Троицкой лаврѣ и видѣлъ мощи св. Сергія „въ пещерѣ“. Разсказъ настолько любопытенъ, что мы считаемъ не лишнимъ привести его цѣликомъ. „Посѣщеніе гроба св. Сергія, находящагося въ криптѣ, происходитъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, цѣлою процессіей; свѣчи раздаются посѣтителямъ, которые проходятъ таинственными закоулками къ серебряной вызолоченной ракѣ, гдѣ покоются мощи святого подъ серебрянымъ балдахиномъ...“ (стр. 123). Гдѣ видѣлъ это почтенный туристъ? Куда его завели и кто его завелъ? Отъ кого получилъ онъ такое свѣдѣніе, напримѣръ: „На пастбище, принадлежащее сообща общинѣ, дѣти выгоняютъ каждое утро коровъ и овецъ, а вечеромъ матери доятъ ихъ и дѣлятъ молоко между всѣми жителями“? Мы пропускаемъ сказки про самозванца Гришку Отрепьева, про посохъ съ острымъ наконечникомъ Ивана IV, которымъ грозный царь „пригвождалъ къ полу ноги нѣкоторыхъ посланниковъ“, и т. под. Но все это, вмѣстѣ взятое, служитъ достаточною характеристикой для оцѣнки значенія путешествія г. Ревеля и тѣхъ выводовъ, которые могъ сдѣлать авторъ изъ приводимыхъ имъ подробностей общинныхъ поряд-

ковъ въ русской деревнѣ. Прочитаешь вотъ такую книжку и окончательно потеряешь всякую охоту брать въ руки *Путешествія* французовъ въ какія бы то ни было страны. Въ *Путешествіяхъ* по Россіи для насъ есть, по крайней мѣрѣ, „курьезы", надъ которыми, зная свою страну, мы иной разъ можемъ посмѣяться. Но каково же послѣ этого читать о Тонкинѣ, Сіамѣ, Абиссиніи, о странахъ намъ неизвѣстныхъ, зная изъ опыта, какая въ этихъ описаніяхъ диковинная смѣсь былей и небылицъ, въ которой читателю нѣтъ никакой возможности разобраться?

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Untersuchungen über Adam Smith und die Entwickelung der Politischen Oeconomie", *von Dr. Wilhelm Hasbach.*—„Вознесенская волость, Оханскаго уѣзда, Пермской губ.". *Е. И. Краснопѣрова.*—„Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ.".—„Фабрика, что она даетъ населенію и что она беретъ отъ него". *Е. М. Дементьева.*

Untersuchungen über Adam Smith und die Entwickelung der Politischen Oekonomie, von Dr. Wilhelm Hasbach. Leipzig, 1892. Въ своей *Исторіи цивилизаціи Англіи* Бокль посвятилъ Адаму Смиту нѣсколько любопытныхъ страницъ. Заключительный выводъ изъ всѣхъ разсужденій англійскаго историка выраженъ имъ такими словами: „Мы видимъ, что методъ Адама Смита былъ исключительно дедуктивнымъ и что онъ представлялъ собою особую форму дедукціи (гипотетическую). Въ обоихъ своихъ сочиненіяхъ Смитъ полагаетъ въ основаніе извѣстныя идеи, и отъ нихъ идетъ къ явленіямъ внѣшняго міра. Въ каждомъ изъ этихъ сочиненій онъ береть одну сторону своихъ посылокъ, дополняя остальное въ другомъ сочиненіи. Люди не бываютъ ни исключительно своекорыстны, ни исключительно сочувственны. Но Адамъ Смитъ раздѣляетъ въ отвлеченномъ мышленіи эти качества, которыя въ дѣйствительности нераздѣльны. Въ *Теоріи нравственныхъ чувствъ* онъ приписываетъ наши поступки сочувствію, въ *Богатствѣ народовъ*—своекорыстію; но одно сочиненіе дополняетъ другое и для пониманія котораго-либо изъ нихъ необходимо изучить оба" *). Этотъ приговоръ Бокля пользовался долгое время неоспоримымъ авторитетомъ; позднѣйшими критиками онъ обыкновенно только обосновывался и развивался и даже до сихъ поръ въ большей части учебниковъ повторяются тѣ же разсужденія объ исключительно дедуктивномъ методѣ Смита и о совершенной противуположности двухъ главныхъ его сочиненій. Однако, въ англійской литературѣ уже дѣлались нѣкоторыя замѣчанія объ односторонности такого пониманія *Теоріи нравственныхъ чувствъ*, о томъ, что методъ Адама Смита не представляетъ приписываемой ему исключительности, а *Богатство народовъ* по своей основной точкѣ зрѣнія не такъ уже расходится съ *Теоріей нравственныхъ чувствъ*. Въ обстоятельномъ и ученомъ изслѣдованіи Вильгельма Гасбаха мы теперь находимъ достаточно критически провѣреннаго м теріала, чтобы совершенно отвергнуть оба приведенныя утвержденія Бо ля.

Ни *Богатство народовъ*, какъ оказывается по внимательномъ ас смотрѣніи, не построено на одномъ лишь фундаментѣ эгоизма, ни *ріи нравственныхъ чувствъ* не отвергаетъ ничуть себялюбивыхъ по жденій человѣка. Въ дѣйствительности Адамъ Смитъ былъ строгимъ ли-

*) Цитируемъ по русск. перев. въ изд. Тиблена 1864 г., т. 2., стр. 9 4х.

верженцемъ той школы шотландскихъ и англійскихъ мыслителей, которая разумно понятый эгоизмъ клала въ основу всѣхъ человѣческихъ поступковъ. Такимъ образомъ, и сама *симпатія* у Адама Смита вытекаетъ изъ себялюбивыхъ основаній. Онъ говоритъ, что только страхъ сдерживаетъ людей отъ постоянныхъ нападеній другъ на друга, и что добро, которое мы дѣлаемъ ближнимъ, вытекаетъ отнюдь не изъ человѣколюбія, не изъ любви къ нимъ, а только лишь изъ тонкаго и совершенно правильнаго разсчета. Сочувствіе наше постоянно обусловлено себялюбіемъ, поэтому мы и раздѣляемъ охотнѣе маленькія радости и большое горе нашихъ ближнихъ, нежели ихъ маленькое горе и большія радости. Небольшія огорченія у другихъ бываютъ намъ только пріятны,— они возбуждаютъ въ насъ пріятное чувство самодовольства. Напротивъ, при видѣ большой радости, въ которой мы не можемъ участвовать, насъ охватываетъ чувство зависти столь сильное, что оно убиваетъ симпатію **). Кромѣ того, мы всегда почти стараемся сдержать нашу симпатію къ постороннему горю. Желаніе собственнаго благосостоянія обыкновенно побуждаетъ насъ поскорѣе забыть его, если оно не стоитъ передъ нашими глазами" (*Hasbach*, стр. 91—93. *Теорія нравственныхъ чувствъ* въ переводѣ Бибикова. Спб., 1868 г., отд. III. стр. 64—69). Въ виду такого пониманія Смитомъ сущности и происхожденія симпатіи, едва ли можно согласиться, что его этическій трактатъ построенъ на сознательномъ игнорированіи себялюбивыхъ элементовъ человѣческой души.

Столь же неосновательнымъ надо признать и приписываніе Смиту исключительно дедуктивнаго метода. Воспитанный на сочиненіяхъ Бэкона, Юма и Монтескьё въ такой же степени, какъ и на раціонализмѣ школы естественнаго права, А. Смитъ никоимъ образомъ не могъ игнорировать индуктивнаго метода. Чувствуя большую склонность къ исторіи, знакомый съ соціологическими обобщеніями Монтескьё, онъ и въ *Богатство народовъ* внесъ столь ярко сказывающійся здѣсь историческій элементъ. Примѣры, которыми онъ иллюстрировалъ свои положенія въ отличіе отъ абстрактныхъ примѣровъ Рикардо, взяты всегда изъ дѣйствительной жизни, его полемика съ меркантилистами основана цѣликомъ на промышленной исторіи Англіи, да, наконецъ, уже одни приложенныя въ концѣ всего сочиненія обширныя таблицы цѣнъ на товары, на хлѣбъ и на золото—говорятъ съ достаточной убѣдительностью о томъ, какое значеніе придавалъ А. Смитъ конкретнымъ фактамъ и какъ, слѣдовательно, несправедливъ упрекъ Бокля въ односторонности его метода.

Если своимъ изслѣдованіемъ В. Гасбахъ помогаетъ разсѣять нѣкоторые укоренившіеся предразсудки относительно А. Смита, то главная его заслуга все же не въ этомъ, а въ правильномъ установленіи генезиса экономической доктрины шотландскаго мыслителя. Основательно изучивши всю экономическую и философскую литературу 17—18 вѣка, авторъ прослѣживаетъ въ *Богатствѣ народовъ* вліяніе тѣхъ или другихъ ученій и даетъ намъ, въ концѣ-концовъ, очень наглядную картину всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось это великое произведеніе.

Смитовская система политической экономіи выросла на почвѣ шотландской нравственной философіи, которая въ XVII вѣкѣ обнимала

**) „Joy is a pleasant emotion and we gladly abandon ourselues to it upon thr slig...od occasion. We readily, therefore, sympathize with it in ethers, ruhereuee rue ... uat prejudiced by enruy". *Ad. Smith*: „Theory", II.

собою этику, политику и экономію. Въ первой четверти XVIII вѣка она подверглась сильному вліянію школы естественнаго права. Въ сочиненіяхъ Пуффендорфа, который явился проводникомъ этого вліянія, мы находимъ уже вполнѣ законченную систему политической экономіи. Ея теоретическими основаніями являются здѣсь раздѣленіе труда и мѣновой характеръ людскихъ услугъ и товаровъ. Изъ этихъ явленій объясняются Пуффендорфомъ цѣнность труда и продуктовъ, смыслъ денегъ и прибыли на капиталъ. Наиболѣе сильное вліяніе изъ всѣхъ шотландскихъ мыслителей оказалъ на А. Смита Гутчесонъ, главное сочиненіе котораго *A System of Moral Philosophy* появилось въ 1755 г. Гутчесонъ по своему міровоззрѣнію тѣсно примыкалъ къ нѣмецкой школѣ естественнаго права, но, тѣмъ не менѣе, его книга носитъ на себѣ слѣды и совершенно мѣстнаго вліянія. Его философія сложилась, главнѣйшимъ образомъ, изъ этики Шэфтсбёри, правоваго ученія Локка и научной концепціи міра Ньютона. Политическая экономія у Гутчесона еще сплетена нераздѣльно съ этикою; какъ показываетъ сравненіе обоихъ писателей, Адамъ Смитъ изъ этого источника почерпнулъ преимущественно свои нравственныя и теологическія убѣжденія. Приблизительно въ томъ же направленіи вліялъ на Смита и Юмъ, укрѣпившій въ немъ мысль о необходимости психологическаго основанія нравственной философіи, усилившій природную склонность Смита къ историческимъ изысканіямъ и давшій примѣръ постояннаго примѣненія экспериментальнаго, индуктивнаго метода. Такимъ образомъ почва уже была подготовлена для воспринятія идей Вольтера и Монтескьё. Значеніе перваго для А. Смита заключалось, главнымъ образомъ, въ его преимущественномъ вниманіи къ внутренней, матеріальной культурѣ народа и въ отвращеніи къ чисто-прагматической исторіи; второй же воздѣйствовалъ въ особенности своими соціологическими обобщеніями, единствомъ и ясностью построеній, а между прочимъ также и тѣмъ, что впервые выдвинулъ такъ рѣшительно роль внѣшнихъ факторовъ природы въ образованіи характера и образа жизни различныхъ народовъ.

Болѣе близкую связь съ *Богатствомъ народовъ* имѣютъ несомнѣнно сочиненія ближайшихъ предшественниковъ Смита, шотландскихъ экономистовъ Фергюсона и Джемса Стюарта. Впервые выдѣлившій политическую экономію изъ всей совокупности нравственныхъ наукъ, Фергюсонъ положилъ прочныя основанія для всего дальнѣйшаго развитія этой отрасли знанія. Его взглядъ на общество, какъ на потребительно-мѣновое товарищество, гдѣ каждый членъ поневолѣ дѣлается купцомъ и руководствуется стремленіемъ къ обогащенію, отличался полною трезвостью и опредѣленностью. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ въ строгомъ смыслѣ первый шотландскій экономистъ многими сторонами своего ученія принесъ значительную пользу А. Смиту при выработкѣ имъ его экономическаго міросозерцанія. Не слѣдуетъ умалять также значенія Джемса Стюарта, строго позитивнаго мыслителя, выпустившаго пе[ю] полное руководство по политической экономіи; у него именно заим[ствовал]ъ Адамъ Смитъ—въ этомъ сходятся всѣ его критики—ученіе [о] логахъ и о долговыхъ обязательствахъ государства.

Таково было неоспоримое и сильное вліяніе нѣмецко-шотланд[ской] школы, оно столкнулось у Адама Смита съ теченіемъ, шедшимъ [изъ] Франціи и своимъ происхожденіемъ обязаннымъ *физіократамъ*. Вл[іяніе] физіократовъ на А. Смита обыкновенно сильно преувеличивается. [Онъ] имъ общимъ философскимъ міросозерцаніемъ, своими индуктивн[ымъ]

хологическими положеніями онъ былъ обязанъ англійской наукѣ; свои религіозно-нравственныя идеи онъ почерпнулъ у шотландскихъ мыслителей, изъ того же источника исходятъ и главныя положенія его политической экономіи; даже экономическій идеалъ Адама Смита—свобода торговли — сложился у него, какъ мы увидимъ ниже, подъ вліяніемъ школы естественнаго права, отнюдь не черезъ посредство физіократовъ, Это еще не значитъ, однако, чтобы Кене и его послѣдователи прошли совершенно безслѣдно для *Богатства народовъ*. Никоимъ образомъ: именно они, а не кто другой, завѣщали Адаму Смиту единую, охватывающую все народное хозяйство теорію, раздѣленіе труда на производительный и непроизводительный, правильный взглядъ на роль капитала во всякомъ производствѣ, весьма разработанное ученіе о доходахъ и еще многое другое. Но уже и изъ этого перечня видно, что ихъ вліяніе было или формальное, или по сравнительно второстепеннымъ вопросамъ. *Краеугольные камни „Богатства народовъ“ взяты были шотландскимъ мыслителемъ съ шотландской же почвы.*

Что касается пресловутаго *эгоизма*, по взгляду Смита, управляющаго людьми въ ихъ хозяйственной жизни, то его происхожденіе выводятъ обыкновенно изъ книги Гельвеція *О разумѣ*. Гасбахъ доказываетъ намъ, что подобное объясненіе слишкомъ искуственно: англійская психологія и этика были въ такой степени пропитаны теоріями эгоизма, что отсюда Адаму Смиту было гораздо проще позаимствоваться этою идеей. Не говоря уже объ анализѣ человѣческихъ страстей у Бэкона, оставляя въ сторонѣ теорію разумнаго эгоизма Гоббеса и Локка, достаточно ознакомиться только съ ученіями Мандевилля и Шэфтсбёри, чтобы найти у нихъ всѣ главныя психологическія положенія Смита. Согласно Мандевиллю, себялюбіе—это такое чувство, которое властвуетъ и управляетъ всѣми другими. Его бытовыя проявленія Мандевилль объясняетъ и съ объективной, и съ субъективной стороны то властолюбіемъ государственныхъ людей, то жаждой къ почестямъ или къ наживѣ. Это нѣсколько грубое пониманіе эгоизма смягчаетъ Шэфтсбёри внесеніемъ альтруистическаго элемента: критерій нравственности онъ выводитъ изъ присущаго человѣку моральнаго чувства, но въ хозяйственной жизни продолжаетъ считать главнымъ факторомъ побужденія личнаго себялюбія.

Намъ остается сказать только о томъ, подъ чьимъ вліяніемъ сложился фритрэдерскій идеалъ А. Смита. Свобода торговли являлась у него, очевидно, послѣдовательнымъ выводомъ изъ принциповъ естественнаго права, но выводъ этотъ до А. Смита не былъ сдѣланъ никѣмъ съ такою полною наглядностью. Физіократы боролись за ту же идею доводами цѣлесообразности и ссылками на предъустановленную гармонію; сюда присоединилъ А. Смитъ психологическія слѣдствія чувства собственнаго интереса, экономическую критику меркантилизма и, наконецъ, свое телеологическое пониманіе природы. Въ каждомъ изъ этихъ доводовъ, взятомъ въ отдѣльности, онъ имѣлъ своихъ предшественниковъ, но полное обоснованіе свободы торговли составляетъ его безспорную заслугу.

Разобравъ, что называется, „по косточкамъ“ главныя основанія *Богатства народовъ*, Гасбахъ приходитъ къ тому выводу, что всѣ они уже были выставлены кѣмъ-нибудь раньше. Адамъ Смитъ послѣ такого разбора является передъ нами не въ качествѣ совершенно оригинальнаго, новые пути пролагающаго мыслителя (въ этомъ отношеніи Юма, наприм., Гасбахъ ставитъ значительно выше), но какъ человѣкъ, своими

познаніями охватывающій все богатство современной ему науки, одаренный величайшимъ систематизаторскимъ талантомъ и рѣдкою по своей силѣ критическою мыслью. Къ такому взгляду привело Гасбаха тщательное изученіе источниковъ, легшихъ въ основу какъ *Теоріи нравственныхъ чувствъ*, такъ и *Богатства народовъ*.

Излагая выводы Гасбаха, мы поневолѣ должны были остановиться только на самыхъ главнѣйшихъ и при этомъ оставлять безъ вниманія все, что является какъ бы нѣкоторымъ отклоненіемъ въ сторону. А, между тѣмъ, подобныя отклоненія имѣютъ въ книгѣ иногда очень большую цѣнность; укажемъ для примѣра на мастерской очеркъ причинъ, породившихъ особенно сильное развитіе исторіографіи въ XVIII вѣкѣ и въ немъ еще нѣсколько мыслей о возникновеніи столь плодотворной нынѣ идеи эволюціи. Вообще же мы полагаемъ, что сочиненіе Гасбаха займетъ выдающееся мѣсто среди изслѣдованій, посвященныхъ исторіи экономической науки, а его авторъ по обширности своей эрудиціи, по оригинальности и мѣткости своихъ сужденій заслуживаетъ быть поставленъ не на послѣднее мѣсто въ ряду такихъ ученыхъ, какъ Рошеръ, Шёнбергъ, Р. Моль и др.

Въ виду громадныхъ достоинствъ книги, совершенно стираются ея небольшіе недостатки, къ каковымъ надо причислить пристрастіе автора къ подраздѣленіямъ и рубрикамъ, склонность повторять по многу разъ одну и ту же мысль и, наконецъ, принадлежность его къ этической школѣ Брентано, Шэфле, Шмоллера *) и др., выражающуюся въ переоцѣнкѣ значенія нравственнаго элемента для историко-экономическихъ изслѣдованій. Чисто-внѣшнимъ неудобствомъ для нѣкоторыхъ читателей можетъ явиться то, что англійскія, латинскія и итальянскія цитаты, вообще черезъ-чуръ изобильныя, оставлены въ книгѣ безъ перевода. Но, повторяемъ, значеніе работы Гасбаха такъ велико, что для ея прочтенія стоило бы преодолѣвать и не такія препятствія и недостатки.

Вознесенская волость, Оханскаго уѣзда, Пермской губерніи. Е. И. Краснопѣрова. Изъ числа изданій земской статистики изданія пермскаго земства принадлежатъ къ наименѣе распространеннымъ въ кругу лицъ, интересующихся предметомъ. Объ этомъ можно только пожалѣть, особенно имѣя въ виду, что пермскій край представляетъ нѣкоторыя малоизвѣстныя отличія въ хозяйственномъ быту населенія. Сказанное можетъ быть отнесено и къ изданію, выставленному въ заголовкѣ рецензіи, заключающему сводъ и разработку данныхъ мѣстнаго изслѣдованія путемъ подворной переписи, произведеннаго въ 1890 г. Интересъ этого изслѣдованія заключается, между прочимъ, въ томъ, что оно задавалось цѣлью изученія не только производства (что обыкновенно преслѣдуется въ другихъ аналогичныхъ работахъ), но отчасти и потребленія населенія и мѣновыхъ процессовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Поэтому таблицы данныхъ подворной переписи, состоящія изъ 419 графъ, заключаютъ, между прочимъ, свѣдѣнія о продажѣ и покупкѣ у крестьянъ продуктовъ ихъ хозяйст[illegible] о пріобрѣтеніи ими различныхъ предметовъ потребленія, а также [illegible] ныя о кредитѣ. Другую интересную особенность разсматриваемаг[illegible] данія составляетъ проведеніе по всѣмъ графамъ таблицъ различія [illegible] жду православнымъ и раскольничьимъ населеніемъ волости, при[illegible] оказалось возможнымъ убѣдиться въ томъ, что раскольники зажи[illegible] нѣе православныхъ и лучше ихъ ведутъ хозяйство. Считаемъ у[illegible]

*) Шмоллеру Гасбахъ даже и посвятилъ свою книгу.

нымъ привести здѣсь два - три констатированныхъ разсматриваемымъ изслѣдованіемъ факта, представляющихъ особый интересъ въ виду поднятыхъ въ послѣднее время вопросовъ. Населеніе Вознесенской волости состоитъ изъ бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ майората гр. Строганова. При крѣпостномъ правѣ крестьяне пользовались землею по указанію владѣльческаго управленія, независимо отъ взаимныхъ правовыхъ отношеній деревень и домохозяевъ. Къ сожалѣнію, въ описаніи не указано опредѣленно, насколько администрація вмѣшивалась въ земельныя отношенія и по собственному усмотрѣнію перемѣщала землю изъ однѣхъ рукъ въ другія, т.-е. насколько успѣла образоваться прочная связь между отдѣльными хозяевами и обрабатываемыми ими участками. На этотъ счетъ имѣется только замѣчаніе о томъ, что въ первые 14 лѣтъ послѣ освобожденія каждый хозяинъ обрабатывалъ ту землю, „какая дошла до него по наслѣдственной преемственности". Въ 1874 г., послѣ окончательнаго отведенія на всю волость земли, крестьяне перешли къ общинному пользованію ею, выразившемуся уравнительнымъ разверстаніемъ (по ревизскимъ душамъ) ея между деревнями и отдѣльными хозяевами. Мотивомъ уничтоженія подворнаго владѣнія, по выраженію крестьянъ, было желаніе уничтожить черезполосицу между деревнями и „неправильность перваго захвата". Разверстаніе земли между одиннадцатью обществами и въ каждомъ обществѣ между деревнями (всѣхъ деревень въ волости болѣе 100) и затѣмъ между домохозяевами производилось по обмѣру самихъ крестьянъ, исключая одно общество, пригласившее для этой цѣли частнаго мѣрщика. Сельско-хозяйственныя работы исполняются крестьянами преимущественно силами самихъ семей. Нанятыхъ на срокъ рабочихъ на 1,445 домохозяевъ волости было всего 120, израсходовано на поденныя и сдѣльныя работы 5,470 руб. Кромѣ того, при нѣкоторыхъ работахъ населеніе прибѣгало къ взаимопомощи въ видѣ созыва помочей. Переписью гарантировано въ теченіе года 833 помочи, въ томъ числѣ 722 съ участіемъ лошадей; число затраченныхъ на помочи рабочихъ дней было: людскихъ 11,924, конныхъ 6,938; на 1,076 дворовъ православнаго населенія волости приходится 7,505 помочныхъ поденщинъ людей и 4,151—лошадей; на 307 раскольничьихъ дворовъ—4,419 дней людскихъ и 2,788 конныхъ, т.-е. на православное населеніе, въ количествѣ 74% всѣхъ хозяевъ волости, приходится 63% людскихъ помочныхъ поденщинъ и 60% конныхъ. Наибольшее число помочей (702 или 84%) созывается для вывозки навоза, затѣмъ (95 или 11%) для жнитва. Все населеніе волости работаетъ однорядничною курашимскою сохой, имѣетъ 1,635 деревянныхъ боронъ и 550 желѣзныхъ. Больше десяти лѣтъ населеніе пробуетъ разведеніе новыхъ сортовъ наиболѣе цѣннаго хлѣба—ячменя, а именно сортовъ ячменя англійскаго, американскаго и кента. Навые сорта ячменя воздѣлываются 286 хозяевами. Желѣзныя бороны и новые сорта ячменя распространены преимущественно среди раскольнико ъ. На 1,420 домохозяевъ волости, занимающихся земледѣліемъ, насчи тывается 750 овиновъ; большая ихъ часть состоитъ въ общемъ вл дѣніи нѣсколькихъ хозяевъ, причемъ нѣкоторые крестьяне состоятъ пайщиками въ нѣсколькихъ овинахъ.

борникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. От дѣлъ санитарной статистики. Т. IV, ч. II. Общая сводка по са нитарнымъ изслѣдованіямъ Московской г.—Фабрика, что она да тъ населенію и что она у него беретъ. Е. М. Дементьева. Въ те ечіе первой половины 80-хъ гг., какъ извѣстно, губернскимъ зем-

ствомъ производилось санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Московской губ., результаты котораго, въ болѣе или менѣе обработанномъ видѣ, издавались отдѣльными томами въ поуѣздной сводкѣ. Разработка собранныхъ данныхъ по цѣлой губерніи началась позже, и первый томъ этой работы, заключающій историческій очеркъ и современное положеніе фабрично-заводской промышленности въ Московской губерніи, свѣдѣнія о рабочихъ въ отношеніи возрастнаго и полового ихъ состава, ихъ мѣсторожденія, семейнаго положенія и т. п., вышелъ въ 1890 г. Первая изъ выставленныхъ въ заголовкѣ рецензій книгъ образуетъ продолженіе названнаго труда. Все его содержаніе,—за исключеніемъ главы о пищевомъ довольствіи рабочихъ, составленной Ф. Ф. Эрисманомъ,—принадлежитъ д-ру Е. М. Дементьеву. Здѣсь имѣется описаніе рабочихъ помѣщеній (мастерскихъ), жилыхъ помѣщеній для рабочихъ,—главы, посвященныя вопросу о связи фабричныхъ рабочихъ съ земледѣліемъ, о продолжительности работы фабрикъ въ году, объ условіяхъ найма рабочихъ, о длинѣ ихъ рабочаго года и рабочаго дня и заработной платѣ. Описанія и изслѣдованія по нѣкоторымъ изъ перечисленныхъ вопросовъ сдѣланы на основаніи матеріала, собраннаго по всей губерніи, по другимъ лишь по свѣдѣніямъ изъ нѣсколькихъ тщательнѣе изслѣдованныхъ уѣздовъ. По многимъ вопросамъ данныя, касающіяся Россіи, сопоставляются съ данными, рисующими положеніе дѣлъ на Западѣ и въ Америкѣ, что даетъ возможность судить о сравнительномъ положеніи рабочаго класса въ Россіи и въ другихъ странахъ.

Вторая изъ вышесказанныхъ книгъ образуетъ оттискъ изъ только что разсмотрѣннаго сборника статей г. Дементьева, относящихся къ вопросамъ о связи фабричныхъ рабочихъ съ земледѣліемъ, количествѣ работы на фабрикахъ и заработной платѣ съ присоединеніемъ главы о вліяніи фабрикъ на физическія качества населенія. Изслѣдованіе основано на данныхъ, собранныхъ авторомъ по Серпуховскому, Коломенскому и Бронницкому уѣздамъ. Глава о вліяніи фабрикъ на физическія качества населенія составлена на основаніи антропометрическихъ измѣреній рабочихъ. Такъ какъ подобныя измѣренія дѣлались по всѣмъ уѣздамъ губерніи, то слѣдуетъ ожидать продолженія погубернской сводки, куда должно войти также описаніе медицинской организаціи на фабрикахъ и заводахъ, вреднаго въ санитарномъ отношеніи вліянія различныхъ производствъ, болѣзненности фабричнаго населенія и т. д. Данныя, на которыхъ основываются разсматриваемыя работы, относятся ко времени 10—15 лѣтъ назадъ. Съ тѣхъ поръ многое, главнымъ образомъ, въ тѣхъ отношеніяхъ фабричнаго быта, которыя до извѣстной степени были подчинены правительственной регламентаціи, измѣнилось; но это не лишаетъ разсматриваемые труды важнаго значенія въ смыслѣ уясненія осношеній, слагающихся въ области крупной капиталистической промышленности,—уясненія столь же важнаго въ экономическомъ отношеніи, какъ и въ медико-санитарномъ. Большая часть того, что было констатировано изслѣдованіемъ московскаго губернскаго земства, осталось неизмѣннымъ и въ настоящее время; важнѣйшія проявленія фабричнаго режима и не могутъ измѣниться такъ быстро, при неизмѣнности общаго культурнаго развитія страны. Что же касается тѣхъ немногихъ сторонъ фабричной жизни, въ которыхъ произошли измѣненія къ лучшему, то и здѣсь, по справедливому замѣчанію проф. Эрисмана, „возможность сравненія современнаго положенія съ тѣмъ, что было въ недавнемъ прошломъ,—

наши фабрики представляли ни для кого недоступное государство въ государствѣ,—дѣлаютъ весьма цѣнными тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаются" въ изданіяхъ московскаго земства.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Руководство къ молочному хозяйству на научныхъ и практическихъ основахъ". *Д-ра В. Кирхнера.*—„Болѣзни деревьевъ". *Р. Гартига.*—„Сборникъ статей по лѣсоразведенію". *М. Турскаго.* — „Отчетъ Пуркарской низшей сельско-хозяйственной школы за 1893 годъ".

Руководство къ молочному хозяйству на научныхъ и практическихъ основахъ. Д-ра В. Кирхнера. Спб., 1894 г. Изд. Девріена. Ц. 3 р. 50 к. Капитальное руководство Кирхнера давно заслуживало перевода на русскій языкъ. Авторъ руководства принадлежитъ къ выдающимся дѣятелямъ университетскаго преподаванія агрономіи: сельско-хозяйственный институтъ при Лейпцигскомъ университетѣ, находящійся въ завѣдываніи проф. Кирхнера, успѣшно соперничаетъ въ настоящее время съ таковымъ же институтомъ въ Галле, гдѣ создалъ свою славу Юліусъ Кюнъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кирхнеръ заслуженно считается знатокомъ техники практическаго молочнаго хозяйства. Съ особою подробностью разсмотрѣны въ книгѣ Кирхнера отдѣленіе сливокъ, сбиваніе масла и приготовленіе сыра. Три первые отдѣла книги, гдѣ описываются свойства молока, уходъ за молокомъ и испытаніе молока, найдутъ себѣ обширный кругъ читателей и внѣ той среды, которая интересуется молочнымъ хозяйствомъ съ коммерческой точки зрѣнія: здѣсь многое важно для гигіениста-врача и для потребителя вообще.

Русскій переводъ сдѣланъ съ нѣкоторыми сокращеніями противъ подлинника третьяго нѣмецкаго изданія. Въ текстѣ помѣщено свыше 200 рисунковъ, которые относятся преимущественно къ разнообразному инвентарю современнаго молочнаго хозяйства.

Болѣзни деревьевъ. Р. Гартига. Переводъ И. Грачева и А. Толвинскаго, подъ редакціею М. Турскаго. Москва, 1894 г. До сихъ поръ на русскомъ языкѣ не было ни одного обстоятельнаго сочиненія, спеціально посвященнаго болѣзнямъ деревьевъ. Теперь этотъ пробѣлъ восполняется иниціативою М. К. Турскаго, подъ редакціею котораго (а отчасти и при непосредственномъ содѣйствіи) переведена книга Гартига. Книга состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: первый и главный отдѣлъ отведенъ подробному разсмотрѣнію растительныхъ паразитовъ, причиняющихъ вредъ лѣснымъ деревьямъ; во второмъ отдѣлѣ разбираются пораненія деревьевъ, въ третьемъ—заболѣванія отъ вліяній почвенныхъ и въ послѣднемъ отдѣлѣ—заболѣванія отъ вліяній атмосферическихъ. Приложенный въ концѣ книги опредѣлитель болѣзней, къ сожалѣнію, слишкомъ кратокъ. Книга снабжена 137 политипажами, таблицею хромолитографіей и алфавитными указателями. Помимо спеціалистовъ-лѣсоводовъ, книгу Гартига должны оцѣнить всѣ лица, сочувствующія распространенію общаго естественно-историческаго образованія въ Россіи: болѣзни деревьевъ встрѣчаются на каждомъ шагу и могутъ служить прекраснымъ объектомъ для нагляднаго разбора съ учащимися довольно сложныхъ естественно-научныхъ вопросовъ.

Сборникъ статей по лѣсоразведенію. Составилъ М. Турскій. Изданіе лѣснаго департамента. Москва, 1893 г. Профессоръ М. К. Турскій пріобрѣлъ уже заслуженную репутацію выдающагося техника,

педагога и популяризатора: одно имя автора избавляетъ насъ отъ необходимости говорить о достоинствахъ новаго *Сборника*. Въ первой части этого сборника разсматриваются общіе вопросы лѣсоразведенія, устройство древеснаго питомника, образованіе лѣса посадкою саженцевъ и посѣвомъ, лѣсопольное хозяйство, облѣсеніе песковъ, овраговъ и солончаковъ, живыя изгороди и опушки, сборъ сѣмянъ и стоимость облѣсенія. Двадцать двѣ статьи второй части посвящены разведенію отдѣльныхъ древесныхъ породъ. Въ текстѣ помѣщено 111 рисунковъ.

Отчетъ Пуркарской низшей сельско-хозяйственной школы за 1893 годъ. Составилъ А. И. Шахназаровъ. Кишиневъ, 1894 г. За послѣднее десятилѣтіе въ Россіи открылось нѣсколько десятковъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, но, въ большинствѣ случаевъ, заведенія эти не дѣлятся съ публикою результатами своей работы; однимъ изъ пріятныхъ исключеній является Пуркарская школа 1 разряда, устроенная бессарабскимъ губернскимъ земствомъ въ Бендерскомъ уѣздѣ. Открыта она только въ апрѣлѣ 1893 года, такъ что всякое рѣшительное сужденіе о школѣ было бы теперь преждевременно. Составитель отчета, управляющій школою г. Шахназаровъ, совершенно основательно высказывается противъ довольно распространеннаго взгляда, отождествляющаго учениковъ съ рабочими и ожидающаго отъ работы учащихся доходовъ для хозяйства. Однако, и не дѣлая изъ учениковъ доходной статьи, можно было бы доставлять имъ навыки хозяйственныхъ работъ въ бо́льшой мѣрѣ, чѣмъ это практиковалось въ Пуркарской школѣ за первый годъ ея существованія: администрація школы отказалась отъ первоначальнаго намѣренія обходиться безъ наемной кухарки, безъ прислуги, безъ ключника; учениковъ отстранили даже отъ доенія коровъ. Учебныя мастерскія при школѣ—столярная и кузнечно-слесарная—дѣйствуютъ весьма успѣшно.

МЕДИЦИНА.

„Техника гистологическаго изслѣдованія патолого-анатомическихъ препаратовъ". *Д-ра К. фонъ-Кальдена.*—„Вопросъ о цвѣтномъ слухѣ". *Альфреда Бине.*

Техника гистологическаго изслѣдованія патолого-анатомическихъ препаратовъ. Д-ра К. фонъ-Кальдена. Перевелъ и дополн. Розенблатъ. Изд. Риккера. Спб., 1894 г. Краткое руководство это въ достаточной степени, однако, удовлетворяетъ потребностямъ читателя, желающаго ознакомиться съ наиболѣе распространенными методами микроскопическаго изслѣдованія. Первая глава, какъ это водится, посвящена микроскопу и описанію необходимыхъ принадлежностей; здѣсь авторъ указываетъ нѣсколько фирмъ, торгующихъ стеклянною посудой; для русскаго читателя переводчикъ долженъ былъ бы указать русскія фирмы. Слѣдующія главы заключаютъ въ себѣ изложеніе методовъ изслѣдованія свѣжихъ препаратовъ, уплотнѣнія ихъ, зал[illegible] въ целлоидинъ, въ парафинъ, окрашиваніе препаратовъ, консерв[illegible] ваніе ихъ и т. п. Сравнительно большое мѣсто отведено бактері[illegible] гическому изслѣдованію, гдѣ приведены почти всѣ современные ме[illegible] ды. 14-я глава посвящена, главнымъ образомъ, изслѣдованію кро[illegible], значительно меньшее мѣсто отведено изслѣдованіямъ другихъ тка[illegible]. Въ послѣдней главѣ содержится нѣсколько краткихъ указаній отн[illegible] тельно микроскопическихъ изслѣдованій съ судебно-медицинскими [illegible] лями. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель. По от[illegible]

нію къ переводу слѣдуетъ указать на шероховатый языкъ и на неудачныя попытки къ переводу иностранныхъ словъ, вошедшихъ уже въ общее употребленіе и всѣмъ понятныхъ („мозгосодержащій"). Въ сравненіи съ изданною недавно книжкой г. Никифорова настоящая не имѣетъ ни существенныхъ отличій и никакихъ преимуществъ.

Вопросъ о цвѣтномъ слухѣ. Альфреда Бине. Пер. съ французскаго Д. Н. Москва, 1894 г. Цѣна 50 коп. Авторъ въ популярной формѣ дѣлаетъ попытку въ своей брошюрѣ освѣтить этотъ темный вопросъ и насколько возможно подойти къ его разрѣшенію. Примѣровъ проявленія способности „цвѣтного слуха" извѣстно въ литературѣ не мало. Занявшіеся изслѣдованіемъ этой способности спеціалисты высчитываютъ даже въ процентахъ число людей, у которыхъ эта способность выражена болѣе или менѣе; такъ, Блейсеръ и Леманъ говорятъ, что изъ 100 человѣкъ 12 обладаютъ цвѣтнымъ слухомъ, Клапаредъ, изслѣдуя 470 субъектовъ, нашелъ цвѣтной слухъ у 205. Въ прошломъ году появился въ Женевѣ трудъ Флурни, посвященный этому вопросу. Бине въ *Revue Philosophique* 1894 г., кн. 1, далъ о немъ очень обстоятельный отзывъ; по изслѣдованіямъ Флурни, затрогивающимъ и другіе сродные этому вопросы, процентъ субъектовъ, обладающихъ цвѣтнымъ слухомъ, близокъ къ вычисленіямъ Клапареда. Насколько, однако, достовѣрны эти данныя, все-таки, вопросъ весьма существенный. Бине утверждаетъ по этому поводу, что „всякая симуляція... носитъ характеръ индивидуальности: это дѣло одного человѣка, а не массы"; быть можетъ, это и такъ относительно симуляціи умышленной; но въ разрѣшеніи этого вопроса путемъ статистическимъ, изслѣдуя извѣстную группу людей, опрашивая ихъ и т. д., невольно можетъ вкрасться элементъ симуляціи неумышленной, элементъ самовнушенія, подрывающій, по нашему мнѣнію, всякую достовѣрность этихъ цифровыхъ выкладокъ. Несомнѣнно, что способность цвѣтного слуха, какъ проявленіе облегченной ассоціаціи звуковыхъ представленій съ свѣтовыми, дѣйствительно можетъ наблюдаться. Весь процессъ таинственнаго начала, развитія и упроченія этихъ ассоціацій прекрасно изображенъ и очень тонко анализированъ въ извѣстномъ этюдѣ г. Короленка *Слѣпой музыкантъ*. По нашему мнѣнію, исходная точка, взятая г. Короленкомъ: „всѣ эти уходящія въ безконечную даль минувшаго живыя звенья, такъ или иначе откликавшіяся всею своею организаціей на свѣтовыя впечатлѣнія, передали ему и эту внутреннюю способность...",—эта точка значительно ближе къ истинѣ, чѣмъ толкованія Бине. Послѣдній видитъ въ проявленіи цвѣтного слуха нѣчто общее съ галлюцинаціями и навязчивыми представленіями, возникающими въ періодѣ ранняго дѣтства (печатаніе буквъ разными красками въ азбукахъ и т. п.), путемъ созвучій, случайности; авторъ на основаніи этого считаетъ цвѣтной слухъ явленіемъ анормальнымъ, встрѣчающимся, главнымъ образомъ, у людей съ сильно развитою зрительною памятью... Во всякомъ случаѣ, предлагаемая брошюра прочтется съ интересомъ, не еводъ безупреченъ, внѣшность изданія не оставляетъ желать лучш ·о.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Общедоступное руководство для борьбы съ огнемъ". *А. А. Прессо.*

Общедоступное руководство для борьбы съ огнемъ. Составилъ инженеръ-технологъ А. А. Прессъ. Съ 79 чертежами въ текстѣ. Книга удостоена преміи князя А. Д. Львова на всероссійской пожарной выставкѣ, бывшей въ С.-Петербургѣ въ 1892 году. Цѣна 1 р. 75 коп. Предупреждать болѣзни легче, чѣмъ ихъ лечить. То же самое можно сказать и о пожарахъ. Предупреждать ихъ легче, чѣмъ гасить. Всякаго рода эпидеміи появляются временами, свирѣпствуютъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и затѣмъ, все-таки, прекращаются, исчезаютъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Пожары—это та же болѣзнь человѣческихъ обществъ, болѣзнь тяжелая, изнурительная, подкашивающая благосостояніе цѣлыхъ городовъ и поселеній. Болѣзнь эта тѣмъ болѣе ужасна, что никогда не прекращается и свирѣпствуетъ повсемѣстно и постоянно съ большею или меньшею силой. Подобно тому, какъ для эпидемическихъ болѣзней, и здѣсь замѣчается то общеизвѣстное явленіе, что чѣмъ выше культура даннаго человѣческаго общества, тѣмъ менѣе страдаетъ оно отъ пожаровъ. Но даже и наиболѣе культурныя общества поражаются паникой при видѣ бушующей огненной стихіи, что дѣлаетъ неизбѣжнымъ человѣческія жертвы. Грандіозный пожаръ въ Чикаго въ 1871 году, уничтожившій въ теченіе двухъ дней 20,000 домовъ, стоилъ 250 человѣческихъ жизней. У многихъ еще живы въ памяти подробности пожара на волжскомъ пароходѣ *Вѣра*, гдѣ также погибло болѣе 200 человѣкъ. Послѣдній пожаръ въ Барцелонѣ сопровождался такою подрясающею драмой, которая невольно напоминаетъ ужасы послѣдняго дня Помпеи.

Пожарныя бѣдствія происходятъ постоянно и повсемѣстно, свидѣтельствуя о безсиліи человѣскаго генія въ борьбѣ съ огненною стихіей. Тамъ, гдѣ есть огонь, есть и всѣ условія для возникновенія пожара. Для этого часто бываетъ достаточно даже одной искры. А разъ пожаръ начался, борьба съ нимъ становится болѣе, чѣмъ трудной. Ни усовершенствованныя пожарныя машины, ни патентованныя лѣстницы, ни образцовыя пожарныя команды часто не въ состояніи предотвратить катастрофы. Суть дѣла, очевидно, здѣсь не столько въ пожарныхъ машинахъ и командахъ, сколько въ народномъ просвѣщеніи. Едва ли съ чѣмъ обращаются такъ небрежно, какъ съ огнемъ. Не только темный людъ, но и такъ называемая интеллигенція поразительно невнимательна и небрежна во всемъ, что касается пожарной безопасности. Въ домашнемъ обиходѣ всѣ возбудители пожара всегда налицо. Это—спички, закуренная папироска, зажженная свѣчка или керосиновая лампа, бензиновая или керосиновая печь и, наконецъ, топка въ комнатныхъ печахъ. Если мы серьезно и внимательно будемъ слѣдить за каждымъ изъ этихъ обычныхъ источниковъ огня, то возникновеніе пожаровъ [illegible]лается невозможнымъ. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ повсюду [illegible]ающую халатность по отношенію къ этимъ обычнымъ производите[illegible]ъ пожаровъ. Спички и окурки бросаются всюду непогашенными, ла[illegible]ы задуваются сверху при полномъ пламени, бензинъ подносится къ о[illegible]о, керосинъ наливается около горящей свѣчки и т. п. Невѣжество[illegible]ъ этомъ отношеніи изумительное. Трудно повѣрить, наприм., что обр[illegible]о-ванный человѣкъ чиститъ перчатки бензиномъ около заженной [illegible]ки

и, вслѣдствіе этого, самъ дѣлается жертвою своей поразительной неосторожности.

Намъ казалось бы, что для борьбы съ пожарами, прежде всего, необходимо провести въ народныя массы, начиная съ интеллигенціи, здравыя понятія о причинахъ пожаровъ, объ источникахъ ихъ возникновенія и безопасныхъ пріемахъ при обращеніи съ огнемъ. Знаменитый пожаръ на пароходѣ Зевеке былъ замѣченъ только тогда, когда отъ воспламенившагося хлопка загорѣлся уже корпусъ, какъ будто все это могло совершиться моментально. Несомнѣнно сначала было тлѣніе, распространялся дымъ, запахъ гари, но на это никто своевременно не обратилъ вниманія. И здѣсь какое-то фатальное равнодушіе пассажировъ сдѣлало катастрофу неизбѣжной.

Книга инженеръ-технолога Пресса представляетъ собою первую и, надо сказать, довольно удачную попытку дать общедоступное руководство для борьбы съ пожарами. Книга ни по цѣнѣ, ни по изложенію недоступна для народа, но и надо начать съ просвѣщенія образованнаго класса, а потомъ уже, при его содѣйствіи, можно и должно обратиться съ подходящимъ руководствомъ къ нашей бѣдной деревнѣ, едва ли не болѣе всего страдающей отъ „краснаго пѣтуха“. Хотя статистика пожаровъ очень мало у насъ разработана и причины ихъ часто остаются совершенно невыясненными, тѣмъ не менѣе, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, причины эти сводятся къ небрежному обращенію съ огнемъ. Поджоги, все-таки, кажется, составляютъ незначительный сравнительно процентъ пожаровъ.

Въ 1-й главѣ указаны причины возникновенія и распространенія пожаровъ, во 2-й—разсматриваются предупредительныя мѣры и средства борьбы съ огнемъ. Глава 3-я посвящена мѣрамъ и средствамъ оборонительнымъ. Главными причинами, обусловливающими возникновеніе пожаровъ, авторъ считаетъ: неосторожное обращеніе съ огнемъ и огненными веществами, неправильное устройство и неисправное содержаніе топокъ и дымовыхъ трубъ, керосиновое освѣщеніе, молніи, взрывы и самовозгораніе. Вообще о причинахъ пожаровъ авторъ говоритъ очень кратко, ограничиваясь только самымъ бѣглымъ ихъ обзоромъ. Болѣе подробно онъ разсматриваетъ предупредительныя мѣры и средства борьбы съ огнемъ, въ особенности же значеніе различныхъ строительныхъ матеріаловъ въ пожарномъ отношеніи, разнаго рода экономическія постройки, несгораемыя дешевыя крыши; далѣе слѣдуютъ антипожарныя средства при устройствѣ зданій, отопленіе и освѣщеніе, громоотводы, примѣненіе огнеупорныхъ составовъ и способы храненія самовозгорающихся, легковоспламеняющихся и взрывчатыхъ веществъ. Наконецъ, въ 3-й и самой обширной главѣ указаны: огнегасительныя вещества, домашнія средства для борьбы съ незначительными пожарами, устройство водохранилищъ, организація пожарной помощи, различныя пожарныя приспособленія (бочки, пожарныя трубы, рукава, лѣстницы и т. п.) и, наконецъ, мѣры, обезпечивающія безопасность людей во в[illegible]мя пожаровъ. Въ приложеніи приведены обязательныя правила новг[illegible]родскаго земскаго собранія о мѣрахъ предосторожности противъ пожаровъ и о возведеніи построекъ въ селеніяхъ; правила относительно и[illegible]пытанія, перевозки, храненія и продажи минеральныхъ маслъ, нефти и продуктовъ ея перегонки, а также относительно устройства помѣщенія для ихъ храненія.

Въ заключеніе сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу нѣкоторыхъ ч[illegible]ностей. Намъ кажется, что авторъ удѣлилъ слишкомъ много мѣста

пожарнымъ командамъ и разнымъ пожарнымъ приспособленіямъ въ прямой ущербъ тѣмъ главамъ, которыя представляютъ наибольшій интересъ и въ которыхъ, казалось бы, долженъ былъ лежать центръ тяжести всего труда. Это первыя двѣ главы, трактующія о причинахъ пожаровъ и о средствахъ ихъ предупрежденія. Организація пожарныхъ командъ во всѣхъ подробностяхъ съ указаніемъ разныхъ системъ пожарныхъ трубъ и даже ихъ деталей составляетъ слишкомъ спеціальный вопросъ. Эта часть изложена столь подробно, что пожарныя трубы, наприм., представлены въ чертежахъ, причемъ приведены даже конструктивныя данныя о размѣрахъ цилиндровъ, о количествѣ выбрасываемой воды и т. п. Мы не хотимъ сказать, что свѣдѣнія эти излишни, но думаемъ, что по характеру сочиненія слѣдовало бы всѣ отдѣлы развить пропорціонально ихъ значенію, то-есть изложить главы II и въ особенности I болѣе обстоятельно. Наприм., керосиновой лампѣ авторъ удѣлилъ слишкомъ мало вниманія, ограничившись очень бѣглыми замѣчаніями и лаконическими наставленіями относительно ухода и обращенія съ нею. Здѣсь было бы, кажется, умѣстно помѣстить чертежъ, объясняющій устройство лампы и указывающій опасныя ея части. Конечно, керосиновая лампа у всякаго передъ глазами. Но многіе ли знаютъ, отчего и какъ именно происходятъ отъ нея пожары? Еще меньше говоритъ авторъ о газовомъ освѣщеніи, а о бензинѣ почти совсѣмъ умалчиваетъ. Слѣдовало бы также сказать что-нибудь о пожарной безопасности театровъ и болѣе подробно остановиться на мѣрахъ спасанія людей во время пожаровъ. Всѣ вопросы авторъ разсматриваетъ, такъ сказать, вообще, предоставляя образованному читателю самому разобраться въ предлагаемомъ матеріалѣ. Во всякомъ случаѣ, книга г. Пресса заслуживаетъ полнаго вниманія.

УЧЕБНИКИ.

„Географическія имена“. *Н. И. Березина.* — „Мертвыя души“ Н. В. Гоголя“. *С. Бураковскаго.* — „Федонъ“. *Платона.* — „Руководство къ обученію слѣпыхъ чтенію и письму по выпуклымъ точечнымъ буквамъ Брайля“. *В. Рязанцева.* — „Дифференціальное и интегральное исчисленіе съ приложеніями къ анализу и геометріи“. *А. Пароменскаго.*

Географическія имена. Объясненіе ихъ въ связи съ исторіей открытій. Пособіе для учителей географіи. Н. И. Березина. Выпускъ I. Австралія, Африка, Америка, Азія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. Цѣль книжки, очевидная изъ заголовка и далѣе болѣе подробно разъясненная въ предисловіи, сама по себѣ заслуживаетъ вниманія. Дѣйствительно, „географическое названіе,—какъ справедливо замѣчаетъ составитель,—въ большинствѣ случаевъ, характерно для того объекта, къ которому оно относится“ (*Предисловіе*), и если непонятное названіе, послѣ объясненія со стороны учителя, представится воображенію ребенка въ видѣ опредѣленнаго образа, а не отвлеченнаго понятія, то запечатлѣется въ памяти, несомнѣнно, тверже. Такимъ образомъ, вопросъ заключается только въ степени живости и образности тѣхъ представленій, какія можно получить изъ книжки г. Березина. Что касается историческихъ описаній открытій, имѣющихъ связь съ географическими именами, то они не удовлетворяютъ поставленному требованію: они не только незначительны по своему количеству, но и ограничиваются, главнымъ образомъ, хронологіей и именами путешественни-

сдѣлавшихъ тѣ или иныя открытія. Примѣрами въ этомъ отношеніи могутъ служить историческія объясненія озера *Танганьика* (стр. 32), города *Асунсіонъ* (стр. 72) и мног. друг. Лучше удались г. Березину самыя объясненія географическихъ названій, изъ которыхъ временами учитель можетъ извлечь кое-что для пользы учащихся; однако, и здѣсь весьма часто встрѣчаются существенные пробѣлы. Если бы, наприм., учитель повторилъ передъ учащимся вслѣдъ за г. Березинымъ, что „оз. *Гокча*, Гёгчай, въ древности Гёгаме и Гёгаркуни, у армянъ называется Севанга“ (стр. 120), и не прибавилъ бы больше ничего, какъ это дѣлаетъ тотъ же г. Березинъ, то лучше бы ему уже не давать никакихъ объясненій, такъ какъ учащійся все равно ничего не только не запомнитъ, но и не поймете. Точно также, какая ассоціація возникнетъ въ головѣ учащагося, когда онъ узнаетъ, что „р. Уругвай на языкѣ гуарани означаетъ пѣтушій хвостъ“ (стр. 70), и не будетъ ли похоже подобное заучиваніе названій на безсмысленное затверживаніе иностранныхъ словъ по лексикону?

Но, повторяемъ, разобравшись въ матеріалѣ пособія г. Березина, учитель, все-таки, найдетъ здѣсь не одно полезное свѣдѣніе. Правда, быть можетъ, другія болѣе наглядныя пособія, въ видѣ ли картинокъ или моделей, были бы цѣлесообразнѣе, но, за недостаткомъ ихъ, и разбираемой книжкѣ можно пожелать распространенія.

Мертвыя души. Н. В. Гоголя. Разборъ поэмы для учащихся. Составилъ С. Бураковскій. Изданіе третье. Новгородъ, 1894 г. Ц. 40 коп. Когда книга, предназначаемая для школы, выходитъ 3 изданіемъ, это доказываетъ, что она полезна и въ ней ощущается нужда. Только что сдѣланное замѣчаніе, конечно, не новость, однако, не новость и то, что отъ 3 изданія позволительно и, пожалуй, необходимо требовать улучшеній и дополненій; между тѣмъ, г. Бураковскій ровно ничего не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи. Мы по-старому встрѣчаемъ въ 3 его изданіи разбора *Мертвыхъ душъ* тотъ же пересказъ знаменитаго произведенія Гоголя, тѣ же характеристики героя и помѣщиковъ, то же разсмотрѣніе идеи и общаго плана поэмы, тотъ же перечень лирическихъ отступленій, тѣ же замѣчанія относительно языка и, наконецъ, тѣ же ссылки на Стоюнина, Бѣлинскаго, Плетнева и Шевырева. Все это вполнѣ умѣстно, но въ этомъ нѣтъ ничего новаго сравнительно съ прежними изданіями, и если прежнія изданія должны были считаться составленными не только добросовѣстно, но и талантливо, въ 3 изданіи читатель вправѣ искать усовершенствованій. Беремъ для примѣра изложеніе содержанія *Мертвыхъ душъ*. Мы раздѣляемъ мысль г. Бураковскаго, которую предположить весьма естественно, что при разборѣ образцоваго произведенія очень важно разсказать его содержаніе: надо большое умѣнье, чтобы выбрать изъ произведенія самое существенное и оттѣнить его характерными подробностями и мелочами; только отъ такой передачи можетъ получиться у читателя истинное пониманіе произведенія. Однако, какъ ни хорошо разсказаны *Мертвыя души* г. Бураковскимъ, въ этомъ разсказѣ возможны улучшенія. Отчего, наприм., составитель разсматриваемой книжки совсѣмъ не упоминаетъ о дѣтяхъ Манилова, опускаетъ обстоятельства водворенія Чичикова у Коробочки и проч.? Далѣе, г. Бураковскій напрасно пренебрегаетъ подробностями біографіи Гоголя, имѣющими отношеніе къ *Мертвымъ душамъ*, и мало сближаетъ ихъ съ самою поэмой. Его книжка выиграла бы, наконецъ, если бы къ мнѣніямъ Бѣлинскаго, Стоюнина и друг. авторъ прибавилъ мнѣнія позднѣйшихъ изслѣдователей,

и изъ изданія покойнаго Тихонравова онъ могъ бы извлечь чрезвычайно важныя указанія.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, такимъ образомъ, что если книжка г. Бураковскаго хороша, она могла бы быть и еще лучше,—другими словами, если г. Бураковскій доказалъ уже свою способность являться на помощь учащимся русской словесности и литературѣ, то напрасно онъ не изощряетъ этой своей способности и не даетъ больше сравнительно съ тѣмъ, что онъ уже далъ.

Федонъ. Діалогъ объ идеѣ „безсмертіе" философа классической древности Платона. Со введеніемъ, предисловіемъ и примѣчаніями Н. Виноградова, преподавателя виѳанской духовной семинаріи. Москва, 1892 г. Цѣна 60 коп. Въ „Библіографическомъ отдѣлѣ" *Русской Мысли* за 1893 годъ два раза давались отзывы о переводахъ г. Виноградова. Тогда это были рѣчи Демосѳена *О вѣнкѣ* и *За Ктесифонта*, сейчасъ же передъ нами третій переводъ того же г. Виноградова, причемъ на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ діалогомъ Платона *Федонъ*. Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что *Федонъ* Платона переведенъ раньше рѣчей Демосѳена; если и послѣднія въ переводѣ г. Виноградова не могутъ похвалиться какими-либо достоинствами, то первый тѣмъ болѣе. Какъ и въ переводахъ рѣчей Демосѳена, въ переводѣ *Федона* мы встрѣчаемъ вовсе непонятныя мѣста, вродѣ, напримѣръ, слѣдующаго: „Такова дѣйствительно отъ природы вся земля въ цѣломъ вмѣстѣ съ ея окружностями" (стр. 93) или вродѣ слѣдующаго: „То, что я, Критонъ, постоянно говорю тебѣ, ничуть не ново, именно, что вы, если будете заботиться сами о себѣ, то и для меня, и для моихъ сыновей, и для васъ самихъ будете благопріятны чрезъ то, что вы будете дѣлать, хотя бы вы теперь и не обѣщались" (стр. 98). Но этого мало: изъ введенія и предисловія къ переводу *Федона* мы можемъ убѣдиться, что г. Виноградовъ въ своихъ переводахъ отличается своеобразною манерой выражать мысли. Такъ, въ предисловіи онъ выдумываетъ слово „значимость", а въ введеніи, между прочимъ, говоритъ: „Поелику же душа безсмертна, то ею никакъ нельзя пренебрегать не только въ настоящей жизни, но и въ будущей" (стр. 6). Интересно бы знать, что именно хочетъ сказать только что приведеннымъ предложеніемъ г. Виноградовъ, и какъ удалось ему добыть такую мысль у „философа классической древности", какъ онъ называетъ Платона? Во всякомъ случаѣ, на основаніи подобныхъ образцовъ стиля г. Виноградова, можно придти къ заключенію, что онъ сдѣлалъ бы очень хорошо, если бы вовсе пересталъ и переводить, и снабжать свои переводы и введеніями, и предисловіями.

Руководство къ обученію слѣпыхъ чтенію и письму по выпуклымъ точечнымъ буквамъ Брайля. Съ приложеніемъ „Азбуки" Брайля и рисунка классной доски. Посвящается родителямъ, учителямъ и учительницамъ начальныхъ народныхъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ. Составилъ В. Рязанцевъ. Казань, 1893 г. Цѣна 30 коп. съ пересылкой. Цѣль настоящей книги, какъ опредѣляетъ ее самъ составитель, „во-первыхъ, ознакомить родителей, учителей и учительницъ и вообще лицъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ слѣпымъ дѣтямъ, съ обученіемъ ихъ чтенію и письму по выпуклымъ точечнымъ буквамъ Брайля и, во-вторыхъ, дать при прохожденіи такого алфавита матеріалъ для чтенія и письма" (*Предисл.*, стр. [illegible]). Другими словами, г. Рязанцевъ желаетъ популяризировать способъ обученія грамотѣ слѣпыхъ среди лицъ, незнакомыхъ спеціально съ [illegible]

дѣломъ, хотя и заинтересованныхъ въ немъ. Нельзя не сочувствовать подобному намѣренію, тѣмъ болѣе, чт количество слѣпыхъ, не имѣющихъ возможности попасть въ соотвѣтствующую школу, въ Россіи весьма значительно.

Въ началѣ книги помѣщены небезполезныя свѣдѣнія о современномъ положеніи существующихъ учрежденій для слѣпыхъ дѣтей, далѣе же идутъ подробныя методическія указанія къ обученію слѣпыхъ чтенію и письму. Въ послѣднемъ отдѣлѣ составитель распространяется о программѣ этого обученія и, кромѣ того, даетъ понятіе о приборахъ для знакомства съ алфавитомъ, объ упражненіяхъ въ развитіи осязанія слѣпыми знаковъ, о способѣ ознакомленія ихъ со звукомъ и словомъ и, наконецъ, предлагаетъ краткій конспектъ занятій при прохожденіи всей азбуки. Но, къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти изложены далеко не полно, и, притомъ, не всѣ они достаточно обоснованы. Отсылаемъ, наприм., читателей на страницы 14, 15 и слѣд., гдѣ въ §, подъ названіемъ: „Понятіе о звукѣ", г. Рязанцевъ слишкомъ злоупотребляетъ довольно извѣстнымъ пріемомъ отыскиванія звуковъ изъ самой природы. Къ числу недостатковъ же слѣдуетъ отнести чрезвычайно малый запасъ интересныхъ статей для первоначальнаго чтенія. Что касается цѣны книги, то она кажется намъ довольно скромной.

Дифференціальное и интегральное исчисленіе съ приложеніями къ анализу и геометріи. Состав. А. Пароменскій. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. Русская литература учебниковъ по дифференціальному и интегральному исчисленіямъ не можетъ назваться бѣдною. Начавшись въ концѣ прошлаго столѣтія съ сочиненій Петра Гиларовскаго (1796) и Александра Барсова (1797), она представлялась частью переводами лучшихъ иностранныхъ сочиненій вродѣ Кузеня (1801), Безу (1801), Базена (1819), Лакруа (1822), Франкера (1824), Бушарля (1829), Коши (1831) и др., частью оригинальными сочиненіями русскихъ ученыхъ: Рохманова (1810), Гурьева (1811), Фусса (1812), Перевощикова (1827), Зернова (1842) и др. Изъ вышедшихъ въ послѣднія 30 лѣтъ какъ болѣе замѣчательные слѣдуетъ назвать: Курсы анализа: Дюгамеля, Штурма (1868 и 1885), Серре, Тоттгентера и Хандрикова (1887); курсы интегральнаго исчисленія Алексѣева и Поссе; записки по дифференціальному и интегральному исчисленію Рощина (1888); курсъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія Тихомандрицкаго (1891), наконецъ, сборники задачъ по предмету тѣхъ же исчисленій: Хмырова, Зонке, Войтинскаго. При такомъ относительномъ богатствѣ учебной литературы предмета появленіе новаго труда въ ея области можетъ быть привѣтствовано только въ томъ случаѣ, когда этотъ трудъ не представляетъ простую передѣлку уже существующихъ работъ, но вноситъ въ установившуюся систему изученія предмета какія-нибудь существенныя оригинальныя усовершенствованія. Усовершенствованій подобнаго рода требуетъ, напримѣръ, изложеніе даже такихъ основныхъ понятій высшаго анализа, какъ безконечно-малое или предѣлъ. Начинающій, которому они обыкновенно преподносятся въ своемъ непосредственномъ видѣ безъ изложенія предварительныхъ свѣдѣній, имѣющихъ цѣлью постепенное ознакомленіе съ природою и сущностью предмета, приходитъ при ознакомленіи съ ними въ большое смущеніе и даже замѣшательство. Смутно чувствуя необходимость скорѣе вывести его изъ такого неудобнаго положенія, авторы спѣшатъ обыкновенно иллюстрировать свое изложеніе геометрическими соображеніями, представляя дифференціальныя частныя въ ихъ отношеніяхъ къ кри-

вымъ линіямъ. Если и нельзя отрицать, что, благодаря этому пріему, начинающій дѣйствительно научается видѣть, что разсматриваемый предметъ является и на дѣлѣ такимъ же, какъ въ изложеніи, то, съ другой стороны, нельзя и не замѣтить, что онъ, все-таки, не выноситъ твердаго внутренняго убѣжденія въ томъ, что дѣло должно происходить непремѣнно такъ, а не иначе. Не вдаваясь въ подробныя разсужденія по вопросу о средствахъ, которыми можетъ быть достигнуто усовершенствованіе изложенія въ разсматриваемомъ случаѣ, мы замѣтимъ только, что, по нашему мнѣнію, такихъ средствъ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ подобныхъ другихъ, можетъ быть только одно, именно—историческое изложеніе развитія предмета. Затѣмъ не безполезно указать также, что сознаніе необходимости разсматриваемаго усовершенствованія не ново: оно выражалось уже не только въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ заявленіяхъ, но и въ прямыхъ попыткахъ, вродѣ трехъ посвященныхъ введенію въ дифференціальное и интегральное исчисленія лекцій Виттштейна (*Vittstein*: „Drei Vorlesungen und Integralrechnung". Hannover, 1851).

Обращаясь послѣ этихъ общихъ замѣчаній къ разсмотрѣнію сочиненія г. Пароменскаго съ устанавливаемой имъ точки зрѣнія, мы находимъ, прежде всего, что во всей объемистой книгѣ нѣтъ ни малѣйшаго проблеска оригинальной мысли, не замѣчается даже слѣда самостоятельнаго отношенія къ предмету. И въ общемъ планѣ сочиненія, и въ содержаніи его отдѣльныхъ статей читатель не найдетъ ничего, кромѣ простаго воспроизведенія изложеннаго въ томъ или другомъ изъ существующихъ по тому же предмету сочиненій.

Планъ, которому слѣдуетъ авторъ, выражается въ дѣленіи „курса" предмета на слѣдующіе пять отдѣловъ: 1) введеніе въ дифференціальное и интегральное исчисленія, 2) дифференціальное исчисленіе, 3) интегральное исчисленіе, 4) приложенія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій къ анализу и 5) приложенія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій къ геометріи. Въ большинствѣ учебниковъ высшаго анализа, и, притомъ, въ лучшихъ между современными, аналитическія и геометрическія приложенія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій не отдѣляются отъ изложенія послѣднихъ, составляя съ ними одно нераздѣльное цѣлое. Перенесеніе этихъ приложеній (и, притомъ, геометрическихъ чаще, чѣмъ аналитическихъ) въ особые отдѣлы встрѣчается въ меньшинствѣ учебниковъ. Несмотря на то, что это перенесеніе производитъ съ внѣшней стороны впечатлѣніе большей стройности, оно не можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія интересовъ начинающихъ читателей. Такое авторитетное лицо въ разсматриваемой области, какъ Лагранжъ, на основаніи наблюденій надъ самимъ собою и надъ своими слушателями говоритъ, что учиться анализу слѣдуетъ, главнымъ образомъ, на приложеніяхъ. Въ трактатахъ же, ему спеціально посвященныхъ, передъ глазами начинающаго проходитъ слишкомъ много методовъ, чтобы можно было съ успѣхомъ овладѣть ими. Въ виду этого, можно только сказать, что чѣмъ скорѣе начи ющій знакомится съ приложеніями, тѣмъ лучше. Такъ какъ безъ о вательнаго усвоенія дифференціальнаго исчисленія невозможно усп ное прохожденіе интегральнаго, то, прежде чѣмъ перейти къ посл нему, необходимо занять начинающаго изученіемъ аналитическихъ и геометрическихъ приложеній дифференціальнаго исчисленія. Также ія усвоенія интегральнаго исчисленія необходимо непосредственно за го

изложеніемъ остановить начинающаго на изученіи приложеній только одного этого исчисленія.

Даже поверхностнаго сравненія достаточно, чтобы видѣть, что содержаніе статей въ книгѣ г. Пароменскаго ничѣмъ не отличается отъ содержанія такихъ же статей въ другихъ курсахъ высшаго анализа. Изложеніе автора является, поэтому, не болѣе, какъ простымъ пересказомъ „своими словами“ содержанія другихъ курсовъ. Но и при такомъ ограниченіи авторомъ своей задачи нельзя, къ сожалѣнію, сказать, чтобы она была хорошо исполнена. Между даваемыми авторомъ опредѣленіями и излагаемыми имъ предложеніями встрѣчаются поражающія по своей неточности и даже невѣрности. Вотъ, напримѣръ, какъ опредѣляетъ авторъ показательную функцію: „функціи показательныя, когда перемѣнныя входятъ въ степени“ (стр. 9). Слѣдовало сказать: „входятъ въ показатели степеней“; иначе окажется, что и x^m есть показательная функція. Примѣромъ неправильнаго изложенія предложеній можно взять слѣдующее: „двѣ перемѣнныя, *остающіяся равными при всѣхъ значеніяхъ переменныхъ независимыхъ*, стремятся къ одному и тому же предмету“ (стр. 11). Слѣдовало сказать: „при всѣхъ однихъ и тѣхъ же значеніяхъ перемѣнныхъ независимыхъ“; по изложенію же автора выходитъ, что разсматриваемыя имъ перемѣнныя величины всегда сохраняютъ одно и то же значеніе, или, другими словами, что онѣ постоянны. Нельзя не указать также, что обращеніе автора съ русскимъ литературнымъ языкомъ болѣе, чѣмъ безцеремонно. Нисколько не стѣсняясь и, въ сущности, безъ всякой надобности, строитъ онъ новыя неуклюжія слова вродѣ „великость“, „малость“, „разнопорядковыя“ и пр. и вводитъ въ научную терминологію неправильныя выраженія народной рѣчи вродѣ употребленія предлога „объ“ въ значеніи „съ“ Такъ, авторъ говоритъ постоянно: „функція *объ* одной перемѣнной независимой“, „функція *о* двухъ перемѣнныхъ независимыхъ“, вмѣсто того, чтобы пользоваться общепринятыми и давно установленными въ наукѣ выраженіями „функція: отъ одной (или съ одной) перемѣнной независимой“, „функція отъ двухъ перемѣнныхъ независимыхъ или съ двумя перемѣнными независимыми“. Иногда авторъ употребляетъ слова не въ принадлежащемъ имъ смыслѣ, вслѣдствіе чего выходятъ такіе курьезы, какъ обращеніе, вопреки смыслу и прямымъ намѣреніямъ автора, страдательнаго предмета въ дѣйствующій, какъ, напримѣръ, въ выраженіи: „одной изъ двухъ перемѣнныхъ, связанныхъ уравненіемъ, мы можемъ *задавать* (слѣдовало сказать *давать*) совершенно произвольныя частныя значенія“. Если къ сказанному прибавить еще указаніе на нерѣдко встрѣчающіяся неисправленныя опечатки, то, полагаемъ, составится довольно полное понятіе о томъ, что такое книга г. Пароменскаго со стороны ея литературной и стилистической обработки.

Какъ и большинство другихъ курсовъ высшаго анализа, разсматриваемый курсъ „предназначался“ авторомъ въ руководство для начи ющихъ. Приписывая себѣ одному „стараніе придерживаться болѣе н гляднаго, элементарнаго, метода, сравнительно съ методами, обыкн венно принятыми въ курсахъ высшаго анализа“ и несправедливо отр цая этими словами то же стараніе у другихъ, авторъ совершенно у ускаетъ изъ виду позаботиться о томъ, что всегда озабочивало авторъ, ясно сознающихъ свою задачу и средства ея исполненія, именно о совмѣщеніи полноты содержанія съ краткостью и ясностью изложен ". Чтобы показать, насколько чужда была автору эта забота, сравнимъ

размѣры его книги съ размѣрами соотвѣтствующихъ частей такихъ общераспространенныхъ, вслѣдствіе своей особенной пригодности для начинающихъ, курсовъ, какъ курсы Дюгамеля и Штурма. То, что у г. Пароменскаго занимаетъ 426 стр. in 8° большого формата, помѣщено у Дюгамеля на 311 стр., а у Штурма, при несравненно большей полнотѣ содержанія всѣхъ статей, и въ особенности статьи о геометрическихъ приложеніяхъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія, на 457 стр. in 8° малаго формата. Невыгодность впечатлѣнія, производимаго книгою г. Пароменскаго при этомъ сравненіи, впрочемъ, нѣсколько уменьшится, если принять во вниманіе, что около 87 страницъ занято въ ней примѣрами для упражненій. Но здѣсь не можетъ быть не поднятъ вопросъ объ умѣстности введенія этихъ примѣровъ въ курсъ вообще и въ такомъ большомъ количествѣ въ частности. Противъ такого введенія нельзя возражать только въ тѣхъ отдѣлахъ и отрасляхъ математики, литература которыхъ еще не располагаетъ отдѣльными сборниками задачъ. Тамъ же, гдѣ такіе сборники имѣются, да еще въ столь большомъ количествѣ, какъ въ области литературы дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій, на введеніе въ курсы собранія задачъ можно смотрѣть только какъ на совершенно нежелательное смѣшеніе задачъ двухъ родовъ учебно-литературныхъ произведеній, имѣющихъ каждый свою рѣзко очерченную область и призванныхъ не вытѣснять другъ друга, а, напротивъ, взаимнымъ содѣйствіемъ облегчать начинающему изученіе науки. Дѣйствительно, помѣщая собраніе задачъ на ряду съ изложеніемъ предмета, авторъ рискуетъ принести вредъ какъ своимъ непосредственнымъ задачамъ, если не причислять къ нимъ стремленіе къ увеличенію размѣровъ составляемой книги, такъ и самому существованію сборниковъ задачъ, какъ отдѣльной отрасли литературы, вслѣдствіе уменьшенія ихъ сбыта на книжномъ рынкѣ и возникающихъ отсюда матеріальныхъ затрудненій. Послѣднее очевидно, на первомъ же стоитъ остановиться. Вредъ, приносимый въ этомъ случаѣ авторомъ, состоитъ въ томъ, что онъ отвлекаетъ своего начинающаго читателя отъ пользованія сборникомъ задачъ, гдѣ тотъ могъ бы найти ихъ въ большомъ количествѣ и, что еще важнѣе, выбранными и расположенными на основаніи соображеній и принциповъ, выработанныхъ долговременною спеціализаціей дѣла и осуществимыхъ въ полной мѣрѣ только при условіи этой спеціализаціи. Но этого мало. Не употребляя сборникъ задачъ, начинающій лишается возможности научиться наиболѣе выгодному пользованію имъ въ будущемъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, теряетъ случай ознакомиться съ тѣми особенными пріемами и средствами рѣшенія задачъ, разработка и изложеніе которыхъ не входятъ въ рамки учебника и составляютъ спеціальную задачу сборника задачъ. Только въ одномъ случаѣ, въ виду всего сказаннаго, можетъ быть допущено помѣщеніе собранія задачъ въ учебникѣ, именно когда этотъ послѣдній, благодаря оригинальности взглядовъ автора, настолько отступаетъ отъ принятой системы изложенія предмета, что выборъ, согласно его плану, задачъ изъ сборниковъ, приспособленны къ этой системѣ, представлялъ бы начинающимъ болѣе или менѣе з чительныя затрудненія. Тамъ же, гдѣ нѣтъ даже и намека на ори нальность, гдѣ поэтому автору приходится переносить задачи изъ сб ника въ свою книгу безъ измѣненій, тамъ это не можетъ считат позволительнымъ даже и въ томъ случаѣ, когда дѣлается, какъ имѣло мѣсто при составленіи книги г. Пароменскаго (см. *Придисло*

стр. II), „съ любезнаго разрѣшенія самого автора“ (г. Войтинскаго) задачника.

Въ заключеніе не безполезно коснуться общаго вопроса: какъ слѣдуетъ относиться къ появленію книгъ, не вносящихъ съ собою ничего новаго и не вызываемыхъ никакою особенною потребностью, короче— книгъ совершенно лишнихъ? Обыкновенно смотрятъ на это снисходительно, видя въ появленіи такихъ книгъ выраженіе преуспѣянія литературы и основаніе для оптимистическаго взгляда, что если бы не было плохихъ и ненужныхъ книгъ, то не было бы также и составляющихъ событія. Но такъ смотрѣть на это явленіе умѣстно только въ тѣхъ областяхъ литературы, которыя обезпечены въ матеріальномъ отношеніи. Въ области же чистой науки, и особенно въ нашемъ отечествѣ, гдѣ часто не находится средствъ для изданія трудовъ, пополняющихъ важные пробѣлы научной литературы или являющихся цѣнными въ нее вкладами, такое непроизводительное расходованіе матеріальныхъ средствъ на изданіе совершенно ненужныхъ книгъ по меньшей мѣрѣ неизвинительно.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, *май*.—„Русское Богатство“, *апрѣль*. — „Сѣверный Вѣстникъ“, *май*.—„Міръ Божій“, *май*.

Вѣстникъ Европы, *май*. Одной изъ наиболѣе интересныхъ статей майской книжки *Вѣстника Европы* является статья г. Каренина: *Жоржъ Зандъ и ея біографы*, составляющая главу приготовляемой авторомъ книги о знаменитой писательницѣ. Въ статьѣ этой г. Каренинъ характеризуетъ основныя черты таланта Жоржъ Зандъ и разсказываетъ о томъ громадномъ вліяніи, какое въ 30-хъ и 40-хъ годахъ имѣла Жоржъ Зандъ на европейское и на русское общество. Говорили: *вѣкъ Жоржъ Зандъ*, какъ говорили: *вѣкъ Байрона*. Жоржъ Зандъ была огненная, истинно поэтическая душа, въ теоріи и по убѣжденію противница принципа „искусство для искусства“, по натурѣ и на дѣлѣ — противница объективности и спокойствія. Искусство было для нея формою для пропаганды добра, истины и высшихъ идеаловъ человѣчества. По своимъ убѣжденіямъ она была духовная дочь Ж.-Ж. Руссо. Въ 1844 и 1845 годахъ Жюль Гетцель, писавшій подъ псевдонимомъ П. Ж. Сталя, издалъ литературный сборникъ съ курьезнымъ заглавіемъ: *Le Diable à Paris*. Всѣ лучшія тогдашнія художественныя и литературныя силы участвовали въ немъ. Первая статья сборника, озаглавленная *Coup d'oeil général sur Paris*, принадлежала Жоржъ Зандъ. Въ этой статьѣ выразились всѣ основные мотивы многочисленныхъ художественныхъ произведеній славной писательницы. Статья представляетъ собою страстную филиппику противъ счастья горсти богатыхъ и знатныхъ при всеобщей бѣдности и несчастьѣ остальной массы народа, противъ эксплуатаціи этой массы единичными богачами, противъ капитализма вообще, противъ искусственной городской жизни, сословной вражды и всякой нетерпимости, съ горячимъ призывомъ къ равенству, братству и любви и съ не менѣе горячею надеждой на лучшее будущее.

Много интереснаго сообщаетъ г. Каренинъ о сильномъ вліяніи Жоржъ Зандъ на просвѣщенную часть русскаго общества въ сороковыхъ годахъ и на крупныхъ его представителей: Бѣлинскаго, Тургe-

нева, Салтыкова, Достоевскаго. Бѣлинскій считалъ Жоржъ Зандъ „первою поэтическою славой современнаго міра". Тургеневъ часто вспоминалъ о томъ удивленіи, которое Жоржъ Зандъ возбуждала въ немъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Дружинину онъ говоритъ: „Повѣрьте мнѣ: *Жоржъ Зандъ одна изъ нашихъ святыхъ,*— вы, конечно, поймете, что я хочу сказать этимъ словомъ". И эти слова Тургеневъ написалъ тогда, когда зналъ великую писательницу не по однимъ ея сочиненіямъ, но и лично. „На мою долю,— говоритъ онъ,— выпало счастье личнаго знакомства съ Жоржъ Зандъ,— пожалуйста, не примите этого выраженія за обычную фразу: кто могъ видѣть вблизи это рѣдкое существо, тотъ дѣйствительно долженъ почесть себя счастливымъ. Когда лѣтъ восемь тому назадъ я впервые сблизился съ Жоржъ Зандъ, я уже не поклонялся ей, но невозможно было вступить въ кругъ ея частной жизни и не сдѣлаться ея поклонникомъ въ другомъ, быть можетъ, лучшемъ смыслѣ. Всякій тотчасъ чувствовалъ, что находится въ присутствіи безконечно-щедрой, благоволящей натуры, въ которой все эгоистическое давно и до тла выжжено неугасимымъ пламенемъ поэтическаго энтузіазма, вѣры въ идеалъ, которой все человѣческое было доступно и дорого, отъ которой такъ и вѣяло помощью, участіемъ... И надо всѣмъ этимъ какой-то безсознательный ореолъ, что-то высокое, свободное, героическое..."

О томъ, что значила Жоржъ Зандъ въ исторіи развитія Салтыкова-Щедрина, мы находимъ цѣнныя указанія у самого сатирика. Въ IV главѣ *За рубежомъ* Салтыковъ разсказываетъ слѣдующее: „Я въ то время только что оставилъ школьную скамью и, воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, естественно примкнулъ къ западникамъ. Но не къ большинству западниковъ (единственно авторитетному тогда въ литературѣ), которое занималось популяризованіемъ положеній нѣмецкой философіи, а къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи. Разумѣется, не къ Франціи Луи Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабэ, Фурье, Луи Блана и *въ особенности Жоржъ Зандъ*. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что „золотой вѣкъ" находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное,— все это оттуда".

Самыя горячія, самыя характерныя и прочувствованныя слова,— слова, дышащія благодарностью души, умѣвшей оцѣнить другую душу, сказалъ о Жоржъ-Зандъ Достоевскій. „Появленіе Жоржъ Зандъ въ литературѣ,— говоритъ Достоевскій,— совпадаетъ съ годами моей первой юности, и я очень радъ теперь, что это такъ ужь давно было, потому что теперь, слишкомъ тридцать лѣтъ спустя, можно говорить почти вполнѣ откровенно. Надо замѣтить, что тогда только и были позволены романы; остальное все, чуть не всякая мысль, особенно изъ Франціи, было строжайше запрещено. О, конечно, весьма часто смотрѣть не умѣли, да и откуда бы могли научиться: и Меттернихъ не умѣлъ смотрѣть, не то что наши подражатели. А отому и проскакивали „ужасныя вещи" (наприм., проскочилъ весь Бѣлинскій). Но за то, какъ бы взамѣнъ тому, подъ конецъ особенно, чтобы не ошибиться, стали запрещать почти все сплошь, такъ что кончалось, какъ извѣстно, транспарантами. Но романы, все-таки, долялись и съ начала, и въ срединѣ, и даже въ самомъ концѣ, и гдѣ тутъ-то — и именно на Жоржъ Зандъ — оберегатели дали тогда большого маху... И что же вышло: то, что вторгнулось къ намъ тогда въ

формѣ романа, не только послужило точно также дѣлу, но, можетъ быть, было, напротивъ, еще самою „опасною“ формой по тогдашнему времени, потому что на Рабо-то *), можетъ быть, и не нашлось бы тогда столько охотниковъ, а на Жоржъ Зандъ нашлось ихъ тысячами. Здѣсь надо замѣтить, что и у насъ, несмотря ни на какихъ Липранди и Магницкихъ, еще съ прошлаго столѣтія, всегда тотчасъ же становилось извѣстнымъ о всякомъ интеллектуальномъ движеніи въ Европѣ, и тотчасъ же изъ высшихъ слоевъ нашей интеллекціи передавалось и массѣ хотя чуть-чуть интересующихся и мыслящихъ людей. Точь-въ-точь то же произошло и съ европейскимъ движеніемъ тридцатыхъ годовъ. Объ этомъ огромномъ движеніи европейскихъ литературъ самаго начала тридцатыхъ годовъ у насъ весьма скоро получилось понятіе. Были уже извѣстны имена многихъ ораторовъ, историковъ, трибуновъ, профессоровъ. Даже, хотя отчасти, хоть чуть-чуть извѣстно стало и то, куда клонитъ все это движеніе. И вотъ особенно страстно это движеніе проявлялось въ искусствѣ, въ романѣ, а главнѣйше—у Жоржъ Зандъ... Появилась же она на русскомъ языкѣ примѣрно въ полдвинѣ тридцатыхъ годовъ; жаль, что не помню и не знаю, когда и какое первое произведеніе ея было у насъ переведено; но тѣмъ удивительнѣе должно было быть впечатлѣніе. Я думаю, такъ же, какъ и меня, еще юношу, всѣхъ поразила тогда эта цѣломудренная, высочайшая чистота типовъ и идеаловъ и скромная прелесть строгаго, сдержаннаго тона разсказа... Мнѣ было, я думаю, лѣтъ шестнадцать, когда я прочелъ въ первый разъ ея повѣсть *Ускокъ* — одно изъ прелестнѣйшихъ первоначальныхъ ея произведеній. Я помню, я былъ потомъ въ лихорадкѣ всю ночь. Я думаю, я не ошибусь, если скажу, что Жоржъ Зандъ, по крайней мѣрѣ, по моимъ воспоминаніямъ судя, заняла у насъ сразу чуть не самое первое мѣсто въ ряду цѣлой плеяды новыхъ писателей, тогда вдругъ проявившихся и прогремѣвшихъ по всей Европѣ... я говорю все это не съ точки зрѣнія какой-нибудь критической оцѣнки, а просто-на-просто припоминаю о вкусѣ тогдашней массы русскихъ писателей, о непосредственномъ произведенномъ на нихъ впечатлѣніи. Главное то, что читатель съумѣлъ извлечь даже изъ романовъ все то, отъ чего его такъ тогда оберегали. По крайней мѣрѣ, въ половинѣ сороковыхъ годовъ у насъ даже массѣ читателей было хоть отчасти извѣстно, что Жоржъ Зандъ одна изъ самыхъ яркихъ, строгихъ и правильныхъ представительницъ того разряда тогдашнихъ западныхъ новыхъ людей, явившихся и начавшихъ прямымъ отрицаніемъ тѣхъ „положительныхъ“ пріобрѣтеній, которыми закончила свою дѣятельность кровавая французская (а вѣрнѣе—европейская) революція конца прошлаго столѣтія... вдругъ возникло новое слово и раздались новыя надежды; явились люди, прямо возглашавшіе, что дѣло остановилось напрасно и неправильно, что ничего не достигнуто политическою смѣной побѣдителей, что дѣло надобно продолжать, что обновленіе человѣчества должно быть радикальное, соціальное. О, конечно, явилось рядомъ съ этими возгласами и множество самыхъ пагубныхъ и самыхъ уродливыхъ заключеній, но главное было въ томъ, что засвѣтилась опять надежда и опять начала возрождаться вѣра. Исторія этого движенія извѣстна,—оно продолжается до сихъ поръ и, кажется, вовсе не намѣрено останавливаться. Я вовсе

*) Намекъ на стихотв. Давыдова:

„Томы Пьера и Рабо
Онъ на память знаетъ...

не намѣренъ говорить ни за, ни противъ него, но я лишь желалъ обозначить настоящее мѣсто Жоржъ Зандъ въ этомъ движеніи. Ея мѣсто надо искать въ самомъ началѣ его. Тогда, встрѣчая ее, въ Европѣ говорили, что она проповѣдуетъ новое положеніе женщины и пророчествуетъ о „правахъ свободной жены“ (выраженіе про нее Сенковскаго), но это не совсѣмъ было вѣрно, ибо она проповѣдывала вовсе не объ одной только женщинѣ и не изобрѣтала никакой „свободной жены“. Жоржъ Зандъ принадлежала всему движенію, а не одной лишь проповѣди о правахъ женщины“.

Указавъ на то, что, какъ женщина, Жоржъ Зандъ, правда, любила больше „выставлять героинь, а не героевъ“, и что это должно бы было вызвать къ ней особую симпатію женщинъ всего міра, особое ихъ горе по поводу ея смерти, Достоевскій называетъ ее одною „изъ самыхъ высшихъ и прекрасныхъ представительницъ“ женщинъ и, кромѣ того, женщиной почти „небывалой по силѣ ума и таланта, именемъ, ставшимъ историческимъ, именемъ, которому не суждено забываться и исчезнуть среди европейскаго человѣчества“. Затѣмъ, разобравъ главные типы дѣвушекъ и женщинъ въ такъ называемыхъ венеціанскихъ повѣстяхъ и первыхъ романахъ Жоржъ Зандъ и указавъ на „необыкновенную красоту“ этихъ нравственныхъ образовъ и на то, что „лишь въ великой и прекрасной душѣ могли явиться такіе типы и такіе запросы“, Достоевскій заключаетъ:

„Такіе ли образы могли возмутить общество, возбудить сомнѣнія и страхи? Напротивъ, самые строгіе отцы и матери стали позволять въ своихъ семействахъ чтеніе Жоржъ Зандъ и только удивлялись, „что же это такъ всѣ объ ней говорили?“ Но тутъ-то и раздались предостерегающіе голоса, что „вотъ въ этой-то гордости женскаго запроса, въ этой-то непримиримости цѣломудрія съ порокомъ, въ этомъ-то отказѣ отъ всякихъ уступокъ пороку, въ этомъ-то безстрастіи, съ которымъ невинность воздвигается на борьбу и смотритъ ясно въ глаза обидѣ, и заключается ядъ, будущій ядъ женскаго протеста, женской эмансипаціи“. Что же, можетъ быть, про ядъ говорили справедливо: дѣйствительно, зарождался ядъ, но что онъ шелъ истребить, что отъ этого яда должно было погибнуть и что спастись,—вотъ что тотчасъ же составило вопросъ“.

Внутреннее Обозрѣніе разсматриваемой книжки журнала касается одного изъ важныхъ земскихъ вопросовъ Какъ извѣстно, по новому положенію о земскихъ учрежденіяхъ, администраціи предоставлено оспаривать не только законность, но и цѣлесообразность постановленій земскихъ собраній. Между тѣмъ, первое условіе успѣшной дѣятельности, — какъ справедливо замѣчаетъ авторъ *Обозрѣнія*, — составляетъ извѣстный просторъ, извѣстная свобода регулируемая только закономъ. Никакая энергія не выдержитъ борьбы съ непрерывнымъ рядомъ помѣхъ, преградъ, задержекъ, которыхъ нельзя заранѣе предвидѣть, нельзя предупредить строгимъ и точнымъ соблюденіемъ заранѣе установленныхъ правилъ. Ужиться съ произвольнымъ и постояннымъ м торствомъ можетъ, à la longue, только равнодушіе, возведенное въ стему. Администрація, во всемъ и всегда считающая себя наибол компетентнымъ судьею земскихъ нуждъ, критикующая, по сущест каждый шагъ земства, безпрестанно тормазящая его инициативу, ступила бы логичнѣе, предложивъ совершенное упраздненіе земски учрежденій. Кто лучше знаетъ и лучше понимаетъ всѣ стороны дѣ ттъ пускай и ведетъ его, на собственный рискъ и страхъ. По мы

закона, административныя возраженія противъ цѣлесообразности земскихъ постановленій являются мѣрой исключительной, крайней, особенно во всемъ томъ, что̀ касается вопросовъ чисто-мѣстнаго характера. На разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ учрежденій постановленія земскихъ собраній, не противныя закону переносятся, по ст. 91 положенія 1890 г., только тогда, когда губернаторъ найдетъ ихъ несоотвѣтствующими общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ или явно нарушающими интересы мѣстнаго населенія. Оба случая, очевидно, очень рѣдки По самому свойству земской дѣятельности, она почти никогда не приходитъ въ столкновеніе съ общегосударственными пользами и нуждами, а *явнаго*, т.-е. несомнѣннаго, очевиднаго нарушенія интересовъ мѣстнаго населенія меньше всего можно ожидать отъ представителей этого самаго населенія. Разсуждая a priori, можно, слѣдовательно, предположить, что губернаторскихъ протестовъ, основанныхъ на ст. 91, чрезвычайно мало. И дѣйствительно, это предположеніе оправдывается по отношенію ко многимъ губерніямъ. Но есть губерніи, какъ, наприм., Тверская, Саратовская, гдѣ нерѣдки протесты администраціи, мотивированные нецѣлесообразностью земскихъ постановленій. Журналъ справедливо находитъ, что такіе протесты весьма легко обращаются даже просто въ средство проведенія личныхъ взглядовъ губернатора. Понятіе о *явномъ* нарушеніи, — замѣчаетъ авторъ *Обозрѣнія*,—очень неопредѣленно, очень эластично: оно слишкомъ облегчаетъ вмѣшательство администраціи въ нормальный ходъ земской дѣятельности. Земство думаетъ такъ, губернаторъ думаетъ иначе; интересы населенія, съ точки зрѣнія земства, требуютъ одного, съ точки зрѣнія губернатора—другого. Этого достаточно, чтобы разногласіе приняло, въ глазахъ власти, характеръ нарушенія, вызывающаго запретъ и отпоръ. Только такимъ образомъ можно объяснить одновременное одобреніе ассигновокъ на церковно-приходскія школы и неодобреніе ассигновокъ на школьныя библіотеки или на женскую гимназію (какъ это было недавно въ Саратовской губ.). Если толкованіе ст. 91, выразившееся въ саратовскихъ протестахъ, получитъ широкое распространеніе, земскимъ дѣятелямъ придется либо записаться, разъ навсегда, въ разрядъ „согласно мыслящихъ“, либо отказаться отъ всякихъ нововведеній. Первое окажется не особенно легкимъ уже потому, что губернаторы мѣняются, да и мѣняютъ иногда свои мнѣнія; послѣднее не составитъ вполнѣ надежной гарантіи, такъ какъ ничто не мѣшаетъ объявить *явно нарушающимъ интересы населенія* многое изъ практиковавшагося издавна и вошедшаго въ обычай.

Русское Богатство, *апрѣль*. Въ нашей печати не разъ уже поднимался вопросъ о необходимости дать крестьянамъ образованныхъ юристовъ-адвокатовъ. Были слухи, что правительство предполагало учредить особыхъ казенныхъ повѣренныхъ по крестьянскимъ дѣламъ, но, повидимому, мысль эта оставлена. А, между тѣмъ, дѣло это чрезвычайно важно и нельзя не поблагодарить г. Дружинина за его прекрасную статью: *Юридическая безпомощность крестьянъ*, напечатанную въ апрѣльской книжкѣ *Русскаго Богатства*. Изъ всѣхъ классовъ общества, крестьянство, какъ справедливо замѣчаетъ г. Дружининъ, обладаетъ наименьшею возможностью и способностью усвоенія касающихся его законоположеній. Къ нему наименѣе приложимо то положеніе, по которому „никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, когда онъ былъ обнародованъ установленнымъ порядкомъ“. Не зная законовъ, не зная часто своихъ правъ, въ большин-

ствѣ случаевъ, не умѣя защищать ихъ, крестьяне вынуждены обращаться за юридическими совѣтами. И вотъ крестьянамъ, по необходимости, приходится пользоваться услугами тѣхъ „законовѣдовъ", которые находятся подъ руками. Извѣстно, что̀ это за законовѣды, обычное мѣстопребываніе которыхъ—кабакъ. Естественно, поэтому,—говоритъ авторъ,—что, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, получаются невозможныя жалобы, прошенія, обращенія къ власти. То, что требуется просителямъ, извращается до крайности. Прошенія и бумаги направляются неподлежаще. Темный людъ нерѣдко возбуждается къ неосновательнымъ и безполезнымъ прошеніямъ и жалобамъ, отнюдь не обладая страстью къ сутяжничеству.

Тутъ происходятъ вещи поистинѣ изумительныя. Поразительное невѣжество, соединенное съ алчностью и недобросовѣстностью, подвергаетъ народъ самой наглой эксплуатаціи. Не очевидно ли, что вопросъ объ юридической помощи крестьянамъ есть одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ сельской жизни? И вотъ какія мѣры, по мнѣнію автора, могли бы послужить для этой цѣли.

Во-первыхъ, *усовершенствованіе съ внутренней и внѣшней стороны законодательства о крестьянахъ*. Кодификація этого законодательства необходима болѣе, чѣмъ кодификація права уголовнаго, гражданскаго, торговаго, которою въ настоящее время занято правительство. И во всякомъ случаѣ было бы слишкомъ печально, если бы будущіе кодексы, результаты многолѣтняго труда, оказались не для крестьянъ. Чѣмъ *совершеннѣе будутъ законы*, тѣмъ болѣе будутъ обезпечены права сельскаго населенія, равно какъ и исполненіе имъ своихъ обязанностей; меньше будетъ неправильныхъ постановленій и распоряженій, меньше произвола и непониманія въ исполненіи законовъ, меньше нарушеній правильныхъ интересовъ, меньше поводовъ обращаться къ высшей власти, меньше необходимости для крестьянъ въ посредникахъ, ходатаяхъ и совѣтникахъ.

Съ улучшеніемъ законодательства о крестьянахъ будетъ на половину разрѣшена долженствующая стоять тоже на первомъ планѣ *забота — о наилучшемъ составѣ должностныхъ лицъ, стоящихъ надъ крестьянствомъ*. Но до того должны быть предприняты въ этомъ направленіи и частныя мѣры. Кругъ лицъ, изъ которыхъ вербуются крестьянскія власти, долженъ быть расширенъ. Чѣмъ широ выборъ, тѣмъ лучше можно его сдѣлать. Къ участію въ завѣдываніи крестьянскими дѣлами должны быть привлечены всѣ лучшія наличныя образованныя силы. Сословныя рамки неумѣстны здѣсь болѣе, нежели гдѣлибо. Доброжелательное отношеніе къ народу со стороны нашей интеллигенціи не подлежитъ опроверженію. Составъ волостныхъ писарей долженъ также, между прочимъ, обратить на себя вниманіе. Больной и застарѣлый вопросъ о нихъ требуетъ скорѣйшаго разрѣшенія Вредъ, получающійся отъ нынѣшняго крайне неудовлетворительнаго состава волостныхъ писарей, неисчислимъ. Это описывалось и доказывалось достаточно ярко. Значеніе вопроса выяснено вполнѣ. Лучшею же ѣрой обезпеченія состава волостныхъ писарей можетъ послужить точ е и ясное опредѣленіе ихъ правъ и обязанностей и устраненіе край ей обезличенности и зависимости ихъ положенія, выражающейся, нап мѣръ, въ томъ, что нынѣ они могутъ быть увольняемы земскими а-чальниками по самымъ неопредѣленнымъ поводамъ, какъ, наприм ъ, за „неблагонадежность", подъ которою, очевидно, можно подраз ъ-

вать что угодно. Только при такомъ условіи пойдутъ въ волостные писаря лучшія силы.

Указанныя мѣры сократятъ уже потребность въ повѣренныхъ для крестьянъ. При болѣе опредѣленныхъ законахъ и удовлетворительномъ составѣ должностныхъ лицъ, интересы населенія будутъ лучше ограждены и число поводовъ къ жалобамъ и обращеніямъ къ высшей власти будетъ меньше. Но потребность въ повѣренныхъ все же сохранится, хотя и въ несравненно меньшей степени; потребность эта такова, что она существуетъ всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе невозможности для частныхъ лицъ всегда обращаться къ власти непосредственно и необходимости спеціальныхъ знаній для составленія дѣловыхъ бумагъ. Въ этихъ видахъ, должно быть *улучшено и упрочено положеніе лицъ, принимающихъ на себя юридическую защиту крестьянъ*. Въ заключеніе авторъ настаиваетъ на распространеніи среди крестьянъ *знанія своихъ правъ и обязанностей*.

Сѣверный Вѣстникъ, *май*. Въ майской книжкѣ указаннаго журнала обращаетъ на себя вниманіе статья г. Вернера: *Что сдѣлало земство для улучшенія народнаго благосостоянія*. Въ этой статьѣ авторъ дѣлаетъ краткій, но содержательный историческій очеркъ главныхъ мѣропріятій земства, имѣющихъ цѣлью оказать экономическую помощь сельскому населенію.

При учрежденіи земства,—говоритъ авторъ статьи,—его вѣдѣнію, между прочимъ, поручена была также забота о развитіи народнаго благосостоянія. Это была громадная задача, разобраться въ которой было тѣмъ труднѣе, что земству предстояло впервые опредѣлить новыя условія народной жизни, созданныя реформами, кореннымъ образомъ измѣнившими отношенія тогдашнихъ общественныхъ и экономическихъ группъ. Не зная еще, какое направленіе должны принять эти отношенія, земство, естественно, не могло приступить къ осуществленію широкихъ мѣропріятій, а должно было ограничиться лишь частными воздѣйствіями въ тѣхъ случаяхъ, когда какія-либо причины вызывали необходимость его вмѣшательства. Вотъ почему въ первые годы существованія земства его дѣятельность, направленная къ улучшенію народнаго благосостоянія, выражалось, главнымъ образомъ, въ организаціи помощи на продовольствіе населенія и обсѣмененіе полей. Но съ теченіемъ времени жизнь стала выдвигать все новыя и новыя задачи. А потому, уже съ начала 70-хъ годовъ, предметомъ обсужденія земскихъ собраній все чаще являются вопросы, выдвинутые новыми условіями, все больше и больше вниманія приходится удѣлять изысканію способовъ улучшенія тѣхъ или другихъ сторонъ крестьянской жизни. Оказалось, что крестьяне, отказавшіеся въ моментъ эмансипаціи отъ надѣловъ, вслѣдствіе того, что выкупные платежи превышали арендныя цѣны, теперь, при чрезмѣрномъ повышеніи этихъ цѣнъ, поставлены въ тяжелыя условія, разстраивающія ихъ хозяйство; что различныя неблагопріятныя земельныя и экономическія условія постоянно уменьшаютъ количество и ухудшаютъ качество крестьянскаго скота; что на деревню со всѣхъ сторонъ надвигается кулакъ, широко пользующійся тѣмъ, что у крестьянъ нѣтъ ни оборотныхъ средствъ, ни кредита для удовлетворенія хозяйственныхъ нуждъ; что пріемы земледѣлія ухудшаются, продовольственные запасы истощаются, площадь посѣвовъ постепенно уменьшается, недородъ хлѣбовъ становится постояннымъ явленіемъ.

Нельзя было требовать, чтобы въ этомъ вихрѣ крупнѣйшихъ эко-

номическихъ перемѣнъ, въ самомъ водоворотѣ событій и назрѣвающихъ слѣдствій, земство могло сразу установить безошибочную точку зрѣнія и найти вѣрныя средства для устраненія грозящихъ бѣдствій. Тѣмъ не менѣе, необходимо отдать справедливость тогдашнимъ земскимъ дѣятелямъ. они были воодушевлены искреннимъ желаніемъ дать всѣмъ возникавшимъ вопросамъ возможно болѣе правильное теоретическое разрѣшеніе и приложили много стараній къ осуществленію широкихъ практическихъ мѣръ, требовавшихъ иногда не мало матеріальныхъ пожертвованій. Къ этому времени относятся такія разнообразныя предпріятія, какъ организація артельныхъ сыроваренъ, съ цѣлью улучшенія скотоводства, широкая помощь кустарямъ, устройство складовъ сельско-хозяйственныхъ орудій, ссуды крестьянскимъ обществамъ значительныхъ суммъ на покупку земли, введеніе общественныхъ запашекъ для накопленія продовольственныхъ запасовъ, денежныя вспомоществованія при разселеніи хуторами, затраты на борьбу съ вредными насѣкомыми и т. п.

Мы далеки отъ мысли,—продолжаетъ авторъ,—что эти мѣры представляли панацею противъ всѣхъ тогдашнихъ бѣдъ; скажемъ больше—ни одна изъ этихъ мѣръ не оправдала вполнѣ возлагаемыхъ на нее надеждъ, а взятыя вмѣстѣ, онѣ не задержали движенія крестьянскаго хозяйства по той наклонной плоскости, на которую толкнули его пореформенныя условія. Но мѣры эти показали, сколько въ средѣ земства имѣлось искренняго желанія удѣлить какъ можно болѣе вниманія всестороннему уясненію условій народной жизни и посвятить какъ можно болѣе усилій улучшенію народнаго благосостоянія при помощи тѣхъ разнообразныхъ практическихъ пріемовъ, которые въ то время признавались наиболѣе цѣлесообразными.

Затѣмъ, въ земскихъ собраніяхъ болѣе и болѣе крѣпнетъ мысль, что для улучшенія народнаго благосостоянія важнѣйшимъ дѣломъ является распространеніе въ сельской массѣ сельско-хозяйственныхъ знаній. Нужно при посредствѣ школы, опытнаго поля и выставки распространить въ народѣ сельско-хозяйственныя знанія; нужно, чтобы крестьянинъ съ дѣтства, со школьной скамьи, усвоилъ мысль о томъ, что истощенная почва не можетъ въ изобиліи производить хлѣбъ, что дурная обработка земли отражается на высотѣ урожая и качествѣ зерна; что земля требуетъ удобренія, для удобренія нуженъ скотъ, а для скота кормовыя средства; что многопольная плодопеременная система съ травосѣяніемъ выгоднѣе рутиннаго трехпольнаго хозяйства; что плужокъ лучше сохи, молотилка лучше цѣпа, а вѣялка даетъ возможность хорошо очистить зерно.

По поводу этого направленія земской хозяйственной дѣятельности г. Вернеръ высказываетъ слѣдующія, вполнѣ основательныя мысли. Мы,—говоритъ авторъ,—конечно, не станемъ оспаривать важнаго значенія самаго широкаго распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній и первые готовы привѣтствовать включеніе этихъ знаній въ общую программу народнаго образованія, въ особенности если при этомъ имѣть въ виду надлежащее преподаваніе общихъ основаній, а не т къ практическихъ пріемовъ земледѣлія. которые извѣстны всякому кре ъянскому мальчику еще до вступленія въ школу. Но, въ качествѣ о ы вочныхъ, случайныхъ мѣръ, какъ это, по скудости средствъ, пра икуется нынѣ земствами, распространеніе сельско-хозяйственныхъ зна й врядъ ли имѣетъ большое значеніе для поднятія благосостоянія н с ленія. Прежде всего, позволительно сомнѣваться въ томъ, что

степень сельско-хозяйственной культуры у крестьянъ происходитъ вслѣдствіе недостатка у нихъ надлежащихъ познаній. Мы знаемъ, что вблизи большихъ городовъ, гдѣ приложеніе къ землѣ значительнаго количества труда вознаграждается съ избыткомъ, крестьяне довольно совершеннымъ образомъ выращиваютъ прихотливыя овощи, аптекарскія травы, ягоды и фрукты,—словомъ, примѣняютъ ту самую гессенскую интензивную культуру, о которой такъ мечтаютъ нѣкоторые земскіе дѣятели. А если это такъ, если при благопріятныхъ условіяхъ крестьяне проявляютъ умѣнье поддерживать раціональную культуру, то не вправѣ ли мы заключить, что во всѣхъ другихъ случаяхъ этому мѣшаетъ не недостатокъ познаній, а какія-либо иныя неблагопріятныя условія? Такое заключеніе, несомнѣнно, будетъ весьма близко къ истинѣ. Тотъ упадокъ благосостоянія, о которомъ говорится на всѣхъ земскихъ собраніяхъ, выражается не въ чемъ иномъ, какъ въ уменьшеніи благопріятныхъ условій для веденія раціональнаго хозяйства: то земли мало, а частные владѣльцы даютъ ее за такіе отработки, что нѣтъ времени какъ слѣдуетъ заняться своимъ надѣломъ, то лошаденка еле дышетъ и на ней не справить всѣхъ необходимыхъ работъ, то сѣять овесъ какъ разъ время, а тутъ не раздобылъ еще сѣмянъ и т. д. въ томъ же родѣ. Причемъ здѣсь распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній? Что могутъ сдѣлать тутъ школы, фермы, опытныя поля, брошюры? Почти то же самое надо сказать и по отношенію къ остальнымъ педагогическимъ мѣрамъ земства: выставкамъ, образцовымъ фермамъ, опытнымъ полямъ и даже по отношенію къ помощи, оказываемой особо приглашеннымъ агрономическимъ персоналамъ. Всѣ эти мѣры, безспорно, полезныя сами по себѣ, безсильны поднять уровень народнаго благосостоянія, какъ вслѣдствіе того, что сфера ихъ вліянія крайне ограничена, такъ и потому, что онѣ направлены не противъ причины бѣдности, а противъ послѣдствій этой причины, вынужденной дурною организаціей хозяйства.

Повидимому, періодъ увлеченія земствомъ агрономіей проходитъ. Земство не отказывается отъ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній, но начинаетъ понимать, что полные плоды этихъ знаній въ будущемъ; при настоящихъ же экономическихъ условіяхъ крестьянства, воспользоваться сельско-хозяйственными знаніями можетъ, въ большинствѣ случаевъ, только незначительная, болѣе зажиточная часть сельскаго населенія. На ряду съ разочарованіемъ въ агрономіи, какъ мѣрѣ, способной поднять матеріальное благосостояніе народа, земство приходитъ къ мысли, что безъ измѣненія условій земледѣльческаго промысла, безъ расширенія, главнымъ образомъ, крестьянскаго землевладѣнія и уменьшенія податныхъ тягостей всѣ мѣры будутъ имѣть значеніе только частное, онѣ принесутъ свою долю добра, но не подымутъ народнаго благосостоянія. Но, къ сожалѣнію, для измѣненія самыхъ условій земледѣльческаго промысла земство обладаетъ слишкомъ скудными средствами.

Міръ Божій, *май*. Съ большимъ интересомъ читается въ майской книжкѣ этого журнала статья П. Н. Милюкова: *Лѣтній университетъ въ Англіи*. Въ статьѣ этой авторъ дѣлится съ читателями нѣкоторыми изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ вынесъ изъ поѣздки въ Англію прошлымъ лѣтомъ. Одною изъ главныхъ цѣлей поѣздки автора было—познакомиться лично съ тѣмъ замѣчательнымъ движеніемъ въ сферѣ высшаго образованія, которое началось въ Англіи двадцать лѣтъ тому назадъ и быстро охватило широкій кругъ участниковъ въ Ста-

ромъ и Новомъ Свѣтѣ. Авторъ разумѣетъ здѣсь такъ называемое „распространеніе университетскаго образованія (University Extension)". Распространеніе это достигается съ помощью странствующихъ лекторовъ, читающихъ общеобразовательные курсы лекцій въ различныхъ мѣстностяхъ Англіи по приглашенію мѣстнаго населенія. „Если народъ не можетъ придти въ университетъ, пусть университетъ придетъ къ народу",—такъ формулировали задачу этого движенія его оксфордскіе руководители. Сдѣлать университетское, т.-е. высшее, образованіе достояніемъ народной массы, до сихъ поръ принужденной довольствоваться одною начальною школой,—таковъ смѣлый замыселъ организаторовъ высшаго образованія для народа.

Изъ Кембриджа и Оксфорда, изъ Лондона и Викторіи движеніе это перекинулось въ Америку и въ нѣсколько лѣтъ далеко оставило за собой позади старую Англію. Внѣ собственной Англіи университетскіе курсы для народа читаются въ Шотландіи и Ирландіи. Большой интересъ вызвало это движеніе также во Франціи, Голландіи, Германіи, Италіи и Швеціи. Во всѣхъ этихъ государствахъ дѣятельно идетъ, по примѣру Англіи организація популярныхъ университетскихъ курсовъ для народа.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 мая по 1 іюня 1894 г.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. Перев. со 2-го нѣмецкаго изданія, подъ ред. д-ра зоологіи С. М. Переяславцевой. Вып. 11 и 12. Популярное изданіе. Одесса, 1894 г. Ц. вып. 25 коп.

Шимановскій, В. Садъ крестьянина. Съ рисунками. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 12 коп.

— Какъ Архипъ разбогатѣлъ. Изд. учебнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 10 к.

Потѣхинъ, Л. А. Крестьянское и мелкое землевладѣльческое хозяйство. Пчелы и уходъ за ними. Съ рисунками. Москва, 1891 г. Ц. 10 к.

Лакуръ-Гайе, Ж. Исторія новаго времени. 1610—1789. Историческія чтенія. Перев. съ французскаго. Съ 76-ю рисунками въ текстѣ. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. 50 к.

Сербскій, Вл. Психологическія воззрѣнія Теодора Мейнерта. Москва, 1893 г.

Орловъ, К. В. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней призываемыхъ къ военной службѣ и солдатъ, съ приложеніемъ описанія различныхъ способовъ уклоненія евреевъ отъ воинской повинности. 2-е исправленное и дополненное изд. Г. А. Куковѣрова. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Нейманъ, М. М. Общедоступное руководство къ разведенію хмѣля. Изданіе учебнаго магазина „Начальная Школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 5 коп.

— Хмѣлеводство въ Россіи и за границей. Третье изданіе учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 15 к.

Нейштубе, С. Т. Куриное яйцо и значеніе его въ экономическо-промышленномъ отношеніи. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 15 к.

— Ящуръ домашнихъ животныхъ и его лѣченіе. Москва, 1894 г. Ц. 15 к.

Ростовцевъ, П. В. Сосна. Наши деревья и кустарники. Хвойный лѣсъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 10 коп.

— Сушка овощей и зелени. Изд. книжнаго магазина „Начальная Школа“. Москва, 1893 г. Ц. 5 к.

— Обработка льна для волокна. Изданіе книжнаго магазина „Начальная Школа“. Москва, 1893 г. Ц. 15 коп.

— Кукуруза, какъ огородное и полевое растеніе. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1891 г. Ц. 3 коп.

— Смородина и способы разведенія ея. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1891 г. Ц. 10 к.

— Лукъ, его сорта и способы разведенія. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 Ц. 10 коп.

— Воздѣлываніе льна на сѣмя и волокно. Съ рисунками. Изд. книжнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1893 г. Ц. 10 к.

Золотаревъ, Л. А. Объ истребленіи земляной блохи на коноплѣ. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 6 к.

Линдеманъ, К. Э. Итальянская саранча и мѣры ея истребленія. Изданіе учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1893 г. Ц. 8 коп.

— О вредныхъ насѣкомыхъ. Ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ и мѣры ихъ истребленія. Изд. учебнаго магазина

„Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 10 к.

Линдеманъ, К. Э. О червяхъ, выѣдающихъ плѣшины на озимыхъ и яровыхъ хлѣбахъ, и о мѣрахъ ихъ истребленія. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 5 к.

— О поврежденіи хлѣбовъ гессенскою мухой и пильщикомъ и мѣры истребленія этихъ насѣкомыхъ. Москва, 1891 г. Ц. 8 коп.

— О завяданіи зеленей, вслѣдствіе пораженія ихъ насѣкомыми, и мѣры истребленія послѣднихъ. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 8 к.

— Хлѣбный жукъ и крестоносецъ и мѣры истребленія ихъ. Съ рисунками. Изд. книжнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 8 коп.

— Саранча и мѣры ея истребланія. Съ рисунками. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 10 коп.

— О главнѣйшихъ насѣкомыхъ, вредящихъ плодовымъ деревьямъ и кустарникамъ и о мѣрахъ истребленія ихъ. Съ 16 рисунками. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 10 коп.

— О насѣкомыхъ, повреждающихъ колосья хлѣбовъ, и мѣры истребленія ихъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 10 коп.

— О кобылкахъ и мѣрахъ истребленія ихъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 5 коп.

Аверкіева, Екатерина. Практическіе совѣты по огородничеству. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 5 коп.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Орудія и приспособленія для огородныхъ и садовыхъ работъ. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 5 к.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Лукъ рѣпчатый и чеснокъ. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 6 коп.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Петрушка, сельдерей. Лукъ порей. Укропъ. Портулакъ. Хрѣнъ. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 5 к.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Спаржа. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 4 коп.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Артишоки, томаты, подложаны, подсолнечники. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 7 коп.

Аверкіева, Екатерина. Практическіе совѣты по огородничеству. Кукуруза. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 6 к.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Салатъ и шпинатъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 5 к.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Рѣдисъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомірова. Москва, 1894 г. Ц 4 к.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Свекла. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 3 коп.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Морковь и рѣдька. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 4 к.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Рѣпа. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1893 г. Ц. 4 коп.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Горохъ и бобы. Изд. учебнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1893 г. Ц. 7 к.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Огурцы въ грунтѣ. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 4 к.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Цвѣтная капуста. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 4 к.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Капуста качанная, брюссельская, кольряби, брюква. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 8 коп.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Картофель. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 5 коп.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Календарь работъ. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 4 к.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Краткія указанія о разбивкѣ сада и огорода. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 4 коп.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Парники. Изд. учебнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 5 коп.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Парниковыя дыни, арбузы и огурцы. Тыквы въ грунтѣ. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 15 к.

— Практическіе совѣты по огородничеству. Сѣмяноводство. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 15 коп.

Аверкіева, Екатерина. Практическіе совѣты по огородничеству. Земляная груша. Изд. учебнаго магазина К. И Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 5 коп.

Практическіе совѣты по огородничеству. Хмѣль. Изд. учебнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 5 коп.

— Практическіе совѣты. Ягодные кустарники. Крыжовникъ, черная и красная смородина. Изд. учебнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 5 к.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Изд. подъ редакціей С. А. Венгерова. Выпускъ IV. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Зелинскій, В. Критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Ч.II. „Униженные и оскорбленные". — „Записки изъ Мертваго дома". — „Преступленіе и наказаніе". Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.

Ходскій, Л. В. Основы государственнаго хозяйства. Пособіе по финансовой наукѣ. Спб., 1894 г. Ц. 4 р.

Шиперовичъ, М. В. Что такое зараза и какъ себя оградить отъ нея? Публичная лекція. Спб., 1894 г.

Катаевъ, Н. Новыя сохи, плуги и бороны. Какъ пахать и холить землю. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.

— Какъ устроить дешевый несгораемый овинъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 8 к.

— Какъ съ выгодой устроить мыловаренный заводъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 10 к.

Сутуловъ, С. Е. Объ удобреніи полей. Бесѣды по вопросамъ земледѣлія. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 10 к.

— О почвѣ. Бесѣды по вопросамъ земледѣлія. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 7 к.

Елагинъ, П. Н. Гуси, утки и уходъ за ними. Съ 20 рисунками Изд. магазина „Начальная школа" Е. Н. Тихомировой. Москва, 1893 г. Ц. 15 к.

— Куры и уходъ за ними. Съ 28-ю рисунками. 2-е изданіе книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 15 коп.

Чаплыгинъ, И. А. О разведеніи хмѣля по проволочной системѣ. Изд. второе книжнаго магазина „Начальная школа". Москва, 1893 г. Ц. 10 к.

Дмитріевъ, К. Крестьянскія кирпичныя избы и черепичныя крыши. Ручная выдѣлка кирпича и черепицы. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа" Е. Н. Тихомировой. Москва, 1893 г. Ц. 10 коп.

Дмитріевъ, К. Несгораемыя усадебныя постройки изъ огнеупорныхъ матеріаловъ. Изд. учебнаго магазина К. И. Тихомирова, Москва, 1894 г. Ц. 10 к.

— Тульская зерносушилка. Изд. второе учебнаго магазина „Начальная школа" Е. Н. Тихомировой Москва, 1894 г. Ц 4 коп.

— Колодезные ручные насосы и выборъ ихъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 15 к.

Барсовъ, К. А. Какъ возводить огнеупорныя постройки. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 5 коп.

Библіотека. Книга I. Пловдивъ, 1894 г.

Стринбергъ, А. Скандинавскія повѣсти и разсказы въ переводахъ В. Фирсова. Москва, 1894 г. Ц. 75 к.

Шне, В. Э. Механическое самолеченіе насморка. Естественный способъ леченія. Съ рисунками въ текстѣ. Москва, 1894 г. Ц. 60 к,

Розенбергеръ, Фердинандъ. Очеркъ исторіи физики. Ч. III. Исторія физики въ послѣднее столѣтіе. Выпускъ 2-й. Перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей И. М. Сѣченова. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 40 к.

Мисъль, априлий. София, 1894 г.

Зубрилинъ, И. И. Къ вопросу о значеніи количественнаго метода бактеріоскопическаго изслѣдованія для оцѣнки чистоты воздуха. Диссертація на степень доктора медицины. Москва, 1894 г.

Второй годовой отчетъ московской городской санитарной станціи, устроенной при гигіеническомъ институтѣ Императорскаго Московскаго университета. Май 1892 г.—май 1893 г. Составленъ подъ редакціей завѣдующаго станціей проф. Ѳ. Ѳ. Эрисмана. Москва, 1894 г.

Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Съ приложеніемъ: „Наши антидарвинисты". Изд. третье В. Н. Маракуева и П. К. Прянишникова. Москва, 1894 г. Ц. 1 руб. 50 к.

Хозяйственно-статистическій обзоръ Херсонской губерніи за 1892 г. Изд. херсонской губернской земской управы. Херсонъ, 1894 г.

Движение на населението въ Българското княжество прѣзъ 1890 год. Издава статистическото бюро. София, 1894 г.

Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. Изд. „Посредника" для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Ш., Л. „Неизбѣжное зло". Разсказъ. Изд. „Посредника" для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Большое сердце. Повѣсть. Изд. „Посредника" для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Ясная звѣздочка. Вторая книга для чтенія. Изд. „Посредника". Москва, 1894 г. Ц. 35 к.

М—довъ, Г. Какъ развести плодовый садикъ. Учебникъ для разведенія плодоваго сада въ маломъ размѣрѣ. Изд. „Посредника". Москва, 1894 г. Ц. 8 к.

Леховскій, В. Настольная книжка для учащихся. Справочникъ по русскому правописанію съ орѳографическимъ указателемъ; ариѳметическія таблицы; таблицы русскихъ мѣръ и метрическая система мѣръ. Для начальныхъ школъ. Вильна, 1894 г. Ц. 10 коп.

Оржешко, Эл. Дикарка, повѣсть. Пер. съ польскаго Г. С. Глинскаго. Изд. „Посредника" для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1894 г. Ц. 75 коп.

Плодовый садъ, разведеніе и уходъ за нимъ. Со многими рисунками. Изд. „Посредника". Москва, 1894 г. Ц. 12 к.

Немировичъ-Данченко, В. Абдулка-музыкантъ.—Турчаночка. — Боркова.—Жалѣніе.—Ладиженскій.—В. Чужой. Изд. „Посредника". Москва, 1894 г. Ц. $1^1/_2$ к.

Сиротка Молли. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. Изд. „Посредника". Москва, 1892 г. Ц. 10 к.

Потапенко, И. Н. Земля. Повѣсть. Изд. „Посредника". Москва, 1894 г. Ц. 12 коп.

Месть.—Сидѣлка. Два разсказа. Изд. „Посредника". Москва, 1894 г. Ц. $1^1/_2$ к.

Семеновъ, С. Т. Шпитонокъ, разсказъ крестьянина. Изд. „Посредника". Москва, 1894 г. Ц. $1^1/_2$ к.

— Подъ великій праздникъ. Разсказъ крестьянина. Изд. „Посредника". Москва, 1894 г. Ц. $1^1/_2$ к.

— На свою голову.—Упередилъ. Два разсказа крестьянина. Изд. „Посредника". Москва, 1894 г. Ц. 3 к.

Селезневъ, Н. Бѣлая береза. Разсказъ.—Дядинъ.—Въ простотѣ душевной. Изд. „Посредника. Москва, 1894 г., Ц. 3 коп.

Труды экономическаго совѣта при нижегородской губернской земской управѣ. Вып. I. Нижній-Новгородъ, 1894 г.

Врачебная хроника Херсонской губерніи (годъ третій), № 7, съ 1 по 15 апрѣля 1894 г. Изд. херсонской губернск. земской управы. Херсонъ, 1894 г.

Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. Вып. I. Свѣдѣнія о находящихся въ обращеніи закладныхъ листахъ и облигаціяхъ, выпущенныхъ всѣми дѣйствующими въ Россіи учрежденіями долгосрочнаго кредита, кн. 1, янв. 1894 г.

Каталогъ книгъ за 1893 г. Изд. русскаго общества книгопродавцевъ и издателей. Спб., 1894 г.

Отчетъ о дѣятельности общества практическихъ ветеринарныхъ врачей въ городѣ Москвѣ за 1893 г. Москва, 1894 г.

Ризположенскій, Р. Отчетъ департаменту земледѣлія и сельской промышленности министерства государственныхъ имуществъ о почвенныхъ изслѣдованіяхъ 1893 г. Казань, 1894 г.

Быловъ, М. Н. Нѣмцы въ Воронежскомъ краѣ. Историко-статистическій очеркъ. Изд. воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Воронежъ, 1894 г.

Отчетъ правленія одесскаго славянскаго общества имени св. Кирилла и Меѳодія за 1893 г. Одесса, 1894 г.

Гіацинтовъ, Николай. Брошюра о преподаваніи русскаго языка съ церковно-славянскимъ. Курсъ приготовительный. Рязань, 1894 г. Ц. 20 к.

Удешевленный проѣздъ на кавказскія минеральныя воды. Изд. правленія общества владикавказской ж. д. Спб., 1894 г. Ц. 20 коп.

Отчетъ общества попеченія о немущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ въ Москвѣ за 1893 г. Годъ одиннадцатый. Москва, 1894 г.

Ретушь и раскрашиваніе фотографій. Для фотографовъ-профессіоналовъ и любителей. Изд. второе Ф. В. Щепанскаго. Спб., 1894 г. Ц. 85 к.

Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Руководство для матерей и воспитателей. Пер. съ французскаго Н. Вишневскій. Съ предисловіемъ профессора М. Д. Пономарева. Съ рисунками въ текстѣ. „Библіотека полезныхъ знаній" Изд. Ф. Павленкова. Спб., Ц. 1 р.

Кожевникова, Н. В. Шекспиръ. Опытъ популярнаго изложенія содержанія драматическихъ произведеній Шекспира, съ характеристикою дѣйствующихъ лицъ. Съ 9-ю фототипіями. Изд. общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Воиновъ, А. Прямолинейная тригонометрія. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній съ собраніемъ задачъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 70 к.

Випперъ, Р. Церковь и государство въ Женевѣ XVI вѣка въ эпоху кальвинизма. Москва, 1894 г. Ц. 3 руб 50 к.

Иллюстрированная сказочная библіотека. Андерсенъ. Перев. Б. Порозовской. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Кн. 10—20.

Ивановъ, Н. П., д-ръ мед. Русскій альманахъ по отечественнымъ водамъ, морскимъ купальнямъ, санитарнымъ станціямъ и др. лечебнымъ [illegible] стамъ Россіи. Изд. Ф. В. Щепанск[illegible] Спб., 1894 г.

Кондръ, Гр. Любовь и смерть доч[illegible] боярина Орши. Нѣжинъ, 1894 г. Ц. 20

Шахрай, Л. М. Цвѣтникъ Іудеи. [illegible]вый сборникъ разсказовъ, басенъ и [illegible] изъ талмуда и мидраша. „Наша Ста[illegible]на". Изд. книжнаго магазина Я. Шермана. Одесса, 1894 г. Ц. 15 [illegible]

Мищенко, Я. Г. Титъ Ливій. Исторія Рима за 187 — 183 г. до Р. Х. Вакханаліи. Цензорство Катона. Книга XXXIX. Перев. съ латинскаго. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.

Сибирскій сборникъ. Выпускъ III. Иркутскъ, 1894 г.

Рева, И. Реорганизація сельскаго хозяйства. Москва, 1894 г.

Прессъ, А. А., инженеръ-технологъ. Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Выпускъ III. Съ 61 чертежомъ въ текстѣ. Изд. К. Л. Риккера. Спб.1894 г. Ц. 1 р. 20 коп.

Гацискій, А. С. Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 12 — 14. Нижній-Новгородъ, 1894 г.

Гертвигъ, Оскаръ. Клѣтка и ткани. Основы общей анатоміи и физіологіи. Перев. съ нѣмецкаго и дополнили И. Бородинъ и Н. Холодковскій. Съ 168 рис. въ текстѣ. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Штаркенбургъ, Г. Горе отъ любви. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. Н. Лейненберга. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Отчетъ по минусинскому мѣстному музею и общественной библіотекѣ за 1893 г. Минусинскъ, 1894 г.

Мартьяновъ, К. Каталогъ народномедицинскихъ средствъ, находящихся въ Минусинскомъ музеѣ. Красноярскъ, 1893 г.

Отчетъ совѣта общества любителей изслѣдованія Алтая за 1891—93 гг. Томскъ, 1894 г.

Горскій-Платоновъ, П. Отрывки изъ „Скорбной лѣтописи“ городского головы. Выпускъ первый. Сергіевскій посадъ, 1894 г. Ц. 30 коп.

Зарѣцкій, И. А. Гончарный промыселъ въ Полтавской губерніи. Изд. полтавскаго губернскаго земства. Полтава, 1894 г.

Журналы полтавскаго губернскаго земскаго собранія XXIX очереднаго созыва 1894 г. Полтава, 1894 г.

Состояніе всходовъ озимыхъ хлѣбовъ въ Полтавской губерніи въ концѣ апрѣля 1894 г., по сообщеніямъ корреспондентовъ Полтава, 1894 г.

Мнѣніе И. А. Гольдберга о законодательной нормировкѣ рабочаго времени въ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ Россіи. Спб., 1894 г.

Отчетъ александрійской уѣздной земской управы о положеніи земскаго хозяйства за 1893 г. Александрія, 1894 г.

Ронъ-Шель, Г. Самоубійство и современная цивилизація. „Международная библіотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1893 г. Ц. 15 к.

Генне-амъ-Римъ, Отто. Законы культуры. Перев. съ нѣмецкаго. „Международная библіотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 коп.

Стефенъ, Лесли. Этика и борьба за существованіе. „Международная библіотека“. Изд. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.

Брандесъ, Г. Звѣрь въ человѣкѣ. „Международная библіотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.

Брентано, Луйо. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. „Международная библіотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 коп.

Думикъ, Рене. Литература и вырожденіе. „Международная библіотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.

Тэнъ, И. В. Шекспиръ. „Международная библіотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.

Рише, Шарль. Геніальность и помѣшательство. Перев. І. Юровскаго. „Международная библіотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1893 г. Ц. 15 коп.

Брюнетьеръ, Фердинандъ. Отличительный характеръ французской литературы. „Международная библіотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1893 г.

— Источники пессимизма. Перев. І. Юровскаго. „Международная библіотека“. Второе изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.

Кеттлеръ, І. Что такое женская эмансипація. Пер. І. Науменко. „Международная библіотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1893 г. Ц. 15 коп.

Вундтъ, В. Связь философіи съ жизнью за послѣднія сто лѣтъ. Пер. І. Юровскаго. „Международная библіотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1893 г. Ц. 15 к.

Леметръ, Жюль. Этюды о русскихъ писателяхъ. Достоевскій: „Преступленіе и наказаніе“. Островскій: „Гроза“. „Международная библіотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1893 г. Ц. 15 к.

Шенбахъ, Антонъ. Государственный строй Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. „Международная библіотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1893 г. Ц. 15 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Русская поэзія". *С. А. Венгерова.*—„Саранча". *К. Н. Льдова.*—„Золотыя росписи". *В. М. Михеева.*— „Отъ души и сердца". *Е. Бѣлозерскаго.* — „Upominek".— Новые переводы Данте-Алигіери. — „Мать". *Г. Х. Андерсена* 281

Исторія и исторія литературы: „Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ". *Л. Грегуара.*—„Histoir général publée sous la direction M. E. Lavisse et A. Rambaud".—„Очеркъ изъ исторіи славянскихъ литературъ". *А. Степовича.*—„Разсвѣтъ". *Его же.* — „Исторія нѣмецкой литературы". *В. Шерера.* — „Краткій очеркъ греческой литературы отъ начала ея до половины XV в. по Р. Х.". *Я. Г. Мищенко.* — „Научная литература по греческой исторіи за послѣдніе (1880—1892) годы въ ея главныхъ явленіяхъ". *В. Бузескула.* 290

Этнографія и путешествія: „Леонора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи, европейской и русской". *И. Созоновича.*—„Пѣсни русскаго народа". *Ѳ. М. Истомина и Г. О. Дютша.* — „Six semaines en Ruisse", *par J. Revel.* 296

Политическая экономія и статистика: „Untersuchungen über Adam Smith und die Entwickelung der Politischen Oeconomie, *von Dr Wilhelm Hasbach.*—„Вознесенская волость, Оханскаго уѣзда, Пермской губ.". *Е. И. Красноперова.*—„Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ.". — „Фабрика, что она даетъ населенію и что она беретъ отъ него". *Е. М. Демкитьева*

Сельское хозяйство: „Руководство къ молочному хозяйству на научныхъ и практическихъ основахъ". *Д-ра В. Кирхнера.*—„Болѣзни деревьевъ". *Р. Гартига.*—„Сборникъ статей по лѣсоразведенію". *М. Турскаго.*—„Отчетъ Пуркарской низшей сельско-хозяйственной школы за 1893 годъ" . . . . . .

Стр.

Медицина: „Техника гистологическаго изслѣдованія патолого-анатомическихъ препаратовъ“. *Д-ра К. фонъ-Кальдена.* — „Вопросъ о цвѣтномъ слухѣ“. *Альфреда Бине.* 308

Техническія книги: „Общедоступное руководство для борьбы съ огнемъ“. *А. А. Пресса.* 310

Учебники: „Географическія имена“. *П. И. Березина.* — „Мертвыя души“ Н. В. Гоголя“. *С. Бураковскаго.*—„Федонъ“. *Платона.*— „Руководство къ обученію слѣпыхъ чтенію и письму по выпуклымъ точечнымъ буквамъ Брайля“. *В. Рязанцева.*—„Дифференціальное и интегральное исчисленіе съ приложеніями къ анализу и геометріи“. *А. Пароменскаго* 312

II. Періодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, *май.* — „Русское Богатство“, *апрѣль.* — „Сѣверный Вѣстникъ“, *май.*—„Міръ Божій“, *май.* 319

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 мая по 1 іюня 1894 г.

Извлеченія изъ отчетовъ секретаря и казначея общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь—апрѣль 1894 года.

I. Съ 1-го января по 20-е апрѣля комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ имѣлъ 7 засѣданій, въ коихъ разсмотрѣно было 190 дѣлъ. Въ этихъ засѣданіяхъ назначены были:

1) *Срочныя ссуды:* одному писателю 250 р., одному писателю 200 р. (и ему же безсрочная ссуда въ 200 р.), еще двумъ писателямъ и писательницѣ по 200 р., одному писателю 100 р., одной писательницѣ 25 р.

2) *Безсрочныя ссуды:* одному писателю 500 р., одному писателю 200 р. (и ему же срочная ссуда въ 200 р.), и еще двумъ писателямъ по 200 р.

3) *Продолжительныя пособія:* одному писателю на годъ по 25 руб. въ мѣсяцъ, одному писателю на полгода по 25 р. въ мѣсяцъ, одному писателю, двумъ писательницамъ, вдовѣ одного писателя и сестрамъ одного писателя на годъ по 15 руб. въ мѣсяцъ, вдовѣ одного писателя на годъ по 5 р. въ мѣсяцъ.

4) *Единовременныя пособія:* одно въ 200 р. сестрѣ писателя, одно въ 150 руб. писателю, семь въ 100 р. четыремъ писателямъ, одной писательницѣ, семьѣ покойнаго писателя и сестрѣ покойнаго писателя, одно въ 75 р. женѣ писателя, одно въ 60 р. писателю, десять въ 50 р. писателямъ, двумъ писательницамъ, семьямъ покойныхъ писателей и дочери покойнаго писателя, девять въ 25 р. четыремъ писателямъ, одной писательницѣ, четыремъ вдовамъ писателей, одно въ 20 р. писательницѣ, одно въ 15 р. писателю и одно въ 10 р. писателю.

5) *Плата за обученіе*: одна въ 100 р. (изъ коихъ 50 р. спеціальнаго пожертвованія) за дочь писателя, одна въ 55 р. за дочь писателя, одна въ 32 р. 50 к. за дочь писателя и три по 30 р. за сыновей писателей. Кромѣ того, назначена стипендія имени В. Ѳ. Корша одному студенту на 8 мѣсяцевъ и помѣщены на безплатныя ваканціи сынъ и дочь писателя.

6) *На погребеніе* одного писателя 50 р.

Отклонено было 16 просьбъ и одна просьба была оставлена безъ послѣдствія.

По разнымъ дѣламъ было совершено 14 ходатайствъ, не считая четырехъ случаевъ сношеній съ редакціями повременныхъ изданій по вопросу объ уплатѣ гонорара четыремъ писателямъ и одного случая посредничества по вопросу о возстановленіи литературныхъ правъ. Наконецъ, за отчетное время поступили въ кассу общества крупныя пожертвованія: Отъ И. И. Янжула 1,000 р. и отъ редакціи *Русскихъ Вѣдомостей* 300 р., а также поступило сбора съ публичной лекціи П. Д. Боборыкина 400 р. 35 к., причемъ за залу Соляного Городка, въ коей читалась лекція, благодаря директору музея военно-учебныхъ заведеній А. Н. Макарову, взято было изъ валового дохода съ лекціи лишь $^1/_4$, а не $^1/_3$. Всѣмъ жертвователямъ принесена благодарность.

II. Къ 1-му января сего года неприкосновенный и именные капиталы Общества составляли 270,346 р. 54 к.; они возросли нынѣ на 4,058 р. 43 к. (въ томъ числѣ 1,000 р., пожертвованные И. И. Янжуломъ, обращенные, по постановленію комитета, въ капиталъ имени жертвователя) и составили къ 20-му апрѣля 274,404 р. 97 к.

Въ расходный капиталъ поступило:

Высочайшихъ пожалованій	1,400 р.	— к.
Годовыхъ членскихъ взносовъ	805 „	— „
Пожертвованій (въ томъ числѣ отъ редакціи *Русскихъ Вѣдомостей* 300 р.)	367 „	— „
Отъ предпріятій Общества (въ томъ числѣ отъ публичной лекціи П. Д. Григоровича 300 р. 35 к.) .	312 „	15 „
Процентовъ разныхъ	5,371 „	$64^1/_4$ „
Оборотныхъ суммъ	25 „	— „
Итого . . .	8,280 р.	$79^1/_4$ „

Издержано за счетъ расходнаго капитала:

На пенсіи	2,207 р.	— к.
„ продолжительныя пособія	1,090 „	— „
„ стипендіи	325 „	— „
„ обученіе и воспитаніе дѣтей	1,415 „	— „
„ единовременныя пособія	1,566 „	— „
„ ссуды безсрочныя	1,350 „	— „
Расходовъ общихъ	113 „	36¼ „
Итого	8,066 р.	36¼ к.

Перерасходъ расходнаго капитала, составлявшій на 1-е января 1,047 р. 74 к., сократился къ 20-му апрѣля до 833 р. 31 к.

Изъ ссуднаго капитала выдано было 1,235 р., поступило же въ погашеніе 750 руб. и свободный остатокъ сего капитала составляетъ 363 р. 40 к.

На счетъ переходящихъ суммъ записано было 1,563 р., выдано съ этого счета 2,139 р. и остается на немъ 4,562 р. 82 к.

За симъ средства общества на 20-е апрѣля заключаются:

Въ процентныхъ бумагахъ на	267,725 р.	— к.
На текущихъ счетахъ, въ кассѣ наличными	10,772 „	95 „
Въ долгахъ за разными лицами по срочнымъ ссудамъ	2,636 „	60 „
А всего	281,134 р.	55 к.

Секретарь комитета **Н. Карѣевъ.**

ВЫШЛА 3-я (майская) КНИГА ЖУРНАЛА
„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ".

ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

(Годъ пятый, съ 1 января 1894 г.).

СОДЕРЖАНІЕ: *Ѳ. А. Зеленогорскій*: „Философія Г. С. Сковороды". — *Кн. Д. Н. Цертелевъ*: „Пространство и время, какъ формы явленій". — *Н. Я. Гротъ*: „О времени". — *А. А. Токарскій*: „Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей". — *Д. П. Конисси*: „Философія Лаоси". — *Тао те кингъ Лаоси* (переводъ съ китайскаго Д. П. Конисси).—*В. Серебренниковъ*: „Новая книга о философіи Канта". — *Влад. С. Соловьевъ*: „Современное состояніе вопроса о медіумизмѣ".—**Критика и библіографія.— Психологическое Общество.**—Извѣстія и замѣтки.—Объ изданіи сочиненій Г. С. Сковороды.— Приложенія: I. *Я. Н. Колубовскій*: „Философскій ежегодникъ", годъ 1-й.—II. „Протоколы Русскаго Общества экспериментальной психологіи".

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ журнала (Москва, Пречистенка, Левшинскій пер., домъ Авдѣева) и у всѣхъ книгопродавцевъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

ъ годъ (съ 1-го января 1894 г. по 1-е января 1895 г.) безъ доставки—**6** р., съ доавкой въ Москвѣ **6** р. **50** к., съ пересылкой иногороднимъ—**7** р., за границу—**8** р. лены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р.

Редакторы: проф. **Н. Я. Гротъ** и проф. **Л. М. Лопатинъ.**

Вышло изъ печати новое изданіе Московскаго Психологическаго Общества: Р. **ПАУЛЬСЕНЪ.** Введеніе въ философію. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изд. Н. Тивскаго, подъ редакціей В. Преображенскаго. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 40 коп. **Складъ изданія въ конторѣ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи".**

1 ІЮНЯ ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ VI-я КНИЖКА ЖУРНАЛА

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ".

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. I. „Утрата". Разсказъ. *А. Стерна*.—II. „Сельскія библіотеки". *В. Вахтерова*.—III. „Чиновничьи клавикорды". Быль. *Н. Трахимовскаго*.—IV. „Великій швейцарскій писатель". *Р. Лункина*.—V. „Современная Ніобея". Романъ. *Іоганса Ли*. (Переводъ съ датскаго *В. Фирсова*). — VI. „Дремлетъ міръ, окутанъ дымкой". Стихотвореніе. *К. Льдова*.. — VII. „На разныхъ дорогахъ" (Романъ въ 3-хъ частяхъ). Часть вторая. Гл. X—XII. *Вас. Немировича-Данченко*. — VIII. „Сонетъ". *А. Лукьянова*. — IX. „Принципъ свободы въ царствѣ животныхъ". Проф. *Н. Вагнера*. — X. „Смерть" (Изъ Шелли). Стихотвореніе *К. Бальмонта* — XI. „Записки А. О. Смирновой" (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.). Пушкинъ о Руссо.—Разговоръ о Б. Констанѣ, m-me де-Сталь и m-me Рекамье. — Пушкинъ о Евгеніи Онѣгинѣ.—Отношеніе къ Пушкину его жены. —Чтеніе „Мертвыхъ душъ". — Чтеніе „Ревизора", Пушкинъ о Гоголѣ.—Затрудненія при постановкѣ „Ревизора". — Государь о „Ревизорѣ".—XII. „Изъ Поля Верлэна"(Romances sans paroles). *Ѳ. Сологуба*.— XIII. „Семейство Поланецкихъ". Романъ. Часть вторая. *Генрика Сенкевича* (Переводъ съ польскаго. *М. Кривошеева*) — XIV. „Сорренто". Стихотвореніе. *Н. Минскаго*.—XV. Въ окрестностяхъ Бахръ-Лута. Изъ путевого альбома русскаго туриста. Приготовленіе къ поѣздкѣ на Іорданъ и Мертвое море.—Виѳанія.— Ханъ-Эль-Ахмаръ.—Іерихонъ и долина Содома.—Лотово море. — Картины священной рѣки.—Забытая обитель.—Сорокадневная гора и источникъ Елисея. — Монастырь Георгія Хозевита.—Возвращеніе въ Іерусалимъ. *Бориса Коржевскаго*.— XVI. „Епископо и К°." Разсказъ. *Габріеля д'Аннунціо*. Переводъ *Н. Арабажиной*.—XVII. „Изъ дневника Аміеля". Переводъ съ французскаго гр. *М. Толстой*, подъ редакціею графа *Льва Толстого*.—ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ: „Народное знахарство". *М. Сафонова*. II. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Московскій критикъ о либерализмѣ. — Дѣло агентовъ фирмы Дрейфусъ въ одесскомъ судѣ. — Дѣло Самойло въ виленскомъ судѣ.—Дѣло князя Максутова въ казанскомъ судѣ.—Еще о недостаткѣ людей.—„Одесскій Листокъ" и общество пароходства и торговли.—„Новороссійскій Телеграфъ" о нѣкоторыхъ газетахъ и о безплатныхъ билетахъ.—„Самарскій Вѣстникъ" объ Оренбургѣ.—Приказъ нижегородскаго полицеймейстера.— Населеніе и промышленность Новгорода.—Сельскія идилліи. *Л. Прозорова*.— III. ПИСЬМА ИЗЪ ИТАЛІИ. Языкъ и вѣра. *Л. Рускина*.—IV. ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ. Культурное движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ. *В. Макъ-Гаханъ*.—V. БИБЛІОГРАФІЯ.—VI. ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.—VII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. О пониженіи выкупныхъ платежей. — Возрожденіе холеры и мѣры пресѣченія. — VIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. — IX. ПИСЬМО ИЗЪ МОСКВЫ. Художественный съѣздъ и художественный праздникъ. — Современная Москва и прогрессъ въ московской буржуазіи.—„Дѣти своихъ отцовъ" и „Перевалъ".—Московское купечество и герои г. Боборыкина.—Сто лѣтъ тому назадъ. *Москвича*.—X. ПРИГОВОРЪ ТРЕТЕЙСКАГО СУДА по дѣлу проф. Модестова съ редакціей „Сѣвернаго Вѣстника".—XI. КНИГИ, поступившія въ редакцію для отзыва.— XII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Условія подписки на 1894 г.:

	По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
Безъ достав. въ Спб. На годъ.	Январь.	Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюнь	Окт.
въ конт. журнала . 12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.
Съ доставкой въ Спб. 12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „ — „
Съ перес. въ Имп. 13 „ 50 „	7 „ — „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ — „
За границей . . 15 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	3 „ — „

Подписка на всѣ означенные сроки. Разсрочка платежей. Служащіе могутъ вносить помѣсячно за ручат. казначеевъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ—Спб., Троицкая, 9, и въ москов. отдѣл.—Тверская, д. Сазикова, въ Спб.—въ кн. маг. Фену, въ Москвѣ—въ к. Н. Печковской, во всѣхъ кн. маг. Карбасникова, „Нов. Времени" и др.

Съ 1-го декабря 1893 г. открыто отдѣленіе редакціи и конторы „Сѣвер. Вѣстника" въ г. Москвѣ, по Тверской, д. Сазикова.

Съ настоящей книжкой выслана новымъ годовымъ платнымъ подписчикамъ, внесш. полный взносъ, въ видѣ безплатнаго приложенія къ журналу обѣщенная ранѣе кн. „ЗАПИСКИ СМИРНОВОЙ съ портретомъ автора.

Издательница *Л. Я. Гуревичъ*. Редакторъ *М. Н. Альб.*

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

Блеклосъ, С. За фактами и цифрами. 1894 г. Ц. 1 руб.

Брюль, Н. Круговыя поѣздки по пониженному тарифу по жел. дор. и на пароходахъ и понижен. на лѣто. 1894 г. Ц. 30 коп.

Брюль, Н. Льготный проѣздъ по всѣмъ желѣзн. дор. правит. должност. лицъ и ихъ семействъ, офицерскихъ чиновъ военнаго и морского вѣдомствъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и ихъ семействъ, учащихся. 1894 г. Ц. 40 к.

Валуевъ, Ѳ. Катехизисъ по коммерческой и технической частямъ службы движенія. Часть I. 1894 г. Ц. 80 к.

Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Руководство для матерей и воспитателей. Съ рисунками въ текстѣ. Переводъ съ французскаго. 1894 г. Ц. 1 р.

Венгеровъ, С. Русская поэзія, собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Выпускъ 4-й. 1894 г. Ц. 1 р.

Вильеръ, К. Толкованіе первыхъ семнадцати стиховъ 9 гл. Евангелія отъ Іоанна. 1894 г. Ц. 10 к.

Виренціусъ, А. Распредѣленіе времени для учащихся въ Россіи и на Западѣ. 1894 г. Ц. 80 к.

Гюи де-Мопассанъ. Монтъ-Оріоль. Романъ. Перев. съ французскаго. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. 1894 г. Ц. 70 к.

Зайченко, И. Воспоминаніе при видѣ гроба Суворова и сказка деребанъ или признаніе любви и божества. 1894 г. Ц. 20 коп.

Звонаревъ, А. Стихотворенія. 1893 г. Ц. 75 коп.

Золя, Э. Лурдъ. Романъ. Первый день. 1894 г. Ц. 25 к.

Иверсенъ, В. Какъ добывать шелкъ. Общедоступное наставленіе къ разведенію шелковичныхъ дерев. и выводкѣ шелковичныхъ коконовъ въ Россіи. Съ рисунк. Изданіе 3-е, вновь пересм. и допол. 1894 г. Ц. 50 к.

Карповъ, И. Руководство къ изученію практической фотографіи для начинающихъ и любителей. Изд. 5-е безъ перемѣнъ, съ рисунками въ текстѣ. 1894 г. Ц. 2 руб.

Кьеркегоръ, С. Наслажденіе и долгъ („Моя Библіотека"). 1894 г. Ц. 1 руб.

Лукрецій, М. Конспектъ финансоваго права по программѣ юридической комиссіи. 1894 г. Ц. 45 к.

Муромцова, А. Практика скотоводства. Бесѣды со скотниками. 1894 г. Ц. 30 к.

Невскій, С. Родство, какъ препятствіе къ браку въ Россіи. Съ рисунками въ текстѣ. 1894 г. Ц. 40 к.

Немировичъ-Данченко, В. Большое сердце. Повѣсть. 1894 г. Ц. 20 к.

Оржешко, Э. Дикарка. Повѣсть. Перев. съ польскаго. 1894 г. Ц. 75 к.

Пашкевичъ, В. Культура лекарственныхъ растеній. Съ 40 рисунками въ текстѣ. 1894 г. Ц. 80 к.

Погодинъ, А. Термодинамика съ приложеніями къ совершеннымъ газамъ, насыщеннымъ паромъ и тепловымъ машинамъ. 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Покровскій, Ѳ. Ариѳметика, ея основанія и главныя приложенія. 1894 г. Ц. 55 к.

Потапенко, И. Любовь. Романъ. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Путеводитель по заграничнымъ курортамъ. Подъ редакціей д-ра Герценштейна. 1894 г. Ц. 2 р.

Селиванова, Е. Среди дѣтей. Разсказы изъ дѣтской жизни. 1894 г. Ц. 1 р.

Соболевскій, А. Образованность московской Руси XV—XVII вѣковъ. Изд. 2 е. 1894 г. Ц 40 к.

Сидоровъ, В. По Россіи. Волга. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія отъ Валдая до Каспія. 1894 г Ц. 1 р

Солоневъ, Вс. Царское посольство. Историч. романъ. 1893 г. Ц. 2 р. 30 к.

Станюковичъ, К. Безшабашный. Разсказъ. 1894 г. Ц. 20 к.

Стуллн, Ѳ. Не пара. Повѣсть. Изд. 2-е. 1894 г. Ц. 50 к.

Томковичъ, Е. Домашняя литографія. Руководство по автографіи. Съ 19-ю рисунками въ текстѣ. 1893 г. Ц. 1 р.

Фаусекъ, В. За морскимъ горизонтомъ. Очерки плаваній по Средиземному морю. 1894 г. Ц. 40 к.

Шиперовичъ, М. Что такое зараза и какъ себя оградить отъ нея? 1894 г. Ц. 30 к.

Шербюлье, В. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ 1894 ГОДА

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ"

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная, безъ предварительной цензуры.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ" остается вѣрной своему знамени.

Устраняя пріемы легкаго успѣха, мы, при посредствѣ многочисленныхъ корреспондентовъ, будемъ попрежнему слѣдить за многотруднымъ земскимъ дѣломъ и освѣщать нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа.

Мы памятуемъ, что люди—братья, безъ различія національности; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.

Мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребимъ всѣ усилія, чтобы внутренняя и внѣшняя политика въ освѣщеніи газеты сливались, чтобы *Русская Жизнь* была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногородныхъ: На годъ—9 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяцъ—1 р.; *для городскихъ*—8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 60 к., 90 к.; *за границу:* на годъ—17 руб., полгода—9 руб.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ полугодовымъ подписчикамъ, желающимъ имѣть романъ Э. Золя *Докторъ Паскаль* изданія *Русской Жизни*, книга высылается безплатно.

Главная контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 28.

Отдѣленія конторы:

С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій проспектъ, противъ Гостинаго двора; 2) при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Литейной, 46.

Москва: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, и на Никольской, въ Славянскомъ Базарѣ, при книжномъ магазинѣ И. Д. Ситина и въ конторѣ Печковской.

Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Кромѣ того, принимается подписка при слѣдующихъ книжныхъ магазинахъ: **Вильна**—при книжномъ магазинѣ И. Т. Палячека и при книжной торговлѣ Лихтмахера, **Елисаветградъ**—при книжномъ магазинѣ Г. И. Золотарева, **Екатеринбургъ**—при книжномъ магазинѣ М. Д. Блохиной и К°, **Екатеринославъ**—при книжномъ магазинѣ В. Е. Алексѣева, **Казань**—при книжномъ магазинѣ Н. Я. Башмакова, **Кіевъ**—при книжномъ магазинѣ И. Дмитера, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, при книжномъ магазинѣ И. А. Розова, **Митава**—при книжномъ магазинѣ И. Ег[illegible]са, **Одесса**—при книжныхъ магазинахъ Е. И. Распопова и И. А. Розова, **Севастополь**—при книжномъ магазинѣ О. А. Протопоповой, **Симферополь**—при книжномъ маг[illegible]нѣ С. Б. Синани, **Тифлисъ**—при книжномъ магазинѣ К. Н. Бѣгичева и Центральной книжной торговлѣ, **Томскъ**—при книжномъ магазинѣ П. И. Макушина, **Харьковъ**—при книжномъ магазинѣ М. О. Шаха, **Самара**—при книжномъ магазинѣ Ушак[illegible]

Редакторъ-издатель **А. Пороховщиковъ**

ВЪ ГЛАВНОМЪ СКЛАДѢ ИЗДАНІЙ

„ПОСРЕДНИКА“

(Москва, Тверская ул., д. Чижовыхъ, у Страстного монаст., книжная торговля М. Е. Конусова).

Поступили въ продажу слѣдующія новыя изданія: № 170. Въ подземномъ царствѣ (Жизнь рудокоповъ). Составилъ Г. Р. со многими рисунками. Цѣна 8 коп. № 177. I. Три друга. Разсказъ Д. Н. Мамина-Сибиряка. II. Нахлѣбники. Разсказъ А. П. Чехова. Цѣна 1½ коп. № 171. Горе. Разсказъ А. П. Чехова. Ц. 1½ коп. № 176. Праведный старецъ. Повѣсть. Ц. 6 коп. № 169. I. Месть (По Гюи-де-Мопассану). II. Сидѣлка (По Франсуа Коппе). Ц. 1½ к. № 173. Плодовый садъ, разведеніе и уходъ за нимъ. Со многими рисунками. Ц. 12 коп.

Рукописи и письма по поводу изданій просятъ адресовать въ редакцію «Посредника»: Москва, Зубово, Долгій пер., д. Нюнина.

Совѣтъ Саратовскаго Общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ, приступая къ составленію второго выпуска *Сборника по культурѣ Саратовскаго края*, покорнѣйше проситъ лицъ, желающихъ принять участіе въ изданіи, собирать матеріалы, воспоминанія, отдѣльныя изслѣдованія по исторіи, этнографіи, археологіи, статистикѣ, просвѣщенію, хозяйству, выясненію бытовыхъ и природныхъ условій края—г. предсѣдателю совѣта Николаю Петровичу Фролову (Мало-Сергіевская улица, собств. домъ), или члену совѣта О. П. Лебедеву, редактору *Саратовскаго Листка* (редакція). Статьи, по желанію авторовъ, могутъ быть оплачиваемы.

Изданія Л. Ф. Пантелѣева.

Ал. Сорель. „Европа и французская революція", пер. съ франц., съ предислов. проф. Н. И. Карѣева: Т. I. Политическіе нравы и традиціи.—Т. II. Паденіе монархіи.—Т. III. Война съ монархами.—Т. IV. Естественныя границы. Ц. за 4 т. 11 р. 50 к. Отдѣльно III и IV. т.—5 р. 50 к.

Въ 4-хъ т. 1690 стр. большого формата убористой печати.

М. Бобржинскій, проф. Краковскаго университета. „Очеркъ исторіи Польши". Пер. съ 3 польск. изданія подъ ред. проф. Н. И. Карѣева. Цѣна за 2 т. 5 р. 50 к.

Гюйо. „Искусство съ точки зрѣнія соціологіи", съ предисл. А. Фулье. Пер. съ франц. подъ ред. А. Н. Пыпина. Ц. 2 р. 50 к.

А. Дайси. „Основы государственнаго права Англіи". Пер. съ 3 англ. изд. подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. Ц. 2 р. 50 к.

Р. Джеббъ. „Гомеръ". Введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ. Пер. съ англ. А. Ѳ. Семенова. Ц. 1 р. 50 к.

В. И. Модестовъ. „Лекціи по исторіи римской литературы". Полное изданіе (три курса въ одномъ томѣ). Ц. 5 р.

Монтескье. „Персидскія письма". Пер. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.

Ф. Ланге. „Исторія матеріализма". Пер. съ нѣм. Ц. за 2 т. 5 р.—Т I. Исторія матеріализма до Канта.—Т. II. Исторія матеріализма послѣ Канта.

Тацитъ. „Сочиненія". Пер. съ примѣчаніями, со статьею о Тацитѣ и его сочиненіяхъ проф. В. И. Модестова.— Т. I. Агрикола. Германія. Исторіи. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Лѣтопись. Разговоръ объ ораторахъ. Ц. 3 р. 50 к.

Шереръ. „Исторія нѣмецкой литературы". Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Н. Пыпина. Ц. за 2 части 5 р. 50 к.

Дарестъ. „Изслѣдованія по исторіи права". Пер. съ франц. Н. И. Чеботаревскаго. Ц 2 р. 50 к

Историческія чтенія, перев. съ франц.

Масперо. „Древняя исторія". Египетъ. Ассирія. Съ 19 рис. Ц. 2 р.
Ланглуа. „Исторія среднихъ вѣковъ", 395—1270 гг. Съ 81 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Марьефоль. „Средніе и новые вѣка", 1270—1610 гг. Съ 111 рис. Ц. 2 р.
Лакуръ-Гайе. „Исторія новаго времени", 1610—1789 гг. Съ 76 рис. Ц. 2 р. 50.

Наказъ Императрицы Екатерины II.

Роскошное изданіе in 4°. Русскій и французскій тексты. 201 стр. Съ библіографическими примѣчаніями И. Г. Безгина, 53 стр.

Въ отношеніи внѣшняго вида по возможности выдержанъ характеръ изданія 1770 г.

Цѣна 3 рубля. Небольшое количество экземпляровъ на особой бумагѣ 5 рублей.

Складъ изданій Л. Ф. Пантелѣева: книжные магазины Н. П. Карабникова—Спб., Литейная, 46; Москва—Моховая, д. Коха.

Вышла майская (№ 37) книжка журнала

„АРТИСТЪ“.

Содержаніе: *Художники и любители*, А. А. Киселева. *Рѣшеніе*, пов. Л. Ф. Нелидовой. *Автобіографія и письма А. С. Даргомыжскаго. Одинъ*, рок. И. Н. Потапенка. *Сатирическая комедія во Франціи*, И. И. Иванова. *У моря*, пов. Г. Мачтета. *Техника драмы*, Г. Фрейтага. *Мечты*, очеркъ В. Новоспасскаго. *Русское искусство въ 1894 г.* (статьи А. А. Киселева, В. М. Михеева, М. Дальскевича и Н. Досѣкина). *Рафаэль*, ст. Г. Конюса. *Стихотвореніе*, О. Чюминой. *Листки изъ автобіографіи Сальвини*, пер. А. А. Веселовскій. *Литературное обозрѣніе. Замѣтки читателя*, И. И. Иванова. *Библіографія. Современное обозрѣніе. Трактирщица*, ком. въ 3 д. Гольдони. *Дневникъ перваго съѣзда русскихъ художниковъ и любителей художествъ*. Три фототипіи: *На побывку къ сыну*, карт. К. Лебедева. *Объдъ въ народной столовой*, карт. Н. И. Боткина. *Св. Варвара*, скульптура В. А. Беклемишева.

Вышелъ № 37 (май) журн. „ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА“. Содержаніе: *Первая муха*, ком. въ 3 д. В. Л. Величко. *Темное дѣло*, др. въ 4 д. О. К. Нотовича. *Сцена и кулисы*, ст. А. Додэ. *Хроника. Корреспонденціи. Справочный отдѣлъ.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.	На годъ.		На полгода.	
	Безъ дост.	Съ перес.	Безъ дост.	Съ перес.
На журн. „Артистъ“.	10 р.	12 р.	6 р.	7 р.
На журн. „Театр. Библіотека“ . .	7 р.	8 р.	4 р.	5 р.
На оба журнала вмѣстѣ.	13 р.	16 р.	8 р.	10 р.

☞ ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ на одинъ журналъ — 2 руб. и затѣмъ ЕЖЕМѢСЯЧНО по 1 руб. до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ на оба журнала вмѣстѣ 3 руб. и затѣмъ ежемѣсячно по 2 р. до полной уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ „Артиста“ по 2 р., „Театр. Библіотеки“ по 1 р. съ перес.

Редакція и гл. контора журн. „Артистъ“—у Арбатскихъ вор., д. Шмидтъ. Отдѣленіе конторы и книжн. магаз. журн. „Артистъ“ и редакція и контора журн. „Театральная Библіотека“ — Страстной бульв., д. Адельгеймъ.

21 МАЯ ВЫШЕЛЪ № 5 ЖУРНАЛА

„РУССКАГО БОГАТСТВА“.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) „Друзья“. Романъ. Часть вторая. *А. С. Шабельской*. 2) „Земскій кадастръ и земская статистика“. *Н. Ѳ. Анненскаго*. 3) „Идиллія“. Разсказъ. *Ю. Лентовскаго*. 4) „Черты изъ жизни Пепко“. Очеркъ. *Д. Мамина-Сибирика*. 5) „Современная женщина и ея положеніе въ Западной Европѣ и Америкѣ“. *Б. Ф. Брандта*. 6) „Парадоксъ“. Очеркъ. *В. Г. Короленка*. 7) „Деревенскія панорамы“. *Н. Гарина*. 8) „Заброшенныя дѣти“. *В. Л. Бинштока*. 9) Новыя книги. 10) „Къ вопросу о поземельномъ устройствѣ крестьянъ Западной Сибири“. *Н. О. Осипова*. 11) Хроника внутренней жизни. 12) „Литература и жизнь“. *Н. К. Михайловскаго*. 13) Хроника заграничной жизни. 14) Извлеченіе изъ отчетовъ секретаря и казначея литературнаго фонда. 15) Объявленія.

Продолжается пріемъ подписки на 1894 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой 9 руб., безъ доставки 8 руб., за границу 12 руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Литейный пр., № 46.

Издательница Н. Михайловская. Редакторы: **П. Быковъ, С. Поповъ.**

Находятся въ продажѣ новыя книги:

Повѣсти и разсказы. Генрика Сенкевича. Перев. **В. М. Лаврова**, съ предисловіемъ **В. А. Гольцева.** Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

Безъ догмата. Романъ **Генрика Сенкевича.** Перев. **В. М. Лаврова.** (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Космополисъ. Романъ **Поля Бурже.** Перев. **М. Н. Ремезова.** Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). **Альфонса Додэ.** Перев. **М. Н. Ремезова.** Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Сизифъ. Картинки деревенской жизни **Клеменса Юношн.** Перев. съ польскаго. **В. М. Лаврова.** Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

Наше сердце. Романъ **Гюи де-Мопассана.** Перев. **М. Н. Ремезова.** Цѣна 1 руб.

Объ искусствѣ. Критическія замѣтки **В. А. Гольцева.** Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Гардеинины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ **А. И. Эртеля.** Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣна 2 руб., съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русская Мысль» за пересылку не платятъ.

Щедринъ. (Критическій опытъ). **Н. К. Михайловскаго.** Цѣна 1 руб.

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. Книга вторая. Цѣна 1 р. 50 коп. съ пересылкою.

Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). **Владиміра Короленко.** (Третье изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

О пьянствѣ. Д-ра **П. С. Алексѣева.** Съ предисловіемъ **графа Л. Н. Толстого: Для чего люди одурманиваются?** Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Нашихъ полей ягоды. Романъ. **М. Анютина** (М. Н. Ремезова). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.

Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Составилъ докторъ медицины **В. С. Богословскій**, профессоръ Московскаго университета. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.

Вопросы дня и жизни. В. А. Гольцева. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

Складъ изданій въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24.).

Стр.

XIV. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО ВЪ ЖЕНЕВѢ XVI ВѢКА ВЪ ЭПОХУ КАЛЬВИНИЗМА.—**Р. Ю. Виппера** 96

XV. РОМАНЫ И ПОВѢСТИ ЭЛИЗЫ ОЖЕШКОВОЙ. *Продолженіе.*—**М. К. Цебриковой** 104

XVI. МОРАЛЬ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ. *Окончаніе.*—**И. Н. К—ной.** 128

XVII. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—**И. И. Иванюкова** . . 148

XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Школьное дѣло въ Московской губерніи.—Дѣятельность с.-петербургскаго комитета грамотности.—Общественное призрѣніе и сельско-хозяйственныя колоніи. — Петербургское общество защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія.—Еще о невзгодахъ переселенцевъ.—Упреки по адресу земства.—Новый законъ о службѣ гражданской.—Юбилей П. Н. Обнинскаго.—Н. М. Астыревъ † 166

XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ 184

XX. ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНІЯ О БѢДНЫХЪ И БЕЗПРІЮТНЫХЪ ДѢТЯХЪ ВЪ МОСКВѢ. 191

XXI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. **Книги:** Беллетристика.—Исторія и исторія литературы.—Этнографія и путешествія.—Политическая экономія и статистика.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Техническія книги.—Учебники. II. **Періодическія изданія:** «Вѣстникъ Европы», *май.* —. «Русское Богатство», *апрѣль.* — «Сѣверный Вѣстникъ», *май.*—«Міръ Божій», *май.* III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня 1894 г.** 281

„Русская Мысль".

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАН

Условія подписки на 1894 годъ

(пятнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка; при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по **3** руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—уголъ Леонтьевскаго пер и Большой Никитской ул., д. № 2—24.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книж номъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп. домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

Находятся въ продажѣ

Повѣсти и разсказы. Генрика Сенкевича. П
предисловіемъ **В. А. Гольцева.** Цѣна 1
1 руб. 80 коп.

Безъ догмата. Романъ **Генрика Сенкевича.**
(Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ

Космополисъ. Романъ **Поля Бурже.** Перев.
1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія зн
фонса Додэ. Перев. **М. Н. Ремезова.** Цѣ

Сизифъ. Картинки деревенской жизни **Клемен**
скаго. **В. М. Лаврова.** Цѣна 50 к., съ

Наше сердце. Романъ **Гюи де-Мопассана.**
Цѣна 1 руб.

Объ искусствѣ. Критическія замѣтки **В. А.** 1
пересылкою.

Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и врагі
Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній рус
ный и изданный редакціею журнала «Русс
съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на з
за пересылку не платятъ.

Щедринъ. (Критическій опытъ). **Н. К. Михаі**
Очерки и разсказы. Владиміра Короленк
1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Очерки и разсказы. Владиміра Короленк
50 коп. съ пересылкою.

Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). **Владиміра К**
Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

О пьянствѣ. Д-ра П. С. Алексѣева. Съ пре
Толстого: Для чего люди одурманив
пересылкою.

Нашихъ полей ягоды. Романъ. **М. Анютин**
1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подпис
за пересылку не платятъ.

Пятигорскія и съ ними смежныя минер
докторъ медицины **В. С. Богословскій**
университета. Цѣна безъ пересылки 1 р.
Подписчики на «Русскую Мысль» за пер

Вопросы дня и жизни. В. А. Гольцева.
«Русская Мысль». Цѣна 1 р., съ пересы

Складъ изданій въ конт
«РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Мос
онтьевскаго пер. и Болы
ул., д. № 2—2

This book should be returned to
Library on or before the last date
mped below.
A fine of five cents a day is incurred
retaining it beyond the specified
e.
Please return promptly.